ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ • ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Главный редактор
Мария Аксёнова

Главный художник
Елена Дукельская

Ответственный редактор 4-го издания тома
Дмитрий Володихин

Научные редакторы 4-го издания тома
Ольга Елисеева
Вадим Прозоров
академик РАЕН
Виталий Шеремет

Совет директоров
Мария Аксёнова
Георгий Храмов

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

ТОМ
1

ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ

Москва
«Аванта+»
1999

УДК 087.5:94(031)
ББК 63.3(0)я2
Э68

UNITED NATIONS EDUCATIONAL SCIENTIFIC AND CULTURAL ORGANIZATION

INTERNATIONAL CENTER OF EDUCATIONAL SYSTEMS
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ОБУЧАЮЩИХ СИСТЕМ
CENTRE INTERNATIONAL DES SYSTEMES D'EDUCATION

ICES
UNDP
Reg. N 05973

МЕЖДУНАРОДНАЯ КАФЕДРА–СЕТЬ UNESCO/ICES
"ПЕРЕДАЧА ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ"

Рекомендовано Международным центром обучающих систем (МЦОС) и международной кафедрой-сетью ЮНЕСКО/МЦОС в качестве учебного пособия.

Все тома, вышедшие в серии «Энциклопедия для детей», рекомендованы Управлением общего среднего образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации.

Ассоциация книгораспространителей Независимых Государств, Московский городской Дворец творчества детей и юношества, Московский детский фонд, Государственная республиканская детская библиотека наградили в конкурсе на лучшую книгу года издательское объединение «Аванта+» дипломом от 29.03.99 за лучший издательский проект года для детей и юношества.

За профессиональное издательско-полиграфическое исполнение «Энциклопедии для детей» Государственный комитет Российской Федерации по печати наградил «Издательский центр „Аванта+“» дипломом от 04.09.97.

Оргкомитет XI Московской Международной книжной ярмарки, Генеральная дирекция международных книжных выставок и ярмарок наградили издательское объединение «Аванта+» дипломом от 02.09.98 как победителя в номинации «Самый массовый познавательный проект 1998».

Энциклопедия для детей. Т. 1. Всемирная история. —
Э68 4-е изд., испр. и перераб./Глав. ред. М.Д. Аксёнова. —
М.: Аванта+, 1999. — 688 с.: ил.
ISBN 5-8483-0003-8 (т. 1)
ISBN 5-8483-0001-1

Авторы статей данного тома — профессионалы-историки. Написанные живым, образным языком, доступным для восприятия детей 10—14 лет, статьи посвящены наиболее важным этапам мировой истории — от появления человека на Земле до событий конца XX в. Основной принцип издания — строго научная, свободная от политических пристрастий оценка исторических событий. Через историю отдельных стран, народов и отдельных личностей в книге показана история человеческой цивилизации. Большой блок статей посвящён истории древнего и средневекового Востока. В книгу вошли богато иллюстрированные статьи по военному делу всех периодов истории.

Том рассчитан на детей среднего и старшего школьного возраста, их преподавателей и родителей.

УДК 087.5:94(031)
ББК 63.3(0)я2

«Издательский центр „Аванта+“» является правообладателем настоящего издания. Использование издания в целом или любой его части без разрешения «Издательского центра „Аванта+“» влечёт ответственность в соответствии с действующим законодательством.

ISBN 5-8483-0003-8 (т. 1)
ISBN 5-8483-0001-1

© «Издательский центр „Аванта+“», 1997

К ЧИТАТЕЛЮ

У большинства людей при слове «история» в сознании рождаются привычные образы: старинные толстые книги в кожаных переплётах, выцветшие от времени документы, хранящиеся в архивах, тихие музейные залы, где доживает свой век оружие, которому более не суждено убивать, одежда, которую никто не станет носить, посуда, которой никогда больше не коснётся кухонный чад... Короче говоря, история — это случайно сохранившиеся до нашего времени следы давно ушедших людей и минувших событий. Именно поэтому обычно люди интересуются далёким прошлым лишь от случая к случаю — хватает забот дня сегодняшнего.

Всерьёз погружены в историю лишь неисправимые романтики. Их мысли занимают рыцарские подвиги во имя прекрасных дам, старинные пиратские клады, отчаянная отвага маленького генерала Наполеона Бонапарта, который повёл за собой в атаку оробевших солдат в безнадёжно проигранной битве на Аркольском мосту и вырвал победу у врага...

Но помимо истории обыденного сознания, доступной для всех и каждого, существуют ещё история учёных, история политиков, история художников.

Имеется особая группа людей, которым история отдана как бы во владение, — учёные-историки, посвятившие жизнь сохранению памяти о прошлом человечества. Именно они — главные люди в архивах, библиотеках и музеях. Именно они незаметно навязывают всем остальным *образцы прошлого.* Именно они, изучая древние рукописи и найденные при археологических раскопках предметы, стремятся построить из разрозненных фактов целостную картину давно минувших эпох. В этой группе людей наибольшим влиянием и почётом пользуются те учёные, которые смогли отвлечься от забот современности, изгнать её из своего сознания и из своих чувств, чтобы, не дай Бог, волнения нынешнего дня не наложили отпечатка на представления о дне вчерашнем. История для них — строгая наука, не менее строгая, чем физика, а потому излишние эмоции нежелательны, так как они мешают истинному знанию.

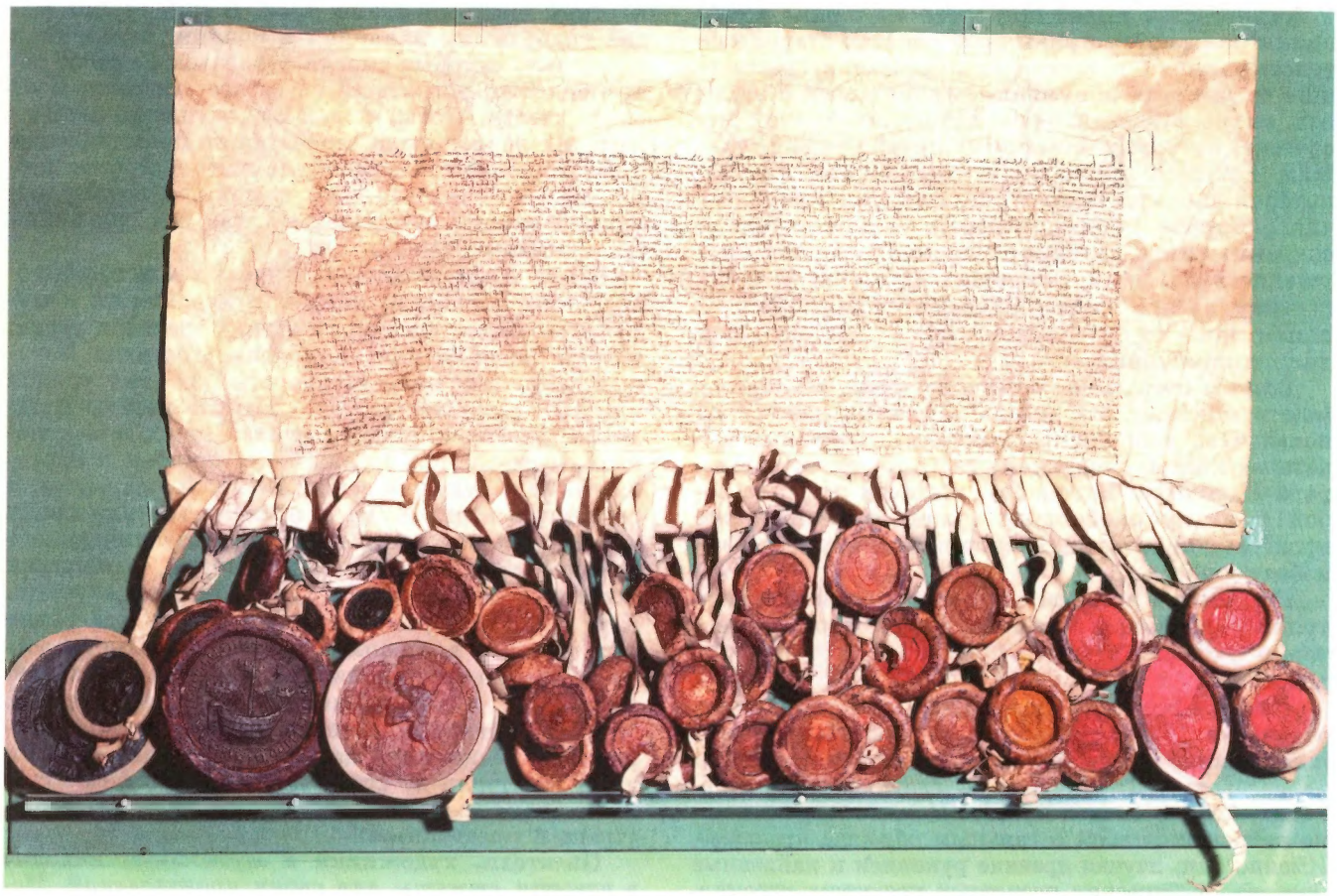
Кроме профессиональных учёных к истории обращаются политики, писатели, художники и музыканты. Политики ищут в давних временах *уроки*: почему погибло или, напротив, достигло могущества то или иное государство, почему удался или был раскрыт заговор... Изучив взлёты и падения государственных деятелей иных веков, политики стараются избежать их ошибок в настоящем. Так, будущие вожди Великой французской революции конца XVIII в. прилежно штудировали в дни своей молодости историю республиканского Древнего Рима и Римской империи, замышляя схватку с могущественной королевской властью. Для тех, кто стремится управлять — всё равно чем: банком, концерном, армией или государством, история «есть политика, опрокинутая в прошлое», как писал известный советский историк М. Н. Покровский. Именно поэтому уроки истории так редко идут впрок властителям — они ищут в истории не истины, а подтверждения своим тайным мыслям и желаниям, нередко корыстным и преступным.

Писатели, художники и музыканты находят в истории *сюжеты* для своих произведений. История служит для них своеобразной сокровищ-

ницей, из которой они черпают рассказы о бунтарях и влюблённых, о героях и предателях, о принцах и нищих. Когда в Германии пришли к власти национал-социалисты во главе с Гитлером и начали создавать Империю германской нации, писатель Лион Фейхтвангер написал роман о том, как в Древнем Риме пытался захватить власть самозванец, скрывавшийся под именем убитого заговорщиками императора Нерона. Оноре де Бальзак и Лев Толстой, много размышлявшие о судьбах французской аристократии и русского дворянства, в лучших своих произведениях воссоздавали эпоху наполеоновских войн. Великий немецкий композитор Рихард Вагнер, расцвет творчества которого пришёлся на вторую половину XIX в., сюжеты для своих грандиозных опер брал из древней мифологии германских племён. Создатели великих произведений искусства воспринимают историю *как материал* для своего творчества и стремятся найти ответы на жгучие вопросы современности, в какие бы дебри прошлого ни забирался творец. В XV—XVI вв. итальянские философы, поэты, художники, скульпторы как одержимые буквально по крупицам собирали сведения о культуре античной Греции и Рима, благодаря чему эта эпоха получила название «Возрождение». Но античность интересовала Микеланджело и Леонардо да Винчи, Макиавелли и Медичи лишь потому, что позволяла ощутить себя *освобождённым* от моральных и социальных норм, установленных Католической Церковью, и это давало право на *поступок*, *свершения*, *творчество*.

Порой талант писателя или художника, взявшегося за исторические сюжеты, бывал столь велик, что впоследствии многие поколения воспринимали целые эпохи не по трактатам историков, а через призму произведений искусства. До сих пор времена рыцарей весь мир знает прежде всего по романам Вальтера Скотта, а при словах «стрелецкие бунты» какой русский не вспомнит картину Сурикова «Утро стрелецкой казни»!

И всё же, история — это не только мёртвое прошлое, не только материал, из которого люди настоящего могут лепить всё, что им вздумается. История — это процесс, который начался с появлением первых людей на планете и который прекратится только с их исчезновением. История всегда окружает человека и присутствует в нём самом, но она настолько *привычна*, что уловить её взглядом, слухом или мыслью бывает совсем непросто. Это можно пояснить на примере. Во всех разви-



Мирный договор, заключённый в 1411 г. между Тевтонским орденом и Польшей.

Росписи в древнеиндийском пешерном монастыре в Аджанта.

тых странах мира наиболее престижным считается образование, полученное в крупных учебных и исследовательских центрах, называющихся университетами. А возникли они в далёкие времена Средневековья, которое многие традиционно именуют «мрачным». Знаменитые названия «Оксфорд» и «Сорбонна» уже тогда ласкали слух и властно манили к себе поклонников *знания*. А если углубиться ещё дальше, то истоки университета обнаруживаются в Древней Греции, где создал свою Академию великий философ Платон, исповедовавший гармоничное развитие человека, который, по его мнению, должен быть полноценным как интеллектуально, так и физически. Именно поэтому античные греки изучали математику и философию, чередуя эти занятия с физическими упражнениями и игрой на музыкальных инструментах. В средневековых университетах студенты и профессора тоже не только спорили о том, «сколько ангелов способно поместиться на кончике иглы» или как точнее

распознать «одержимого дьяволом», но и занимались медициной, астрономией, математикой... А сейчас будущие экономисты одновременно с основной дисциплиной изучают историю, психологию, точные науки и защищают честь своих университетских спортивных команд на бейсбольных полях и боксёрских рингах. Так как же — жива история или мертва? История окружает и формирует людей постоянно. Большинство человеческих коллективов, населяющих планету, объединено в государства, а ведь этот способ организации общества возник в незапамятные времена в странах Древнего Востока. Большинству юношей приходится проходить военную подготовку в рядах армий своих государств, и армии также возникли в древности, как и понятия «защита страны» и «внешний враг», как стратегия, тактика и воинская дисциплина. Утверждается, например, что способы разведки впервые были описаны в Библии, а то и в Древнем Китае...

Примерами можно заполнить тысячи книг. Однако важно уяснить, что история — это то, что с человеком было раньше, то, что окружает его сейчас и то, что станет историей в неведомом завтра. Но история не только окружает людей; она существует и внутри них, в каждом человеческом «я», только в глубинах сознания она прячется ещё более тщательно. Искать её следы в самом себе бывает трудно, часто — неприятно, иногда — страшно.

До сих пор учёные, политики, да и просто обычные люди изумляются тому, как в XX в., в Германии, в стране, давшей миру величайших мыслителей — Лютера и Гёте, Гегеля и Эйнштейна, — к власти смогла прийти партия национал-социалистов, которая устраивала на площадях костры из книг, которая превратила Европу сначала в арену

Провозглашение Германской империи в Версале. 1871 г.

Похороны Махатмы Ганди.

кровавой войны, а затем в гигантский концентрационный лагерь. Когда в мае 1945 г. режим Гитлера рухнул, крупнейший немецкий историк Фридрих Мейнеке мучительно размышлял о том, почему же он, интеллектуал и учёный, а также сотни и тысячи его немецких собратьев пошли за фюрером Адольфом Гитлером, убеждая себя и миллионы соотечественников, что другого пути у Германии нет. Мейнеке, и не он один, мучился своей виной до самой кончины. А ведь можно вспомнить, как долго немцы не имели своего единого государства, которое могло бы защищать их от врагов, покровительствовать промышленности и культуре. Единая Германская империя возникла только в 1871 г. Большинство жителей империи восприняли её рождение как дар Бога, который наконец смилостивился над несчастными немцами. В сознании миллионов людей подспудно жила мысль, что государство, коллектив выше интересов отдельной личности, выше всего на свете, что созданную наконец империю, собранную воедино нацию надо постоянно оберегать, защищать и укреплять, помня о тех временах, когда любой завоеватель чувствовал себя в Германии как дома. Гитлер обещал соотечественникам создать могущественное государство, и тогда историческая память немцев, униженных после поражения в Первой мировой войне 1914—1918 гг., сработала: нация пошла за тем лидером, который воплощал в себе мечты многих поколений. Ну а сейчас история также живёт в сознании возрождённой Германии. Немцы не любят говорить о событиях 1933—1945 гг., но, когда в 70-е гг. Европу захлестнула волна международного терроризма, именно секретные службы ФРГ наиболее жёстко и эффективно громили тайные организации убийц — никто в республике более не желал возвращения в *ту историю*.

Другой пример связан с США. Это молодая страна и молодой народ, их историческая судьба насчитывает немногим более 200 лет. Но история живёт в сознании американцев. В США созданы первоклассные вооружённые силы, прекрасная полиция и разведка. Но в большинстве штатов население *вооружено*. Кольты, браунинги, винчестеры хранятся в особняках и квартирах. Многие американцы не собираются использовать их, но привыкли, чтобы оружие было под рукой. Они привыкли к этому со времён первых переселенцев, которые вели войну с индейскими племенами, с бандитами и друг с другом. Тогда у Федерального правительства не хватало сил и средств для защиты населения, и культ нередко становился единственным средством для защиты жизни и достоинства. В некоторых штатах до сих пор нечего и думать об отмене закона о свободной продаже оружия — ничего не выйдет, этого оружия *история* просто так не отдаст.

Итак, история существует как вокруг людей, так и внутри них, в глубине сознания. Остаётся сделать единственно логичный вывод — человечество не просто живёт на планете Земля, человечество *живёт в особой реальности, имя которой — История*.

Споры о том, что такое человек, шли, идут и будут идти вечно. Однако имеется одно очень важное свойство человека — его способность создавать свой, особый мир и жить в нём. Все существа, обитающие на нашей планете, вынуждены так или иначе приспосабливаться к природным условиям. Для них природа — владыка, иногда милостивый, иногда жестокий, но всегда владыка всесильный, абсолютный. Человек же оказался той частью биосферы, которая взбунтовалась против этого владыки, и бунт оказался успешным. Человек берёт у природы её силы, её богатства, чтобы созидать свой собственный, *личный* мир, в котором всё сделано его руками: огромные города, машины, новые виды растений, тысячи и тысячи предметов, подвластных его воле. Вот эта реальность, созданная человеком за тысячелетия, медленно и с громадными трудами, именуется историей. Она сосуществует с природной реальностью, переплетается с ней: с реальностью ураганов, цунами, извержений вулканов, наводнений и засух. Уйти из истории назад к природе люди большей частью уже не могут — не способны выжить в пещерах, в пустынях и джунглях, как это умели их далёкие предки. Не только не могут, но и *не хотят* — история не отпускает от себя. Легко представить себе такую ситуацию: первобытное племя рискнуло выйти из горных пещер на равнину, построило первые дома. Следующее поколение родилось в них — и уже невозможно заставить его вернуться в сырые холодные пещеры. Многие творения рук человеческих губят природу, угрожают и самому человеку, но отказаться от них уже нельзя — весь созданный человеком мир может тогда разрушиться. Недаром человечество иногда сравнивают с волшебником, который своим даром разбудил могучие силы, а справиться с ними не может.

Этот том озаглавлен — «Всемирная история». Понятие о всемирной истории возникло не так давно — приблизительно в XVII в. Древнегреческий историк Геродот, прозванный Отцом Истории, знал и писал историю только античной Греции. Остальные народы были для него варварами, не знакомыми с достижениями греческой цивилизации, а потому лишённые истории. Такую же позицию занимали историки Древнего Китая. Великая Китайская стена как бы делила для них мир на две части: Китай являлся средоточием культуры и знания, остальные народы, лишённые этих даров, были лишь неполноценными дикими племенами.

Не стоит обвинять историков прежних времён в высокомерии. В те далёкие времена очаги цивилизации были слишком малочисленны и разобщены, чтобы познавать друг друга с необходимой полнотой. Постепенно истории отдельных, замкнутых в себе цивилизаций начали сближаться, пока не слились в один поток. Сближение проходило очень медленно, очень трудно, иногда — трагично. Первыми связями между странами, народами и цивилизациями стали *войны, торговля и знания*. Испанские конкистадоры уничтожили многие индейские государства Южной и Центральной Америки, хотя и открыли для Европы прежде неведомые земли. Германские племена смели́ ослабевшую Римскую империю, но, строя на её развалинах свои государства, сохранили память о Риме для грядущих поколений. Создавая свою философию, Платон интересовался таинственными учениями древнеегипетских жрецов.

С того момента как человечество начало творить историю, его представители размышляют о том, по каким законам их творение живёт и развивается и есть ли они вообще, эти законы? Во времена Древнего Востока, Индии и античной Греции считалось, что мир живёт по законам *цикла*. Вселенная и человек рождаются, развиваются, достигают высшей точки в своём развитии — её часто именовали золотым веком, — а затем погибают, чтобы через некоторое время возродиться вновь. Современная наука воссоздала эти учения в виде теории борьбы двух начал: *энтропии* (стремления к распаду) и *негаэнтропии* (стремления к единству). В Средние века господствовала точка зрения, что история, как и человек, есть творение Бога, который предоставил людям возможность свободно познать его, пройдя через ошибки, заблуждения, даже преступления. Когда человечество познает истинного Бога, земная история прекратится — она просто будет больше не нужна. Начиная с XVIII в. возникают представления о *научных* законах истории. Споры затянулись на три столетия и продолжаются в наши дни. В упрощённом виде позиции спорящих можно изложить в следующем виде. Одни утверждают, что историей правит человеческий разум (индивидуальный или коллективный), другие считают, что история сама управляет разумом и поступками как отдельных личностей, так и целых народов через экономику, политику или культуру. Сейчас, в канун третьего тысячелетия, так и не найден ответ на вопрос: человек диктует правила игры своему созданию или наоборот?

Есть ли смысл в этих спорах, стоит ли принимать в них участие? Если стремиться к творчеству — в любой сфере деятельности — сто́ит непременно. Любой вид творчества предполагает наличие позиции, а позиция предполагает знание — пусть даже неполное.

Именно этой цели и служит «Энциклопедия для детей» — не навязывать определённую точку зрения, а дать читателю сумму фактов и спектр суждений, чтобы он мог выбирать или создавать нечто своё, личное и потому — неповторимое и свободное.

Первобытный мир

ВВЕДЕНИЕ

В истории человечества есть два периода — первобытный и период существования сложно организованных, классовых обществ. Первый из них длился много сотен тысяч лет, второй — совсем недолго. В первобытное время человек стал человеком в полном смысле слова, возникла его культура. Коллективы людей были относительно небольшими и просто организованными, с примитивным бытом, поэтому они и называются первичными — первобытными. Сначала люди для того, чтобы добыть себе пищу, занимались собирательством и охотой, пользуясь каменными орудиями. Потом они начали сами выращивать нужные растения, разводить домашних животных, строить жилища, создавать поселения.

Люди в первобытных общинах были равными по своему положению, имели одинаковые права и обязанности, среди них не было богатых и бедных. Отношения между семьями и отдельными людьми определялись родственными связями, и нормой в этом обществе была помощь и взаимная поддержка.

По материалам, из которых люди изготавливали орудия, археологи делят историю на три «века»: каменный, бронзовый и железный. Самым долгим был каменный век — он начался около 2,5 млн лет назад, а закончился за 3 тыс. лет до н. э. Бронзовый век длился более 2,5 тыс. лет, а приблизительно в середине II тысячелетия до н. э. наступил железный век, в котором живём и мы. Эти века, особенно бронзовый и железный, наступили в разных районах Земли не одновременно: где-то раньше, где-то позже. Самый долгий период — каменный век — делится на несколько эпох: древний каменный век, или палеолит (2,5 млн—12 тыс. лет назад), средний каменный век, или мезолит (12—8 тыс. лет до н. э.), новый каменный век, или неолит (8—3 тыс. лет до н. э.).

Итак, большая часть истории человечества приходится именно на период первобытности. Цифры мало что говорят нашему воображению. Если этот колоссальный период спрессовать до суток, то окажется, что в начале суток (в 0 ч) люди, ещё сохранявшие признаки своих предков-животных, стали делать первые орудия. «Человек выпрямленный», питекантроп, жил между 14 и 19 ч, а древняя разновидность «человека разумного», неандерталец, — между 19 ч и 23 ч 30 мин. Поздний период каменного века — неолит — начался совсем близко к концу суток, в 23 ч 55 мин. В 23 ч 56 мин начался бронзовый век, а государства с их городами, письменностью, постоянно развивающейся техникой и сложно организованным обществом появились, да и то лишь на крохотных пятачках Земли, всего 3 мин назад.

Сейчас трудно поверить в это, но чуть более 100 лет назад люди считали, что их облик оставался неизменным с момента появления человека. Конечно, было хорошо известно, что по культуре, образу жизни, обычаям разные народы отличаются друг от друга. Но всех их считали потомками первого мужчины и первой женщины, которых создали боги, независимо от того, были ли это боги христиан, мусульман или последователей учения Будды. Когда при раскопках находили человеческие кости, отличающиеся от современных, их считали останками особенно сильных людей или, наоборот, больных. В 40-егг. прошлого века в Германии были найдены кости одного из предков современного человека — неандертальца, которые приняли за останки русского казака, участника наполеоновских войн, а один почтенный учёный сказал, что это кости больного старика, которого к тому же несколько раз ударили по голове.

В 1859 г. была издана книга Чарлза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора», в которой не говорилось о происхождении человека, но высказывалось предположение, что человек, подобно другим живым существам, тоже мог изменяться, развиваться от более простых к более сложным формам. С этого момента началась борьба между теми, кто считал возможным происхождение человека от обезьяны, и их противниками. Конечно, речь шла не об известных нам гориллах, шимпанзе или орангутанах, а о каких-то вымерших видах, предках, общих для человека и обезьян.

ПЕРВОБЫТНЫЙ МИР

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

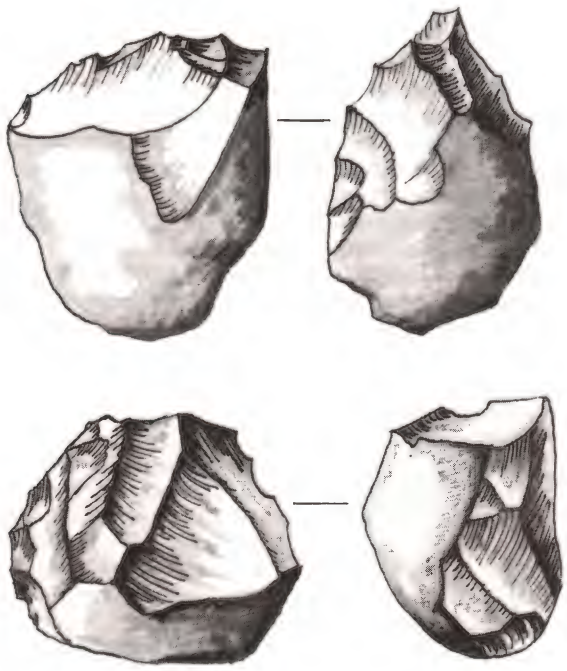
В XIX в. остатков скелетов древнейших людей было известно очень мало. Сейчас их обнаружено множество. Самые древние найдены в Африке, поэтому считают, что именно на этом континенте эволюция человекообразных обезьян, продолжавшаяся много миллионов лет, привела к появлению человека. 3,5—1,8 млн лет назад по степям Африки уже бродили существа, которых назвали австралопитеками — южными обезьянами. У них были небольшой мозг и массивные челюсти, но они уже могли передвигаться в выпрямленном положении и держать в руках палку или камень.

Учёные считают, что первые каменные орудия появились около 2,5 млн лет назад. Это были

камни с острыми краями и отщепы от них. Такими орудиями можно было срезать ветку, снять шкуру с убитого животного, расколоть кость или выкопать из земли корень. Тот, кто изготовил их, получил наименование «человек умелый» (homo habilis). Сейчас его считают первым представителем человеческого рода.

«Человек умелый» передвигался на ногах, а кисти его рук уже были приспособлены для того, чтобы не только держать палку или камень, но и изготавливать орудия. Говорить эти древнейшие люди ещё не умели, подобно обезьянам, они подавали друг другу сигналы криками, жестами, гримасами. Кроме растительной пищи они ели мясо животных, на которых, вероятно, охотились. Их группы были небольшими и состояли из нескольких самцов, самок с детёнышами и подростков.

Около 1 млн лет назад появился новый вид — «человек выпрямленный» (homo erectus), питекантроп, т. е. обезьяночеловек. Это существо внешним видом всё ещё напоминало своих предков — животных. Оно было покрыто шерстью, имело низкий лоб и сильно выдающиеся вперёд надбровные дуги. Но его мозг был уже довольно большим, приближаясь по величине к мозгу современного человека. «Человек выпрямленный» научился делать различные орудия из камня — крупные рубила правильной формы, скребки, резцы. Такими орудиями можно было рубить, резать, строгать, копать, убивать животных, снимать с них шкуры, разделывать туши.



Орудия раннего палеолита.

Развитие трудовых навыков, способность мыслить, планировать свою деятельность позволили этим людям приспособиться к жизни в разных климатических условиях. Они жили в холодных областях Северного Китая и Европы, в тропиках острова Ява, степях Африки. Во время существования «человека выпрямленного» начался ледниковый период. Из-за образования ледников понизился уровень Мирового океана, между разделёнными прежде водой участками суши возникли сухопутные «мосты», по которым люди смогли проникнуть, например, на остров Ява, где были найдены первые кости питекантропа.

Стоянки располагались по берегам рек и озёр, в местах, где обитали большие стада животных. Питекантропы иногда жили и в пещерах, но не в глубине, где было опасно, а у выхода. Смелые охотники, добычей которых были крупные и сильные животные, загоняли стада оленей, быков, слонов на обрывы, в овраги или ущелья, где и убивали их копьями и камнями. Добычу делили между всеми. Первобытные люди начали пользоваться огнём, который согревал их, защищал от зверей и помогал охотиться. На огне начали готовить пищу, которую прежде ели сырой.

Охота на крупных животных, защита от опасностей, переселение на новые территории — всё это требовало объединённых усилий многих людей. Их коллективы должны были быть достаточно многочисленными и сплочёнными. Усложнение образа жизни привело к тому, что старшие стали обучать младших и подростки дольше, чем прежде, оставались с родителями и сородичами. Эти люди уже умели говорить. И всё же и их физическое развитие, и развитие культуры шло очень медленно: питекантропы, как и создававшиеся ими каменные орудия, почти не изменяясь, просуществовали около 1 млн лет.

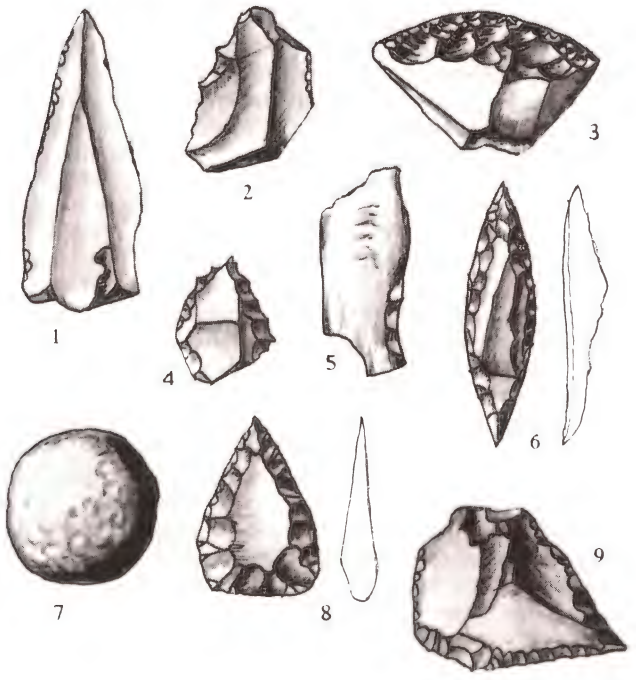
НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

Ледник то наступал с севера, то отступал; климат поэтому стал холоднее, а в южных районах — более влажным. Природа ставила перед людьми всё новые задачи, которые они могли решить, только развивая свою ещё очень простую культуру, накапливая и анализируя опыт. Воздействие природного окружения и усложнение деятельности людей привели к появлению около 250 тыс. лет назад древней разновидности «человека разумного» — неандертальца (по названию германской долины Неандерталь, где впервые были обнаружены его останки). Он уже мало отличался от современного человека, хотя был грубо сложен, имел низкий лоб и скошенный подбородок. По словам одного учёного, с таким существом ему не захотелось бы встретиться ночью в городском парке. Но эти люди обладали более живым умом и лучше приспосабливались к тяжёлым условиям ледниковой эпохи, чем их предшественники — питекантропы, которые в конце концов вымерли.

Неандертальцы стали заселять прежде безлюдные области юга Европы, Азии, Африки. Предприимчивые и смелые, они отваживались забираться в пещеры, куда уходили на зимнюю спячку огромные пещерные медведи. Высота этих зверей достигала 2,5 м, длина — 3 м, и таких крупных животных убивали люди, вооружённые копьями, камнями, дубинами. Огромные скопления медвежьих костей найдены в пещерах Германии, Швейцарии, Австрии и других стран.

Неандертальцы усовершенствовали орудия, изобретённые питекантропами: их форма стала более правильной и разнообразной. Неандертальцы носили одежду из шкур и умели строить простые жилища, а около 60 тыс. лет назад научились добывать огонь. Ускоряются темпы развития: техника обработки камня совершенствуется теперь гораздо быстрее, чем прежде. Вспомним, сколько времени существовали орудия питекантропов, а орудия, изготовленные неандертальцами, были в обиходе 70 тыс. лет, после чего их сменили более совершенные.

О довольно высоком уровне развития неандертальцев и их культуры можно судить по тому, что орудия в разных областях земли, населённых ими, уже не были такими одинаковыми, как прежде. В это время начинает складываться одна из особенностей культуры человечества — её разнообразие. В это же время появляются некоторые признаки физических отличий обитателей разных областей, формируются расы.



Орудия среднего палеолита:
1, 6, 8, 9 — острия; 2 — резец; 3 — скребок; 4 — проколка;
5 — костяное орудие для обработки камня;
7 — метательный камень.

Гарпун.

Отношения между людьми в группах, которыми жили неандертальцы, становятся всё прочнее. Понимая, что принадлежат к цепочке сменяющихся поколений, люди стали хоронить своих умерших. Некоторые животные тоже не бросают своих умерших сородичей: например, слоны забрасывают их ветками. Может быть, прятали своих покойников и предки неандертальцев. Люди специально рыли ямы, куда клали умерших. Часто погребения, причём многочисленные, делали в пещерах. Хоронили всех — женщин, детей, старых охотников. Нередко такие погребения окружали камнями, в них оставляли оружие, череп какого-нибудь небольшого животного, даже цветы. Останки посыпали красной охрой или клали кусочки этого минерала рядом с умершим. Вероятно, красный цвет уже тогда воспринимали как цвет жизни.

Люди не только осознали необходимость заботиться о слабых и больных, но и получили возможность это делать. Для того чтобы тяжело раненный человек выздоровел, о нём необходимо было заботиться, делиться с ним пищей. В погребениях находят скелеты явно тяжело больных людей, а в одном из них обнаружили останки мужчины без руки. Значит, люди уже могли добывать столько пищи, чтобы прокормить не только подрастающих детей, но и слабых, больных, стариков. Наверное, в таких условиях начали складываться представления о хорошем и плохом в отношениях людей, т. е. моральные нормы.

Неандертальцы были первыми людьми, о которых можно сказать, что они совершали какие-то обряды. В пещерах находят специально собранные и даже расставленные в определённом порядке черепа медведей. Около них, видимо, и происходили эти обряды. Примечательно, что особым образом относились и к черепам людей: обнаружены отдельные захоронения черепов в специальных ямах. Конечно, нам трудно представить, что происходило в пещерах вокруг этих черепов. Нет возможности судить об этом и по обычаям даже самых отсталых современных племён, ведь неандертальцы были нашими вымершими предками и особенности их восприятия мира отличались от мироощущения более развитых людей. Можно предполагать, что охотники-неандертальцы считали себя родственниками медведей, как люди более поздних эпох, верившие в своё родство с разными видами животных. Такие представления называют тотемизмом. Скорее всего неандертальцы верили в магические силы — возможность воздействовать на людей или другие существа с целью добиться от них желаемых поступков. Магические действия

требуют присутствия не того, к кому ты хочешь обратиться, а его символической замены: изображения или чего-либо принадлежащего ему — волос, кусочка одежды. Можно поговорить с изображением — и это существо сделает то, что ты хочешь. Волосы врага можно сжечь — и он заболеет и умрёт. Такие простейшие представления уже могли быть у неандертальцев.

«ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ»

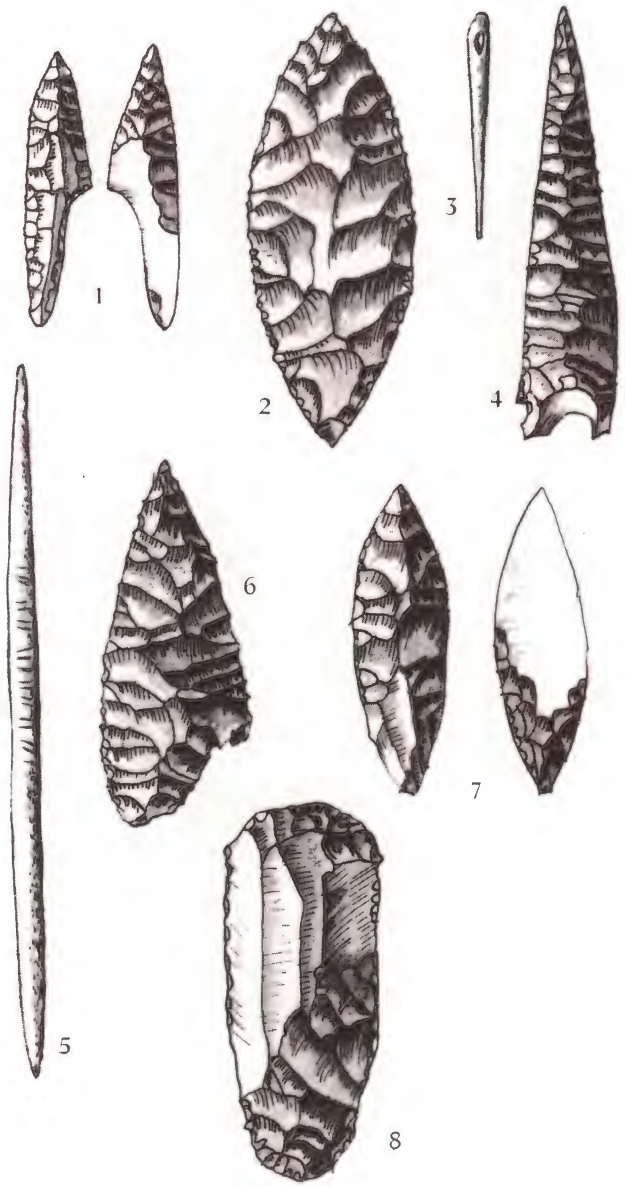
Сейчас ещё не совсем ясно, как происходила смена неандертальца человеком современного типа. Известно, что он появился как бы внезапно в Европе, Юго-Восточной Азии и Африке. В Палестине найдены скелеты неандертальцев более развитых по сравнению с другими своими сородичами, уже обладавших признаками человека, которого прежде называли кроманьонцем, а сейчас предпочитают более общее название — «человек современного типа». (Его называют по-латыни homo sapiens sapiens — как бы «человек дважды разумный» по сравнению с неандертальцем, который лишь homo sapiens neandertalensis — «человек разумный неандертальский».) Люди, вытеснившие неандертальцев 40—30 тыс. лет назад, уже не имели черт, придававших их предшественникам несколько звероподобный облик: их руки стали менее мощными, лоб — более высоким, у них появился подбородочный выступ.

Появление человека современного типа совпадает с началом последнего периода древнего каменного века — около 35 тыс. лет назад. В эту эпоху, продолжавшуюся недолго по сравнению с предыдущими, всего 23—25 тыс. лет, люди заселили все континенты, кроме, разумеется, Антарктиды. По возникшим благодаря оледенению «мостам» они проникли в Австралию. Это случилось, как полагают, около 20 тыс. лет назад. Вероятно, 40—10 тыс. лет назад была заселена Америка: один из путей проникновения туда людей — дно Берингова пролива, которое было сушей. Таким образом, настоящими открывателями новых континентов стали отнюдь не европейские мореплаватели, а люди каменного века.

В ту пору очень высокого уровня развития достигла техника изготовления каменных орудий. Многие из них теперь изготовляли из пластин правильной формы, которые отделяли, «отжимали» от ядрищ призматической формы. Пластины разных размеров подвергали дополнительной обработке, притупляя края или снимая с помощью костяного либо деревянного инструмента тонкие чешуйки с поверхности. Самым пригодным камнем для изготовления орудий был кремень, который часто встречается в природе. Использовали также другие минералы, которые легко раскалывались, были достаточно твёрдыми и мелкозернистыми. Некоторые ножевидные пластины были такими острыми,

Разные способы изготовления каменных орудий.

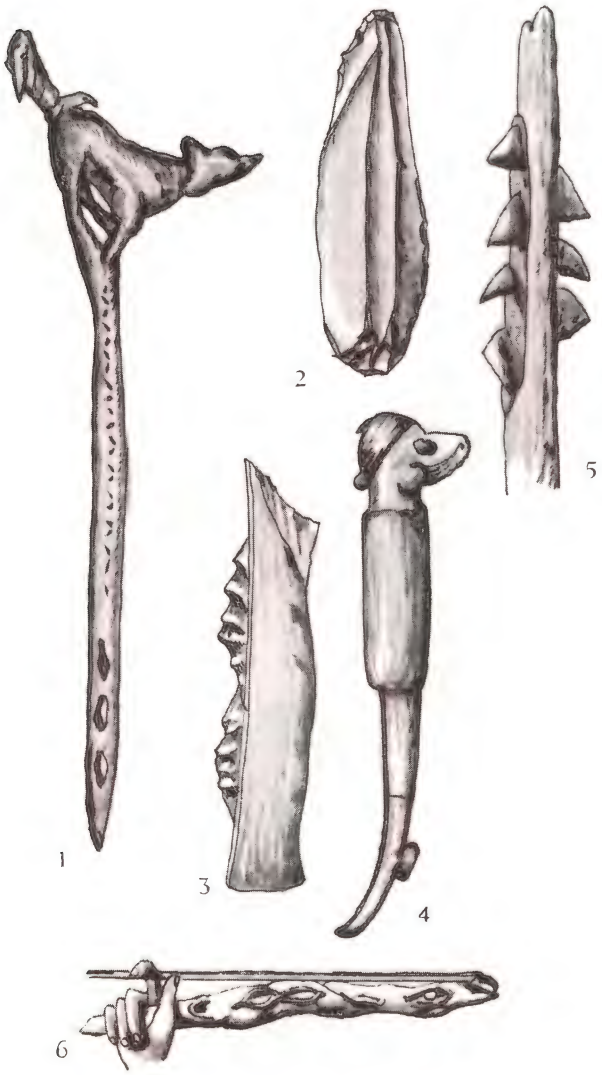
Отделение пластин.



Орудия позднего древнекаменного века:
1,7 — наконечники стрел; 2, 4, 6 — наконечники дротиков; 3 — игла; 5 — проколка; 8 — скребок.

что ими можно было бриться. Техника изготовления орудий и оружия стала виртуозной. Именно в то время сложились формы многих вещей, которые потом стали делать из металла: наконечников копий, кинжалов, ножей.

Стали широко применять костяные орудия — шилья, иглы. Из кости и рога делали приспособление, позволявшее увеличивать дальность полёта копья, — копьеметалку. Костяные изделия украшали резьбой — орнаментом или изображениями животных, что, как полагали, придавало им особую силу. В эту эпоху в некоторых местах появился лук. Всего сейчас известно около 150 типов каменных и 20 типов костяных орудий позднего древнекаменного века.



Изделия позднего древнекаменного и среднекаменного века:
1 — навершие жезла; 2 — орудие из каменной пластинки;
3, 4 — жатвенный нож и основа для жатвенного ножа;
5 — гарпун; 6 — копьеметалка.

Жилище из костей мамонта.
Поздний период древнекаменного века.

Это была пора последнего оледенения. Стада мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов паслись там, где сейчас находятся Франция, Испания, территории юга России. Вслед за стадами животных перемещались общины, состоявшие из малых семей — отца, матери, детей. Охота на животных давала не только мясо, но и материал для изготовления орудий и украшений. Особенно любили наши предки ожерелья из зубов животных. Занимались они и ловлей рыбы, которой много водилось в реках и озёрах.

Люди жили теперь не только в пещерах или гротах, но и на стоянках, в прочных жилищах. Материалом для построек, вероятно, часто служили дерево и шкуры, но до нас дошли развалины полуземлянок из костей мамонтов. Из громадных костей и бивней строили каркас жилища, который покрывали затем шкурами, ветвями, частично засыпали землёй. Развалины таких больших жилищ, принадлежавших нескольким семьям, найдены при раскопках под Воронежем и на Украине.

Некоторые стороны жизни народов, которые в недавнем прошлом, до прихода европейцев, проживали в Австралии, отдельных областях Южной Азии, Южной Америки и Африки, отчасти напоминают образ жизни людей каменного века, уровень их развития. Прямо сравнивать их, конечно, нельзя: всё-таки за прошедшие тысячелетия даже столь отрезанные от цивилизации люди, как аборигены Австралии, накопили большой опыт наблюдений, развились их мыслительные способности, расширилось восприятие мира. И всё же быт этих племён и народов позволяет хоть в какой-то степени понять, как жили люди 30—20 тыс. лет назад.

Охота на бизона.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

Поздний период древнего каменного века был временем зарождения искусства. Собственно, здесь можно говорить не об искусстве вообще, а об изобразительном искусстве. Видимо, какие-то простые формы танца, пения, музыки были известны и питекантропам, и неандертальцам. Их зачатки в инстинктивных формах можно найти даже у обезьян: они могут ритмично раскачиваться и издавать как бы в такт звуки («ухать»). Но только в конце древнего каменного века у людей появилась потребность и возможность изображать, рисовать, вырезать.

Когда были найдены первые пещерные изображения животных, почти никто не верил, что так могли рисовать люди, которые жили в пещерах и пользовались орудиями из камня. И тем не менее это так. Поразительные по совершенству, меткости наблюдений изображения животных — бизонов, лошадей, мамонтов — наносили на стены и низкие потолки пещер в Испании, на юге Франции, на Урале. Участки пещер с росписями часто находятся в глубине, в полной темноте. Для того чтобы разноцветными минеральными красками нарисовать здесь эти фигуры, приходилось, видимо, освещать стены факелами и каменными «лампами» в виде ковшиков, заполненных жиром.

До сих пор учёные пытаются понять, зачем рисовали этих зверей, с какими обрядами и мифами они связаны. Можно с уверенностью сказать: в это время люди стали создателями «второй природы» — мира, который похож на видимый, но отличается от него потому, что человек видит не только глазами, но и головой, т. е. осмысливает то, что видит. Создание «второй природы» началось, конечно, ещё раньше, с того момента, когда человек не просто взял в руку палку или камень, а обработал их для своих потребностей. Однако появление изобразительного искусства — важнейший признак прогресса человечества.

Полагают, что через образы животных люди выражали какие-то важные для них представления о мире. На стенах пещер изображения людей — большая редкость. Это вполне понятно: ведь и нам в детстве бывает легче осмыслить отношения между живыми существами, пользуясь образами животных. Вспомним басни Крылова: там часто действуют животные, но ведут они себя как люди. По-видимому, так поступали и древнейшие художники: они не просто изображали бизонов или лошадей, за этими изображениями стояли какие-то известные им, но, к сожалению, не известные нам представления, быть может, предания, мифы. Чтобы изображать людей, человек должен научиться их понимать, а они представлялись ему одинаковыми, мало отличавшимися друг от друга. Община охотников была словно единое тело, в котором люди разного пола и возраста — это как бы клетки организма, не способные действовать обособленно и сильные именно благодаря тому, что все они принадлежат этому телу. Исключение составляли колдуны, которых, кстати, иногда рисовали. Но была ещё одна группа человеческих существ, которых считали необходимым изображать, — женщины. Эти таинственные существа рожали и выкармливали детей. Одни — легко, другие, недостаточно сильные, не могли справиться со столь трудными обязанностями. Их болезни, слабости создавали угрозу самому существованию коллектива. Жён брали не в своей общине, где все были родственниками, а в другой, соседней, с которой для этого налаживали хорошие отношения. Нередко жён похищали. Они воспринимались как принадлежащие не своему, а чужому миру, откуда они приходили.

Женщины — первые представители человеческого рода, которых стали изображать. В пещерах сохранилось несколько таких рисунков. Чаще

Зубр.
Пещера Ласко (Франция).
Верхний палеолит.

Тайный обряд в пещере.

СКУЛЬПТУРЫ В ПЕЩЕРЕ

Летом 1922 г. молодой исследователь Кастере вошёл в пещеру на юге Франции. По дну пещеры струился поток, а потолок по мере продвижения вперёд снижался. И вот потолок и вода сомкнулись, но Кастере не остановился. Набрав в лёгкие воздуха, он нырнул и стал продвигаться, ощупывая потолок. Когда он уже стал задыхаться, потолок вдруг поднялся, и Кастере вынырнул. Он оказался в тёмной пещере. Вернувшись туда в другой раз со свечами, он пробрался ещё дальше и на расстоянии 1,5 км от входа вошёл в зал, на полу которого в глине лежали кремнёвые орудия.

Обследовав пещеру, Кастере с удивлением обнаружил в ней грубо вылепленную фигуру лежащего медведя без головы, между передними лапами которого находились остатки настоящего черепа пещерного медведя. Неподалёку, на стене, Кастере увидел три рельефных изображения зверей, тоже безголовых, похожих на львов, которые были вырезаны в глинистых напластованиях. На стене были нацарапаны и изображения лошадей. Никто не входил в эту пещеру после охотников древнего каменного века. Всё оставалось в неприкосновенности, и даже на полу в глине сохранились следы босых ног.

Все глиняные фигуры были покрыты насечками, углублениями, сделанными как будто острым оружием. Казалось, этих животных хотели убить. Учёные полагают, что люди каменного века перед предстоящей охотой, чтобы сделать её удачной, приходили в эту пещеру для совершения тайных обрядов. Они уходили далеко от входа, в темноту, освещая пещеру факелами и жировыми «лампами». Здесь они совершали магические действия, «убивая» копьями изображения своих будущих жертв. Может быть, при этом танцевали — их следы сохранились до сих пор. Люди считали, что изображения зверей живые, поэтому делали их безголовыми и только на время обряда прикрепляли головы, а уходя, снимали их.

О том, как выглядели такие обряды, исследователи узнали из жизни и быта коренных жителей Австралии и обитателей юга Африки. Перед охотой, разрисовав себя ритуальными узорами, люди собирались вокруг изображения животного — объекта будущей охоты, изображённого на скале, земле или песке. Размахивая копьями, охотники танцевали вокруг изображения и пели, а потом бросали в него копья. Эти действия были своеобразной тренировкой, но очень велико и их психологическое воздействие на состояние людей. Совершив обряд, они приобретали уверенность в том, что охота непременно будет удачной.

предпочитали делать их скульптурные изображения. Это были маленькие, помещавшиеся на ладони фигурки из бивня мамонта, кости, камня, специально приготовленной глиняной массы. Обычно женщин изображали полными и обнажёнными — матерями, имевшими много детей. Но встречаются и фигурки стройных, изящных женщин, как будто не испытавших ещё тягот и радостей материнства. Это — молодые охотницы, такие же ловкие, как и мужчины, хотя и не такие сильные.

По всей вероятности, фигурки женщин использовали в обрядах и носили как амулеты. Они должны были оказывать магическое действие, приносить благополучие не только женщинам и детям, но и всей общине. Ведь только при изобилии пищи и спокойной жизни женщины могли рожать будущих сильных охотников.

НАЧАЛО МЕЗОЛИТА

Сменилось много поколений людей, пока ледник наконец не отступил на север. Граница вечных льдов стала такой, как теперь, а это означало, что наступило потепление. Животные, приспособленные к холодному климату, вымерли, как это случилось с мамонтом или шерстистым носорогом. Наверное, какую-то роль в исчезновении этих животных сыграли и люди, которые всё более успешно охотились на них.

С отступлением ледника (это произошло в конце X—IX тысячелетий до н. э.) началась, как говорят геологи, современная эпоха. Движение ледника на север происходило постепенно, и южные области Европы и Азии раньше, чем другие, стали благоприятными для нового скачка в развитии человеческой культуры. Люди поняли, что совсем не обязательно искать большой кусок хорошего камня, чтобы сделать кинжал или наконечник копья. Гораздо экономнее откалывать от небольших ядрищ мелкие пластинки или разделять большие ножевидные пластины на мелкие. Полученные маленькие кусочки можно вставить в костяную или деревянную основу, проделав в ней желобок. Так из небольших пластинок, укреплённых смолой в кости или деревянной палочке, можно получить большое орудие — наконечник копья, нож, пилу; эти пластинки легко закреплялись в древке стрелы. Этот способ изготовления орудий позволял экономить время и пользоваться небольшими кусочками таких минералов, как, например, полудрагоценный халцедон или агат.

Период распространения мелких каменных орудий (микролитов) получил название среднего каменного века, или мезолита (от *греч.* «мезос» — «средний», «литос» — «камень»). В разных районах Земли такие орудия появились не одновременно, а кое-где их не делали совсем: так, в Юго-Восточной Азии и в эту эпоху продолжали пользоваться крупными орудиями. Зато в других местах они дожили до эпохи металла (II тысячелетие до н. э.), как в Индии.

В эту эпоху широко распространяются лук и стрелы. Простое устройство из ветки дерева и жилы животного позволяло убивать птицу или зверя с далёкого расстояния. Убийственная сила стрелы увеличивалась, если её наконечник смачивали ядом. К сожалению, лук и стрелы были оружием и против человека. В могильниках этой эпохи находят скелеты людей с торчащими из них наконечниками стрел.

Люди добывали пищу не только на охоте. Исчезновение крупных зверей или сокращение их количества заставляло всё чаще употреблять в пищу рыбу и моллюсков. Морские побережья стали привлекать людей. Здесь можно было на мелководье убить костяным гарпуном большую рыбу, поймать много крабов, собрать моллюсков.

На стоянке охотников.

В некоторых районах жители морских побережий поедали моллюсков в таком количестве, что их раковины на протяжении многих лет образовывали огромные кучи, которые теперь изучают археологи.

Охота с луком и копьём, сбор плодов — всё это позволяло людям не так часто, как прежде, переселяться с места на место. Поэтому окрестности своих селений они знали очень хорошо. Использовали всё съедобное, внимательно присматривались к тому, как ведут себя звери, каков их нрав, когда у них появляются детёныши. Люди заметили, что из упавших на землю зёрен вырастают новые растения, причём из одного зёрнышка — целый колос. Все эти наблюдения, накапливаясь, сыграли важнейшую роль в дальнейшем прогрессе человечества.

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ

Как уже говорилось, изобразительное искусство появилось в позднем периоде древнего каменного века. Люди в то время рисовали почти одних зверей. В среднем каменном веке, наступила новая пора. На скалах и в пещерах изображают совсем другие сцены. Это не ряды зверей или стада бизонов в разных позах. Главным предметом изображения становится группа людей, именно группа, а не отдельный человек. На наскальных рисунках этого времени в Испании, Индии или на юге Африки можно видеть отряд охотников на оленей или диких быков, группы танцующих людей. Они изображены условно и не отличаются один от другого, у них нет лиц. Их движения переданы очень живо, и почти всегда можно понять, что они делают. Иногда считали нужным изобразить пышный головной убор (наверное, из перьев) или широкую юбку, сделанную как будто из пальмовых листьев. Такое внимание к одежде не случайно: это ритуальные костюмы, и люди в них не просто танцуют, а совершают важный обряд.

Глядя на такие изображения, люди видели не только себя, но и своих умерших предков, действиям которых они старались подражать, потому что считали их образцовыми. Именно эти предки много поколений назад научились охотиться и собирать мёд. С них начиналась история рода. Может быть, они были не только людьми, но отчасти и животными — такие представления прибавляли людям силы и могущества.

Как представляли себе мир охотники, рыболовы и собиратели? Что они думали о его начале и о том, как появились люди?

Начнём с того, что их и наши представления о мире очень сильно различаются. Мы знаем, что Земля — это шар, несущийся в бесконечном пространстве, что она населена множеством людей, не похожих на нас ни внешне, ни своими привычками. Мы знаем, что обладаем разумом, что мы живые, а камень или Солнце — это нечто совсем иное. Мы можем любить свою собаку или попугайчика, но понимаем, что они не такие, как мы, не только внешне: они чувствуют иначе и не умеют думать. Мы не можем себе представить, что нашим прапрапрадедом был медведь или какое-то древнее дерево в ближайшем лесу.

Знания и представления о мире людей той эпохи, да и более позднего времени, были иными, чем наши. Восстановить их помогает изучение легенд и мифов народов Австралии, Африки или Америки, которые ещё в недавнем прошлом жили охотничьими общинами. Их мир — это территория, по которой они кочуют и которую окружают другие, тоже населённые людьми территории. С соседями полезно поддерживать хорошие отношения, беря в жёны женщин из их общины, а также обмениваясь ценными вещами или сырьём — раковинами, шкурами, хорошим камнем. Но при всём том эти люди чужие, они могут быть враждебными, могут превращаться в хищных зверей и насылать болезни. В общем с ними надо вести себя осторожно.

Соседи не единственные живые существа, с которыми приходится иметь дело древней общине. Люди считали: всё, что их окружает, — от камня, скалы, озера или кузнечика до ветра и небесного светила — это живые существа. Они имеют иной облик, но ведут себя совсем как люди: переселяются, охотятся, женятся, враждуют между собой и помогают друг другу. Они умеют говорить, но язык этот понимают не все, а лишь некоторые люди — таким снятся особые сны, их посещают необычные видения, и они слышат голоса там, где другие не слышат ничего, кроме шума ветра или щебетания птиц.

Если люди считали всё вокруг себя живым, то могли думать, что они находятся в родстве, например, с камнем, радугой, не говоря уже о таких похожих на людей существах, как четвероногие животные. Несколько родственных общин охотников, обитавших на одной территории, имели общих предков. Эти общины не могли жить вместе, потому что каждая из них нуждалась в довольно большом пространстве, чтобы обеспечить себя пищей — дикими животными, рыбой, ящерицами и лягушками, съедобными растениями. Но время от времени такие группы собирались в одном месте, чтобы проводить общие обряды. Так поступали в недавнем прошлом австралийские аборигены. Во время таких обрядов в песнопениях, танцах и рисунках на скалах или на земле они воспроизводили историю своих общих предков, с которыми связывали всё самое важное в своей жизни: именно предки были изобретателями орудий и оружия, они первыми поселились на этой земле, научили людей охотиться и совершать обряды. Все обычаи возводились к временам существования предков, которые жили очень и очень давно. Однако эти таинственные существа, имевшие разный облик, продолжали оказывать влияние на жизнь своих потомков, были их помощниками.

Наскальные изображения охоты и разных обрядов показывают, что люди среднего каменного века уже не так сильно, как их предшественники, зависели от природы. Они стали осознавать эту пока ещё относительно слабую независимость, рисуя отряды охотников, способных убить крупное и сильное животное. Усилия одного человека были бы недостаточными для того, чтобы справиться с трудностями жизни, и поэтому сородичи помогали друг другу во всём.

НАЧАЛО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА

Люди среднего каменного века всё больше внимания уделяли сбору съедобных растений, причём не всех подряд, а тех, которые давали больше плодов и которые было легче собирать. Среди них были прародители современных злаков — пшеницы, ячменя, риса, которые в некоторых районах Азии произрастали на больших площадях. В Америке внимание людей особенно привлекали кукуруза, бобовые, картофель, томаты, а обитателей островов Тихого океана — различные съедобные клубни вроде ямса или таро.

Очень полезными оказались злаки. Их зёрна содержали питательные вещества и хорошо насыщали. Такие зёрна можно было дробить, при добавлении воды они размягчались и становились похожими на кашу. Их также растирали между двумя камнями и получали муку, которую смешивали с водой, а из полученной массы на раскалённом камне выпекали самую простую лепёшку. Зёрна можно было запасать впрок, что очень важно — ведь не всегда охота оказывалась удачной, а дикие плоды растений можно собирать только в определённое время года. И мясо, и такие плоды сохранить гораздо труднее, чем хорошо просушенное зерно. Накопив его запас, можно спасти себя от голода.

Зная, где расположены поля диких злаков и когда они созревают, общины охотников с жёнами и детьми стали приходить туда. Зёрна прямо из колосьев стряхивали в мешки или корзины. Стали срезать и стебли; для этого пользовались прямым жатвенным ножом — предшественником серпа, его основа была костяной или деревянной, лезвием служили несколько закреплённых в ней острых каменных пластинок.

Одни из самых древних признаков регулярного сбора диких злаков обнаружены на территории Палестины. Они относятся к X—IX тысячелетиям до н. э. Здесь жили охотники и рыболовы, которые уже не кочевали, а проводили значительную часть времени на одном месте. Жили они в пещерах или поселениях, состоящих из небольших круглых домов. Эти жилища немного углубляли в землю, стены обмазывали глиной, смешанной с песком и мелкими камешками, полы выстилали каменными

Женщина, растирающая зерно.

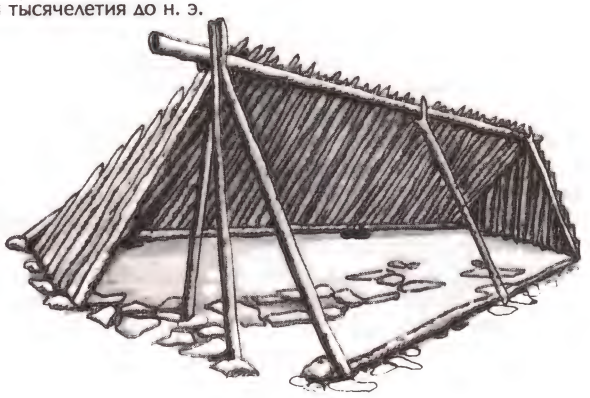
плитками. Верхняя часть этих жилищ скорее всего напоминала шалаш.

Постепенно люди поняли, что можно не ходить далеко к полям дикой пшеницы или ячменя. Их зёрна прорастали и в земле около селения. Слегка разрыхлив её, можно самим их выращивать, защищать посевы от диких зверей и птиц. Эта работа не была особенно тяжёлой, её могли делать женщины, старики и даже дети. Для разрыхления почвы использовали орудия, которыми выкапывали съедобные корни, рыли ямы. Так люди постепенно становились земледельцами.

Одновременно люди стали приручать диких животных. Первой из них была собака — помощник на охоте и защитник от хищников и врагов. Дикие предки овец, коз, свиней, крупного скота обитали в Азии. В Америке единственным животным, которое удалось приручить, была лама.

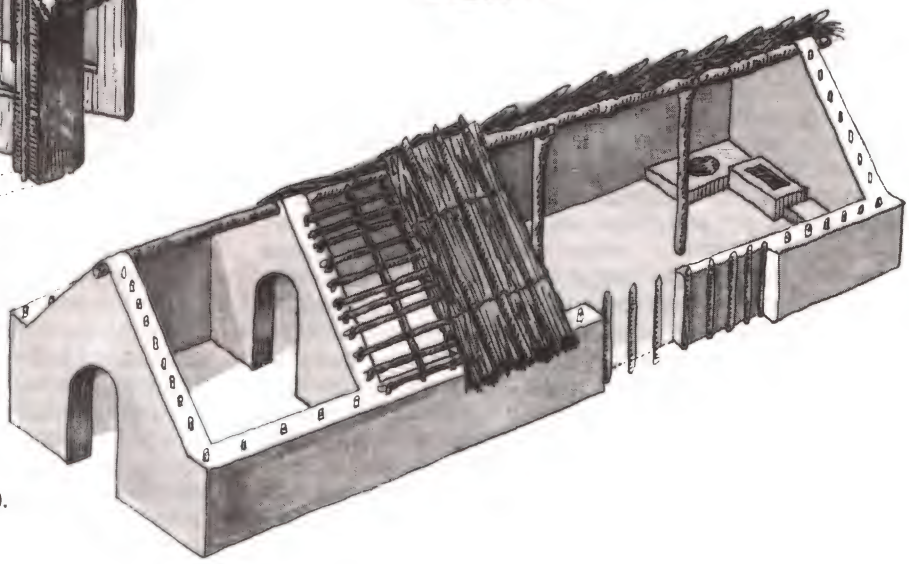
Наверное, первые попытки приручения довольно безобидных травоядных животных делались и раньше, когда в руки охотников попадали симпатичные козлята и ягнята. Сначала с ними играли дети. Но потом, когда эти животные подрастали и прокормить их становилось всё труднее,

Жилище рыболовов. Бассейн Дуная. VII—VI тысячелетия до н. э.



Жилище.
Китай.
IV тысячелетие до н. э.

Кирпич.
Палестина.
Новый каменный век.



Жилище (реконструкция).
Долина Дуная.
IV тысячелетие до н. э.

они убегали или их съедали. Теперь, когда люди значительную часть года могли жить на одном месте, для детёнышей животных можно было строить загоны. Вырастая, самки давали потомство. Постепенно козы и овцы становились всё более ручными, переставали бояться людей и даже шли за ними, потому что получали от них корм.

Теперь мясо и шкуры не только добывали на охоте, но и получали благодаря скотоводству. Появились пастухи, отгонявшие стада на пастбища. Люди научились прясть из шерсти животных нити, ткать, шить одежду. Позже стали получать молоко и делать из него сыр, творог.

Переход к земледелию и скотоводству сыграл огромную роль в жизни человечества. Это событие было настолько значительным, что его называют «неолитической революцией». Новые формы жизни начали складываться ещё в среднем каменном веке, но на более обширные территории они распространились позднее, в новом каменном веке — неолите (от *греч.* «неолит» — «новый камень»). «Неолитическая революция» заняла не десятки и даже не сотни лет, а тысячелетия. Для тех времён такие темпы не были медленными.

Первым обширным регионом, где люди начали выращивать растения, разводить домашних животных и переходить к оседлому образу жизни, стал Ближний Восток. На территориях Западного Ирана, Северного Ирака, части Сирии, юго-востока Турции, Палестины это произошло в VIII—VII тысячелетиях до н. э., а в некоторых местах несколько раньше. В VII—VI тысячелетиях до н. э. земледелием стали заниматься в северо-западной части Индостана. В Юго-Восточной Азии первые признаки знакомства с земледелием относятся к X тысячелетию до н. э., но шире оно распространяется к VI тысячелетию до н. э. Приблизительно в это время или немного позже оно становится известным в Китае и Японии.

Новые способы ведения хозяйства быстро распространялись. Так, в Средней Азии земледелие стало известно в конце VII—VI тысячелетий до н. э. и пришло сюда из Ирана. В Египте собирательством диких растений занимались ещё в среднем каменном веке, но настоящее земледелие появилось позже, в V тысячелетии до н. э. Предполагают, что семена растений и домашние животные попали сюда из соседних районов Юго-Западной Азии.

В Европу земледелие и скотоводство стали проникать в VI—V тысячелетиях до н. э. Постепенно они распространились на север, хотя это было связано с немалыми трудностями, так как, например, теплолюбивые растения трудно приживались в новых условиях.

В Америке первые признаки земледелия появляются в начале VI тысячелетия до н. э. В это время в Центральной Америке стали выращивать кукурузу, а может быть, и бобовые культуры.

Однако не везде с наступлением нового каменного века и даже позже люди смогли стать земледельцами. В некоторых регионах этому препятствовал климат, например в Австралии или в северных районах Азии, Европы и Америки. В то же время достаточное количество дичи, рыбы, дикорастущих растений позволяло людям жить, совершенствуя свою материальную культуру и всё больше расширяя свои познания о мире. В благоприятных условиях даже с каменными и костяными орудиями можно было вести полуоседлый образ жизни.

ЗАРОЖДЕНИЕ РЕМЁСЕЛ

В новом каменном веке совершенствуются охотничье оружие, луки, ловушки. Люди научились плести из ветвей корзины и сооружать на реках запруды, препятствующие ходу рыбы, делать лодки, выдалбливая их из стволов деревьев, и, наверное, строить плоты. В северных областях появляется такое удобное приспособление для ходьбы по снегу, как лыжи.

Утварь людей, их орудия благодаря новым приёмам обработки материала становятся более совершенными. Вещи приобретают красивый вид, их формы соответствуют своему назначению. Например, обитатели океанских побережий Азии и Северной Америки при помощи самых простых орудий могли делать обтянутые кожей лодки, не пропускавшие воду. Сидя в такой лодке, охотник на моржа так привязывался к ней, закрепляя верхнюю кожаную крышку вокруг пояса, что, перевернувшись, лодка не зачерпывала воду и могла принять первоначальное положение.

Быт неоседлых людей скромен. Кочующие охотники не могли иметь тяжёлую утварь, их жилища должны были быть лёгкими вроде юрт и шалашей. До появления вьючных и упряжных животных всё приходилось нести на себе. Оседлые же земледельцы и скотоводы, если земля вокруг была плодородной, долго жили на одном месте — целые столетия. Конечно, они продолжали охотиться, ловили рыбу, собирали ягоды, как это делали крестьяне всех стран много веков спустя и как это делают деревенские жители теперь. В условиях оседлой жизни можно строить прочные дома из глиняных кирпичей, высушенных на солнце, из дерева или камня. Именно переход к оседлому состоянию вызвал к жизни такой вид искусства, как архитектура.

Сначала жилища были круглыми, как шалаши охотников. Но из кирпичей и прямых стволов деревьев удобнее было строить дома прямоугольного плана. Если семья увеличивалась, делали пристройку. В домах появились печи для обогрева и приготовления пищи, с помощью специальных

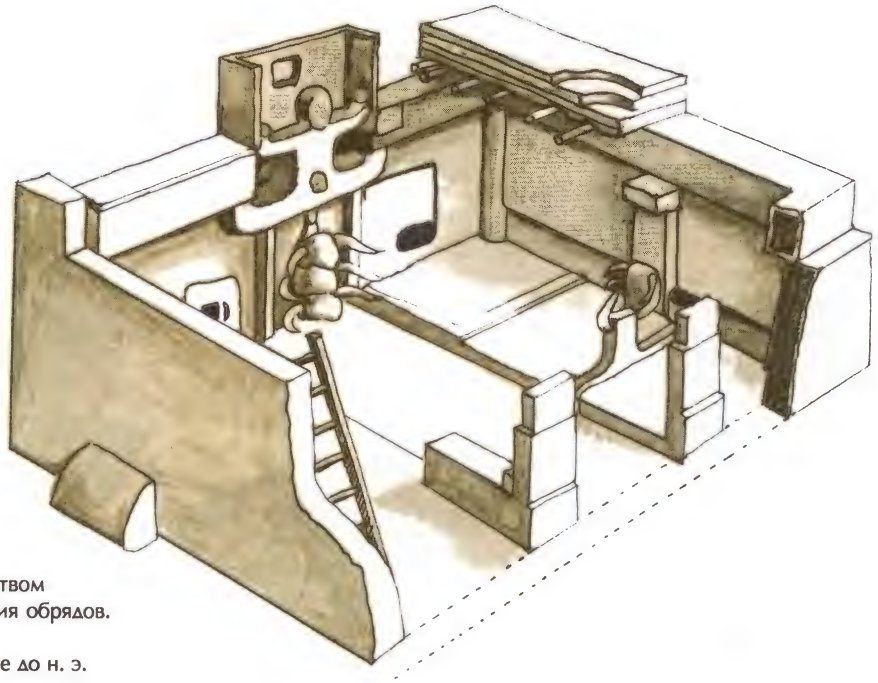
Глиняный сосуд.
Иран.
IV тысячелетие до н. э.

Сосуды.
Ирак, Иран.
VI—V тысячелетия до н. э.

Погребальный сосуд.
Китай.
IV тысячелетие до н. э.

Сосуд.
Сицилия.
IV тысячелетие до н. э.

Глиняная печь.



Дом с убранством
для проведения обрядов.
Турция.
VI тысячелетие до н. э.

дымоходов научились отводить наружу дым. Появилась и мебель — столы, скамьи, простые стулья. На Востоке, где было мало деревьев, лежанки вдоль стен делали из глины.

В новом каменном веке появился первый искусственный материал, изобретённый человеком, — огнеупорная глина. Прежде люди использовали для своих нужд то, что давала природа: камень, дерево, кость. Посуду тоже изготовляли из дерева, раковин, скорлупы больших орехов. Из гибких ветвей плели корзины, а из шкур зверей делали мешки. Однако в такой посуде трудно приготовить горячую еду (один из способов — бросить раскалённый камень в наполненный пищей кожаный мешок). Поэтому теперь посуду стали лепить из глины, смешивая её с водой, песком, толчёным камнем или рубленой соломой. Эти добавки были необходимы для того, чтобы при обжиге посуда не потрескалась. Вылепленные из полученной массы сосуды подсушивали, собирали в кучу, перекладывая и засыпая их горючим материалом (например, лепёшками овечьего навоза), и поджигали. Несильный, но длительный жар позволял довольно хорошо обжигать сосуды.

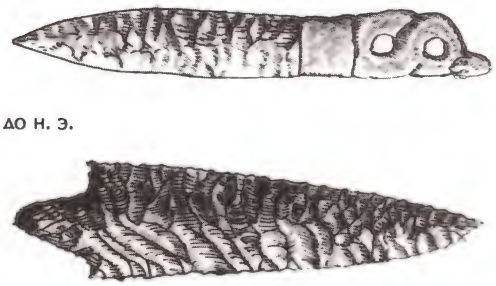
Изобретение глиняной огнеупорной посуды позволило готовить такие блюда, как каши, супы, похлёбки, жарить еду с применением масла. Мясо и овощи стали не только печь и жарить на открытом огне, но и варить.

Посуду лепили женщины. Они делали не просто удобные, но и красивые вещи. Грубую поверхность заготовленного сосуда покрывали жидкой цветной глиной и расписывали минеральными красками. Некоторые предпочитали не рисовать, а процарапывать узоры или наносить их специальными штампиками. Все, кто когда-нибудь бывал в исторических музеях, помнят эти миски, блюда, горшки, громадные сосуды для хранения зерна и других припасов.

Орнаменты на сосудах и других вещах были очень разнообразными, особенно в областях древнейшего земледелия, на Востоке. Это и геометрические фигуры, и цветочные розетки, и фигурки животных, и танцующие люди. Орнаменты столь совершенны, будто их выполнили специально обученные художники. Однако их сделали простые женщины, которые перенимали умение у предков. Своим искусством они были обязаны долгой традиции, поискам и ошибкам многих поколений.

Расписывали не только сосуды, но и стены жилищ. Это были незамысловатые орнаменты, различавшиеся у разных общин, а также изображения животных и людей. Простые узоры делали обычные женщины, а сложные, многофигурные, предназначавшиеся для обрядов — женщины и мужчины, обладающие особыми знаниями обычаев и преданий. В домах с такими изображениями, как известно из раскопок удивительного по богатству находок поселения Чатал Хююк в Турции, периодически совершались обряды, и каждый раз для них обновляли стенопись.

Из глины лепили ещё одно важное приспособление — печи и очаги. В зависимости от назначения они имели разную форму. Появились печи



Кинжалы.
Турция.
VI тысячелетие до н. э.

для выпечки хлеба. В южных районах они были низкими, круглыми, с широким отверстием наверху. Сначала в них разводили огонь, а потом, когда он угасал, а стенки достаточно раскалялись, на них изнутри налепляли лепёшки из теста.

В это время люди стали носить много украшений, которые одновременно служили для них и амулетами — защитниками от злых духов. Эти произведения искусства при всей их скромности очень красивы. Тогда ещё не было специалистов-художников, работающих для удовлетворения потребностей состоятельных людей, не было не только дворцов, но даже богатых домов. Всё, что мы привыкли считать искусством, было самой жизнью. Пением и танцами сопровождались не только празднества, но и хозяйственные работы.

НОВАЯ ОБЩИНА

С переходом к оседлому существованию резко изменилось количество совместно проживающих людей. Общины охотников были небольшими, около 20 человек или немного больше, и могли разрастаться только при достаточных запасах пищи. В общинах же земледельцев и скотоводов посевы хлебных злаков, наличие домашних животных служили гарантией существования уже для нескольких сот людей. Конечно, случались и засухи, и падёж скота, но всё же продуктами питания люди были обеспечены гораздо лучше. Теперь появилась возможность заботиться о стариках, кормить их, а люди старшего поколения могли обучать детей ремёслам гончара, пастуха, ткача. И всё же численность таких общин, которые называют родовыми (они состояли из родственников, хотя в них жили и пришлые люди, вступавшие в брак с членами общины), не могла быть очень большой. Сильно разрастаться им не позволяли ни количество получаемых продуктов питания, ни простота общественной организации. Ведь они ещё не имели особых органов управления. Роль руководителей играли старейшие, наиболее опытные люди. В случае столкновений с соседями во главе отрядов становились молодые мужчины. Этих предводителей слушались до тех пор, пока они действовали для общей пользы и по заведённому обычаю, но им не подчинялись, если они нарушали эти требования. В таких общинах в материальном отношении люди были равны. Те, кого больше уважали, носили особое оружие, украшения. Такие люди владели особыми знаниями и умениями.

Трудились в этих общинах все, но по-разному. Как у охотников и собирателей, люди разного пола и возраста делали разную работу, поэтому учёные называют это половозрастным разделением труда. Дети рано приобщались к домашней работе. Девочки учились ткать, готовить пищу, шить. Мальчики сначала были около матерей, но потом переходили в мужскую часть общины, где их учили охотиться, делать орудия, узнавать повадки домашних животных и защищать своё селение от врагов. Наверное, люди всех возрастов, кроме самых маленьких детей и дряхлых стариков, участвовали в земледельческих работах и собирали полезные дикие растения, ловили рыбу.

Люди по-прежнему не мыслили своего постоянного существования вне семьи и сородичей, рассчитывая на их поддержку. Вся жизнь человека проходила на глазах большого коллектива, без которого он был никем, одиночкой, не способным выжить. Встретив чужака, человек называл имя своей родственной группы, имя предка. Такими предками были фантастические существа, животные, явления природы. Но даже если это были реально существовавшие люди, к ним относились как к особым, даже волшебным, существам.

Когда люди перешли к оседлому образу жизни, они стали хоронить умерших поблизости от своих жилищ. Их ощущение связи именно с человеческими существами, жившими в прошлом, усилилось. В жизни такой общины начинают играть большую роль представления о предках, которые первыми пришли на место поселения, стали его основателями, начали обрабатывать землю.

Земля теперь приобрела особую ценность. Именно земля, пригодная для обработки, а не охотничьи угодья, как раньше. Её, как и свои жилища, надо было охранять. В палестинском селении на месте гораздо более позднего города Иерихона уже в VIII тысячелетии до н. э. были сооружены оборонительная стена и башня диаметром 7 м, которая сохранилась до высоты 8 м.

В самом деле, когда охотники кочевали небольшими группами по знакомой им территории, они ощущали близкую связь со всем, что на ней находилось: с растениями, животными, камнями. Селение же земледельцев было особым, отделённым от природы пространством, созданным от начала и до конца людьми. Звери, растения окружали селения, но гораздо теснее стала связь между людьми в общинах, иногда насчитывавших сотни человек. Члены общины уже сознавали, что они отличаются от существ, которые их окружают.

Эти первопоселенцы пришли не на пустую землю: здесь обитали разные существа, правда не имевшие человеческого облика, но с ними всеми надо

БЫЧЬИ ГОЛОВЫ, ОХОТНИКИ И ЖЕНЩИНЫ

Ещё совсем недавно учёные считали людей нового каменного века бродячими охотниками. Возможность возникновения земледелия и скотоводства допускали только в некоторых районах, но и там культура их обитателей представлялась довольно бедной, а искусство по сравнению с более ранним периодом и вовсе убогим. Каково же было всеобщее удивление, когда в 60-е гг. нашего века в Турции стали раскапывать необычайно богатое по своей культуре поселение Чатал Хююк, относящееся к VII—VI тысячелетиям до н. э. Дома, примыкавшие стенами друг к другу, были хорошо спланированы, имели кладовые и очаги. Входили в них через отверстие под крышей по приставной лестнице. Столбы стен, центральные опоры и балки были деревянными, всё остальное — из необожжённого кирпича. Стены и пол обмазывали глиной, тщательно заглаживали и окрашивали красной краской. Стены разрисовывали орнаментом, нередко на них наносили сложные многофигурные композиции.

Одни из них представляют собой сцены охоты нескольких групп людей на оленей, кабанов, быков. Другие изображают обрядовые сцены, быть может оплакивание умерших. Найдены изображения явно умерших людей, представленных безголовыми, на которых нападают громадные хищные птицы с распростёртыми крыльями. В глине стен процарапывали и раскрашивали фигуры коров и быков, лепили рельефные изображения пятнистых леопардов. Изображения на стенах были разноцветными — красными, жёлтыми, коричневыми; одна корова была даже голубой. Обитатели селения явно хорошо знали свойства минералов, из которых делали краски.

На стенах, краях глиняных лежанок и столбиках укрепляли обмазанные глиной и раскрашенные черепа диких быков с огромными рогами, баранов, коз. Вероятно, их добывали на коллективной охоте, подобной той, сцены которой изображали на стенах. В верхней части стен иногда укрепляли огромные рельефные фигуры женщин в позе рожениц, наверное изображения прародительниц.

Всё это убранство, конечно, предназначалось для обрядов. Для них же из камня делали фигурки женщин разного возраста, мужчин, мальчиков, животных. Особенно интересна глиняная фигурка сидящей женщины, по бокам которой стоят леопарды.

В домах найдено много погребений людей. Их делали под лежанками и полами домов. В захоронения клали деревянные сосуды, которые сохранились, оружие, рядом с женщинами — косметические наборы с красками. Мужчин погребали в шкурах леопардов, которые застёгивали костяными застёжками. Такими их рисовали и в сценах охоты. Найдено много украшений из цветных камней, раковин, кости. У нескольких скелетов не было черепов, которые, наверное, вынимали для совершения обрядов. На некоторых останках видны следы зелёной краски.

Обитатели Чатал Хююка, как ни странно, не лепили сосудов из глины. Они появились лишь в конце существования поселения, но деревянная посуда была очень разнообразна по форме и хорошо сделана. Из кости обитатели Чатал Хююка вырезали ложечки для еды. Орудия и предметы вооружения делали в основном из вулканического стекла — обсидиана, залежи которого находятся неподалёку. Учёные предполагают, что помимо земледелия и скотоводства, а также сбора разнообразных плодов и ягод в окрестных лесах жители занимались добычей и обменом этого ценного минерала.

Чатал Хююк окружало несколько поселений меньшего размера. Может быть, он был их центром, «материнским» поселением, от которого пошли все другие. Тогда понятно, почему в нём проводилось так много обрядов, которые были посвящены скорее всего мифическим предкам и служили магическим средством защиты людей.

было наладить хорошие отношения, чтобы они не мешали, а помогали здесь жить. Вспомним, что для людей того времени всё окружающее было живым, а значит, могло по-разному относиться к ним. При хороших отношениях, например, со змеёй она становилась покровительницей дома и не приносила вреда его обитателям.

В это время население, особенно в районах, где занимались земледелием и скотоводством, стало быстро расти. Когда людей в одной деревне становилось слишком много, часть уходила, но, наверное, не очень далеко. Так родственные коллективы заселяли большие территории. Сородичи не враждовали друг с другом и с соседями тоже старались наладить хорошие отношения — земли хватало, а силы воевать и настоящего мощного оружия ещё не было.

Благодаря таким отношениям стремились не только обеспечить невмешательство в свои дела, но и получить выгоду. Дело в том, что на разных территориях запасы необходимого сырья были неодинаковыми. Например, в горах Восточной Турции имелся ценный камень обсидиан — вулканическое стекло; из него делали вкладыши для серпов, стрелы, ножи, которые высоко ценились, а в соседних областях его не было. Те, кто добывал этот камень, обменивали его на необходимые вещи или продукты питания, может быть, на ткани или сушёные фрукты, шкуры животных. Так, переходя из рук в руки, ценный минерал распространялся на сотни и тысячи километров от мест, где его добывали.

Обмен в то время стал особой формой общения (денег тогда ещё не было). Те, кто участвовал в нём, получали не просто материальную выгоду: обмениваясь нужными вещами или сырьём, люди заключали дружеские союзы между целыми селениями, договаривались о совместных действиях против общих врагов, заключали браки. Такие сделки сопровождались пиршествами, которые как бы закрепляли договоры. Совместная трапеза ещё в первобытные времена стала знаком общности интересов людей, их хороших намерений, обрядом, который гарантировал мир и благополучие.

Представления людей нового каменного века о природе стали более содержательными и разнообразными. Очень много узнали они о свойствах растений и повадках животных, что позволило не только приручить их, но и выводить более продуктивные разновидности. Расширялись познания о свойствах минералов. В эту эпоху впервые начали обрабатывать самородную медь. Однако выплавлять металл ещё не научились.

Наблюдения за движением небесных светил, сменой фаз луны и изменениями в жизни животных, людей, растений давно позволили уловить связь между этими явлениями. Теперь на эту связь стали обращать ещё большее внимание, поскольку сроки сева злаков и их созревания, изменение в поведении домашних животных стали предметом постоянной заботы. Конечно, все связи между яв-

лениями природы осмысливались, с нашей точки зрения, фантастически. Так, люди полагали, что злаки каждый год рождаются от брака земли и неба в результате попадания в землю дождя. Это было фантастическое понимание реальных событий: ведь, действительно, без весенних дождей не оживут растения, не появятся всходы.

Люди считали себя такой важной частью природы, что признавали необходимость обрядов, которые как бы подталкивали её, природу, к желаемым действиям. Они всерьёз верили, что если зимой зажечь в определённый, самый короткий день много огней, то солнце станет дольше освещать землю. Такие же магические действия совершались и для блага своей общины, семьи. Например, люди думали, что, если перед севом сытно поесть каши или другой пищи из зёрен, урожай будет богатым. Природа оставалась для них живой. Однако в богов — всемогущих существ, управляющих ею, — они ещё не верили и полагали, что окрестности селений, особенно горы, леса, населены духами, имеющими облик реальных животных, рыб, водных потоков. Эти духи вели себя как люди, только имели другое обличье, и немногим удавалось подсмотреть, как они живут по-настоящему. Образы таких существ известны по сохранившимся до наших дней сказкам и легендам.

Чтобы заручиться поддержкой сил природы, духов, к ним обращались во время обрядов, им предлагали вкусную пищу. Охотники заклинали зверей, чтобы те согласились быть убитыми, обещая им за это угощение, а потом новое рождение. Здесь не было обмана: люди верили, что жизнь после смерти продолжается в другом месте.

Очень важную роль в верованиях и обрядах играли образы умерших. Считалось, что они — дети и старики, женщины и мужчины — сохраняют связь с живыми. Эту связь оседлые земледельцы ощущали настолько прочной, что хоронили умерших в земле своих поселений, иногда под полом дома или неподалёку. Так, вероятно, хотели сохранить с людьми близость, которая была при жизни. Теперь же, после смерти, люди приобретали новые свойства. Они становились близкими миру духов, тех таинственных существ, которые населяли землю, и даже могли подняться на небо. Естественно, что от умерших ожидали той помощи, которую сородичи всегда оказывали друг другу. К ним, к их останкам, особенно к черепам, иногда обращались в обрядах.

Изображения предков делали из глины, дерева и других материалов. Земледельцы особенно часто лепили фигурки женщин. Их иногда неправильно называют изображениями богини-матери. Это действительно матери, мифические предки, но не богини. Это — покровительницы всей общины, но особенно женщин и детей. В обрядах они становились участницами целых представлений: их сажали рядом с живыми, угощали, с ними и от их имени вели разговоры. Их призывали на помощь при тяжёлых родах, а так-

Глиняная фигурка прародительницы.
Турция.
Начало VI тысячелетия до н. э.

Мать и ребёнок.
Обожжённая глина.
IV тысячелетие до н. э.

СЕЛЕНИЯ НА СВАЯХ

В III тысячелетии до н. э. на озёрах Приальпийской зоны — в Швейцарии, Германии, Северной Италии — начали строить свайные поселения. Таких селений сейчас найдено уже несколько сот. Они особенно интересны потому, что влажная почва, в которой их обнаруживают, а также торф и ил законсервировали органические материалы, дерево, ткани, кожу. Сохранились не только зёрна злаков, но и овощи, плоды, даже печёный хлеб.

Поселения строили на заболоченных прибрежных лугах или в воде у берега. Сначала в землю вбивали сваи, оставляя над водой их верхушки, на которые клали балки, а затем настилали пол. На пол клали тростник, мох и глину и утрамбовывали. Площадку обмазывали глиной и строили на ней дома из брёвен и прутьев; стены домов тоже обмазывали глиной. Внутри на каменных плитах сооружали очаги. С сушей такие деревни соединяли мостками. Домов в них было много, иногда более 20.

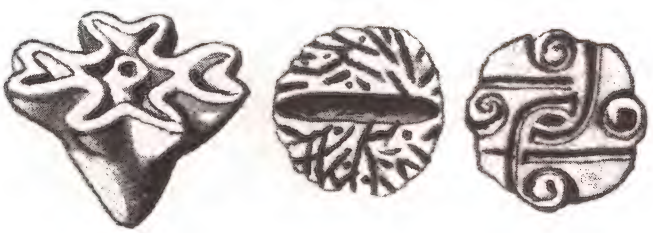
Здесь найдена деревянная мебель — скамьи, стулья, сундуки. Полностью сохранились каменные топоры, серпы, мотыги с рукоятками из дерева, деревянные сосуды. Археологи обнаружили остатки шерстяных и льняных тканей, сетей, вязаные вещи, из орудий текстильного производства — деревянные чесалки для льна, веретёна, части ткацких станков.

В таких деревнях жили земледельцы и скотоводы. Сначала они разводили мелких животных особой торфяниковой породы — малорослых коз, овец, коров, свиней; были у них и собаки. Потом, в результате занятий селекцией, удалось вывести более рослый скот. Кроме хлебных злаков — пшеницы, ячменя, проса — выращивали коноплю и лён, а в огородах — горох, чечевицу, капусту. Жители деревень занимались и садоводством. У них росли яблони и виноград.

Живя на озёрах, люди ловили рыбу, которая водилась тогда в изобилии. Для этого использовали удочки, сети, плетённые из прутьев верши, а также особые приспособления, которые знают рыболовы нашей страны и называют их «морды». По озёрам плавали на долблённых из дубовых стволов лодках, при изготовлении которых древесину выжигали раскалёнными в кострах камнями.

В окрестных лесах люди охотились на оленей, лосей, вымерших сейчас туров, птиц. Орудиями охоты были дротики и копья с каменными наконечниками, луки и стрелы, топоры. Камень умели пилить, сверлить, шлифовать. Металлические изделия поначалу не применяли. Посуду делали не только из дерева, но и из камня.

В гористых областях Западной и Северной Европы, где было мало пахотной земли, такие селения продолжали строить и в бронзовом, и в железном веке. А в Ирландии поселения на искусственных островах из торфа, камней, брёвен и кустарника, окружённые частоколом, сохранились до недавнего времени. В них жили ещё в XVII столетии.



Глиняные печати-штампы.
Турция. Чатал Хююк.
VII—VI тысячелетия до н. э.

же для того, чтобы вылечить больного ребёнка, попросить о благополучии для всех.

Большинство современных учёных признаёт теорию происхождения человека от обезьяноподобного предка. Но есть специалисты, которые считают, что человек не эволюционировал, а был сотворён Богом (креационистская теория). В США работает целый "Институт креационистских исследований", занимающийся научным обоснованием и сбором доказательств в пользу теории творения. Им удалось поставить множество вопросов, на которые учёные-эволюционисты пока не дали ответа.

Важнейшей из проблем в эволюционной теории развития человека является проблема "недостающего звена". До сих пор не обнаружено убедительных останков существ, про которых можно сказать, что они действительно являются получеловеком-полуобезьяной. Непонятно и вследствие чего древние обезьяны стали эволюционировать в людей. Выдвигаются идеи постепенной эволюции обезьянолюдей в результате совместного труда и общения, теория мутации под воздействием радиоактивности или изменения климата или даже превращения обезьяны в человека во время космического катаклизма, обрушившегося на нашу Землю.

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА. ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВА

Переход человека к новому образу жизни и иным, чем прежде, отношениям с окружающей природой происходил одновременно с формированием другого восприятия мира. Конечно, и в пору нового каменного века, как и прежде, не было науки, учёных, философов, которые посвящают себя исследованию природы и человеческого общества. Осознание мира происходило стихийно, и в нём участвовали все члены общества. В то время восприятие окружающего оставалось конкретным, образным. Отвлечённые, абстрактные понятия ещё не отделились от их реальных проявлений. Следы этого сохранились в древних языках, когда говорившие на них люди уже обладали письменностью. Например, в языке шумеров понятие «открыть» буквально означало «дверь толкнуть», а «убить» — «голову палкой ударить». За каждым понятием скрывался образ, живое действие. В этом отношении древние земледельцы и скотоводы мало отличались от своих предков. Однако в их восприятии мира появилось и нечто новое.

Судить об этом можно по изобразительному искусству, в котором и воплощается образное понимание мира. В древности роль искусства была даже более важной, чем теперь: при отсутствии науки оно вмещало практически весь опыт познания мира.

Мы помним, какими живыми, яркими были изображения зверей в пещерах позднего периода

древнего каменного века. Их создатели хорошо знали поведение животных, их повадки. Они замечали в их движениях такие чёрточки, которые ускользают от современного наблюдателя. Примечательно, что, изображая зверей, древние мастера использовали для моделировки их тел неровности скалы, впадины, выступы, имеющие сходство с очертаниями фигур. Изображение как бы ещё не отделилось от окружающего его пространства, не стало самостоятельным.

Люди древнего каменного века не знали орнамента. На изображениях животных и людей из кости иногда видны ритмично повторяющиеся штрихи или зигзаги, как будто похожие на орнамент. Но присмотревшись, видишь, что это — условное обозначение шерсти, птичьих перьев или волос. Как изображение животного «продолжает» скальный фон, так и эти похожие на орнамент мотивы ещё не стали самостоятельными, отделёнными от вещи условными фигурками, которые можно наносить на любую поверхность.

Та же связь с природными формами обнаруживается у орудий и других изделий. Древнейшие из них представляли собой просто оббитые камни. Постепенно орудия стали приобретать формы, которые лишь отдалённо напоминали то, что можно видеть в природе. Нередко люди сохраняли созданное природой неизменным. Так, они делали украшения из зубов зверей, никак их не обрабатывая. У рога оленя отпиливали все отростки, кроме одного, и использовали это приспособление как копьеметалку. Сосуды делали из коры деревьев, широких листьев, шкур или кожи животных.

Таким образом, преобладающим в восприятии природы было следование за ней, внимание к изменчивым формам, конкретным явлениям, а не к общим чертам между ними, не к постоянно повторяющимся признакам, которые сейчас называют закономерностями. Это и понятно: мир охотника, живущего среди природы, постоянно изменяется, его окружает множество существ, растений. Своё жильё он вынужден приспосабливать к тому месту, где ему приходится остановиться; это может быть пещера, шалаш или более основательная постройка, но внешне она почти не отличается от холма или кучи ветвей.

Мир оседлых земледельцев стал другим. Характерно, что в их изобразительном искусстве ведущую роль начинает играть орнамент. Ритмично повторяющиеся фигуры покрывают гладкие стенки сосудов, стены жилищ. Вероятно, орнаментом украшали и не сохранившиеся до нашего времени ковры и ткани. Орнамент появился, когда люди обнаружили устойчивые черты в строении создававшихся ими вещей. Орнаментальные узоры подчёркивали части, из которых состоят вещи. У сосудов они выделяли верх и низ, горловину и дно. Если сосуд был плоским вроде тарелки, узоры центральной части отличались от узоров по краю.

Мотивы орнамента часто в условной форме передавали изображения людей, животных, птиц. Но многие из них были геометрическими, причём со временем таких орнаментов становилось всё больше. Геометрические очертания придавали и украшениям, и печатям-штампам, которые использовали для нанесения изображений на пластичные материалы (глину, тесто). Фигурки людей, которые лепили из глины, по своим очертаниям приближались к геометрическим формам. Всё это показывает, что на мир стали смотреть иначе, чем прежде: ведь в природе не так много предметов и существ, по форме похожих на строгие геометрические фигуры. Орнаменты показывают, что у людей нового каменного века сильнее проявляется способность отвлекаться от конкретной реальности, улавливая в разнообразии мира общие черты.

Орнамент — искусство, связанное с измерением и числом. Его мотивы и композиционное построение показывают, что у древнейших земледельцев, живших в Передней и Средней Азии, самыми излюбленными были числа «три» и «четыре». Очень распространены фигуры в виде квадрата или композиции, составленные из четырёх треугольников, фигур птиц или зверей. Внимание к форме четырёхугольника не было случайным. Именно так изображали пространство земли, поля, водоёмы. Вспомним, что и дома имели такой же план.

Земля — плоскость с четырьмя ориентирами, сторонами, находящимися справа и слева, спереди и сзади от человека. Точкой отсчёта становится центр, которым люди каждого селения считают себя. Четыре ориентира связываются и с четырьмя главными направлениями — севером, югом, востоком и западом, определять которые научились по движению небесных светил.

По вертикали мир делится на три зоны: верх — небо, где обитают светила, облака, из которых изливается небесная вода; средний мир — земля со всем, что населяет её, а в середине опять-таки находится «наше селение», «мы»; под землёй лежит подземный мир — место жизни умерших, которые, впрочем, могут попадать и на небо. Образ мира с семью главными ориентирами и зонами — четырьмя по горизонтали, тремя по вертикали — воплощался в строении вещей, планировке домов. Ему соответствовали и ритуальные действия.

Конечно, люди понимали мир не как геометрическую фигуру наподобие кристалла. Все зоны мира были населены существами, которые имели разные свойства и по-разному относились к людям. Самым важным считали своё селение или группу селений, обитатели которых находились в родстве. Вокруг жили другие люди, близкие и дальние соседи. Чем дальше от «своей» земли, тем опаснее становились люди. Они могли быть враждебными, как духи и дикие животные, населяющие их землю. Подобно духам и зверям, они могли обладать особыми, опасными свойствами и считаться не совсем людьми. В связи с этим можно вспомнить, что ещё относительно недавно, в Средние века, жители Европы

всерьёз считали, что отдалённые от них области Земли населяют люди с пёсьими головами.

Центр, своя земля, своё селение, конечно, самые лучшие. Но они не были изолированы от остального мира: сверху светило солнце и падал дождь, из-под земли росли растения. В отдалённых местах земли были богаты тем, чего «нам» не хватало: красивыми и прочными камнями, деревом, невиданными животными. Весь мир был населён, он буквально кишел жизнью, и отношения со всеми существами — от небесных духов до духов умерших предков — очень занимали людей. Ведь не случайно путешествия в чужие земли, в горы, лес, за море, а то и на небо или в подземное царство — постоянная тема народных сказок. Это — наследие древних эпох, когда такие фантастические путешествия, связи с обитателями других миров считали жизненной необходимостью.

Полагали, что на небо можно попасть, поднимаясь в горы или забравшись на высокое дерево. Помощниками в таких опасных предприятиях были звери и птицы, обитающие как в чужих землях, так и неподалёку от «нас», а также духи. Считали, что некоторые люди способны оказаться в ином мире, совершая обряды, опираясь на поддержку своих волшебных помощников. Подобно шаманам, они впадали при этом в особое состояние — транс. Такие люди совершали обряды для излечения больных или для того, чтобы узнать намерения духов других миров.

Были и другие способы общения с обитателями иных миров: совершив специальные обряды, можно привлечь их внимание, пригласить на особое угощение. Можно послать им гонца с просьбой — для этого приносили в жертву животное или человека. Но можно сделать и рисунок на стене дома, скале или сосуде, в условном виде воплотив то, чего хотели люди. Составляющие орнамент фигуры были упрощёнными, схематизированными изображениями реальных животных, растений, явлений окружающего мира. Волнистая линия обозначала воду, треугольник — гору. Люди научились передавать сведения о мире в виде условных знаков, чтобы магическим путём вызвать желаемое событие. Например, нарисовав на сосуде козла около растения и струи льющегося сверху дождя, надеялись ускорить приход весны. Такие изображения уже похожи на послания сверхчеловеческим силам, напоминающие о том, что они не должны быть безразличными к животным, растениям и, естественно, к людям.

В орнаментах стали появляться пока ещё отдалённые признаки письменных знаков: ведь известно, что знаки древнейших письменностей были изобразительными. Их значение было тесно связано с тем, что они изображали. Рисунок ноги обозначал понятие «ходить», а также соответствующее слово языка, рисунок солнца — «светить» и т. д. Но это будет позже, а пока знаки, образующие орнамент, имели разный смысл: они могли отогнать злое и привлечь доброе, вызвать плодородие, защитить от болезней. Были среди них и знаки — символы различных групп людей, членов одного рода, обитателей одного селения.

УПОРЯДОЧЕНИЕ ЖИЗНИ ОБЩИНЫ

Хозяйство земледельцев и скотоводов требовало более пристальных, чем прежде, наблюдений за течением времени. Теперь люди не просто приспосабливались к природным изменениям: они научились планировать сельскохозяйственные работы на год вперёд, предвидеть, хватит ли запасов до нового урожая. Для этого наблюдали за небесными светилами, в первую очередь за Солнцем и Луной. В их движении открыли признаки упорядоченности. Год стали делить на несколько частей, сезонов. Знание лунных месяцев перешло от предков — охотников.

Вся жизнь людей стала более упорядоченной. В определённое время сеяли, жали, засыпали зерно в хранилища, строили дома, лепили сосуды, обменивались своими изделиями с соседями. Многие обряды тоже стали регулярными, их проводили из года в год в одни и те же дни.

Особое значение стали приобретать границы между сезонами, а также начало года, которое приходилось на весну или осень. Начало года во временном цикле занимало такое же центральное место, как и средняя, центральная точка в пространстве мира. Уже позже сложатся представления о том, что мир сотворён когда-то, в начале времён, которое отождествляли с началом года, и произошло это в священном центре, на первоначальной горе, или в «пупе Земли», где действовали боги-творцы.

Особенности нового восприятия людьми мира особенно хорошо известны по культуре древних земледельцев и скотоводов Востока. Восстановить, реконструировать их представления помогают не только археологические находки, но и довольно хорошо известная культура их потомков. Эти потомки уже создали первые государства, они имели письменность и оставили тексты своих легенд, сказаний, религиозных сочинений. Культура Древнего Египта, Шумера, Элама, Ирана, Индии, Китая возникла на основе всего, что было создано первобытными предшественниками.

С утверждением земледелия и скотоводства, оседлого образа жизни развитие человеческой культуры во многих областях земли пошло невиданными прежде темпами. Роль лидеров сначала принадлежала обитателям тех областей, где появились новые формы хозяйствования и быта. Но их близкие и дальние соседи не просто переносили на свою почву утвердившиеся в нескольких областях Азии новшества. Природа, а значит, и условия жизни, традиции, привычки везде были разными. В Южную, а тем более в Центральную Европу нельзя было перенести формы существования, которые подходили оби-

тателям Малой Азии или Палестины. Значит, знакомясь с чужой жизнью, с тем, что они хотели бы заимствовать из неё, люди должны были приспосабливать узнанное к условиям своей жизни и быта.

Как же в то время распространялись достижения, новшества? Тогда не было других способов передачи информации, кроме человеческого языка и рук. Переселяясь на новые, свободные земли, люди приносили сюда свою культуру, и новые соседи могли заимствовать у них то, что казалось привлекательным.

Другим и, наверное, более обычным способом распространения всяких нововведений был обмен. Он играл чрезвычайно важную роль в жизни людей первобытного времени. На огромные расстояния от источников распространялся, например, прибалтийский янтарь — он доходил до Средиземноморья. В новом каменном веке появились шахты, в которых добывали камень не только для себя, но и для обмена с соседями. Выстраиваются длинные цепочки связей. Ценные предметы, сырьё переходили из рук в руки, и, общаясь, люди узнавали о том, что где-то далеко уже не охотятся на зверей, а разводят их, выращивают растения, из зёрен пекут лепёшки, живут в постоянных деревнях. Освоение нового требовало времени. Одно открытие порождало другие. Так, совсем не обязательно было видеть, как кто-то выплавляет металл. Простейшие приёмы изобретались самостоятельно в разных районах.

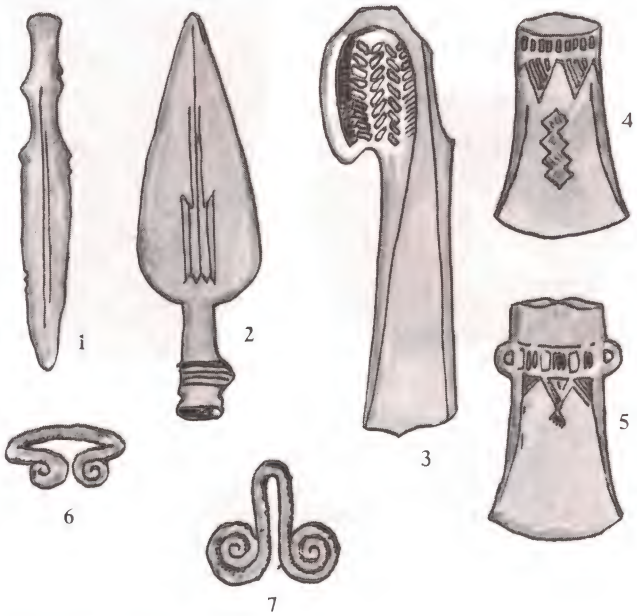
Глиняная форма для отливки топора.

Сосуды эпохи бронзы. Казахстан.

НАЧАЛО ВЕКА МЕТАЛЛА

Большую роль в возникновении металлургии сыграло изобретение глиняной посуды. Дело в том, что, обжигая её, научились постепенно получать всё более высокую температуру. Ведь сначала посуду обжигали в куче, переложенной горючим материалом. Но уже в VI тысячелетии до н. э. появились специальные печи с двумя ярусами: в нижнем находилась топка, а в верхнем на горизонтальной полке с отверстиями стояла посуда. Это был настоящий горн.

Примечательно, что первые опыты по выплавке металлов из руды и по обработке самородных металлов начались почти одновременно с изготовлением обожжённой глиняной посуды. Первым металлом, который привлёк внимание людей, была медь, наверное самородная. Она уступала в твёрдости камню, но при нагревании её можно было размягчать и затем выковывать орудия для работы с мягкими материалами — тканями, кожей. Так появились металлические иглы, шилья, а потом и рыболовные крючки. Из меди делали украшения: бусы, подвески, кольца, браслеты. Светлый и блестящий металл нравился древним людям, как нравится нам новая медная монета. Редкость таких вещей делала их ещё более ценными, им, наверное, приписывали особые свойства.



Предметы II тысячелетия до н. э.:
1 — кинжал; 2 — наконечник копья;
3—5 — топоры; 6—7 — украшения.
Казахстан.

Наскальные изображения бронзового века. II тысячелетие до н. э.

Погребальное сооружение. Германия. II тысячелетие до н. э.

Погребальная урна. Верхний Египет. V—III тысячелетия до н. э.

Керамический сосуд. Германия. VIII—V тысячелетия до н. э.

1

Бронзовая бритва (1) и каменный топор (2). Европа. Бронзовый век.

2

Первые небольшие изделия из меди и свинца найдены в поселениях VII—VI тысячелетий до н. э. в Турции. В VI тысячелетии до н. э. эти же металлы становятся известны обитателям Месопотамии — современного Ирака. В V—IV тысячелетиях до н. э. медь широко распространяется в Передней и Средней Азии, Средиземноморье, Египте, Иране и Индии. Начало систематического использования меди открывает новую эпоху — медно-каменный век, или энеолит. При этом камень продолжают ещё применять очень широко, поскольку медь всё-таки была слишком мягким металлом. Из неё невыгодно было делать, например, лезвия серпов, так как они быстро изнашивались. Сплавов же в это время ещё не делали.

В III тысячелетии до н. э. кроме меди стали использовать её сплав с другими металлами (свинцом, оловом), придающими ей твёрдость, — бронзу. В это время медь и бронза становятся известны в первобытных зонах Континентальной Европы, а во II тысячелетии до н. э. бронза распространяется уже почти по всему Старому Свету, однако остаётся не известной в Америке. И в Африке, южнее Сахары, не было периода, который называют бронзовым веком: металлом, широко распространившимся здесь, было железо. Оно известно в этих районах с середины I тысячелетия до н. э.

НА ПУТИ К ПЕРВЫМ ГОСУДАРСТВАМ

Освоение металлов, среди которых не только медь, бронза, но и золото, серебро, было одним из признаков наступления новой эпохи. В конце IV тысячелетия до н. э. или даже немного раньше в Месопотамии, на юго-западе Ирана, а затем в Египте возникают первые государства. Здесь первобытный образ жизни кончается. Но он продолжает существовать на большей части заселённой людьми земли.

Государства возникают в разных регионах в разное время. На некоторых территориях их не знали до относительно недавнего времени. До прихода европейцев их не было в Австралии, на большей части Америки, во многих районах Африки. Первобытный, сравнительно простой уклад жизни сохранялся там, куда не проникало влияние государств и где особые природные условия не позволяли развиться сложным формам общественной организации. Общества же тех областей, которые испытывали воздействие государств, уже в древности приобрели новые черты. Что же происходило в обществах на позднем этапе первобытности?

Систематические занятия земледелием и скотоводством, особенно в благоприятных природных условиях (тёплый климат, достаточное количество воды), давали людям возможность иметь столько

продуктов питания, чтобы накапливать их излишки. Это позволяло некоторым людям значительную часть своего времени посвящать ремеслу, т. е. изготовлению каменных и металлических вещей, посуды, тканей. Часть изготовленного они отдавали своим соседям-родственникам, а те взамен давали продукты или что-либо другое, необходимое им.

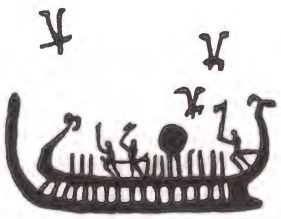
Были в селениях и люди, которые играли роль руководителей: старшие по возрасту, опытные в земледельческих работах, знатоки обрядов. К их авторитету прибегали, когда возникали конфликты внутри деревни или с соседями. Эти люди имели собственное хозяйство и ничего не получали за свою деятельность на общую пользу, кроме того, что приобретали авторитет.

Но постепенно руководство жизнью общества становилось всё более обременительным. Возникала необходимость выполнять трудоёмкие для небольших коллективов общественные работы. В долинах великих рек первые ирригационные сооружения стали строить уже в VI тысячелетии до н. э., как это было в Месопотамии. В других районах землю необходимо было очищать от леса. Такие работы не давали мгновенной выгоды, их надо было планировать, а людей убеждать в необходимости работать больше, чем обычно. Благодаря дополнительным работам увеличивались излишки зерна, которое составляло достояние всей общины, своего рода запасной фонд. Его могли использовать в случае внезапного голода, для помощи сиротам или немощным и для обмена с соседними общинами, получая от них то, что было необходимо. Поскольку община представляла собой единый коллектив, из этого же фонда можно было снабжать продуктами питания ремесленников, работавших на общину.

Чтобы распоряжаться всем этим, нужны были специальные доверенные люди: честные и опытные, пользовавшиеся авторитетом. У прежних руководителей появились новые заботы, которые не позволяли им так усердно, как прежде, заниматься своим хозяйством. И они стали получать часть произведённых всеми продуктов. Это было справедливо, ведь они трудились на общую пользу.

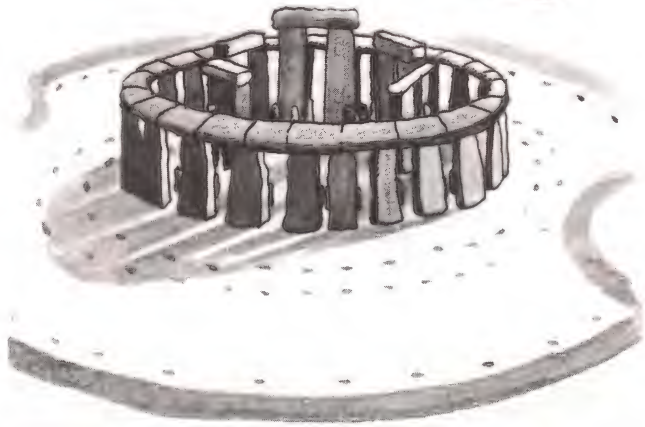
Люди той поры не были такими рационалистами, как мы. Соображения прибыли и пользы не могли заставить их работать больше, чем это необходимо для поддержания своего существования. Некая сила — воля предков или духов, с которыми связывала свою жизнь община, — должна была заставить их поступать так, как призывали предводители. Ведь люди не считали себя независимыми от природы, которая представлялась им как сообщество особых живых существ, духов. Не от своего имени, а от имени этих предков и духов действовали предводители. Они должны были угадывать волю этих сверхъестественных покровителей, уметь отправлять обряды, т. е. обладать знаниями жрецов.

Итак, руководство общиной осуществлялось от имени предков и духов-покровителей человеком или



Наскальные изображения бронзового века. II тысячелетие до н. э.

Мегалитическая гробница. Португалия. III тысячелетие до н. э.



Стоунхендж. Англия. II тысячелетие до н. э.

несколькими людьми, среди которых были люди, наделённые особыми способностями общаться с миром сверхъестественного. Они были выборными, и их власть держалась на авторитете.

Отдельные поселения связывали с соседями родственные узы, необходимость оказывать друг другу помощь в случае стихийных бедствий или военной опасности. Так, несколько селений могли образовывать более или менее прочное объединение, общие вопросы решались представителями от каждого из них. Ни одно из селений не играло главенствующей роли, даже если оно выделялось количеством жителей и более удобным положением на путях обмена или имело более плодородные земли. Но уже во второй половине IV тысячелетия до н. э. на юге Месопотамии складываются более постоянные сообщества, во главе

которых, как сейчас думают учёные, стояли представители общин. Среди них выделяется вождь-жрец. Все эти общественные лидеры находятся при общем святилище, где располагается и общественное хранилище. Святилище находится в одном из поселений, которое является центральным по отношению к целой группе других. Сюда обитатели соседних селений приносят продукты своего труда и отсюда же получают то, что им нужно. На территории этого поселения происходят празднества в честь духов предков и духов природы, обитающих в этих местах. Жители селений в основном связаны узами родства, но среди них могут быть и пришельцы, принятые в общину. Такие небольшие селения могли располагаться по течению одного или нескольких взаимосвязанных каналов. Пока это ещё не государства, но скоро несколько таких образований, объединяющих уже не сородичей, а соседей, — т. е. основанные на территориальном, а не родовом принципе, превратятся в древнейшие города-государства.

В тех областях, где занятие земледелием и скотоводством не давало столь значительных излишков продуктов, как в Месопотамии или Египте, общество развивалось иными путями. Некоторые общины были обладателями шахт и рудников, в которых добывали руду. Её обменивали как сырьё или выплавляли металл и тогда в обмен пускали слитки. Потребность в металле была очень велика. Достаточно сказать, что обитатели Средиземноморья во II—I тысячелетиях до н. э. отправлялись за оловом в земли нынешней Великобритании. В Месопотамии, где возникли первые государства, не было не только металлов, но и камня, и даже хорошего леса. За всем этим снаряжали экспедиции в горы Ирана и на запад. За камень и металлы давали ткани, зерно и другие продукты сельского хозяйства. Но эти вещи и продукты членам тех общин, которые разрабатывали месторождения полезных ископаемых, доставались в разных количествах. Здесь тоже были свои лидеры, которые вели переговоры и заключали сделки. Они могли присваивать часть обмененных вещей. Кроме того, они получали подарки от купцов.

Вещи железного века:
1 — глиняный грузик; 2 — каменный топор; 3 — костяной наконечник; 4 — железные удила; 5 — костяная фигурка животного; 6 — железный рыболовный крючок; 7 — бронзовое украшение; 8 — глиняный горшок.
Подмосковье. Середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.

Знать первых государств не имела образцов для создания особых форм своей жизни, а также стандарта, отличного от жизни рядовых людей. Особые формы быта, особенные жилища, предметы роскоши появлялись постепенно. Те же предводители, с которыми торговали купцы из уже сложившихся государств, могли иметь перед глазами образцы для подражания. В сочинениях древнегреческого историка Геродота сохранился рассказ о том, какой интерес к жизни греков проявляли скифские вожди.

Греки основали много колоний по побережью Чёрного моря, особенно в Крыму. Их привлекало зерно, которое выращивали скифы. Скифские вожди, которых Геродот называет царями, приезжали в греческие города побережья (некоторые добирались и до самой Греции), где не только наблюдали за жизнью греков, но и стремились участвовать в ней. Это вызывало протесты соплеменников: один из вождей, переодевшийся в греческую одежду и посещавший их пиршества, был убит своими соплеменниками за то, что отступил от обычаев предков.

Вожди и знать племён, вступавших в контакты с государствами, стали значительно отличаться от соплеменников. Для скифских вождей греческие ювелиры делали великолепные золотые сосуды, украшения для оружия, уборы для их жён. Эти предметы теперь можно видеть в музеях. Особенно богатое собрание находится в Золотой кладовой Эрмитажа. На этих вещах изображены не только сцены из греческих мифов, но и персонажи скифских легенд.

Земледельцы, создавшие первые государства, были довольно мирными людьми. В то время ещё не существовало ни металлических мечей, ни шлемов, ни доспехов. Иным был и быт народов Европы во II—I тысячелетиях до н. э. Занятия земледелием и скотоводством не везде обеспечивали людей достаточным количеством пищи. Поэтому собирательство в лесах и охота сохраняли немалое значение. Меха, металлы, камень, а потом и рабы находили спрос в государствах Средиземноморья. Всё это становилось желанной добычей. Грабёж близких и дальних соседей считался вполне достойным занятием для упрочения своего существо-

вания, повышения престижа и обогащения. Быть воином, равно как и обрести смерть в бою, считалось у этих народов, например у германцев, почётным. Быт воинственных вождей описывается и в греческой «Илиаде», и в эпических сказаниях более позднего времени — германской «Песне о Нибелунгах», ирландских и исландских сагах.

Один из признаков наличия достаточно прочных объединений во главе с вождями — существование больших сооружений, монументальных построек. Они могли быть созданы только благодаря усилиям многих людей. Все знают египетские пирамиды и огромные храмы. Но гораздо меньше известны сооружения в приморских областях Южной и Западной Европы, которые создавались в III—II тысячелетиях до н. э. Эти так называемые мегалиты (от *греч.* «мегас» — «большой», «литос» — «камень») поражали воображение людей, которые считали их созданиями великанов. Из огромных плит и столбов были сделаны аллеи, погребальные сооружения, что-то вроде храмов. Среди таких конструкций выделяется знаменитый Стоунхендж в Англии, который, как считают, был построен для наблюдения за светилами. Вероятно, в таких сооружениях могли хоронить умерших, но происходили в них и другие обряды, связанные, наверное, с почитанием сил природы и светил.

Учёные считают, что объединения во главе с вождями появились в Европе в III тысячелетии до н. э. и просуществовали очень долго, до формирования государств в раннем Средневековье. Сообщества, в основе которых лежали родственные связи, не были совершенно разрушены ни завоеваниями римлян, ни нашествиями эпохи Великого переселения народов. Конечно, культура, хозяйство и отчасти общественные отношения изменились. Уже в I тысячелетии до н. э. широко распространяется железо. Полагают, что впервые его начали выплавлять на территории Турции в середине II тысячелетия до н. э. Железо превосходит медь не только по твёрдости. Железные руды встречаются очень широко; в Европе, например, часто использовали болотную руду. Появление железных орудий резко повысило их эффективность. Стало возможным пахать землю сохой с железным наконечником, что облегчило обработку тяжёлых участков почвы. Расширяется ассортимент орудий и оружия из металла, качество которого, однако, не везде было достаточно высоким. Юлий Цезарь писал, что мечи кельтов были из такого плохого железа, что после нескольких ударов сгибались и воин выпрямлял их ногой.

КЕЛЬТЫ

Остановимся более подробно на племенах кельтов, во многом остающихся таинственными, хотя известно о них довольно много из кельтского героического эпоса, из сочинений античных историков и из археологических находок. Они широко расселились по Западной Европе, жили и в Британии, и в Малой Азии. Никакой прочной организации они не создали, хотя периодически и возникали союзы нескольких племён. В то же время аристократические семьи обладали значительной властью. В Ирландии строение общества было таким: вождь, именовавшийся королём, аристократы и свободные люди. Короля выбирали из числа родственников предшественника, но он не обязательно должен был быть его сыном.

Большую роль в племенах кельтов играло жреческое сословие друидов, руководившее религиозной жизнью и имевшее политическое влияние. Свидетельства роли друидов сохранились в преданиях, которые были объединены в цикле о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

У кельтов не было постоянного войска, но военная аристократия занимала в обществе важное место. Воины сражались пешими, предводители — верхом или на колесницах, рядом с мужчинами были и женщины. Кельты шли в бой почти обнажёнными, со щитом и в шлеме, но в войнах с римлянами стали применять защитные доспехи. Шлемы в основном носили знатные воины, поэтому их украшали орнаментами и даже облицовывали золотом. Во время боя воины впадали в неистовство, их лица искажались, они совершали удивительные прыжки, что должно было устрашить врагов. И действительно, в войнах с цивилизованными народами сначала это оказывало действие. Однако против хорошо организованного войска римлян такая архаичная система не устояла.

Оружием служили меч, длинное копьё и дротик, некоторые воины были вооружены луками. Каждый военный отряд имел свой знак — деревянный стержень, обычно увенчанный бронзовой фигурой кабана. Древние авторы описывают кельтов как воинственных и ловких людей, соблюдавших обычаи гостеприимства, любивших

Медведь.
Остатки глиняной скульптуры.
Пещера Монтеспан. Палеолит.

пиршества. Удивляло, что они носили штаны — неизвестную в античном мире одежду. Кроме штанов они надевали рубахи и плащи, которые застёгивали разнообразными застёжками — фибулами. Знатных людей украшали пояса. Женщины и мужчины носили на руках и ногах браслеты из золота, бронзы, железа, янтаря или стекла. Отличительным признаком воинов были богато украшенные шейные обручи из металла, в том числе из золота.

Кельты ели хлеб и много мяса. Любимым блюдом была свинина, которую жарили на углях или на вертеле, варили в котле. Ели также говядину и баранину. Во время еды сидели на земле, на разостланных шкурах, иногда пользовались низкими столиками. Собираясь на пиры, устраивали борьбу, а кельтские певцы — барды — пели песни, прославлявшие воинов, аккомпанируя себе на музыкальных инструментах, похожих на лиру.

Кельты верили во множество богов и богинь, в текстах кельтского героического эпоса их насчитывается около 400. Известны изображения и символы некоторых из них: бог с оленьими рогами олицетворял плодородие, бог со змеёй властвовал над подземным миром. В Ирландии боги мужского пола занимали подчинённое положение по отношению к богиням. Почитали духов природы, обитавших в горах, реках, среди деревьев. Богинь и богов изображали в окружении фигурок людей и животных. Богам приносили жертвы на алтарях, а также человеческие жертвы: людей топили, сжигали в корзинах или вешали на деревьях. Предполагают, что во время ритуалов кельты могли есть человеческое мясо.

Головы своих убитых врагов кельты сохраняли в храмах и жилищах. В некоторых случаях для этого делали специальные ниши. Мотив отрубленной человеческой головы — один из излюбленных в изобразительном искусстве кельтов.

Хотя кельты испытывали сильное влияние со стороны соседних народов, которые проводили религиозные обряды в храмах, сами они храмов почти не строили. Как и многие народы на этом этапе развития, они имели священные места, окружённые оградами или валами. Священными они почитали и некоторые деревья, леса, горы. В священные места приносили дары, которых накапливалось множество. Археологи находят здесь оружие, части повозок, цепи.

На протяжении своей долгой истории кельты в разных областях, где они жили, по-разному хоронили умерших — зарывали в могилы или сжигали. Рядом с умершими клали разные вещи. По учению друидов, душа умершего после смерти могла переселиться в другое тело.

Кельты были умелыми земледельцами и скотоводами. Есть сведения, что они не только обрабатывали землю сохой, но и применяли железный плуг. Они были также прекрасными ремесленниками и особенно преуспели в ювелирном искусстве. Ремесленники работали для всех соплеменников, но для знати делали изысканные вещи из ценных материалов. Образцы кельтских скульптур, не лишённых выразительности, показывают, что их создатели испытывали культурное влияние своих южных соседей — греков, этрусков, римлян.

Воинский быт наложил отпечаток на образ жизни всех кельтов независимо от того, к какому общественному слою они принадлежали. Опасности заставляли их обносить поселения валами, рвами и стенами, которые благодаря знакомству с римской архитектурой кельты стали строить очень прочными.

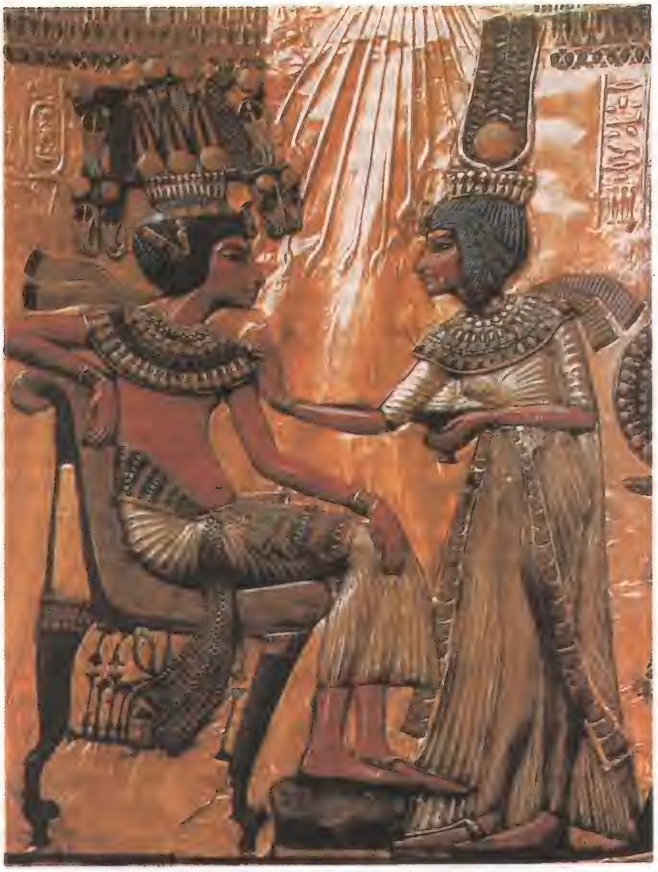
Наследие кельтов — племён, ещё не создавших своего государства, — сохранялось и в Средние века. Черты их искусства прослеживаются даже в римской архитектуре и в готике. Искусство кельтов в более поздние века стало основой искусства Франции, Бельгии, Швейцарии, отчасти Англии. Эпос и поэзия бардов внесли ощутимый вклад в развитие литературы Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы вкратце познакомились с первобытной историей, которая длилась многие сотни тысяч лет. Что же произошло за это время? Какая пройдена дистанция?

В начале — полулюди-полуживотные, умеющие делать простые орудия из камня. В конце — такие же, как мы, люди, научившиеся охотиться, обрабатывать землю, разводить скот, строить дома, делать разнообразную утварь, орудия из бронзы, железа. В начале — полуобезьяны, прыгающие от радости, что они сыты; в конце — участники сложных обрядов, обращающиеся к своим сверхъестественным покровителям. В начале — существа, живущие небольшими семейными группами во главе с самцом; в конце — члены сообщества родов и племён, во главе которых стояли уважаемые всеми прародители. Перечень достижений человечества можно продолжать долго. Человечество прошло путь от полуживотного состояния до того момента, когда стали создаваться первые государства, появились города и признаки цивилизации.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК



ВВЕДЕНИЕ

Урок истории в шестом классе. Учитель рассказывает о Древнем Востоке; он говорит о жестокости царей и бесправии рабов, о классовой борьбе и восстаниях угнетённых. Пройдёт какое-то время, и в памяти школьников твёрдо останется одно: на Древнем Востоке жили рабы и рабовладельцы, угнетаемые и угнетатели, и в этом смысле древневосточное общество ничем не отличалось от других, более поздних. Оно просто было не таким развитым, как общества Древней Греции, Рима или средневековой Европы, более отсталым. А раз отсталым — значит, и не таким интересным.

Если остаётся именно такое представление об истории Древнего Востока, то оно очень однобокое и неполное. Конечно, кто живёт в больших городах, тот может пойти в хороший музей. Иногда в таких музеях есть залы, посвящённые истории Древнего Востока: ведь именно там появились первые государства. Как таинственно выглядят специально затемнённые залы, какие необычные каменные фигуры выступают из стен! Кажется, что входишь в царство тайн и древней мудрости, разглядывая красивые колдовские амулеты в форме жуков и птиц, изготовленные искусными резчиками по камню, глиняные таблички, испещрённые клинописью...

Богини — покровительницы Египта.

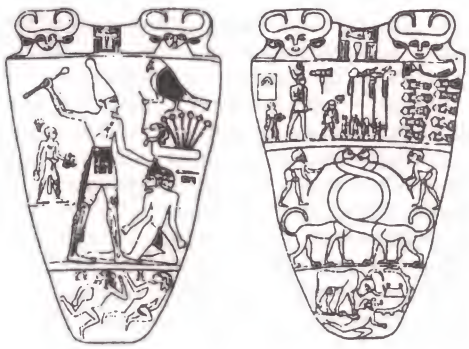
Если родители расскажут ребятам о древних странах и населявших их народах, то посещение этого музея надолго останется в памяти.

Запомнятся названия стран и государств, существовавших на Востоке в древности: Египет, Сирия, Финикия, Иудея, Хеттское царство, Урарту, Ассирия, Шумер и Вавилония, Элам, Персия, Индия и Китай. Из музейных экспонатов внимательный посетитель сможет узнать, что историю Древнего Востока принято отсчитывать примерно с 3000 г. до н. э., когда возникли первые государства в долинах Нила и Евфрата, и заканчивать македонским завоеванием Египта, Ближнего и Среднего Востока в IV в. до н. э. (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»), а для Индии и Китая — III—V вв. до н. э., когда там начали сказываться феодальные отношения.

Но и эти представления об истории Древнего Востока неполные. Школьный учебник показывает одну её сторону, полутёмный музейный зал — другую, но в цельную, законченную картину эти половинки не складываются. Мир Древнего Востока остаётся чужим и непонятным, с какой бы стороны на него ни смотрели. В истории привыкли видеть движение, развитие, наблюдать за действиями ярких, выдающихся личностей; здесь же все цари и правители как бы на одно лицо, жизнь течёт неизменно из века в век, почти лишённая переломов, взлётов и падений. Время от времени история даже возвращается к уже давно пройденному; похоже, что она движется по раз и навсегда проложенному круговому пути.

Историки часто говорят о «застойности» и «отсталости» древневосточных обществ. На первый взгляд они действительно могут показаться более примитивными по сравнению с великолепными, высокоорганизованными цивилизациями античности — Древней Грецией и Римом. Если искать в истории только развлечение, то можно сравнивать её и с автогонками, и с компьютерной игрой, в которой всегда есть выигравший и проигравший. Но если хочешь понять своих далёких предков, освоить то наследство, которое от них получил, лучше сразу отказаться от деления народов на передовые и отсталые, победителей и побеждённых.

Вопрос о «победителях» в гонке Запад — Восток не научен. Различные общества и народы развиваются неодинаковыми темпами, т. е. как бы вступают в эту «гонку» не одновременно. На протяжении истории человечества разные государства служили флагманами развития экономики и общества. В древности это были царства Месопотамии и Египта, затем эллинские города-государства, а потом Римская держава. Признанным средоточием достижений цивилизации в раннем Средневековье считался Арабский халифат. Позже пер-



Табличка одного из объединителей Египта — царя Нармера. Посвящена победе Южного Египта над Северным. Слева — лицевая сторона таблички, справа — оборотная.

венство перешло к странам Западной Европы. По своему особому пути развивался Китай.

Самое простое объяснение особенностей истории Древнего Востока найдено давно: греки и римляне были более талантливы, чем народы Египта и Вавилонии, поэтому они стремились к новому, развивались, а на Древнем Востоке привыкли довольствоваться уже достигнутым, известным. Но это неправда. Шумеры и египтяне были одарены от природы не менее, чем греки. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на великие пирамиды, сохранившиеся намного лучше греческих построек. А ведь греческие храмы моложе пирамид на два тысячелетия! Древние архитекторы, владевшие лишь четырьмя арифметическими действиями и опиравшиеся исключительно на опыт и чутьё, умели возводить сложнейшие конструкции, которым может позавидовать любой современный инженер. С неиссякаемой фантазией создателей древних восточных мифов и сказаний не может сравниться вся изобретательность современных писателей и кинорежиссёров. Не забудем, что именно в древневосточных странах были придуманы и разработаны все основные виды письменности, и греки позднее лишь заимствовали и усовершенствовали самую удачную из этих разновидностей — финикийское письмо.

Народы, первыми в истории создавшие мощные государства и роскошные храмы, книги и оросительные каналы, заслуживают и интереса, и уважения со стороны потомков. Особенность же их заключалась в том, что свои творческие силы, свою природную одарённость они часто расходовали не столько на изобретение чего-то нового, сколько на поддержание сложившихся, от века установленных порядков.

Представим себе, как много сил нужно было потратить на то, чтобы просто сохранить невредимыми первые небольшие очаги высокой культуры земледелия и государственности. Стихийные бедствия, неурожаи, набеги полудиких и жадных до добычи соседей — всё это угрожало загасить едва теплящиеся огоньки новых культур, возникавших в долинах больших рек примерно с 3000 г. до н. э. А сколько таких «огоньков» было раз и навсегда погашено? Точное их число вряд ли когда-нибудь станет известно.

Вспомним, что многие из древневосточных государств располагалось в тех краях, где и сейчас ураганы, наводнения и землетрясения каждый год уносят тысячи человеческих жизней. В наши дни на помощь пострадавшим народам приходят соседи и всё международное сообщество. Пять тысяч лет назад от соседей ничего хорошего в таких случаях ждать не приходилось, и лучше было готовиться к чёрным дням заранее. Выживали только самые осторожные, предусмотрительные и организованные — те, кто собирал все запасы продовольствия в одном безопасном месте, беспрекословно повиновался своим вождям, следовал установленным обычаям. Народы Древнего Востока жили с постоянным чувством тревоги и страха перед завтрашним днём, поэтому их любимым занятием было гадание о будущем (греки и римляне унаследовали страсть к гаданию от египтян и сирийцев). Гадали на всём: на костях и внутренностях принесённых в жертву животных, на специальных картах, внимательно разглядывали направление полёта птичьих стай, расположение светил на небе. Гадали все: грозный ассирийский царь Асархаддон и правители древних городов на реке Хуанхэ, финикийские жрецы ужасного бога Ваала и знатные иранцы-заговорщики, намеревавшиеся сместить с трона царя-самозванца. Напряжённый интерес к тому, что будет завтра, к тому, что должно случиться, показывает, что жизнь на Древнем Востоке вовсе не была спокойной и неизменной. Никто не был уверен в том, что это «завтра» вообще наступит; чтобы встретить завтрашний день, уже сегодня нужно было приложить немало усилий и ловкости.

Трудно представить себе, какие изменения происходили в душе человека, оставившего бродячую жизнь охотника и собирателя даров дикой природы и связавшего свою жизнь с клочком земли, кормившим его и семью. Охотник легко ускользал от воздействия враждебных сил природы — ему достаточно было сменить место охоты или стоянки, чтобы оказаться недосягаемым для злых духов, в существование которых он твёрдо верил. Земледелец, как бы прикованный к своему полю, оросительному каналу и амбару с зерном, чувствовал себя беззащитным перед всеми силами мира, о которых он не знал, добры они или злы. Сегодня солнце давало земле тепло, а завтра оно же выжигало молодые посевы; речная вода сегодня несла почве жизнь, а завтра выходила из берегов и затопляла селения. Жителям речных долин открылся огромный мир сил природы; они не могли теперь ускользнуть от этих сил, следовательно, приходилось учиться сосуществовать с ними.

Шумеры, египтяне, арии и ханьцы (древние китайцы) приложили огромные усилия, чтобы

разобраться в бескрайнем и непостижимом для человека мире: они представляли эти силы в обличии богов, которым дали имена, определили характер каждого из божеств, составили тексты молитв и заклинаний, взываний к богам. Не следует относиться к этой деятельности древних иронически: ведь переход к оседлому земледелию вынудил их «открыться» навстречу миру, и мир обрушился на них с такой силой, что люди просто вынуждены были как-то организовать свои новые впечатления, иначе они просто не вынесли бы их давления. Древневосточный человек был обречён жить в мире, пронизанном магией и колдовством, но магия не была для него просто способом исполнения его личных или коллективных желаний — желания получить хороший урожай или выгодно жениться. Магия как бы представляла собой ширму, заграждение между человеком, оказавшимся под прицелом таинственных сил, и самими этими силами. Магическую броню человек носил на себе всю жизнь, а подчас не снимал её и после смерти. С подобными представлениями прямо связан сложнейший похоронный обряд древних египтян.

Особенно плотные «магические доспехи» носили на себе люди, от которых зависели жизнь и процветание народов и племён, — цари и жрецы. Египетские фараоны, например, помимо всем известного тронного имени имели ещё и тайное имя, тщательно скрываемое от посторонних; сохранение этой тайны было залогом жизненной силы и здоровья царя. Согласно представлениям древних шумеров, боги принимали жертвы и молитвы лишь от особым образом очищенных людей, поэтому местные жрецы специальными составами выводили все волосы на голове и теле. Похожие воззрения существовали и у индийских брахманов; их жизнь определялась большим количеством запретов и ограничений. Им нельзя было совершать действия, считавшиеся «нечистыми».

Но в магическую броню облекались не только цари и жрецы — её несли на себе целые народы. Роль такой защиты играли сложные и развитые представления о богах и силах, управляющих миром. Они дали народам Древнего Востока прекрасный шанс противостоять натиску кочевников, охотившихся за богатствами оседлого земледельческого населения. Дело в том, что кочевники, время от времени захватывавшие обширные территории речных долин, попадали под сильнейшее религиозное и культурное влияние местных народов. Полудикий семит или воин племени чжоу вполне ощущал всё величие мира магических представлений древних шумеров или иньцев; хотя формально он и был победителем, ему приходилось искать своё маленькое место в этом извечно существовавшем мире, приноравливаться к нему. Мощная культура древнейших земледельческих центров «перемалывала» всё новые и новые группы воинственных пришельцев; это было особенно заметно в Междуречье и Древнем Китае — здесь кочевники вливались в состав оседлых земледельческих обществ практически постоянно. Культура на Древнем Востоке была не роскошью, не средством заполнения досуга, а средством выживания, борьбы с враждебным, смертельно опасным миром.

Человек не хотел чувствовать себя пылинкой на ветру — он стремился наполнить всё окружающее знаками своего существования, как бы «отметиться» в этой жизни. Отсюда, наверное, и проистекала у древних людей тяга к строительству грандиозных сооружений: пирамид, высеченных в скалах храмов, гигантских статуй фара-

Корабль мёртвых.

онов, многометровых барельефов с надписями. Искусственный мир плотин, храмов и возделанных полей, созданный человеком, должен был полностью заменить собой мир гор, степей и бурных рек, созданный богами...

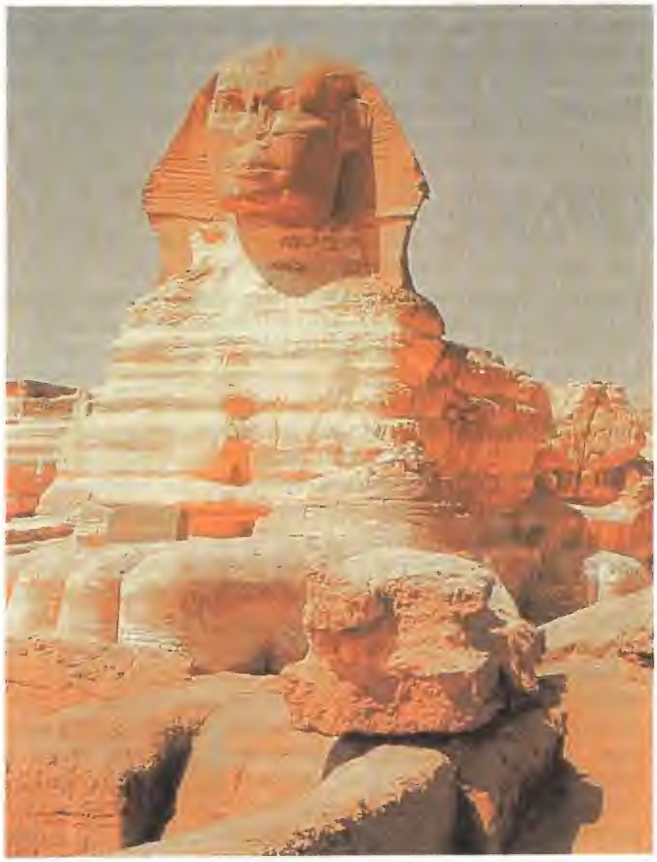
Теперь уже можно понять, насколько несправедливы представления о какой-то неподвижности, отсталости древневосточных обществ. Вся жизнь человека, родившегося в Египте или Шумере, Индии или Китае, с первого до последнего дня проходила в борьбе. Это была борьба с непогодой, кочевниками, неподатливым кремнём и обсидианом, но чаще всего — с собственными страхами и неуверенностью в завтрашнем дне. Скученная жизнь в городах, «муравьиный» труд на небольших участках земли, боязнь наказания со стороны любого мелкого чиновника — всё это порождало в людях особую, болезненную нервозность; она находила выход как в странных религиозных обрядах, так и в безумстве народных восстаний, когда толпы рабов и бедняков разрушали древние гробницы, уничтожали мумии давно умерших царей и вельмож, разбивали сосуды с благовониями, разрывали пурпурные ткани... Умение подавить свои неосознанные страхи, не дать им вырваться на волю свойственно лишь цивилизованному человеку. Чтобы овладеть этим искусством, потребовалось несколько тысячелетий. Какого ещё «прогресса» или «развития» можно требовать от народов Древнего Востока, удивительно быстро освоивших все премудрости общественной жизни?

Может показаться, что у древневосточных народов был безотказный инструмент воздействия на среду, в которой они жили, — это государство. Государство нагоняло страху на соседей-кочевников, прокладывало каналы, строило храмы и приносило жертвы богам, собирало урожай с полей и раздавало его людям в виде пайков. Действительно, государство и его правитель в большинстве древневосточных стран обожествлялись и превозносились. Те блага, которые боги давали людям далеко не каждый день, царь давал своим подданным ежедневно; он был воплощением щедрости и справедливости. Следует ли удивляться, что царь почитался выше многих богов и ему воздавались подобающие богу почести?

Всё дело здесь, однако, в том, что государство на Древнем Востоке вовсе не было таким грозным и могущественным, каким оно хотело казаться. Если деспот способен отрубить голову любому, то это вовсе не значит, что государство, которым он управляет, — сильное и крепкое. Вполне может быть и наоборот: жестокие наказания возмещают неспособность царя по-настоящему управлять своими подданными.

Именно так обстояло дело в Египте и Шумере, в Индии и Китае (в последних двух странах по крайней мере до образования ранних империй в конце I тысячелетия до н. э.). Царская власть не «пронизывала» всю толщу населения сверху донизу. Она была сильна в больших городах, в близких к столице районах, но весьма слаба в глубинке, в поместьях вельмож и богатых храмов. Значительная часть населения речных долин продолжала жить первобытным образом: большими родами или сельскими общинами, сохранявшими власть выборных общинных старост и право самоуправления в деревенских делах. Над этими «нижними этажами» общественной жизни надстраивались особые, очень тесные связи деревенских жителей с местной знатью, нередко не повиновавшейся царю. Эти связи тоже остались от первобытной эпохи; они сохранились во всех странах Древнего Востока с очень древних времён. Государство вынуждено было считаться с существованием таких отношений и использовать в своих интересах (в меру сил), но подчинить себе не могло.

Значит, любое древневосточное государство как бы складывалось из «кубиков», элементов, которые сами по себе не были государственными; «кубики» эти возникли намного раньше, чем в долинах Нила и Евфрата сложились первые государства. Искусный строитель мог построить из них весьма причудливое сооружение, но чем выше и сложнее оно становилось, тем больше был риск, что здание в конце концов рухнет. Существовал лишь один способ повысить устойчивость сложной конструкции — увеличить её массу,



Сфинкс.

заставить «верхние этажи» с удвоенной силой давить на «нижние». Собственно, такое государство историки и называют восточным деспотизмом, имея в виду неограниченную власть царя над подданными. Но увеличивать давление беспредельно тоже было нельзя: всё начинало трещать по швам, и грандиозное здание с грохотом рушилось, понемногу восстанавливаясь через пару веков.

Здесь немалое удивление вызывают две вещи. Во-первых, все народы Древнего Востока после короткого периода проб и ошибок поразительно быстро нашли наилучшие способы выстраивать пирамиду власти так, чтобы она не обрушивалась или обрушивалась как можно реже. Во-вторых, — и это самое удивительное — эти шаткие конструкции, возведённые на очень неустойчивом фундаменте, работали, и по большей части работали прекрасно! Государство действительно распределяло среди населения продукты питания, следило за состоянием оросительной системы, организовывало дальние военные походы и делало ещё множество полезных и просто необходимых дел. Трудно даже представить себе, сколько сил, ума, опыта и чутья требовалось для поддержания государственной машины в рабочем состоянии в таких неблагоприятных условиях. Древневосточные правители — цари и жрецы — постепенно из первобытных форм организации труда и власти умудрялись создавать на диво отлаженный и без сбоев работающий механизм. Это давалось дорогой ценой: вавилонский царь Хаммурапи, например, лично вникал во все мельчайшие дела своего обширного государства. Прокладка оросительного канала, насаждение плодового сада — ничто не ускользало от его внимания. Такого же прилежания царь требовал и от своих чиновников. В Китае умелые и опытные чиновники ценились выше, чем родовитые аристократы.

Может показаться, что почтение, выказываемое на Древнем Востоке администраторам и правителям, было лишь разновидностью угодничества и лести. Однако это не совсем так. В глазах своих современников писец и жрец были творцами нового, очеловеченного мира, жить в котором было неизмеримо уютнее, чем в первобытном мире диких, враждебных человеку пространств. Люди Древнего Востока умели находить особую красоту в созидательной деятельности; символом же этого созидания для них было нанесение письменных знаков на папирус или глину. «...Заставлю я тебя полюбить писания более, чем свою мать, и да покажу красоту их перед тобой, ведь она больше красоты должности всякой, и не было подобной ей в земле этой», — наставляет своего сына египетский писец времён Среднего царства.

Подумаем же с благодарностью о людях, изображённых в странных, застывших позах на каменных барельефах. Теперь они уже не кажутся такими непонятными и далёкими. Видно, как они много трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались сделать его более близким и доступным. Благодаря этому и сами они становятся близкими современному поколению. Теперь снова откроем учебник и войдём в музейный зал...

ШУМЕР

Начало шумерской истории содержит в себе много тайн. Историки и археологи приложили немало усилий, стараясь разгадать их. Сейчас известно, как выглядели шумеры, в каких богов они верили, как вели хозяйство, воспитывали детей. Археологи ходят по улицам древних шумерских городов, восстанавливают расположение домов и храмов. Однако загадок меньше не становится. По мере накопления знаний возникают новые вопросы. И главный из них — откуда пришли шумеры, где их родина?

Страна Шумер получила своё название от народа, поселившегося в IV тысячелетии до н. э. в низовьях реки Евфрат, недалеко от впадения её в Персидский залив. Евфрат разделяется здесь на многочисленные протоки-рукава, которые то сливаются, то расходятся вновь. Берега реки низкие, поэтому Евфрат часто меняет свой путь к морю. При этом старое русло превращается постепенно в болото. Глинистые холмы, расположенные поодаль от реки, сильно выжжены солнцем. Жара, тяжёлые испарения от болот, тучи мошкары заставляли людей держаться подальше от этих мест. Низовья Евфрата долгое время не привлекали внимания земледельцев и скотоводов Передней Азии.

Небольшие деревни располагались довольно далеко от воды, так как Евфрат разливается летом очень бурно и неожиданно, и наводнения всегда были здесь очень опасны (память о великих потопах сохранилась в шумерских преданиях). В бескрайние тростниковые заросли люди старались не заходить, хотя под ними скрывались очень плодородные земли, которые образовались из ила, оседавшего во время наводнений. Но в те времена обработка этих земель была ещё людям не под силу. Они снимали невысокие урожаи только с небольших открытых участков, напоминавших своими размерами скорее огороды, а не поля.

Всё изменилось, когда в стране рек и болот появились новые, энергичные хозяева — шумеры. Вот здесь-то и начинаются загадки. Неизвестно, откуда они пришли в низовья Евфрата. В шумерских легендах упомянуты только высокие горы на их забытой родине, путь по морю, при-

ведший их к устью Евфрата, и остров в море, который шумеры считали не только своей древней родиной, но и прародиной всех людей вообще. Известно, что речь идёт об острове, который в древности называли Дильмун, а сейчас — Бахрейн. На Бахрейне, однако, нет высоких гор, поэтому историки постарались проверить, есть ли правда в этих преданиях, и на протяжении многих лет вели на Бахрейне раскопки. Оказалось, что в древности на острове были шумерские поселения и кладбища — значит, шумеры жили здесь довольно долго. К сожалению, эти находки относятся к тому же времени, когда шумеры жили уже и в Междуречье. Может быть, на Бахрейне найдены просто небольшие торговые городки, связанные с главными городами на Евфрате?

Шумеры сильно отличались от окружавших их народов — и прежде всего своим языком. В наши дни историки умеют читать шумерские тексты, уже составлены многотомные словари шумерского языка. Для этого потребовалось много десятилетий упорного труда, и учёные не раз ошибались. Постепенно стало ясно, что древнешумерский язык не похож ни на один из известных языков. Поэтому трудно сказать, с какими народами древности шумеры «состояли в родстве», хотя историки пытаются подыскать им «родню» и на Кавказе, и в Гималаях, и на Памире. Вся правда об их далёкой родине вряд ли когда-нибудь станет известна. Лучше посмотрим, как повели себя шумеры в незнакомом для них месте, среди тростниковых зарослей и болот.

Кроме плодородных, но ещё не освоенных земель новая родина шумеров могла похвастаться только большим количеством глины и тростника. Ни высоких деревьев, ни пригодного для строительства камня, ни руд, из которых можно выплавлять металлы, здесь не было. Шумеры научились строить дома из глиняных кирпичей; крыши этих домов настилались из тростника. Такой дом нужно было каждый год подправлять, подмазывая стены глиной, чтобы он не разваливался. Заброшенные дома постепенно превращались в бесформенные холмы, так как кирпичи были сделаны из необожжённой глины. Шумеры часто оставляли свои дома, когда Евфрат менял русло, и поселение оказывалось далеко от берега. Глины повсюду было много, и за каких-то два года шумеры успевали «слепить» новый посёлок на берегу кормившей их реки. Для ловли рыбы и речных путешествий шумеры использовали плетённые из тростника небольшие круглые лодки, обмазывая их снаружи смолой.

Из глины делали не только дома и посуду, предметы утвари и детские игрушки. Шумеры изобрели письменность на глиняных табличках. Писец работал так: из сырой глины изготовлялась небольшая плоская табличка, на которую острой палочкой наносились письмена. На вязкой глине трудно проводить линии одинаковой толщины, поэтому они получались похожими на треугольники или клинышки. Историки называют шумерское письмо «клинописью». Не очень нужные записи потом можно было стереть, а таблички с важными документами обжигали на огне, и они становились твёрдыми, как камень. Самые ранние записи принадлежат храмовым чиновникам — они должны были считать, сколько зерна, масла и мяса произведено в хозяйстве, сколько выдано работникам на пропитание, сколько осталось в распоряжении храма. Археологи научились складывать даже разбитые таблички и читать написанное на них.

Сосуд.
Серебро и медь.
Шумер.
2400 г. до н. э.

Обладая плодородными землями, шумеры со временем поняли, какие высокие урожаи можно получать, если осушить болота́ и провести воду к сухим участкам.

Орошение полей в Междуречье было сложным делом. Когда по каналам поступало слишком много воды, она просачивалась под землю и соединялась с подземными грунтовыми водами, а они в Междуречье солёные. В результате снова соль вместе с водой выносилась на поверхность полей, и они быстро портились; пшеница на таких землях

Развешивание хлеба.

Один из самых ярких примеров кровопролитных столкновений между шумерскими городами-государствами даёт история отношений Лагаша и Уммы (см. ст. «Древний Египет»).

До 2400 г. до н. э. город Лагаш из-за своего географического положения в стороне от главных протоков Евфрата находился как бы «на отшибе» от главных событий шумерской истории. С XXIV в. до н. э. накопившие силы правители Лагаша вступают в борьбу с соседними городами-государствами; лугали (военные вожди) Лагаша оспаривают власть над всем Шумером, традиционно принадлежащую Уру, Уруку и Кишу. Проводя эту честолюбивую политику, лугали Лагаша, однако, не упускают из вида и граничащие с Лагашем земли соседних владений. Главным соперником Лагаша становится расположенная неподалёку Умма.

Войны с Уммой начались из-за плодородных земель, которые ещё в древние времена были поделены между обоими городами беспристрастным судом кишского правителя. Ополчение Лагаша возглавлял талантливый воин и политик, которого звали Эаннатум. Киш выступил на стороне Уммы. Несмотря на это, Эаннатум одержал полную победу. Битва с Уммой была настолько кровопролитной, что в своей победной надписи Эаннатум упомянул тысячи убитых вражеских воинов. Обычно военные столкновения между шумерскими городами заканчивались гибелью нескольких десятков человек с обеих сторон.

Победа над Уммой стала первым звеном в цепи успехов Эаннатума. Присоединив к Лагашу спорные пограничные земли, он продолжил свои походы и одержал победы над большинством соперников. Всё же ему не удалось добиться установления своей власти над северными землями Шумера и некоторыми городами на Евфрате.

Однако борьба с Уммой была не закончена. После смерти Эаннатума Умма отказалась выплачивать дань победителям и снова захватила спорные земли на границе. Около 2360 г. до н. э. преемники Эаннатума вновь разбили войска Уммы, назначив в этот город верного им правителя.

Укрепление военной мощи дорого обошлось Лагашу. Необходимость содержать большое количество воинов истощала хозяйственные возможности государства. Этим воспользовался новый правитель побеждённой Уммы Лугальзаггеси (возглавлял Умму примерно с 2336 г. до н. э.). Он разрушил все постройки, возведённые Лагашем на спорных пограничных землях, и попытался захватить всю вражескую территорию. Это, однако, не удалось — правитель Лагаша Уруинимгина смог отсидеться за стенами своей столицы.

Такие столкновения могли продолжаться десятилетиями, не принося никаких определённых результатов и разоряя тысячи людей. Конец этим междуусобицам положил царь Аккада (страна к северу от Шумера) Саргон. В начале XXI в. до н. э. он объединил Шумер и Аккад в сильную державу.

Кольцо. Золото, эмаль. Шумер. 2400 г. до н. э.

вообще не росла, да и рожь с ячменём давали невысокие урожаи. В конце концов засолённые поля просто забрасывали или же пасли на них овец. Шумеры далеко не сразу научились определять, сколько воды нужно для правильного полива полей: излишек или недостаток влаги был одинаково плох. Разумнее всего в этих условиях было бы руководить орошением полей из одного места, а не доверять каждому крестьянину прорывать оросительные канавы, как ему вздумается.

Такими центрами управления сельским хозяйством, а значит, и всей жизнью людей, в Шумере стали храмы. В крупных храмовых хозяйствах было много жрецов, которые специально занимались измерением земельных участков, организовывали прокладку каналов, вели счёт собранному урожаю. Именно храм управлял жизнью соседних городов и деревень, собирал с населения подати, раздавал еду в голодные годы. Историки называют объединяющихся вокруг храма людей храмовой общиной.

Почему же всеми этими делами занимался не царь, как это было в Египте? Дело в том, что Шумер на протяжении семи веков своей истории не представлял собой единого государства: области страны были разделены друг от друга протоками Евфрата и болотами, а также особенностями развития. Центром каждой области был сильный и богатый город, возникший вокруг храма, посвящённого местному богу. Самыми известными из шумерских городов были Ур, Урук, Ниппур, Киш, Лагаш, Умма. Всего же таких самостоятельных городов и областей было несколько десятков. Управляли городом и областью жрецы главного городского храма; верховный жрец чаще всего носил титул «эн» или «энси». Меньше всего с храмом был связан командир городского ополчения, называвшийся «лугаль». Однако и лугали часто происходили из жреческих семей. На протяжении долгого времени власть жрецов была в Шумере намного сильнее власти военных вождей.

Особое положение жрецов в Шумере подкреплялось хитро продуманной организацией храмового хозяйства. Сначала у храмов не было своей земли. Каждая деревня просто выделяла «богу» особый участок поля. Его обрабатывали все крестьяне вместе, а собранный с этого участка урожай деревенская община отдавала храму. Постепенно храмы забрали у общин эти земли и стали вести на них своё собственное хозяйство. Появились и зависимые от них люди, которые работали на храмовых полях за продуктовый паёк. Рабов в Шумере поначалу было ещё немного, и их труд не играл большой роли в хозяйстве. В Шумере очень рано была разрешена законом купля и продажа земли. Пользуясь этим, храмы всё время увеличивали свои владения; всё больше становилось безземельных крестьян, вынужденных батрачить на храмовых полях. Часть полей храм сдавал в аренду. Любой человек мог взять участок земли и вести на нём хозяйство,

отдавая жрецам часть урожая. Получалось, что каждый крестьянин мог рассчитывать на помощь от храма: бедняку храм обеспечивал кусок хлеба, малоземельному крестьянину — возможность обработать дополнительный клочок земли, а зажиточному хозяину аренда давала возможность расширить производство и часть урожая продавать на рынке. Поэтому все крестьяне в Шумере крепко держались за храмы и часто вставали на сторону жрецов во время их ссор с лугалями, а позже — с царями.

А столкновения между храмами и лугалями происходили в Шумере всё чаще. Лугали стремились завоевать соседние города, объединить страну и объявить себя царями. Для этого им нужно было превратить городское войско в свою собственную дружину, послушную всем приказам предводителя. Однако у лугаля не было средств, чтобы содержать такое войско, поэтому он начинал торговаться с храмами и просил у них землю для раздачи её своим воинам. Взамен лугаль, по-видимому, обещал жрецам покорение городов-соперников и богатые подарки из военной добычи. Иногда лугалю удавалось получить доступ к храмовым землям, и тогда начинался бессовестный грабёж храмового имущества: лугаль сгонял с полей крестьян и отдавал их земли своим воинам, отменял раздачи продуктов населению, передавал храмовую землю по наследству своим сыновьям.

Что же изменилось в шумерских городах после перехода власти к военным вождям? Ответ на этот вопрос даёт история Лагаша. Около 2400 г. до н. э. власть в этом городе захватил лугаль Эаннатум. Используя богатства городских храмов, он вёл успешные войны с соседними городами и заставил их признать господство Лагаша. При этом гибли тысячи людей; соперники нередко разрушали плотины на Евфрате и затопляли поля и селения друг друга. Победы, одержанные такой ценой, радовали далеко не всё население. В Лагаше начались мятежи, и один из преемников Эаннатума, Уруинимгина, вынужден был вернуть храмам их земли и восстановить многие из древних обычаев. Но было уже поздно. Лагаш настолько ослаб из-за внутренних раздоров, что в борьбе за спорные земли был разгромлен своим вечным соперником — соседним городом Умма.

Ни один из шумерских лугалей не был достаточно силён, чтобы объединить страну под своей властью. Незадолго до 2300 г. до н. э. беспорядки в шумерских городах и войны между городами приобретают особенно разрушительный характер.

Шумеры разливают вино.

Примерно в 2200 г. до н. э. Шумеро-Аккадское царство распалось под ударами кочевников-кутиев. Кутии были изгнаны из страны лишь через 100 лет. Новая династия, объединившая под своей властью Междуречье, происходила из города Ур; историки называют её «III династия Ура».

Наиболее видными её представителями были два первых царя — Ур-Намму (2112—2094 гг. до н. э.) и его сын Шульги (2093—2046 гг. до н. э.). Эти правители пытались воссоздать царство Саргона Древнего во всём его блеске, вычеркнуть из памяти людей картины его распада и векового господства кутиев над страной. Для этого были составлены так называемые «Царские списки», перечислявшие всех царей, правивших шумерами с незапамятных времён. Составители списка называли имена царей таким образом, что складывалось представление о том, что Междуречье с самого начала своей истории было единым царством; на самом же деле это было далеко не так. Ур-Намму и Шульги приняли все титулы Саргона и его преемников, стремились раздвинуть границы державы до прежних пределов.

Цари Ура продолжали политику Саргона Древнего и во внутренних делах страны. Они взяли под контроль храмовые хозяйства и попытались утвердить свою верховную собственность над всеми полями Междуречья, причём добились гораздо большего успеха, чем Саргон и его сыновья. III династия Ура довела государственную централизацию до крайних пределов, по существу превратив немалую часть населения страны в рабов. Правители Ура чрезмерно уповали на мощь своей державы, которая на самом деле была довольно призрачна. Они ввязались в длительную борьбу с соседним Элама, оставив собственную страну беззащитной перед нападением аморейских кочевых племён. Одного-двух ударов кочевников по государству III династии Ура с его усложнённой системой управления оказалось достаточно, чтобы около 2000 г. до н. э. Шумеро-Аккадское царство исчезло с политической карты Междуречья.

Чиновник. Гипс и ляпис-лазурь. Шумер. 2500 г. до н. э.

Шумеры на боевой колеснице.

Но семь веков шумерской истории принесли не только разрушения и междуусобицы. Шумеры создали богатую и сложную культуру, которая стала образцом для подражания на всей территории Междуречья. Шумерской клинописью пользовались впоследствии многие народы, приспособившие её к своим языкам.

Шумеры были наделены очень сильным религиозным чувством. Их представления о богах, начале мира, человеческой судьбе отразились и в других восточных религиях. Многие шумерские предания переняли древние евреи, и позднее они были записаны в Библии. Шумеры проявляли удивительную тягу к научному знанию о мире: до греков они были лучшими математиками и астрономами древности. Знания, накопленные предками, передавались мальчикам и юношам в многочисленных храмовых школах. Здесь учили читать клинопись, вести хозяйственные записи, наблюдать звёздное небо, точно определять площади земельных участков. Шумеры высоко ценили мудрость, которая, по их мнению, была сосредоточена в ушах человека; поэтому на многих рисунках людей изображали с большими оттопыренными ушами. Лучше понять характер шумеров, оценить их любовь к знанию можно, сравнивая эти изображения с портретами, например, ассирийских царей, воинственных и безжалостных. Шумерские правители нередко повелевали запечатлеть себя в особой «позе строителя» — с чертежом здания, разложенным на коленях, с небольшим ведёрком сырой глины, поставленным у ног. Этот народ больше любил строить, чем воевать, и образ созидателя, по мнению шумеров, больше подходил правителю, чем облик воина.

Может быть, поэтому шумерам так и не удалось создать единое царство. Человек, который смог это сделать, оказался не шумером, а аккадцем. Звали его Саргон, хотя скорее всего это не имя, а один из титулов, принятых им после победы над своими соперниками. Аккадцы тоже жили в Междуречье, к северу от шумеров. Изначально они были кочевниками-скотоводами, позже обратились к земледелию и поддерживали с шумерами тесные отношения. Воспользовавшись распрями между лугалями, Саргон укрепился сначала на севере Шумера, за несколько лет создал сильную армию, вооружил её дальнобойными луками (шумерские воины пользовались в битве только мечом и копьём), а вскоре захватил и юг страны. Саргон не принял ни одного из почётных шумерских титулов и не выбрал ни один из древних шумерских городов своей столицей. Он стал именовать себя царём Шумера и Аккада и построил новую столицу — город Аккаде. Саргон установил контроль над всеми храмовыми хозяйствами, но взамен он постоянно давал храмам богатые дары. Саргон создал большое количество чиновничьих должностей, и многие из людей, которые зависили от храмов, перешли на царскую службу.

Шумерская знать не раз поднимала мятежи против власти Саргона (позднее названного Древним) и его наследников, но сыновья Саргона Римуш и Маништушу уничтожили недовольных, попросту вырезав наиболее могущественные роды знати.

Возникло мощное Шумеро-Аккадское царство, просуществовавшее около 100 лет, примерно с 2300 по 2200 г. до н. э. Наивысшего подъёма оно достигло при внуке Саргона Нарам-Сине (2236—2200 гг. до н. э.). Нарам-Син чувствовал себя настолько уверенно, что попытался обожествить личность царя и править страной самостоятельно, без опоры на храмы.

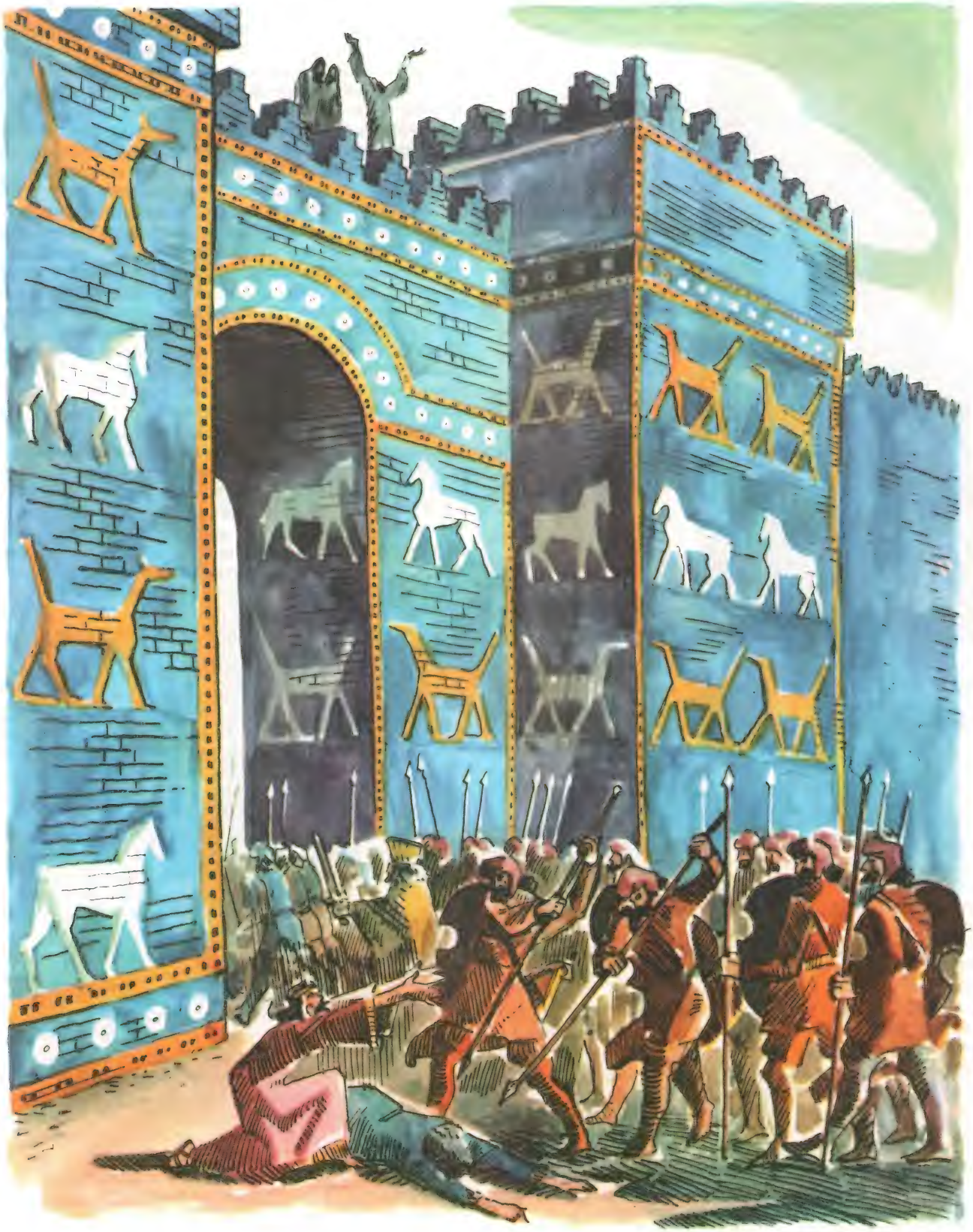
После возникновения Шумеро-Аккадского царства шумеры начали постепенно смешиваться с аккадцами и другими степными народами; одновременно шумерская культура широко распространилась в Междуречье и на много веков пережила создавший её народ.

ВАВИЛОН

Среди городов Древнего Востока Вавилон был, пожалуй, самым почитаемым. Само название города — Баб-Илу (Ворота Бога) — говорило о его святости, об особом покровительстве богов. Верховному вавилонскому богу Мардуку поклонялись многие народы, даже не подвластные Вавилону, его храмы и жрецы получали богатые дары от царей соседних государств.

Вавилон не был одним из древнейших городов Междуречья — шумерские города Ур, Урук, Эриду и другие были примерно на тысячу лет старше. Дважды Вавилон становился столицей могущественной державы. Первое его усиление охватывает период с XIX по XVI в. до н. э.

Ворота богини Иштар.



Стела с законами Хаммурапи.

Историки называют его «старовавилонским». Второй период подъёма после крушения Ассирийской державы также продолжался около столетия (626—539 гг. до н. э.). Эти годы принято обозначать как время существования «нововавилонского» царства.

Небольшое поселение на месте будущего Вавилона существовало, вероятно, ещё во времена шумеров. Городом Вавилон стал после захвата Междуречья кочевниками-амореями около 2000 г. до н. э. Амореи победили Шумеро-Аккадское царство и широко расселились по его территории. Одним из их опорных городов и стал Вавилон.

Город располагался в очень удобном месте — там, где сближаются реки Евфрат и Тигр и от главного русла Евфрата начинают отделяться многочисленные протоки. Положение Вавилона было благоприятным для занятия торговлей, но амореи вряд ли думали об этом. Захват Междуречья нарушил сложившиеся связи, дороги стали опасными, каналы мелели и зарастали. На лишённых полива полях кочевники пасли овец.

Но запустение оказалось недолговременным. Крупные царские хозяйства распались. Больше никто не гнал сельских жителей на полевые работы, не собирал весь урожай в царские амбары, не вёл долговых записей на глиняных табличках. Крестьяне работали теперь на небольших клочках земли, которые были их собственностью. Хозяева сами решали, что им выращивать — ячмень или финиковые пальмы, и сами распоряжались урожаем. С приходом амореев в Междуречье стало больше коров и овец. Сельские жители смогли удобрять поля навозом и пахать на быках, а не рыхлить землю вручную.

Перестали существовать и царские ремесленные мастерские: ведь уже никто не заботился о подвозе древесины, металлов, пряжи и драгоценных камней... Зато появилось много мелких мастерских.

Раздробление огромных хозяйственных объединений на мелкие привело к тому, что после налаживания торговых связей, восстановления каналов и орошения заброшенных полей в стране начался невиданный подъём. Государство не подавляло активность крестьян и ремесленников и не отбирало основную часть произведённых ими продуктов или изделий. Возникает множество рынков, на которых можно было продать или купить рыбу, финики, зерно, ткани и другие товары, нанять умелого работника. Появляются излишки продуктов и изделий. Их скупают и продают за пределами страны богатые торговцы-тамкары. Обратно они привозят в основном рабов: в Междуречье стало не хватать рабочей силы.

К 1800 г. до н. э. Междуречье оправилось от последствий разорения и превратилось в цветущий, заботливо ухоженный сад. Новые способы ведения хозяйства способствовали укреплению таких новых центров, как Вавилон, потому что старые города с трудом приспосабливались к хозяйственной независимости ремесленников и крестьян.

Первые правители небольшого Вавилонского царства вели осторожную политику. Они заключали союзы с сильными соседними государствами — Ларсой, Исином, Мари — и при этом точно выбирали наиболее выгодного партнёра. Таким образом первые пять вавилонских царей смогли значительно расширить свои владения, но вровень со своими союзниками Вавилон пока не встал.

Положение меняется при шестом царе Вавилона — Хаммурапи, одном из величайших политиков древности. Он правил Вавилоном с 1792 по 1750 г. до н. э. Взойдя на трон небольшого царства, расположенного в среднем течении Евфрата, Хаммурапи закончил свои дни повелителем огромного по тогдашним меркам государства, включавшего в себя основную часть Междуречья. Продуманная система политических союзов помогла ему разгромить противников; причём нередко — чужими руками. В конце концов вавилонский царь расправился и со своим главным союзником, царём северного государства Мари, которого звали Зимри-Лим.

После объединения страны Хаммурапи пришлось решать очень сложные задачи. Чтобы его владения опять не распались на отдельные области, власть царя должна быть сильной. С другой стороны, Хаммурапи не мог отбирать у крестьян землю, вновь создавать крупные царские хозяйства, собирать ремесленников в царские мас-

терские. Такие действия привели бы к быстрому упадку страны — люди успели привыкнуть к самостоятельности, относительной свободе, к доходам от рыночной торговли. Мудрый Хаммурапи нашёл приёмы, позволяющие царю управлять деятельностью подданных. Он стал автором самого известного на Древнем Востоке сборника законов, названного историками «Кодексом Хаммурапи».

В 1901 г. французские археологи обнаружили во время раскопок в Сузах (ныне Шуш) — столице древнего Элама, большой каменный столб с изображением царя Хаммурапи и текстом 247 его законов, написанным клинописью. Из этих законов в основном и стало известно о жизни Вавилонии и о том, как Хаммурапи управлял страной.

Хаммурапи не стал создавать царские поместья, отбирая землю у крестьян. Он воспользовался участками, которые общины выделяли ему как царю. На эти земли Хаммурапи посылал своих людей — воинов и так называемых «мушкенум». Мушкенум считались приближёнными царя и получали от него землю, скот и зерно, необходимые для ведения хозяйства. Кража имущества у мушкенум каралась строже, чем кража у простого крестьянина. Так царь мог влиять на жизнь сельских общин через верных ему и зависимых от него людей.

Пришлось царю заниматься и крестьянскими долгами. Раньше крестьяне платили налоги в основном зерном, маслом, шерстью. Хаммурапи начал взимать налоги серебром. Однако далеко не все крестьяне продавали продукты на рынках. Многим приходилось брать серебро в долг у тамкаров за дополнительную плату. Тем, кто был не в состоянии расплатиться с долгами, приходилось отдавать в рабство кого-нибудь из родственников. Хаммурапи несколько раз отменял накопившиеся

Храм Этеменанки:
1 — мост через Евфрат; 2 — Нухар; 3 — Этеменанки; 4 — Священные ворота.

в стране долги, ограничил долговое рабство тремя годами, но справиться с проблемой долгов ему так и не удалось. Не мудрено, ведь среди тамкаров были не только торговцы, но и сборщики налогов, и хранители царской казны.

Во введении к законам Хаммурапи говорит: «Мардук направил меня, чтобы справедливо руководить людьми и дать стране счастье, тогда я вложил в уста страны истину и справедливость и улучшил положение людей». Напомним, что Мардук был самым почитаемым богом Вавилона. Царь, таким образом, пытается примирить интересы разных людей — тамкаров, мушкенум, воинов, простых общинников, опираясь на волю верховного божества.

Мардук, по словам Хаммурапи, не просто награждает покорных и наказывает ослушников — бог даёт людям свод правил, устанавливающих справедливость в их взаимоотношениях друг с другом. Но — через царя!..

Хаммурапи так и не удалось создать крепкое государство. Уже при правлении его сына Самсуилуны Вавилония потерпела ряд тяжёлых поражений от своих соседей, и её владения сократились. Началась полоса неудач. В 1595 г. до н. э. старовавилонское царство было уничтожено вторгшимися хеттами и касситами, которые потом правили Междуречьем около 400 лет (см. ст. «Хеттское царство»).

Но Хаммурапи всё же добился большего, чем его предшественники или цари соседних стран. Он первым из правителей древности соразмерил силу закона с силой царя и признал за подданными право самим заботиться о своей жизни. Правда, некоторые учёные считают текст на стобе в Сузах не сводом законов, а отчётом государя перед богами.

Вавилонская школа.

Начиная с правления Хаммурапи Вавилон около 1200 лет был культурным и научным центром Передней Азии. Многие достижения древних вавилонян вошли в современный быт: вслед за вавилонскими жрецами стали делить год на двенадцать месяцев, час — на минуты и секунды, а круг — на триста шестьдесят градусов. Благодаря трудолюбивым вавилонским писцам до нас дошло содержание шумерских преданий. Причём отдельные рассказы сведены ими в большие циклы, а их содержание умело приспособлено к современности.

Научная и культурная жизнь Вавилона оказалась мало зависимой от перемен в его политической судьбе. Менялись цари и завоеватели, а в Вавилоне так же почитали Мардука, создавали библиотеки и обучали в специальных школах молодых писцов.

В 689 г. до н. э. Вавилон в наказание за постоянные мятежи был полностью разрушен по приказу ассирийского царя Синаххериба (см. ст. «Ассирия»). Через некоторое время город был отстроен вновь и обрёл невиданный прежде блеск. Вершины своего расцвета он достигает при вавилонском царе Навуходоносоре II (605—562 гг. до н. э.). Вместо узких кривых улочек были проложены прямые длинные улицы протяжённостью до 5 км, которые использовались для торжественных процессий; они делили город на правильные кварталы. Было воздвигнуто великолепное святилище — семиступенчатый, похожий на пирамиду храм высотой 91 м. Такие сооружения в Междуречье называли «зиккурат».

Восхищение современников вызывали и две мощные оборонительные стены Вавилона: каждая 6—7 м толщиной. Главный вход в город был через великолепно украшенные ворота, посвящённые богине Иштар. На них царь Навуходоносор II написал: «Я строил Вавилон, прекраснейший из городов... У порога его ворот поставил я огромных быков и змеев с ногами, чего не придумал до меня ещё ни один царь». Некоторые из рельефных изображений диковинных животных на воротах Иштар археологами найдены и восстановлены; по замыслу царя, они должны были отпугивать от города врагов.

К семи чудесам света причисляли в древности и созданные по приказу вавилонских царей висячие сады, в которых деревья как бы взбирались под самое небо. Такой эффект достигался благодаря тому, что они были посажены на специально выстроенных террасах, примыкающих к царскому дворцу. По-видимому, уход за деревьями требовал больших хлопот, но правителей Вавилона это не смущало. Своей цели они добились — люди были поражены...

Впечатление, которое производил Вавилон, было столь сильным, что даже через 130 лет после создания этих великолепных зданий греческий историк Геродот писал о нём как о «славнейшем

и самом могущественном» городе в Междуречье. Около 600 г. до н. э. в Вавилоне жили не меньше 200 тыс. человек — это был огромный по тем временам город. Но в 539 г. до н. э. красивейший город, жители которого были недовольны своим жестоким царём Набонидом, почти без сопротивления сдался иранскому царю Киру (см. ст. «Древний Иран (Персия)»). Вавилония превратилась в провинцию (сатрапию) Персидской державы и навсегда утратила независимость.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Это случилось 10 тыс. лет назад или чуть раньше... Небольшой отряд охотников, пришедших из Сахары, тогда ещё цветущей равнины, подошёл к краю плоскогорья, за которым открылась новая, неведомая страна. Охотники за антилопами, знакомые лишь с небольшими, пересыхающими летом речками родных степей, такого чуда не видели ещё никогда! Широкая, полноводная река величественно несла мимо них мутные воды; откуда и куда — не знал никто. Не нарушая молчания, люди долго смотрели на реку, охваченные священным трепетом и желанием пасть на колени перед могущественным властелином этих мест. Охотники даже не решились спуститься вниз, к самой воде, около которой кишели ядовитые змеи. Берега реки на сотни метров были заболочены и поросли густым тростником. На отмелях отдыхали бегемоты и крокодилы. Охотники ушли, но им, а впоследствии и их потомкам пришлось вернуться к заманчивым и пугающим берегам. Дичи в высыхающих степях Сахары становилось всё меньше, и стычки между охотничьими племенами делались всё более ожесточёнными и кровавыми. Потерпевшие поражение, оттеснённые из привычной степи племена оседали на незнакомых им берегах большой реки. Население долины Нила складывалось постепенно из небольших, «просачивающихся» сюда групп, среди которых были люди с разным цветом кожи — оливково-жёлтым, коричневатым или совсем тёмным.

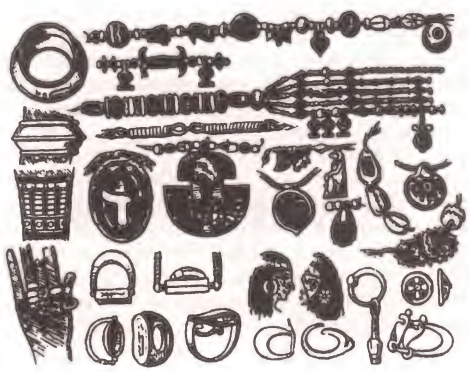
Первые поселения, обнаруженные археологами на берегах Нила, относятся к довольно позднему времени — VI—IV тысячелетиям до н. э. Располагались они на высоких участках речной долины, далеко от воды, так как люди боялись наводнений. Плодородную почву «нижних полей» они ещё не умели правильно обрабатывать, хотя самые простые приёмы ухода за культурными растениями были им уже известны.

Поселенцы (их позже стали называть египтянами) сохранили ласковое и почтительное отношение к могучему потоку. Нил был для них живым существом; в молитвах и песнях они обращались к нему как к отцу. А отец в представлении древних — это тот, кто даёт еду, заботится о своих детях. Конечно, египтянам приходилось самим добывать пропитание, но отец Нил давал им самое главное — плодородные земли своих берегов и воду для их орошения.

Тёмная земля в долине Нила настолько отличалась от каменистой и глинистой почвы соседних плоскогорий, что египтяне называли свою страну «Кемет» — «Чёрная». Необыкновенную землю принесла сама река, миллиметр за миллиметром укладывая плодородный слой на каменное основание берегов. Вода в Ниле мутная, потому что содержит много мельчайших частичек разного происхождения — есть в ней и крупинки горных пород, подхваченные рекой там, где она течёт по каменистому ложу, и остатки растений, принесённые притоками из прибрежных тропических лесов.

Когда в начале лета в Восточной Африке, где находится исток Нила, начинают таять горные снега, уровень воды в реке повышается и начинается разлив. Нил замедляет своё и без того спокойное течение и затопляет низкие берега, превращая их на несколько месяцев в настоящие болота. В стоячей воде взвешенные частицы постепенно оседают вниз, и, когда река возвращается в русло, берега оказываются покрытыми

Боевая египетская колесница.



Ювелирные изделия и украшения египтян.

Хозяйственные работы египтян. Фрагмент росписи древней гробницы.

Принц Рахотеп и принцесса Нофрет. 2600 г. до н. э.

Можно только догадываться о том, какую большую роль в формировании египетской культуры и государства сыграл ранний период египетской истории — время с 4000 по 3000 г. до н. э. и период Раннего царства (3000—2800 гг. до н. э.). До нас дошло всего несколько каменных табличек (их называют «палетками») с изображениями первых фараонов, поражающих своих врагов. Большое количество титулов и должностей, упоминаемых в древнейших египетских надписях, говорит о том, что египтяне искали наилучший способ организации государства. Уже к началу периода Древнего царства (2800 г. до н. э.) набор титулов становится очень устойчивым. Удачно объединились в эту раннюю эпоху культуры семитов (выходцев из Азии) и африканского населения. Сами египтяне с глубочайшим уважением относились к первым, ранним векам своей истории. Их воображение населяло эти времена великими мудрецами и могущественными царями.

Даже под властью фараонов ном продолжал оставаться главной составной частью египетского общества и государства. Номархи нередко строили себе гробницы, не уступавшие по роскоши царским, держали собственные вооружённые отряды. Номарх мог свободно распоряжаться полями своего нома — увеличивать запашку в трудные годы, свозить урожай в свои собственные амбары, выдавать его населению в виде пайков. Только отдельные, такие особо важные отрасли производства, как скотоводство, были поставлены под прямой надзор чиновников фараона. В таких случаях номарх должен был только обеспечить царским людям нормальные условия труда, не вмешиваясь в их дела. Большая часть населения нома видела своего настоящего хозяина и кормильца не в фараоне, а в номархе. В случае восстаний и мятежей против центральной власти номовая знать могла твёрдо рассчитывать на поддержку многих простых людей.

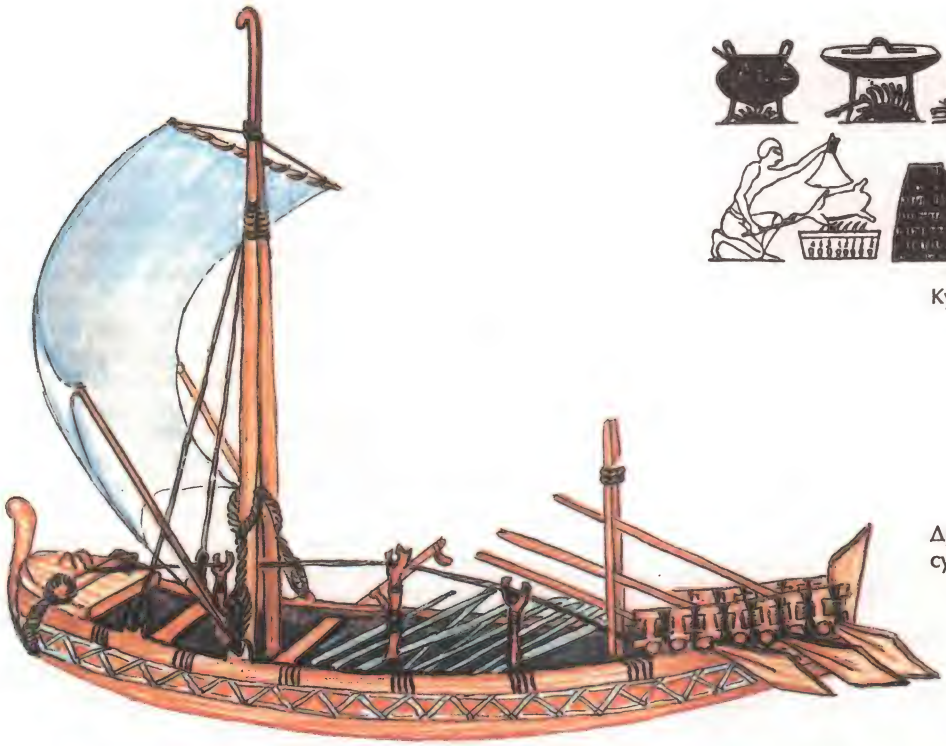
Египетская культура была привлекательной для многих народов Древнего Востока. Очень сильным было египетское влияние в Нубии, африканской стране, расположенной выше по течению Нила. Были времена, когда храмы, посвящённые египетским богам, в изобилии появлялись в Сирии и Финикии. Сильное воздействие египетская религия, по-видимому, оказала на древних евреев. Но египтянам, несмотря на обширные завоевания, так и не удалось создать огромную державу — империю, включавшую в себя множество стран и народов. Дело здесь, наверное, в том, что египтяне привыкли «складывать» своё государство из номов — небольших областей, связанных друг с другом Нилом и общими хозяйственными интересами. Играть другими «кубиками» египтяне попросту не умели, поэтому мощное культурное влияние Египта на Переднюю Азию так и не привело к присоединению её на длительный срок к державе фараонов.

новым слоем плодородного ила. В южных областях Египта подъём воды начинается в середине июля, а выше всего — на 8—10 м над обычным уровнем! — вода поднимается в августе — сентябре и держится высоко до середины ноября. Во время разлива вода прибывает медленно, уровень её повышается на несколько сантиметров в день, так что люди успевают уйти, прихватив имущество и скот.

Главная трудность при обработке самых плодородных затопляемых «нижних полей» связана с тем, что после спада воды влага распределяется неравномерно — высоко расположенные участки теряют её слишком быстро, прибрежные же поля, наоборот, заболачиваются, потому что вода стоит на них почти круглый год. И египтяне придумали очень простое устройство, позволявшее регулировать количество воды на полях по своему усмотрению. Почти так же, как дети, строящие весной на ручейках земляные запруды, египтяне начали возводить на заливных берегах реки стенки из плотно сбитой земли, обмазанные глиной, чтобы сквозь них не просачивалась вода. С высоты птичьего полёта долина Нила становилась похожа на расчерченный в клеточку тетрадный лист. Во время разлива вода попадала в «клеточки»-бассейны, и люди могли ею распоряжаться по необходимости — надолго задержать на высоких местах или, наоборот, пробив земляную стенку, спустить лишнюю воду. Постепенно отдельные сооружения связались в длинные цепочки, протянувшиеся вдоль Нила на десятки километров.

Для поддержания этой сложной системы люди создали центры управления цепочками запруд — первые египетские города. Каждый город объединял вокруг себя небольшую область, которую греки, позднее завоевавшие Египет, называли «ном», а её правителя —«номарх». Правители отдавали приказания о подготовке полей к посеву, возведении новых земляных стен-плотин и прокладке отводящих лишнюю воду каналов, сле-

Кухонные принадлежности египтян.



Древнеегипетское военное судно (Древнее царство).

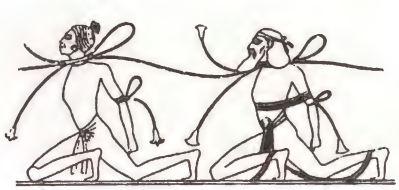
дили за тем, чтобы весь урожай с полей свозился в городские амбары, а зерно в течение года более или менее поровну раздавалось всему населению. Номархи жестоко боролись друг с другом за верховную власть над всей страной, разоряя города соседей, угоняя их скот и обращая в рабство таких же египтян, как они сами. Ко времени образования единого Египетского царства (около 3000 г. до н. э.) таких номов насчитывалось примерно 40.

Египтяне редко готовили себе еду сами — чаще всего они относили полученное зерно в специальные «столовые», в которых кормились вся деревня или несколько соседних деревень. Эти «столовые» тоже находились под надзором номархов или самого царя, которого греки позже назвали «фараон». Специальный чиновник следил за тем, чтобы повара не воровали продукты, поровну раздавали похлёбку, кашу и пиво, он же собирал с крестьян налоги и разбирал их дела в суде.

Египтяне были трудолюбивыми земледельцами и получали на своих богатых землях самые высокие в Древнем Мире урожаи, хотя орудия, которыми они работали, почти не отличались от тех, что применяли другие народы Древнего Востока. Изобилие зерна в стране позволило освободить часть людей от работы на земле и использовать их как строителей или солдат. О том, как и что египтяне строили, будет рассказано позже, а пока посмотрим, как и зачем они воевали.

Фараон, который чаще всего стоял во главе египетского войска, старался закончить войну быстрее, чтобы уже через несколько месяцев вернуться домой, в столицу. Армия состояла из двух частей: небольшого отряда специально обученных и хорошо подготовленных солдат и большого ополчения из крестьян, набранных в войско всего на несколько месяцев и временно освобождённых от полевых работ. Вражеские крепости египтяне не умели брать приступом, поэтому они их осаждали, на что уходило много времени. Нередко египетское войско возвращалось домой после трёх-четырёхмесячного похода, захватив лишь одну-две небольшие крепости. Крупные сражения случались редко — полководцы берегли солдат, которых они называли «стадом Бога». Рисковать не хотели ни египтяне, ни их противники: нубийцы на юге, правители небольших сирийских и палестинских городов и хеттские цари на севере. Очень редко победа в войне приводила к захвату чужого царства, потому что управлять им было трудно и хлопотно. Фараоны предпочитали посадить на трон в чужой стране верного Египту правителя, а если он становился непокорным — заменить его другим, которого до поры до времени держали при дворе почётным заложником.

Главной целью войны была добыча — рабы, скот, редкие породы дерева, слоновая кость, золото,



Связанные эфиоп и сириец — символ подвластных Египту народов.

Казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы превратить долину Нила в неприступную крепость. С запада и востока доступ в Египет был надёжно зашишён Ливийской и Аравийской пустынями; на юге египтяне ещё в древние времена преградили путь врагам по Нилу, выстроив несколько мощных крепостей в южном Слоновьем номе. Самым уязвимым местом в обороне страны был север — низовья, где Нил впадал в Средиземное море, были открыты для завоевателей. Когда власть фараонов в стране была сильна, именно здесь египтяне держали основную часть своего флота и сухопутной армии. Но во время восстаний против царской власти оборона северных рубежей резко ослаблялась, и азиаты-кочевники могли беспрепятственно проникать в Египет. В такие моменты «все азиаты становились подобны египтянам, а египтяне — подобны чужеземцам, выкинутым на дорогу», как выразился Ипусер, свидетель одного из таких набегов кочевников.

Около 1710 г. до н. э. нашествие кочевников-гиксосов, пришедших с севера, завершилось завоеванием Египта. У гиксосов было бронзовое оружие и колесничное войско — этого оказалось достаточно для захвата ослабленной внутренними распрями страны. Несмотря на своё военное превосходство над египтянами, гиксосы не смогли установить прочную власть над всей долиной Нила. Южные номы Египта лишь на словах признавали главенство гиксосских царей, накапливая силы для борьбы против них.

Гиксосы быстро поняли, что им не под силу управлять завоёванной страной — их было слишком мало и опыт степной жизни совсем не подходил к новым условиям. Поэтому гиксосы начали перенимать египетскую систему управления, верования и обряды. Правители гиксосов короновались короной фараонов, принимали египетский царский титул, приближали к себе египетских вельмож. Одновременно гиксосы поощряли переселение родственных им кочевников с Синайского полуострова в Египет, надеясь создать дополнительную опору своей власти.

Но все попытки гиксосов укрепиться в Египте оказались напрасными. Последние гиксосские фараоны жили, запершись в своей столице-крепости Аварис, построенной в низовьях Нила. Борьбу за освобождение Египта от чужеземцев возглавили правители Фив, основавшие восемнадцатую династию фараонов, наиболее блестящую в истории страны. В 1580 г. до н. э. последние отряды гиксосов были изгнаны из приморских областей Египта. Египетская легенда рассказывает о том, что побеждённым гиксосам был предложен выбор: покинуть Египет свободными или остаться в нём рабами. Гиксосы якобы предпочли второе — так притягательна была египетская культура, под влиянием которой они жили в течение 170 лет.

Жрецы были окружены в Древнем Египте всеобшим почитанием. Египтяне очень часто задумывались о том, что ждёт человека после кончины; у них были сложные представления о жизни после смерти, о воскресении людей, исполнивших все необходимые обряды при жизни и похороненных должным образом. Считалось, что жрецы обладают всеми необходимыми знаниями о мире, обеспечиваюшими людям вечную жизнь; наиболее важные из этих знаний были ешё в глубокой древности записаны в «Книге мёртвых», которая была священна для египтян. Только жрецы хранили в своей памяти тексты заклинаний и молитв, обрашаемых к богам, даривших людям тепло и свет, воду и урожай. Помимо магических знаний жрецы обладали навыками возведения сложных архитектурных сооружений, умели следить за движением светил на небосводе, вычислять площади земельных участков, занимались врачеванием.

Как правило, фараоны и жрецы конфликтовали редко; их отношения по большей части были хорошо налажены. Жрецы драгоценные камни. После удачного похода фараоны возвращались с грудами богатств; многое доставалось и простым воинам. Солдат мог пригнать несколько рабов и либо выгодно продать их на невольничьем рынке, либо использовать в своём хозяйстве. Жажда военной добычи была, однако, не единственной причиной, заставлявшей фараонов отправляться с войском в чужие края.

Дело в том, что Египет не имел хорошей древесины для строительства кораблей, рудников для добычи различных металлов и даже камня, необходимого для строительства храмов и дворцов. Чем совершеннее становились египетские постройки и инструменты ремесленников, тем больше страна зависела от ввоза нужных материалов из чужих краёв. Широкое применение меди потребовало постоянного присутствия египетских военных отрядов на Синайском полуострове, где находились самые богатые медные рудники. Из Сирии и Ливана вывозили ценные породы древесины. Ещё сложнее стало положение Египта, когда около 1500 г. до н. э. стала широко применяться бронза — сплав меди и олова. Оружие, изготовленное из бронзы, было намного лучше медного, и армия, вооружённая бронзовыми мечами, стрелами и копьями с бронзовыми наконечниками, имела большое превосходство над противником. Медь египтяне могли достать, а вот оловянных рудников поблизости не было, и знаменитым фараонам эпохи Нового царства (1580—1085 гг. до н. э.) Тутмосу III и Рамсесу II приходилось вести длительные и тяжёлые войны в Сирии и Палестине вплоть до реки Евфрат, чтобы поставить под египетский контроль главные торговые пути, по которым перевозили олово (см. ст. «Хеттское царство»). В отдельных случаях египтяне покупали необходимые им продукты и материалы, но чаще всего они стремились получить нужное силой.

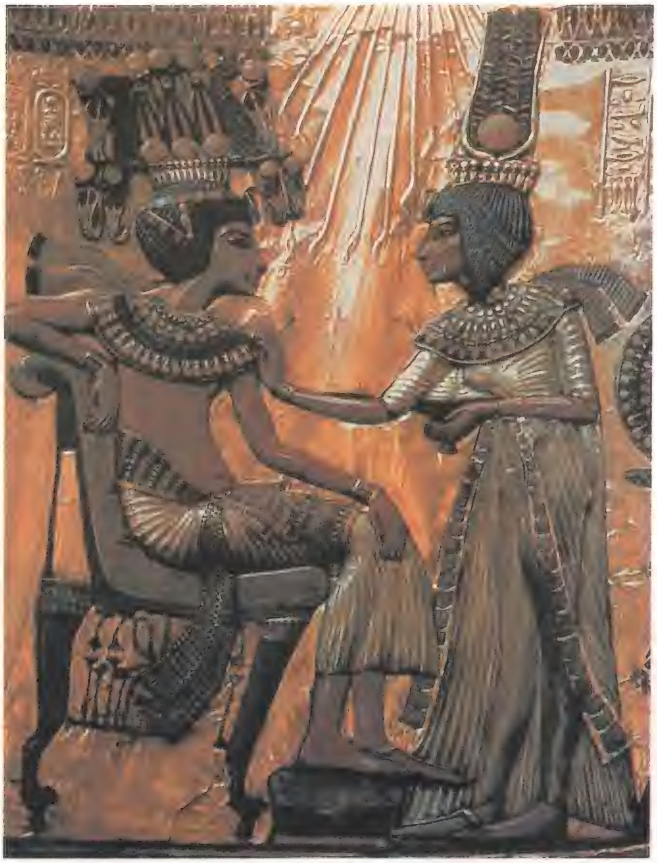
Огромные богатства, накопленные фараонами, позволили египтянам строить так много, величественно и красиво, как не умел ни один народ Древнего Востока. Стройкой руководил специально обученный жрец-архитектор, умевший производить довольно сложные математические расчёты. Имена самых знаменитых архитекторов дошли до нашего времени. Рабочих-строителей, возглавляемых чиновниками-бригадирами, было не так уж много, и они выполняли самую сложную работу — окончательную обработку больших каменных блоков, их шлифовку и укладку. Делалось это настолько тщательно, что даже сейчас, спустя более 4 тыс. лет, между многими каменными блоками невозможно вставить тонкое лезвие бритвы — так плотно они уложены. От точности при обработке и укладке камней зависело очень многое, ведь египтяне не скрепляли камни специальным строительным раствором, а просто клали их один на другой, как делают дети, строящие башню из деревянных кубиков. Прочность и устойчивость здания зависели от того, насколько хорошо «кубики» прилегают друг к другу.

Самые простые работы — перетаскивание тяжестей, грубое обтёсывание камней, прокладка дорог к месту стройки — доставались согнанным из ближних деревень крестьянам. Начальники заботились, чтобы они не сидели сложа руки даже во время разлива Нила, когда работы на полях не было. Труд рабов на стройках использовали редко. Хотя рабов в Египте всегда было немало, до эпохи Нового царства они занимались в основном домашним хозяйством: пекли, стирали, убирали комнаты, сторожили дом хозяев, ткали холсты, ухаживали за домашней птицей.

Свободных египтян чиновники фараона соединяли в «рабочие отряды», состоящие из нескольких десятков человек. Они выполняли множество разных заданий: всего за год человек мог поменять несколько занятий, таких, как обработка полей, рытьё каналов, прокладка дорог, строительство новых зданий. В эпоху Древнего царства (2800—

прославляли царей, а фараоны освобождали храмовые хозяйства от налогов и отработок на государство. Противоречия впервые возникли, когда Египет начал активные военные действия в Передней Азии в эпоху Нового царства (с 1580 г. до н. э.). Храмы требовали свою долю добычи — ведь они снабжали войско фараона и людьми, и скотом, и зерном. В то же время «новые люди», выходцы из низов египетского общества, служившие в армии, были не согласны с таким разделом и претендовали на большую часть захваченного. Столкновение было, по-видимому, таким острым, что около 1500 г. до н. э. при царице Хатшепсут Египет был даже вынужден на время прекратить походы в Сирию и Палестину. Выход был позднее найден в усиленном ограблении завоёванных стран: захваченных рабов, скота и зерна должно было хватить на всех. С 1400 по 1200 г. до н. э. недалеко от города Фивы были построены самые роскошные египетские храмы Карнак и Луксор; их строительство должно было символизировать восстановление союза между царской властью и жрецами.

Пирамида Джосера.



Тутанхамон с женой.

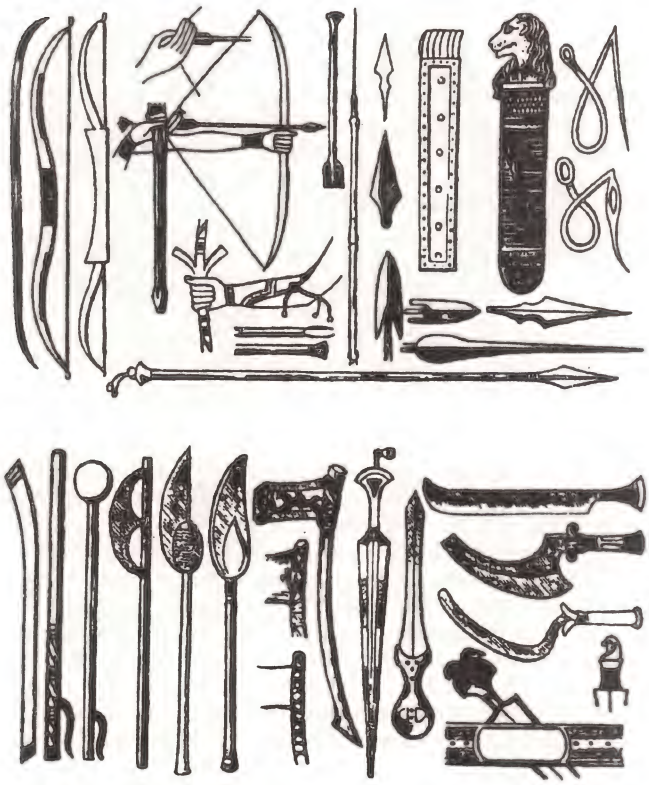
Золотая маска фараона Тутанхамона. XIV в. до н. э.

2250 гг. до н. э.) рабочими отрядами управлял фараон через своих чиновников, и даже знатные люди вынуждены были обращаться к фараону с просьбой выделить им работников для обработки земли. Во времена Среднего царства (2050—1750 гг. до н. э.) вельможи уже обзавелись собственными зависимыми людьми и распоряжались ими по своему усмотрению.

Самые крупные храмы и пирамиды строились десятилетиями. Храм, не достроенный одним царём, завершал его преемник на троне, а вот пирамида иногда оставалась незавершённой. Пирамиды — это гробницы фараонов; гроб с телом царя, превращённым умелыми мастерами в нетленную мумию, устанавливался в потайном помещении внутри пирамиды; входы в погребальную комнату и в саму пирамиду закладывались камнями. Фараон начинал строить для себя пирамиду с первых дней своего правления, но не каждый успевал её закончить.

Самые высокие (их называют «Великими») пирамиды возведены в эпоху Древнего царства неподалёку от города Мемфис, тогдашней столицы Египта, фараонами Хуфу (греки называли его Хеопс) и Хафра (Хефрен). Высота первой из них в древности составляла 146,7 м, второй — 143,5 м. Вершины их довольно сильно пострадали от времени, и сейчас обе пирамиды на несколько метров ниже. При строительстве таких огромных сооружений египетским архитекторам приходилось решать сложные технические задачи. Пирамида Хуфу, например, сложена из 2 млн 300 тыс. каменных блоков, каждый из которых весит около 2,5 т. Общий вес пирамиды — 6,5 или 7 млн т — следовало рассчитать так, чтобы давление на внутренние помещения (галереи, погребальные камеры, святилища) распределялось равномерно и пирамида не обрушилась внутрь от собственной тяжести. Восхищение самих египтян и их соседей Великими пирамидами было настолько велико, что их считали одним из семи чудес света.

Зачем же египтяне строили своим царям гигантские гробницы? Чтобы понять это, необходимо хотя бы немного знать о богах Древнего Египта и о религиозных представлениях его жителей. Современные люди привыкли говорить о человеческой душе; египтяне же считали, что таких душ у человека несколько, и вечная жизнь после земной смерти даруется богами тем людям, за душами которых хорошо ухаживают священники-жрецы. Гробница рассматривалась как пристанище одной из таких душ, которую египтяне называли «ка» (двойник умершего человека). Поэтому цари и вельможи ещё при жизни не жалели золота, серебра, драгоценных камней, чёрного и эбенового дерева, слоновой кости для того, чтобы сделать будущий дом своего «ка» красивым и приятным. К сожалению, большинство гробниц разграблены ворами и разбойниками ещё в далёкой древности. До наших дней дошли лишь отдельные, случайно сохранившиеся и наверняка не самые богатые захоронения фараонов. Широкую известность получила открытая археологами гробница Тутанхамона, молодого царя, умершего в 19-летнем возрасте.



Образцы вооружения египтян.

В Египте почиталось множество богов. Некоторые из них были очень древними и походили больше на животных, чем на людей. Их изображения имеют собачьи головы, рога или другие признаки зверей. Во многих городах обожествляли животных — кошек, быков, крокодилов — и содержали их в специальных помещениях, прудах или стойлах. Оскорбление животных наказывалось смертью, ибо наносился ущерб богам, которых они олицетворяли. В каждом номе были свои боги (иногда мало известные за его пределами), но существовали и общеегипетские божества, храмы которых строились по всей стране: Гор, Ра, Осирис, Исида и др. Наиболее могущественным считали бога самого влиятельного нома. Когда после распада Древнего царства столица страны была перенесена из Мемфиса в Фивы, верховным божеством стал считаться фиванский Амон-Ра. Известно ещё, что фараон Эхнатон попытался запретить поклонение всем богам, кроме бога солнечного диска по имени Атон. Но привязанность египтян к старым богам оказалась сильнее страха перед грозным царём. Попытка Эхнатона не удалась, и его преемники постарались стереть даже память о нём.

Египтяне связывали мифы о богах с явлениями природы, сменой времён года, разливами Нила. Когда начинали дуть жаркие ветры из пустыни, жители Египта говорили о том, что коварный бог пустыни Сет убил своего брата Осириса и теперь безраздельно господствует в мире. По представлениям египтян, слёзы богини Исиды, оплакивающей своего мужа Осириса, вызывали разливы Нила. Начало всхода посевов считалось воскресением Осириса, которого спас его сын Гор.

Всё это стало известно после того, как в XIX в. француз Франсуа Шампольон расшифровал египетские иероглифы, и учёные смогли прочитать надписи в пирамидах и «Книгу мёртвых» с описанием подземного Царства мёртвых. Некоторые из мифов были записаны на папирусе — египетском предшественнике бумаги, изготовлявшемся сложным способом из растения папирус, — и сохранились до наших дней.

Долгое время египтянам удавалось охранять долину Нила от чужеземных вторжений. За первые 2 тыс. лет египетской истории страна всего один раз была завоёвана кочевыми племенами гиксосов около 1710 г. до н. э. (см. ст. «Военное дело Древнего Востока»). Меньше чем через 200 лет завоевателей изгнали, и Египет вступил в эпоху длительного расцвета. Однако по соседству с ним, в Передней Азии, одна за другой стали возникать агрессивные державы. В борьбе с ними Египет устоять не смог. В I тысячелетии до н. э. страну в долине Нила завоевали сначала ассирийцы, потом — иранцы, греки и, наконец, римляне. Но и под чужой властью египтяне долго сохраняли неповторимую культуру, воспоминания о великом прошлом своей родины.

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

До начала XX в. учёные почти ничего не знали о хеттах. «Хетеяне» (в русском переводе) кратко упоминались в Библии. В египетских и ассирийских надписях встречается упоминание о «стране Хета» или «Хатти». Из египетских источников можно понять, что в 1300 г. до н. э. хетты воевали с Египтом за господство над Сирией и Палестиной (см. ст. «Древний Египет»). Борьба эта закончилась, так сказать, «вничью» — значит, хетты оказались достойными соперниками и не уступили мощной египетской державе ни на поле брани, ни в искусстве дипломатии.

Начавшиеся в конце XIX в. раскопки в центральных районах Малой Азии (современная Турция) показали, что центр Хеттского царства со столицей Хаттуса располагался именно здесь. Археологи нашли сотни глиняных плиток, покрытых письменами. Значки на многих плитках оказались знакомы учёным — это была аккадская клинопись, хетты переняли её у жителей Междуречья.

Прочесть их, однако, не удалось — надписи были составлены на неизвестном (хеттском) языке. Расшифровал их в 1915 г. чешский языковед Бедржих Грозный. Он доказал, что хеттский язык родствен славянским, германским, романским языкам, составляющим индоевропейскую языковую семью. Достаточно сравнить хеттские слова «ватар», «далугашти», «небиш» с их русскими аналогами «вода», «долгота» (т. е. длина), «небо». Это открытие стало научной сенсацией. Получалось, что хетты стояли особняком на Древнем Востоке, ведь здесь говорили на языках афро-азиатской семьи, похожих на современные арабский и еврейский. Из глубины веков начали проступать своеобразные очертания мира, в котором жили хетты. Обычаи и установления, свойственные индоевропейским народам, хетты соединили с заимствованными у своих соседей-соперников — ассирийцев, вавилонян, египтян и хурритов.

Остаётся пока неясно, откуда хетты пришли в Малую Азию — с запада, с Балканского полуострова, или же с востока, через горные перевалы Кавказа. Заселённые хеттами земли сильно отличались от обширных речных долин Нила, Тигра и Евфрата. Это были небольшие равнины в горах и предгорьях Малой Азии, отделённые друг от друга горными кряжами и ущельями, бурными, но маловодными речками. Во многих районах Хеттского царства разведение скота оказывалось выгоднее, чем земледелие. Не зря хетты слыли на Востоке прекрасными коневодами; их колесничное войско представляло собой грозную силу.

Присматривать за многочисленными отдалёнными горными долинами цари доверяли своим родичам или вельможам. Таким образом, Хеттское царство складывалось из мелких полусамостоятельных княжеств. Время от времени некоторые из них отпадали, но грозные правители Хаттусы находили способы вновь подчинить их своей власти.

На первый взгляд Хеттское царство казалось слабее своих соседей; историки даже пишут, что оно было «рыхлым», слабо организованным. Однако государство хеттов прекрасно выдерживало военные столкновения с сильными соперниками. За четыре с половиной века своей истории (1650—1200 гг. до н. э.) оно не проиграло ни одного противоборства; лишь в последний период существования державы (1265—1200 гг. до н. э.) хетты уступили мощной Ассирии часть своей территории. А вот далеко не полный перечень крупных военно-политических успехов хеттов. В 1595 г. до н. э. царь Мурсили I захватывает и разрушает Вавилон, приобретая огромную добычу. Примерно в 1400 г. до н. э. другой хеттский царь, Суппилулиума I, разгромив сильное царство Митанни, устанавливает свой контроль над Верхним Евфратом и Северной Сирией. Наконец, в 1312 г. до н. э. (по другим данным, в 1286 г. до н. э.) хеттский царь Муватали, возглавлявший 30-тысячное войско, возле сирийского города Кадеш заманил в ловушку египетского фараона Рамсеса II с большим военным отрядом. Почти все египтяне были уничтожены; спасся только фараон с небольшой охраной (см. ст. «Военное дело Древнего Востока»). Успешно отбивались хетты от соседних полудиких народов вроде касков, наседавших на их границы.

Хеттский воин.

Хеттская боевая колесница.

В чём же секрет силы Хеттского царства? Узнать «военную тайну» можно, приглядевшись к устройству хеттского общества и государства.

Благодаря наличию в Малой Азии рудных месторождений и лесов хетты имели в достатке металлы и древесину, в отличие от государств, располагавшихся в долинах больших рек. Хетты отказались от посредничества ассирийских и вавилонских купцов и пользовались благами природы самостоятельно. Поэтому хеттские цари не стремились захватывать ключевые торговые дороги и города, как это делали правители Египта, Ассирии или Вавилона. У хеттов всё было своё. Они планировали военные походы более свободно, не тратя времени на захват морского порта, таможенной заставы или важного брода через реку. Хеттские цари наносили тщательно подготовленные удары по обширным территориям, охватывая со всех сторон пункты, оказывавшие наибольшее сопротивление. Именно так была завоёвана большая часть Сирии при Суппилулиуме I.

Важную роль играло и то, что Хеттское царство не имело природных границ — крупных рек, горных цепей, труднопроходимых пустынь. Окружённое в той или иной степени зависимыми от него княжествами, оно надёжно чувствовало себя за этим достаточно широким «рыхлым» поясом.

Хетты не хуже своих соседей умели собирать силы в «кулак», когда намеревались нанести удар по врагу; только «пальцы в этом кулаке складывались» иначе, не так, как в Египте или Вавилоне. Вот как наставлял своего преемника на троне хеттский царь Мурсили: «Общайся только с придворными! От горожан и крестьян царю нечего ожидать. Им нельзя верить, а общение с ничтожными лишь порождает опасность». В аналогичном обращении египетского фараона Ахтоя смысл иной: «Не делай различия между сыном знатного человека и простолюдином. Приближай к себе человека за дела его...». Конечно, Ахтой не был демократом. Просто он знал, что главная угроза трону исходит от непокорных еги-

Жрецы напутствуют новобранцев.

петских вельмож. Мурсили же твёрдо рассчитывал на верность хеттской знати. Почему?

Дело в том, что отношения между царём и благородными людьми у хеттов носили иной характер, нежели в Египте или Вавилоне. В отличие от других стран Древнего Востока знатные хетты не считались рабами царя, как остальное население. В Хеттском государстве не требовалось организовывать массы общинников для совместных работ по устройству каналов, возведению храмов и т. д. Поэтому царская власть не была столь безграничной и обожествлённой, как в Египте и Междуречье. «Чистыми», т. е. свободными, хетты признавались, если не несли отработочной (луццы) или продуктовой (саххан) повинности. Они объединялись в собрание воинов — «панкус», от мнения которого зависел выбор нового монарха из числа представителей царского рода. Одним словом, царь не оказывал давления на знать, бывшую надёжной опорой трона. Не случайно другой царь, Хаттусили I, когда ему понадобилось изменить решение о назначении наследника престола, обратился именно к панкусу.

Таким образом, хеттский способ «складывания пальцев в кулак» был более эффективным, чем у остальных народов. Чёткое, простое устройство общества, единство интересов царского рода и свободных хеттов делали этот «кулак» весьма грозным. Хетты не всегда оказывали на своих соседей длительное давление, но при случае умели наносить им короткие удары сокрушающей силы.

Особенности организации хеттского общества выделяют его среди современных ему государств. Некоторые историки даже считают его феодальным. Наверное, это преувеличение. Хетты переняли от культур Малой Азии и Междуречья очень

Основные занятия хеттов были связаны с сельским хозяйством. В хеттских надписях и документах встречается немало слов, имеющих отношение к крестьянскому труду: ферма, овчарня, свинарник, козий загон, стойло, молотильный ток, дровяной сарай, фруктовый сад, луг, пасека, зернохранилище, мельница, водоотвод, плуг, лопата, телега, сбруя... Историки подсчитали, что только для прокорма населения хеттской столицы Хаттусы нужно было обрабатывать ежегодно не менее 160 тыс. гектаров пашни. А Хаттуса была не единственным крупным городом в Хеттском царстве...

Торговля играла сравнительно небольшую роль в жизни простого земледельца-хетта, зато её роль в жизни Хеттского царства была очень велика. Ещё с III тысячелетия до н. э. земли Малой Азии привлекали к себе внимание торговцев из Сирии, Шумера и Аккада. Обилие скота, руд металлов, простых и дешёвых ремесленных изделий, а также рабов, захватываемых в междуусобных войнах, побуждало приезжих купцов основывать в Малой Азии свои поселения-колонии и жить в них безвыездно по нескольку лет.

Но хеттские правители также извлекали выгоды из этой торговли. За право торговать в своих землях они взимали с иноземных купцов немалые пошлины. При участии сирийских и вавилонских торговцев в Хеттском царстве развивались товарные отношения и денежное обращение, из-за чего быстро росло имущественное неравенство. Постепенно хетты взяли в свои руки торговлю с другими странами, вытеснив чужеземных купцов из собственных земель. На вывоз некоторых товаров, например железа, вообще был наложен строгий запрет. Документы рассказывают о нескольких попытках тайного вывоза железа из страны, которым воспрепятствовала бдительная пограничная стража хеттов.

Несмотря на то что по территории Хеттского царства, особенно по его восточной части, проходило множество караванных торговых путей, его жители зависели от ввоза сырья и готовых изделий намного меньше, чем египтяне или вавилоняне: в стране было достаточно древесины, много скота и зерна. К тому же природа богато одарила землю хеттов железными рудами, что и составило их преимущество в борьбе с Египтом и Вавилоном.

многое: письменность, религиозные верования и мифы, законы, обычаи. Даже своё имя они заимствовали от хаттов — более древнего народа, населявшего центральные области полуострова Малая Азия до возникновения здесь Хеттского царства. В древневосточной истории хетты сыграли заметную роль, сумев отвоевать себе место под солнцем. Казалось, что мир уже поделён между державами древности, но ни одной из них опоздавшие к дележу хетты не уступили.

Их царство почти бесследно исчезло примерно в 1200 г. до н. э. Хетты умели противостоять могущественным государствам. А вот перед мощной волной стихийного нашествия десятков племён и народов с Балканского полуострова они оказались бессильны. Она, можно сказать, накрыла Хеттское царство с головой. После разгрома столицы страны Хаттусы сила, объединявшая мелкие княжества, перестала существовать.

Великие царства древности уходили в небытие по-разному: одни раскалывались с грохотом, другие умирали после долгой, тяжёлой болезни. Хеттское же царство растворилось в воздухе подобно неясному видению...

ФИНИКИЯ

Едва греческий корабль причалил в гавани города Тир и матросы начали переносить на берег амфоры с вином и оливковым маслом, как их глазам открылась странная картина. Торговая пристань была заполнена народом. Под мелодичные звуки флейт несколько десятков человек легко подпрыгивали вверх, стараясь следовать музыкальному ритму. Потом вдруг, как по сигналу, все они бросились на землю и начали перекатываться с боку на бок. Греков взяла оторопь, хотя они уже много слышали о странных обычаях финикийцев. Ходили рассказы о том, что ханаанейцы — так называли жителей Финикии — поклоняются кровожадным богам, приносят им в жертву собственных детей, сжигают живьём пленников, захваченных во время войн и пиратских набегов. Старый грек объяснил своим товарищам, что финикийцы молятся на пристани одному из своих главных богов — Мелькарту. Опомнившись, матросы снова засновали по деревянным мосткам с корабля на берег и обратно: если останавливаться возле каждой диковины в чужеземных странах, дохода от торговых путешествий не получишь...

Финикийский корабль.

Греки, можно сказать, не любили финикийцев. Дикими им казались многие финикийские верования и обычаи. Финикийские торговцы были прижимисты, да и слишком часто сталкивались лицом к лицу финикийские и греческие пираты и купцы. Тем не менее и сближало греков с финикийцами очень многое, в частности любовь к дальним морским путешествиям, полным опасностей и приключений. Финикийцы первыми достигли Геракловых столпов (так в древности называли пролив Гибралтар) и рассказали грекам о землях на берегах великого океана.

Финикийцы стали учителями греков в непростом искусстве торговли. Переимчивые греки усваивали язык своих более опытных партнёров. Известно, что в древнегреческом языке слова «золото», «вино», «одежда», «покрывало», «полотно», «нож», «меч», «сукно» имеют финикийские корни. У финикийцев греки заимствовали и алфавитное письмо, изменив его и приспособив к своему языку. Именно купцы финикийских городов — Библа, Тира и Сидона — отказались от применения иероглифов и клинописи при ведении деловых записей и изобрели более удобную для запоминания и чтения разновидность письма. В финикийском алфавите каждый значок-буква передавал определённый звук, и написанные слова действительно можно было читать, а не расшифровывать как сложные иероглифические рисунки, обозначающие то слог, то целое слово. Изобретённое финикийцами алфавитное письмо впоследствии широко распространилось по свету, и сейчас большинство народов мира пользуется алфавитами, происходящими от первого — финикийского.

Диковинные обычаи причудливым образом сочетались у финикийцев с высокой культурой торговли, письменности, ремесла. Вероятно, этот народ казался загадочным уже людям древности, а не только современным историкам. Внимательный взгляд на географическую карту Древнего Востока поможет пролить свет на некоторые тёмные места финикийской истории.

Финикийский золотой амулет.
VII—VI вв до н. э.

Финикийцы — авторы многих новшеств в мореходном деле. Скорее всего именно они изобрели таран — заострённый выступ в носовой подводной части корабля, позволяющий пробивать борт вражеского судна. Финикийские корабелы первыми начали строить парусные торговые суда большой грузоподъёмности (до 250 т груза) и с хорошей устойчивостью. Наверное, финикийцы могли бы строить и более крупные корабли, но для них требовались специально оборудованные, углублённые гавани, которых тогда в Средиземноморье ещё не было.

Свои экспедиции финикийцы совершали чаще всего в глубокой тайне, чтобы о них не прознали торговцы-конкуренты. Когда греки начали понемногу вытеснять финикийцев из давно обжитых ими районов Средиземного моря, отважные финикийские моряки попытались отыскать далёкие новые земли, в которых они чувствовали бы себя полновластными хозяевами. В 450 г. до н. э. их корабли достигли юго-западной оконечности современной Англии — полуострова Корнуолл. Здесь финикийцы начали разрабатывать оловянные рудники.

Отвага финикийских мореходов поражала воображение современников. Жажда наживы и любопытство побуждали моряков Тира и Сидона к дальним и опасным плаваниям в Атлантике. Примерно в 600 г. до н. э. египетский фараон приказал финикийским морякам обогнуть Африку по морю. Греческий историк Геродот рассказывает об этом путешествии: «Финикияне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю («Ливией» Геродот называет всю Африку. — *Прим. ред.*)... а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы столпы (т. е. прошли пролив Гибралтар. — *Прим. ред.*) и прибыли в Египет». Но дальние походы вокруг Африки финикийцы совершали не только по приказанию фараонов — иногда они отправлялись в такие странствия на свой страх и риск. Около 100 г. до н. э. среди живших в Египте греков ходили не вполне достоверные слухи о том, что обломки корабля с украшавшей его нос лошадиной головой (значит — судна финикийцев) были найдены каким-то путешественником на восточном побережье Африки. Если эти рассказы были правдивы, следовательно, финикийцы попали в эти места, обогнув Африку с запада.

Наверное, Средиземное море казалось финикийцам тесным и потому, что отношения между финикийскими городами и их европейскими и африканскими колониями были довольно сложными, а иногда и враждебными. Интересы Тира, Сидона и Библа, с одной стороны, и Карфагена, Утики и Гадеса — с другой, совпадали далеко не во всём и не всегда. К тому же колонии нередко основывались беглецами, проигравшими борьбу за власть в родном городе. Но, несмотря ни на что, отношения между финикийскими городами и их колониями оставались достаточно тесными; ведь боги, которым молилось население колоний, продолжали «жить» в горах Ливана в своих древних храмах. Эти связи были намного сильнее, чем интерес финикийских колонистов к своим африканским и европейским соседям: финикийцы в колониях чаще всего не вступали в контакты с местным населением, как, например, поступали греки, а ограничивались лишь меновой торговлей.

Библ, Тир и Сидон располагались на побережье Средиземного моря, на территории современного Ливана. Здесь сходились торговые пути Передней Азии. По узкой полоске между скалами и морем, по дороге, буквально нависавшей над водой, в III—II тыс. до н. э. шли бесконечные караваны. Они двигались с севера на юг, в Египет и Палестину и в обратном направлении. Время от времени там появлялись военные отряды египтян, хеттов и ассирийцев, грабившие финикийские торговые караваны. Существовали и морские торговые пути, проложенные финикийцами. Их гавани были единственными удобными морскими портами в Восточном Средиземноморье, и к ним сходились нити и морской торговли, и морского разбоя. Одним словом, финикийцы жили как бы в «коридоре», в то время как другие народы Передней Азии занимали каждый свою «комнату».

Финикийцы постоянно испытывали давление со стороны более сильных и воинственных соседей, и создать собственное крепкое государство им так и не удалось. До 1000 г. до н. э. господствующее положение в Финикии занимали египтяне. Они вывозили отсюда ценную древесину, необходимую для постройки кораблей. После ослабления Египта, примерно с 900 г. до н. э., Финикию начинают прибирать к рукам ассирийские цари. За 100 лет мирной передышки (1000—900 гг. до н. э.) финикийцам удалось многое: царь Тира Хирам объединил под своей властью все прибрежные земли, значительно расширил островок, на котором располагался Тир, присыпав

Крылатые духи.
Рельеф. Слоновая кость.
750 г. до н. э.

к нему землю со стороны материка, построил новые храмы Мелькарта и верховной богини Астарты, а в храм бога Ваала пожертвовал золотую колонну.

Обычно каждый из крупных финикийских городов выступал как центр небольшого самостоятельного царства. Власть царей была слабой, её ограничивали советы городских старейшин. Более того, правители финикийских городов именовали себя «царями» только перед своими подданными. В дипломатической переписке ни египтяне, ни хетты не называли «царями» правителей Библа, Тира и Сидона.

После захвата Финикии ассирийцами местным жителям пришлось навсегда отказаться от далеко идущих политических планов и сосредоточиться на выгодах морской и сухопутной торговли.

Финикийцы умели извлекать выгоды из жизни в «проходном дворе» Передней Азии. Технические новшества, ремесленные приёмы они осваивали быстро. Уже к 1500 г. до н. э. в Библе научились окрашивать шерстяные ткани в очень красивый пурпурный цвет. Эти ткани сразу же вошли в моду и пользовались огромным спросом — купить их могли только очень богатые люди. Раскопки древних финикийских городов открыли взглядам археологов груды пустых раковин, оставшихся после получения краски: судя по количеству отходов, можно догадываться о размахе производства и богатстве финикийских торговцев тканями. Краситель добывался из морских моллюсков, и тайну его производства финикийцы не открывали никому. Высоко ценились в древности и прекрасные изделия финикийских ремесленников из бронзы и серебра, а позднее — знаменитое стекло из Сидона, секреты изготовления которого уже в Средние века перешли к венецианцам.

Финикийские купцы.

Привычка получать большие барыши при достаточно свободной жизни под властью слабых местных правителей побуждала финикийских торговцев ускользать от нажима египетских и ассирийских царей. Спасти свою жизнь и имущество можно было, переселившись в одну из торговых колоний, основанных финикийцами на Африканском (Утика и Карфаген) и Европейском побережьях Средиземного моря, на Атлантическом побережье современной Испании (город Гадес). Существовали финикийские колонии и на островах Кипр, Мальта, Сардиния и Сицилия. Греки начали создавать заморские колонии позже финикийцев и, как правило, не селились в освоенных теми местах. Только Сицилия показалась грекам лакомым куском, и они оттеснили потомков переселенцев из Тира к западной оконечности острова.

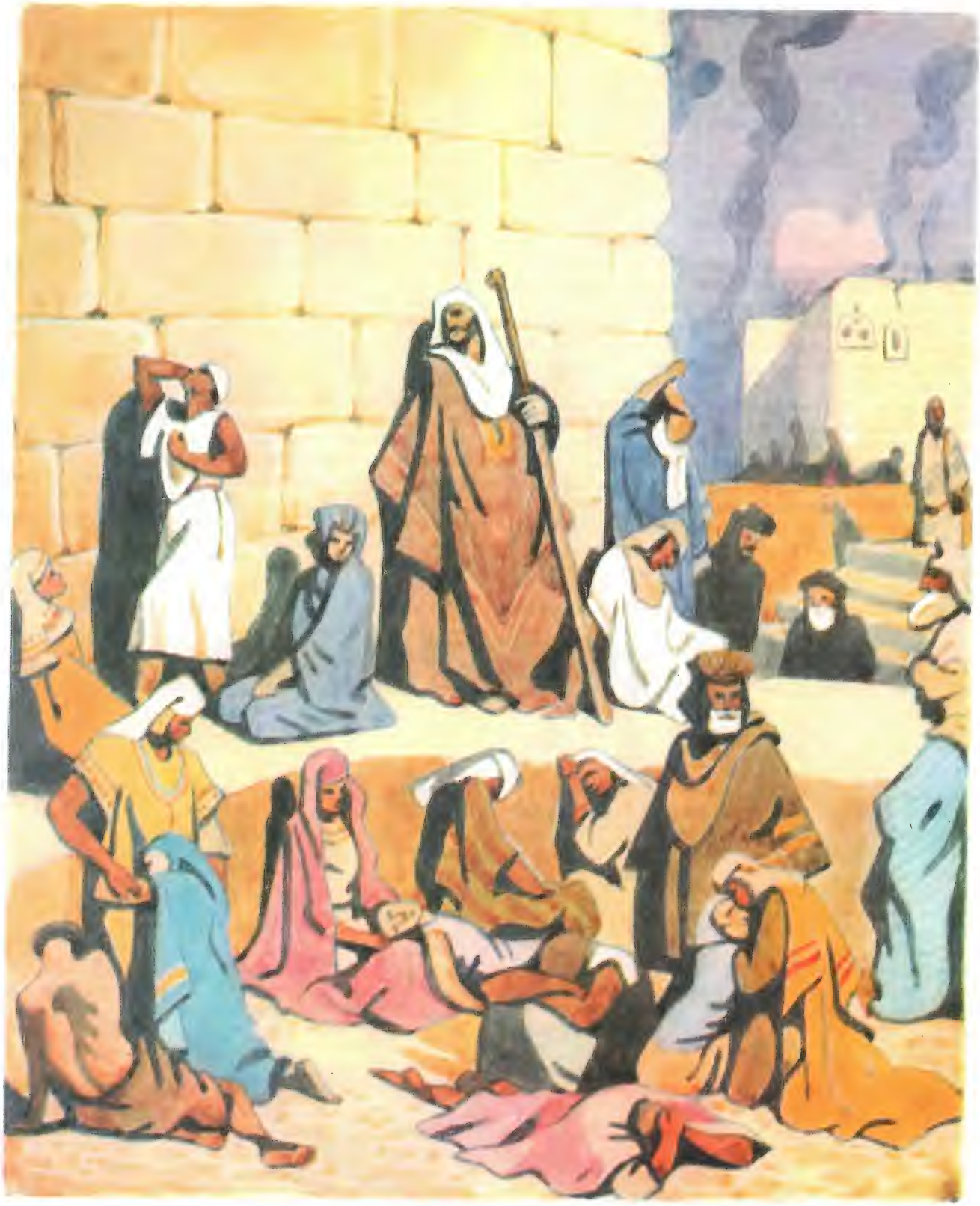
Финикийцы первыми протянули через Средиземное море нити торговых связей, соткав из них потом частую сеть. Они определили времена года, удобные для дальних плаваний, разведали укромные, защищённые от ветров бухты и устроили удобные гавани. Корабли из Тира с носами, украшенными деревянными лошадиными головами, в течение долгого времени натягивали нити, связывавшие Египет и Сицилию, Кипр и Иберию, как в древности назывался Пиренейский полуостров. Но сделать следующий шаг и сплотить, подобно грекам, все средиземноморские земли в единое культурное пространство финикийцы так и не смогли. Для этого у них, по-видимому, не оказалось достаточно прочной государственной и политической основы. К тому же финикийское общество как бы раздвоилось: верхи легко перенимали высокую культуру Египта и Вавилона, а простой народ упорно держался за древние обычаи и верования. Финикийцы на протяжении своей долгой истории (Библ существовал уже во второй половине III тысячелетия до н. э.) пытались соединить несоединимое: они желали оставаться господами в мире золота, драгоценных сосудов, пурпурных тканей и при этом стремились за горизонт, за Геракловы столпы — туда, где нет ни деспотов, ни рабов.

ИУДЕЯ И ИУДЕЙСКИЕ ВОЙНЫ

В конце XIII в. до н. э. Палестина стала землёй обетованной для еврейских племён, вытесненных из Верхней Месопотамии вместе с другими семитскими племенами арамеев-сутиев. Кочевым племенам, пришедшим из пустыни, Палестина действительно могла показаться райским уголком, хотя на самом деле это страна контрастов. Здесь есть и пустыни, и плодородные долины, и нагорья, и болота, и горы со снежными вершинами. Земля Ханаан (так древние евреи называли Палестину), в которую бог Яхве повелел идти Аврааму, легендарному предку всех еврейских, арамейских и арабских племён, оказалась оживлённым перекрёстком. Через неё проходили важные торговые пути, соединявшие цивилизации древности. Стремление получить выгоды, связанные с возможностью контролировать торговлю огромного региона, сталкивало державы Древнего Востока в желании установить господство над Палестиной. Она была постоянным полем сражений, по её тропам шло непрекращающееся движение не только торговых караванов, но и войск враждующих сторон. На определённом этапе развития еврейского народа это обстоятельство предопределило многое в его исторической судьбе.

История древнееврейского народа нашла отражение в Библии — уникальном своде мифов и религиозных трактатов, исторических хроник и романтических повестей. Но восстановить, как развивались события во время появления еврейских племён в Палестине, по текстам Библии невозможно. Согласно Библии, прежде чем прийти в Палестину, израильтяне, потомки внука Авраама, Иакова (его второе имя — Израиль), обосновались в Египте. Там они попали в рабство. Стенания угнетённого народа услышал бог Яхве и призвал Моисея, еврея из колена (племени) Левия, вывести народ израильский из Египта. На Синайской горе Яхве явился Моисею и дал ему десять заповедей — запретов и повелений, регулирующих поведение человека перед Богом. Между народом Израиля и Богом был заключён договор — Завет. Народ обещал исполнять волю Бога, за что Яхве даровал ему землю Ханаан. Нарушение завета грозило жестокими карами вплоть до полного истребления народа. Моисею не было суждено ступить на землю Ханаана. Предводителем еврейских племён, появившихся в Палестине, Библия называет Иисуса Навина. Библейский рассказ о пребывании евреев в Египте и исходе из него учёные считают мифом, не подтверждаемым историческими источниками. Моисей и Иисус Навин — такие же, очевидно, мифические герои, как и богатырь Сам-

Пророки.



Казнь восставших зелотов.

сон, побивший, как рассказано в Библии, вражеское войско одной ослиной челюстью.

Утверждение еврейских племён в Палестине проходило в жестокой и длительной борьбе с древнейшими обитателями этой земли — ханаанеями семитами, говорившими на языке, близком еврейскому. Одновременно евреям приходилось отбиваться от наступающих из пустыни кочевников. Подчинить своему влиянию Древнюю Палестину пытались хетты и Египет. Опасность сплотила еврейские племена и ускорила процесс превращения союза племён в государство. В XIII в. до н. э. в Палестину вторглись филистимляне, участники переселения «народов моря» — разнообразных по происхождению племён, уничтоживших могущественную Хеттскую державу и заставивших Египет защищаться от их натиска. Таким образом, земля Ханаан на некоторое время избавилась от тягостного внимания соседних великих держав, что и позволило создать в Палестине довольно сильное государство Израиль. Время его существования — самая любимая для еврейского народа страница его истории, его золотой век.

12 колен (племён) Израиля объединились для борьбы против филистимлян, сумевших закрепиться на плодородной прибрежной полосе Палестины. Своим царём израильтяне избрали Саула из колена (рода) Вениамина (около 1030 г. до н. э.). Саул одержал ряд побед над филистимлянами и изгнал их из большей части Палестины. Но затем начались неудачи, вызванные претензиями на власть со стороны честолюбивого и умного Давида из племени Иуды. Когда Саул и его сыновья погибли в битве с филистимлянами, царём был избран зять Саула Давид (около 1000 г. до н. э.). Он изгнал завоевателей из страны, подчинил последние независимые ханаанские города-государства и в 995 г. до н. э. взял их неприступный, расположенный на скале город Иерусалим. Этот город стал столицей его государства, границы которого значительно расширились. Давид контролировал теперь всю торговлю между Египтом и Междуречьем. При нём Иерусалим стал не только политическим, но и религиозным центром Израиля. Сюда был перевезён Ковчег Завета, священный ларец, в котором, по представлениям евреев, незримо пребывала магическая сила сурового Яхве, ставшего верховным божеством еврейского пантеона.

Стена плача.

Библия рассказывает, что у Давида было многочисленное и сварливое потомство, с которым старый царь никак не мог справиться. Уже при его жизни при дворе начались интриги и борьба за власть. После смерти Давида его младший сын Соломон, убив брата и его приверженцев, в 965 г. до н. э. стал царём Израиля. Соломон оказался энергичным правителем и ловким дипломатом. Получив в наследство богатое и сильное государство,

он приумножил его мощь. Соломон заключил союз с Египтом и Финикией, установил контроль над Акобским заливом в Красном море, построил там гавань и вместе с финикийцами занялся морской торговлей. По всей стране возводились мощные крепости, а в Иерусалиме с помощью финикийских архитекторов и ремесленников были построены царский дворец и храм бога Яхве.

Грандиозное для небольшой страны строительство, многочисленное чиновничество и наёмное войско требовали больших средств. При Соломоне в царстве Израиль вводятся единая налоговая система, десятина и трудовые повинности. Племя Иуды, откуда происходили Давид и Соломон, получило ряд привилегий, что вызвало недовольство других племён. К тому же Египет, не желавший усиления государства Израиль, начал оказывать помощь всем его противникам. В 928 г. до н. э. после смерти Соломона единое государство Израиль распадается на два независимых и постоянно враждующих друг с другом царства: южное — Иудею и северное, — сохранившее название Израиль.

Распад страны совпал с наступлением на Палестину соседних крупных держав, которое закончилось катастрофой для еврейского народа. В 722 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II захватил столицу Израиля Самарию, разорил город и увёл в Ассирию значительную часть населения государства. Израильское царство навсегда сошло с исторической арены, а уведённые в плен без следа растворились среди населения Ассирийской державы.

Иудея осталась в стороне от ассирийского нашествия и сохранила свою независимость. В VII в. до н. э. Ассирия начинает слабеть, и в Иудейском царстве появляется надежда на восстановление былого могущества. Но по следам Ассирии пошли сначала Египет, а затем Вавилония. В 586 г. до н. э. нововавилонский царь Навуходоносор II взял столицу Иудеи Иерусалим, разрушил храм бога Яхве и значительную часть населения увёл в Вавилонию. Так началось знаменитое «вавилонское» пленение. Иудеи, переселённые в Вавилонию, не утратили своей национальности, как это случилось с уведёнными в Ассирию израильтянами, прежде всего потому, что изгнание не было долгим. Уже в 538 г. до н. э. иранский царь Кир II после взятия им Вавилона разрешил иудеям вернуться на родину.

Бедствия, обрушившиеся на Израиль и Иудею, привели к мучительной и трагической переоценке ценностей. Большая роль в этом принадлежала так называемым «пророкам», возглавившим новое религиозно-политическое движение сначала в Палестине, а затем и среди переселённых в Вавилонию иудеев в течение VI—V вв. до н. э. В своих проповедях они предсказывали судьбу народа, обличали неправду и зло, выступали против неправедного богатства и угнетения народа. Пророки призывали еврейский народ признать бога Яхве единственным Богом, Творцом, избрав-

Штурм крепости.

шим еврейский народ, чтобы он возвестил миру истину. Все беды они объясняли тем, что евреи нарушили Завет, заключённый Моисеем с богом Яхве. Только строгое соблюдение заповедей, данных Богом Моисею, могло, по их утверждениям, спасти еврейский народ и возродить былую славу Израиля.

Культ бога Яхве становится для иудеев символом национального единства, а восстановление национальной самостоятельности неразрывно связывается с восстановлением храма Яхве в Иерусалиме. Поэтому, после того как Кир II разрешил евреям вернуться на родину, священники иерусалимского храма стали высшей религиозной и политической властью Иудеи.

Вся последующая история еврейского народа — это бесконечная ожесточённая борьба за независимость. После завоевания Иранской державы Александром Македонским Иудея вошла в состав его государства, а затем попеременно становилась добычей то птолемеевского Египта, то правителей державы Селевкидов.

Внутренняя жизнь Иудеи III—II вв. до н. э. отличалась большим напряжением. Находясь под управлением эллинов, она подвергалась сильному влиянию греческой культуры. Различные слои общества Иудеи относились к этому по-разному. Остро стоял вопрос о том, должен ли еврейский народ сохранять свою обособленность, строго соблюдая Завет, или стать открытым для восприятия эллинизма. В 167 г. до н. э. селевкидский царь Антиох IV под угрозой смертной казни запретил выполнять законы Яхве. Это послужило толчком к началу Маккавейской войны (167—142 гг. до н. э.). Борьбу возглавили Маттатия из священнического рода Хасмонеев и его сыновья. Война, получившая название по прозвищу одного из его сыновей, Иуды Маккавея, закончилась обретением независимости.

Под властью правителей из династии Хасмонеев (142—76 гг. до н. э.), казалось, возродилось сильное государство Давида. Хасмонеи включили в состав государства всю Палестину, и оно стало приобретать черты эллинистической монархии. Победа укрепила в иудеях веру в действенность договора с богом Яхве, в их избранность. Но изменения в экономической и политической жизни общества требовали и реальных нововведений, которые открыли бы возможности для диалога с окружающим миром.

Арка Тита в Риме. Рельеф с римскими легионерами, несущими огромный семисвечник и другие сокровища из Храма в Иерусалиме.

Однако время, отпущенное Иудее для свободного развития своей культуры и государственности, истекло. В 63 г. до н. э. на территорию Палестины вторгся римский полководец Помпей. После трёхмесячной осады он взял Иерусалим, и Палестина стала римской провинцией. Некоторое время Иудея сохраняла номинальное самоуправление, а потом окончательно превратилась в римскую провинцию с прокуратором во главе.

Вхождение в состав Римской империи не изменило характера борьбы между различными группировками внутри Иудеи, а лишь обострило её. Высшее духовенство и крупные землевладельцы составили партию саддукеев, выступавшую за сотрудничество с римскими властями и против чересчур мелочного соблюдения Завета. Их непримиримые противники фарисеи требовали строгого исполнения воли Бога, но недостаточно последовательно боролись с римлянами (поэтому слово «фарисей» стало синонимом лицемера).

В среде простого люда Иудеи в это время получает широкое распространение вера в скорое пришествие избавителя, Мессии, посланника бога Яхве, который спасёт народ от гнёта чужеземцев и установит царство правды на земле. Наиболее яростными и последовательными защитниками этих идей были зелоты и ессеи, сыгравшие большую роль в возникновении христианства. Зелотов римляне называли «сикариями» (что значит «убийцы»), так как те использовали террористические методы борьбы. Непрекращающаяся борьба между этими религиозно-политическими группировками, неудачные попытки восстаний подвели Иудею к трагическому взрыву — Иудейской войне (66—70 гг. н. э.).

В 66 г. в городе Цезарее произошло столкновение между эллинизированной частью населения, поддержанной прокуратором Гесием Флором, и сторонниками Завета. В ответ на это римский гарнизон в Иерусалиме был перебит, и восстание охватило всю Иудею. Император Нерон направил против восставших войска под командованием Тита Флавия Веспасиана (см. ст. «Римские императорские династии»). Римлян встретило ожесточённое сопротивление, но многие из фарисеев, принявших участие в восстании, испугались его размаха и перешли на сторону Рима. Среди них был военачальник Иосиф Флавий, написавший впоследствии «Историю Иудейской войны». Он происходил из знатной еврейской семьи, принадлежавшей к влиятельному иерусалимскому жречеству. Потерпев ряд поражений, Иосиф Флавий сдался в плен к римлянам и помогал им в покорении Иудеи.

В 70 г. сын Веспасиана Тит с огромной армией осадил Иерусалим. Жители города защищались с необыкновенным мужеством. С потрясающей силой описана трагедия города в истории Иосифа Флавия. Люди, истощённые голодом и болезнями, умирали прямо на улицах. Когда город сдался, Тит приказал сровнять его с землёй. Иерусалимский храм был разрушен, и иудеям под страхом смертной казни запретили входить в город. Оставшееся в живых население было продано в рабство.

В течение 60 лет стоял в разрушенном Иерусалиме прославившийся своей жестокостью Десятый римский легион. Император Адриан во время поездки по восточным провинциям пришёл к мысли решить проблему Палестины путём насильственной ассимиляции иудеев. В 131 г. он основал в Иерусалиме колонию Элия Капитолина, а на месте разрушенного храма хотел построить святилище Юпитера Капитолийского.

Осквернение святого места подняло в 132 г. иудеев на новое восстание. Во главе его стоял Симон Бар-Кохба (Сын Звезды). Он освободил на короткий срок Иерусалим и большую часть Палестины и объявил себя царём Израиля. Адриан послал против повстанцев своего полководца Юлия Севера, который снова занял Палестину и в 136 г. захватил последнюю крепость восставших Бетар. В Бетаре погиб Бар-Кохба, а оставшиеся в живых были проданы в рабство или бежали из страны, которая подверглась беспощадному опустошению.

Вторая иудейская война довершила процесс рассеивания евреев по всему свету. Уже вавилонское пленение положило начало так называемой диаспоре — рассеиванию. В иранский и эллинистический периоды вынужденное изгнание превратилось в добровольную эмиграцию. Большие еврейские колонии существовали в Вавилоне, в Египте на острове Элефантина и в Александрии; в Риме тоже была довольно значительная по численности еврейская община. После восстания Бар-Кохбы диаспора охватила Грецию, Македонию, Киренаику.

Греческий географ Страбон писал: «Евреи населяют почти все города, и в мире нелегко найти место, где бы не жили представители этого племени». Религиозные и национальные чувства, обострённые трагической судьбой их родины, связывали евреев диаспоры крепкими узами и не давали раствориться среди народов, к которым забрасывала их судьба.

Ваза из Иерихона. 1700 г. до н. э.

АССИРИЯ

«Я — Синаххериб, великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии, царь четырёх стран света...» — так ассирийский царь Синаххериб начинает рассказ о своих военных походах. Он приказал мастерам нанести эти горделивые слова на камень, чтобы слава о его могуществе сохранялась вечно...

Дошли до нас и высеченные из камня изображения ассирийских царей в полный рост; их лица и фигуры выражают мощь, решимость смести всё на своём пути, преодолеть любую преграду. Взгляд царя — хищный взгляд орла, руки с выпуклыми мышцами напоминают львиные лапы, пышные волосы, уложенные на спине, — львиную гриву; царь стоит на земле непоколебимо, как бык...

Наверное, в древности не было народа, который поклонялся бы силе и власти так, как ассирийцы. Слова царя Синаххериба не были хвастовством. Во время его правления (около 700 г. до н. э.) в состав Ассирийской державы входили Вавилония, Сирия, Палестина с Иудеей, отдельные районы Закавказья. При наследниках Синаххериба Ассирия присоединила на некоторое время также Египет и Элам. Синаххерибу с его наследниками удалось завоевать почти «весь обитаемый мир» (конечно, в пределах, известных ассирийцам).

Начиналась же история Ассирии довольно мирно. Её древней столицей был небольшой город Ашшур, от которого позднее получила своё название и вся держава. Ассирия стала первой в ряду могущественных империй древности. Ещё последнем веке II тысячелетия до н. э. на улицах Ашшура редко встречались воины, но там было очень много купцов. Как же получилось, что небольшой торговый город превратился в центр огромной державы, наводившей ужас на народы Передней Азии?

Ашшур располагался в верхнем течении реки Тигр, где жили в основном семитские народы. Здесь сходились торговые пути Древнего Мира. С севера на юг, в Междуречье, везли золото и серебро, медь и олово, рабов. В северные земли отправляли для продажи зерно и растительное масло, изделия искусных ремесленников. Жители Ашшура со временем поняли, что смогут разбогатеть, покупая товары в одних странах и перепродавая в других. Заниматься посреднической торговлей могли только умные, хитрые и отважные люди. Купцу приходилось отбиваться от нападений разбойников; он должен был уметь ладить с вождями диких племён, у которых покупал рабов; ему следовало знать языки, нравы и обычаи чужих стран, быть обходительным с царями и их вельможами, потому что самые дорогие товары продавались в царских дворцах. Для удобства торговли в чужих землях купцы строили свои посёлки, жили там среди местных жителей и лишь изредка возвращались на родину за товаром.

В самом же Ашшуре богатые купцы заправляли всеми городскими делами. Высокие должности в городском управлении занимали жрецы самых почитаемых храмов. Царей в Ашшуре ещё не было. Город рос и богател, не нуждаясь в далёких военных походах.

Ассирийцы жили в плодородных степных предгорьях. Земля здесь давала обильные урожаи

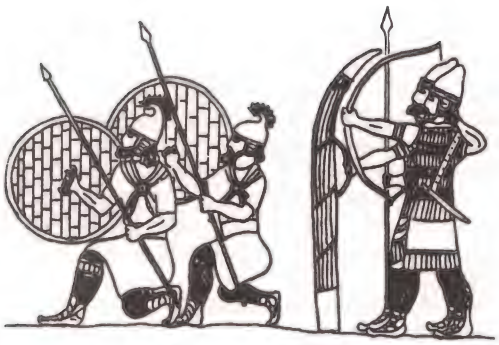
Царская охота.

Ашшурбанапал, один из последних ассирийских царей, собрал в своей столице Ниневии богатейшую библиотеку шумерских и вавилонских литературных произведений и научных трактатов. Достоинства этой библиотеки заключались не только в большом количестве «глиняных книг», собранных царём. Впервые в истории книги подбирались и расставлялись по разделам, с учётом содержания; посланцы царя разъезжали по всей стране, разыскивая в храмах древние таблички и списывая их для царской библиотеки. Царь внимательно следил за пополнением библиотеки. Похоже, что он поставил перед собой цель собрать и сохранить всё значительное, что было написано в Междуречье за два с половиной тысячелетия истории страны.

Внимательное изучение древних табличек побуждало некоторых из ассирийских вельмож к самостоятельному литературному творчеству. Очень выразительны ассирийские анналы — рассказы о военных походах царей, а также нравоучительные истории вроде повести о премудром писце и советнике ассирийских царей по имени Ахикара. Возможно, расцвет ассирийской литературы был уже не за горами, когда в 612 г. до н. э. вавилоняне и мидяне поставили последнюю точку в ассирийской истории.

Подобно литературным вкусам ассирийцев, их художественные пристрастия также развивались под вавилонским воздействием. В то же время скульптурные украшения царских дворцов в Ниневии показывают, что ассирийцы любили точность в деталях изображений, их реализм, умели изящно располагать фигуры на барельефах. Вавилонское изобразительное искусство этого времени было более символичным; художники стремились передать в первую очередь смысл изображения, обращая мало внимания на реалистические детали. Одним из высших достижений ассирийской скульптуры справедливо считаются барельефы умирающей львицы, убитой Ашшурбанапалом во время царской охоты на львов.

Переправа ассирийских воинов на бурдюках.



Лучники.

без дополнительного полива, поэтому оросительные каналы и земляные плотины были чаще всего не нужны. Большая крестьянская семья обрабатывала свой надел самостоятельно, не обращаясь за помощью ни к соседям, ни к храму, пасла быков и овец в широких и привольных окрестных степях. Ассирийский крестьянин мог сам прокормить себя и свою семью, был свободен и независим, платил сравнительно небольшие налоги.

Это может показаться странным, но именно из-за своего благополучия ассирийская деревня почти не менялась на протяжении веков. В ней долго сохранялись первобытные порядки, полная власть отца над всеми членами семьи, очень крепкие связи между крестьянами-общинниками. Деревни исправно поставляли в город продуктовые налоги и молодых мужчин для пополнения армии, а город почти не вмешивался в сельские дела. Независимое, зажиточное крестьянство было главной опорой ассирийского государства.

В первый раз мирная и богатая жизнь Ашшура была поставлена под угрозу около 1800 г. до н. э. В это время соседние государства Вавилон и Мари, а позднее новое царство Митанни и хетты стали вытеснять ассирийских купцов с насиженных мест и богатых рынков. Ашшур попробовал было воевать, но сил для неравной борьбы не хватило, и он потерял независимость. На несколько веков торговый город на Тигре уходит в тень.

Примерно в 1350 г. до н. э. ассирийцы вновь стали независимыми от Митанни и Вавилона благодаря помощи своих союзников — египтян. Теперь нужно было завладеть дорогами, которые вели к побережью Средиземного моря, к богатым сирийским городам. Самым важным участком были переправы через реку Евфрат, которые не мог миновать ни один купец. Для достижения независимости и для борьбы за свои интересы необходима была дисциплинированная, хорошо организованная, сильная армия под единым руководством. Так военачальник Ашшура («ишшаккум»), власть которого передавалась по наследству, набрал силу и принял царский титул.

К ассирийцам приходит военная удача. Они сокрушают расположенное в среднем течении

Ассирийцы грабят город.

Евфрата царство Митанни, присоединяют часть его территории, строят у реки крепости и на протяжении двух веков (1300—1100 гг. до н. э.) удерживают переправы через Евфрат, ведущие к морю. Благодаря этому они ограничивают торговлю соперников и собирают большие пошлины с купцов. Иногда ассирийская армия отправлялась и в дальние походы. Вернувшись из такого похода с большой добычей, царь нередко строил столицу-крепость, охраняя в ней свои сокровища. Последней и наиболее роскошной из таких столиц стала позднее Ниневия — самый известный из ассирийских городов. Древний Ашшур всё более отходит на задний план: улицы новых городов заполняют уже не торговцы, а солдаты.

Военные успехи ассирийцев были блестящими, но слабость царской власти всё же сказывалась. Жрецам и знати не нужен был сильный царь. Они привыкли сами управлять страной. Даже знаменитый полководец победитель Вавилона царь Тукульти-Нинурта I (1244—1208 гг. до н. э.) был объявлен сумасшедшим и лишён трона, едва он попытался установить в Ассирии свою неограниченную власть и ввести пышные придворные церемонии по вавилонскому образцу. Страной по-прежнему правили богатые торговцы и жрецы; они уступали царю славу и военную добычу, но не власть. В мирное время царь запирался в своей столице-сокровищнице, и особой надобности в нём никто не испытывал.

Этот порядок был нарушен около 1100 г. до н. э. нашествием кочевников-арамеев. Ассирийцы потеряли все владения на Евфрате, часть территории на Тигре и отступили в ближние предгорья. По соседним странам кочевники нанесли ещё более сильный удар. Поэтому, когда ассирийцы оправились и начали новые завоевания в Передней Азии (около 900 г. до н. э.), у них в течение ещё 100 лет не было достойных соперников.

Ассирийские цари сумели воспользоваться обстоятельствами и значительно укрепили свою власть. Они применяли новый способ ведения войны, устрашивший все народы Передней Азии (см. ст. «Военное дело Древнего Востока»). Ассирийцы нападали всегда неожиданно и быстро, подобно удару молнии. Пленных чаще всего не брали: если население захваченного города сопротивлялось, то его уничтожали полностью в назидание всем непокорным. Добиваясь от побеждённых послушания, их лишали родины, тысячами перегоняя новых подданных царя в другие места, нередко очень далеко. Всё делалось для того, чтобы устрашить завоёванные народы, сломить их дух, волю к свободе. Ассирийцы грабили покорённые страны десятилетиями.

Однако грозные ассирийские цари так и не смогли надолго объединить завоёванные страны, создать крепкое государство. Зоркость орла помогала им быстро замечать мятежи на окраинах державы, львиная храбрость — противостоять врагам в открытом бою, упорство быка выручало тогда, когда поражение казалось неминуемым, но этих качеств было недостаточно для решения новых задач.

Без конца грабить завоёванные страны оказалось невозможно: некому стало засевать собственные поля и заниматься ремёслами. У ассирийцев было слишком много военачальников и слишком мало чиновников, чтобы собирать налоги. Писец мог заменить солдата только там, где население добровольно согласилось бы жить под властью ассирийцев. Таких народов на Древнем Востоке не было — захватчиков ненавидели все.

Сложность возникла у ассирийцев и с торговыми городами, которые на протяжении всей своей истории пользовались особыми правами: они не платили больших налогов, их жители освобождались от армейской службы. Сохранить эти привилегии ассирийцы не хотели, но и отменить их тоже не могли, опасаясь постоянных мятежей.

Одним из таких вольных городов был Вавилон. Культуру, религию и письменность ассирийцы переняли в основном от Вавилона. Уважение к этому городу было столь велико, что на некоторое время он стал как бы второй столицей Ассирии. Правившие в Ниневии цари делали богатые подарки вавилонским храмам, украшали город дворцами и статуями, а Вавилон тем не менее оставался центром опасных заговоров и мятежей против ассирийской власти. Дело кончилось тем, что царь Синаххериб в 689 г. до н. э. приказал уничтожить весь город и затопить место, на котором он стоял (см. ст. «Вавилон»). Ужасный поступок царя вызвал недовольство даже в самой Ниневии, и, хотя город был быстро отстроен заново при сыне Синаххериба Ассархаддоне, отношения между Ассирией и Вавилоном испортились окончательно. Ассирия так и не смогла опереться на авторитет важнейшего религиозного и культурного центра Передней Азии.

Главная же беда ассирийцев оказалась тесно связанной с их блестящими военными победами.

Охота на львов.
Ассирия. 883—559 гг. до н. э.

В войнах с сильным и молодым государством Урарту (800—700 гг. до н. э.) ассирийская держава не раз бывала на грани поражения (см. ст. «Урарту»). Чтобы победить, ассирийцы заменили (около 750 г. до н. э.) ополчение армией, состоящей из солдат-наёмников, специально обученных военному делу. Чтобы содержать такое войско, цари вынуждены были снова и снова отправляться в грабительские походы.

С этого времени быстро ухудшается положение свободных крестьян — прежних ополченцев. Вельможи начинают закабалять и порабощать их. Обездоленные ассирийцы, смешиваясь с пригнанными из дальних стран несвободными людьми, оказываются у себя на родине в меньшинстве... Могущество великой державы начинает быстро ослабевать. И в 614 г. до н. э. мидяне взяли древнюю столицу страны Ашшур, а через два года они в союзе с освободившимся Вавилоном разгромили Ниневию (см. ст. «Древний Иран»).

Ассирия исчезла с лица земли. Оказалось, что создать крепкое государство с помощью страха, насилия и грабежей невозможно. Этому учит и история небольшого городка, купцы которого сначала хотели лишь одного — свободно торговать на мирных восточных рынках.

УРАРТУ

К 800 г. до н. э. над странами Передней Азии нависла угроза ассирийского порабощения (см. ст. «Ассирия»). Казалось, что натиску ассирийских армий не может противостоять никто — ни слабые цари Вавилона, ни правители мелких «осколков» великой Хеттской державы, ни вожди племён, населявших Иранское нагорье и Закавказье. Установление ассирийского господства означало для этих народов катастрофу — ведь оно неминуемо повлекло бы страшное разорение завоёванных стран и массовое истребление людей.

И всё же в то время, когда мощь Ассирийской державы была поистине огромна, в Передней Азии нашёлся народ, который не только решился на открытую борьбу с грозным врагом, но и почти выиграл у него смертельное противоборство. Речь идёт о близкородственных племенах, населявших горные долины Закавказья примерно в том районе, где сейчас сходятся границы Турции, Ирана и Армении. На этой территории сложились тогда два сильных союза племён, два государства — Урарту и Манна. Центрами их стали долины горных озёр Ван и Урмия.

Ассирийцы до поры до времени не обращали внимания на события, происходившие на северных окраинах их державы. Владыки мира относились к урартам как к одному из многочисленных полудиких племён, считая, что их следует держать в постоянном страхе и наказывать за непослушание карательными походами. Ассирийцы явно недооценивали урартов. И позднее этот народ продемонстрировал свои военные, политические, административные и культурные дарования. Ассирийские позиции в Передней Азии оказались не такими прочными, как можно было подумать. Цари Урарту Менуа (810—786 гг. до н. э.) и его сын Аргишти I (786—764 гг. до н. э.) начали это умело использовать.

Племена урартов, подобно хеттам, принадлежали к индоевропейской языковой семье. Число индоевропейских народов в Передней Азии всё увеличивалось благодаря постоянным переселениям с Балкан и из причерноморских степей; можно сказать, что над Ассирией с севера нависала грозная индоевропейская «туча».

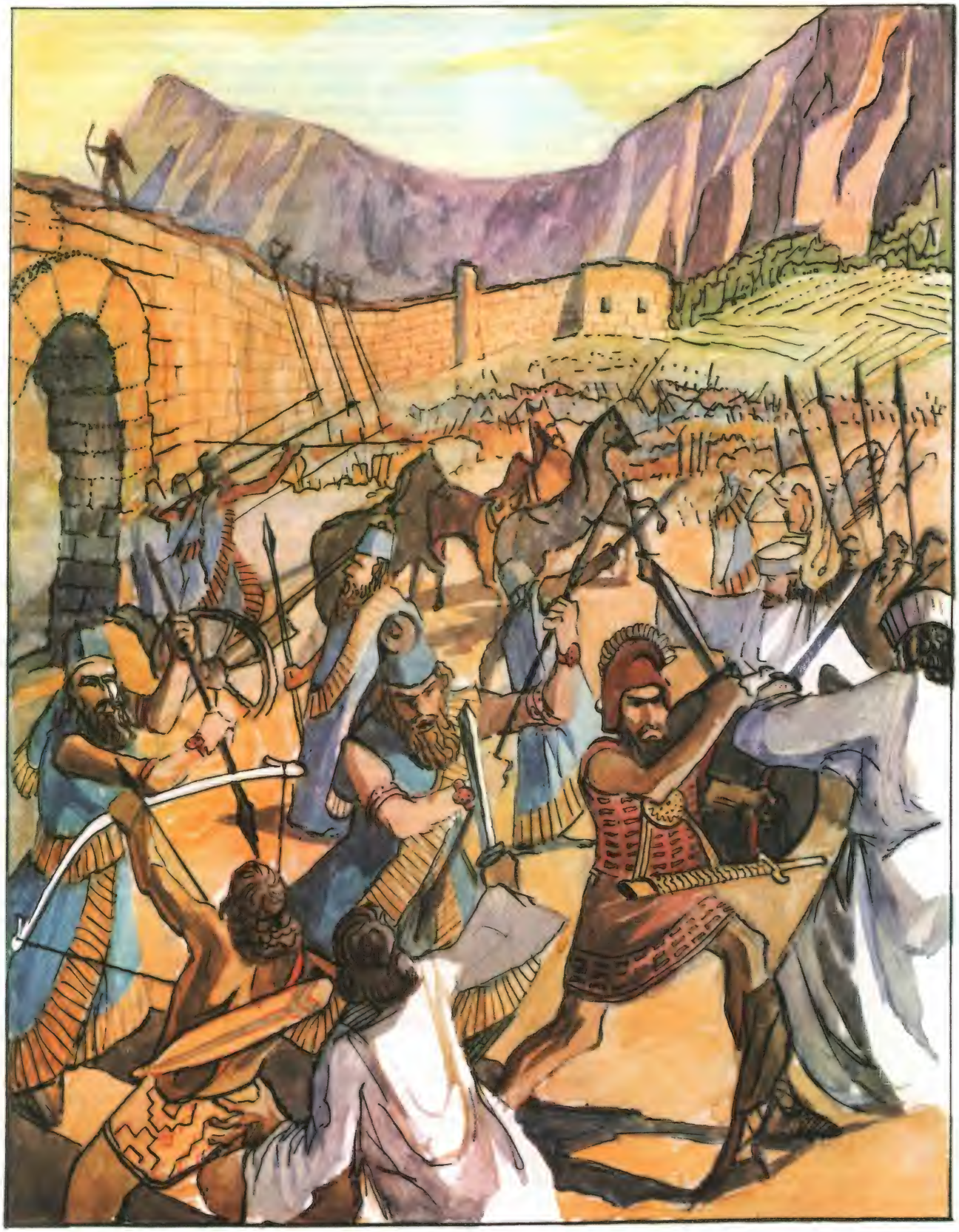
Ещё в глубокой древности восточные районы Малой Азии и Закавказья были центрами металлургии. Здесь очень рано научились сплавлять вместе медь и олово, получая бронзу; здесь же, по-видимому, впервые началось широкое производство железа и изготовление железного оружия и орудий труда. Кузнецы Урарту унаследовали многовековой опыт своих безвестных предшественников. Их изделия из серебра и бронзы ценились чрезвычайно высоко и распространялись по всему Средиземноморью. Археологи обнаружили изготовленные в Урарту металлические предметы в Малой Азии, на греческих островах Эгейского моря, в Материковой Греции, достигали они и Древней Италии.

Чаще всего мастера украшали металлические чаши и блюда сценами сражений, бега колесниц, фигурами всадников. Воинственный характер урартов проявлялся и в обычае жертвовать в храмы специально изготовленные из драгоценных металлов шиты, шлемы и колчаны для стрел. Иногда изображались и мирные жертвоприношения, которыми руководили жрецы.

Металлические изделия урартских мастеров имели успех не только у ассирийцев и жителей Средиземноморья. Стиль и техника изготовления драгоценностей очень заинтересовали персов и мидян. Примерно с 600 г. до н. э., после возникновения сначала Мидийской, а потом Персидской державы, опыт закавказских кузнецов широко распространился по всему Переднему Востоку.

Урарты создали высокую культуру городского строительства. Часть урартских городов построена по заранее составленному плану, что бывало на Древнем Востоке довольно редко. Основатели городов стремились использовать особенности рельефа — возвышенности, берега рек, чтобы лучше «вписать» город в окружающую местность и защитить его от нападений. По чёткому архитектурному плану строились и дворцы местных правителей, также отличавшиеся этим от царских дворцов в других странах Востока: там подобные сооружения чаще всего достраивались вокруг центрального ядра, разрастаясь как снежный ком и превращаясь в довольно бесформенные здания. Дворцы и храмы в Урарту украшались росписями и каменными изваяниями.

Бой урартов с ассирийцами.



Появление кочевых народов — киммерийцев и скифов — в Закавказье и Малой Азии после 730 г. до н. э. придало этой «туче» ещё более угрожающие очертания. После распада Хеттского царства (около 1200 г. до н. э.) все эти близкие по языку, религии и культуре индоевропейские народности и племена лишились объединяющего их центра. Место лидера благодаря своим энергичным действиям заняли цари Урарту. Менуа и Аргишти I постепенно прибирали к рукам населённые в основном индоевропейскими народами районы Мусасира (к востоку от ассирийских столиц) и Северной Сирии (к западу от них). Тем самым урарты перерезали главные торговые пути ассирийцев, оставляя им для военной и торговой активности только одно направление — южное. А там находился непокорный Вавилон, и без того доставлявший ассирийским царям немало хлопот.

Слабым местом ассирийской державы оказалась её зависимость от ввоза сырья (прежде всего — руд металлов) и готовых металлических изделий из Малой Азии и Закавказья. Урарты же располагали своими собственными рудниками. К тому же урартская сталь благодаря искусности кузнецов была лучше ассирийской. Сами ассирийцы предпочитали оружие, изготовленное в Закавказье, и во время походов против Урарту стремились захватить как можно больше мечей, кинжалов, наконечников копий.

Урарты были искусными кузнецами, трудолюбивыми земледельцами, изобретательными строителями и толковыми чиновниками-администраторами. Они смогли перенять у других народов Древнего Востока приёмы орошаемого земледелия и прорыли немало сложных, разветвлённых каналов; некоторые из них достигали 70 км. Орошение полей в горных долинах позволяло получать высокие урожаи, накапливать огромные запасы продовольствия и содержать большое число солдат и чиновников.

Урарты основали много городов; некоторые из них, например Ереван, существуют и по сей день. Отдельные города имели правильную прямоугольную планировку; перед их оборонительными стенами оказывалось бессильным даже прославленное военное искусство ассирийцев. В 735 г. до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар III не смог взять крепость в Тушпе. В 714 г. до н. э. его преемник Саргон II, опустошивший всю территорию Урарт, к Тушпе даже не подошёл, помня о неудаче своего предшественника. Храмы урартов довольно сильно отличались от современных им сооружений. Стиль местной архитектуры немного походил на позднейший греческий; изобретения урартских инженеров и строителей впоследствии широко распространились в Передней Азии.

Все эти таланты понадобились урартам, когда их цари, Аргишти I и его сын Сардури II (764—735 гг. до н. э.), начали освоение обширных земель, располагавшихся между реками Аракс и Кура. Дело в том, что жизненные центры Урарту располагались слишком близко от ассирийских владений и вражеские войска могли выйти к ним всего за несколько переходов. Поэтому для Урарту вопросом жизни и смерти стал перенос государственных кузниц и зернохранилищ в северные районы. Всего за несколько десятилетий эти земли покрылись садами и виноградниками; в горных долинах выросли оживлённые города.

Границы царства сомкнулись с ассирийскими рубежами. На протяжении почти всего VIII в. до н. э. урарты медленно и упорно «дожимали» своего грозного противника, накапливая силы и избегая решающей схватки. Но раненый лев прыгнул, и прыжок его оказался гибельным для охотника. Ценой крайнего напряжения сил ассирийцам всё же удалось одолеть своих расчётливых врагов.

Причин этой катастрофы было, по-видимому, несколько. В 745 г. до н. э. на ассирийский престол взошёл Тиглатпаласар III. Весьма энергичный правитель, он подавил внутренние смуты и провёл военную реформу. Ассирия стала располагать мощной армией из наёмных, прекрасно обученных солдат (см. ст. «Ассирия»). И первые же стычки урартов с ассирийскими войсками показали, что противник урартов непобедим. Нужно было спасать то, что ещё можно было спасти. Однако гордость и нежелание отказаться от далеко идущих планов оказались сильнее трезвого политического расчёта. Очередной царь Урарту Руса I (735—713 гг. до н. э.) решил выиграть хитростью там, где уже нельзя было выиграть силой. Отвлекая ассирийские войска в район озера Урмия, Руса I попытался зайти им в тыл. Но Саргон II был опытным воином и не попался в ловушку. Разгром урартов был полным. Руса бежал в Тушпу и покончил с собой.

Похоже, что Аргишти, Сардури и Руса слишком медлили с использованием выгод своего положения. Время работало скорее против Урарту. В конце VIII — начале VII в. до н. э. неустойчивое единство индоевропейских народов Малой Азии и Закавказья под главенством Урарту было расшатано появлением здесь многочисленных кочевых племён киммерийцев и скифов, причинивших стране немалый урон. Все попытки последних царей Ванского царства (по названию озера Ван) подчинить эти народы своему влиянию оказались неудачными; более того, скифы в конце концов заключили союз с ассирийцами. Положение стало безнадёжным; около 640 г. до н. э. царь Урарту Сардури III добровольно признал себя подвластным Ассирии. А ещё через 30 лет Урарту было разгромлено воинственными мидянами.

История Урарту, охватывающая около трёх столетий (900—600 гг. до н. э.), наполнена яркими и драматическими событиями. Противостояние Урарту и Ассирии сыграло важную роль в истории Передней Азии. Именно урарты за-

ставили ассирийцев напрячь силы, перестроить хозяйство и общество на военный лад. Эти меры сделали ассирийскую военную машину необычайно грозной, но лишили её прочного фундамента.

Отчаянная борьба Ванского царства с величайшей из переднеазиатских держав дала необходимую передышку и время для создания собственных государств молодым народам Иранского нагорья — мидянам и иранцам. Кто знает, сумела бы развиться впоследствии великолепная цивилизация Древней Греции, если бы армии ассирийских завоевателей вышли на малоазийский берег Эгейского моря?

ДРЕВНИЙ ИРАН (ПЕРСИЯ)

Две с половиной тысячи лет назад иранский царь Дарий I приказал своим слугам нанести длинную надпись на высокой отвесной скале, которую, по имени соседнего селения, называют Бехистунской. Прочитать надпись снизу невозможно — от земли её отделяют 105 м. Первые европейские путешественники, чтобы ознакомиться с надписью, вынуждены были пользоваться помощью ловких иранских мальчишек, добиравшихся до самых дальних уголков 22-метровой надписи и зарисовывавших древние письмена.

Ясно, что надпись на скале не предназначалась для человеческих глаз. В то же время Дарий рассказывает в ней о событиях, хорошо известных людям его страны: как он стал царём Ирана, убив самозванца Гаумату, полугодом ранее захватившего престол. Кому же Дарий хотел поведать о случившемся? Вероятно, богам и вечности. Очевидно, что новый царь придавал очень большое значение своей победе над Гауматой и хотел сохранить память о ней на вечные времена. Верховный бог иранцев Ахурамазда изображён на каменной иллюстрации к надписи с поднятой правой рукой, благословляющей Дария; левой же он вручает Дарию кольцо — знак царской власти. Дарий полагал, что сами боги возвели его на трон, поручив ему дело спасения и укрепления державы, и он смог выполнить эту задачу. События, о которых рассказывается в Бехистунской надписи, действительно сильно повлияли на ход истории Древнего Мира. Истоки их относятся, однако, к гораздо более давним временам.

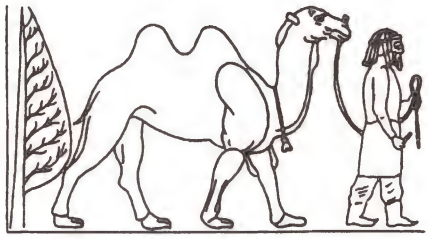
Выезд на охоту.

О ранней истории иранцев известно немного. Их предки, пришедшие с севера арийские племена, заселили Иранское нагорье во второй половине II тысячелетия до н. э., когда древнейшие государства Египет и Междуречье уже миновали время своего наивысшего расцвета. Начиналась эпоха ассирийского господства в Передней Азии,

Капитель с человеческой головой.
Тегеранский музей. Персеполь.
V в. до н. э.

и иранцы вместе с близкородственными им мидянами вынуждены были признать себя подвластными ассирийским царям. Мидия располагалась гораздо ближе к ассирийским владениям, поэтому её население намного раньше иранцев оказалось втянутым в «большую политику» Древнего Востока и стало играть в ней видную роль. Иранцы всё ещё продолжали жить родами и племенами, когда в VII в. до н. э. у мидян уже были сильное государство, царская власть и могущественная армия. В 614 и 612 гг. до н. э. мидийский царь Киаксар, вступив в союз с Вавилоном, принял активное участие в разгроме Ассирии (см. ст. «Ассирия»). Киаксар и его преемники не смогли присоединить все владения погибшей ассирийской державы, но всё же Мидийское царство к 600 г. до н. э. значительно усилилось, и иранцы подчинялись теперь своим соседям и родичам.

К началу VI в. до н. э. иранцы во многом отличались от других народов Древнего Востока. В Иране нет крупных рек и обширных долин, т. е. условий для орошаемого земледелия. Поэтому там не было и чиновников, которые сгоняли бы народ на работы, не было и храмов, которые руководили бы жизнью людей в общине. Управляли иранцами не столько цари из рода Ахеменидов, сколько племенные вожди; жрецы приносили жертвы богам под открытым небом. Каждый мужчина был гордым воином, свободным и полноправным человеком. Когда Иран уже стал великим царством, иранцы были освобождены от работ на строительстве царских дворцов — они считались унизительными. Иранцы не платили денежных налогов. Время от времени народ посылал своему царю продукты питания; как и в древние времена, племя продолжало кормить своего вождя, как бы забывая о том, что теперь тот распоряжался самой богатой в мире казной.



Данник.

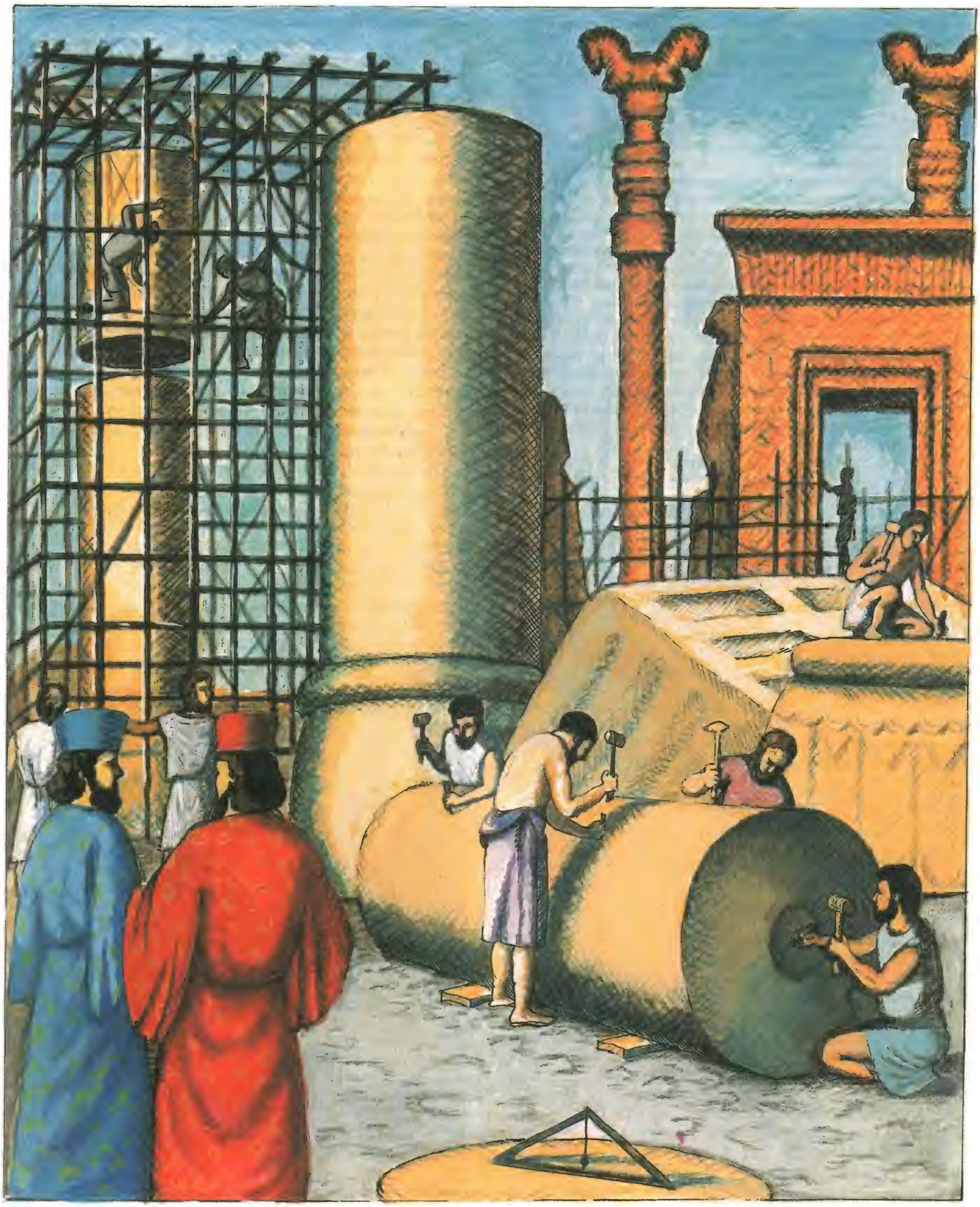
Вольнолюбивый характер особенно ярко проявляли представители знати. Очень долго они считали себя равными царям: требовали, чтобы те женились на их дочерях, или, например, добивались права входить в царские палаты в любое время. Знать пользовалась поддержкой племенных военных отрядов, а цари сильно зависели от иранского войска: именно воины провозглашали имя нового царя при смене правителей. Царь, не получивший одобрения войска, мог не удержаться на троне.

Нужно заметить, что управлять иранцами было довольно трудно. Молодой правитель из рода Ахеменидов Кир II, пришедший к власти в 558 г. до н. э. и объявивший себя царём всех иранцев, понимал сложность стоявших перед ним задач. Сплотить подданных Кир мог, организовав военные походы против соседних народов и пообещав иранской знати большую добычу. Но молодой царь видел, что сил одних иранцев для этого недостаточно. И тут в его руках оказался важный козырь — иранский царь по матери приходился внуком мидийскому царю Астиагу. Кир предъявил права на мидийский престол. Мидийская знать рассчитывала на то, что от неопытного правителя-чужака легко будет добиться уступок в свою пользу. Под её давлением Астиаг вынужден был объявить Кира своим наследником. В 550 г. до н. э. Кир стал царём Ирана и Мидии. С этого момента у иранской державы стало как бы две головы: одна — в Экбатанах, столице Мидии, другая — в Пасаргадах, столице Ирана.

Планы своих завоеваний Кир хитро и тонко продумал. В первую очередь он сокрушил серьёзного соперника — государство Лидия, располагавшееся в Малой Азии. Потом Кир покорил родственные иранцам племена Средней Азии. Тем самым близкие друг другу народы были объединены в единое государство. После этого, в 539 г. до н. э., Кир выступил в поход против Вавилона. Великий город уже со всех сторон был окружён

Царь, убивающий льва.
Дворец Ашшурбанипала.
Гипс. Ниневия. VII в. до н. э.

Царские чиновники наблюдают за строительными работами.



Кир погиб, не успев совершить задуманный им поход против Египта. Осуществление этого плана выпало на долю его сына Камбиза, взошедшего на иранский трон в 530 г. до н. э.

Камбиз прошёл хорошую военную и политическую выучку у своего отца, сопровождая его в дальних походах. Подобно тому как Кир ещё до завоевания Вавилона окружил великий город своими владениями, отрезав его от внешнего мира, новый иранский царь перед походом на Египет переманил на свою сторону всех союзников египтян. Единственную боеспособную часть египетской армии составляли отряды греческих наёмников. Они-то и вступили в решающую битву с иранцами у пограничной крепости Пелусий.

Разбив греков и после длительной осады с суши и моря взяв Пелусий, Камбиз вошёл также в Мемфис и захватил в плен фараона и его семью. Вся страна покорилась иранцам. И здесь Камбиз вновь показал себя достойным учеником своего отца: точно так же, как Кир, следовал государственным обычаям захваченных им стран и короновался местными коронами. Камбиз принял титулы египетских фараонов, египетскую корону и сохранил древнюю организацию государства. После этого в глазах многих египтян Камбиз стал выглядеть как настоящий фараон, достойный своих великих предшественников. Египтяне даже сочинили легенду, согласно которой Камбиз происходил из древнего рода фараонов, а следовательно, был их законным владыкой.

Но иранский царь не удовлетворился завоеванием и замирением Египта. Он рассматривал долину Нила как опору для походов против других африканских стран — Карфагена и Эфиопии. Однако морской поход против Карфагена не удался, потому что финикийские моряки отказались сражаться против родственных им карфагенян. Сухопутные походы также не принесли успеха — немалая часть иранского войска погибла в пустынях от лишений.

Военные неудачи Камбиза сопровождались выступлениями египтян против иранской власти; они начались, когда царь отсутствовал. Все эти события заставили Камбиза изменить свою политику в Египте. Он стал править более жестоко: приказал казнить лишённого трона египетского фараона Псамметиха III, отнял у храмов многие привилегии и в припадке гнева заколол священного египетского быка Аписа, с почётом содержавшегося в одном из храмов.

Гибель Камбиза на пути в Иран в 522 г. до н. э. не позволила ему завершить поставленный в Египте опыт. Ясно было одно: ни мягкие меры (по образцу Кира), ни жестокая политика не принесли в Египте желаемого результата. Камбиз пытался править по-старому, изменяя лишь силу давления на египтян, делая это давление то большим, то меньшим. Иранская держава нуждалась в новых способах управления, установлении новых отношений между иранцами и покорёнными народами.

иранскими владениями и после двухмесячного сопротивления сдался Киру (см. ст. «Вавилон»). Сдались ему и многие торговые города, расположенные на побережье Средиземного моря, купцы видели в завоевателях вполне приемлемых хозяев: ведь иранцы сами не занимались торговлей и не угрожали их прибылям. Немаловажным было и то, что Кир вёл себя милостиво с народами порабощённых стран, уважал местные обычаи, почитал местных богов и не отягощал население наложением большой дани.

Менее чем за 20 лет Кир II создал огромную державу, включавшую в себя Малую Азию, Закавказье, Сирию, Палестину, Междуречье, Иранское нагорье, Среднюю Азию. При сыне Кира II Камбизе к державе был присоединён Египет, а при его преемнике Дарии — северо-западные области Индии. Надо сказать, что Кир пользовался уважением своих разноязычных подданных: иранцы называли его отцом, другие народы империи почитали как справедливого и милостивого царя.

В 530 г. до н. э. Кир погиб во время схватки с кочевым племенем массагетов на восточном берегу реки Амударьи. А ещё через восемь лет держава оказалась на грани развала. И иранская, и мидийская знать были недовольны усилением власти царей из рода Ахеменидов. Обострились противоречия между иранцами и мидянами. Народ-войско чувствовал, что его права постепенно урезают, и готов был постоять за себя. В завоёванных странах от новых хозяев ждали установления твёрдого порядка, безопасности торговли, введения единой денежной системы во всей Передней Азии. Вместо этого иранцы всё глубже утопали во внутренних распрях. Наконец на престоле появилась такая сомнительная личность, как самозванец, объявивший себя Бардией, братом Камбиза.

История с самозванцем сложна и запутанна. Одни историки считают его настоящим царевичем. Другие же, наоборот, доверяют Бехистунской надписи Дария, в которой названо подлинное имя Лже-Бардии — маг Гаумата. Нового царя поддержали мидийская знать и часть войска. Знатные иранцы не признали его прав и организовали против самозванца заговор, душой которого и стал уже знакомый нам Дарий, принадлежавший к царскому роду Ахеменидов. Осенью 522 г. до н. э. заговорщики проникли в

Иранские воины на верблюдах.

крепость, где жил Бардия, убили его и посадили Дария на трон. Около года Дарий I подавлял восстания, вспыхнувшие во всех частях государства. «Сделавшись царём, я дал девятнадцать сражений, по воле Ахурамазды победил я в них и пленил девять царей» — так рассказывает в Бехистунской надписи сам Дарий. После этого царь приступил к проведению реформ, которые полностью изменили облик державы и позволили ей просуществовать ещё около 200 лет.

Прежде всего Дарий низвёл Мидию до положения рядовой провинции; мятежная мидийская знать больше не поднимала головы. Опасной для царя была и его сильная зависимость от иранской знати. Дарий, вероятно, делал серьёзные уступки своим союзникам по заговору, которые представляли семь знатных иранских родов. Всячески ублажая этих людей, Дарий, однако, перевёл всех чиновников, управлявших страной от его имени, в город Сузы, расположенный в Эламе. Делить власть он ни с кем не собирался.

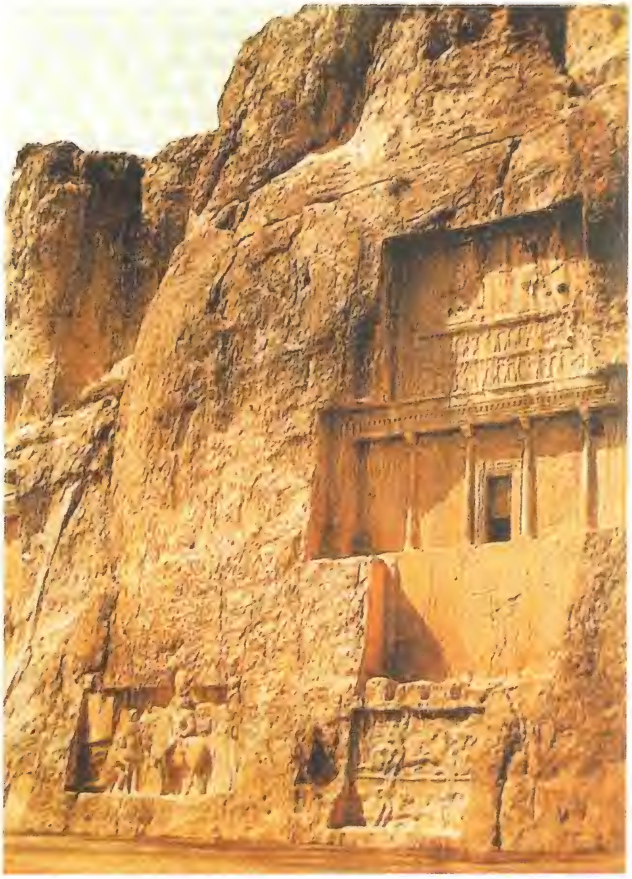
Дарий, подобно опытному шахматисту, задумал сложную комбинацию в политической игре. Главной задачей было оторвать знать от племён,

Служба в иранской армии была почётной, поэтому к ней привлекались в основном иранцы и мидяне — представители господствующих народов. Иранцы не упускали случая подчеркнуть свою воинскую доблесть — ведь умение владеть оружием и право носить его выделяли свободного иранца-воина среди других людей, давали более высокое положение в обществе. Царь Дарий I повелел написать на своей гробнице: «Копьё иранского мужа проникло далеко, иранский муж участвовал в битвах далеко от Ирана, он не дрожит ни перед каким врагом».

В мирное время ирано-мидийское войско оставалось сравнительно малочисленным и размещалось гарнизонами по всей территории державы. Во время войн созывалось огромное ополчение, составлявшееся из всех народов империи. Боеспособность этого большого войска была значительно ниже, чем сила ядра иранской армии, состоявшего из конных отрядов иранской знати и 10 тыс. «бессмертных» пехотинцев. Они назывались «бессмертными», потому что место павшего воина в строю тут же занимал другой воин из резерва; таким образом, общее число сражающихся оставалось неизменным.

Иранские цари регулярно проводили военные смотры, придирчиво оценивая состояние своих войск. Отличившиеся во время смотров военачальники щедро вознаграждались, провинившиеся строго наказывались.

Колонны ападаны в Персеполе.



Гробница Дария I.
Накш-и-Рустем.
V в. до н. э.

лишить её военной поддержки, привлечь знатных иранцев на царскую службу. Ради этого Дарий начал раздавать знатным людям важные посты в провинциях, которые стали называться «сатрапиями», а наместник провинции — «сатрапом». Конечно, существовал риск, что могущественные правители захотят вести себя независимо. На этот случай Дарий предусмотрел разделение власти в сатрапиях между чиновниками и военными командирами. В распоряжении сатрапов не было войск, а военные не имели никакой власти над местным населением. К тому же сатрапы и военачальники обязаны были доносить друг на друга царю. Замысел Дария был очень прост: во-первых, представители иранской знати отрывались от своей племенной опоры и удалялись из столицы; во-вторых, они начинали служить державе и царю; в-третьих, они были не опасны без поддержки армии. Преемникам Дария на иранском престоле не удалось сохранить разделение военной и чиновничьей власти в сатрапиях.

Независимость царя от знати и народа-войска следовало подкреплять богатой царской казной. Дарий навёл строгий порядок в сборе государственных налогов, за что получил от современников прозвище Торгаш. В большинстве сатрапий налоги брали серебром, и каждый год в кладовые Дария поступало свыше 200 т. благородного металла. За время существования державы иранские цари накопили огромные богатства, поражавшие воображение современников. Часть их позднее досталась грекам во время похода Александра Македонского (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»).

Оправдал Дарий и надежды населения сатрапий на установление порядка в государстве. Он провёл хорошие дороги, охранял их, наладил почтовую связь, стал чеканить ходившую во всей империи золотую монету — дарик. Дарий стал царём не только иранцев, но и других народов империи. Сириец, финикиец, вавилонянин, индиец, грек — все они чувствовали себя теперь не столько рабами царя, сколько его подданными. Каждый из них мог обратиться к царю с жалобой на неправильные действия чиновников; знал, сколько налогов он должен был уплатить царю, не подвергаясь разорению. Верховную власть иранского царя признавали даже гордые греки, жившие в богатых торговых городах Малой Азии на побережье Эгейского моря. Первым из восточных царей Дарий поставил свои отношения с подданными на деловую основу: он даровал людям мир и процветание, но брал за это немалые деньги. Он рассматривал созданное им государство как большую, сложную, нужную всем машину. Для Древнего Востока такой взгляд на вещи был совершенно необычным.

К сожалению, преемники Дария на иранском престоле не поняли, насколько хрупким было созданное Дарием равновесие. Они стали допускать объединение чиновничьих и военных должностей в одних руках, отдавать сбор налогов на

Дарий I принимает мидийского посла.

откуп торговым домам Вавилона, бессмысленно накапливать сокровища в своих кладовых, лишая рынки звонкой монеты. Главной же их ошибкой стал полуторавековой конфликт с греческими городами-государствами. Столкновения с греками, собственно, начались ещё при Дарии, но участились они при его сыне Ксерксе. Созданная Дарием политическая система не была рассчитана на ведение обременительных длительных войн. Гибель её была предрешена задолго до того, как в 334 г. до н. э. Александр Македонский выступил в поход против Ирана (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»).

Греки очень постарались, чтобы последующим поколениям представить иранцев «народом рабов», а их царей как «деспотов». Вряд ли стоит полностью доверять точке зрения победителей...

Дарию I было о чём поведать богам в надписи на Бехистунской скале. Не зная ещё слова «история», Дарий уже чувствовал себя её творцом.

ПАРФИЯ

«Узнают коней ретивых по их выжженным тавром, узнают парфян кичливых по высоким клобукам». В этих строках Александр Сергеевич Пушкин напомнил читателям о древнем народе, создателе могущественного государства. Гимназисты и лицеисты XIX в. знали о Парфии лишь как о сопернице Рима на Ближнем Востоке. В XX столетии о ней стало известно гораздо больше. Изучение древних сочинений и монет с именами царей, археологические раскопки в Средней Азии и Иране помогли восстановить историю Парфии.

Отважно и искусно завоёвывал Александр Македонский Персидское царство. Огромное пространство от Средиземного моря до Инда оказалось под властью греко-македонских правителей. Вслед за победоносной армией на Восток хлынули греческие мастера и ремесленники. Они селились в городах, основанных Александром, и устраивали порядки, к которым привыкли в Элладе (Греция). Особенно много самоуправляющихся городов (полисов) появилось в Месопотамии и Сирии. Греческая культура, искусство, образ жизни распространялись в Македонской державе. После смерти царя Александра Македонского (323 г. до н. э.) его соратники поделили земли и подданных. Полководцу Александра Селевку досталась территория бывшей Персидской державы. Потомки Селевка (Селевкиды) образовали собственное государство.

По соседству с восточными рубежами царства Селевкидов кочевали парны. Это племя принадлежало к большой группе ираноязычных сакских племён, родственных древним и воинственным скифам. Парны обитали в окрестностях гор Копетдаг, в районе нынешней границы между Туркменистаном и Ираном. Степи на северных отрогах Копетдага служили хорошим пастбищем для скота. Там парны выращивали знаменитых коней местной породы — красивых, выносливых, очень ценившихся на селевкидских и китайских рынках.

Приблизительно в 250 г. до н. э. конница парнов во главе с вождём Аршаком вторглась в ближайшую к ним селевкидскую сатрапию (провинцию) Парфиену. Правители ослабленного к тому времени государства едва успевали усмирять мятежи в разных концах своих владений. Царь Селевк II вынужден был смириться с потерей северовосточной сатрапии. Довольный Аршак принял царский титул, а жрецы зажгли в его честь «вечный огонь» в местном храме. Парны начали смешиваться с населением Парфиены, перенимать его обычаи и верования. В конце концов образовался новый народ. По названию области его стали именовать парфянами.

Селевкидское государство быстро слабело и распадалось. Появилось много мелких княжеств, главы которых только на словах признавали подчинённое положение по отношению к верховному правителю. Парфяне решили покорить все земли Селевкидов. В середине II в. до н. э. парфянский царь Митридат I присоединил их восточные сатрапии (Иран) к своим владениям. К западу располагались греческие полисы (города-

Медальон с портретом парфянского царя.

Ритон.
II в. до н.э.

государства). Их жители вовсе не желали превращаться из свободных граждан в послушных подданных «великого царя» (так стал называть себя Митридат). В союзе с полисами, собрав остатки сил, Селевкиды пытались остановить парфян. Началась долгая война, завершившаяся разгромом греко-македонских войск. Царь Антиох VII погиб в бою, и с господством Селевкидов было покончено.

Парфянские монархи управляли завоёванными народами, пытаясь совместить кочевые парнские порядки, древнеиранские устои и греко-македонские (учёные называют их эллинистическими) традиции. Вся страна была разделена на четыре марзпанства — по сторонам света. Марзпанства делились на сатрапии, а те — на более мелкие округа. Потомки кочевников-парнов и местная иранская знать считались азатами (свободными). Это была привилегированная часть населения. Во время войны азаты составляли конницу катафрактариев — знаменитое парфянское изобретение, когда и всадник, и конь облачены в непробиваемый стальной пластинчатый панцирь. Атака катафрактариев одним своим видом наводила ужас на врагов, сеяла смятение в их рядах. Крестьяне-земледельцы — большинство населения — платили царю налоги, а когда тот собирал ополчение, становились лучниками — легковооружёнными пехотинцами, которых бросали в бой перед катафрактариями.

На западе государства по-прежнему стояли греческие города. Войдя в состав парфянской державы, жители полисов не изменили недоброжелательного отношения к восточным пришельцам. То и дело горожане поднимали восстания против суровых царских наместников и тяжёлых поборов. Правители государства не хотели ссориться с богатыми городами, ведь большая доля доходов в казну царей поступала от их торговли. Через полисы, стоявшие на реках Тигр и Евфрат, проходила связь между Европой и Индией; греческие купцы обслуживали и Великий Шёлковый путь — караванный маршрут из Китая в Малую Азию. Самоуправление горожан было сохранено парфянами. Постепенно царям удалось смирить полисы. В них становилось всё больше жителей-парфян, да и сами потомки греков поняли, что жить под защитой сильного государства выгодно и безопасно.

Царь Парфии мог принадлежать только к роду Аршакидов. После смерти монарха его преемника избирали два совета – родственников и жрецов. Все высшие посты занимали представители семи знатнейших парнских родов. Правда, кроме них во многих областях остались царьки из местных династий. Они сохранили свои титулы в обмен на полное послушание «великому царю».

Управлять множеством племён и народов можно было лишь с помощью языка, понятного для всех жителей государства. Таким языком в Парфии был греческий. На нём составлялись официальные документы, царские указы; надписи на монетах чеканились тоже на греческом языке. Эллинистическое наследие ощущалось в архитектуре, искусстве и религии парфян. У них не было общего для всех религиозного культа. Население исповедовало множество верований. Однако можно предполагать, что Парфия находилась на пути к единой религии, потому что разные народы поклонялись одним и тем же божествам, хотя называли их поразному. Наиболее почитаемым на Востоке было Солнце. Олицетворявшему его богу парфяне дали имя Ахурамазда, иранские племена — Митра, греки Парфии — Зевс. Поклонялись и Великой Матери как источнику жизни. Для парфян и иранцев она была Анахита, для греков — Артемида. За отправлением культа Солнца и огня следили жрецы-маги, многочисленные, богатые и очень влиятельные. Как и во многих других восточных странах, жрецы накапливали научные знания. Некоторые историки считают, что именно парфянские маги положили начало астрологии, которую позже позаимствовали арабы и европейцы.

В мировой истории Парфия оставила заметный след и в связи с долгим противостоянием Римской державе. Парфянско-римские отношения заслуживают особого внимания.

Постепенно присоединяя ближние и дальние земли, Римская республика раздвигала свои пределы. Взоры завоевателей привлекал и древний, богатый Восток. В I в. до н. э. Сирия была объявлена римской провинцией, там водворился наместник. Так владения Рима сомкнулись с территорией Парфии. Агрессивные замыслы римлян простирались дальше, за Евфрат. Гордые парфянские цари не желали видеть рядом соперников. В 92 г. до н. э. на берегу Евфрата состоялась встреча римского полководца Суллы с парфянским вельможей, царским послом Оробазом. Надменный римлянин держал себя с «варваром» грубо и вызывающе, и по возвращении в Ктесифон (столица Парфии) Оробаз был казнён за то, что

стерпел такое обращение. Убедившись, что переговорами никаких уступок от парфян не добиться, римляне решили действовать военной силой. На восток отправился знаменитый полководец Красс (тот, кто подавил восстание Спартака в Италии). Его легионы двинулись через месопотамские степи в глубь Парфии. Навстречу ему царь Ород II послал военачальника Сурена, под началом которого находились тысяча катафрактариев и 10 тыс. лучников. Армию сопровождал огромный караван из тысячи верблюдов, гружённых стрелами.

С самого начала Красса преследовали неудачи. В проводники он выбрал одного из местных парфянских правителей. Тот был настроен против римлян и вёл их по самым засушливым местам. В мае 53 г. до н. э. уставшие легионеры добрели до окрестностей города Карры (сейчас Харан в Юго-Восточной Турции). Внезапно из-за холмов показались парфянские всадники. Римляне спешно построились в замкнутый четырёхугольник, чтобы отбивать атаки со всех сторон. Парфяне, которых становилось всё больше и больше, носились вокруг противника, осыпая его стрелами. Красс приказал своему сыну Публию взять отряд и решительным ударом рассеять и отогнать противника. Публий с солдатами бросился в наступление, и парфяне тут же кинулись врассыпную, убегая в степь. Обрадованный Публий поспешил за ними, не понимая, что поддался на обычную уловку кочевников. Заманив его отряд подальше от римского войска, парфяне набросились на него и уничтожили. Красс был вынужден оставить своих раненых и убитых соратников на поле боя и прорываться под защиту каррских стен. Сурен предложил ему выйти на переговоры. Что произошло потом — точно неизвестно. Иранские историки объяснили всё недоразумением, римские приписывали происшедшее коварству парфян. Во время переговоров Красс был убит. Римлян взяли в плен и угнали на поселение в Северный Иран.

Вскоре Ород II женил сына на дочери армянского царя. Во время свадьбы придворные лицедеи разыгрывали перед гостями драму Еврипида «Вакханки». По ходу трагедии её персонаж царица Агава должна выносить голову Пентея. Вместо обычной бутафорской головы вынесли голову Марка Лициния Красса.

Катастрофа под Каррами послужила жестоким уроком для Рима. Он надолго отказался от мысли воевать с Парфией. Её цари подчинили своему влиянию Армению, успешно отбили нападения алан

Ритон из Нисы.
II в. до н. э.

и кочевников-саков. «На западе римляне, саки с востока — два бились в твердыню Ирана потока. Но Парфии войско стояло меж ними. Вот саки бегут, вот смятение в Риме. Бойцы Хорасана, Гургана и Рея отбросили недругов грудью своею», — писал о тех временах иранский поэт Бехар.

В I в. н. э. могущество парфянского государства стало угасать. Различные группировки Аршакидов вступили в борьбу за трон. Всё чаще сатрапы и местные царьки выходили из повиновения слабым правителям. Парфия уже не могла собирать бесчисленную конницу, которая некогда держала в страхе всех соседей. Этим не замедлил воспользоваться Рим. Несколько раз войска императоров Траяна, Септимия Севера, Каракаллы вторгались за Евфрат. Особенно опустошительным оказалось нашествие 195 г., когда была разорена вся Месопотамия, а 100 тыс. её жителей проданы в рабство. Хотя римлянам и не удалось закрепиться в Парфии, потери от войн окончательно подорвали её силы. Правитель вассального царства Парс Арташир в 223 г. восстал против парфянского царя Вологеза V и убил его. Рассорившиеся Аршакиды уже не сумели собраться и избрать нового государя. Власть перешла к победителю-персу Арташиру, который провозгласил себя шаханшахом («царём царей») Ирана. Таким образом восстановилось положение, существовавшее до Александра Македонского. История Парфии закончилась, началась блистательная эпоха иранских царей — Сасанидов.

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Синдху — так называли свою реку обитатели страны, раскинувшейся по её берегам; грекам она была известна как Индос, а сами аборигены — как инды. Легко и естественно, сохранив узнаваемое своеобразие, перенеслось из Азии в Европу и зазвучало на многих языках чарующее слово — «Индия».

На территории, носившей в древности это обобщающее название и распростёршейся в обширном

треугольнике между Аравийским морем, Гималаями и Бенгальским заливом, в конце XX в. находятся четыре самостоятельных государства: собственно Индия, Непал, Бангладеш и Пакистан, по землям которого и протекает легендарный Инд.

В незапамятные времена просторы Древней Индии (а именно о ней пойдёт речь) населяли дравиды — невысокие темнокожие черноволосые люди с широкими носами. Среди жителей Южной Индии встречается много их потомков, удивительно напоминающих своих далёких предков.

Междуусобицы, стихийные бедствия, эпидемии, нашествия уходили в прошлое, становясь вехами неспешного времени. По прошествии веков дравидов сменили многочисленные племена, отличавшиеся одно от другого укладом жизни, языком, верованиями, культурой, степенью развитости и даже внешним видом своих представителей.

Жители предгорий, не знавшие под защитой Гималаев северных ветров, с благоговейным трепетом взирали на высочайшие в мире горы, чистосердечно считая ослепительные вершины обителью наиболее почитаемых богов.

Зависимые от дикой природы, древние индийцы с глубоким уважением относились к водной стихии: ведь вода — залог богатого урожая, а урожай — это жизнь. Поклонение воде, насчитывающее тысячелетия, находит продолжение и в современности: до сих пор свою самую полноводную реку Гангу индийцы считают священной...

Если и в наши дни растительный мир Индии поражает разнообразием и тропической пышностью, то много-много столетий назад леса покрывали почти всю её территорию. Они не только давали древним обитателям сказочной страны древесину для поделок, оружия, построек и отопления жилищ, но и кормили их орехами, ягодами, бананами, плодами манго, цитрусовых и других деревьев. Леса же снабжали лекарственными растениями и пряностями, без которых уже тогда была немыслима индийская кухня. Кстати сказать, впоследствии именно пряности и благовония, ценившиеся в Европе дороже золота, вызвали к Индии такой интерес, что в известной степени «подтолкнули» Христофора Колумба к открытию Америки...

Танцовщица из Мохенджо-Даро. III тыс. до н. э.

Древние индийцы охотились на лесных животных и одомашнивали некоторых из них. Именно они «подарили» потомкам множество домашних животных, от курицы до слона.

Однако жителям Индии приходилось вести с лесами постоянную борьбу, не только расчищая участки для полей и огородов, но и сражаясь с надвигающимися джунглями изо дня в день, рискуя столкнуться с ядовитой змеёй или стать жертвой хищника.

Сельское население было весьма многочисленным. Крестьяне выращивали несколько сортов пшеницы, ячмень, кунжут, фасоль, рис, разводили сады. В засушливое время они прибегали к искусственному орошению. Археологические раскопки позволили установить, что почти в каждом крестьянском хозяйстве имелись коровы, козы, овцы и домашняя птица. Многие индийцы держали собак и кошек. Из всех домашних животных больше всего ценились коровы, считавшиеся главным богатством семьи. Часто из-за них возникали даже вооружённые столкновения.

Ремесленники селились в городах, причём представители каждой профессии жили на одной улице. Были, например, улицы ткачей, гончаров, ювелиров. Домашняя и храмовая утварь, оружие, орудия производства изготовлялись из бронзы и меди. Золото и серебро использовались для ювелирных украшений. Процветала торговля. Особенно развитыми были торговые связи с Шумером.

История неохотно раскрывает свои тайны. Но иногда они становятся известны почти случайно. Однажды индийский археолог Р. Д. Банерджи вёл раскопки. Найдя замечательный памятник II в. до н. э., он очень обрадовался и старался побыстрее закончить работу, как вдруг чуть глубже обнаружил остатки более древней культуры. Так из небытия восстал знаменитый Мохенджо-Даро (Холм мёртвых), целый город, существовавший более 4 тыс. лет назад. Был найден и ещё более древний город Хараппа. По его имени всё созданное в ту эпоху называют памятниками Хараппской цивилизации.

Учёные установили, что Мохенджо-Даро и Хараппа — два самых больших города древней цивилизации, возможно, столицы крупных политических объединений. На самом высоком месте в городе стояла цитадель, укреплённая мощными стенами, где обычно спасались от наводнений.

Внутри цитадели находился огромный бассейн для ритуальных омовений. С помощью специального устройства сюда подавалась свежая вода.

Удивляют широкие и прямые улицы этих городов, на редкость прочный кирпич (даже теперь его трудно расколоть), из которого возводились постройки. Дома были двух- или даже трёхэтажными. Вместо окон в толстых стенах делались небольшие отверстия для освещения: и толщина стен, и крошечные окна лучше предохраняли от индийской жары. Даже верхние этажи домов имели водопровод, чтобы совершать омовения не выходя из жилища.

Представить, как выглядели жители Мохенджо-Даро, помогают бронзовые, медные, каменные скульптуры, найденные археологами. Вот танцовщица при храме — юная, длинноногая, стройная, со множеством браслетов на руке. А вот жрец. Он очень красив. Глаза его полузакрыты — жрец погружён в молитву. Его мантия, перекинутая через левое плечо, украшена орнаментом в виде священного трилистника. Тщательно подстриженные волосы перехвачены широкой лентой, ниспадающей на спину; на лбу — круглая пряжка. Сделана скульптура из белого стеатита (разновидность талька), сохранившего следы красной пасты. Глаза — из белого перламутра и от этого кажутся живыми.

В особых случаях жрецы произносили гимны и заклинания. Гимн Небу и Земле призывает благословение на землепашцев:

Пусть Небо и Земля оросят нас мёдом,
Те, что мёдом пропитаны,
мёд источают,
мёдом воздействуют,
Те, что приносят жертву
и богатство богам,
Великую славу, добычу и мужество нам.

А вот как звучит заклинание при постройке дома:

Вот здесь стой прочно, о хижина,
Богатая конями,
богатая коровами,
богатая радостями,
Богатая силой,
богатая жиром,
богатая молоком!
Возвышайся на великую судьбу!

Это слова вед — древнейших памятников индийской письменности. Самыми известными ведами (что означает «знание») являются «Ригведа» («Веда гимнов»), «Яджурведа» («Веда жертвенных формул»), «Самаведа» («Веда песнопений»), «Атхарваведа» («Веда заклинаний»). Их авторами считаются древние поэты и мудрецы-риши. Изучать и даже слушать веды в Древней Индии мог далеко не каждый. Это было привилегией двиджати — «дважды рождённых». Кто они?

Бюст жреца.

Общество Древней Индии делилось на сословия-варны (индийцы называют их джати, а европейцы — касты). Принадлежность к касте обусловливалась рождением человека и наследовалась. Представители каждой касты занимались из поколения в поколение одной и той же профессией, поклонялись одним и тем же богам, строго исполняли установленные правила по отношению друг к другу и членам других каст. Возникновение каст один из гимнов «Ригведы» описывает так. Был мифический первочеловек Пуруш. Из уст его произошли брахманы, из рук — кшатрии, из бёдер — вайшьи, а из ступней — шудры. Шудры считались экаджати — «единожды рождёнными». Каким же образом могли члены первых трёх каст рождаться два раза? В детском возрасте над мальчиками первых трёх каст совершался сложный обряд упанаяна, сопровождавшийся торжественным надеванием священного шнура упавита. После этого мальчик считался рождённым во второй раз. Шудры такого обряда не удостаивались.

Наиболее почётное место в обществе занимали, конечно, брахманы, выполнявшие жреческие обязанности, как знающие священное учение. Их называли авадхья — «неприкосновенные». Убийство брахмана считалось величайшим преступлением.

Царей, военную знать представляли кшатрии — «наделённые могуществом». Хорошо знакомое нам слово «раджа» («царь», «вождь») относится именно к кшатриям.

Свободные общинники — земледельцы, скотоводы, ремесленники, торговцы — относились к вайшьям.

Положение шудр в древнеиндийском обществе было очень тяжёлым. Им не полагалось ничего, кроме непосильной каждодневной работы и смиренного служения «дважды рождённым».

Развитие Древней Индии иногда как бы прерывалось и шло вспять. Так, например, в середине II тысячелетия до н. э. в Индию приходят и расселяются полукочевые племена ариев. Индийская цивилизация исчезает. Происходит возвращение к первобытно-общинному строю. Только в первой половине I тысячелетия до н. э. снова возникают государства. Появляются и города, но уже не крупные, свойственные Хараппской цивилизации, а маленькие, очень хорошо укреплённые пуры. Дома в них были каменные, деревянные, глинобитные, обязательно защищённые земляным валом. Снова появляются ремесленники. Особым уважением среди них пользовались плотники и кузнецы.

В нижнем течении Ганги находилась Магадха — самое крупное и сильное государство того времени. Наивысшего могущества оно достигло в IV—III вв. до н. э. при династии Маурьев, объединившей под своей властью почти всю территорию Индостана. Возникают благоприятные условия для развития экономики, совершенствования политического устройства, расцвета культуры.

В IV в. н. э. возникла сильная держава Гуптов, просуществовавшая почти два столетия.

Нанды, Маурьи, Шунги, Канвы, Гупты — каждая из этих индийских династий интересна по-своему. Нанды обладали одним из самых больших на Древнем Востоке войском. Первым царём империи Маурьев был легендарный Чандрагупта.

Эта сказочная страна привлекла и великого завоевателя древности Александра Македонского (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»). Его войско перешло через Гиндукуш и в долине реки Кофен (ныне Кабул) разделилось. Одна его часть во главе с Александром двинулась на север, другая — под командованием Пердикки и Гефестиона — переправилась через Инд и приготовилась дать сражение. Однако воинов ожидали обильное угощение и отдых. Местный раджа Таксил не только не собирался воевать с греко-македонцами, но даже подарил им лошадей и слонов.

Наряду с царём Таксилом история сохранила имя храброго царя Пора — правителя могущественного государства на северо-западе Индии, который, несмотря на численное превосходство пришельцев, решился дать им открытый бой. В 326 г. до н. э. произошло жестокое сражение. Индийская армия оказалась разбитой. Истекая кровью, Пор предстал перед победителем и потребовал, чтобы с ним обращались, как подобает обращаться с царём. Александр, восхищённый его мужеством, не только вернул Пору его владения, но даже подарил новые земли.

Александру не удалось завоевать всю Индию. На завоёванных территориях он оставил наместников. Последний из них, Эвдем, покинул Индию в 317 г. до н. э., т. е. уже через шесть лет после смерти Александра Македонского. Остатки македонских гарнизонов были вытеснены в Иран царём Чандрагуптой. Соприкосновение двух культур оказалось кратковременным, но не прошло бесследно: влияние греческой культуры заметно в прекрасных образах североиндийской гандхарской скульптуры.

Во II в. до н. э. Индия распалась на множество государственных образований, не способных отражать постоянные набеги парфян, скифов и других кочевников.

Индийская история полна неожиданностей. Чтобы узнать об одной из них, вернёмся немного назад. В 268 г. до н. э. индийский престол занял могущественный правитель династии Маурьев Ашока (Лишённый Печали). Он установил дипломатические и торговые отношения со многими странами Запада и Востока. При нём государство стало одним из крупнейших на Востоке. В молодости он не отличался мягкостью нрава и даже заслужил прозвище Чанда-Ашока (Жестокий Ашока). На восьмой год своего правления он одержал победу над государством Калинга (территория современного индийского штата Орисса), получил дополнительные политические и торговые преимущества. Казалось, великому царю суждено и впредь вести войны и укреплять свою власть.

Однако наскальный эдикт Ашоки, оставленный для потомства, гласил: «И сколько бы людей в то время, когда были покорены калингяне, ни было убито, или умерло, или уведено оттуда, даже сотая часть этого числа, даже тысячная часть тяготит теперь мысль Угодного богам» (так Ашока называл себя). Он раскаивался в содеянном.

Ашока, беспощадный когда-то, в другом эдикте наставляет: «И если кто причинит вред, Угодный богам считает, что надо пощадить, насколько простить возможно». Неожиданная метаморфоза Ашоки объясняется тем, что царь сделался приверженцем буддизма, религии, возникшей в Индии в VI в. до н. э., и стал следовать её правилам.

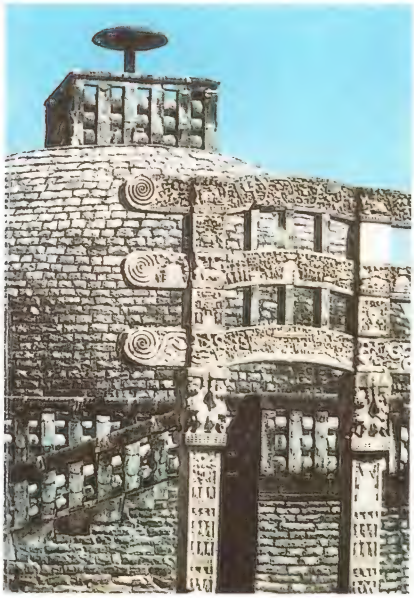
Индия является также родиной индуизма — одной из древнейших на земле религий, зародившейся в IV тысячелетии до н. э. Отличительная особенность индуизма — многобожие. Древние индийцы считали, что боги, как и люди, любят вкусную еду, красивую одежду, так же дружат и ссорятся. Богами наиболее древнего происхождения считаются Сурья (бог солнца), Дьяус-Питар (бог неба), Ушас (богиня утренней зари), Парджанья (бог грозы), Сарасвати (богиня реки того же названия), Агни (бог огня). Особенно почитался Индра — повелитель дождя, победивший Вритру — демона засухи. Позже главными богами индуистов стали Брахма (бог-творец мира), Шива (бог-разрушитель) и Вишну (бог-охранитель).

Вишну древние индийцы представляли себе в виде прекрасного юноши, возлежащего на мифическом змее Шеше, который плавает в водах космического океана. У Вишну четыре руки, в них он держит раковину, колесо, палицу и цветок

Когда приходила старость
и рождались внуки,
благочестивый брахман уходил в лес
и становился отшельником.

Железная колонна. Старый Дели. V в. н. э.

Ступа в Санчи. III—II вв. до н. э.



Деталь ворот ступы.

лотоса. Вишну обладает даром превращаться в животных и людей. Однажды, оборотившись карликом, Вишну пришёл к царю демонов Бали и попросил подарить ему столько земли, сколько он сможет покрыть тремя шагами. Рассмеявшись, Бали охотно дал разрешение, но скоро пожалел об этом: карлик вырос до гигантских размеров и первым же шагом покрыл небо, а вторым землю. Третьего шага, видя ужас Бали, великодушный Вишну делать не стал.

Высоко в Гималаях на горе Кайласа обитает бог Шива. Вид его грозен — Шива обвит кобрами, одет в тигровую шкуру, носит ожерелье из черепов. Он многолик и многорук, на лбу его всеиспепеляющий третий глаз. Как говорит предание, спасая людей, Шива выпил яд, и его шея посинела. Поэтому его часто называют Синегорлым. В руке у Шивы трезубец, а выступает он всегда в сопровождении быка Нандина. У Шивы и его жены Парвати (Горянка), два сына. Первый — четырёхрукий Ганеша, человек с головой слона, едущий на крысе. До сих пор Ганешу почитают как бога мудрости и удачи. Его брат, бог войны Сканда, имеет шесть голов. Ездит он на огромном павлине, держа в одной руке лук, а в другой — стрелы.

Древние индийцы обожествляли животных. Особенно почиталась священная корова Сурабхи, что в переводе означает «хорошо пахнущая». По преданию, эта корова пребывает в раю бога Индры. Поклонялись индийцы и змеям — нагам. В современной Индии есть штат, который называется Нагаленд (что означает «земля змей»).

В Древней Индии сложился обычай посещать святые места. Особой добродетелью считалось побывать в Хардваре — месте, где река Ганга выходит на равнину, — и хоть раз в жизни, как бы далеко ни жил человек, совершить омовение в её священных водах.

Бесценным наследием великой индийской культуры является «Махабхарата» — огромное собрание легенд, сказок, преданий, религиозно-философских текстов. Авторство этого грандиозного произведения приписывается сказителю Вьясе. В «Махабхарате» много сюжетов, главный из которых повествует о борьбе царских родов Пандавов и Кауравов. В многолетнем споре победили братья Пандавы, но не без божественной помощи: колесницей одного из них, храброго и могучего Арджуны, правил его наставник Кришна. Разговор Кришны и Арджуны перед битвой изображён в «Бхагавад-гите» («Божественной песне»), считающейся самой священной частью «Махабхараты». Некоторые места «Бхагавад-гиты» звучат вполне современно:

Кто сам себя победил, тот сам себе союзник,
Кто же собой не владеет,
тот, враждуя, себе враждебен.

Эпическая поэма «Рамаяна» в противоположность «Махабхарате» — единое и стройное произ-

ведение, приписываемое поэту Вальмики. В «Рамаяне» рассказывается о старшем сыне царя Дашаратхи — Раме, который из-за коварства одной из царских жён вынужден с братом Лакшманом и верной женой Ситой уйти в изгнание. Они зажили в лесу, питаясь кореньями и плодами. Царь демонов, злой Равана, похитил Ситу и унёс к себе. В страшном гневе Рама, объединившись с предводителем обезьян Хануманом, убивает похитителя и освобождает прекрасную Ситу. Вернувшись в столицу, Рама становится царём.

«Рамаяну» и «Махабхарату» можно назвать энциклопедией жизни Древней Индии: так много там сведений о стране, обычаях людей, государственном управлении и культуре.

Древние индийцы были сведущи не только в литературе, но и в математике, астрономии, медицине. Именно они подарили миру шахматы.

Наука врачевания называлась Аюрведа (что означает «наука о долгой жизни»). Древнеиндийский врач был одновременно и ботаником, и фармакологом, и биологом, и психологом. Искусные хирурги, они не только почти безболезненно для пациента извлекали стрелы из ран, но даже восстанавливали правильную форму искалеченных в бою носов и ушей, т. е. делали пластические операции. Ну а в лечении змеиных укусов индийские врачи не знали себе равных!

Из глубокой древности дошли до нас интереснейшие памятники архитектуры. Буддийские святилища-ступы (в Китае и Вьетнаме их называют пагодами) внешне очень напоминают колокол и представляют собой нечто среднее между храмом и мавзолеем. Основу их составляет насыпной холм, выложенный кирпичами или покрытый побелённой штукатуркой. Верх сооружения венчает квадратная терраса хармика («дворец богов»). Из её центра вверх устремляется шпиль, на который нанизаны зонты (три или семь), называемые «амалака». Семь зонтов символизируют семь ступеней с земли на небо, а три — количество небесных сфер. Внутри находится небольшая камера (иногда не одна) с останками Будды или буддийских святых. Все моления и обряды совершаются только снаружи.

Наиболее известно святилище-ступа в Санчи, которое сооружали в III—I в. до н. э. На его знаменитых четырёх воротах, называемых торана, представлена вся Индия: природа, архитектура, предания и легенды, связанные с жизнью богов и людей, фантастические существа, животный мир, деревья и цветы, жизнеописание Будды. Рассматривать ворота можно часами, как читать увлекательную книгу.

Древнеиндийская цивилизация оказала огромное влияние на многие страны Востока. Невозможно ни понять, ни изучить историю и культуру народов Южной и Юго-Восточной Азии, не зная истории Древней Индии. Она многому учит и сегодня. Не стоит забывать мудрость вед:

Да не будет ненависти
У брата к брату, а у сестры к сестре!
Оборотившись друг к другу,
следуя одному обету,
Говорите доброе слово!

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Древний Китай... Там с незапамятных времён земля желта. И жёлты воды великой реки, которую так и назвали — Жёлтая (Хуанхэ). Сидя на её берегу, богиня Нюйва лепила человечков из жёлтой глины. Они выскользнули из её животворящих рук и заселили эту землю. Владыка их звался Жёлтым государем — Хуанди. Так рассказывает легенда.

Плодородная почва и обилие воды обусловили основное занятие древних обитателей долины Хуанхэ — земледелие. Осваивая новые земли, удалённые от воды, люди научились их орошать, прокладывая каналы.

Получать больший урожай стали тогда, когда орудия начали делать не из камня, как прежде, а из бронзы и железа. Стрела с металлическим наконечником вместо кремнёвого или костяного и железный меч вместо камня или дубины были гораздо удобнее на охоте и в бою. Возможность с их помощью присвоить имущество соседей, присоединить чужие земли порождала частые войны между различными родами и племенами. Столкновения с соседями-инородцами продолжались и с появлением государственных образований: уделов, княжеств, царств.

Племя шан с переселением в долину Хуанхэ стало называться инь. Оно осело на новых землях, изгнав после кровопролитной борьбы жившее здесь ранее племя цян, или ся.

Старейшины шан-инь из племенных вождей превратились в единоличных правителей. Среди подданных укреплялось представление о них как о «сыновьях Неба», получивших власть по воле божественных сил. Это был поворотный момент в становлении государства на Центральной равнине, как издавна называлась долина Хуанхэ. Чжун Го (Срединное государство) — так с тех пор стали именовать свою страну сами жители Китая.

Государство Шан-Инь, просуществовав с 1766 по 1122 г. до н. э., подпало под власть племени чжоу, владыки которого, правившие с 1122 по 247 г. до н. э., называли себя ванами — царями. Первым из них был У-ван — Царь-Воитель. Он раздавал соратникам земли и титулы: «гун», «хоу», «бо», «цзы», «нань», что подобно европейским «герцог», «князь», «граф», «барон», «баронет». Под натиском

соседних племён и собственной родовой знати Чжоуское царство распалось на уделы. Это время (с 770 по 403 г. до н. э.) жители Срединного государства называли порой Весны и Осени.

Правители уделов сражались друг с другом и с соседями-иноплеменниками, которых считали дикарями. На смену Весне и Осени пришло лихолетье Воюющих царств, продолжавшееся почти два века — с 403 по 221 г. до н. э. В смертельную схватку вступили правители семи царств. «В сраженьях за овладение городами убитые переполняли города, — писал современник, — а в битвах за земли поля сражений сплошь устилались телами убитых». После одного такого побоища под Чанпином в 260 г. до н. э. воины царства Цинь живьём закопали 400 тыс. сдавшихся в плен ратников царства Чжао.

Победителем из войны вышло царство Цинь. Этому способствовала новая организация войска: в атакующих отрядах была только молодёжь, в обороняющих — пожилые воины.

Покорив все шесть царств соперников и учинив там повальную резню, правитель Цинь, 13-летний Ин Чжэн, объявил себя хуанди (владыкой, императором) и стал именоваться Цинь Ши-хуанди — первый император Цинь. В подвластных ему землях он покончил с властью удельных правителей. Вся страна была разделена на области, а те в свою очередь — на уезды. Начальники областей и уездов назначались из столицы и в любой момент могли быть смещены по воле хуанди. В прежних шести царствах в качестве денег в ходу были панцири черепах, раковины, куски яшмы. Цинь Ши-хуанди приказал рассчитываться только золотыми и медными монетами.

Жизнь в государстве должна была идти по общим правилам. Император ввёл единые письменные знаки, упорядочил меры веса и длины, установил одинаковую ширину колеи для повозок, утвердил обязательные для всех законы, приказал всю обрядовую утварь и оружие делать по единому образцу.

Цинь Ши-хуанди считал строгое соблюдение законов первостепенным условием порядка в стране. Бунтовщики подлежали казни. Семья отвечала за поведение каждого своего члена. Так надеялись искоренить грабителей и разбойников.

Однажды в Саньяне, столице нового государства, было казнено более 460 человек. Об этом оповестили всех жителей страны. Всячески поддерживалась крепость семейных уз. Убийство мужа, разрушающего своим поведением семью, было приказано не считать преступлением.

Пещера тысячи Будд.
Роспись. Эпоха Тан.

Пещера тысячи Будд.
Фрагмент росписи. Эпоха Тан.

Скульптура чиновника.
Керамика, роспись (следы краски).
Китай. IV—VI вв. н. э.

Сосуд «Ту».
Бронза.
Китай. II тысячелетие до н. э.

Укрепляя государство изнутри, Цинь Ши-хуанди не оставлял без внимания и соседей. Несколько сотен тысяч циньских ратников сложили головы во время похода против государства Наньюе на юге.

Однажды предсказатель предрёк: «Погубят Цинь хусцы, что на севере». Встревоженный государь отрядил тысячи людей на постройку оборонительного вала против «северных дикарей». Возводить этот вал послали и всех несправедливых судей. Так было положено начало строительству Вань ли чан чэн (стены длиной в 10 тыс. ли) — Великой Китайской стены. Спускаясь в долины и вползая на горные кручи, она растянулась с запада на восток. Многие поколения китайцев пристраивали новые стены и башни, подновляли старые.

Цинь Ши-хуанди не знал удержу в своих прихотях. Всякий раз, когда его войско сокрушало власть кого-либо из владетельных князей, циньский владыка повелевал построить себе такой же дворец, как у поверженного государя. Ко дворцам, расположенным за пределами столицы, прокладывали огороженные валами дороги.

Усыпальница Цинь Ши-хуанди может потягаться с пирамидами фараонов Древнего Египта. В течение 37 лет 720 тыс. человек строили её на горе Ли. Вначале в горе вырыли громадную яму, докопавшись до трёх ключей. Воду отвели, и отверстия залили медью. Над ямой насыпали курган, засадив его деревьями и кустарниками. Дно могилы и стены выложили отполированными камнями и яшмой. На полу поставили модели священных гор и наполненные ртутью подобия морей и рек с плавающими по ним золотыми и серебряными птицами. Потолку придали вид неба с различными светилами. Вместе с Цинь Ши-хуанди в могилу положили несколько сотен девушек, в том числе и десять сестёр государя.

Вскоре после кончины первого хуанди вспыхнула междуусобица. Победителем в схватке за власть вышел Лю Бан, волостной начальник. Он положил начало династии Ранней, или Западной, Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.).

Прекратить разбой и кровопролитие, восстановить разрушенное во время междуусобицы хозяйство — таковы были стремления императора новой династии. «За убийство — смерть убийце, за ранение и разбой — соответствующее наказание» — гласил договор, заключённый Лю Баном со старейшинами Цинь. Он отменил жестокие законы Циньской империи.

По окончании войны с соперниками Лю Бан сразу распустил часть армии, разрешил бывшим

Крестьяне Древнего Китая.

воинам заняться сельским хозяйством и ремеслом. Одновременно была отпущена на свободу часть подневольных людей.

Политика восстановления сельского хозяйства, проводившаяся на первых порах существования династии Хань, дала свои плоды. Ранее заброшенные и пустующие земли обрели владельцев и стали плодородными. Подъёму сельскохозяйственного производства способствовало совершенствование орудий и приёмов агротехники. «Уполномоченный по изысканию зерна» Чжао Го применил метод смены полей, т. е. трёхпольную систему. Тот же Чжао Го изобрёл парную соху. В неё впрягали двух быков, управляемых тремя пахарями. Для увеличения площади обрабатываемых земель расширялась ирригационная система. Ремонтировались и сооружались речные дамбы и каналы. При правителях династии Хань нечиновный люд получил возможность разрабатывать полезные ископаемые. В царствование императора Вэнь-ди населению разрешили свободно заниматься добычей соли и железа. Развитию ремесла способствовали создаваемые казной железоделательные мастерские. В них работали искусные мастеровые.

Первым правителям дома Хань пришлось уделять основное внимание восстановлению разрушенного междуусобицами хозяйства. Ко времени вступления на престол государя Лю Чэ (140—87 гг. до н. э.) центральная власть окрепла, оживление производства пополнило казну. Можно было обратить силы на расширение границ. Лю Чэ оправдывал своё императорское имя — У-ди (Государь-Воин).

Но войны были разорительны для страны. Множились налоги в казну. Из-за войн не хватало рук для ремонта оросительных сооружений. Участились наводнения и засухи. Разорение захватило и деревню, и город. Уже в конце царствования У-ди народ стал браться за оружие. При преемнике У-ди начались бунты в самой столице.

Императорский трон захватил сановник Ван Ман и в 9 г. н. э. провозгласил себя правителем. Для укрепления своей власти он приступил к реформам. Ответом на них явились мощные народные выступления — восстания «краснобровых», которые красили себе брови в красный цвет, чтобы отличаться от воинов Ван Мана, и «жителей зелёных лесов» (один из очагов восстания был в горах Лулинь шань, что значит «горы зелёных лесов»).

На волне выступлений против Ван Мана, убитого в 23 г., выдвинулся Лю Сю. В 25 г. он принял титул государя, положив начало Восточной, или Поздней, Ханьской династии (25—220 гг.). Восточной она называлась потому, что столица была перенесена с запада — из города Чанань — на восток, в город Лоян.

В эпоху Восточной Хань для выплавки чугуна и выпаривания соли стали применять гидравлические воздуходувки у печей, которые работали на природном газе. Был найден способ изготовления дешёвой бумаги из древесной коры, очёсков конопли, тряпья, старых рыболовных снастей.

Новая династия была воинственной. Велись войны с Северным Вьетнамом, правительница которого отказалась платить дань китайскому двору; ожесточённо сражались китайские войска с хуннами в Центральной Азии.

Внутри страны также шла борьба. Смертельным ударом для династии Восточная Хань послужило в 184 г. крестьянское восстание «жёлтых повязок» (такие повязки носили на головах повстанцы). Падение династии довершила междуусобица чиновников и землевладельцев. Последний государь Восточной Хань Сянь-ди был увезён из столицы и стал заложником военачальников Дун Чжо и Цао Цао. Оба, как и их предшественник Ван Ман, считаются величайшими изменниками в истории Китая, ибо они предали своего государя.

С падением Восточной Ханьской династии единое Китайское государство распалось на три самостоятельных царства: Вэй со столицей в Лояне, У со столицей в Цзянькане и Шу со столицей в Чэнду. Наступил период Троецарствия, длившийся с 220 по 280 г. и сопровождавшийся междуусобицами и смутами. В 263 г. войска царства Вэй уничтожили царство Шу, в 280 г. — покорили царство У. С 265 г. правящая династия называла себя Западной Цзинь. Через десять лет после объединения страны вспыхнул мятеж вось-

ми князей, потом произошло вторжение западных и северных кочевых племён в район Центральной равнины.

В 316 г. династия Западная Цзинь была вынуждена перенести столицу на юг. В 318 г. её правитель был свергнут, и стала править династия Восточная Цзинь (317—420 гг.) со столицей в Цзянькане (ныне Нанкин). В 420 г. трон захватил военачальник Лю Юй, основав династию Сун. Начался период южных династий. Китайским государствам южных династий противостояли государства, созданные в Северном Китае древнемонгольским народом сяньби. Во главе их стояли правители из династий Северная Вэй, Северная Ци и Северная Чжоу.

Несмотря на междуусобицы ханьских правителей, к этому времени произошло становление и упрочение общности ханьского народа, основанной на единстве языка, письменности и обычаев (в первую очередь обычая почитания предков).

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ

«Говорят, есть прекрасная страна, окружённая со всех сторон голубыми горами. Почему бы не пойти туда? — обратился Иваро к своему брату Ицусэ. Восприняв его молчание как согласие, Иваро решительно добавил: — Пойдём туда».

Так, согласно преданию, произошло переселение людей племён тэнсон и идзумо с острова Кюсю на остров Хонсю. Иваро посадил своих людей на корабли и отправился в путь. Семь лет длился поход. Они обогнули берега родного Кюсю, вышли в Японское море и высадились на западном побережье Хонсю. Продвигаясь на восток, они поселились на равнинных землях, которые позднее составили владения созданного ими государства Ямато и явились центром становления японского народа.

Однако Иваро как врага встретили старейшины племён, ранее обосновавшихся в этих местах. Они оказали сильное сопротивление пришельцам-завоевателям. Особенно упорно сражались местный старейшина Нагасунэ-хико и его сторонники. Иваро пришлось даже покинуть Ямато. Только после гибели врага он со своими соплеменниками вернулся туда.

Поселившись на новом месте, Иваро, как гласит легенда, первым делом выстроил святилище для хранения трёх волшебных предметов: металлического зеркала, меча и яшмового ожерелья. Согласно поверьям, их передала как знаки власти своему внуку — богу Ниниги — богиня солнца Аматэрасу. Обладание ими давало Иваро повод причислить себя к наследникам богов и считать свою власть божественной. Своими завоевательными походами он положил начало образованию общеплеменного союза под главенством вождей, а позднее царей — тэнно. Иваро, как сообщают японские летописи, правил с 660 по 585 г. до н. э. После смерти его нарекли Дзимму-тэнно — Небесный или Божественный царь.

Начиная с Дзимму-тэнно, власть в роду правителя Ямато переходила по наследству. Вначале царь мало отличался по своему положению от главы господствующего рода или вождя племени, но постепенно его власть распространилась и на остальных вождей Ямато. С увеличением количества членов царского рода становится обычаем наделять их землёй.

Важные преобразования в стране связаны с деятельностью царя Судзина (97—30 гг. до н.э.). Он, как свидетельствуют японские летописи, впервые ввёл налоги двух видов. Мужчины должны были посылать царю добычу своих «лука и стрел», т. е. добытое ими на охоте, а женщины — «изделия рук», т. е. ткани. Судзин вёл войны с неподвластными ему инородцами. По четырём направлениям от Ямато он послал военачальников с наказом: «Если найдутся люди, не признающие наших велений, взять войска и повергнуть этих людей наземь».

Своим именем — а оно переводится как «он, который почитает богов», — Судзин обязан тому, что был не только царём, но и верховным жрецом Ямато.

В стране бытовал обычай хоронить вместе с царём или членами царского рода живых людей. Предание гласит, что царь Суйнин, сменивший на престоле Судзина, был потрясён зрелищем закапывания людей в землю. Он сказал своим советникам: «Жаль заставлять тех, кто любил когонибудь при его жизни, следовать за ним и после его смерти. Хотя это и старый обычай, но зачем соблюдать его, если он плохой? Подумайте, как приостановить следование за умершим?». Надоумил находчивый глава гончаров Номи-но-сукунэ. Он предложил заменять живых людей их глиняными изображениями. Идея пришлась царю по вкусу, так и стали делать.

В Ямато существовал обычай, по которому каждый новый царь переносил прежнюю столицу на новое место, но в пределах страны. Так поступали по двум причинам. Во-первых, из-за боязни жить в доме умершего, который был не только дворцом, — там хранились святыни. Со временем создаётся общее святилище японских царей в Исэ. Так повелела богиня солнца Аматэрасу царевне Ямато, дочери царя Суйнина. С тех пор верховными жрицами святилища в Исэ всегда были девы-царевны. Во-вторых, царевич-наследник жил отдельно в своей ставке, которую и объявляли столицей.

Со временем владения Ямато увеличивались. Завоевательные войны велись в царствование Кэйко (71—130 гг. н. э.). Его сын царевич Ямато-

такэру, что значит «богатырь Ямато», сражался против непокорных племён — кумасо на острове Кюсю и эбису на острове Хоккайдо.

16-летним юношей с дружиной искусных лучников Ямато-такэру отправился в поход против кумасо. Перед этим он проявил себя дома: убил брата-близнеца за непослушание царю-отцу.

С двумя непокорными вождями кумасо Ямато-такэру справился, прибегнув к хитрости. К одному он проник под видом красивой девушки, а когда во время пира вождь кумасо опьянел, ударил его кинжалом в сердце. С другим царевич для вида подружился, но во время купания убил его.

На Хоккайдо Ямато-такэру сражался десять лет с мятежными эбису. Совершить легендарные подвиги царевичу помогла его тётка Ямато-химэ, верховная жрица святилища в Исэ. Она дала племяннику волшебное огниво и меч бога урагана Сусаноо, который потом стали называть Кусанаги — «целебная трава» или «истребитель травы». Легенда рассказывает, что однажды враги подожгли заросли высокой травы, в которых укрывался Ямато-такэру. Огонь подступал всё ближе и ближе, тогда царевич начал рубить мечом горящую траву и в конце концов спасся от гибели.

Ямато-такэру умер от ран на чужбине. Перед смертью он писал царю: «Я лежу среди душистых полей, но не забочусь о жизни. Я сожалею только о том, что не могу предстать перед тобой...». В этих словах звучат мужество и преданность воина, которые Ямато-такэру оставил в наследие своим потомкам.

Войны сыграли важную роль в укреплении власти царствующего рода Ямато. Во время походов царь или его ближайшие родственники становились во главе ополчения. Львиная доля захваченной добычи шла царю и его близким, в храмы, где священнодействовали опять же люди из царствующего дома. Военнопленные обрабатывали царские земли или зачислялись в разряд ремесленников, многие из которых работали на царский род.

В результате завоевательных походов Ямато старейшины побеждённых инородцев становились подчинёнными владетелям Ямато, их данниками. Для укрепления своей власти в покорённых землях цари Ямато назначали туда в качестве правителей родственников, которые проявили себя храбрыми или способными людьми.

С расширением территории, подвластной царям Ямато, и увеличением населения на ней им уже трудно было единолично справляться с делами управления. При государе Сэйму (131—190 гг.) впервые появляется должность оми — ближайшего помощника царя по управлению Ямато, а в области назначаются губернаторы и уездные начальники.

Преемник царя Сэйму, красавец-великан Тюай, не отличался воинственным духом. Однажды его жена царица Дзингу увидела во сне земли, лежащие на юго-запад от Ямато, которые могли быть завоёваны. Это была Корея. Дзингу поведала свой сон царю, закончив рассказ словами: «Там изобилие разных сокровищ, манящих глаз, от золота до серебра. Я теперь дам эту землю тебе». Тюай вместо ответа продолжал играть на флейте. Всё-таки покой его был потревожен. Вновь восстали непокорные кумасо. Они разгромили войска Тюая, смертельно ранив его самого. Царица Дзингу жестоко отомстила им за смерть мужа, но и ей не удалось покорить их окончательно. Они, как и эбису, боролись за свободу в течение нескольких последующих веков.

Похоронив мужа и усмирив восставших, царица Дзингу предприняла поход против корейского государства Силла, давнего союзника кумасо. Она лично возглавила поход в заморский край. Военная экспедиция потребовала много средств и трудов на постройку кораблей, подготовку снаряжения, множество людей насильно взяли на войну. Недовольством населения воспользовались царевичи Кагосака и Осикума. В отсутствие Дзингу они возглавили мятеж. Однако верным Дзингу людям во главе с советником Такэноути-но сукунэ удалось вовремя его подавить.

Наследник Дзингу Одзин, правивший страной с 270 по 310 г., мечтал о морских походах и обязал жителей приморской области Идзу бесплатно, в качестве дани, строить для него корабли. В то время их корпуса выдалбливали из стволов деревьев.

У Одзина появился целый флот: 500 судов — карано. Столько до него не было ни у одного царя Ямато. К судостроительству в Ямато поневоле оказались причастными жители Кореи. Часть кораблей Одзина сгорела неподалёку от домов, где размещались послы корейского царства Силла. Их обвинили в поджоге. Тогда правитель Силлы прислал в Ямато искусных корабелов. Там они позже основали наследственный союз кораблестроителей.

При Одзине создаётся промысловый союз рыбаков. До этого они были разобщены. Пользуясь этим, царский двор забирал у них рыбу. Со временем, осознав свою силу, рыбаки отказались выполнять приказы царских властей. После длительных переговоров царским указом было разрешено создание союза рыбаков, который представлял их интересы.

С развитием в стране разнообразных промыслов появились особые группы ремесленников, которые обслуживали царский двор и знать. Так, в конце III в. в распоряжение одного из царевичей было выделено десять артелей ремесленников: ткачей парчи, изготовителей щитов, мечей, луков, стрел, резных камней и т. д.

Для развития ремёсел цари Ямато поощряли переселение в свою страну искусных мастеров из-за рубежа. При Одзине с этой целью в другие страны было направлено несколько посольств. По приказу царя в Китай, в царство У, отправился

приехавший оттуда Ати-но оми с сыном. Им надлежало привезти в Ямато искусных ткачих и портных. Позже из корейского царства Пэкче прибыли гончары, шорники, вышивальщицы.

После смерти Одзина почти три года шла борьба за власть. Старший сын царя был убит, младший покончил жизнь самоубийством. Трон достался среднему — Нинтоку (313—399 гг.). То, что увидел новый царь вокруг себя, поразило его: войны, междуусобицы знати оборачивались бедами и нищетой для населения страны. Японские летописи донесли до нас слова Нинтоку: «Мы взошли на высокую башню и взглянули окрест, но нигде с земли не поднималось дыма. Из этого мы заключили, что народ беден и в домах никто не варит риса». После этого Нинтоку списал недоимки, на три года отказался от получения земельного налога. Сам стал ходить в старой одежде и поношенной обуви. Во дворце его, говорится в хвалебной оде в честь царя, в дождь переходили из одной комнаты в другую, так как протекала крыша.

Хозяйственное состояние страны не было безразлично царю.

Природные условия, пригодные для возделывания злаков, и богатое рыбой море обусловили основные занятия жителей страны Ямато — земледелие и рыболовство. По преданию, земледелие было делом нелёгким. Удобной для обработки земли было мало. Освоение горных участков требовало больших усилий. С распространением железных орудий почву стали обрабатывать кирками, мотыгами, лопатами. Вошла в обиход соха, которую тянули быки. Выращивание риса, ставшего излюбленной пищей населения Ямато, требовало создания поливных полей, каналов, плотин, водохранилищ — проведения обширных гидротехнических работ.

С именем царя Юряку (457—479 гг.) связаны особые заботы о развитии шелководства. По преданию, он будто бы собрал расселившихся в разных местах людей рода Хата, умевших получать шёлковые нити, и поселил их вместе, приказав заниматься шелководством и ткать шёлковые ткани. В 472 г. вышли указы о разведении тутовника везде, где он может расти. И одновременно предписывалось вновь расселить людей рода Хата по различным местам, чтобы они могли обучить большее количество крестьян шелкоделию.

За годы правления царей Нинтоку и Юряку хозяйство страны окрепло, народ стал жить лучше. Цари получили такую большую власть, что самые могущественные главы родов не могли мешать им править. Однако постепенно в царском семействе начались разлады. Они вдохновили Матори, члена семейства Хэгури, захватить трон у десятилетнего царя Бурэцу (499—506 гг.). Но против Матори выступила военная знать, и род Хэгури был истреблён.

В VI в. значение царской власти падает, вновь верховодят влиятельные старейшины родов. Беспредел и распри царят в Ямато. Им пришёл конец после решающих сражений домов Мононобэ и Сога. Воинов Мононобэ возглавлял родоначальник Мория, воинов Сога — 16-летний царевич Сётоку-тайси. В решающем сражении Мория был убит, погибли многие его родственники и сторонники, а оставшихся в живых обратили в рабство. Их имущество перешло в казну.

Как гласит предание, во время битвы голову Сётоку-тайси украшал шлем с изображением четырёх царей — стражей мира, которые защищают мир и людей от злых сил. С их изображениями, как и с другими образами буддийских богов и защитников, японцы познакомились впервые в 552 г., когда король корейского государства Пэкче прислал в Ямато статую Будды, отлитую из золота. Его сопровождали буддийские монахи. С новой религией первоначально познакомился царский двор. Сётоку-тайси был приверженцем буддизма и всеми силами содействовал его распространению в стране, надеясь с его помощью стать вершителем судеб народа.

В 604 г. он опубликовал «Закон из 17 статей». В нём излагались основы управления государством. Например, в статье 3 говорилось: «Когда получаете повеление государя, обязательно соблюдайте его... Если не будете соблюдать,

Бодхисаттва Майтрейя. Первая половина VII в.

погубите сами себя»; в статье 4: «Все сановники и должностные лица, считайте самым главным закон... Если нет закона наверху, нет порядка и внизу. Если же нет закона внизу, обязательно появляются преступления»; «Долг чиновника — справедливо, не поддаваясь соблазну обжорства и алчности, рассматривать жалобы, ему подаваемые» — статья 5; «Сановники и чиновники! Рано приходите на службу и поздно уходите! Дел очень много» — статья 8.

В середине VII в. для страны Ямато заканчивается период древности, и она вступает в новую пору своего развития. На смену Ямато приходит Ниппон — Япония — Страна восходящего солнца.

ВОЕННОЕ ДЕЛО ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Военное дело как одна из форм человеческой деятельности возникло одновременно с зачатками общества. Окружённые враждебным миром, первобытные люди отстаивали своё право на существование в борьбе не только с дикой природой. Контакты племён с такими же настороженными и недоверчивыми соседями, как они сами, превращались в кровопролитные столкновения. Стремление победить заставляло совершенствовать вооружение, средства защиты, прибегать к тактическим уловкам. Наскальные рисунки, сохранившиеся в пещерах, свидетельствуют о том, что в среднем каменном веке уже существовало представление о необходимости разделения сил на отряды, которые под руководством командиров согласованно выполняли в бою самостоятельные задачи: атаковали в лоб, заходили с флангов или с тыла.

С очень давних пор, с IX тысячелетия до н. э., в Палестине сохранились памятники фортификации — древнейшие стены и башня Иерихона. Там же найдены оружие и средства защиты, относящиеся к IV тысячелетию до н. э.: наконечники копий и кинжальные клинки, ударные части булав, боевые топоры, широкие и толстые венцы-шлемы и даже панцири из медных лент, зашитых между двумя слоями кожи.

А в долине Нила на исходе IV тысячелетия до н. э. складывались первые государственные образования, позднее названные греками «номы», воины которых сражались в панцирях и прикрывались щитами, сделанными из высушенных до твёрдости дерева шкур пустынной рыси. Со временем они отказались от панцирей, а щиты стали изготовлять из коровьих шкур, натянутых на раму. Голову каждого воина защищал шлем-парик из шерсти и волос. Они были вооружены луками, стрелами, копьями, дротиками, различными булавами, метательными дубинками, бумерангами, оригинальными секирами — металлический сегмент или прямоугольник, вставленный в отверстие в древке и примотанный к нему верёвками или ремешками.

В сражение египтяне вступали поотрядно, выстраиваясь в шеренги и ступая в ногу. Впереди отряда несли знамя — украшенный страусовыми перьями и длинными развевающимися лентами шест с перекладиной наверху, где помещалась фигура местного божества в образе животного. Бой начинали лучники. Вооружённые большими луками, сделанными из одного куска дерева, они осыпали врагов тучами длинных стрел. Довершали битву воины с кинжалами, добивавшие поверженных врагов. Бой превращался в страшную резню: пленных не брали.

В долинах Тигра и Евфрата, где возникли древние города-государства, военные силы в то время состояли из свободных общинников. Их возглавляли выборные военные предводители — лугали. Вооружение месопотамских воинов на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. состояло из кинжалов с бронзовыми или медными клинками и луков, склеенных из нескольких слоёв дерева и, вероятно, рога. Главным же боевым средством стала колесница. Она представляла собой кузов с боковыми и передней стенками-бортами, установленный на одной или двух осях, с двумя или четырьмя сплошными, вырезанными из одного куска дерева или сбитыми из досок колёсами. Спереди к днищу крепилось длинное изогнутое дышло с поперечиной-ярмом.

Запрягали в колесницы полуослов-полулошадей онагров, отличавшихся ростом, силой, стремительностью бега и выносливостью. Чтобы они не кусались, на морду им надевали сжимающий челюсти недоуздок. Управляли ими при помощи поводьев, привязанных к металлическому кольцу, вставленному в перемычку между ноздрями животного. Рядом с возницей в колеснице стоял боец, который действовал длинным копьём, метал дротики, стрелял из лука.

Колесничными бойцами были лугали и их приближённые. Ядро войска состояло из взрослых, солидных мужей, глав семейств. Они объединялись в фалангу — строй из нескольких шеренг пеших копейщиков, прикрытых щитами и наступающих плечом к плечу. Их удар был неотразим. Однако саму фалангу, неповоротливую и уязвимую с флангов, прикрывали особые, более манёвренные отряды, сформированные из молодых мужчин, обычно уже женатых. Младшие члены общины составляли лёгкие летучие отряды.

Что же происходило на поле боя? Вначале вооружённые пращами воины, стоявшие на флангах позади основных сил, обрушивали на противника град камней или пращевых ядер из глины. Затем в клубах пыли, грохоча колёсами, вперёд неслась колесничная знать, головы которой защищали медные и бронзовые шлемы, чуть

заострённые кверху, с кованым узлом на затылке, имитирующим настоящую причёску. Через плечо каждого воина был перекинут боевой шарф, украшенный либо прядями шерсти, либо бронзовыми бляхами. Если враги при виде этого устрашающего великолепия всё же не разбегались, на них скорым и мерным шагом наступала фаланга — стена огромных, обтянутых толстой воловьей кожей щитов с большими бронзовыми бляхами. Щиты были так тяжелы, что их несли специальные щитоносцы, составлявшие первый ряд. За ними несколькими шеренгами шли копейщики, выставив из-за щитов густую щетину бронзовых жал. Воинов защищали округлые, чуть заострённые металлические шлемы, панцири из толстой кожи или стёганого войлока в виде двух широких полос, висящих на плечах и крепившихся к широкому поясу, а также длинные юбки из бараньих шкур.

Бойцы, прикрывавшие края фаланги, имели такое же защитное снаряжение, а вооружены были копьём и топором. Они-то и сокрушали противника. И забрасывание камнями, и грохот колесниц, и натиск фаланги имели целью прежде всего сломать строй и подорвать моральный дух противника. А легковооружённым пращникам оставалось хватать пленных и добивать раненых, не годных для выкупа или подневольного труда.

Такая боевая система просуществовала, однако, всего около 300 лет. В последней четверти III тысячелетия до н. э. её реформировал знаменитый аккадский царь Саргон и благодаря этому смог одержать внушительные победы, объединив под своей властью Месопотамию. Он заменил фалангу лучниками. Очевидно, сказалось влияние усилившихся западносемитских пастушеских племён, принёсших, точнее вернувших, в Месопотамию массовое применение мощного сложносоставного лука. Они и сами в качестве наёмников служили в дружинах местных владык.

Характер боя теперь изменился: после мощного обстрела из луков и пращей следовала атака колесниц. Затем вступали в бой копейщики-секироносцы, причём во время сражения лучники постоянно взаимодействовали как более мобильные и многочисленные со всеми отрядами войска и могли сосредоточить обстрел на нужном участке сражения. К тому же сами лучники были защищены металлическими или стёганными шлемами и панцирями.

К началу II тысячелетия до н. э. западносемитских кочевников, умелых и храбрых бойцов, всё охотнее приглашают на военную службу правители разных областей Месопотамии, Западной Сирии, Восточного Средиземноморья. Кочевники прекрасно освоили местные виды оружия и, используя достижения в оружейном деле, создали собственный комплекс вооружения. Работали они и над совершенствованием колесниц.

Могучая военно-административная деспотия сложилась в Египте ко II тысячелетию до н. э. По-военному была организована вся страна. Фараоны содержали огромную армию. Она не столько защищала границы Египта, сколько предназначалась для захвата и колонизации новых земель. Войско состояло из личной гвардии фараона, отрядов наместников областей, резервных, учебных и внутренних подразделений. Кроме египтян в него стали включать отряды нанятых или приведённых с захваченных территорий негров, чтобы держать в повиновении местное население. Военные успехи Египта достигались, видимо, за счёт многочисленности, дисциплинированности и боевой выучки войск.

Завоевательную стратегию Египта отличало создание надёжной системы укреплений в приграничных областях. На границах с Нубией на юге и Синайской пустыней на севере встали гигантские крепости, чередовавшиеся с более мелкими укреплениями. Ни один человек не мог незаметно пересечь границу. В крепостях и вокруг них базировались приграничные войска. Из них формировались отряды землепроходцев, в чью задачу входили разведка, торгово-обменные, дипломатические и военные операции. В случае необходимости из крепостей подтягивалось подкрепление. Зона влияния Египта расширялась, обеспечивая поступление золота, слоновьих бивней, перьев страусов, леопардовых и жирафьих шкур, чёрного дерева, меди, ваз, вина, фиников, скота, светлокожих азиатских воинов и рабынь с севера, чёрных воинов и рабов с юга.

В конце II тысячелетия до н. э. Египет распался на несколько государств, ожесточённо воевавших между собой. Северные номы, подобно месопотамским государствам, стали поселять в дельте Нила западносемитские пастушеские роды и включать их воинов в свои войска, причём самостоятельными отрядами.

Первые два столетия II тысячелетия до н. э. ознаменовались новшествами в военном деле. В Сирии появились колесницы с уменьшенным и облегчённым кузовом и колёсами, состоящими из обода и двух скрещённых досок, заменённых спицами. Теперь на полях сражений появились лошади. Раньше их использовали в основном, чтобы скрещивать с ослами и получать мулов. Лошади были не столь выносливыми, зато обладали хорошим шагом, высоким ростом, покладистым нравом и, главное, легко поддавались обучению.

В XVIII в. до н. э. царь Вавилона Хаммурапи (см. ст. «Вавилон») объединил Месопотамию и разгромил союз пастушеских племён. Массы побеждённых в поисках приюта хлынули на запад, миновали благодатные, но тесные долины Восточного Средиземноморья и достигли дельты Нила. Затем туда же двинулись воинственные кочевники из Ханаана, но уже не как мирные просители... По ту сторону границы их встречали близкие по языку и культуре люди. Однако воинственные, умелые, храбрые в бою пастухи были малочисленны перед войском объединившегося к тому времени Египта. Исход этого столкновения предстояло решить оружию.

4
3
2
1
М. Горелик

Азиатские воины сражались большими, похожими на серпы бронзовыми секачами, страшной пробойной силы топорами, мощными луками с тяжёлыми стрелами, защищались стёганными панцирями и шлемами, прямоугольными щитами из кожи и прутьев. Победу воинам-кочевникам обеспечили лёгкие двуколки, запряжённые двумя или четырьмя конями; на них высились лучники (либо копейщики, секироносцы, мечники), закованные от колен до губ в броню из бронзовых пластин. Вид коней, колесниц, воинов, сделанных, казалось, из ослепляющего, блещущего солнцем металла, производил на египетских воинов ошеломляющее впечатление. Гиксосы — так называли египтяне завоевателей — почти на два столетия овладели северной частью страны (см. ст. «Древний Египет»).

Египтяне в течение этих веков не теряли времени даром. Они обзаводились конями и колесницами. И хотя защитного вооружения у гиксосов не позаимствовали, колесничное дело поставили по-египетски масштабно: вместо единичных экипажей у них появились тысячи колесниц. И вот уже преображённое войско громит гиксосов, изгоняет их из страны и на плечах разбитого противника врывается в Ханаан и соседние районы Восточного Средиземноморья.

Со временем натиск египтян стал встречать крепнущий отпор. Мелкие государства Сирии и Палестины начали объединяться в союзы, да и вооружение местных воинов превосходило египетское: распространялись и совершенствовались металлические и кожаные, усиленные металлом панцири и шлемы. Металлом обшивали защитные попоны коней, обивали кузова колесниц. Но всё это не очень помогало выстоять против дисциплинированного, обученного и огромного египетского войска, ведомого очень способными и храбрыми полководцами-фараонами.

Однако в регионе появилась третья сила — могучая Хеттская держава. О военном деле хеттов известно мало: они имели пешие и колесничные войска, осадную технику и мощные крепости, прекрасные бронзовые наконечники копий, кинжалы и топоры, луки со стрелами, бронзовые пояса и заимствованные в Ханаане панцири из металлических пластинок, гребнистые бронзовые шлемы сирийского происхождения. Власть хеттских царей была не так тяжела, как власть фараонов, и местные владетели охотно становились их сторонниками.

В XIII в. до н. э. при сирийском городе Кадеше состоялось решающее сражение между армией фараона Рамсеса II и войсками хеттского царя (см. ст. «Хеттское царство»). Египетское войско шло тремя большими отрядами. Расстояние между ними составляло день пути. Их противник, сосредоточив силы под Кадешем, подослал лазутчиков, от которых фараон узнал, что враги ещё далеко. Египтяне не успели приготовиться, а на них уже обрушились колесницы союзников хеттов. Лишь беспримерное мужество фараона, собравшего своих воинов и организовавшего сопротивление, и недисциплинированность сирийцев, бросившихся грабить египетский лагерь, позволили отряду Рамсеса II продержаться до подхода остальных сил. Геройство фараона не изменило, однако, военно-политический итог кампании: хетты вытеснили египтян из Сирии и Палестины.

Воины Древнего Востока:
1 — сирийский колесничный боец XV в. до н. э;
2 — ассирийский воин VIII—VI вв. до н. э;
3 — парфянский катафрактарий II—III вв. н. э;
4 — китайский пехотинец II—I вв. до н. э.

Другой центр развития военного дела находился далеко на востоке от Египта, Средиземноморья и Месопотамии.

В середине II тысячелетия до н. э. вместе со скотоводами Великой евразийской степи пришло к пределам Китайской равнины замечательное ближневосточное изобретение — конная боевая двуколка, а также бронзовые шлемы. Северокитайское государство Шан имело мощную армию, постоянно воевавшую с соседями-«варварами», которых захватывали в плен только для того, чтобы предать мучительной смерти во время жертвоприношений во славу того или иного божества. Оружием шаньцев были плоские бронзовые клевцы на длинном древке, бронзовые топоры, копья с массивными наконечниками, большие боевые ножи, мощные сложносоставные луки. Прикрывались они панцирями-кирасами из толстой, твёрдой лакированной кожи и прямоугольными щитами из дерева или сплетёнными из прутьев и покрытыми лакированной кожей. Их степные противники пользовались клевцами и топорами, кинжалами и иногда длинными ножами.

Колесницы поначалу давали степнякам неоспоримые преимущества. Но когда китайцы позаимствовали у них и освоили новинку, повторилось то, что было в Египте: мощная производственная база и обилие искусных работников позволили создать колесничное войско. В позднешаньский период (XIII—XI вв. до н. э.) китайские воины были защищены бронзовыми шлемами и масками-личинами, кожаными панцирями и щитами, покрытыми бронзовыми дисками. Но замечательное оружие не спасло жестоких царей от разгрома соседями — племенем чжоу.

Оружие раннечжоуского периода не слишком отличалось от шаньского — получили распространение лишь длинные кинжалы и излюбленные воинами чжоу сложные формы длиннодревкового оружия. На одном древке чжоу закрепляли боевую металлическую часть, представлявшую собой комбинацию клевца и копья, топора и копья, булавы и копья. Разновидности этого оружия постоянно совершенствовались. К середине I тысячелетия до н. э. сформировался комплекс вооружения, состоящий из меча, набора древкового оружия, клевца, арбалета (хотя лук отнюдь не исчез), панциря и шлема из кусков лакированной кожи быка (или носорога), а также деревянного лакированного щита. Колесничные кони были снабжены

панцирями и масками из лакированной кожи. «Варвары» юго-запада Китая изготовляли свои оригинальные формы тех же видов оружия и защитного снаряжения, которые были ими заимствованы из Центрального Китая.

В начале I тысячелетия до н. э. в Сирии и Палестине появляется замечательное новшество — тяжеловооружённая конница. Всадники в остроконечных шлемах, с круглыми щитами были вооружены копьями и короткими мечами и восседали на защищённых панцирями конях.

Ещё заметнее были военные достижения усилившейся Ассирийской державы (см. ст. «Ассирия»). Её армия, состоявшая из свободных общинников, стала грозой Ближнего Востока. Лучники, копейщики и меченосцы в остроконечных шлемах и панцирях до колен (или до пят) из бронзовых, связанных друг с другом пластинок, с прямоугольными щитами из дерева составляли пешее войско. Закованные в броню сапёры делали подкопы под обстрелом стоящих на стенах осаждённых. Основой армии были колесничные отряды, укомплектованные бойцами в шлемах и панцирях, с небольшими круглыми щитами, короткими мечами и длинными копьями. Сбрую коней покрывали бронзовые бляшки.

Конница Ассирии в IX в. до н. э. состояла из лучников; их коней вели другие всадники — щитоносцы. Такая «парная конница» была не очень эффективна в бою, и в VIII в. до н. э. ассирийские конные лучники уже обходятся в бою без поводырей. К тому же у ассирийцев появляются и тяжеловооружённые конные копейщики. Преобразовав войско, ассирийские цари совершили беспрецедентные захваты, подчинив практически весь Ближний и большую часть Среднего Востока.

Никто не мог ни устоять перед ассирийцами в открытом бою, ни отсидеться под защитой стен. Их соседи строили великолепные, на вид совершенно неприступные крепости со всеми ухищрениями фортификации: рвами, противотаранными пристенными насыпями, входами-ловушками и т. п. Однако ассирийские военные инженеры подводили к стенам насыпи, крытые досками. По этим деревянным настилам нападавшие двигали тараны двух типов — лёгкие, небольшие «домики-рамы», крытые войлоком и кожей, внутри которых на канатах раскачивалось бревно с металлическим остриём, или покрытые щитами из дерева огромные башни, скрывавшие подобие гигантского молота.

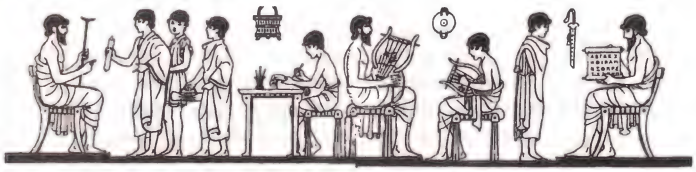
Ассирийская держава пала под ударами вавилонян и мидийцев. Интересно, что в дальнейшем влияние на развитие оружия оказали военные традиции не столько Ассирии, сколько государств, располагавшихся к северу от неё, — Урарту и Манны. Оружие там было почти такое же, но сделанное по-своему. Его-то и позаимствовали новые владыки Востока — иранцы, создавшие гигантскую империю династии Ахеменидов.

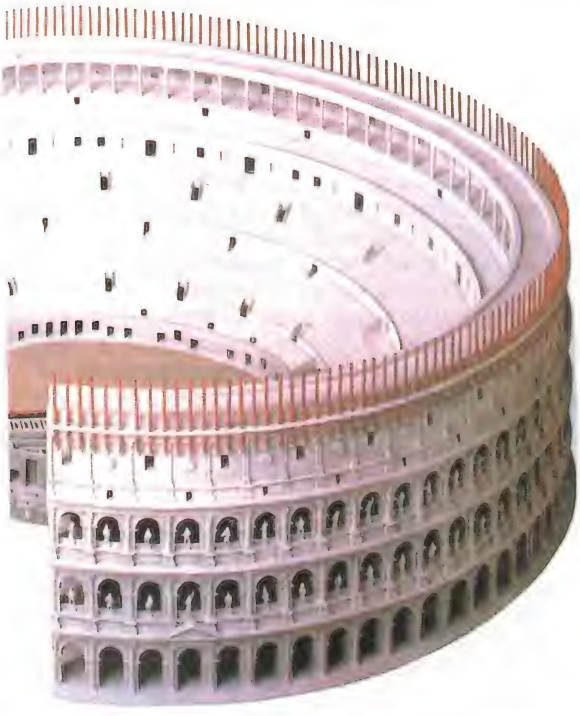
Армия иранских царей состояла из собственно иранских формирований и войск покорённых народов. Иранская пехота подразделялась на лёгкую (вооружённую копьями, луками со стрелами, кинжалами, большими овальными и прямоугольными щитами) и среднюю, снабжённую панцирями из кожи или полотна, обшитыми бронзовой или железной чешуёй либо круглыми бляшками. Лёгкую конницу составляли лучники с кинжалами и мечами, среднюю — лучники и метатели дротиков в чешуйчатых или стёганых панцирях, с маленькими луновидными щитами, а тяжёлую конницу — воины, одетые в остроконечные шлемы и чешуйчатые панцири с высоким воротником. Коней латников защищали бронзовые налобники и чешуйчатые нагрудники. Специальные «крылья» прикрывали ноги воина.

Но век колесниц прошёл, и великолепно экипированная иранская армия, несмотря на успехи на востоке и ряд побед на западе, в конце концов не устояла под ударами сначала греков, а потом и войск македонского царя Александра (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»). Но с разгромом Иранского царства его военные традиции не умерли. Их возродили ираноязычные степные народы Востока — саки, парфяне, кушане, у которых в IV в. до н. э. сложился, а с III в. до н. э. распространился новый тип конного войска. В него входили лёгкие лучники, изматывавших противника, и ударный кулак, состоящий из тяжёлых латников, закованных, иногда вместе с конём, в доспехи и орудовавших длинными копьями и мечами (см. ст. «Парфия»). Примечательно, что основные элементы вооружения тяжёлых всадников степей сформировались под влиянием китайского комплекса вооружения.

Новый тип войска доказал свою эффективность, принеся победу степнякам-иранцам в установлении господства на Среднем и большей части Ближнего Востока, в Северной Индии, значительной части Средней и Центральной Азии. В последующие периоды эти принципы легли в основу военного дела большинства народов Востока. Вооружение, близкое кушанскому или парфянскому, применялось кочевниками Центральной Азии — хуннами и сяньби, внедрившими его на севере Китая, среди протокорейцев, которые позднее принесли этот военный комплекс в Японию.

Античность





ВВЕДЕНИЕ

Уже на протяжении пятисот лет, начиная с эпохи Возрождения, европейцы называют историю Древней Греции и Древнего Рима золотым веком человечества. Действительно, античная культура имела множество притягательных сторон, сильно действующих и на современных людей, — это разумное и соразмерное человеку устройство общества, гармония человека и природы, сочетание религиозного чувства с большой свободой мышления, постоянная устремлённость к красоте и добру. Попытки «возродить античность» очень многое дали Западной Европе Нового времени, хотя, конечно, результаты этого «возрождения» сильно отличались от античных образцов. Постоянное сопоставление, сравнение себя с греко-римским миром стало правилом для новой Европы; многие историки и сейчас искренне убеждены, что, изучая афинскую демократию века Перикла, можно извлечь важные для современных политиков уроки.

Но не мешает ли это вечное сравнение «нынешнего» с «прошлым» увидеть античность такой, какой она была на самом деле, была, так сказать, «для себя самой»? Очень может быть. Древние греки, конечно же, не подозревали о том, что им суждено стать родоначальниками демократии, философии и изящных искусств; они попросту обживали свой небольшой и довольно скудный уголок Средиземноморья, внимательно приглядываясь к могущественным и опытным соседям — финикийцам и критянам, египтянам и сирийцам. Границу между своей родиной и Востоком сами греки проводили далеко не так резко, как современные историки; Восток притягивал эллинов как магнит. Не случайно Александр Македонский пришёл в Бактрию и Индию не как завоеватель-чужестранец — он объявил себя наследником персидского царя.

Достаточно взглянуть на лица ранних греческих статуй-куросов, изображающих юного Аполлона, чтобы понять всю глубину восточных корней архаической Греции. Характерный разрез глаз, милостивая улыбка Будды на губах — весь облик куроса являет собой древневосточного бога, закрытого для человеческой мольбы, равнодушного к людским делам. Скорее всего восточное происхождение имели и мистерии — древнейшие таинственные религиозные обряды греков. Эллины по-восточному любили роскошь, их ослепляло сочетание золота, слоновой кости и драгоценных камней, прельщали пурпурные одежды. Вкусы греков по существу не так уж сильно отличались от пристрастий презираемых ими варваров — неспроста греческие мастера-ювелиры умели так хорошо приспосабливать свои изделия к запросам варваров-заказчиков, например скифских вождей. Даже суровые спартанцы не оставались равнодушны к прелестям Востока: спартанский полководец Павсаний был известным любителем всего персидского. Афинские аристократы Фемистокл, Мильтиад, Алкивиад чувствовали себя в Азии как дома. Греческие города Малой Азии — Милет, Эфес, Галикарнас, Смирна — походили на окна, постоянно распахнутые на восток. В эти окна дул ветер, несущий волнующие запахи пустыни и благовоний...

Эллины были плоть от плоти окружавшего их мира и вовсе не «спустились с неба», чтобы создать новую цивилизацию. Их своеобразные взгляды на жизнь и их неповторимый общественный строй складывались постепенно, из века в век. Точно так же, понемногу, греки осознавали и свои отличия от варваров — всех прочих людей, живущих не так, как они сами.

В первую очередь, эллинская культура открыла для себя море как стихию, в которой может жить человек. Ни один из древних и современных поэтов не умел описывать море так, как это делал Гомер, перечисляя все его оттенки — от винно-красного до изумрудного — и представляя Океан живым, грозным и вечным существом. Море дарило греку ощущение свободы; оно же наделяло его острым чувством судьбы, восприятием мира как Космоса, целого. Любимыми героями эллинов были мореплаватели Ясон, Геракл, Одиссей. Тот, кто уходил в море, одновременно и выражал покорность воле богов, и бросал им вызов. Герой-мореплаватель в глазах греков был похож на мага, способного перехитрить буйного Посейдона, силой одолеть Нерея, Протея и других морских богов. Море сводило человека с богами один на один; равнодушная улыбка куроса исчезала в единоборстве хитрости и силы.

Особенности религиозного сознания греков были связаны и с тем, что Эллада никогда не знала деспотической власти царей. На скудных землях материковой Греции бессмысленно было создавать крупные царские хозяйства, основанные на труде тысяч подневольных людей, как это происходило в Египте и Междуречье. Государство не стало у греков сложным и хорошо отлаженным хозяйственным механизмом — напротив, оно сохранило главные черты общинной организации — простой, основанной на равенстве её членов. Сохранение общинного строя избавило эллинов от необходимости «подгонять» свои верования под требования сильной централизованной деспотии; полис, или община-государство, был силён не столько единством веры своих граждан в богов, сколько единством интересов. Поэтому греки отличались большой терпимостью, если не сказать равнодушием, во всём, что касалось религии. Позволительно было высказывать любые взгляды на происхождение мира и богов, рассказывать не совсем приличные истории о громовержце Зевсе, иронически изображать богов во

время театральных представлений. Сурово наказывались лишь воровство в храмах и осквернение статуй богов, выставленных на улицах и площадях.

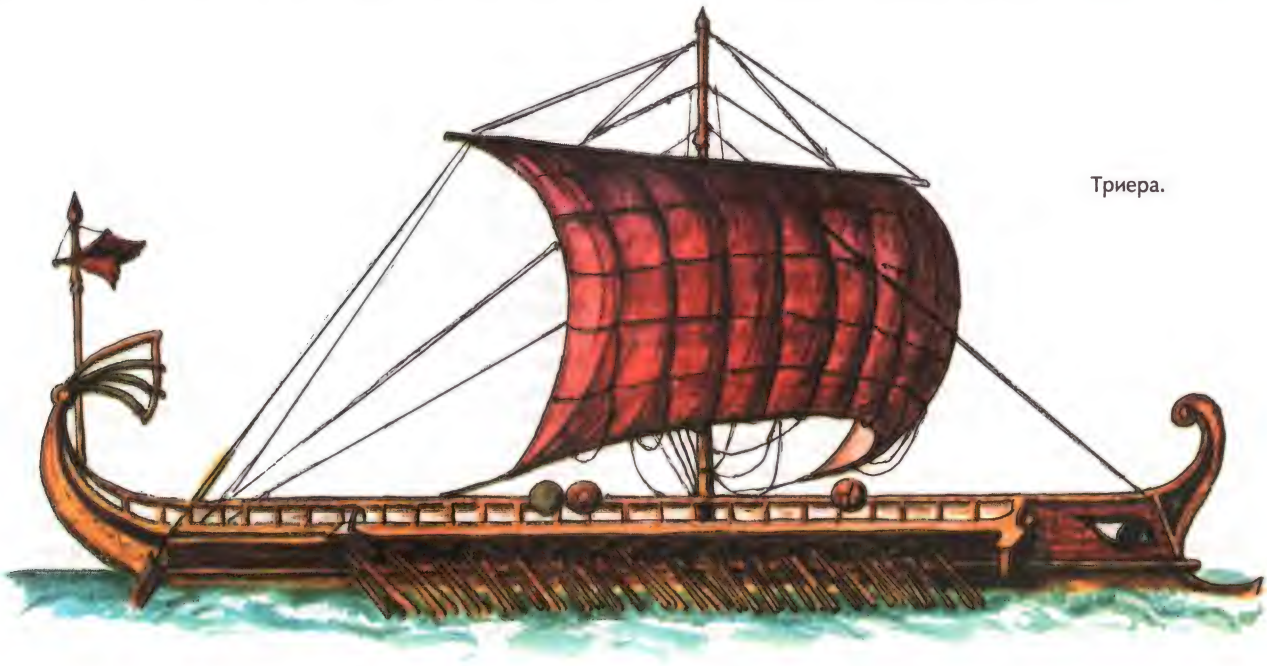
Полис оказался настолько удачной формой совместной жизни людей, что не нуждался в религиозных подпорках. Эллины обрели невиданную ранее свободу в обращении с миром богов и таинственных сил, распоряжающихся человеческой судьбой. Они впервые смогли наметить границу между разумом и мифом, между человеком и природой. По словам Архимеда, для того чтобы перевернуть мир, нужна была лишь точка опоры. Такую точку опоры эллин нашёл в полисе. И мир перевернулся. Человек перестал быть простой игрушкой в руках равнодушных богов или их лукавым, но слабым противником. Грек превратился в «наблюдателя мира», как бы театрального зрителя, продолжавшего чувствовать себя тем не менее затерянной в Космосе пылинкой. Наблюдателю было интересно всё — и ход небесных светил, и соотношение сторон геометрических фигур, и перебранки между богами.

Эта позиция наблюдателя определила многое в характере греков. Именно она породила неподражаемую греческую иронию, склонность к неторопливым, спокойным раздумьям и любовь к театральным представлениям. Естественно, что наблюдатель считал центром мира ту точку, с которой он смотрел на происходящее, поэтому мир эллинской культуры резко противопоставлялся иноплемённому, варварскому (слово «варвар» образовано от греческого «барбарос» — «бормотание, несвязная речь»; так греки называли тех, кто не знал их языка). Грек не только напряжённо вглядывался в мир, но и умел ещё рассказать о нём; он сознательно использовал живую речь как зеркало, отражавшее Космос. Умение точно и красиво говорить расценивалось греками как проявление человеческой силы, способности к овладению миром.

Глубоко усвоивший греческую культуру римлянин Цицерон писал: «Есть два вида деятельности, которые способны вывести человека на высшую ступень достоинства: деятельность полководца и деятельность выдающегося оратора».

Итак, речь — это проявление силы, признак способности видеть мир в истинном свете. Соответственно этому люди, лишённые правильной речи, варвары, — это слабые люди. Они должны быть рабами эллинов. Об этом в один голос говорят Аристотель и Эврипид: «Варвар и раб по природе своей — понятия тождественные...»; «Прилично властвовать над варварами эллинам...». Там, где греки не имели возможности поработить варваров, они попросту изгоняли их, чтобы занять приглянувшиеся земли. Так греки поступали при основании заморских колоний, например Сиракуз и Леонтины.

Наверное, больше всего на свете жители Эллады любили неторопливые беседы и длинные, затягивающиеся на несколько ночей рассказы о героях и богах. Эллин обожал слушать «истории» — ведь человек, знавший «историю» того или иного бога, Зевса или Аполлона, уже избавлялся от частички страха перед ним (так же и маленькие дети упрашивают бабушку рассказать им на ночь сказку о бабе-яге). Чем более связными и длинными становились такие истории — мифы — тем увереннее чувствовал себя в этом мире человек. Именно такие переработки мифов осуществили великие поэты Эллады Гомер и Ге-



Триера.

Любой эллин согласился бы со строками Гомера, сравнивающего красноречивого человека с богом:

Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет
Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин —
Прелестью речи зато одарён от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твёрдым
Или с приветливой кротостью; он — украшенье собраний,
Бога в нём видят, когда он проходит по улицам града.

сиод. Вместо того чтобы жить в мире мифов, как это делали варвары, греки учились «работать над мифом»; они изобретали всё новых и новых богов, стараясь никого из них не оставить неназванным, лишённым имени и истории. Усердие эллинов дошло до того, что они даже поставили в Афинах алтарь, написав на нём: «Неизвестному богу». Освоив истории о богах, греки начали рассказывать подобные истории о себе самих. Эти рассказы, точно так же как и мифы о богах, были переполнены фантастическими легендами и вымыслами, но именно они положили начало истории как науке, у истоков которой стоят имена греков Геродота и Фукидида.

Всё это вместе взятое — презрение к чужому, склонность к самолюбованию, к бесконечной игре с новым, только что открывшимся человеку миром — быстро привело греков к вычурности в искусстве, отвлечённым рассуждениям в философии и к полному бессилию в политике. Если античная история и содержит в себе какие-то уроки для наших дней, то главный из них заключается в следующем: жизнь народа не может превращаться в захватывающую, великолепную, величественную, но всего лишь игру с Космосом. В каком-то смысле эллины на протяжении всей своей истории оставались похожи на детей, получивших в подарок новую игрушку (позицию «наблюдателя мира»), но не вполне уверенных в том, что они играют с ней правильно. Не случайно миф о Прометее — благодетеле человечества, подарившем людям огонь и знание ремёсел, — был тесно связан в сознании греков с мифом о ящике Пандоры — источнике всех бед и горестей на земле.

И мифы эллинов, и трагедии, сочинённые Эсхилом, Софоклом и Эврипидом, показывают, что внутренняя противоречивость и трагизм греческой культуры не остались незамеченными самими греками. Эллины смогли глубоко пережить свою историческую трагедию, след от которой и сейчас сохраняется в европейской культуре. Зрителями (да и участниками) драмы, разыгрывавшейся на «подмостках» Эллады, стали не только сами греки, но и их современники. С некоторых пор события в Элладе стали привлекать к себе пристальное внимание в далёкой Италии: «наблюдатели»-греки понемногу начинали чувствовать на себе цепкий взгляд нового наблюдателя — Рима.

Принято считать, что между греками и римлянами было много общего — полисный строй, близкие верования, единая средиземноморская культура. Это сходство действительно существовало, но оно скрывало и глубокие различия, которые, пожалуй, были посерьёзнее внешнего сходства. Римляне в отличие от греков умели проводить границу между серьёзными делами и играми: они в упоении следили за травлей зверей и гладиаторскими боями на арене цирка, но, возвращаясь после празднеств к себе домой, вновь становились скупыми и прижимистыми хозяевами, строгими главами семей и дисциплинированными чиновниками. В Риме любили поговорку: «Развлечения — после дела». Да и развлечения римлян отличались от эллинских: греки предпочитали театр, где всё было не взаправду, «понарошку» и казалось игрой ума — маски на лицах актёров, их необычайно высокая обувь; римлянам же нравились игры, похожие на жизнь, — после этих игр трупы проигравших крючьями уволакивали с арены.

Главным же делом мужчины римляне считали заботу о благе семьи (по-латыни «фамилии»). Римский полис-государство при этом также рассматривался как большая, разросшаяся семья, руководимая почтенными старцами — главами отдельных родов (слово «сенатор» первоначально значило «человек преклонных лет», а понятие «патриций» восходило к слову «отец»). Один из самых почётных титулов римского императора выглядел как Отец Отечества. От римлянина требовалось беспрекословное подчинение главе фамилии; такую же дисциплинированность должен был проявлять и государственный служащий по отношению к вышестоящему начальнику. Проявление своеволия каралось со всей суровостью: консул Тит Манлий Торкват без колебаний казнил за подобное нарушение родного сына.

Из сказанного видно, что полис для римлян являлся лишь продолжением фамилии и должен был служить её процветанию. Не случайно римляне в отличие от греков смогли в конце концов сменить полисный строй правлением императоров — империя сулила римской фамилии больше благ, чем республика. На стороне империи были: изобилие дешёвых и качественных товаров из всех уголков Средиземноморья, приток рабов на рынки Италии, прочный мир и надёжный полицейский порядок. На стороне республики — постоянные дрязги политических партий в Риме, угроза гражданской войны и казнокрадство обнаглевших чиновников. Греки предпочли сохранить полисные свободы; римская же фамилия выбрала довольство и процветание.

Римляне продвинулись на один шаг дальше греков — эллины оказались как бы прикованы к полису, даровавшему им свободу; римляне же, сохранившие древнюю фамилию, сохранили тем самым и возможность переустройства своей политической жизни, поиска нового, созвучного времени политического строя. По мере того как республиканский Рим утрачивал свой прежний

облик, его реальные черты стирались и затуманивались, а подлинная история города превращалась в священное предание, миф. Этот миф о вечном городе, которому боги с самого начала даровали господство над миром, сыграл исключительную роль в становлении Римской империи. Римские историки постоянно заботились о том, чтобы оправдать современность указанием на её прямую связь с идеальным прошлым. Похоже, что эта связь была далеко не такой очевидной, как хотелось бы самим римлянам...

Все эти черты римского характера и особенности римской истории сделали жителей города на семи холмах и прилежными учениками эллинов, и их яростными критиками, и, в конце концов, их победителями и наследниками. Рим не смог избежать очарования греческой культуры: самые именитые аристократы платили огромные деньги знаменитым учителям-грекам, чтобы свободно цитировать Гомера и Аристофана в обществе, отпускали бороды на греческий манер, давали греческие имена своим подружкам. В то же время поборники древней чистоты нравов критически смотрели на распространение в вечном городе греческих мод, обычаев и идей. Многие из этих идей вообще не укладывались в сознании римлян; к примеру, прославление сильной личности, не подчиняющейся законам общества, шло совершенно вразрез с римскими представлениями о преобладании общественной пользы над интересами отдельного гражданина. К тому же римляне были свидетелями жалкого состояния современной им Греции II—I вв. до н. э., давно миновавшей пик своей истории, классическую эпоху (V—IV вв. до н. э.). Можно ли было научиться чему-либо хорошему у народа, так легко опустившегося до положения рабов? Римлянин не знал большего позора, чем жизнь с душой раба. Цицерон писал, что все народы могут терпеть рабство, так как избегают трудов и горестей и готовы перенести всё, лишь бы их не испытывать. Только римляне не могут терпеть рабство, поскольку со времён предков всё подчиняли чести и достоинству.

И всё же увядающая ветвь Эллады была привита молодому и здоровому римскому дичку. Опыт эллинской культуры оказался слишком соблазнительным для римлян, и искушение перевесило традиционную римскую осмотрительность. Дело в том, что греческое «исследование Космоса» было понято в Риме как возможность установления господства над миром. Практичные потомки Ромула полагали, что умение видеть мир в истинном свете, свойственное хитроумным грекам, должно быть употреблено с пользой; эллины же без дела расточают свой магический талант в словопрениях бездомных и нищих философов, в изобретении никому не нужных механических игрушек и красноречии наёмных поэтов и адвокатов. Римский историк Тит Ливий назвал греков легкомысленными; это была не просто оценка, а приговор, и Рим намеревался проверить, насколько этот приговор правилен.

Эллины меньше, чем их соседи на Востоке, боялись мира неведомых сил и богов, в котором жил человек. Они называли этот мир Космосом и считали его разумным. Космос управляется законами, а не капризами богов. Привычка побеждать в себе страх порождала гражданское мужество, готовность рискнуть жизнью ради сохранения свободы, которую в Элладе ценили так высоко. Свободный дух греков помог им увидеть всю прелесть человеческой фигуры и лица, лишённых страха и униженности и просветлённых работой мысли и чувства. Статуи, созданные Поликлетом, Фидием и другими знаменитыми скульпторами, служили эллинам своеобразным отражением самих себя — они не уставали любоваться ими.

Как уже было сказано, римляне оказались не так привязаны к идее полиса, как греки, поэтому они и продвинулись на шаг дальше эллинов в своём развитии. Следующий шаг в том же направлении они сделали, поставив своей целью овладение миром, а не наблюдение за ним. Империя должна была организовать Вселенную по законам разума и человеческой свободы, привести человека к окончательному равновесию с богами и природой.

Наивно было бы думать, что римляне были грубыми солдатами-завоевателями, рассчитывавшими только на силу меча и воинскую дисциплину. Таких народов в истории было немало, и ни один из них не создал ничего похожего на Римскую империю. В основание здания империи римляне заложили единство человеческого разума и воли богов; то, что разумно и полезно всем, не может быть неугодно силам, которые управляют миром. Цицерон писал о своих соотечественниках: «Мы не превзошли ни испанцев своей численностью, ни галлов силой, ни пунийцев хитростью, ни греков искусствами, ни даже италийцев и латинян внутренним и врождённым чувством любви к родине, свойственным нашему племени и стране; но благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы».

Создание империи завершилось блестящим успехом. На протяжении нескольких веков миллионы жителей обширного римского мира наслаждались спокойствием и довольством, понемногу перенимая язык римлян, их право и административные принципы, усваивая плоды греко-римской культуры. Казалось, что в Риме исправили ошибку эллинов: новые хозяева мира доказали, что разум приносит благо лишь тогда, когда он обретает власть, повелевает десятками легионов и тысячами чиновников, прокладывает дороги и мосты, превращает варваров в римлян. Надо сказать, что в процессе создания империи у римлян выработалось терпимое, а подчас и уважительное отношение к галлам и дакам, германцам и иллирийцам, совершенно не свойственное грекам.

Торжество империи, однако, было недолгим. На деле власть оказалась не слугой разума и порядка, а их господином. Полная и неограниченная власть императоров над жизнью и смертью миллионов

людей граничила с безумием; она и в самом деле превратила в безумцев Тиберия, Калигулу и Нерона... Восточный деспот равнодушно посылал на гибель десятки и сотни своих подданных; но для человека, воспитанного на Гомере и Аристотеле, груз такой власти оказывался непосильным. Невыносимым он был и для простолюдина, чувствовавшего своё ничтожество перед огромным механизмом власти. Его жизнь лишалась смысла, человек искал любую щель, укрытие, в котором он мог быть самим собой. В поздней античности такими «укрытиями» становились самые разнообразные объединения людей по профессиям, по месту жительства, а также религиозные общины.

Крушение Римской империи стало финалом античной истории. Человечество в первый (но далеко не в последний) раз усомнилось в способности своего разума противостоять внешнему миру на равных. Богатый опыт уходящей античности заставил людей дополнить разум верой. Но теперь это была другая вера, не похожая на все религии древности, — она сохранила в себе и вечный отблеск эллинского гения, и римское представление о силе, несущей добро.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Юг Балканского полуострова и острова Эгейского моря в силу своего географического положения стали уже на заре цивилизации тем мостом, который соединял европейский континент с Ближним Востоком. В этом регионе прежде, чем в других областях Европы, примерно на рубеже VII—VI тысячелетий до н. э., установилось в неолите (новом каменном веке) господство производящей экономики, основанной на земледелии и скотоводстве. С наступлением эпохи бронзы (в начале III тысячелетия до н. э.) уже можно представить с достаточной определённостью этническую ситуацию в материковой Греции и на острове Крит, самом большом в Архипелаге.

Основную территорию будущей Эллады населяли в то время племена пеласгов, родственные фракийцам, северо-востоке Балкан, носители одного из индоевропейских языков. Преобладающую часть населения Крита составляли минойцы (это утвердившееся в современном антиковедении условное название, как и термин «минойская культура», происходит от имени царя Миноса, главного героя древнекритских сказаний). Родство минойцев с каким-либо другим народом древности установить пока не удалось. По языку они явно не были индоевропейцами.

Возникновение на Крите первых государств относится к началу II тысячелетия до н. э. Тогда же на острове появилась собственная, сугубо местного происхождения письменность: сначала было изобретено пиктографическое письмо, затем его упрощённый вариант — «линейное письмо А» и, наконец, «письменность Фестского диска», знаками которой написан, в частности, загадочный текст на керамическом диске из древнего города Феста на Крите. Среди городов-государств Крита очень рано выдвинулся Кносс, ставший к началу XVII в. до н. э. столицей всего острова. В дальнейшем власть кносских царей распространилась на многие острова и прибрежные области по обеим сторонам Эгейского моря. Критяне колонизовали остров Кипр, установили тесные связи с Угаритом (в Финикии) и Египтом. Критский флот господствовал в Восточном Средиземноморье, очистив его от пиратов и установив там свободу судоходства. Влияние Минойской державы распространялось и в западном направлении. Морские походы совершались критянами на остров Сицилия и в Южную Италию, где ими основывались опорные пункты и торговые фактории.

Период процветания минойской цивилизации продолжался до середины XV в. до н. э. За это время остров покрылся сетью мощёных дорог со сторожевыми пунктами и постоялыми дворами. Появились новые города, перестраивались и благоустраивались старые. Грандиозные размеры имел сложный комплекс жилых и хозяйственных помещений царского дворца в Кноссе («Лабиринт» из греческих мифов). В дворцовых кладовых сосредоточивались всякого рода запасы — продовольствие и ремесленные изделия, поступавшие туда как подать или военная добыча. Специальные чиновники отвечали за сохранность того или иного подведомственного им лично вида материальных ценностей, доставляемых во дворец. Эти чиновники опечатывали складские ёмкости своими печатями, образцы которых, несущие иероглифические надписи, сохранились. Текущая хозяйственная отчётность велась на глиняных табличках с использованием «линейного письма А».

В административной системе Минойской державы решающая роль отводилась членам правящего дома, выступавшим в качестве военачальников и наместников в критских городах и заморских владениях. Имеются сведения о наличии во дворцах у минойских царей рабов, по-видимому, главным образом из числа военнопленных.

Минойская держава находилась в зените своего могущества, когда силы её неожиданно оказались подорванными вулканической катастрофой, за которой последовало вторжение на Крит около 1450 г. до н. э. многочисленных пришельцев с близлежащего материка. Этими пришельцами были греки-ахейцы, которые ещё раньше, вероятно на рубеже III—II тысячелетий до н. э., яви-

лись с севера в южные области Балканского полуострова, почти повсеместно ассимилировав или вытеснив местное пеласгийское население. От их самоназвания «ахайой» (ахейцы) произошло наименование всей страны на самом юге Балкан — Ахайа (ранее Пеласгия). Другие, привычные сегодня, её названия — Эллада (от слова «эллинес» — «эллины», одно из греческих племён в области Фессалия) и Греция (принятое у римлян) — появились много позднее.

Греческие племена унаследовали от своих предшественников, пеласгов, многие элементы материальной и духовной культуры, в том числе некоторые культы. Однако вскоре более важным для дальнейшего развития ахейского общества стало воздействие лидировавшей тогда в Эгеиде минойской цивилизации. Формирование достаточно прочных государственных образований в различных областях материковой Греции датируется XVII в. до н. э.

Наиболее сильным среди ахейских царств в XVI в. до н. э. становится Микенское царство, располагавшееся в Арголиде (на северо-востоке Пелопоннеса). Владыки Микен, как показали раскопки их фамильных усыпальниц (шахтовых могил), обладали большими богатствами. Их столица была хорошо укреплена. Активная военная политика и династические связи способствовали выдвижению микенских династов на первое место в Ахейской Греции. Такое их положение ещё больше упрочилось после установления власти греков-ахейцев на Крите и в его прежних сферах влияния (Кикладские острова, западное побережье Малой Азии, Кипр). Так, греческая династия, воцарившаяся в Кноссе, считалась состоящей в близком родстве с правившей в Микенах семьёй Атридов, с которой находилась в тесном союзе.

Заметную роль в Греции третьей четверти II тысячелетия до н. э. кроме Микенского царства играли и другие раннеклассовые государства — с центрами в Пилосе (область Мессения на юго-западе Пелопоннеса), Тиринфе (Арголида), Афинах (Аттика), Фивах и Орхомене (Беотия), Иолке (Фессалия) и других городах. По образцу критского «линейного письма А» было создано «линейное письмо Б», приспособленное для записи текстов на греческом языке. Теперь учёт в дворцовом хозяйстве стали вести чиновники-писцы. Целые комплексы бухгалтерских записей на глиняных табличках открыты археологами при раскопках царских резиденций — Кносса, Пилоса, Микен, Тиринфа и Фив.

Эти документы хозяйственной отчётности дают представление о социальной структуре и политическом устройстве ахейского общества XV—XIII вв. до н. э., уровне развития земледелия и скотоводства, высокой специализации ремесленного производства, состоянии внутренней торговли и внешних экономических связях, организации сухопутных сил армии и военно-морского флота. В текстах табличек упоминаются частновладельческие и царские рабы. Труд последних довольно широко использовался в дворцовом хозяйстве.

Общий экономический подъём Ахейской (Микенской) Греции и возникновение в ней избытка населения стимулировали внешнюю экспансию, направленную прежде всего на овладение новыми плодородными землями в Малой Азии. Здесь грекам-ахейцам пришлось столкнуться с мощью Хеттской державы, верховную власть которой традиционно признавали некоторые прибрежные царства Западной Малой Азии. Первоначально отношения с хеттами носили по большей части мирный характер, а спорные проблемы улаживались обычно дипломатическим путём. Но в XIII в. до н. э., с ослаблением Хеттского царства, резко усилился натиск ахейцев на прибрежные территории на северо-западе и западе Малой Азии. Микенские цари неоднократно посылали туда военные экспедиции.

Самой крупной акцией такого рода явился поход союзного греческого войска под предводительством владыки Микен Агамемнона, сына Атрея, против Трои (Илиона) — хорошо укреплённой

Все знают, что жителей города Сибариса погубили тяга к непомерной роскоши и чревоугодие, не знающее никакой меры. Неумеренная, вошедшая в поговорку роскошь жителей этого города сделала их недееспособными, и город был разрушен кротонцами в 510 г. до н. э.

Но и в других землях Греции были люди, всё время, силы и средства отдававшие погоне за роскошью. Так, женщины на голову надевали высокие венки, на ноги — сандалии, уши украшали большими серьгами, рукава одежды от плеч до кистей рук не сшивали, а застёгивали множеством золотых и серебряных булавок.

Среди греков было много обжор, как мужчин, так и женщин. Одна из них, по имени Аглаида, отличалась особенным аппетитом и необычайным поведением. Она носила на голове накладные волосы и султан из перьев. Каждый день на обед она съедала двенадцать мин мяса (мина — 450 г), четыре хиника зерна (хиник — 1 л) и осушала бочку вина, после чего долго играла на трубе.

Жители острова Родос предпочитали всем яствам рыбу, а тех, кто предпочитал мясо, называли обжорами.

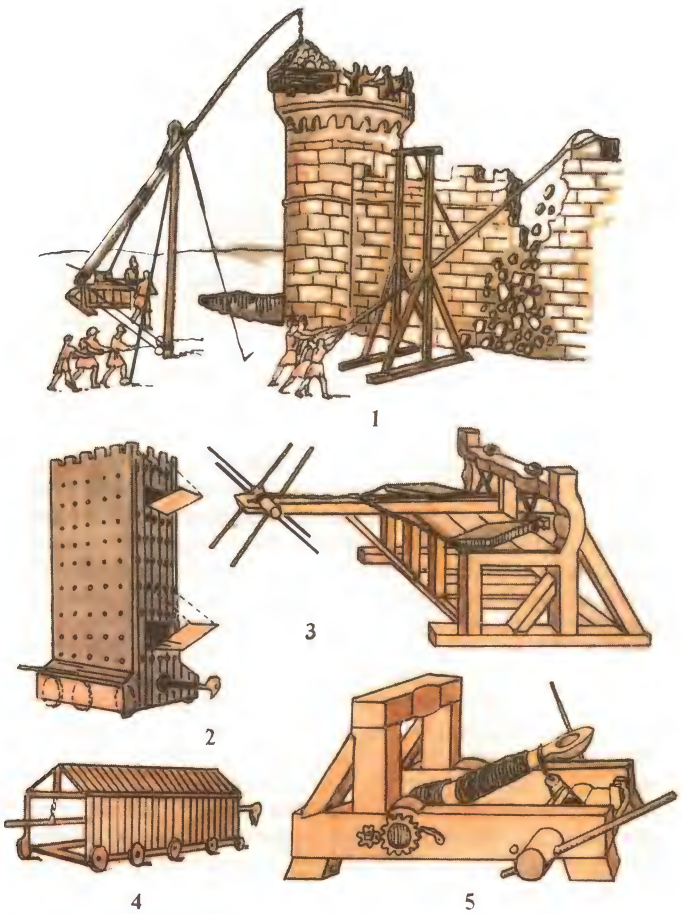
В Сицилии было святилище Обжорства, в котором стояла статуя богини Деметры Сито, что значит — хлебодарная.

Во многих греческих городах женщинам строго запрещалось пить вино, и они всю жизнь довольствовались ключевой водой.

Греки умели с достоинством принимать поздравления и мужественно встречать горестные события. Рассказывают, что во время философской беседы одному из собравшихся сообщили, что героически погиб его сын. Все на миг замолчали, а отец погибшего тихо произнёс: «Я всегда знал, что породил смертных», — и продолжил беседу.

Когда греки захватили Трою, то предложили её жителям взять что-либо одно из своего имущества. Троянец Эней вынес на плечах своего старика-отца. Враги были так поражены его поступком, что приказали вернуть ему всё его имущество.

Гончарная мастерская.



Осадные орудия древних греков:
1 — ворон для разрушения; 2 — башня с тарелками и мостами; 3 — катапульта; 4 — таран; 5 — баллистика.

столицы небольшого, но стратегически очень важного царства лувийских и фрако-фригийских племён, лежавшего у входа в Дарданеллы. После длительной и упорной осады, частично описанной в «Илиаде» Гомера, город был взят, предан разграблению и разрушен (около 1230 г. до н. э.; см. ст. «Троянская война»).

Троянская война оказалась последним событием общеахейского масштаба. После неё прежние большие коалиции греческих басилеев уходят в прошлое. Всё более частыми становятся междуусобные столкновения соперничающих царств и внутридинастические распри. Внутреннее ослабление страны облегчило проникновение на её территорию новых этнических групп. Главную роль здесь сыграли стоявшие на куда более низкой, нежели ахейцы, ступени общественного и культурного развития северно-греческие племена дорийцев, сумевших около 1200 г. до н. э. сломить сопротивление даже таких сильных царств, как Микенское и Пилосское.

Дорийское завоевание привело к перемещению масс населения на новые места обитания, общему хозяйственному упадку, обезлюдению многих местностей, запустению или деградации городских центров, повсеместному уничтожению дворцовой экономики как системы. Правда, кое-где, в областях, меньше затронутых вражескими вторжениями (в Аттике с её столицей Афинами, а также на северо-западе и в центре Пелопоннеса — в Ахайе, Элиде и Аркадии), сохранились старые ахейские династии. Но прежний социально-экономический уклад, связанный с функцией дворца как верховного хозяйственного организатора, был повсюду в Греции безвозвратно утрачен. Он сохранился в нетронутом виде лишь на далёком Кипре, где не только правили цари-ахейцы, потомки участников Троянской войны, но и продолжало использоваться слоговое письмо — усовершенствованный вариант «линейного письма Б».

Период в истории Эллады, наступивший после падения микенской цивилизации, получил название «тёмные века» или «Гомеровский период» (XI—IX вв. до н. э.). Он совпадает с распространением в Юго-Восточной Европе индустрии железа. В социальном плане господствующей структурой тогда являлась земледельческая община, что обусловило возврат к более примитивным формам общественных отношений.

Хотя многие завоевания предыдущих поколений творцов первой греческой цивилизации были забыты их потомками, полного разрыва многовековой культурной традиции всё же не произошло. Явные свидетельства этого обнаруживаются в различных сферах материальной и духовной жизни эллинов и в последующие столетия, вплоть до поздней античности: пеласгийское, минойское и ахейское наследие ощутимо в градостроительстве и архитектуре, мифологии и культовой обрядности, общегреческом языке (койне) и отдельных диалектах.

Родовая знать и в «тёмные века», как и раньше, занимала привилегированное положение в

обществе, но главным образом благодаря своему высокому имущественному положению и причастности к сакрально-жреческой сфере. Она никак не была отделена от свободного полноправного населения, от народа (по-гречески «демос»).

На отрезок времени в два с половиной столетия, с середины VIII в. до конца VI в. до н. э., приходится архаический период в истории Греции. Существенной его чертой является разложение родоплеменного строя и формирование классового общества в виде рабовладельческих полисов — городов-государств с прилегающей к ним сельскохозяйственной округой.

Это была также эпоха широкой территориальной экспансии, получившей название «Великая греческая колонизация». Потоки переселенцев-колонистов хлынули теперь уже далеко за пределы Эгейского бассейна. В поисках новых земель для размещения избыточного количества населения (чтобы предотвратить социальные потрясения, неизбежно назревавшие внутри территориально жёстко ограниченных полисов) и с целью освоения перспективных торговых путей многие города материковой Греции, западного побережья Малой Азии и соседних островов снаряжали морские экспедиции к дальним берегам.

Многочисленные греческие колонии вырастали, как грибы после дождя, почти по всей береговой линии Средиземного и Чёрного морей: от Массалии (ныне Марсель, на юге Франции) до Диоскуриады (современный Сухуми). Особенно интенсивной и успешной была колонизация плодороднейших областей острова Сицилия и Южной Италии, последняя даже получила название «Великая Греция». Улучшение навигации в Средиземноморье активизировало традиционные контакты Эгеиды со странами Ближнего Востока, весьма благоприятно сказавшиеся на всё ускорявшихся процессах экономического и культурного развития Эллады. Во II тысячелетии до н. э. древние греки использовали силлабическое слоговое письмо. На рубеже IX—VIII вв. до н. э. был создан греческий алфавит, который состоял из 24 гласных и согласных букв. На формирование греческого письма оказали влияние более древние алфавиты (финикийский, фригийский), но надо отметить, что греческая письменность была самостоятельной оригинальной системой.

Расширение границ архаического греческого мира, отдельные части которого сообщались друг с другом преимущественно посредством морских коммуникаций, и установление постоянных связей с прочими отдалёнными странами чрезвычайно повысили роль навигации и торговли как ведущей отрасли экономики. Это нашло своё выражение в изобретении чеканной монеты — универсального платёжного средства, заменившего собой все прежде бытовавшие виды товароденег.

Два сосуда из древнегреческого погребения. Около 1500 г. до н. э.

Афиняне в древности ходили в пурпурных одеждах, носили высокие причёски, скрепляя их золотыми шпильками и увешивая золотыми украшениями. Рабы несли за ними складные стулья, чтобы им не сидеть где попало.

Жители Митилены, одерживая победу, запрещали побеждённым обучать детей грамоте и музыке, считая этот запрет самым тяжёлым наказанием.

Во время войны с персами Гиерон отказался помогать соотечественникам, а когда по её окончании он решил принять участие в Олимпийских играх, соотечественники запретили ему это, сказав, что тот, кто не разделил со всеми величайшей опасности, не должен принимать участия и в празднестве.

Дионисий, сын тирана Клеарха, прославился не только своим стремлением к роскоши, но и необычайным чревоугодием. Его тело со временем утратило человеческие формы, и, принимая посетителей, он вынужден был скрывать его в специально изготовленной башенке, из которой виднелась лишь его голова.

Но как полнота обжор, так и излишняя худоба являлись у греков объектом насмешек. Рассказывают, что житель Кеоса Филет был необычайно худ, что заставляло его во время ветреной погоды не покидать дома, а в обычные дни ходить в обуви на свинцовой подмётке.

Среди греческих тиранов были люди умные. Так, придя к власти, Писистрат приказал приводить к себе всех бездельников и спрашивал их, почему они не работают. Если выяснялось, что это бедняк, у которого нет вола или семян, чтобы вспахать и засеять поле, то он давал ему всё. Писистрат считал, что безделье таит в себе угрозу заговора против него.

Быстрое развитие товарно-денежных отношений привело к окончательной победе частной собственности. Усилилось социальное расслоение греческого общества. Значительная часть свободного крестьянства осталась без земли, многие граждане попали в долговую кабалу и даже лишились из-за этого личной свободы, будучи проданы в рабство за пределы отчизны.

Традиционные властные структуры утрачивают опору. Почти повсюду упраздняется власть наследственных царей (басилеев) или уже успевших сменить их выборных правителей из узкого круга родовой знати. Вместо них в ряде полисов материковой Греции (Сикионе, Коринфе, Мегаре, Афинах) и Малой Азии во главе государства становятся выдающиеся личности, проводящие свою политику с помощью насильственных методов. Такие властители, устанавливавшие в государстве режим личной власти, назывались у греков тиранами, а вводимая ими форма правления — тиранией. Неудивительно, что эти термины приобрели ещё в древности отрицательный смысл.

Но деятельность некоторых тиранов получала иногда, по справедливости, неоднозначную оценку у их современников и позднейших эллинских историков. Большую популярность, например, получил в своё время афинский тиран Писистрат (правил трижды, начиная с 560 г. до н. э., умер в 527 г. до н. э.). С помощью некоторых мероприятий демагогического характера ему не раз удавалось добиваться расположение демоса. Несомненно, на пользу Афинам пошла его внешняя политика, направленная, в частности, на получение контроля над важными морскими путями. Писистрат ввёл новые религиозные празднества, справлявшиеся всенародно. Он много сделал для благоустройства и украшения родного города. По его распоряжению были записаны до того передававшиеся из поколения в поколение изустно поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Склонность к покровительству литературе и искусствам была вообще характерна для раннегреческой тирании.

Но тиранам VII—VI вв. до н. э. не удалось в конечном итоге решить проблемы, стоявшие перед греческим полисом, и тем самым упрочить свою власть. Это смогли сделать законодатели-реформаторы, заложившие основы античной демократии. Первым из них в Афинах был Солон, в 594 г. до н. э. отменивший долги и уничтоживший долговое рабство. Он же специальным законом ограничил размеры частных земельных владений и тем самым предотвратил исчезновение мелких и средних крестьянских хозяйств, распределил права и обязанности граждан сообразно их имущественному положению, создал суд присяжных (см. ст. «Солон. Законодательство в Древней Греции»).

В ходе реформ, проведённых около 508 г. до н. э. Клисфеном, было установлено новое административное деление территории Афинского государства, окончательно уничтожившее прежнее господство родовой знати. Демос получил доступ во все сферы государственного управления.

Результаты хорошо продуманных, проводившихся с должной последовательностью преобразований не замедлили сказаться. Афинское государство, обретя внутреннюю стабильность, выдвинулось в число наиболее сильных полисов Эллады классической эпохи (V—IV вв. до н. э.). Подвергшись смертельной опасности в ходе развернувшейся вскоре борьбы греков с могущественной Персидской державой Ахеменидов (см. ст. «Греко-персидские войны»), оно с честью вышло из этого тяжелейшего испытания. Разгром персов при Марафоне в 490 г. и успешное изгнание полчищ царя Ксеркса из Греции после победных для эллинов кампаний 480 и 479 гг. до н. э. поставили Афины во главе антиперсидской коалиции.

Возглавившие созданный в 478 г. до н. э. Делосский, или, иначе, Первый Афинский морской союз афиняне успешно продолжили боевые действия против персидских войск в районе Дарданелл и на западном побережье Анатолии. Греко-персидские войны завершились в 449 г. до н. э. Каллиевым миром, по которому признавалась независимость от державы Ахеменидов всех эллинских полисов, включая и расположенные в Малой Азии (Ионию).

Эрехтейон в Афинах.
421—406 гг. до н. э.

Несмотря на установление мира, Делосский союз был сохранён. Более того, он постепенно превратился в Афинскую морскую державу (архэ), где прежде равноправные союзники заняли положение подчинённых, обязанных выплачивать регулярный взнос (форос) в общую казну. Последняя на самом деле полностью контролировалась афинянами, которые с её помощью оснащали свою армию и флот, ставший самым сильным в Элладе. Из тех же средств оплачивались и многие другие расходы Афинского полиса, в том числе и роскошные постройки, возведение которых пришлось на время деятельности Перикла как главы архэ (443—429 гг. до н. э.; см. ст. «Перикл. Афинская демократия»).

Стержнем отношений между греческими государствами после окончания греко-персидских войн стало соперничество между Афинами и Спартой, возглавлявшей с давнего времени (примерно с середины VI в. до н. э.) Пелопоннесский союз городов-государств. Их скрытая борьба переросла, наконец, в открытое столкновение. После упорного и ожесточённого военного противостояния, длившегося с 431 по 404 г. до н. э., победа осталась за Спартой, установившей после этого свою гегемонию в Греции.

Однако верховенство спартанцев в Элладе продолжалось недолго, всего лишь четверть столетия. В 379 г. до н. э. Фивы — столица Беотии, возглавили войну со Спартой. В следующем году образовался Второй морской союз во главе с Афинами. После решительной победы, одержанной в 371 г. до н. э. при Левктрах над спартанцами, Фивы стали ненадолго (до 362 г. до н. э.) самым сильным в военном отношении полисом в Элладе. В 50-х гг. IV в. до н. э. на юге Балкан установилось неустойчивое политическое равновесие, конец которому положило подчинение Греции царю Македонии Филиппу II после роковой для эллинов битвы при Херонее в 338 г. до н. э. (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»).

Признанный гегемоном почти всеми эллинскими полисами, Филипп II стал готовиться к большому походу на Восток. Однако ему не довелось дожить до осуществления своего замысла: он пал от руки убийцы в 336 г. до н. э. Греко-македонское завоевание Персидской державы Ахеменидов было осуществлено под предводительством его сына и наследника — Александра (336—323 гг. до н. э.). С этого момента современные историки ведут отсчёт эпохи эллинизма, завершившейся тремя столетиями позже.

Созданная Александром Великим огромная империя, простиравшаяся от Нижнего Дуная и Киренаики до Сырдарьи и Инда, распалась после его смерти, но на её обломках возникло несколько государств — держава Селевкидов, Птолемеевский Египет, Греко-Бактрийское царство, Парфия, Понт, Пергам, Каппадокия, Вифиния и другие, где греческий этнический элемент и эллинская культура сохраняли доминирующее положение (см. статью «Эллинистические государства»).

Из монархий, унаследованных преемниками великого завоевателя, наиболее значительную роль в истории Древней Греции последних веков её самостоятельности сыграла всё та же Македония. Цари из македонской династии Антигонидов неоднократно вмешивались в дела эллинистических городов-государств, подчиняя их своей власти.

Имели место во второй половине III в. — начале II в. до н. э. попытки отдельных царей Спарты (Агиса IV, Клеомена III, тиранов Маханида и Набиса) возродить хотя бы в какой-то мере былую мощь и славу некогда ведущего дорийского полиса. При этом спартанские цари, причисляемые античными авторами по характеру их правления к тиранам, пытались воссоздать путём проведения радикальных реформ (кассация долгов, перераспределение земли и денежных средств, увеличение числа полноправных граждан за счёт освобождения рабов и т. д.) экономическую базу и людские ресурсы государства. Но подобные рискованные социальные эксперименты вызывали всегда активное противодействие других рабовладельческих полисов Пелопоннеса и вступавших с ними по такому случаю в союз царей Македонии.

После уничтожения римлянами в 168 г. до н. э. Македонского царства определённое влияние в материковой Греции сохраняли лишь Этолийский и Ахейский союзы. Но противостоять мощной экспансии Рима им было не под силу. В 146 г. до н. э. римляне в назидание непокорным разрушили Коринф и некоторые другие эллинские города. В 148 г. до н. э. Северная Греция перешла в подчинение римским властям провинции Македония.

Финальным моментом эллинистической эпохи принято считать завоевание первым императором (принцепсом) Рима Августом последнего крупного государственного образования из наследства Александра Великого — Египта, управлявшегося с 323 по 30 г. до н. э. династией Птолемеев.

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

Троянская война, по мнению древних греков, была одним из самых значительных событий их истории. Античные историки считали, что она произошла примерно на рубеже XIII—XII вв. до н. э., и начинали с неё новую «троянскую» эру — восхождение населявших Балканскую Грецию племён к более высокому уровню культуры, связанному с жизнью в городах. О походе греков-ахейцев против города Трои, расположенного в северо-западной части полуострова Малая Азия — Троаде, рассказывали многочисленные греческие мифы, объединённые позднее в цикл преданий — киклические поэмы. Самой же авторитетной для эллинов была эпическая поэма «Илиада», приписываемая великому греческому поэту Гомеру, жившему в VIII в. до н. э. В ней рассказывается об одном из эпизодов заключительного, десятого года осады Трои-Илиона — так назван в поэме этот малоазийский город.

Что же рассказывают старинные предания о Троянской войне? Началась она по воле и вине богов. На свадьбу фессалийского героя Пелея и морской богини Фетиды были приглашены все боги, кроме Эриды, богини раздора. Разгневанная богиня решила отомстить и подбросила пирующим богам золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Три олимпийские богини — Гера, Афина и Афродита — заспорили, кому из них оно предназначено. Рассудить богинь Зевс повелел юному Парису, сыну троянского царя Приама. Богини явились Парису на горе Иде, близ Трои, где царевич пас стада, и каждая старалась прельстить его дарами. Парис предпочёл предложенную ему Афродитой любовь Елены, прекраснейшей из смертных женщин, и вручил золотое яблоко богине любви. Елена, дочь Зевса и Леды, была женой спартанского царя Менелая. Парис, явившийся гостем в дом Менелая, воспользовался его отсутствием и с помощью Афродиты убедил Елену покинуть мужа и уехать с ним в Трою. Беглецы прихватили с собой рабов и сокровища царского дома. О том, как добрались Парис и Елена до Трои, мифы рассказывают по-разному. По одной версии, они через три дня благополучно прибыли в родной город Париса. По другой, богиня Гера, враждебная Парису, подняла на море бурю, его корабль занесло к берегам Финикии, и лишь долгое время спустя беглецы прибыли наконец в Трою. Есть и ещё один вариант: Зевс (или Гера) подменили Елену призраком, который и увёз Парис. Сама же Елена во время Троянской войны находилась в Египте под защитой мудрого старца Протея. Но это — поздний вариант мифа, гомеровский эпос его не знает.

Троянский царевич совершил тяжкое преступление — нарушил закон гостеприимства и тем навлёк на родной город страшное бедствие. Оскорблённый Менелай с помощью своего брата, могущественного царя Микен Агамемнона, собрал большое войско, чтобы вернуть неверную жену и похищенные сокровища. На призыв братьев явились все женихи, сватавшиеся когда-то к Елене и давшие клятву защищать её честь. Знатнейшие ахейские герои и цари — Одиссей, Диомед, Протесилай, Аякс Теламонид и Аякс Лакрийский, Филоктет, мудрый старец Нестор и многие другие — привели свои дружины. Принял участие в походе и Ахилл, сын Пелея и Фетиды, самый отважный и могучий из героев. По предсказанию богов, греки не могли завоевать Трою без его помощи. Одиссей, как самый умный и хитрый, сумел уговорить Ахилла принять участие в походе, хотя тому и было предсказано, что он погибнет под стенами Трои. Предводителем всего войска был избран Агамемнон, как правитель самого могущественного из ахейских государств.

Греческий флот, насчитывавший тысячу кораблей, собрался в Авлиде, гавани в Беотии. Чтобы обеспечить флоту благополучное плавание к берегам Малой Азии, Агамемнон принёс в жертву богине Артемиде свою дочь Ифигению. Достигнув Троады, греки попытались вернуть Елену и сокровища мирным путём. Посланцами в Трою отправились испытанный дипломат Одиссей и оскорблённый супруг Менелай. Троянцы им отказали, и началась долгая и трагичная для обеих сторон война. В ней приняли участие и боги. Гера и Афина помогали ахейцам, Афродита и Аполлон — троянцам.

Греки не смогли сразу взять Трою, окружённую мощными крепостными сооружениями. Они построили на берегу моря возле своих кораблей укреплённый лагерь, стали разорять окрестности города и нападать на союзников троянцев. На десятом году осады произошло драматическое событие, повлёкшее за собой серьёзные неудачи ахейцев в сражениях с защитниками Трои. Агамемнон оскорбил Ахилла, отобрав у него пленницу Брисеиду, и тот, разгневанный, отказался выходить на поле боя. Никакие уговоры не могли убедить Ахилла оставить гнев и взяться за оружие. Троянцы воспользовались бездействием самого смелого и сильного из своих врагов и перешли в наступление, возглавляемые старшим сыном царя Приама Гектором. Сам царь был стар и не мог принимать участие в войне. Помогала троянцам и общая усталость ахейского войска, уже десять лет безуспешно осаждавшего Трою. Когда Агамемнон, проверяя боевой дух воинов, притворно предложил прекратить войну и вернуться домой, ахейцы встретили предложение с восторгом и устремились к своим кораблям. И только решительные действия Одиссея остановили воинов и спасли положение.

Троянцы прорвались в лагерь ахейцев и чуть было не сожгли их корабли. Ближайший друг

Ахилла, Патрокл, упросил героя дать ему свои доспехи и колесницу и устремился на помощь греческому войску. Патрокл остановил натиск троянцев, но сам погиб от руки Гектора. Смерть друга заставила Ахилла забыть об обиде. Жажда мести воодушевила его. В поединке с Ахиллом погиб троянский герой Гектор. На помощь троянцам пришли амазонки. Ахилл убил их предводительницу Пентесилею, но вскоре погиб и сам, как это было предсказано, от стрелы Париса, направленной богом Аполлоном. Мать Ахилла Фетида, стремясь сделать сына неуязвимым, окунула его в воды подземной реки Стикса. Она держала Ахилла за пятку, которая и осталась единственным уязвимым на его теле местом. Бог Аполлон знал, куда направить стрелу Париса. Этому эпизоду поэмы человечество и обязано выражением «ахиллесова пята».

После смерти Ахилла среди ахейцев начинается спор за обладание его доспехами. Они достаются Одиссею, и, оскорблённый таким исходом, Аякс Теламонид кончает жизнь самоубийством.

Решительный перелом в войне происходит после прибытия в лагерь ахейцев героя Филоктета с острова Лемнос и сына Ахилла Неоптолема. Филоктет убивает Париса, а Неоптолем — союзника троянцев мисийца Эврипила. Оставшись без предводителей, троянцы больше не решаются выходить на битву в открытое поле. Но мощные стены Трои надёжно охраняют её жителей. Тогда по предложению Одиссея ахейцы решают взять город хитростью. Был построен огромный деревянный конь, внутри которого спрятался отборный отряд воинов. Остальное же войско, чтобы убедить троянцев, будто ахейцы отправляются домой, сжигает свой лагерь и отплывает на кораблях от побережья Троады. На самом же деле ахейские корабли укрылись недалеко от берега, возле острова Тенедос.

Удивлённые оставленным деревянным чудищем, троянцы собрались вокруг него. Некоторые стали предлагать ввезти коня в город. Жрец Лаокоон, предупреждая о коварстве врага, воскликнул: «Бойтесь данайцев (греков), дары приносящих!». (Эта фраза со временем тоже стала крылатой.) Но речь жреца не убедила соотечественников, и они ввезли деревянного коня в город как дар богине Афине. Ночью спрятавшиеся в чреве коня воины вышли наружу и открыли ворота. Тайно вернувшиеся ахейцы ворвались в город, и начали избивать застигнутых врасплох жителей. Менелай с мечом в руках искал неверную жену, но, увидев прекрасную Елену, оказался не в силах убить её. Всё мужское население Трои погибло, за исключением Энея, сына Анхиса и Афродиты, получившего от богов повеление бежать из захваченного города и возродить его славу в другом месте (см. ст. «Древний Рим»). Женщин Трои ждала не менее горестная участь: все они стали пленницами и рабынями ликующих победителей. Город погиб в огне пожара.

После гибели Трои в лагере ахейцев начинаются распри. Аякс Лакрийский навлекает на греческий флот гнев богини Афины, и она насылает страшную бурю, во время которой тонут многие корабли. Менелая и Одиссея буря заносит в дальние страны. Странствия Одиссея после окончания

Выбор Париса.
Роспись греческого сосуда. V в. до н. э.

Троянской войны воспеты во второй поэме Гомера — «Одиссее». В ней же рассказывается о возвращении Менелая и Елены в Спарту. Эпос благосклонно относится к этой прекрасной женщине, так как всё происходившее с ней было волей богов, которой она не могла противиться. Предводитель ахейцев Агамемнон после возвращения домой был убит вместе со спутниками своей женой Клитемнестрой, не простившей мужу смерти дочери Ифигении. Так, совсем не триумфально, закончился для ахейцев поход на Трою.

Как уже было сказано, древние греки не сомневались в исторической реальности Троянской войны. Даже такой критически мыслящий и ничего не принимающий на веру древнегреческий историк, как Фукидид, был убеждён в том, что описанная в поэме десятилетняя осада Трои — исторический факт, лишь приукрашенный поэтом. Действительно, в поэме очень мало вымысла. Если из неё вычленить сцены с участием богов, что и делает Фукидид, то рассказ будет выглядеть вполне достоверным. Отдельные части

Золотая маска, найденная при раскопках Микен. Около 1500 г. до н. э.

поэмы, такие, как «каталог» кораблей или описание ахейского войска под стенами Трои, составлены как настоящая хроника.

Европейская историческая наука Нового времени иначе отнеслась к греческим мифам. Она видела в них лишь легенды и сказки, не заключающие в себе реальной информации. Историки XVIII—XIX вв. были убеждены, что никакого похода греков на Трою не было и что герои поэмы — мифические, а не исторические фигуры. Единственным из европейцев, поверившим эпосу, оказался Генрих Шлиман. Он не был учёным-профессионалом, и для него Ахилл, Агамемнон, Одиссей и прекрасная Елена были живыми людьми, а драму, разыгравшуюся под стенами Трои, он переживал как события собственной жизни. Шлиман долгие годы мечтал найти легендарный город.

Став очень богатым человеком, в 1871 г. он приступает к раскопкам холма Гиссарлык в северо-западной части Малой Азии, определив его как местоположение древней Трои. При этом Шлиман ориентировался на описания города Приама, данные в поэме. Его ждала удача: холм скрывал развалины, причём не одного, а целых девяти городских поселений, сменявших друг друга на протяжении по меньшей мере двадцати веков — двух-трёх тысячелетий.

Описанную в поэме Трою Шлиман признал в поселении, расположенном во втором слое снизу. Здесь он нашёл, по его мнению, Скейские ворота, башню, с которой Елена с троянскими старцами наблюдала за ходом сражений, дворец Приама и даже сокровища — «клад Приама»: великолепные золотые и серебряные украшения.

Затем, следуя указаниям поэмы, Генрих Шлиман провёл археологические раскопки в «златообильных» Микенах. В одной из обнаруженных там царских могил покоились — для Шлимана в этом не было никакого сомнения — останки Агамемнона и его спутников, усыпанные золотыми украшениями; лицо Агамемнона покрывала золотая маска. Среди многочисленных и богатых погребальных приношений было обнаружено великолепное оружие, достойное могучих героев.

Открытия Генриха Шлимана потрясли мировую общественность. Не оставалось сомнений в том, что поэма Гомера содержит сведения о действительно происходивших событиях и их реальных героях. Мифы не лгут, в них есть правда о далёком прошлом. Успех Шлимана воодушевил многих археологов. Англичанин Артур Эванс отправился на остров Крит искать резиденцию мифического царя Миноса и действительно нашёл там прекрасный дворец. В 1939 г. американский археолог Карл Блеген открыл «песчаный» Пилос, место обитания мудрого старца Нестора на западном побережье Пелопоннеса. Вновь восторжествовала правильность географических указаний поэмы. Но странное дело: количество открытий увеличивалось, а ситуация с Троянской войной и самой Троей становилась всё непонятнее. Уже Шлиман во время раскопок начал испытывать некоторое беспокойство. Когда же на Гиссарлыкский холм и в Микены пришли археологи-профессионалы, они установили, что город, принятый Шлиманом за Трою, существовал ещё за тысячу лет до Троянской войны. Могилы же в Микенах хранили останки людей, живших на несколько столетий раньше героев поэмы. После первых восторгов и возбуждения пришла очередь нового, ещё большего потрясения. Оказалось, что Шлиман открыл новый мир, неизвестную ранее цивилизацию, о которой ничего не знали даже древние греки. Этот мир был совершенно не похож на то, о чём рассказывали мифы и героический эпос.

Отказавшись от безусловного доверия к мифологической основе, некоторые историки тем не менее продолжают считать, что из неё всё-таки можно извлечь зёрна истины. Ведь автору поэмы действительно было известно местоположение важнейших политических центров Ахейской Греции II тысячелетия до н. э. Многие из описанных в поэме бытовых и военных реалий в деталях совпадают с археологическими находками. Например, найденный Шлиманом в Микенах «кубок Нестора»; «шлем из клыков вепря», принадлежавший, как говорится в «Илиаде», критскому герою Мериону; башнеподобный щит, прикрывавший всё тело героя; наконец, боевые колесницы, отличные от колесниц классической Греции. Значит, в устной традиции народа сохранилась память о давно прошедших временах и событиях, и поэмы зафиксировали её. Очевидно, достигшие процветания на рубеже XIII—XII вв. до н. э. государства греков-ахейцев стремились объединёнными силами совершать большие военные экспедиции в район Малой Азии. Одной из них и была осада Трои. Прочно закрепить своё влияние в районе Троады ахейцы не смогли, даже разрушив Трою. Их собственный мир оказался под угрозой нашествия варваров, и приходилось думать уже о безопасности, а не о завоеваниях.

Но скептики утверждают, что эти примеры ничего не доказывают. Реалии микенской культуры, являвшейся частью культуры гомеровской Греции, присутствуют в поэмах как отголоски далёкой и совершенно незнакомой поэту эпохи. Он не представляет, как действовали боевые колесницы — главная ударная сила в сражениях времён Микенской Греции. Для автора это просто транспортное средство: герой подъезжает на колеснице к месту схватки, а затем сражается пешим. Описание царских дворцов в поэме «Одиссея» показывает, что автор ничего не знает ни о водопроводе, ни о фресках, украшавших стены микенских дворцов, ни о письменности, исчезнувшей с гибелью ахейской культуры. Создание эпических поэм отделено от реальных событий четырьмя-пятью столетиями. До этого времени сказания о Троянской войне передавались певцами-аэдами из поколения в поколение изустно. Каждый сказитель и каждое новое поколение вносили в них своё понимание событий и поступков героев. Таким образом, накапливались

ошибки, появлялись новые сюжетные детали, значительно искажающие первоначальный смысл. Одно событие, вбирая в себя другие и обрастая поэтическими «подробностями», постепенно могло превратиться в грандиозный поход греков-ахейцев против Трои, которого могло не быть никогда. Более того, археологические находки, сделанные на холме Гиссарлык, не доказывают, что найденное поселение является именно Троей.

Правда, вообще отрицать существование города Трои где-то в северо-западном районе Малой Азии невозможно. Документы из архива хеттских царей свидетельствуют, что хетты знали и город Трою, и город Илион (в хеттском варианте «Труиса» и «Вилуса»), но, судя по всему, как два разных, расположенных по соседству города, а не один под двойным названием, как в поэме. Хетты знали также страну Аххиява, могущественное государство, с которым они соперничали за господство над этими городами. Учёные считают, что Аххиява — это страна ахейцев, однако пока не ясно, где она находилась. Может быть, это западная часть Малой Азии, или ближайшие к ней острова, или вся Балканская Греция. Между Хеттской державой и Аххиявой был конфликт из-за города Илион, но его уладили мирным путём. Ни о каком крупномасштабном военном столкновении между ахейцами и Троей хеттские документы не рассказывают.

Какой же вывод можно сделать, сопоставляя данные из архива хеттских царей и поэтическое повествование о походе против Трои? Какую-то связь между ними можно обнаружить, но очень неясную, поскольку точных совпадений нет. Видимо, в устном народном творчестве, лежащем в основе поэмы, спрессовались воедино события разных времён: неудавшаяся попытка греков-ахейцев подчинить себе район Троады (это удаётся проследить через трагические судьбы героев-ахейцев после взятия Трои) и гибель городов Илиона и Трои в результате нашествия так называемых «народов моря», которое потрясло весь древний мир Средиземноморья в конце XII в. до н. э.

СОЛОН. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Солон, сын Эксекестида, вошёл в историю Древней Греции как великий реформатор, основатель полисной демократии Афин. Среди своих современников и у последующих поколений эллинов он пользовался славой великого поэта и мудреца. Солон был эвпатридом и происходил из очень древнего и знатного аристократического рода.

По имущественному положению Солон относился к людям среднего достатка. Его отец всё состояние истратил на помощь нуждающимся, и Солон в молодости приложил немало усилий, чтобы разбогатеть: бедность не была в почёте, а страсть к богатству считалась естественной. В своих стихах Солон открыто признаётся, что хочет быть богатым, оговариваясь, правда, что его привлекает лишь честно нажитое: «Быть я богатым хочу, но нечестно владеть не желаю этим богатством: позднее час для расплаты придёт». Он подчёркивает, что честь и доброе имя ему дороже богатства: «Многие низкие люди богаты, а добрый беднеет. Мы же не будем менять доблесть на денег мешок».

Большинство аристократов — современников Солона богатели, занимаясь ростовщичеством и обращая в рабство своих должников. Солон считал такой способ обогащения несправедливым и обратился к морской торговле. Он стал купцом и путешественником. Дальние страны манили молодого аристократа, очевидно, не только возможностью нажить состояние. Его живой и любознательный ум жаждал знаний и ярких впечатлений. Даже в преклонном возрасте он не потерял интереса к новым знаниям: «Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь».

Солон жил в трудное время. Отмирал прежний порядок, основанный на господстве родовой знати, демос (народ) поднимался на борьбу против аристократии. Незнатные, но зажиточные горожане считали несправедливым безраздельное господство аристократии в судах и управлении. Ломка традиционных устоев жизни болезненно отзывалась в сознании людей. Тяжело было жить крестьянину, попавшему в долговую кабалу и потерявшему веру в справедливость сильных. С безысходной тоской смотрели на жизнь аристократы — проклиная, призывая кары небесные на головы «своемыслящей черни», не видя ничего хорошего в будущем. Мегарский поэт-аристократ Феогнид, изгнанный из родного города, уверял: «Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться. И никогда не видать яркого солнца лучей».

Солон был человеком жизнерадостным и даже легкомысленным, по определению его биографа Плутарха. Он любил жизнь и, претерпев много неудач и разочарований, писал: «Ныне мне стали милы Дионис, Киприда и Музы — те, чьи забавы радость вселяют в людей». Разгорающиеся в обществе вражда и ненависть заставляли страдать и его: «Да, понимаю, и в сердце глубоко мне горе запало: Вижу, как клонится ниц бывшая первой страна Меж ионийских земель». Он оказался близок к новым людям, поднявшимся из народа, понимал их нужды, осознавал их силу. Поэтому в отличие от аристократов, упорствующих в приверженности старому порядку, он готов был

Солон перед греками.

Говорят, Анахарсис, скиф царского рода, причисленный греками к мудрецам, узнав, что Солон занят составлением законов для афинян, стал смеяться над его работой. Он считал, что Солон желает добиться невозможного — он мечтает удержать граждан от преступлений и корыстолюбия писаными законами, которые ничем не отличаются от паутины: когда попадаются слабые и бедные, их удержат, а сильные и богатые вырвутся. На это Солон, говорят, возразил, что и договоры люди соблюдают, когда нарушать их невыгодно ни той ни другой стороне; и законы он так приноравливает к интересам граждан, что покажет всем, насколько лучше поступать честно, чем нарушать законы. Однако результат получился скорее тот, какой предполагал Анахарсис, чем тот, на который надеялся Солон (Плутарх. Солон, V).

Солон позволил всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника. Если когонибудь били, производили над ним насилие, причиняли ему вред, всякий, кто мог или хотел, имел право жаловаться на преступника и преследовать его судом. Законодатель правильно поступал, приучая граждан сочувствовать и соболезновать друг другу и быть как бы членами единого тела (Плутарх. Солон, XVIII).

Солона хвалят также за закон, запрещающий говорить дурно об умерших. И действительно, религия требует считать умерших священными; справедливость — не касаться тех, кого уже нет; гражданский долг — не враждовать вечно. Бранить живых Солон запретил в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ; за нарушение этого закона он назначил штраф. Нигде не сдерживать гнев — это признак человека невоспитанного и необузданного; везде сдерживать — трудно, а для некоторых и невозможно. Поэтому законодатель при составлении законов должен иметь в виду то, что возможно для человека, если он хочет наказывать малое число виновных с пользой, а не многих — без пользы (Плутарх. Солон, XXI).

содействовать утверждению новой социально-политической системы и знал, как это сделать.

Ещё до того как стать законодателем, Солон принимал активное участие в политической жизни Афин. Его родной город вёл долгую войну с соседним городом Мегара за обладание островом Саламин, лежащим у самых берегов Аттики. После очередного поражения афинское народное собрание запретило под страхом смертной казни поднимать вопрос о возобновлении войны. Многие горожане, недовольные запретом, не решались открыто выступить против него. Тогда Солон, чтобы поднять боевой дух афинян, выбежал, притворившись сумасшедшим, на площадь и пропел стихи, в которых призывал к захвату Саламина. Стихи произвели на граждан Афин столь сильное впечатление, что они тут же решили начать войну с мегарянами и назначили Солона военачальником. Остров был отвоёван, а Солон приобрёл значительный политический авторитет. Нет ничего странного в том, что выступление сумасшедшего его соотечественники восприняли всерьёз: сумасшествие, считали древние, — от богов. И в данном случае боги через Солона выразили свою волю.

Действия Солона характеризуют его как человека рационального. Постоянно обращаясь к авторитету богов, в делах житейских он предпочитал руководствоваться здравым смыслом. Доказывая исконную принадлежность Саламина Афинам, Солон не побоялся вскрыть на острове несколько могил и показать мегарянам, что мёртвые захороне по обычаю афинян. Более того, он пошёл на откровенный подлог: пользуясь авторитетностью в Греции стихов Гомера, вставил в один из них строку, доказывавшую давнюю связь Саламина с Афинами. Подобные хитрости тогда пороком не считались — напротив, они создавали человеку репутацию умного и тонкого политика. Солона стали приглашать посредником в спорах между знатными афинскими родами. Уважение и известность во всей Греции принесло ему выступление в защиту дельфийского храма бога Аполлона, землю которого захватили жители города Кирры.

Несомненно, политические взгляды Солона сформировались и были хорошо известны в афинском обществе 594 г. до н. э. Именно тогда он был избран архонтом-простатом — высшим должностным лицом в Афинах с неограниченными полномочиями. К этому времени противоречия между народом и знатью достигли предела, но у враждующих сторон хватило благоразумия обратиться к Солону с просьбой о проведении необходимых реформ. Солон не без колебаний приступил к преобразованию государственного строя Афин. Знать надеялась, что Солон, сам будучи аристократом, укрепит её позиции. Демос, считая Солона человеком справедливым, ждал от него проведения всеобщего передела имущества и уравнения всех в правах. Солон же не собирался делать ни того ни другого. Претензии знати он считал чрезмерными и укорял её в своих стихах: «Вы же в груди у себя успокойте могучее сердце: Много досталось вам благ — ими пресытились вы, Меру поставьте надменному духу: не то перестанем мы подчиняться, а вам будет не по сердцу всё». Неприемлема была для Солона и идея всеобщего имущественного и политического равенства, которую он ставил в один ряд с ненавистной ему тиранией: «Мне равно не по душе силой править тирании, как и в пажитях родных Дать худым и благородным долю равную иметь».

По убеждению Солона, жизнь общества должны регулировать право и законы, принятые при всеобщем согласии. Эти принципы были положены Солоном в основу проводимых им реформ. Для Солона богатые и бедные, знатные и незнатные — равноправные члены единого гражданского общества. Ради единства и процветания общества необходимы взаимные уступки, компромиссы. О своей роли Солон сказал в стихах: «Встал я, могучим щитом тех и других прикрывая, И никому побеждать не дал неправо других». Для последовательного проведения в жизнь подобного намерения требовались мужество и сильная воля.

Реформы Солона не привели к коренной ломке сложившихся в Афинах к началу VI в. до н. э. общественных отношений. Они лишь изменили то, что грозило государству гибелью. Солон про-

вёл сисахрию («стряхивание бремени»), т. е. отменил все долги, сделанные под заклад земли (заимодавцы ставили на земельный участок должника камень с записью долга), и навсегда запретил обращать свободных афинских граждан в рабство. Всех граждан Солон разделил на четыре разряда в зависимости от величины их земельного дохода (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты). Отныне социальный статус афинского гражданина зависел не от его происхождения, а от величины его частной собственности. Все граждане Афин могли принимать участие в Народном собрании (экклесии) и в созданном Солоном суде присяжных (гелиеи; см. ст. «Древняя Греция»).

Реформы вызвали недовольство со стороны аристократии. Пытаясь объяснить согражданам значение преобразований, Солон снова прибег к стихам. В них много горьких признаний: «На борьбу всё мужество собрав, Я точно волк вертелся среди стаи псов». И ещё: «Все когда-то ликовали, а теперь меня всегда злобным взором провожают, словно я их злейший враг».

Попытка добиться всеобщего согласия не удалась. Не желая ничего менять в своих законах, Солон покидает Афины и снова становится путешественником. Он плывёт в Египет, ведёт там беседы со жрецами, потом отправляется на Кипр и помогает местному царю основать новый город. Античные авторы написали много рассказов о встречах Солона со знаменитыми современниками. При посещении столицы Лидийского царства — города Сарды — он, например, беседовал с вошедшим в историю царём Крёзом и преподал ему урок эллинской мудрости.

Через долгих десять лет Солон вернулся в Афины уже стариком. Ему пришлось стать свидетелем того, как непрекращающаяся борьба между его согражданами закончилась установлением тирании Писистрата. Хотя Писистрат был его родственником и в прошлом их связывала дружба, Солон разгадал устремления честолюбца и попытался предупредить афинян о грозящей опасности: «Вы ведь свой взор обратили на речи коварного мужа». Когда Писистрат со своей охраной захватил Акрополь, Солон призвал граждан к вооружённой борьбе против тирана. Приближённые самозваного правителя объявили Солона сумасшедшим, на что он ответил: «Точно ли я сумасшедший, покажет недолгое время: выступит правда на свет, сколько её ни топи».

Судьбу Солона после прихода к власти Писистрата античные писатели освещают по-разному. Диоген Лаэртский пишет, что он уехал из Афин и умер, прожив до 80 лет, на Кипре. По утверждению Плутарха, Солон остался в Афинах, и Писистрат сумел привлечь его на свою сторону, во всём советуясь со старым другом. Сколько лет Солон прожил при Писистрате, Плутарх точно не знает.

Современники оказались глухи к увещеваниям Солона, однако много лет спустя, покончив с тиранией, афиняне обратились к заветам великого реформатора. Принципы меры, золотой середины, гражданского единства были правильно определены им как основы существования полиса. Поэтому Солона афиняне причислили к семи мудрецам — так называли нескольких его современников, активно, как и он, участвовавших в разработке и создании основ государственного строя греческого полиса.

ПЕРИКЛ. АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Перикл родился в 495 г. до н. э. Отцом его был герой греко-персидских войн Ксантипп, а мать Перикла принадлежала к знатному роду Алкмеонидов, давшему Афинам многих видных политических деятелей.

Как и у многих афинян из почтенных семей, у Перикла имелись достойные наставники. Музыке его учил музыкант и мыслитель Дамон, философии — известный греческий учёный Зенон.

Свой жизненный путь Перикл начал военным. «Он был храбр в походах и искал опасностей», — писал о нём древнегреческий историк Плутарх. Но в то время особой славы на военном поприще он себе не добыл. Перикл был молод и честолюбив, занятие политикой было в традициях его семьи, и в середине 60-х гг. V в. до н. э. он появился на политической арене. В это время в Афинах разгорелась схватка между демократами — сторонниками правления большинства граждан и аристократами — приверженцами правления немногих знатных родов. Перикл, хотя и происходил из знатного рода, стал на сторону демоса — народа, возможно, потому, что Алкмеониды всегда поддерживали демократию, или же Перикл понял, что величие Афин и его собственная слава — именно в демократическом устройстве государства.

Ступив на политическую стезю, Перикл подружился с Эфиальтом, вождём афинского демоса. Вместе они добились ослабления роли Ареопага, являвшегося не только высшим государственным советом и хранителем традиций, но и оплотом знати. Вступив в открытую борьбу с аристократами за влияние в Афинах, Перикл добился изгнания их вождя Кимона. Его обвинили в измене. Вскоре после этого Эфиальт был убит единомышленниками изгнанника. В 461 г. до н. э. Перикл встал на место погибшего друга, и с этого момента начинается «век Перикла» — век, уместившийся в 32 года, но значительный, как целое столетие.

Перикл возглавил демократическую партию. В этом положении ему совершенно необходимо было

заручиться поддержкой народа и стать для него вождём. Перикл понимал, как много в политике зависит от симпатий афинских граждан. Вождь аристократов Кимон был готов на всё, чтобы снискать их любовь: устраивал обеды для бедных, дарил им одежду, даже убрал изгородь в своей усадьбе, чтобы все желающие могли рвать плоды в его саду. Перикл так поступать не мог и не желал, не только потому, что он не был так богат, как Кимон, — подобные поступки были не в его характере.

Перикл считал, что, соря деньгами и подарками, можно сделаться любимцем народа, но не вождём. Любовь народа непостоянна в отличие от авторитета признанного лидера. Перикл сразу заметно выделился из числа афинских политиков. Он не оскорблял людей заносчивостью и не опускался до панибратства, не выставлял напоказ свою персону и не стремился постоянно напоминать о себе. Наоборот, Перикл стал редко появляться на людях. «Его видели идущим лишь по одной дороге — на площадь и в Совет», — сообщает Плутарх. В Народном собрании он выступал только в особо важных случаях, простые дела поручая соратникам. В обхождении с людьми Перикл отличался рассудительностью и завидным спокойствием. Это было непросто, потому что злые языки были щедры на колкости по отношению к своим политическим деятелям. Он терпеливо сносил насмешки, не роняя собственного достоинства, чем вызывал уважение горожан. Кроме того, Перикл никогда не заигрывал с толпой, не строил фантастических планов и не обещал золотых гор. На него обратили внимание как на человека серьёзного. Ещё большему росту его авторитета способствовали мероприятия, которые он предлагал во имя укрепления афинского государства.

Когда в 460 г. до н. э. демократы во главе с Периклом пришли к власти, первой их заботой стала внешняя политика. Одной из задач было укрепление Делосской симмахии (военного союза) или Афинского морского союза — созданного в 478 г. до н. э. объединения греческих полисов во главе с Афинами для предотвращения военной угрозы со стороны Персидской державы. Персы давно уже прямо не угрожали Афинам, но в 454 г. до н. э. афиняне вновь столкнулись с ними в Египте, где оказывали помощь восставшим ливийцам. Персы одержали победу, что очень встревожило афинян и их союзников.

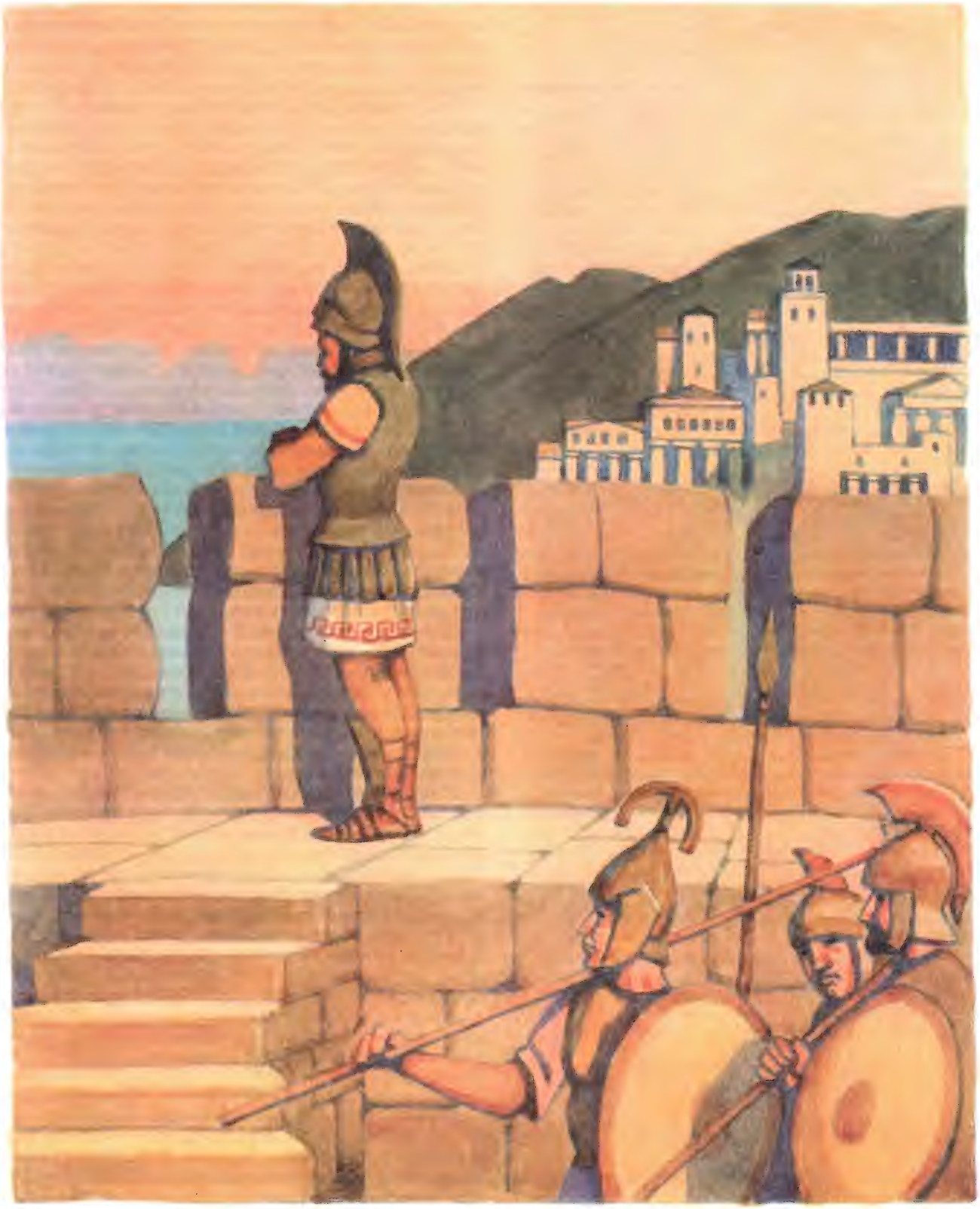
Перикл перед лицом нависшей опасности предложил следующее: в критической ситуации надо забыть раздоры и подчинить интересы союзников Афинам, потому что ни один город в союзе не мог сравниться с ними силой и величиной флота. Делосский союз, по замыслу Перикла, должен был превратиться в Афинскую державу, распоряжавшуюся военными силами и денежными средствами всех союзных городов, которых было около 300. Военные силы союза складывались из общественного флота, а средства — из казны, в которую каждый город платил ежегодный взнос (форос). Эта казна хранилась на острове Делос. Сославшись на угрозу нашествия, Перикл настоял, чтобы казна Делосского союза была перевезена в Афины. В 454 г. до н. э. Афины стали обладателями союзных денег, распоряжаясь ими по своему усмотрению.

Второй проблемой были отношения со Спартой. Она возглавляла Пелопоннесский союз, сложившийся во второй половине VI в. до н. э. и включавший в себя почти все полисы Пелопоннеса. В Спарте у власти стояла аристократия, и по всей Элладе её приверженцы видели в этом государстве защитника своих интересов. Взоры же всех сторонников демократического устройства были обращены к демократическим Афинам, которые оказывали им поддержку, расширяя при этом своё влияние и укрепляя могущество.

Воспользовавшись неурядицами в Спарте, Афины вмешались в дела её союзников в Пелопоннесе. Началась малая Пелопоннесская война (457—446 гг. до н. э.). Спартанские олигархи были встревожены усилением своих противников во многих городах. Война шла долго и с переменным успехом. В её ходе Перикл проявил себя как храбрый воин и рассудительный полководец. «Как стратег Перикл славился больше всего своей осторожностью: он добровольно не вступал в сражение, если оно было опасно, а исход его сомнителен», — писал Плутарх. Перикл часто удерживал граждан от необдуманных действий, спас Афины, когда они не были готовы отразить наступление вторгшихся в Аттику спартанцев. Перикл подкупил их военачальника, и тот отвёл войска. Всюду, где было возможно, Перикл устанавливал власть Афин.

Война завершилась в 445 г. до н. э. Тридцатилетним миром, который также называют Перик-

Перикл (портрет). Музей Ватикана.



ПЕРИКЛ И АСПАСИЯ

Авторитет и влияние Перикла в Афинах были так велики, что даже его женитьба на гетере Аспасии не уменьшила его популярности.

Гетерами (*греч.* «спутницы», «подруги») в Древней Греции назывались образованные незамужние женщины, ведущие свободный, независимый образ жизни. (Иногда словом «гетеры» в Древней Греции называли женщин, торгующих собой.) Ремесло гетеры в Греции не считалось почётным, и к ним относились с пренебрежением. Не могло быть и речи о том, чтобы почтенный человек женился на гетере. Достойная греческая женщина росла, воспитывалась и всю жизнь проводила затворницей в гинекее — на женской половине дома. Она не посещала театр, не смела появляться в Народном собрании. Женщина даже не могла одна выйти на улицу — её обязательно сопровождал кто-нибудь из родственников или рабыня. Хозяйка не выходила к гостям, если в доме собиралось общество друзей её мужа. Тогда мужскую компанию развлекали гетеры.

Среди гетер встречались женщины блестящего ума, хорошо образованные, умеющие поддержать разговор поэтов и философов, разбирающиеся в политике и искусстве. Такой гетерой была Аспасия из Милета.

Аспасия славилась в Афинах красотой и умом. Выдающиеся политики и философы считали её женщиной незаурядной, а «Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми... чтобы послушать её рассуждения...» (Плутарх). Аспасия была прекрасной собеседницей, и говорят даже, что она была наделена ораторским талантом, который так ценили афиняне.

Перикл познакомился с Аспасией и был восхищён этой женщиной, которая сумела поставить себя так, что самые умные люди Афин считали за честь быть её друзьями. Он сделался частым гостем в доме гетеры, и вскоре всем стало ясно, что Перикл полюбил прекрасную хозяйку. И мало этого: по Афинам пронёсся слух — Перикл решил жениться на гетере Аспасии! Это оказалось правдой. Перикл развёлся с женой, и вскоре в доме стратега появилась новая хозяйка. Перикл слышал сплетни и пересуды за своей спиной, но нимало не беспокоился. Он знал, что никакие насмешки не умалят его заслуг перед государством. И потом, он слишком любил Аспасию, чтобы придавать значение скабрезным историям, которые о ней рассказывали его недруги.

Счастьем наполнился дом Перикла, когда в него пришла Аспасия. Рассказывали, что каждый день, уходя из дома, Перикл нежно прощался с женой и приветствовал её при возвращении, что было совсем не в традиции афинских мужей. Аспасия же, став женой стратега, не заперлась в гинекее, как полагалось замужней женщине в Афинах. Она продолжала принимать гостей, друзья Перикла стали и её друзьями. Для своего сына от брака с Аспасией — Перикла-младшего — стратег добился в виде исключения афинского гражданства вопреки закону, который сам и ввёл: ведь Аспасия не была афинянкой.

В тяжёлые для Перикла дни нелегко пришлось и его жене Аспасии. Именно на неё, зная, как много значит она для стратега, обрушили свой первый удар недруги Перикла. Аспасию обвинили в нечестивости, в том, что она, гетера, учит распутству афинских женщин. Перикл встал на защиту жены. Говорят, он плакал, убеждая судей в её невиновности. Аспасию удалось спасти от наказания, но радость уже не возвращалась в дом Перикла. Следом за нападками врагов пришли война и эпидемия чумы, унёсшая жизнь великого афинянина. До самой смерти Перикла Аспасия была рядом с ним, оставаясь заботливой женой и верной подругой.

ловым, подчёркивая этим заслуги вождя афинян в его заключении. Он сумел убедить сограждан в том, что отказ от переговоров со Спартой и продолжение военных действий принесёт беды самим Афинам. Мир обязывал оба государства не вмешиваться в дела друг друга; Спарта признавала Афинский морской союз, а Афины отказывались от владений в Пелопоннесе. Но Перикл не был удовлетворён таким положением. Он мечтал видеть Афины центром Эллады, величайшим государством греческого мира и пытался с этой целью созвать общегреческий «конгресс». Спартанцы, вовремя понявшие его замыслы, нарушили планы Перикла, но помешать ему укреплять могущество Афин в самих Афинах они не могли.

В 444 г. до н. э., оценив заслуги Перикла перед государством, афиняне избрали его стратегом — автократом — и переизбирали его на эту должность в течение 15 лет. Влияние его противников — аристократов было подорвано войной со Спартой. Их вождь Фукидид (не путать с историком Фукидидом!) был в 443 г. до н. э. изгнан из Афин. Перикл победил, и с этих пор 14 лет ему не было равных. «Афины достигли при нём высшего могущества. Он руководил массой, потому что приобрёл власть, не прибегая к недостойным средствам... и не имел нужды льстить толпе, но, пользуясь уважением, мог резко противоречить ей», — писал историк Фукидид.

За редкий ораторский дар Перикла прозвали Олимпийцем. Говорили, что он, «подобно Зевсу, мечет молнии, поражая словами, и само убеждение сидит у него на устах».

Перикл не был великим реформатором. Он только довершил то, что было сделано его предшественниками, Солоном и Клисфеном. Он добивался того, чтобы Афины стали идеальным государством, превратились в процветающую демократию, которая могла бы защитить народ от внешних врагов и охраняла бы своими законами права всех свободных граждан.

Полноправных граждан в Афинах было мало. Увеличение их числа вело к сокращению тех благ, которыми они пользовались, например при распределении хлеба во время голода. Защищая права афинского демоса, Перикл ещё в 451 г. до н. э. предложил закон о гражданстве, по которому гражданином считался только тот, у кого отец и мать были афиняне. Количество полноправных афинян, таким образом, было ограничено, а попасть в их число, чтобы воспользоваться привилегиями, стало практически невозможно.

Заботясь о том, чтобы все граждане в равной мере могли пользоваться своими правами и занимать государственные должности, Перикл добился установления платы членам Совета пятисот — архонтам, по существу — правительству, ведавшему делами, выносимыми в Народное собрание; гелиастам — заседателям в суде; войску и флоту. Теперь участвовавшие в управлении государством рядовые граждане не терпели убытков, отвлекаясь от своего ремесла, как это было

раньше, когда должности не оплачивались и их могли занимать только состоятельные люди.

Перикл знал, что бедность граждан — беда для государства и повод к волнениям. Он настоял на выделении пособий для сирот и калек. На деньги государства воспитывались сыновья погибших на войне. Другой способ искоренить нищету — дать людям возможность трудиться и зарабатывать себе на жизнь. При Перикле в Афинах развернулось грандиозное строительство. Надёжным куском хлеба были обеспечены не несущие военную службу каменотёсы, плотники, резчики, строители дорог... «Весь город находился как бы на жалованье — сам себя содержал и украшал», — писал Плутарх.

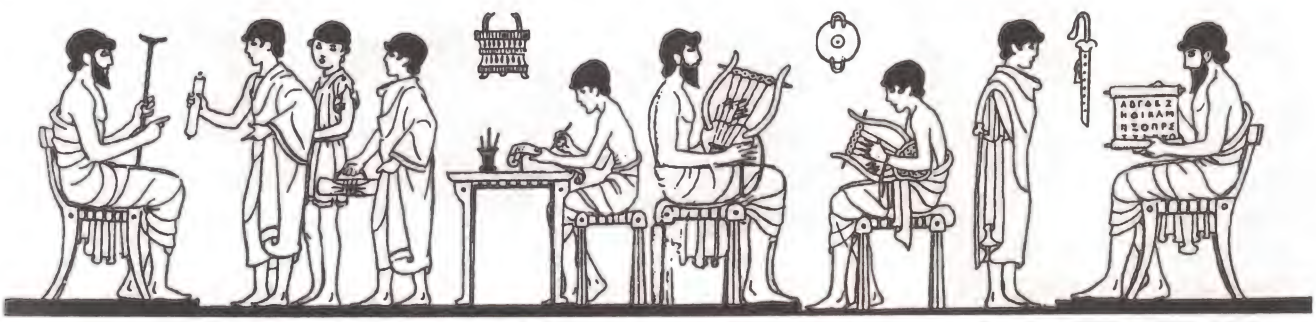
Начиная строительство, Перикл думал не только о борьбе с нищетой и праздностью граждан, но и об укреплении оборонительных сооружений. Длинные стены, протяжённостью 7 км, связавшие Афины с портом Пирей, были построены ещё в 457 г. до н. э. Перикл мечтал создать памятник вечной славы Афин. По его инициативе Акрополь украсили новыми величественными храмами. Были возведены Парфенон — храм Афины Парфенос; Пропилеи — монументальное сооружение, обрамляющее вход на Акрополь; храмы Ники и Афины Полиады. В короткий срок Афины превратились в политический и культурный центр Эллады. Сюда стекались мастера и философы, зная, что найдут учеников и слушателей. Сам Перикл был дружен с историками Геродотом, Фукидидом, философами Зеноном, Сократом, Протагором, Анаксагором, трагиком Софоклом, скульптором Фидием. Они были частыми гостями в доме стратега, и тогда душой этого необыкновенного общества становилась красивая и образованная жена Перикла Аспасия — гетера, на которой он женился вопреки неодобрительным пересудам афинян и сплетням недоброжелателей.

Поверженные аристократы упрекали Перикла в том, что на украшение Афин он тратит деньги из казны Афинского морского союза. Афины действительно давно пользовались казной, как своим кошельком. Перикл же отвечал на упрёки со всей прямотой: Афины не обязаны отчитываться в деньгах, потому что защищают союзников, которые только платят взносы, но не дают ни корабля, ни воина; а деньги принадлежат не тому, кто их платит, а тому, кто их получает, если он выполняет то, за что заплачено. Перикл мог позволить себе такой ответ: могущество Афин за время его правления настолько возросло, что афиняне не слишком стали считаться с мнением своих союзников. Афинский морской союз превратился в Афинскую державу — архэ, а Афины — в гегемона, диктующего свою волю (см. ст. «Древняя Греция»).

Укрепляя Афинское государство, Перикл помнил о главном его враге — Спарте. Союзники Спарты, полисы олигархического типа, требовали решительных действий против демократических Афин, влияние которых быстро росло. Особенно волновался старинный соперник Афин — Коринф. В нём с тревогой наблюдали, как афиняне расширяют торговлю с греческими колониями в Италии и на Сицилии, постепенно вытесняя коринфян. Очередной конфликт, возникший между союзниками Спарты и Афинами, ещё больше накалил обстановку. Имевшие самое непосредственное отношение к междуусобице коринфяне обвинили Афины в нарушении условий Тридцатилетнего мира. Союзники в один голос требовали от спартанцев обуздать зарвавшегося соперника. Выслушав все жалобы и призывы, Спарта предъявила Афинам ультиматум, одним из требований которого было изгнание из государства Алкмеонидов, то есть Перикла. На него теперь должны были смотреть как на виновника войны, вспоминая, что именно по предложению Перикла Афины вмешались в конфликт пелопоннесских городов.

Давно известно, что тому, кто избрал своей судьбой политику, редко приходится рассчитывать на благодарность современников. Несмотря на все успехи Афин, самому Периклу приходилось в это время тяжело. «Почему вы, афиняне, устаёте получать добро от одних и тех же людей?» — эти слова Фемистокла, героя войны с иранцами, изгнанного из Афин, мог повторить и Перикл. Человека, 30 лет жизни отдавшего демократии, стали обвинять в тирании. Не смея пока прямо напасть на Перикла, враги обрушились на его жену и друзей: Фидий умер в тюрьме, Аспасию с трудом удалось защитить от обвинений.

Ультиматум Спарты был отклонён, и в 431 г. до н. э. спартанцы вторглись в Аттику. Началась война эллинов с эллинами — Пелопоннесская



Афинская школа.

война (см. ст. «Спарта»). Перикл призвал жителей Аттики укрыться за Длинными стенами в Афинах. Он удерживал рвущихся в бой афинян, предлагая положиться на флот, который он отправил разорять побережье Пелопоннеса. Спартанцы действительно отступили, но облегчения это не принесло. Вместе с беженцами, которые жили в городе в грязи и тесноте, пришёл брюшной тиф. Перепуганные граждане стали искать виновного в своих бедах, и гнев их обрушился на Перикла.

Впервые за 15 лет в 430 г. до н. э. Перикла не избрали стратегом. Его обвинили в растрате и приговорили к штрафу, забыв, что в своё время, провозглашая Перикла первым гражданином государства, его главными заслугами признавали патриотизм и неподкупность. Соперники могли торжествовать, но ни у кого из «других стратегов и ораторов не оказалось ни влияния, достаточного для такой высокой власти, ни авторитета, обеспечивающего её надёжное исполнение», — писал Плутарх. Афиняне так привыкли к советам и предложениям Перикла, что очень скоро пожалели о своём решении. Поняв на собственном опыте, что незаменимые люди всё же есть, непостоянные афиняне в 429 г. до н. э. вновь выбрали Перикла стратегом. Но он слишком устал, ему было 66 лет. Он потерял друзей в борьбе с противниками, чума унесла его родных. В том же году от чумы умер и сам Перикл.

Заслугами Перикла были могущество Афинской державы и бессмертная красота великого города. Его победой была окрепшая афинская демократия — господство полноправных граждан.

Перикл умер в Афинах, не зная, к счастью, что они уже никогда не будут так сильны и величественны, как в дни, когда он, как свидетельствовал Плутарх, «сосредоточил в себе и сами Афины, и все дела, зависящие от афинян, — взносы, союзников, армию, острова, море, великую силу и верховное владычество».

СПАРТА

Спарта (Лакония, Лакедемон) — одно из самых известных и могущественных государств Древней Греции, славное своей армией, никогда не отступавшей перед врагом. Гражданская община Спарты была государством, которое не знало смут и распрей.

В этой удивительной стране не было ни богатых, ни бедных, поэтому спартанцы называли себя «общиной равных». Хотя о грозной Спарте знали буквально во всех уголках Древней Греции, мало кто мог похвастаться, что бывал на земле Лакедемона и хорошо знает жизнь и обычаи этой страны. Спартанцы (спартиаты) окутали своё государство покровом тайны, не разрешая ни чужеземцам приезжать к ним, ни своим гражданам покидать рубежи общины. Даже купцы не привозили товары в Лаконию — спартанцы ничего не покупали и не продавали.

Сами спартанцы не оставили описания своих законов и государственного строя, однако многие древнегреческие мыслители пытались разгадать причину прочности гражданского согласия и военной мощи Спарты. Особенно усилилось их внимание к этому государству после победы Спарты над Афинами в Пелопоннесской войне (431—405 гг. до н. э.). Но поскольку античные писатели

Нагрудник и шлемы древних греков.

наблюдали жизнь Спарты со стороны или жили через много столетий после того, как возникла «община равных», многие современные учёные с недоверием относятся к их сообщениям. Поэтому некоторые проблемы истории Спарты до сих пор вызывают споры у историков. Например: чем был обусловлен спартанский образ жизни, когда возникло это государство, столь непохожее на другие греческие полисы?

Создателем Спартанского государства древние греки считали законодателя Ликурга. Писатель и историк Плутарх, автор жизнеописаний выдающихся греков и римлян, начиная рассказ о жизни и реформах Ликурга, предупреждает читателей, что ничего строго достоверного сообщить о них невозможно. Тем не менее он не сомневается в том, что этот политический деятель был исторической личностью. Большинство современных учёных считают Ликурга легендарной (никогда не существовавшей) личностью, а архаический государственный строй Спарты — следствием сохранения в нём примитивных догосударственных форм человеческого общежития. Другие историки, соглашаясь с тем, что Ликург — фигура вымышленная, не отрицают полностью предания о возникновении Спартанского государства в результате переворота после долгих смут в первой половине VI в. до н.э. Есть и третья группа учёных, считающих, что у историков нет серьёзных оснований для полного недоверия к сообщениям античных писателей. В биографии Ликурга, считают они, нет ничего фантастического, а проведение в Спарте реформ на два века раньше, чем в других районах Балканской Греции, объясняется сложной ситуацией, сложившейся в Лаконии. Основавшие Спартанское государство дорийцы пришли сюда как завоеватели и, чтобы удерживать в повиновении порабощённое ими местное ахейское население, нуждались в ускоренном создании необходимых для этого учреждений.

Согласно Плутарху и другим древним авторам, время жизни Ликурга приходится примерно на первую половину VII в. до н. э.

Это было время смут и беззаконий. Ликург происходил из царского рода и после гибели отца от удара ножом и смерти старшего брата стал царём, но правил всего восемь месяцев. Уступив власть своему племяннику, он покинул Спарту. Путешествуя по Криту, Египту и греческим полисам на побережье Малой Азии, Ликург изучал законы и образ жизни людей и мечтал, вернувшись на родину, полностью изменить строй своей общины и установить такие законы, которые навсегда прекратили бы вражду между спартанцами. Перед возвращением в Спарту Ликург отправился в Дельфы, где находился храм бога Аполлона с оракулом. В те времена ни одно важное для всего государства решение не принималось без обращения за советом к жрецам бога Аполлона Дельфийского. Жрица-прорицательница (пифия) передавала обращающимся за советом

Спартанцы умели обидчиков поставить на место, не прибегая к физической расправе над ними. Однажды в Спарту прибыли жители греческого города Клазомены. Среди них оказались озорники, вымазавшие сажей кресла, в которых сидели правители Спарты — эфоры. Те не показали своего гнева, а издали указ, который был на следующее утро объявлен по всей стране: «Клазоменцам разрешается вести себя непристойно».

Мудрость спартанцев помогала им найти выход из самых сложных обстоятельств. Когда они получили приказ Александра Македонского, объявлявший о его божественном происхождении, то постановили: «Если Александру угодно быть богом, пусть будет». Истинно по-спартански посмеялись они над претензиями гордого македонца.

Свободолюбие спартанцев лучше всего сознавали их цари. Один из них — Антигон, заметив в своём сыне гордость и пренебрежение к подданным, сказал ему: «Оставь свои замашки. Разве ты не знаешь, что наша с тобой власть — почётное рабство?».

Спартанцы издали закон, ограничивающий покупку съестных припасов, регламентирующий их количество и качество.

В 362 г. до н. э. фиванцы под командованием Эпаминонда напали на Спарту. Один мальчик-спартанец убежал из дома на поле боя и вместе со взрослыми отражал наступление врагов. Когда спартанцы победили, они наградили маленького героя венком за проявленную доблесть, но присудили к большому денежному штрафу за то, что он принял участие в сражении до установленного возраста и сражался, не имея положенного спартанцу вооружения и облачения.

Воспитание детей считалось в Спарте одной из главных общественных обязанностей гражданина. Спартанец, имевший трёх сыновей, освобождался от несения сторожевой службы, а отец пятерых — от всех существовавших повинностей.

Однажды в Спарту прибыл посол с острова Хиос — гордый и чванливый, облачённый в пышные одежды и выкрасивший волосы, чтобы скрыть седину. Не успел он начать речь, как поднялся с места один из спартанцев и, обращаясь к присутствующим согражданам, сказал: «Что путного может сказать этот человек, если у него обман не только в сердце, но и на голове?».

Одного спартанского юношу, за бесценок купившего землю, предали суду. В обвинении говорилось, что он слишком молод, а уже соблазнился выгодой, а корысть — это враг каждого жителя Спарты.

Женщины Спарты, у которых погибли сыновья, шли на поле битвы и смотрели, куда они были ранены — в грудь или спину. Если в грудь, то женщины с гордостью смотрели на окружающих и с почётом хоронили своих детей в отчих гробницах. Если же видели, что раны на спине, то, рыдая от стыда, спешили скрыться с поля сражения, предоставляя хоронить мёртвых другим.

Алкивиад утверждал, что нет ничего удивительного в присущем спартанцам равнодушии к смерти, так как, стремясь избавиться от своей законом предписываемой тяжёлой жизни, они готовы поменять её тяготы даже на смерть.

В Спарте существовал закон, согласно которому никто не должен был носить одежду неподобающего цвета и быть полнее, чем это необходимо. По этому закону все юноши до двадцати лет, не достигшие ещё гражданских прав, должны были каждые десять дней показываться эфорам — членам выборной коллегии из пяти человек с очень широкими политическими и судебными полномочиями. Если юноши были крепки и сильны, то удостаивались похвалы, а если у них обнаруживали следы дряблости и рыхлости, то их били палками, приговаривая, что их вид позорит Спарту и её законы.

Существовало предсказание, согласно которому Спарта будет сильным и могущественным государством, если будет следовать законам Ликурга, предписывающим строгость и простоту образа жизни, останется недоступной для золота и серебра. Когда после войны с Афинами воины привезли деньги, то таким образом соблазнили жителей Спарты отступиться от воли богов, и их доблесть постепенно угасла.

В Спарте никому не разрешалось жить так, как он хочет: точно в военном лагере, все в городе подчинялись строго установленным порядкам и делали то из полезных для государства дел, какое им было назначено. Считая себя принадлежащими не себе самим, но отечеству, спартанцы, если у них не было других поручений, либо наблюдали за детьми и учили их чему-нибудь, либо сами учились у стариков. Ведь одним из благ и преимуществ, которые доставил согражданам Ликург, было изобилие досуга. Заниматься ремеслом спартанцам было строго-настрого запрещено, а в погоне за наживой, требующей бесконечных трудов и хлопот, не стало никакой надобности, поскольку богатство утратило всю свою ценность и притягательную силу. Землю их возделывали илоты, внося незначительную подать. Один спартанец, находясь в Афинах и услышав, что кого-то осудили за праздность и осуждённый возвращается в глубоком унынии, сопровождаемый друзьями, тоже опечаленными и огорчёнными, просил окружающих показать ему человека, которому свободу вменили в преступление. Вот до какой степени низким и рабским считали они всякий ручной труд, всякие заботы, сопряжённые с наживой!

Аристотель сообщает: Ликург не верил в то, что царей можно сделать совершенными людьми. Поэтому вместе с царями, когда они покидали страну, посылали в качестве сопровождающих лиц их личных врагов и считали спасением для государства, когда между царями происходили распри.

В противоположность большинству греков Ликург счёл необходимым и следующее. В других государствах каждый распоряжался сам своими детьми, рабами и имуществом, а Ликург, желая устроить так, чтобы граждане не вредили друг другу, а приносили пользу, предоставил каждому одинаково распоряжаться как своими детьми, так и чужими... Если мальчик, побитый кем-либо посторонним, жалуется отцу, считается постыдным, если отец не побьёт сына ещё раз. Настолько спартанцы уверены в том, что никто из них не приказывает мальчикам ничего постыдного.

Эфоры, вступая в должность, прежде всего объявляли войну илотам, чтобы убийство их имело законную силу... Они заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы, чтобы показать молодёжи, что такое опьянение. Им приказывали петь дрянные песни и танцевать смехотворные танцы, запрещая развлечения, подобающие свободному человеку. Кто говорит, что в Лакедемоне свободный до конца свободен, а раб до конца порабощён, совершенно верно определяет сложившееся положение вещей. (Из сочинений Плутарха, Аристотеля, Ксенофонта.)

предсказания, которые ей якобы сообщало само божество. Пифия назвала Ликурга «боголюбезным» и сказала, что Аполлон обещает дать Спарте самые лучшие законы.

Как рассказывает Плутарх, вернувшись из Дельф, Ликург вместе с 30 верными ему знатными гражданами приступил к осуществлению своего замысла. Он приказал друзьям вооружиться и выйти на площадь, чтобы запугать врагов и заставить всех подчиниться новым законам. Установление новых порядков, видимо, вызывало недовольство и сопротивление части богатых и знатных граждан. Однажды они окружили законодателя и, злобно крича, забросали камнями. Ликург бежал, но один из преследователей выбил ему палкой глаз.

По легенде, завершив реформы, Ликург собрал народ и, взяв с него клятву ничего не менять из установленных им порядков до его возвращения, снова отправился в Дельфы. В Дельфах он получил через оракула одобрение проведённым законам. Отправив это прорицание в Спарту, он сам решил больше туда не возвращаться, чтобы не освобождать народ от данной ему клятвы, и уморил себя голодом.

Установленные Ликургом порядки вызывали восхищение одних, осуждение и критику других. Одной из первых реформ Ликурга была организация управления гражданской общиной. Античные писатели утверждают, что Ликургом был создан совет старейшин (герусия) из 30 человек. 28 старейшин (геронтов) — не моложе 60 лет — избирались народным собранием граждан (апеллой). В герусию также входили и два царя, одной из главных обязанностей которых было командование армией на войне. Апелла первоначально, видимо, имела большую силу и решала все важнейшие вопросы в жизни общины. Со временем власть в государстве перешла в руки коллегии из пяти эфоров («надзирателей»).

В VIII в. до н. э. в Спарте, как и в других греческих полисах, возникла острая нехватка земли. Спартанцы решили эту проблему, завоевав соседнюю область Мессению, а её жителей обратили в рабство. Завоёванная земля и порабощённое население были объявлены собственностью всех граждан Спарты. И система управления, и верховная собственность всех граждан на землю — всё это ничем не отличало Спарту от других греческих полисов. Как и всюду в государствах Древней Греции, здесь действовал принцип: сообща владеем, сообща управляем, сообща защищаем. Но в Спарте он был проведён в жизнь с такой последовательностью, что это превратило её в нечто уродливое, в «исторический курьёз», по определению некоторых историков.

Причиной этого была особая форма рабства, возникшая в Древней Спарте. В большинстве греческих полисов большую часть рабов составляли пленные. Оторванные от родных очагов, разной национальности, они были разобщены и им было трудно договориться друг с другом и поднять мя-

теж против своих господ. Обращённое же в рабов (илотов) население Лаконии и Мессении оставалось жить там, где жили и их предки. Эти рабы вели самостоятельное хозяйство, имели имущество и семью. Своим хозяевам они платили подать (апофору), оставшейся же частью продуктов могли распоряжаться по своему усмотрению. Это создавало благоприятные условия для восстаний, которые илоты, во много раз превосходящие по численности своих господ, поднимали довольно часто.

Чтобы добиться согласия и мира, Ликург решил навсегда искоренить богатство и бедность в государстве. Всю землю, которой владела община, он поделил на примерно равные участки (клеры), 9 тыс. клеров получили спартанцы — по числу семей, 30 тыс. было отдано периэкам — жителям окрестных мест. Периэки не принадлежали к спартанской общине и не обладали гражданскими правами. Полученную землю нельзя было ни продавать, ни дарить. Обрабатывали её илоты, а периэки занимались ремеслом. Спартиаты же всякий труд, кроме военного дела, считали для себя позорным. Получив возможность довольно безбедно жить за счёт труда илотов, они превратились в воинов-профессионалов. Вся их повседневная жизнь стала постоянной и изнурительной подготовкой к войне.

Для сохранения всеобщего равенства Ликург запретил употреблять в Спарте золотые и серебряные монеты, которыми пользовались во всей Греции, и ввёл железные деньги, настолько тяжёлые, что даже для небольшой суммы требовалась целая повозка. На эти деньги можно было купить только то, что производилось в самой Спарте, периэкам же было строжайше запрещено производить предметы роскоши, разрешалось изготовлять только простую посуду и одежду, оружие для спартиатов. Все спартанцы, от царя до простого гражданина, должны были жить в совершенно одинаковых условиях. Специальными предписаниями указывалось, какие можно строить дома, какую одежду носить, и даже еда должна была быть у всех одинаковой. Спартанские граждане не могли полностью наслаждаться домашней жизнью, не могли по своему усмотрению распоряжаться своим временем. Вся их жизнь от рождения и до смерти проходила под неусыпным контролем. Спартанец вступал в брак, когда ему разрешала община, но молодые женатые мужчины ещё долгое время жили отдельно от своих семей. Даже дети не принадлежали родителям. Новорождённого младенца отец приносил в лесху, где заседали старейшины. Ребёнка внимательно осматривали, и если находили больным и хилым, то отправляли к Апотетам (обрыв на горном хребте Тайгет) и там оставляли умирать.

С семи лет мальчиков отбирали у родителей и воспитывали в отрядах (агелах). Суровая система воспитания была направлена на то, чтобы они выросли сильными, послушными и бесстрашными. Детей учили читать и писать, приучали подолгу молчать и говорить кратко и чётко (лаконично). Взрослые, наблюдая за детьми, нарочно их ссорили, вызывая драку, и следили, кто в драке ловчее и смелее. На год мальчикам выдавали только одно платье, мыться разрешали только несколько раз в год. Кормили детей скудно, приучали к воровству, но если кто-то попадался, то били нещадно, не за кражу, а за неловкость.

Возмужавших юношей после 16 лет подвергали очень суровому испытанию у алтаря богини Артемиды. Юношей жестоко бичевали, но они при этом должны были молчать. Некоторые не выдерживали испытания и умирали. Ещё одним испытанием для юношей были криптии — массовые убийства илотов, которые время от времени объявляли эфоры. Днём молодые спартанцы прятались в укромных уголках, а ночью выходили охотиться на илотов, убивая самых крепких мужчин, что позволяло держать илотов в постоянном страхе.

Воля законодателя и постоянная угроза со стороны илотов создали необычайно сплочённую гражданскую общину, не знавшую внутренних смут на протяжении нескольких столетий. Но спартанцы заплатили за это дорогую цену. Суровая дисциплина, военизация всех сторон жизни привели к духовному оскудению народа, экономической отсталости Спарты по сравнению с другими греческими полисами. Она не дала мировой культуре ни одного философа, поэта, оратора, скульптора или художника. Всё, что смогла создать Спарта, — это сильная армия. Безграничное право эфоров контролировать все стороны жизни общины сделало их власть, по определению Аристотеля, «близкой к тирании». Постепенно Спарта превратилась в оплот политической реакции для всей Греции.

Спартанцы сознательно проводили политику изоляции своей общины от внешнего мира. Она была направлена на то, чтобы чужие нравы и обычаи не могли проникнуть в «общину равных», но главная причина заключалась в том, что постоянная угроза восстаний илотов требовала мобилизации всех сил. Спарта не могла надолго и далеко уводить свою армию за пределы Пелопоннеса, поэтому в моменты большой опасности для всего эллинского мира она часто руководствовалась сугубо эгоистическими интересами. Это сказалось уже в период греко-персидских войн, когда Спарта готова была уступить персам большую часть Балканской Греции и греческие города на побережье Малой Азии. Взамен она предлагала всем желающим переселиться на территорию Пелопоннеса, готовая защищать его рубежи до последнего вздоха.

Жажда господства над всей Грецией привела Спарту к войне с богатыми и процветающими Афинами. Она вышла победительницей из Пелопоннесской войны, но ценой предательства интересов Эллады: получив помощь от Персии, Спарта превратилась в персидского надсмотрщика для эллинов. Война вывела Спарту из состояния искусственной изоляции, победа принесла богатство и деньги, и «община равных» вступила в период кризиса полиса в Греции.

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

В начале V в. до н. э. над Грецией нависла грозная внешняя опасность. К этому времени Персидская держава Ахеменидов переживала период расцвета (см. ст. «Древний Иран»). Её всё расширявшаяся политическая и военная экспансия непосредственным образом затронула и греческий мир. Первый удар персов приняли на себя восставшие малоазийские греческие полисы во главе с Милетом в 500 г. до н. э. Далее последовала первая попытка персов осуществить оккупацию Балканской Греции.

Поводом для прямого вторжения в материковую Грецию послужила помощь, которую Афины и Эретрия (на острове Эвбея, лежащем неподалёку от Аттики) ранее оказывали малоазийским ионийцам, восставшим против деспотической власти Ахеменидов. На ультимативное требование Дария I подчиниться ему ведущие полисы Эллады ответили решительным отказом. После этого персидский экспедиционный корпус высадился на Эвбее и опустошил её.

Фемистокл.

В 492 г. до н. э. войска под командованием Мардония, зятя царя Дария I (521—485 гг. до н. э.), вторглись во Фракию и захватили попутно некоторые из расположенных там греческих городов. Власть персов были вынуждены признать и правители соседней Македонии.

Затем Мардоний переправился в Аттику и на Марафонской равнине сразился со значительно уступавшим ему по численности ополчением афинян, на помощь которым успели прийти только отряды из беотийского города Платеи. Предводительствовавший афинской армией выдающийся полководец Мильтиад, бывший тиран Херсонеса Фракийского, хорошо знакомый с особенностями и тактикой персидского войска и умело использовавший особенности местности, сумел так построить греческие фаланги, что окружил и полностью разбил превосходящие силы противника. Остатки неприятельских войск в панике бежали на корабли.

С радостной вестью об одержанной победе в Афины был немедленно отправлен гонец. Воин пробежал без передышки 42 км 192 м и, сообщив согражданам о случившемся, упал замертво. Афинское войско также поспешило к родному городу. И, как оказалось, не зря. Персидский флот попытался застать афинян врасплох и напасть на почти лишённый защитников город, но опоздал и встретил на предполагаемом месте высадки своего десанта всё то же победоносное ополчение под командованием Мильтиада, после чего отправился обратно в Азию.

Ни Дарий I, ни наследовавший после него трон Ахеменидов его сын Ксеркс (485—465 гг. до н. э.) не могли примириться с неудачей, постигшей персов в Северной Греции. Долго и тщательно готовился новый поход на Элладу. Наконец в 480 г. до н. э. приготовления к нему закончились. Собралась огромная армия, в которую вошли воинские контингенты изо всех подвластных Ахеменидам земель и народов. Помимо персов здесь были родственные им мидяне, а также парфяне, бактрийцы и согдийцы (из Средней Азии), ассирийцы и армяне, финикийцы и арабы, египтяне и эфиопы, индийцы и многие другие. Эти разноплемённые полчища переправились через пролив на европейский берег по двум гигантским понтонным мостам. Но удалось это только со второй попытки: в первый раз буря разметала сооружения, и лично возглавлявший поход персидский царь, придя в бешенст-

во, приказал палачам отстегать плетьми водную гладь Геллеспонта (Дарданелл) за её непослушание великому владыке. Железным потоком текла масса вооружённых людей по северному берегу Эгейского моря всю весну и лето, пока не вступила на территорию Северной Греции.

К тому времени оформилась противостоящая персам коалиция эллинских полисов. Верховное руководство в ней было предоставлено Спарте, как имевшей самую боеспособную сухопутную армию. Но не менее важную роль играли на практике и Афины, располагавшие наиболее значительными военно-морскими силами. Инициатором создания крепкого афинского флота выступил виднейший политический деятель и военачальник Фемистокл.

Первое столкновение армии Ксеркса с греками произошло у Фермопил. В этом чрезвычайно удобном для обороны месте, где дорога из Северной в Среднюю Грецию шла по узкому проходу между скалистыми горными кручами и болотистым берегом моря, эллинские военачальники надеялись остановить продвижение несметных вражеских полчищ. Однако сил, достаточных для выполнения этой задачи, своевременно подготовлено не было.

Правда, командовавший сосредоточенными здесь греческими контингентами спартанский царь Леонид I так умело организовал оборону Фермопил, что персы, несмотря на беспрерывные атаки и огромные людские потери, никак не могли преодолеть это неожиданно возникшее и, казалось бы, совершенно незначительное препятствие. Только когда один предатель из числа местных жителей, рассчитывая на щедрую награду от Ксеркса, указал врагам ведущую через горы обходную тропу, всё решил подавляющий численный перевес персидских войск.

Леонид, поняв безвыходность ситуации, отпустил всех союзников. Сам царь и с ним 300 отборных воинов-спартанцев, а также добровольцы из беотийского города Феспия остались прикрывать отход своих и все до единого пали со славой в неравном бою.

Путь в Среднюю Грецию для персов был теперь открыт. Крупнейший полис Беотии — Фивы, и раньше склонявшийся на сторону Ксеркса, теперь поспешил признать его власть. Вся Аттика подверглась опустошению, Афины лежали в руинах, а их жители бежали, спасаясь, на близлежащие острова — Саламин и Эгину, а также в город Трезена (в Арголиде). Спартанцы и их ближайшие соседи-союзники сосредоточились на Истме (Коринфском перешейке), чтобы защитить единственный сухопутный путь, ведущий к ним на Пелопоннесский полуостров.

Афиняне, оказавшиеся в самом бедственном положении, сделали всё, чтобы произошло генеральное сражение общеэллинского флота с персидским. Оно завязалось в Саламинском проливе у берегов Аттики 28 сентября 480 г. до н. э. Более лёгкие и манёвренные греческие корабли, среди которых преобладали афинские (с экипажами, хорошо знавшими тамошнюю акваторию, изобиловавшую подводными камнями и мелями), дружно и решительно атаковали противника и нанесли ему сокрушительное поражение. В подготовке и успешном проведении этого исторической важности сражения решающую роль сыграл Фемистокл.

Опасаясь после саламинского разгрома, что греки разрушат сооружённую им понтонную переправу через Геллеспонт и лишат его возможности вернуться в Персию, Ксеркс поспешил начать отступление по уже знакомому пути вдоль западного и северного берегов Эгейского моря. В Греции он оставил с большим войском Мардония, отошедшего для зимовки на север — в союзную персам Фессалию.

В кампании следующего, 479 г. до н. э. фактически решилась судьба эллинских полисов Средней Греции. Весной возобновилось наступление персов, действовавших вместе с фессалийцами и фиванцами. Мардоний вторгся в Аттику, и её население вновь было вынуждено искать убежища на Саламине. Но вторичное взятие Афин оказалось последним успехом Мардония.

Чтобы заставить Спарту вместо пассивной обороны Истма перейти в наступление, фактически предоставленные собственной судьбе афиняне, платейцы и мегарцы пригрозили своим союзникам заключением сепаратного мира с персами. Угроза подействовала: Спарта и другие полисы Пелопоннесского союза послали, наконец, за Истм достаточно большое войско под предводительством Павсания, племянника героя Фермопил — царя Леонида.

Мардоний отступил тогда в Беотию. Там у города Платеи в 479 г. до н. э. произошла жестокая сеча, в которой главнокомандующий персов погиб и его армия полегла почти целиком (её остатки поспешили к Геллеспонту).

Приблизительно в то же самое время, в сентябре 479 г. до н. э., произошёл бой у мыса

Парфенон.

Микале (на малоазийском побережье, напротив острова Самос), в ходе которого десант, высаженный с эллинских кораблей, уничтожил главную базу ахеменидского флота. С этого момента наступил коренной перелом в ходе греко-персидских войн: угроза независимости эллинских полисов в Средней Греции исчезла, и на повестку дня встал вопрос об освобождении эллинских городов Малой Азии.

Главная роль в антиперсидской коалиции по праву принадлежит Афинам. В 478 г. до н. э. создаётся оборонительно-наступательный союз, центром которого провозглашается Делос — остров в сердце Эгеиды, почитаемый как священное владение бога Аполлона. В рамках нового политического объединения роль гегемона закрепляется за Афинами.

С образованием Делосского (Первого Афинского морского) союза боевые действия против войск Ахеменидской державы то затухают, то опять активизируются. Наиболее значительные вехи завершающих этапов греко-персидских войн — морские победы афинян при устье реки Эвримедонт (на юго-западе Малой Азии) в 469 г. до н. э. и около города Саламин (на Кипре) в 449 г. до н. э. В конце концов Ахемениды признали полную независимость всех эллинских полисов, что было зафиксировано в 449 г. до н. э. Каллиевым миром, получившим своё название по имени заключившего его с царём Персии знатного афинского посла.

ФИЛИПП II И АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Филипп II занял трон Македонии совсем молодым — в 23 года. В 359 г. до н. э. Македонии грозило вторжение иллирийцев. После гибели царя Пердикки III страна осталась без правителя, за исключением малолетнего сына Пердикки III Аминты. Соседи Македонии — Афины, чьё влияние простиралось до севера Балканского полуострова, и фракийцы готовы были подчинить своему влиянию небольшое и несильное государство. Однако брат убитого царя Филипп сумел уладить дело, откупившись от фракийцев золотом, а от Афин — чрезвычайно нужным им городом Амфиполем. В благодарность за это народ провозгласил Филиппа царём вместо малолетнего Аминты.

Сознавая необходимость расширения государства, Филипп начал с армии. В юности, побывав в качестве заложника в Фивах, он кое-чему научился у одного из лучших стратегов того времени — Эпаминонда. Именно царь Филипп II изобрёл знаменитую македонскую фалангу, модернизированную за счёт удлинения копья. Немало внимания уделял государь и артиллерии, для создания которой пригласил лучших механиков из города Сиракузы.

Филипп II. Слоновая кость. IV в. до н. э. Найдено в Вергине (Греция) в царской усыпальнице (фамильном склепе македонских царей).

Имея в резерве такую сильную армию, Филипп II мог всерьёз подумать о превращении маленькой Македонии в богатое и влиятельное государство. Горько пожалели Афины, что, польстившись на богатую взятку, оставили без внимания столь прыткого юнца. Филипп отобрал у них Амфиполь, прихватив ряд других городов, подвластных Афинам, и тут же отдал часть из них своим восточным соседям — Халкидскому союзу городов во главе с Олинфом, предотвратив их намерение поддержать Афины. Затем Филипп, пользуясь спором между Афинами и Фивами за остров Эвбея, захватил и его вместе с Пангейской областью и золотыми рудниками. Используя богатство, которое оказалось в его руках, Филипп начал строить флот и с помощью торговли стал активно влиять на Грецию. В результате стремительных действий Филиппа II Халкидский союз оказался полностью отрезанным от Средней Греции.

В IV в. до н. э. Греция была ослаблена Пелопоннесской войной и кризисом полиса. Ни одно греческое государство не могло претендовать на роль объединителя или миротворца. Греки предъявляли претензии друг другу по поводу и без повода, каждый раз создавались новые союзы, появлялись новые враги. В 355 г. до н. э. разразилась Священная война, продолжавшаяся до 346 г. до н. э. Жители города Фокида неожиданно захватили земли, принадлежащие храму Аполлона. Святотатцев попытались обуздать Фивы. Однако фокидяне в ответ захватили храм Аполлона в Дельфах и на награбленные деньги наняли 20-тысячную армию. Так как в Македонии и Элладе верили в одних и тех же богов, Филипп II

по просьбе Фив тут же выступил горячим защитником обиженного Аполлона. Несмотря на ряд неудач, Филипп разбил в Фессалии войска фокидян (352 г. до н. э.) и освободил Дельфы. 3 тыс. пленных во искупление святотатства были утоплены в море, а тело их погибшего военачальника Ономарха распяли на кресте. Теперь самое время было наказать и преступный город Фокида. Однако Афины, быстро сообразив, что македонцы просто хотят пробраться в Среднюю Грецию, грудью встали на защиту единственного пути — Фермопильского прохода.

Филипп II, решив не испытывать судьбу, повернул на север. Он уже давно с интересом посматривал на богатый Олинф, который теперь оказался со всех сторон окружённым македонскими землями, и приговаривал: «Или олинфцы должны удалиться из своего города, или я — из Македонии». Стремительно захватив мелкие города Халкидского союза, македонцы осадили Олинф. Осада длилась год. Благодаря дипломатии Филиппа помощь из Афин, о которой умоляли халкидяне, опоздала, город был взят и разрушен в 348 г. до н. э.

Теперь и афиняне, дорожившие остатками своего влияния во Фракии, согласились заключить мир с Македонией (Филократов мир 346 г. до н. э.) и увели армию из Фермопил. Все хитроумные планы спасти Фокиду разбились о коварство, вероломство и золото македонца. Фокида пала, а её голоса в Амфиктионии (союзе греческих полисов — охранителей храма Аполлона в Дельфах) достались Филиппу, который теперь уже как эллин мог вмешиваться в греческие дела на законных основаниях. К тому же к македонцу перешла часть греческих укреплений на границе Средней Греции и Фермопил. Отныне проход в Среднюю Грецию был всегда открыт для нового хозяина.

Принципы полисной жизни в IV в. до н. э. начали рушиться. И вот совершенно неожиданно появился Гераклид (потомок Геракла, именно от него Филипп II отсчитывал свой род), который мог бы взять на себя роль объединителя или всеобщего врага, что тоже сплотило бы полисы. После победы над Фокидой популярность Филиппа в городах возросла.

Во всех полисах шла борьба между сторонниками и противниками македонского царя.

Лучшие афинские ораторы Исократ и Эсхин поддерживали Филиппа, считая, что он и есть та великая личность, которая возродит древнюю Элладу, если объединит её под своей сильной властью. Ради величия Греции они готовы были распрощаться с независимостью родного города. Исократ утверждал, что гегемония Филиппа будет благом, потому что он и сам является эллином и потомком Геракла. Филипп II щедро одаривал золотом своих сторонников, справедливо полагая, что «нет такой высокой городской стены, через которую не мог бы перешагнуть осёл, нагруженный золотом».

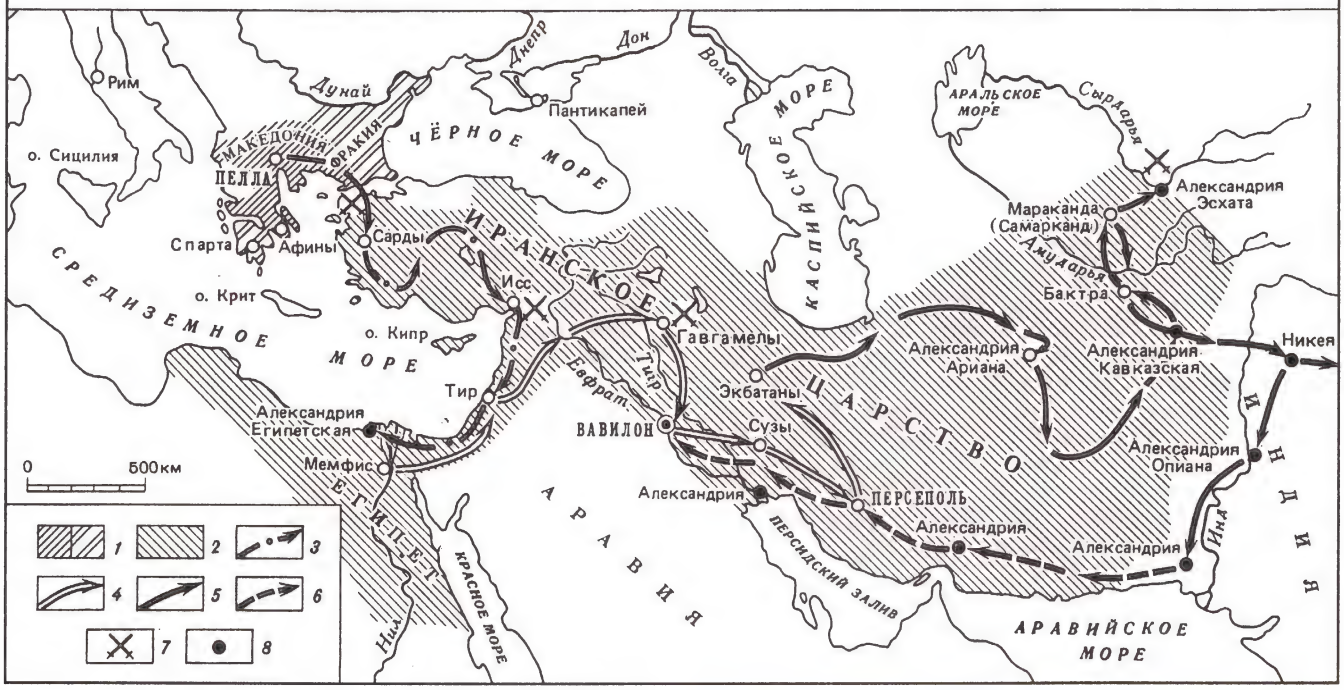
Противник Филиппа, лидер антимакедонской партии афинский оратор Демосфен призывал греков к борьбе против захватнической политики македонского царя. Он называл Филиппа коварным варваром, стремящимся прибрать Грецию к рукам. Однако не грекам, давно забывшим, что такое честь, было упрекать Филиппа в вероломстве, нечестности, лукавстве, непорядочности и властолюбии. Скольких преданных ими союзников и поверивших лживым обещаниям противников оставили на своём историческом пути Афины, рвущиеся к власти!..

Несмотря на успехи сторонников Филиппа, его противникам удалось одержать верх. Демосфен смог убедить Афины, а с ними и другие греческие города, в необходимости дать отпор лицемерному и агрессивному македонцу. Он добился создания антимакедонской коалиции греческих полисов.

Хитрый Филипп решил нанести удар по проливам Боспор Фракийский и Геллеспонт, чтобы отрезать Среднюю Грецию от её черноморских владений. Он осадил Византий и персидский город Перинф. Однако на этот раз, нейтрализовав сторонников Македонии, Афины успели оказать помощь Византию. Перинфу же помог возмущённый персидский царь Дарий III. Филипп отступил (340 г. до н. э.). Это было ощутимое поражение. Средняя Греция могла ликовать. Филипп решил пока не ворошить это осиное гнездо, предоставив действовать своим сторонникам, золоту и времени. Его выжидательная политика принесла прекрасные плоды. Греция не могла долго жить в мире. В 399 г. до н. э. началась 4-я Священная

Александр Македонский. Слоновая кость. IV в. до н. э. Найдено в Вергине (Греция) в царской усыпальнице (фамильном склепе македонских царей).

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ ВОЙСК АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО в 334—325 гг. до н.э.



1 — Македонское царство и зависимые от него территории;
2 — территория Персидского царства к 334 г. до н. э.;
Направления походов Александра Македонского:
3 — в Малую Азию и Египет;
4 — в центр Персии;
5 — в Среднюю Азию и Индию;
6 — возвращение в Вавилон;
7 — места значительных сражений;
8 — важнейшие города, основанные Александром Македонским.

война. На этот раз жители города Амфиссы, поддержанные Афинами, покусились на земли дельфийского храма. Амфиктиония, по предложению сторонника Македонии Эсхина, вспомнив о ревностном защитнике Дельф, обратилась к Филиппу II с просьбой заступиться за оскорбляемое божество. Филипп быстрее ветра примчался в Среднюю Грецию, без усилий наказал Амфиссу и неожиданно для всех и даже для своих друзей фессалийцев завладел городом Элатеей при Кефиссе, который был ключом к Беотии и Аттике.

В стане союзников началась паника. Фивы, оказавшиеся прямо перед войском Филиппа II, трепетали от страха. Однако не растерявшийся Демосфен, приехавший в город, сумел поднять боевой дух граждан и уговорил их присоединиться к антимакедонскому союзу, во главе которого стояли давние противники Фив — Афины.

Объединённая армия двинулась против македонского царя. Филипп II ещё раньше определил свою тактику: «Я отступал подобно барану, чтобы сильнее ударить рогами». Возможность нанести удар после двух неудачных сражений ему представилась 2 августа 338 г. до н. э. при Херо-

Филипп II брал сыновей знатных соотечественников в свою свиту, чтобы приучить их к труду и воинским обязанностям, беспощадно наказывая за склонность к изнеженности и лести. Так, он приказал бить одного юношу, который самовольно покинул строй, желая утолить жажду, а другого казнил за то, что тот не исполнил приказа не снимать оружия и пытался лестью и угодничеством добиться расположения царя.

Одержав победу при Херонее над афинянами, Филипп был очень горд собой. Но, чтобы тщеславие не очень ослепило его, он приказал своему слуге каждое утро говорить ему: «Царь, ты — человек».

Греки не переставали подшучивать над Александром Великим, желавшим убедить всех, что он не человек, а божество. Когда однажды стало известно, что Александр заболел и врач прописал ему лечебное питьё, они повторяли слова некоего насмешника: «Надежды нашего божества на дне чашки».

Мать Александра Македонского, Олимпиада, узнав, что её сын долгое время лежит без погребения, горевала и говорила: «Дитя, ты стремился к доле небожителей, ныне тебе отказано даже в том, что получают все люди на земле, — в могиле».

нее. В этой битве впервые участвовал Александр — будущий царь Александр Великий.

Битвой при Херонее завершилось завоевание Греции Македонией. Все греки, и в первую очередь афиняне, ждали кровавой расправы и заранее оплакивали свои древние города. Но Филипп обошёлся с побеждёнными удивительно мягко. Он не требовал капитуляции и предложил им союз. На такого дипломатичного, образованного и великодушного Филиппа Греция смотрела с восхищением. Была забыта обидная кличка «варвар», и все сразу вспомнили, что он Гераклид.

В 337 г. до н. э. по инициативе Филиппа II в Коринфе был созван общегреческий «конгресс» (сбылась мечта Перикла!), который образовал Панэллинский союз — в него не вошла только Спарта — и объявил Филиппа гегемоном Греции. И напрасно Демосфен в своё время пугал афинян: «Ему (Филиппу) ненавистны больше всего наши свободные учреждения... ведь ему прекрасно известно, что если он покорит своей власти все народы, прочно владеть чем-нибудь он не будет до тех пор, пока у вас существует народоправство». Политический строй полисов Филипп оставил без изменений, и провозглашённый Священный мир (наконец-то мир!) запрещал им вмешиваться в дела друг друга. Более того, для торжества общегреческой идеи и сплочения греков Панэллинский союз объявил войну Персидской державе, назначив Филиппа II стратегом-автократором.

Но он не успел начать новой кампании. В 336 г. до н. э. Филипп был убит. Продолжать его дело должен был так мало похожий на отца Александр. Если Филипп был гением дипломатии, то Александр стал божеством войны.

Александр родился в конце июля 356 г. до н. э. в столице Македонии — Пелле. Сын поклонника греческой культуры, Александр помимо военного дела и верховой езды изучал музыку, математику и греческую литературу. Восхищение великими творениями эллинов у молодого македонца было столь велико, что он даже в походах возил с собой «Илиаду» Гомера и клал её ночью у изголовья рядом с мечом. Правда, вдохновляли его не стихи, а подвиги героев. Но даже греческая литература не смогла смягчить страстный и необузданный характер Александра — он всегда сравнивал себя с Ахиллом, от которого по матери, неистовой и властолюбивой Олимпиаде, вёл свой род. Не смог с ним справиться и знаменитый философ Аристотель, который по выбору царя Филиппа должен был стать наставником 13-летнего подростка.

Помимо этики и философии Аристотель преподавал Александру и науку о государстве. Но до «идеального полиса» великого учителя было далеко. Македония была полна знатных семейств, стремившихся контролировать царя. Греция после смерти Филиппа II решила отвоевать утраченную свободу.

Своё правление Александр начал с того, что уничтожил всех возможных претендентов на престол, а затем напомнил Элладе о македонском владычестве. Первоначальная демонстрация силы у границ заставила греков одуматься, и они признали за Александром все права убитого Филиппа II: молодого царя избрали архонтом, стратегом-автократором Эллады и объявили гегемоном. Александр спокойно отбыл на север на войну с варварами.

Однако первыми не выдержали Фивы, подстрекаемые Афинами, которые были невысокого мнения о способностях Александра. Одно дело разбить какие-то варварские племена, другое — взять один из крупнейших городов Греции. По силам ли это мальчишке? Оказалось, что да. Войско Александра быстрым маршем (за 13 дней) дошло из Фракии до Фив. И, несмотря на мужественное сопротивление лучшей в Греции фиванской армии, город был взят. Александр, по выражению древнегреческого историка Диодора, «озверел душой». Все жители города, за исключением жрецов и сторонников македонцев, были проданы в рабство (30 тыс. человек), мужское население истреблено, а сам город стёрт с лица земли. Видимо, как дань уважения к греческой литературе царь оставил среди чистого поля лишь дом поэта Пиндара. Только тогда греки по достоинству оценили бархатную политику Филиппа II, когда Александр показал им «железный кулак».

Теперь потерявшие всякую надежду греки были умиротворены, и Александр решил наконец начать войну с державой Ахеменидов. Эта война должна была восприниматься греками как отмщение за поругание эллинских святынь в предыдущих греко-персидских войнах. Желание Александра, который «мечтал унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, а битвами, войнами и борьбой за славу» (как писал Плутарх), кажется, было близко к осуществлению. Чтобы отрезать себе путь назад, Александр роздал большую часть своих земель в Македонии и с надеждой устремил жаждущий славы взор на Восток. В 334 г. до н. э. Александр метнул копьё в азиатский берег, заявив таким образом свои права на эту территорию, и высадился на побережье Малой Азии с 50-тысячной армией.

Александр так рвался в бой, что, встретив противника у реки Граник в 334 г. до н. э., тут же приказал коннице вплавь переправиться на другой (крутой!) берег реки и напасть на неприятеля (по мнению опытных полководцев, это был безумный план). Сражение, начавшееся в воде, с не ожидавшими такого напора персами было выиграно! Окрылённый первым успехом полководец, грабя и разоряя всё на своём пути, вихрем промчался по городам Малой Азии, освобождая их от персидского господства (но не предоставляя, однако, им независимости).

В Гордионе Александр продемонстрировал всем, как он решает сложные проблемы. В этом городе находилась знаменитая повозка, к дышлу которой, по преданию, фригийский царь Гордий привязал ярмо запутанным узлом (гордиев узел).

Предсказание гласило, что тот, кто развяжет этот узел, получит господство над миром. Повозившись с хитросплетением верёвок, Александр, видя безрезультатность своих попыток, в бешенстве разрубил узел мечом.

Персидский царь Дарий III Кодоман искал встречи с захватчиком. Персия и Мидия издавна славились своей конницей, которая была сильна на ровных пространствах. Персидский царь не меньше Александра был уверен в своих силах и так спешил на встречу с незваным гостем, что, не слушая никаких советов, вступил на пересечённую местность Киликии, решив зайти Александру в тыл. Теперь персы не могли воспользоваться своей знаменитой конницей и даже численным превосходством (по мнению древних историков, войско Дария III превосходило македонское в три раза).

12 ноября 333 г. до н. э. состоялась битва на реке Пинар у города Исс. Македонские войска медленно подошли к противнику и с ходу двинулись в атаку. Иранцы начали отступать под натиском греков и македонцев. Александр, сражавшийся в первых рядах, заметил Дария на золочёной колеснице в центре войска и рванулся к нему, не замечая раны и всё круша на своём пути. Быстрый, неистовый, порывистый, он стремился покончить дело одним ударом — единоборство царей должно решить, кому из них властвовать в Азии. Но Дарий, стоявший среди сражающихся и умирающих телохранителей и вельмож, увидев так близко упоённого боем македонского царя, первым из своего войска бросился спасаться. После этого даже успешно теснивший македонцев левый фланг персов обратился в бегство. Началась паника, которая закончилась сокрушительным поражением персидской армии. В плен к Александру попала вся семья персидского царя.

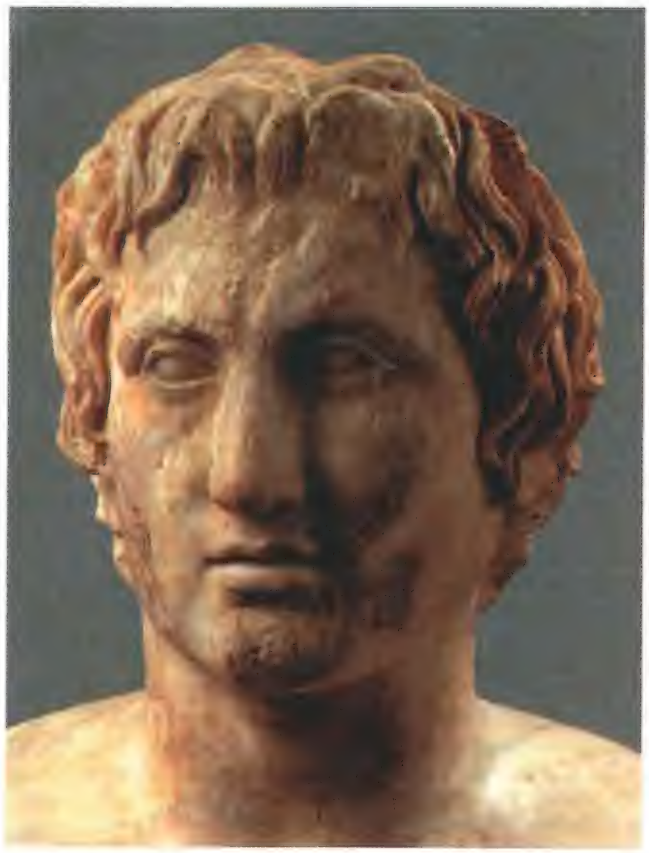
Войдя в походную палатку Дария, которая скорее напоминала дворец, воспитанный в суровых условиях македонский царь, не видевший подобной роскоши в скудной Греции, озадаченно произнёс: «Вот это, по-видимому, и значит — царствовать».

Сбежавший персидский царь в ближайшее время был не опасен, и Александр отправился завоёвывать города Сирии и Финикии, которые были старинными соперниками греков в морской торговле. По пути он легко взял роскошный Дамаск, где оставалась походная казна Дария. Вот тут-то и македонцы почувствовали вкус к роскоши. Но полководец не дал им вдоволь насладиться восточной негой и блеском золота. Он нетерпеливо гнал войско вперёд. Александр, привыкший к быстрому взятию городов, вынужден был долго осаждать город Тир, который упорно не желал сдаваться. Тир вынудил македонцев к длительной осаде. Даже бог Аполлон, по легенде, явившийся во сне к стойким горожанам, не смог их уговорить сдаться Александру. Жители Тира признали Аполлона предателем, опутали его статую верёвками, пригвоздив к цоколю (чтобы не ушёл к Александру), и обозвали александристом. Однако и эти меры не помогли, и после семимесячной осады город был взят. Не прощающий сопротивления, разъярённый Александр приказал казнить 6 тыс. пленных, 2 тыс. распял и 30 тыс. продал в рабство. Такая же участь постигла и город Газу в Палестине.

Пока Александр вершил расправу, Дарий безуспешно подсылал к нему убийц. Когда же ему не удалось устранить соперника, Дарий отправил к Александру послов с предложением мира и союза. Но в ответ македонский царь потребовал безоговорочной капитуляции. Послы уехали ни с чем, а Александр отправился в Египет.

Египет, желающий сбросить иго персов, сдался без сопротивления. Александр был провозглашён сыном бога Амона и царём Нижнего и Верхнего Египта.

Новоявленный фараон недолго оставался в Египте. Против «сына бога» снова выступил Дарий III с огромным войском. Две армии встретились у деревушки Гавгамелы (331 г. до н.э.). На этот раз Александр на все изумлённые вопросы друзей, которые привыкли к его атакам с ходу, ответил: «Я не краду победы». Царь велел воинам отдыхать. А Дарий со своей миллионной (как считает древнегреческий историк Арриан) армией простоял всю ночь, ожидая нападения. И когда отдохнувшие македонцы пошли в атаку, из-



Александр Македонский.
Римская мраморная копия с греческой статуи. IV в. до н. э.

нурённая ночным стоянием персидская армия оказала им вялое сопротивление. Большая численность обернулась для них недостатком: из-за своей скученности персы представляли собой прекрасную мишень для македонских копий и мечей. И опять, оказавшись в самой гуще схватки, первым не выдержал Дарий III. Александр, рванувшийся к нему, успел заметить только удаляющуюся спину царя. Началось избиение отступавшего в панике персидского войска.

В битве при Гавгамелах македонцы нанесли решающее поражение войскам персов. После этой битвы в Азии остался только один владыка — Александр Македонский, который в Сузах воссел на трон Ахеменидов. Сокровища Суз были сложены у ног царя: царская казна Дария III в 50 тыс. талантов (1310 т) серебра — дань почти всех народов мира.

Но Сузы и Вавилон не были конечной целью Восточного похода Александра. Оставалась ещё столица Персии — Персеполь. Разная судьба была у двух столиц одного государства! Если в Вавилоне Александр не тронул ни одного камня, то Персеполь отдал на разграбление своему войску. Мечи греков и македонцев не знали пощады. В довершение всего разгорячённый вином и неразумными речами гетеры Таис из Афин, Александр приказал поджечь город.

После покорения столицы Ахеменидов Александр отпустил союзников-греков. Война эллинов с Персией окончилась. Начиналась война Александра Македонского за владычество над ойкуменой — известным людям миром.

Но пока был жив Дарий III, Александр не мог спокойно властвовать. У персидского царя было ещё достаточно сатрапий — областей, порой включающих целые страны, где он опять мог собрать войска. И Александр кинулся в погоню за Дарием, попутно подчиняя себе оставшиеся части державы Ахеменидов. В июле 330 г. до н. э. царь догнал своего соперника. С радостными возгласами, подгоняя коня, он буквально летел к тому месту, куда ему указывали, и наконец настиг Дария. Тот умирал, покинутый всеми, предательски сражённый своим сатрапом Бессом. Сойдя с коня, Александр попытался расслышать его предсмертные слова. Когда же Дарий III испустил дух, Александр возвестил войску, что иранский царь сделал его своим преемником. Не напрасно он воссел на трон Ахеменидов, приносил жертвы богу Мардуку в Вавилоне и приказал восстановить гробницу Кира — основателя персидской державы! Отныне Александр стал «законным» преемником и наследником Дария III на персидском троне.

Александр с удивительной лёгкостью усвоил восточные методы управления. Он всё-таки не был греком, а только прикоснулся к греческой культуре, но не впитал её, несмотря на свою любовь к Гомеру. Его намного больше прельщало всевластие и вседозволенность правителя Азии, чем простота и непритязательность царя Македонии. Александр надел придворную персидскую одежду, чем вызвал немало затаённого веселья у македонцев, обзавёлся гаремом из 300 наложниц. Он требовал, чтобы перед ним падали ниц, чтобы старые друзья испрашивали у него аудиенции. Горе было тому, кто не принимал подарков царя, — Александр никогда не прощал этого. Щедрой рукой одаривал он тех, кто жаждал богатств. Повелитель Азии устраивал пышные приёмы и приказал почитать себя как бога.

Македонская знать, пытавшаяся критиковать «божественного» Александра, поплатилась за свою самонадеянность: казни полководцев Парменио на и Филоты заставили её замолчать. Несдержанный и упрямый, Александр не выносил покушения на своё царское достоинство — жертвой его необузданности и деспотичности стал Чёрный Клит, друг его детства, спасший ему жизнь в битве при Гранике. Взбешённый дерзкими речами Клита, царь убил его на пиру.

Но роскошный двор и пышные церемонии не могли удержать Александра, жадный взор которого, не успев оглядеть приобретённого, уже устремился к иным землям.

Поводом к новым походам стало то, что убийца Дария III Бесс тоже провозгласил себя царём Персии. Войско Александра, перевалив через горы, заняло Бактрию (ныне часть Афганистана) и, с невероятными трудностями одолев безводную пустыню, вошло в Согдиану (часть Средней Азии). Бесс был схвачен и умер под страшными пытками.

В Средней Азии Александр показал себя ещё менее человечным, чем прежде: Бранхиды, Среднеазиатская Газа, Кирополь были стёрты с лица земли. Даже деревьев не щадили мечи владыки Азии, оставлявшего после себя вместо оазисов голую пустыню. Надолго запомнила эта древняя земля тяжёлую руку Александра Македонского! Хуже варваров оказался этот неверный ученик греческих философов. Впрочем, и философов не щадил бешеный нрав Александра: философ Каллисфен, посмевший критиковать его восточную политику, умер в тюрьме.

Из разорённой Средней Азии Александр Македонский отправился в сказочную Индию (327 г. до н. э.). Покорив Пенджаб и основав города Никею и Букефалию, Александр рвался за Инд к последнему, как ему хотелось надеяться, Восточному морю. Но победный марш был остановлен его собственными войсками. Македонцы, которые восемь лет без устали завоёвывали для Александра обитаемый мир, не выдержали. Они отказались переходить реку Гефасис (Биас) перед долиной Ганги (326 г. до н. э.). Ни угрозами, ни уговорами, ни обращением к богам и воинской чести царь не смог заставить своих воинов сделать даже шаг вперёд. И повелитель Азии повернул назад. Но напоследок, в назидание и устрашение потомкам, он велел оставить на месте последней стоянки «лагерь великанов». Огромные палатки, оружие, конюшни и 12 грандиозных алтарей должны были убедить всех, что здесь останавливались гиганты.

Но Александр не пошёл обратно старым путём — он решил дойти до океана, если не на востоке, то на юге. Македонские войска, спускаясь по Инду, покоряли города на его берегах и уничтожали жителей.

Дойдя до заветной глади Индийского океана, Александр решил с частью войск возвращаться по суше, а своего друга и военачальника Неарха с другой частью армии отправил добираться домой морем. Возможно, впоследствии Александр горько пожалел, что выбрал для себя такой путь. Его дорога лежала через горячие, коварные и безводные пески Юго-Восточного Ирана. Три четверти победоносного войска осталось в жгучих песках Гедрозийской пустыни.

Вступив в свои владения, Александр узнал, что в его огромном царстве далеко не всё спокойно. Многие сатрапы, перешедшие к нему ещё от Дария III и оставленные царём на своих постах, охотно поверив слуху о гибели Александра, решили образовать собственные государства. Много скатилось голов этих новоявленных царей и начальников гарнизонов, повинных в злоупотреблении властью. Но окончательного порядка в своей огромной державе Александр установить так и не сумел. Он победил Персидскую державу, воспользовавшись главной её слабостью — раздробленностью, но не искоренил этот порок.

Битва при Иссе. Царь Дарий и его воины бегут под натиском армии Александра Македонского. Античная мозаика.

Армия Александра теперь перестала быть чисто греческой — более чем половину её составляли жители покорённых стран. Даже высшие военные должности могли получать персы и мидийцы.

Столицей своего государства Александр Македонский сделал Вавилон. Основанные Александром новые города должны были стать опорой греко-македонских правителей в Азии. Огромная держава, созданная в результате завоеваний Александра Македонского, простиралась от Дуная до Инда и была самым крупным государством Древнего мира.

В 324 г. до н. э. Александр начал готовиться к новым походам. Следующей его жертвой должно было стать Средиземноморье: Карфаген, Северная Африка, Сицилия, Испания, Италия. На разведку западного побережья Африки Александр собирался послать флот Неарха, который впоследствии, отправившись исполнять завет Александра, так никогда и не вернулся.

Но царь не успел завершить начатое. 23 июня 323 г. до н. э. Александр Македонский, владыка половины мира, умер в Вавилоне от лихорадки, не осуществив всех своих планов. После смерти Александра Великого его империя, лишённая прочной внутренней связи, развалилась как карточный домик. Его полководцы поделили мир между собой, а гроб с телом Александра увёз в свою часть владений правитель Египта Птолемей Лаг, который сделал Александра богом-покровителем своего рода (см. ст. «Эллинистические государства»).

Долгая память осталась в веках об Александре Македонском. И причина этого — не его держава, которая распалась сразу после смерти царя. Не был он и основателем новой династии: два его сына — Александр и Геракл — ещё юными погибли в кровавых распрях. Вызывали восторг и зависть его молодость и та лёгкость, с которой он завоевал полмира. Сколько будущих великих полководцев повторяли слова Александра: «20 лет — и ничего для бессмертия!». Цезарь с восхищением думал об удивительной судьбе Александра Великого. Наполеон и Суворов зачитывались книгами о его походах. Сколько легенд ходило по миру и сколько восточных правителей выводили свой род от Искандера Двурогого (так на Востоке называли Александра). Многие из основанных им городов (более 30) в разных частях света, носящие его имя, напоминали о великих завоеваниях. Некоторые сохранились до нашего времени: Искендерун (Александрия при Иссе), Аль-Искандария (Александрия Египетская), Герат (Александрия в Арии), Кандагар (Александрия в Арахосии), Ходжент (Александрия Крайняя).

И пусть спартиаты, которых царь принуждал почитать себя как Олимпийца, насмешливо заявляли: «Предоставим Александру, если ему так хочется, называть себя богом», — он всё-таки стал им. Стал кумиром юных умов, воплощением удачи, волнующей легендой и удивительной былью для современников и потомков.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА

В 323 г. до н. э., не завершив своих планов создания мировой державы, умер Александр Македонский. Его неожиданная и загадочная смерть на тридцать третьем году жизни застала всех врасплох. Говорят, когда полководцы спросили умирающего царя, кому он предназначает престол, Александр ответил: «Достойнейшему». Началась борьба за власть. Полководцы, собравшись в Вавилоне, после долгих споров решили признать царём Арридея, слабоумного побочного сына Филиппа II, единокровного брата Александра. Арридей получил на троне имя Филиппа III. Законным наследником Александра должен был стать ребёнок, которого ждала его жена Роксана, если это будет мальчик. Ему также предназначался титул македонского царя. Регентом был назначен хилиарх Пердикка. Тело Александра захватил его гетайр Птолемей и отправил в бочке с мёдом в Александрию, где похоронил в роскошном саркофаге (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»). Стратегом европейской части империи Александра был оставлен македонский полководец Антипатр.

Огромная империя Александра была поделена между его соратниками (диадохами). Получившие сатрапии (области управления) диадохи, не имея над собой жёсткого контроля со стороны центральной власти и не испытывая перед ней страха после смерти Александра, начали успешно укрепляться на своих землях. Регент Пердикка при поддержке Эвмена, который долгое время был секретарём Александра, попытался активно вмешиваться в дела сатрапий, требуя от диадохов отчёта и повиновения. Против регента и Эвмена выступили Птолемей Лаг, Антигон Одноглазый, Кратер и Антипатр. Пердикка был убит, Кратер погиб, а талантливый Эвмен в результате предательства оказался в руках стратега Азии Антигона, который предпочёл избавиться от опасного противника.

В 317 г. до н. э. территории были заново распределены между победителями. Антигону Одноглазому досталась почти вся Малая Азия, Птолемей прочно укрепился в Египте, Лисимах — во Фракии, Селевк — в Месопотамии; Кассандр, сын Антипатра, начал борьбу за власть над Грецией.

Антигон ни с кем не пожелал делиться приобретёнными территориями, и в 315 г. до н. э. с новой силой вспыхнула война между диадохами. Антигон сумел покорить почти всю Азию, но был не в состоянии контролировать столь огромную территорию и не смог после поражения своего сына Деметрия Полиоркета у Газы помешать Селевку укрепиться в Вавилонии. Военные действия сосредоточились в районе Эгейского моря. Деметрий Полиоркет, переправившись в Грецию, нанёс весьма ощутимые поражения Кассандру и Птолемею. Отцу и сыну удалось восстановить большую часть империи Александра Македонского. Антигон провозгласил себя и Деметрия царями. Остальные диадохи при таком раскладе оказались в положении мятежных полководцев. Тогда Птолемей, Кассандр, Лисимах и Селевк тоже провозгласили себя царями в своих государствах. В 302 г. до н. э. они вновь выступили против Антигона, которому пришлось действовать на два фронта — в Греции и Азии. В 301 г. до н. э. в битве при Ипсе 80-летний полководец, который до самого последнего момента верил в свою победу, погиб. Вместе с ним умерли и надежды на восстановление империи Александра. Она раскололась на сильные государства: Египет, Македонию, державу Селевкидов и Фракию.

Последователи Александра стали активными продолжателями его политики. Их могущество основывалось прежде всего на войске македонского образца. Первоначально армия состояла из македонцев и греков, но постепенно их начали заменять наёмники из варваров и местных жителей.

Македонцы, которые пришли с диадохами в Египет и Азию, прочно обосновались там. Ветераны быстро осваивались в новых условиях, перенимая обычаи местных жителей. Аристократия, наоборот, стремилась не только сохранить, но и подчеркнуть своё эллинское происхождение. И так как именно македонцы первоначально занимали высшие государственные и военные должности, местные вельможи должны были приспосабливаться к греческим обычаям. В азиатских

Ника Самофракийская.
Около 200 г. до н. э. Лувр. Париж.

городах появились библиотеки, гимнасии и школы по греческому образцу. В литературе греческий язык вытеснял местные. Наряду с традиционными восточными торжествами устраивались эллинские игры и празднества. Постепенно греческие и местные боги образовали единый пантеон. Иногда возникали новые культы, например культ бога Сераписа в Египте.

Чтобы власть была прочной, силы оружия мало. Александр Македонский, ещё при жизни провозглашённый сыном бога, после смерти был объявлен богом. Птолемей Лаг в Египте провозгласил Александра покровителем своего рода, благо саркофаг с телом царя находился в Александрии. Если первоначально фигура Александра заслоняла своих последователей, то постепенно под влиянием местных обычаев начинали обожествлять и новых царей. Сначала после смерти, а затем и при жизни. В значительной мере здесь кроется причина того, что царь становится единственным источником законов. Селевк I Никатор объявил своим воинам: «Справедливо всё то, что постановлено царём».

Царская власть в эллинистических государствах опиралась также на вновь основанные города с греческим населением, которые являлись центрами македонского господства. Эти города сохраняли автономную систему управления во внутренних делах и имели некоторые свободы. Исключение составляла лишь столица Египта Александрия, подчинённая власти царя.

Управление государствами осуществлялось с помощью развитой административной системы. Порождённое ею огромное число чиновников постепенно становилось обузой, а не опорой царской власти, что в конечном счёте привело к развалу системы управления.

Битва при Ипсе не была последней в борьбе диадохов. В течение всей эпохи эллинизма не прекращались войны и перекраивание границ. Но редко какая-либо одна сторона надолго получала перевес. Ни одному из новых государств не удалось усилиться настолько, чтобы поглотить или существенно ослабить остальные.

Последнюю решительную попытку восстановить империю Александра предпринял один из самых выдающихся диадохов Селевк. Он повторил поход Александра в Индию и одержал победу над индийским царём, после чего стал именовать себя Никатором (Победителем). Семидесятисемилетний Селевк был предательски убит своим гостем Птолемеем Керавном. Войско провозгласило Птолемея Керавна царём Македонии. Однако правление его было недолгим. В 279 г. до н. э. кельты-галаты вторглись в Македонию, и вероломный правитель погиб в сражении с варварами. Но галатам не удалось укрепиться в Греции. Часть из них была разбита в Малой Азии Антиохом I, сыном Селевка I, а оставшихся в Элладе изгнал Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета.

В 276 г. до н. э. Антигон Гонат был провозглашён царём Македонии. Это был умный и талантливый правитель. Постепенно он прибрал к рукам почти всю Элладу. Политическую независимость удалось сохранить только Спарте. Но македонское господство оказалось непрочным. В 267 г. до н. э. вспыхнула новая война. Афины, недовольные гегемонией Антигона, заключили союз со Спартой и, поддерживаемые Египтом, взбунтовались. Удачные действия Антигона Гоната вынудили Египет оставить союзников на произвол судьбы, и в 262 г. до н. э. Афины вынуждены были подчиниться власти царя Македонии, приняв к себе его гарнизон. Антигон захватил стратегически важный город Коринф, позволял ему контролировать всю Среднюю Грецию. Активное участие Антигона в международной политике укрепило его положение и помогло ему установить контроль над Эгейским морем.

Смерть Александра Македонского воскресила в греках надежду на возвращение своей независимости. Некогда великая Греция не могла примириться с кабальной зависимостью от Македонии. Попытки освободиться от неё предпринимались много раз. Около 280 г. до н. э. в Северном Пелопоннесе был создан Ахейский союз, а в Средней Греции около 367 г. до н. э. — Этолийский союз. Стратегом Ахейского союза стал Арат, фигура примечательная. Умный, честолюбивый и достаточно вероломный, чтобы быть хорошим политиком, Арат сумел заключить союз со Спартой и заинтересовать своими планами Египет, который нуждался в ослаблении Македонии. В 242 г. до н. э. Арат захватил Коринф, лишив Македонию контроля над Грецией. С 229 г. до н. э. началось массовое освобождение греческих городов от македонской гегемонии и присоединение их к Ахейскому союзу. Все дипломатические успехи Антигона Гоната были утрачены, контроль над Эгейским морем перешёл к Египту. Македония постепенно начала сходить с международной арены эллинистического мира. Но это ещё не означало ни полного краха Македонии, ни возвращения греческой свободы.

К 226 г. до н. э. усилилась Спарта, в которой царь Клеомен III провёл ряд серьёзных реформ, что позволило ему в 224 г. до н. э. захватить почти всю Грецию. Однако успехи Спарты оказались более чем кратковременными. Стратег Ахейского союза Арат и новый царь Македонии Антигон Досон заключили союз и разбили Клеомена, вынужденного бежать из страны и искать спасения в Египте. Антигон Досон, понимая бессмысленность попыток восстановить гегемонию Македонии в Элладе, предпочёл основать Эллинский союз, включавший почти все греческие города. С претензиями Македонии на роль мировой державы было покончено навсегда.

Не менее бурно развивалась и история царства Селевкидов. Включавшее в себя различные государства Азии, оно было наиболее «рыхлым» образованием эллинистического мира. Селевкидам приходилось постоянно сталкиваться с сепаратистскими тенденциями и искать наиболее гиб-

кие формы управления своими территориями. Однако разумное ослабление давления центральной власти в государстве Селевкидов не принесло желаемых результатов. Этнически близкие народы стремились к образованию самостоятельных государств, тяготясь опекой центральной власти. Большие расстояния не давали возможности быстро подавлять мятежи и восстания, а наличие у полководцев широких полномочий и больших армий вызывало соблазн образовать небольшие собственные царства.

В 70-х гг. III в. до н. э. произошёл конфликт между Селевкидами и Египтом из-за Келесирии, положивший начало пяти Сирийским войнам (с 274 по 196 г. до н. э.), которые шли с переменным успехом. Они не принесли существенного преимущества ни одной из сторон, но подорвали силы обоих государств.

Наибольшего успеха добился Египет во время 3-й Сирийской войны (246—241 гг. до н. э.). Под предлогом защиты прав законного наследника, который был сыном египетской принцессы Береники, Птолемей III Эвергет вторгся во владения Селевкидов и, почти не встречая сопротивления, дошёл до Вавилона. Однако в Египте начались серьёзные волнения, и Птолемей вынужден был повернуть назад. Селевк II Каллиник сумел почти полностью вернуть утраченное. Но мир в державе Селевкидов так и не наступил.

Против Селевка II в 242 г. до н. э. выступил его брат и союзник Антиох Гиеракс (Коршун), правитель Малой Азии. Началась Братская война, которая длилась без малого 15 лет и основательно сократила размеры державы Селевкидов — от неё отпали Пергам, Греко-Бактрийское царство и Парфия. Война между братьями заставила царство Селевкидов надолго забыть об активной внешней политике. К тому же Антиох Гиеракс оказался плохим стратегом. Побеждая в боях старшего брата, он постоянно терпел поражения от пергамского царя Аттала. Конец Коршуна был печален: трона он так и не добился и в 227 г. до н. э. был убит египтянами, которым перед этим добровольно сдался.

С 80-х гг. III в. до н. э. на территории Малой Азии и на периферии державы Селевкидов начали образовываться небольшие государства, правители которых пользовались тем, что гиганты борются друг с другом и обращают на них мало внимания. Так возникли Пергам, Понт, Каппадокия, Вифиния, Греко-Бактрия и Парфия. Постепенно усиливаясь, они стали теснить и рвать на части слабеющих монстров, укрепляя свои позиции и выходя на первый план. Некоторые из них, например Парфия, со временем выросли в столь мощные государства, что оказались не по зубам даже воинственному Риму. Мощный взлёт пережил Эпир, ровесник и сосед Македонии, когда на его престоле оказался царь Пирр (295—272 гг. до н. э.), попытавшийся поставить своё имя рядом с именем Александра Македонского и стяжать себе славу не менее громкую.

Молодой царь Пирр после неудачной попытки овладеть троном Македонии в 287 г. до н. э. обратил свои взоры на Запад. Воспользовавшись тем, что к нему с просьбой о помощи обратился город Тарента, Пирр отправился в Италию. Только с таким авантюрным характером, как у Пирра, можно было ввязаться в это безнадёжное дело. С 25-тысячной армией Пирр в 280 г. до н. э. сумел разбить войска Рима в битве при городе Аускул.

Монеты эллинистических государств. III—II вв. до н. э.

Но потери его были огромны, а помощи не предвиделось никакой. «Ещё одна такая победа, — воскликнул он, — и мы погибли!» Впрочем, это не образумило эпирского царя. Он сумел поссориться и с Карфагеном. Несмотря на значительные первоначальные успехи (он отвоевал Южную Италию у Рима и Сицилию у Карфагена), Пирр не смог, да и не стремился закрепиться на завоёванных территориях. Недаром Антигон Гонат сравнивал его с игроком в кости, который умеет делать ловкий бросок, но не знает, как им воспользоваться. Пирр вынужден был вернуться в Грецию в 275 г. до н. э., там он вскоре бесславно погиб, в очередной раз ввязавшись в авантюру. Судьба Пирра ещё раз показала несостоятельность идеи мирового господства, которая безраздельно владела эпирским царём.

В 20-е гг. III в. до н. э. к эллинистическим государствам как бы приходит второе дыхание, и они с новыми силами начинают воевать друг против друга. Однако с Запада уже пришёл новый, молодой и здоровый хищник — Рим. Первыми с ним пришлось столкнуться Македонии и Греции.

Царь Македонии Филипп V (221—179 гг. до н. э.) попытался восстановить могущество Македонии в Элладе. Стремясь заручиться сильной поддержкой, он вступил в союз с Ганнибалом, непримиримым врагом Рима. Однако Рим, находясь в тяжелейшем положении после поражения при Каннах во время 2-й Пунической войны, заключил договор с греческими городами, которые выступили против Филиппа V. В 215 г. до н. э. началась 1-я Македонская война. Эта война не принесла успеха ни одной из сторон. Бесцеремонность и ненадёжность Филиппа V как союзника заставили отступиться от него почти всех его друзей. Греция была истощена и обессилена. В 201 г. до н. э. был заключён мир. Однако почти сразу после этого Филипп возобновил военные действия, начав 2-ю Македонскую войну. Но теперь греческим городам мог помочь и Рим: 2-я Пуническая война закончилась для него победой. Закалённые в боях против Ганнибала, союзника Филиппа, римские легионы переправились в Грецию. В 197 г. до н. э. при Киноскефалах произошло решающее сражение между македонским царём и римским полководцем Титом Квинкцием Фламинином. Столкновение с римскими легионами обернулось для македонской армии катастрофой. Филипп вынужден был отказаться от всех своих приобретений и признать зависимость Македонии от Рима. В 168 г. до н. э. Македония стала римской провинцией.

Попытался восстановить былое величие своей державы и выдающийся представитель династии Селевкидов Антиох III. Он совершил грандиозный поход на Восток (212—204 гг. до н. э.), заставив Армению, Греко-Бактрийское царство, Парфию и часть Индии признать свою зависимость от государства Селевкидов. Закончив поход, он провозгласил себя Царём Царей. Египетский престол в это время занимал малолетний царь Птолемей V Эпифан. Воспользовавшись его слабостью, Антиох завоевал и малоазийское побережье. И тут ему пришлось столкнуться с интересами Рима. Во-первых, Антиох с почестями принял у себя заклятого врага римского народа Ганнибала, во-вторых, игнорируя ультиматумы Рима, он решил завоевать Грецию. Греческая авантюра для возомнившего себя непобедимым Антиоха III кончилась плачевно. В 191 г. до н. э. разбитый римлянами, он вынужден был убраться из Эллады. Все попытки заключить мир закончились неудачей — Рим умел разговаривать только с поверженным противником. В 190 г. до н. э. при Магнесии армия братьев Сципионов (одним из них был знаменитый победитель Ганнибала Сципион Африканский) нанесла сокрушительное поражение Царю Царей. Ещё сильнее было моральное поражение Антиоха. Отныне он перестал даже помышлять о сопротивлении и в 188 г. до н. э. согласился на все условия Рима, потеряв и Малую Азию.

Тяжёлым положением Селевкидов не преминули воспользоваться зависимые от них государства, которые посчитали себя свободными от всех обязательств перед ними. Воссозданная Антиохом III держава рушилась как карточный домик.

Развалу государства Селевкидов способствовали внутренние раздоры. Последнюю попытку остановить этот процесс предпринял Антиох VII Сидет (139—129 гг. до н. э.), которому почти удалось завоевать Парфию. Но и его поход закончился поражением, и последний выдающийся царь династии Селевкидов бросился в пропасть, чтобы не попасть в плен. Девятнадцать царей династии Селевкидов, начиная с Антиоха V, умерли насильственной смертью, став жертвами династических распрей. Размеры державы, растаскиваемой алчными соседями, всё сокращались. В 80-х гг. I в. до н. э. держава Селевкидов попала под власть Великой Армении, а в 63 г. до н. э. вообще прекратила своё существование под мощным натиском легионов знаменитого римского полководца Гнея Помпея.

Яростнее всего сопротивлялся экспансии Рима в Малой Азии Понт. Правитель Понта Митридат VI Евпатор, стремясь расширить свою державу и добиться её полной самостоятельности, вступил с Римом в затяжной конфликт, который завершился разгромом понтийского царя. Митридат был типичным правителем эпохи эллинизма. Один из самых образованных людей своего времени, он имел обширные познания в области искусства и медицины, владел двадцатью двумя языками. Его таланты поражали воображение современников. Однако ни любовь к греческой культуре, ни образованность не помешали Митридату в 88 г. до н. э. отдать приказ об истреблении около 80 тыс. римлян на территории Малой Азии. Митридат VI вёл три войны с Римом (Митридатовы войны — с 89 по 63 гг. до н. э.), последняя из которых закончилась изгнанием царя из Понта и его бегством на Боспор, где он и покончил жизнь самоубийством.

Самое выгодное стратегическое положение среди эллинистических государств занимал Египет. На его территории почти не велись боевые действия.

Постепенное ослабление Египта было вызвано главным образом внутренними проблемами.

Основатель династии Птолемей I Лаг Сотер и его преемники приложили много усилий для укрепления страны. Несколько видоизменив старую административную систему, Птолемеи стремились править в соответствии с местными обычаями: именно в Египте впервые царь был объявлен живым богом и прочно вошли в обычай браки между родными братьями и сёстрами. Однако именно там было наиболее велико влияние греческой культуры. Эллинистический Египет стал центром развития культуры, славился философами, блистал своей Академией и театрами. Бежавшие от ужасов войны греки всегда встречали в богатом Египте радушный приём и, оставаясь в стране, укрепляли основы власти Птолемеев.

Борьба за гегемонию над Эгейским морем и постоянные войны с Селевкидами ослабили Египет, не принеся ему серьёзных успехов. Выдающиеся правители ко II в. до н. э. сошли с исторической сцены, а на смену им пришли распутные и изнеженные государи, которые мало заботились о престиже страны и больше думали о собственных удовольствиях. С I в. до н. э. между Птолемеями начались династические распри. Этим Египет привлёк к себе пристальное внимание Рима, где всерьёз стали подумывать о том, чтобы прибрать к рукам эту богатую страну. С 50-х гг. I в. до н. э. Египет попал в политическую зависимость от Рима. Но в 47 г. до н. э. Юлий Цезарь, очарованный египетской царицей Клеопатрой VII, подтвердил самостоятельность Египта. После смерти Цезаря Клеопатра, поддерживаемая римским полководцем Марком Антонием, даже пыталась восстановить былую мощь Птолемеев. Но эти мечты разлетелись в прах после поражения войск Антония и Клеопатры в битве при Акции (31 г. до н. э.). В 30 г. до н. э. Октавиан Август объявил Египет римской провинцией.

Эпоха эллинизма завершилась с нашествием римских легионов, которые практически полностью уничтожили все государственные образования, вышедшие из империи Александра Македонского. Но эллинистическое наследие не пропало бесследно. Культура побеждённых оказала огромное влияние на Рим (см. ст. «Древний Рим»).

ЭТРУРИЯ И ЭТРУСКИ

Уже на протяжении нескольких столетий со страниц научных трудов не сходит определение: «загадочные этруски». Самым удивительным является то, что в отличие от других народов Древнего мира этруски никогда не погружались во тьму забвения. Великий Рим многое воспринял от их культуры и передал её наследие европейской цивилизации. После того как Рим подчинил этрусские города, образованные и знатные представители их древних родов продолжали играть заметную роль. Из Этрурии происходили первые римские цари. Друг императора Октавиана Августа, покровитель поэтов Гай Цильний Меценат, чьё имя стало нарицательным, был потомком этрусского царского рода из города Арреций. Происходили из этрусских городов поэты Публий Вергилий Марон, Авл Персий Флакк, Секст Проперций. Ближайший друг знаменитого римского оратора, политического деятеля и философа Цицерона, Авл Цецина, принадлежал к древнейшему этрусскому роду, правившему в городе Волатерры. Обнаруженный археологами склеп этой семьи использовался на протяжении многих столетий. Последним в роду был епископ Цецина, умерший в 1765 г.

Труды греческих и римских писателей донесли до нас многочисленные сведения о могущественных этрусках, их религии, городах, окружённых мощными стенами, о соперничестве с греками за господство в Западном Средиземноморье. Многое удалось узнать непосредственно от самих этрусков — точнее, из дошедшего до нас их наследия. Время не пощадило города и храмы, построенные этрусками из необожжённого кирпича. Но сохранились некрополи — «города

Музыканты.
Фреска из этрусского некрополя в Тарквиниях.
V в. до н. э.

Основание города не было для этрусков только технической проблемой. Это был священный ритуал, в котором отразились представления этрусков о городе как о земном подобии космического порядка. Поэтому прежде чем основать город, они узнавали волю богов по полёту птиц. Затем жрец определял священное место — центр города. Через центр города проводили две главные оси: одну — с востока на запад, вторую — с севера на юг. Основатель города, покрыв голову платком, прокладывал плугом с бронзовым лемехом борозду вокруг территории будущего города. Поднятый пласт земли должен был лечь внутрь круга, чтобы в город текло богатство. Плуг тянули бык и нетель; бык — с внешней стороны круга, чтобы город был сильным по отношению к внешним врагам, нетель, как символ будущего изобилия в городе, — с внутренней. Борозда в представлении людей того времени играла ту же роль, что и крепостные стены. Она разделяла два мира — тот, что находился под защитой богов, и тот, который был её лишён. Священная борозда и сооружавшиеся на её месте вал и ров составляли священную городскую границу, которая находилась под защитой богов. Переход через неё или застройка вала считались религиозным преступлением и карались смертью.

мёртвых», спутники всех этрусских городов. Склепы, повторяющие планировки жилых домов знати, украшенные фресками и заполненные драгоценной утварью, рассказывают о быте этрусков, их представлениях о мире и богах, об их искусстве и уровне развития ремесла, широких торговых связях с народами Средиземноморья. Словом, в распоряжении историков имеется обширный материал для изучения различных сторон жизни древней Этрурии. Тогда почему же в течение веков этруски остаются «загадочными»? А дело в том, что учёные не знают самого главного: кто они, когда и как появились в Италии, на каком языке говорили.

О происхождении этрусков спорили ещё античные писатели. Греческий историк Геродот утверждал, что этруски, или тиррены, как их иначе называли в древности, приплыли по морю из малоазийской Лидии. Писатель Дионисий Галикарнасский, возражая ему, доказывал, что этруски — один из местных италийских народов. В труде римского историка Тита Ливия есть указание, правда очень смутное, на северное происхождение этрусков. Спор, начатый в древности, продолжают современные исследователи.

Аристократы на банкете.
Этрусский рельеф на слоновой кости.
520—500 гг. до н. э.
Археологический музей. Флоренция.

На исторической сцене этруски возникают както внезапно, вдруг. На этом основывается предположение, что этруски не принадлежали к коренному населению Италии. В VIII в. до н. э. между реками Тибр и Арно появляется высокоразвитая городская культура, далеко обогнавшая в своём развитии культуру соседних народов. Создателями её были этруски, а заселённый ими район Северо-Западной Италии античные писатели назвали Этрурией.

Этрурия, однако, не являлась единым государством, а представляла собой союз 12 самостоятельных городов-государств — двенадцатиградие. Крупнейшими из них были Арриций, Перузия, Вольсинии, Цере, Тарквинии, Клузий, Вейи. Города, входившие в союз, объединял культ богини Вольтумны (по другой версии — бога Вертумна). Святилище находилось близ города Вольсинии, где раз в год собирались представители городов и устраивали торжественные игры в честь почитаемого божества. Они избирали царя, который, однако, не имел реальной власти. Даже в вопросах внешней политики каждый город руководствовался исключительно собственными интересами. Когда же требовались совместные военные усилия, то вопрос о создании союзного войска решал не глава двенадцатиградия, а совет представителей городов.

Политическая история этрусских городов-государств совершенно неизвестна, и разговоры о системе управления этих государств или о различных социальных группах этрусского общества — не более чем предположения, зыбкие и неясные. Древнейшая форма правления в этрусских городах в VI в. до н. э., судя по характеру власти царей этрусской династии в Риме, была близка к монархической. Внешними знаками царской власти были переносное кресло из слоновой кости, двусторонний топор — лабрис, связки прутьев — фасцы и скипетр с навершием в виде орла. Царь носил тогу, расшитую пальмовыми листьями, и венец из золотых дубовых листьев. Эти атрибуты перешли позднее к магистратам — высшим должностным лицам.

По-видимому, в конце VII или начале VI в. до н. э. в большинстве этрусских городов стали править выборные должностные лица — представители местной аристократии. Их функции и названия этих должностей практически неизвестны. С некоторой долей уверенности можно говорить лишь о том, что вся полнота власти находилась в руках аристократии. Неясной остаётся и сущность этих республик: были ли они гражданскими общинами, похожими на греческие полисы, или городами-государствами восточного

типа. Считать их полисами не позволяет отсутствие данных о наличии в них свободных граждан, которые (богатые и бедные, знатные и незнатные) были бы равны перед законом и не могли находиться в отношениях личной зависимости друг от друга. Отчётливо выделяется только слой населения, бывший в экономической и политической зависимости от аристократии. В этрусских надписях представители этого слоя называются «этера» — сотоварищи: они должны были оказывать помощь своему покровителю и составляли его военную дружину.

Фрески гробниц этрусской знати и свидетельства античных писателей позволяют говорить о наличии рабства в этрусском обществе. Но находил ли труд рабов широкое применение в ремесленном производстве или они использовались как домашняя прислуга, определённо сказать невозможно.

В VII в. до н. э. этруски начали распространять своё влияние на соседние с Этрурией области. Их города появляются в плодородной Кампании и на севере Апеннинского полуострова, в долине реки По. Самыми крупными из них были Капуя, Нола, Фельзилы, Мантуя, Спина. Вопрос о господстве этрусков в Лациуме является спорным. Одни исследователи считают, что они завоевали эту область и основали Рим, подкрепляя свою точку зрения тем, что именно в период правления царей этрусской династии Тарквиниев Рим стал самым могущественным городом Лациума (см. ст. «Древний Рим»). Другие же, ссылаясь на римских писателей, говорят лишь об этрусском влиянии на эту территорию.

Дальнейшему продвижению этрусков на юг полуострова и за его пределы мешали греческие города, появившиеся в период Великой колонизации в VIII в. до н. э. в Южной Италии и Сицилии. Этруски, обладая сильным флотом, стремились господствовать в прилегающих к Италии морях. Их соперничество с греками привлекло внимание Карфагена, могущественного города на северном берегу Африки, основанного финикийскими купцами. Карфаген главными своими конкурентами на морских торговых путях считал греков и поэтому встал на сторону этрусков. Союзникам удалось не допустить усиления греческого влияния и закрепить за этрусками господство в Тирренском и Адриатическом морях. Со временем это нашло отражение и в названиях этих акваторий — тирренами, как уже говорилось, древние называли этрусков, а Адрия — один из этрусских городов на восточном побережье Италии.

Далеко не дружественные отношения между греками и этрусками не помешали, однако, экономическому и культурному обмену между ними. Этруски использовали греческий алфавит для создания своей письменности; знакомство с греческой религией и мифологией оказало большое влияние на их религиозные представления и искусство. Греческие ремесленники селились в этрусских городах; это способствовало развитию там

Золотая этрусская пластина с текстом. 500 г. до н. э. Рим.

Этрусская ваза (чёрнофигурная, с изображением Персея и кита). 520 г. до н. э. Швейцария.

Этрусские жрецы, гаруспики, предсказывали судьбу человека или целого государства по полёту птиц, печени жертвенного животного, а также занимались толкованием знамений, посылаемых богами с помощью молний. Этруски делили небесный свод на 16 частей, в каждой из которых помещался один из богов. Восточная сторона небосвода считалась благоприятной, а западная — неблагоприятной. Жрец, наблюдавший за молниями, став лицом к югу, старался точно определить, откуда молния вышла и куда была нацелена. При этом он определял не только то, какой именно бог послал молнию, но и почему он это сделал, как надо выполнять его волю. Одни молнии советовали или, наоборот, не советовали приниматься за дело, в успехе которого вопрошающий не был уверен. Другие молнии посылались уже после того, как человек совершил поступок, чтобы показать, был ли он хорошим или плохим. Были, например, молнии, предназначенные для тех, кто в данный момент ничего не делал, и являвшиеся напоминанием или даже прямой угрозой. Самые грозные молнии шли с северо-запада, самые благоприятные вспыхивали на северо-востоке. Определённое значение имели при этом цвет и форма молнии, время, когда она сверкнула, место, куда она ударила. Если молния попала в общественное здание или на общественную территорию, значит, поселению угрожали внутренние раздоры или государственный переворот. Если же она ударила в городскую стену, то гаруспики предсказывали нападение врага, и именно с той стороны, куда молния попала.

По убеждению этрусков, во власти гаруспика было отвести угрозу бога или, по крайней мере, смягчить её. Место, куда попала молния, гаруспики тщательно очищали, устраняли следы удара молнии и закапывали всё, что было ею повреждено. Затем они окружали пострадавший участок оградой и посвящали божеству, а для смягчения его гнева приносили жертву. На месте «захоронения» молнии делалась надпись.

собственного ремесленного производства. Расположенное недалеко от города Цере греческое поселение Пирги превратилось в важный морской порт. Сюда привозили товары из стран Средиземноморья: дорогие расписные вазы из Коринфа, золотую и серебряную посуду из Сирии, Финикии и с Кипра, драгоценные ювелирные изделия и слоновую кость с Востока. В свою очередь, Этрурия вывозила изделия из металлов, которыми славились её мастера.

К сожалению, трудно сказать что-либо определённое об облике этрусских городов. Строгая планировка с системой пересекающихся под прямым углом улиц сменяет хаотичную застройку лишь в VI—V вв. до н. э. В это же время появляются трубопроводы, снабжающие города питьевой водой. О строительном мастерстве этрусков можно судить по системе каналов для отвода сточных вод, построенной в Риме во время правления царя Тарквиния Древнего. С её помощью было осушено болото между Палатином и Капитолием. Она просуществовала 19 веков и сейчас является частью канализационной системы Рима.

Особенным уважением у этрусков пользовались жрецы-гаруспики. Они предсказывали будущее по внутренностям животных, полёту птиц и по наблюдениям за молниями. Подобные гадания по печени животных совершались в Вавилоне и странах Малой Азии. Модель печени была найдена археологами в Этрурии, что свидетельствует либо о тесных связях этрусков с народами Восточного

Этрусский город.

Средиземноморья, либо об их восточном происхождении.

Очевидное сходство с религиозными представлениями народов Востока имеет и заупокойный культ этрусков. Они верили, что после смерти человек продолжает жить в другом мире, поэтому стремились обеспечить усопшего всем, к чему он привык в земной жизни. Знать строила для себя похожие на дворцы склепы, создание которых требовало огромных материальных и трудовых затрат. Ничего подобного не было ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме, зато это очень напоминает скальные гробницы стран Востока.

Мир этрусских богов известен нам главным образом по их именам, которые в результате тесных контактов этрусков с греками и римлянами приобрели довольно знакомое звучание: Аплу — Аполлон, Нетун — Нептун, Марис — Марс. Высшим божеством этрусского пантеона был бог неба, повелитель молний — Тини. Богиня плодородия — Уни под влиянием греческой мифологии превратилась в его супругу, подобно Гере — супруге Зевса.

Сохранившиеся надписи на этрусском языке читаются довольно легко, ведь этрусский алфавит основан на древнегреческом. Но, прочитывая слова, учёные не могут понять их значения. Успехи весьма незначительны: за сто с лишним лет разгадано около ста слов, и то — предположительно... Причина в том, что ни среди древних, ни среди современных языков не найдено языка, родственного этрусскому. Но даже если этрусские надписи когда-нибудь «заговорят», это вряд ли поможет учёным. Сохранились только очень короткие надписи на стенах гробниц, керамике, изделиях из кости и металла, хотя, по сведениям античных писателей, у этрусков была богатая литература, посвящённая вопросам религии, юридическим и научным темам. Однако после того как во II в. до н. э. этруски романизировались и перестали говорить на своём родном языке, всё бесследно исчезло. Без памятников письменности изучать культуру очень трудно: многое приходится домысливать, реконструировать, и целые страницы истории народа остаются неясными.

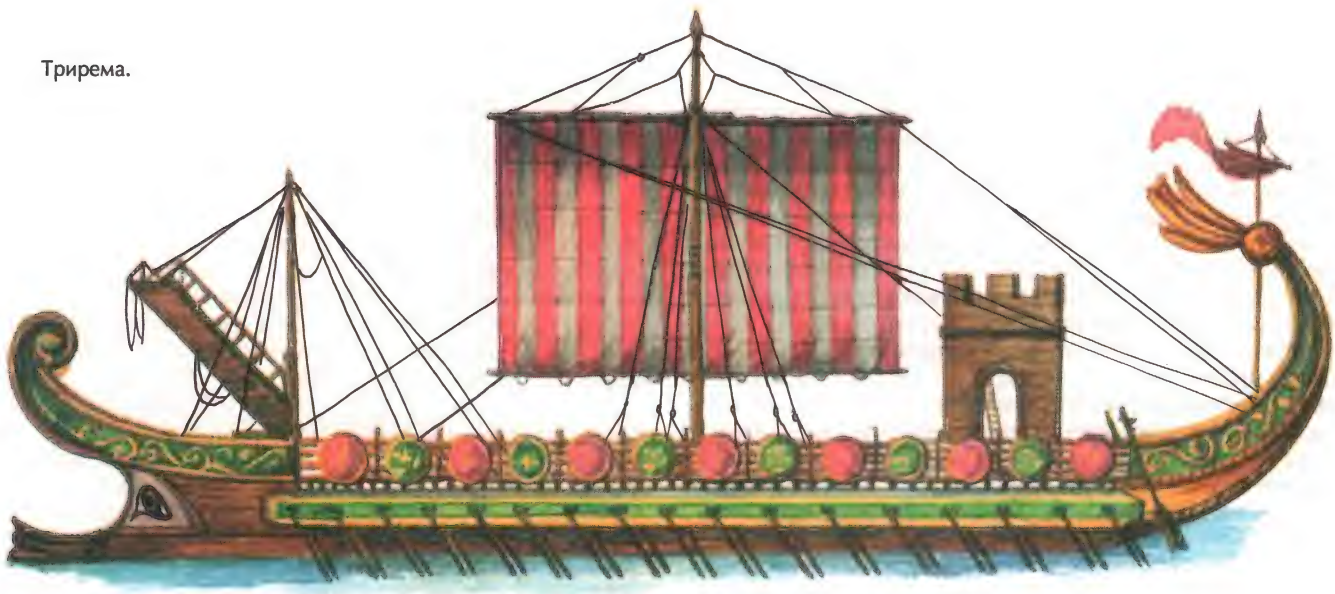
Расцвет могущества этрусков был кратковременным, и уже в конце VI в. до н. э. начинают появляться первые признаки упадка. Осложняется внутриполитическая ситуация в Этрурии. В городах наступает период смут, вызванных, вероятно, борьбой аристократических группировок за власть. Активизируется и внешний, враждебный этрускам мир. Греки, особенно обитатели колоний в Сицилии, теснят этрусков на море. Римляне изгоняют этрусский царский род Тарквиниев, и попытка Порсены, царя города Клузия, вернуть Тарквиниям престол заканчивается неудачей. В 70-х гг. V в. до н. э. этруски теряют власть над Кампанией, а на севере полуострова их всё настойчивее атакуют галлы. На протяжении IV в. до н. э. этрусские города ожесточённо борются с набирающим силу Римом за свою независимость, но каждый действует сам по себе. Раздробленность этрусков ослабляет их сопротивление внешним врагам, и в конце концов они оказываются под властью Рима. Мощная римская культура постепенно поглощает этрусский мир.

ДРЕВНИЙ РИМ

Рим поистине вечный город, и не только потому, что, возникнув в VIII в. до н. э., он продолжает стоять на берегах реки Тибр и в наше время. За свою более чем двухтысячелетнюю историю он прошёл путь от маленькой крестьянской общины до мировой державы, создав культуру, которая легла в основу нашей цивилизации. Герои Рима спустя тысячу лет после его падения остались постоянными спутниками человека европейской культуры. Философы и поэты, политики и полководцы беседовали с ними, спорили и опровергали, любили и ненавидели словно своих современников.

А начиналась история Рима в нижнем течении реки Тибр на Апеннинском полуострове. На левом берегу Тибра здесь расположена цепь холмов, возвышающихся над болотами. Самое раннее поселение римлян, одного из племён латинян, появилось на холме Палатин. С крутыми склонами, окружённый болотами, он был удобным убежищем от врагов. Рядом проходила «соляная дорога», по которой в глубь Италии доставляли выпаренную из морской воды соль.

Круглый храм
на Бычьем форуме в Риме.
Около 100 г. до н. э.



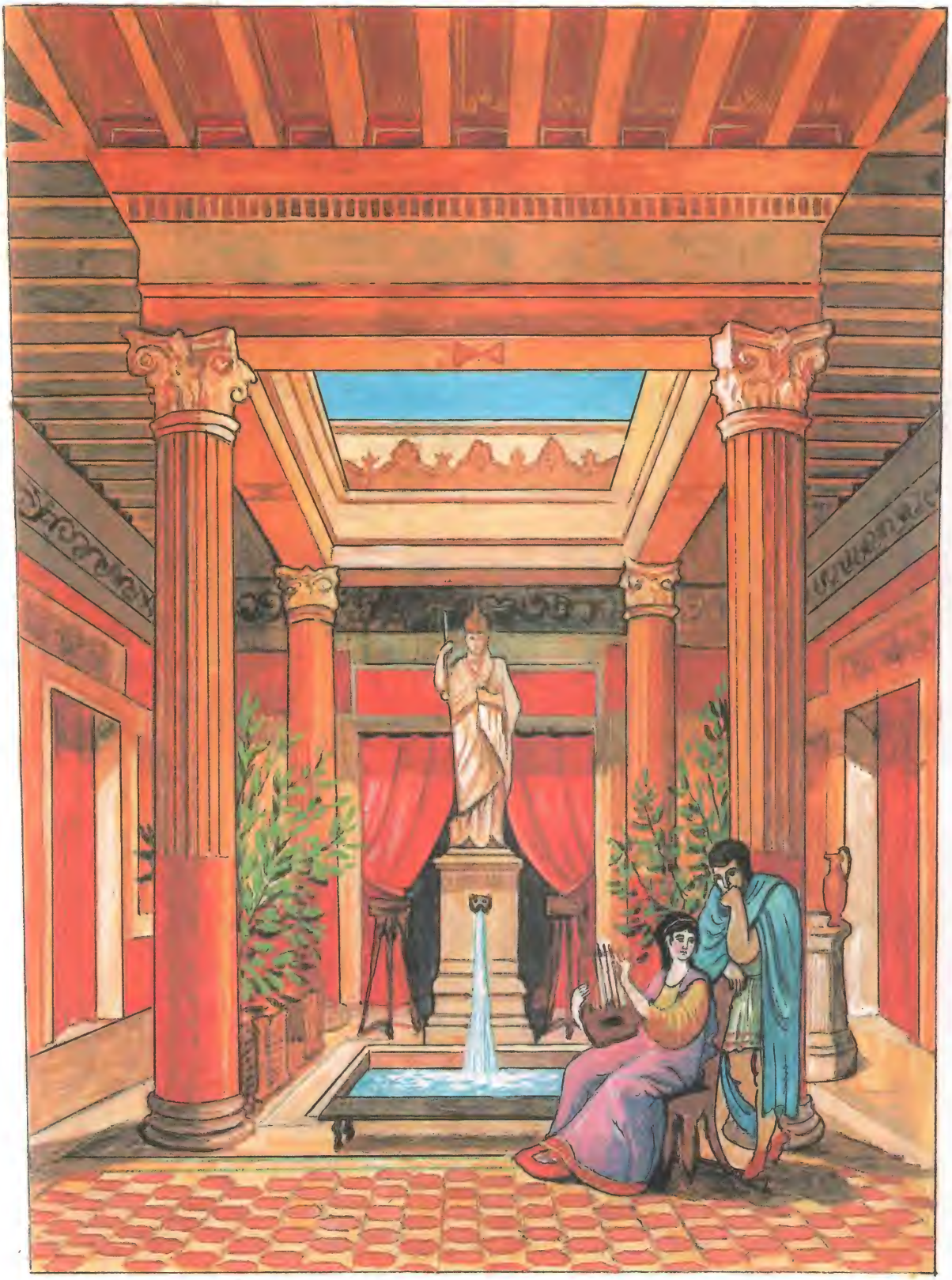
Трирема.

Место было бойким, оживлённым. Постепенно вокруг поселения на Палатине объединились посёлки, расположенные на соседних холмах — Эсквилине, Квиринале, Цэлии, Капитолии, Виминале и Авентине. Поэтому Рим часто называют городом на семи холмах.

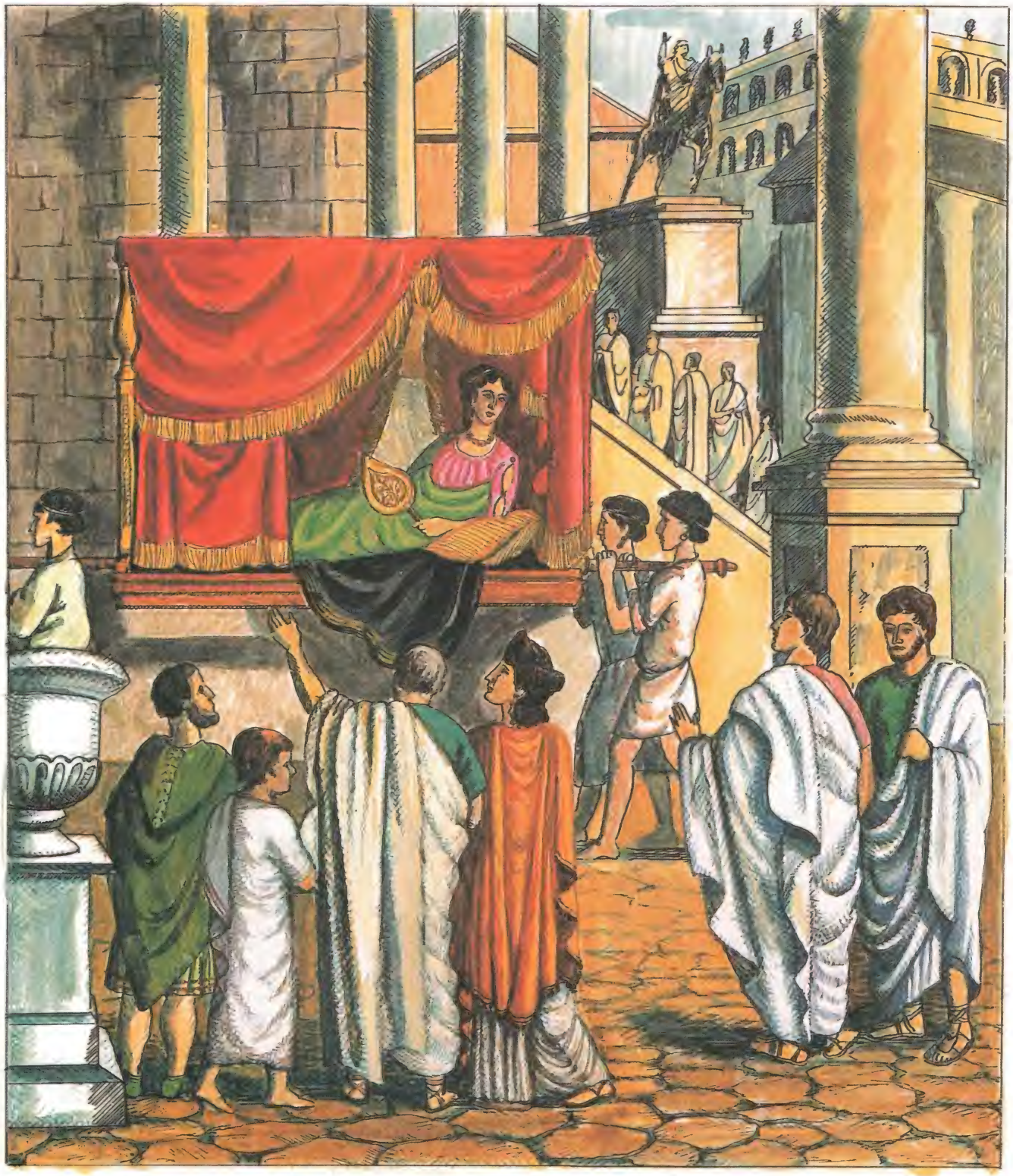
Позднее римляне создали легенду, согласно которой основателем Рима был царь Ромул, и даже очень точно высчитали дату этого знаменательного события — 21 апреля 753 г. до н. э. Родословную основателя города они возвели к легендарному троянскому герою Энею. После разрушения Трои греками-ахейцами Эней, сын богини Афродиты и смертного человека Анхиза, бежал из разрушенного города и с помощью богов прибыл в Италию к царю Латину. Римляне были твёрдо убеждены в греческом происхождении основателя города.

После Ромула, по свидетельству древнеримских историков, в Риме на протяжении VIII—VI вв. до н. э. правили ещё шесть царей: Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый. Поэтому этот период в истории Рима получил название «царский». В это время создаётся Римская община (civitas). По преданию, Ромул придал общине правильную организацию, создал сенат — совет старейшин из ста человек, который вместе с царём и народным собранием стал управлять Римом. Первых трёх царей, включая Ромула, современные историки считают фигурами легендарными. Цари же так называемой «этрусской династии» — Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый — являлись реальными историческими деятелями. Они были этрусками по происхождению, и история их воцарения в Риме до сих пор вызывает споры среди учёных. Одни считают, что они просто переселились в Рим и были избраны там царями, другие настаивают на завоевании Рима этрусками.

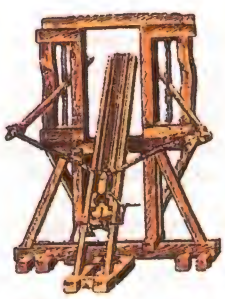
Этруски создали на территории Италии интересную и своеобразную культуру, требующую особого рассказа (см. ст. «Этрурия и этруски»). Здесь же следует отметить огромное влияние, которое они оказали на историю и культуру Древнего Рима. Этруски стояли в VII—VI вв. до н. э. на более высоком уровне развития, чем римляне, поэтому с воцарением в Риме этрусской династии меняется и облик города, и сам характер царской власти. Например, Сервий Туллий обнёс город крепостной стеной и провёл очень важную реформу, похожую на реформу Солона в Афинах. Он разделил всех жителей Рима на пять имущественных классов и распределил в зависимости от их состояния права и обязанности населения города. Правление же последнего царя — Тарквиния Гордого — античная традиция представляет как жестокую тиранию. Дело в том, что этрусские цари стремились присвоить себе всю полноту власти в общине. Появляются представление о высшей неделимой власти — «империй» — и внешние знаки её отличия: цари носят пурпурное одеяние, восседают на троне из слоновой кости, их сопровождает свита ликторов из 24 человек, несущих фасцы — связки прутьев с топором в середине. Фасцы означали право царя решать вопрос о жизни и смерти любого члена общины. Это усиление власти царей вызывало недовольство родовой знати, заседавшей в сенате, с которым цари всё реже совещались и против воли которого проводили свою политику. Поэтому и Тарквиний Древний, и Сервий Туллий были убиты, а против Тарквиния Гордого знать подняла восстание, сумев привлечь на свою сто-



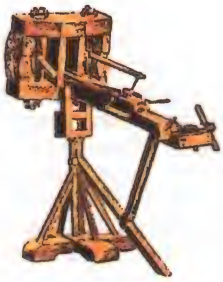
Интерьер атриума (помещение, где принимали гостей).



Жизнь города.

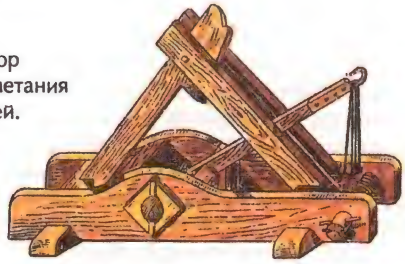


Баллиста.

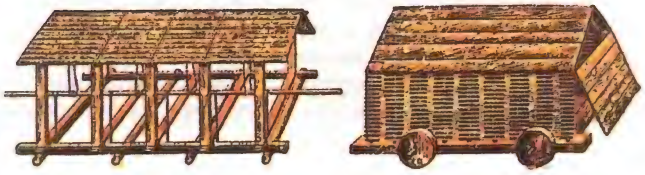


Катапульта.

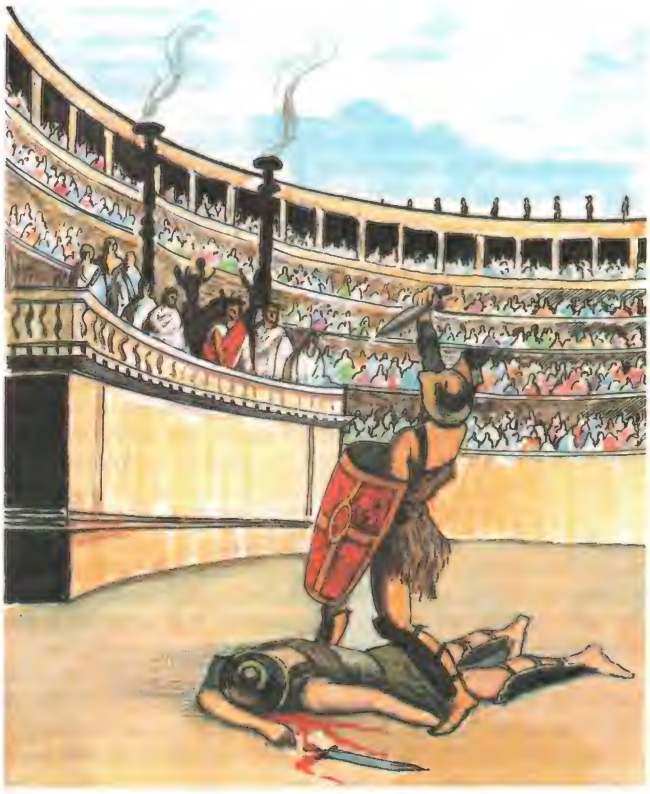
Прибор для метания камней.



Деревянные прикрытия.



Римские осадные орудия.



Бой гладиаторов.

рону римский народ. Тарквиний Гордый и весь его род были изгнаны из Рима, а царская власть навсегда отменена. Всякий, кто пытался её восстановить, объявлялся врагом римского народа и приговаривался к смертной казни. Событие это, как считают древнеримские писатели, произошло в 510 г. до н. э.

Вместо царей в Риме стали ежегодно избирать двух должностных лиц — консулов. Консулы, т. е. совещающиеся вместе, получили империй — высшую неделимую власть, которой раньше обладали цари. Но поскольку этой властью в равной мере наделялись оба должностных лица и время пребывания их в должности ограничивалось сроком в один год, консулы оказывались под сильным контролем сената, членство в котором было пожизненным. Именно сенат с этого времени располагает всей полнотой политической власти в общине. Постепенно число магистратов увеличилось, а в случае большой военной опасности стали назначать диктатора — единоличного правителя — сроком на полгода (см. ст. «Диктатура»).

В период с V до середины III вв. до н. э. римская община состояла из двух сословий: патрициев, называвших себя римским народом (populus romanus), и плебеев, более поздних переселенцев, которым был закрыт доступ в родовую организацию патрициев и их органы власти. Из числа патрициев формировался сенат и магистратуры. Плебеи — масса, народ — были свободным, но не полноправным населением Рима. Многих плебеев за долги обращали в рабов. Они не принимали участия в управлении государством. Уже с самого начала V в. до н. э. между патрициями и плебеями разгорелась острая борьба. Плебеи боролись за уничтожение кабального долгового рабства и утверждение гражданского равноправия. Эта борьба растянулась на два с половиной столетия.

Рим с самого начала своей истории вёл постоянные войны с соседями либо за сохранение своей независимости, либо за захват чужой земли. Эти войны требовали напряжения сил всего народа, поэтому патриции были вынуждены делать некоторые уступки плебеям. Первой победой последних было получение права избирать народных трибунов, которые должны были защищать плебс от произвола патрициев. С помощью народных трибунов плебеи смогли защищать свои интересы. В 451—450 гг. до н. э. была произведена запись законов, получивших название «Законы XII таблиц». Они не уничтожили кабального рабства, но ограничили произвол патрицианских магистратов и положили начало римскому гражданскому праву.

Как уже было сказано, борьба патрициев и плебеев шла одновременно с борьбой Рима сначала за укрепление своего положения среди латинских пле-

мён в Лации, затем с этрусскими городами и италийскими племенами Средней Италии, греческими полисами Южной Италии. Войны эти были тяжёлыми, и не всегда римляне одерживали победы. В 390 г. до н. э. Рим был захвачен галлами — племенами, пришедшими в Италию с севера и обосновавшимися в долине реки По. Галлы разрушили и сожгли город, и только небольшой отряд римской молодёжи во главе с Марком Манлием сумел укрепиться на Капитолии. Галлы не смогли захватить его и долго осаждали. По преданию, когда галлы попытались ночью прорваться на Капитолий, священные гуси храма Юноны разбудили спящую стражу и спасли Рим (см. ст. «Галлы»). Галлы, удовлетворившись большим выкупом, ушли на север Италии.

Во время одной из войн с союзом самнитских племён в Средней Италии римляне попали в засаду в узком лесистом Кавдийском ущелье. Консулы, возглавлявшие армию, были вынуждены принять все условия, продиктованные самнитами, и, сверх того, вся римская армия была подвергнута тяжкому унижению. Сдав оружие, полураздетые воины по одному прошли под игом — сооружением из трёх копий в виде буквы «П».

Но поражения не останавливали римлян. Собравшись с силами, учтя свои ошибки, они вновь бросались в наступление. Война давала большую добычу и, главное, землю, которой всегда не хватало крестьянам. Выгоды от завоеваний ощущали все члены общины, и это объединяло их. К 60-м гг. III в. до н. э. почти вся Италия находилась под властью римлян. Завоёванные города и общины объявлялись союзниками Рима и, сохраняя частично права внутреннего самоуправления, должны были поставлять в римскую армию вспомогательные воинские отряды. Некоторые самые привилегированные общины получали права муниципий — их жители, переселившись в Рим, могли получить римского гражданство.

Превращение Рима из маленькой, никому не известной крестьянской общины во властелина всей Италии не только поразило его современников, но и заставило самих римлян задуматься над причинами своих побед. Римляне объясняли их идеальным политическим строем своего государства и превосходством своих нравов и обычаев над обычаями других народов. Они были уверены, что их город специально создан богами для того, чтобы, завоевав другие народы, установить во всём мире римский порядок. Высшими добродетелями римляне считали храбрость, выносливость, трудолюбие, непреклонную честность и справедливость. Образцом этих добродетелей был такой герой, как Луций Квинкций Цинциннат, назначенный во время тяжёлой войны с италийскими племенами эквов и сабинов в 458 г. до н. э. диктатором. Римский

Сенатор. Патриций. Римлянка. Крестьянин.

историк Тит Ливий рассказывает, что, когда послы сената пришли к Цинциннату, он работал на своём небольшом наделе земли. Отёрши пыль и пот и надев тогу, он выслушал послов и немедленно отправился в Рим. Разбив врагов и сложив диктаторские полномочия, Цинциннат снова вернулся на своё поле (см. ст. «Диктатура»).

Маний Курий Дентат, герой 3-й Самнитской войны и победитель царя Пирра Эпирского (275 г. до н. э.), якобы сам варил себе репу и говорил, что предпочитает побеждать тех, кто имеет золото, а не иметь его самому.

Во время великих завоеваний у римлян, очевидно, были некоторые основания для чувства превосходства над другими народами. Именно в Риме был выработан знаменитый принцип «Разделяй и властвуй!» («Divide et impera»), благодаря которому были побеждены племена Италии.

После завершения борьбы патрициев и плебеев (287 г. до н. э.) в Риме сформировалась новая социальная структура общины. Каждый гражданин, потомок патрициев и плебеев, имел право на земельный участок и долю в военной добыче. Все граждане в равной мере были ответственны перед законом, и нельзя было обратить гражданина за долги в рабство. Народное собрание было высшим избирательным и законодательным органом. Но простые люди практически не могли занять высшую должность в государстве и получить доступ в сенат. Политический строй Рима носил ярко выраженный олигархический характер. Вся власть была в руках знати (нобилитета).

Высшей ценностью для римского гражданина был сам Рим, поэтому каждый должен был в первую очередь заботиться о благе всей общины и в последнюю — о своём. Однако постоянные войны требовали не только единства всех граждан, но и мужества каждого в отдельности. Поэтому в римской культуре, как ни в одной культуре Древнего мира, проявлялись уважение и интерес к личности. В домах знатных семей хранили изображения предков (их посмертные маски), прославившихся в военных походах или способствовавших процветанию общины.

Подчинив своей власти Италию, Рим устремил жадные взоры на богатый и плодородный остров Сицилия. Это была завидная добыча. Но, чтобы её захватить, Риму пришлось бы помериться силами с крупнейшей державой Западного Средиземноморья Карфагеном. Этот город был основан на северном побережье Африки ещё в IX в. до н. э. финикийцами, с давних времён имевшими славу мореходов и купцов. Римляне своего флота не имели. В сухопутной схватке их ополчение могло победить Карфаген, но на море он был полновластным хозяином. И всё-таки Рим рискнул. И вышел победителем из тяжёлой и смертельной схватки.

Победа над Карфагеном, а затем над многочисленными полководцами и царями в районе Восточного Средиземноморья превратила Рим во II в. до н. э. в мировую державу. Эти победы ещё больше убедили римлян в их превосходстве над всем миром. Однако греки считали римлян варварами, жестокими, кровожадными и невежественными. Особенно ярко эти качества проявлялись в любви римлян к грубым зрелищам вроде кулачных боёв, травли зверей и гладиаторских сражений. Обычай устраивать гладиаторские бои в память умершего появился в Риме под влиянием этрусков. Но затем смертельные схватки вооружённых людей стали устраиваться на арене цирка на потеху зрителям.

После великих завоеваний древние нравы и обычаи, которыми так гордились римляне, подверглись суровому испытанию богатством и властью. И не выдержали его. Победоносные войны давали Риму огромную добычу: деньги, драгоценное оружие, золотую и серебряную утварь, произведения искусства, многие тысячи рабов — всё это нескончаемым потоком текло в Рим. Обогащались воины, а ещё больше — победоносные полководцы. Солдаты провозглашали их императорами — победителями, а сенат давал право на триумф — торжественный проезд на колеснице, за которой шло войско и несло награбленную во время войны добычу. Завоёванные страны обращались в римские провинции, т. е. земли, добытые победой в войне и принадлежащие всей общине.

Горожанин в тоге.

Жрец.

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ И КАЛЕНДАРЬ У РИМЛЯН

У римлян были приняты два способа летосчисления. Первоначально году давали свои имена два правивших в это время консула. Затем, по мере становления империи, началом точного летосчисления Марк Теренций Варрон предложил считать год основания Рима (753 г. до н. э.).

Изначально Новый год в Риме праздновался в первый день весны — 1 марта. В этот день римляне совершали обряд изгнания зимы — «старого Марса», и по имени этого бога, второго по значению после царя богов Юпитера, и был назван первый весенний месяц. Лишь позже новый год римляне стали отсчитывать с 1 января, поскольку именно в этот день начиная с 153 г. до н. э. вступали в должность консулы.

Римляне приписывали разделение года на месяцы своему второму царю — Нуме Помпилию. Всего было 10 месяцев. За мартом (martius) шёл апрель (aprilis) — происхождение этого названия неясно. Возможно, оно родственно индоевропейскому корню «аро» — «второй» (после марта). Третьим месяцем года был май, посвящённый богине плодоносной земли Майе. Четвёртый месяц — июнь — был месяцем супруги Юпитера, богини брака и материнства Юноны. Эти четыре месяца, связанные с земледельческими работами и семьёй, считались главными в году. Недаром остальные месяцы носили только порядковые номера. По отношению к марту сентябрь (september) был седьмым (septimus) месяцем, октябрь (october) — восьмым (octavus), ноябрь (november) — девятым (novem), декабрь (december) — десятым (decimus). Пятый (квинтилий) и шестой (секстилий) месяцы впоследствии были названы июлем и августом в честь Гая Юлия Цезаря и императора Августа.

Позднее римляне прибавили к своему календарю ещё два месяца — январь (Ianuarius), посвящённый богу всякого начала Янусу (ведь с этого месяца стал начинаться год) и февраль (februarius — «очистительный»), в который совершались очистительные жертвоприношения.

Март, май, квинтилий и октябрь имели по 31 дню, остальные месяцы — по 29 дней, февраль — 28. По чётным годам прибавлялся дополнительный месяц, включавший 22 или 23 дня. Поскольку добавочный месяц вводили жрецы, то они, ловко пользуясь политической ситуацией, продлевали или сокращали срок полномочий должностных лиц.

В годы гражданских неурядиц всё так перепуталось, что Цезарь (недаром его именем благодарные римляне назвали один из месяцев!), решив положить этой путанице конец и будучи Великим понтификом, провёл реформу календаря. Он установил, что в году 365 с четвертью суток. Продолжительность месяцев стала, таким образом, неодинаковой: в чётных было по 30 дней, а в нечётных — по 31. Каждые четыре года к февралю прибавлялся один дополнительный день, который римляне считали неблагоприятным (от этого и весь февраль получил дурную славу). Когда же в календаре вместо квинтилия и секстилия появились июль и август, было решено почтить усопших политических деятелей (к тому же провозглашённых богами!) весьма неожиданным способом. У февраля «отобрали» два дня (отчего он стал самым коротким — к вящему удовольствию римлян — месяцем в году) и «поделили» их между июлем и августом.

Хорошо известная сегодня семидневная неделя ведёт происхождение с Востока. О ней говорится и в Библии, но долгое время в Риме таким счётом дней пользовались только христиане. Лишь император Константин Великий в 321 г. н. э. законодательно закрепил семидневную неделю. До этого времени римляне вели счёт дней по-другому. В каждом месяце было три постоянных числа. Первое число месяца называлось Календами (отсюда происходит слово «календарь»). День, который делил месяц на две равные половины, римляне называли Идами (от глагола iduere — «делить»). В январе, феврале,

Они облагались налогом, должны были содержать находящиеся на их территории войска и наместников. Последние назначались сенатом из числа бывших высших магистратов. В Рим они обычно возвращались с огромными состояниями, да и для рядовых граждан в провинциях открывались большие возможности для обогащения.

Римляне почувствовали вкус к богатству и роскоши. Полководцы и наместники, распоряжающиеся, словно цари, судьбами целых народов, привыкали к поклонению и почестям, воздаваемым им в провинциях. Однако если бы только превосходство римских добродетелей и сила оружия создали огромную Римскую державу, вряд ли она просуществовала бы так долго. Римляне очень быстро поняли, что успех зависит не только от военной силы, но и от умения находить наилучшие формы сосуществования с побеждёнными. Они умели не только грабить, но и учиться. Высокомерное отношение к соседям удивительным образом сочеталось с открытостью римской культуры, сохранявшей при этом свою самобытность. Особенно сильным было влияние греческой культуры, более развитой и в то же время родственной римской.

Знатные римляне, считая достойным для себя занятием военную и политическую деятельность, готовы были тратить целые состояния на образованных рабов, которые становились их домашними учителями. Греческие философы, риторы, грамматики и поэты прививали своим хозяевам вкус к философии, поэзии и театру. Получая затем свободу от благодарных господ, они становились вольноотпущенниками — хоть и не полноправными, но свободными членами римского общества. Их дети уже считали себя римлянами и гордились своей принадлежностью к великому народу не меньше, если не больше самих римлян.

Конечно, не все в Риме с восторгом относились к проникновению в жизнь общества чужеземных обычаев. Часть знати с опасением смотрела на увлечение греческой культурой и образованностью, видя в этом серьёзную угрозу для римской доблести. Так, например, крупнейший политический деятель начала II в. до н. э. Катон Цензор Старший (родом из города Тускула) с удивительным упорством преследовал представителей знати, увлекавшихся греческой культурой и устраивавших свой быт по чужеземному образцу. Но никакие охранительные меры не могли вернуть римлян к обычаям их отцов, потому что причиной «порчи нравов» были глубинные изменения в экономической, социальной и политической жизни римского общества.

Во II в. до н. э. усложняется общественная жизнь Рима. Длительные военные походы, надолго отрывая крестьян от их наделов, приводили к разорению мелких хозяйств. В Риме и других городах Италии появляется много свободных граждан, не имеющих средств к существованию и требующих от своей общины земельных наделов. Рим постепенно начинает втягиваться в полосу

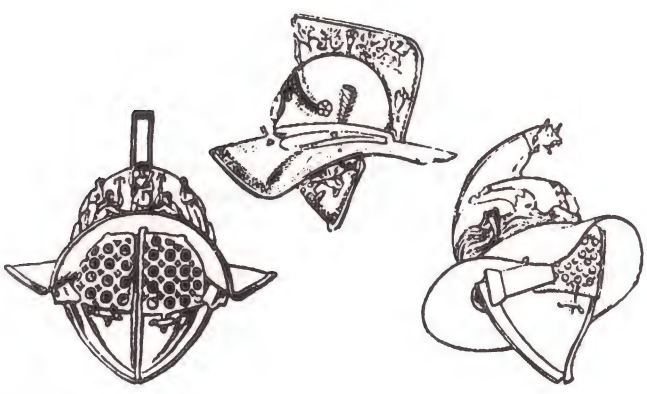
апреле, июне, августе, сентябре, ноябре и декабре они приходились на 13-е число, а в остальных месяцах — на 15-е. Девятый день до Ид назывался Нонами (буквально «девятые»). В марте, мае, июле и октябре они приходились на 7-е число, в других же месяцах — на 5-е. Числа, предшествующие этим дням, римляне обозначали наречием «накануне». Например, 31 декабря было днём накануне Январских Календ. Остальные дни месяца обозначались путём отсчёта дней в обратном направлении. Так, 2 января считалось 4-м днём до Январских Нон (текущий день также включался в подсчёт).

Необычный день был в феврале високосного года. Раз в четыре года римляне дважды отмечали 24 февраля — 6-й день до Мартовских Календ. От наименования этого дополнительного дня — «дважды шестой» (по-латыни bissextus) и произошло название «високосный».

смут. Став богатым властелином мира, он вдруг почувствовал, что его армия — ополчение — не отвечает современным задачам. С большим трудом Риму удаётся разгромить в 3-й Пунической войне слабый, лишённый былого могущества Карфаген; в Испании свободолюбивые местные племена наносят ощутимые удары римской армии. Тиберий Гракх в 133 г. до н. э., а затем его брат Гай Гракх в 122 г. до н. э. с помощью реформ пытаются ослабить напряжение в обществе и вернуть Риму былую военную славу и мощь. Однако правящий нобилитет не желает ничем поступаться даже ради общегосударственных интересов. Не в силах победить братьев с помощью политических мер, знать прибегает к прямому насилию, учинив кровавую расправу над Гракхами и их сторонниками.

Возникают сложности в отношениях с италийскими союзниками. Принимая активное участие в завоевательных войнах Рима, они требуют уравнения в правах с римскими гражданами. Только с помощью оружия в 90-х гг. I в. до н. э. союзники сумели наконец получить права римского гражданства. Восстания рабов, самым крупным из которых было восстание Спартака (73—71 гг. до н. э.), сотрясают Италию.

Старая, приспособленная для нужд маленькой гражданской общины политическая система не в состоянии была справиться с проблемами управления громадной державой. А на политической сцене Рима появляется новая сила — честолюбивые полководцы и верные им армии, готовые идти за своим командиром не только против врагов римского народа, но и против самого Рима. После реформ Гая Мария воинская служба становится профессией, и благополучие воина теперь зависит от таланта и политического авторитета его командира. Если сенат и римский народ не признают этого авторитета, армия готова добыть его для своего полководца с помощью оружия.



Гладиаторские шлемы.

Первым воспользовался армией для захвата власти в Риме Луций Корнелий Сулла. Его диктатура (82—79 гг. до н. э.) положила начало гражданским войнам, раздиравшим Рим полстолетия. Ничто не могло остановить честолюбивых полководцев на пути к единоличной власти. Сподвижник Суллы, Гней Помпей Великий, становится крупнейшей политической фигурой в Риме благодаря своим военным успехам. Сенат, хотя уже фактически не управлял государством, всё же, опираясь на республиканские традиции, старался ослабить авторитет полководцев, опасаясь усиления их влияния на политическую жизнь Рима. Помпей вступил в союз с талантливым политиком и полководцем Гаем Юлием Цезарем. Однако Цезарь был не менее честолюбив, чем Помпей, и не столь разборчив в средствах. Обретя верную армию в походах против галлов, он с её помощью захватил власть в Риме (см. ст. «Гай Юлий Цезарь»). В 45 г. до н. э. Цезарь объявил себя «вечным» диктатором, а в марте 44 г. до н. э. он был убит заговорщиками. Они наивно думали, что достаточно убить диктатора, чтобы восстановить власть сената и народа. Вместо этого Рим снова оказался ввергнутым в пучину гражданской войны. Ещё долгих восемь лет римляне с невероятным ожесточением уничтожали друг друга.

Конец гражданской войне в 30 г. до н. э. положил родственник и наследник Цезаря Октавиан. Рим наконец получил долгожданный мир, о котором мечтали все и ради которого были готовы отказаться от республиканских свобод и подчиниться воле единоличного правителя. Октавиан был блестящим политиком, очень точно улавливающим настроения различных слоёв общества. Он не стал раздражать римлян откровенной демонстрацией своего всевластия. Объявив себя лишь «первым среди равных», принцепсом, он провозгласил наступление всеобщего мира и золотого века. Сенат наградил Октавиана за его заслуги почётным титулом Август — Возвеличенный Богами. Наступление золотого века означало, что Рим как бы достиг той цели, ради которой его создали боги: объединил под своей властью весь «круг земли».

Действительно, первые два века, прошедшие после утверждения в Риме политической системы, получившей название «принципат», были временем наивысшего расцвета Римской державы. Рим больше не ведёт крупных завоевательных войн. Лишь император Траян (98—117 г. н. э.) совершает последние присоединения новых территорий.

Большинство правителей занимаются внутренними делами громадного государства. По всей империи возводятся многочисленные города — уменьшенные копии Рима с цирками, амфитеатрами, термами (банями). Сам Рим из господствующей над завоёванными провинциями общины превращается в столицу единого средиземноморского государства с огромным многонациональным населением.

Как уже было сказано, наступление золотого века означало конец пути, исполнение божественного предназначения Рима. Но мысль о вечности и неизменности существующего порядка, особенно если он далёк от провозглашённого идеала, угнетает душу человека. Жизнь начинает казаться бессмысленной, и тогда он обращается к Богу. Религия давала ощущение свободы от внешнего мира, недоступного для совершенствования, и открывала безграничные возможности для познания внутреннего мира человека. Поэтому в I—II вв. н. э. повышается интерес к религии, ко всему необычному, чудесному. Поскольку традиционные, официальные формы религии были прочно связаны с установившимися в Римской империи порядками, возникают новые религиозные учения. Одним из них стало христианство. Связанное теснейшими узами с античной культурой, оно выработало в то же время совершенно отличный от греко-римского взгляд на мир, на человека и его предназначение. Принятие христианства большинством населения Римской империи в III—V вв. н. э. означало, что наступает новая эра, открывается другая страница истории.

ИМПЕРИЙ

Римляне называли империем высшую власть в государстве. Этот термин происходит от глагола imperare — «управлять, властвовать» и буквально означает «приказ», «приказание».

Первоначально империем владел царь. Он руководил государством, был верховным главнокомандующим, верховным судьёй и верховным жрецом. Иначе говоря, в начале римской истории в понятие «империй» входило представление о высшей гражданской (исполнительной, законодательной и судебной), военной и духовной власти, неразрывно соединённых в руках одного лица — главы общины.

С падением царской власти и установлением республики в 510 г. до н. э. у римлян сложилось представление, что верховным носителем империя является сам римский народ. Любопытно, что и в пределах собственного хозяйства любой гражданин Рима обладал «домашним империем», т. е. абсолютной властью над всеми членами семьи.

В республиканскую эпоху различались три вида империя: полный, большой и малый. Полный империй имел диктатор, остальными наделялись высшие магистраты, избранные на народном собрании. Говоря иначе, на народном собрании верховный носитель империя — народ — передавал право временного пользования им лицам, облечённым высшей властью в государстве. Символом империя были ликторы, сопровождавшие высших магистратов.

В более узком смысле в этот период понятие «империй» употреблялось для обозначения права командования римским войском, отсюда происходит термин «император», который первоначально обозначал лишь верховного главнокомандующего. Привилегией императора было право праздновать триумф в случае победы над неприятелем, а также право наказывать подчинённых ему граждан, выносить приговоры в суде и вносить предложения на народном собрании.

Большой империй имели консулы. В это понятие входили высшая государственная власть и верховное главнокомандование во время войны.

Малым, или, лучше сказать, младшим, империем распоряжались преторы — младшие коллеги консулов и их заместители.

Все остальные магистраты империем не располагали: их полномочия рассматривались как potestas — «власть». Они могли лишь выражать своими высказываниями волю государства, обязательную для выполнения, добиваться повиновения своим распоряжениям, налагать штрафы и удерживать вещи до уплаты долга.

На территории Рима любой вид империя не был полным. Его действие ограничивалось народным собранием, поскольку именно оно являлось высшим государственным органом; сенатом (его распоряжения — сенатусконсульты — предписывали любому магистрату, как действовать в том или ином случае); законами и моральными нормами. Любой римский гражданин имел право обратиться к народному собранию, если усматривал в действиях лиц, наделённых империем, произвол. Кроме того, высшие магистраты не могли издавать законов от своего имени: предложенный ими законопроект обязательно выносился для утверждения на народном собрании.

За пределами Рима любой вид империя действовал в полном объёме.

В провинциях, которые были присоединены к Римскому государству, наместники пользовались империем. Именно поэтому они получали должности проконсула, т. е. «в ранге консула», и пропретора, т. е. «в ранге претора». Правда, империй любого наместника действовал только в границах провинции; за её пределами наместник выступал как частное лицо.

Долгое время римляне полагали, что империй может быть предоставлен только человеку, находящемуся на государственной должности. Однако многочисленные войны заставили изменить этот порядок. В 218 г. до н. э., когда во время 2-й Пунической войны Ганнибал вторгся в Италию, впервые для отражения вражеского нашествия империй был предоставлен человеку, который не занимал никакой магистратуры, но обладал выдающимися полководческими способностями, — Публию Корнелию Сципиону. Надо ли говорить о том,

что он успешно справился с возложенными на него обязанностями главнокомандующего?

В 67 г. до н. э. более обширный — проконсульский — империй получил Гней Помпей для борьбы с чрезвычайно распространившимися в Средиземноморье пиратами. Этот империй не был ограничен ни местом (он распространялся на всё Средиземноморье на расстояние 50 миль от берега), ни временем. Помпей получил право по собственному усмотрению назначать наместников провинций с консульскими и преторскими полномочиями. Он мог распоряжаться городской казной, доходами провинций, средствами подвластных Риму государств. Для успешной борьбы с пиратами Помпей получил большую армию и флот из 500 кораблей.

В 23 г. до н. э. большой империй стал юридической основой единоличной власти Августа, поскольку он был предоставлен вместе с пожизненными полномочиями народного трибуна, т. е. с главным видом власти. Отныне императором стали называть не верховного главнокомандующего, а главу государства.

Облечённый высшими государственными полномочиями, Август стал считать носителем империя самого себя. Из его рук империй, который именовался смешанным, получали городские префекты, в чьём ведении находилась городская полиция, префект претория — начальник императорской гвардии и ректор — наместник провинции.

К этому времени и сами римляне рассматривали империй несколько иначе. Римский империй превратился в синоним Римского государства, крупнейшей державы Средиземноморья, которая распространила власть почти на все территории обитаемого мира. Отсюда и происходит известное понятие «империя».

ДИКТАТУРА

Диктатура — это экстраординарная, т. е. чрезвычайная, должность в Древнем Риме, которая вводилась в критические для государства моменты — во время войн или гражданских смут. Это слово произошло от латинского глагола dictare — «повторять», «предписывать».

Первоначально диктатора называли предводителем народа. На первых порах его избирали из патрициев, но в 356 г. до н. э. диктатором впервые стал плебей.

В руках диктатора находилась неограниченная судебная, законодательная и исполнительная власть. Во время исполнения своей должности он не был подотчётен никому. На срок до шести месяцев диктатор получал полный империй — высшие полномочия в государстве. Его судебные приговоры считались окончательными и не подлежали обжалованию, а изданные им законы сразу же вводились в действие без обычного в таких случаях утверждения на народном собрании. Диктатору подчинялись все магистраты, за исключением народных трибунов, но даже они не могли воспользоваться правом «вето» против действий диктатора. Да и любой гражданин не мог обратиться к народному собранию с протестом, если считал, что действия диктатора являются произволом. Диктатор был главнокомандующим римского войска и имел право назначить себе помощника — начальника кавалерии, чьи полномочия были ниже (в 217 г. до н. э. обе эти должности уравняли в правах). Диктатор назначал ауспиции — гадания по поведению священных птиц о предстоящих событиях, результатам которых придавалось государственное значение.

Внутри Рима власть диктатора не была полной: он не мог распоряжаться жизнью и смертью граждан. Но за первым милевым столбом от города — там, где не действовала власть народного собрания и трибуна, — он мог предать смертной казни любого человека.

По истечении шести месяцев диктатор обязан был снять с себя полномочия и предоставить народному собранию отчёт о своих действиях.

О простоте нравов древних диктаторов римляне слагали легенды. Вот одна из них. В 458 г. до н. э., когда италийское племя эквов окружило римское войско на горе Альгид, сенат назначил диктатором Луция Квинкция Цинцинната. Этот человек ничего не знал о столь высоком назначении, его нашли вспахивающим собственное поле: в глазах римлян этот труд был почётен. Стоял жаркий день, и Цинциннат работал полностью обнажённым. В таком виде его и обнаружили посланцы. Узнав, в чём дело, он вытер пот, оделся и во главе небольшого отряда напал на врагов. Когда римское войско было спасено, Цинциннат сложил полномочия диктатора и вернулся к пахоте.

Особенно часто диктаторы назначались в IV в. до н. э., когда римлянам приходилось отражать нашествия галлов и воевать с соседними италийскими племенами. Со времени 2-й Пунической войны и вплоть до I в. до н. э. должность диктатора оставалась незамещённой.

С начала гражданских войн, до основания потрясших Римскую державу, характер диктатуры

Интерьер виллы Цицерона. I в. до н. э.

круто изменился. Эта должность теперь лишь прикрывала личный произвол политических лидеров, стремившихся к ней только ради того, чтобы придать законный характер собственной единоличной власти. Изменилось и отношение римлян к этой должности: отныне образ Цинцинната вызывал у них чувство безнадёжной тоски по старым добрым временам.

В 82 г. до н. э. Луций Корнелий Сулла (см. ст. «Марий и Сулла») добился принятия закона, который в обход всех республиканских традиций предоставил ему под благовидным предлогом необходимости издания законов и устроения государства диктатуру на неопределённый срок и притом с самыми широкими полномочиями. Сулла получил не только обычное для диктатора право издавать законы. Он имел право назначать магистратов (а ранее диктатор мог только контролировать их деятельность), вёл внешнюю политику (в предшествующий период диктаторы не занимались этим) и, о чём не смели и мечтать диктаторы прежних времён, получил право распоряжаться жизнью и имуществом граждан.

В 44 г. до н. э. Цезарь, также впервые в римской истории, получил от сената пожизненную магистратуру. Вкупе с другими высшими должностями — императора, верховного главнокомандующего и великого понтифика (верховного жреца) — диктатура стала основой его почти монархической власти.

После убийства Цезаря в 44 г. до н. э. Марк Антоний, фактический преемник диктатора, провёл закон, который запрещал диктатуру на вечные времена. Отныне человека, захватившего эту должность, равно как и выдвинувшего кандидатуру диктатора, ждала смертная казнь.

КАРФАГЕН И ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Греческие и римские историки не преувеличивали, когда определяли первые две Пунические войны (всего их было три) как важнейшие в истории Древнего мира. В военном противостоянии двух сильнейших держав Западного Средиземноморья решались судьбы не только Рима и Карфагена, но и будущее европейской цивилизации: быть ли в её основе греко-латинской культуре или культуре семитского Востока.

Карфаген (Новый Город) был основан переселенцами из финикийского города Тира на плодородной земле Северной Африки на берегу большой и удобной гавани. Финикийцы, что в переводе с греческого значит «ловцы пурпура», или, как их называли римляне, пуны, славились среди древних народов Средиземноморья как самые отважные и искусные мореплаватели и купцы. Чрезвычайно благоприятные условия для развития земледелия и морской торговли заложили основу могущества и богатства Карфагена. К III в. до н. э. он превратился в самую сильную державу Западного Средиземноморья, подчинив своей власти не только североафриканские племена, но и финикийские колонии в Африке, на Пиренейском полуострове, на северо-западном берегу Сицилии и близлежащих островах.

Карфаген считался самым богатым городом в мире. Вся морская торговля между Западом и Востоком Средиземноморья шла через его гавань. Здесь стояли сотни кораблей, перевозивших товары со всего света. Застроенный многоэтажными домами, город в период своего наивысшего расцвета насчитывал до 700 тыс. жителей. По своему политическому устройству Карфаген был олигархической республикой. Вся полнота власти принадлежала небольшому кругу аристократических родов, из которых избирали совет старейшин — сенат — и совет ста четырёх. Сенату принадлежала высшая законодательная власть, а совет ста четырёх являлся высшим контролирующим органом; ему подчинялись все магистратуры. Исполнительную власть осуществляли суффеты, главной обязанностью которых было возглавлять армию и флот. Их избирали сроком на один год. Существовало в Карфагене и народное собрание, но оно большой роли в управлении государством не играло. Его созывали обычно в тех случаях, когда возникали серьёзные разногласия внутри карфагенского правительства.

Серьёзную конкуренцию карфагенянам составляли лишь греческие колонии на Сицилии и Южной Италии, но сначала в союзе с этрусками, а затем и с римлянами Карфаген сумел значительно ограничить морскую торговлю греков (см. ст. «Этрурия и этруски»). С конца V в. до н. э. в течение ста лет шла беспрерывная борьба между Карфагеном и греками Сицилии за обладание островом. Оплотом греков в этой борьбе стал крупнейший греческий город Сицилии — Сиракузы. Четырежды карфагеняне захватывали почти весь остров, но взять город не могли. В свою очередь сиракузяне осаждали своих врагов в их крепостях на северо-западном берегу острова и в самом Карфагене. В III в. до н. э. Карфаген владел большей частью Сицилии, и сиракузский царь Гиерон II старался жить с пунами в мире, понимая, однако, что Карфаген не успокоится, пока не захватит весь остров.

К этому времени на политической арене Средиземноморья появилась третья сила — Рим, с жадным интересом наблюдавший за тем, что происходит. Рим, подчинивший к 70-м гг. III в. до н. э. территорию нынешней Италии, чувствовал себя уже достаточно окрепшим, чтобы померяться силами с великим Карфагеном, смотревшим на Рим свысока. Бережливость и простота нравов римской знати вызывали насмешки у бы-

вавших в Риме пунов. С тонкой иронией они говорили: римские сенаторы так дружны между собой, что во всех домах пользуются одними и теми же серебряными столовыми приборами. Карфагенские послы, предостерегая римлян от вмешательства в сицилийские дела, самоуверенно заявляли, что без разрешения пунов те не смогут даже руки помыть в море.

Действительно, ни подчинённые Риму италийские греки, ни сами римляне не имели ни таких быстроходных пятипалубных судов — пентер, какие строили карфагенские кораблестроители, ни равных пунам флотоводцев. Правда, при столкновениях на суше силы их оказывались равными. Карфаген имел хорошо обученную наёмную армию, набиравшуюся из воинственных соседних племён, великолепную нумидийскую конницу, боевых слонов. Но эта армия была ненадёжна. Наёмники служили только до тех пор, пока им платили. Малейшая задержка выплаты денег могла превратить армию во врага и поставить государство на край гибели. Римское ополчение — милиция — состояло из граждан, для которых интересы их города являлись их собственными. Они сами решали — быть или не быть войне, и сражались до последнего с ожесточением и твёрдостью.

Когда сицилийский город Мессана обратился к Риму за помощью в борьбе с Гиероном II, сенаторы передали вопрос на рассмотрение народного собрания — ведь помощь Мессане оборачивалась войной не столько с Сиракузами, сколько с могучим Карфагеном. Граждане Рима проголосовали за войну. Так в 265 г. до н. э. началась долгая и изнурительная 1-я Пуническая война. Рим тем самым заявил претензии на роль великой державы. Он выходил на мировую политическую арену.

Военные действия проходили главным образом в Сицилии и продолжались 24 года. Сначала дела у Рима шли успешно. Гиерон II перешёл на его сторону, и на третьем году войны новые союзники осадили пунов в их крепостях на северо-западном побережье острова. Но победить карфагенян силами одной только сухопутной армии было невозможно, и Рим приступил к созданию флота. За один год с помощью греческих союзников было построено 100 пентер и 30 триер. Утверждение, что римляне тогда впервые погрузили вёсла в воду, вряд ли является преувеличением. Военно-морской флот на протяжении всей истории Рима оставался пасынком. Служба во флоте была менее престижной, чем в легионах. Флотские офицеры набирались большей частью из италийских греков, а экипажи — из союзников и рабов.

Римляне не любили море. Поэтому, насколько возможно, морские сражения они старались превратить в подобие сухопутных. Для этого они снабдили свои корабли перекидными мостиками с железными шипами — «воронами». При сближении с вражеским кораблём «ворон» цеплялся за его борт, и тогда перебравшиеся по нему солдаты сходились в рукопашной схватке с экипажем

Триумфальная колонна в честь первой победы римского флота над флотом Карфагена.

Две консульские армии под началом порывистого Варрона и осторожного Эмилия Павла летом 216 г. до н. э. стали лагерем против армии Ганнибала у селения Канны. Эмилий Павел не хотел боя на широкой равнине, где конница Ганнибала имела бы явные преимущества. Но в день, когда очередь командовать войском перешла к Варрону, тот сражение начал... Победа при Каннах принесла Ганнибалу славу, о какой впоследствии мечтали многие полководцы: 45 тыс. римских пехотинцев и 2700 всадников остались лежать на поле брани. Среди них консул Эмилий Павел, множество бывших высших магистратов и 80 сенаторов. Варрон с 50 всадниками сумел вырваться из окружения и бежать. 4 тыс. пехотинцев и 200 всадников сумел сохранить 19-летний Публий Корнелий Сципион, будущий победитель Ганнибала.

врага. После ряда одержанных таким образом побед на море Рим решил напасть на сам Карфаген. Летом 256 г. до н. э. к берегам Африки был послан огромный флот из 330 судов с экипажем общей численностью 100 тыс. человек и десантной армией в 40 тыс. человек. У юго-восточных берегов Сицилии возле мыса Экном римлян встретил карфагенский флот из 350 судов. Здесь разыгралось самое грандиозное морское сражение в истории Древнего мира. Потеряв около 100 судов, пуны были вынуждены отступить, и римская армия беспрепятственно высадилась на берег Африки. Однако успешно начатая операция провалилась. Сенат отозвал большую часть армии в Италию, оставив в Африке только 15 тыс. пехоты и 500 всадников. Бездарный и самоуверенный консул Регул весной 255 г. до н. э. погубил войско и сам оказался в плену.

После этого поражения римляне ограничили боевые действия территорией Сицилии и её прибрежными водами. В течение следующих 12 лет война шла с переменным успехом и большими потерями для обеих сторон. В общей сложности Рим потерял четыре флота, на борту которых находились три сухопутных войска. Четвёртая сухопутная армия полегла под стенами Карфагена. Карфаген был тоже истощён. Война стала вестись вяло и зашла в тупик. Некоторое оживление в её ход внёс назначенный в 247 г. до н. э. главнокомандующим молодой и энергичный карфагенский полководец Гамилькар Барка (Молния). Он мёртвой хваткой вцепился в клочок оставшейся во власти Карфагена земли, укрепившись на горном плато Эйркте.

На 23-м году войны Рим сделал решительный рывок к победе. На собранные с граждан деньги были построены 200 новых пентер. Появление римского флота в водах Сицилии явилось полной неожиданностью для Карфагена. Состоявшаяся в марте 241 г. до н. э. морская битва у Эгатских островов принесла наконец Риму решающую победу. Карфаген запросил мира, поручив заключить его Гамилькару Барке, сторонника продолжения войны. Он сумел выйти из этой ситуации с достоинством. По условиям мирного договора Сицилия отошла к Риму, и Карфаген должен был выплатить контрибуцию в 3,2 тыс. талантов. Однако требование сдать оружие Гамилькар категорически отверг, заявив, что скорее умрёт, чем вернётся домой с позором. Он увёл из Сицилии свою армию с оружием в руках и с твёрдым намерением продолжить в будущем войну с Римом.

В Карфагене развернулась борьба политических группировок. Гамилькар одержал верх и получил полномочия бессрочного командующего армией, став почти диктатором. Он сразу приступил к подготовке плацдарма для ведения войны с Римом на Пиренейском полуострове. Вместе со своим зятем Гасдрубалом он расширил там границы владений Карфагена до реки Эбро. Но в 228 г. до н. э . Гамилькар погиб в бою, а спустя семь лет пал от руки убийцы его зять Гасдрубал. Войско единодушно избрало своим главнокомандующим 28-летнего сына Гамилькара, Ганнибала. Он унаследовал от отца всю ненависть к Риму, ещё девятилетним мальчиком поклявшись уничтожить заносчивый город. С детских лет Ганнибал воспитывался в военном лагере. Он был искусен и как полководец, и как солдат. В этом человеке, по утверждению римского историка Тита Ливия, сочетались самые противоположные качества: благоразумие и вдохновение, осторожность и энергия.

Поводом к началу новой, 2-й Пунической войны послужила осада Ганнибалом союзного Риму города Сагунта на южном побережье Пиренейского полуострова. Карфаген отказался снять осаду и выдать Ганнибала Риму, и вечный город начал готовиться к войне. Римляне рассчитывали высадиться в Африке, но их планы разрушил Ганнибал, совершивший беспримерный по дерзости переход через Галлию и казавшиеся неприступными Альпы. Горы поглотили половину его армии, но он смог пополнить свои силы дружественно встретившими его галлами.

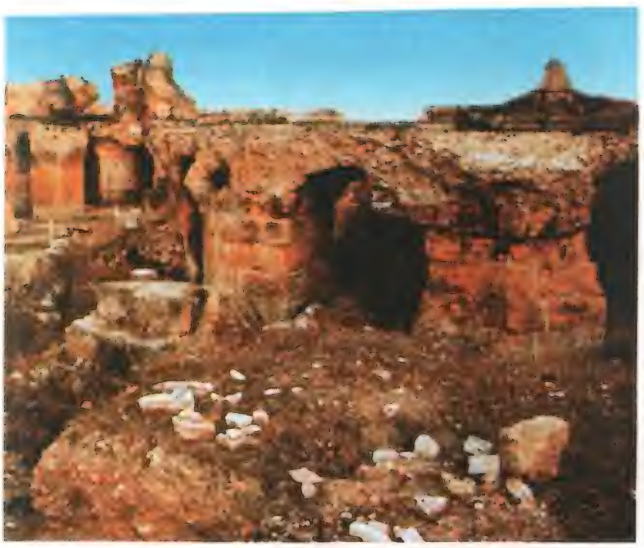
Начиная борьбу с Римом на территории Италии, Ганнибал прекрасно понимал как её трудности, так и преимущества. Он рассчитывал на стремительное завершение войны. Для этого надо было в нескольких крупных сражениях уничтожить главные силы противника и добиться отпадения от Рима его италийских союзников. В первых сражениях, состоявшихся на широкой Поданской равнине и у Тразименского озера, Ганнибал блестяще осуществил первую часть своего плана. Он дразнил римских полководцев, провоцируя их на битву в тот момент, когда это было удобно ему. Выбор места он тоже оставлял за собой. После разгрома у Тразименского озера, где вместе с консулом Гаем Фламинием погибла целая армия, на Рим дохнуло холодом гибели. Однако избранный диктатором Квинт Фабий Максим оказался достойным противником. Он, не вступая в решительные сражения с Ганнибалом, шёл за ним по пятам, нависая как туча и изматывая его армию мелкими стычками. Никакие ухищрения Ганнибала не могли вывести Фабия из равновесия. Избранная им тактика принесла

ему прозвище Кунктатор — Медлитель, а ещё презрение союзников и соотечественников.

Сторонники решительного ведения войны настояли на избрании консулом Гая Теренция Варрона. Тит Ливий характеризует его как человека не только «подлого» — т. е. низкого происхождения, — но и бездарного и самоуверенного. Варрон заявлял, что он как увидит врага, так и закончит войну. Вторым консулом стал опытный полководец Эмилий Павел.

Когда до Рима дошла весть о поражении, там воцарились страх и отчаяние. Было срочно послано посольство в Дельфы, чтобы узнать у оракула, какая судьба уготована городу. В жертву богам принесли человеческие жизни. Ждали Ганнибала. Но великий полководец не поспешил к Риму. Тогда римляне, преодолев растерянность, набрали новое войско из граждан всех возрастов, включая даже подростков и отпущенных на волю рабов. Война начинала принимать затяжной характер, что могло стать гибельным для Ганнибала как в военном, так и в политическом отношении: в Карфагене партия мира могла взять верх. Рим медленно, но верно переходил в наступление. Правда, союзники Рима, потеряв веру в его могущество, стали переходить на сторону Ганнибала. Отпал также ряд греческих городов юга Италии и Сиракузы. Римляне успешно воевали в Пиренеях, не давая пунам возможности оказать оттуда помощь Ганнибалу. Фабий Максим теснил его на юге Италии. В Кампании римляне осадили Капую, и Ганнибал не смог спасти союзный ему город, даже явившись под стены Рима. Горожане не дрогнули, и, постояв под стенами города, Ганнибал ушёл, оставив Капую на произвол судьбы. В Сицилии после длительной осады Марцелл взял Сиракузы.

На Пиренейском полуострове действовали довольно успешно братья Гней Корнелий Сципион и Публий Корнелий Сципион. После их гибели в 211 г. до н. э. ведение войны там было поручено сыну Публия Корнелия Сципиона — также Публию Корнелию Сципиону. Очистив за четыре года (210—206 гг. до н. э.) полуостров от карфагенских войск, он предложил перенести войну под стены Карфагена. После некоторых колебаний — ведь Ганнибал ещё оставался в Италии — сенат разрешил Публию Корнелию Сципиону набрать добровольцев и возглавить поход в Африку. Летом 204 г. до н. э. римские войска появились на земле своего врага, и через год Ганнибал был отозван на родину. Весной 202 г. до н. э. Сципион и Ганнибал вступили в последнюю битву 2-й Пунической войны. Возле небольшого городка Зама пуны потерпели сокрушительное поражение. Карфаген перестал быть великой державой и попал в полную зависимость от Рима. Он утратил все свои владения, военный флот и возможность самостоятельно вести войны.



Руины Карфагена.

Ганнибал, опасаясь выдачи, бежал из родного города. Он не смирился и пытался на Востоке возобновить борьбу против ненавистного Рима, но потерпел неудачу. В 183 г. до н. э. в Вифинии, окружённый мстительными римлянами, он принял яд, чтобы не попасть в руки врага.

Третья Пуническая война (149—146 гг. до н. э.) не принесла славы Риму. Если в первых двух войнах боролись равные противники, то в третьей всесильный Рим расправлялся с беззащитным Карфагеном. В 153 г. до н. э. в Карфагене побывал один из крупнейших политических деятелей Рима Катон Цензор. Увидев богатый и цветущий город, он загорелся желанием стереть его с лица земли. Слова, которыми он после этой поездки заканчивал все выступления в сенате: «Впрочем, я думаю, что Карфаген нужно разрушить» (по-латыни: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam»), — получили широкую поддержку в Риме.

Придравшись к тому, что Карфаген начал оборонительную войну со своим соседом, нумидийским царём Масиниссой, Рим стал предъявлять городу один ультиматум за другим, добиваясь повода к войне. Требование уничтожить город и переселиться на другое место переполнило чашу терпения карфагенян, и они решили бороться до последнего. Три года безоружный, окружённый со всех сторон город не сдавался врагу. Лишь зимой 146 г. до н. э. Публий Корнелий Сципион Эмилиан смог штурмом взять Карфаген. Шесть дней и ночей шли ожесточённые бои на улицах, каждый многоэтажный дом превратился в крепость. Озверевшие воины никого не щадили. Оставшиеся в живых жители были проданы в рабство, сам город — снесён с лица земли, а место, на котором он стоял, предано проклятию. Территории, принадлежавшие Карфагену, были превращены в римские провинции. Рим остался единственным и полновластным хозяином всего Западного Средиземноморья и уже уверенно хозяйничал в его восточной части.

МАРИЙ И СУЛЛА

В 88 г. до н. э. римляне с недоверием передавали друг другу ужасную новость: армия консула Луция Корнелия Суллы, которая должна была выступить против понтийского царя Митридата VI Евпатора, идёт на Рим. Впервые в своей истории город подвергался угрозе со стороны собственных граждан.

Конфликт между Гаем Марием и Суллой начался давно, ещё во время Югуртинской войны (111—105 гг. до н. э.), когда квестор Сулла взял в плен нумидийского царя Югурту, лишив тем самым главнокомандующего Мария части его воинской славы. Вторично Сулла встал на пути Мария во время Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.), так успешно действуя против италиков, требовавших себе римское гражданство, что честолюбивый победитель тевтонов и кимвров Марий оказался в тени побед более молодого соперника.

Но не только личная неприязнь была причиной того, что Марий и Сулла заставили римлян проливать кровь своих сограждан.

Выходец из незнатного рода, Гай Марий благодаря своему невероятному честолюбию и военным талантам сумел добиться консульства в 105 г. до н. э. и избирался шесть лет. При борьбе за власть Марий опирался на армию, которая после проведённой военной реформы постепенно становилась наёмной. Кроме того, Марий поддерживал популяров — сторонников демократических реформ. Недовольные постоянным переизбранием Мария на должность консула, сторонники сенатской республики, выходцы из знатных семей — оптиматы, сумели в 99 г. до н. э. отстранить Мария от власти и удалить его из Рима. Однако во время Союзнической войны 67-летний полководец попытался — и довольно успешно — вернуть себе лидирующее положение в государстве. Консул Сулла, попробовавший противостоять политическому усилению марианцев, был лишён командования в войне с Митридатом. Вместо него повести армию хотел сам Гай Марий, жаждущий победоносной войны. Вот тогда-то Сулла и двинул войска на Рим. Захватив город, консул отменил законы, принятые марианцами, но уничтожить оппозицию не сумел. Марий бежал.

После отбытия Суллы на Восток новый консул Корнелий Цинна попытался восстановить отменённые законы марианцев. Этому решительно воспротивился второй консул Гней Октавий. Произошло кровавое побоище, после которого Цинна, лишённый консульского достоинства, бежал. Однако, собрав силы, Цинна по примеру Суллы повёл армию на Рим и осадил его. К нему присоединился прибывший из Африки Марий. Опасаясь нового кровопролития, сенат восстановил Цинну в звании консула и открыл перед ним ворота. Но это не помогло. Сторонники Мария начали кровавую резню, убивая любого, на кого указывал Цинна или на чьи приветствия не желал отвечать Марий.

В 86 г. до н. э. консулами стали Цинна и Марий. Правда, Марий не успел насладиться своим торжеством, потому что через 17 дней после вступления в должность умер. Впрочем, его преемник Цинна пережил своего союзника совсем ненамного: он скончался в 84 г. до н. э.

В 83 г. до н. э. из Азии вернулся Сулла. Среди его противников не было единства. Силой и хитростью победитель Митридата сумел одолеть выступившие против него армии и в 82 г. до н. э. вступил в Рим, где и был провозглашён диктатором. Помня о допущенной в 88 г. до н. э. ошиб-

Марий.

Сулла.

ке, когда главные силы оппозиции остались нетронутыми, Сулла не боялся проливать кровь приверженцев Мария.

Всех арестованных марианцев Сулла приказал перебить в цирке. Бледные и дрожащие сенаторы слушали речь диктатора, сопровождавшуюся предсмертными криками его врагов. Страх охватил Рим. Никто не знал, что с ним будет завтра и как расценит его лояльность Сулла. Поэтому сенаторы обратились к нему с просьбой назвать тех, кого он решил покарать. По приказу Суллы составили проскрипционные списки лиц, вызвавших гнев диктатора. Но и это не принесло спокойствия, так как списки постоянно пополнялись. Сулла расплачивался со своими подручными имуществом казнённых. Доносительство процветало.

Изрядно поредевший в кровавых столкновениях сенат был пополнен 300 сторонниками Суллы. Диктатор, памятуя, каким путём Марий и Цинна укрепляли свою власть, издал закон, запрещающий добиваться второго консульства ранее чем через десять лет после первого. Сулла также существенно ограничил права трибунов, лишив их возможности напрямую обращаться к народному собранию без согласия сената.

Ещё ранее Сулла прибавил к своему имени прозвище Феликс (Счастливый) и любил именоваться Эпафродитом (Любимцем Афродиты), намекая на особое покровительство богов. Ему действительно удивительно везло в жизни. Начав карьеру очень поздно — в 30 лет, он умел оказаться в нужный момент в нужном месте и легко завоевать славу, которой другие добивались тяжёлым трудом в течение долгих лет. Будучи отпрыском патрицианского рода Корнелиев, Сулла в молодые годы страдал от бедности, однако умер сказочно богатым человеком. Он был храбрым и коварным противником. Недаром говорили, что в его душе живут лев и лисица, причём лисица опаснее...

Сулла заявлял, что никто не сделал больше, чем он, добра друзьям и зла врагам, и нисколько не преувеличивал, так как был скор на расправу и щедр на награды.

В 79 г. до н. э. совершенно неожиданно Сулла сложил с себя полномочия диктатора и консула и предложил народному собранию высказать ему претензии, если таковые, конечно, имеются. У запуганных проскрипциями и убийствами граждан претензий к бывшему диктатору не было. Отказ Суллы от официальной власти выглядит достаточно странно. Однако ни римское общество, ни сам диктатор не были готовы к единоличному правлению. Поэтому Сулла, посчитав, что восстановил старую Римскую республику, спокойно и добровольно отказался от власти, продолжая контролировать политическую жизнь Рима.

Через год бывший диктатор скончался от неизвестной болезни, оставив Риму проблемы, порождённые его кровавым правлением.

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
(100(?) — 44 гг. до н. э.)

В январе 49 г. до н. э. в Риме царила паника. Сенаторы, бросая своё добро, стремились к портам, чтобы как можно скорее убраться из Италии: «Республика пала! Цезарь движется на Рим!». Сенат вслед за своим «защитником» Помпеем почти в полном составе бежал в Грецию, спасаясь от кровавых репрессий и новых проскрипций, которые хорошо были знакомы римлянам со времён диктатора Суллы.

Однако волнения сенаторов были напрасны. Тот, кто шёл на Рим, — победитель галлов, знаменитый полководец Гай Цезарь из рода Юлиев, — не собирался никого карать...

Долог был путь Цезаря к вершинам власти. Несмотря на неудачи, он упорно шёл к своей цели — стать первым в Риме. И наконец древний город после 30 лет тяжёлой политической борьбы признал власть 50-летнего полководца. Началась новая страница в истории Рима.

Гай Юлий Цезарь происходил из старинного патрицианского рода, который вёл своё начало от Юла — сына легендарного героя Трои Энея, рождённого самой богиней Афродитой (Венерой). Имея прославленных предков, Цезарю, казалось, было несложно достичь высоких постов в Римской республике. Однако по семейной традиции он стал жрецом Юпитера, верховного бога Рима. Строгие правила не позволяли юноше-жрецу покидать город более чем на две ночи, разводиться с женой, брать в руки оружие. Но судьба распорядилась иначе...

Рим кипел страстями. Шла гражданская война. Наконец, в 82 г. до н. э., победив своего противника Гая Мария, диктатором в Риме стал Луций Корнелий Сулла Феликс (см. ст. «Марий и Сулла»). Кровавые распри потрясли древний город. Многие граждане были казнены по доносам, а их имущество конфисковано. Никто не смел противоречить всесильному владыке Рима. Никто, кроме нахального мальчишки Цезаря, который даже не успел приступить к исполнению своих жреческих обязанностей (Цезаря отстранили от должности жреца). Спасаясь от гнева Суллы, молодой человек вынужден был бежать из города. Но благодаря связям семьи юный ослушник вскоре получил прощение диктатора. Однако путь в Рим был для него закрыт. Цезарь уехал в Вифинию (провинция Азия) к армии, где за участие в штурме города

Митилена получил свою первую почётную военную награду — дубовый венок, который давали за спасение жизни римского гражданина.

Правление Суллы длилось недолго. В 78 г. до н. э. диктатор умер. И Цезарь устремился в Рим — делать политическую карьеру.

Его нетерпение было настолько велико, что он сразу же принимается за дело. Цезарь стремится обратить на себя внимание Рима буквально самоубийственным поступком. Когда в республике безраздельно господствуют сторонники бывшего диктатора — Помпей и Красс, Цезарь привлекает к суду нескольких видных сторонников Суллы (например, Долабеллу, консула 81 г. до н. э.). Конечно же, Цезарь проиграл все процессы. Однако его речи, произнесённые на суде, создали ему славу одного из лучших ораторов Рима.

Теперь, имея некоторую известность, можно было начинать медленное восхождение на политический олимп. Не следует думать, что это было легко. Даже за небольшую должность в магистратурах приходилось вести жестокую борьбу на выборах. В 68 г. до н. э. Цезарь стал квестором, в обязанности которого входил контроль над государственной казной и финансами. Это давало ему право отныне именоваться сенатором.

Избранный на 65 г. до н. э. эдилом, который должен был не только следить за порядком и строительством в городе, но и устраивать празднества, Цезарь буквально затмил неслыханными тратами на общественные развлечения своих предшественников и напарника. Расходуя огромные суммы на церемонии и театральные представления, обеды и пиры, он покорил римский плебс. 320 пар гладиаторов, вооружение и доспехи которых были сделаны из чистого серебра, выставленные им на одном из праздников, настолько ошеломили римлян, что о его фантастической щедрости начинают ходить легенды. А так как эдил должен был устраивать развлечения на свои деньги, неудивительно, что Цезарь залез в долги (в 61 г. до н. э. кредиторы даже отказались выпустить его из Рима из-за огромных сумм, которые он не мог отдать).

Юлий Цезарь.
Диабаз.
Приблизительно середина I в. до н. э.
Государственный музей. Берлин.

Однако игра стоила свеч: в 63 г. до н. э. Цезарь выставил свою кандидатуру на должность верховного жреца (pontifex maximus) и благодаря своей популярности победил двух сильнейших противников, набрав голосов больше, чем они оба.

Подобная любовь римского плебса к Цезарю начала вызывать недовольство и опасения сенатской верхушки. Политические противники, обвинив Цезаря по ложному доносу в заговоре против республики, привлекли его к суду. Но Цезарь — наконец-то! — блестяще выиграл этот процесс. Затем его на том же основании попытались отстранить от должности верховного жреца. Но времена Суллы уже прошли, и разъярённые толпы плебса ринулись на сенат, потрясая оружием и требуя отменить это решение. Сенаторам пришлось уступить.

В 61 г. до н. э. после исполнения обязанностей претора, контролирующего высшую судебную власть, Цезарь был назначен протектором в Лузитанию (провинция Испания). Одержав ряд побед над местными племенами, Цезарь получил от сената право на триумф. Это право получал полководец, если во время войны было убито более 5 тыс. воинов противника или если в ходе военных действий были захвачены пленники царского рода. Цезарь был провозглашён своей армией императором (почётное звание, которое солдаты давали своим полководцам; см. ст. «Древний Рим»).

...И вот теперь, в 60 г. до н. э., император и триумфатор возвращался в Рим. Он стал богатым человеком — при дележе добычи, раздавая щедрые награды солдатам, Цезарь не обделял и себя.

Приближалось время выборов консулов. Ещё будучи в Испании и проезжая мимо маленького городка, Цезарь на вопрос друзей о борьбе за власть в этом захудалом местечке вполне серьёзно и недвусмысленно ответил, что «предпочёл бы здесь быть первым, чем в Риме вторым». Консульство же было одной из последних ступенек, для того чтобы стать в Риме первым. Цезарь так спешил, что покинул Испанию, даже не дождавшись своего преемника.

Перед воротами древнего города Цезарь остановился. Ему был предоставлен выбор: или войти в город и выставить свою кандидатуру на

выборах, тем самым отказавшись от триумфа (полководцы дожидались триумфа у ворот Рима), или насладиться славой за одержанные победы и отложить свои притязания на власть на неопределённый срок. Цезарь просил сенат, чтобы ему вопреки закону разрешили и то и другое. Но сенаторы были непреклонны. Тогда он отказался от триумфа и, победив на выборах, стал консулом 59 г. до н. э.

Подобно Цезарю, стремившемуся стать в Риме первым, ещё два его современника рвались к той же цели: Гней Помпей Магн и Марк Лициний Красс. Несмотря на своё политическое влияние, ни один из них пока не мог стать единовластным хозяином Рима. Поэтому по инициативе Цезаря, между тремя политиками было заключено соглашение — не допускать действий, неугодных каждому из них. Этот союз Цезаря, Красса и Помпея был впоследствии назван первым триумвиратом (по-латыни tresviri — «союз трёх мужей»).

Цезарь-консул, имея столь мощную политическую поддержку, начал проводить политику, выгодную триумвирату, и в первую очередь Помпею. Однако сенат попытался воспротивиться действиям Цезаря. В Риме было два консула, и второй консул — Марк Кальпурний Бибул, противодействуя Цезарю, поддержал сенат. Дело дошло до вооружённых стычек. Однако Цезарь, не желая уступать, обратился вопреки традициям за поддержкой своих законов к народному собранию, минуя сенат. Бибул, испуганный и оскорблённый, заперся в своём доме и больше не показывался до конца консульства, предоставив Цезарю делать всё что заблагорассудится. Получалось, что в Риме в 59 г. до н. э. был фактически один консул — Цезарь. В Риме годы считались по консулам, поэтому 59 г. до н. э. римляне в шутку называли не «консульством Цезаря и Бибула», а «консульством Юлия и Цезаря».

После консульства Цезарь, как и положено проконсулу, получил в управление провинцию. Но благодаря влиянию триумвирата — не на один год, как требовал закон, а на пять лет с правом объявлять и вести войну без согласия сената. Цезарь имел под началом четыре легиона. Его провинцией стала Галлия. Сначала Цезарь получил только Цизальпийскую Галлию и Иллирик, а затем и остальную часть Галлии, которую надо было ещё завоевать.

Дипломатией и военным искусством Цезарь постепенно начинает покорять галльские племена. К 56 г. до н. э. территории между Альпами, Рейном

Римская мозаика с изображением легионеров.

КЛОДИЙ

В декабре 62 г. до н. э. римские женщины праздновали день Доброй богини. По традиции они собирались в доме Великого понтифика — Гая Юлия Цезаря. Торжество проходило спокойно. Вдруг раздались шум, крики. Оказывается, мать Цезаря, Аврелия, обнаружила в доме, куда в этот день вход был разрешён только женщинам, переодетого женщиной мужчину. Он пришёл на свидание к жене Цезаря — Помпее. Нарушителю спокойствия удалось бежать, но его имя не осталось тайной. Это был молодой аристократ Публий Клодий Пульхр.

Имя Клодия было хорошо известно римлянам. Он мутил воду в легионах Лукулла в Азии, был предводителем «золотой молодёжи» в Риме. Его разгульное поведение и демонстративное попрание старых римских добродетелей было у всех на устах. Римлян шокировали его цинизм и беспринципность в политике.

Молодой аристократ предстал перед судом. Однако Цезарь не только не выступил против Клодия, но и заявил, что он ничего не знает о проступке обвиняемого. Клодий был оправдан, а Цезарь на недоумённый вопрос, почему же тогда он развёлся со своей женой, ответил: «Жена Цезаря вне подозрений».

С 60 г. до н. э. Клодий стремился стать народным трибуном, но этому мешало его патрицианское происхождение. Стремление к популярности побуждало его льстить народу. Его усилия не пропали даром. Высшее обшество презирало его, но популярность среди плебса он завоевал. Цезарь, став консулом, способствовал тому, чтобы Клодий был усыновлён плебеем и смог стать народным трибуном 58 г. до н. э.

Сначала Клодий проводил законы, выгодные триумвирату. Но затем начал выказывать такую большую самостоятельность, что посмел угрожать Цезарю и Помпею. Клодий был отнюдь не чист на руку и даже не брезговал брать деньги от иностранных династов, заинтересованных в поддержке Рима. Поэтому его нетрудно было подкупить, что и сделал Цезарь. Но это ещё не означало, что Клодий всегда действовал в интересах Цезаря — разве что не вредил.

Угрозы в свой адрес Клодий использовал как повод для создания вооружённых отрядов личной охраны. В Риме в I в. до н. э. бывало, что сторонники одного из политических лидеров вооружёнными приходили на Форум. Клодий же ввёл это в систему. И теперь банды вооружённых людей начали третировать его противников, приводя в ужас мирное население Рима. Клодий использовал свои отряды не только в политических целях: он захватывал чужие земельные владения, занимался вымогательством денег у богатых людей.

Имея вооружённую поддержку, Клодий почувствовал себя хозяином положения. Он вмешивался в государственные и международные дела, открыто враждовал с Помпеем и даже подсылал к нему убийц. Помпей тоже не собирался сидеть сложа руки и нашёл для себя человека не менее наглого и беспринципного, чем Клодий, — Милона. Милон по примеру своего врага тоже вооружил своих людей.

В 53 г. до н.э. выборы новых магистратов вылились в жестокие столкновения отрядов Милона и Клодия на улицах Рима. В одной из стычек на Форуме, когда пытались провести выборы, сторонники обеих враждующих группировок пустили в ход камни. Оба консула были ранены.

Из-за постоянных вооружённых конфликтов между Милоном и Клодием выборы в 52 г. до н. э. так и не были проведены. Рим остался без новых консулов.

18 января 52 г. до н. э. на Аппиевой дороге два заклятых врага — Милон и Клодий — встретились лицом к лицу, сопровождаемые своими вооружёнными рабами. Началась перебранка, которая очень скоро переросла в драку. Заблестели кинжалы. Клодий был ранен. Его отнесли в ближайшую таверну, где он был настигнут людьми Милона, которые добили раненого, а труп выкинули на улицу.

и Пиренеями стараниями Цезаря оказались полностью присоединёнными к Риму. Эта победа далась Цезарю довольно легко. «Насколько галлы смело и решительно готовы начинать любые войны, настолько же они слабохарактерны и нестойки в перенесении неудач и поражений», — писал Цезарь в «Записках о Галльской войне».

Цезарь первым из римлян перешёл через Рейн, отбросив вторгшиеся германские племена. Совершил (опять первым) два похода в Британию, подчинив Риму часть живших там кельтских племён и обложив их данью. Удачливый полководец буквально завалил Рим золотом и с его помощью продолжал активно влиять на политическую жизнь.

Однако, занятый Галльскими походами, Цезарь не забывал следить и за прочностью триумвирата. К 56 г. до н. э. напарники Цезаря — Помпей и Красс — находились на грани разрыва. Цезарь встретился с ними в городе Лука, где три политика подтвердили прежние соглашения и распределили провинции: Помпею отошли Испания и Африка, Крассу — Сирия. Цезарю ещё на пять лет продлили полномочия в Галлии.

В этой провинции всё шло не так гладко, как хотелось бы. Благодарственные молебны и празднества, которые устраивались в честь побед Цезаря, не смогли смирить дух галлов и их стремления к освобождению от тяжёлой опеки Рима.

Именно в Галлии Цезарь начинает проводить политику clementia (по-латыни «милосердие»), на принципах которой он будет основывать свою деятельность и в будущем. Он прощал покаявшихся и старался зря не проливать крови, предпочитая иметь обязанных ему жизнью, а не мёртвых галлов.

Однако уже ничто не могло остановить надвигающуюся бурю. В 52 г. до н. э. вспыхнуло Общегалльское восстание, во главе которого встал молодой вождь Вирцингеторикс. Цезарь оказался в сложном положении. У него было всего 60 тыс. человек (10 легионов), а у восставших — 250—300 тыс. Галлы, потерпев ряд поражений в открытом бою, перешли к партизанским действиям. Всё, что завоевал Цезарь, в результате этого восстания он потерял. Но в 51 г. до н. э. под городом Алезия римлянам в трёх сражениях с большим трудом удалось разбить восставших. Вирцингеторикс попал в плен, многие вожди были убиты, ополчение галлов бежало, и восстание пошло на убыль. В 52—51 гг. до н. э. Цезарю пришлось заново завоёвывать Галлию.

Не успело утихнуть Общегалльское восстание, как Цезаря опять ждали неприятности — на этот раз в Риме. В 53 г. до н. э. в походе против парфян погиб Красс. Помпей, не видя после этого смысла в соблюдении прежних соглашений с Цезарем, начал укреплять своё положение и защищать только свои интересы, сближаясь с сенатом.

Римская республика находилась на грани развала. Или Помпей (законным путём — он уже был назначен сенатом единственным консулом),

или Цезарь (незаконным путём) легко могли воспользоваться её слабостью. Все попытки Цезаря закончить дело полюбовно и найти взаимоприемлемое решение были однозначно отклонены сенатом и Помпеем. Попирая римские законы, они собирали войска.

Цезарь в очередной раз оказался перед выбором: или подчиниться требованиям сената и навсегда распрощаться со своими честолюбивыми планами, или, нарушив законы, противостоять единовластию Помпея и, возможно, получить славу врага республики.

Всё это прекрасно понимал и сам будущий диктатор, стоя 10 января 49 г. до н. э. с одним легионом перед небольшой речкой Рубикон, которая отделяла его от исконных владений Рима. Как повествует римский историк Аппиан, Цезарь обратился к друзьям: «Если я не перейду эту реку, друзья мои, то это будет началом бедствий для меня, а если перейду, то это станет началом бедствий для всех людей». Сказав это, он стремительно, как бы по вдохновению свыше, перешёл через Рубикон, добавив: «Да будет жребий брошен» (по-латыни «Alea jacta est»).

Цезарь двинулся на Рим. Сенат и Помпей были шокированы таким поворотом событий и быстротой действий Цезаря. Все приготовления к сопротивлению были оставлены. Италия оказалась брошенной на милость «нарушителя законов», и непобедимый Помпей Великий с некоторыми сенаторами бежали в Грецию. Цезарь стремительно продвигался к Риму, беря один город за другим и почти не проливая крови. Помимо того что к нему из Галлии подошли подкрепления, все римские гарнизоны, первоначально подчинявшиеся Помпею, вливались в войско Цезаря.

1 апреля 49 г. до н. э. Цезарь вошёл в Рим. Все благие намерения Цезаря уладить дело миром рухнули из-за нежелания оставшихся сенаторов быть посредниками при переговорах с Помпеем. Вторая гражданская война началась.

Цезарь проводит ряд важных реформ. Он отменяет всё ещё действующие карательные законы Суллы и Помпея и даёт жителям ряда провинций права римского гражданства. Чтобы привлечь на свою сторону плебс и всадников, Цезарь увеличивает раздачи хлеба и частично отменяет долги.

Уладив дела в Риме, Цезарь поспешил в Грецию, где находился Помпей. Первое, неудачное для Цезаря, сражение состоялось при Диррахии. Войска консула бежали. Сам Цезарь, пытаясь остановить отступающих солдат, едва не был убит знаменосцем, замахнувшимся на него древком. Положение было настолько критическим, что, как сказал сам Цезарь, «война могла бы быть сегодня окончена полной победой, если б враг имел во главе человека, умеющего побеждать». Увы, Помпей не был таким человеком и не сумел воспользоваться своим преимуществом. За что ему и пришлось поплатиться в битве при Фарсале 9 августа 48 г. до н. э., когда Цезарь с вдвое меньшей армией наголову разбил войска противника. Помпей пал духом настолько, что «походил на человека, лишённого рассудка» (Плутарх) и бежал в Египет. Цезарь же после победы начал подчинять себе Грецию и Малую Азию.

Победа Цезаря была уже для всех очевидна, а потому двум его легионам сдался без боя весь помпеянский флот под командованием Кассия. Установив свой порядок в Азии, Цезарь наконец обратил внимание на отсутствие Помпея и поспешил за ним в Египет. Однако коварные египтяне уже поняли, на чьей стороне сила, и преподнесли Цезарю кровавый подарок — голову его врага.

Разгром Помпея при Фарсале, его бесславная смерть, а также буйство плебса на улицах Рима (толпа разбила статуи Суллы и Помпея) склонили наконец-то упрямый сенат на сторону Цезаря. Перепуганные сенаторы провозгласили его бессрочным диктатором и дали ему полный империй. Подумав, они даже даровали Цезарю — вот уж от души! — право на будущий триумф в будущей войне против Нумидии.

Но Цезарь, вместо того чтобы спешить в столь благосклонно настроенный к нему Рим, остался в Египте и занялся улаживанием дел о престолонаследии между красавицей Клеопатрой и её братом Птолемеем. Это, по вполне законным причинам, вызвало недовольство египтян в Александрии, которое переросло в восстание против римлян. Тогда в пожаре сгорела знаменитая Александрийская библиотека. Цезарь вынужден был вплавь покинуть царский дворец. Римляне сидели в осаде до подхода подкреплений из Азии. Наконец всё было улажено, и Клеопатра с помощью римских мечей заняла трон, однако Египет теперь находился под римским покровительством. Цезарь, очарованный Клеопатрой, пробыл в Александрии девять месяцев, забыв о государственных и военных делах.

Однако положение в Риме и провинциях заставило его вернуться к суровой действительности. Возникла угроза консолидации помпеянцев в Африке, Иллирике и Испании. Сын парфянского царя Митридата Фарнак отвоевал Понт и грозился отобрать у Рима Малую Азию. В Италии тоже было неспокойно — бунтовали даже ветераны Цезаря. Против Фарнака Цезарь выступил сам и 2 августа 47 г. до н. э. разбил его, послав в Рим короткое сообщение о столь лёгкой победе: «Пришёл. Увидел. Победил». («Veni. Vedi. Vici».) В Испании и Иллирике с успехом справились его легаты.

В сентябре 47 г. до н. э. Цезарь наконец прибыл в Рим, где одним своим присутствием успокоил все волнения. Достаточно ему было обратиться к своим солдатам, назвав их не «воинами», а «гражданами», чтобы они тут же просили простить их и взять с собой на войну.

Возвратившись в Рим, Цезарь, как бы навёрстывая упущенное (ведь от триумфа в 60 г. до н. э. он отказался), отпраздновал четверной триумф: Галльский, Фарнакский, Египетский и Нумидийский. Перед колесницей триумфатора шли его победоносные легионы, в цепях проходили знатные пленники: Вирцингеторикс — поверженный вождь

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ — ДИКТАТОР И ПИСАТЕЛЬ

Никто из последующих римских императоров не мог сравниться с яркой и удивительной личностью Гая Цезаря из рода Юлиев, который иногда с удивительным легкомыслием совершал безрассудства, но с непостижимой твёрдостью шёл к вершинам власти. Цезарь намного более человечен, чем все правители позднего Рима. Он был способен на любовь и искреннее милосердие. Именно таким, а не надменным каменным изваянием и воплощённым сводом законов, предстаёт перед нами Гай Юлий Цезарь — писатель и талантливый дипломат, гениальный полководец и всесильный диктатор Рима, так мало и так много сумевший сделать для того, чтобы его имя осталось в веках.

галлов, Арсиноя — мятежная сестра Клеопатры, маленький сын царя Юбы. Несли знамёна побеждённых врагов и военную добычу. Общая стоимость захваченных сокровищ равнялась 65 тыс. талантов (талант — денежная единица в Древней Греции и Древнем Риме). Среди них было 2822 золотых венка весом около 8 тонн, подаренных Цезарю различными правительствами и городами. А посередине всего этого великолепия четыре раза проехал сам триумфатор, высокий, с мужественным лицом, одетый в белую тунику, расшитую узором из пальмовых листьев, и пурпурную вышитую тогу. Его колесницу сопровождали ликторы, трубачи и сенаторы. И четыре раза раб держал над его головой высшую награду — золотой венок триумфатора (corona triumphalis).

При раздаче добычи не был забыт ни один житель Рима. 22 тыс. столов с угощением ожидало граждан. Зрелища и игры, в которых участвовали пехота, конница и даже боевые слоны, потрясли римлян.

Казалось, теперь ничто не мешало Цезарю насладиться полнотой власти. Он является пожизненным диктатором. К его имени прибавляется титул «император», который становится частью имени (Imperator Gaius Iulius Caesar). Он получает почётное звание Отца Отечества (Pater Patriae) и Освободителя (Liberator). Цезаря регулярно избирают консулом. Ему оказывают почти царские почести. Его родовым именем называют месяц, в котором он родился, — июль. В его честь строят храмы, его изображения ставят среди богов. Клятва именем Цезаря становится обязательной в судах.

Имея такие огромные полномочия, Цезарь проводит ряд важных реформ: расширяет сенат и увеличивает число магистратов за счёт своих легионеров, тем самым ослабляя власть и сената, и магистратур. Он проводит аграрную реформу и разрабатывает новый кодекс законов («Lex Iulia de vi et de majestate»). Цезарь реформирует календарь, чтобы прекратить политические махинации, устранив споры об исчислении времени (см. ст. «Древний Рим»). Этот календарь с тех пор называется юлианским. У Цезаря огромные планы на будущее: построить новый театр, храм Марса, открыть греческие и римские библиотеки, усмирить даков и парфян.

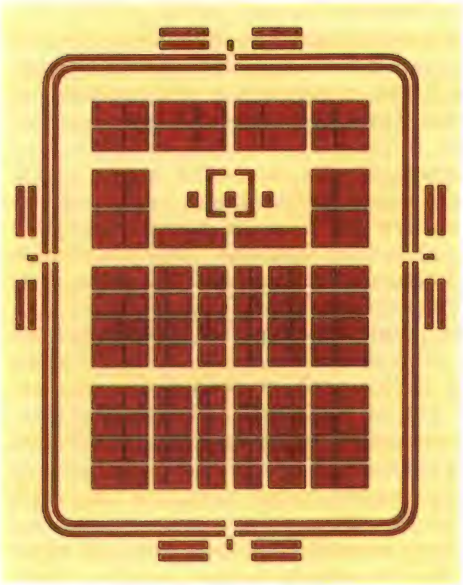


Схема воинского лагеря римских легионеров.

Однако этим планам не суждено было осуществиться.

Несмотря на политику clementia et misericordia, которую неуклонно проводит Цезарь, против его власти зреет недовольство. Цезарь простил и вернул бывших помпеянцев. Ещё после битвы при Фарсале он сжёг всю корреспонденцию Помпея, демонстрируя, что его не интересует, кто поддерживал его противника, и объявил, что каждый обратившийся к нему получит прощение. Однако подобное милосердие окончилось для него плохо.

По Риму начали распространяться слухи о том, что Цезарь стремится стать царём, что он скоро перенесёт столицу из Рима в Малую Азию. Многие обойдённые чинами и званиями, а также те, кто искренне опасался за Римскую республику, составили заговор, в котором участвовали около 60 человек. Достигший вершин власти и могущества божественный Юлий вдруг оказался в политической изоляции.

15 марта (в знаменитые Мартовские Иды) 44 г. до н. э. Цезарь, находясь в сенате, был убит заговорщиками, которых возглавляли бывшие помпеянцы — Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин, а также цезарианец Децим Юний Брут. 23 раны были нанесены всесильному диктатору бросившимися к нему заговорщиками, которые в суете перекалечили и друг друга. И лишь одна рана оказалась смертельной. Но Рим и после устранения Цезаря уже не мог повернуть назад, и все усилия заговорщиков восстановить сенатскую республику оказались напрасными. Вскоре и сами они погибли (см. ст. «Древний Рим»).

Цезарь был одной из самых значительных фигур в истории Рима. Именно с него начинает свои первые шаги Римская империя, которая просуществовала ещё пять веков.

РАБСТВО В АНТИЧНОСТИ

Экономическая система античности строилась на применении труда рабов. Первоначально раб не считался вещью, он был почти членом семьи. Наравне со свободными он работал в поле и с ними же вместе садился за стол. Глава семейства — патриарх — распоряжался жизнью всех домочадцев. Личность раба защищал обычай — никто не имел права обращаться с ним жестоко. (Историки называют такое рабство патриархальным.)

Отец семейства мог предоставить рабу свободу и участок земли. Тогда раб становился вольноотпущенником и членом общины. Именно об этом мечтал свинопас Эвмей — раб Одиссея. Один из немногих рабов последнего, он сохранил верность господину во время его странствий.

Иная система рабства утвердилась в Греции в V—IV вв. до н. э. К этому времени родственные связи уже не соединяли людей так прочно. Возник новый общественный организм — античный полис, экономика которого была немыслима без труда рабов. Их стали ввозить из Скифии, Фракии и других местностей. Чтобы не возникло впечатление, что свободные люди вовсе перестали трудиться, не стоит забывать, что вольные крестьяне и рабы всегда сосуществовали. В это время на раба перестали смотреть как на члена семьи: отныне он был вещью, собственностью господина и потерял права личности. Такое рабство называют классическим. Оно окончательно оформилось в Древнем Риме. Господин мог дать рабу любую работу, продать, жестоко наказать и даже убить — никто не был ему судьёй, так как остальные владельцы рабов поступали точно так же.

Если невольник убивал господина, то в таком случае полагалось казнить всех рабов, находившихся в доме, — одних по подозрению в соучастии, других за то, что не помешали преступнику. Однако вот свидетельство римского автора Плиния Младшего: «Никто не может чувствовать себя спокойно потому, что он снисходителен и мягок: господ уничтожают не по суду над ними, а по склонности к преступлениям».

Большинство рабов не имели собственности: они трудились на земле хозяина, работали в его мастерской; орудия труда тоже принадлежали господину. Всё, что производил раб, забирал хозяин. Однако он же брал на себя и заботу о невольнике, кормил его, одевал, давал крышу над головой; если это было необходимо — лечил. Чтобы раб лучше работал, владелец стремился поощрять трудолюбивых и добросовестных. В глазах рабов даже обычная похвала значила много, не говоря о лучшей еде и одежде. Представление о том, как относились рабовладельцы к рабам, можно получить, прочитав следующие строки из поэмы Гомера «Одиссея»:

Раб нерадив: не принудь господин
повелением строгим
К делу его, за работу он сам
не возьмётся с охотой:
Тягостный жребий печального рабства
избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину
Зевс истребляет.

Рабы стоили дорого. В Афинах их цена в зависимости от пола, возраста, способностей и физического состояния колебалась от 120 до 220 драхм. (Ежедневный прожиточный минимум афинской семьи из трёх-четырёх человек составлял половину драхмы.) Во-первых, это означало, что раба берегли. Уморить его голодом или убить было крайне невыгодно для владельца. Во-вторых, содержать большое количество рабов — до 1000 — могли только очень богатые люди. У зажиточных граждан было не более полусотни рабов, включая и домашнюю прислугу, а люди среднего достатка имели 10—15 невольников. Общее число рабов быстро увеличивалось, но не могло быть больше определённого оптимального предела. Во времена Александра Великого, например, на 30 тыс. свободных жителей Афин приходилось 100 тыс. рабов.

В эпоху классического рабства главным стимулом принуждения раба к труду были не плети и кандалы. Добросовестной работой и преданностью господину можно было заслужить свободу и сделаться вольноотпущенником. В Греции это означало получение прав гражданина.

Многие рабы были домашними слугами. У входа в богатый дом пришедших встречал раб-привратник. Другой раб лил хозяину воду на руки перед едой, разувал его (за трапезой греки возлежали на ложе) и омывал ему ноги. Во время пирушек молодые и красивые невольники развлекали гостей музыкой и танцами. Рабыни прислуживали госпоже, могли исполнять обязанности кормилиц. Часто рабы занимались ремёслами: плотницким, оружейным, кожевенным.

Были и рабы, принадлежавшие государству. Они работали на строительстве храмов, охраняли порядок на улицах, сторожили государственные склады и заведовали архивами. Их положение считалось привилегированным. Они могли иметь жену и дом. Государство платило им жалованье. Наиболее расторопные делали головокружительную карьеру. С негодованием афиняне вспоминали раба Никомаха, которому сами поручили навести порядок в законах — отменить устаревшие и противоречивые. Обманным путём Никомах продлил срок своих полномочий с четырёх месяцев до шести лет с ежедневной оплатой, а за это время успел избавиться от позорного рабского статуса, стать гражданином Афин и даже... прослыть законодателем.

Были среди рабов и врачи, переписчики книг, библиотекари, секретари, актёры и певцы. Как правило, рабы занимались и воспитанием детей. По-гречески «педагог» означало «водитель детей», и должность педагога имела прочно закрепившийся за ней рабский статус. Бывший раб Эпиктет (около 50—130 гг. н. э.) стал одним из крупнейших философов своего времени. Познав тяготы жизни у жестокого хозяина-самодура и обретя свободу, он учил людей быть внутренне свободными — стоически исполнять свой долг невзирая на трудности и не бояться ни бедности, ни тяжкого труда.

«Элиту» составляли рабы — управляющие поместьями (вилики). Они стоили целого состояния: знали толк в сельском хозяйстве, распоряжались работающими в поместье невольниками и даже пускали в оборот хозяйственные средства, чтобы получить дополнительную прибыль. В качестве поощрения имели семью.

В Спарте сложился особый тип рабства, отличный от того, который был в Афинах. Целый народ Мессении — области полуострова Пелопоннес — был порабощён воинственными пришельцами. Местные жители стали называться илотами. Они продолжали жить в своих селениях и трудиться на той же земле, которая теперь принадлежала спартиатам. Каждая семья илотов должна была содержать поработителя, отдавая ему часть урожая. Илоты сохраняли остатки самоуправления, однако были совершенно бесправны, и их жизнью распоряжались граждане-спартиаты. Таким образом, спартанское государство состояло из двух замкнутых, строго разграниченных и вместе с тем тесно связанных классов: свободных и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых, воинов и земледельцев. Когда нарушилось строгое разделение труда, государство спартиатов погибло. Из этого примера понятно, что такое рабство и какое значение оно имело для своего времени.

Греки обосновали разделение людей на свободных и рабов. «Очевидно, что одни люди по природе свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами полезно и справедливо», — писал великий философ Греции Аристотель. Римляне как люди практического склада разработали целую методику «выжимания» прибыли из рабов. В трактате Катона Старшего «О сельском хозяйстве» приводится заповедь рабовладельца: «Рабам не должно быть плохо: они не должны мёрзнуть и голодать». Затем следуют скрупулёзные расчёты: сколько нужно рабу одежды на год, каковы размеры казармы для жилья, количество в ней матрасов и одеял. Хорошо работающий раб получает 1,5 кг хлеба и 0,7 л вина, овощи, фрукты, маслины, соль — столько, сколько съедал свободный крестьянин. Была разработана и система наказаний. «Раб должен или работать, или спать», — считал Катон.

Почему в эпоху распространения рабства в Римской империи не появилось сложных устройств, облегчающих физический труд? Может быть, незаинтересованному в своём труде и недобросовестному рабу нельзя было доверить механизм? Отчасти это верно, но причины такого положения вещей следует искать глубже. Можно сказать, что до введения техники дело просто не дошло. Хозяйство с применением рабского труда было выгодно до тех пор, пока оставалось небольшим поместьем. Его владелец никогда особенно не стремился вводить технические новшества — если бы он поступил так, его хозяйство перестало бы окупаться. Даже в самом «рыночном» хозяйстве часть продуктов использовалась в «натуральном» виде — «съедалась» внутри него, т. е. оно было необходимо не только для «делания денег», но и для пропитания.

В первые века новой эры на смену небольшим рабовладельческим поместьям — виллам пришли огромные хозяйства-латифундии. Здесь рабский труд стал малопроизводителен. Раб не оправдывал даже расходов на его содержание. Способ повышения производительности рабского труда заключался в том, что хозяин латифундии выделял рабу дом, участок земли, необходимый инвентарь, позволял иметь семью. За это раб ежегодно расплачивался частью урожая. Свободные крестьяне, потерявшие землю, становились арендаторами. Таким образом, разница между крестьянами и рабами стиралась. Они превращались в зависимых земледельцев, и называли их колонами. Это было начало протофеодальных отношений.

В это время законы о рабстве в Римской империи становятся гуманнее. Господин не мог убить непокорного раба. Он мог наказать его только через суд, а чрезмерно жестокое и оскорбительное обращение с рабами даже каралось. Государство запрещало разъединять семьи рабов, а со временем признало законными браки свободных с рабами.

Римская республика знала драматические восстания рабов, эпицентром которых был остров Сицилия. Здесь в силу природных условий стало возможным создание крупных плантаций, на которых трудились целые армии рабов. Жестокие условия существования с большей лёгкостью могли вызвать бунт, заставить рабов взять в руки то оружие, которое было им доступно. Однако «лицо» этих восстаний определяли отнюдь не рабы, пусть их было и множество, а свободные крестьяне, ущемлённые в своих земельных правах. В то время как рабы были движимы в первую очередь чувством мести, мелкие землевладельцы проявляли недовольство существующим порядком. Именно под их влиянием Спартак — предводитель наиболее известного восстания 73—71 гг. до н. э. — принял решение идти на Рим, чтобы захватить власть и поровну наделить землёй всех нуждавшихся. Но не только восстания сокрушили рабство, — оно выродилось как экономическая система.

РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРСКИЕ ДИНАСТИИ

Время правления трёх императорских династий — Юлиев-Клавдиев, Флавиев и Антонинов — это время становления в Риме монархической власти и постепенного превращения Рима-полиса в территориальную монархию. Оба процесса завершились к началу II в. н. э. При Антонинах, правление которых начинается с 96 г. н. э., город Рим — это столица огромной Средиземноморской державы с миллионным разноплемённым населением, отражавшим космополитический характер римского государства этого времени. Это был золотой век в истории народов, населявших Римскую империю, время наибольшего внешнеполитического могущества и внутреннего процветания. Но путь к нему оказался долгим и трудным.

Провинции буквально с самого начала установления в Риме режима принципата ощутили на себе благотворное влияние новой политической системы. Но римскому обществу, особенно старой аристократии, пришлось пережить кошмар жестокого террора и диких сумасбродств императоров династии Юлиев-Клавдиев, наследников Октавиана Августа.

Статуя Августа.
Мрамор. Конец I в. до н. э.
Вилла Ливия в Прима Порта.

Результатом политики Августа стало создание в Риме сложной политической системы, в которой сосуществовали в противоречивом единстве элементы полисно-республиканского и монархического строя. Этот двойственный характер режима раннего принципата тяжело отразился на жизни римского общества I в. н. э. Наследником Августа, умершего в 14 г., стал его приёмный сын Тиберий Клавдий Нерон. Он был опытным администратором и полководцем, но обладал тяжёлым и скрытным характером. Тиберий происходил из очень древнего и знатного патрицианского рода Клавдиев и в полной мере унаследовал присущие его представителям крутой нрав и глубокий аристократизм. Август не любил своего пасынка и только под давлением обстоятельств согласился на его усыновление и признание своим наследником.

Умный и образованный человек, поклонник философии стоиков, Тиберий, придя к власти, надеялся гармонично соединить традиции аристократической республики с единоличной властью принцепса. При нём были значительно расширены полномочия сената, бывшего в республиканский период оплотом политического господства римской аристократии. Народное собрание было практически отстранено от управления государством и продолжало существовать лишь как формальная инстанция для утверждения принятых сенатом и принцепсом постановлений. По утверждению римского биографа Светония, Тиберий в своей почтительности и вежливости по отношению к сенату переходил почти все принятые границы. В первые годы своего правления Тиберий постоянно присутствовал на заседаниях сената, где обсуждались все важнейшие государственные дела.

Попытка Тиберия сделать сенат опорой власти принцепса при сохранении в нём преимущественного положения старой знати потерпела крах. Неспособность сената к деятельному сотрудничеству была вызвана борьбой различных группировок внутри него и, главное, зависимостью от воли принцепса. Но Тиберий упорно не желал считаться с реальностью. Его раздражали угодливость и чрезмерная лесть сенаторов, которых он убеждал, что он не господин, а слуга сената. Однако при этом принцепс удерживал в своих руках все рычаги давления на него.

Введённая Тиберием практика судебного преследования за оскорбительные высказывания в адрес божественного Августа, принцепса и членов его семьи по закону об оскорблении величия полностью деморализовала римскую знать и создала обстановку доносительской горячки в римском

Клавдий.
Камея.
41—54 гг. н. э.

обществе. Доносчики (деляторы) награждались досрочным получением высшей магистратуры, обогащались за счёт получения 25% конфискованного имущества обвиняемого.

Следуя политике Августа, Тиберий сохранял привилегированное положение Рима и Италии по отношению к другим частям империи и не предоставлял провинциалам прав римского гражданства. Но беспощадному разграблению провинций во времена сенатской республики император Тиберий противопоставил новый стиль управления, сформулированный в его следующем заявлении: он хочет, чтобы «его овец стригли, а не сдирали с них шкуру».

Тиберий.
Голова статуи.
Бронза.
14—37 гг. н. э.
Национальный
музей.
Неаполь.

Потеряв всякую надежду на осуществление идеальной модели принципата, Тиберий в 26 г. навсегда уезжает из Рима и поселяется на острове Капри, передоверив руководство государственными делами своему фавориту, префекту преторианских когорт (начальнику личной охраны принцепса) Луцию Элию Сеяну, которого называют «злым гением» императора Тиберия. По мнению античных и многих современных историков, именно он был повинен в том, что принципат Тиберия выродился в жестокую тиранию. Римский историк Тацит утверждает, что, задумав захватить верховную власть в государстве, Сеян уничтожил всех законных наследников императора и с помощью закона об оскорблении величия расправился с враждебными ему сенаторами. Однако Тиберий всецело доверял своему любимцу и, возможно, даже собирался сделать его своим наследником. Сеяну уже совсем немного недоставало для достижения желанной цели, когда в 31 г. он вдруг был обвинён Тиберием в заговоре против императора и казнён. По версии античных писателей, причиной столь неожиданного поворота событий стало то, что Тиберию сообщили об убийстве Сеяном в 23 г. его сына Друза (ранее считалось, что он умер от болезни).

После казни Сеяна Тиберий впал в меланхолию и все последующие годы до самой своей смерти в 37 г. с невероятной жестокостью преследовал всех подозреваемых в близости к бывшему фавориту. В римском обществе сложилась столь нездоровая обстановка, что многие сенаторы кончали жизнь самоубийством; даже близкий друг Тиберия Кокций Нерва, проживший рядом с принцепсом все годы на Капри, не выдержал напряжения и покончил с собой. Смерть Тиберия 16 марта 37 г. была встречена в Риме с радостью.

18 марта 37 г. сенат при всеобщем ликовании народа вручил полномочия принцепса внуку Тиберия Гаю Цезарю Августу Германику, по прозвищу Калигула (Сапожок). Первые мероприятия молодого принцепса (ему было 25 лет, когда он пришёл к власти) Рим встретил с одобрением. Калигула обещал править в согласии с сенатом и под его руководством, а также прекратить действие закона об оскорблении величия. В Риме были возобновлены в небывалых масштабах любимые народом представления: гладиаторские бои и травли зверей, которые почти совершенно прекратились при Тиберии. Праздничный угар, однако, закончился довольно быстро. Через несколько месяцев принцепс заболел. После выздоровления Гай Калигула решительно порывает с республиканскими традициями, охранителями которых объявляли себя принцепсы Август и Тиберий. Увлечение гладиаторскими и цирковыми играми перерастает в желание самому принять в них участие. И вот римское общество видит своего принцепса, первого гражданина великой империи, в качестве гладиатора, сражающегося на сцене амфитеатра, и возницы на цирковой арене. По римским понятиям, выступать на сцене и арене цирка — это удел рабов, преступников или

вольноотпущенников, т. е. людей с ущербным социальным статусом. Полноправный гражданин, тем более глава государства, не имел права опускаться до занятий такого рода.

Ещё большее изумление вызывала религиозная политика Калигулы. Он объявил себя живым божеством и, стоя в храме между статуями богов, принимал подобающие богу почести от посетителей или «беседовал» с самим Юпитером Капитолийским. В обществе заговорили о сумасшествии принцепса. Оснований для такого вывода было, с точки зрения современников Калигулы, более чем достаточно. Принцепс, казалось, задался целью доказать всему роду человеческому, что для него нет ничего невозможного. Безумные траты на зрелища, пиры, раздачи подарков, бессмысленные, но грандиозные постройки, совершенно опустошив государственную казну, сменились не менее безумной налоговой политикой для её пополнения. Возобновились судебные процессы об оскорблении величия, единственной целью которых часто была конфискация имущества обвиняемого.

Трудно сказать, что определяло поведение Гая Калигулы, — болезнь или совершенно иное, чем у его предшественников, понимание власти принцепса: не первый гражданин, а господин, по отношению к которому все, от простолюдина до высокопоставленного сенатора, — рабы. «Мне можно всё в отношении всех», — утверждал Калигула и доказывал это на деле. Если Тиберий переходил все принятые границы в демонстрировании почтения к сенату, то Калигула ещё более безгранично унижал его. По утверждению Светония, он даже хотел назначить консулом своего любимого коня Инцитата. В 39 г. Гай Цезарь Калигула издал эдикт, в котором объявил о своей враждебности сенату и отказе сотрудничать с ним. Римская знать восприняла это как узурпацию власти и установление режима тирании в Риме. Она ответила на новый политический курс принцепса серией заговоров. 24 января 41 г. Гай Калигула был убит. Впечатление, произведённое его правлением на римское общество, оказалось столь сильным, что на созванном консулами заседании сената заговорили о восстановлении республики. Но пока в сенате спорили о политическом устройстве государства, преторианцы и римский народ уже решили этот вопрос. Окружив курию, толпа скандировала имя нового императора. Им оказался дядя Калигулы Клавдий.

Избрание Клавдия (Тиберий Клавдий Нерон Германик) принцепсом оказалось полной неожиданностью прежде всего для него самого. Он был уже пожилым человеком, в доме Юлиев-Клавдиев его считали умственно неполноценным и держали в стороне от государственных дел. В детстве он перенёс паралич, у него была неуклюжая походка, тряслась голова и заплетался язык. Калигула держал его возле себя на положении шута. Шутом на троне считала его и римская знать, хотя проводимая им политика не давала к тому никаких оснований. Прежде всего он объявил о возврате к политической системе Августа и постарался наладить нормальную жизнь в Риме. Процессы об оскорблении величия были прекращены, введена разумная финансовая политика, улучшено снабжение Рима продовольствием.

Нерон.
Мрамор.
60—68 гг. н. э.
Национальный музей.
Рим.

Отказавшись от скандальных и неприемлемых для римского общества форм утверждения единовластия, Клавдий повёл планомерную и спокойную работу по укреплению чисто монархических институтов власти и расширению их социальной базы. Сенат и магистратуры продолжали существовать, и Клавдий оказывал им должное уважение. Но параллельно с ними, соперничая и тесня, всё большую роль начинала играть придворная внесенатская администрация. Она создавалась на основе управления личным хозяйством императора. Подобная система имелась в хозяйстве каждого богатого римлянина и состояла из рабов и вольноотпущенников. Клавдий, почти ничего не меняя в этой системе, возвёл службу в хозяйстве императора на уровень

Калигула.
Бронза.
37—41 гг. н. э.
Частная коллекция.
Цюрих.

Веспасиан.
Мрамор.
70—79 гг. н. э.
Копенгаген.

государственной и стал награждать своих наиболее выдающихся вольноотпущенников знаками отличий магистратов.

Клавдий был единственным императором из дома Юлиев-Клавдиев, решившимся продолжить политику Юлия Цезаря по распространению прав римского гражданства на жителей провинций и привлечению провинциальной знати к управлению империей. При нём очень интенсивно шёл процесс романизации Галлии. В 48 г. знать Нарбонской Галлии получила право добиваться сенаторского достоинства, что положило начало формированию общеимперской знати.

Привлечение провинциалов в сенат, рост значения императорского аппарата управления вызывали недовольство среди римско-италийской знати. Крупных заговоров против Клавдия, однако, не составлялось. Оппозиция знати ограничивалась ропотом и злословием. Привязанность старого императора к своим жёнам и вольноотпущенникам предоставляла богатую пищу для самых невероятных слухов. Враждебные Клавдию представители знати группировались вокруг его последней, четвёртой жены Агриппины, расчищавшей дорогу к власти своему сыну от первого брака Луцию Домицию Агенобарбу, вошедшему в историю под именем императора Нерона. После смерти Клавдия, отравленного, как предполагают, Агриппиной 13 сентября 54 г., префект претория Афраний Бурр представил Нерона преторианцам, которые провозгласили его императором.

Новому главе Римской империи едва исполнилось 17 лет, и вопросы государственной политики его мало интересовали. Реально государственными делами руководили воспитатель императора философ Луций Анней Сенека и Афраний Бурр. Они представляли оппозиционные Клавдию круги знати, поэтому их политика была направлена на восстановление главенствующего положения сената и магистратур в системе административного управления империей. Первые пять лет правления Нерона прошли в согласии с сенатом. Но при дворе императора шла ожесточённая борьба между его матерью и наставниками, которая закончилась тем, что сначала Нерон приказал убить Агриппину, а затем избавился, после смерти Бурра в 62 г., и от Сенеки, заставив его уйти в отставку. Теперь он мог беспрепятственно заниматься тем, что его увлекало больше всего, — пением и декламацией на сцене театра. Чувство вседозволенности превратило Нерона в чудовище, заставившее Рим вновь пережить ужасы времён правления Гая Калигулы.

Знать прибегла к испытанному средству борьбы — заговору. Но заговорщики никак не могли решить, кому и где убить императора. В результате заговор был раскрыт в 65 г., и это дало Нерону повод для массовых репрессий против римской знати. Наконец, устав от казней и пригрозив сенаторам их полным уничтожением, Нерон отправился в 66 г. в артистическое турне по Греции. Тем временем обстановка в Риме и провинциях всё более накалялась. Восстала Иудея, восстал наместник Лузитанской Галлии Гай Юлий Виндекс, к нему присоединился наместник Испании Сервий Гальба, в Риме начали колебаться преторианцы. Нерон совершенно растерялся и ничего не предпринимал, для того чтобы изменить ситуацию. Наконец, сенат объявил его врагом отечества. Император бежал из Рима и после долгих скитаний покончил с собой. Молва утверждала, что, умирая, он повторял: «Какой артист погибает!».

Со смертью Нерона прекратилась династия Юлиев-Клавдиев. В течение её правления монар-

Тит.
Мраморный
фрагмент.
79—81 гг. н. э.
Музей Ватикана.
Рим.

хический элемент в системе принципата, то активизируясь, то отступая, вытеснял республиканские институты из государственного устройства империи. Возрастала роль провинций, права римского гражданства распространялись за пределами Италии.

В 68—69 гг. Рим оказался во власти своих собственных войск, различные группировки которых боролись между собой за то, чтобы возвести на престол каждая своего ставленника. Победителем в этой борьбе оказался Тит Флавий Веспасиан, посланный в 67 г. императором Нероном на подавление восстания в Иудее (см. ст. «Иудея и иудейские войны»). Он стал основателем новой императорской династии в Риме — династии Флавиев (69—96 гг.). Веспасиан был человеком очень скромного происхождения; трезвый ум, осмотрительность и осторожность позволили ему пережить тяжёлые времена принципатов Гая Калигулы и Нерона. По мнению римского историка Тацита, Веспасиан был единственным императором, которого власть изменила не в худшую, а в лучшую сторону. Скромный и неприхотливый в личной жизни, обладающий колоссальной трудоспособностью, он и на троне оставался прежде всего великим тружеником. Светоний сообщает, что, приступив к восстановлению Рима, сильно пострадавшего во время гражданской войны 68—69 гг., он собственными руками расчищал развалины сожжённого солдатами храма Юпитера Капитолийского и выносил обломки на спине.

Первым делом Веспасиана было приведение в порядок государственной финансовой системы, совершенно расстроенной сумасбродствами Нерона. Были сокращены расходы императорского двора, введены новые налоги в Италии и провинциях. Император не брезговал никакими доходами для пополнения казны. Он ввёл даже налог на общественные уборные. Своему сыну Титу, возмущённому этим нововведением, он поднёс к лицу монету и спросил, пахнет ли она? (Отсюда и пошло выражение «деньги не пахнут».) Результаты финансовой политики Веспасиана были блестящими, что позволило ему начать обширное строительство в Риме. Им был построен новый форум с храмом Мира, начато строительство грандиозного амфитеатра на 50 тыс. зрителей, позднее получившего название Колизей.

Рельеф с колонны Траяна, установленной в Риме в честь императора.

Веспасиан продолжил политику императора Клавдия по распространению прав римского гражданства на западные провинции империи. При нём знать галльских и испанских общин прочно утвердилась в римском сенате, став надёжной опорой власти принцепса.

Веспасиан умер летом 79 г. Присущее императору чувство юмора, говорят, не покинуло его и на смертном одре. Почувствовав приближение смерти, он сказал: «Увы, я, кажется, становлюсь богом». Дело в том, что римских императоров после смерти причисляли к сонму богов, если, конечно, сенат не объявлял кого-нибудь из них врагом отечества. Веспасиан передал власть своему старшему сыну Титу Флавию Веспасиану, правление которого оказалось очень недолгим. Он умер в 81 г., оставив хорошую память о себе, благодаря тому что продолжал политику отца.

Последним императором династии Флавиев стал Тит Флавий Домициан, младший сын Веспасиана, которого основатель династии не любил и держал в стороне от государственных дел. Домициан, обладавший крутым и властным характером, испортил отношения с сенатом открытой демонстрацией своей власти. Он требовал, чтобы его называли господином (dominus) и даже богом (deus noster). Знать не любила Домициана и дала ему прозвище Лысый Нерон — за то, что он возобновил преследования сенаторов по закону об оскорблении величия и пытался завоевать

Домициан. Бронза. 81—96 гг. н. э. Копенгаген.

Развалины виллы Адриана.

любовь народа организацией зрелищ и щедрыми раздачами подарков.

Обострение отношений между принцепсом и знатью совпало с наступлением варварских племён на дунайской границе империи. В 86 г. племена даков вторглись в римскую провинцию Мезия. Война приняла затяжной характер, и Домициану удалось закончить её, лишь откупившись от варваров выплатой контрибуции (89 г.). Это сильно подорвало его авторитет в обществе, что в свою очередь толкнуло императора на путь репрессий. Развязав террор против знати, Домициан сам подписал себе приговор. Он был убит заговорщиками в сентябре 96 г.

Сенат провозгласил императором Марка Кокция Нерву, с которого начинается история правления династии Антонинов (96—193 гг.). Преемственность власти при Антонинах обеспечивалась не родственными узами, а усыновлением и провозглашением соправителем императора кого-либо из наиболее авторитетных военачальников и администраторов. Этот принцип наследования императорской власти избавлял римское общество от возможности появления на троне таких фигур, как Калигула или Нерон. Императоры Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий были, несомненно, выдающимися политическими деятелями. Лишь последний из Антонинов, Коммод, выпадает из этого ряда. Он был родным сыном Марка Аврелия и, получив императорскую власть как родовую собственность, заставил Рим вспомнить и Калигулу, и Нерона.

Время правления первых четырёх императоров из династии Антонинов (96—161 гг.) было золотым веком в истории Римской империи. Уже при Флавиях принципат перестал быть противоречивой, республиканско-монархической системой, поэтому самодержавный характер власти Антонинов не подвергался сомнению. Старая римская аристократия, заставившая когда-то Октавиана Августа установить с ней отношения партнёрства, давно ушла с исторической сцены. В римском сенате теперь заседала знать из самых различных областей Средиземноморья, как западных, так и восточных. Этот сенат уже полностью утратил республиканские иллюзии, и все его требования сводились лишь к одному: не казнить сенаторов без разрешения самого сената. Клятву соблюдать это условие, данную императором Нервой, нарушил только Коммод.

В 98 г., после смерти Нервы, императором был провозглашён усыновлённый им наместник Верхней Германии, талантливый полководец Марк Ульпий Траян, родом из Испании. Тацит, характеризуя время правления императоров Нервы и Траяна, пишет, что они соединили вместе вещи, доселе несовместимые, — принципат и свободу. Устойчивая и сильная власть, самодержавный характер которой теперь признавался всеми слоями римского общества, позволяла императору быть терпимым и благожелательным в отношениях с сенатом. Мир и согласие, воцарившиеся

Траян.
Мрамор.
Второе десятилетие
II в. н. э.

Адриан.
Голова статуи.
117—138 гг. н. э.

Антонин Пий. Бюст. Мрамор. 138—261 гг н. э. Национальный музей. Неаполь.

в Риме, дали сенату основание присвоить Траяну титул Лучшего Принцепса.

Траян продолжил и развил введённую Нервой алиментарную систему. Это была система государственной помощи беднейшим слоям населения, причём не только в Риме, но и во всех городских общинах империи. Дети из бедных семей и сироты получали ежемесячное пособие и бесплатно обучались в начальной школе. В одном только Риме государственное пособие получали 5 тыс. нуждающихся детей.

Император Траян был первым и последним правителем Рима, отступившим от завещанной Августом политики сохранения существующих границ Римской империи. В 101 г. он начал войну с даками, которая закончилась в 106 г. их покорением и превращением Дакии в римскую провинцию. В память об этой победе Траян построил самый роскошный в Риме форум, в центре которого была возведена мраморная колонна с изображением эпизодов войны с даками (она сохранилась до наших дней). Укрепив северную границу империи, Траян решил покончить с самым сильным и давним римским врагом на Востоке — Парфянским царством. Осенью 113 г. он выступил в поход против Парфии. Была захвачена столица Парфянского царства город Ктесифон, в состав Римской державы включена Месопотамия; Траян строил планы похода и на Индию. Но начавшиеся в восточных провинциях империи волнения заставили его отказаться от продолжения войны. В 117 г., закончив военные операции на Востоке, Траян умер по пути в Рим. Его прах в золотой урне был похоронен в основании воздвигнутой им колонны. Его преемникам обычно желали «быть счастливее Августа и лучше Траяна» (т. е. достичь невозможного).

Преемник Траяна Публий Элий Адриан (117—138 гг.) вернулся к традиционным для империи эпохи Августа принципам внешней политики: укреплению границ и отказу от дальнейших территориальных завоеваний. Пришлось даже вернуть Парфии все завоёванные Траяном области, потому что удержание их требовало такого увеличения военной мощи империи, которое грозило подорвать её силы.

Всё внимание Адриана было обращено на совершенствование системы управления империей. За годы своего правления он объездил все провинции огромной державы, лишь изредка и ненадолго возвращаясь в Рим. В эти поездки его влекли не только административные заботы, но и страсть к путешествиям. Адриан был высокообразованным человеком, большим поклонником греческой культуры, которая переживала в это время своё возрождение. Городская культура Средиземноморья достигла в годы правления Адриана наивысшего расцвета. Возрождаются старые города, строятся новые, причём центральное правительство проявляло большую заботу об их благоустройстве и поддержании довольно высокого уровня жизни. Строятся не только амфитеатры и термы (бани), но и библиотеки и школы.

В конце жизни уставший и впавший в меланхолию император поселился в своей роскошной вилле в Тибуре, недалеко от Рима, где по его приказу было воспроизведено всё, что поразило Адриана во время путешествий. Император был человеком капризным, подозрительным и жестоким. В старости эти стороны его характера стали особенно заметными, но умный политик и государственный деятель всегда брали в нём верх над капризами, поэтому, долго не решаясь назвать своего преемника, он в конце концов остановил свой выбор на наиболее достойном — Тите Аврелии Антонине.

Правление Антонина Пия (Благочестивого — так прозвали современники Тита Аврелия Антонина) было мирным и спокойным (138—161 гг.). Казалось, нет такой силы, которая могла бы нарушить покой и величие Рима. В 161 г., после смерти Антонина Пия, сбылась мечта величайших античных мыслителей — государство возглавил император-философ Марк Аврелий. «Он

Коммод в образе Геркулеса. Мрамор. 190 г. н. э. Рим.

Стены Рима, построенные при императоре Аврелиане.

обладал всеми добродетелями и божественным умом», — так характеризует Марка Аврелия античный биограф. Но, по иронии судьбы, именно в годы правления Марка Аврелия (161—180 гг.) Римской империи суждено было претерпеть новые страшные беды.

Пришли в движение варварские племена, жившие на границах империи; начали наступление парфяне. Император метался от одной границы к другой, империя напрягала все свои силы, чтобы не допустить продвижения варваров в глубь Средиземноморья. На востоке удалось вытеснить парфян из Сирии и заключить с ними мир, но вернувшаяся домой армия принесла с собой страшную болезнь — чуму. Эпидемия чумы, свирепствовавшая несколько десятилетий, привела к обнищанию и опустошению многие области римского государства. Сам император Марк Аврелий скончался от этой болезни в Виндобоне (Вене) в марте 180 г.

Ещё в 176 г. он назначил своим соправителем и наследником родного сына Коммода. Говорили, что Марк Аврелий, зная, сколь легкомыслен и развращён его сын, желал его смерти. Однако иного правителя для Рима он не нашёл. Став императором, Коммод быстро прекратил войну с германскими и сарматскими племенами на дунайской границе, пообещав их вождям ежегодные щедрые подарки. Вернувшись в Рим, 19-летний император предался такому веселью, о каком Рим успел уже давно забыть. Одетый в львиную шкуру и с палицей в руке, разыгрывая из себя Геркулеса, он избивал на арене цирка беззащитных зверей и людей. Знать составляла заговоры, шайки разбойников разоряли Италию, а Коммод продолжал свои сумасбродства. Наконец он поселился в гладиаторской казарме, где и был убит заговорщиками в 193 г.

Эпоха правления Антонинов закончилась. Римская империя вошла в полосу длительного и тяжёлого кризиса. У неё ещё оказалось достаточно сил, чтобы преодолеть его, но III век стал веком заката античной цивилизации.

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ. ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

Около 285 г. н. э. в Наиссусе, у цезаря Флавия Валерия Констанция I Хлора, римского наместника в Галлии, и его жены Елены Флавий родился сын Флавий Валерий Константин. Сам Констанций Хлор был человеком скромным, мягким и учтивым. В религиозном отношении он был монотеистом, поклонялся богу солнца Солу, который во времена Империи отождествлялся с восточными божествами, в особенности с персидским богом света Митрой — богом солнца, богом договора и согласия. Именно этому божеству он и посвятил свою семью. Елена по одним источникам, была христианкой (в окружении Констанция было много христиан, и он относился к ним очень доброжелательно), по другим — язычницей. В 293 г. Констанций и Елена вынуждены были развестись по политическим мотивам, но бывшая жена занимала по-прежнему почётное место при его дворе. Сына Констанций должен был с юных лет отправить ко двору императора Диоклетиана в Никомедию.

К тому времени Христианская Церковь играла уже очень большую роль в жизни Империи и христианами были миллионы людей — от рабов до высших чиновников государства. Много христиан было и при дворе в Никомедии. Однако в 303 г. Диоклетиан под влиянием своего зятя Галерия, грубого и суеверного язычника, решил уничтожить Христианскую Церковь. Начались самые страшные гонения на новую религию общеимперского характера. Тысячи и тысячи людей были зверски замучены за одну принадлежность к Церкви. Именно в этот момент юный Константин оказался в Никомедии и был свидетелем кровавой вакханалии убийств, вызвавшей в нём скорбь и сожаления. Воспитанный в обстановке веротерпимости, Константин не понимал политики Диоклетиана. Сам Константин продолжал чтить Митру-Солнце, и все его помыслы были направлены на то, чтобы укрепить своё положение в той сложной обстановке и найти дорогу к власти.

В 305 г. император Диоклетиан и его соправитель Максимиан Геруклий отказались от власти в пользу преемников. На востоке Империи власть перешла к Галерию, а на западе —

к Констанцию Хлору и Максенцию. Констанций Хлор был уже тяжело болен и просил Галерия отпустить его сына Константина из Никомедии, но Галерий оттягивал решение, опасаясь соперника. Только через год Константину, наконец, удалось получить согласие Галерия на отъезд. Смертельно больной отец благословил сына и передал ему командование войсками в Галлии.

В 311 г. страдающий неизвестным недугом Галерий решил прекратить гонения на христиан. Видимо, он подозревал, что его болезнь — «месть бога христиан». Поэтому он позволил христианам «свободно собираться на свои сходки» и «возносить молитвы о безопасности императора». Через несколько недель Галерий умер; при его преемниках гонения на христиан возобновились, правда в меньших размерах.

Максенций и Лициний были двумя Августами, а Константин провозглашён сенатом Главным Августом. На следующий год на западе Империи началась война между Константином и Максенцием, поскольку Максенций претендовал на то, чтобы стать единоличным правителем. Лициний примкнул к Константину. Из 100-тысячного войска, расквартированного в Галлии и находящегося в распоряжении Константина, он смог выделить только четвёртую часть, а у Максенция было 170 тыс. пехоты и 18 тыс. конницы. Поход Константина на Рим начинался, таким образом, в неблагоприятных для него условиях. Языческим богам были принесены жертвы, для того чтобы боги приоткрыли будущее, и их предсказания были плохими. Осенью 312 г. небольшая армия Константина подошла к Риму. Константин как бы бросал вызов вечному городу — всё было против него. Именно в это время религиозному цезарю стали являться видения, укрепившие его дух. Сначала он увидел во сне в восточной части неба огромный огненный крест. А вскоре ему явились ангелы, говорящие: «Константин, сим победишь». Вдохновлённый этим, цезарь приказал начертать на щитах солдат знак имени Христа. Дальнейшие события подтвердили видения императора.

Повелитель Рима Максенций не покидал города, получив предсказание оракула, что погибнет, если выйдет за ворота Рима. Войсками успешно командовали его полководцы, опираясь на огромный численный перевес. Роковым днём для Максенция стала годовщина получения им власти — 28 октября. Сражение вспыхнуло под стенами города, и солдаты Максенция имели явный перевес и лучшую стратегическую позицию, но события как бы подтверждают пословицу: «Кого Бог хочет наказать, того он лишает разума». Внезапно Максенций решил обратиться за советом к «Сивиллиным книгам» (сборник изречений и предсказаний, служивший для официальных гаданий в Древнем Риме) и прочёл в них, что в этот день погибнет враг римлян. Воодушевлённый этим предсказанием, Максенций покинул город и появился на поле боя. При переходе Мульвинского моста возле Рима мост обрушился за спиной императора; войска Максенция охватила паника, они бросились бежать. Сдавленный толпой, император упал в Тибр и утонул. Даже язычники видели в неожиданной победе Константина чудо. Сам же он, конечно, не сомневался, что обязан своей победой Христу.

Именно с этого момента Константин стал считать себя христианином, однако крещения пока не принимал. Император понимал, что укрепление его власти неизбежно будет связано с поступками, противоречащими христианской нравственности, и поэтому не спешил. Быстрое принятие христианской веры могло не понравиться сторонникам языческой религии, которых было особенно много в армии. Таким образом, сложилась странная ситуация, когда во главе империи стоял христианин, формально не являющийся членом Церкви, потому что пришёл он к вере не через поиски истины, а как император (кесарь), ищущий Бога, защищающего и освящающего его власть. Это двусмысленное положение впоследствии стало источником многих проблем и противоречий, но пока, в начале своего правления, Константин, как и христиане, испытывал воодушевление. Отражением этого является Миланский эдикт о веротерпимости, составленный в 313 г. императором Запада Константином и императором Востока (преемником Галерия) Лицинием. Этот закон существенно отличался от указа Галерия 311 г., к тому же плохо исполнявшегося.

Миланский эдикт провозглашал веротерпимость: «Свободы в религии стеснять не должно, напротив, нужно предоставить право заботиться о Божественных предметах уму и сердцу каждого, по собственному его произволению». Это был очень смелый шаг, имевший огромное значение. Провозглашённая императором Константином религиозная свобода надолго осталась мечтой человечества. Сам же император впоследствии не раз изменял этому принципу. Эдикт предоставлял христианам право распространять своё учение и обращать других людей в свою веру. До сих пор это им было запрещено как «иудейской секте» (обращение в иудаизм по римским законам каралось смертью). Константин приказал вернуть христианам всё имущество, конфискованное во время преследований.

Хотя в период правления Константина провозглашённое им равноправие язычества и христианства соблюдалось (император разрешал родовой культ Флавиев и даже строительство храма «своему божеству»), все симпатии власти были на стороне новой религии, и Рим украсила статуя Константина с поднятой для крестного знамения правой рукой.

Император внимательно следил за тем, чтобы Христианская Церковь обладала всеми привилегиями, которыми пользовались языческие жрецы (например, освобождением от казённых

повинностей). Более того, вскоре епископам дали право юрисдикции (ведения суда, судопроизводства) в гражданских делах, право отпускать рабов на свободу; тем самым христиане получили как бы свой собственный суд. Через 10 лет после принятия Миланского эдикта христианам было разрешено не участвовать в языческих празднествах. Таким образом, новое значение Церкви в жизни Империи получило юридическое закрепление почти во всех областях жизни.

Политическая жизнь Римской империи между тем шла своим чередом. В 313 г. Лициний и Константин остались единственными властителями Рима. Уже в 314 г. Константин и Лициний вступили в борьбу между собой; император-христианин победил в двух сражениях и добился присоединения к своим владениям почти всего Балканского полуострова, а ещё через 10 лет между двумя соперничающими владыками произошло решающее сражение. У Константина было 120 тыс. пехоты и конницы и 200 небольших судов, а у Лициния — 150 тыс. пехоты, 15 тыс. конницы и 350 больших трёхвёсельных галер. Тем не менее войско Лициния было разбито в сухопутном бою под Адрианополем, а сын Константина Крисп разгромил флот Лициния в Геллеспонте (Дарданеллах). После ещё одного поражения Лициний сдался в плен. Победитель обещал ему жизнь в обмен на отречение от власти. Однако драма на этом не закончилась. Лициний был выслан в Фессалоники и через год казнён. В 326 г. по приказу Константина был убит и его десятилетний сын, Лициний Младший, несмотря на то что его мать, Констанция, была сводной сестрой Константина.

Одновременно с этим император повелел убить и своего родного сына Криспа. Причины этого неизвестны. Одни современники считали, что сын участвовал в каком-то заговоре против отца, другие — что его оклеветала вторая жена императора, Фауста (Крисп был сыном Константина от первого брака), стремясь расчистить дорогу к власти для своих детей. Через несколько лет погибла и она, заподозренная императором в нарушении супружеской верности.

Несмотря на кровавые события во дворце, римляне любили Константина — он был сильным, красивым, вежливым, общительным, любил юмор и отлично владел собой. В детстве Константин не получил хорошего образования, но образованных людей уважал.

Внутренняя политика Константина заключалась в постепенном содействии превращению рабов в зависимых крестьян — колонов (одновременно с ростом зависимости и свободных крестьян), укреплении государственного аппарата и увеличении налогов, в широком предоставлении сенаторского звания богатым провинциалам — всё это усиливало его власть. Император распустил преторианскую гвардию, справедливо считая её источником внутригосударственных заговоров. К службе в армии широко привлекались варвары — скифы, германцы. При дворе было очень много франков, и Константин первым открыл варварам доступ к высшим должностям. Однако в Риме император чувствовал себя неуютно и в 330 г. основал новую столицу государства — Новый Рим — на месте торгового греческого города Визáнтия, на европейском берегу пролива Босфор. Через некоторое время новая столица стала называться Константинополем. С годами Константин всё больше и больше тяготел к роскоши, и его двор в новой (восточной) столице был очень похож на двор восточного владыки. Император одевался в пёстрые шёлковые, расшитые золотом одежды, носил накладные волосы и ходил в золотых браслетах и ожерельях.

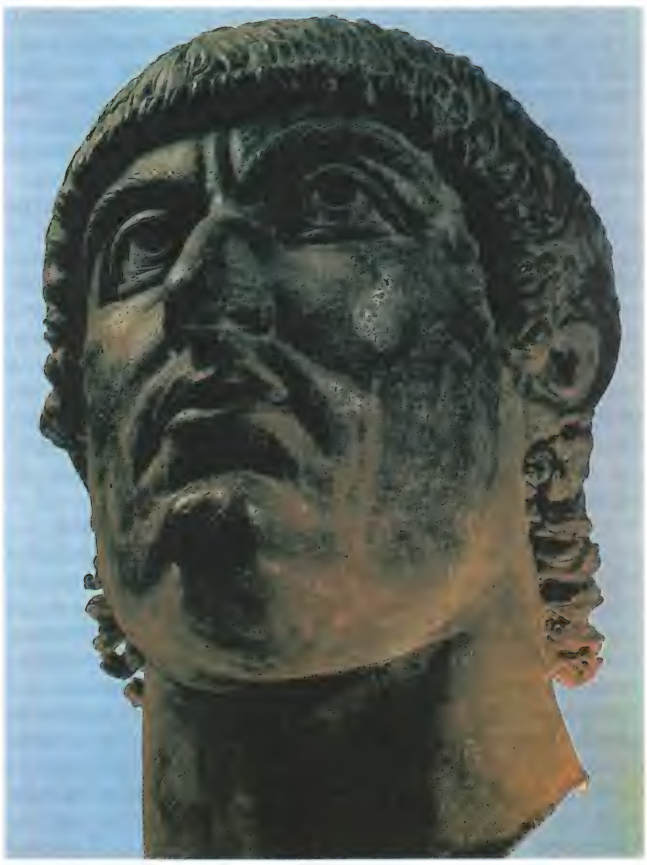
В целом 25-летнее правление Константина I проходило мирно, если не считать начавшейся именно при нём церковной смуты. Причиной этой смуты кроме религиозно-богословских споров было то, что взаимоотношения императорской власти (кесаря) и Церкви оставались невыясненными. Пока императором был язычник, христиане решительно защищали свою внутреннюю свободу от посягательств, но с победой императора-христианина (пусть пока и не принявшего крещения) ситуация принципиально менялась. По традиции, существовавшей в Римской империи, именно глава государства был верховным арбитром во всех, в том числе и религиозных, спорах.

Первым событием был раскол в Христианской Церкви Африки. Часть верующих были недовольны новым епископом, так как считали его связанным с теми, кто отрёкся от веры в период гонений при Диоклетиане. Они выбрали себе другого епископа — Доната (их стали называть донатистами), отказались подчиняться церковным властям и обратились к суду кесаря. «Какое безумие требовать суда от человека, который сам ожидает суда Христова!» — воскликнул Константин. Действительно, ведь он даже не был крещён. Тем не менее, желая мира для Церкви, император согласился выступить в роли судьи. Выслушав обе стороны, он решил, что донатисты не правы, и тут же проявил свою власть: их вожди были отправлены в изгнание, а имущество Церкви донатистов конфисковано. Это вмешательство власти во внутрицерковный спор противоречило духу Миланского эдикта о веротерпимости, однако было воспринято всеми как совершенно естественное. Ни епископы, ни народ не возражали. Да и сами донатисты, жертвы гонений, не сомневались в том, что Константин имеет право разрешить этот спор, — они лишь требовали, чтобы гонения обрушились на их противников. Раскол породил взаимное озлобление, а гонения — фанатизм, и настоящий мир в Африканскую Церковь пришёл ещё очень не скоро. Ослабленная внутренними смутами, эта провинция через несколько десятилетий стала лёгкой добычей вандалов.

Но самый серьёзный раскол произошёл на востоке Империи в связи со спором с арианами. Ещё

в 318 г. в Александрии возник спор между епископом Александром и его диаконом Арием о личности Христа. Очень быстро в этот спор оказались втянуты все восточные христиане. Когда в 324 г. Константин присоединил восточную часть Империи, он столкнулся с ситуацией, близкой к расколу, что не могло его не удручать, поскольку и как христианин, и как император он страстно желал церковного единства. «Верните мне мирные дни и спокойные ночи, чтобы я, наконец, нашёл утешение в чистом свете (т. е. — единой Церкви. — *Прим. ред.*)», — писал он. Для решения этого вопроса он созвал собор епископов, который состоялся в Никее в 325 г. (I Вселенский или Никейский собор 325 г.).

Прибывших 318 епископов Константин принял торжественно и с большим почётом в своём дворце. Многие епископы были жертвами гонений Диоклетиана и Галерия, и Константин со слезами на глазах смотрел на их увечья и шрамы. Протоколы I Вселенского собора не сохранились. Известно лишь, что он осудил Ария как еретика и торжественно провозгласил, что Христос единосущен Богу-Отцу. Собор проходил под председательством императора и решил ещё несколько вопросов, связанных с богослужением. В целом для всей империи это было, конечно, торжеством христианства.



Константин Великий.
Бронза. IV в. Рим.

В 326 г. мать Константина Елена совершила паломничество в Иерусалим, где был найден крест Иисуса Христа. По её инициативе крест подняли и медленно поворачивали на четыре стороны света, как бы посвящая Христу весь мир. Христианство победило. Но до мира было ещё очень далеко. Придворные епископы, и прежде всего Евсевий Кесарийский, были друзьями Ария. На соборе в Никее они согласились с его осуждением, видя настроения подавляющего большинства епископов, но потом пытались убедить императора в том, что Арий осуждён ошибочно. Константин (всё ещё не принявший крещения!), конечно, прислушивался к их мнению и поэтому вернул Ария из ссылки и предписал, вновь прибегнув к своей императорской власти, принять его обратно в лоно Церкви (этого не произошло, так как Арий умер по дороге в Египет). Всех непримиримых противников Ария и сторонников Никейского собора, и прежде всего нового александрийского епископа Афанасия, он отправил в ссылку. Это происходило в 330—335 гг.

Вмешательство Константина привело к тому, что арианский раскол растянулся почти на весь IV век и изжит был только в 381 г. на II Вселенском соборе (Константинопольский собор 381 г.), но это случилось уже после смерти императора. В 337 г. Константин почувствовал приближение смерти. Всю жизнь он мечтал креститься в водах Иордана, но политические дела мешали этому. Теперь, на смертном одре, больше откладывать было нельзя, и перед смертью его крестил всё тот же Евсевий Кесарийский. 22 мая 337 г. император Константин I скончался в Аквирионском дворце, близ Никомедии, оставив трёх наследников. Прах его погребён в Апостольской церкви в Константинополе. Церковные историки нарекли Константина Великим и провозгласили его образцом христианина.

Значение Константина I Великого огромно. По сути с него началась новая эпоха и в жизни Христианской Церкви, и в истории человечества, получившая название «эпохи Константина», — период сложный и противоречивый. Константин первым из кесарей осознал всё величие и всю сложность сочетания христианской веры и политической власти, первым попытался осознать свою власть как христианское служение людям, но при этом неизбежно действовал в духе политических традиций и нравов своего времени. Константин дал Христианской Церкви свободу, выпустив её из подполья, и за это был назван равноапостольным, но однако он слишком часто выступал арбитром в церковных спорах, подчиняя тем самым Церковь государству. Именно Константин первым провозгласил высокие принципы веротерпимости и гуманизма, но не смог их претворить в жизнь. Начавшаяся дальше «тысячелетняя эпоха Константина» будет нести в себе все эти противоречия её основателя.

ВОЕННОЕ ДЕЛО ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ

Древнейшие периоды развития военного дела в Европе не столь ярко освещены в письменных и изобразительных источниках, как это было на Востоке.

Бронзовое оружие, появившееся в Южной Европе несколько позже, чем в странах Востока, почти сразу достигло очень высокого уровня — и в части производства, и в части функционального совершенства. Основным центром развития была Эгеида, охватывающая побережья и острова нынешнего Эгейского моря, самая культурная область Европы той эпохи, откуда волны цивилизации, так сказать, распространялись в Центральную, Северную и Западную Европу.

Уже в XV в. до н. э. в Греции, когда там ещё существовали государства греков-ахейцев, появляется замечательное вооружение, вполне соответствующее требованиям того времени. Войско ахейских царств состояло из ополчения боеспособных мужчин, свободных и полноправных, которых на войне сопровождали в качестве слуг и носильщиков неполноправные члены патриархальных общин, а также рабы. Воины победнее были вооружены луками и стрелами, пращами, кинжалами. Они начинали бой, и, в случае победы, они же его и заканчивали: вязали пленных, добивали раненых врагов. Основную боевую силу составляли зрелые мужи, вооружённые бронзовыми мечами, иногда весьма длинными, с сужающимися клинками, которыми было удобнее колоть, чем рубить, а также длинными копьями с массивными наконечниками и кинжалами. Защитой служили огромные щиты из пегой коровьей шкуры, натянутой на плетёную прутяную основу либо прямоугольной формы, либо в виде цифры «8».

Голову воина прикрывал яйцеобразной формы шлем из многослойной кожи, обшитый рядами пластин из кабаньих клыков. Часто шлем имел нащёчники и назатыльник и увенчивался плюмажем или гребнем из конского волоса, а то и рогами быка. Голени воинов защищали толстые наголенники-гамаши из белой кожи, к которым изредка крепились спереди бронзовые овальные пластины. Перед боем воины строились стенкой — фалангой, как тысячелетием раньше в Месопотамии. Только в Греции фаланга не исчезла так быстро...

Цари и высшая знать ахейцев сражались, стоя на двухколёсных колесницах, запряжённых конями, и поражали врагов не стрелами и дротиками, как в Месопотамии, Сирии или Египте, а длинными копьями, как хетты. Мечи и кинжалы ахейской элиты, украшенные золотом и слоновой костью, представляли собой шедевры искусства. Голову воина прикрывал обычно бронзовый шлем, корпус — тяжёлый сложный панцирь из крупных подогнанных бронзовых частей (иногда из кусков твёрдой формованной кожи), а ноги — комбинированные из кожи и бронзы наголенники. Правую руку воина защищал бронзовый трубчатый наруч. Щиты колесничные бойцы-греки до X в. до н. э. не использовали, возвышаясь в кузовах повозок подобно бронзовым колоннам. Воинов на колесницах было мало, и сражались они в основном с себе подобными колесничными бойцами противника. Такой поединок зачастую решал исход боя, так как оказывал мощное моральное воздействие на рядовых бойцов: те либо безудержно рвались вперёд за своим победоносным вождём, либо, если их предводитель был убит или ранен, обращались в бегство, в лучшем случае пытаясь спасти хотя бы его тело.

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. ахейские традиции распространились на Центральную и Западную Европу. Здесь военная знать стала носить бронзовые кирасы, шлемы, щиты и поножи, часто сплошь покрытые чеканкой и гравировкой. Оружие европейских воинов составляли длинные тяжёлые бронзовые мечи с очень изящными клинками и рукоятями, роскошные секиры, мощные копья, простые по конструкции луки и стрелы с бронзовыми наконечниками. Немногочисленные колесницы военных вождей были украшены мозаикой из бронзовых бляшек, цветной кожей; кони сияли бронзовыми украшениями сбруи. Войска древних европейцев — кельтов, иллирийцев, фракийцев — состояли из ополчений боеспособных мужчин племени. В центре войска находился вождь на колеснице, весь в блеске бронзы, его окружала — свита из глав благородных семейств, также тяжеловооружённых. Распределение обязанностей между народом и вождём, который считался лицом священным, было справедливым: вождь лишался жизни в случае военной неудачи, а самые влиятельные семейства племени отдавали вождю своих сыновей, служивших при нём «пажами», последние могли лишиться жизни в случае измены их родственников.

Греки, ведя постоянные войны между собой и с разнообразными варварами, в ходе начавшейся с VIII в. до н. э. Великой колонизации создали структуру войска, напоминавшую ту, что существовала ещё в древнейшей Месопотамии. Основу его составляла фаланга, сформированная из полноправных граждан в расцвете лет. Защитное снаряжение фалангита состояло из бронзового шлема с высоким волосяным или металлическим гребнем, более или менее закрывавшего лицо, и бронзовой кирасы, с течением времени всё натуралистичнее изображавшей мускулатуру торса, либо панциря из многослойного льняного полотна или кожи, обшитой бронзовыми чешуйками. Их дополняли бронзовые «мускульные» наголенники и огромный круглый щит, деревянная основа которого обтягивалась ко-

жей или полотном, имела чеканный бронзовый кант, символическое изображение в центре и богатую роспись. Этот щит, гоплон, дал название члену фаланги — гоплиту. Гоплит имел два копья, одно из которых, покороче и полегче, метал в противника, вторым же — длинным и тяжёлым — колол в ближнем бою. После того как враг в результате стремительной и страшной, сопровождаемой воем труб, свистом флейт и громким пением боевого гимна, атаки ломал строй и рассыпался, фалангиты выхватывали из ножен мечи, либо короткие прямые обоюдоострые, либо изогнутые однолезвийные, напоминающие серпы. Прикрываясь щитами с привешенными снизу ковриками, бойцы рубили растерявшегося врага. Завершить сражение им помогали состоящие из пращников, лучников, метателей дротиков легковооружённые соединения, формировавшиеся из молодых неполноправных членов городской общины и жителей деревень. Эти же воины завязывали сражение, а затем прикрывали фаланги с флангов.

Тяжёлая конница, известная грекам ещё с конца II — начала I тысячелетия до н. э., постепенно теряла своё значение на поле боя, хотя и считалась престижным родом войска, состоящего из самых богатых и знатных мужей. В бою они действовали копьями, обычно в паре с другим копейщиком-всадником, не имевшим доспехов и куда более подвижным.

Греко-персидские войны дали новый толчок развитию военного дела эллинов. Знаменитая битва при Марафоне в 490 г. до н. э. показала не только силу, но и слабость фаланги. Вопреки преданиям, греки в этой битве чуть ли не вдвое превосходили персов численностью. Греческой фаланге противостояла лёгкая пехота и небольшой отряд тяжёлой конницы. И вот атака одной-двух сотен персидских воинов против девятитысячной фаланги увенчалась прорывом стены щитов и копий. Стратегу Мильтиаду удалось вновь сомкнуть фалангу и двинуть её на неприятеля. Победа греков оказалась полной потому, что персидские конники пали жертвой собственной безрассудной храбрости, а малочисленная лёгкая пехота была бессильна против массы гоплитов.

Мощь фаланги, особенно спартанской, насчитывавшей обычно 8 тыс. человек, построенных в 8 шеренг в глубину, ярко проявилась в битве при Платеях в 478 г. до н. э., где объединённое войско греков встретилось с равной по численности армией персидского полководца Мардония. Мардоний лишил противника источников воды. Измученные жаждой, афиняне, спартанцы и их союзники начали отходить. Персы бросили в нужный момент все силы в бой и почти достигли успеха. Но спартанский полководец Павсаний сумел сплотить потрёпанную фалангу и бросить её на врага. А удара фаланги на близком расстоянии выдержать не мог никто...

Конец V в. — первая половина IV в. до н. э. ознаменованы бесконечными войнами греческих государств между собой при активном вмешательстве Персидской державы. В это время в Греции появились наёмники. Они были гоплитами, лучниками, пращниками, метателями дротиков. Причём метатели разных снарядов ценились всё больше. Они были мобильны, увёртливы, их попадания представляли опасность для спаянного строя фаланги: ведь каждый раненый или убитый нарушал необходимую монолитность рядов. В то же время сражаться в рядах фалангитов было почётнее, а лук считался как бы варварским оружием.

Афинский стратег Ификрат учёл военный опыт разных полисов и ввёл в войско соединения пельтастов, имевших небольшой, сплетённый из прутьев и обтянутый расписной кожей щит овальной или луновидной формы — пельто — и вооружённых дротиками и изогнутыми клинками — махайрами. Защитой иногда служил и лёгкий безрукавный панцирь из многослойной льняной ткани или кожи, кое-где обшитый металлической чешуёй.

В 371 г. до н. э. фиванский стратег Эпаминонд впервые в античности применил боевой манёвр, получивший впоследствии блестящее развитие. Против построенной в 12 шеренг десятитысячной фаланги и 1000 всадников спартанцев и их союзников Эпаминонд выставил 1500 всадников и шеститысячную фалангу из 8 рядов. Однако на своём левом фланге — против лучших спартанских бойцов — он поставил эмбалон — ударную колонну глубиной в 50 шеренг, в последних рядах которой стоял «священный отряд» из 300 отборных воинов. Конники обеих сторон расположились друг против друга перед выстроенными гоплитами.

Когда Эпаминонд изобразил ложный отход, спартанцы ответили тем же, но тут на их всадников обрушилась фиванская конница. Вогнав спартанских всадников в ряды собственных гоплитов, фиванские всадники отошли, так как спартанская фаланга бросилась в контратаку, пытаясь охватить фланг фиванской фаланги. Но спартанский царь Клеомброт не разглядел 50 скрытых шеренг и не ожидал удара такой силы. Эмбалон всей массой под прикрытием «священного отряда» ударил на узком участке по 12 шеренгам спартанской фаланги и смял её в этом месте. Клеомброт не смог перестроить разбежавшуюся фалангу и погиб в неравном бою.

На боевых традициях Эпаминонда в Фивах воспитывался живший там в качестве заложника будущий царь Македонии Филипп II. Он создал новую военную систему, с помощью которой за 24 года своего правления объединил почти весь Балканский полуостров. В состав его армии традиционно входили фаланга, пельтасты, тяжёлая и лёгкая конница. Но фаланга была огромной — из 16—18 тыс. бойцов — и насчитывала до 24 шеренг в глубину. Это потребовало применения бойцами особо длинных (до 4 м) копий-сарисс. Защитное снаряжение изменилось лишь в деталях. Как показали раскопки гробницы

4
3
2
1
М. Горелик

Филиппа II, доспехи высшей знати стали ковать из железа.

Важнейшим родом войск Македонии была тяжёлая конница. Она включала около 1700 бойцов, вооружённых сариссами, короткими мечами и более длинными махайрами и защищённых бронзовыми шлемами, панцирями-кирасами из чешуек, нашитых на мягкую основу, и поножами. Поскольку длинные сариссы приходилось держать обеими руками, щиты эти воины не применяли. Их звали гэтайрами, или — «друзьями», составлявшими свиту из пажей царя и его сыновей. Именно тяжёлая конница наносила главный удар. Лёгкая конница и пехота часто набирались из воинственных балканских варваров — фракийцев и иллирийцев, а также «полуварваров» фессалийцев — лучших конников полуострова. Наиболее ярко достижения греко-македонского военного дела проявились в войнах, которые вёл гениальный полководец древности, сын Филиппа II — Александр Великий (см. ст. «Филипп II и Александр Македонский»).

В 334 г. до н. э. 35-тысячная армия 22-летнего македонского царя переправилась через Геллеспонт и начала своё победоносное шествие по странам мира. Александр довёл до совершенства принцип нанесения асимметричного удара разными частями войска: фалангой и конницей гэтайров. Они действовали, как молот и наковальня. При этом удар наносился не только под прямым, но и под острым углом к фронту противника, а тяжёлая конница атаковала не только колонной, но и клином или ромбом.

После смерти Александра Великого созданная им империя довольно быстро развалилась. Образовался ряд монархий. Войны не прекратились. Наиболее важными достижениями в военном деле IV—I вв. до н. э. является развитие военной техники — метательных машин, таранов, фортификации. Именно в это время стали появляться разной мощности механизмы из дерева, волоса и бронзовых деталей, которые с поразительной точностью метали различные по весу камни и дротики на расстояния в десятки и сотни метров. Инженеры древности создали гелеполы — гигантские движущиеся башни, оснащённые метательными машинами, таранами и мостками, получившие грозное прозвище «покорительниц городов». Фортификация пополнилась башнями, казематами, ловушками со спрятанными в них метательными машинами.

В III в. до н. э. центры развития военного дела смещаются на периферию эллинского мира, на его варварские окраины. Мощным, хотя и кратковременным, был всплеск военной активности кельтов. В их обществе произошли серьёзные сдвиги. Единая в прошлом священная власть вождя разделилась: власть над душами перешла к жрецам-друидам, зато большую свободу получили военные вожди. Резкое увеличение численности кельтов подвигло их на завоевания в Британии и Испании, Центральной Европе и Малой Азии. Воинственный энтузиазм кельтов-галлов переходил в неистовство: среди них были безумцы, нагими рвущиеся в бой в первом ряду. Их успехам содействовало надёжное конское снаряжение и оружие: удобные, но строгие уздечки, оригинальные сёдла, длинные мечи и широкие наконечники копий из железа, бронзовые и железные остроконечные шлемы, обтянутые кожей большие овальные щиты с выпуклой железной пластиной в центре. Эпохальным изобретением кельтов оказалась кольчуга из железных, соединённых между собой колечек. Надёжная и лёгкая, хотя и очень трудоёмкая в изготовлении, она быстро завоевала симпатии воинов и на Востоке, и на Западе. Особенно в Италии...

Благодатный Апеннинский полуостров издавна привлекал к себе внимание. Греки и этруски создали здесь сеть городов-государств с культурой эллинского типа, повлиявшей на местные народы — самнитов, осков, луканов, латинов... Их исконные округлые шлемы с полями, большие, с чеканной бронзовой обивкой щиты, панцири в виде дисков или прямоугольников, крепившихся ремнями на корпусе, короткие прямые мечи и изогнутые махайры дополнились шлемами греческих форм, кирасами и мускульными поножами.

В III в. до н. э. Рим — гегемон Италии — образовал новый тип государственного устройства — Римско-Италийский союз. Он пережил и одолел две мощные агрессии.

Царь Пирр, владения которого включали современную Албанию и пограничные с ней территории, приучил римлян драться с фалангой, а галлы познакомили их со щитом и кольчугой. Римское войско называлось легионом и первоначально состояло из 4200 человек пехоты и 330 всадников. Пехота подразделялась на лёгкую — юных велитов, каждый из которых имел короткий меч, 6 дротиков и круглый щит, и среднюю — состоящую из мужей с достатком, называемых гастатами и принципами, вооружённых тяжёлыми дротиками-пилумами, короткими мечами и защищённых шлемами, нагрудными прямоугольниками, поножами и щитами. Отборную, тяжёлую пехоту составляли зрелые мужи, служившие триариями. Облачённые в шлемы и кольчуги и прикрытые большими щитами, они бились длинными копьями и короткими мечами. Конники — самые богатые римляне — имели копья, мечи, круглые или овальные щиты, шлемы с полями и кольчуги. Строился легион подобно фаланге: велиты спереди, триарии в тылу.

Важнейшей установкой римской воинской жизни была безопасность стоянки. Где бы и на какой бы срок ни останавливался легион, он тут же начинал строить защищённый рвом и стеной

Воины Древней Европы:
1 — микенский воин XV в. до н. э.;
2 — спартанский воин V—IV вв. до н. э.;
3 — кельтский воин III—I вв. до н. э.;
4 — римский воин I в. до н. э.

Кельтский щит.

из брёвен лагерь, в котором в раз и навсегда установленном порядке располагались ворота, площадь собраний — форум, палатки командования — преторий, палатки сотников (центурионов) и десятников (декурионов), стойла лошадей и другие службы.

Самым страшным испытанием для Рима оказались войны с Карфагеном — государством финикийцев, колонизовавших территории на севере Африки и претендовавших на захваченные ими земли в Испании и на Сицилии. В военном отношении это было типично эллинистическое государство, широко использовавшее, однако, наёмных воинов и целые племенные соединения.

Карфагенский полководец Ганнибал успешно применял окружение, внезапное нападение из засады, точно наносил стремительные конные удары. Величайшую победу Ганнибал одержал в битве при Каннах в 216 г. до н. э. (см. ст. «Карфаген и Пунические войны»). Разделив своё войско на три части, он изобразил отход в центре, куда и двинулась римская фаланга. Стоявшие на флангах галлы и конники внезапно развернулись лицом к римской фаланге и ударили с двух сторон по врагу, оказавшемуся в ловушке. Этот манёвр впоследствии неоднократно копировали полководцы всех времён.

Рим в итоге победил; стойкость и дисциплинированность римских легионеров одерживали верх и над храбростью, и над воинским искусством, и над техническим совершенством противника. Римляне и сами заимствовали нужное им из достижений противников: галльские кольчуга, щит и шлем, испанские меч и кинжал, дротик из длинного, мягкого железного прута с закалённым наконечником, вставленного в деревянное древко; восточный чешуйчатый панцирь, греческая артиллерия. Инженерный гений римлян, упорство и трудолюбие апеннинского крестьянина, ставшего воином, преодолевали любые препятствия. Римляне после Самнитских войн создали гениальное боевое тактическое построение — манипулярный строй. Легион, состоявший теперь из 6000 бойцов, стали делить на более мелкие тактические единицы — манипулы, каждая из которых могла в бою действовать самостоятельно, как пальцы руки. Манипула римских гастатов и принципов насчитывала 120—150 человек и 20—60 велитов, манипула триариев — 60 ветеранов и некоторое количество велитов. Легион состоял из 10 манипул гастатов, 10 — принципов и 10 — триариев. Конница в количестве 300 человек делилась на эскадроны-турмы по 30 человек.

Легион, таким образом, мог сражаться как монолитная фаланга и легко маневрировать подразделениями-манипулами. О монолит римского строя разбивались атакующие толпы племенных ополчений и натиск конницы, а манипулирование на поле боя позволяло громить могучие македонские фаланги.

Усложнение военного дела заставило Рим в конце II в. до н. э. пойти на реформы. Римская армия стала наёмной и формировалась из представителей бедных слоёв населения. Воин служил 16 лет. Оружие и снаряжение он получал из казны. Это привело к унификации вооружения. Деление на велитов, гастатов, триариев было отменено. Количество конников при легионе сократилось до 120 человек.

В ходе боевых действий на Востоке, где прославились Антоний, Красс, Помпей, и на Западе, где Галлию, Испанию и Британию покорял Юлий Цезарь, римская армия становилась сильнее и совершеннее, а положение полководца — всё более значимым. Не случайно вожди армии становились вождями государства.

С начала новой эры военная машина Рима полновластно царила на пространстве от Африки и Иберийского полуострова до Кавказа и Аравии. Несмотря на отдельные поражения, легионы были почти непобедимы. Подточили же могущество Рима упадок империи, внутренняя вражда, усталость римлян и разложение нравов, а также мощный взлёт активности варваров, овладевших тонкостями военного дела и подогреваемых завистью к благополучию и жадностью к богатствам римлян.

Средние века

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Понять Средневековье — вот задача, которую ставят перед собой уже несколько поколений историков. «За другое средневековье», «Чтобы закончить со средними веками» — названия книг французских исследователей Жака Ле Гоффа и Режин Перну говорят о том, что задача эта нелёгкая, и сразу её решить вряд ли возможно. «Закончить» со Средними веками никак не удаётся — современная история Европы заставляет нас вновь и вновь задумываться о её корнях, уходящих в прошлое, высвечивает скрытые прежде стороны средневековой жизни.

Средние века начинались и заканчивались потрясениями, связанными с падением Рима. В V в. н. э. пал имперский Рим, великий город, несколько столетий обеспечивавший мир и процветание десятков стран и народов. Рим был воплощением порядка, цивилизованной и культурной жизни; он казался несокрушимым, как скала, и божественным, как Космос, Вселенная. Его крах означал уход античной культуры — она лишилась своего средоточия, центра, из которого к полудиким окраинам тогдашнего мира шло мощное излучение политической и культурной силы. Имперские земли были наводнены варварами, не знавшими латыни; жители отдельных областей, говорившие теперь на разных языках, переставали понимать друг друга.

Такой мир превращался в хаос, где господствовали враждебные человеку силы. Страх перед такими последствиями был настолько велик, что падение Рима было оплакано даже многими христианами, которые в целом относились к империи очень настороженно.

Человек раннего Средневековья видел мир как бы в магическом зеркале: он знал, что вокруг существует множество «проломов», «трещин» и «дыр», через которые в мир могут проникать силы зла. Рухнул центр Вселенной — Рим — и превратился в такую огромную «дыру», которую спешно принялись «заделывать». Средневековье создало «святой город», где в великолепных храмах поклонялись мощам святых, рассказывали легенды о раннехристианских мучениках. Наконец, в Риме находился христианский первосвященник, Папа. Этот город стал чем-то вроде магической печати, наложенной Средневековьем на пёструю, разноязычную и разноликую Европу. Такое отношение к Риму хорошо видно в предании о том, как Папа Лев I в 452 г. выехал навстречу вождю гуннов Аттиле, вооружённый одним лишь крестом, и увещеваниями заставил Аттилу отказаться от намерения захватить и разграбить город. Император Священной Римской империи Оттон III, потративший всю свою недолгую жизнь (он умер в 1002 г., в двадцатидвухлетнем возрасте) на приобретение римской короны, вполне мог считать себя преемником Александра Македонского, запечатавшего, согласно древнему преданию, разломы, через которые в мир готовы были проникнуть демонические полчища Гога и Магога.

Травма, нанесённая средневековому сознанию крушением Рима, оказалась настолько тяжёлой, что полностью изменила представления людей о культуре. Средневековье отказалось от стремления к «распространению» культуры, столь свойственного античности; оно предпочло магически «запечатывать» мир, сохранять его границы неизменными. Священник, изгоняющий дьявола из одержимого; Роланд и Оливье, гибнущие в неравном бою с маврами; скульптор, высекающий изображение Христа над церковными вратами, — вот герои Средневековья. Хорошим, надёжным считалось то, что уже было и завершилось; слово «новшество» использовалось средневековыми писателями как осуждение недостойного, опасного.

«Каким замечательным был мир в прежние времена, когда в нём в достатке были золото, правосудие и любовь!» — восклицал в XI в. неизвестный нам французский поэт. Со своей точки зрения, он был прав, потому что для Средневековья «золотой век» — время, давно минувшее. Сегодняшний же день постоянно грозил срывом, катастрофой, безумием: крупным градом, уничтожавшим посевы и обрекавшим людей на медленную голодную смерть, набегом норманнов, а то и нежданной эпидемией чумы.

Неудивительно, что средневековое искусство не столько «изображало» окружающую действительность, сколько «запечатлевало» её, «останавливало мир». Нас не должно удивлять неумение средневековых художников передать движение, найти правильные пропорции фигур: люди, животные, пейзажи на средневековых фресках и миниатюрах — знаки реального, но не сама реальность. Подобно тому, как человек палеолита «останавливал мир», овладевал им в пещерных росписях, средневековый художник останавливал текучее, изменчивое, неуловимое и придавал ему грандиозную форму готического собора. Внутренность храма при этом озарялась таинственным светом, пропущенным через разноцветную «розу» — центральное окно собора; мир Средневековья мог существовать только в потоках особого света — благодати Божьей.

Средневековый человек видел, что неустойчивый, колеблющийся в своём равновесии мир требует его заботы, организованности и упорядоченности. Он чувствовал себя одновременно Адамом, дающим имена зверям и птицам, и Христом, спасающим землю и людей от вечной погибели. Средневековье было религиозным по-

тому, что оно остро ощущало свою ответственность за судьбу мира. Святой Франциск Ассизский называл «братьями» медведей и волков, с которыми он встречался в лесу, не только из любви ко всякой Божьей твари. Франциск чувствовал, что человек не должен поддаваться злобе, ненависти и страху; напротив, он призван в мир, чтобы заботиться обо всём живом, подобно тому, как садовник охраняет слабый росток от вредителей, бури и засухи.

Весь этот сложный, пронизанный магией и религией мир Средневековья рухнул в XVI—XVII вв., и вместе с ним ещё раз обрушился Рим. Хозяевами «вечного города» были вовсе не варвары — он сохранил все свои великолепные здания и веками накопленные богатства, в нём жили Папы и собирались коллегии кардиналов, но святость в её прежнем, средневековом понимании из Рима ушла. Центр всего христианского мира на заре Нового времени представлялся европейцам средоточием жадности и безнравственности, служения Дьяволу. Дело здесь было вовсе не в том, что римское духовенство позднего Средневековья отличалось какой-то особой развращённостью и лицемерием, — прежний Рим попросту стал мешать Европе, открывающей для себя новые возможности и новые горизонты. «Запечатывание», сохранение мира сменялось его исследованием, а герои, зорко стерегущие рубежи, сменялись героями, эти рубежи взламывающими: Роланд и король Артур оказывались в тени Леонардо да Винчи и Колумба. Магия в позднем Средневековье вновь, как и в древнейшие времена, обращается к природной стихии, «натуре». У европейцев постепенно складывается представление о безграничности человеческих возможностей, о неизмеримости сил, сокрытых в каждом явлении природы. Алхимик пытается овладеть ими, обнаружив философский камень, астролог — определив законы движения светил, художник — поняв строение человеческого тела, а гуманисты — усвоив забытую мудрость Аристотеля. Все эти люди «охотятся за силой»; они входят в царство сил, которое Средневековье лишь созерцало.

Наверное, не случайно в творчестве таких глубоких художников XVI в., как Дюрер и Эль Греко, постоянно появляется сюжет из «Апокалипсиса» — «Снятие седьмой печати». Согласно Библии, семью печатями закрыта книга, находящаяся в руке Божьей, и сломать их может лишь Христос, принёсший себя в жертву за человечество. После того как печати сняты, наступает конец света. Начинается Страшный Суд, обрекающий грешников на вечную погибель, а праведникам сулящий вечное блаженство. Люди позднего Средневековья, несомненно, страшились перемен, происходивших в их жизни, и напряжённо ожидали кары небес: дерзость человека, избравшего магию как средство нападения, а не только защиты, не могла остаться безнаказанной. Ощущение уязвимости вырастает до размеров массового психоза — всюду людям мерещатся черти, ведьмы и колдуны. Родинка необычной формы была достаточным основанием для того, чтобы отправить несчастную жертву на костёр. Фанатизм протестантов и католиков, невиданное ожесточение религиозных войн, ведовские процессы — все эти явления, очевидно, имеют общую основу: страх перед действительностью, который осознавался людьми XVI—XVII вв. как страх перед возмездием. Карнавал расцветает в позднем Средневековье именно как праздник, во время которого человек мог вести себя свободно и, главное, безнаказанно. Истово верующие католики подвергают себя самобичеванию, столь же фанатичные кальвинисты крайне ограничивают себя в еде, одежде и домашней утвари — и всё это различные способы подменить кару Господню наказанием, которое человек накладывал на себя сам. Средневековье заканчивается тогда, когда эпоха Просвещения находит противоядие страху в человеческом разуме, своеволия которого и опасались больше всего Средние века.

«Страху Божьему», страху перед действительностью Средневековье могло противопоставить лишь одно — идею порядка. Бог создал мир правильным и упорядоченным, а человек портит его по злой воле, греховности или же неведению. Учёные мужи Средневековья потратили немало усилий, чтобы разложить мир «по полочкам», понять его устройство. При этом они руководствовались мыслями, довольно странными для современного человека. Считалось, например, что знание вещи — это знание её названия, поэтому десятки страниц научных трактатов заполнялись простыми перечнями имён. Поскольку весь мир создан для человека, то обезьяну Бог, к примеру, сотворил для того, чтобы человек смотрел на неё, как в зеркало, узнавая свои пороки. Средневековая наука вполне верила в существование сказочных чудовищ — ведь в них соединялись части тела настоящих животных (скажем, петушиная голова и змеиный хвост у василиска). Василиск не противоречил порядку, а порядок был важнее достоверности.

Гораздо труднее оказалось внести представление о порядке в общественную и политическую жизнь Средневековья. Дело в том, что средневековое общество было очень дробным, оно постоянно распадалось на мельчайшие единицы, «атомы», и собрать их вместе удавалось лишь особо одарённым государям (вроде Карла Великого), да и то лишь на короткое время.

По средневековым представлениям, коллектив людей, который мог выставить конного воина-рыцаря или отряд тяжеловооружённой пехоты, был самостоятельной политической единицей и мог управлять собою сам. Это не значит, что две-три деревни, содержащие рыцаря, или городской квартал, формирующий отряд в общем городском ополчении, были полностью независимы от высших властей, но какие-то черты самоуправления они сохраняли постоянно. Поэтому Средневековье никогда не знало сосредоточения ВСЕЙ власти в верхних слоях общества. Властным человеком считался тот, кто мог защитить себя самостоятельно.

В Англии в XIII в. землевладелец, имевший определённый годовой доход, просто обязан был принять звание рыцаря и нести рыцарскую службу. Те же, кто не располагал достаточными силами для самозащиты, — занятые мирным трудом крестьяне, женщины и дети — находились под защитой и покровительством сильных, властных людей. Такая организация власти не давала возможности устанавливать порядок «сверху» приказами и распоряжениями, исходящими от королей. Долгое время короли не столько управляли, сколько «царствовали»; они, как символ власти, лишь скрепляли собою государство, рассыпающееся на отдельные владения — домены крупных сеньоров.

Порядок не был распространён сверху, а вырастал снизу; по сути своей он вовсе не был похож на небесный порядок, на стройную организацию Божественных сил, описанную в сочинениях богословов. Средневековый человек мыслил просто: он знал, что два человека, поставленные рядом, будут либо равны по «силе», либо один из них будет превосходить другого. Там, где они равны, их «силы» следует объединить, поскольку их интересы совпадают. Так создавалась община, корпорация, союз равных. Средневековье дало удивительное разнообразие таких образований: цехи, торговые компании, городские и сельские коммуны, сообщества владельцев укреплённых башен в городах, разветвлённые родственные союзы, компании совместно развлекающихся и пирующих... Многие из этих общин добровольно признавали свою подчинённость более крупным общинным объединениям, сохраняя при этом немалую долю самостоятельности. Так, например, сильная городская коммуна контролировала и цехи, и окрестные сельские коммуны, и общины отдельных городских кварталов.

Перейдём теперь ко второму варианту — случаю неравенства сил. Если «сильному» человеку противостоял «слабый» (т. е. не способный защитить себя самостоятельно), то Средневековье ставило второго из них в личную зависимость от первого. Так строились отношения феодалов с большинством крестьян; если же крестьянин сохранял право носить оружие (как, например, фригольдеры в средневековой Англии), то о его личной зависимости от феодала речи не шло.

Дом крестьянина и крестьянский двор. Миниатюра. XII в.

Сложнее обстояло дело, когда следовало упорядочить, организовать отношения двух «сильных» людей. Испробовав несколько решений этой задачи, Средневековье наконец остановилось на одном из них — введении вассальной присяги. Суть этой присяги была довольно сложной и не сводилась к тому, что один из рыцарей становился сеньором, а другой — его вассалом. Ритуальные действия, которыми стороны обменивались во время обряда, указывали на то, что сначала сеньор и вассал признавали своё полное равенство и лишь после этого вступали в отношения, похожие на отношения сына и отца. «Сильный» не терял своей силы, становясь вассалом; более того, сеньор как бы наделял его своей силой и покровительством, делал его равным себе. Именно за это вассал и нёс службу сеньору. Связь «сильных» могла быть только связью равных, но разворачивалась она не по горизонтали, как в общине, а по вертикали. Вассальные связи отдельных феодалов складывались в длинные цепочки, простиравшиеся от простого рыцарского владения (лена) до короля.

Община, личная зависимость и вассалитет — вот краеугольные камни, на которых держался общественный порядок Средних веков. Любопытно, что в этом списке лишь вассалитет был собственно средневековым изобретением; общинный же строй и личная зависимость были известны уже в первобытную эпоху. Главная заслуга Средневековья заключалась в том, что оно смогло постепенно слить воедино очень разные формы отношений между людьми. При этом общинные связи, личная зависимость и вассалитет не просто накладывались друг на друга — они сплетались так тесно, что их переплетение составляло основу того самого порядка, к которому стремилось Средневековье. Общество выстраивалось из очень простых «кубиков», но было при этом сложным и высокоорганизованным. Восхищаясь этой великолепной системой, мы не должны, однако, забывать, что в её основе лежали отношения силы, а значит — насилия. Средние века, столкнувшись со стихией насилия на самой заре своей истории, постепенно смогли «переработать» её, придать ей форму порядка. Византийские иконы изображали силы, исходящие от ангелов, в виде правильных геометрических фигур — ромбов, окружностей и эллипсов. Таким средневековые люди хотели бы видеть и общество, в котором они жили: его члены должны были не сталкиваться в бессмысленном противоборстве, а правильно взаимодействовать, согласовываться друг с другом.

«Порядок силы» был не единственным способом организации общества, известным Средневековью. Кроме него существовал ещё и «порядок дела».

Считалось, что каждый человек от рождения предназначен к одному из занятий: молитве, военному делу или физическому труду. Поэтому средневековое общество складывалось из трёх частей — духовенства, рыцарства и «работающих» (крестьян и ремесленников). Это были «сословия», или «порядки»; представители различных сословий пользовались неодинаковыми правами и привилегиями. Священника, к примеру, мог судить только епископ, а рыцарь обязан был подчиняться решению суда только в том случае, если судьи были равны ему по положению.

Границы между сословиями были несколько нечёткими. Рыцарь мог принять монашеский обет; тогда он становился рыцарем-монахом — тамплиером или иоаннитом. Члены многих монастырских общин занимались физическим трудом, в том числе и возделыванием земли. Путь «из грязи в князи» не был закрыт наглухо — при удаче его можно было пройти за два-три поколения. Епископ Ратхерий из итальянского города Верона писал в X в.: «Взглянем на сына графа, дед которого был судьёй; его прадед был... городским старостой, его прапрадед — всего лишь солдатом. Но кто был отец этого солдата? Предсказатель будущего или художник? Борец или птицелов? Торговец рыбой или горшечник, портной или торговец домашней птицей, погонщик мулов или разносчик? Рыцарь или крестьянин? Раб или свободный человек?».

Жизнь большинства людей Средневековья охватывалась двумя этими порядками — «силы» и «дела». За их пределами, да и то не вполне, оставались только нищие и бродяги. Раз и навсегда установленные отношения между людьми почти не менялись — они лишь шлифовались и совершенствовались из века в век. Порядок, произраставший «снизу», а не навязанный «сверху», приучал людей к беспрекословной дисциплине общественного поведения; этот порядок нельзя было не соблюдать, потому что другого попросту не было.

В то же время и правила поведения, и дисциплина не были одинаковыми для всех. Средневековье полагало, что каждый человек имеет «своё право», и лишь определив это «своё», личное право, он мог вписаться в общий порядок, найти своё, единственное место в нём. «Заколдованный мир» Средневековья лишь казался безмятежным и недвижимым — в его глубине шла неустанная и напряжённая работа. Каждый человек обособлялся от прочих, благоустраивал, укреплял и защищал ту ячейку общества, которая была занята только им.

Общность всех и особенность каждого, жёсткая дисциплина и представление о своём, индивидуальном праве, насилие и стройный порядок — Средневековью удалось соединить те вещи, которые прежде казались несовместимыми. Магическая картина мира, утвердившаяся в сознании европейцев после крушения Римской империи, породила сложный и полнокровный общественный организм.

Немецкий художник Альбрехт Альтдорфер написал на исходе Средневековья (в 1510 г.) странную картину: «Лесной пейзаж с битвой Святого Георгия». Специалисты-искусствоведы до сих пор спорят о её содержании и смысле. Почти всё пространство картины занято изображением мрачного, колдовского леса, заслоняющего небо. Кажется, что в этом лесу нет места человеку, он просто не может присутствовать в таком устрашающем пейзаже. Но, приглядевшись внимательнее, мы обнаруживаем в самой глубине лесной чащи крошечную фигурку конного воина, поражающего копьём не столько страшное, сколько несуразное чудовище-жабу. Может быть, эта картина — прощание со Средневековьем, с эпохой, когда маленький и слабый человек выступил против огромного и неподвластного ему мира магических сил. Он научился жить в этом мире, оставаясь человеком (на картине Альтдорфера рядом с местом битвы стоит хижина отшельника), и не только выстоял — но победил. Вот только найти победителя на старой немецкой картине почти так же трудно, как и понять Средневековье.

ВАРВАРЫ

«Варвар» — говорят о невежественном, грубом, жестоком человеке. Это слово служит ругательством уже больше двух тысяч лет. Придумали его древние греки. Так они называли все негреческие народы, которые имели чуждую культуру и говорили на непонятных языках. «Вар-вар» — передразнивали их эллины. «Бар-бар», — подхватывали римляне. Так и появилось понятие «варвар» (латинское «барбар»). С точки зрения жителей Древней Греции и Древнего Рима, все славяне также были варварами.

Выезжая за пределы своих стран, греки и римляне оказывались в непривычной обстановке: другие обычаи, верования, климат... Особенно удивляли их северные края. Путешественники поражались, как можно жить в диких лесах, заваленных зимой снегом, под небом, затянутым низкими тучами, на берегах холодных озёр и рек? Как люди могут обходиться без городов, письменности, литературы, театра? Почему варвары-мужчины идут на войну все до одного, а не посылают в бой профессиональных солдат? Такое недоумение вызывали у греков и римлян народы, которые населяли территории многих нынешних государств Европы — Франции, Великобритании, Германии, Дании, Польши, Румынии, Болгарии, Украины и др. Эти народы сейчас объединяют под названиями «древние германцы» и «древние славяне».

Галл, убивающий себя и свою жену.
Мрамор.
Римская копия с пергамского бронзового оригинала конца III в. до н. э.

Любознательных и доброжелательных эллинских (греческих) торговцев интересовали прежде всего товары, которые они могли выменять в чужой стране. А римляне начали захватывать земли варваров и превращать их в свои провинции. О размахе этих завоеваний говорят названия провинций: Британия, Нижняя Германия, Белгика, Галлия (будущая Франция). Далеко не все варварские племена добровольно становились подданными Рима. Несколько столетий правители Рима вели войны в Западной Европе. Когда границы Империи на севере наконец установились, оказалось, что для их охраны требуется много сил и средств. Соседние независимые варварские племена ненавидели «цивилизованных» пришельцев и постоянно пытались вторгнуться в провинции. В связи с этим пришлось укреплять и обустраивать всю пограничную черту. На тысячи километров протянулись валы, рвы, частоколы, крепостные линии, военные лагеря. Эта огромная система получила название «лимес». На лимесе держали оборону римские легионы.

ГЕРМАНЦЫ

Непокорённые варвары (в первую очередь германцы) интересовали римлян главным образом как военный противник. Поэтому римские историки и писатели проявляли большой интерес к образу жизни и способам ведения войны у германцев. Их сочинения сейчас служат основными источником знаний о древних германцах.

В начале новой эры германские племена занимали земли от Одера до Рейна и от Дуная до Балтийского моря. К востоку от них жили предки славян, к западу — кельты. Почти всё это огромное пространство в то время было покрыто густыми лесами, и любимым занятием германцев была охота. В лесах водилось много зверья — лоси, туры, медведи, зубры. Самым трудным и опасным охотничьим предприятием был выход на зубра. Германцы заманивали зубров в ямы-ловушки и убивали. Большим почётом окружали того, кто добыл наибольшее число зубров. Мужчины с гордостью сохраняли их рога, ведя таким образом счёт охотничьим трофеям.

В своих посёлках германцы держали домашний скот. Основными продуктами питания были мясо, молоко и сыр. Понемногу распространялось земледелие. Племенные старейшины делили участки леса между семьями. Родичи выкорчёвывали там деревья, вспахивали землю и засевали ячменём и просом. Обработка велась только деревянными орудиями. Железо и бронза были очень дорогими и долгое время использовались лишь для изготовления оружия. Но земледельческие занятия всё же не являлись главными в хозяйстве германцев. Завоеватель Галлии римский полководец Гай Юлий Цезарь в своём сочинении «Записки о Галльской войне» рассказывал: «Они питаются не столько хлебом, сколько молоком и за счёт скота, они много охотятся. Всё это вместе взятое, а также свойства пищи, ежедневные военные упражнения, свободный образ жизни укрепляет их силы и порождает людей столь громадного роста... Вся их жизнь проходит в охоте и военных занятиях. С раннего детства они закаляются, приучаясь к тяготам их сурового образа жизни».

Жили германцы в маленьких посёлках, застроенных длинными деревянными домами. В каждом из таких домов размещалось несколько поколений одной семьи и ещё оставалось место для скота. Семьи, которые происходили от одного далёкого предка, составляли род, а роды объединялись в племя. Во главе каждого рода стояли старейшины. Большим влиянием в родах и племенах пользовались жрецы. Все члены племени считались равными и старались, чтобы среди них не было богатых и бедных. Попавшему в беду

ВЕЛИКАЯ БИТВА В ТЕВТОБУРГСКОМ ЛЕСУ

Германское лето, короткое и прохладное, подходило к концу. Публий Квинтилий Вар, посланный командовать римскими войсками в Германии, чтобы смирить непокорные племена, подчинить их власти великого кесаря Октавиана Августа, уже собирался переводить легионы на зимовку в укреплённый лагерь. Но пришла дурная весть. Германец Арминий, ставший другом римского народа, заслуживший высокую честь именоваться римским гражданином, сообщал о вспыхнувшем мятеже. До наступления зимы надлежало навести порядок. И Вар повёл через лесные дебри и болота три отборных легиона, конницу и вспомогательные отряды общим числом до 20 тыс. человек.

Места дикие и страшные (не то что родная Италия), но опасаться нечего: до мятежников ещё далеко, а здесь римляне могут рассчитывать на помощь друга Арминия. Но что это? Из густых зарослей, да и прямо из-под земли, как показалось римлянам, вдруг возникли белокурые и рыжие люди с копьями, мечами, топорами и трезубцами в руках. Везде виднелись глухие шлемы, увенчанные грозными рогами. Германцы! Завязалась жестокая битва. Вар — опытный полководец, а своих легионеров он считал лучшими в мире, но к чему военное искусство и выучка, если даже нет возможности развернуться в боевой порядок? Это был не бой, а избиение застигнутых врасплох!

Три дня продолжалась битва. Из римлян не уцелел никто. И для Вара это сражение оказалось последним. Узнал ли он перед смертью, что всё происшедшее было подстроено другом Арминием?

Несколько германских племён избрали его своим вождём, хотя и не все доверяли ему: как-никак дружил с римлянами! Но Арминий оправдал доверие единоплеменников: умный политик и искусный стратег, он всё предусмотрел, заманил римлян ложной вестью в ловушку, а доблестные германские воины довершили дело. Сколько их заплатило за победу в Тевтобургском лесу собственной жизнью, не ведомо никому. Зато Германия так и не стала римской провинцией.

ПЛЕМЕНА ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

История большинства германских племён известна благодаря их взаимоотношениям с Римом.

Первое столкновение германцев с римлянами произошло в 113 г. до н. э., когда племя тевтонов вторглось в Италию, одержало несколько побед, но затем было разгромлено войсками полководца Гая Мария. После этого племя рассеялось, но память о нём осталась: для римлян слово «тевтоны» стало синонимом слова «германцы», вошло в литературную традицию и впоследствии употреблялось в Европе, например, для обозначения раннесредневекового немецкого государства (Regnum Teutonicorum — Тевтонское королевство), Тевтонского ордена и т. д.

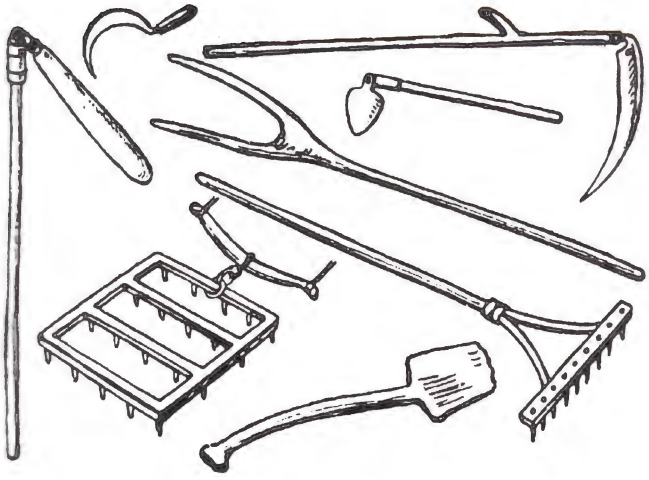
В 58 г. до н. э. Цезарь нанёс поражение германскому племени свевов во главе с вождём Ариовистом.

К концу I в. до н. э. римлянам удалось покорить германцев, живших к востоку от Рейна — вплоть до реки Везер, но в результате победы, одержанной вождём племени херусков Арминием над легионами Вара в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.), граница между Римской империей и германскими племенами установилась по Рейну и Дунаю.

Вдоль этой границы римляне воздвигли ряд мощных укреплений и построили города, существующие до сих пор: Колония Агриппина (Кёльн), Могонциакум (Майнц), Августа Винделикум (Аугсбург), Регина Кастра (Регинсбург), Виндобона (Вена) и др.

Границу по Рейну и Дунаю римляне удерживали до середины III в. н. э. Успешно развивалась римско-германская торговля. Германцы продавали римским купцам, постоянно посещавшим их области, рабов, скот, шкуры, меха, янтарь, а покупали в основном предметы домашней утвари и оружие. Многие германцы служили в римской армии в качестве наёмников.

Римская цивилизация оказала огромное влияние на историческое развитие германцев.



Сельскохозяйственные орудия германцев.

Костяные иглы — орудия труда древних германцев.

Гробница Теодориха.

сородичу помогал весь род, а разжившийся добычей на войне или на охоте германец должен был делиться с родственниками. Старейшины обсуждали хозяйственные дела и вершили суд. Самые важные вопросы решались на народных собраниях. Все мужчины племени собирались на площади главного посёлка и выслушивали старейшин. «Если мнение не нравится, — писал римский историк Тацит, — его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают копьями: восхвалять оружием считается у них почётнейшим способом одобрения».

Как и у многих других народов, у германцев появились военные предводители — вожди. Сначала по поручению старейшин и народных собраний, а затем и самостоятельно они обороняли племенные владения от врагов и устраивали набеги на соседей. Таких вождей римляне называли «рекс» («царь»), а сами германцы — «конунг». От этого слова происходит немецкое «кёниг» и английское «кинг» («король»). Военными трофеями конунги делились со своими соплеменниками и соратниками. Молодёжь тянулась к удачливым вождям и собиралась вокруг них в дружины, которые иногда атаковали римский лимес. Конунгов и дружинников становилось всё больше. Они не желали сидеть в лесных деревнях и стремились к боям и военной славе, к богатой добыче. Разведчики рыскали вдоль лимеса и высматривали, где подгнил частокол, осыпался ров или оплыл земляной вал. К этому месту вскоре подходили германские отряды.

Германцы любили сражаться в пешем строю, но постепенно стали осваивать и конные походы. Отступление с поля битвы считалось величайшим позором. Римские авторы пишут, что в этом случае навстречу отступающим воинам выбегали германские женщины и требовали умертвить их — жён и матерей, — чтобы они не испытали плена и рабства. Часто это действовало: пристыженные мужчины возвращались назад и возобновляли сражение.

Пока империя была сильной, германцы решались только на отдельные пограничные набеги. Но к III в н. э. могущество государства и императорская власть утратили былую прочность. В державе начались смуты и раздоры, у римских властей не хватало денег и солдат для охраны всего огромного лимеса. Система обороны северных границ дала трещину. Германцы сразу почувствовали это. Разрозненные племена стали объединяться в союзы, чтобы успешнее нападать на владения империи. Появились союзы племён франков, бургундов, вандалов, лангобардов и др. Нападения становились всё более частыми. Увидев, что провинции теперь не могут защищаться, многие племена и союзы покидали дремучие леса и переселялись на юг — туда, где простирались возделанные поля, ухоженные сады, большие красивые города... и было много лёгкой добычи. Десятки тысяч германцев с жёнами и детьми переходили лимес и расселялись по землям римских провинций. В самом Риме в то время шла непрерывная борьба за власть. На трон восходили недолговечные и слабые правители. В своих интригах против соперников многие из них начали использовать варваров-переселенцев. Ценя военные навыки и мужество германцев, римские правители нанимали их к себе на службу. Вскоре знаменитая победоносная армия Рима стала по своему составу варварской. Даже верховные военачальники империи были выходцами из варварских племён.

С переселениями германцев столкнулась Западная Римская империя. Восточной части империи пришлось испытать вторжение готов.

ГОТЫ

Готы были группой племён, родственных германцам. В древности они обитали на южном берегу Балтики и так же, как германцы, вели жизнь охотников и воинов. Но в начале II в. н. э. их захватила волна переселений, которая постепенно вовлекала многие европейские народы. Часть готов снялась с обжитых мест и двинулась

на юг. Готы прошли всю Восточную Европу и остановились в причерноморских степях. На новых землях, они расселились и смешались с местными племенами. Те, кто осел к западу от Днестра, стали называться вестготами (западными готами), те, кто к востоку, — остготами (восточными готами). Их окружали слабые и малочисленные народы, поэтому пришельцы, особенно остготы, подчиняли себе соседей. Возникла сильная готская держава. Её правителем стал конунг остготов Эрманарих. Ему покорились некоторые племена древних славян и финские народности в восточноевропейских землях.

Во второй половине IV в. на восточных рубежах царства Эрманариха появился новый враг — кочевые гунны. Они шли из-за Волги, громя встречные народы. Орды гуннов были сильны и свирепы, а государство готов лежало на их пути. Предчувствуя скорое падение ненавистного царства, покорённые племена начали поднимать восстания в ожидании подхода гуннов. Первыми устроили мятеж славяне. Старый Эрманарих не вынес распада своей державы и покончил с собой. Один вестготский военачальник попытался было вновь подчинить славян. Он взял в плен их главного вождя Божа и распял его вместе с сыновьями и 70 старейшин. Однако славяне не испугались, а, наоборот, ожесточились и присоединились к гуннам. В 375 г. царство готов было разгромлено.

Готы в страхе бросились прочь из степей к границе Восточной Римской империи. Они умоляли императора Валента II пропустить их и обещали верно служить ему, охраняя римские рубежи. Император с радостью согласился. В то время его армия в значительной степени уже была наёмной, для её содержания требовалось много средств. А тут явились многочисленные боеспособные готы, готовые служить не за деньги, а за право жить в империи. Им разрешили осесть во Фракии и Мёзии (ныне Болгария и Румыния). Днём и ночью на кораблях, лодках, стволах деревьев и вплавь готы переправлялись через пограничный Дунай. В римских провинциях они надеялись обрести новую родину.

Готы жестоко обманулись. Провинциальным римским властям было безразлично положение беженцев, заполнивших Фракию и Мёзию. Выделенные для них императором деньги и продовольствие присваивали чиновники и командиры военных гарнизонов. Среди переселенцев начался голод, родители были вынуждены продавать детей в рабство, чтобы хоть таким образом спасти их от голодной смерти. Возмущение нарастало. Готы требовали встречи с императорскими властями. Один из военачальников допустил к себе во дворец для беседы двух готских вождей. Стража не пропустила их охрану, а у городских ворот задержала толпу готов, которая стремилась на рынки. В начавшейся стычке несколько человек были убиты. Напуганный военачальник приказал казнить охрану вождей, ожидавшую у дворца. Это ещё больше разозлило готов. Когда вожди вышли из дворца, они возглавили соплеменников и призвали к расправе над римлянами. Началось восстание. Оно охватило весь север Балканского полуострова. Готы громили виллы землевладельцев, грабили склады прови-

М.Горелик

зии и вооружения. Повсюду они давали свободу рабам, а те города, которые сдавались им без боя, освобождали от налогов. Не удивительно, что к взбунтовавшимся варварам присоединялись местные жители.

Император Валент II во главе 60-тысячной армии выступил против мятежников. В августе 378 г. около города Адрианополя состоялось решающее сражение. Готы бились мужественно и умело. После нескольких часов ожесточённой схватки легионеры побежали. На поле битвы остались лежать 40 тыс. мёртвых римлян и сам император. Вдохновлённые победой, готы уже подумывали о нападении на Константинополь — восточную столицу империи.

Но на место Валента II заступил искусный и вероломный политик император Феодосий. Используя раздоры между готскими предводителями, он сумел уговорить некоторых из них на переговоры и щедрыми посулами и подарками склонить к сотрудничеству с римлянами.

Часть готских вождей согласилась переселиться в Малую Азию (ныне Турция) и нести военную службу. За это Феодосий обещал им освобождение от податей; готы должны были подчиняться только своим вождям и командирам.

Многие готы не признали сделку с императором и мечтали о том времени, когда снова смогут отправиться в поход на римские города. Такая возможность появилась у них уже через несколько лет.

Тронное кресло Дагоберта.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Появившись из-за Волги, гунны сдвинули с места не только готов и славян. Следом пришли в движение и другие народы Западной Европы. На границах Западной Римской империи, а затем и в её провинциях появлялось всё больше новосёлов-варваров, которые переходили на римские территории целыми племенными союзами. Римляне повсеместно отступали. Их место занимали варвары. Так в IV в. началось Великое переселение народов (западные историки ещё называют его этнической революцией). Оно продолжалось около 400 лет и вызвало огромные перемены: исчезали старые и возникали новые народы, распадались и формировались государства. Именно в ту эпоху были заложены основы современной политической и этнической карты Европы.

Вестготы во главе с конунгом Аларихом вторглись в Италию — страну, которая с давних времён не знала вражеских нашествий. На этот раз удалось отбиться. Для защиты столицы были спешно вызваны легионы с отдалённых окраин — Галлии и Британии. Алариху обещали отдать во владение одну из провинций и колоссальную дань в 4 тыс. фунтов золотом. Однако ненавидевшие надменную римскую знать легионеры-варвары попросили конунга вновь идти на Рим. В 410 г. вестготы подошли к вечному городу. Рабы, давно ждавшие их как освободителей, ночью открыли им крепостные ворота. В городе три дня и три ночи продолжались грабёж и резня. Рабы, примкнувшие к варварам, жестоко мстили своим прежним господам. Италия имела слишком мало сильных укреплений, ведь римляне не могли предположить, что центр могущественной империи когда-нибудь подвергнется нападению. Готы опустошили Аппенинский полуостров, затем обрушились на Сицилию и Северную Африку. Смерть Алариха остановила их продвижение. Позднее они закрепились в провинции Аквитания (южная Франция) и основали там Готское королевство со столицей в Толозе (современная Тулуза). Это государство, как и возникшее немного раньше Бургундское королевство на Рейне, было первым варварским государством на развалинах Западной Римской империи.

Очутившись во власти варварских королей, римские аристократы стали переходить на их сторону. Те ценили образованных, законопослушных подданных и предоставляли им высокие должности. Лучшие земли отошли к родо-

Атака тяжёлой конницы под командованием Аттилы.

вым и племенным предводителям варваров. Они пытались подражать римлянам, перенимать их обычаи. Образовался союз варварской и римской знати. Так происходило не только в Италии, Аквитании и Бургундии. Варварские королевства возникли и на Пиренейском полуострове. Их названия Готаландия и Вандалузия (от племён готов и вандалов) до сих пор угадываются в испанских названиях Каталония и Андалусия. Позже вандалы обосновались в Северной Африке. Галлию заняли франки. Юты, англы и саксы переселились на Британские острова. В VI в. на бывшей территории Западной Римской империи располагалось несколько варварских государств.

СЛАВЯНЕ

Славянские племена тоже участвовали в Великом переселении народов. Но их участие не так заметно, как передвижения германцев, потому что история славян поначалу развивалась вдалеке от границ Римской империи. Полагают, что впервые они упоминаются в труде римского историка Плиния Старшего (I в. н. э.) под именем «венеды». Венедов знали и поздние римские авторы, но особое внимание им уделяли византийцы. Именно Византии (Восточной Римской империи) пришлось столкнуться с массовыми переселениями славян в свои владения.

В начале новой эры славяне жили на большой лесистой территории между реками Одером и Днепром. Византийские писатели изображали их как высоких и сильных людей с белой кожей и светлыми волосами. Наблюдателей из Константинополя интересовали прежде всего военные возможности северных варваров. Авторы военных трактатов отмечали, что славяне не имели обыкновения сражаться в чистом поле, а предпочитали различные хитрости и засады. Целый отряд мог замаскироваться на дне реки и дышать из воды через полые камышинки в ожидании подхода противника. Нередко они разбрасывали награбленную добычу в качестве приманки для преследователей. Причём любовь к хитроумным затеям, писали византийцы, происходила отнюдь не из природного коварства славян, а объяснялась их малочисленностью, так как у них не было единого правителя и в походы они отправлялись небольшими племенными дружинами. Славяне вступали в бой, имея по два дротика (коротких копья) и щит, они никогда не надевали кольчугу или панцирь; некоторые сражались голыми по пояс, чтобы показать своё презрение к опасности.

Король Лотарь. Средневековая миниатюра.

В конце V в. начались славянские вторжения в Византию. Смелые и мужественные лесные бойцы научились вести войны с императорскими войсками. В 551 г. опустошению подверглась Фракия, расположенная невдалеке от столицы империи. Лишь ценой огромных усилий императору Юстиниану удалось отбиться. По Дунаю было возведено множество крепостей. Но, как и Римская держава в прошлом, Византия не сумела сдержать натиск варваров. Славяне целыми племенами стали переселяться на её территорию. Основной приток пришельцев направлялся в сердцевину империи — на Балканский полуостров. Летописец Иоанн Эфесский записал в своей «Церковной истории» (895 г.): «На третьем году правления державного Тиберия двинулся проклятый народ славян, который прошёл через всю Элладу, и по стране Фессалонике, и по фракийским провинциям; взял много городов и крепостей, сжёг, и разграбил, и подчинил себе страну, сел на ней властно и без страха, как в своей собственной». Крайне резкая оценка византийского автора понятна, но в действительности славянские переселения были и мирными. Как правило, славяне шли на новые земли, желая поселиться рядом с местными жителями, а не вместо них. К XI в. они заселили север Балканского полуострова. В этой южной части огромного славянского мира образовались народы южных славян — сербы, хорваты, словенцы и болгары.

ГАЛЛЫ

Римляне называли галлами (по-латыни «галлус» означало «петух»: шлемы кельтов украшали петушиные перья) кельтов — племена индоевропейской группы, жившие в I тысячелетии до н. э. на территории нынешних Франции, Великобритании, Германии, Швейцарии, Австрии, частично Италии, Испании, Чехии, Венгрии, Румынии и даже Болгарии. Расселяясь по Европе, галлы лучше всего освоили военное ремесло и охоту.

Судьба галлов была тесно связана с Римом. Столкновения галлов и римлян чередовались с периодами мирных взаимоотношений, польза от которых для галлов всегда была большей, чем для римлян. Знаменитая поговорка «Гуси Рим спасли» связана как раз с одним из ранних (IV в. до н. э.) нападений галлов на этот город. По преданию, галлы рассеяли римское войско, часть которого укрылась на Капитолийском холме. Ночью галлы с великими предосторожностями начали его штурм. Так бы никто и не заметил их, если бы не посвящённые богине Юноне гуси, которые подняли шум на всю округу. Отдавая должное «патриотизму» этих прекрасных птиц, всё же нужно заметить, что Рим если и был спасён, то от полного уничтожения, а никак не от погрома. В III в. до н. э. римлянам, хотя и не без труда, удалось разбить союзное галльское войско.

Дело окончательного усмирения галлов взял в свои руки Гай Юлий Цезарь, отправленный наместником в Галлию (середина I в. до н. э.). Война продолжалась восемь лет. Движение против Рима возглавил отважный и предприимчивый Верцингеториг, однако его захватили в плен. Цезарь действовал в Галлии не только силой — он был мудрым и расчётливым политиком. Треть населения Галлии получила права римских союзников. Знатные галлы становились римскими гражданами. Повинности не были излишне тяжелы. Именно в Галлии Цезарь завоевал популярность и авторитет среди легионеров, что позволило ему вступить в борьбу за владычество над Римом. Цезарь отметает последние сомнения и со словами «Жребий брошен» переправляется через реку Рубикон, увлекая войска на Рим.

Покорение галльского (или кельтского) населения Британии также начинается при Юлии Цезаре, но достаточно прочно римляне укрепляются на юге острова при императоре Клавдии. В дальнейшем Галлия становится одной из самых благополучных провинций Римской империи. Галльские вельможи заимствуют у римлян их обычаи, нравы, образ жизни; строятся города, прокладываются дороги.

Галлы селились общинами, царская власть у них не была наследственной. В каждой общине существовал «сенат», в который входила местная знать. Могущественным сословием были жрецы-друиды. Они освобождались от военной службы и не платили налогов. Жрецы были хранителями вероучения, выполняли магические обряды; они составили гороскоп, который известен и в наше время (гороскоп друидов).

Воспитанием детей занимались только женщины, так как пока маленький галл не мог учиться владению оружием, появляться на глаза отцу было бессмысленно. Обучением ведали друиды.

Обитая в лесах, галлы вначале не имели и понятия о комфорте. Жилища (иногда полуземлянки) строились из дерева и покрывались соломой и досками. Спали галлы на земле, подстелив шкуры или солому. С длинными волосами и стриженой бородой, ловкий и неприхотливый — таким представляется взрослый галл. Пища их не отличалась разнообразием — мясо (в основном свинина), молоко, вино, пиво. Галлы умело обрабатывали металлы, изготовляли оружие, утварь, украшения.

У галлов существовал свой язык, но к V—VI вв. н. э. он был вытеснен латинским.

КОРОЛЬ АРТУР И РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

В памяти человечества существуют три Артура — Артур исторический, Артур легенд и Артур рыцарских романов, причём один образ плавно перетекает в другой. Образ Артура исторического связан с событиями, происходившими в римской или, точнее, постримской Британии.

К началу контактов с римлянами в I в. до н. э. Британия была заселена в основном народами, принадлежащими к кельтской языковой группе, крупнейшим из которых были бритты. Мелкие кельтские племенные княжества вели непрерывную войну друг с другом. К III в. н. э. завоевание острова римлянами завершилось и сложилась провинция Британия со смешанным бритто-римским, но вполне романизированным населением, занимавшая юго-восточные и центральные районы острова. Остальные районы оставались кельтскими. В конце III—IV вв. римская Британия была христианизирована. В это же время начались набеги на неё с моря германских племён, в основном саксов. В середине IV в. сюда двинулись с севера племена пиктов; с запада, с острова Иберния (Ирландия), хлынули кельты-скотты, которые завоевали север

Британии — Каледонию, назвав её по имени своего племени scotland (Шотландия). В 407 г. ввиду угрозы для Рима со стороны готских племён римские войска уходят из Британии, в 410 г. её покидают римские должностные лица, а за ними — и римские колонисты.

Британия оказалась предоставленной сама себе. Началось кратковременное кельтское возрождение, забвение римских обычаев, восстановление кельтского языка и быта. Но в середине V в. на Британию обрушились с моря германские племена: юты — с севера Ютландского полуострова, англы — с его юга, саксы — с побережья Северного моря. В руках ютов оказался Кент. Юг и юго-восток острова захватили саксы, восточное побережье — англы. Язычники-германцы двигались в глубь страны, истребляя и изгоняя местное население (часть кельтов с полуострова Корнуолл бежала на континент, на полуостров Арморика, дав ему имя своей родины — Бретань), разрушая селения, сжигая церкви.

В начале VI в. племена бриттов и остатки потомков римлян объединились и начали борьбу с завоевателями. В начале — середине VI в. им удалось нанести англам, саксам и ютам ряд поражений, но в 60—70-е гг. этого века вторжение продолжилось, и к 600 г. завоевание основной части острова было завершено; кельтские народы остались в Шотландии, Уэльсе, на полуострове Корнуолл и некоторое время — на северо-западе собственно Англии. Таковы точно установленные исторические факты. Другие сведения находятся уже на грани истории и легенды.

Около 550 г. монах Святой Гильдас написал сочинение «О разорении и завоевании Британии». Не называя ни имён, ни дат, он говорил, что «советники вместе с гордым королём ввели в страну яростных саксов, ненавистных Богу и людям, для отпора северным племенам». Позднее бритты избрали своим правителем с титулом император потомка римлян Амвросия Аврелиана, который нанёс саксам решительное поражение у горы Бадон (точное местоположение не установлено, некоторые учёные полагают, что это — возвышенность близ курортного города Бат).

Текст Гильдаса не очень ясен. Не вполне понятно, кто руководил этой битвой, возможно, и не Амвросий; в частности, там же упоминается некий Медведь (*лат.* Ursus). На одном из кельтских языков (валлийском) «медведь» — «atru». Не исключено, что это — первое упоминание об Артуре.

Во второй половине VI в. валлийский бард Анейрин сочинил поэму «Гододдин», в которой рассказывается о гибели одного из бриттских племён. Один из героев поэмы — вождь Артур, смелый воин, мудрый правитель, но одновременно предводитель отряда отчаянных головорезов. Если это не позднейшая вставка (до нас поэма дошла в рукописи XIII в.), то перед нами, бесспорно, самое древнее упоминание об Артуре. Следующий этап истории-легенды — «История бриттов» некоего Ненния (видимо, конец VIII в.). Это крайне путаное, переполненное вымыслом повествование об истории Британии до времён англосаксонского завоевания. История появления германцев на острове у Ненния легендарна и окрашена в романтические тона: король бриттов Вортигерн, опоённый колдовским напитком, влюбляется в дочь (иногда, впрочем, Ненний называет её сестрой) вождя германцев Хенгиста Ронвену и позволяет саксам (именно так, а не ютами, именуются германские захватчики у Ненния) завоевать свою страну. Далее в повествование вплетается Амвросий (он же Эмбреис Гулетик, т. е. по-бриттски — вождь Амвросий), который оказывается то знатным римлянином, вождём бриттов, видимо наследующим Вортигерну, то неким ясновидящим, прорицателем, родившимся без отца. Возможно (но не более того: уж очень запутан текст), оба упоминания об Амвросии относятся к одному лицу. Позднее упоминается без всякой связи с Амвросием вождь Артур, разгромивший саксов в 12 битвах, причём последняя и заключительная происходит при горе Бадон.

По археологическим данным, в местах, указанных Неннием, действительно произошло много сражений, но они никак не могли состояться на протяжении жизни одного человека.

Последнее упоминание об Артуре в более или менее историческом контексте встречается в написанных в X в. анонимных «Анналах Камбрии» (Камбрия — древнее название Уэльса. — *Прим. ред.*). «Анналы» сообщают: «516 г. Битва при Бадоне, во время которой Артур носил на своих плечах крест Господа нашего Иисуса Христа три дня и три ночи, и бритты были победителями»; «537 г. Битва при Камланне (видимо, река Камблан, ныне Камел на полуострове Корнуолл. — *Прим. ред.*), во время которой Артур и Медраут убили друг друга, и мор наступил в Британии и Ирландии».

Современные учёные считают весьма вероятным реальное существование правителя, возможно носившего титул императора бриттов и римлян, Амвросия Аврелиана, который на рубеже V и VI вв. возглавлял борьбу с германцами. При нём мог быть военачальник или просто вождь дружины, местный житель (возможно, из Уэльса) Артур, нанёсший саксам ряд существенных поражений, особенно при горе Бадон. После этого германское завоевание Британии приостановилось примерно на 50 лет. Усобицы в стане победителей привели к гибели Артура.

Определённым этапом сложения легенды об Артуре является написанное по-валлийски не позднее начала XII в. сочинение «Кульвох и Ольвен» — богатырская сказка о героическом сватовстве. В ней герои попадают ко двору короля Артура — отважного и опытного военачальника, мудрого, убелённого сединами правителя.

Переходом от легенды к роману является написанная между 1135 и 1139 гг. «История королей Британии» валлийского священника, позд-

нее — епископа Гальфрида Монмутского. В этом сочинении повествуется об истории Британии с древнейших времён до примерно начала VIII в. Здесь пересказано (или сочинено) множество легенд, в том числе о короле Лире. Но главной для последующих поколений оказалась история Артура. Вот она в изложении Гальфрида.

Приближённый короля Британии Константа Вортегирн (явно соответствующий Вортигерну) захватил престол и убил короля. Его малолетние братья Аврелий Амброзий (так у Гальфрида) и Утер Пендрагон бежали в Бретань. Боясь мести законных наследников, Вортегирн призывает к себе саксов. Ко двору Вортигерна, по Неннию, прибывает юный маг и прорицатель Мерлин, родившийся без отца; по Гальфриду, Мерлина также зовут Амброзием — возможно, здесь некий отзвук сообщения Ненния об Амвросии Аврелиане. Мерлин пророчествует о падении узурпатора, возвращении законных монархов и появлении в будущем короля, который изгонит врагов. Аврелий Амброзий возвращается, страна приветствует его как законного монарха, а узурпатор гибнет. Новый король наносит ряд поражений саксам, а после его смерти на престол восходит его брат Утер Пендрагон.

Ко двору Утера, где в качестве советника живёт Мерлин, приезжает правитель Корнубии (Корнуолла) Горлой с женой, прекрасной Ингреной (Игрейна, Иджерна — в позднейших романах). Утер влюбляется в неё и проникает к ней в Тинтагел (Тинтаджел, Тинтагиль — как называли его в романах), замок её мужа, в обличьи Горлоя, которое волшебством придал королю Мерлин. От этой связи, скреплённой законным браком, вскоре после смерти Горлоя родится Артур.

Тем временем саксы возобновляют свои нападения. Больной и старый Утер даёт им сражение при Бадоне, выигранное бриттами благодаря мужеству юного Артура. Побеждённые враги, однако, умерщвляют Утера с помощью яда, и по общему решению на престол восходит 15-летний Артур.

Время правления Артура — эпоха наивысшего могущества бриттов. Он присоединяет к своим владениям Галлию, Иберию, Исландию и Данию. Артур намеревается также изгнать из Рима узурпатора Луция и возложить на себя императорскую корону. Ему удаётся разбить Луция, но тут из Британии поступают известия о том, что его племянник, сын единоутробной сестры Анны, дочери Горлоя и Ингрены, Модред (Медраут из «Анналов Камбрии») захватил власть и женился при живом муже на супруге короля королеве Гвиньевре (в романах — Гиневра, Джиневра). Артур возвращается, в сражении при Камблане разбивает войско Модреда и убивает его, но и сам в этой битве получает смертельную рану (Гальфрид называет дату: 542 г.). Короля переправляют на остров Аваллон (по кельтским мифам, остров вечной жизни на Западе, некий остров блаженных и одновременно страна мёртвых, рай кельтов-язычников).

В «Истории бриттов» Гальфрида содержится большинство сюжетов позднейших романов, но не все. В середине XII в. в стихотворном переложении сочинения Гальфрида, «Романе о Бруте», написанном жившим при английском дворе трувером по имени Вас, появляется мотив Круглого Стола. Стол, вокруг которого восседают лучшие рыцари, установлен во дворце Артура в его столице Карлеоне (возможно, соответствует современному Карлиону в Уэльсе). Число рыцарей в романах различно — от 12 до 150. Эти рыцари избираются за свои подвиги, и имя каждого из них само проступает на сиденье за год до того, как этот рыцарь явится ко двору. Большинство рыцарей Круглого Стола известны из сочинения Гальфрида и даже более ранних текстов. Бриттского вождя VI в. Овейна, известного ещё Неннию, здесь называют племянником Артура Ивэном (Ивейном), другого вождя — Герейнта, известного в 706 и 710 гг., — Эреком. Гальфрид называет другого племянника Артура, родного брата Модреда — Вальвания, который в романах становится Говеном (Гавейном). Ещё один бриттский вождь VI в. Передур делается в романах Персевалем (Парцифалем). Позднее других, лишь в конце XII в., вводится образ идеального рыцаря Ланселота, влюблённого в королеву Гвиньевру.

Развитие артуровской темы в романах XII—XV вв. происходит в двух направлениях. Прежде всего обогащается и изменяется биография самого Артура. Модред оказывается не только племянником Артура, но и его сыном от кровосмесительной связи со сводной сестрой Моргаузой. Измена же королевы мужу имеет место не с Модредом, а с Ланселотом.

Появляются романы, посвящённые детству Артура. Его прячут от врагов в Бретани по совету Мерлина, и никто не знает, где наследник престола. Артур появляется только во время битвы при Бадоне и, чтобы доказать законность своего рождения, извлекает из камня меч Экскалибур, которым может владеть лишь законный монарх.

Возникают и некоторые мессианские мотивы: после битвы с Модредом и гибели своего королевства Артур переносится на Аваллон, но не навсегда. Он будет ждать своего часа и вернётся в трудный для Британии момент, дабы отразить нападение врагов.

Завершением артуровской темы стал прозаический роман англичанина Томаса Мэлори (умер в 1471 г.) «Смерть Артура», являющийся одновременно и переводом составленного на рубеже XIII и XIV вв. свода французских прозаических романов об Артуре, и оригинальной разработкой сюжета. В этой книге несколько меняются и смещаются события биографии Артура. Поход на Рим происходит в начале царствования Артура и проходит успешно. Попытка захватить трон и королеву (она не желает выходить за Модреда) предпринимается потому, что войско Артура воюет с Ланселотом, обвинённым в любовной связи

с Гвиньеврой, и многие рыцари уже погибли в борьбе с ним. Таким образом, причина гибели королевства Артура — в расколе среди рыцарей Круглого Стола, а предательство Модреда — лишь последний толчок.

Ещё в XII в. Артур становится популярнейшим героем Европы. Около 1190 г. в аббатстве Гластонбери якобы находят могилу Артура. В 1312 г. поэт Жак де Лоньон в поэме «Обеты павлина» выводит девять лучших воинов всех времён и народов. Это три языческих рыцаря — Гектор, Александр Македонский и Юлий Цезарь; три иудейских — Иисус Навин, царь Давид и Иуда Маккавей; три христианских — король Артур, Карл Великий и завоеватель Иерусалима Готфрид Бульонский. В XV в. один из французских придворных всерьёз утверждает, что неудачи Англии в Столетней войне объясняются тем, что лучшие рыцари этой страны пали некогда вместе с королём Артуром.

Одновременно с разработкой биографии Артура происходит и иное развитие этой темы в романах: появляются самостоятельные произведения о тех или иных рыцарях Круглого Стола, об их подвигах. В XIII в. в книге Роберта де Борона «Иосиф Аримафейский, или Роман об истории Грааля» впервые появляется тема Грааля — чаши, из которой Христос пил во время Тайной вечери и в которую Иосиф Аримафейский собрал Его кровь. Одновременно Грааль — волшебный всенасыщающий котёл кельтских мифов, а в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (около 1210 г.) — некий волшебный камень. С Граалем соседствует копьё сотника Лонгина, завершившее крестную муку Христа, но одновременно оно — магическое оружие кельтских мифов, исцеляющее наносимые им же раны. Эти священные реликвии хранятся в заколдованном замке Монсальваш, и обрести их может только идеальный рыцарь, так что поиски Грааля есть поиски духовного совершенства.

Во всех этих многочисленных романах Артур и его двор присутствуют лишь как фон. Фабула их обычно такова: на Троицу в Карлеон к Артуру съезжаются рыцари Круглого Стола и рассказывают о своих подвигах, и если какой-либо рыцарь, по его словам, потерпел неудачу, другой отправляется завершать его дело. Либо ко двору Артура прибывает некий проситель, чаще всего девица, требующая свершить некое действие — например, освободить город от заклятия, убить дракона и т. д. Рыцари разъезжаются или в поисках приключений, или в стремлении обрести Грааль. Далее повествуется об их деяниях. Артур в этих романах — убелённый сединами мудрый и бездеятельный король, не принимающий участия в приключениях, но являющийся как бы гарантом возглавляемого им мира.

Артур теряет свою биографию, а его королевство — географические (пусть и квазигеографические) и исторические (пусть и квазиисторические) очертания. Это уже не некая легендарная Британия, а весь христианский (и даже нехристианский — в романах присутствуют сводный брат Парцифаля мавр Фейрефиц и влюблённый в Изольду сарацинский рыцарь Паламед) мир, любое место, где действуют рыцари Круглого Стола. Это — не славное прошлое Британии, а не существовавший никогда и одновременно существующий здесь и сейчас идеальный рыцарский космос, в котором можно и должно реально жить, героям которого можно и должно подражать самым серьёзным образом, как подражали им реальные странствующие рыцари XIV—XV вв. или созданный гением Сервантеса Дон Кихот Ламанчский.

КАРЛ I ВЕЛИКИЙ

В средневековых легендах, в сочинениях современников, ближайших потомков и позднейших историков Карл Великий изображён могучим монархом, просветителем, создателем христианского государства, объединившего многочисленные европейские народы.

Карл был сыном Пипина Короткого, первого франкского короля из династии Каролингов, по завещанию которого в 768 г. государство было разделено между Карлом и его младшим братом Карломаном. Их ссора чуть было не привела к войне, но внезапная смерть брата позволила Карлу объединить все земли. С этого момента главной целью Карла стало создание прочного христианского государства, в которое вошли бы помимо франков ещё и язычники. Завоевание и обращение варваров в христианство было необходимо для Франкского государства, соседствовавшего с германскими племенами саксов на севере и северо-востоке. На востоке жили славяне и авары, на юге находилась занятая арабами-мусульманами Испания. Можно сказать, что государство Карла I создавалось политикой войны и укреплялось политикой мира.

Военные походы устраивались почти каждый год. Самые долгие и тяжёлые сражения пришлось вести на востоке. Войны с саксами затянулись на 30 лет. Для язычников франкское владычество и христианство — религия завоевателей — разрушали весь привычный уклад жизни так же жестоко, как было уничтожено грандиозное языческое святилище, где стояла статуя Арминия — священнейшего кумира саксов. Очевидно, что восставшие саксы не делали различия между воином и священником и уничтожали подряд всех своих врагов. Франки отвечали

массовыми казнями тысяч человек. Через десятилетия противостояние исчерпало себя, и саксы к 803 г. навсегда вошли в состав христианской Европы. Позже они сами продолжили христианизацию других народов.

На востоке Карл сражался со славянами. Союз с ободритами (славянским племенем), заключённый против саксов, позволил ему продвинуться за Эльбу. Франки встретились с серьёзным сопротивлением аваров, выходцев из азиатских степей, проживавших в Паннонии (сейчас территория Венгрии) и создавших там своё государство — Аварский катанат. Они оказывали помощь мятежной Баварии, стремившейся освободиться от франкской зависимости. Последствия были ужасны для аваров — франки вскоре разгромили их «конную империю», и она перестала существовать. Что касается Баварии, то это герцогство было завоёвано, а герцог Тассилон и вся его семья были заключены в монастырь. В ходе этих действий франки продвинулись до Дуная. Эльба, Дунай, Пиренеи... Размах завоеваний был настолько велик, что территория Франкского государства удвоилась.

Самыми знаменитыми являются походы Карла против испанских арабов. «Песнь о Роланде», один из лучших образцов средневекового эпоса, повествует о том, как однажды войско христиан потерпело неудачу и возвращалось домой через Пиренеи. В мрачном Ронсевальском ущелье на отряд, прикрывавший отступление основных сил, напали местные жители — баски. В жестоком бою погиб приближённый Карла — Хруодланд. Народная фантазия сделала его символом доблести, а незначительное столкновение — великим сражением между христианами и мусульманами. В этих походах на сарацин часть испанской территории была завоёвана, и на ней возникла Испанская марка — пограничная область государства Карла.

Ещё одно направление его политики — итальянское. Здесь встретились римская идея государства и жизненная сила народа, призванного её осуществить. После того как в VI в. лангобарды завоевали Италию, Римская область осталась под владычеством Константинополя. Папы, являвшиеся фактическими правителями этой области, пытались уберечь её от вторжений лангобардов и, не получив помощи от византийского императора, обратились к правителям франков. Карл Великий и Папа выступили вместе против лангобардского короля Дезидерия. В конце концов Дезидерий потерял трон и оказался в монастыре, а Карл в Италии был коронован и стал кем-то вроде покровителя Рима. Когда там вспыхнуло восстание против Папы Льва III, король франков явился в Рим и созвал епископский суд, который заявил, что никто не вправе судить Папу. Таким образом, римский первосвященник стал главой Католической Церкви.

И вот после этого события Карл празднует Рождество в Риме. Во время рождественского

Жан Фуке.
Коронование Карла Великого.
Миниатюра из «Больших французских хроник».
Около 1460 г.

молебна в соборе Святого Петра происходит величайшее событие — Папа Лев III возлагает на голову Карла императорскую корону. С тех пор как в 476 г. был низложен последний римский император и Константинополь стал монопольным обладателем этого титула, Запад впервые обрёл высшую светскую власть. Всё это время варварские короли были фактически независимы от константинопольского трона и признавали за ним только некое неопределённое почётное верховенство. Мощное развитие Каролингского государства и отступление Византии с Европейского континента потребовали воплощения имперской идеи. Поэтому не случайны столь тесные отношения между христианским государем и главой Церкви. Как Папа мог завоевать авторитет, только опираясь на силу и титул императора, так и политика Карла получила внутреннюю уверенность и освящение благодаря его роли охранителя сердца Вселенской Церкви. Тем более что в это время в Византии развернулось иконоборческое движение, и франки могли претендовать на защиту первоначальных церковных установлений — православие. Таким образом, в этом случае светская и церковная власти встретились и усилили друг друга. По существу войны с арабами, саксами, славянами, аварами велись за распространение христианства.

Языческий мир был готов принять его, чтобы потом остаться в легендах, суевериях, праздниках. Так произошло с самими франками и с другими народами Европы. Франкское государство строилось на основе христианских ценностей. Это ясно выражено в его законодательстве.

Карл I Великий

Карл ожидал от своих подданных преданности и подчинения. Чтобы добиться этого, он поделил страну на округа, во главе каждого из которых стоял выбранный им из местной знати граф (тогда это был не титул, а должность). Граф возглавлял ополчение, собирал налоги, вершил суд вместе с особыми заседателями — шеффенами. Кроме того, существовали «государевы посланцы» из ближнего окружения Карла для специальных поручений. Они разъезжали по стране, контролировали местных управителей, вершили суд от имени государя. Откуда же появились эти верные слуги? Карл нуждался в преданных людях как любой реформатор и следовал обычной для того времени практике дарения земли с тем, чтобы принявший подарок был обязан ему службой и поклялся в верности. При помощи личных связей Карл старался укрепить государство. Другим средством повысить эффективность управления была забота об образованности чинов (хотя бы высших), советников, секретарей, составлявших двор государя.

Важнейшей частью государственной системы стали «майские поля» (в древности — собрание народного ополчения). Во времена Карла так называли собрание влиятельной церковной и светской знати. Оно только обсуждало вопросы, окончательное решение по которым принимал глава государства. На этих собраниях Карл издавал указы и особые сборники распоряжений — капитулярии (от *лат.* capitula — «глава», «раздел»). Странно слышать, но лишь тогда впервые стали придавать большое значение распространению указов в письменной форме, чтобы власть короля проявилась во всех уголках королевства. В качестве монарха, ответственного перед Богом за души подданных, Карл уделял немало внимания делам Церкви, учреждая епархии, назначая епископов и аббатов, поучая и наставляя. Капитулярии были сборниками не только законов, постановлений, но и проповедей.

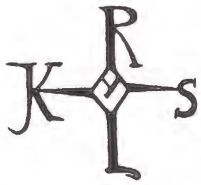
Обширнейшая деятельность Карла на ниве образования посвящена той же задаче — христианскому воспитанию. С юных лет он питал уважение к просвещению. Ему принадлежат указ о создании школ при монастырях и капитулярий об образовании, где предписывалось обязательное обучение для детей свободных людей. Однако последнее распоряжение было невыполнимо в то время. Трудно вообразить всеобщую грамотность в VIII в. При дворе была организована школа, ученики которой готовились к управлению государством.

Карл приглашал к себе со всей Европы просвещённых людей и многих из них назначал

на высшие государственные и церковные должности. Некоторые из них составили учёный кружок, названный Академией, членом которой был сам Карл, носивший там прозвище Давид (в честь библейского царя, служившего примером боголюбивым монархам). Эта Академия была чем-то средним между собранием друзей и учёным сообществом, где в свободной беседе, даже на пиру, обсуждались философские и богословские вопросы, сочинялись и читались стихи. Проявлявшийся при дворе Карла интерес к теологии и латинской словесности даёт право историкам называть его эпоху «каролингским возрождением». Как известно, так называют времена, когда люди стремятся подражать образцам античной культуры, выражая свои мысли и чувства на языках древних греков и римлян. Это «возрождение» было поверхностным, ограниченным пределами узкого кружка — скорее придворной игрой и забавой. Но зато оно показывает, что обширнейшие реформы были под силу только государю, способному широко мыслить и действовать во имя великих целей. Обращение к античности меняло взгляд на окружающий мир, и не случайно именно Карл приказал составить грамматику франкского языка, собирать германские песни.

В быту этот римский император оставался германским королём: он носил национальную одежду — рубаху, штаны и плащ — и только в Риме в знак уважения к Папе облачался в одежды римского патриция. Согласно тому же германскому обычаю, у него было несколько жён, из которых одна считалась главной, тогда как христианские законы категорически запрещали подобное. От трёх жён и пяти наложниц он имел семь сыновей и восемь дочерей. Из трёх законных сыновей — Карла, Пипина и Людовика — пережил отца только младший. Дочерей он настолько любил, что не желал выдавать замуж, и отчасти поэтому им приписывают достаточно вольное поведение.

Карл Великий умер 28 января 814 г., как писали хронисты, от лихорадки. Его империя просуществовала недолго и по Верденскому договору 843 г. была разделена на три государства, два из которых — Западно-Франкское и Восточно-Франкское — стали предшественниками нынешних Франции и Германии. Образ Карла после его смерти стал легендарным. Ещё в раннее Средневековье имя Карла в латинизированной форме — Carolus — стало в Восточной Европе титулом «король». В эпических поэмах Карл предстаёт то мудрым и строгим, то добрым, но слабым, то хитрым и коварным. Очевидно, что Карл Великий был значительнейшим государем Каролингской эпохи, в ходе которой общество стало сложнее, укрепилась зависимость слабого от сильного, а в качестве сильных утвердились те, кто нёс государственную службу, получали от государя землю, а от земли — власть над кормящимися с неё. Таких людей, на которых опиралось государство, стало гораздо больше. В эту эпоху возросла важность такого качества, как верность, а государственное дело требовало уже не только сильной личности, но и просвещённого монарха. И хотя Карла нельзя так назвать, именно он стоит у истоков будущей традиции просвещённого правления.



Карл Великий опередил своё время. В некотором смысле его реформы были навязаны народу, только близкие сподвижники понимали его дело, а среди знати у него было много врагов. Если империя Карла распалась, то составлявшие её народы продолжали жить в очерченных им границах в тесном общении друг с другом.

Личность Карла Великого, без сомнения, незаурядна. Нас и ныне поражают реформаторский характер его государственных забот, любовь к просвещению, глубина религиозных переживаний, связанных с поиском внутренней опоры.

ВИКИНГИ

Так называли в Скандинавии воинов, совершавших морские торгово-грабительские и завоевательные походы в другие страны. Викинг — пират и воин, искатель добычи и славы, которую могли доставить ему военные подвиги. Их называли «северными людьми» в Европе, норманнами во Франции, датчанами в Англии, аскеманнами в Германии, варангами в Византии и варягами на Руси.

Родиной викингов был Скандинавский полуостров на севере Европы. Земля там была неплодородной, часто случались неурожаи. У скандинавов даже существовал жестокий обычай: в голодные годы младенцев, прежде всего девочек, уносили в лес и оставляли там умирать.

Леса и горы, покрывающие территорию Скандинавии, мешали развитию торговли. Поэтому скандинавы (к которым относились датчане, шведы и норвежцы) быстро освоили морские пути вдоль своих изрезанных заливами (фьордами) берегов. У них не было государства, они жили племенами. У каждого племени был военный вождь — ярл, или конунг, имевший постоянную дружину (кстати, русское слово «князь» произошло именно от скандинавского «конунг» — «вождь»). Дружинники приносили вождю клятву верности, нарушив которую, они покрыли бы себя несмываемым позором. Вернуться из сражения, в котором пал вождь, было признаком трусости, самым постыдным делом.

Каменная голова Фрейра. IX в.

Каменная голова Тора. IX в.

Постепенно население увеличивалось. Но из-за скудости природы далеко не всем хватало земли, чтобы прокормить себя и семью. Молодые крестьяне вынуждены были уходить из родных мест и становиться воинами. Не были исключением и сыновья знатных родов, которым ничего не оставалось, как искать богатства на чужбине. Дух странствий, невиданные сокровища, о которых рассказывали побывавшие в торговых экспедициях соплеменники, будоражили воображение молодёжи. Они собирались в дружины, предводительствуемые молодыми ярлами, в надежде добыть славу и богатство. Так к VIII в. появилось множество «морских конунгов», у которых была дружина, но не было земли. Они-то и стали первыми викингами.

В 793 г. викинги напали на английский остров Линдисфарн, разграбили и разорили монастырь. Так началась «Эпоха викингов», нашествие «северных людей» на Европу, которому суждено было продлиться три века. По всей Европе духовенство молилось: «Боже, избавь нас от неистовства норманнов». Нельзя сказать, что Европа впервые столкнулась с разбойничьими нападениями. Но многочисленные экспедиции викингов, захват ими новых земель можно было сравнить лишь с нашествием варваров на Римскую империю, ужасы которого только-только стали забываться.

Набеги викингов сначала были неорганизованными, нападавших было немного. Но раздробленной Европе хватило и этого, чтобы застонать под натиском их отрядов. В IX столетии викинги захватили Ирландию, Англию, разорили и сожгли Нант, Гамбург, Пизу, Шартр, а в 845 г. один из самых знаменитых ярлов — Рагнар Лодброг — вошёл в Париж. «Ни один город, ни один монастырь не остались неприкосновенными. Все обращались в бегство...» — подобными жалобами заполнены все хроники того времени.

Сначала в Англии, а затем и во всей Европе начинается лихорадочный сбор «датских денег», чтобы или откупиться от нападения викингов, или выкупить у них захваченные города и земли. Но норманнам уже мало случайной добычи, полученной от нападений на изрядно потрёпанные ими же прибрежные города. Они начинают укрепляться на побережье, чтобы, совершая рейды в глубь стран, захватывать всё новые и новые территории. Так в Северной Англии образовалась Денло — область датского права, которую контролировали викинги и где господствовали скандинавские обычаи.

К X в. датские короли повели массированное наступление на Европу. Эпоха неорганизованных походов закончилась. Мощные объединённые дружины скандинавов обрушились на слабые европейские государства, отбирая одну территорию за другой. Недаром датчан считали одними из самых грозных захватчиков. Не отставали и другие викинги. Далёкие северные земли Руси и императорский Константинополь изведали тяжёлую руку морских разбойников.

В 911 г. ярл Рольф (Роллон) заставил короля Франции Карла Простоватого дать ему в лен (наследственное владение за военную службу) завоёванную им область Северной Франции, которая потом стала называться Нормандией. В Ирландии викинги основали город Дублин и завоевали всё восточное побережье. Викинги нападали на арабскую Испанию и Италию. Потомки викингов — нормандцы — завоевали Неаполь и остров Сицилию и образовали там Королевство обеих Сицилий. Особенно тяжело приходилось Англии, нападения на которую продолжались все три века норманнских походов. Ей так до конца и не удалось избавиться от владычества захватчиков: в 1066 г. потомок Роллона, офранцузившийся норманн Вильгельм Завоеватель, покорил Англию, провозгласив себя её королём.

Викинги вели не только завоевательные походы. Будучи профессиональными воинами, они становились наёмниками в Византии, на Руси и даже в Западной Европе, где сражались против отрядов своих же соплеменников.

Помимо захвата чужих земель силой викинги вели и мирную колонизацию. В 874 г. норвежцы заселили Исландию. В 80-е гг. X в. ярл Эрик Рыжий открыл Гренландию, которая вскоре также была заселена скандинавами. А в 986 г. сын Эрика Рыжего, Лейф Счастливый, на 500 лет раньше Колумба открыл Америку, которую назвал тогда «Винланд». Занимались викинги и торговлей. Именно они открыли знаменитый путь «из варяг в греки» по рекам Древней Руси.

Дольше, чем другие народы Европы, скандинавы оставались язычниками (т. е. не признавали христианской религии). Согласно их вере, от бога

Скандинавское поселение.

Хёймдаля произошли три сына: Трель — раб, давший начало роду рабов, Карл — прародитель землепашцев, и Ярл — прародитель воинов. Викинги, конечно же, считали, что ведут свой род от Ярла и его сына Кона (конунга) и поэтому должны заниматься только благородным ратным делом.

По представлению жителей Скандинавии, главные боги — Асы и Ваны — жили в особом мире Асгарде, они сами жили в Митгарде — срединной усадьбе, которую окружал враждебный мир — Утгард. Поэтому в эпоху походов викингов наиболее почитаемыми становятся боги-воины — Один и вооружённый страшным молотом Тор, которые боролись с чудовищами и великанами, населявшими Утгард. Валькирии, воинственные девы, послушные Одину, награждали воинов по решению богов победой или смертью.

Враждебность окружающего мира принуждала викингов противопоставлять ему великие деяния своих богов. Подвиги богов и героев были воспеты скандинавскими певцами (скальдами) в героических песнях — сагах. Именно поэтому во время походов викингов появляется наибольшее количество саг, а время их походов с полным правом можно назвать «языческим ренессансом».

Скандинавы веровали в неизбежность конца мира, когда силы зла, воплощённые в Великом волке Фенрире и Мировом змее Ёрмунганде, вырвутся на свободу и в последней битве, в час Рагнарёк, погибнут все боги, герои и храбрейшие воины, призванные на помощь Одином. Вместе с ними должны исчезнуть и злые силы. После этого возродятся новая земля и новые боги, и всё начнётся сначала.

Викинг должен принять смерть на поле брани с оружием в руках, лишь тогда он попадёт в золочёные палаты Одина — Валхаллу, где есть место только доблестным воинам, которые будут участвовать в последней битве богов. Такая религия воспитывала в скандинавах непреклонность и бесстрашие даже перед лицом поражения и смерти.

Викинги очень ценили удачливых ярлов. К ним в дружину воины шли с охотой. Викинги считали удачу одним из главных признаков благоволения богов. Считалось, что богатство тоже приносит удачу, и если оно перейдёт в другие руки, то и удача оставит этот род. Поэтому богатство или зарывали и прятали (чтобы потом никогда не откопать), или раздаривали дружине. Хвалебная песнь, которую посвящали конунгам и ярлам, тоже должна была приносить удачу. Поэтому скальдов иногда даже принуждали, угрожая смертью, сочинять подобные песни, чтобы удача сопутствовала вождю.

Нравы викингов были жестоки, впрочем, в этом они мало отличались от других народов Европы того времени. Существовала родовая месть, когда вырезали всё мужское население враждебного рода. Всех захваченных пленников, если они не могли заплатить выкуп, викинги обращали в рабов. Невозможно было разжалобить жестоких воинов: красота и молодость привлекали их только как товар, а старость вызывала не почтение, а раздражение, как ненужная обуза.

Вооружение викинга состояло из лёгких доспехов, шлема, часто рогатого (чтобы врагу труднее было наносить удар), иногда копья, кинжала и всегда — меча. Важной воинской принадлежностью было и весло корабля. Это не значит, что его постоянно носили с собой или ходили с ним в бой. Дело в том, что воины-викинги всегда гребли сами. Сидеть за веслом — дело свободного человека. Если же весло давали рабу, он переставал быть рабом и становился равным.

Важную роль для викингов играл корабль. Они относились к нему как к своему жилищу. И действительно, часто он на всю жизнь заме-

Украшение ладьи — чудовище для отпугивания злых духов. Около 850 г.

Викинг перед сражением. Шахматная фигура из моржового клыка. XII в.

Скандинавское копьё. Сделано из бронзы и украшено искусной резьбой.

нял им родной дом. От скорости и других качеств корабля зависела и удача в военном сражении, а часто и жизнь воинов. Киль корабля делался из одного целого дерева, в длину корабль достигал 20—50 м, т. е. на одном корабле могли уместиться до 150 человек. Корабль украшали деревянной головой змея или дракона, поэтому викинги называли свой корабль «дракон» или «большой змей» — драккар. Корабль был очень устойчив и имел небольшую осадку, что позволяло ему легко входить в устья рек. Помимо вёсел драккар имел четырёхугольный парус и был чрезвычайно лёгок в управлении. Даже в бурю с ним мог справиться один человек.

Среди викингов были особые воины, которых называли берсерками (или берсеркиерами). Это были отчаянные люди, одержимые боем. Они не носили доспехов. Опьянённые сражением, они срывали с себя даже одежду и крушили противника, не замечая ран и боли. Как правило, они были обоерукими (т. е. сражались сразу двумя мечами, в правой и левой руке). Берсерки очень ценились в дружине. Один берсерк приравнивался к 20 воинам.

Постепенно изменялись условия жизни в Скандинавии, да и сами викинги, разнеженные золотом и богатством, переставали быть ужасными и непобедимыми воинами.

Против разрозненных дружин выступили короли Дании и потомки викингов, ранее захвативших обширные земли Европы, которых продолжали тревожить алчные сородичи. Теперь и там их начали ненавидеть как разбойников и грабителей. Крестьяне сплачивались вокруг оседлых конунгов, которые не гонялись за добычей в чужих землях, а защищали мирное население от поборов бродячих ярлов. Викинги стали изгоями, бродягами, пиратами. Ими уже не гордились.

Век небольших дружин подходил к концу. И даже берсерки не могли помочь отряду в 50 человек победить сильные королевские гарнизоны. Три столетия войн многому научили Европу — она уже не была так беспомощна, как раньше.

Постепенно натиск викингов на Западную Европу ослаб. В XI столетии в Скандинавии сложились собственные королевства, а викинги — завоеватели Нормандии, Англии, Италии, Ирландии, Сицилии — постепенно перенимали обычаи народов, с которыми бок о бок жили на своих новых землях.

«Эпоха викингов», начавшаяся в VIII в., к концу XI в. благополучно завершилась.

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Слово «империя» рождает образ огромного, охватывающего многочисленные народы государства с чётким и разумным порядком, направляемым мудрым правителем-самодержцем. Таковой, возможно, была Римская империя в период её расцвета. Однако образцовое поддержание порядка в империи требует слишком большого напряжения сил и благоприятного стечения многих случайных обстоятельств. Поэтому гигантское государство после краткого периода подъёма, как правило, начинает исподволь разрушаться. Гибель империи нередко имеет катастрофические последствия для народов, некогда процветавших в её пределах.

Колоссальная Римская империя в 385 г. распалась на две части: Западную с центром в Риме и Восточную (позже её стали называть Византией) со столицей в Константинополе. Менее чем через 100 лет ослабленная изнутри политическими смутами, под напором варваров, двигавшихся с севера, Западная Римская империя рухнула. В течение VI—VII вв. на её территории образовались десятки небольших варварских королевств. Но, несмотря на это, имперская традиция в Европе продолжала жить. Притягательным примером для европейских государей служила Византия — Восточная Римская империя, которая существовала до XV в. Византийские императоры (басилевсы) считали свою власть верховной по отношению к власти варварских королей в Европе. Да и сами эти короли часто в почтении склоняли головы перед восточным соседом. Тонкое политическое чутьё и большой опыт византийцев помогали им строить отношения с теми, кого они называли варварами.

Карл Великий первым из варварских королей стал императором, бросив тем самым вызов Византии (800 г.). К тому времени он был государем огромной, созданной силой франкского оружия державы, простиравшейся от арабской Испании на западе до Болгарии на востоке и от

берегов Ла-Манша и Северного моря на севере до берегов Средиземного моря на юге. В 812 г. Византия признала за Карлом императорский титул. После раздела империи Карла Великого в 843 г. образовались отдельные королевства. Однако императорский титул продолжал переходить к старшим отпрыскам династии Каролингов, хотя политическое значение его было утрачено.

Идея империи поддерживалась Церковью, которая стремилась распространить своё влияние на весь мир и намеревалась создать (или воссоздать) христианскую державу под эгидой Римской Церкви. Рим оставался центром империи, тем городом, чьи история и слава вдохновляли имперские устремления и поддерживали имперское сознание. Императоры Каролингской династии короновались Папой в Риме, и таким образом их власть получала благословение высшего иерарха Западной Церкви.

В конце IX — начале X в. Рим оказался во власти отдельных знатных семейств, которые, не гнушаясь преступлениями, возводили своих ставленников на папский престол. В один из моментов, критических для 22-летнего Папы Иоанна XII (верховному иерарху угрожали знатные римские семейства), он обратился за помощью к германскому королю Оттону I из Саксонской династии — пожалуй, самому могущественному в то время европейскому монарху. Оттон I подчинил своей власти германских князей, славянских и датских правителей, князя Богемии, разгромил венгров и остановил их продвижение на запад. Оттону платил дань и польский государь.

2 февраля 962 г. поход Оттона в Италию увенчался торжественной церемонией в соборе Святого Петра в Риме. В благодарность за усмирение баронов Папа Иоанн XII возложил на главу германского короля «корону императора Августа». Так была восстановлена Римская империя, но уже в новых, средневековых, границах и условиях. Однако это событие едва ли было воспринято в других королевствах иначе, чем очередная ратная победа могущественного Оттона.

Оттон даровал Папе «привилегию» — документ, подтверждавший «Пипинов дар», т. е. светскую власть Папы в Папской области, некогда переданной Папам королём франков Пипином Коротким (см. ст. «Папство»). Подобно каролингским императорам, Оттон обязался оказывать помощь Римской Церкви. Вскоре, правда, обнаружилось расхождение во взглядах Папы и императора на соотношение светской и духовной властей в новой империи.

Папы считали, что их власть выше власти императоров, потому что они получают её от Церкви. Светская власть проистекает от власти духовной, полнотой которой обладает Папа. Позже был разработан ритуал коронации императоров, подчёркивающий их несколько зависимое положение по отношению к Папам.

Императорам соотношение властей представлялось иначе: их власть абсолютна, ибо это власть римских императоров. Она освящена давней традицией, укреплена военной мощью и авторитетом германского монарха. Именно поэтому и Церковь также обязана ему подчиняться. Например, в Германии Церковь стала своеобразной частью имперского управленческого аппарата, внутри которого должности замещались по воле государя. Германская практика назначения епископов и аббатов монархом привела впоследствии к ожесточённой схватке империи и папства.

Корона X — начала XI в.
Сокровищница дворца Хофбург. Вена.

А пока всемогущий Оттон I, совершив новый поход на Рим, низложил Иоанна XII, не желавшего мириться с германской опекой, и силой оружия утвердил Папой своего ставленника под именем Лев VIII. Оттон I попытался организовать управление Италией по германскому образцу: создавался разветвлённый административный аппарат во главе с канцлером; в города назначались германские коменданты (префекты). Оттон уладил разногласия с Византией, которая имела владения в Италии. В апреле 972 г. был заключён брак между сыном Оттона (будущим Оттоном II) и Феофано — племянницей византийского императора Иоанна Цимисхия. Византия признала императорский титул за германскими королями в обмен на неприкосновенность своих итальянских владений — Апулии и Калабрии. Когда Оттон II стал единоличным правителем, он предпринял несколько неудачных вторжений в Южную Италию, нарушив соглашение с Византией.

Одна из священных обязанностей императора — распространение христианства среди языческих на-

родов. Насильственная христианизация, предпочитаемая германскими правителями, часто приводила к столкновениям с язычниками, в результате чего датчане, а также славяне — поляки, лютичи и ободриты — отделились от империи.

Оттон II умер, когда его наследнику Оттону III было только три года. В Германии вспыхнула борьба за регентство при малолетнем короле, в которую включился и французский король Лотарь III, дядя Отона III. Независимость германских земель оказалась под угрозой. Верх в усобицах взяли мать Оттона III Феофано и его бабка Адельгейда, управлявшие Германией до совершеннолетия императора. В 994 г. Оттон стал править самостоятельно. Император получил прекрасное классическое образование. Поклонник древнегреческой и древнеримской истории и культуры, Оттон III посвятил свою жизнь одной цели — воссозданию прежней Римской империи.

В 996 г. Оттон III покинул Германию и был коронован в Риме Папой Григорием V. На одной стороне государственной печати Оттона III находилась надпись: «Возрождение Римской империи», на другой изображался лик Карла Великого — монарха, которому подражал юный император. Он даже вскрыл гробницу Карла Великого в Ахене и взял оттуда золотой крест, лежавший на груди франкского государя, и его нетленное облачение. Оттон был ярким выразителем идеи независимой от Церкви императорской власти. В одном из своих документов он определил это так: «Вся власть в Риме и Римской области должна исходить от императора, а Папа является его верным помощником».

Император решил навсегда обосноваться в Риме, где построил себе дворец на возвышающемся над Тибром Авентинском холме, откуда открывается прекрасный вид на город. Церемониал оттоновского двора и правительственный аппарат были скопированы с византийских образцов. Император появлялся в роскошных облачениях, напоминавших одеяния византийских императоров. Подобно им, за трапезой он сидел на возвышении, отдельно от придворных. Он требовал, чтобы во время официальных приёмов его величали «императором всех императоров».

Оттон III пользовался поддержкой Папы Сильвестра II, который в прошлом был его воспитателем — Гербертом из Аурильяка. Посвящая императору одно из своих сочинений, Герберт заметил: «Я это написал с тем, чтобы Италия не думала, что в императорских палатах вымерла вся образованность, и чтобы Греция (т. е. Византия. — *Прим. ред.*) не могла кичиться мудростью своих властителей. Эта страна уверена, что ей досталось в удел всё могущество Римской империи, но она ошибается: мы имеем богатую и плодородную Италию, мы владеем воинственной Галлией и Германией, нам служат скифские ратники, а прежде всего мы имеем тебя, о великий император. Ты происходишь от греческой крови и превышаешь могуществом греков. Ты владеешь Римом по праву наследства и превосходишь умом и красноречием греков и римлян». Оттон III поддерживал дружеские отношения с польским князем Болеславом Храбрым и венгерским князем Вайком, ставшим в 1001 г. королём Стефаном I, крестителем венгров.

Частые мятежи в Риме вынудили Оттона перебраться в Равенну, но он не оставлял надежды возвратиться в столицу своей империи. Во время похода на Рим в январе 1002 г. Оттон III умер от холеры. С ним окончательно угасла идея возрождения прежней Римской империи.

В Германии начались династические распри, в которых одержал победу герцог Генрих Баварский, короновавшийся в Ахене как Генрих II. В первые годы правления новый германский король восстанавливал порядок в своих владениях и лишь в 1013 г. отправился в традиционный для германских монархов поход на Рим, где и произошла коронация Генриха как императора. Вот как описал эту церемонию епископ Мерзебургский Титмар: «Когда по истечении 1000 лет от воплощения Господа нашего Иисуса Христа прошло 13 лет и наступила третья неделя второго месяца следующего года, в воскресенье, 14 февраля, в 13 год своего правления, Генрих, Божией милостью преславный король, вступил вместе с возлюбленной супругой Кунигундой в Церковь Святого Петра. Они шли окружённые 12 сенаторами, из которых, по таинственному обычаю, шесть были без бороды, а у шестерых борода была отпущена. В дверях собора ожидал их Папа. Но прежде, нежели король был введён в святыню, Папа Бенедикт обратился к нему с вопросом: намерен ли он остаться защитником и покровителем Римской Церкви и неизменно преданным ему, Папе, и всем его преемникам? На что король отвечал со всем смирением и ревностью и был затем вместе с супругой коронован и помазан. Прежнюю же свою корону он приказал повесить над алтарём князя апостолов (Святого Петра. — *Прим. ред.*). В тот же самый день Папа в Латеране (папская резиденция. — *Прим. ред.*) дал блестящий пир». Вскоре новый император вернулся в Германию. В Италии его власть опиралась на германских епископов, поставленных в крупнейших городах — Милане, Аквилее, Равенне. Сам император предпочитал оставаться в Германии и в основном интересовался её внутренними делами. После смерти в 1024 г. этого последнего императора из Саксонской династии Италия временно вышла из-под власти германских королей. Лишь северные епископы сохраняли им верность.

В 1026—1027 гг. новый германский король Конрад II из Франконской династии совершил поход на Рим. Впервые в документах именно этого императора его держава стала именоваться «Римской империей» (до него лишь монарх назывался «императором римлян», но не государство, которым он правил). Важным достижением Конрада было присоединение к империи в 1034 г. Бургундского королевства. Вассалом империи признал себя и польский князь Мешко II.

Расцвет монархии в Германии пришёлся на время правления Генриха III (1039—1056 гг.), который сосредоточил в своих руках значительную часть немецких земель. В полной зависимости от него оказалось папство: на папский трон избирались послушные императору кандидаты, часто из германских епископов. В 1049 г. Папой стал Лев IX (1049—1054 гг.), сторонник церковной реформы. Одним из главных положений реформы являлось освобождение Церкви от всякого влияния светской власти. Зримым выражением этого влияния была инвеститура (т. е. введения в сан: новоизбранный аббат или епископ получал в знак обладания духовной властью посох и кольцо, а как символ светской власти над вручаемыми ему королём земельными владениями — скипетр). Пользуясь правом инвеституры, светская власть то и дело вмешивалась в ход выборов священнослужителей. Вот в каких словах описывал современник избрание аббата знаменитого Фульдского монастыря: «Когда король вместе с князьями открыл заседание для избрания аббата Фульдского монастыря, разгорелось страшное соперничество между аббатами и монахами, которые во множестве собрались туда из различных мест... Бесстыдство искателей внушило сильнейшее отвращение королю, как то и было справедливо. Осаждаемый со всех сторон просьбами, он неожиданно, как бы вдохновлённый свыше, поставил аббатом Фульды монаха Розелина, прибывшего ко двору по делам своего монастыря и по поручению собственного аббата. Король вызвал его на середину собрания, когда тот совершенно не догадывался и от неожиданности был бесконечно поражён, вручил ему посох, подал за него голос и потом убедительно просил других, как монахов, так и вассалов, дать своё согласие на этот выбор. Когда все присутствовавшие с радостью согласились, ему было велено принимать аббатство».

Первыми шагами Льва IX стали сокращение количества германских епископов при папском дворе и укрепление финансового положения папства. Однако самым выдающимся деятелем из плеяды реформаторов был Папа Григорий VII (1073—1085 гг.), ещё задолго до избрания верховным иерархом определявший направление перемен в Церкви.

Григорий VII сначала ввёл новый порядок избрания Пап (одними кардиналами), который исключал возможность участия в выборах светской власти. Затем Папа установил целибат — обет безбрачия для духовных лиц всех рангов, что обеспечивало неприкосновенность земельной собственности Церкви (раньше женатые епископы могли оставлять землю своим детям). И наконец, в 1075 г. Григорий VII подписал декрет, отменяющий светскую инвеституру. Отныне духовные лица утверждались в должности только Папой. Последняя реформа встретила решительное противодействие со стороны германского императора Генриха IV, так как он лишался власти над епископами. На церковном соборе в Вормсе, открывшемся в январе 1076 г., Генрих IV добился низложения Папы. И тогда на соборе епископов в Риме Григорий VII отлучил императора от Церкви и также низложил его. Недовольные внутренней политикой Генриха IV крупные германские феодалы воспользовались предлогом и подняли мятеж. Оказавшись в чрезвычайно опасной ситуации, Генрих IV был вынужден искать примирения с Папой. В январе 1077 г. низложенный монарх с небольшой свитой явился к замку Каносса (в Северной Италии), где находился Григорий VII, и в течение трёх суток, босой, в рубище, стоял у ворот. Папа «простил» своего противника. Но Каносса с тех пор стала символом величайшего унижения светской власти перед церковной. Мир между Папой и императором сохранялся недолго, и вскоре борьба вспыхнула с новой силой. Только в 1122 г. уже между Генрихом V, сыном Генриха IV, и Папой Каликстом II был заключён Вормсский конкордат (соглашение), согласно которому в Германии император осуществлял светскую инвеституру до духовной, а в Италии и Бургундии — через полгода после духовной инвеституры. Таким образом, император сохранял контроль над Церковью только в Германии.

В начале XII в. в состав Священной Римской империи входили земли современных Германии, Голландии, Бельгии, Чехии, часть Франции (Бургундия) и Швейцарии, Северная и Средняя Италия. Империя представляла собой общность отдельных земель, управлявшихся фактически независимыми светскими или церковными князьями. Именно они избирали германских королей.

В 1138 г. к власти в Германии пришли представители династии Штауфенов. Сложная внутренняя ситуация в Германии помешала Конраду III Гогенштауфену получить в Риме императорскую корону. Ему наследовал Фридрих I Барбаросса (1152 — 1190 гг.), предпринимавший колоссальные усилия с целью подчинить своей власти Италию. В то же время он старался расширить собственные владения в Германии до таких размеров, чтобы с ним не мог сравниться ни один германский князь. Фридрих I умел искусно играть на противоречиях, царивших в княжеской среде.

В то время казалось, что начался новый взлёт империи, которая с середины XII в. стала называться Священной. Это был ещё один символ независимости императорской власти в государстве, священном само по себе, без санкции Папы. Фридрих I вновь воскресил образ своего далёкого предшественника: в 1166 г. по инициативе Барбароссы Карла Великого канонизировали, а столицу его империи Ахен объявили священным городом.

Тем временем папство переживало тяжёлый кризис. Несколько избранных разными группировками Пап оспаривали власть над Западной Церковью. В конце концов римляне изгнали Папу

из города и провозгласили образование Римской республики. Папа Евгений III обратился за помощью к Фридриху Барбароссе, и тот с радостью воспользовался удобным случаем для коронации и установления контроля над Римом. Однако союзнические отношения продлились недолго: вскоре после ликвидации Римской республики и коронования Фридриха в Риме Папу и императора разделила прежняя вражда. А затем на престоле вновь оказались два Папы.

В 1158 г. Фридрих предпринял новый поход в Италию, который увенчался успехом. Император стал пользоваться неограниченной властью в Италии, где его называли «одушевлённым законом на земле». Однако новые порядки вызвали широкое недовольство на севере полуострова, где города объединились против императора в Ломбардскую лигу. Горожане изгнали германские гарнизоны и восстановили былые городские вольности. Торжество лиги достигло наивысшей точки в битве при Леньяно 29 мая 1176 г., в которой германские войска были наголову разгромлены. Фридриху Барбароссе пришлось помириться с Папой и, сохраняя верховную власть в Северной Италии, признать самоуправление городов.

Конфликт с Папой разгорелся вновь, когда сын Фридриха I Генрих VI сочетался браком с принцессой из Сицилийского королевства — Констанцией. Это королевство, бывшее вассалом Папы, в будущем теперь могло перейти в собственность династии Гогенштауфенов. И опасения Папы сбылись, когда умер бездетный племянник Констанции сицилийский король Вильгельм II. Генрих VI (1190—1197 гг.) оказался четырежды венценосцем: он владел германской, итальянской, сицилийской и императорской коронами.

Южная Италия была очень выгодным приобретением для германских императоров: через неё шли пути на запад и восток, здесь чувствовалось влияние византийской и арабской культуры. Кроме того, норманнское владычество оставило в Южной Италии традицию сильной королевской власти. Однако неселение Сицилийского королевства относилось к Генриху VI и пришедшей с ним германской знати как к завоевателям. Император был вынужден уделять своей политике в Италии основное внимание, из-за чего вновь обострились отношения с папством и североитальянскими городами. И тем не менее Генрих VI возглавлял сильное государство. Вассалом императора признал себя английский король Ричард I Львиное Сердце. В зависимости от Священной Римской империи оказался арагонский король на Пиренейском полуострове. Генрих VI лелеял мечту подчинить своей власти и Византию, но так и умер, не осуществив своих намерений.

После смерти Генриха VI королём стал его трёхлетний сын Фридрих II, с именем которого связан последний взлёт династии Гогенштауфенов и их империи (см. ст. «Фридрих II Гогенштауфен»). Через 18 лет после кончины Фридриха II, т. е. в 1268 г., последний государь из дома Гогенштауфенов Конрадин был казнён в Неаполе, а на троне Сицилийского королевства утвердилась Анжуйская династия. В это время от империи отделились Италия, Бургундия и Нидерланды.

РИТУАЛ КОРОНАЦИИ ИМПЕРАТОРОВ

Император с императрицей в окружении свиты вступают в собор Святого Петра в Риме. В соборе их встречает Папа, к туфле которого припадает император в знак смирения и почтения. Затем император клянётся быть верным Римской Церкви и зашишать её. В ответ Папа даёт ему «поцелуй мира», т. е. целует императора крестообразно: в лоб, подбородок и обе шеки. Папа трижды спрашивает императора, хочет ли тот быть «сыном Церкви», и, получив утвердительный ответ, говорит: «И я тебя принимаю как сына Церкви». Так подчёркивалась зависимость императора от Папы, ибо их взаимоотношения должны были строиться подобно отношениям отца с сыном. Папа обнимает императора, а тот целует его в грудь. Затем собравшиеся в соборе приветствуют монарха, и происходит процедура его экзаменации: император отвечает на вопросы духовенства об истинной вере. После облачения Папы и императора в особые одежды торжественная процессия направляется к алтарю Святого Петра, где во время мессы осуществляется помазание государя, а также передача ему императорских регалий — кольца, меча, короны и скипетра.

В 1273 г. королём Германии был избран Рудольф — граф из Швабии. Он положил начало могущественному дому Габсбургов, наследственные земли которого охватывали всю Австрию. Тогда Габсбургам не удалось сохранить за собой ни германского королевского, ни императорского престолов. Звезда Габсбургов взойдёт позднее.

Заметным в истории Священной Римской империи было правление Карла IV (1347—1378 гг.) из дома Люксембургов. Его государство включало в себя Германию, Чехию, Бургундию. Он был королём Италии, а в 1355 г. короновался как император. Но с этого времени императорский титул стал чисто германским явлением, одним из титулов германских королей. Ни короли Франции, ни короли Англии (за исключением Ричарда Львиное Сердце) никогда не признавали верховной власти германского императора. С конца XV в. держава германских императоров стала именоваться Священной Римской империей германской нации. Карл IV издал Золотую буллу (1356 г.), которая закрепляла процедуру избрания «римских королей» коллегией из семи крупнейших германских князей (курфюрстов), духовных и светских. «Римские короли» получали императорский титул лишь после коронации в Риме. А с начала XVI столетия практика коронования императора в Риме уходит в прошлое. В то время германский престол уже прочно занимала династия Габсбургов. Карл V (1519—1556 гг.) вновь воссоздал империю, в состав которой входили Германия, Нидерланды, Италия и Испания (см. ст. «Карл V и Филипп II, Габсбурги»). Священная Римская империя в своих изменчивых границах существовала до 1806 г., когда последний её император Франц II по требованию Наполеона отказался от римской короны.

ФРИДРИХ II ГОГЕНШТАУФЕН

Фридрих II Гогенштауфен — одна из ярчайших фигур европейского Средневековья.

Он родился на исходе XII в., в 1194 г. Когда Фридриху было три года, умер его отец, Генрих VI, император Священной Римской империи и германский король, завещав престол сыну. Но, несмотря на то что в жилах ребёнка текла кровь великого деда Фридриха I Барбароссы — германского императора, прославившегося своей воинственностью и жестокостью, мало кто видел в малыше будущего главу могущественного государства. Фридриха прозвали «апулийским мальчиком», благо заботливая мать Констанция Сицилийская укрыла и воспитывала ребёнка на юге Италии, в Апулии. По завещанию мужа Констанция должна была стать регентшей государства и опекуншей малолетнего короля.

Но, презрев завещание императора, большинство немецких князей, поддерживающих династию Гогенштауфенов, избрали королём дядю Фридриха — Филиппа Швабского, а антиштауфеновски настроенная часть князей поддержала притязания на престол Оттона Вельфа. На германском престоле оказались уже три короля. К подрастающему в Неаполе Фридриху никто не относился всерьёз, а между Филиппом и Оттоном началась ожесточённая борьба за первенство.

Фридриха пока не волновали династические споры. На мальчика свалилось новое горе — смерть матери. Согласно её воле, его новым опекуном и регентом в Сицилийском королевстве (важной части Священной Римской империи, состоящей из острова Сицилия и Южной Италии) стал Папа Римский Иннокентий III.

Иннокентий III стремился к установлению папского господства над всем христианским миром. Он с удовлетворением наблюдал за династической смутой в Германии и стремился разжечь её ещё больше. Когда короли-противники обращались к Папе как арбитру в их споре за престол, он поддерживал то одного, то другого. Ослабление монархической власти в Священной Римской империи освобождало папство от давних и опасных соперников, какими долгое время были германские императоры. Юный Фридрих ни в коей мере пока не представлял такой угрозы Риму.

Иннокентий III внимательно оберегал наследственные сицилийские владения Фридриха от внешних посягательств. С помощью Папы рано проявивший способности к учению юноша получил прекрасное образование. Фридрих мужал, общение с энергичным и волевым Иннокентием помогало ему обрести уверенность в своих силах. Возможно, именно от этого мудрого наставника унаследовал молодой Гогенштауфен искусство тонкой дипломатической интриги и политического лавирования, которым прославился позднее. Тем временем с переменным успехом продолжалась борьба за престол между старыми противниками: Филиппом Швабским и Оттоном Вельфом. Увлечённые этой борьбой, они и не замечали, как под крылом могущественного римского первосвященника набирается сил законный наследник германского престола. После гибели Филиппа Оттон в 1209 г. успел даже короноваться в Риме, пообещав Папе не оспаривать его влияния в Италии. Нарушив эти обещания, новоявленный император подписал себе приговор. Иннокентий III отлучил коронованного им Оттона от Церкви и провозгласил германским королём своего юного подопечного — Фридриха Гогенштауфена. «Апулийский мальчик» вышел на политическую арену. Началось триумфальное восхождение Фридриха к вершинам власти. Помимо Папы у юноши появились новые помощники. Главным из них был французский король Филипп II Август. Он побудил генуэзских банкиров ссудить будущего императора деньгами. Так у Фридриха появились средства для борьбы с узурпировавшим императорскую корону Оттоном. Деньги французского короля и влияние могущественного Римского Папы сделали своё дело. Когда Фридрих Гогенштауфен с небольшим войском появился в Южной Германии, на его сторону один за другим стали переходить церковные и светские феодалы. В декабре 1212 г. собрание князей во Франкфурте в присутствии представителей Папы и французского короля торжественно избрало 18-летнего юношу римским королём. Он был коронован в Майнце архиепископом Зигфридом.

Однако в европейской политике всё было взаимосвязано. Окончательный исход борьбы за германский престол и судьба Фридриха зависели от того, кто одержит победу в давно начавшейся войне — Англия или Франция. Французский король Филипп II Август боролся с английским монархом Иоанном I Безземельным, стремясь включить в состав Франции английские владения на её территории. Политическое будущее Оттона Вельфа было тесно связано с возможными успехами английского короля. Франция, естественно, поддерживала противника Оттона (не случайно Филипп II помогал Фридриху деньгами). Всё решилось в 1214 г. в битве при Бувине. Оттон сражался на стороне англичан и разделил с ними полное поражение. Неудачник бежал с поля боя, потеряв боевой штандарт императора с позолоченным орлом. Другая потеря была намного горше: политическое влияние Оттона в Германии сошло на нет. Молодой Гогенштауфен в 1215 г. был ещё раз торжественно коронован, теперь уже в Ахене.

Когда в 1216 г. Иннокентий III скончался, Фридрих уже особенно не нуждался в чьём-либо покровительстве. Почувствовавший вкус к власти, полный честолюбивых замыслов, он был го-

тов к самостоятельным действиям. В 1220 г. преемник Иннокентия III Папа Гонорий III короновал Фридриха в Риме. Фридрих II Гогенштауфен стал полноправным императором Священной Римской империи.

История этого государства началась в 962 г., когда германский король Оттон I короновался в Риме, надеясь возродить величие древнеримской державы. Стремление к этому величию, к господству над всей Европой сохранили и последующие германские короли — государи воссозданной империи. Оно заставляло их раз за разом снаряжать военные походы в Италию, толкало на борьбу с папством, с итальянскими городами, с независимыми феодалами — со всеми, кто стоял на пути. Империя потерпела крах в середине XIII в., хотя формально просуществовала до начала XIX столетия.

К моменту вступления на престол Фридриха II лучшие времена Священной Римской империи были уже позади. Кризис, разразившийся в связи с династической смутой, показал рыхлость и искусственность этого государственного образования, неспособность его решать насущные политические задачи. Особенно плачевным было положение в самой Германии, где зарвавшиеся князья готовы были подняться против любого монарха, посягнувшего на их права и свободы. Но в глазах Фридриха Германия уже не была центром империи. В качестве главной её части он рассматривал Италию и Сицилийское королевство, завоёванное отцом Фридриха незадолго до смерти. Именно сюда перенёс молодой император центр тяжести своей политики. Ещё при жизни Иннокентия III он обещал Папе после укрепления на германском престоле передать Сицилию своему сыну Генриху (Иннокентий III явно опасался чрезмерного усиления Священной Римской империи и пытался предотвратить его). Теперь Фридрих будто забыл о своём обещании. Впрочем, сам Иннокентий учил своего подопечного гибкости в политике.

В начале своего царствования Фридрих II старался сохранять добрые отношения с римскими Папами. «Возлюбленный духовный отец» — Иннокентий III — благословил Гогенштауфена на германский престол. За это Фридрих клятвенно обещал ему сохранить папский сюзеренитет (верховенство) над Сицилийским королевством и рядом областей в Центральной Италии, расширить права духовенства и искоренить ереси на подвластной территории. Из всех этих обещаний выполнено было, пожалуй, лишь последнее. Это не помешало Фридриху повторить все эти обещания в 1220 г. Папе Гонорию III, чтобы тот короновал его императорской короной. Он окончательно умилостивил Папу, торжественно поклявшись не позже чем через год отправиться в крестовый поход. На самом деле император был совершенно равнодушен к движению крестоносцев, не ведущему к усилению императорского господства. К тому же Фридриху был чужд религиозный фанатизм (гонения на еретиков были лишь данью Риму). Учитывая неотложные дела в Сицилийском королевстве и в Италии, Фридрих старался избежать похода во что бы то ни стало. Папа же, наоборот, стремился отправить Гогенштауфена в далёкую Палестину, чтобы ослабить его влияние в Италии. В 1225 г. после долгих просьб, угроз и увещеваний Гонория III Фридрих был вынужден заключить с ним соглашение, по которому не позже августа 1227 г. был обязан выставить тысячный отряд рыцарей и снарядить флотилию для переброски крестоносцев в Святую землю. В случае нарушения обещания Фридриха ожидало отлучение от Церкви.

В том же году Гогенштауфен женился на дочери иерусалимского короля Изабелле, обеспечив в случае удачи крестового похода пополнение сво-

СИЦИЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ

Владея с рождения титулом Сицилийского короля и получив свободу действия, Фридрих II занялся прежде всего преобразованиями в Сицилийском государстве. Именно здесь ему удалось добиться того, что невозможно было сделать в рамках всей Священной империи. Двор Фридриха в Палермо напоминал своей роскошью и стилем жизни дворы восточных арабских султанов. Император явно был очарован восточной культурой: музыка и танцы, литература и поэзия, архитектура — всё привлекало его внимание и поощрялось. Фридрих II основал университет в Неаполе и несколько школ. Сам он знал арабский и греческий языки, писал трактаты по-латыни и стихи по-итальянски, особенно любил естественные науки и прославился трактатом «Об искусстве охотиться с птицами». В Палермо жили арабские, византийские, еврейские учёные, приглашённые императором, веротерпимость которого поражала его сподвижников и приводила в бешенство папский Рим. Талант государственного деятеля позволил Фридриху создать в Сицилийском королевстве образцовую по тем временам систему управления. Похоже, Фридриху не давала покоя безграничная власть восточных деспотов. В Сицилии Фридрих сформировал наёмные отряды из мусульман и с их помощью подавил ряд восстаний сицилийских феодалов. Император проявил немалые способности в законотворчестве. В 1231 г. он издал так называемые «Мельфийские конституции». В соответствии с ними сильно урезывались права местных феодалов и вольности городов. Приказывалось срыть до фундамента феодальные замки, выстроенные за последние 40 лет. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках короля. Королевство было разделено на административные округа, управляемые королевскими губернаторами. С населения взимался поземельный налог; кроме того, существовали многие косвенные налоги. Высшим чиновником Сицилийского королевства стал юстициарий, который по своим громадным полномочиям напоминал визирей арабских халифов. Постоянная наёмная армия и флот дополняли картину централизованного Сицилийского государства, по сути построенного Фридрихом II Гогенштауфеном. Пожалуй, любой европейский государь мог бы гордиться такими достижениями. Для Фридриха же сицилийская политика была пусть важным, но всё же одним из многих направлений его деятельности.

Сильное Сицилийское королевство служило для императора базой, источником средств для укрепления своей власти и влияния в Италии. Завоевание Северной и Центральной Италии, необходимое, по его мнению, для процветания Священной империи, стало целью всей его жизни. Борьба с римским папством, стремившимся к мировому господству, и североитальянскими городами, которые пытались сохранить свою независимость, стала неотъемлемой частью этой жизни.

ей коллекции ещё одним венцом. Династические браки вообще были одним из излюбленных политических приёмов Фридриха II. Позднее он женился на сестре английского короля Генриха III, с политическим расчётом устраивал и браки своих сыновей.

Первые разногласия с папством совпали с ухудшением отношений Фридриха с североитальянскими городами. Как и во времена Фридриха I Барбароссы, папство и Ломбардская лига (союз городов) стали сближаться перед лицом общего потенциального врага, стремящегося усилить свои позиции в Италии, — Фридриха II.

В 1226 г. ломбардские города возобновили свой прежний союз и свою военную организацию. В ответ на это Фридрих II объявил о лишении городов привилегий, полученных ими по Констанцскому мирному договору (1183 г.). Дело шло к войне, а император не располагал достаточными военными силами. В этот затруднительный для Фридриха момент умер Гонорий III, и на его место был выбран Папа Григорий IX, потребовавший немедленного начала крестового похода и обещавший за это употребить всё своё влияние для успокоения ломбардских городов. Война с Ломбардской лигой была отсрочена, а Фридрих в 1227 г. отплыл из Бриндизи в поход на Иерусалим. Но через несколько дней император неожиданно вернулся из-за болезни, и начатый поход расстроился. Папа не стал выслушивать объяснений посланцев Фридриха и отлучил его от Церкви. В ответ император обнародовал резкий памфлет против Григория, а его приверженцы принудили Папу временно бежать из Рима.

Желая снять с себя папское проклятие, Фридрих II в 1228 г. вновь отправился в Святую землю. Со сравнительно небольшими силами ему удалось добиться того, чего не могли достигнуть огромные армии крестоносцев со времени 1-го крестового похода. Фридрих показал себя разумным военачальником и блестящим дипломатом, способным на нетрадиционные решения. Казалось, за что бы ни брался Фридрих, всегда ему сопутствовал успех. Иерусалим был освобождён, император надел на себя ещё и иерусалимскую корону, заключил мир с египетским султаном и уехал из Святой земли, оставив там своего наместника. Однако в Европе победителя ждала отнюдь не триумфальная встреча. Раздражённый успехами своего противника, Григорий IX объявил крестовый поход пиратским предприятием, а освобождение Иерусалима нечестивой сделкой. Одновременно вероломный Папа подстрекал подданных Сицилийского королевства к выступлениям против Фридриха и отправил папские войска в Южную Италию.

Защитив с оружием в руках Сицилийское королевство от папских притязаний, Фридрих II заключил в 1230 г. договор с Григорием IX, означавший временное затишье в их вражде.

На фоне активных действий императора в Италии его германская политика выглядела слишком бледно. С тех пор как Фридрих покинул страну в 1220 г., отправившись за императорской короной в Рим, он ещё только два раза (в течение 30 лет!) удосужился побывать в Германии. В глазах его — полунемца-полуитальянца — Германия была лишь периферией империи. Желая развязать себе руки для бурной итальянской политики, Фридрих II стремился умиротворить германских князей, чтобы они и прочие феодалы не предпочли ему какого-либо другого кандидата в императоры. Если его дед Фридрих I Барбаросса шёл на уступки отдельным немецким князьям, сталкивая их между собой, то Фридрих II шёл навстречу всем князьям как особому сословию. Он наделял их верховными государственными правами, становился на сторону германских князей в их споре с городами.

Вероятно, реально оценивающий свои силы Фридрих понимал невозможность быть самодержцем одновременно и в Италии, и в Германии. Он сознательно жертвовал размерами своей власти в Германии, чтобы сконцентрироваться на укреплении позиций в Сицилийском королевстве и борьбе в Северной и Центральной Италии. Подобное отношение к немецким делам позволяло сохранять в Германии относительно спокойную обстановку. Но оно способствовало усилению территориальной раздробленности страны, уничтожало надежды на централизацию. Гибкой и осторожной политикой в Германии Фридрих смог предотвратить возможные политические потрясения, но скорый крах Священной Римской империи сделался ещё более неизбежным.

В 1235 г. Фридрих пережил личную драму. Открытый мятеж против императора поднял его сын Генрих, правивший от имени отца в Германии. Нити заговора тянулись в Рим. Сыновний мятеж был легко подавлен. Генрих хотел лишь вырваться из-под опеки отца и не мог прельстить немецких князей чем-нибудь таким, что заставило бы их перейти на его сторону и отвернуться от Фридриха.

В 1236 г. Фридрих вновь решил покончить с вольностями ломбардских городов и, получив военную поддержку немецких князей, направился в Северную Италию. Первое время императору сопутствовал успех. В 1237 г. в битве при Кортенова он нанёс сильное поражение союзным войскам. Но города не хотели сдаваться, и лига отвергла требование о безусловном подчинении. Военное счастье изменило Фридриху. После неудачной трёхмесячной осады города Брешия императорское войско было вынуждено отступить. В борьбу на стороне ломбардских городов открыто вступил Папа Григорий IX. После того как Фридрих назначил своего побочного сына Энцио, который был женат на наследнице Сардинии, королём Сардинии и тем самым нарушил сюзеренитет Рима, Папа в 1239 г. вновь отлучил императора от Церкви и призвал к сопротивлению его власти.

Фридрих I обратился к светским государям христианского мира, указывая на то, что Папа — естественный враг их, ибо имеет притязание всех подчинить своей власти. Борьба между императором и Папой кипела во всех концах Европы, оба вербовали себе сторонников и союзников, оба устами своих приверженцев возводили друг на друга самые тяжёлые обвинения. Папа называл Фридриха медведем, леопардом, богохульником, сыном Вельзевула. Император не оставался в долгу. В 1241 г. Папа созвал в Риме собор для осуждения Фридриха, но Энцио, талантливейший и любимый сын Фридриха, перехватил на море корабли с епископами, ехавшими в Рим, и собор не состоялся. Войска императора подступили к Риму, опустошая его окрестности; агенты Фридриха готовили почву для вступления в город. Но Григорий IX внезапно умер. Полтора года папский престол пустовал, и снять отлучение от Церкви, к чему стремился Гогенштауфен, было невозможно.

Несмотря на готовность Фридриха пойти на серьёзные уступки папству, новый Папа Иннокентий IV занял по отношению к императору ещё более жёсткую позицию, чем его предшественник. Созванный Иннокентием IV в 1245 г. в Лионе Вселенский собор почти единодушно поддержал Папу и вынес постановление об отлучении уже многократно отлучённого Фридриха II от Церкви и лишении его всех званий и почестей. Император обвинялся не только в посягательстве на права папства и Церкви, но, более того в еретичестве и склонности к магометанству.

Но про́клятый император и не думал смириться, обычное спокойное расположение духа не изменило ему. Антиштауфеновская папская агитация давала свои плоды. Священная Римская империя, сохранению и усилению которой посвятил свою жизнь Фридрих II, трещала по швам. Гогенштауфен едва успевал латать дыры. Заволновалась знать в Германии. Часть князей избрала антикороля— Генриха Распе. Вновь разгорелась война с Ломбардской лигой, и опять не в пользу Фридриха — его войско проиграло сражение под Пармой.

Однако 56-летний император не думал унывать. Неудачи лишь подстёгивали его неутомимую, деятельную натуру. Фридрих II жаждал реванша — готовил поход на Лион, чтобы отомстить Папе, собирал силы для новой большой войны с Ломбардской лигой, грозил немецким князьям-отступникам.

Но в 1250 г. император внезапно умер. Весть о смерти Фридриха привела его противников в безумный восторг. Кипучая деятельность императора поддерживала Священную Римскую империю. С кончиной Фридриха крушение её стало неотвратимым. Папство торжествовало. Германия вступила в полосу смут.

В европейской истории Фридрих II Гогенштауфен несомненно остаётся среди наиболее ярких действующих лиц. За рутиной государственных дел, тонким кружевом дипломатических ходов, напряжением военных походов и яркой помпезностью придворной жизни явственно видны их сильный характер, ясный ум и живая душа.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Крестовыми походами называют военные экспедиции, организованные западным христианским миром против мусульман. Их целью являлось завоевание Иерусалима и Святой земли (Палестины). С 1095 г. по 1291 г. было предпринято восемь крупных походов в Святую землю. Кроме того, крестовыми походами также считаются экспедиции против язычников или еретиков в самой Европе (например, завоевание прибалтийских земель Тевтонским орденом, войны с маврами в Испании, войны с еретиками-альбигойцами в Южной Франции, военные операции венгерских войск против еретиков в Боснии).

Крестовые походы были вызваны не только чисто религиозными устремлениями, но и тем, что с конца X в. Европа переживала экономическое возрождение и вела с мусульманским миром борьбу на торговых путях Средиземноморья: контроль над Палестиной значительно облегчил бы торговые предприятия европейских купцов. В это же время в условиях сравнительного благополучия увеличивалось европейское население, а так как военное дело было довольно выгодным занятием, то в Европе скопилась огромная военная сила, готовая к самым рискованным предприятиям и не находящая применения дома.

Между тем на границах Византии появилась грозная сила турок-сельджуков, которые в 1071 г. разгромили византийскую армию при Манцикерте, а затем захватили Антиохию, Никею и Иерусалим. Паломнические пути были прерваны. В 1095 г. византийский император Алексей Комнин обратился за помощью к Западу.

18 ноября 1095 г. во французском городе Клермоне Папой Урбаном II был созван церковный собор, поддержавший идею войны с мусульманами за христианские святыни на Востоке. Собор выступил за сохранение мира между христианскими государями. Участникам похода даровалось прощение всех грехов. После заседаний собора Папа обратился с речью к толпе. Вот что он сказал: «О храбрейшие воины, потомство непобедимых предков!.. Да не увлекает вас какое-нибудь стяжание или забота о домашних делах, потому что земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие

этого она сделалась тесной при вашей многочисленности. Богатствами она необильна и едва даёт хлеб тем, кто её обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведёте войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междуусобие. Предпримите путь ко Гробу Святому, исторгните ту землю у нечестивого народа и подчините её себе. Земля та была дана Богом во владение сынам Израиля и, по выражению Писания, "течёт мёдом и млеком", Иерусалим — плодоноснейший перл земли, второй рай утех... Пуститесь же в этот путь во отпущение грехов своих, с уверенностью наследовать незапятнанную славу царствия небесного!». Народ ответствовал кликом: «Так хочет Бог!». Отправляющиеся в Святую землю давали обет нести сей крест на своих плечах до конца и действительно пришивали к своей одежде кресты, отчего и звались крестоносцами.

Первыми без особых приготовлений выступили простолюдины. Эта плохо вооружённая толпа, во главе с монахом Петром Пустынником и разорившимся рыцарем Вальтером Голяком, прошла через Венгрию и Болгарию, учинив множество беспорядков. В августе 1096 г. византийский император Алексей поспешил переправить это воинство через Босфор в Малую Азию, где большинство и сложило свои головы под мечами сельджуков.

Основные силы крестоносцев двинулись позже и состояли из четырёх отрядов. Первыми шли через Венгрию воины герцога Готфрида Бульонского и брата французского короля Филиппа I Гуго. К ним присоединились рыцари Боэмунда Тарентского из Южной Италии. Самую многочисленную группу представляли крестоносцы Южной Франции под командованием графа Раймунда Тулузского. Наконец, последней частью войск предводительствовали граф Роберт II Фландрский, герцог Роберт Нормандский и граф Этьен Блуаский. В неё входили отряды рыцарей из Северной Франции. В основном в этот поход отправились воины из земель, подчинённых королю французскому. В целом войско насчитывало около 4000 всадников и 25 000 пехотинцев.

Когда крестоносцы прибыли в Константинополь, император Алексей потребовал от них повиновения и заверений в том, что земли Византийской империи, отвоёванные у неверных, будут возвращены императору. Крестоносцы дали обещания. В июне 1097 г. они вместе с византийским войском взяли Никею, а в октябре подошли к хорошо укреплённой Антиохии. Сюда император Алексей не привёл свою армию, и предводители рыцарей сочли себя свободными от данных ему клятв. Началась осада города. Боэмунду Тарентскому удалось первому ворваться в Антиохию 3 июня 1098 г.

Затем армия крестоносцев под командованием Раймунда Тулузского отправилась к Иерусалиму. В июне 1099 г. крестоносцы оказались у стен города, с которым были связаны их упования на второе пришествие Христа. Сюда, согласно широко распространённой легенде, последний император должен был привести всех верных христиан в ожидании конца света. В войске крестоносцев был объявлен строгий пост. Пётр Пустынник произносил вдохновенные проповеди там, где, согласно Священному Писанию, некогда ступала нога Сына Божия. А потом воины пошли на штурм. Первыми часть стены захватили отряды Готфрида Бульонского, и вскоре, 15 июля 1099 г., мусульмане капитулировали. Крестоносцы не сдержали обещания, данного осаждённым, — сохранить всем жизнь: в городе начался настоящий погром. Участник похода писал: «Страшно было смотреть, как валялись повсюду тела убитых и разбросанные члены и как вся земля была залита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище, но ещё более приводит в трепет то, что сами победители были в крови с головы до ног».

А после этого, когда порядок удалось восстановить, «прекрасно было видеть, с каким благочестием пилигримы отправились к Гробу Господню, как они рукоплескали, предавались радостному восторгу и воспевали новый гимн Богу... Новый день, новые чувства восторга, новая и непреходящая радость, наконец, заключение и исполнение предприятия и народных обетов — всё это внушало христианам и новые слова, и новые песнопения».

Готфрид Бульонский был провозглашён «защитником Святого Гроба Господня» и стал основателем Иерусалимского королевства. К началу XII в. крестоносцами было захвачено практически всё побережье Палестины и такие города, как Арсуф, Цезарея, Акра, Бейрут, Сидон, Аскалон и Тир. Здесь было создано четыре государства: Иерусалимское королевство, княжество Антиохийское, графства Триполи и Эдесское. На их границах началось строительство оборонительных крепостей. Вся история государств крестоносцев на Востоке прошла в постоянных войнах с мусульманским окружением. Мощные рыцарские замки и постоянная готовность встретить врага с оружием в руках позволили крестоносцам долго сохранять свои государства в Святой земле. На Востоке возникли духовно-рыцарские ордена, призванные оборонять паломнические пути и христианские владения (см. ст. «Рыцарские ордена»).

В середине XII в. мусульмане повели серьёзное наступление на христианские владения на Востоке. В 1144 г. пала Эдесса. Тогда был предпринят второй крестовый поход (1147 — 1149 гг.). Слово Божье проповедовал рыцарям известный богослов аббат Бернар Клервоский. На этот раз в экспедиции приняли участие два монарха: германский император Конрад III и французский король Людовик VII. Византийский император Мануил Комнин, родственник Конрада, обещал снабдить крестоносцев проводниками и продовольствием.

Крестоносцы.

Крестоносцы осаждают Иерусалим.

Пренебрегая советом Мануила двигаться вдоль побережья Малой Азии, Конрад во главе германских войск прошёл в глубь Анатолии и был наголову разгромлен мусульманами. После поражения императора Конрад укрылся в Никее, дожидаясь подхода французских сил.

Оттуда Конрад с оставшейся горсткой немцев выступил вместе с войском Людовика VII в Эфес, но по дороге серьёзно заболел и возвратился в Константинополь на попечение лекарей византийского императора. А французская армия пробиралась дальше, испытывая жестокие лишения и расходуя силы в стычках с турками. В марте 1148 г. французы прибыли в Антиохию, где их радушно принял дядя Алиеноры Аквитанской, жены Людовика VII, сопровождавшей мужа в этом походе. Далее армия двинулась в Иерусалим. Здесь Людовика ждал Конрад, излечившийся в Константинополе, и здесь же было принято роковое решение взять штурмом сирийский город Дамаск.

Пятидесятитысячное войско крестоносцев подступило к Дамаску и начало его осаду. Автор «Жизнеописания Людовика VII», обозревая ряды воинов, восклицает: «О! Как хорошо было глядеть на эту армию с её многочисленными палатками, совершенно новыми, с её разноцветными знамёнами, колеблющимися по воле ветров!». Вожди крестоносцев не сомневались, что Дамаск будет взят. Но тут возник спор: кому же он будет принадлежать. Согласие между монархами было нарушено. Затем осаждавшие сменили свою позицию и выбрали наихудшее месторасположение лагеря на голых скалах под палящим солнцем.

После долгой безуспешной осады блестящее крестоносное воинство с позором отступило от Дамаска. Впоследствии ходили слухи об измене баронов Иерусалимского королевства, якобы подкупленных мусульманами. Людовик VII винил в своих бедах византийцев и так был разгневан, что даже подумывал о войне с Византией. Целый год он странствовал по Палестине, прежде чем вернуться во Францию. Второй крестовый поход завершился бесславно.

Третий крестовый поход стал ответом Запада на захват в 1187 г. Иерусалима и ряда палестинских земель султаном Египта отважным воином Салах-ад-дином, известным в Европе под именем Саладина. Во время этой экспедиции крестоносцы завоевали остров Кипр и, заключив соглашение с Саладином, сумели сохранить за собой побережье Палестины от Тира до Яффы. Столица Иерусалимского королевства была перенесена в Акру (королевство по-прежнему называли Иерусалимским), а купцы и паломники получили право свободно посещать Иерусалим в течение трёх лет (см. ст. «Ричард I Львиное Сердце»).

В 1212 г. юные французы и немцы, оставив свои семьи, предприняли детский крестовый поход, закончившийся трагически: часть детей погибла во время кораблекрушения, другая, достигшая Александрии, была пленена и продана сарацинами в рабство.

Четвёртый крестовый поход изначально был задуман как военная операция против Египта. Во главе крестоносцев встал маркиз Бонифаций Монферратский из Ломбардии, который имел прочные связи с Востоком. Для того чтобы войско переправилось в Африку, был необходим флот. Его согласилась предоставить Венеция, однако при условии, что за это Венеция получит половину военной добычи. Когда флот был готов, в Венецию собралось в три раза меньше крестоносцев, чем ожидалось, и у них не хватило денег, чтобы оплатить расходы венецианцев. Тогда дож Энрико Дандоло предложил крестоносцам пока отложить поход в Египет и оказать ему услугу: захватить богатый торговый город Задар на восточном побережье Адриатического моря в Далмации. Задар был конкурентом Венеции. Несмотря на запрет Папы Иннокентия III (1198 — 1216 гг.) разорять христианские земли, крестоносцы осадили Задар и взяли его в ноябре 1202 г. А затем дож, вновь используя финансовые трудности рыцарей, спровоцировал их на поход в Византию. Как раз в это время царевич Алексей, сын императора Исаака II Ангела, бежал из Константинополя в Италию. Он попросил у Папы и германского императора помощи против своего дяди Алексея, в 1195 г. свергнувшего с престола собственного брата. Царевич-беглец сулил Папе в случае удачи подчинение Греческой Церкви Риму, а крестоносцам — щедрое вознаграждение.

23 июля 1203 г. флот западных рыцарей бросил якорь в нескольких километрах от Константинополя. Переговоры с императором провалились и началась осада. Крестоносцам удалось ворвать-

Битва крестоносцев с мусульманским войском под Антиохией. С миниатюры XIII в.

ся в городскую гавань — залив Золотой Рог, который перекрывала железная цепь на деревянных поплавках. Попытка императора разбить рыцарей в открытом поле оказалась безуспешной, в городе поднялся ропот, и император малодушно бежал. Исаак II был освобождён из темницы и восстановлен на престоле. Казалось, цели похода достигнуты.

Пребывание военных отрядов в Константинополе сопровождалось частыми столкновениями крестоносцев с местными жителями, относившимися к латинянам без малейшего дружелюбия. Византийский император отказался выплачивать рыцарям обещанное вознаграждение, ссылаясь на то, что имперская казна пуста. 1 января 1204 г. была совершена попытка сжечь флот крестоносцев. В конце января 1204 г. в Константинополе произошёл переворот: сын умершего Исаака II Алексей был свергнут и вскоре задушен, а императором был провозглашён враг крестоносцев Алексей Дука.

9 апреля 1204 г. крестоносные войска пошли на приступ Константинополя. 12 апреля город был взят и подвергнут варварскому разграблению. Как свидетельствует участник штурма столицы Жоффруа де Виллардуэн, «убитых и раненых имелось там столько, что не было им ни числа, ни меры».

На месте Византийской империи крестоносцами была создана Латинская империя, первым государем которой был избран граф Бодуэн Фландрский. Ему приносили вассальную присягу государи Фессалоникийского королевства, Афинского герцогства, Морейского или Ахейского княжества. Латинская империя просуществовала до 1261 г., когда никейский (Никея — город в Малой Азии, столица одного из государств — осколков Византии)) император Михаил VIII Палеолог восстановил Византию и изгнал западных правителей. Морейское княжество пало в 1432 г., а Афинское герцогство было захвачено османами в 1456 г.

Благодаря четвёртому крестовому походу венецианцы значительно упрочили свои позиции в Восточном Средиземноморье. Они получили обширные торговые льготы, стали обладателями целых кварталов в Константинополе, в их руки перешли некоторые греческие порты и острова (например, Крит). Основанная на торговом могуществе, власть Венеции оказалась гораздо прочнее власти монархов Латинской империи.

Последующие крестовые походы фактически стали этапами утраты христианских территорий на Востоке. Пятый крестовый поход (1217 — 1221 гг.), в котором приняли участие английские, голландские, германские и венгерские рыцари, направился в Египет под командованием иерусалимского короля Жана Бриеньского. Французы, возглавляемые папским легатом Пелагием, прибыли немного позже. Мусульмане, обеспокоенные скоплением столь крупных сил, предложили заключить мир, но Пелагий, несмотря на явное согласие Жана Бриеньского, отказался вести с ними переговоры. Вообще в стане крестоносцев не было единодушия. Столкнулись амбиции папского легата, считавшего себя предводителем крестоносцев, и иерусалимского короля Жана.

Военные действия продолжались, и рыцари 5 ноября 1219 г. взяли город Дамьетту. Путь на

Каир, столицу Египта, был открыт. Тем не менее крестоносцы не продвинулись дальше: некоторое время они ждали прибытия германского императора Фридриха II, получившего отсрочку у Папы, а затем, когда Нил вышел из берегов, они заключили восьмилетнее перемирие с противником и удалились восвояси. Этот поход был знаменателен, пожалуй, лишь тем, что Святой Франциск Ассизский, основатель монашеского ордена миноритов, побывал в это время в Египте и посетил султана аль-Камила, проповедуя ему Слово Божье.

Фридрих II Гогенштауфен повёл своих рыцарей в шестой крестовый поход (1228 — 1229 гг.), когда как раз истёк срок перемирия с Египтом. Фридриху удалось на время занять часть палестинских территорий и захватить Иерусалим (см. ст. «Фридрих II Гогенштауфен»), вновь попавший в руки мусульман в 1244 г.

В июне 1245 г. Папа Иннокентий IV поддержал желание французского короля Людовика IX выступить в очередной поход против неверных, захвативших Иерусалим. Людовик IX как никто другой подходил к роли вождя крестоносцев. Он был любим и во Франции, и за её пределами. Всем было известно его глубокое благочестие. Он был опытным и смелым воином. Людовик считал крестовый поход прежде всего делом во славу Бога и вряд ли стремился получить какие-либо материальные выгоды.

Генуя и Марсель предоставили крестоносцам флот, чтобы переплыть в Египет. Всего выступило около 15000 рыцарей, которые в июне 1249 г. захватили Дамьетту, а в феврале 1250 г. разгромили египетские войска у аль-Мансура. Однако противник перехватил французские корабли с провиантом, и в лагере крестоносцев начались голод и болезни. Людовик отвёл войска к ключевому пункту — Дамьетте, но по дороге их окружили сарацины и вынудили сдаться. Пленённый король подписал десятилетнее перемирие с султаном, который обязался отпустить всех пленных за выкуп в 800 000 безантов. Французы должны были возвратить пленных сарацин и Дамьетту.

В 1265 г. султан Египта Бейбарс взял Цезарею, Хайфу и Арсуф, в 1266 г. захватил Галилею и опустошил Киликию, в 1268 г. пала Антиохия. Бейбарс был чрезвычайно жесток и беспощадно уничтожал христианское население. В 1267 г. Людовик IX стал готовиться к новому крестовому походу, который и предпринял в 1270 г. По не совсем ясным причинам крестоносцы высадились не в Египте, а в Тунисе. Вскоре их лагерь охватила эпидемия чумы, от которой погибли многие рыцари. Среди них был и сам французский король. Его тело перевезли во Францию... Впоследствии Людовик IX был канонизирован и вошёл в историю как Людовик Святой. Так трагично закончился последний крупный крестовый поход на Восток.

Тем временем одна за другой пали последние цитадели крестоносцев: в 1289 г. — Триполи, в 1291 г. — Акра, Тир, Сидон, Бейрут. В результате лишь остров Кипр оставался их прибежищем до 1489 г. Христианская Европа исчерпала свой религиозный порыв к обретению Гроба Господня и Святой земли. Столь широкомасштабные военные предприятия вдали от родных пределов более не привлекали европейских государей. Западные купцы, заметно утвердившие свои позиции в Восточном Средиземноморье, нуждались в мире. Наступили другие времена.

РИЧАРД I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

В жилах Ричарда текла кровь вождей викингов, некогда завоевавших Нормандию и Англию; северных французов, к которым принадлежал его отец, король Англии Генрих II; южных французов — провансальцев, аквитанцев или лангедокцев, из коих вышла его мать Алиенора Аквитанская. На её долю выпала неспокойная жизнь. Единственная дочь и наследница герцога Аквитанского Гийома X, покровительница трубадуров, она в 1137 г. была выдана замуж за короля Франции Людовика VII Молодого. Отправляясь во второй крестовый поход (1147—1149), Людовик VII взял с собой королеву Алиенору и однажды застиг свою супругу в объятиях сарацинского пленника. Последовал бракоразводный процесс. Молодой владелице обширных и богатых земель многие знатные вельможи Французского королевства предлагали руку и сердце. В 1152 г. граф Анжуйский Анри — будущий король Англии Генрих II Плантагенет тайно обвенчался с ней. Семейная жизнь их оказалась очень несчастливой. Король не отличался супружеской верностью, королева не оставалась в долгу и постоянно затевала интриги против мужа, втягивая в них сыновей — Генриха Молодого, Ричарда, Жоффруа, Иоанна, так что государь значительную часть их совместной жизни держал неугомонную королеву Алиенору в почётном заточении в замке на севере Англии.

Второй сын Генриха II и Алиеноры Аквитанской Ричард, будущий король Ричард Львиное Сердце, родился в Англии, в Оксфорде, в 1157 г., но своей истинной родиной он считал Южную Францию, родными языками — французский и провансальский. Он владел также латынью и итальянским, но английским — который, впрочем, не был тогда языком культуры и государственного управления, но всего лишь разговорным языком английского народа — не владел вовсе. Ричард получил прекрасное образование, был тонким це-

нителем музыки и поэзии, неплохим поэтом, физически очень сильным человеком, мастерски владевшим оружием, заядлым охотником. Ричард отличался редким личным мужеством, был щедр и благороден, но наряду с этим жесток, даже свиреп, коварен, жаден до денег и добычи. Безрассудного искателя приключений, мечтавшего о подвигах и завоеваниях, не интересовали повседневные дела управления своими владениями. Ричарду были присущи заносчивость и властолюбие. Все эти качества соединялись в одном человеке.

В 1169 г. Генрих произвёл раздел владений между сыновьями: Генрих Молодой стал соправителем отца с королевским титулом. Он получил Нормандию и Анжу, Ричард — Аквитанию, Пуату и Овернь, Жоффруа — Бретань, а Иоанн по малолетству не получил никакого удела, зато обрёл прозвище Безземельный. Впоследствии ему было выделено графство Мэн, но прозвище осталось.

В 1174 г. Ричард был обручён с дочерью Людовика VII Аэлис (иначе её звали Аделаидой), которую доставили в Англию. Вскоре поползли слухи о том, что она стала фавориткой Генриха II. Эти слухи дошли до континента около 1180 г., когда на французский престол взошёл брат Аэлис, Филипп II, прозванный впоследствии Августом, Великодушным — безосновательно и Завоевателем — вполне обоснованно. Наделённый незаурядным умом, он был гениальным политиком, лживым интриганом и талантливейшим правителем, озабоченным исключительно интересами французского государства, для блага которого, как он его понимал, не брезговал ни обманом, ни подлостью, лишь бы добиться возвращения под власть Франции владений Плантагенетов на континенте. Филипп начал плести сложные и малопонятные потомкам интриги, сея рознь между Генрихом и его сыновьями, обращая особое внимание на Ричарда, который, став после смерти Генриха Молодого наследником престола, был озлоблен на отца из-за истории с Аэлис. Ричард становился то союзником и даже близким другом Филиппа, то его смертельным врагом, сражался то вместе с ним против отца, то с отцом против Филиппа, то один против них обоих.

Но когда 18 ноября 1188 г. Филипп, Генрих и Ричард съехались для заключения мира, оказалось, что Филипп неожиданно стал союзником Ричарда. Французский король просил Генриха передать Ричарду все континентальные владения Плантагенетов. Генрих отказался, и тогда Филипп сам, на правах верховного сюзерена, отдал наследнику английского престола эти земли в вассальное владение. Невзирая на объявленный третий крестовый поход (в котором собирались принять участие и Генрих, и Ричард) отец и сын смертельно поссорились. Весну и часть лета 1189 г. Филипп и Ричард гонялись за Генрихом по его землям на континенте. Наконец старый король запросил мира и согласился на все условия противников, ибо он внезапно тяжело заболел и чувствовал приближение смерти. Генрих умер 6 июня того же года, брошенный всеми, включая слуг; всё его имущество и сокровищницу разграбили и даже сняли с трупа королевские одежды. Ричард стал королём Англии по праву наследования. Он пересёк Ла-Манш и 3 сентября 1189 г. короновался в Лондоне, что было отмечено не только пышными пирами, но и грандиозным еврейским погромом, повод к которому дал сам Ричард, потребовав от иудейской общины сделать огромный взнос в казну.

Ричард Львиное Сердце. Памятник в Лондоне.

В разгар этих событий в Европу пришли ошеломившие всех вести. Султан — правитель Египта аль-Малик ан-Насир Салах-ад-Дин, т. е. Победоносный Царь, Защитник Веры, известный европейцам как Саладин, — присоединил к своим владениям Сирию и начал наступление на образованное крестоносцами в 1099 г. Иерусалимское королевство. 3 июня 1187 г. в битве при Тивериадском озере 20-тысячное войско крестоносцев было окружено армией Саладина и, страдая от жажды, капитулировало. 2 октября того же года Саладин вступил в Иерусалим. Первой и единственной заботой Ричарда в те дни стал сбор средств для крестового похода. Он использовал на снаряжение войска всю государственную казну, в которой было 100 тыс. марок, тройной годовой доход, продавал места епископов и шерифов, титулы и льготы, за деньги отказался от верховного сюзеренитета над Шотландией, посадил в тюрьму всех главных союзников отца и выпустил их только за выкуп. «Я продал бы Лондон, если бы нашёлся покупатель», — говорил король Ричард. На собранные деньги был построен флот, экипирована армия, запасены оружие, амуниция, продукты питания.

В XII в. рыцарские доспехи состояли из кольчужных рубахи, штанов и чулок; на голове рыцарь носил кольчужную сетку, а в бою надевал тяжёлый, опирающийся на плечи горшкообразный шлем, в котором были проделаны отверстия для глаз и доступа воздуха. Рыцарский щит небольшого размера был треугольным и защищал половину груди и левое плечо. Наступательное оружие состояло из длинного — до 5 м — копья, обоюдоострого меча длиной около 1 м, иногда — боевого топора (любимого оружия Ричарда Львиное Сердце) и булавы. Рыцарю требовались три коня — вьючный, на котором везли доспехи; транспортный, на котором рыцарь ехал к месту сражения; и боевой, на котором шли в атаку, причём боевой конь покрывался попоной от стрел, иногда стёганной, иногда кольчужной. Стоимость полного комплекта вооружения равнялась стоимости 45 коров и 15 кобылиц; это соответствует стоимости современного тяжёлого танка.

В июне 1190 г. Ричард, оставив во главе правительства Англии своего брата Иоанна и Уильяма Лоншана, епископа Илийского, канцлера и великого юстициария, т. е. верховного судью, тронулся в путь через Францию и Италию. 23 сентября он прибыл на Сицилию, где в гавани Мессина его ждали флот и Филипп II Август со своим войском. Там, и очень скоро, начался разлад между Ричардом и местным населением, а также между Ричардом и Филиппом. Недовольство сицилийцев вызывающим поведением английской армии приводило к стычкам, и в конце концов английский король в гневе отдал приказ штурмовать Мессину. Город был взят, но Филипп, не принимавший участия в штурме, потребовал доли в добыче, как это обусловливалось предварительным соглашением. Там же, в Мессине, Ричард решил заключить брак с Беренгарией Наваррской. Филипп вспомнил о правах своей сестры Аэлис, но Ричард пригрозил публичным расследованием её отношений с покойным Генрихом II. И тогда Филипп ограничился в своих притязаниях денежной суммой и возвратом приданого Аэлис — графств Вексен и Жизор. Всё это не способствовало тёплым отношениям между монархами. Наконец оба они отплыли из Сицилии.

Филипп II направился в Палестину, где 20 апреля 1191 г. приступил к осаде крепости-гавани Акра (ныне Акко), овладение которой открывало путь в глубь страны, к Иерусалиму. Однако на совете крестоносцев было принято решение не начинать штурма до прибытия Ричарда. Он 5 мая 1191 г. прибыл на Кипр, которым правил Исаак Комнин, родственник византийской правящей династии, провозгласивший себя независимым императором. Незадолго до появления там Ричарда у берегов острова разбилось несколько судов с крестоносцами; Исаак взял пилигримов в плен, а также захватил прибывший первым корабль из флотилии Ричарда, на котором находилась его жена Беренгария. Ричард потребовал освободить пленников, но получил насмешливый отказ. Тогда он начал войну. Менее чем за месяц страна была завоёвана, взята огромная добыча и основано Кипрское королевство, просуществовавшее до 1489 г. Когда покинутый всеми Исаак Комнин сообщил Ричарду, что готов сдаться на его милость, если только король будет с ним обращаться как со знатным пленником и «не наложит на него ни железные цепи, ни верёвочные узы», Ричард дал слово не делать этого и... приказал заковать Исаака в серебряные кандалы.

8 июня Ричард наконец достиг Акры. Первый штурм 14 июня оказался неудачным. Вскоре военные действия приостановились по двум причинам. Во-первых, в лагере крестоносцев распространилась какая-то болезнь, видимо цинга, и Ричард был одним из заболевших. Во-вторых, продолжались распри между Филиппом II Августом и Ричардом, причём каждый из них пытался вести переговоры с Саладином и одновременно обвинял другого в ведении переговоров. Наконец вскоре после выздоровления Ричарда было принято решение о штурме. Тогда Саладин предложил мир на чрезвычайно выгодных для крестоносцев условиях. Предложения султана отвергли, но с ведома Филиппа и за спиной Ричарда было достигнуто соглашение с гарнизоном Акры о почётной сдаче города. Узнав об этом, Ричард пришёл в бешенство и начал штурм.

Штурм происходил в виду лагеря крестоносцев, в котором находились и дамы, в том числе королева Беренгария и её фрейлины. При посвящении рыцарь принимал обет защищать Святую Церковь, и участие в крестовом походе считалось высшей формой исполнения этого обета. Но одновременно главной целью рыцаря являлось совершение подвигов во имя собственной славы и прекрасной дамы. Нередко дамы отправлялись вместе с войском в крестовые походы, и при штурме Акры рыцари имели возможность свершить геройские деяния на глазах у своих возлюбленных, а в случае гибели — удостоиться мученического венца.

11 июля 1191 г. Акра была взята. Ричард объявил её своим владением, несмотря на все договоры о дележе добычи. После взятия Акры было достигнуто соглашение с Саладином, по которому Акра переходила христианам. Саладин обязывался вернуть Святой Крест, отпустить 1500 христианских пленников и заплатить 200 тыс. безантов (византийских монет); защитники Акры сохраняли свободу и личное имущество, но оставались заложниками до выполнения Саладином его обязательств в 40-дневный срок; о судьбе Иерусалима ничего не говорилось. После подписания договора Филипп II Август отплыл на родину. Саладин тем временем не торопился выполнять обещанное, и разъярённый Ричард велел отрубить головы двум тысячам заложников. Саладин теперь мог не соблюдать соглашение на законных основаниях, и война возобновилась.

Ричард не имел никакого плана действий. Он метался по Палестине, в отчаянных атаках взял

города Аскалон (современный Акшелон) и Яффу, двинулся в начале 1192 г. к Иерусалиму, но, не дойдя до него, повернул обратно. В это время из Англии пришли неутешительные вести. Правители страны — Уильям Лоншан и Иоанн Безземельный — перессорились. Бароны и горожане поддержали Иоанна, который изгнал Лоншана, стал управлять Англией, опираясь на Высокий совет, составленный из опытных советников Генриха II, и объявил себя наследником престола. Ричард растерялся. Он начал переговоры с Саладином, прервал их, снова двинул армию на Иерусалим и опять, в июле 1192 г., повернул обратно. Наконец 1 сентября того же года он заключил на три года, три месяца и три дня перемирие с Саладином, по которому воины Христовы не получали ни Святого Города (Иерусалима), ни Креста Христова, ни земель, ни пленников, ни денег — они приобрели лишь право во время перемирия безоружными вступить в Иерусалим для поклонения святыням.

Ричард Львиное Сердце.

Принц Иоанн.

Совершив это, 9 октября Ричард I отплыл домой, надолго оставив о себе память в арабских землях.

Однако буря выбросила корабль короля на берег на северо-востоке Адриатического моря. Ричард, переодевшись и попытавшись изменить внешность, решил в сопровождении только одного слуги пробраться через владения своего врага Леопольда Австрийского на земли своего родственника и союзника, герцога Баварского и Саксонского Генриха Льва. Но 21 декабря 1192 г. в маленькой деревушке близ Вены слуга короля был узнан служителем герцога Австрийского, схвачен, подвергнут пыткам и выдал Ричарда. Того взяли спящим и заточили в замке на берегу Дуная. В Европе стали говорить о смерти Ричарда, и особенно эти слухи распространял брат короля, Иоанн Безземельный. Но император Священной Римской империи Генрих VI, наследственный враг Генриха Льва и, следовательно, противник Ричарда, потребовал пленника к себе, заявив, что «неуместно герцогу держать в плену короля». Ричард оказался в почётном заточении, пока велись переговоры о его освобождении.

Весь христианский мир во главе с Папой требовал свободы для вождя крестоносцев, друзья-трубадуры слагали гневные песни, бичующие императора за нарушение рыцарских обычаев. В конце концов Ричард был отпущен на волю за выкуп в 150 тыс. марок, причём 100 тыс. были выплачены до его освобождения. При этом Ричард был вынужден принести императору вассальную присягу. Узнав об освобождении Ричарда, Филипп II Август писал Иоанну: «Берегитесь! Дьявол выпущен на свободу». Наконец 13 марта 1194 г., второй раз за время царствования, Ричард появился в Англии. 30 марта он созвал Высокий совет, отрешил от должности многих шерифов и комендантов крепостей, назначенных Иоанном, и потребовал брата к суду; впрочем, он примирился с Иоанном, хотя и урезал его власть. Затем Ричард отдал все силы подготовке к войне с Францией. Он выжимал штрафы и выкупы из сторонников Иоанна, требовал от всех жителей «подарков по случаю радости от королевского возвращения». В мае 1194 г. Ричард покинул Англию, чтобы более никогда не возвратиться туда.

Он тут же начал активные военные действия, ведя войну силами не столько своих вассалов, сколько наёмных отрядов. В течение 1194—1199 гг. Ричард наносил Филиппу поражение за поражением и наконец принудил его в январе 1199 г. заключить мир, по которому почти все земли, захваченные французским королём у английского, возвращались последнему. Сразу же по заключении мира Ричард двинулся войной на своего вассала, виконта Лиможского Адемара. Говорили, что Ричард подозревал Адемара в том, что тот похитил половину сокровищ покойного Генриха II и хранил их в замке Шалю. При осаде этого замка Ричард был ранен в руку стрелой из арбалета. Началась гангрена. Ричард успел составить завещание, по которому, будучи бездетным, назначал наследником, в обход племянника (сына Жоффруа, графа Бретонского Артура, жившего тогда при французском дворе), брата — Иоанна Безземельного, столько раз предававшего его. 6 апреля 1199 г. король Ричард I умер, повелев похоронить себя у ног отца.

Англия, которой Ричард уделял столь мало внимания и государственные дела которой шли в его отсутствие своим чередом, продолжала существовать, никогда не подвергаясь иноземным нашествиям. Владения же Плантагенетов на континенте, которые Ричард вернул Англии за пять последних лет своего правления, отошли к Франции, причём большую часть их отвоевал Филипп II Август у своего недавнего союзника, короля Иоанна I Безземельного.

Историки не один век спорят о личности Ричарда Львиное Сердце. Одни, и их большинство, полагают, что Ричард отстал от своего века. В то время, когда его отец Генрих II и его враг Филипп II Август укрепляли свои королевства, что было в духе той исторической эпохи, когда создавались национальные государства, заключались союзы монархий с бюргерством, — Ричард метался по всему миру и либо забывал Англию, либо разорял её города. Иные же историки подчёркивают, что Ричард был истинным сыном своего века — века расцвета рыцарства, и его действия, недостойные, с точки зрения историка, государственного деятеля, вполне вписывались — и так считали все трубадуры и труверы — в рыцарский идеал. Ричард в Европе и Азии искал воинской славы и бессмертных подвигов, он остался в памяти поколений как великий герой и бездарный политик.

ФИЛИПП IV КРАСИВЫЙ

Филипп IV (1268—1314) — король Франции с 1285 г. Продолжая дело своих предков, особенно деда, короля Людовика IX Святого, но в новых условиях и иными средствами, он стремился укрепить королевскую власть путём ослабления политического могущества крупных феодалов и ликвидации контроля папства над Церковью во Франции. Этими новыми условиями явились рост городов, усиление третьего сословия, т. е. формально всего городского населения страны, а фактически — городской верхушки; развитие национального самосознания французов. Новыми же сред-

ствами достижения целей централизации монархии стали подчинённый только монарху аппарат управления из людей незнатных и всем ему обязанных и юридическое укрепление королевской власти под заметным влиянием римского права (например, часто использовалось следующее положение: «То, что угодно государю, имеет силу закона»). Именно при Филиппе центральные органы власти — Парижский парламент (верховный суд) и Счётная палата (казначейство) — из более или менее регулярных собраний высшей знати постепенно превратились в постоянно действующие учреждения, в которых служили в основном легисты — знатоки права, выходцы из среды мелких рыцарей или горожан.

Стоя на страже интересов своей страны, король старался расширить её. Так, в 1294—1299 гг. он вёл борьбу с королём Англии Эдуардом I за герцогство Аквитанское (Гиень) на юго-западе Франции, которым английские короли владели как вассалы королей французских. Из-за столкновений английских и французских матросов в Аквитании Филипп IV вызвал Эдуарда I в суд, а тот предложил французскому королю герцогство Аквитанское в залог на сорок дней, в течение которых должно было проводиться расследование. Однако, заняв Гиень, Филипп отказался её возвращать. Тогда Эдуард прибег к помощи графа Фландрского, вассала французской короны, но союзника Англии.

Война между Францией и Фландрией началась ещё в 1297 г., когда Филипп разбил графа Фландрского в битве при Фюрне. В 1299 г. французский король занял почти всю Фландрию, опираясь на горожан, недовольных своим графом, а в 1301 г. пленил его самого. Но вскоре фламандцы, разочарованные французским управлением, восстали против Филиппа. 18 мая 1302 г. вошло в историю под названием «Брюггской заутрени» — в этот день произошло восстание жителей города Брюгге, сопровождавшееся истреблением французского гарнизона и находившихся в Брюгге французов. В ответ на это Филипп двинул на Фландрию своё войско. 11 июля 1302 г. в битве при Куртре впервые в истории пешее ополчение фламандских городов разбило наголову конное рыцарское войско. Снятые с убитых рыцарей шпоры были свалены на городской площади Куртре; это сражение получило название «битва золотых шпор». В результате этого поражения в 1303 г. в Париже был подписан мир с Англией: герцогство Аквитанское было возвращено Эдуарду. 18 августа 1304 г. в битве при местечке Монан-Певель французская армия взяла реванш за поражение при Куртре. На следующий год фламандцы официально покорились французскому королю.

Во время войны с Англией и Фландрией обострился конфликт между Францией и папством. Противоречия между ними обозначились ещё при Людовике Святом, который решительно отвергал любое вмешательство Рима в дела французского государства и Французской Церкви. Однако глубокое благочестие Людовика не дало этим противоречиям превратиться в острый конфликт. Отношения между Филиппом и Папой Бонифацием VIII вначале были дружелюбными. Но в 1296 г. Папа издал буллу, категорически запрещавшую духовенству платить налоги светским властям, а тем — требовать таковые без специального разрешения римской курии. Это постановление было только одним из числа подобных, принимавшихся Папами на протяжении XI—XIII вв. и направленных на освобождение Церкви из-под государственной власти, придание ей особого наднационального и надгосударственного статуса. Филипп, во-первых, нуждавшийся в деньгах для ведения войны с Англией и Фландрией и, во-вторых, считавший, что все сословия, в том числе и духовенство, должны помогать своей стране, запретил в 1297 г. вывоз из страны золота и серебра, чем лишил Папу всех церковных сборов и податей, поступавших из Франции. Тогда Бонифаций немедленно отменил буллу и даже в знак особого расположения к Франции канонизировал Людовика IX. Однако мир продлился недолго. Филипп IV требовал, чтобы все подданные Франции подлежали единому королевскому суду, Папа Бонифаций настаивал на особой юрисдикции Церкви и готовился отлучить от неё французского короля.

Филипп в борьбе с такой могущественной силой, как папство, решил опереться на сословия Франции и созвал в апреле 1302 г. первые во французской истории Генеральные штаты — законосовещательное собрание представителей трёх сословий страны: духовенства, дворянства и представителей городов. На этом собрании первый в истории Франции хранитель печати из мирян Пьер Флотт огласил составленный в резком тоне ответ Папе. Перед Генеральными штатами был поставлен вопрос об осуждении Папы как еретика. Лишь часть дворян и горожан выразили полную поддержку королю Филиппу. Духовенство, дворяне и горожане южных районов Франции вели себя осторожнее. Духовенство лишь направило Бонифацию VIII прошение разрешить французским клирикам не участвовать в соборе, созванном Папой для осуждения Филиппа. Бонифаций не согласился, но французское духовенство всё же не было представлено на открывшемся осенью 1302 г. соборе в Риме. Там Папа огласил буллу «Единая Святая» (папские буллы именовались по первым словам), в которой объявил, что полное подчинение Папе во всех делах, как духовных, так и светских, является условием спасения души. В 1303 г. Бонифаций VIII отлучил Филиппа от Церкви и освободил его подданных от присяги королю. В ответ Филипп созвал собрание высшего дворянства и духовенства, на котором новый канцлер и хранитель печати Французского королевства Гийом де Ногаре обвинил Папу

Бонифация в ереси и всевозможных злодействах. Филипп с согласия указанного собрания направил в Италию небольшой военный отряд во главе с Ногаре и врагом Папы Чьярой Колонна. Папа, узнав об этом, бежал из Рима в город Ананьи. 7 сентября 1303 г. Ногаре и Колонна вступили в Ананьи под французским королевским знаменем и при поддержке жителей города арестовали Папу. Бонифаций проявил немалое мужество, отказываясь отречься от сана, несмотря на все угрозы. Некоторые хронисты утверждали, что Чьяра Колонна ударил Папу по лицу рукой, одетой в железную латную перчатку. Через несколько дней горожане изгнали отряд Ногаре и освободили Папу. Однако, вернувшись в Рим, Бонифаций от перенесённых потрясений умер, по некоторым версиям, от голода, так как отказывался принимать пищу, боясь отравления. Десять месяцев спустя умер, отведав свежих фиг, и его преемник Бенедикт XI. В этой смерти молва обвиняла Филиппа, якобы повелевшего отравить нового Папу.

В 1305 г., после нескольких месяцев борьбы, на папский трон был возведён француз Бертран де Го, принявший имя Климента V. Этот Папа был во всём послушен Филиппу. Он полностью оправдал его позицию в конфликте с Бонифацием и отменил буллу «Единая святая», но отказался исполнить требование Филиппа осудить покойного за ересь и противоестественные пороки, а затем посмертно казнить — вырыть труп и сжечь. В 1309 г. Климент V перенёс свою резиденцию из Рима, не подчинявшегося новому Папе, в Авиньон, находившийся тогда на территории, не подвластной французскому королю непосредственно, но бывшей в сфере его влияния. Так началось «Авиньонское пленение Пап» (см. ст. «Папство»), когда римские первосвященники оказались во власти французских королей. С помощью Папы король организовал судебный процесс над орденом тамплиеров (см. ст. «Рыцарские ордена»). Их обвинили в ереси, противоестественных пороках, стяжательстве и союзе с мусульманами, причём показания добывались с помощью жестоких пыток, а свидетельства, полученные одним и тем же следователем от разных и не знакомых друг с другом лиц, совпадали иногда дословно.

В 1308 г. Филипп снова созвал Генеральные штаты, которые одобрили действия короля против тамплиеров. По Франции прокатилась волна процессов. Папа Климент V робко пытался протестовать, но в конце концов утвердил все обвинения против тамплиеров, признал законными их казни и в 1312 г. упразднил орден.

Расправившись с тамплиерами, Филипп вновь обратил свой взор в сторону Фландрии, где опять активизировались антифранцузские силы. Король решился на новый поход и из-за нехватки средств в третий раз созвал 1 августа 1314 г. Генеральные штаты, на этот раз для одобрения чрезвычайного налога, который дал бы средства для ведения войны с Фландрией. Именно с этого времени Генеральные штаты начинают влиять на финансовые дела страны. Однако поход не состоялся — 29 ноября 1314 г. Филипп умер, скорее всего от инсульта. Но, поскольку незадолго до короля скончались Папа Климент V и канцлер Ногаре, осудившие тамплиеров на мученическую смерть, молва объяснила смерть Филиппа их проклятием либо отравлением, совершённым тамплиерами, мстившими за своих собратьев.

Филипп IV и Эдуард I Английский.
Миниатюра из «Больших французских хроник».
1286 г.

Короля Филиппа Красивого современники не любили, а насилие над Папой Бонифацием вызвало возмущение во всём христианском мире. Близкие к королю люди боялись холодной, рассудочной жестокости этого необыкновенно красивого и удивительно бесстрастного человека. Крупные феодалы не могли простить королю усиления центральной администрации, ограничения их прав, в том числе и права чеканить собственную монету, предпочтения, оказываемого королём безродным чиновникам. Податное сословие возмущалось финансовой политикой короля. В стремлении наполнить казну Филипп продавал и сдавал в аренду различные должности, производил насильственные займы у городов, уменьшал количество золота в монете при сохранении её номинала, что приводило к инфляции и росту дороговизны; а чеканка монеты стала исключительной привилегией государя. На политику короля население отвечало восстаниями.

Семейная жизнь Филиппа Красивого была счастливой. В 1284 г. он вступил в брак с Жанной Наваррской (1270—1305), которая принесла мужу в приданое королевство Наварру и графство Шампань. У них было четверо детей: Людовик, король Наваррский (1289—1316), он же Людовик X Сварливый, король Франции с 1314 г.; Филипп, граф Пуатье (1291—1322), он же Филипп V Длинный, король Франции с 1317 г.; Изабелла (1292—1358), выданная в 1308 г. замуж за Эдуарда II (1281—1327), короля Англии с 1307 г.; Карл, граф де ла Марш (1294—1328), он же Карл IV, король Франции с 1322 г. После смерти Жанны Филипп не вступил в новый брак, несмотря на выгоднейшие предложения. Молва утверждала, что он так любил королеву, что после её смерти вообще не знал женщин.

Супружеская жизнь детей Филиппа и Жанны была не столь счастливой. Изабелла, ненавидевшая мужа, уделявшего жене гораздо меньше внимания, нежели своим фаворитам, приняла участие в мятеже, вспыхнувшем в 1327 г. и стоившем Эдуарду II короны и жизни. Незадолго до смерти Филиппа, в 1314 г., разразился скандал, в котором были замешаны жёны его сыновей. Две из них были уличены в супружеской измене, а третья — в пособничестве им. Первые были осуждены на пожизненное заточение, последняя — на покаяние в монастыре. Оглашение приговора

принцессам-прелюбодейкам и казнь их любовников были произведены публично. Современники и потомки задавались вопросом: почему король не пытался скрыть позора своей семьи? Ответа нет и поныне, ибо мысли и чувства Филиппа Красивого, этого предельно замкнутого и всегда невозмутимого человека, не были известны даже ближайшим его соратникам. Возможно, будучи преданным мужем, он ненавидел супружескую неверность; возможно, обладая чрезвычайно развитым чувством монаршьего достоинства, он полагал, что принцессы не имеют права на человеческие слабости; возможно, считая королевскую власть ответственной за незыблемость законности в стране, он неукоснительно требовал соблюдения законов (а прелюбодеяние считалось преступлением в Средние века) от всех без исключения, невзирая на положение. Во всяком случае, весьма вероятно, что это событие ускорило кончину Филиппа IV.

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Война между Англией и Францией, получившая в истории название Столетней (1337—1453 гг.), на самом деле длилась 116 лет и состояла из нескольких войн, разделённых периодами перемирия. В конце её не был подписан мир, да и началась она задолго до своего официального объявления. Два сильнейших государства Западной Европы соперничали уже давно — хотя со времён нормандского завоевания Англии в 1066 г. английский король и считался вассалом (подданным) французского, он владел почти половиной территории Франции. Постепенно французы отвоевали свои земли, но у англичан осталась богатая провинция Гиень (Аквитания), и они не теряли надежды вернуть отнятое. Удачный момент разрешить давний спор представился в 1328 г., когда во Франции прекратилась династия Капетингов и английский король Эдуард III, чья мать была французской принцессой Изабеллой, предъявил свои права на трон. Но совет французской знати сослался на древний Салический закон, по которому престол не наследовался по женской линии. «Лилии не могут прясть», — решили члены совета и избрали королём графа Филиппа Валуа — двоюродного брата трёх последних французских монархов.

Война становилась неизбежной, и обе стороны принялись вооружаться и искать союзников. Во Франции англичане не чувствовали себя чужими — их король и большая часть знати говорили по-французски и имели на континенте земельные владения и родственников. На стороне Англии выступали богатые города Фландрии, опасавшиеся нападения французов. В свою очередь Франция заключила союз с воинственными шотландцами — давними врагами англичан.

В 1337 г. Эдуард III в своей прокламации обвинил в нападении на английские владения в Гиени «Филиппа Валуа, управляющего Францией вместо короля». Война началась, но, как и большинство средневековых войн, разворачивалась медленно. Только в 1339 г. Эдуард с войском вторгся в Северную Францию, однако, не приняв боя, повернул назад. В 1340 г. французский флот был разгромлен при Слейсе у побережья Фландрии. Англичане мрачно шутили: «Если бы Бог дал рыбе возможность говорить, то она заговорила бы по-французски, так как съела очень много французов».

Морская победа при Слейсе придала англичанам смелости, и они начали медленно продвигаться в глубь Франции, опустошая всё на своём пути. 26 августа 1346 г. войска противников сошлись у Креси. Первое большое сражение кончилось полным поражением французов. Их прославленная рыцарская конница завязла в болоте, и её расстреляли английские лучники. Тяжёлый лук, пробивавший рыцарские доспехи, стал страшным оружием англичан, и после Креси французы не раз поворачивали назад, едва увидев готовую к бою цепь лучников. Роковую роль в сражении при Креси сыграли нежелание рыцарей подчиняться приказам и безрассудная храбрость, с которой они вновь и вновь штурмовали английские позиции, пока не были перебиты.

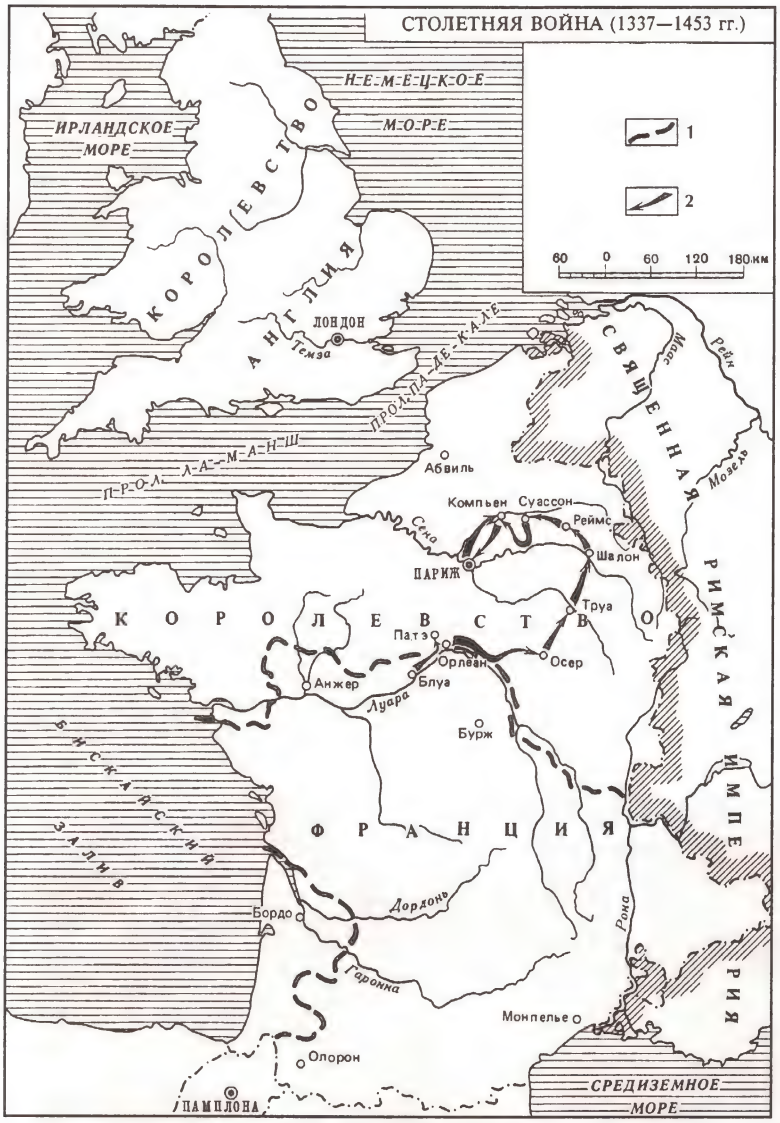
Эпизод из Столетней войны (битва при Креси). Миниатюра. Британский музей.

При Креси погибли лучшие рыцари королевства — герцоги Фландрский и Лотарингский, граф Блуа, а также отважный воин король Чехии Иоанн Слепой. Едва сумел спастись король Филипп. Эдуард повернул к осаждённому англичанами порту Кале, защитники которого в течение 10 месяцев выносили все лишения и ждали помощи от французских войск. Армия Филиппа VI подошла к городу, но переговоры между противниками провалились, и французский король оставил Кале на милость англичан. Порт-крепость капитулировала. Английские войска оккупировали всю Бретань, их дальнейшее продвижение было остановлено лишь эпидемией «чёрной смерти» (чумы) и финансовыми трудностями, которые переживали и та, и другая стороны. Король Филипп VI умер в 1350 г., оставив трон своему сыну Иоанну II.

В 1355 г. во Франции высадилась новая английская армия численностью до 30 тыс. человек. Военная добыча, в изобилии поступавшая в Англию, подняла боевой дух англичан, побудила вступить в армию многих искателей наживы и просто грабителей. Этим воинством командовал сын короля Эдуарда, также Эдуард, прозванный за цвет доспехов Чёрным Принцем. Впрочем, у французов были свои причины так называть этого безжалостного воина — он оставлял за собой сожжённые деревни и множество повешенных на ветвях дубов. Король Иоанн II долго не решался вступить в бой, но 19 сентября 1356 г. при Пуатье его армия всё-таки встретилась с войском Чёрного Принца.

Хотя силы французов намного превосходили численность англичан, к тому же измотанных походом, победили дисциплина и слаженность действий воинов Чёрного Принца. Вновь показали свою эффективность отряды английских лучников. Французское войско состояло из дружин королевских вассалов. Они не умели взаимодействовать друг с другом, так как привыкли к столкновениям отдельных отрядов, а не к бою по всему фронту. В плен попал сам король Иоанн, и его едва не разорвали английские солдаты — каждый хотел получить выкуп за венценосного пленника. На поле боя осталось около 6 тыс. убитых французов. Хронист, современник сражения, с горечью писал о том, что «погиб весь цвет Франции». С этого момента в разных уголках страны, втянутых в военные действия, стали возникать крестьянские партизанские отряды. Конфликт, до сего времени чисто династический, начал превращаться в большую войну.

Франция оказалась в труднейшем положении: она лишилась короля и армии, а война продолжала полыхать на её территории, захватывая новые и новые области. Измученные грабежами и поборами, крестьяне всё чаще восставали. В мае



1. Граница наибольшего продвижения английских войск во Франции в 1429 г.
2. Путь Жанны д'Арк (1429 г.).

1358 г. разразилось крестьянское восстание — Жакерия, название которой происходило от прозвища французских крестьян: Жак-Простак. Несколько раньше поднялись жители Парижа во главе с купеческим старшиной Этьеном Марселем. Парижане требовали снижения налогов. С большим трудом властям удалось подавить народные движения. Предводителя крестьян-повстанцев Гильома Каля схватили и «короновали» раскалённым обручем.

Иоанн II между тем находился в плену и был так очарован рыцарским отношением к нему англичан, что в 1359 г. подписал унизительный Лондонский мир, по которому Эдуард III в обмен на отказ от французской короны получал почти половину территории Франции. Сын французского короля дофин Карл отказался выполнять условия мира, и тогда Эдуард вторгся в самое сердце Франции, пытаясь захватить Реймс, чтобы там короноваться. Однако его войско поддалось общему настроению и, не слушая приказов командиров, занялось грабежами. На юге отряды Чёрного Принца превратились в настоящие шайки разбойников, не подчинявшиеся никому. Боясь потерять армию, Эдуард подписал в 1360 г. мир в Бретиньи, по которому Англия получила весь юго-запад Франции — от Луары до Пиренеев, а также 3 млн золотых в качестве выкупа за злополучного короля Иоанна.

Война возобновилась в 1369 г., когда во Франции правил Карл V Мудрый, сын Иоанна. Карл V был первым французским королём, который обратился к горожанам и крестьянам с призывом дать отпор врагу. Карл V реорганизовал французскую армию и реформировал налоговую систему. В армии была укреплена дисциплина, стало больше лучников и арбалетчиков, появилась артиллерия. Этот молодой монарх сумел ослабить позиции англичан, а его полководец Дюгеклен нанёс им ряд поражений, используя тактику партизанской войны. Понемногу французы освободили почти весь север страны. Порой крестьяне и горожане сами изгоняли грабившие их английские гарнизоны. В 1377 г. умер Эдуард III, и его сменил Ричард II — слабый политик, при котором разразилось мощное восстание Уота Тайлера. Тогда же англичане лишились поддержки фландрских городов, а союзники Франции шотландцы возобновили набеги на Англию с севера. В 1399 г. Ричард был свергнут и умер в тюрьме; к власти пришла новая династия — Ланкастеров.

Франция, однако, не смогла извлечь выгод из трудного положения врага. Король Карл VI, сын умершего в 1380 г. Карла V, неожиданно сошёл с ума, и в борьбу за власть вступили две политические группировки. Их возглавляли дядя короля герцог Иоанн Бургундский и брат монарха герцог Луи Орлеанский. После убийства последнего в 1407 г. началась открытая война между бургундцами и сторонниками Орлеанского дома — арманьяками во главе с графом Бернаром Арманьяком. Обе партии обратились за помощью к англичанам, обещая им все возможные и невозможные уступки. Английская армия укрепляла позиции во Франции, ожидая лишь случая, чтобы прервать заключённое в 1396 г. очередное перемирие. В самой Англии назревала война между родами Ланкастеров и Йорков, и вскоре новый король Генрих V решил направить воинственный пыл своих дворян против французов.

В 1415 г. английское войско высадилось в Нормандии. Карл VI обратился к рыцарям и «добрым горожанам» с призывом вооружиться для защиты королевства. 24 октября наспех собранная французская армия встретилась с врагом у деревни Азенкур в Пикардии (на севере Франции). Снова английские лучники укрепились в лощине между двумя лесами и обрушили град стрел на атакующих рыцарей. Потери французов были огромны. Поражение при Азенкуре стало сигналом для открытого предательства герцога Бургундского. Он признал Генриха V королём Франции и в союзе с англичанами захватил Париж. Безумный Карл VI оказался в руках бургундцев и в 1420 г. подписал договор в Труа. Англия и Франция стали одним государством с общим королём. После смерти Карла VI им должен был стать Генрих V, вскоре женившийся на дочери Карла Екатерине. Арманьяки вывезли из столицы малолетнего дофина (принца) Карла и от его имени отказались признать позорный договор. Вскоре был убит герцог Бургундский, но его наследник Филипп сохранил союз с Англией. Поддержала англичан и французская королева Изабелла, отказавшаяся от своего сына, дофина Карла.

Сбитые с толку французские солдаты тем не менее продолжали стойко обороняться. В 1421 г. французы одержали первую значительную победу: в сражении при Боже погиб брат и наследник английского короля, герцог Кларенс. Через год умер и сам Генрих, назначив регентом при своём 10-месячном сыне герцога Бедфорда. Почти одновременно скончался безумный Карл, а дофин объявил себя королём Карлом VII. Короноваться он не мог, поскольку Реймс и Париж находились в руках неприятеля. В то время как в Англии разгоралась гражданская война Ланкастеров и Йорков, Франция раскололась на три части. На севере и западе хозяйничали англичане, на востоке — герцог Бургундский, а сторонники Карла укрепились на юге. Страна была разорена от края до края, её население сократилось почти вдвое. На месте цветущих деревень бродили волки, их видели даже в Париже. Чтобы спастись от разбойников, крестьяне брали в руки оружие и сами становились разбойниками, а их поля зарастали бурьяном.

В 1428 г. сильная английская армия осадила Орлеан — последнюю крепость Карла в центре Франции. И тут случилось то, что современникам и многим поколениям потомков представлялось чудом — Жанна д'Арк, крестьянская девушка из Лотарингии, решила спасти Францию, убедила короля доверить ей войско

Битва при Азенкуре в 1415 г.

и в мае 1429 г. разбила англичан под Орлеаном. Триумф Жанны длился недолго и скоро сменился поражениями, но в войне произошёл решительный перелом. В июле 1429 г. Карл был коронован в Реймсе. Вокруг законного монарха стали собираться французы, знатные и простолюдины — всем надоела война и анархия. Ни гибель на костре захваченной бургундцами Жанны, ни жестокие расправы с пленными не могли уже помочь англичанам.

Герцог Бургундии Филипп Добрый, почувствовав, что удача благоволит французскому королю, заключил с ним договор, и в апреле 1436 г. тот вступил в оставленный англичанами Париж. Карл VII продолжил военные реформы деда Карла V: создал регулярную армию, отменив право своих вассалов на содержание вооружённых отрядов. Отныне дворяне, служившие в кавалерии, и крестьяне-пехотинцы получали жалованье, обеспечивающееся сбором постоянного налога. Хронист напишет о Карле VII: «По смерти своей он оставил королевство в таком добром мире, спокойствии и справедливости, каковым оно было во времена Хлодвига (см. статью «Варвары»), первого христианина». В 1448—1450 гг. французские войска отвоевали Гиень и Нормандию, а в 1455 г. со взятием ими Бордо закончилось английское правление в Аквитании. Англия до 1558 г. удерживала порт Кале на берегу пролива Ла-Манш. Вплоть до 1801 г. к титулу короля Англии добавляли также титул «короля Франции». И хотя мирного договора между двумя странами заключено не было, французы сохранили и укрепили своё государство, и это стало главным итогом самой длинной войны в истории Европы.

Генрих V.

ЖАННА Д'АРК

Жанна д'Арк — героиня французского народа, возглавившая освободительное движение против английских захватчиков в наиболее тяжёлый для Франции период Столетней войны.

Жанна родилась 6 января 1412 г. в небольшой шампанской деревушке Домреми, расположенной в верховье реки Маас у самой границы Франции, в семье свободного крестьянина Жака Дарка и Изабеллы Роме. Росла она здоровой, сильной, очень живой и впечатлительной девочкой. Как все деревенские дети, она рано начала помогать родителям. Всякое дело спорилось в её проворных руках. Жанна пряла и ткала, шила, стирала и убирала дом, пасла овец. Она была очень набожной.

Когда Жанна появилась на свет, война между Англией и Францией, позже получившая название Столетней, продолжалась уже 75 лет, принося неисчислимые бедствия французскому народу.

После трагической для французов битвы при Азенкуре в 1415 г. успех перешёл на сторону англичан. Франция изнемогала. Безумный король Карл VI не мог управлять страной и организовать сопротивление захватчикам. Часть крупных феодалов во главе с герцогом Бургундским перешла на сторону англичан. Герцог Бургундский и предавшая интересы Франции жена Карла VI Изабелла Баварская вынудили безвольного короля подписать унизительный договор с Англией. Одним росчерком пера безумец лишил прав на престол своего сына, законного наследника, дофина Карла и завещал французскую корону английскому королю. Когда умер Карл VI, дофин Карл, не признавая предательского договора, принял королевский титул и укрепился в областях к югу от реки Луары. Севернее хозяйничали англичане и бургундцы. В их руках была столица Франции Париж. В 1428 г. они осадили сильный город на Луаре — Орлеан, взятие которого открывало врагам путь к завоеванию всей страны. У стен Орлеана решалась судьба Франции.

Печальные вести регулярно приходили и в Домреми, болью отзываясь в сердцах жителей. По ночам Жанна просыпалась от звуков набата, криков и плача женщин. Неделями полыхало зарево пожаров, чёрный дым застилал горизонт. Однажды на деревню напала банда бургундцев, разорившая крестьянские дома. Жанна думала о том, как можно спасти Францию, если враг захватил множество городов, а законный французский король Карл VII всё ещё считается дофином, так как не прошёл коронацию по старинному обычаю в городе Реймсе, в котором также хозяйничает неприятель. Жанне было жаль всех: и родителей, и односельчан, и соотечественников из дальних провинций, и одинокого дофина, и милую, измученную Францию. В мыслях девушка обращалась к Богу, который, по мнению многих французов, почему-то отвернулся от их родины. Религиозную, впечатлительную Жанну стали посещать видения, ей чудились голоса, призывавшие к подвигу. Жанна жадно слушала старые пророчества и легенды. Одна из них, предсказывающая, что Францию погубит женщина, но спасёт девушка, особенно поразила Жанну. Казалось, что пророчество сбывается. Злодейкой-губительницей стала королева Изабелла. Но кто спасёт родину? И девушка из Домреми поверила в свою особую, божественную миссию, в свою звезду. Когда в деревне стало известно об осаде Орлеана, Жанна окончательно решилась участвовать в войне, снять осаду с Орлеана и короновать дофина Карла.

Жан Август Доменик Энгр.
Жанна д'Арк на коронации Карла VII в Реймсском соборе.
1854 г. Лувр. Париж.

В сопровождении дядюшки Жанна прибыла в соседнюю крепость Вокулер и потребовала от её коменданта Робера де Бодрикура, чтобы он переправил её в королевский замок Шинон к дофину. Осторожный и недоверчивый де Бодрикур был возмущён неуёмными притязаниями неграмотной крестьянки и отправил Жанну домой. Но Жанна была не из тех, кто отступает после первой же неудачи. Решимость девушки бороться за свободу лишь окрепла. Вера Жанны в успех была столь сильна, что уверенностью в её особом предназначении заражались окружающие. После второй встречи не устоял и суровый комендант Вокулера. Он предоставил Жанне небольшую, но надёжную охрану, а уже появившиеся у неё почитатели снабдили её конём, рыцарским мечом и мужским платьем, чтобы ей было удобнее ездить верхом и, главное, чтобы не привлекать к себе внимания встречных. Маленький отряд, насчитывающий всего семь человек, двинулся в нелёгкий путь к Шинону в феврале 1429 г. На одиннадцатый день путешествия Жанна и её спутники благополучно добрались до замка, где в бездействии проводил дни король-дофин Карл.

Унаследовавший многие слабости своего безумного отца, Карл находился в полной растерянности. Франция, королём которой он надеялся стать, была на краю гибели. Многие придворные предали и покинули его, оставшиеся связали долгами и диктовали свою волю. В таком состоянии получил Карл известие о прибытии 17-летней девицы, обещающей спасти Францию и её монарха. Несчастный дофин принял Жанну через два дня.

С трепещущим сердцем Жанна вошла в огромную, переполненную пышно одетыми людьми залу. В центре девушка увидела худую фигуру, выделяющуюся жалкой внешностью и скромной одеждой. Подойдя к Карлу, Жанна упала на колени и произнесла: «Здравствуйте, милый дофин! Да пошлёт Вам Бог счастливую и долгую жизнь». В чёрном суконном одеянии, с волосами, остриженными в кружок, Жанна походила на юного придворного пажа. Впервые оказавшись при дворе, Жанна почти не смутилась и сразу же горячо начала убеждать Карла, что она пришла для того, чтобы выручить город Орлеан и отвезти Карла, единственного законного государя Франции, в Реймс для коронации. С такой же стремительностью Жанна попросила дофина дать ей войско для освобождения Орлеана. Карл ничего не пообещал Жанне. В те времена такое необычное явление, как

эта неизвестно откуда взявшаяся спасительница, могло расцениваться либо как деяние Бога, либо как проделка дьявола. Специальная комиссия из богословов и юристов долго допрашивала Жанну, пока не убедилась, что девушка не подослана дьяволом. В искренних и спокойных ответах Жанны ощущалась такая ненависть к врагам короля и родины, такая уверенность в победе, что подозрительность советников Карла постепенно уступила место восхищению. К тому же расчётливые царедворцы надеялись использовать Жанну в своих интересах.

Наконец Жанне позволили занять место среди военачальников, возглавляющих войско, отправляющееся к Орлеану. К этому времени её уже окружали преданные люди, твёрдо верившие в свою предводительницу и готовые бороться рядом с ней до последней капли крови. Оружейники изготовили для Жанны доспехи белого цвета. Для ношения поверх лат портной сшил для девушки изящный кафтан из белого сукна, открытый спереди, обрамлённый красивой вырезной бахромой, спадавшей на руки и бёдра. Из старинной часовни Жанне прислали древний меч. Было изготовлено знамя — большое белое полотно, обшитое шёлковой бахромой и усеянное золотыми королевскими лилиями. На одной стороне был изображён благословляющий Христос, на другой — вышита голубка (символ мира).

Перед выступлением на Орлеан от имени Жанны было составлено несколько писем к английскому королю и его наместникам во Франции. Девушка призвала их уйти из Франции с миром. И впоследствии каждое своё сражение Жанна предваряла мирными предложениями. К сожалению, они редко находили отклик у врага.

Тем временем армия двинулась на помощь осаждённому Орлеану. Молва разносила вести о девушке, которую направляет Бог. Солдаты поверили, что Жанна принесёт им счастье, её окружала народная любовь. О выносливости Жанны ходили легенды. Девушка спала на голой земле, часто не снимая лат, разделяла с воинами их скудную пищу.

Орлеан, вот уже полгода осаждаемый англичанами, находился в тяжёлом положении. Кольцо блокады сжималось. Пушки англичан разрушили множество домов и мельниц. Окружающие Орлеан крепости были превращены в английские укрепления. Горожане рвались в бой, но местный военный гарнизон проявлял полное равнодушие. Для решительных действий городу требовался вождь.

Вечером 29 апреля 1429 г. Жанна д'Арк въехала в Орлеан на коне. Её панцирь и латы сверкали при свете факелов, белое знамя развевалось над головой. Орлеанцы восторженно приветствовали Деву. Вдруг один из факельщиков случайно зажёг знамя Жанны. Не сходя с коня, она быстро и ловко загасила огонь. Толпа восприняла это как доброе знамение. Зато англичане объявили девушку исчадием ада, английских солдат охватил суеверный ужас.

Французские вельможи и полководцы были неприятно изумлены растущей популярностью Жанны, воодушевлением, охватившим французские войска. Рыцари решили скрыть от народного ополчения и от Жанны своё наступление на одно из английских укреплений под Орлеаном — Сен-Лу. Но Жанна явилась на поле битвы в самый разгар сражения, когда французы уже начали показывать врагам спины. И тут в воздухе развернулось белое знамя. Криками «Вперёд! Мы обязательно победим!» Жанна воодушевила воинов на новый штурм. Важное военное укрепление Сен-Лу было взято, кольцо осады вокруг Орлеана разорвано, победа была одержана после длительной череды поражений. Следующим укреплением англичан, угрожавшим Орлеану, была Турель. Пришёл черёд французского наступления и на эту крепость. И вновь военное руководство французов пыталось обмануть Жанну, скрыть от неё решение военного совета, и вновь девушка разгадала обман, вновь участвовала в штурме позиций врага. Она первой приставила лестницу к крепостной стене, но была ранена стрелой в плечо. Жанну отнесли в сторону, перевязали, но после недолгого лихорадочного сна она потребовала вновь надеть на себя латы и вернулась в ряды сражавшихся. Тем временем наиболее смелые соратники героини укрепили её белое знамя на гребне крепостной стены и таким образом указали дорогу, по которой должны были последовать остальные воины. И французское войско в дружном порыве стремительно поднялось на крепостной вал. Англичане бежали. Турель пала. Вскоре враги, оставив свои последние укрепления, отступили из-под Орлеана. В освободительной войне французского народа совершился решающий перелом... День 8 мая 1429 г. стал для освобождённого Орлеана праздником победы и праздником народной героини — Жанны д'Арк, прозванной Орлеанской Девой. Поразительно, но осаждаемый двести дней Орлеан был освобождён через девять дней после прибытия Жанны. Впрочем, в подвигах девушки не было ничего сверхъестественного. Её сообразительность и способность схватывать всё на лету сочетались с почти безрассудным мужеством, благодаря чему она появлялась в решающий момент на самых важных участках боя, воодушевляла своим примером войска и вела их за собой. Её любовь к родине, к своему народу была безгранична.

Со всей страны под освободительные знамёна Орлеанской Девы стекались крестьяне, ремесленники, обедневшие рыцари. Король и придворные использовали её имя в своих целях. Объявлялось, что на подвиги Жанну воодушевляет Бог, наконец-то взявший французского короля под своё покровительство. О Жанне узнали далеко за

Битва при Орлеане.

пределами Франции. Именно в это время был создан единственный дошедший до нас прижизненный словесный портрет героини: «Дева сия сложена изящно; держится она по-мужски, говорит немного, в речах выказывает необыкновенную рассудительность; у неё приятный женский голос. Ест она мало, пьёт ещё меньше. Ей нравятся боевые кони и красивое оружие. Она любит общество благородных воинов и ненавидит многолюдные сборища. Обильно проливает слёзы, хотя лицо у неё обычно весёлое. С неслыханной лёгкостью выносит она и тяготы ратного труда, и бремя лат, так что может по 6 дней и ночей подряд оставаться в полном вооружении».

Энергичная Жанна умоляла Карла отправиться в Реймс, отвоевать город и короноваться по старинному обычаю. Но вялый, нерешительный дофин после победы успокоился. Многие советники пугали его Орлеанской Девой, её независимостью, её силой, которую Жанна черпала в поддержке народа. Пока Карл колебался, Жанна одержала ещё несколько побед. «Как бы Жанна не превратилась в Жака и не выступила против знати», — думали старые интриганы и клеветники, с ужасом вспоминая Жакерию — крестьянское восстание, участников которого называли жаками (Жак-простак — прозвище, данное крестьянину французскими дворянами). Всё же под давлением Жанны и части царедворцев, заинтересованных в освобождении от англичан Реймса и соседних областей, в июне 1429 г. Карл объявил поход на Реймс.

17 июня 1429 г. дофин торжественно короновался в Реймсе. В ходе церемонии Карл поклялся управлять справедливо и благородно. Архиепископ помазал ему голову миром и надел драгоценный венец. Среди прочих важных лиц в коронации участвовала и Жанна. В доспехах она стояла рядом с королём и держала в руках боевое знамя.

Во время торжеств король Карл VII впервые захотел наградить Жанну. Для себя лично Жанна не пожелала ничего. Она попросила Карла освободить от налогов крестьян своей родной деревни Домреми. Ни один из последующих правителей Франции не посмел отнять у жителей Домреми эту привилегию. Даже в XIX в., при императоре Наполеоне, они не платили налогов государству.

Хотя две главные цели, поставленные перед Жанной, — освобождение Орлеана и коронация Карла — были достигнуты, Орлеанская Дева рвалась в бой. Ведь англичане ещё хозяйничали во многих районах страны. Жанна стремилась изгнать их и из Парижа, столицы Франции.

Но новоиспечённый король потерял интерес к своей спасительнице. Стена равнодушия и ненависти, воздвигнутая придворными Карла, приводила девушку в отчаяние. Временами Жанна подумывала о возвращении в деревню. Партизанское движение, охватившее страну под влиянием подвигов Орлеанской Девы, всё больше страшило знать. Французские вельможи решили избавиться от Жанны. Вокруг девушки начали плестись предательские заговоры.

Король тайно договорился с бургундцами, что Париж останется в их руках. Не знающая об этом, лишённая войска и помощи, Жанна с небольшим отрядом пыталась взять Париж в сентябре 1429 г. Девушка была тяжело ранена. Потянулись долгие месяцы лечения. Под видом заботы о её здоровье Жанну держали под домашним арестом.

Когда в мае 1430 г. Жанна вновь приняла участие в военных действиях, судьба её была предрешена. С крохотным отрядом верных сторонников она пришла на помощь крепости Компьен, осаждённой врагами. Однажды после неудачной вылазки компьенцев Жанна возвращалась в крепость. Подкупленный французским двором, комендант Компьена поднял перед девушкой крепостной мост и закрыл ворота.

Жанна попала в плен к бургундцам и полгода томилась в круглой башне замка Боревуар. Карл VII, для которого Жанна сделала так много, и пальцем не пошевелил ради неё. А ведь он мог выкупить её или обменять на знатного пленника. Бургундцы продали Жанну англичанам за огромную сумму, равную выкупу за короля. Англичане давно мечтали захватить Орлеанскую Деву. С её именем были связаны все неудачи завоевателей. Жанну следовало признать ведьмой и посланницей дьявола. Тем временем девушка безуспешно пыталась покончить с собой.

Для того чтобы представить Жанну колдуньей, англичане организовали суд над ней. Судили её видные богословы Парижского университета, сторонники англичан. Возглавлял судилище епископ Кошон. Хитроумные и многоопытные богословы расставляли Жанне ловушки, но она отвечала искренне, с никогда не изменявшим ей здравым смыслом. Через полгода изматывающих допросов продажные церковники обвинили девушку в ереси и колдовстве.

В мае 1431 г. Жанну сожгли на центральной площади города Руана. Ей было только 19 лет. Место сожжения на площади и по сей день отмечено белым крестом на камнях. Французский народ завершил дело, начатое Жанной. Освободительное движение разгоралось всё сильнее. Столетняя война закончилась изгнанием англичан из Франции.

Через 25 лет Карл VII решил использовать в своих целях уже мёртвую Орлеанскую Деву. По его приказу судебное дело было пересмотрено, и Жанна объявлена невиновной. Тем самым Карл VII отвёл от себя обвинение в том, что он поддерживал связи с ведьмой. Позднее Орлеанская Дева была объявлена святой.

Имя Жанны д'Арк навсегда вошло в историю человечества как символ беззаветной любви к родной земле, преданности своему народу.

ЛЮДОВИК XI

Торжественный въезд в Париж. Горожане в замешательстве: впервые на их памяти король с трудом различим среди своей свиты. Небольшого роста, худощавый, он одет в платье третьего сословия. Зато сопровождающий короля герцог Бургундский держится как настоящий феодальный властитель, окружённый блестящим рыцарством. Такой разительный контраст на первый взгляд не поддавался объяснению. Один историк позже заметит, что на Людовике XI во Франции закончилось Средневековье.

Драматично складывалась судьба Людовика XI. Родившийся в 1423 г., ребёнком переживший самую тяжёлую пору английского завоевания и взрыв народного возмущения, связанный с казнью Жанны д'Арк, Людовик рано начал конфликтовать с отцом, Карлом VII Валуа. Дело дошло до участия сына в восстании феодалов против Карла, но тот простил мятежников. Однако Людовик продолжал испытывать терпение родителя: после смерти своей первой супруги он женился против воли Карла VII на Шарлотте, дочери савойского герцога, и бежал от гнева отца в Брюссель, к бургундскому герцогу Филиппу. Получив известие о кончине Карла VII (который, поговаривали, умер от голода, опасаясь отравы, будто бы посланной сыном), Людовик в качестве законного наследника прибыл в Париж (1461 г.).

Осторожный и хитрый дипломат, презиравший рыцарские идеалы, Людовик XI удалил советников отца, расправился с врагами, находившимися в пределах его досягаемости, и приступил к борьбе с феодалами. В XV в. Франция была раздроблена на множество графств и герцогств; некоторые из их властителей не уступали в могуществе королю или даже превосходили его. Давние феодальные традиции раздражали Людовика. Говорят, наблюдая за одним из турниров, устроенных Филиппом, король особенно забавлялся тем, как какой-то незнакомый рыцарь страшно избивал соперников (на самом деле это был мясник, а подослал его сам Людовик).

Путём подкупа король возвратил Франции Пикардию. Но активность деятельного представителя царствующего дома Валуа возмутила своевольных баронов, и они организовали Лигу общественного блага, во главе которой встал брат Людовика Карл Берритский. Не решаясь вступить в открытую схватку с противниками, Людовик попытался их перессорить. Это не удавалось; Людовику был навязан договор, согласно которому его владения со всех сторон окружались землями вожаков Лиги. Вскоре король нарушил это соглашение и с помощью быстрого манёвра овладел Нормандией. Один из вождей Лиги, бургундский герцог Карл Смелый, грозил ему отмщением за подобное вероломство; герцогу удалось задержать Людовика XI и фактически взять его под стражу. Короля с трудом избавили от расправы, но не от унижения. Людовик был вынужден согласиться на ещё более постыдные уступки, чем прежде (например, передать Бургундии Шампань). Вернувшись домой, Людовик узнал, что один из его доверенных лиц, кардинал, был главным осведомителем Карла Смелого; кардинал был осуждён светским судом и заперт в железную клетку, в которой нельзя было ни лежать, ни стоять в полный рост. Затем, опираясь на силы городов и помощь их наиболее зажиточных обитателей, привлекаемых на государственную службу, Людовик добился вызова в суд парижским парламентом Карла Смелого, что снимало с короля всякую ответственность за данные ранее обещания. Началась война. Путём хитрости и насилия Людовик стал покорять феодалов и укрепился

Рогир ван дер Вейден.
Карл Смелый, герцог Бургундский. 1460 г.

на юге Франции. Он примирился с внешними врагами: завёл дружбу с немецкими Габсбургами, Англией и Швейцарией. В 1477 г. после битвы с французами при Нанси обнажённый и объеденный волками труп Карла Смелого был найден его подданными в ледяной грязи пруда.

Людовик XI ликовал. Воспользовавшись просьбой вдовы Карла о покровительстве, Людовик занял Бургундию, Франш-Конте и Артуа (две последние области вскоре вошли в состав владений дома Габсбургов). Одновременно преобразовывалось французское войско. Города были освобождены от воинской повинности, вассалам позволялось откупаться от военной службы. Основную массу пехоты составили швейцарцы. Численность войска превысила 50 тыс. человек. В начале 80-х гг. XV в. из крупных земель Франции непокорённой осталась лишь Бретань.

Теперь Людовик XI мог вплотную заняться внутренними реформами. Король покровительствовал городам и ярмаркам, не давал в обиду банкиров-евреев, прокладывал новые дороги и чинил старые. Он поощрял торговлю и промышленность, понимал важность земледелия, шелководства (специалисты были выписаны из Италии) и горного промысла; при нём процветали наука и искусство, возникла первая во Франции типография, развивалась медицина, в особенности хирургия, была возрождена почта. Активно формировался единый северофранцузский литературный язык.

Людовик XI сделал существенный шаг на пути к абсолютной монархии (Генеральные штаты — французский парламент — созывались при нём один раз и потеряли реальную значимость). Междуусобные войны и налоги ослабили страну, но в то же время были созданы предпосылки для подъёма экономики и культуры Франции, заложены основы относительно мирного развития страны в последующие десятилетия.

Язвительно остроумный, циничный, властолюбивый, «всемирный паук», как его называли, Людовик XI и в старости продолжал лелеять коварные планы. Верность слову, само понятие чести давно уже превратились для короля в пустой звук; поддаваясь различным суевериям, он вряд ли был глубоко религиозен, и телесное здоровье, земное благополучие волновали его более всего. Как точно заметил один исследователь, Людовик XI был не поэтом королевской власти, а её бухгалтером. Про Людовика и его приспешников — Оливье и Тристана Пустынника — ходили страшные слухи. С годами король стал невероятно скуп и недоверчив (в круг подозреваемых попал и его собственный сын). Укрывшись в замке Плесси, Людовик положился на преданность наёмников. Боясь смерти, он унижался перед врачами, подвергаясь оскорблениям с их стороны, приблизил к себе слабоумного крестьянина, почитая его как святого. Запершись в нескольких комнатах замка, король пытался создать иллюзию бурной деятельности, приговаривая: «Не надо, чтобы во Франции догадались, что я умираю». Страдания короля окончились в августе 1483 г. По словам видного историка Т. Н. Грановского, Франция обязана Людовику XI многим: «Он собрал её опять, нанёс страшные удары феодализму, хотя здесь феодализм явился благороднее и выше, чем деятельность Людовика...».

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОРОДСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

Карта современной Италии пестрит названиями городов — мелких и крупных, промышленных центров и захолустных местечек. Многие из этих городов выросли на итальянской земле в эпоху Средневековья. В XI—XII вв., освободившись от власти церковных и светских феодалов, итальянские города стали свободными коммунами, однако немногие сохранили ту или иную форму республики. Лишь три из них выросли из небольших поселений в средневековые государства европейского значения. Это Венеция, Генуя и Флоренция.

Ещё в римскую эпоху существовали Флоренция — колония Рима в цветущей долине реки Арно и Генуя — оживлённый римский порт на берегу Лигурийского моря; после варварского разорения и упадка они возродились в IX в. Венецианцы началом своей истории считают легендарную дату 25 марта 421 г., когда беженцы, спасаясь от полчищ Аттилы, обосновались на болотистых островах морской лагуны. В IX в. там уже существовал город Риальто (от *лат.* rivus al-

Дверной молоток. XV в. Флоренция.

teus — «высокий берег»); название «Венеция» появилось лишь в XIII в.

Хозяева городов менялись — римляне, варвары и византийцы, вожди и короли, епископы и императоры. В IX в. Венеция наконец вышла из-под власти Византии, а Генуя и Флоренция перестали подчиняться наследникам Карла Великого.

В IX—XII вв. итальянские города, осознав свою силу и интересы, опередив остальную Европу, расцвели экономически и политически. Возродились разнообразные ремёсла: кузнечное дело, стеклоделие, ткачество, шитьё одежды, резьба по дереву, ювелирное дело. Началось каменное строительство; в Венеции в XI в. заканчивалось строительство знаменитого собора Святого Марка — её небесного покровителя (покровителем Генуи считался Святой Георгий, Флоренции — Иоанн Креститель). В то же время итальянские города активно включились в мировую торговлю.

Ресурсы Генуи и Венеции не позволяли прокормить население, даже хлеб приходилось привозить издалека. Сама Италия находилась на перекрёстке торговых путей Средневековья. По морям, рекам Северной Италии и дальше, через альпийские перевалы, проходил путь, связывавший растущие города Европы со сказочно богатым Востоком, откуда везли шелка, пряности, сахар, хлопок, краски, вина, драгоценные камни, ковры и зеркала — словом, всё, что так привлекало состоятельные сословия Запада. Перепродажа восточных товаров давала купцам-посредникам огромные барыши. Поэтому Венеция и Генуя, а за ними и сухопутная Флоренция, которая прежде ограничивалась ролью торгово-ремесленного центра Италии, сделали ставку на мировую торговлю. Отныне итальянские купцы начали осваиваться в портах Леванта, Египта, Византии, в торговых городах Европы и на крупнейших ярмарках. Их можно было узнать сразу — энергичных, темпераментных, выгодно отличавшихся манерами и образованностью от своих неотёсанных клиентов-феодалов. Враги и конкуренты, однако, знали итальянцев и как расчётливых дельцов, умных и коварных политиков, тонких дипломатов, дерзких и беспощадных завоевателей, храбрых и искусных моряков и отчаянных пиратов, удивительно сочетавших отменный цинизм с крайней набожностью. Судьба связала их с морем — и они были готовы на всё, чтобы овладеть морскими торговыми путями, гаванями и

Каналетто (Джованни Антонио Канале).
Приём французского посла в Венеции.

Чернильница.
XVI в. Италия.

Дверной молоток
в виде льва.
XVI в. Италия.

Ножничный стул.
XVI в. Италия.

побережьем. Четыре века венецианцы упорно сражались за восточный берег Адриатического моря — Далмацию; сто лет крестовых походов дали им многочисленные фактории на Востоке.

Каждый год дож бросал в волны золотой перстень со словами: «Мы обручаемся с тобою, море, в знак истинной и вечной власти», — и это звучало как клятва овладеть морем. Жестокие войны между Венецией и Генуей, Венецией и турками, постоянная борьба Флоренции за обладание портами Пиза и Ливорно — всё это эпизоды многовековой схватки за моря, схватки сильных и равных.

Однако при всём сходстве хозяйственного уклада рано обозначилось своеобразие каждой республики.

XII в. для итальянских городов стал периодом становления. Несметные богатства, нажитые во время крестовых походов, подготовили новый взлёт. В следующем столетии все три республики начали чеканить золотую монету — дженовино, флорин и знаменитый венецианский дукат; расцветали и усложнялись ремёсла, появились цехи и крупные банки, ссужающие деньгами королей и римских Пап.

В XI столетии во всех трёх городах оформились коммуны — в Генуе и Флоренции во главе с консулами, в Венеции же правителем ещё со времён византийского господства считался дож, выбираемый пожизненно. Там власть стабилизировалась довольно рано в отличие от Генуи и Флоренции, где это произошло лишь в XVI в.

Ситуация осложнялась кровопролитной борьбой двух группировок — партий, родившихся вместе с коммуной, — гвельфов и гибеллинов. Средневековая Италия была ареной борьбы великих держав за европейское господство. В XII в. противостоящими сторонами оказались римский Папа и германский император. Название «гвельфы» происходило от фамилии династии саксонских герцогов Вельфов, а «гибеллины» — от латинизированного названия замка Вапблинген, принадлежавшего враждебной Вельфам династии Гогенштауфенов. Внешне, формально гвельфы поддерживали Папу, а гибеллины стояли за императора, однако на деле разногласия были глубже. Соперничали два мировоззрения, две крупные социальные силы: феодалы-гранды и пополаны — торговцы, ремесленники и банкиры. Идеалом гибеллинов считались землевладение и монархия, идеалом гвельфов — торговля и республика; первые помышляли о власти над землёй, вторые дрались за власть над морем. Время от времени меняя названия, символы, вождей и лозунги, партии определяли всю жизнь и политику итальянских республик.

Каждое новое иноземное нашествие, вместо того чтобы сплотить итальянцев перед лицом общего врага, лишь углубляло противоречия, доводя их до крайней степени остроты. В Генуе сильнее были гибеллины, в Венеции — гвельфы, во Флоренции обе партии постоянно боролись, но ни в одном городе гвельфы или гибеллины не могли взять верх окончательно. Между сословиями не было чёткой границы: феодалы участвовали в торговле и банковских операциях, купцы и банкиры приобретали земли и поместья; интересы торговцев и землевладельцев переплетались.

В XIII в. самостоятельной политической силой становятся пополаны — «жирный» и «тощий» народ, зажиточные и бедные, недовольные властью сеньоров. Они решительно заявляют о себе установлением народной коммуны в Генуе и Флоренции в середине XIII столетия. Экономический расцвет городов придаёт богатым пополанам силу и решимость. В 1293 г. пополанское правительство Флоренции принимает «Установления справедливости», лишившие феодалов-грандов всяких политических прав. Уголовный кодекс пополнился новым тяжким наказанием — пожизненной записью в гранды. Неудивительно, что феодалы, поневоле сменившие пышные титулы на простона-

родные фамилии, затаили ненависть к новым порядкам и при каждом удобном случае подстрекали к восстанию, составляли заговоры, призывали иноземные войска себе на помощь, а в случае победы с упоением рвали в клочья «Установления справедливости» и знамя коммуны. К ним примкнула часть их бывших противников — пополанов, ставших землевладельцами, и значительная часть простонародья, которое торгаши у власти обдирали как липку. Весь XIV в. для Флоренции прошёл под знаком смут, заговоров, бунтов (из которых самым крупным было восстание наёмных рабочих — чомпи в 1378 г.) и различных иноземных нашествий. Противоречий не могли сгладить никакие усовершенствования и перестановки в органах власти, о которых Данте с иронией писал:

Тончайшие уставы мастеря,
ты в октябре примеришь их, бывало,
и сносишь к середине ноября.

Во Флоренции реальная власть в это время перешла к «старшим» цехам. Верховный орган Флоренции — синьорию — составили делегаты «старших» цехов. В Генуе и Венеции сложилась иная ситуация.

В Генуе борьба знатных землевладельцев и купцов, гвельфов и гибеллинов определяет жизнь города в течение XIII в. В начале XIV столетия воцаряется пополанская коммуна. Грандов отправляют в ссылку, и начинается соперничество сильных пополанских фамилий — Фьески, Дориа, Фрегозо. Дож республики порой меняется по нескольку раз в год, впрочем, как писал современник, неизменно «от плохого к худшему». Несмотря на внутренние неурядицы, Генуя активно борется с Венецией за власть над морем и за торговлю с Востоком. Война за сферы влияния оканчивается вничью. Но сражения и смуты так ослабили Геную, что она сначала подчиняется Франции, затем — Милану, и это рождает новую череду внутренних конфликтов между «патриотами» и «предателями». Однако экономическая сила Генуи сохраняется, большое значение приобретает созданный в 1407 г. банк Святого Георгия, клиентами которого становятся практически все монархи Европы, в частности испанский король.

Венеция в войне с Генуей не приобрела ничего, но ничего и не потеряла. Богатство, владения, независимость — всё осталось при ней. Причиной такого счастливого исхода было внутреннее

Микеле Мариески.
Мост Риальто в Венеции.

Карпаччо. Лев Святого Марка. Венеция, Дворец Дожей. 1516 г.

единство венецианского государства. В то время как другие республики, не удержавшись на стадии демократии, постоянно скатывались к анархии или попадали под власть иноземной тирании, в Венеции укреплялась власть патрицианской олигархии. Там было не так уж много земельных владений, чтобы феодальная знать могла иметь существенное влияние. Число фамилий, имевших право участвовать в коммунальных советах, ограничили очень узким кругом старых богатых родов. Власть дожа простиралась не далее права подавать мудрые советы. Попытки переворотов и восстаний Республика Святого Марка (так называлась Венеция) пресекла в зародыше и впредь, на случай подобных неурядиц, был учреждён Совет десяти (дециумвират) — орган разведки и тайного следствия по делам о государственной измене. Суд Совета был скор и беспощаден. Законодательная власть оставалась в руках богатых патрициев. Зажиточным горожанам сделали только одну уступку: на них распространялось действие законов республики.

Постепенно в Венеции сложилась особая прослойка государственных чиновников-горожан. Этот компромисс, умелая внутренняя политика, а также щедрость богатого города на хлеб, зрелища и жильё для бедных помогали сохранять мир и спокойствие в Республике Святого Марка. Правящую знать объединяла идея служения государству. Если флорентийский банкир действовал «во имя Бога и прибыли», то венецианский патриций служил «Господу Богу и Святейшей Венеции». «Благородный» человек непременно должен был быть патриотом. Государство в Венеции подчинило себе Церковь, активно и разумно вмешивалось в экономику, не уступая цехам ни капли политического влияния. К началу XV в. Венеция была одним из самых сильных и богатых государств Европы.

П. Бордоне.
Портрет дожа Андреа Гритти.

С помощью золота венецианцы, генуэзцы и флорентийцы подчиняют себе весь обозримый мир от Англии до Персии и от Швеции до Египта. Флоты Генуи и Венеции — хозяева Средиземноморья; уже недалёк тот день, когда корабли генуэзца Колумба и венецианца Себастьяна Кабота устремятся в Новый Свет.

В XV в. итальянские республики достаточно сильны, чтобы начать сражение за передел Италии. Сперва речь идёт лишь об овладении речными и сухопутными торговыми путями; ради этого не жалеют ни сил, ни средств для оплаты кондотьеров — наёмных полководцев. Кондотьеры на службе у торговцев перекраивают политическую карту Италии до неузнаваемости. Флоренция захватывает Пизу и Ливорно. Генуя также расширяет владения. При доже Франческо Фоскари (1423—1457 гг.) Республика Святого Марка захватывает огромную территорию на севере Италии.

Меняются политические судьбы городов. Во Флоренции пришедшая к власти бездарная аристократия дискредитировала республику — и на политическую сцену явился Козимо Медичи, богатейший банкир, лидер сторонников грандов, тонкий и умный человек. При его сыне Лоренцо Великолепном — мудром политике и образованном меценате — во Флоренции наступили, наконец, долгожданный внутренний мир и процветание.

Обе сильнейшие республики Италии, Венеция и Флоренция, вынашивали далеко идущие завоевательные планы. Эти планы питала идея, владевшая в то время умами не только мыслителей и политиков, но и простого народа, — идея объединения Италии сильным правителем. Венеция и Флоренция были достаточно сильны, чтобы благосклонно прислушиваться к этим голосам, но их сил всё же было недостаточно, чтобы победить в борьбе за власть.

В Италии сложилось равновесие сильных и независимых: гордая Генуя, свободная Флоренция, светлейшая Венеция... Никто из них не хотел уступать, делиться прибылями, идти на компромисс. Основные экономические связи республик выходили за пределы Италии, там же были и политические союзники, а между итальянцами сохранялись застарелые противоречия гвельфов и гибеллинов, феодалов и купцов, республиканцев и монархистов. Новое нашествие, на сей раз французское, итальянцы опять встретили порознь.

Франция уже давно претендовала на Геную и Неаполь. В 1494 г. король Карл VIII вторгся с войском в Италию и захватил Неаполь. «Молниеносной

войны», однако, не получилось — в конфликт вмешались Венеция и Флоренция, испанский король, римский Папа и германский император: в борьбе за Италию вновь столкнулись великие державы Европы. До середины XVI в. продолжались кровопролитные итальянские войны. После того как несколько иностранных армий прошли по Италии с огнём и мечом, полную независимость сохранила лишь Венеция. Генуя, попавшая сперва под власть Франции, в 1528 г. при поддержке Испании восстаноавила республику. Но это была уже не прежняя республика. Новый лидер, Андреа Дориа, знаменитый адмирал на службе у императора Карла V (см. ст. «Карл V и Филипп II Габсбурги»), прозванный Отцом Отечества, установил в Генуе власть аристократии по венецианскому образцу, и даже более жёсткую: в Венеции власть принадлежала 120 семьям, в Генуе — только 28.

Новая конституция породила новый вариант старого конфликта: между «старыми» — полноправными патрициями, аристократами, пришедшими к власти при поддержке феодальной Испании, и «новыми» — ущемлёнными в правах сторонниками свободы, республики и союза с Францией. В 1575 г. разразилось восстание «новых» против «старых», к которому примкнули низы со своими требованиями, и лишь вмешательство великих держав позволило достигнуть примирения сторон: «новая» знать была допущена к власти. Группировки сторонников Испании и Франции были также в Венеции и Флоренции. Венеция в конце концов заключила союз с Францией. Не единожды свергнутые и наконец возвратившиеся во Флоренцию Медичи, получившие в 1569 г. титул великих герцогов Тосканских, также склонились к дружбе со своими клиентами — французскими королями и даже выдавали за них замуж своих родственниц.

Флоренция, Генуя и Венеция до конца XVI в. сохранили, несмотря на тяготы войн, экономическое могущество, и, хотя в Италии фактически установилось испанское господство, высокомерные и жестокие победители не всегда могли диктовать побеждённым свою волю: она изрядно зависела от итальянского золота. Города Италии ещё долго процветали — пока их не вытеснили с восточных рынков англичане и голландцы и пока испанская экономика не потерпела крах.

Франческо Гварди.
Венецианский дворик.

Политически итальянские города постепенно слабели. В XVIII в. герцогство Тосканское отошло к австрийским Габсбургам, поход Наполеона в Италию в 1797 г. уничтожил остатки независимости Генуи и Венеции; затем свыше полувека Венеция и Тоскана находились под властью Австрийской империи, а Генуя Сардинского королевства. Лишь в середине XIX в. города вошли в состав объединённой свободной Италии.

МЕДИЧИ

В позднее Средневековье Флоренция становится одной из самых блестящих и процветающих городских республик Италии. Большую лепту в благоденствие этого города внесла семья Медичи, правившая там с небольшими перерывами в 1434—1737 гг. Медичи происходили из сельской округи Флоренции. В XII в. они поселились близ церкви Святого Лаврентия (Сан-Лоренцо), располагавшейся тогда за пределами города. Крестьянские корни семьи проявлялась впоследствии в любви Медичи к обширным садам на своих роскошных виллах. Значительно позже стали распространяться слухи о том, что Медичи в прошлом были медиками, а шесть шаров на их гербе

Мино да Фьезоле.
Пьеро Медичи. Середина XV в.

символизируют обычные пилюли. Слово «медичи» действительно означает «врачи» — так называлась одна из гильдий города, к которой принадлежал Ардинго Медичи, перебравшийся в середине XIII в. во Флоренцию из деревеньки Муджело. Шары же символизировали финансовое могущество семьи: они изображали византийские монеты — безанты. Ведь Медичи стояли во главе настоящей банковской империи, созданной основателями династии в условиях экономического расцвета Европы XII в.

Его потомки приняли активное участие в борьбе городских низов за свои права. Когда в 1378 г. (см. ст. «Коммуна») разразилось восстание чомпи (чесальщиков шерсти), Сальвестро Медичи, бывший тогда гонфалоньером (главой городской власти), поддержал восставших. После поражения восстания Медичи сохранили своё экономическое влияние, но были на некоторое время отстранены от управления республикой. Семью изгнали из Флоренции, но влияние Медичи продолжало расти. Этому способствовали щедрость и простой образ жизни главы семьи Джованни Медичи. На смертном одре он наказывал своим сыновьям: «Если вы хотите жить спокойно, то в делах государственных принимайте лишь то участие, на какое дают вам право закон и согласие сограждан».

«Золотой век» Медичи наступил при Козимо Старшем (1389—1464), который украсил родной город прекрасными зданиями и приобрёл щедрыми подарками любовь горожан. За раздачу хлеба в голодный год он получил от флорентийской Синьории почётное звание «отец отечества». К этому времени Медичи открыли отделения своего банка в 16 городах Европы, а в 1409 г. даже стали банкирами папского двора. Козимо слыл самым богатым человеком своего времени. Помня завет отца, он не стремился к власти. Однако противники Медичи, Альбицци (в городах-государствах того времени знатные семьи часто враждовали друг с другом), обвинили Козимо в стремлении стать единоличным правителем во Флоренции, т. е. в самом тяжёлом преступлении против республики. Он был арестован, однако враги не были столь богаты и могущественны, чтобы добиться вынесения ему смертного приговора. Козимо был лишь выслан из Флоренции, но уже через год, в 1434 г., с триумфом вернулся на родину.

После победы сторонников Козимо и его возвращения республиканское правление в городе как будто не изменилось, но фактически Козимо проводил выборы должностных лиц по своему усмотрению. При этом он не занимал никаких постов, а свои письма подписывал просто «гражданин Республики». Медичи казнили или изгнали из Флоренции всех своих противников и в то же время щедрыми раздачами и покровительством привлекали на свою сторону флорентийский люд. Для большей безопасности Козимо заручился военной поддержкой миланского герцога Франческо Сфорцы, поправившего своё плачевное финансовое положение благодаря деньгам Медичи. С помощью Сфорцы был предотвращён переворот 1458 г.

После неудачной попытки врагов Медичи захватить власть влияние Козимо на политическую жизнь Флоренции становится почти незаметным. Зато он явно покровительствует изящным искусствам и науке: собирает во Флоренции творения известных скульпторов (Гиберти, Донателло), живописцев (Андреа дель Кастиньо, Фра Анджелико и Беноццо Гоццоли), архитекторов (Брунеллески и Микелоццо). Козимо предпринимает поиски манускриптов древних авторов, на что добивается разрешения даже у турецкого султана Мехмеда II, завоевателя Константинополя. Так начинает формироваться знаменитая библиотека Лауренциана, ставшая публичной со времени своего основания.

Мудрый правитель, Козимо Старший обеспечил спокойствие и порядок во Флоренции, так что в последние годы его жизни дела в городе шли, казалось, своим чередом. Его власть не была ни закреплена законом, ни объявлена наследственной. Тем не менее её не могли поколебать ни происки врагов, ни предательство сторонников. Никколо Макиавелли писал о нём, что его «постройки, замыслы, деяния были чем-то царственным, так велики были его благоразумие и сдержанность, что он никогда не переступал пределов скромности, подобающей простому гражданину». Козимо Медичи стал основателем династии некоронованных и не удостоенных пышными титулами правителей Флоренции. Лишь на его надгробии по указу флорентийского правительства

были начертаны слова: «Отец отечества» — так народ почтил память человека, более 30 лет мудро управлявшего Флорентийской республикой.

Козимо оставил двух сыновей, воплотивших в себе как бы два образа Медичи: грубоватый делец Джованни и болезненный Пьеро, покровитель искусства и владелец большой коллекции древностей. Оба они прожили недолго, и править Флоренцией стал сын Пьеро 20-летний Лоренцо, прозванный Великолепным. Лоренцо вместе со своим братом Джулиано получил превосходное образование. Он стал одним из самых блестящих и просвещённых правителей эпохи Возрождения.

Один из современников назвал период правления Лоренцо «режимом милостивого тирана в конституционной республике». Выборные органы при нём были не более чем декорация. Столь же декоративной стала и жизнь во Флоренции, проходившая в череде карнавалов, турниров и пышных церемоний. Лоренцо был поразительно разносторонним человеком: прекрасный поэт, знаток и ценитель искусства, дипломат и политик. Он брался за всё, однако и среди серьёзных дел находил время, чтобы детально разрабатывать планы карнавалов и рисовать маскарадные костюмы. Именно для карнавала он написал знаменитую «Джовенниццу»:

Помни, кто во цвете лет,
Юн не будешь бесконечно.
Нравится — живи беспечно,
В день грядущий веры нет.

По этому принципу и жили флорентийцы при Лоренцо. Шумные торжества сменялись тихими беседами в садах Кореджи, где правителя окружали друзья — его учитель Фичино, поэт Полициано, скульптор Микеланджело. Академики, облачась в римские одежды, декламировали стихи и вели философские диспуты, в то время как дела в республике шли всё хуже. Лоренцо, при всех его дарованиях, оказался плохим финансистом: он едва не разорил свою семью и обездолил многих горожан, хранивших деньги в их банке. Папа Сикст IV, смертельный враг «безбожника» Лоренцо, подговорил недовольных расправиться с Медичи. В заговоре приняли участие члены банкирской семьи Пацци и пизанский архиепископ Сальвиати. 26 апреля 1478 г. прямо на пасхальной мессе в соборе Санта-Репарата заговорщики набросились с кинжалами на Лоренцо и его брата Джулиано. Лоренцо смог укрыться в ризнице собора, но его всеми любимый красавец брат был убит. Месть флорентийца была ужасной: убийцы, их родные и друзья были растерзаны толпой, а главарей заговора два дня спустя повесили в окнах Синьории. Среди них был и архиепископ Сальвиати в полном облачении. Заговор под лозунгом свержения тирана и возвращения исконной свободы провалился. Никколо Макиавелли так писал об этом: «Счастливая судьба и щедрость Медичи сделали народ глухим, а свободы во Флоренции уже не знали».

Герб Флоренции.

Взбешённый Папа пригрозил наложить на город интердикт (т. е. прекратить во Флоренции все религиозные обряды), если ему не будет выдан Лоренцо. Ситуация обострилась, когда король Неаполя Фердинанд I принял сторону Папы. Вот тогда Лоренцо проявил чудеса дипломатической ловкости: в самый разгар начавшейся войны он отправился к королю и сумел заключить «соглашение о вечной дружбе». С тех пор авторитет и слава Лоренцо были недосягаемы.

Лоренцо по праву называли Великолепным. Его новая вилла походила на королевский дворец; сын Джованни стал в 14 лет кардиналом... Как писал Макиавелли, «то была первая ступень лестницы, по которой род Медичи мог, как впоследствии и случилось, подняться до самого неба». Лоренцо породнился со знатным римским родом Орсини, оказывал покровительство Боттичелли, Верроккьо, Леонардо да Винчи.

В 1490 г. Медичи разрешил проповедовать в Сан-Марко красноречивому доминиканскому монаху Джироламо Савонароле. Савонарола в пла-

Рубенс. Мария Медичи, королева Франции.
1622 г.

менных проповедях обличал «суетность» и «распутство» Лоренцо и его семьи. К нему прислушивались, поскольку все знали, что Лоренцо не отличается особым благочестием, а его друзья открыто занимаются магией и алхимией. Ходили слухи, что на вилле Медичи происходят настоящие оргии, где появляется и сам дьявол в образе чёрного козла. «Покайтесь! — взывал Савонарола. — Покайтесь, чтобы не гореть в аду вместе с вашим Лоренцо!» Приверженцы монаха, прозванные «плаксами», сжигали на кострах картины, книги, музыкальные инструменты. Постепенно не стало весёлых карнавалов, исчезли с улиц яркие платья. Лоренцо был смертельно болен и быстро угасал на вилле в Кореджи. Предание гласит, что на смертном одре он призвал к себе Савонаролу для последней исповеди, а тот потребовал, чтобы Лоренцо вернул Флоренции её свободу. Медичи ничего на это не ответил, и доминиканец не отпустил ему грехи. В апреле 1492 г. 44-летний Лоренцо Великолепный умер. На следующий день Савонарола говорил в проповеди, что он лично видел чертей, уносивших в ад душу этого «грешника из грешников».

Через два года начнутся итальянские войны, и чужеземные войска наводнят Италию. По мнению современника тех событий, если бы Лоренцо был жив, войн удалось бы избежать. С его смертью звезда Медичи во Флоренции на некоторое время закатилась. Его сын Пьеро Несчастный будет изгнан из родного города, где установилась власть Савонаролы. Однако вскоре неистовый монах стал обвинять в грехах самого Папу и был за это повешен. Флорентийцы провозгласили у себя «республику без Медичи», и лишь в 1512 г. сын Пьеро, Лоренцо Младший, вернулся к власти при помощи папских войск.

В 1513 г. Джованни Медичи станет Папой Львом X, который станет известен как покровитель искусств и собиратель древностей. При Льве X папский двор тратил огромные суммы на разного рода увеселения в Риме, которые так любил сам Папа. Из-за этих роскошных празднеств и содержания за папский счёт кардиналов, родственников Папы, художников, среди которых выделялся Рафаэль Санти, писателей, философов, артистов скоро опустела папская казна. Чтобы её пополнить, Лев X стал практиковать продажу кардинальских званий и индульгенций (отпущений грехов). Именно против продажи индульгенций выдвинул свои тезисы Мартин Лютер, осуждённый Папой в 1520 г. (см. ст. «Реформация в Европе»).

Дни славы Флоренции и Медичи были позади. Деньги семьи оказались растрачены, художники и поэты покинули пришедший в упадок город, перебравшись в Рим и Венецию. Однако Медичи ещё сохраняли влияние. В 1523 г. другой Медичи, Джулио, был избран на папский престол под именем Климента VII. Во время его правления Рим оказался в руках германского императора Карла V (см. ст. «Карл V и Филипп II Габсбурги). При Клименте произошёл разрыв Англиканской Церкви с папством.

Две представительницы рода Медичи, Екатерина и Мария, стали королевами Франции. Власть во Флоренции тем временем захватил отпрыск боковой ветви Медичи — Козимо Младший, основатель династии Великих тосканских герцогов. В 1569 г. он был коронован в соборе Святого Петра в Риме Папой Пием V, а в 1576 г. герцогский титул за домом Медичи признал и германский император. Потомок Козимо Младшего герцог Фердинандо (1587—1609 гг.) оставил Флоренции знаменитый музей Уффици и морской порт Ливорно.

Последние представители рода Медичи, лентяи и обжоры, почти не занимались делами государства. В 1737 г. умер Джан-Гастоне Медичи, фантастический лежебока, месяцами не встававший с постели. Детей у него не было, и герцогство досталось австрийским Габсбургам. Сестра Джан-Гастоне, Мария, перед смертью совершила благородный поступок — она завещала все дворцы и богатства Медичи городу Флоренции. Ошибки и преступления Медичи забылись, и в памяти потомков с их именами остались связаны лишь прекрасные произведения искусства, созданные в годы могущества этой семьи.

КАРЛ V И ФИЛИПП II ГАБСБУРГИ

XVI век — век великой Испании и её королей. Большую часть столетия правили Карл V и его сын Филипп II. На них сильно повлияла мать Карла V и бабушка Филиппа II Хуана Безумная (1479—1555). Она, как писал один из испанских авторов, «в течение 50 лет была мертва при жизни». Будучи вторым ребёнком в семье королевской четы — Изабеллы и Фердинанда, Хуана в 11 лет стала невестой принца Филиппа Бургундского, сына императора Священной Римской империи Максимилиана I. 21 октября 1496 г. отпраздновали их свадьбу. Страстная влюблённость Хуаны встречала полное безразличие мужа, отнюдь не стремившегося соблюдать верность этому брачному союзу. Через 10 лет ей пришлось хоронить своего 34-летнего мужа. Однако Хуана ни за что не хотела расставаться с ним. Труп провезли по всей Кастилии, и она, словно надеясь на чудо, всё время была с ним рядом, пытаясь вдохнуть в него угасшую жизнь. Несчастная молодая вдова уединилась во дворце Санта-Клара, в городе Тордесильяс, где и провела все оставшиеся годы. Ей постоянно мерещился кот, раздирающий на куски тела её отца и мужа. Оставаясь физически крепкой, она неделями и месяцами не покидала кровать, которая служила ей к тому же и столовой, и туалетом.

Карл V в битве при Мюльбурге. Фрагмент. Прадо. Мадрид. 1548 г.

От брака Хуаны и Филиппа родились шесть детей. Самым знаменитым из них оказался сын Карлос (1500—1558), коронованный в 1516 г. на испанский престол под именем Карла I. В 1519 г. он унаследовал от своего деда Максимилиана корону Священной Римской империи и был провозглашён императором Карлом V. Красивый, атлетически сложенный человек, он получил блестящее воспитание и разностороннее образование, владел немецким, испанским, итальянским, французским и фламандским языками. И здоровье, и знания были крайне необходимы ему — королю Испании и императору Священной Римской империи, чтобы решать сложнейшие задачи того времени.

В целом 20—40-е гг. были очень напряжёнными и весьма успешными для Карла V. Защищая интересы Испании и Священной Римской империи, он провёл ряд триумфальных военных операций в Италии, воевал с Османской империей, пытавшейся закрепиться в Центральной Европе. Всю первую половину XVI в. Испания вела бесконечные войны с Францией, главным образом из-за желания каждой из них присоединить итальянские земли.

Карл V вознамерился создать мировую христианскую державу. В мечтах он уже вершил судьбы всей Европы, распоряжался землями турецкого султана и владел всей Африкой, не говоря об Америке, хозяином большей части которой он действительно был.

В 1494 г. Тордесильясский договор на основании буллы Папы Александра VI разделил Новый Свет между Испанией и Португалией. Наибольшие преимущества получила Испания, но с этим не были согласны государи других крупных европейских стран. «Я не помню того места в завещании Адама, которое лишало бы меня моей доли мирового господства», — остроумно заметил король Франции Франциск I. По существу такую же позицию занимала и Англия, готовая в любой момент поспорить за «свою долю» вновь открытых земель. Новый Свет требовал всё большего внимания не только в военной области. Карл V развернул широкую кампанию по колонизации и экономическому освоению заокеанских владений.

С самого начала императорского правления в Германии он столкнулся с серьёзной проблемой — набирало силу широкое общественное движение против Католической Церкви. В Европе шла ожесточённая борьба между католицизмом и про-

А. Санчес Коэльо.
Филипп II. Частное собрание.

тестантизмом. Если на поле брани Карл V чаще всего выходил победителем, то в войнах католиков и протестантов, развернувшихся на территории Священной Римской империи, ему пришлось испытать горечь поражения. Подписанный в 1555 г. Аугсбургский религиозный мир между германскими протестантскими князьями и Карлом V признал лютеранство официальным вероисповеданием наряду с католицизмом и способствовал усилению власти князей (см. ст. «Реформация», «Религиозные войны»).

Это был тяжёлый удар для Карла V. Император Карл V оставляет политическую деятельность и весь отдаётся религии. Он ежедневно посвящает много времени молитвам, в течение дня слушает несколько месс, вновь и вновь перечитывает Ветхий и Новый завет. В 1554 и 1555 гг. Карл V пытается отречься от королевской и императорской власти, что удаётся осуществить только с третьей попытки. 16 января 1556 г. он уступает испанский трон сыну Филиппу II, а германский — брату Фердинанду. Ещё недавно могущественный монарх уединяется в одном из монастырей Эстремадуры, где остаётся до своей кончины, последовавшей 21 сентября 1558 г.

Филипп II (1527—1598) в отличие от отца был хилым, низкорослым, с узкой, впалой грудью, с робким, как бы извиняющимся взглядом вечно больного человека. Один из испанских авторов, восторженно относившиqся к этому королю, сравнил немощное тело Филиппа II с клеткой, короткой и узкой, в то время как для его духа была мала вся небесная сфера. Филипп II не достиг высот своего отца-полиглота — кроме испанского, он практически не знал других языков, но был знаком с историей и географией, имел склонности к изящным искусствам. И всё-таки, чтобы в течение 30 лет управлять королевством, в состав которого входили Испания, Италия и территории, сегодня называемые странами Бенилюкса, а также Новый Свет, требовались незаурядные достоинства, которыми Филипп II, несомненно, обладал.

Он продолжил политику своего отца, направленную прежде всего на защиту католицизма и сохранение гегемонии Испании в Европе и Америке. Так же как и отцу, ему казалось, что на его долю выпала особая миссия, о которой знают только он сам и Всевышний. Она заключалась в борьбе против любой ереси и в поддержании всеобщего порядка, при котором все другие монархи стали бы вассалами Испании, хотя бы в духовной сфере.

Для этой цели в окрестностях Мадрида был построен великолепный архитектурный ансамбль Эскориал, роскошный дворец-монастырь. Он создавался в период с 1563 по 1584 гг. Эскориал стал

Доспехи Карла V.
Первая половина XVI в. Испания.

резиденцией Филиппа II, где он проводил большую часть времени. Там он основал библиотеку, ставшую одной из лучших в стране. Оттуда руководил всеми правительственными службами, причём исключительно посредством переписки. Известный французский историк Жюль Мишле сравнил испанского короля с привидением, растворившимся в мрачных покоях Эскориала, ставшего для монарха одновременно и дворцом, и монастырём, и могильным склепом, в котором тот был погребён заживо. Однако такое восприятие личности Филиппа II не соответствовало действительности. Он оставался вполне земным человеком — например, четырежды вступал в брак. Среди избранниц его сердца оказались португальская принцесса Мария, королева Англии Мария Тюдор, принцесса Франции Елизавета Валуа, принцесса Священной Римской империи Анна-Мария. Первая и последняя жёны приходились ему племянницами. Мария Тюдор была на 11 лет старше Филиппа II, но страстно любила его.

Среди внешнеполитических акций короля были и удачи, и провалы. К числу первых прежде всего следует отнести присоединение Португалии к Испании. Когда понадобился претендент на португальский престол, происпанские силы в Лиссабоне вспомнили о том, что Филипп II являлся внуком недавно правившего короля Португалии Мануэла. В 1581 г. португальские кортесы (своего рода парламент) провозгласили испанского монарха королём Португалии под именем Филиппа I. Союз Испании и Португалии просуществовал с 1580 по 1640 г. В нём Португалия в целом сохраняла свою независимость, однако во всех конфликтах с другими странами была обязана поддерживать и защищать интересы Испании. На основании этих обязательств Португалия оказалась даже втянутой в войну с Англией, своим традиционным союзником на протяжении многих веков. Последствия войны были трагическими для обоих пиренейских государств, но особенно для Испании. Английские корабли и шторм в проливе Ла-Манш уничтожили половину её военно-морского флота, «Непобедимой армады», окончательно подорвав надежды на морское могущество.

Сложности ожидали Филиппа II и в Нидерландах. В эпоху короля Карла V эта страна становится коммерческим центром Европы, а антверпенский порт — фактически центром мировой торговли; интенсивно развиваются металлургия, добыча угля, текстильное производство; складываются капиталистические отношения. Достижения Нидерландов несопоставимы с состоянием экономики в других частях Испанской империи, где в основном преобладали изжившие себя феодальные производственные отношения. Нидерланды имели политическую автономию и при Карле V не испытывали слишком уж бесцеремонного вмешательства испанского правительства в их внутренние дела. К тому же Карл V, часто бывавший в этой части своей империи, сумел установить хорошие отношения с нидерландской знатью и воспринимался ею не иначе как законный король. В отличие от отца Филипп II оказался затворником: с 1559 г. он ни разу не появлялся в Нидерландах. Это была существенная, но не основная причина обострения отношений между Испанией и Нидерландами. Главной причиной были значительные различия в традициях, обычаях, интересах и культуре людей, населявших эти страны.

1. Граница империи Карла V.
2. Граница Священной Римской империи.

Вступившие на путь экономического процветания Нидерланды покрывали большую часть расходов на непрерывные войны, которые вели Карл V и Филипп II. Возможно, ещё более нестерпимыми, чем налоговый гнёт, были традиционное для метрополии высокомерие по отношению к зависимым от неё территориям, а также проводившаяся обоими королями религиозная политика. Их католический фанатизм встречал активное противодействие в протестантских Нидерландах. Особенно усердствовал Филипп II: он разрешил обосноваться в Нидерландах ордену иезуитов, хотя короля и предупреждали, что это будет враждебно встречено местным населением. Король усилил борьбу не только с протестантами, но и с чиновниками, недостаточно решительно пресекавшими распространение «ереси». Было приказано конфисковывать имущество всех, кто эмигрировал по религиозным причинам, строго следить за странствующими певцами и актёрами, призывавшими к неповиновению, и, наконец, тайно казнить осуждённых. Если в Испании инквизиция делала ставку на публичное сожжение еретиков, то в Нидерландах было всё наоборот. Как было сказано в королевском указе, местные еретики «считают делом чести подвергаться публичной казни, так как благодаря своему упорству им ещё лучше удаётся привлечь людей к своим проклятым сектам и лжеучениям».

Вскоре нидерландская действительность выдвинула и лидеров, способных возглавить борьбу за независимость. Среди них первым был Вильгельм Оранский (1533—1584), очень богатый и влиятельный человек. Занимая высокое положение в обществе, он был прост и любезен, обладал обширными познаниями, владел семью европейскими языками и, имея прозвище «Молчаливый», славился красноречием.

В 1566 г. восстание охватило 12 из 17 провинций Нидерландов. На первом этапе революции основные требования восставших были направлены против Католической Церкви. Власти всех мятежных провинций запретили деятельность инквизиции. Вскоре Филипп II прислал в Нидерланды отборное испанское войско под командованием герцога Альбы, заметного персонажа европейской истории той эпохи. В годы нидерландской кампании ему было уже 59 лет. В прошлом остались десятки сражений против французов за величие Испании и короля Карла V. Этот человек, гордый своим знатным происхождением и считавший пороками откровенность и сердечность, признавал действенным только один способ управления — силу.

Ответом нидерландцев на террор и грубый произвол Альбы стало повсеместное усиление борьбы. В апреле 1572 г. восстали все северные провинции. Через семь лет они подписали Утрехтскую унию, ставившую главной целью войну против Испании до полной победы, которую и одержали в 1581 г. Они образовали независимое государство — Республику Соединённых Провинций Нидерландов, или Голландию (по названию наиболее сильной провинции). Это государство было признано Испанией в 1609 г. Южные провинции, территория современной Бельгии, добились независимости лишь в 1830 г.

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ. ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Власть всегда порождает соперничество. Средние века прошли под знаком нескончаемых поединков между баронами, герцогами, королями и императорами. И нередко бывало, что отправной точкой такого противоборства становились не земли — они приложатся, а сама власть, право главенства в сложной иерархической системе общества. Борьба разных королевских родов за трон с помощью оружия, коварства, подкупа и предательства — это династические войны. Трудно назвать страну, которую миновало бы такое несчастье. Нередко династические распри были лишь поводом, а истинной причиной являлись глубокие противоречия между различными социальными слоями, интересы которых выражала та или иная благородная фамилия. Так случилось в Византии в конце XII в., когда на престоле оказался малолетний Алексей II, а регентшей стала враждебная интересам страны Мария Антиохийская. В связи с непопулярностью регентши возникли смуты, воспользовавшись которыми, к власти пришёл представитель боковой ветви правящего дома Комнинов — Андроник. Обиженные вельможи призвали норманнов, которые свергли Андроника и посадили на престол Исаака II Ангела. Его в свою очередь лишил престола собственный брат (византийцы вообще славились своим коварством). Но эта распря не вылилась в противоборство армий враждующих сторон, как в других государствах. Например, на Руси в 1425—1450 гг. оспаривали в битвах право на великокняжеский престол у Василия II его дядя, Юрий Дмитриевич, а потом его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка.

За династическим поводом иногда скрывалось давнее соперничество не социальных слоёв, а целых государств. Такой была Столетняя война. Причины её крылись в противоречиях между двумя странами, а повод был сугубо династический — претензии английского короля Эдуарда III, внука французского короля Филиппа IV Красивого, на французский трон.

Но самой известной из династических распрей стала, может быть благодаря своему романтическому названию, война Алой и Белой розы, разразившаяся в XV в. в Англии. Смуты и усобицы, предшествовавшие ей, начались ещё раньше, в конце XIV в. Разоряющиеся лорды старались поддержать уходящее могущество с помощью оружия. Они собирали вооружённые отряды (в сущности настоящие банды) из родственников, вассалов и наёмников и принимались терроризировать своих слабых соседей, грабить на дорогах. Найти управу на могущественных сеньоров было практически невозможно. Им ничего не стоило не только затеять драку во время судебного разбирательства над каким-нибудь из «соратников», но и привести вооружённую дубинами свиту в парламент. Так поступали и бароны, и имеющие виды на трон принцы крови, которых охотно поддерживали знатные разбойники, рассчитывавшие извлечь выгоду из смены правителя.

Силой утвердилась в 1399 г. на английском троне династия Ланкастеров: сын герцога Джона Ланкастерского отнял престол у своего двоюродного брата Ричарда II Плантагенета и стал королём Генрихом IV Ланкастером. Впрочем, править спокойно ему не удалось: король так и не смог обуздать баронов, не прекращавших смуты всё его царствование. Измученный тяжёлой болезнью — проказой, Генрих IV умер в 1413 г. Генрих V — молодой, талантливый, удачливый — за своё не слишком долгое правление успел принять участие в Столетней войне, разбить французов в битве при Азенкуре и заключить мир, по которому король Англии фактически становился наследником французского престола. Но вот вырастить своего наследника Генрих V так и не успел. Когда он умер от случайно подхваченной лихорадки, его сыну было всего 10 месяцев. Генрих VI рос среди непрерывных ссор боровшихся за власть и влияние родственников и опекунов. Правление короля-ребёнка, равно как и короля, не успевшего обзавестись прямым наследником, — благодатное время для тех, кто желал бы сам сделаться наследником. При Генрихе VI стал претендовать на престол герцог Ричард Йоркский (внук Эдмунда Йорка, родного дяди Генриха IV), хозяин огромных владений, решительный и властный магнат, имевший огромное число сторонников. Ричарда Йорка не без основания побаивались и старались держать подальше от королевского двора. Однако сделать это было непросто. Генрих VI вырос безвольным и болезненным, делами заправлял фаворит его жены, энергичной Маргариты Анжуйской.

В 1450 г., воспользовавшись волнениями в стране, Ричард Йорк самовольно оставил пост вице-короля Ирландии, вернулся в Англию и начал демонстрацию силы, умудряясь, однако, при этом выказывать верноподданнические чувства Генриху VI. Главный удар герцог и его сторонники направили против герцога Сомерсета, пользовавшегося неограниченной властью при королевской чете. На его изгнании настаивала поддерживавшая Йорка палата общин, но Генрих VI проявил завидную твёрдость. Тогда в 1451 г. один из депутатов парламента прямо внёс предложение о провозглашении Ричарда Йорка наследником престола (детей у короля долго не было). В ответ Генрих VI распустил парламент и заключил дерзкого депутата в Тауэр. С этого момента началось открытое противостояние Йорков, в гербе которых была изображена белая роза, и Ланкастеров, в гербе которых была алая роза, — война Алой и Белой розы. Соперничество это вылилось в кровопролитную бойню, которая продолжалась 30 лет.

В августе 1453 г. Генрих VI в результате сильного испуга повредился в рассудке. Воспользовавшись этим, Ричард Йорк добился для себя важнейшей должности — протектора государства. Но к Генриху VI вернулся рассудок, и позиция герцога пошатнулась. Не желая расставаться с властью, Ричард Йорк собрал вооружённые отряды своих приверженцев. Он решил, что гибель на поле боя лучше смерти на эшафоте. В 1455 г. в городке Сент-Олбанс на узеньких улочках произошло сражение между войсками герцога и короля. Исход схватки решил молодой сторонник Йорка граф Уорик, который, прорвавшись со своими людьми через заборы и огороды, ударил с тыла по королевским войскам. Через полчаса всё было кончено. Многие Ланкастеры — сторонники короля, в том числе и герцог Сомерсет, погибли. Сам король оказался в руках Ричарда Йорка. Родственники погибших сеньоров жаждали мести. После первого сражения в войне Алой и Белой розы у каждой стороны чётко обозначились сторонники: Йорков поддерживали более развитые юго-восточные районы Англии, т. е. лондонские купцы и другие состоятельные горожане — те, кто был заинтересован в установлении сильной королевской власти. За Ланкастеров стояли независимые феодалы Северной Англии. Впрочем, соображения сиюминутной личной выгоды, страх мести и жажда наживы породили в ходе этой войны множество предателей и перебежчиков.

Генриха VI после поражения в Сент-Олбансе снова охватило безумие, и борьбу с Ричардом Йорком возглавила королева Маргарита. В конце 1460 г. ей удалось взять реванш — в жестокой битве перед воротами своего замка Уэйкфильд Ричард Йорк погиб. Вместе с ним погибли его сын, которому было 17 лет, и многие преданные герцогу бароны. С оставшимися в живых королева расправлялась с неженской жестокостью. Голова погибшего Йорка, увенчанная короной из позолоченной бумаги, была выставлена над воротами города Йорк в назидание возможным претендентам на престол. О трагедии при Уэйкфильде вскоре узнали старший сын погибшего герцога Йоркского граф Эдуард Марч и Уорик, некогда отличившийся в уличной схватке, а теперь вождь йоркистов, талантливый полководец, оратор и дипломат. Они поспешили в Лондон, жители которого были в панике от известия о приближе-

нии армии королевы Маргариты: её солдаты нещадно грабили попадающиеся на пути города. Армия йоркистов была встречена с радостью. Здесь Уорик удачно поднял вопрос о правах Эдуарда Марча на престол. Лондонцы согласились объявить его королём Эдуардом IV. 4 марта 1461 г. депутация лордов и знатных горожан, а также солдаты просили графа Марча принять корону. Но торжественная коронация 19-летнего короля состоялась только после того, как он, разгромив в очередной битве войска ланкастерцев, занял Йорк, жестоко отомстил за отца, выгнал королеву Маргариту и находящегося с ней Генриха VI в Шотландию и подчинил себе север страны.

Царствование Эдуарда IV длилось 22 года (1461—1483 гг.). Сначала молодой король, взвалив всю тяжесть власти на верного Уорика (прозванного Делателем Королей), проводил время в пирах и турнирах. Но вскоре царственный повеса превратился в умного деятельного правителя. Однако у него возникли серьёзные разногласия с Уориком по поводу отношений с Францией: Уорик выступал за союз с королём Людовиком XI, а Эдуард — с его соперником Карлом Бургундским. Разногласия закончились полным разрывом между королём и Делателем Королей. Уорик возглавил мятеж против Эдуарда. Войско короля было разбито, сам он стал пленником Уорика. Эдуард не скупился на обещания, чтобы вернуть себе свободу, и Уорик вскоре отпустил своего пленника. Но король вовсе не собирался выполнять свои обещания, и борьба между ним и его бывшим сподвижником разгорелась с новой силой. Постепенно Уорик всё больше сближался с ланкастерцами, даже заключил договор с королевой Маргаритой. В 1470 г. он решил создать, а вернее воссоздать, своего очередного короля. Генрих VI, безумный, немощный, незадолго до этого в беспамятстве бродивший по дорогам Англии с нищенствующими монахами, заключённый затем в Тауэр, был освобождён Уориком и провозглашён королём. Полгода Уорик снова мог править самовластно. Однако весной 1471 г. Эдуард IV в сражении у города Барнета разгромил войска мятежного графа. Уорик был убит. Несчастный Генрих VI тоже вскоре умер (или короля умертвили, так как смерть его наступила удивительно вовремя). У Ланкастеров не осталось ни одного претендента, который мог бы занять престол. Уцелел только дальний родственник ланкастерского дома Генрих Тюдор, граф Ричмонд, укрывшийся во Франции. Однако кровавые усобицы на этом не прекратились.

Эдуард IV правил ещё 12 лет. К концу правления он сделался болезненным, вялым, обрюзгшим человеком, хотя вовсе не был стар. По мере того как ослабевала воля короля, возрастала роль, которую играл при нём его младший брат Ричард, герцог Глостер. Во всех мятежах и смутах он оставался верен Эдуарду. Ричард был талантливым администратором, способным полководцем. Природа обделила его красивой внешностью, но этот недостаток компенсировался волей и живым умом. От рождения он был кособокий. Ричард изнурительными физическими упражнениями добился того, что этот изъян стал почти незаметен. Эдуард IV умер неожиданно в 1483 г. Наследовать ему должен был 12-летний сын, также Эдуард. Королю-мальчику требовался регент. Родственников королевы Елизаветы, вдовы Эдуарда IV, многочисленных и жадных, не любили в равной степени и лорды, и горожане. Арестовав родственников королевы, герцог Ричард Глостер объявил насмерть перепуганному маленькому королю Эдуарду V, что теперь он будет его опекуном. Это был настоящий государственный переворот. Эдуард V и его младший брат Ричард оказались в Тауэре. Вскоре после этого Ричард Глостер инсценировал своё «призвание на трон» и был коронован 6 июля 1483 г. под именем короля Ричарда III.

Правление Ричарда III продлилось недолго. Уже в 1483 г. началась новая волна мятежей, затеянных уцелевшими сторонниками Ланкастеров. Укрывавшийся во Франции Генрих Тюдор предпринял попытку вторжения в Англию, но вынужден был бежать. Предчувствуя, что этим дело не кончится, Ричард начал готовиться к новым выступлениям. Он собирал войска, копил средства. Генрих Тюдор действительно не заставил себя ждать: 7 августа 1485 г. он высадился в Уэльсе. Армия Ричарда оказалась гораздо меньше, чем он рассчитывал — многие бароны предали его. Противники встретились у Босворта. Здесь Ричарда покинули даже его воины, деморализованные изменой одного из полководцев короля. Ричард III сделал всё, что зависело от его личного мужества. Он отказался бежать, когда ему предложили коня, заявив, что умрёт королём, дрался, пока достало сил, и был зарублен секирой. Здесь же, на поле битвы, Генрих Тюдор был провозглашён королём Англии.

РИЧАРД III ГОРБУН

Ричард III ассоциируется с созданным Шекспиром образом злобного горбатого карлика, всеми ненавидимого и сопровождаемого толпой призраков убитых им людей. Молва приписала ему и убийство собственных племянников, сыновей Эдуарда IV. Вероятно, Ричард приложил руку и к убийству в 1471 г. короля Генриха VI. Но на самом деле он был не более кровожаден, чем любой из правителей того времени. Ричард Глостер, выросший среди кровавых смут, принимал в них непосредственное участие наравне с другими героями Войны роз. Он был воин, ему не раз приходилось убивать в сражениях собственноручно — и поэтому на кровь он мог смотреть вполне равнодушно. Ричард III был человеком своего времени и королём своего времени. И не самым плохим королём. Его реформы — запрещение насильственных поборов, упорядочение судопроизводства, охрана интересов английского купечества — были популярны в стране. Недаром именно «кровожадный злодей» Ричард III считался у англичан чуть ли не единственным королём, который ставил интересы государства выше собственных.

Война Алой и Белой розы завершилась. За 30 лет она унесла почти четверть населения Англии, 80 сеньоров королевской крови, огромное количество феодальных родов. Знать, ведущая свою родословную от некогда покоривших Англию норманнов, была истреблена полностью. На смену ей пришли новые дворяне. Генрих Тюдор, короновавшийся под именем Генриха VII, основал новую династию. Алая и Белая розы — Ланкастеры и Йорки — обессилели и заглохли. Но два враждовавших цветка были соединены Генрихом VII на одном гербе — гербе Англии Тюдоров.

ЕЛИЗАВЕТА I ТЮДОР

Все замерли на борту пиратского галеона «Золотая лань», когда сама королева Англии Елизавета, сверкая драгоценностями, сопровождаемая пышной свитой, поднялась на палубу. Лицо королевы было непроницаемо и надменно, в руке она держала обнажённую шпагу. Капитан галеона Фрэнсис Дрейк приветствовал государыню низким поклоном. Он был в растерянности. Визит королевы — великая честь, но чем это может обернуться? Дрейк знал, что король Испании Филипп II требовал от английского правительства его казни за лихой налёт на испанские колонии. Значительная часть добычи от этого рейда досталась самой Елизавете. Но много ли значит для великой королевы жизнь одного пирата?

Елизавета приблизилась к капитану. Над палубой нависла напряжённая тишина, только ветер перебирал снасти. Под взглядом королевы отважный пират опустился на колени.

— Фрэнсис Дрейк, я пришла взять твою голову! — голос Елизаветы прозвучал сурово... Сверкнула, взлетая, шпага. Её кончик легко тронул плечо пирата, и в следующий миг оробевший Дрейк был посвящён в рыцари...

Елизавета I Тюдор родилась 7 сентября 1533 г. Она была дочерью короля Генриха VIII и его второй жены Анны Болейн. Через три года королеву Анну казнили, обвинив в измене царственному супругу, а Генрих VIII в гневе отрёкся от Елизаветы. Король так никогда и не признал её наследницей престола. Это сделал английский парламент в 1543 г.

Отвергнутая отцом, маленькая принцесса Елизавета всё-таки не была изгнана из дворца и росла среди придворных. В отличие от своей старшей сестры Марии она не могла похвастаться богатыми нарядами, зато похвалы учителей, которые занимались с королевскими детьми, чаще всего доставались именно ей. Елизавета оказалась способной, сообразительной и очень старательной ученицей. Принцесса писала и говорила по-латыни, читала по-гречески, знала французский, испанский и итальянский языки, играла на лютне и прекрасно танцевала. При этом она держалась скромно, стараясь лишний раз не напоминать о себе Генриху VIII, который словно бы мстил дочери за грех её матери: даже на смертном одре он ещё раз отрёкся от Елизаветы.

Ганс Гольбейн Младший.
Портрет Генриха VIII.
1539—1540 гг.

После смерти неласкового отца-короля жизнь принцессы не стала лучше. Елизавете было только 15 лет, а вокруг неё уже плели опасные интриги. Честолюбивые придворные мечтали воспользоваться неопытностью и молодостью наследницы престола в своих интересах (парламент подтвердил, несмотря на решение Генриха VIII, право Елизаветы наследовать корону Англии вслед за её братом Эдуардом и сестрой Марией). Принцессе с трудом удалось избежать опасных подозрений. Не желая больше подвергаться смертельной угрозе, Елизавета удалилась в своё поместье Хатфильд, где и пережила страшные годы царствования своей сестры Марии, прозванной Кровавой.

После смерти Марии в 1558 г. Елизавета вступила на престол. Страна досталась ей далеко не в

Елизавета в костюме для маски.
Маркус Герардс Младший. 1600 г.

блестящем состоянии, но 25-летняя королева обладала твёрдым и решительным характером, а скромная жизнь в прежние годы сделала её бережливой и расчётливой. Как и подобает правительнице великой страны, Елизавета имела пышный двор, богатые наряды, однако тратила на это лишь треть того, что расходовала её предшественница Мария. Большую часть расходов на дворцовое великолепие новая королева старалась возложить на придворных, разными способами добивавшихся её милости. Кроме того, частенько в целях экономии средств Елизавета со всем своим двором снималась с места и отправлялась в гости к какому-нибудь знатному вельможе, где и жила неделями на хлебах радушного хозяина, который буквально разорялся после таких визитов.

Однако Елизавета умела использовать не только деньги, но и таланты своих подданных. Среди её приближённых были умные политики Сесиль и Уолсингем (последний раскрыл позднее заговор Марии Стюарт); философ Фрэнсис Бэкон; «купец короля», финансовый советник королевы Томас Грешем; моряк, поэт, историк Уолтер Рэли. Благосклонность королевы нередко определялась женской симпатией, поэтому при дворе не переводились щёголи, пытавшиеся добиться внимания властительницы изящными манерами или красивой внешностью. Фаворитов она осыпала милостями. И в то же время деспотичной и скорой на расправу королеве ничего не стоило принародно дать пощёчину провинившемуся любимцу.

К Елизавете Английской сватались русский царь Иван Грозный, испанский король Филипп II и французский принц Франсуа Анжуйский. Всем троим она отказала, не желая ни с кем делить судьбу своей страны, и вошла в историю как «королева-девица».

ПРИБЛИЖЁННЫЕ ЕЛИЗАВЕТЫ I АНГЛИЙСКОЙ

Королева Англии умела выделить из своего окружения наиболее умных и способных людей — опору в нелёгком деле управления государством, проводников политики Её Величества на суше и на море, в Англии и за её пределами.

Первым другом и советником, служившим Елизавете ещё в те дни, когда она принцессой уединённо жила в поместье Хатфильд, стал выдающийся политик Уильям Сесиль. Это был умный, осторожный и преданный Англии человек. Взойдя на престол, Елизавета сразу назначила Сесиля членом Королевского совета. С этого момента и до самой смерти он играл главную роль в английской политике. Королева говорила, что Сесиля «нельзя подкупить никакими дарами, и он всегда останется верен государству», и обращалась к нему как «к своей совести». Способный на компромиссы, сэр Уильям в то же время умел проявить настойчивость даже в том случае, если его совет или предложение были не по нраву Елизавете, но могли послужить на пользу Англии. В знак признания заслуг своего помощника и друга королева даровала ему титул лорда Берли.

Ещё одним верным соратником Елизаветы I был Фрэнсис Уолсингем, член Тайного совета, начальник разведки и контрразведки Англии. Ему принадлежит главная заслуга в раскрытии заговора Марии Стюарт и организации суда над мятежной королевой.

Уолсингем для своего времени был гением шпионажа. Он организовал сложнейшую разветвлённую сеть агентов в Англии и Европе, получая таким образом богатейшую информацию о всех текущих событиях. Яростный противник католицизма, сэр Фрэнсис Уолсингем считался злейшим врагом Испании, и его смерть в 1590 г. немало порадовала Филиппа II. Но, может быть, самой яркой фигурой среди приближённых королевы был Уолтер Рэли. Блестящий придворный, он пользовался особым расположением Елизаветы, но прославился не как фаворит великой королевы.

Рэли соединил в себе талант учёного и поэта с отвагой мореплавателя. Он ненавидел Испанию и большую часть жизни провёл в борьбе с этим злейшим врагом своей родины. Рэли выдвигал планы создания английских колоний в Америке в противовес испанским владениям. Именно ему принадлежит честь основания в Северной Америке первой английской колонии Виргиния, названной так в честь Елизаветы — «королевы-девственницы» (от *англ.* virgin — «дева»). Неутомимый искатель приключений, Рэли совершил экспедицию в Гвиану в поисках легендарной «золотой страны Эльдорадо».

Жизнь сэра Уолтера Рэли завершилась трагически. Испанское правительство «по достоинству» оценило подвиги своего врага: в качестве одного из условий мира с Англией испанцы потребовали казни Уолтера Рэли. Наследник Елизаветы I Тюдор — Яков I Стюарт решил пожертвовать отважным мореплавателем. Рэли окончил свою жизнь на эшафоте в 1618 г.

Елизавета I.
Камея. XVI в.

Мария Стюарт.
Камея.
70-е гг. XVI в.
Италия.

Неизвестный художник.
Мария Стюарт в белом
траурном уборе. 70-е гг. XVI в.

Но так же как Елизавета отвергала одного за другим своих женихов, и её отказались признать законной правительницей подряд три римских Папы (так как Рим не признал законным брак Генриха VIII и Анны Болейн). Они несколько раз объявляли её еретичкой и отлучали от Церкви. Отвергнутая главой Католической Церкви, Елизавета прекрасно понимала, что быть полновластной государыней в своей стране она сможет только в том случае, если будет протестанткой, как большинство англичан, и если станет править в интересах протестантов. Первое, что сделала королева, вступив на престол, — провозгласила государственной Англиканскую Церковь (английская Протестантская Церковь независима от Рима; глава Церкви — король Англии). Католицизм — религия большинства европейских государств — в Англии превратился в гонимую старую веру и в то же время стал удобным прикрытием для агрессивных планов внешних врагов. Главным из них был испанский король Филипп II. В своё время он был женат на Марии Кровавой — ярой католичке, сестре и предшественнице Елизаветы — и являлся принцем-консортом Англии (муж королевы, но не король). После смерти Марии и отказа Елизаветы выйти за него замуж Филипп лишился всякого права на британский трон, но не потерял надежду покорить Англию. Стремясь к осуществлению своих планов, король Испании вместе с Папой римским попытался организовать всеобщую войну католических государей Европы с королевой-еретичкой. Желая посеять беспорядки внутри самой Англии, они поддержали претендовавшую на английский престол шотландскую королеву Марию Стюарт — послушную католичку.

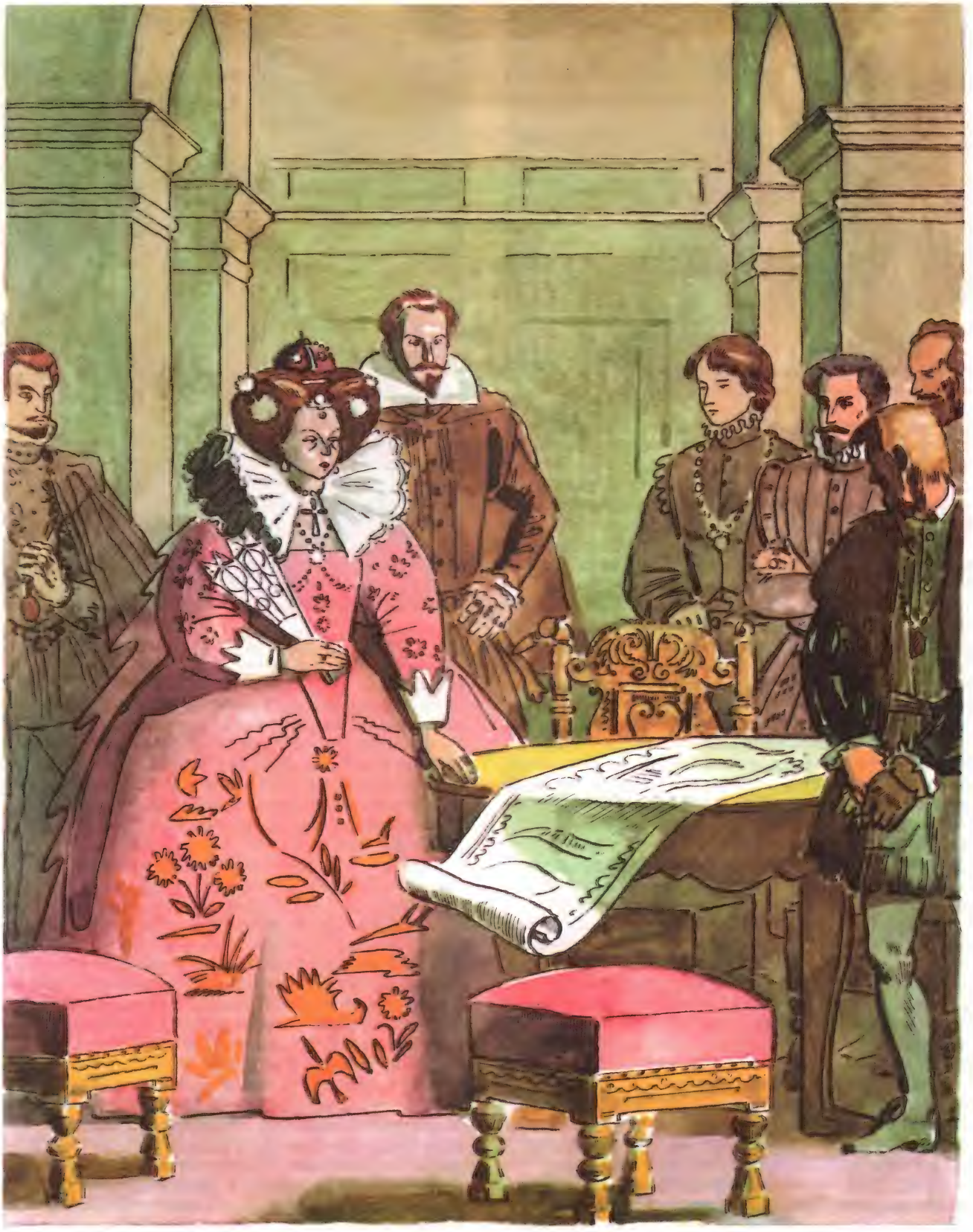
Появление Марии Стюарт в Англии было очень опасно для Елизаветы — шотландская королева предъявляла свои претензии уже давно, и у неё нашлись сторонники в стране. Понятно, что королева Елизавета приложила все старания к тому, чтобы обезвредить соперницу. Мария вскоре стала пленницей Елизаветы, но и в плену оставалась центром заговоров, чинимых врагами королевы Англии. Правда, не дремали и верные слуги короны. Всё раскрылось. Марию, «обычно называемую королевой шотландской» (так писали в судебных документах), отдали в руки английского правосудия. За участие в заговоре с целью убийства Елизаветы I её приговорили к смертной казни и обезглавили 8 февраля 1587 г. в замке Фотерингей.

Вся Англия ликовала, узнав об этом. Сама же Елизавета не участвовала в общем торжестве и облачилась в траур по Марии Стюарт. Даже для такой твёрдой и решительной властительницы, как Елизавета, казнь королевы Шотландии была слишком смелым шагом. Впервые особу королевской крови судили, приговорили к смерти и казнили за государственное преступление. Так поступали с простолюдинами, дворянами, герцогами, в конце концов, но не с королями! Кровь королей считалась священной. Елизавета и сама была в этом твёрдо уверена, но, выбирая между кровью шотландской королевы и спокойствием и могуществом Англии, она выбрала Англию. Казнь Марии Стюарт показала, что короли отвечают за свои деяния, и избавила протестантскую страну от 30-летней угрозы насильственного возвращения католицизма.

Казнь Марии Стюарт стала вызовом всей католической Европе. Филипп II в бешенстве провозгласил себя претендентом на английский престол и начал готовить вторжение в Англию.

На самом деле эта война шла давно. Английские пираты нещадно грабили гружённые золотом корабли, идущие из Нового Света в Испанию. Елизавета сама покровительствовала морским разбойникам и потому почти не реагировала на бесконечные протесты испанского посла. Королева имела в деле морских грабежей свой интерес: вместе с приближёнными она вкладывала немалые деньги в пиратские экспедиции за золотом короля Филиппа II и получала от этого сказочные

Елизавета Тюдор.



Елизавета и Слава.
Книжная миниатюра XVI в.
Жёлтый цвет (золото) символизирует небесную благодать, ниспосланную английской короне.

прибыли. Естественно, что пополнявших королевскую казну корсаров Елизавета отнюдь не наказывала, а, наоборот, осыпала всяческими милостями: Хоукинса и Дрейка сделала дворянами, а последнего, кроме того, назначила вице-адмиралом флота.

Чтобы положить конец пиратским нападениям, в 1588 г. Филипп II снарядил для захвата Англии огромный флот — «Непобедимую армаду».

Елизавета знала, что к серьёзной войне Англия не готова. Королевский флот состоял всего из 34 кораблей, а сильной сухопутной армии в стране вообще не было. Но речь шла о независимости родины. Видя угрозу, всё население Англии сплотилось вокруг своей королевы. Купцы и дворяне снарядили и прислали корабли. Самые прославленные пираты приняли командование на флоте. Горожане шли в ополчение, создавали отряды добровольцев, готовых отразить высадку испанского десанта. Но, конечно, они едва ли могли противостоять закалённым в боях солдатам Филиппа II. Стремясь ободрить свои войска, Елизавета верхом (а ей было 55 лет) объезжала их ряды, говоря: «Я прихожу к вам, решившись в разгар битвы жить или умереть с вами».

Но высадка испанцев не состоялась. 28 июля 1588 г. «Непобедимая армада» была «разбита и развеяна по всем румбам», по выражению Дрейка, английскими моряками и корсарами. С этого времени Англия поднялась до положения великой морской державы — владычицы морей.

Победа в борьбе с внешним врагом принесла Елизавете огромную славу. О ней говорили как о спасительнице страны, «доброй королеве Лизи» (так её называли лондонцы), королеве корсаров и купцов.

Елизавета покровительствовала торговле, и английские купцы теперь, после победы над испанцами, уже без опасений отправлялись во все концы света: в Турцию, Африку, Россию, к берегам Америки, не говоря уже о соседних европейских странах. Королева и её придворные нередко вкладывали деньги в торговые предприятия и, как и от пиратских экспедиций, имели от этого свой доход. При Елизавете с её поощрения возникли самые мощные торговые компании, например Ост-Индская, купцы которой положили начало созданию огромной Британской колониальной империи.

Неизвестный художник.
Королева Елизавета, Время и Смерть.
1600 г.

Однако гораздо реже принято вспоминать о том, что «добрая королева» умела быть скупой и неблагодарной. Она любила только удачливых: одно провалившееся предприятие — и даже такие видные и прославленные деятели, как Дрейк или Рэли, попадали в немилость. Ещё хуже приходилось тем, кто не был приближён к трону, богат или знатен. Моряков, победителей «Непобедимой армады», уволили с кораблей, ничего им не заплатив или заплатив только часть жалованья. Те, кто был изранен и покалечен, вообще не получили ни пенни и были вынуждены умирать от голода или нищенствовать. Однако закон, изданный Елизаветой, предписывал нищих бить плетьми и клеймить. Пополняя казну, королева думала о своих подданных так же мало, как и остальные монархи того времени, хотя и утверждала, что «тратит все силы, чтобы обеспечить доброжелательность англичан».

Конец царствования Елизаветы был трудным. Королева говорила о себе: «У меня тело слабой и больной женщины, но у меня сердце короля, и к тому же — короля Англии». В последнее десятилетие своего правления «королева с сердцем короля» превратилась в усталую старую женщину. Она пережила многих близких ей людей. Из тех, кого она любила, двое умерли, а один — граф Эссекс — был отправлен на эшафот по обвинению в государственной измене. Казна, как ни старалась Елизавета, была почти пуста. Парламент стал проявлять недовольство тем, что королева покровительствует отдельным купцам или компаниям в ущерб другим. И лондонцы — а некоторые из них были выброшены на улицу по Закону о жильцах (домохозяевам запрещалось сдавать внаём помещения и принимать жильцов), не встречали больше свою королеву ликованием.

Елизавета стала замкнутой и подозрительной. Она панически боялась заговоров и убийц и ходила теперь только с обнажённой шпагой. Поговаривали, что королева сошла с ума.

Елизавета I Тюдор умерла 24 марта 1603 г., прожив 70 лет. С ней прекратилась династия Тюдоров, правившая Англией почти 120 лет. С неё началась Великобритания — одна из могущественнейших держав, Англия Нового времени, владычица морей, хозяйка почти половины мира.

ГУМАНИСТЫ

Иногда началом новой эпохи в культуре, в духовной жизни людей может стать событие на первый взгляд глубоко личное. Так произошло весной 1283 г. с флорентийцем Данте Алигьери, когда он, 18-летний, повстречал даму своего сердца — Беатриче Портинари — и посвятил ей стихи. Прошло несколько лет, и Беатриче умерла. А ещё через некоторое время Данте написал книгу «Новая жизнь», в которую включил сонеты и канцоны, обращённые к Беатриче, и рассказ о своей любви, о том, что он пережил после смерти возлюбленной.

«В этом разделе книги моей памяти, до которого лишь немногое заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: incipit vita nova» (с *лат.* — «началась новая жизнь»).

Это была действительно новая внутренняя жизнь, не похожая на представления средневекового человека о ничтожности всего земного перед волей Бога. Ещё когда Данте впервые в 9 лет мимолётно увидел Беатриче, ему будто послышался голос некоего духа: «Вот пришёл бог сильнее меня, дабы повелевать мною». Предмет преклонения — земная любовь:

Узрев небесное, благоговеет,
Как перед чудом, этот мир земной.

Это новое мировоззрение не случайно возникло в Италии. Развитая городская культура, свободы в купеческих республиках способствовали пониманию ценности человеческой жизни, красоты окружающего мира. И языком этой культуры была уже не мёртвая латынь, а живой язык — итальянский. «Латинский комментарий, — написал Данте в трактате “Пир”, — был бы благом лишь для немногих, народный же окажет услугу поистине многим». Обиходный язык он уподобил хлебу из ячменя, а не из дорогой пшеницы.

(О самом известном произведении Данте — «Божественной комедии», где он, впрочем, ещё отдал дань прежней культуре, путешествуя по загробным мирам, но с древнеримским поэтом Вергилием, а затем с Беатриче, можно прочитать в томе «Энциклопедии», посвящённом художественной литературе.)

Прошло полвека, и другой великий уроженец Тосканы, поэт Франческо Петрарка, в трактате «О средствах против всякой фортуны» написал: «Истинно благородный человек не рождается с великой душой, но сам себя делает таковым великолепными своими делами». Человек был им осознан как хозяин своей судьбы: «Ты будешь тем знатнее, чем более низкородны и гадки твои родители, если ты окажешься добродетельным. Всё благородство будет твоим, и ты станешь предком благородного потомства». Такой взгляд на жизнь отвергал почтение к феодальной знати лишь ввиду её «благородного» происхождения.

Петрарка, бывший также видным политическим деятелем Италии, выступил с критикой папского Рима:

Источник гордости, обитель гнева,
Хранитель ереси, рассадник злых препон,
Когда-то Рим, а ныне — Вавилон...

Начиная с Петрарки, в Италии уже отчётливо сложилось явление, названное впоследствии гуманизмом (от *лат.* humanus — «человеческий»). Ученики поэта ввели это слово, взяв его из трудов древних авторов. Уже с Петрарки, страстного любителя античной истории, началось изучение наследия Рима, а через него — Греции, в котором видное место занимало мировоззрение, свободное от отрешённости и аскетизма. Гуманистам были близки Платон, Аристотель, Софокл, Эврипид, Вергилий, Овидий, уделявшие внимание живому человеку во всём его многообразии. Начались и археологические поиски, и собирание предметов древнего искусства — ведь в Италии они были на каждом шагу.

К XV в. (по-итальянски Кватроченто) гуманизм пронизывает уже всю передовую итальянскую

Доменико ди Микелино. Данте и три Царства.
Деталь. 1465 г. Флоренция.

культуру. Канцлер Флорентийской республики Леонардо Бруни пишет «Историю Флорентийского народа», опираясь на архивные источники (по примеру античного историка Полибия). Художник Мазаччо, скульптор Донателло создают реалистический портрет человека. Меняется облик городов. В них, прежде всего во Флоренции, появляются нарядные здания с широкими окнами, колоннадами, высокими башнями, а на театральных подмостках идут пьесы самого Лоренцо Великолепного, покровителя искусств, поклонника античной гармонии. Делаются первые попытки обучать по-новому подрастающее поколение, обучать так, чтобы знания не были для школяров грузом «учёного хлама», не связанного с жизнью. Витторино де Фельтре основал Школу радости, совершенно не похожую на душную учебную келью с обычной зубрёжкой. Его ученики занимались на природе, постигали различные ремёсла, проводили время в беседах с учителями, укрепляли тело физическими упражнениями. Всё это, правда, было уделом лишь избранных.

Пико делла Мирандола и другие специалисты-филологи стали критически относиться к Библии и другим христианским сказаниям, изучая их как отражение своего времени и находя в них много противоречий.

Идеалы раннего гуманизма были тесно связаны с развивавшимся предпринимательством, накоплением состояний, зарождением буржуазии, стремлением к освоению новых торговых путей, открытию новых горизонтов. Казалось бы, сама эпоха тяготела к прославлению радостей жизни и всевозможных удовольствий.

Вершиной новой культуры в Италии по праву можно считать конец XV — начало XVI в., в это время жили Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонаротти. Леонардо да Винчи известен прежде всего как художник, но он был одним из самых разносторонних гениев в истории человечества. Автор его первой биографии Джорджо Вазари писал: «Дарование его было так велико, что в любых трудных предметах, к которым обращалась его пытливость, он легко и совершенно находил решения; силы в нём было много, и соединялась она с лёгкостью; его помыслы и поведение были всегда царственны и великодушны... И хотя он больше влиял на умы словами, чем деяниями, вследствие великих качеств, которыми он был чудесным образом одарён, слава об имени его никогда не исчезнет». Леонардо оставил литературные сочинения, множество трудов и набросков в различных областях знания и предвосхитил открытия наук последующих столетий. Он разработал проекты летательных аппаратов, различных двигателей, оптических приборов. Современники считали это фантазией — однако Леонардо заглянул в XX столетие. «Опыт никогда не ошибается, — замечал он, — ошибочными бывают только наши суждения, заставляющие нас ждать от опыта таких явлений, которых он не содержит». И свои великие живописные и скульптурные творения мастер создавал, используя законы анатомии, света и тени, в соответствии со своим исследовательским методом.

Однако XVI в. стал для Италии тяжёлым временем: раздробленность страны привела к вторжению французских и испанских войск, а потеря торговых путей на Восток — к упадку экономики, науки и культуры. Поэтому многие учёные, инженеры, техники, архитекторы, художники всё чаще отправлялись в другие страны. Леонардо да Винчи принял предложение французского государя Франциска I и переехал во Францию, где и провёл последние годы жизни. Он умер в королевском замке близ Амбуаза. Выходцы из Италии сделали немало для распространения в Европе гуманистической культуры.

С конца XV в. новая культура начинает развиваться и в других европейских странах — Германии, Франции, Англии, Нидерландах, Испании, где к тому времени также происходит ломка традиционного мировоззрения — развиваются техника, торговля, складываются связи с внешним миром. Повсюду создаются университеты — средоточие научных знаний, а изобретение книгопечатания сделало главным источником этих знаний книгу. В каждой стране идеи гуманизма попадали на почву активной общественной борьбы, прежде всего против господства Католической Церкви. Многие гуманисты выступали против феодальных порядков и их носителей — старой наследственной знати, дворянства, чиновников. Немецкий поэт Себастьян Брант посадил в своей книге стихотворных сатир всё современное ему

косное и порочное феодальное общество на «Корабль дураков» (1494 г.). А выходец из Нидерландов Эразм Роттердамский опубликовал в 1509 г. сатиру «Похвала Глупости». Глупость идёт по миру в сопровождении своих спутников — Самолюбия, Лести, Лени, Наслаждения, Безумия, Чревоугодия, Разгула и Непробудного Сна. «При помощи этих верных союзников, — говорит Глупость, — я подчиняю своей власти весь род людской, отдаю приказы и самим императорам». Лучшими подданными этой царицы являются князья, кичащиеся знатностью, жадные священнослужители, капризные придворные.

Во Франции новая эпоха в развитии культуры получила название Ренессанс (Renaissance) — Возрождение, т. е. возрождение традиций древности.

Всюду Возрождение способствовало развитию национального самосознания, формированию национальных литературных языков.

Я, древних изучив, открыл свою дорогу,
Порядок фразам дал, разнообразье слогу,
Я строй поэзии нашёл — и волей муз,
Как Римлянин и Грек, великим стал Француз.

Так писал французский поэт XVI столетия Пьер де Ронсар.

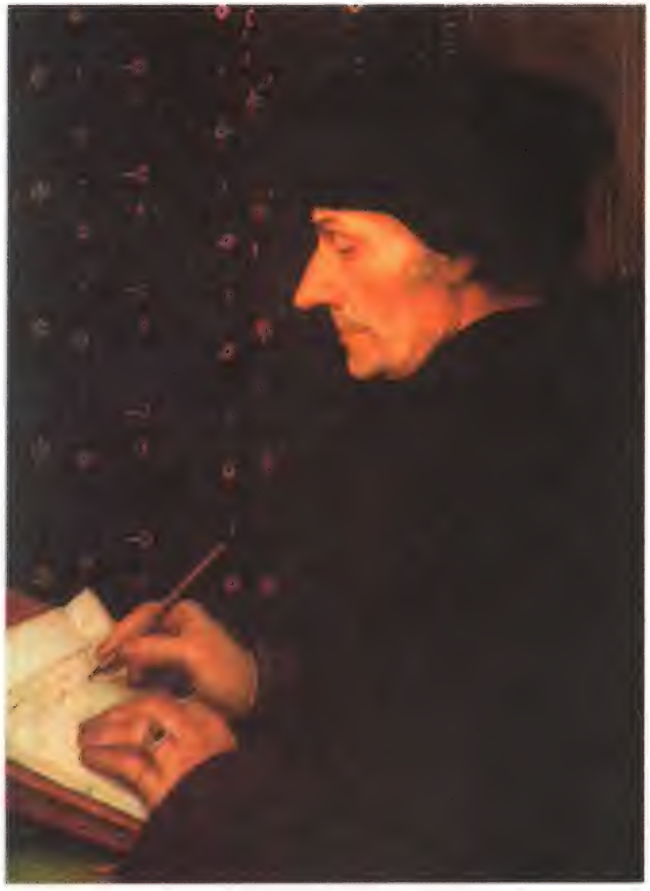
Принципы нового гуманистического воспитания, мечту о гармоничном человеке выразил во Франции медик и писатель Франсуа Рабле в своём знаменитом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль». В нём описана Телемская обитель, куда нет доступа «лицемерам, ханжам и святошам, чванным пустословам». В этом аббатстве воздвигнут прекрасный дворец и разбит парк для прогулок, гимнастические площадки и зверинец. Все обитатели аббатства — добровольно пришедшие туда люди — умеют писать стихи, играть на всевозможных музыкальных инструментах, говорить на пяти-шести языках. Там «льётся песня от полноты души». Правда, эту обитель приходится обслуживать, а телемиты не утруждают себя физическим трудом.

Другой гуманист начала XVI в., англичанин Томас Мор, выпустил «Золотую книгу... о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» («утопия» по-гречески — «место, которого нет»), в ней некий моряк рассказывает о далёком острове где-то в Атлантике — подобные рассказы были весьма популярны в период Великих географических открытий. Жизнь на воображаемом острове основана на принципах равенства между людьми. Все они занимаются земледелием и ремеслом и могут осваивать науки, для чего их временно освобождают от физического труда. Утопийцы (жители Утопии) не пользуются деньгами и сообща владеют всем имуществом.

Иначе представлял себе идеальное общество другой английский гуманист, Фрэнсис Бэкон. В его «Новой Атлантиде» всеобщее благоденствие достигается благодаря развитию частной собственности и предпринимательства.

Некоторые гуманисты пытались обосновать принципы переустройства современного им общества. Польский публицист Анджей Фрыч Моджевский написал трактат «Об исправлении Речи Посполитой», в котором высказывался за прекращение феодальных распрей, наделение крестьян землёй, равные права для всего польского населения.

Многие гуманисты отвергали догматы Католической Церкви, выступали за ограничение её влияния. Однако, когда в Германии и других странах началась Реформация, ряд мыслителей, в том числе и Эразм Роттердамский, не поддержали её. Почему так произошло? Реформация стала проводиться так, чтобы приспособить Церковь к укладу жизни нарождавшейся буржуазии и «нового дворянства». Её идеологи вновь навязывали людям собственное религиозное учение и вскоре стали преследовать его противников, как и католики. А гуманизм выступал за свободу мировоззрения. Некоторые деятели культуры Возрождения вообще отрицали сотворение мира Богом, его троичность и, если не совсем



Ганс Гольбейн Младший.
Портрет Эразма Роттердамского.

отрицали сверхъестественные начала в мире, то считали, что божественна сама природа. Так, учёный и борец за науку Джордано Бруно учил, что в основе мира лежит саморазвивающаяся материя — «мировая душа», творящая всё новые и новые формы. Развивая учение Коперника о Солнечной системе, Бруно утверждал, что Вселенная многообразна, а потому в Космосе есть другие звёздные системы и обитаемые миры, как Земля, «если не так и не лучше, то во всяком случае не меньше и не хуже». Человек выделяется из природы присущей ему способностью к познанию. «Умственная сила никогда не остановится на познанной истине, но всегда будет идти вперёд и дальше, к истине непознанной».

Инквизиция (суд Католической Церкви) вынесла Джордано Бруно смертный приговор. Во имя торжества знания он не отрёкся от своего учения и пошёл в 1600 г. на костёр:

«Сжечь — не значит опровергнуть!».

Позднее Возрождение (с середины XVI до середины XVII в.) было трагическим временем. Те колоссальные сдвиги в обществе, ломка феодальных устоев, которые возвещали в своё время гуманисты, обернулись тяжелейшей борьбой между старыми и новыми общественными силами, затяжными войнами и поражением в ряде стран сторонников преобразований. В Испании, Италии, Польше, Чехии, на юге Германии свирепствовала феодально-католическая реакция, всюду простёрла свои щупальца инквизиция, иезуиты пытались привить новым поколениям безоговорочное подчинение властям. С другой стороны, зарождавшиеся буржуазные порядки привели уже тогда к культу денег, погоне за прибылью ценой нещадной эксплуатации наёмных рабочих и ограбления колонизируемых стран. Это шло вразрез с гуманистическими представлениями об уважении к каждому человеку. Сами мыслители Возрождения, представлявшие собой небольшой слой образованных людей, оказались не поняты до конца ни властями предержащими, ни народом. Это породило среди лучших умов того времени настроения разочарования, безысходности, отрешённости от мира.

Прошу, молчи, не смей меня будить.
О, в этот век, преступный и постыдный,
Не жить, не чувствовать — удел завидный.
Отрадней спать, отрадней камнем быть.

Такое четверостишие предпослал великий Микеланджело одному из своих поздних творений — статуе «Ночь». Ему созвучен знаменитый сонет Вильяма Шекспира:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье...

«Быть или не быть — вот в чём вопрос?» — спрашивает себя герой трагедии Шекспира принц Гамлет. Можно сказать, что всё Возрождение оказалось подобно Гамлету или герою Мигеля де Сервантеса Дон Кихоту — гуманисты страстно желали усовершенствовать, «поправить» мир, верили в безграничные возможности человека, мечтали о торжестве справедливости для всех, но не знали, как этого добиться, действовали интуитивно, как Гамлет, или наивно, как Дон Кихот.

Но и на закате Возрождения видные гуманисты не изменили своим идеалам. Француз Мишель Монтень, переживший на родине долгие кровопролитные войны между католиками и протестантами, сделал в книге «Опыты» немало грустных выводов, не скрыл и своих сомнений.

Однако тут же утверждал всему вопреки:

«Блаженство и счастье, которыми светится добродетель, заливают ярким сиянием всё имеющее к ней отношение... И одно из главнейших благодеяний её — презрение к смерти; оно придаёт нашей жизни спокойствие и безмятежность, оно позволяет вкушать её чистые и мирные радости...».

Александр Иванович Герцен писал об «Опытах» Монтеня: «Во Франции... гораздо ранее Декарта образовалось особое, практически философское воззрение на вещи, не наукообразное, не имеющее произнесённой теории, не покорённая ни одному абстрактному учению, ничьему авторитету, — воззрение свободное, основанное на жизни, на самомышлении и на отчёте о прожитых событиях, отчасти на усвоении, на долгом, живом изучении древних писателей; воззрение это стало просто и прямо смотреть на жизнь, из неё брало материалы и совет; оно казалось поверхностным, потому что оно ясно, человечно и светло...».

Большое место в «Опытах» Монтень уделил образованию и воспитанию:

«Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но и смысл и самую суть его и судит о пользе, которую он принёс, но не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни».

Представление о всеобщем просвещении, задача которого — усовершенствовать каждого человека и общество в целом, было провозвестником наступающей новой эпохи в развитии культуры.

Эпоха Возрождения в европейских странах стала временем невиданного взлёта человеческого духа. Человек стал стремиться к внешней и внутренней независимости в мире. Идеи гуманизма легли в основу дальнейшего развития науки, общественной мысли, литературы и искусства. Вплоть до наших дней люди обращаются к тому, что было создано бессмертными творцами Ренессанса, — их наследие помогает найти ответы на те мировоззренческие вопросы, которыми задаются новые поколения.

РЕФОРМАЦИЯ

Реформация — латинское слово, и означает оно изменение, перестройку. Латинским языком в Средние века пользовались в основном учёные люди — юристы и богословы; они и предложили первыми «реформировать», т. е. преобразовать сначала Христианскую Церковь, а позднее — и само христианское вероучение. Призыв священников и богословов изменить многое в жизни Церкви и простых верующих не оставил равнодушными народы Европы и оказал большое воздействие на историю некоторых европейских стран. В XVI—XVII вв. все государства Европы оказались разделёнными на два больших лагеря: в Англии, Швейцарии, Нидерландах, скандинавских странах, некоторых германских княжествах Реформация победила, и север континента стал в основном протестантским (о возникновении слова «протестантизм», означающего реформационное учение, будет рассказано чуть позже); Испания, Италия, Франция, Польша и остальные южногерманские земли сохранили верность Папе римскому и католической религии.

Борьба между сторонниками Пап и реформаторов лишь первое время разворачивалась в стенах университетских залов, церквей и монастырей — противники вскоре взялись за оружие, и на поля сражений пролилась первая кровь борцов за веру. Запылали костры, на которых сжигали не только опасные книги, но и их авторов. Религиозная нетерпимость раскалывала дружные семьи, восстанавливая сына против отца и брата против брата. Люди позднего Средневековья и начала Нового времени были потрясены той взаимной ненавистью и всеобщим ожесточением, которые выплеснулись в ходе борьбы реформаторов и католиков. Англичане и французы, немцы и голландцы постепенно поняли, что кроме исступлённой веры в Бога люди нуждаются ещё и в терпимости друг к другу, в готовности признать за каждым право на собственные взгляды и убеждения. Поэтому история Реформации — это не только история Церкви и христианской веры, но и повесть о том, как люди, устремляясь к Богу, учились видеть в своём ближнем человека, наделённого собственной волей и свободой выбора жизненного пути.

В конце XV — начале XVI вв. недовольство Папами и их римским окружением было всеобщим. Даже глубоко верующие люди, посетившие Рим, возвращались из этого путешествия разочарованными и негодующими. Вызывала гнев жадность Пап и кардиналов, окружавшая их бесстыдная роскошь (в то время как Церковь призывала к умеренности и воздержанию от излишеств), чрезмерный интерес Пап к итальянским политическим интригам. По мере того как обвинения в адрес Пап звучали всё чаще и становились всё смелее, короли и епископы некоторых европейских стран задумывались о том, чтобы обособить свою Церковь от Рима. Вероучение и обряды при этом оставались прежними, католическими, но власть Папы над местной, национальной Церковью значительно уменьшилась.

Первыми осуществили этот замысел французские короли. Ещё в 1438 г. Карл VII добился значительной независимости французской Церкви от Рима; с этого времени французское королевство перестало выплачивать Папе ежегодные подати — аннаты. В 1516 г. король Франциск I согласился вновь платить Риму аннаты, но зато получил право самостоятельно назначать епископов в своём королевстве. Вышло так, что ещё до начала Реформации французская Церковь оборвала многие из своих связей с Римом — это помогло ей выйти победительницей из длительной и упорной борьбы с реформационным движением во Франции.

Все страны Европы в начале XVI в. пытались так или иначе защищаться от непомерных притязаний римских Пап (в первую очередь — от денежных поборов). Самыми беззащитными оказались германские земли — Германия, раздробленная на десятки мелких государств, не была защищена от церковников сильной королевской властью не имела возможности создать единую национальную Церковь наподобие французской. Поэтому именно из Германии и доносились самые громкие проклятия в адрес римских Пап; Германия и стала родиной Реформации.

31 октября 1517 г. монах-августинец, преподававший по поручению своего ордена богословие в университете города Виттенберг (в Саксонии), прикреплял какие-то листы бумаги к

Джироламо де Тревизо.
Четыре евангелиста побивают камнями Папу.

дверям небольшой церкви виттенбергского замка. Профессора-монаха звали Мартин Лютер (1483—1546). Необходимо немного рассказать об этом человеке, потому что черты его характера сильно повлияли на ход Реформации в Германии. Дальние предки Лютера были крестьянского происхождения; от них он унаследовал довольно грубое лицо простолюдина и неискоренимое упрямство, умение твёрдо стоять на ногах во время любых бедствий. Лютер умел говорить с простыми людьми, хорошо писал на языке народа — не случайно его перевод Библии на немецкий язык до сих пор очень популярен в Германии. В то же время Мартин Лютер был одним из самых учёных богословов своего времени; вдобавок к этому он был наделён искренним и глубоким религиозным чувством. Несмотря на удивительное упрямство, Лютер оказался на редкость тонким политиком, способным найти сильных союзников и пойти на большие уступки в случае необходимости.

Листы бумаги, вывешенные молодым профессором на церковной двери, содержали 95 возражений Лютера против права Пап прощать грешников, покупающих отпущение грехов. Против индульгенций (так назывались подписанные Папой документы об отпущении грехов за деньги) выступали тогда многие богословы; Лютер отличался от них только смелостью и резкостью своих речей. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы в считанные дни Лютер стал известен всей Германии. Рядом с ним мгновенно образовался кружок сторонников и единомышленников, настроенных по отношению к Риму ещё более непримиримо, чем он сам. От критики индульгенций мартинисты (так их стали называть по имени Лютера) быстро перешли к осуждению папства и Католической Церкви в целом. Окончательный разрыв между Лютером и Римом был закреплён в 1520 г., когда немецкий богослов сжёг во дворе Виттенбергского университета в присутствии студентов папское послание об отлучении мятежника от Церкви. Этим смелым шагом Лютер поставил себя вне христианского общества Европы, покорного Папе, несмотря на всю критику в его адрес. Лютер готов был утверждать, что он один видит истинного Бога, а миллионы папистов заблуждаются и идут по дороге, ведущей прямо в преисподнюю.

Лукас Кранах Старший. Мартин Лютер. 1543 г.

Наверное, никто в это время не сомневался, что Лютера ждёт костёр. Похоже, что и сам он примеривал на себя судьбу Яна Гуса, чешского богослова, сожжённого за выступления против господствующего вероучения в 1415 г., за сто лет до начала Реформации. Лютер избежал казни по двум причинам: во-первых, в Риме слишком поздно поняли опасность, исходящую из далёкой Саксонии, и дали Лютеру время укрепиться. Посол Папы в Германии доносил в Рим: «Девять десятых Германии кричат “Лютер”; остальная десятая — по меньшей мере — “Смерть римскому двору!”». Во-вторых, Лютер хорошо использовал подаренную ему передышку — он смог найти себе могущественных покровителей среди немецких князей. Многие из них поняли, что лозунги «доктора Мартина» помогут им обособиться не только от Рима, но и от Германской империи. В 1521 г., когда Лютер был вызван на суд императора и осуждён, ему помог бежать в Саксонию её курфюрст Фридрих и укрыл мятежного богослова в одном из замков.

Лютер спас свою жизнь, но заплатил за это дорогую цену — движение Реформации в Германии вышло из-под его контроля и стало развиваться самостоятельно. Каждый бродячий проповедник переиначивал идеи Лютера по-своему, толкуя их вкривь и вкось; некоторые же из бывших мартинистов учили народ тому, что вслед за властью Папы следует низвергнуть власть князей, графов и баронов и установить Царство Божие на земле, не дожидаясь обретения райского блаженства на небесах. Лютер вынужден был из своего укрытия резко выступать против бывших сторонников. Он прекрасно понимал, что в борьбе с Папами и народными проповедниками реформаторы должны опираться на связное, последовательное и глубокое вероучение. Такого вероучения, способного противостоять католицизму, в распоряжении Лютера и его сторонников не было. Значит, его следовало создать, и Лютер напряжённо думал над отношениями человека и Бога, веры и разума, долга и свободы.

Итоги размышлений Лютера кратко можно изложить так: человек возносит к Богу порыв своей веры, Бог же в ответ наделяет человека благодатью. Такие отношения между Богом и верующим имеют глубоко личный характер; Церковь не имеет права вмешиваться в них — она лишь помешает верующему найти свой, особенный для каждого путь к Богу. Это не значит, что Церковь не нужна вовсе, — просто она должна быть совсем не похожей на Католическую. Церковь Лютера должна была помочь верующему самостоятельно постичь смысл Библии, растолковать ему содержание Божественных книг, научить

читать их. Священники в этой Церкви не были отделены от простых верующих непроходимой стеной, как это было у католиков, — они могли жениться, носили обычную одежду, пользовались точно теми же правами, что и простые граждане. Лютеранская Церковь освобождалась от икон, скульптурных изображений Христа и Богоматери, пышных одежд священников, утомительных и сложных обрядов... Одним словом, она опрощалась.

Богословие Лютера и устройство его Церкви показали, что корни Реформации уходили глубоко — они были связаны с распадом средневекового общественного строя и с постепенным превращением европейского человека в личность, индивидуальность. Торговцу и предпринимателю, архитектору и инженеру, поэту и профессору уже не нужны были посредники и помощники в сложных отношениях между человеком и Богом; наставления Католической Церкви они воспринимали как посягательство на свою свободу. Лютеру удалось хотя бы частично решить сложнейшую задачу — примирить острое ощущение своей индивидуальности, особенности с подлинным религиозным чувством.

Идеи «оправдания верой» т. е. единственное условие спасения человеческой души, «дешёвой Церкви» и другие находки Лютера с трудом пробивали себе дорогу в Германии. В 1525 г., после подавления крестьянских выступлений, вдохновлявшихся народными проповедниками, дело Реформации окончательно перешло в руки немецких князей. За союз с князьями Лютеру пришлось заплатить прямым подчинением своей Церкви княжеской власти. Под видом церковной реформы князья присваивали богатейшие владения монастырей. Когда в 1529 г. император Карл V подтвердил эдикт 1521 г. о преследовании лютеран на территории Священной Римской империи, сторонники Лютера (5 князей и 14 городов) заявили императору протест (после чего их и стали звать протестантами). Тем самым союз реформаторов Церкви и князей оформился окончательно. После многолетней борьбы и частых войн в 1555 г. император позволил каждому из князей вводить в своих землях ту религию, которой придерживался сам князь. Возникло неустойчивое равновесие: северные, северо-восточные княжества Германии и некоторые владения в центре страны приняли лютеранство, прочие же земли сохранили верность католицизму. Это привело Германию к неисчислимым бедствиям, которые она переживала на протяжении последующих ста лет, и было одной из причин её отставания от других европейских стран в XVI—XVIII вв.

В Германии реформационное движение не смогло развернуться в полную силу, несмотря на то что началось оно именно там. Лютер и его сторонники слишком зависели от расклада политических сил в стране, чтобы выработать последовательные и самостоятельные ответы на два основных вопроса: как должна быть организована новая Церковь и какую позицию эта Церковь должна занять по отношению к светским властям. Лютер, как уже говорилось ранее, попросту подчинил свою Церковь князьям. По-видимому, ничего другого он сделать и не мог, но такое решение устраивало далеко не всех его последователей в других странах Европы. Искать выход пришлось французу Жану Кальвину (1509—1564). В 1536 г. он вынужден был бежать из Франции в Швейцарию (во Франции в это время начали преследовать реформаторов), где и обосновался в одном из самых вольнолюбивых городов Швейцарии — Женеве. Именно Женеве и суждено было стать местом проведения смелых и суровых опытов Кальвина, распространившихся позднее по всей Европе.

Кальвин придавал устройству своей Церкви гораздо большее значение, чем германские реформаторы. Дело в том, что Кальвинистская Церковь должна была, по замыслу своего создателя, вести борьбу сразу на два фронта: против папистов и против философов, т. е. светских мыслителей, равнодушных к вопросам веры и готовых принять любую религию вплоть до языческой. Философов Кальвин считал ещё более опасными врагами, чем католиков, и сражался с ними буквально насмерть: в 1553 г. в Женеве по настоянию Кальвина был сожжён на костре испанский учёный Мигель Сервет, не признававший догмат о Троице. Кальвин настаивал на отделении веры от знания; сам того не желая, он провёл чёткую грань между религией и наукой. Физика, химия, математика и биология в кальвинистских странах впредь смогли развиваться более свободно, чем в прежней, католической Европе. От учёных требовалось одно — не вмешиваться в вопросы веры и признавать кальвинистские установления.

Кальвинистская Церковь была выведена из подчинения городским властям Женевы и пользовалась правом самоуправления. Последователи Кальвина отказались от такой лестницы церковных чинов и должностей, какая была у католиков, — напротив, каждая кальвинистская община, состоявшая из нескольких десятков человек, решала все свои дела самостоятельно. Руководили общиной наиболее уважаемые и почтенные люди — пресвитеры, которых выбирали сами верующие, а также проповедники, наставлявшие своих собратьев по вере. В случае необходимости пресвитеры и проповедники отдельных общин сходились вместе и обсуждали дела, касавшиеся всех. Сам Кальвин проявил скромность, не претендуя на особое положение в созданной им организации.

Очевидно, что устройство Кальвинистской Церкви было очень гибким: его легко было приспособить как к условиям города-коммуны, вроде Женевы, так и к порядкам, установленным в обширных и сильных королевствах, вроде Французского. Столь же гибкими были и политические взгляды Кальвина. Он признавал за подданными право на свержение тирана, смену правителя на

троне, но лишь при одном условии: следовало убедиться в том, что дурной правитель нарушает законы не только человеческие, но и Божеские, мешает верующим найти свой путь к Богу. Эти мысли Кальвина привлекли на его сторону часть дворян, недовольных усилением королевской власти во многих европейских странах в XVI—XVII вв.

Наконец, Кальвин произвёл значительные изменения в богословских взглядах немецких реформаторов. Он попытался разрешить проблему, волновавшую умы христианских мыслителей на протяжении уже тысячи лет: свободен ли человек в выборе своего жизненного пути, или его судьба (в том числе и посмертная) заранее предопределена Богом. Кальвин утверждал, что предопределение существует, но человек не должен безвольно ожидать свершения своей судьбы — напротив, он должен идти ей навстречу, быть деятельным, активным, быть тружеником. В течение жизни человек должен выявить все заложенные в него Богом способности и возможности — в этом и заключается его главное служение Богу, в этом выражается его вера.

Вместе с тем Кальвин требовал от своих сторонников умеренности в трате денег на еду, одежду, убранство домов. Было резко уменьшено количество праздничных дней в году: женевский проповедник считал, что человек зарабатывает и копит деньги не для того, чтобы бездумно развлекаться. Большие состояния Бог дарует только тем, кто служит ему своим трудом, кто копит не для себя, а для обретения Царствия Небесного. Строгости Кальвина не понравились весёлым женевцам, и однажды его даже изгнали из города на несколько лет. Но буржуазия богатых городов, сначала швейцарских, а потом и английских, французских, голландских, смогла оценить идеалы труда, накопления и бережливости, заложенные в учении Кальвина.

Все эти достоинства кальвинизма способствовали его широкому распространению в Европе. Кальвинистами были нидерландские патриоты, сражавшиеся за освобождение своей родины от испанского владычества; ту же веру исповедовали и французские гугеноты, долгое время вынашивавшие замыслы отделиться от французской короны и создать на юге Франции независимое кальвинистское государство. Наконец, основные идеи кальвинизма нашли своих сторонников и в Англии, где Реформацию осуществляла королевская власть. Правда, англичане не решились на полный отказ от католических традиций: они сохранили некоторые из обрядов, епископское управление церковными областями. Главой Англиканской Церкви (так она стала называться после реформ) был сам английский король. Наиболее ревностные из английских кальвинистов были недовольны такими половинчатыми реформами; они полагали, что Англиканскую Церковь следует очистить от остатков католицизма. Таких людей называли пуританами («пурус» по-латыни значит «чистый»). Пуританам суждено было впоследствии сыграть заметную роль в английской истории.

В середине XVI в. многим европейцам казалось, что раскол между реформаторами и католиками ещё может быть преодолён. Нужно только, чтобы обе стороны пошли навстречу друг другу и искали примирения. Такие настроения были сильны не только среди простых людей — многие высокопоставленные кардиналы и епископы из папского окружения думали точно так же. Католическая Церковь долго колебалась, прежде чем пойти на открытый разрыв с реформаторами. Церковный собор, решавший эту проблему, заседал почти двадцать лет — с 1545 по 1563 г.! Всё же в конце концов жёсткая линия победила, и все сторонники реформы Церкви были объявлены еретиками, т. е. людьми, отпавшими от Христа и от Церкви. Спустя несколько лет вспыхнули первые очаги религиозных войн во Франции и Нидерландах, резко обострились конфликты между протестантской Англией и католической Испанией... Идеи реформаторов становились силой, преображающей лицо Европы.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ

1529 год. Германия, ещё не оправившаяся после Великой крестьянской войны и её подавления, потопленная в крови, вновь ввергнута в вооружённое противостояние. Замиршиеся на время борьбы с крестьянами, князья и дворяне вновь раскололись на два лагеря.

Вот в городе Шпейере собираются правители германских государств. Император Карл вновь призывает к искоренению учения Лютера, и его поддерживают государи-католики.

«Будем молиться, будем ждать, что Господь смягчит сердце императора и откроет свет ему», — проповедует Мартин Лютер.

Но его не слушают. Пять князей и четырнадцать городов провозгласили:

«Мы... объявляем, что с вышеозначенным принятым постановлением не имели ничего общего и согласиться с ним не хотим и не можем».

Этот протест привёл к возникновению термина «протестанты», обозначившего сторонников Реформации. А непосредственно в Германии он привёл к междуусобной религиозной войне. В 1530 г. на новом рейхстаге (императорском съезде) в Аугсбурге протестанты предъявили 28 статей основ лютеранства. Католики и император в свою очередь отвергли это «Аугсбургское исповедание».

Князья-протестанты объединились в союз и заявили о вооружённом отпоре противоположной стороне. Временно, впрочем, — противники вновь примирились в Нюрнберге в 1532 г. в связи с необходимостью дать общий отпор турецкой армии, подступившей к Вене. Но уже в следующем году вспыхнуло столкновение за владение герцогством Вюртемберг, в котором на стороне брата императора выступили австрийские войска, а на стороне лютеранского князя — швейцарские наёмники.

Дальнейшие военные действия были связаны с основанием в городе Мюнстере в 1533 г. коммуны анабаптистов (перекрещенцев) во главе с нидерландцами — булочником Яном Матисом и портным Иоанном Лейденским. Горожане отбили нападение изгнанного епископа и его союзников. В Мюнстере была сделана попытка распределения поровну имущества горожан. Иоанн Лейденский провозгласил себя новым Давидом, а Мюнстер — новым Израильским царством. При этом происходили казни противников учения анабаптистов. Эти события настолько испугали прирейнских феодалов, что они вновь собрали войска и взяли город приступом. «Царь Давид» и его «придворные» были казнены.

Последующие годы в Германии прошли в бесплодных попытках примирения враждующих государств, поиска приемлемой для всех формулы религии. Лютер настаивал на «Аугсбургском исповедании», император созвал вновь съезд князей в 1541 г. в Регенсбурге, на котором вели переговоры кардинал Контарини и знаменитый сподвижник Лютера Меланхтон. Компромисс, заключённый между ними, однако, не был признан Папой римским. Тем временем учение Мартина Лютера продолжало распространяться в Германии — его сторонники появились в Бранденбурге, Саксонии и некоторых других землях.

В 1546 г. умер Мартин Лютер. Ослаблением в руководстве протестантов воспользовался император Карл, призвавший на помощь войска из Италии и Нидерландов и двинувшийся через Тироль на юг Германии против мятежных правителей. Многие из них были вынуждены подчиниться. В 1547 г. императорские войска, которыми командовал испанский герцог Альба — будущий душитель нидерландской революции, разбили саксонцев. Саксонский курфюрст был приговорён к пожизненному заключению исключительно по воле императора. Расправившись со своими противниками, Карл попытался встать во главе частично реформированной Церкви, но это решение не признали ни Папа, ни многие феодалы с обеих сторон. В то же время Карл издал указ, который прозвали «кровавым»: «Воспрещается печатать, писать, иметь, хранить, продавать, покупать... все печатные или рукописные сочинения Мартина Лютера... Воспрещается допускать в своём доме беседы или противозаконные сборища... Всякий, кто откроет лицо, заражённое ересью, обязан доносить на него...».

На страну обрушилась инквизиция. Север Германии вновь отложился от Карла. В 1552 г. саксонские войска чуть не застали врасплох императора, которого, больного, спешно вынесли на носилках из Инсбрука.

Карлу пришлось пойти на мир с князьями-протестантами, которым, ко всему прочему, начал помогать французский король Генрих II. В Аугсбурге в 1555 г. Карл заключил религиозный мир. Задача подчинить себе всю Германию оказалась для императора невыполнимой, и он отрёкся от престола, передав его своему брату Фердинанду.

«Пусть, — провозглашал договор, — ни его императорское величество, ни курфюрсты, князья и т. д. не чинят никакому чину империи никакого насилия или зла по поводу аугсбургского вероисповедания, но предоставят им в мире придерживаться своих религиозных убеждений...»

Юг и отчасти запад Германии, где было много церковных владений, остались католическими. Север — Саксония, Гольштейн, Бранденбург, Брауншвейг, а также Пфальц и Вюртемберг — стали протестантскими. Эти религиозные границы остались в Германии по существу до наших дней.

Мир был лишь временным... В раздробленной стране князья готовы были вновь поссориться, призвав могущественных союзников.

Размежевание по религиозному признаку постигло во второй четверти XVI в. и Францию. Хотя государство было ещё с конца XV в. централизованным, французский Юг, помнивший ересь альбигойцев и долгое время развивавшийся самостоятельно, был центром оппозиции королевской власти. Независимо настроенные горожане Южной Франции, первые буржуа-предприниматели и часть дворян стали кальвинистами. Они повели наступление на церковные владения. Во Франции их стали называть гугенотами. Север и королевский дом остались католическими. Все противоречия и конфликты в стране — непокорность королю местной феодальной знати, недовольство горожан тяжёлыми поборами королевских чиновников, выступления крестьян против налогов и церковного землевладения, стремление к самостоятельности буржуазии — как бы сплелись в один клубок. Всё это происходило под обычными для того времени религиозными лозунгами и привело к началу гугенотских войн, чем-то напоминающих Смутное время в России.

В последние годы правления Генриха II Валуа (1547—1559 гг.) резко увеличились королевские налоги. При юном и больном сыне Генриха Франциске II начались выступления горожан за уменьшение налогов. Во главе горожан стояли гугеноты. В это же время обострилась борьба за власть и влияние в стране между двумя побочными ветвями старой династии Капетингов — Гизами (католиками) и Бурбонами (гугенотами). В 1560 г. был раскрыт заговор против Гизов, возглавляемый сторонником Бурбонов принцем Конде, и начались казни протестантов, устраиваемые при дворе как представления. Это привело к столкновению с Бурбонами

и Конде правящей династии и Гизов. Генеральные штаты, созванные после неожиданной смерти короля, не сумели добиться примирения сторон. Фактически власть при малолетнем брате Франциска Карле IX взяла в свои руки их мать Екатерина Медичи, наполовину итальянка по происхождению. Эта женщина ещё при жизни мужа активно участвовала в государственных делах. Королеву отличали хитрость, расчётливость, стремление безраздельно распоряжаться властью. Но именно при ней начались открытые столкновения между католиками и протестантами.

В 1562 г. Франсуа Гиз во время богослужения истребил несколько десятков гугенотов. В ответ протестанты начали вооружённое сопротивление. Наёмный убийца расправился с Гизом. Последовали годы открытых столкновений в различных районах Франции (всего за тридцать лет — десять войн). В них были втянуты и англичане, помогавшие гугенотам, и испанцы — союзники католиков.

Наиболее страшным эпизодом гугенотских войн стала Варфоломеевская ночь. В августе 1572 г. в Париж приехало много дворян-протестантов, сопровождавших Генриха Бурбона на его свадьбу с сестрой короля Маргаритой. Они стремились убедить Карла IX заключить перемирие и принять участие в оказании помощи борющимся против Испании Нидерландам, в чём видели выгоду для Франции. Тут же против них созрел заговор католиков во главе с Генрихом Гизом, сыном Франсуа, убедившим королеву-мать использовать момент для расправы над гугенотами. В ночь на праздник Святого Варфоломея (24 августа) посвящённые в дело католики пометили дома, где находились их будущие жертвы. Характерно, что среди убийц были в основном иностранные наёмники.

Видный гуманист и гугенот Агриппа д'Обинье во «Всеобщей истории» рассказывает: «Улицы уже были полны вооружённых людей... Так как в это время послышался первый набат и нужно было начать преследование, то герцог де Гиз и шевалье д'Ангулем, которые всю ночь отдавали приказания, берут с собой герцога д'Омаль и подходят к квартире адмирала (Колиньи, главы протестантов. — *Прим. ред.*)». Многие были убиты прямо в своих постелях. Резня продолжалась три дня с участием вовлечённых в кровавую оргию случайных людей... Убийства перекинулись в другие города. Считается, что погибло не менее 30 тыс. человек.

Войны продолжались. Их жертвами пали и Генрих Гиз, и последний король из династии Валуа, младший сын Екатерины Медичи бездетный Генрих III. Остался Генрих Бурбон, король Наварры, претендовавший на престол. К тому времени полностью разорённые крестьяне усилили вооружённые выступления. Они называли себя «кроканами» — «грызунами, грызущими грызунов». Было ясно, что дворяне могут истребить друг друга и потерять контроль над крестьянами.

В 1589 г. королём стал Генрих IV Бурбон. Чтобы примирить враждующие стороны, ему пришлось перейти в католичество. Только после этого ему открылись ворота Парижа. «Париж стоит мессы» (месса — католическая церковная служба), — по преданию, сказал король, отправляясь в столицу. Под его руководством отряды дворян и наёмников подавили восстание крестьян.

«Жил-был Анри Четвёртый, он славный был король». Действительно славным делом Генриха IV был Нантский эдикт — закон о веротерпимости, принятый в 1598 г. Господствующей религией остался католицизм, но гугеноты получили свободу вероисповедания и одинаковые с католиками права. Это был первый в Европе подробно разработанный закон о свободе веры (второй в мире после указа падишаха Акбара в Индии).

Кроме событий в Германии и Франции к религиозным войнам XVI в. относят и нидерландскую буржуазную революцию.

Религиозные войны принесли странам Европы много бедствий и лишений. И европейцы — кто раньше, кто позже — стали учиться жить друг с другом в согласии независимо от того, какую религию они исповедуют.

ГЕНРИХ IV

Известный французский писатель Морис Дрюон назвал один из своих исторических романов «Когда король губит Францию». События этой книги происходят в XIV в. и не имеют никакого отношения к Генриху IV. Мы вспомнили об этой книге только потому, что Генриха IV, напротив, можно назвать королём, спасшим Францию.

К тому времени, когда Генрих смог предъявить права на королевский престол, Франция, казалось, не существовала как сильное и единое государство. Юг и Север страны уже около тридцати лет вели между собой кровавые междуусобные войны, а королевскую корону примеряли на свою голову представители непокорных феодальных родов. Испанский король Филипп II раздумывал над тем, кого из своих ставленников он сможет посадить на французский трон. Уважение к королевской власти исчезло не только среди дворян, но и среди простого народа: в 1589 г. более 100 тыс. парижан вышли на улицы города с зажжёнными свечами. По сигналу они гасили свечи и громко выкрикивали: «Так да погасит Господь династию Валуа!». Парижане имели в виду ненавистного им Генриха III, последнего представителя династии Валуа, правившего с 1574 по 1589 г., но доставалось от них и будущему

королю Генриху IV, происходившему из рода Бурбонов. После того как последний Валуа был заколот монахом-фанатиком, пробравшимся в королевский лагерь, по Парижу ходили листовки такого содержания:

Берегись, Бурбон! Да что там —
берегитесь все, кто держит в руке скипетр!..
Наконец-то открылись
священные тайны королевств;
мы поняли, что те короли, о
которых сам Господь
говорил как о богах, — простые ничтожества.

В этих строках содержалось грозное пророчество: двадцатью годами позже, 14 мая 1610 г., кинжал Франсуа Равальяка нанёс смертельную рану Генриху IV Бурбону. Но за прошедшие двадцать лет изменилось многое, и Генрих IV ушёл в мир иной не проклинаемый, но оплакиваемый народом. Люди видели в нём «доброго» короля — лучшего из всех королей, когда-либо правивших Францией. Народная любовь чаще всего слепа — она превозносит достоинства правителя и снисходительно прощает его недостатки; она видит его на вершине могущества, забывая о днях бедствий и лишений. Генрих IV не сразу стал «спасителем Франции» — долгое время он губил её вместе со своими врагами и соратниками. Путь, который привёл его к славе и народной любви, был усеян отступлениями и изменами, нередко его определяли коварство и холодный расчёт. Настоящий Генрих мало походил на короля-рыцаря, любителя вина и почитателя прекрасных женщин, каким его изображают французские народные песенки. Судьба Генриха IV так тесно переплелась с исторической судьбой его родины, что их вряд ли можно отделить друг от друга. Наверное, это и является подлинной причиной любви к Генриху IV, не угасающей во Франции уже четыреста лет.

Генрих IV Наваррский.
Лувр. Париж.

Генрих Бурбон родился в 1553 г. Его родителями были Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбрэ. Отец мальчика носил громкий титул короля Наваррского, который позднее перешёл к самому Генриху. Основная часть средневекового королевства Наварра в то время находилась под испанским контролем, а Бурбоны сохраняли власть лишь в небольшой части южно-французской области Беарн. Всё же титул Генриха ставил его на равную ногу с французскими королями, с которыми он к тому же состоял в родстве. Мальчик имел даже некоторые права на французский престол, но вряд ли кто-то мог предположить, что Генрих станет королём Франции. В 1559 г. после несчастного случая на турнире умер король Генрих II Валуа. Трое из его четверых сыновей — Франциск II, Карл IX и Генрих III — будут править Францией на протяжении последующих тридцати лет. Генриху Наваррскому с самого начала была суждена роль бедного родственника своих сверстников-принцев; небогатые наряды южан, их особый говор, сельские привычки вызывали насмешки парижской знати, перенявшей итальянские моды и обычаи (королева-вдова, Екатерина Медичи, происходившая из знатного флорентийского рода, привлекала ко французскому двору множество итальянцев).

Неприязнь к Парижу и двору должна была усиливаться у маленького Генриха и тем, что его отец Антуан де Бурбон некоторое время был одним из руководителей движения дворян Юга Франции за независимость от короля. Многие дворяне-южане были сторонниками реформы Церкви (во Франции их называли гугенотами), а короли вместе с большинством населения Северной Франции сохраняли верность католичеству. В 1562 г., когда Генриху было девять лет, начались войны между гугенотами и католиками (так называемые религиозные войны). Подвести итог этому кровопролитию суждено было 45-летнему Генриху IV Бурбону в 1598 г.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Уже десять лет продолжалась во Франции непрекращающаяся война между католиками и протестантами (гугенотами). С тех пор как герцог Франсуа Гиз со своей вооружённой свитой напал на молящихся гугенотов в 1562 г., здравый смысл уступил место религиозной вражде. В ходе борьбы погибли лидеры враждующих партий Франсуа Гиз и Антуан Бурбон. Их место заняли сыновья — Генрих де Гиз и Генрих Наваррский. Королевская власть тоже оказалась втянутой в религиозную распрю. Ориентируясь на более сильных, лавируя между враждебными группировками, она старалась укрепить своё положение. Королева-мать Екатерина Медичи, которая фактически управляла страной, пыталась извлечь выгоду для своей семьи из этого конфликта.

В 1570 г. был заключён мир между католиками и гугенотами. Надеясь положить конец сотрясающей страну войне и приобрести союзников, королевский двор в 1572 г. посчитал за благо заключить брачный союз между Генрихом Наваррским и сестрой короля Карла IX Маргаритой Валуа. Лучшие и знатнейшие представители гугенотского дворянства были приглашены на свадьбу. Озлобленные ревнители католицизма с яростью наблюдали, как король Карл оказывает почести ненавистному адмиралу Колиньи, идейному вдохновителю еретиков. Его христианнейшее величество дошёл до того, что публично назвал гугенота «отцом»! Казалось, католическому влиянию при дворе пришёл конец. Молодой герцог Гиз, красавец, талантливый полководец и любимец Парижа, будучи одним из вдохновителей и организаторов католической партии, не мог допустить усиления гугенотов. Назревал заговор всего католического Парижа против южан, потерявших бдительность из-за милостей короля. Верные папскому престолу фанатичные католики, таинственно переглядываясь, шёпотом обещали друг другу устроить «весёлый праздник» зарвавшимся гугенотам. Правда, каким будет это веселье, помалкивали до поры до времени. Первое предупреждение получил адмирал Колиньи, которого 22 августа попытались убить. Насторожившиеся гугеноты принесли жалобу королю и засобирались домой из негостеприимной столицы. Боясь упустить шанс обезглавить протестантское движение, лидеры католической партии решили действовать незамедлительно.

Королева-мать, поставленная перед необходимостью либо одобрить планы католиков, либо потерять всякое влияние в католическом стане Франции и в Париже, присоединилась к заговорщикам. Гиз мог торжествовать — королевский двор был теперь на его стороне. Вся хитроумная политика королевы, стремящейся избавиться от давления со стороны влиятельных Гизов брачным союзом с гугенотами, пошла прахом.

В ночь с 23 на 24 августа в аббатстве Сен-Жермен ударил колокол, подавая знак всем честным католикам исполнить свой долг. Ему ответили перезвоном другие церкви Парижа. Началась ночь Святого Варфоломея. На ничего не подозревавших гугенотов обрушились толпы вооружённых горожан и дворян во главе с герцогом Гизом. Любой, у кого не было белого креста на шляпе, становился жертвой разъярённой фанатичной толпы. Дома гугенотов, заранее отмеченные крестом, подвергались насилию и разграблению. Окровавленное оружие не знало пощады. Женщины, дети, безоружные мужчины были буквально растерзаны «добрыми католиками». Кое-где, правда, протестанты пытались оказать сопротивление, но в отличие от организованных убийц их жертвы были слишком растеряны и разобщены. Детям разбивали головы о стены на глазах обезумевших матерей, дочерей насиловали перед беспомощными отцами, стариков выбрасывали из окон, где их топтали, били, рвали на части во имя веры Христовой. Труп Колиньи с хохотом волокли по улицам. Сам король, обезумевший от происходящего, открыл из окон дворца «сезон охоты на еретиков»,

Юный принц рано возмужал. После гибели отца — Антуана Бурбона — он принял титул короля Наваррского и вместе с многоопытным и хитрым политиком адмиралом Гаспаром де Колиньи возглавил партию гугенотов. Горячая южная кровь, гасконское самолюбие, стремление восстановить древние вольности французского рыцарства — всё это делало Генриха опасным противником королевского двора. В то же время Генрих оказался достаточно умён, чтобы не разрывать отношений с Валуа окончательно и бесповоротно — он помнил о том, что корона Франции может стать и его короной.

Перемирие между католиками и гугенотами, заключённое в 1570 г., Екатерина Медичи и её сын Карл IX задумали скрепить женитьбой Генриха Наваррского на сестре короля Маргарите Валуа. По их замыслу, брак должен был привязать опасного южанина к королевскому двору и поставить его под надёжный контроль. Неизвестно, как относился к этой женитьбе сам Генрих, достаточно было того, что она приносила выгоды его партии и укрепляла права Бурбонов на французский престол. Брак с Маргаритой оказался неудачным; но лишь в 1599 г. Генрих IV добился его расторжения и вступил в брак с Марией Медичи.

Свадьба же с Маргаритой была отпразднована летом 1572 г. с невиданной роскошью. Менее чем через неделю после свадьбы в Париже произошли события, определившие судьбу Франции и в первый раз круто изменившие жизнь Генриха. В ночь с 23 на 24 августа (праздник Святого Варфоломея) католики с молчаливого одобрения королевского двора напали на съехавшихся на свадебные торжества гугенотов и убили многих из них. В числе прочих погиб и адмирал де Колиньи. Генрих спасся только благодаря тому, что жил в королевском дворце и спешно принял католическую веру. Поддержав эту кровавую бойню (Варфоломеевскую ночь), династия Валуа сама подписала себе смертный приговор. И католики, и гугеноты смотрели на последних Валуа как на королей-преступников, запятнавших себя кровью и бесчестьем, — королей, лишившихся права на престол.

Судьба французской монархии повисла на волоске. Гугеноты поставили своей целью раскол Французского королевства. В феврале 1576 г. Генрих бежит из Лувра, где его держали как почётного заложника, и участвует в сражениях гугенотов с католическими армиями. Авторитет Генриха на Юге растёт, но раскол Франции на Север и Юг одновременно углубляет пропасть, отделяющую Генриха от королевской короны. В Париже усиливается влияние католического рода герцогов Гизов — кажется, что именно Гизы подхватят корону, ускользающую из рук Валуа.

В это время происходит второе событие, резко изменившее планы Генриха Наваррского и всю его судьбу. В 1584 г. умирает герцог Алансонский, младший из сыновей покойного короля Генриха II.

Род Валуа пресекается на правившем в то время Генрихе III, поскольку мужского потомства ни у одного из последних французских королей не было. Генрих Наваррский оказывается ближайшим родственником короля и его наследником, дофином. Король отправляет к нему доверенное лицо с предложением вновь перейти в католичество — тогда Генрих III готов объявить его наследником официально; король не прочь опереться на поддержку гугенотов против Гизов. Но, трезво всё взвесив, Генрих отказывается от предложения короля. Время сменить веру ещё не пришло, да и выигрыш, который предлагали ему из Парижа, был слишком мал. Холодный расчёт подсказывал гасконцу, что ему следует оставить короля с Гизами один на один, не вмешиваясь в их борьбу. Цена, которую Генрих Наваррский заплатил за отказ, тоже была довольно велика: в сентябре 1585 г. Папа Сикст V специальным указом лишил его прав на французский престол. Между католиками и гугенотами вновь вспыхнула война.

Противоречия между двумя партиями обострились до предела, и виной тому во многом был Генрих Наваррский. Католики видели в его правах на престол всё большую угрозу своему лозунгу: «Один король, один закон и одна вера». Гугеноты же, которые ещё недавно намеревались расколоть Французское королевство на части, теперь выступали за государственное единство и за признание Генриха наследником короны. Ожесточение всех трёх борющихся сторон — короля, Гизов и гугенотов — достигло крайности. В конце 1588 г. король Генрих III приказал убить двоих братьев Гизов, а в августе 1589 г. погиб и сам.

До желанной короны оставался всего один шаг, но сделать его было нелегко: Париж не открывал ворота перед Генрихом. Значение Парижа во время гражданских войн очень выросло, и Генрих не хотел омрачать своё будущее царствование ещё одним кровопролитием.

Расчётливый ум Генриха вновь подсказывал, что следует выжидать, пока его противники не ослабят друг друга междуусобной борьбой. Так и случилось: в Париже начались столкновения между фанатичными католиками и последним из Гизов, оставшимся в живых, герцогом Майеннским. Герцог казнил верхушку недовольных парижан, а остальные жители города склонились на сторону Генриха — только в нём они видели надёжную защиту от испанского вмешательства в пользу Гиза. 25 июля 1593 г. Генрих принял католичество (последний раз в своей жизни), а в следующем году беспрепятственно вступил в Париж и короновался.

Какие же уроки извлёк 40-летний король из своего долгого и трудного пути к трону? Во-первых, Генрих понял, что ни одна из сторон не может победить в войне и настало время искать примирения. Фигура Генриха на троне теперь была одинаково приемлема и для гугенотов, и для католиков; оставалось составить мирный договор, который одинаково устроил бы обе части нации. Генрих подготовил такой договор к 1598 г.; по городу Нант, где он был обнародован, документ стали называть Нантским эдиктом. Этот эдикт сохранял господствующие позиции католицизма во Франции, но предоставлял гугенотам обширные права церковного и светского самоуправления. Мирный договор остановил разорение страны и бегство французов-гугенотов в Англию и Нидерланды. Нантский эдикт был составлен очень хитро: при изменении соотношения сил католиков и гугенотов он мог быть пересмотрен (чем позднее и воспользовался Ришелье).

Второй урок гражданских войн заключался в том, что нельзя было строить сильное французское государство, опираясь только на дворянство. Генрих IV принял к сведению и это. Он поддерживает крупных чиновников, профессионалов-бюрократов — судей, адвокатов, финансистов. Генрих IV разрешает этим людям покупать себе должности и передавать их по наследству сыновьям. В руках короля оказывается мощный аппарат власти, позволяющий править без оглядки на капризы и прихоти дворян. Генрих привлекает к себе не только чиновников, но и крупных торговцев — он всячески поощряет развитие крупного производства и торговли во Франции, основывает французские колонии в заморских землях. Генрих IV первым из французских королей начинает руководствоваться в своей политике национальными интересами Франции, а не одними лишь сословными притязаниями французского дворянства.

Наконец, Генрих понял, что Франции предстоит длительная полоса войн с испанскими и

беспрерывно стреляя по бегущим из аркебузы. Спасения не было нигде: ни в домах, ни в Лувре, и уж тем более на улицах. Шадили только тех, кто отрекался от своей веры и на глазах убийц переходил в католичество.

Жертвами расправы становились не только религиозные противники. Кое-кто сводил старые счёты с врагами-католиками, кто-то убийством освобождал себя от уплаты долгов. Генрих Гиз, как разъярённый тигр, метался по залитому кровью городу с окровавленной шпагой, помогая вершить расправу.

Генрих Наваррский, призванный к королю, опьянённому убийствами, поспешно предпочёл перейти в католичество. Это спасло ему жизнь, но таких счастливчиков оказалось мало. Фанатики не были склонны к милосердию, а гугеноты были слишком упрямы и тверды в своей вере.

Избиение еретиков продолжалось неделю. Благодаря прекрасной организации католической партии волна насилия прокатилась по всей Франции. Одновременно с Парижем истреблением гугенотов занимались в Руане, Труа, Орлеане, Бордо, Тулузе.

Но надежды на ослабление протестантского движения не оправдались. Война между католиками и гугенотами вспыхнула с новой силой. Правда, герцог Гиз стал кумиром католической Франции. Но это мало способствовало торжеству католицизма. В самом невыигрышном положении оказалась династия Валуа, которая стала терять свой авторитет после кровопролитной Варфоломеевской ночи и осталась один на один с Лотарингским домом без союзников, что в конце концов и привело её к гибели в 1593 г.

немецкими Габсбургами, и успешно готовился к этому противоборству. Генрих позаботился о значительном снижении тальи (прямого налога) с крестьян, почти полностью разорённых и обнищавших за годы религиозных войн. Крестьянство было основой экономической и военной силы Французского королевства — нищие крестьяне не могли содержать сильную армию.

Военная мощь возрождающейся Франции была подтверждена уже первой войной Генриха IV с Испанией (1595—1598 гг.). Преемникам Генриха IV на французском престоле удалось создать столь грозную армию, которая на протяжении почти двухсот лет (до наполеоновских войн) была лучшей армией Европы.

Та выдающаяся роль, которую Генрих IV сыграл в истории Франции и Европы, определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, Генрих смог выйти живым из религиозных войн, в которых сложили головы все его противники. Он добился этого своим умом, изворотливостью и хитростью, способностью резко менять политический курс. К тому же Генрих был попросту удачлив, что сильно возвышало его в глазах французов. Во-вторых, свой опыт ловкого политика Генрих IV, взойдя на престол, смог поставить на службу державе, которую он разрушал большую часть своей жизни. Первый из Бурбонов нашёл новую, прочную основу королевской власти — интересы нации.

КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ

«Д'Артаньян стоял и разглядывал этого человека. Сначала ему показалось, что перед ним судья, изучающий некое дело, но вскоре он заметил, что человек, сидевший за столом, писал, или, вернее, исправлял строчки неравной длины, отсчитывая слоги по пальцам. Он понял, что перед ним поэт. Минуту спустя поэт закрыл свою рукопись, на обложке которой было написано "Мирам, трагедия в пяти актах", и поднял голову. Д'Артаньян узнал кардинала».

Так описал Дюма в романе «Три мушкетёра» первого министра Франции. Да, кардинал Ришелье считал себя не только государственным деятелем, но и творческой личностью. По крайней мере, он говорил, что сочинение стихов доставляет ему самое большое удовольствие. Однако Ришелье известен не поэтическими сочинениями. Он прежде всего первый министр, основатель Французской академии, создатель единого государства и творец абсолютизма.

Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585—1642), — всемогущий кардинал, 18 лет державший в своих руках политику Франции. Его деятельность по-разному оценивали современники и потомки. Ришелье определил направление развития государства на 150 лет. Созданная им система рухнула лишь во время Великой французской революции. Неблагодарная революционная Франция в 1793 г. с ненавистью швырнула останки министра Людовика XIII под ноги бушующей толпе, не без основания видя в нём одного из столпов старого режима.

Восхождение Ришелье на политический олимп было трудным и мучительным. Сколько искусных и запутанных интриг пришлось сплести изворотливому уму кардинала, сколько опасностей и неудач суждено было пережить этому удивительно талантливому человеку, прежде чем он стал таким, каким остался в истории!

Жестокий и коварный, он умел быть обаятельным и великодушным с немногочисленными друзьями. Ришелье любил одиночество, считая, что таков удел всех великих людей. Кардинал был неблагодарным по отношению к тем, кто помогал ему делать политическую карьеру, но он умел и щедро одарить своих приверженцев, и никто не мог обвинить его в скупости. Будучи физически слабым и болезненным, он полжизни провёл в седле и военных походах, проявляя чудеса выдержки. Набожный, Ришелье никогда не был фанатиком. Благодаря ему во Франции в отличие от других католических стран не зверствовала инквизиция и не пылали костры «ведовских процессов». Удивительно тонко умея чувствовать людей, кардинал в век личного влияния прекрасно использовал тщеславие и слабости сильных мира сего для своих целей. Посвятив всю свою жизнь усилению Франции, Ришелье оказался, пожалуй, одним из самых непопулярных политиков за всю историю страны. И,

Филипп де Шампань.
Тройной портрет кардинала Ришелье.

однако, сегодня можно утверждать, что этот министр принадлежит к числу наиболее ярких, значительных и трагических фигур истории.

Вначале Ришелье готовил себя к карьере военного. Но семейные обстоятельства заставили его изменить шпаге и надеть рясу священника. Он получил кафедру в городе Люсоне. Любознательный и самонадеянный молодой епископ Люсонский, появившись при дворе Генриха IV, сразу же стал лелеять мечты о государственной карьере. 23-летний Ришелье сумел обратить на себя внимание короля, который был настолько очарован его умом, эрудицией и красноречием, что называл его не иначе как «мой епископ».

Однако проницательный молодой человек быстро понял, что своими талантами он лишь наживает себе врагов. Тогда Ришелье решил покинуть столицу и ждать своего часа.

В Люсоне, не довольствуясь только епископскими обязанностями, он столь усердно пополнял свои и без того обширные знания, что стал страдать ужасными головными болями, мучившими его потом всю жизнь.

Из провинции Ришелье внимательно следил за событиями в столице. Он удивительно точно, черпая сведения только из писем, составил представление о расстановке политических сил. Несмотря на ряд постигших его неудач при попытке выдвинуться, епископ не оставлял надежд на политическую карьеру, делая при этом ставку на Генриха IV. Однако случилось непредвиденное: 14 мая 1610 г. король был убит фанатиком Равальяком.

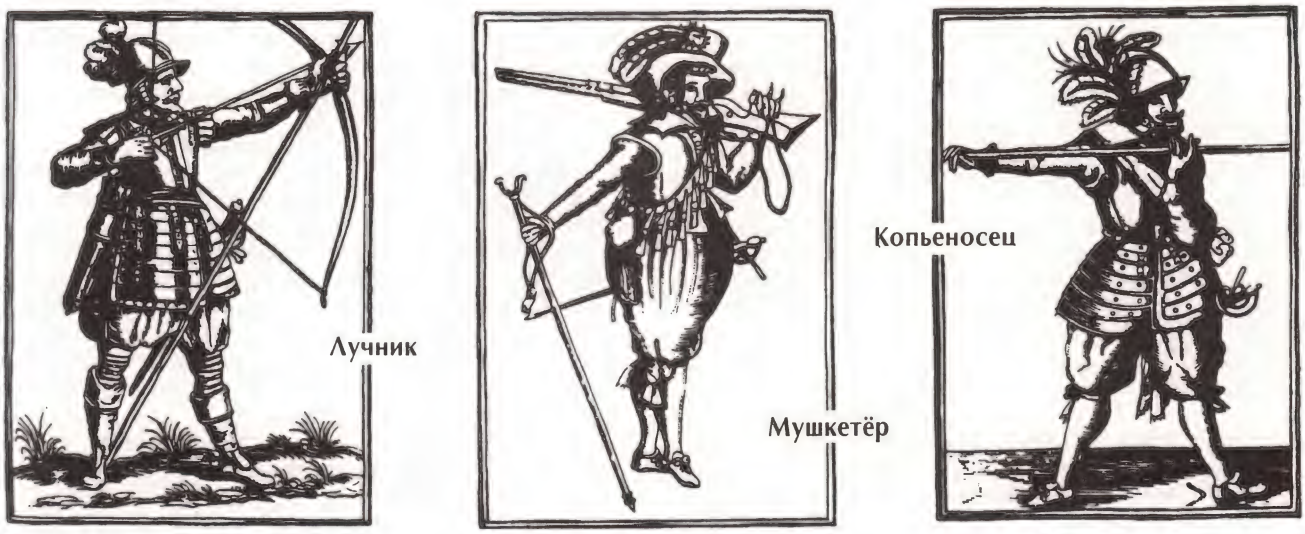
Новому королю Людовику XIII было всего девять лет, и власть оказалась в руках бездарной и самонадеянной королевы Марии Медичи и её фаворита, пустого и никчёмного Кончино Кончини. Семь долгих лет предстояло Франции терпеть эту неумную и претенциозную пару, сумевшую разрушить всё, что с таким трудом создал энергичный король Генрих IV.

Епископ Люсонский, присмотревшись, решил покинуть своё добровольное изгнание и попытать счастья в Париже. Правдами и неправдами, грубой лестью и умными советами, он за шесть лет сумел завоевать доверие Кончини и почти подчинил себе королеву. В 1616 г., потеснив многочисленных прихлебателей фаворита, Ришелье стал государственным секретарём.

Правительство Марии Медичи переориентировало политический курс Франции, повернув страну лицом к Испании, с которой Генрих IV собирался воевать. «Испанская партия», к которой первоначально примкнул и Ришелье, умудрилась оттолкнуть от Франции всех её старых союзников. Мощь Испании росла, грозя поглотить и подчинить своему влиянию всю Европу. Стоит ли говорить, что подобная ориентация не принесла ни пользы, ни престижа Франции. Солидарность с «испанской партией» стала первой ошибкой Ришелье, которая, впрочем, вытекала из общей политики правительства. Вторым его просчётом, чуть не ставшим для честолюбивого епископа Люсонского роковым, было его невнимание к молодому Людовику XIII, искренне ненавидевшему государственного секретаря.

Юный монарх тяготился наглостью Кончини и властолюбием матери. Решив править самостоятельно, он задумал устранить ненавистного фаворита. По его приказу Кончини, ставший уже маршалом д'Анкром, был убит. Одновременно закончилось и правление кабинета Марии Медичи.

Епископ Люсонский, всего пять месяцев выполнявший обязанности государственного секретаря, вынужден уйти в отставку. Но он не собирается сдаваться. Через семь лет он вернётся к власти и возглавит политику Франции. Ему придётся пережить годы немилости, страха, интриг, унижений, неустанной работы, прежде чем он сумеет подчинить короля своему влиянию. Для достижения этой цели Ришелье беззастенчиво будет использовать



Гравюры. Начало XVII в.

свою покровительницу Марию Медичи, которая и шага не может ступить без него.

Во Франции между тем пылают пожары восстаний. Возвышение новых фаворитов, которые хотят только брать и не могут ничего дать, вызвало бурное возмущение аристократии. Провинции, подстрекаемые принцем Конде, графом Суассонским и герцогом Бульонским, бунтуют против короля. Королева-мать присоединяется к этому дружному хору противников молодого монарха, и Людовик XIII, не в силах противостоять нажиму, вынужден идти на уступки. Мария Медичи добивается возвращения в Париж, откуда она выслана. О том же мечтает и Ришелье, стремясь к продолжению своей политической карьеры. Лишь в 1622 г. королева-мать соглашается окончательно примириться с сыном, но с одним условием — епископ Люсонский, так много для неё значивший, должен стать кардиналом.

В Париже кардинал Ришелье сумел доказать Людовику XIII свою незаменимость и в 1624 г. возглавил новое правительство. По части интриг первый министр не знал себе равных. Рассказ о том, как он добился высшей власти в государстве, — настоящий авантюрный роман, перед которым бледнеют все сочинения Дюма. Сохранять власть в течение последующих 18 лет Ришелье помогло его беспримерное умение лавировать при дворе. Трудно перечислить заговоры, которые устраивали против первого министра все недовольные его политикой. Порой жизнь его висела на волоске. Единственную поддержку Ришелье мог найти и находил в короле, у которого хватало здравого смысла ценить своего министра и понимать правильность его действий.

Многочисленные покушения на жизнь Ришелье сделали необходимой организацию его личной охраны. Так появились мушкетёры кардинала, которых Дюма ошибочно назвал гвардейцами. В отличие от мушкетёров короля, носивших голубые плащи, охрана Ришелье блистала красными — под цвет кардинальской мантии.

Заняв пост министра, Ришелье попытался провести ряд существенных реформ, призванных укрепить королевскую власть. Одной из главных задач было установить мир в многострадальной стране. Для начала требовалось утихомирить разгулявшуюся «фронду принцев», стремящуюся вырвать у короля привилегии и деньги. Ришелье посоветовал королю прекратить делать уступки и взял жёсткий курс на обуздание непокорных аристократов. Ему почти удалось накинуть узду на неспокойных родственников монарха, смирив их непомерную гордыню. Кардинал не стеснялся проливать кровь мятежников, не считаясь с их положением. Казнь одного из первых лиц страны герцога Монморанси заставила аристократию содрогнуться от ужаса.

Второй на очереди стояла задача усмирения гугенотов, со времён Генриха IV пользовавшихся большими правами. Гугеноты создали на территории Франции настоящие маленькие государства, готовые в любой момент выйти из повиновения. Центром сопротивления гугенотов была укреплённая и независимая крепость Ла-Рошель на западном побережье Франции.

Ришелье считал, что настала пора покончить с гугенотской вольницей. Подходящий случай не замедлил представиться. В 1627 г. обострились отношения с Англией, обеспокоенной начатым Ришелье строительством флота. Политики туманного Альбиона решили вызвать смуту во владениях соседа, подняв мятеж в Ла-Рошели. С английским десантом французская армия справилась достаточно легко, а вот осада мятежной крепости затянулась на целых два года. Наконец в 1628 г., сломленные голодом и потерявшие всякую надежду на помощь, защитники крепости сложили оружие. По совету Ришелье король даровал прощение оставшимся в живых и подтвердил свободу вероисповедания, лишив гугенотов лишь привилегий. Протестантский Лангедок утратил свои вольности в 1629 г. Никаких религиозных гонений не последовало. Кардинал Ришелье оказался слишком политиком, чтобы пытаться навязать стране религиозную однородность — химеру, которую отстаивал Рим. Однако благодаря такой тактике кардинал нажил себе врагов среди служителей Церкви.

Когда речь шла об интересах государства, вопросы вероисповедания отходили для него на второй план. Кардинал говорил: «И гугеноты, и католики были в моих глазах одинаково французами». Так вновь министр ввёл в обиход давно забытое за распрями слово «француз», так закончились религиозные войны, более 70 лет раздиравшие страну.

С приходом Ришелье к власти произошли серьёзные изменения и во внешней политике. Долгий путь к высокому посту был пройден не зря. Кардинал оценил и понял свои ошибки. Он постепенно и мягко начал уводить страну из фарватера Испании и возвратил её в традиционное русло политики Генриха IV. Восстанавливая связи со старыми союзниками, Ришелье методично внушал Людовику XIII мысль о необходимости дать отпор чрезмерным притязаниям Испании и Австрии.

Династия Габсбургов, правившая в обеих империях, медленно заглатывала Европу, вытеснив Францию из Италии и почти подчинив себе Германию. Протестантские князья, не имея сил сопротивляться мощному давлению Австрии, сдавали одну позицию за другой. Если бы не вмешательство Ришелье, неизвестно, чем бы кончилась эта неравная борьба. Католический кардинал, нимало не смущаясь, начал субсидировать протестантских государей и заключать с ними союзы. Дипломатия Ришелье, а главное, французские пистоли, сумели вдохнуть жизнь и силы в готовые капитулировать германские княжества,

Кардинал Ришелье.

преподнеся уверенным в своей победе Габсбургам неприятный сюрприз. Благодаря дипломатическому, а затем и военному вмешательству Франции Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) была продолжена и завершилась полным крахом имперских замыслов Австрии и Испании. Перед смертью в 1642 г. Ришелье мог с гордостью сказать Людовику XIII: «Теперь песенка Испании спета». И это были не пустые слова.

После войны была реализована идея кардинала о введении Франции в «естественные границы»: произошло долгожданное объединение всех исторических территорий — Лотарингии, Эльзаса и Руссильона, которые после стольких лет борьбы вошли в состав Французского королевства.

«Испанская партия» не простила Ришелье смену политического курса страны. Самые влиятельные люди королевства — Мария Медичи, Анна Австрийская, Гастон Орлеанский — настойчиво чинили козни и плели заговоры против «господина главного государственного министра».

Мария Медичи с упорством брошенной женщины преследовала Ришелье, подрывая своей ненавистью и без того слабое здоровье кардинала. Она не могла ему простить ни исключительного влияния на Людовика XIII, ни измены её политике, а главное — своего оттеснения на второй план. В конце концов она после ряда неудачных попыток уничтожить своего бывшего любимца бежала из страны, чтобы никогда не вернуться назад.

Брат короля Гастон Орлеанский в своём стремлении занять престол не брезговал даже союзом с врагами Франции. Неумный, бессовестный, жадный, легкомысленный предатель, он видел в Ришелье своего главного врага. Презиравший его кардинал считал, что принц не имеет никакого морального права быть наследником французского престола.

Более сложными были отношения Ришелье с Анной Австрийской. Она была слишком испанкой, чтобы быть хорошей королевой Франции. Абсолютно не понимая политики кардинала, направленной на возвышение страны, она активно поддерживала своего брата, короля Испании Филиппа IV, надеясь с его помощью уничтожить ненавистного министра даже ценой поражения Франции в войне. Впрочем, для этих людей личные интересы всегда были выше государственных.

Ришелье же был одержим идеей блага государства. Он вполне резонно воспринимал все покушения на свою жизнь как попытку уничтожить национальную политику Франции. В тот век слишком много зависело от личности. Смена министра означала смену политической ориентации. А потому действия д'Артаньяна выглядят непатриотично на фоне титанических усилий Ришелье обезопасить Францию. А разве один д'Артаньян ставил служение красивой женщине выше интересов собственной страны?

Французское дворянство, для блага которого неустанно трудился кардинал, ненавидело первого министра. Как больной ребёнок, недолюбливающий того, кто заставляет его пить горькое лекарство, дворянство становилось в оппозицию Ришелье, врачующему его изъяны и пороки. Понятие «родина», введённое первым министром в политический обиход, было абсолютно чуждо первому сословию.

Общую ненависть к Ришелье вызвал и закон о запрещении дуэлей. Дворяне желали видеть в короле лишь первого среди равных. Кардинал же стремился внушить им мысль о священности королевской власти. По мнению Ришелье, кровь подданных может быть пролита только во имя родины, олицетворяемой священной особой короля. Если же дворяне жертвуют жизнью, защищая свою честь, то они тем самым ставят себя на одну доску с монархом — недопустимая вольность! Помимо всего прочего, огромное число лучших представителей дворянских родов заканчивало жизнь на дуэли, без всякой пользы для государства. Во имя интересов самого дворянства Ришелье стремился привлечь его к государственной службе, демонстрируя таким образом ценность первого сословия для страны. Всё это, однако, не встречало понимания у дворян и вызывало их бешеное сопротивление и насмешки.

Не меньшую ненависть испытывало к Ришелье и третье сословие. Занятый созданием единого национально-политического государства, кардинал решительно пресекал любой сепаратизм. А именно к нему были склонны парламенты крупных городов, не желавшие видеть общегосударственных интересов за своими местными проблемами. Урезание прав парламентов явилось причиной огромной непопулярности первого министра. Политика Ришелье по отношению к парламентам привела к сознательному уничтожению официальной оппозиции третьего сословия. Такого же курса будут придерживаться и последователи великого кардинала. Отсутствие отдушины для выхода политической активности в системе абсолютной монархии выльется во взрыв возмущения народа спустя 150 лет — во время Великой французской революции.

У простонародья тоже были причины для недовольства первым министром. Разорительные войны, Тридцатилетняя и Испанская (1635—1659 гг.), в которые оказалась втянутой стараниями кардинала Франция, принесли не только внешнеполитические выгоды, но и страшное разорение. Временами военные действия велись на территории Франции. Эльзас и Лотарингия были присоединены к ней после трёх походов армии Людовика XIII, нашествия имперских войск, которые, как саранча, не оставляли камня на камне. Война требовала гигантского напряжения сил. Крестьяне и буржуа не знали и не хотели знать о великих замыслах кардинала и о грядущем золотом веке, обещанном Людовику XIII его министром. На протяжении 18 лет правления кардинала страну сотрясали народные восстания, доставляя Ришелье немало хлопот.

Видя перед собой единственную цель — благо страны, Ришелье упорно шёл к ней, преодолевая яростное сопротивление недоброжелателей и невзирая на почти всеобщее непонимание. Кардинала с полным основанием можно считать одним из отцов-основателей французской нации и творцов современной Европы.

Редко кто из государственных деятелей может похвастаться осуществлением всех своих замыслов. «Я обещал королю употребить все мои способности и все средства, которые ему угодно будет представить в моё распоряжение, на то, чтобы уничтожить гугенотов как политическую партию, ослабить незаконное могущество аристократии, водворить повсеместно во Франции повиновение королевской власти и возвеличить Францию среди иностранных держав» — так определял Ришелье задачи своего правительства. И они были выполнены. Вопреки окружавшей его ненависти и обвинениям в стремлении к личной выгоде кардинал Ришелье все свои силы отдавал служению Франции. Перед смертью на предложение простить своих врагов он ответил: «У меня не было других врагов, кроме врагов государства». Ришелье имел право на такой ответ.

ЛЮДОВИК XIV

«Скрип шагов по песку заставил её обернуться. Людовик XIV был без шляпы; взмахом трости он сшиб бабочку, которую поднял с травы шедший с ним де Сент-Эньян.

— Видите, принцесса, я тоже охочусь за бабочками, — сказал он, подходя. — Господа, — прибавил он, оборачиваясь к своей свите, — займитесь охотой и принесите добычу своим дамам.

Это означало — отойдите от нас подальше.

Забавно было видеть, как старые почтенные вельможи, давно забывшие о стройности и изяществе, принялись бегать за бабочками, теряя шляпы и колотя тростями кусты мирта и дрока, точно они сражались с испанцами».

Разве могут оставить равнодушными слова Александра Дюма, приглашающие в мир приключений его героев, развёртывающихся на фоне блистательного и вероломного времени короля Солнца (Le roi soleil), Людовика XIV Бурбона. Эпоха его правления насыщена и событиями, и страстями; к ней не раз обращались и продолжают обращаться писатели, драматурги, художники, композиторы, кинорежиссёры, архитекторы.

Сын Анны Австрийской и Людовика XIII (при котором сияла звезда Ришелье) родился в 1638 г. и вступил на престол, не достигнув пятилетнего возраста. Управление государством сосредоточилось в руках его матери и расчётливо-хитрого кардинала Мазарини. Увлёкшись племянницей последнего, Людовик проводил дни в забавах, принятых при королевском дворе. Его рука (сердце — вряд ли) досталась испанской инфанте Марии Терезии. Не проявляя стремления к управлению государством до смерти кардинала, после неё Людовик словно переродился. Он с головой окунулся в государственные дела, умело подбирая себе толковых, но не слишком ярких сподвижников (Кольбера, Лувуа и др.). При нём почитание королевской власти приняло практически полурелигиозный характер; саму же власть олицетворял лично Людовик XIV («L'etat c'est moi» — «Государство — это я»).

Поощряя развитие промышленности (наибольшее внимание уделялось крупным мануфактурам) и торговли (строился внушительный торговый флот, основывались торговые компании — Ост-Индская, Вест-Индская и др.), король провёл реорганизацию армии, готовясь к целой серии военных столкновений. Давнее противостояние Франции и Испании не могло не обостриться при Людовике XIV. После смерти Филиппа IV Испанского Людовик захватил часть испанских Нидерландов. Он предъявил права на другие европейские территории, причём спорные ситуации Франция разрешила в свою пользу. Так, французские войска внезапно заняли имперский город Страсбург, учинили страшную резню в

Лебрен. Людовик XIV.
Национальный музей. Версаль.

Пфальце (Германия), французский флот бомбардировал Геную и Триполи. В 80-е гг. XVII в. вспыхнула крупная война с целой коалицией (в составе которой — Англия, Голландия и Германская империя). Вначале успех сопутствовал французской стороне, но затем картина изменилась. Расходы на войну росли, французская армия терпела поражения. В начале XVIII столетия Людовик, находясь в плену честолюбивых замыслов, начал борьбу за так называемое Испанское наследство, желая отвоевать испанскую монархию для своего внука.

При Людовике XIV абсолютизм во Франции достиг своего апогея. Герцог Сен-Симон писал о короле: «Абсолютный без возражения Людовик уничтожил и искоренил всякую другую силу или власть во Франции, кроме тех, которые исходили от него: ссылки на закон, на право считались преступными». Огромные траты на содержание многочисленной армии, свиты, дворцов, покровительство искусствам, расходы на войны и фаворитов довели большую часть населения страны до бедности либо нищеты (хотя основной налог с крестьян — та́лья — и был снижен почти на треть Кольбером, министром короля).

Людовик много не взыскивал лишь с дворян и вообще ничего не требовал от духовенства. Нередко вспыхивали восстания бедноты (одно из крупнейших — восстание камизаров (camisa — белая рубаха, которую повстанцы надевали поверх одежды; против них пришлось направить 25-тысячную королевскую армию). Людовик XIV не жаловал набиравшую силу буржуазию, а также городские парламенты. Города окончательно утратили самоуправление.

Людовик XIV, король Франции. 1701 г.

Будучи рьяным приверженцем католицизма, король отменил знаменитый Нантский эдикт, закреплявший веротерпимость во Франции. Вследствие этого десятки тысяч протестантов покинули родину.

Резиденция французских королей переместилась в Версаль, где был создан грандиозный дворцово-парковый ансамбль (главный дворец — Большой Трианон, украшенный с безудержным расточительством). Людовик стремился, чтобы вокруг него в Версале вращался весь цвет французской нации, чтобы именно здесь располагался культурный центр Европы. Франция имела на это право: данное время отмечено творчеством Мольера, Ларошфуко, Ватто, Буало, Перро, Расина и других известных писателей и художников; созданы оперный театр, Академия наук, Академия архитектуры, Академия словесности. Высшая аристократия с жадностью покупала постоянно выдумываемые придворные должности. Увеселения в Версале не прекращались. В свите короля особой роскошью выделялись его фаворитки (Лавальер, Монтеспан, Фонтанж). Многие европейские монархи завидовали жизни Версальского двора и подражали Людовику XIV даже в его слабостях. Король Франции был красив: слегка покатый лоб, длинный нос, округлые щёки, карие глаза; он казался выше своего среднего роста благодаря величественной осанке. Он был мастером всяких затей, в молодости даже танцевал в балете и играл на сцене. Он был пунктуальным и работоспособным. Так, Кольбер рассказывает, как в один и тот же день король председательствовал в финансовом совете с десяти часов утра до половины второго, после обеда присутствовал в другом совете, два часа занимался латынью, а вечером сидел в третьем совете до десяти часов. Людовик XIV ревностно соблюдал этикет и требовал этого от других. «Я чуть было не подождал», — сказал он одному вельможе, явившемуся точно в назначенное время. Образование Людовик XIV получил недостаточное (Мазарини, поглощённому борьбой со своими противниками, было не до воспитания наследника). Например, по поводу своего невежества в истории Людовик говорил: «Испытываешь жгучую досаду, когда не знаешь вещей, которые все другие знают».

Искусный притворщик, осмотрительный и недоверчивый, порой дерзкий в своих желаниях, считавший, что «профессия короля — великая, благородная, восхитительная профессия», Людовик XIV представлял своё правление чудесным, но отнюдь не лёгким спектаклем. Оставаясь до конца своей долгой жизни деятельным, король на исходе лет пережил смерть некоторых из своих близких родственников. До самой своей кончины в 1715 г. Людовик XIV пытался поддерживать «начинавшую уже падать внешность своего великого века».

СРЕДНЕВЕКОВОЕ КОРОЛЕВСТВО

Средневековые государства прошли немалый путь за тысячелетие, отделившее первые варварские королевства от развитых и сложно организованных монархий XV—XVI вв. Французский историк Жак Ле Гофф изображает франкских королей VII в. окружёнными сборищем пьяных солдат и неотёсанных слуг; вся эта толпа именовалась «славными, или именитыми, людьми» и была наделена пышными римскими титулами.

Короли той эпохи не имели постоянного места жительства и всю жизнь переезжали от одного поселения к другому, кормясь за счёт своих подданных и налогов с личных владений (домена). Постоянные налоги не собирались, а все свои богатства король возил с собой в сундуках и ларях — изделия из золота и стекла, драгоценные ткани и оружие...

К концу Средневековья королевская власть начинает играть в жизни людей всё более важную роль. Население королевства превращается в подданных короля, в чьих руках сосредоточивается вся власть в государстве. История средневековых королевств — это зеркало европейской истории Средних веков. Глядя в него, можно шаг за шагом проследить тот путь, который европейцы одолели за тысячелетие. Много это или мало — тысяча лет? Ответ на этот вопрос зависит от длины пути.

Предводители готов, франков, лангобардов и других варварских народов, обрушившихся на Западную Римскую империю, были типичными дружинными вождями. Они имели власть не столько над своим племенем в целом (племя жило и продолжало жить по древним неписаным законам, в которых вождю отводилось своё, определённое обычаем место), сколько над ватагой молодых дружинников, охочих до дальних походов и грабежей. В дружине царили древние обычаи воинского равенства и братства — военную добычу по-прежнему делили поровну, складывая в кучу, после чего каждый воин брал из этой кучи свою долю. Короля франков провозглашали, поднимая его на щит (явно племенной обычай); он не носил ни скипетра, ни короны — единственным отличием короля от других воинов было особое королевское копьё (что-то вроде капитанской повязки в футбольной команде). Вождь оставался во главе дружины до тех пор, пока он был в состоянии демонстрировать военную сноровку и особую магическую силу — удачу. Старый или утративший удачу предводитель быстро отстранялся от власти; нередко его убивали вчерашние соратники.

Королевская власть в отличие от полномочий племенных вождей стала передаваться по наследству в одном из знатных родов. Например, франкские короли V—VII вв. вели свою родословную легендарного короля Меровея, поэтому их династия получила название Меровинской. В облике франкских королей из династии Меровингов ещё хорошо заметны черты племенных вождей. Магическая сила Меровингов, по преданию, заключалась в длинных волосах, поэтому мужчины королевской крови никогда не стриглись. Средневековые историки так и называют их — «косматые короли». История дома Меровингов переполнена заговорами, междуусобицами и кровавыми расправами одних претендентов на трон над другими. Последние Меровинги получили прозвище Ленивые короли — они превратились во что-то вроде священных талисманов или кукол, изображающих короля; играла же этими «куклами» энергичная придворная знать.

Не должно вводить в заблуждение то, что короли-варвары издавали довольно много законов; историки называют собрания этих законов «варварскими правдами». Законы издавались во многом для того, чтобы отрегулировать отношения «своих» (франков, бургундов, баваров) с «чужими» — потомками римлян, попавшими под власть варваров. Законы раннесредневековых королевств — это в первую очередь ещё племенные, а не государственные законы. Правда, короли в это время (Меровинги, например, с VI в.) начинают издавать указы, выходящие за рамки традиционного племенного уклада и относящиеся к сфере государственного управления.

Очень долго средневековые королевства не имели устойчивых и определённых границ. Земли,

Вильгельм Завоеватель и его дворяне.

Женские платья, накидки, украшения, причёски.
Середина XII в.

которыми правил король, рассматривались как его военная добыча; он мог свободно делить эту добычу на части точно так же, как он рассекал топором золотую чашу или гривну, чтобы разделить её между дружинниками. Франкский король вполне мог преподнести жене в качестве «утреннего дара» (традиционный у германских народов подарок мужа молодой жене на следующий день после свадьбы) десяток городов, без которых само существование франкского королевства становилось весьма затруднительным. Они оставались в рамках государства, пока король был жив, но после его смерти вдова приносила эти земли в приданое своему второму супругу... Сыновья-наследники также неустанно занимались перекройкой владений умершего отца. При этом их не интересовали ни удобство, ни покой подданных, ни языковое и культурное единство населения разделяемых земель. Главное — чтобы раздел был равным. Никто не должен быть обижен: каждый должен получить и морские порты, и солеварни, и железные рудники.

Власть племенных вождей была необходимой и достаточно сильной только в период завоеваний. Охранять мир и порядок такая власть не умела, к этому она вовсе не была приспособлена. Варварские короли переняли у римлян красивые названия чиновничьих должностей и награждали этими звучными титулами своих соратников, но создать стройную систему управления им удалось не сразу. Короли раннесредневековой Европы умело использовали в управлении королевствами народные представления о своей особой, магической силе. В Англии и во Франции ещё в позднее Средневековье верили, что короли одним прикосновением могут излечивать различные заболевания. Так, король-вождь раннего Средневековья накладывал своё особое покровительство, «мунт», на человека или область, которые он хотел защитить. Посягнуть на человека или общину, находящиеся под королевским «мунтом», означало посягнуть на саму священную персону короля, вступить в противоборство с таинственными и загадочными силами, которыми владеет король. Ясно, что раннесредневековое королевство вряд ли можно назвать государством в современном смысле слова. Оно больше похоже на осевшую в одном месте бродячую военную дружину, распространившую своё влияние на мирные слои общества и вынужденную заниматься «не своим делом» — сохранением мира и порядка.

Значительное расширение пределов Франкского королевства (с 800 по 814 г.) способствовало поискам новых форм управления державой. Её территория была разделена приблизительно на 200 графств во главе с назначаемыми королём графами (в пограничных областях — «марках» — они назывались маркграфами). Графы следили за исполнением королевских приказов, наблюдали за деятельностью местных судов и командовали военными отрядами. Связь центра с графствами поддерживалась благодаря государевым посланцам из числа крупных светских или церковных сановников. Эту структуру венчали ежегодные собрания знати королевства, обеспечивающие взаимопонимание императора и аристократии.

Кроме того, важным светским и церковным персонам предоставлялись широкие права в управлении отдельными территориями, изъятые из компетенции графов. Таким образом, эти сеньоры превратились по существу в полновластных господ обширных областей, но были связаны присягой на верность и обязательством военной службы королю.

Каждый подданный империи, годный к военной службе, должен был найти себе сеньора, которому он принёс бы клятву верности и под началом которого бы воевал. Средневековое общество было

Просмотр книг при дворе короля.

раздробленным, оно состояло из мельчайших «атомов» и «молекул»; королевская власть никак не могла охватить его «сверху», связать все эти «атомы» и «молекулы» воедино. Длительную и кропотливую работу «связывания» разумнее было предоставить тем, кто находился как можно ближе к общинам, объединениям ремесленников и крестьянским дворам, — графам и баронам, рыцарям и епископам.

Такой порядок таил в себе и большую опасность, что знать при малейшем ослаблении власти императора перестанет ему повиноваться. Именно так и произошло, когда наследники Карла Великого, занятые разделами императорских земель между собой, не могли удерживать в повиновении своих вассалов. До конца XI в. феодальная вольница имела явный перевес над королями в большинстве европейских стран. Достаточно сказать, что домен (личные владения) французского короля был в это время значительно меньше доменов многих его вассалов. Это означало, что король в своих отношениях с графами и герцогами мог рассчитывать только на их верность вассальной присяге; силой принудить их к повиновению он чаще всего не был способен. Именно в то время и складываются представления о короле как о «первом среди равных», которыми ещё долго будет тешить себя европейское дворянство позднего Средневековья. Подобная участь постигла не только империю Карла Великого, но и державу датского короля Кнуда I (1016—1035 гг.), и Священную Римскую империю, созданную германскими королями в середине X в.

XII век станет веком подлинного возникновения средневекового королевства как грозной силы, способной сломить любого непокорного подданного короля. Даже люди Церкви не могут чувствовать себя в безопасности; вся Европа была потрясена, когда из Англии дошли вести о том, что в угоду королю Генриху II (1154—1189 гг.) несколько рыцарей убили архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета. Тот же Генрих II в своём послании императору Священной Римской империи Фридриху I Барбароссе горделиво писал: «Каждый король — император в своём королевстве», отвергая тем самым претензии Фридриха на особое положение среди европейских монархов. Что же стало причиной быстрого усиления королевской власти в Англии и несколько позже — во Франции?

Первой причиной, несомненно, был бурный рост городов. В городах королевская власть нашла надёжных союзников в борьбе с непокорными сеньорами. Немаловажно, что это были богатые союзники. Городские деньги значительно пополняли королевскую казну. Англия и Франция постепенно установили упорядоченный сбор королевских налогов; деньги казны позволили держать на местах платных королевских чиновников, отстаивающих интересы короны. В Англии это были шерифы, во Франции — прево, бальи и сенешали. Английские короли стали взимать налог и с рыцарей («щитовые деньги»), освобождая их взамен от военной службы. На вырученные деньги король нанимал нужное количество воинов, тем самым становясь независимым от непокорных вассалов.

Важной причиной укрепления королевской власти в XII в. было и окончательное утверждение вассальных отношений, пронизывавших все слои феодального общества. Не случайно королевская власть была сильнее всего именно там, где вассальные связи были наиболее развиты и отрегулированы законодательством, — в Англии, на Сицилии, в Иерусалимском королевстве. Чем запутаннее и сложнее становились сплетения сеньориальных прав и вассальных обязательств, тем больше возникала потребность в едином центре этих отношений, «сеньоре номер один»,

объединявшем вокруг себя весь феодальный класс. Королевская власть оказывалась сильнее там, где все рыцари или их большая часть была связана вассальными отношениями с королём.

К XII в. средневековое общество стало более сложным, чем раньше. «Атомы» его и «молекулы» вошли в зависимость друг от друга, начали образовывать устойчивые «цепочки». Возникли и новые формы власти, закреплявшие выгодные для общества сочетания устремлений и интересов. Пути их возникновения были очень разными даже в соседних странах. В Англии, например, королевская власть была традиционно сильна с момента нормандского завоевания (1066 г.); в первых английских королях Нормандской династии и династии Плантагенетов ещё вполне различимы черты облика удачливых дружинных вождей-завоевателей. На этом «запасе» авторитета Генрих I (1100—1135 гг.) и Генрих II успевают осуществить реформы, придающие королевской власти государственное обличье. Но быстрый и неконтролируемый прирост власти английских королей вызвал недовольство баронов; этот процесс был вовремя и достаточно аккуратно «приторможен». В 1215 г. король Иоанн Безземельный был вынужден подписать представленную ему баронами Великую хартию вольностей. Этот документ положил начало ограничению власти короля парламентом. В XIII—XIV вв. в Англии отрабатывается сложная форма правления, согласующая права короля с правами общин.

Во Франции всё происходит медленнее, но более надёжно. Короли постепенно увеличивают свой домен, превращаясь в крупнейших феодальных сеньоров страны. Так же понемногу властители Франции прибирают к рукам и судопроизводство — важнейшую отрасль средневекового управления. При Людовике IX Святом (1226—1270 гг.) были запрещены судебные поединки, любой желающий мог перенести своё дело из сеньориального в королевский суд. Был создан высший судебный орган — королевский парламент, который имел право пересматривать решения прочих судов. Французское королевство окончательно складывается при Филиппе IV Красивом (1285—1314 гг.). Именно Филипп вводит во Франции подобие английского парламента — Генеральные штаты. Штаты были разделены на три палаты по сословиям — духовенство, дворянство, горожане; все палаты заседали раздельно и имели скорее совещательный, а не решающий голос (в отличие от английского парламента).

Так в XIV—XV вв. в Европе возникают сословные монархии, где наряду с королевской властью существуют органы, состоящие из представителей дворянства, духовенства и городов. Чаще всего эти органы могли лишь давать советы королю, что открывало большие, чем прежде, возможности в согласовании интересов королевской власти с интересами полноправных сословий королевства.

Английское и французское королевства подвергли себя тяжелейшему испытанию на прочность, вступив в Столетнюю войну (1337—1453 гг.). В ходе этой войны Франция не раз была на волосок от гибели, разрушительный кризис пережила во второй половине XV в. и Англия, проигравшая войну. И всё же оба государства в конечном счёте доказали свою жизнеспособность; в XIV—XV столетиях степень их внутреннего единства была уже такова, что наиболее мощные королевства средневековой Европы оказались в состоянии вынести любые потрясения. Престиж королевской власти неизмеримо вырос. Возникающие европейские нации видели в монархе своё выражение, свой символ. Королевствам Европы предстояло ещё пережить и многочисленные войны, и борьбу католиков с протестантами, и восстания непокорной знати, и выступления крестьян против своих господ... Представление о национальном единстве оказалось сильнее всех этих бедствий, а выражалось это представление чаще всего в верности королю. Фигура короля начиная с 1500 г. освещается особым светом: он — человек, как все, он — часть нации, и одновременно он — воплощение всего могущества нации и существующей отдельно от неё Божественной власти.

ЗАМОК

...В середине XI в. в Англии развернулось грандиозное строительство замков. Пока родственники покойного короля Генриха I выясняли, кому из них править страной, почувствовали свободу и силу английские бароны. Не дожидаясь появления твёрдой королевской руки, они спешно принялись укреплять свои владения. С поразительной скоростью — в несколько лет — баронские земли ощетинились башнями почти 300 замков. Вступивший на трон король Генрих II Плантагенет был возмущён подобным самоуправством своих подданных и приказал сровнять постройки с землёй. Но было поздно...

Сеньоры, властные и независимые, не слишкомто слушались царственного сюзерена и превращали свои земли в настоящие маленькие королевства. Чем свободнее они себя чувствовали, тем неприступнее были «столицы» их владений — замки.

Вся округа словно находилась в тени такого замка. В нём сеньор сосредоточивал свою власть и военную мощь: здесь стояли его воины и собирались вассалы, чтобы выступить на защиту владений своего сюзерена. Здесь укрывались в дни нападения врага окрестные жители, которые за право считать хозяина замка защитником платили разные поборы и несли службы (например,

Дворянин выезжает на охоту.

чинили укрепления). В своём замке, как в настоящей столице государства, сеньор вершил суд над вассалами и крестьянами. И не было для них другого судьи, как и другого правителя.

Случалось, что неподалёку селились ремесленники: ткачи, мастера, ковавшие оружие и делавшие конскую сбрую, — те, чьи изделия больше всего нужны сеньору и его слугам. И для них замок становился надёжным убежищем, а его хозяин — господином. К замку привозили свой товар купцы — сеньор щедро платил за заморские шелка и пряности. Правда, для проезда по его владениям торговец сам должен был не единожды раскошелиться: проехал по мосту — плати, перевёз тебя паромщик — плати, но не паромщику, а его господину, правителю всей округи, хозяину неприступной цитадели.

Сердце владений сеньора, замок представлял собой грозное зрелище. Всего 100 лет назад сеньор с воинами и домочадцами в случае опасности укрывался в деревянной башне, обнесённой частоколом. Теперь вместо этого на высоком холме в излучине реки спешно, но надёжно возводились могучие стены высотой 50 футов (15 м) и толщиной 16 футов (5 м) и башни. В одной из башен были тяжёлые ворота из крепкого дуба, сверху окованные железом. Замок окружал ров, через него к воротам вёл бревенчатый мост, который при нападении врага можно было легко и быстро разобрать. Сзади ворот оскалились острыми зубьями две подъёмные решётки. Стоило опустить их, и тот, кому удалось прорваться за ворота, оказывался в ловушке, не успев попасть во двор.

Двор замка делила на две части высокая (выше внешних) стена. Широкое пространство перед ней занимали разные службы: здесь должны были жить воины и слуги, располагаться конюшни. Во внутреннем дворе, по ту сторону стены, высилась башня, гораздо выше и надёжнее всех остальных, с редкими узкими окошками-бойницами — донжон (дом хозяина замка). Внутри донжона было сумрачно, холодно, да и не так просторно, как можно было подумать, стоя снаружи: три зала один над другим, разделённые деревянными перекрытиями, две комнаты, кухня и оружейная. Не слишком богато для властительного сеньора, но и у самого короля Генриха II в доме кроме залов была всего одна спальня. Главным были не роскошные покои, а надёжные стены.

Не успевали строители уложить последние камни, как замок начинали обживать те, для кого он и строился: сеньор со своими родными, воинами и слугами. Под мрачноватыми сводами часто звенели детские голоса: кроме детей хозяина в замке росли и воспитывались сыновья его вассалов.

Жизнь за крепкими стенами текла уединённо и размеренно. Если не было войны, сеньор охотился, упражнялся в фехтовании или развлекался игрой в кости и шахматы. Госпожа проводила дни за бесконечным рукоделием. Только в начале лета замок по-настоящему оживал: играли свадьбы, принимали многочисленных гостей, устраивали турниры и давали пиры, которые вспоминали потом до следующего года, если не случалось ещё чего-нибудь — нападения

THE·BARBICAN·AND·OUTER·WALLS·BUILT·BY·KING·LOUIS·THE·NINTH

врага, пожара, приезда нежданного знатного гостя. В остальное время даже новости в замок доходили редко, и потому его обитатели несказанно радовались, если долгим зимним вечером просил приюта путник — бродячий монах или менестрель. Они-то и рассказывали хозяевам, что творится в местах отдалённых, куда за день верхом не доберёшься. Если же повествование было полно событий, невероятных и удивительных, то ещё лучше — было что вспомнить после ухода гостя.

Нередко к замку подступали враги. На высокие стены взобраться они пытались не часто — всё больше томили осадой, но и это не всегда удавалось: в подвалах замка хранилось много запасов, воду для питья брали здесь же, в колодце, выручали и тайные подземные ходы.

Так в войнах и скучноватой мирной жизни прошло 200 лет. За это время упрочил свою власть король, с которым не боялся прежде соперничать сеньор — основатель твердыни. Его потомок не был больше безраздельным хозяином округи — выше него стоял королевский чиновник. Но войны по-прежнему были частыми, и потому нынешний сеньор следил за тем, чтобы его родовое гнездо оставалось грозным и неприступным, но уже не как центр владений, а как крепость. Бревенчатый мост сменился подъёмным, на толстых железных цепях. Залы в донжоне теперь разделяли не деревянные перекрытия, а каменные своды, которые мастера расписывали орнаментом. Только сама башня стала тесновата для жилья, и рядом с ней вырос прочный каменный дом.

За прошедшее время гораздо больше, чем сам замок, изменилась его округа. По соседству зашумел довольно большой город. Он вырос на месте посёлка ремесленников, некогда поселившихся под стенами соседнего замка, оставшегося теперь без хозяина. Его выгнали горожане, которых этот сеньор терзал поборами. Жители города — потомки тех первых ремесленников — больше не нуждались в его защите и сами могли за себя постоять.

Прошло еще 100 лет. Утихли усобицы, стёрлись чёткие границы земель некогда властительных сеньоров. Их наследники несли верную службу королю, а замок уходил в прошлое вместе с независимостью своего хозяина. Он мог попрежнему возвышаться на холме, но стены его уже сильно обветшали. Зато за ними выросла острая крыша маленькой часовни, появились новые постройки — просторный дом с большими залами и множеством комнат. Времена изменились: роскошные покои стали важнее надёжных стен.

Пролетели годы, и на полях сражений загрохотали первые пушки, против которых не могли устоять окончательно одряхлевшие стены и башни старого замка. Нынешний хозяин, да и его отец мало интересовались судьбой замка — они жили при королевском дворе в столице. В бывшем господском доме ютились только старые слуги.

Но пришло время, когда в полуопустевшие руины вернулся исполняющий в соседнем городе (бывшем посёлке ремесленников) королевскую службу владелец некогда горделивой твердыни. Знатный придворный пожелал заново отстроить родовой замок.

Мастера-каменщики принялись за работу. Воспользовавшись камнями, взятыми из полуразвалившегося донжона и башен, они перестроили, расширили, надстроили старый дом, превратив его в совершенно новое нарядное здание с маленькими башенками. Кусок рухнувшей в ров стены переделали в изящный мост. Щербатые остатки стен разобрали и возвели из них нужные в хозяйстве постройки.

Так среди быстро разрастающихся деревьев вырос новый замок, совершенно не похожий на своего грозного предка, пятью тяжёлыми башнями нависавшего над округой. Он во всём отвечал вкусам своего владельца, не собирающегося ни с кем воевать, но любящего роскошь и удобство. Его оборонительные качества полностью соответствовали независимости хозяина — дворянина, состоящего на королевской службе. В силу традиций нарядный большой дом, стоящий среди парка, ещё довольно долго называли замком. Но это был уже настоящий дворец.

РЫЦАРИ

Вокруг рыцарей, которых одни называют неустрашимыми воинами, преданными вассалами, защитниками слабых, благородными слугами прекрасных дам, галантными кавалерами, а другие — неустойчивыми в бою, нарушающими своё слово, алчными грабителями, жестокими угнетателями, дикими насильниками, кичливыми невеждами, вертелась в сущности история европейского Средневековья, потому что они в те времена были реальной силой, которая творила историю. Рыцарь — это прежде всего профессиональный воин. Но не просто воин. «Рыцарь», «рейтер», «шевалье»... на всех языках значит «всадник». Но не просто всадник, а всадник в шлеме, панцире, со щитом, копьём и мечом. Всё это снаряжение было весьма дорогим: ещё в конце X столетия, когда расчёт вёлся не на деньги, а на скот, комплект вооружения, тогда ещё не столь сложного, вместе с конём стоил 45 коров или 15 кобылиц. А это величина стада или табуна целой деревни.

Но мало взять в руки оружие — им надо уметь отлично пользоваться. Для этого необходимы беспрестанные утомительные тренировки с самого юного возраста. Недаром мальчиков из рыцарских семей с детства приучали носить доспехи — известны полные комплекты для 6—8-летних детей. Следовательно, тяжеловооружённый всадник должен быть богатым человеком, располагающим временем. Крупные сеньоры могли содержать при дворе лишь очень небольшое число таких воинов. Основная часть воинов за свою воинскую службу сюзерену получала участки земли, обрабатываемые крестьянами, в виде бенефиция (дословно «благодеяние»). Сначала эти земельные пожалования были пожизненными, т. е. воин владел ими до своей смерти или до смерти своего сюзерена. Постепенно бенефиций превратился в наследственное владение, называемое феодом или леном.

На подобных отношениях в Европе выстроилась сложная феодальная иерархия, которую увенчивал король, а за ним следовали его вассалы — крупные светские и духовные магнаты (герцоги, графы, епископы), далее шли землевладельцы более низкого ранга (бароны), а мелкие феодалы, замыкавшие эту «лестницу», и назывались рыцарями. В XI—XII вв., когда значительно усилилось единство господствующего слоя средневекового общества, термин «рыцарь» получил более широкое значение и обозначал человека благородного происхождения, принадлежавшего к военному сословию.

За клятву верности сеньору рыцарь получал землю с работающими на него крестьянами, право суда над ними, право сбора и присвоения налогов. Обязанности его сводились к тому, чтобы во время военных действий на свои средства служить сеньору обычно 40 дней в течение года. За «сверхурочную» службу шло большое жалованье. Военная добыча — трофеи, выкуп за пленных, сами пленные — тоже доставалась рыцарю. Можно было во внеслужебное время и поработать «налево» — наняться к постороннему сеньору или к городскому магистрату. В определённых случаях вассалы обязывались оказывать денежную помощь своему сеньору, который должен был содействовать им в трудную пору (например, принимать на себя опекунство над малолетними наследниками умершего рыцаря). Постепенно рыцари стали всё чаще пренебрегать своими обязанностями. Иногда по условиям ленного договора (т. е. договора, в котором определялись условия получения вассалом лена) рыцарь должен был служить то количество времени, на которое у него хватит продовольствия. И вот такой храбрый муж являлся с окороком, прилагал все усилия, чтобы съесть его за три дня, и уезжал в свой замок.

Ну а как рыцари воевали? По-разному. Сравнивать их с кем-то очень трудно, так как они в Европе в военном отношении были предоставлены самим себе. Разумеется, в сражениях участвовала и пехота — каждый рыцарь приводил с собой слуг, вооружённых копьями и топорами, да и крупные сеньоры нанимали большие отряды лучников и арбалетчиков. Но до XIV в. исход сражения всегда определяли немногие господа-рыцари, многочисленные же слуги-пехотинцы

Посвящение в рыцари.

были для господ хоть и необходимым, но лишь подспорьем. Рыцари их в расчёт вообще не принимали. Да и что могла сделать толпа необученных крестьян против отряда закованных в доспехи профессиональных бойцов на могучих конях? Рыцари презирали собственную пехоту. Горя нетерпением сразиться с достойным противником, т. е. рыцарем, они топтали конями мешающих им своих же пеших воинов. С таким же равнодушием рыцари относились и к всадникам без доспехов, лишь с мечами и лёгкими копьями. В одной из битв, когда на группу рыцарей налетел отряд лёгких всадников, они даже не сдвинулись с места, а просто перекололи своими длинными копьями лошадей противника и только тогда поскакали на достойного врага — рыцарей.

Вот тут-то и происходил настоящий бой: два закованных в железо всадника, закрытых щитами, выставив вперёд длинные копья, сшибались с налёта, и от страшного таранного удара, усиленного тяжестью доспехов и весом лошади в сочетании со скоростью движения, один из них с треснувшим щитом и распоротой кольчугой или просто оглушённый вылетал из седла. Если же доспехи выдерживали, а копья ломались, начиналась «рубка» на мечах. Это было отнюдь не изящное фехтование: удары были редкими, но страшными. Об их силе говорят останки воинов, погибших в сражениях Средневековья, — разрубленные черепа, перерубленные берцовые кости. Вот ради такого боя и жили рыцари. В такой бой они кидались сломя голову, забыв об осторожности, об элементарном строе, нарушая приказы командиров. Хотя какие там приказы — рыцарям лишь предлагали держать строй, их просили.

При малейшем признаке победы рыцарь кидался грабить лагерь врага, забывая обо всём, — и ради этого тоже жили рыцари. Недаром некоторые короли, запрещая бойцам ломать боевой порядок при наступлении и ход битвы из-за грабежа, строили перед боем виселицы для несдержанных вассалов. Бой мог быть довольно долгим. Ведь он распадался обычно на нескончаемое количество поединков, когда противники гонялись друг за другом.

Рыцарская честь понималась весьма своеобразно. Устав тамплиеров разрешал рыцарю нападать на противника спереди и сзади, справа и слева, везде, где можно нанести ему удар. Но если противник хотя бы заставлял отступить нескольких рыцарей, их соратники, заметив это, как правило, ударялись в паническое бегство, которое не в силах был остановить ни один полководец (как, впрочем, и управлять боем после начала атаки). Сколько королей лишились победы только потому, что преждевременно теряли голову от страха!

Никакой воинской дисциплины у рыцарей не было и быть не могло. Ибо рыцарь — индивидуальный боец, привилегированный воин с болезненно острым чувством собственного достоинства. Он профессионал от рождения и в военном деле равен любому из своего сословия, вплоть до короля. В бою он зависит только сам от себя и может выделиться, быть первым, только показав свою храбрость, добротность своих доспехов и резвость коня. И он показывал это всеми силами. Да кто же тут мог что-то ему

указать, приказать? Рыцарь сам знает всё, и любой приказ — для него оскорбление. Такое самосознание рыцаря было хорошо известно полководцам, государственным деятелям — светским и церковным. Видя, что несокрушимые всадники терпят поражения из-за своей горячности и своеволия, вылетая в атаку разрозненными группами, и зная, что тяжёлая конница непобедима, когда наваливается всей массой, государственная и церковная администрации принимали меры, чтобы навести хоть какой-то порядок. Ведь к тому же рыцарей было мало. Например, во всей Англии в 70-х гг. XIII в. насчитывалось 2750 рыцарей. В боях участвовало обычно несколько десятков рыцарей, и лишь в больших сражениях они исчислялись сотнями, редко переваливая за тысячу. Понятно, что это мизерное количество полноценных бойцов нельзя было растрачивать, распылять по мелочам. И тогда с конца XI в., во время крестовых походов, стали возникать духовно-рыцарские ордена (см. ст. «Рыцарские ордена») со строгими уставами, регламентирующими боевые действия.

Но самый строгий порядок был, разумеется, в бандах-отрядах рыцарей-наёмников, расплодившихся в XII—XIV вв., предлагавших свои услуги кому угодно и грабивших всех подряд в мирное время. Именно для борьбы с этими бандами и были созданы в XIV в. французскими королями впервые в средневековой Европе регулярные армии — маленькие, состоявшие из разных родов войск, где воины служили за плату постоянно. Надо сказать, что вся строгость рыцарских воинских распорядков иссякала в тех разделах, которые трактовали боевые действия. То есть строгость была, но требования были самыми общими: не покидать и не ломать строй, оборониться при неудаче, а не бежать сразу. Не начинать до победы грабить лагерь противника.

Итак, как же воевала рыцарская конница? Чтобы сохранить строй к решающему моменту схватки, она подходила к противнику шагом, была «покойна и невозмутима, подъезжала не торопясь, как если бы кто-нибудь ехал верхом, посадивши впереди себя на седло невесту», как писал один средневековый автор. И только подъехав к врагу совсем близко, рыцари бросали коней в более быстрый аллюр. Медленное сближение имело ещё и тот смысл, что экономило силы лошади для решающего броска и схватки. Пожалуй, самым удобным построением был издавна придуманный для тяжёлой конницы «клин», «кабанья голова», или «свинья», как называли его русские дружинники, любившие, кстати, это построение ничуть не меньше своих западных «коллег».

«Кабанья голова» имела вид колонны, слегка суженной спереди. Давно известно, что конницу водить в колоннах очень выгодно, так как в этом случае лучше всего сохраняется сила её массированного, таранного удара. Это не столько боевое, сколько походное построение — когда «клин» врезается в ряды противника, воины, едущие в задних рядах, немедленно «разливаются» в стороны, чтобы каждый всадник не топтал передних, но в полную меру проявил свои боевые качества, равно как и качества коня и оружия. У «клина» было ещё одно преимущество: фронт построения был узким.

Дело в том, что рыцари очень любили сражаться, но совсем не хотели умирать — ни за

Вооружение рыцарей с XI по XVI в.

сеньора, ни за Святую Церковь. Они должны были и хотели только побеждать. Этому, собственно, и служили их доспехи. Этому служил и «клин». Ведь когда отряд рыцарей медленно, шаг за шагом, приближался к врагу, он становился великолепной мишенью для лучников противника. Хорошо, если у того нет метких лучников. А если есть? Если у них вдобавок отличные дальнобойные, мощные луки? Монголы при Лигнице (1241 г.) и англичане при Креси (1346 г.) и Пуатье (1356 г.) именно из луков буквально расстреляли прекрасно защищённых доспехами рыцарей. А при построении «клином» перед вражескими стрелками оказывались только несколько всадников в самом надёжном защитном снаряжении.

Да, рыцари умирали весьма неохотно. Они предпочитали бежать или сдаваться в плен в случае неудачи. В европейских войнах гибло их очень мало — единицы, и лишь в крупнейших битвах, решавших судьбы стран, — несколько сотен.

И дело тут не только в доспехах. Рыцари к XIII в. ощутили себя неким всемирным орденом, кастой, для которой не важны никакие территориальные границы, никакое подданство. Ведь границы всё время менялись, области переходили от одного короля к другому, а рыцари сидели в тех же замках, изъяснялись на французском языке и все, как один, считались слугами Святой Католической Церкви. И убивать собрата, кто бы и откуда бы он ни был, становилось неприличным. Вот одолеть его — сбить с коня, взять в плен и, главное, получить выкуп — это победа. А что пользы от трупа? Войны превращались в массовые турниры. Но не превратились.

Не позволили «грубые мужики» — крестьяне и горожане, воевавшие в пехоте. Им-то рыцари пощады не давали. Но уж и они в долгу не оставались — пленных не брали. А когда в XIV в. сформировалась боеспособная пехота, сражающаяся в плотном строю, не боящаяся конных атак и с длинными алебардами сама бросающаяся в бой, рыцари обращались в бегство при одном виде швейцарских «баталий» и гуситских повозок, с ужасом и возмущением рассказывая о непривычных кровавых побоищах: ведь у швейцарцев, например, под страхом смерти запрещалось брать пленных. И когда рыцари тоже стали всё чаще применять глубокие плотные построения, так что отряд превращался в железного дикобраза, их снова смела — теперь уже навсегда — пехота, вооружённая огнестрельным оружием.

РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА

С 1100 по 1300 г. в Европе образовалось 12 рыцарских духовных орденов. Наиболее мощными и жизнеспособными оказались три: орден тамплиеров, орден госпитальеров и Тевтонский орден.

ТАМПЛИЕРЫ. Официально этот орден назывался «Тайное рыцарство Христово и Храма Соломона», но в Европе был более известен как Орден рыцарей Храма. Его резиденция находилась в Иерусалиме, на месте, где, по преданиям, был расположен храм царя Соломона (от *франц.* tample — «храм»). Самих же рыцарей называли храмовниками. Создание ордена было провозглашено в 1118—1119 гг. девятью французскими рыцарями во главе с Хуго де Пейнсом из Шампани. Девять лет эти девять рыцарей хранили молчание, о них не упоминает ни один хронист того времени. Но в 1127 г. они возвратились во Францию и заявили о себе. А в 1128 г. Церковный собор в Труа (Шампань) официально признал орден.

На печати тамплиеров были изображены два рыцаря, скачущих на одной лошади, что должно было говорить о бедности и братстве. Символом ордена стал белый плащ с красным восьмиконечным крестом.

Целью его членов было «по возможности заботиться о дорогах и путях, а особенно об охране паломников». Устав запрещал любые светские развлечения, смех, пение и т. д. Рыцари долж-

Тамплиер.

ны были дать три обета: целомудрия, бедности и послушания. Дисциплина была жёсткой: «Каждый совершенно не следует собственной воле, но более заботится о том, чтобы повиноваться приказывающему». Орден становится самостоятельной боевой единицей, подчиняющейся только Великому магистру (им сразу был провозглашён де Пейнс) и Папе римскому.

С самого начала своей деятельности тамплиеры приобретают большую популярность в Европе. Вопреки и одновременно благодаря обету бедности орден начинает накапливать большие богатства. Каждый вступающий безвозмездно приносил в дар ордену своё состояние. Крупные владения орден получил в подарок от французского и английского королей, знатных сеньоров. В 1130 г. тамплиеры уже располагают владениями во Франции, Англии, Шотландии, Фландрии, Испании, Португалии, а к 1140 г. — и в Италии, Австрии, Германии, Венгрии и в Святой земле. К тому же храмовники не только охраняли паломников, но и считали своим прямым долгом нападать на торговые караваны и грабить их.

Тамплиеры к XII в. стали обладателями неслыханных богатств и владели не только землями, но и верфями, портами, имели мощный флот. Они ссужали деньги обедневшим монархам и тем самым могли влиять на государственные дела. Кстати, именно тамплиеры первыми ввели бухгалтерские документы и банковские чеки.

Рыцари Храма поощряли развитие науки, и не мудрено, что многие технические достижения (например, компас) оказывались в первую очередь у них в руках.

Искусные рыцари-хирурги врачевали раненых — это была одна из обязанностей ордена.

В XI в. тамплиерам как «храбрейшим и опытнейшим в ратном деле людям» была дарована крепость Газа в Святой земле. Но заносчивость принесла немало вреда «воинам Христовым» и явилась одной из причин поражения христиан в Палестине. В 1191 г. рухнувшие стены последней обороняемой тамплиерами крепости Сен-Жан-д'Акр погребли не только храмовников и их Великого магистра, но и славу ордена как непобедимого воинства. Тамплиеры перебрались из Палестины сначала на Кипр, а затем окончательно в Европу. Огромные земельные владения, мощные финансовые средства и наличие рыцарей ордена среди высоких сановников заставляло правительства Европы считаться с тамплиерами и часто прибегать к их помощи в качестве третейских судей.

В XIII в., когда Папа объявил крестовый поход против еретиков — катаров и альбигойцев, тамплиеры, опора Католической Церкви, чуть ли не открыто выступили на их стороне.

В своей гордыне тамплиеры возомнили себя всемогущими. В 1252 г. английский король Генрих III, возмущённый их поведением, пригрозил храмовникам конфискацией земельных владений. На что Великий магистр ответил: «Пока Вы творите справедливость, Вы будете править. Если же Вы нарушите наши права, то вряд ли останетесь королём». И это была не простая угроза. Орден мог это сделать! Рыцарями-храмовниками были многие влиятельные люди в королевстве, а воля сюзерена оказалась менее священна, чем клятва верности ордену.

В XIV в. король Франции Филипп IV Красивый решил избавиться от строптивого ордена, который за неимением дел на Востоке начал вмешиваться, и очень активно, в государственные дела Европы. Филиппу совсем не хотелось оказаться на месте Генриха Английского. К тому же королю было необходимо решить свои финансовые проблемы: он задолжал тамплиерам огромные деньги, а отдавать их совсем не хотелось.

Филипп пошёл на хитрость. Он попросил принять его в орден. Но Великий магистр Жан де Мале вежливо, но твёрдо отказал ему, поняв, что король хочет в будущем занять его место. Тогда Папа римский (которого посадил на престол Филипп) предложил ордену тамплиеров объединиться с вечными соперниками — госпитальерами. В таком случае независимость ордена была бы утрачена. Но магистр опять отказался.

Потом в 1307 г. Филипп Красивый приказал тайно арестовать всех тамплиеров на территории королевства. Их обвинили в ереси, в служении дьяволу и в колдовстве. (Этому дали повод таинственные обряды посвящения в члены ордена и последующее сохранение тайны его деяний.)

Семь лет длилось следствие. Под пытками храмовники признались во всём, но во время публичного суда отреклись от своих показаний. 18 марта 1314 г. Великого магистра де Мале и приора Нормандии сожгли на медленном огне. Перед смертью Великий магистр проклял короля и Папу римского: «Папа Климент! Король Филипп! Не пройдёт и года, как я призову вас на суд Божий!». Проклятие сбылось. Папа умер через две недели, а король — осенью. Скорее всего их отравили храмовники, искусные в изготовлении ядов.

Хотя Филиппу Красивому не удалось организовать преследование тамплиеров во всей Европе, былое могущество храмовников было подорвано. Остатки этого ордена так и не смогли объединиться, хотя его символику продолжали использовать. Христофор Колумб открыл Америку под флагом тамплиеров — белым полотнищем с красным восьмиконечным крестом.

ГОСПИТАЛЬЕРЫ. Официальное название — «Орден всадников госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского» (от *лат.* gospitalis — «гость»; первоначально слово «госпиталь» означало «странноприимный дом»). В 1070 г. в Палестине купцом Мауро из Амальфи был основан госпиталь для паломников к святым местам. Постепенно там образовалось братство для ухода за больными и ранеными. Оно крепло, увеличивалось, начало оказывать достаточно сильное влияние и в 1113 г. было официально признано Папой в качестве духовно-рыцарского ордена.

Рыцари принимали три обета: бедности, целомудрия и послушания. Символом ордена стал восьмиконечный белый крест. Первоначально он находился на левом плече чёрной мантии. У мантии были очень узкие рукава, что символизировало отсутствие свободы у инока. Позднее рыцари стали носить красное одеяние с нашитым на груди крестом. В ордене были три категории: рыцари, капелланы и служащая братия. С 1155 г. во главе ордена становится Великий магистр, которым был провозглашён Раймонд де Пюи. Для принятия важнейших решений собирался генеральный капитул. Члены капитула отдавали Великому магистру кошель с восемью динариями, что должно было символизировать отказ рыцарей от богатства.

Первоначально главной задачей ордена был уход за больными и ранеными. В главном госпитале в Палестине размещалось около 2 тыс. коек. Рыцари раздавали безвозмездную помощь беднякам, устраивали для них три раза в неделю бесплатные обеды. Госпитальеры располагали приютом для подкидышей и грудных младенцев. Для всех больных и раненых были одинаковые условия: одежда и пища одного качества вне зависимости от происхождения. С середины XII в. главной обязанностью рыцарей становятся война с неверными и охрана паломников. Орден уже располагает владениями в Палестине и Южной Франции. Иоанниты начинают так же, как и тамплиеры, приобретать большое влияние в Европе.

В конце XII в., когда христиан выбили из Палестины, иоанниты обосновались на Кипре. Но это положение мало устраивало рыцарей. И в 1307 г. Великий магистр Фалькон де Вилларет повёл иоаннитов на штурм острова Родос. Местное население, боясь потерять свою независимость, яростно сопротивлялось. Однако через два года рыцари окончательно укрепились на острове и создали там сильные оборонительные сооружения. Теперь госпитальеры, или, как их стали называть, «родосские рыцари», стали форпостом христиан на Востоке. В 1453 г. пал Константинополь — Малая Азия и Греция полностью оказались в руках турок. Рыцари ожидали нападения на остров. Оно не замедлило последовать. В 1480 г. турки атаковали остров Родос. Рыцари выстояли и отбили нападение. Иоанниты просто «мозолили султану глаза» своим присутствием у самых его берегов, мешая хозяйничать на Средиземном море. Наконец терпение турок истощилось. В 1522 г. султан Сулейман Великолепный поклялся изгнать христиан из своих владений. Остров Родос осадила 200-тысячная армия на 700 кораблях. Иоанниты держались три месяца, прежде чем Великий магистр Вилье де Лилль Адан сдал свою шпагу султану. Султан, уважая мужество противников, отпустил рыцарей и даже помог им с эвакуацией.

Госпитальер.

У иоаннитов почти не было земель в Европе. И вот защитники христианства прибыли к берегам Европы, которую они столь долго обороняли. Император Священной Римской империи Карл V предложил госпитальерам для проживания Мальтийский архипелаг. Отныне рыцари-госпитальеры стали называться Орденом мальтийских рыцарей. Мальтийцы продолжили свою борьбу с турками и морскими пиратами, благо орден располагал своим флотом. В 60-х гг. XVI в. Великий магистр Жан де ла Валлетт, имея в своём распоряжении 600 рыцарей и 7 тыс. солдат, отразил нападение 35-тысячной армии отборных янычар. Осада длилась четыре месяца: рыцари потеряли 240 кавалеров и 5 тыс. солдат, однако отбились (см. ст. «Турецкие завоевания»).

В 1798 г. Бонапарт, отправляясь с армией в Египет, взял штурмом остров Мальта и изгнал оттуда мальтийских рыцарей. В очередной раз иоанниты оказались бездомными. На этот раз они нашли приют в России, императора которой, Павла I, они провозгласили в знак благодарности Великим магистром. В 1800 г. остров Мальта был захвачен англичанами, которые не собирались возвращать его мальтийским рыцарям.

После убийства Павла I заговорщиками у иоаннитов не было Великого магистра и постоянной штаб-квартиры. Наконец, в 1871 г. Великим магистром был провозглашён Жан-Батист Чесчиа-Санта-Кроче.

Уже с 1262 г., чтобы вступить в орден госпитальеров, необходимо было иметь благородное происхождение. Впоследствии существовали две категории вступающих в орден — рыцари по праву рождения (cavalieri di giustizzia) и по призванию (cavalieri di grazzia). В последнюю категорию по-

падают люди, которые не должны представлять доказательств благородного происхождения. Им достаточно было доказать, что их отец и дед не были рабами и ремесленниками. Также в орден принимались монархи, доказавшие свою верность христианству. В Мальтийском ордене могли состоять и женщины.

Великие магистры выбирались только из рыцарей благородного происхождения. Великий магистр был почти что суверенным государем острова Мальта. Символами его власти являлись корона, «кинжал веры» — меч и печать. От Папы римского Великий магистр получил звание «стража иерусалимского двора» и «блюстителя рати Христовой». Сам же орден назывался «Державным орденом Святого Иоанна Иерусалимского».

Рыцари имели определённые обязанности перед орденом — они не могли покинуть казармы без разрешения Великого магистра, проводили в общей сложности пять лет в конвенте (общежитии, точнее — казарме рыцарей) на острове Мальта. Рыцари должны были проплавать на кораблях ордена не менее 2,5 лет — эта обязанность называлась «караван».

К середине XIX в. Мальтийский орден превращается из военной в духовно-благотворительную корпорацию, коей остаётся и поныне. Резиденция мальтийских рыцарей сейчас находится в Риме.

Крест Мальтийского ордена служил с XVIII в. одной из высших наград в Италии, Австрии, Пруссии, Испании и в России. При Павле I он назывался Крестом Святого Иоанна Иерусалимского.

ТЕВТОНЦЫ (ТЕВТОНСКИЙ, ИЛИ НЕМЕЦКИЙ, ОРДЕН. «ОРДЕН ДОМА СВЯТОЙ МАРИИ ТЕВТОНСКОЙ»). В XII в. в Иерусалиме существовал госпиталь («странноприимный дом») немецкоязычных паломников. Он и стал предшественником Тевтонского ордена. Первоначально тевтонцы занимали подчинённое положение по отношению к ордену госпитальеров. Но затем в 1199 г. Папа римский утвердил устав ордена, а Генрих Вальпот был провозглашён Великим магистром. Однако лишь в 1221 г. на тевтонцев распространились все привилегии, которые имели и другие, старшие ордена тамплиеров и иоаннитов.

Рыцари ордена давали обеты целомудрия, послушания и бедности. В отличие от других орденов, рыцари которых были разных «языков» (национальностей), Тевтонский орден в основном состоял из немецких рыцарей.

Символами ордена были белый плащ и простой чёрный крест.

Тевтонцы очень быстро оставили свои обязанности по охране паломников и лечению раненых в Палестине. Любые попытки вмешательства тевтонцев в дела мощной Священной Римской империи были пресечены. Раздробленная же Германия не давала возможности развернуться, как это сделали тамплиеры во Франции и Англии. Поэтому Орден стал заниматься «благой деятельностью» — огнём и мечом нести слово Христово в восточные земли, предоставив сражаться за Гроб Господень другим. Земли, которые завоёвывали рыцари, становились их владением при верховной власти ордена. В 1198 г. рыцари стали основной ударной силой крестового похода против ливов и покорили страны Прибалтики, в начале XIII в. основав город Ригу. Так образовалось государство Тевтонского ордена. Далее, в 1243 г. рыцари покорили пруссов и отобрали у Польского государства северные земли.

Существовал ещё один немецкий орден — Ливонский. В 1237 г. Тевтонский орден объединился с ним и решил двинуться на завоевание северных русских земель, расширяя свои границы и укрепляя влияние. В 1240 г. союзники ордена — шведы потерпели сокрушительное поражение от князя Александра Ярославича на Неве. А в 1242 г. та же участь постигла и тевтонцев — погибли около 500 рыцарей, а 50 были взяты в плен. План присоединения русской территории к землям Тевтонского ордена потерпел полный крах.

Тевтонские Великие магистры постоянно опасались объединения Руси и любыми способами пытались помешать этому. Однако на их пути стал

Тевтонец.

мощный и опасный враг — Польско-Литовское государство. В 1409 г. между ним и Тевтонским орденом вспыхнула война. Объединённые силы в 1410 г. в битве при Грюнвальде разбили тевтонских рыцарей. Но на этом несчастья ордена не закончились. Великий магистр ордена, как и у мальтийцев, являлся суверенным государем. В 1511 г. им стал Альберт Гогенцоллерн, который, будучи «добрым католиком», не поддержал Реформацию, борющуюся против Католической Церкви. А в 1525 г. он провозгласил себя светским государем Пруссии и Бранденбурга и лишил орден как владений, так и привилегий. После такого удара тевтонцы уже не оправились, и орден продолжал влачить жалкое существование.

В XX в. германские фашисты превозносили прежние заслуги ордена и его идеологию. Они использовали и символику тевтонцев. Вспомните, железный крест (чёрный крест на белом фоне) — важная награда «Третьего рейха». Однако самих членов ордена преследовали, видимо, как не оправдавших доверия.

*Тевтонский орден формально существует в Германии и по сей день.

ГЕРАЛЬДИКА

У Аякса, помните,
Был на щите представлен змей свернувшийся,
И семеро у Фив таким же образом
Щиты снабдили знаками особыми.
Там можно было видеть звёзды с месяцем
Или мечи, и факелы, и лестницы,
Угрозу городов во время приступа,
В резьбе или в изображенье выпуклом.

Так говорит о гербах древности и Средневековья Мефистофель в трагедии Гёте «Фауст»...

Одной из вспомогательных исторических дисциплин является геральдика — наука о гербах.

Кому-то может показаться, что для истории геральдика не представляет интереса. Однако щитки, кресты, розетки, девизы могут, как своеобразная визитная карточка, рассказать многое о странах, городах, людях.

Хотя слова «герб», «герольд» (составитель и истолкователь гербов) и законы геральдической символики появились только в Средние века, корнями они уходят в первобытные времена. Предшественниками гербов и эмблем можно считать изображения тотемов — животного, растения или предмета, которым поклонялось то или иное племя. Например, в могильниках племён, живших на берегах морей, находят фигурки черепахи, нырка или дельфина; у племён степей — фигурки змеи; лесных племён — медведя, оленя или волка, считавшихся «предками» или божествами. Такой же характер носят изображения растений — ели на Европейском Севере, оливы в Средиземноморье, лотоса в Северной Африке и Южной Азии. В редких случаях символами служили предметы неживой природы, которым поклонялись: метеоритный камень, упавший с неба, раковина. Особую роль играли знаки Солнца, Луны, волны (воды).

Подобные символы существовали и в древнейших государствах, образовавшихся в районе расселения того или иного племени. Их можно увидеть на табличках с печатями и первых монетах (с VII в. до н. э.). Так, на печатях Древнего Египта появились изображения богов и священных животных; корова — на известной печати из индийского города Мохенджо-Даро. На монетах Афин изображали сову — птицу богини Афины; Эгины — черепаху, Пантикапея — мифического грифона, ставшего гербом и современной Керчи. Наряду с этим у греков появляются изображения богов: на афинских монетах — Афина, дельфийских — Аполлон (см. ст. «Нумизматика»). Знаки царской власти становятся символами больших монархий. Например, двойная секира была изображена на стенах дворцов критских царей («лабиринт» — в буквальном переводе «дворец двойной секиры»). Восьмиконечная звезда встречается на личных вещах царей Македонии.

В более поздние времена в символах городов и государств появляются изображения знаменитых достопримечательностей: у Родоса — Колосса, Александрии — Фаросского маяка и плывущего корабля; на монетах Сердики (современная София) в III в. н. э. — храм Аполлона, который вошёл как один из символов в современный герб столицы Болгарии. Были в древности прообразы личных гербов знатных людей, о чём оставил свидетельство Эсхил в трагедии «Семеро против Фив»: вожди, осаждающие город Фивы, стоят против городских ворот, подняв щиты с изображениями звёзд и месяца, героя с факелом, огнедышащего чудовища Тифона.

Символом Римской империи со времён Юлия Цезаря стал императорский жезл с фигурой орла (священной птицы Юпитера). После перенесения столицы в Константинополь в 330 г. император Константин ввёл новую эмблему: чёрного двуглавого орла на золотом фоне — символ власти императора над Западом и Востоком империи. Двуглавый орёл сохранился и как герб Византийской империи. В начале её существования императоры пытались восстановить Римскую империю, а затем две головы орла, обращённые в разные стороны, стали восприниматься как символ географического расположения Византии на стыке Европы и Азии. Впоследствии от римского и византийского орлов произошли гербы многих им-

перий: Священной Римской (одноглавый чёрный), Арабского халифата, России (двуглавый чёрный). От орла Священной Римской империи впоследствии «отпочковались» австрийский, германский и испанский (с 1521 г., когда императором стал испанский король Карл V, а его потомки — ветвь Габсбургов — оставили на гербе Испании имперскую птицу). От византийского орла помимо российского произошёл албанский, без имперских знаков власти, когтей и раскрытого клюва — символ борьбы против турецкого ига. Жёлтый орёл халифов возродился в Новейшее время в беркутах, халзанах и соколах гербов ряда арабских стран.

Французские линии в сочетании с английскими «леопардами» напоминают о том, что Англия борется за владения во Франции.

В средневековой Европе геральдика как система гербов появляется в XII в. До этого времени отдельные элементы гербов встречаются на печатях. К XIV—XV вв. оформились гербы городов, гильдий, цехов и университетов. В XII в. уже имелись люди, специально составлявшие и толковавшие гербы, — герольды. Они разрабатывали принципы составления прежде всего государственных и личных феодальных гербов. Само слово «герб» означает по-немецки «наследство» (Erbe). Изначально гербы помещались на боевом щите, имевшем различную форму: итальянский — овальную, норманнский — треугольную, французский — прямоугольную с остроконечным выступом вниз, немецкий — вырезную. Чёткую символику стали иметь цвета: алый подчёркивал страсть (цвет огня), голубой или синий — честь, возвышенность (цвет воздуха), пурпурный — власть, зелёный означал свободу (вода), чёрный — постоянство (земля), золотой (жёлтый) подчёркивал знатность, серебряный (белый) — благородство. Таким образом, первоначальное толкование цветовой символики было узкофеодальным, но впоследствии значительно расширилось, и алый цвет воспринимался как цвет борьбы (крови), жизни (солнца). В этих значениях он ранее уже использовался народными движениями на Востоке (восстание «краснобровых» в Китае в I в. н. э., восстание «краснознамённых» в Иране в 772 г.). Зелёный цвет стал цветом живой природы, обновления, надежды, молодости, синий — цветом мира, чёрный — скорби, траура (лишь с позднего Средневековья), белый — вечности, жёлтый — славы. Как правило, именно в этих значениях цвета используются в гербах и флагах в XX в. Лишь в редких случаях допускаются нетрадиционные цвета (например, оранжевый цвет принцев Оранских в Голландии XVI—XVIII вв.).

Купеческий корабль Бостона с гербом города.

В Средние века целые гербовые щиты или части их начали заполнять сплошной или полосной окраской с изображениями и без них. К геральдическим элементам отнесли полосы, кресты и условные фигуры разных видов, к негеральдическим — естественные (люди, животные, растения, светила и стихии, например туча), искусственные (оружие, богиня, корабль и т. д.), легендарные (дракон, кентавр и др.) изображения. Лишь лев, леопард и орёл имеют специфически геральдическую форму. Все фигуры имели чёткое значение: лев — отвага, гнев,

Гербы итальянских городов.

великодушие; роза — чистота, святость (однако под гербами Алой и Белой розы в Англии произошла кровопролитная война), лилия — расцвет (королевский и государственный французский герб), гриф — свирепость, единорог — непобедимость, ключ — открытость. Важно и то, как изображены фигуры: открытые ворота символизируют гостеприимство. Эти же фигуры на гербах Пуатье, Праги, Буды, Риги говорят о занятии торговлей. Поднятый меч означает оборону, опущенный — мир. На гербе девиз стали помещать обычно на ленте, а девизы на ободке щита были известны ещё с древности. Девиз феодала красноречиво говорил о его жизненных принципах: «Я не король и не принц, а сеньор де Куси!», «Герцог Савойи, иду своей дорогой». Девиз английских королей: «Бог и моё право!». Чем дальше, тем чаще практиковались гербы, разделённые на части, с различной символикой: ведь число людей с дворянским званием росло и надо было разнообразить их символику.

К XV в. сложилось большинство современных европейских государственных гербов. Львы с атрибутами власти и силы стали символами Англии, Швеции, Дании. На гербе Польши в XIII в. в период борьбы с агрессией немецких феодалов в отличие от чёрного германского появился белый орёл на красном поле, смотрящий в противоположную сторону. На гербах Болгарии и Чехии — белые львы без когтей и оружия (символ мира).

В период бурного роста самоуправляющихся городов в Европе появилось много городских гербов. Некоторые гербы являются «говорящими» — объясняют название города: на гербе Гранады — гранат, Берлина — медведь (от западнославянского «берл» — «медведь»). В ряде случаев отображена легенда о возникновении города (ладья в гербе Парижа). Башни на городских гербах говорят об их укреплённости.

Просты для понимания гербы ремесленных цехов, отразившие рост самосознания горожан. Булочники изображали на гербе крендель, кузнецы — молот, цирюльники — ножницы.

В Азии и частично Восточной Европе оказался распространённым восточный тип герба — круглый. Его символика значительно отличается от европейской. Так, роза в мусульманских странах означала любовь, змея — мудрость (а в Европе — коварство). Место христианского креста в Азии занимают полумесяц и звезда, древневосточный знак Инь и Ян — единство противоположностей (две рыбы, соединённые в круге) — встречается в Китае, Монголии, Корее. В Японии роль гербов играют круглые моны — знаки личной собственности. Интересно, что в XII в. моны могли иметь лишь крупные феодалы; в XIV в. такое право получили и самураи, в XVI в. — все дворяне, в XVII в. — купечество, в XVIII столетии — частично ремесленники и крестьяне, а после буржуазной революции 1868 г. — все японцы. Государственным гербом стал императорский мон — жёлтая хризантема. А индийцы употребляли многие века лишь один гербовый символ — знак Солнца, занявший место и в современной эмблематике страны.

За последние 200 лет, начиная с образования США и особенно с Великой французской революции, мировая геральдика претерпела значительные изменения. В обиход ряда стран широко вошли такие эмблемы, как разноконечные звёзды (звезда — символ стремления к высокой цели), факел (символ революции), оливковая и пальмовая ветви (символы славы и мира), фригийский колпак народных масс — признанный революционный символ Франции; секира, венки — дубовый, оливковый, лавровый, пальмовый и т. д., заменившие в республиканских государствах короны. В латиноамериканских странах, завоевавших независимость, были восстановлены древние индейские символы — орёл, побеждающий змею (Мексика), радуга.

Большое влияние на мировую геральдику оказали распространение социалистических идей и появление советской символики — серпа и молота, венка из колосьев, изображения страны на фоне земного шара; символов труда — шестерёнки, плуга — при округлой форме герба. Интересно, что аналогично преобразовали свои гербы не только страны, входившие в социалистический лагерь, но и Италия (оливковый венок и шестерёнка), Новая Зеландия, Сенегал, Шри-Ланка, а австрийский орёл вместо меча и державы изображён с серпом и молотом в лапах. Новая символика оказалась удачной и оригинальной.

За последние десятилетия с образованием новых независимых государств появились и другие, совершенно новые геральдические формы и символы. Так, у гербов ряда африканских стран — форма ромба с округлёнными левым и правым углами. В Африке получили распространение символы чёрной звезды — стремления Чёрного континента к независимости; антилопы, страуса. В странах Карибского бассейна популярен корабль, означающий путь к новым горизонтам...

Так знание основ геральдики и в Новое время поможет лучше ориентироваться в государственной символике различных стран мира.

МОНАШЕСТВО

Монашество не было изобретением западноевропейского Средневековья. Уже в III в. н. э. в Египте, Сирии, Палестине и Малой Азии появились люди, желавшие «послужить Богу» своим, особенным образом. Они поселялись в пещерах, пустынях, других труднодоступных местах, питались дикими плодами, кореньями трав, съедобными насекомыми. Этих отшельников почитали как

Кармелит.

Средневековый хронист.
Миниатюра.

Бенедиктинец.

святых праведников, ведь они отказались от жизни в грешном мире рядом с грешными людьми и выбрали самый прямой путь к спасению. Их называли анахоретами, т. е. буквально «ушедшими прочь». Первые монахи помнили о словах Иисуса, обращённых к ученикам; Христос советовал им не заботиться о еде и крыше над головой. Если человек по-настоящему верит в Бога, то Бог даст ему всё необходимое, как даёт птицам небесным. Поэтому уединённая и скудная жизнь монахов-отшельников была знаком истинной, непоколебимой веры.

Многие из восточных монахов придумывали для себя дополнительные испытания на стойкость: они годами не выходили из специально вырытых ям или же не сходили с особых возвышений, называвшихся «столбами». Некоторые брали на себя обязательство молчать всю жизнь, не менять одежду и не мыться... Таких монахов называли подвижниками (по «подвигу» веры, который они совершали); они-то чаще всего и селились в горах и пустынях.

Подвижники стремились избежать людского соседства и жили каждый поодиночке. На западе Европы такое монашество прививалось с трудом — климат здесь был более суровым, да и привычка к общественной жизни была сильна ещё с римских времён. Поэтому в западной части Римской империи (в первую очередь в Италии) распространилась другая разновидность восточного монашества: монашеские общежития, монастыри. Основателем такого рода монашества был Святой Пахомий, создавший первый «общедоступный монастырь» в Египте и составивший краткие «Правила».

Первоначально монастыри были невелики. Несколько «братьев» (так называли себя монахи) объединялись для праведной жизни под руководством настоятеля (его называли «отцом»), которого выбирали все члены монашеской общины. Нельзя сказать, что братья, вступившие в монастырь, порывали с миром полностью, как это делали египетские столпники и молчальники. Просто монашеская община заменяла им большой мир, полный несправедливостей и насилия. Всё имущество братьев было общим, общим было и их небольшое хозяйство. Братья совместно молились Богу, вознося молитвы как за себя, так и за всех христиан, живущих мирской жизнью. Считалось, что молитвы монахов, людей «святой жизни», легче всего достигают Господа.

Количество таких маленьких общежитий, обителей (каждую из них населяли, как правило, 5—10 человек) стало быстро увеличиваться примерно с 500 г., когда Западная Европа подверглась разрушительным варварским вторжениям. Теперь в обителях нередко спасали не только

душу, но и жизнь, а подчас и богатство. Варвары не всегда щадили монастыри, попадавшиеся на их пути, но безоружные монахи не вызывали у них серьёзных опасений, да и располагались монастыри на отшибе от больших дорог, крупных городов и укреплённых сельских поместий знати. Западные монастыри использовали восточный распорядок монашеской жизни. Но уже в начале V в. на Западе появляются «Правила» Иоанна Кассиана, также ориентировавшиеся на восточные образцы, а затем «Правила» Бенедикта Нурсийского (490—543 гг.), нашедшие всеобщее признание в VII—VIII вв. Бенедикт смягчил аскетичный дух требований уставов восточного монашества и уделил огромное внимание монашеской дисциплине и послушанию настоятелю. Согласно этому уставу, молитву следовало сочетать с физическим трудом, прежде всего с возделыванием земли, ведь разрастающиеся монастыри вынуждены были содержать себя сами. Наконец, новичок, вступающий в братство, должен был проходить испытательный срок и заслужить одобрение братьев своим поведением.

По имени создателя своего устава исполнявшие его монахи стали называться бенедиктинцами. До конца XI в. бенедиктинский орден (так называлось объединение всех монастырей, признающих устав Святого Бенедикта) был наиболее многочисленным и почитаемым из всех монашеских орденов Западной Европы.

В обитель вступали для того, чтобы служить Богу, поэтому устав организовывал всю жизнь монастыря вокруг церковных служб, в которых несколько раз в день участвовали все братья. Размеренный ритм монастырской жизни обозначался ударами колокола, созывавшего братию то к совместной молитве, то к общей трапезе. Даже сон бенедиктинцев был подчинён церковному ритму и разделялся на две части всенощной службой, проходившей глубокой ночью: «первый сон» до всенощной, и «второй» после неё. Правда, разрешён был и короткий дневной отдых. От участия в совместных молитвах настоятель освобождал лишь больных и занятых работой в дальних монастырских владениях.

Часть дня, свободную от божественных служб, монахи посвящали труду как физическому, так и умственному. Все они так или иначе занимались хозяйством: заготовкой дров, помолом зерна, уходом за скотом, пахотой; умственный же труд сводился к чтению, размышлениям над прочитанными богословскими книгами и переписыванию книг. Последнее из занятий считалось особенно угодным Богу; даже совсем маленькие бенедиктинские монастыри непременно обзаводились скрипториями (так назывались мастерские по переписыванию и украшению книг) и библиотеками. Именно благодаря бенедиктинцам до нас дошли некоторые произведения греческих и римских авторов. В основном же монахи, конечно, переписывали Библию и сочинения Отцев Церкви. Книга рассматривалась в бенедиктинских монастырях как сокровище, она могла изготовляться несколько лет, украшалась богатыми иллюстрациями, фигурными заглавными буквами...

Францисканец.

Наконец, устав Святого Бенедикта учил братьев доброте и терпимости друг к другу. Бенедикт не был сторонником сурового отношения к себе и к ближним людям. Он считал, что от человека не нужно требовать полного самоотречения и самоуничижения — любовь к Господу может быть доказана более простыми и скромными средствами. Монаха украшают не столько «подвиги», сколько смирение и послушание...

В то же время, когда Святой Бенедикт основывает в 529 г. свою образцовую монашескую общину в Монтекассино (к югу от Рима), в Европе расцветает и другое направление в монашеском движении — монашество «подвига». Зародилось оно в стране, населённой людьми с горячей кровью и неуёмной фантазией, любителями приключений и опасных схваток, — в Ирландии. Ирландские монахи отчасти были похожи на своих египетских и сирийских предшественников — они творили чудеса, жили на скалах, выступающих над поверхностью океана, совершали морские путешествия в никому не ведомые страны. Обаяние ирландского монашества было настолько велико, что в VI—VII вв. основанные выходцами из Ирландии монастыри появляются во многих странах Европы. Ирландские монахи вместе с бенедиктинцами сыграли исключительную роль в распространении христианства на окраинах Европы.

Таким образом, в монастырях находилось дело и любителю приключений, и скромному труженику, и почитателю мудрости Аристотеля и Платона. Обитель была не только местом бегства от мира; она быстро превратилась в одну из важнейших частей мира Средневековья. Поклонение монастырским святыням и участие в богослужении составляли важнейшую «основу средневековой религиозности», формировали мироощущение средневекового человека. Долгое время монастыри оставались главными центрами науки, культуры и искусства: они задавали

моду в архитектуре и книжной иллюстрации, содержали монастырские школы, в которых обучались дети знатных сеньоров. Именно монастырские мыслители напряжённо обдумывали ответы на главные вопросы, волновавшие средневекового человека: когда и как Бог будет вершить Страшный Суд? Что ждёт людей после смерти? Свободен ли человек в своих действиях в этой жизни или все его поступки раз и навсегда предопределены волей Господней? Оторванные от семейных связей и общественных обязанностей монахи остро ощущали каждый свою индивидуальность, неповторимость. Их внутренняя, эмоциональная жизнь была намного богаче переживаний, доступных мирянам. Лишь постепенно, к XIII—XIV вв., мысли и чувства углублённых в себя монахов будут усвоены и средневековыми горожанами, а позднее развиты философами Возрождения. Средневековая личность, подобно слабому ростку, пробивается наружу и укрепляется в тени монастырской стены, после чего как бы пытается укорениться в тени другой стены — городской. И там, и здесь она была надёжно защищена от слишком жарких лучей прямого солнечного света — отношений власти, силы и принуждения.

Доминиканец.

Немалую роль сыграло монашество и в хозяйственной жизни Средневековья. Владения монастырей не дробились при наследовании, как это было с землями светских феодалов, а постоянно увеличивались за счёт пожертвований и дарений. Монахи, не отвлекавшиеся военными походами и развлечениями, вели своё хозяйство более умело, чем рыцари. Новые типы упряжи лошадей, садовые и огородные культуры, более производительные мельницы, плуги — всё это появлялось в первую очередь в монастырских владениях и лишь потом распространялось в хозяйствах светских сеньоров и крестьян. Крупные монастыри располагали достаточными средствами, чтобы проводить расчистку лесов под пашни и осушать болота. В VIII—X вв. многие аббатства (аббатом на Западе называли настоятеля монастыря; слово образовано от *сирийск.* «авва» — «отче», «отец») превращаются в обширные феодальные сеньории, в которых крестьянам жилось, пожалуй, потяжелее, чем под властью светских сеньоров. В монастырских хозяйствах лучше был поставлен учёт и контроль за исполнением крестьянских повинностей; вдобавок к этому грамотные монахи оформляли все свои отношения с крестьянами на бумаге и в спорных случаях умели доказать свою правоту. От крестьян требовали такого же беспрекословного послушания, как и от братии. Один английский аббат предписал своим крестьянам пользоваться только монастырскими мельницами (разумеется, за плату); крестьяне отказались повиноваться. Тогда аббат добился своего силой, отняв у крестьян все мельничные жернова. В назидание непокорным он велел вымостить этими жерновами пол своей приёмной комнаты.

Цистерцианец (братство Святого Бернара).

Удавалось ли обитателям монастырей сочетать возрастающее богатство и могущество с исполнением устава Святого Бенедикта? Внешне — да. Колокола всё так же отбивали всенощные и заутрени, монахи постились, молились, пели гимны в церкви и переписывали книги. Но физическим трудом разбогатевшие бенедиктинцы занимались всё реже и всё неохотнее. Посты аббатов в крупных монастырях были захвачены представителями видных феодальных родов и по существу передавались по наследству. С середины X столетия часть бенедиктинцев выдвигает идею реформы монастырской жизни; реформаторы, объединившиеся вокруг французского монастыря Клюни, считали необходимым избавить монастыри от контроля со стороны местной знати и вернуться к простым и строгим требованиям устава. Устав Святого Бенедикта предписывал, чтобы в каждом монастыре избирался свой аббат. Реформистское движение, зародившееся в Клюни, привело прежде всего к тому, что под управлением аббата монастыря в Клюни оказались и другие аббатства, и, таким образом, монашество устава Святого Бенедикта превратилось в своего рода первый монашеский орден.

С конца XI в. в Западной Европе начинают оформляться новые монашеские ордена, отчасти противопоставлявшие себя бенедиктинцам. Отличие подчёркивалось тем, что «новые» ордена предпочли другой цвет одежд и носили рясы из простого белёного полотна (бенедиктинцы традиционно одевались в одежду чёрного цвета). Самым популярным из новых орденов стал цистерцианский; название его было образовано от латинского написания французского города Сито, где располагалась главная обитель орде-

на. Цистерцианцы настаивали на буквальном следовании уставу Святого Бенедикта. При этом в отличие от бенедиктинцев у цистерцианского ордена собирался ежегодный Генеральный совет, издававший общие предписания. Монастыри «новых» орденов делаются прибежищем восторженных фанатиков веры и тонких богословов, вдохновенных проповедников крестовых походов и почитаемых народом пустынножителей. Во время крестовых походов возникли духовно-рыцарские ордена — полувоенные-полумонашеские организации, члены которых располагали большей, чем монахи, свободой передвижения (см. ст. «Рыцарские ордена»). Основание новых монашеских орденов в XII в. превращается в моду: достаточно было слегка изменить один из уже существующих уставов, ввести новые элементы одежды и добиться разрешения Папы на устройство монашеской общины — и новый орден появлялся на свет. Опасаясь, как бы монашеское движение не вышло из-под контроля Римской Церкви, Папы запретили основание новых орденов.

И всё же в начале XIII в. этот запрет был нарушен, причём новые ордена нищенствующих монахов-проповедников были созданы по почину самих Пап. В Риме поняли, что для борьбы с ересями и свободомыслием необходимо новое оружие, и увидели такое оружие в монашеском движении Святого Франциска из итальянского города Ассизи. Франциск начал свою проповедь в 1206 г. Главное беспокойство у церковных иерархов вызывал вопрос о соблюдении дисциплины внутри движения странствующих монахов-проповедников. До сих пор монахи не могли покидать монастырей без разрешения настоятеля или епископа. Первое время Франциск и его братья изрядно походили на еретиков и выглядели в глазах Римской Церкви очень сомнительно: Франциск отказался от владения имуществом (а он был сыном богатого купца), не брал в руки денег и вместе со своими учениками вёл бродячую жизнь. Франциск явно подражал Христу, чего он и не пытался скрывать. Уже это сближало Франциска в глазах Рима с еретиками-вальденсами (последователями Лионца Вальдеса, проповедовавшего бедность апостольских времён); мало того, и ученики Франциска, уничижительно называвшие себя «меньшими братьями», миноритами, бродили по дорогам в рясах из грубой мешковины, перепоясанные верёвками, группами из двух человек, точно так же, как и вальденсы.

Папа Иннокентий III пожелал встретиться с подозрительным проповедником в Риме. Он смог оценить и чистоту помыслов Франциска, и искренность его веры, и его огромное личное обаяние. Франциск не был опасен для Церкви, но он мог стать ей полезен. Папа согласился утвердить сообщество миноритов при условии, что они станут настоящими монахами, примут свой устав и подчинятся Церкви. В противном случае над Франциском и его друзьями постоянно нависала бы угроза обвинений в ереси.

Франциск согласился на предложение Папы, но, совершенно не заботясь об организации, руководство орденом миноритов (его ещё называли францисканским) передоверил своим товарищам. Второе поколение францисканцев во многом отказывается от легендарной простоты основателя ордена. Францисканцы пользовались огромной популярностью; орден принимает множество дарений, которые он расходует на угодные Богу дела: устройство больниц, школ и приютов. Монастыри францисканцев основываются в самой гуще тогдашней жизни — в центре крупных городов; миноритыы видят смысл своей деятельности не в бегстве от мира, а в проповеди слова Христова среди мирян.

Схожие изменения на протяжении XIII в. происходят и со вторым орденом нищенствующих монахов, основанным примерно в то же время, что и францисканский, доминиканским (или орденом проповедников). Он был назван по имени испанского монаха Святого Доминика и создан в пору борьбы с ересью катаров в Южной Франции. Оба ордена пользовались особым покровительством Пап и нередко соперничали в учёных диспутах, благотворительных делах и распространении христианской веры. Постепенно между орденами сложилось распределение обязанностей: миноритыы в основном «работали с народом», проповедовали среди самых широких слоёв населения, а доминиканцы больше занимались наукой, богословием — ведь именно в богословских спорах католики в прежние времена подчас уступали еретикам — и просвещением.

Позднее Средневековье окончательно превращает монашество в одно из главных орудий «воинствующей Церкви». В 1540 г. папа Павел III одобрил основание Игнатием Лойолой (1491—1556) ордена иезуитов (правильное название «Общество Иисуса»). Монастырские стены, в прежние времена отделявшие братию от мира, становятся тонкими и прозрачными, как стекло. Иезуиты живут «в миру», как обычные люди, носят ту же одежду, что и все, занимаются преподаванием в школах и университетах, литературным творчеством, ведут политические интриги, ухаживают за дамами. В то же время они остаются преданными слугами Церкви, тайно и явно отстаивающими интересы Рима.

Средневековый монах мог укрываться от мира за толстыми монастырскими стенами, как это делали бенедиктинцы, или же проводить между собой и миром незримую грань подобно иезуитам — в любом случае он оставался частью общества, которое покидал. Монах не был свободен от печалей и забот большого христианского мира; этому миру он дарил свои чувства и идеи, рождённые уединением и покоем. Средневековый монах вовсе не презирал оставленное им общество, просто хотел жить в обществе, которое выбрал он сам.

ПАПСТВО

«Я говорю тебе: ты — Пётр (имя апостола Петра переводилось как «камень». — *Прим. ред.*), и на сем камне Я создам Церковь Мою... и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». Эти слова Иисус Христос, согласно Евангелию от Матфея, сказал своему ученику апостолу Петру; принято считать, что с них началась история Христианской Церкви.

История же римских первосвященников, которых позднее стали называть Папами, началась почти в то же самое время. После казни Христа его ученики проповедуют учение Иисуса в разных частях мира. Святой Пётр совершает путешествие в Рим и основывает там одну из христианских общин. По преданию, Пётр становится первым главой римской общины, её епископом, и гибнет смертью мученика за веру во время преследований христиан при императоре Нероне.

Христианская Церковь всегда утверждала, что она «не от мира сего» и установлена свыше, самим Богом. На гербе современного государства Ватикан, возглавляемого Папой, изображены два скрещённых золотых ключа и особый головной убор — папская тиара. Герб читается так: «Папа, наследник и преемник Святого Петра, держит в своих руках ключи от Царства Небесного». Тиара же представляет собой высокий белый головной убор, на который поочерёдно надеты три золотые короны. Поэтому тиара начиная с XIVв. называлась «трижды царственной»; она показывала, что Папа, оставаясь духовным лицом, епископом, одновременно превосходит своей властью всех светских государей.

Необходима ли Церкви светская власть, чтобы творить добро и способствовать спасению христианских душ? Понятия «власть» и «благо» были неразрывно связаны ещё в сознании древних римлян; может быть, поэтому и Папы римские ответили на поставленный вопрос твёрдым «да». По-видимому, история западноевропейского Средневековья и не давала возможности ответить на этот вопрос иначе. Не случайно Папы переняли у верховных жрецов древнего языческого Рима титул «понтифик» (в переводе «строитель мостов»). Папство стало одним из главных «мостов» между античностью и Средневековьем, а также между отдельными странами раздробленной феодальной Европы. Власть Пап в конце концов оказалась благом для Средневековья, но была ли она таким благом для самих Пап? Ответить на этот вопрос трудно...

Поздняя античность и раннее Средневековье ещё не знали Папы-государя. До 313 г., когда император Константин «Миланским эдиктом» отменил преследования христиан и допустил открытое исповедание христианской религии, римские епископы возглавляли гонимую общину, время от времени уходившую в «подполье». Греческое слово «паппас» («отец») широко применялось тогда христианами для обращения к любому священнику, наставнику в вере и не означало верховенства римского епископа над другими служителями Церкви. Да и возможности объединения разрозненных общин под единой церковной властью в это время у христиан ещё не было.

После знаменитого эдикта Константина должность римского епископа становится очень заметной — ведь Рим был древней и почитаемой столицей империи, её религиозным центром (официальной столицей с 330 г. был Константинополь). Сардикский собор 343—343 гг., в котором приняли участие как западные, так и восточные епископы, признал, что приговорённый к церковному наказанию собором епископов отдельной провинции имеет право вынести своё дело на суд Папы.

На руку Папам оказались и богословские споры между различными течениями Христианской Церкви. Им было проще занять в этих спорах позицию беспристрастного и справедливого судьи, чем, скажем, константинопольским патриархам, находившимся под постоянным присмотром им-

Веласкес.
Портрет Папы Иннокентия.

ператорской власти. Римская Церковь была более независима от империи, а значит, заслуживала и большего доверия в глазах верующих. На Халкидонском церковном соборе в 451 г., когда зачитывалось послание собору Папы Льва I, епископы кричали из зала: «Это сам Пётр говорит голосом Льва!». После разгрома войсками византийского императора Юстиниана остготов и возвращения Италии в состав империи в 554 г. в практику была введена процедура обязательного утверждения императором избранного Папы.

Наверное, наиболее яркой фигурой на престоле Святого Петра в раннее Средневековье был Святой Григорий Великий (кроме него за двухтысячелетнюю историю папства так называли ещё лишь двоих Пап). Понтификат его (так называется время правления Папы) пришёлся на 590—604 гг. Для Италии это был тяжёлый период лангобардского нашествия, сопровождавшегося эпидемиями и неисчислимыми бедствиями. Тяжело больной и уже весьма пожилой (по средневековым представлениям), Григорий стал Папой в 50-летнем возрасте. Понтифик стал настоящим правителем Рима. Он снабжал римлян продовольствием, выменивал и выкупал пленных у лангобардов, заботился об обороноспособности города. Григорий I написал множество сочинений, адресованных не учёным-богословам, а простым верующим. Папа наставлял их в основах веры, советуя каяться и готовиться к концу света, который, как полагал Григорий, уже не за горами. «Зачем снимать жатву, если жнецу не суждено жить? Пусть каждый окинет взором течение своей жизни, и он поймёт, сколь мало ему было нужно». Эти строки, написанные рукой Григория Великого, кажутся странными — ведь сам он с удивительной энергией заботился о благе христиан, «собирал жатву». Но противоречия на самом деле здесь нет: Григорий учил не забывать о вечном за мирскими заботами.

Византийские императоры уже не были способны защитить Западную Церковь от угрожающих ей опасностей — еретиков-варваров и вторгавшихся в Европу арабов. Планы византийского господства над всей Италией рухнули ещё в VI в., когда Северная и части Центральной и Южной Италии оказались в руках лангобардов. К 700 г. стало ясно, что Римская Церковь нуждается в сильной военной и политической поддержке. В Риме делают ставку на франков — наиболее могущественный и воинственный народ молодой варварской Европы.

Расчёты римских политиков оказались точными. В середине VIII в. правитель франков Пипин Короткий, совершив два похода против лангобардов в Италию, признал в 756 г. Папу римского правителем «Наследия Святого Петра» — так называлось созданное в Центральной Италии папское государство, состоявшее из бывших византийских владений. Так Папы встали вровень со светскими государями средневековой Европы. Между 756 и 760 гг. в папской канцелярии был составлен фальшивый документ — так называемый «Константинов дар». Согласно этому «дару», римский император Константин Великий ещё в IV в. уступил Папам светскую власть над Римом и западными провинциями Римской империи. В Рождество 800 г. Папа Лев III короновал короля франков Карла императорской короной; империя на западе была восстановлена. Таким образом, независимым Папам была обеспечена сильная имперская поддержка.

В Риме потратили немало усилий, чтобы обосновать необходимость и даже неизбежность союза папства и империи. Говорили, например, о «двух мечах», светском и духовном, которые должны неустанно разить врагов христианского мира. Светский меч извлекается из ножен только во имя Церкви, по знаку священника. Хранителем обоих мечей признавался Папа; поскольку именно он вручал «меч» (т. е. власть в мирских делах) императору, то его власть была наивысшей. Те же представления лежали и в основе речей о «двух светилах» — Солнце и Луне. Как Луна отражает солнечный свет, не имея своего собственного, так и император получает свет (т. е. опять же власть) от Папы, а через его посредничество — от Бога.

Все эти красивые слова, однако, мало соответствовали реальности. Западная Церковь, сбросившая с себя ветхие византийские путы, угодила взамен в крепкие сети нарождающегося европейского феодализма. В IX—X вв. власть Пап могла быть только феодальной властью, если Папы желали стать настоящими государями. Церковь втягивается в мирскую организацию власти: епископы приносят вассальные клятвы светским государям, получают от них лены во владение, несут военную службу и в свою очередь раздают церковные земли в держание рыцарям-мирянам. Престол Святого Петра становится игрушкой в руках нескольких знатных римских семейств. Церковь оказывается перед угрозой «обмирщения», растворения в мире насилия и греха... Кажется, что папство не выдерживает испытания властью.

Восстановление западной империи в середине X в. не вносит существенных изменений в плачевное состояние Римской Церкви. Императоры Саксонской династии так же свободно меняют Пап на престоле, как несколько лет назад это делала итальянская феодальная вольница. Луна затмевает Солнце, второй меч отказывается покорствовать первому. Лучшие умы Западной Церкви напряжённо ищут выход из сложившегося положения. Да, Рим не выдержал испытания властью — но, может быть, в этом виновата сама власть, она была попросту не та, какой ей следует быть? Папство, до сих пор послушно поспешавшее за развитием европейского феодализма, ставит перед собой грандиозную задачу — создать совершенно новый механизм власти. Историки называют эту программу «универсальной теократией»; более простыми словами можно сказать, что в Риме вознамерились сделать власть Папы наивысшей и по существу единственной во всём христианском мире.

Переустройство Церкви началось как бы исподволь, оно было не всегда заметным и на первых

Энгр. Папа Пий VII в Сикстинской капелле.
Вашингтон. 1814 г.

порах не казалось опасным для торжествующей империи. В Риме сменяли друг друга Папы-реформаторы, заявлявшие о необходимости очищения Церкви, обновления веры и о возврате к простоте нравов ранних христиан. Германские императоры относились к подобным идеям весьма благосклонно, поскольку под «простотой нравов» они понимали повиновение своей власти. Однако подлинные намерения реформаторов были иными. Наиболее известный из них монах Гильдебранд из бургундского монастыря Клюни, ставший позднее Папой под именем Григория VII (1073—1085 гг.), заявил: «Господь не сказал: Моё имя Обычай». Григорий имел при этом в виду, что время «обычая», феодального произвола, власти, основанной на грубой силе, подошло к концу. Папское государство намеревалось опираться теперь на другую силу — силу праведника, изгоняющего беса из одержимого, а этого, по словам того же Григория, не мог сделать ни один король и император. «Обычай», феодальное право, и был тем бесом, которого Папа намеревался изгнать из христианского мира.

«Заклинание дьявола» началось в 1059 г., когда церковный собор в Риме, созванный по инициативе Гильдебранда, тогда ещё советника Папы Николая II, установил новый порядок избрания Пап. Теперь Папу выбирало собрание кардиналов — высших священнослужителей Католической Церкви; император не мог воздействовать на их решение. Кардиналов же в свою очередь мог назначать только Папа, занимающий Святой Престол. Собор высказался и против того, чтобы светские государи утверждали поставленных Папой епископов. В 1075 г. в «Диктате папы» Григорий VII провозгласил, что любой светский государь может быть смещён Церковью, носителем несравнимо более высокой

власти, чем светская. Он потребовал, чтобы все европейские монархи отныне приносили вассальную присягу Папе, а на соборе 1075 г. в Риме запретил инвеституру епископов (назначение и утверждение в звании светскими властями). В 1076 г. император Генрих IV низложил папу Григория VII, а Папа отлучил Генриха от церкви. И случилось небывалое: потрясённая Европа узнала о том, что император Генрих IV на коленях униженно молил папу Григория VII о прощении. Фантастические мечтания римских реформаторов начинали обретать плоть. Почему же это случилось?

Во-первых, к концу XI в. значительно изменилось само европейское общество. Оно стало гораздо более пёстрым и сложным, управлять им по-старому было всё труднее. Поэтому мысль о первенстве римского понтифика над светскими государями нашла неожиданно много сторонников среди мирян.

Во-вторых, Папам удалось превратить Святой Престол в наилучшим образом организованное государство тогдашней Европы. Государственная машина Рима была отлажена безукоризненно; многие королевские канцелярии Средневековья были позднее созданы по образцу папской, нотариусы и законоведы Святого Престола высоко ценились во всех европейских странах. Именно в это время появился сам термин «папство».

В-третьих, Папам удалось привлечь на свою сторону значительную часть мелкого рыцарства. Этим людям тоже не нравился «обычай», ставивший их в жёсткую зависимость от могущественных сеньоров. К тому же папство на протяжении десятилетий усиленно внедряло в сознание рыцарства идею «воинства Христова», в котором рыцарская отвага была бы поставлена на службу целям и идеалам всего христианского общества. Старания Церкви завершились успехом: в 1095 г. «воинство Христово» с восторгом откликнулось на призыв Папы Урбана II (1088—1099 гг.) выступить в поход на Иерусалим (см. ст. «Крестоносцы и крестовые походы»).

Наконец, Григорий VII позаботился и о «научном» обосновании папских притязаний. На свет извлекались недостоверные легенды о жизни Святого Петра и его учеников, из которых делались далеко идущие выводы. Например, путешествие Святого Петра в Испанию (а многие историки Церкви сомневаются в том, что апостол действительно побывал там) становилось основанием для утверждений о принадлежности Испании Святому Престолу. Точно такой же обработке подвергались и библейские тексты. Ссылки на Библию и церковную историю были очень авторитетны, а поймать римских книжников на слове в XI в. было почти некому.

Великие преемники Григория VII — Александр III (1159—1181 гг.) и Иннокентий III (1198—1216 гг.) — завершили создание величественного механизма власти римских первосвященников. Средневековье ещё не видело ничего подобного — в этом механизме слаженно вращались тысячи «шестерёнок» самых различных размеров: кардиналы и епископы, юристы и богословы, профессора и студенты, бродячие монахи-проповедники и короли, принимавшие свои короны из папских рук... В середине XIII в. этой грозной боевой машине удалось, наконец, сломить мощь империи.

Но торжество Пап оказалось преждевременным; в 1300 г. Рим вновь оказался на грани катастрофы. Конструкция, возведённая Гильдебрандом и его единомышленниками, лишь внешне казалась неуязвимой. На самом же деле она сильно зависела от постоянного притока денег и хорошо работала лишь тогда, когда в Рим безостановочно текли «золотые ручейки». Отринув «обычай» и феодальные обязательства вассалов и сеньоров, Папы поставили себя в полную зависимость от труда чиновников-бюрократов, получавших жалованье. Европа же с начала XIV в. входит в длительную полосу хозяйственных затруднений, и Папам становится всё труднее удовлетворять денежные запросы своих служащих. Быстро развивающиеся европейские государства — Французское и Английское королевства — тоже научились хорошо считать деньги и вовсе не намерены были следовать в своей политике римским предписаниям. Они готовились сразиться с Римом его же оружием: оружием богословских трактатов и законов, воспитанием грамотных чиновников и аккуратным счётом денег в казне.

Пощёчина, которую посланец французского короля Филиппа Красивого дал Папе Бонифацию VIII в 1303 г. в папском дворце в Ананьи неподалёку от Рима (см. ст. «Филипп IV Красивый»), стала достойным ответом на унижение, испытанное императором Генрихом IV в 1077 г. в Каноссе. Под нажимом Филиппа преемники Бонифация переносят своё местопребывание во Францию, в Авиньон. Начинается период «Авиньонского пленения Пап», продолжавшийся около 70 лет. Окончательное возвращение Пап в мятежный и неуправляемый Рим произошло только в начале XV в. Но в Рим вернулись уже другие Папы. Они легко шли на значительные уступки светским государям и не помышляли о верховной власти над ними. В 1414—1418 гг. Констанцский церковный собор выдвинул идею верховенства Собора над Папой. И она была вскоре воплощена в жизнь во Франции и Англии. К 1500 г. Папская область превращается в заурядное итальянское государство, вовлечённое во все местные дрязги и лишившееся своего прежнего авторитета.

Рим вернул себе часть былого величия лишь после взрыва Реформации (см. ст. «Реформация»). В XVI—XVII вв. история папства была переосмыслена; политическими амбициями всё же пришлось пожертвовать ради сохранения духовного авторитета. Но всякий раз, когда Папа римский обращается к миру с увещеванием с телеэкранов или с огромной площади перед собором Святого Петра в Риме, он говорит с человечеством не просто как священнослужитель, а как владыка, наделённый свыше единственным правом «связывать и разрешать».

ЕПИСКОП

Епископ — высший священнический сан, третья ступень в иерархии Христианской Церкви.

Первые епископы появились, когда вера в Христа только завоёвывала человеческие души. Считается, что сами апостолы, желая сохранить и упрочить Церковь, избрали себе преемников — епископов (в переводе с греческого — «блюстители», «начальники»). Уже в «Послании к Филиппийцам» апостол Павел приветствует и благословляет епископа в Филиппах.

Христиан, однако, становилось всё больше, и одновременно увеличивалось число епископов. Уже с середины II в. все крупные христианские общины возглавлялись епископами. Епископа выбирали священники и верующие общины. Однако в те времена быть епископом было не только очень почётно, но и небезопасно. Христиане подвергались преследованиям, и человек, занимавший такое видное место среди своих единоверцев, мог раньше других оказаться, подобно Спасителю, распятым на кресте или брошенным в клетку с дикими зверями. Поэтому епископом становился не только достойный, уважаемый, но и мужественный священник.

Впрочем, ещё апостол Павел разъяснял, какими качествами должен обладать епископ. Кандидат на эту должность должен был пользоваться хорошей репутацией, уметь проповедовать и наставлять в христианском учении, содержать в послушании свой дом и детей, «ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли заботиться о Церкви Божьей?». Епископом не мог сделаться глухой, слепой, пьяница, буян и забияка. Кроме того, епископу следовало быть «одной жены мужем». Вскоре, однако, установился вначале обычай, а потом и закон — епископам запрещалось вступать в брак.

До IV в. епископ управлял отдельной церковной общиной, к которой относились город и окружающие его сёла. В управлении принимали участие клир (священники) и миряне. Подвластная епископу территория называлась епархией. Здесь он как преемник апостолов имел всю полноту духовной власти и никому не подчинялся. Епископ избирал и посвящал клириков, распределял церковные должности. Епископы соседних епархий устраивали совещания наподобие первых апостольских соборов.

Но уже тогда епископы Церквей, основанных самими апостолами (Римской, Антиохийской, Александрийской), или те из них, резиденция которых находилась в крупных городах империи, получали «преимущество чести» (находились в большем почёте) перед теми, кто руководил церквами маленьких городов. «Преимущество чести» со временем развилось в «преимущество власти».

Константин Великий (306—337 гг.) покровительствовал христианам и, подметив, какое влияние эта религия оказывает на людей, решил использовать её на благо государства. В 325 г. император созвал первый Вселенский собор, на котором епископы занялись устройством церковной жизни.

Церковь перестроила своё управление по образцу светской власти. А Римская империя во времена Константина Великого делилась на четыре префектуры с 12 диоцезами, включавшими 100 провинций. Главными городами диоцезов чаще всего оказывались те, епископы которых пользовались «преимуществом чести». Оставалось только предоставить им «преимущество власти» (право главен-

П. Сюблейра.
Император Василий перед Епископом Василием.

ствовать над епископами других городов), что и было сделано в IV и V вв. Таким образом устанавливалась церковная иерархия. Особо значимые для христиан Церкви, основанные апостолами, с середины V в. стали называться патриархатами (Римский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский, позднее — Константинопольский). Правда, патриархи Рима и Александрии предпочитали величать себя Папами (от *лат.* papa — «отец»), как было принято издавна (см. ст. «Папство»). За ними шли епископы крупных административных центров империи (столиц диоцезов или больших провинций), такие, как Милан, Равенна, Аквилея, Арль. Епископы этих церквей назывались митрополитами и возглавляли церковные провинции, осуществляя контроль за соблюдением церковного права и дисциплины.

Император с удовлетворением наблюдал за тем, как переплеталась жизнь Церкви и государства. Себя он называл «епископом внешних дел Церкви», утвердил за Церковью право приобретать земли, одновременно согласившись с тем, чтобы епископы осуществляли нравственный контроль за правителями областей и высшими государственными чиновниками. Император Юстиниан (527—565 гг.) объявил, что постановления Вселенских церковных соборов имеют силу гражданских законов.

Такое положение сохранялось и тогда, когда Римская империя пала под ударами варваров и на её территории возникли одно за другим новые королевства. Правители их со временем стали христианами, а короли и епископы как высшие церковные властители старались с выгодой использовать друг друга. Епископы, всемогущие в своих епархиях, стремились пользоваться такой же властью и в делах государства. Часто прекрасно образованные, епископы становились близкими советниками королей, наставниками их наследников. Достигнув желаемых высот, они неустанно заботились о выгоде Церкви и королевства.

Короли не оставались в долгу. Они и знатные сеньоры жаловали Церкви земли, имения, иногда целые области. Епископы, становившиеся обладателями таких земель, превращались в вассалов дарителя. Вассальная зависимость епископов привела к тому, что светские сеньоры стали вмешиваться в церковные дела.

В X в. распространился обычай, названный инвеститурой: епископов вводил во владение землями епархии король. Светский властитель вручал новоизбранному иерарху жезл, символ светской власти, а епископ приносил ему вассальную присягу. Короли и сеньоры присвоили себе право судить епископов и даже лишать их по своему усмотрению сана, что раньше было совершенно недопустимо. Вместо смещённого прелата мог быть назначен тот, кого на этом месте было выгодно видеть в данный момент, — от покорного вассала до (и такое бывало!) неразумного ребёнка. Инвеститура привела к тому, что власть над Церковью попала в руки светских властей.

Но даже это не могло принизить роль и могущество епископов. Они не раз противостояли власти королей, соперничая с ними в силе и влиянии. Так, безраздельно господствуя в своих владениях, получив по милости короля Оттона I духовную и светскую власть, германские епископы в XI в. встали в оппозицию императорской власти. И ещё долго в Германии существовали на правах самостоятельных государств архиепископства Кёльн, Майнц, Бремен, Трир. Архиепископ Кентерберийский (глава Англиканской Церкви) Томас Бекет, в 1170 г. не позволивший королю Англии прибрать к рукам церковные суды, был убит. Но самому Генриху II пришлось жестоко (в буквальном смысле этого слова) каяться в содеянном — лёжа долгие часы на холодной могильной плите убиенного им прелата после того, как Папа римский пригрозил королю отлучением от Церкви.

Впрочем, многие епископы тех времён имели возможность разить противника не только отлучением и анафемой (проклятием), но и мечом, так как владели им не хуже графов и баронов.

По полю битвы носится архиепископ Турпин;
Не бывало священника, чтоб пел обедню
и выказывал такую удаль и телесную ловкость...
...Говорят французы:
«Лихо разит наш архиепископ».

Так в «Песне о Роланде» говорится о священнике и воине Турпине — архиепископе Реймсском.

Надо заметить, что многие епископы, хорошо владеющие мечом, просто не умели петь обедню, поскольку до назначения были людьми светскими. Приняв сан от светского же сеньора, они и не думали исполнять обязанностей церковного иерарха. Зато пользоваться доходами с епископских земель были всегда готовы. Некоторые же прелаты не скрывали того, что служба их утомляет. Один реймсский архиепископ откровенно признавался, что его епархия была бы ему куда милее, если бы для получения доходов с неё не надо было служить обедню.

Потребовалось много сил и лет, чтобы искоренить беспорядки, вызванные инвеститурой. Ещё больше сил ушло на разграничение сфер влияния светских и духовных властителей. И всё-таки они так и остались связанными невидимыми нитями, так как государство всегда заинтересовано в Церкви, а Церковь в большей или меньшей степени зависит от государства.

Епископы утратили своё прежнее могущество. Но их роль велика и поныне. И сегодня епископ — высшее духовное лицо в Католической, Православной и Протестантской Церкви (правда, в последнем случае епископ — не священник, а скорее чиновник, выполняющий чисто административные функции). Из высших церковных иерархов епископ ближе всех к прихожанам. По большим церковным праздникам он обращается к ним с проповедью. Он рукополагает священников, совершает миропомазание, как бы наделяя при этом человека божественной благодатью.

ИНКВИЗИЦИЯ

Инквизиция (от *лат.* inquisitio — «расследование») — трибунал Католической Церкви, осуществлявший сыскные, судебные и карательные функции; имеет многовековую историю. Возникновение её связано с борьбой против еретиков — тех, кто проповедовал религиозные взгляды, не отвечающие установленным церковью догмам. Первым известным еретиком, сожжённым на костре за свои убеждения в 1124 г., был Пётр из Брюи, требовавший упразднения церковной иерархии. Под этот акт ещё не было подведено никакой «правовой» основы. Она стала складываться в конце XII — первой трети XIII в.

В 1184 г. Папа Луций III собрал в Вероне собор, решения которого обязывали священнослужителей собирать сведения об еретиках и проводить их розыск. Согласно папской булле, кости ранее умерших еретиков, как оскверняющие христианские кладбища, подлежали эксгумации и сожжению, а имущество, унаследованное кем-либо из близких, — конфискации. Это была своего рода прелюдия появления института инквизиции. При папе Иннокентии III (1198—1216 гг.) инквизиция становится органом, находящимся под непосредственным контролем Пап. При Григории IX (1227—1241 гг.) инквизиторы получили широкие полномочия по сыску и суду еретиков. Руководство инквизицией было поручено ордену проповедников (доминиканцев).

Церковные карательные органы появились в Италии (за исключением Неаполитанского королевства), Испании, Португалии, Франции, Нидерландах, Германии, в португальской колонии Гоа, а после открытия Нового Света — в Мексике, Бразилии и Перу.

После изобретения книгопечатания Иоганном Гутенбергом в середине XV в. трибуналы инквизиции фактически взяли на себя функции цензоров. Год от года пополнялся список запрещённых книг и к 1785 г. составил свыше 5 тыс. наименований. Среди них книги французских и английских просветителей, «Энциклопедия» Дени Дидро и др.

Наиболее влиятельной и жестокой инквизиция оказалась в Испании. По существу представления об инквизиции и инквизиторах сложились под влиянием сведений о преследованиях и расправах с еретиками, связанных с именем Томаса де Торкемады, с его жизнью и деятельностью. Это самые мрачные страницы истории инквизиции. Личность Торкемады, описанная историками, теологами, врачами-психиатрами, и по сей день вызывает интерес.

Томас де Торквемада родился в 1420 г. Его детство и отрочество не оставили свидетельств серьёзных душевных потрясений и отклонений в психике. В школьные годы он служил примером добропорядочности не только для одноклассников, но даже и для учителей. Став затем монахом ордена доминиканцев, он отличался безупречным отношением к традициям ордена и монашескому образу жизни, досконально выполнял религиозные обряды. Орден, основанный в 1215 г. испанским монахом Доминго де Гусманом (латинизированное имя Доминик) и утверждённый папской буллой 22 декабря 1216 г., был главной опорой папства в борьбе с ересью.

Глубокая набожность Торквемады не осталась незамеченной. Молва о ней дошла до королевы Изабеллы, и та не раз предлагала ему возглавить крупные приходы. Он неизменно отвечал вежливым отказом. Однако, когда Изабелла пожелала иметь его своим духовником, Торквемада посчитал это за великую честь. По всей вероятности, ему удалось заразить королеву своим религиозным фанатизмом. Его влияние на жизнь королевского двора было значительным. В 1483 г., получив титул Великого инквизитора, он практически возглавил испанский католический трибунал.

Приговором тайного суда инквизиции могло быть публичное отречение, штраф, тюремное заключение и, наконец, сожжение на костре — Церковь применяла его в течение семи веков. Последняя казнь состоялась в Валенсии в 1826 г. Сожжение ассоциируется обычно с аутодафе (дословно «дело веры») — торжественным оглашением приговора инквизиции, а также исполнением его. Такая аналогия вполне правомерна, так как все другие формы наказания обставлялись инквизицией более буднично.

В Испании Торквемада намного чаще, чем инквизиторы других стран, прибегал к крайней мере: за 15 лет по его приказу было сожжено около 2 тыс. человек. Преследовались в первую очередь крещёные евреи — марраны, обвиняемые в приверженности к иудаизму, а также мусульмане, принявшие христианство, — мориски, подозревавшиеся в тайном исповедании ислама. В 1492 г. Торквемада склонил испанскую чету Изабеллу и Фердинанда к высылке из страны всех иудеев.

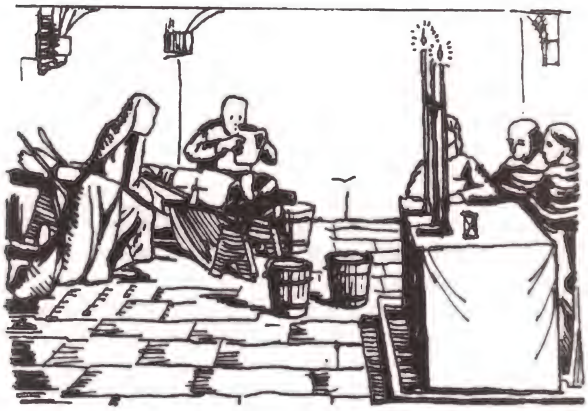
Этот «гений зла» умер естественной смертью, хотя, будучи Великим инквизитором, постоянно трясся за свою жизнь. На его столе всегда находился рог носорога, с помощью которого, согласно поверью той эпохи, можно было обнаружить и нейтрализовать яд. Когда он ездил по стране, его сопровождали 50 всадников и 200 пехотинцев.

К сожалению, Торквемада не унёс с собой в могилу варварские методы борьбы с инакомыслящими.

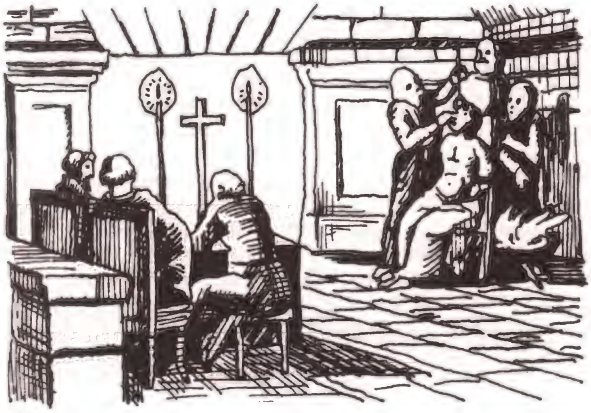
XVI столетие стало веком рождения современной науки. Наиболее пытливые умы посвящали свои жизни осмыслению фактов, постижению законов мироздания, ставили под сомнение веками устоявшиеся схоластические

Наказания инквизиции.

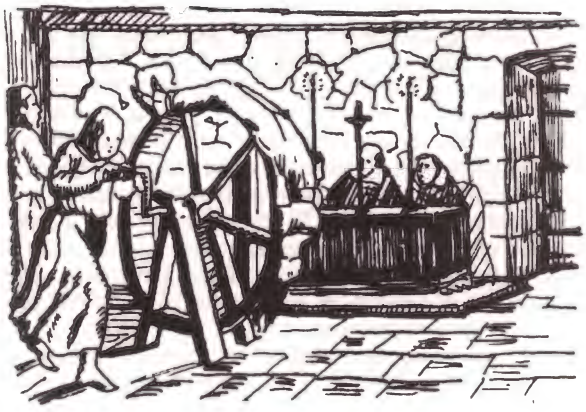
Аутодафе (сожжение еретиков и еретических книг).



Пытка водой.



Пытка огнём.



Пытка колесом.

Замуровывание.

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Страшен арсенал пыток, придуманных инквизицией за несколько веков её существования: сожжение на костре, пытка колесом, пытка водой, замуровывание в стены. Торквемада прибегал к ним намного чаще других инквизиторов.

Воспалённое воображение Торквемады сначала изобретало противников, дрожавших при одном упоминании его имени, а затем в течение всей жизни инквизитор сам испытывал страх перед неминуемой местью жертв.

Куда бы он ни выходил из своей монастырской кельи, его сопровождал преданный телохранитель. Постоянная неуверенность в собственной безопасности иногда заставляла Торквемаду покидать не столь уж надёжное убежище и укрываться во дворце. На какое-то время он находил приют в покоях самого охраняемого в Испании здания, однако страх не оставлял инквизитора ни на мгновение. Тогда он пускался в многодневные поездки по стране.

Но разве можно скрыться от вездесущих призраков? Они поджидали его и в маслиновой рощице, и за каждым апельсиновым деревом, и даже пробирались в храмы. И днём, и ночью они караулили его, всегда готовые свести с ним счёты.

Кажется, психиатры называют такое состояние меланхолической эпилепсией. Всепоглощающее беспокойство вызывает в больном ненависть, отчаяние, гнев, может внезапно толкнуть его на убийство, самоубийство, воровство, поджог жилища. Его жертвами могут стать ближайшие родственники, друзья, первый встречный. Вот таким был Торквемада.

Внешне всегда сумрачный, чрезмерно экзальтированный, подолгу воздерживавшийся от пищи и усердствовавший в покаянии в бессонные ночи, Великий инквизитор был беспощаден не только к еретикам, но и к самому себе. Современников поражали его импульсивность, непредсказуемость поступков.

Однажды в разгар борьбы за освобождение Гранады от арабов (80-е гг. XV в.) группа состоятельных евреев решила вручить на эти цели 300 тыс. дукатов Изабелле и Фердинанду. В зал, где проходила аудиенция, неожиданно ворвался Торквемада. Не обращая внимания на монархов, не извиняясь, не соблюдая никаких норм дворцового этикета, он вытащил из-под сутаны распятие и закричал: «Иуда Искариот предал своего Учителя за 30 сребреников, а Ваши Величества собираются продать Христа за 300 тысяч. Вот он, берите и продавайте!». С этими словами Торквемада бросил распятие на стол и стремительно покинул зал... Короли были потрясены.

История Церкви знала немало случаев крайнего фанатизма. Сколько садизма исходило, например, от инквизиции при сожжении Мигеля Сервета (латинизированное имя Серветус), испанского медика и автора нескольких работ, ставивших под сомнение рассуждения богословов о Святой Троице. В 1553 г. он был арестован по приказу верховного инквизитора Лиона. Ему удалось бежать, но в Женеве еретика вновь схватили агенты инквизиции и приговорили по приказу Жана Кальвина к сожжению на костре. В течение двух часов его поджаривали на медленном огне, и, несмотря на отчаянные просьбы несчастного подбросить ради Христа побольше дров, палачи продолжали растягивать собственное удовольствие, наслаждаясь конвульсиями жертвы. Однако даже этот варварский акт не идёт ни в какое сравнение с жестокостью Торквемады.

Феномен Торквемады одномерен: жестокость, жестокость и ещё раз жестокость. Инквизитор не оставил после себя ни трактатов, ни проповедей, ни каких-либо заметок, позволяющих оценить его литературные способности и теологические воззрения. Имеется несколько свидетельств современников, отмечавших несомненный литературный дар Торквемады, както проявлявшийся в молодости. Но, видимо, ему не суждено было развиться, так как мозг инквизитора, попав во власть догмы. Обновлялись житейские и нравственные представления человека.

Критическое отношение к так называемым незыблемым истинам приводило к открытиям, в корне меняющим старое мировоззрение. Польский астроном Николай Коперник (1473—1543) заявил, что Земля вращается вокруг своей оси и наряду с другими планетами — вокруг Солнца. В предисловии к книге «Об обращениях небесных сфер» учёный писал, что 36 лет он не решался обнародовать этот труд. Сочинение было издано в 1543 г., за несколько дней до смерти автора. Великий астроном посягал на один из главных постулатов церковного учения, доказывая, что Земля не является центром Вселенной. Книга оказалась под запретом инквизиции до 1828 г.

Если Коперник избежал преследований лишь потому, что выход книги совпал с его кончиной, то судьба Джордано Бруно (1548—1600) оказалась трагической. В молодости он стал монахом доминиканского ордена. Бруно не скрывал своих убеждений и вызвал недовольство святых отцов. Вынужденный покинуть монастырь, вёл бродячий образ жизни. Преследуемый, бежал из родной Италии в Швейцарию, затем жил во Франции и Англии, где занимался наукой. Свои идеи изложил в сочинении «О бесконечности, Вселенной и мирах» (1584 г.). Бруно утверждал, что пространство бесконечно; оно наполнено самосветящимися непрозрачными телами, многие из которых обитаемы. Каждое из этих положений противоречило принципиальным установкам Католической Церкви.

Читая лекции по космологии в Оксфордском университете, Бруно вёл ожесточённые дискуссии с местными теологами и схоластами. В аудиториях Сорбонны силу его аргументов испытали французские схоласты. В Германии он прожил целых пять лет. Там был издан ряд его трудов, вызвавших новый взрыв ярости итальянской инквизиции, готовой на всё ради того, чтобы заполучить самого опасного, по её мнению, еретика.

По наущению Церкви венецианский патриций Мочениго пригласил Джордано Бруно в качестве домашнего преподавателя философии и... выдал инквизиции. Учёный был заточён в застенки. В течение восьми лет католический трибунал безуспешно добивался публичного отречения Джордано Бруно от его научных трудов. Наконец последовал вердикт: наказать «насколько возможно милосердно, без пролития крови». Эта лицемерная формулировка означала сожжение на костре. Запылал костёр. Выслушав судей, Джордано Бруно сказал: «Быть может, вы с большим страхом произносите этот приговор, чем я его выслушиваю». 17 февраля 1600 г. в Риме на Площади Цветов он стоически принял смерть.

Такая же участь едва не постигла и другого итальянского учёного — астронома, физика, механика Галилео Галилея (1564 —1642). Созданный им в 1609 г. телескоп позволил получить объективные доказательства справедливости вы-

водов Коперника. Первые же наблюдения за звёздным небом разрушили традиционную картину мироздания, начертанную Аристотелем и Птолемеем. Только в созвездии Плеяд Галилей насчитал не менее 40 звёзд, невидимых до тех пор. Какими наивными выглядели теперь сочинения богословов, объяснявших появление звёзд на вечернем небе лишь необходимостью светить людям!.. Результаты новых наблюдений всё больше ожесточали инквизицию. Открыты горы на Луне, пятна на Солнце, четыре спутника Юпитера, кольца Сатурна. В ответ Церковь обвиняет Галилея в богохульстве и мошенничестве, представив выводы учёного как следствие оптического обмана.

Расправа над Джордано Бруно стала серьёзным предостережением. Когда в 1616 г. конгрегация из 11 доминиканцев и иезуитов объявила учение Коперника еретическим, Галилею частным образом было указано на необходимость отмежеваться от этих взглядов. Формально учёный подчинился требованию инквизиции.

В 1623 г. папский престол занял друг Галилея кардинал Барберини, прославший покровителем наук и искусств. Он принял имя Урбан VIII. Не без его поддержки в 1632 г. Галилей опубликовал «Диалог о двух главнейших системах мира — птоломеевой и коперниковой» — своего рода энциклопедию астрономических воззрений. Но даже близость к Папе не защитила Галилея. В феврале 1633 г. римским католическим судом «Диалог» был запрещён, его автор объявлен «узником инквизиции» и оставался им в течение девяти лет вплоть до смерти. Галилей был вынужден публично отказаться от своих взглядов на строение Вселенной. Кстати сказать, только в 1992 г. Ватикан оправдал Галилео Галилея.

В зависимости от исторических, экономических, национальных и многих других причин страны Европы в разные сроки освобождались от трибуналов Церкви. Уже в XVI столетии. под воздействием Реформации они прекратили своё существование в Германии и во Франции. В Португалии инквизиция действовала до 1826 г., в Испании — до 1834 г., в Италии — до 1859 г.

Формально инквизиция под названием Конгрегации святой канцелярии просуществовала до 1965 г., когда её службы были преобразованы в Конгрегацию вероучения, продолжающую бороться за чистоту веры, но уже другими, отнюдь не средневековыми средствами.

одной идеи, работал только в одном направлении. Инквизитору были просто чужды интеллектуальные запросы.

Более того, Торквемада стал непримиримым противником печатного слова, видя в книгах прежде всего ересь. Вслед за людьми он часто посылал на костёр книги, превзойдя и в этом отношении всех инквизиторов.

Воистину прав был Диоген: «Злодеи подчиняются своим страстям, как рабы хозяевам».

ДВОРЯНИН

Русское слово «дворянин» не совсем точно передаёт смысл английских, французских, итальянских обозначений благородного человека, аристократа. В России дворянином считался тот, кто держал двор, усадьбу, имел земельные владения и крепостных. В Европе же начиная с XVI в. всё это уже не было обязательным — многие дворяне сохранили лишь воспоминания о замках и землях предков, давно жили в городах и свои доходы получали не от крестьянских оброков, а от службы королю. Главным же своим отличием от простых людей европейские дворяне считали особые человеческие качества — великодушие, отвагу, верность данному слову, изящество речей и поступков, преданность королю. В Англии, например, дворяне так и называли себя — «джентльмены», что означало «приятные, культурные люди». Похоже именовали себя и дворяне Италии, Франции. В большом ходу были и другие обозначения дворян: «кавалер», «шевалье». Все эти слова переводятся на русский язык как «рыцарь». Они свидетельствовали о стремлении дворян подражать предкам, напоминали о происхождении большей их части от средневекового рыцарства.

Идеальный дворянин должен был походить и на героя рыцарских романов, и на персонажа античной истории, и на христианского праведника.

Богатый модник и бродяга-оборванец.
Гравюра. Конец XVI в.

Настольные часы.
Германия. XVI в.

Коробочки для пряностей.

Не чужды ему были и представления о свободном развитии человеческой личности, о свободе мышления как условии этого развития — все эти идеи были высказаны гуманистами XV—XVI столетий.

Все стороны личности дворянина должны были находиться в гармонии. Важно было заботиться о своей внешности: завивать волосы, с помощью мазей и притираний добиваться особой белизны кожи, умело подбирать костюм. Бедно одетые дворяне вызывали насмешку и осуждение.

Одежду расшивали золотыми нитями и драгоценными камнями, иногда даже пряжки на обуви делали из бриллиантов; бывали костюмы ценой в целые состояния. Однако дворянин должен был обнаруживать и особое изящество в обхождении — пышно разодетые тупицы становились поводом для насмешек и издевательств. Дворянин мог позволить себе грубость только в разговорах с простонародьем, с равным он обязан был беседовать любезно, даже если вызывал его на дуэль. Умение красиво говорить ценилось как никогда высоко — поэты и рассказчики собирали вокруг себя много благодарных слушателей и слушательниц, способных оценить и красоту стиля, и скрытые намёки на известных всем лиц.

Особенную ловкость и умение дворянин проявлял, ухаживая за дамой. Настоящий кавалер знал, что его успех зависит от того, насколько ловко он может менять свои «маски» сообразно случаю. Такое поведение требовало немалого ума и хорошего знания людей не только от мужчин, но и от женщин. Наконец, кавалер должен был уметь петь, играть на музыкальных инструментах, танцевать, плавать, ездить верхом, фехтовать, разбираться во всех видах оружия.

Многие дворяне неплохо знали латынь, изучали и писали научные и философские трактаты (вспомним француза Мишеля Монтеня, автора знаменитых «Опытов»). Знатные дворяне покровительствовали гуманистам и художникам, спасая их от преследований церковных и светских властей. Таких покровителей имели и Франсуа Рабле, и Мигель де Сервантес Сааведра, и Уильям Шекспир, и другие замечательные писатели XVI—XVII вв. Но даже те, кто не особенно прилежно изучал латынь — язык науки в те времена — и мало интересовался художественной литературой, нередко владели несколькими иностранными языками и обладали обширными познаниями в практических областях: агрономии, строительстве, артиллерии, морском деле. В некоторых странах Европы, например в Англии, дворяне активно занимались сельским хозяйством и торговлей, вводили технические усовершенствования, создавали промышленные предприятия и агрономические общества.

Дворяне, считавшие себя «лучшими людьми» тогдашней Европы, пытались первенствовать во всём. Они устанавливали моду в музыке и живописи, в нарядах и любви, завоёвывали неведомые прежде страны Америки, Африки и Дальне-

го Востока, содержали на собственные средства академии наук. Дворяне ревниво охраняли свои особые права, «дворянскую честь», продолжая считать себя равными королям по происхождению и вынашивая планы свержения неугодных им правителей. Но эти претензии дворян на господство в политической и культурной жизни Европы имели всё меньше оснований — их материальное положение и политический авторитет в большинстве европейских стран с каждым десятилетием становились всё более шаткими.

С 1500 г. дворянство потеряло многие из прежних источников дохода. Приток огромных масс золота и серебра из Америки привёл к тому, что деньги в Европе начали стремительно дешеветь; денежные оброки, которые дворяне получали с крестьян, не покрывали потребностей привыкших к роскоши аристократов. Усилившаяся королевская власть пресекала войны между отдельными феодальными кланами — а ведь в прежние времена эти стычки многим давали возможность прожить за счёт грабежа владений противников. Наконец, королевская власть отнимает у феодалов и право сбора пошлин на дорогах и реках; теперь этим занимаются королевские чиновники в пользу монарха.

Бедность и непритязательность сельской жизни, а зачастую и полное обнищание заставляют дворян отправляться в большие города (а чаще всего в столицу) на поиски доходного места на королевской службе. Вспомним д'Артаньяна, въехавшего в Париж нищим и сделавшего военную карьеру; вспомним главного героя книги французского писателя Теофиля Готье «Капитан Фракасс», покинувшего свою развалившуюся усадьбу и попавшего в компанию бродячих актёров... Многие, как знаменитый испанский конкистадор Эрнан Кортес (см. ст. «Конкистадоры»), покидали родину и искали счастья в далёких заморских землях. Кортесу повезло: он стал сказочно богат, но так везло далеко не всем. Большая часть дворян вынуждена была выбирать между полуголодным существованием в родовой усадьбе и ранней гибелью от пушечного ядра, коварного удара шпагой или отравленной индейской стрелы вдали от родного дома.

Попасть на королевскую службу было вовсе не просто. Такие города, как Париж, были переполнены бедными дворянами из провинций, съезжавшимися туда в надежде на подачки от короля или место в его гвардии. Но как ни богата была французская корона, всё же и у неё не хватало средств на содержание всего дворянства Франции.

Непокорные, своенравные дворяне мало подходили для исполнения должностей королевских судей и сборщиков налогов. Во всех странах Европы короли предпочитали набирать высших чиновников из незнатных, но образованных и послушных богатых горожан. Правда, эти судьи и министры стремились купить себе дворянские титулы и сблизиться с настоящими дворянами, «дворянами шпаги» (самих же их называли «дворянами мантии», по длинным накидкам, которые носили судейские чиновники), но настоящего слияния старого и нового дворянства так и не произошло.

Александр Дюма, автор знаменитых «Трёх мушкетёров», хорошо знал французскую историю XVI—XVII вв. В романе описана полная трудностей жизнь героев. Вот Портос, разбогатевший только после женитьбы на прокурорше — женщине обеспеченной, но неблагородного происхождения; Арамис так же беден, как и его товарищ, и покупает снаряжение на деньги своей подруги.

В жилах Атоса течёт королевская кровь; он изящен, благороден, умён — это тот самый идеальный дворянин, о котором рассказывалось раньше. Но при всех своих выдающихся качествах Атос небогат и вынужден вести жизнь наёмного солдата. Несколько раз он с иронией говорит о ничтожной цене человеческой жизни — ведь дворянин, состоящий на службе, не принадлежит сам себе, а полностью зависит от монаршьей воли.

При первой же возможности трое друзей оставляют службу в полку мушкетёров; её продолжает лишь д'Артаньян, самый бедный и самый честолюбивый из всех. Атос же презирает

Ян Госсарт. Дворянин. 20-е гг. XVI в.

Поль и Жан Лимбурги. Календарь Месяцев. 1414—1416 гг.

суету придворной жизни и ненавидит кардинала Ришелье (см. ст. «Ришелье»), ограничившего дворянскую вольность (в частности, запретившего дуэли).

Кавалер ордена Золотого Руна, утончённый аристократ, компанию которого в трактире составляют грубые солдаты, — это, конечно, не вполне верный портрет дворянина XVII в. Он довольно сильно отличается от «идеального придворного», изображённого в знаменитом сочинении «Придворный» итальянца Бальдассаре Кастильоне. Где же истина? Кто он, дворянин конца Средневековья и начала Нового времени, — подлинный творец европейской культуры, бесстрашный открыватель нового, высокообразованный человек, покровитель наук или разряженное ничтожество, потребитель, уступающий место новому передовому классу — буржуазии?

Проще всего сказать, что верны обе картины, но ни одна не точна до конца. Попробуем осветить фигуру дворянина несколько иначе, более беспристрастно.

Нет сомнений, что именно дворянская культура попыталась воплотить в жизнь идеал всесторонне развитого человека, являющегося полноценным членом общества и одновременно живущего богатой внутренней духовной жизнью (Средневековье противопоставляло эти стороны жизни в образах рыцаря и монаха). В то же время дворяне полагали, что достичь такой гармонии могут только те люди, которые наделены «врождённым благородством» и правом самостоятельно определять свою судьбу. Но вскоре оказалось, что личное совершенство человека не зависит от знатности его происхождения (об этом говорили, кстати, ещё итальянские гуманисты в XV в.).

Получается, что идеал всесторонне развитого человека дворяне «подарили» новой Европе. Себе же они «оставили» чувство глубокого разочарования жизнью, неудовлетворённости и тоски. Со стороны могло показаться, что неверие в Бога, общий критический настрой и даже цинизм, распространившиеся среди дворян, мешали поступательному движению вперёд. Эти черты строя ума и души сильно раздражали фанатично верящих в Бога и в прогресс представителей буржуазии. Но со временем оказалось, что и эти чёрточки дворянского сознания пригодились новой Европе. Они пригодились тогда, когда прошли первые восторги от революционных перемен Нового времени, когда европейцы вновь задумались над своей исторической судьбой...

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЕСТЬЯНИН

Жизнь крестьян в Средние века была суровой, полной лишений и испытаний. Тяжёлые налоги, разорительные войны и неурожаи зачастую лишали крестьянина самого необходимого и заставляли его думать только о выживании. В средневековой литературе часто возникал отталкивающий образ крестьянина, уподобляемого дикому вепрю. Некоторые авторы не скупились на эпитеты в адрес крестьян, называя их дьяволами, грабителями, лжецами, негодяями, нечестивцами и т. д. От слова «виллан» («крестьянин») родилась «виллания» — так обозначались «грубость», «невежество».

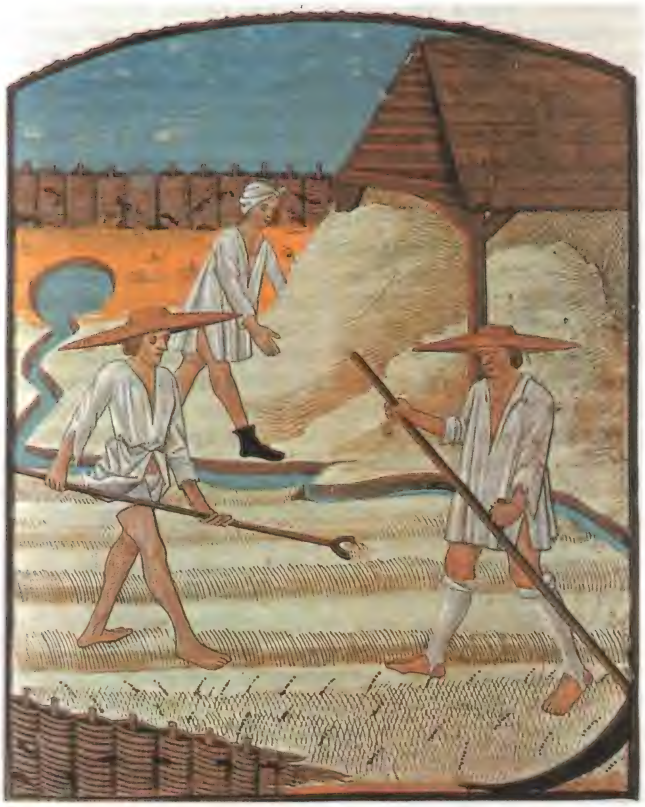
Не нужно думать, что все крестьяне в средневековой Европе походили на чертей или оборванцев. Нет, у многих крестьян в сундуках были припрятаны золотые монеты и нарядная одежда, которую надевали по праздникам; крестьяне умели повеселиться на деревенских свадьбах, когда пиво и вино лились рекой и все отъедались за целую череду полуголодных дней. Крестьяне были

сметливы и хитры, они хорошо видели достоинства и недостатки тех людей, с которыми им приходилось сталкиваться в своей немудрёной жизни: рыцаря, купца, священника, судьи. Если феодалы смотрели на крестьян как на дьяволов, вылезающих из адских нор, то и крестьяне платили своим сеньорам той же монетой: рыцарь, проносящийся по засеянным полям со сворой охотничьих собак, проливающий чужую кровь и живущий за счёт чужого труда, казался им не человеком, а демоном.

Принято считать, что именно феодал являлся главным врагом средневекового крестьянина. Отношения между ними действительно были сложными. Сельские жители не раз поднимались на борьбу против своих господ. Они убивали сеньоров, грабили и поджигали их замки, захватывали поля, леса и луга. Самыми крупными из таких восстаний были Жакерия (1358 г.) во Франции, выступления под предводительством Уота Тайлера (1381 г.) и братьев Кетов (1549 г.) в Англии. Одним из важнейших событий в истории Германии стала Крестьянская война 1524—1525 гг.

Такие грозные всплески крестьянского недовольства были редкостью. Происходили они чаще всего, когда жизнь в деревнях становилась по-настоящему невыносимой из-за бесчинств солдат, королевских чиновников или наступления феодалов на права крестьян. Обычно сельские жители умели ладить со своими господами; и те и другие жили по дедовским, стародавним обычаям, которые оказывались действенными в разрешении большинства споров и несогласий.

В средневековой Европе существовали разнообразные категории крестьян, которые условно можно подразделить на две большие группы: поземельно зависимые и лично зависимые крестьяне. Поземельно зависимый крестьянин, который во Франции



Крестьяне за работой.
Французская миниатюра XVI в.

Сельскохозяйственные работы (пахота).
Миниатюра XVI в.

назывался «вилланом», считался свободным, но за право пользоваться землёй феодала он выплачивал подати сеньору и подлежал его суду. Такой крестьянин в большинстве случаев мог покинуть свой клочок земли и уйти от сеньора — чаще всего его никто не удерживал, но идти ему было в основном некуда.

Лично зависимый крестьянин (серв) не мог покинуть своего господина, когда ему этого хотелось. Он был обязан выполнять барщину — работать на полях сеньора. Барщина была очень тяжела и занимала два-три дня в неделю в сезон сельскохозяйственных работ. Многие из обязанностей такого рода крестьян кажутся нам сегодня довольно безобидными: например, обычай дарить сеньору к Рождеству гуся, а к Пасхе — корзину яиц. Личная зависимость крестьян характеризовалась побором с наследства (право «мёртвой руки»), брачным и поголовным сборами. Когда терпению крестьян приходил конец и они брались за вилы и топоры, восставшие требовали наряду с отменой барщины и отмены этих повинностей, унижавших их человеческое достоинство.

В Западной Европе всегда сохранялся небольшой слой свободных крестьян — собственников своей земли (в Скандинавии это была значительная группа населения). Но и эти крестьяне подлежали судебной власти сеньора, на территории которого находились их земли. Свободные крестьяне часто сидели на бывших «ничьих» землях; это могли быть расчищенные лесные поляны, осушенные болота или же земли, отвоёванные у мавров (в Испании).

Сбор винограда.
Со средневековой миниатюры XIII в.

Лично зависимых крестьян в Западной Европе к концу Средневековья оставалось не так уж много. Крестьян освобождали от личной зависимости вольные города-коммуны, монастыри и короли. Многие феодалы к тому же понимали, что разумнее строить отношения с крестьянами на взаимовыгодной основе, не притесняя их чрезмерно. Лишь крайняя нужда и обнищание европейского рыцарства в XIV—XV вв. заставили феодалов некоторых стран Европы предпринять отчаянное наступление на крестьян. Целью этого наступления было восстановление или сохранение личной зависимости, но в большинстве случаев феодалам приходилось довольствоваться тем, что они сгоняли крестьян с земли, захватывали пастбища и леса, восстанавливали некоторые старинные обычаи. Крестьяне Западной Европы ответили на натиск феодалов чередой грозных восстаний и заставили своих господ отступить.

Главными врагами крестьян в Средние века были всё же не феодалы, а голод, войны и болезни. Голод был постоянным спутником деревенских жителей. Раз в два-три года на полях обязательно случался неурожай, а раз в семь-восемь лет деревню посещал настоящий голод, когда люди ели траву и кору деревьев, разбредались кто куда, нищенствуя. Часть населения деревень в такие годы вымирала; особенно тяжко приходилось детям и старикам. Но и в урожайные годы стол крестьянина не ломился от еды — пищу его в основном составляли овощи и хлеб. Жители итальянских деревень брали с собой в поле обед, который чаще всего состоял из краюхи хлеба, ломтя сыра и пары луковиц. Мясо крестьяне ели далеко не каждую неделю. Зато осенью на городские рынки и в замки феодалов из деревень тянулись возы, гружённые колбасами и окороками, головками сыра и бочками хорошего вина. У швейцарских пастухов существовал довольно жестокий, с современной точки зрения, обычай: сына-подростка семья отправляла на всё лето одного в горы пасти коз. Еды из дома ему с собой не давали (лишь иногда сердобольная мать тайком от отца совала сыну за пазуху кусок лепёшки на первые дни). Мальчик несколько месяцев пил козье молоко, ел дикий мёд, грибы и вообще всё, что он мог отыскать съедобного в альпийских лугах. Те, кто выживал в этих условиях, через несколько лет становились такими здоровяками, что все короли Европы стремились пополнять свои гвардии исключительно швейцарцами.

Наиболее светлым в жизни европейского крестьянства был, наверное, период с 1100 по 1300 г. Крестьяне распахивали всё новые и новые земли, применяли различные технические новшества при обработке полей, учились садоводству, огородниче-

ству и виноградарству. Еды хватало на всех, и численность населения в Европе быстро увеличивалась. Не находившие себе дела в деревне крестьяне уходили в города, занимались там торговлей и ремёслами. Но к 1300 г. возможности развития крестьянского хозяйства оказались исчерпаны — неосвоенных земель больше не было, старые поля истощались, города всё чаще закрывали ворота перед незваными пришельцами. Прокормиться становилось всё труднее, и ослабленные плохим питанием и периодическим голодом крестьяне становились первыми жертвами заразных болезней. Эпидемии чумы, терзавшие Европу с 1350 по 1700 г., показали, что количество населения достигло своего предела и возрастать оно уже не может.

В это время европейское крестьянство входит в сложную полосу своей истории. Опасности наваливаются со всех сторон: кроме привычной угрозы голода это ещё и болезни, и жадность королевских сборщиков налогов, и попытки закрепощения со стороны местного сеньора. Сельскому жителю приходилось быть крайне осторожным, если он хотел выжить в этих новых условиях. Хорошо, когда в доме мало голодных ртов, поэтому крестьяне конца Средневековья поздно женились и поздно обзаводились детьми. Во Франции в XVI—XVII вв. существовал такой обычай: сын мог привести в дом родителей невесту только тогда, когда его отца или матери уже не было в живых. Две семьи не могли прожить, имея один земельный надел, — собранного урожая едва хватало и для одной пары с её потомством.

Осторожность крестьян проявлялась не только в планировании своей семейной жизни. Крестьяне, к примеру, с недоверием относились к рынку и предпочитали сами производить необходимые им вещи, а не покупать их. Со своей точки зрения, они, безусловно, были правы, потому что скачки цен и хитрости городских купцов ставили крестьян в слишком сильную и рискованную зависимость от рыночных дел. Только в самых развитых районах Европы — Северной Италии, Нидерландах, землях на Рейне, вблизи таких городов, как Лондон и Париж, — крестьяне уже с XIII в. активно торговали на рынках сельскохозяйственными продуктами и покупали там же необходимые им изделия ремесленников. В большинстве же других областей Западной Европы сельские жители вплоть до XVIII в. производили всё необходимое в своих собственных хозяйствах; на рынки же приезжали лишь изредка, чтобы вырученными деньгами заплатить оброк сеньору.

До возникновения крупных капиталистических предприятий, выпускавших дешёвую и качественную одежду, обувь и предметы домашнего обихода, развитие капитализма в Европе мало затрагивало крестьянина, жившего в глубинке Франции, Испании или Германии. Он носил самодельные деревянные башмаки, домотканую одежду, освещал своё жилище лучиной, нередко сам изготовлял посуду и мебель. Эти навыки домашнего ремесла, долго сохранявшиеся у крестьян, с XVI в. использовались европейскими предпринимателями. Цеховые уставы часто запрещали основывать новые производства в городах; тогда богатые купцы раздавали сырьё для обработки (например, вычёсывание пряжи) жителям окрестных деревень за небольшую плату. Вклад крестьян в становление ранней европейской промышленности был немалым, и по-настоящему оценить его можно только сейчас.

Несмотря на то что им волей-неволей приходилось вести дела с городскими торговцами, крестьяне относились с опаской не только к рынку и купцу, но и к городу в целом. Чаще всего крестьянин интересовался лишь событиями, происходившими в родной деревне, да ещё в двух-трёх соседних селениях. Во время Крестьянской войны в Германии отряды сельских жителей действовали каждый на территории своего небольшого округа, мало думая о положении соседей. Как только войска феодалов скрывались за ближайшим лесом, крестьяне чувствовали себя в безопасности, складывали оружие и возвращались к своим мирным занятиям.

Жизнь крестьянина почти не зависела от событий, происходивших в «большом мире», — от крестовых походов, смены правителей на троне, споров учёных богословов. Гораздо сильнее на неё влияли ежегодные изменения, происходившие в природе, — смена времён года, дожди и заморозки, падёж и приплод скота. Круг человеческого общения крестьянина был невелик и ограничивался десятком-двумя привычных ему лиц, но постоянное общение с природой давало сельскому жителю богатый опыт душевных переживаний и отношений с миром. Многие из крестьян тонко чувствовали очарование христианской веры и напряжённо размышляли над отношениями человека и Бога. Крестьянин вовсе не был

Пчеловодство.
Средневековая миниатюра XV в.

тупым и безграмотным, каким его обычно изображали современники и некоторые историки много веков спустя.

Средневековье долгое время относилось к крестьянину пренебрежительно, как бы не желая замечать его. Стенные росписи и книжные иллюстрации XIII—XIV вв. редко изображают крестьян. Но уж если художники рисуют их, то обязательно за работой. Крестьяне чисто, аккуратно одеты; их лица больше похожи на тонкие, бледные лица монахов; выстроившись в ряд, крестьяне изящно взмахивают мотыгами или цепами для молотьбы зерна. Конечно, это не настоящие крестьяне с обветренными от постоянной работы на воздухе лицами и корявыми пальцами рук, а скорее их символы, приятные для глаза. Европейская живопись замечает настоящего крестьянина примерно с 1500 г.: Альбрехт Дюрер и Питер Брейгель (так и прозванный Мужицкий) начинают изображать крестьян такими какие они есть: с грубыми лицами, одетыми в мешковатые нелепые наряды. Любимый сюжет Брейгеля и Дюрера — крестьянские пляски, дикие, похожие на медвежье топтание. Конечно, в этих рисунках и гравюрах чувствуются издёвка и презрение, но есть в них и другое. Обаяние энергии и огромной жизненной силы, исходящее от крестьян, не могло оставить художников равнодушными. Лучшие умы Европы начинают задумываться о судьбе тех людей, которые держат на своих плечах блестящее общество рыцарей, профессоров и художников: языком крестьян начинают говорить не только веселящие публику шуты, но и писатели и проповедники. Прощаясь со Средневековьем, европейская культура в последний раз показала крестьянина отнюдь не согнувшимся за работой: на рисунках Альбрехта Дюрера крестьяне танцуют, тайно толкуют о чём-то друг с другом — и крестьяне уже вооружены.

КОММУНА

Когда жаркое средиземноморское солнце стало понемногу склоняться к закату и белые известняковые стены домов утратили свой ослепительный блеск, на улицах города появились кучки людей. Все они направлялись к коммунальному дворцу — небольшому зданию, в котором заседали городские власти. Почтенные старцы из самых родовитых семей занимали свои привычные места на каменных скамьях, располагавшихся в зале, выходившем прямо на рыночную площадь. Уже собралась толпа любопытных: здесь скоро должно было начаться заседание коммунального суда.

Сегодня суд разбирал два дела. Первое из них касалось ссоры между двумя горожанами, закончившейся дракой. Второе было серьёзнее. Месяц назад в городе произошли столкновения между несколькими знатными родами, соперничавшими друг с другом. Нобили (так называли городскую знать) вывели на улицы и вооружили своих слуг, крестьян из соседних деревень и всю свою родню. Несколько богатых домов были разграблены и сожжены. Теперь суд должен был наказать зачинщиков и возместить ущерб потерпевшим.

С первым делом коммунальные судьи разобрались довольно быстро. Многочисленные свидетели подтвердили, что два пополана (так называли простолюдинов) сцепились на людной улице и один из них побил другого. Судьи, однако, заявили, что штрафовать обидчика они не будут. «Потерпевший не гражданин города, и коммуна не будет его защищать», — сказал главный судья. Он вспомнил и о том, что этот человек во время последней войны бежал из города, прихватив с собой всю семью и имущество, и о том, что он уклонился от уплаты особого налога на ремонт городских стен. Припомнили потерпевшему даже то, что жену он выбрал не местную, а из соседнего города, да и бабка его была не из здешнего рода. Коммуна отказалась считать потерпевшего «своим» человеком и предоставила ему возможность искать правду где угодно. Собравшаяся толпа встретила такой приговор одобрительно: пусть все знают наперёд, что коммуну следует уважать, защищать её во время опасностей и вовремя платить налоги.

Второе дело потребовало долгого разбирательства, и приговор по нему был суровым. Нобили, зачинщики смуты, навсегда изгонялись из города. Коммуна отбирала их дома и земли. Вернувшимся тайком грозила смертная казнь. Простолюдины, грабившие чужие дома, облагались немалыми денежными штрафами. Особо было рассмотрено дело нобиля, не участвовавшего в беспорядках, но с удовольствием наблюдавшего со стороны, как грабят и жгут дома его врагов. Он был наказан штрафом в десять раз большим, чем бесчинствовавшие пополаны. «Благородный человек и вести себя должен по-благородному», — закончил своё выступление старик-судья.

Небо из ярко-голубого давно уже стало синим. Колокола городского собора сзывали христиан к вечерней службе. Люди расходились, оживлённо обсуждая речи адвокатов, решения судей, судьбу осуждённых... Вряд ли нужно называть город, в котором всё это происходило. В XIII—XIV вв. подобные сцены разыгрывались во многих городах Южной Франции и Италии. На севере Европы, в Германии, Швейцарии, Скандинавии, Северной Франции городские порядки довольно сильно отличались от южных, средиземноморских, но коммуны — вольные, самоуправляющиеся города — существовали и там.

Судебное заседание, о котором было рассказано, раскрывает несколько важных черт, придающих средневековой европейской коммуне неповто-

Городские жители Северной Европы.

римый, своеобразный облик. Прежде всего коммуна — это община. Численность её была невелика. Население средневекового города редко превышало 3—5 тыс. человек. Поэтому многие горожане знали друг друга в лицо. Здесь трудно было спрятаться от соседей, схитрить, сделать что-то тайком. Люди зорко следили за своими согражданами и не упускали случая наказать тех, кто пренебрегал своими обязанностями. Горожане знали, что они могут и должны подать свой голос, когда решается судьба человека, высказать своё мнение о нём.

Но коммуна была совсем не простой общиной. Она состояла из знатных и незнатных горожан. Первых называли по-разному: нобили, патриции, гранды, сеньоры; вторых — пополанами. И те и другие ненавидели друг друга. Гранды время от времени грозились разрубить своими мечами пополанов, «как мясные туши». Вот слова одного из флорентийских пополанов, произнесённые во время судебного заседания: «Гранды — это волки и хищные люди, которые хотят господствовать над народом». Коммуна предъявляла к нобилям особые требования, строго наказывая их за междуусобные стычки и мятежи, а также трусость, проявленную во время сражения. И патриции, и пополаны составляли полноправную часть городского населения, т. е. являлись гражданами, которые могли «сами себя содержать». Неполноправными были неимущие люди, городское плебейство. В руках грандов была сосредоточена вся власть в городе.

Противоречия между нобилями и пополанами выходили на поверхность не так уж и часто. Они больше походили на угли, тлеющие под толстым слоем пепла. Зато столкновения между разными родами знати происходили почти ежедневно. Взаимные издёвки, ссоры в кабаках, драки между слугами легко перерастали в настоящие войны. Противники запирались в высоких башнях дворцов, похожих на крепости, и проходящие по улицам горожане без удивления смотрели на град камней и стрел, которыми враги осыпали друг друга. Знатные роды как бы постоянно испытывали друг друга «на прочность». Те, кто не выдерживал этого испытания, вытеснялись из коммунальных советов и судебных палат, лишались участия в выгодных торговых предприятиях. Этих людей переставали уважать и бояться. Спасти свою жизнь в таких условиях было не просто, и до преклонных лет доживали сравнительно немногие отпрыски знатных семейств. Сигналом к побоищу могло стать любое неосторожное движение. Один из флорентийских хронистов (составителей средневековых хроник) XIV в. рассказывает о таком случае. На похоронах знатной дамы присутствовали представители двух враждующих партий. Все молча расселись: старики — на скамьях, молодёжь — на циновках у стен. Был жаркий летний день, и один из молодых людей лёгким движением смахнул пот со лба. Тут же несколько десятков его врагов вскочили с мест, схватившись за кинжалы. Они восприняли жест

юноши как сигнал к нападению. Немедленно взялась за ножи и другая сторона. С большим трудом старикам удалось развести врагов, запретив им устраивать побоище прямо у гроба почтенной дамы.

Коммуну терзала не только вражда между нобилями и пополанами, но и кровавые счёты между отдельными знатными родами. Недолюбливали друг друга и жители отдельных городских кварталов, и члены разных ремесленных цехов. В итальянском городе Сиене издевательские прозвища, которыми ещё в XIII в. наделяли друг друга жители разных частей города, употребляются и сейчас, причём слова эти известны даже трёхлетним малышам.

Итак, коммуна представляла собой общину, в которой переплетались и сталкивались интересы разных групп городского населения. Острые конфликты были неизбежны: слишком тесно были «прижаты друг к другу» в рамках небольшой общины гордый гранд, часто потомок рыцарей, и бедный батрак, зарабатывавший себе на жизнь возделыванием чужих виноградников; богатый купец, дававший взаймы королям и герцогам, и рыночная торговка, продающая зелень со своего огорода. Поэтому коммуна была очень озабочена тем, чтобы обеспечить единство всего городского населения и хоть иногда выражать это единство наглядно и торжественно.

Городская площадь.
С миниатюры XIV в.

Средневековые горожане очень любили пышные процессии и шествия, устраивавшиеся по любому мало-мальски значительному поводу. В день почитания святого, которого считали покровителем города, на улицах появлялись все горожане от мала до велика, нарядно разодетые. Стены домов украшались коврами и гирляндами цветов. Люди выстраивались в колонну. Они несли красивые зажжённые свечи, статуи святых, облачённые в праздничные одежды, флаги и гербы ремесленных цехов и городских кварталов. Открывали шествие, как правило, городские нищие и шуты. Они несли на высоких шестах свои особые знаки — нищенскую суму, погремушку или шутовской колпак. Наделяя каждую группу населения своим гербом, коммуна как бы признавала за всеми право на существование. «Все мы нужны друг другу, — говорили своим соседям и вчерашним врагам умилённые торжественным шествием горожане, — у всех у нас один Бог и один святой защитник».

Потребность горожан в единстве заметна и в деятельности городских советов — высших органов коммунальной власти. Советы насчитывали до нескольких сотен человек, и решения они принимали голосованием. Обсуждения городских дел в советах нередко были очень бурными, но даже после яростных споров решения, как правило, принимались почти единогласно. Сохранение единства чаще всего было важнее обеспечения личных интересов. Приемлемое для всех решение приходилось искать очень долго, но все знали, что если оно не будет найдено, то рано или поздно придётся платить за упорство кровью.

Единство горожан олицетворяли также епископ и главный городской собор. Его называли кафедральным, потому что там находилась кафедра — специальное возвышение, на которое поднимался епископ. Размеры и убранство кафедрального собора были предметом особой гордости коммуны. На его строительство обычно не жалели ни времени, ни средств. Епископ же был почитаемой фигурой не во всех коммунах. Многие из западноевропейских средневековых городов пережили полосу длительной борьбы с местными епископами. В тех случаях, когда епископ был феодальным сеньором, хозяином города, коммуны вели с ним ожесточённую борьбу. Дело доходило даже до изгнания епископа из города или до покушений на его жизнь.

Выступления коммун против феодальных сеньоров, не только церковных, но и светских — графов, герцогов, королей, императоров, историки называют «коммунальным движением». Это движение началось в Западной Европе почти повсеместно в конце XI — начале XII в. в связи с быстрым ростом городов, развитием городских ремёсел и торговли. В Северной Италии и Южной Франции большую роль в успехе коммунального движения сыграло мелкое рыцарство, озабочен-

ное превращением своих земельных наделов, полученных за военную службу, в наследственные владения. Сговорившись с городской верхушкой, эти рыцари не раз обращали оружие против крупных феодальных сеньоров, защищая от их посягательств как права горожан, так и свои собственные привилегии. Многие из рыцарей вскоре переселились в города и дали начало знатным родам южнофранцузских и итальянских коммун. На севере Европы горожане чаще всего не имели такой мощной поддержки со стороны. Поэтому им приходилось бороться с сеньорами в одиночку. Борьба эта оказалась более затяжной и менее удачной, чем в Южной Европе.

Феодальные сеньоры довольно быстро поняли, что молодые коммуны готовы платить за свою свободу немалые деньги. Оказалось, что с городами выгоднее договариваться, чем воевать. Результатом этих договоров стали особые документы, которые историки называют «коммунальными привилегиями». В этих привилегиях закреплялись городские свободы и права, обязанности города и сеньора по отношению друг к другу. Чаще всего города настаивали на своём праве иметь собственный суд, самостоятельно избирать городских должностных лиц. Важным было также требование частичной или полной отмены контроля сеньора за хозяйственной деятельностью горожан.

Но значение привилегий заключалось не только в этом. Они чаще всего составлялись по образцу вассальной присяги, которую город-вассал приносил сеньору-сюзерену. По средневековым представлениям, вассальный договор могли заключить лишь стороны, признающие друг друга равными и вступившие в союз не по принуждению, а по дружбе и любви. Тем самым сеньоры, дававшие городам привилегии, признавали их равными себе, чего в первую очередь и добивались коммуны. Однако максимальные свободы получали города, вступавшие в открытую борьбу с сеньорами.

Так в Западной Европе XII—XIII вв. возникает патрицианская коммуна (характерные примеры: Венеция, Генуя, Гамбург). Её ядро в каждом городе составляют несколько десятков знатных родов, связанных друг с другом клятвой о взаимопомощи. В Германии подобные коммуны первоначально так и называли — «клятвенные сообщества». Мы видим, что сначала коммуной называли далеко не всё городское население, а только его организованную, политически активную часть. В некоторых западноевропейских странах, например в Германии, патрициат так и не выпустил из своих рук власть в городах, удерживая её вплоть до начала Нового времени. Так же обстояло дело в большинстве швейцарских и французских коммун.

Несколько иной путь прошли итальянские коммуны. В наиболее экономически развитых областях страны, в первую очередь в Тоскане, пополанам, которыми верховодили богатые, но незнатные купцы и банкиры, удалось потеснить старую городскую знать, взяв управление делами в свои руки. Возникла пополанская коммуна. Наиболее ярко с конца XIII в. она проявила себя во Флоренции. Здесь к власти пришли торговые и ремесленные цехи; их представители разделили между собой важные городские должности и доходные посты, издали ряд суровых законов, направленных против грандов. Не нужно думать, что пополанская коммуна была демократическим государством. Знать продолжала играть большую роль в политической жизни Флоренции и после победы богатых пополанов. Правда, теперь нобили должны были записываться в цехи, если они хотели заниматься политической деятельностью. За соблюдением знатью коммунальных законов во Флоренции следили более строго, чем в других коммунах. В пополанских коммунах грань между старой аристократией и незнатными богачами стала быстро размываться: пополанская верхушка роднилась с грандами. Пополанская коммуна была почти так же далека от современных представлений о демократии, как и патрицианская.

Расцвет средневековых коммун пришёлся в Западной Европе на XIII—XV вв. В это время крупные феодальные государства были ещё недостаточно сильны, чтобы подчинить себе богатые и процветающие города. Широкое распространение огнестрельного оружия, больших наёмных армий и развитие заокеанской торговли нанесли сильный удар по независимости и благосостоянию городских коммун. У них не хватало теперь сил ни на ведение войн, ни на защиту своих торговых интересов в заморских землях. Большинство средневековых коммун вошли в состав сильных королевств, таких, как Французское или Испанское. В Германии и Италии многие города, напротив, сохранили свою независимость ценой хозяйственного упадка и застоя.

Время существования городских коммун — одна из самых ярких страниц истории Европы. Во многих европейских странах бережно хранят память о прошлом своих городов, реставрируя отдельные средневековые здания и целые улицы; есть даже небольшие городки, полностью сохранившие свой прежний облик. В таких городках достаточно кинуть монету в щель специального автомата — и старая коммунальная мельница начинает вращать своими крыльями, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее... Кажется, что крылья эти движутся не спрятанным мотором, а самим ветром Истории.

Но память о средневековых коммунах хранят не только живописные улочки старого Дубровника, величественные соборы Милана и Кёльна, забавные игрушки немецких городков-музеев. Коммуна, зажатая своими стенами и рвами на крошечной территории, смогла вырастить и воспитать нового человека, которого подарила новой Европе. Этот человек с любопытством присматривался ко всему окружающему. Он был жаден не только до денег, но и до знаний и полезных навыков. Преследуя личные интересы, он не забывал и о своих обязанностях перед обществом.

Коммуна научила его тому, что честным и трудолюбивым человеком быть выгоднее, чем лентяем и вором. Горожанин стал принимать важные решения без оглядки на Бога и короля, опираясь на свой разум, опыт и смекалку.

В конце Средневековья городская коммуна постепенно уходила в прошлое, но детям её, вырвавшимся на просторы мира, суждена была большая и широкая дорога. Они открывали новые земли, приникали к окуляру микроскопа, изобретали паровые машины, бумажные деньги, задумывались о равенстве людей и справедливом общественном устройстве... Крутятся, крутятся крылья старой коммунальной мельницы... Она ещё не перемолола всё грубое зерно в чистую муку. Можно бросить на прощанье свою монету в автомат: встреча со средневековой коммуной — незабываемая встреча.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУПЕЦ. ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Человечество стало обменивать, покупать и продавать товары, едва освободившись от оков первобытности. Торговля процветала во многих странах ещё задолго до начала Средних веков. Но на фоне бурного развития городов, ремёсел, на фоне обогащения культуры, науки и техники выдающимися достижениями человеческой мысли купец (т. е. торговец) становится одной из самых ярких и замечательных фигур эпохи.

В период раннего Средневековья, в ту пору, когда на развалинах Западной Римской империи, словно грибы после дождя, начали появляться варварские королевства, наиболее оживлённую торговлю вели купцы арабских стран Азии и Северной Африки, Индии и Китая, а также Византии — государств, давно славящихся многолюдными городами и искусными ремесленниками. В VII—X вв. суда арабских купцов бороздили воды Средиземного моря и Индийского океана. По их берегам основывались фактории (поселения торговцев). С восточного побережья Африки вывозились рабы и слоновая кость. Удавалось достигать берегов Индии и даже Китая.

В XI в. на мировой арене появляется, наконец, европейский купец. Простор для его деятельности был уже достаточно велик: несмотря на господство натурального хозяйства, всё больше людей нуждались в разнообразных изделиях и товарах, которые доставляли издалека. Закипела торговая жизнь на морях Южной и Северной Европы, крупных реках, на сильно обветшавших, но сохранившихся с римских времён дорогах.

На протяжении Средневековья облик купца существенно изменялся.

Купец раннего периода был воинственным человеком. Торговля и грабёж шли в то время рука об руку. Особенно это касалось жителей Скандинавии — викингов, воинов-мореплавателей, наводивших страх на население многих стран Европы. Если грабительская операция заканчивалась неудачно, викинг был готов торговать или обменивать заранее припасённые товары на нужные ему вещи. И наоборот, когда чисто торговая поездка скандинава не давала желаемых плодов, он мог просто-напросто ограбить местных жителей.

Однако и купцы, брезговавшие разбоем, всегда должны были быть начеку. Отправляясь в путь по торговым делам, они подвергали себя множеству опасностей и лишений. Особенно рискованным было морское путешествие: тут и «морская болезнь», и бунт вечно недовольных матросов, и морские бури, ежегодно отправлявшие на дно десятки купеческих судов. «Счастливчик», чьи товары после крушения судна волны выбрасывали на берег, был вынужден уступать своё добро местному феодалу, в неволю к которому могли попасть и спасшиеся люди. Разные неожиданности поджидали купца в незнакомом краю.

Не меньше трудностей испытывал купец, передвигавшийся по суше. Дороги чаще всего находились в плачевном состоянии. Проложенные по глинистой или болотистой почве, после каждого дождя они превращались в грязную топь с бесчисленными рытвинами и ямами; лошади проваливались в них по грудь, повозки вязли по ступицу. Даже в XVI в. купцу приходилось всё время изменять маршрут, пробираться в объезд полями, без конца расширяя вытоптанное пространство. Большинство рек приходилось преодолевать вброд, рискуя испортить товары. Настоящие каменные или деревянные мосты и в позднее Средневековье встречались крайне редко, а за проезд по ним платили дорожную пошлину и «мостовые» деньги.

Ещё более обременительные поборы взимались с купца в пору политической раздробленности при пересечении границы очередного герцогства или графства. Но даже уплата всех этих денег не защищала торговые караваны от нападений и грабежей. Знатные разбойники, выступая перед королевским судом, признавались, что они нападали на купцов, уже собрав с них обычную подать. К тому же сельская местность кишмя кишела беглыми солдатами и бродягами. Всякий путник мог подвергнуться их нападению, особенно если при нём было много денег или товара. Да и прибывшего к цели своего путешествия купца ожидал далеко не радушный приём. Во многих городах местные ремесленники сами торговали своими изделиями, а товар приезжих торговцев скупался лишь оптом, в ограниченном количестве и в стро-

го определённое время. Чувствуя себя не совсем уютно в чужом городе, иногородние и иностранные купцы обычно останавливались на особых городских торговых подворьях, где также хранились их товары. Поистине в жизни купца было много опасностей и случайностей.

Несмотря на это, ряды торговцев множились. Надежда на большую прибыль, возможность разбогатеть, повидать заморские страны заставляли пренебрегать трудностями, влекли в торговлю предприимчивых и азартных людей, искателей приключений. Кто из них не рассчитывал на баснословный доход, который могла принести удачная торговля, даже если начать ею заниматься с небольшими наличными средствами?

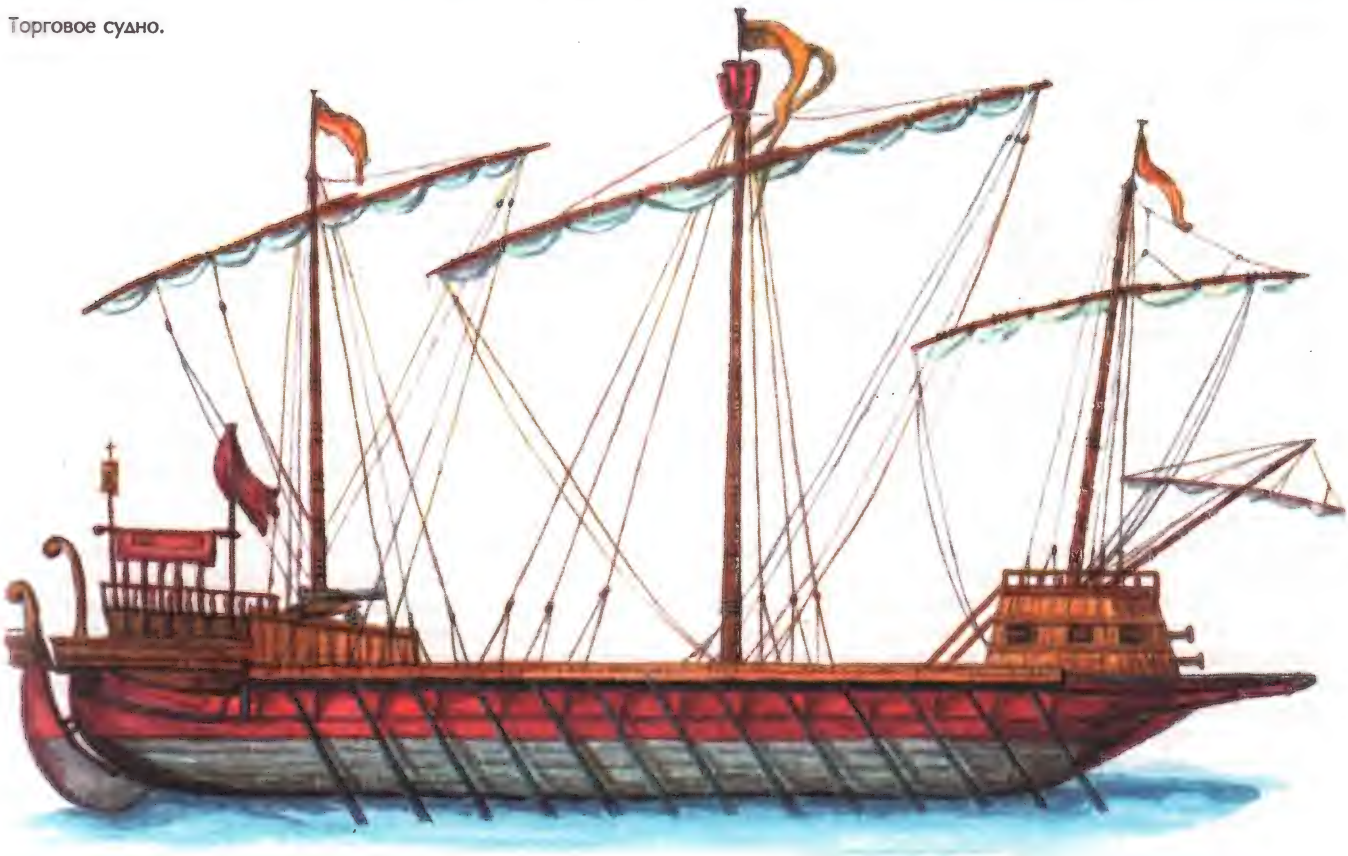
Уже в начале XI в. в одном литературном источнике, характеризующем разные профессии, в уста купца вложены следующие слова: «Я полезен королю, знати, богатым и всему народу. Я вхожу на корабль со своими товарами и плыву в заморские края, продаю товар и приобретаю ценные вещи, коих здесь нет. Я провожу их с большим риском, подчас терплю кораблекрушения, теряя всё своё имущество и едва спасая собственную жизнь... Я продаю дороже, чем сам купил, с тем, чтобы получить кое-какую прибыль и прокормить жену с детьми».

Однако в представлениях современников купец не сразу занял достойное место. Он, как и любой горожанин, первоначально выпадал из традиционной схемы феодального общества, которое разделялось на «тех, кто молится» (духовенство и монахи), «тех, кто сражается» (рыцарство), и «тех, кто пашет землю» (крестьяне). Постепенно реальная жизнь брала своё. Развиваясь вместе с городами, в конце XIII в. купечество достигло своего расцвета. Общественная значимость купца стала очевидной. В появившемся в это время «Сказе о купцах» говорилось:

Чтобы могла страна всем нужным ей снабдиться,
Приходится купцам в поте лица трудиться,
Чтоб всё, чего в ней нет, привезть со стороны.
Преследовать же их не должно без вины.
Поскольку, по морям скитаясь беспокойным,
Везут в страну товар, за что любви достойны.

Охваченные жаждой наживы, стремлением приумножить свой капитал, купцы часто становились ростовщиками, т. е. одалживали деньги под проценты. Хотя Католическая Церковь в XII в. официально запретила христианам заниматься ростовщичеством, это явление было широко распространено в Средние века и становилось причиной общественного недовольства купцами. Ростовщики — излюбленные персонажи средневекового городского фольклора. В одном из немецких городских рассказов (так называемых

Торговое судно.



Путешествие Марко Поло
(с каталонской карты).

шванков) даже чёрт не несёт умершего ростовщика в ад, а брезгливо хватает его за ноги и бросает в бездну. Во многих шванках жестоко бичуется и наказывается жадность купцов. В известном рассказе купец не может спокойно выносить того, что приходится кормить слуг и тратить на них припасы. «Страдалец» притворяется мёртвым, надеясь, что от горя прислуга ничего не сможет в рот взять. Когда расчёт не оправдался, купец «оживает», но слуги, приняв воскресшего за демона, убивают его.

Многие крупные купцы становились откупщиками. Они выплачивали вечно нуждающемуся в средствах государству определённую сумму денег и за это получали (откупали) право собирать налоги с населения в свой карман. Благодаря купеческой напористости он никогда не пустовал и потраченные на откуп деньги возвращались сторицей.

Не красили средневековых купцов и «увлечения» монетной спекуляцией. Повсеместно торговцы старались извлечь выгоду из несовершенства техники чеканки денег. Поскольку монеты отбивались молотом, удары которого были неравной силы, края монет получались неодинаковыми. К тому же различалась и доля золота в монетных сплавах. Ловкие купцы сортировали монеты по весу: самые лёгкие пускали в оборот, а более полновесные удерживали, чтобы обточить их или обработать царской водкой. Добытое таким образом золото плавили в слитки и присваивали.

Честными и не очень честными способами купцы богатели. В зените Средневековья они представляли уже значительную социальную силу. Богатые коммерсанты, занимавшиеся дальней сухопутной или морской торговлей, составили основу патрициата городов (см. ст. «Бюргер» и «Цех»). Купец стремился вложить свои деньги в земельные участки и здания и тем самым уберечься от полного разорения в случае неудачи очередной торговой сделки.

К огорчению купцов-патрициев, в феодальном обществе богатство ещё не гарантировало престижа, который давало знатное происхождение. Стремясь к максимальной роскоши, купцы стали строить каменные дома и даже дворцы, с особым шиком обставлять внутренние покои, предаваться охоте и другим рыцарским развлечениям, соревнуясь друг с другом в изысканности костюмов. В 1462 г. городской совет Аугсбурга в качестве наказания за растрату городских денег запретил патрицию и купцу Ульриху Дендриху надевать на себя меха соболя, куницы, бархат, носить драгоценные каменья. Трудно было сильнее уязвить его самолюбие.

Влияние крупных купцов росло. Наиболее преуспевающие из них стали приобщаться к большой политике. Масштабность мышления, выработанная в делах торговли, оказывалась при этом чрезвычайно полезной.

В развитом Средневековье в Европе сформировались особые торговые «перекрёстки». В Средиземноморье находился один из них, связывавший Испанию, Южную Францию, Италию между собой, а также с Византией и странами Востока. Огромную роль здесь играли торговцы Генуи и Венеции. Про жителей этих городов говорили: «Весь народ — купцы!». С Востока привозили предметы роскоши, пряности, квасцы, вино, зерно. С Запада на Восток доставляли сукна, другие виды тканей, золото, серебро, оружие.

Другой купеческий регион охватывал Балтийское и Северное моря. В торговлю вовлекались Северо-Западная Русь, Польша, страны Балтики, Северная Германия, Скандинавия, Фландрия, Брабант, Северные Нидерланды, Северная Франция, Англия. Здесь торговали рыбой, солью, мехом, шерстью, льном, пенькой, воском, смолой, лесом, позднее — зерном. В середине XIII в. купцы 60 немецких городов во главе с Любеком образовали антипиратский союз, получивший в XIV в. название Ганза. Он на долгое время обеспечил им преимущества в торговле, не останавливаясь даже перед военными действиями против соперников.

Купеческие союзы в городах Западной Европы назывались гильдиями и сильно походили на ремесленные цехи (см. ст. «Цех»). Вступить в гильдию позволяли взнос в общую кассу и пирушка для товарищей. Гильдии возглавляли старейшины, а порядок в них регулировался уставом. Они возникли уже в конце XI — начале XII в. в Англии, Германии, Фландрии, Франции. Их члены сообща охраняли перевозимые товары от разбойников, вместе добивались расширения своих прав в посещаемых городах, помогали друг другу в случае утраты товаров, могли выкупить попавшего в плен собрата. Особыми привилегиями обладали члены гильдий в родном городе. Они имели монопольное (т. е. исключительное) право на наиболее доходную (розничную) продажу импортных товаров. (В России с XVIII в. термином «гильдия» стали называть сословные объединения купцов, выделяя в зависимости от размера их капитала три гильдии.)

С XII в. жизнь европейского купечества неразрывно связана с ярмарками — ежегодными торгами, на которые съезжались купцы разных

стран. В XIII в. наиболее знаменитые ярмарки устраивались во французской Шампани. В XVI в. прославились Лионские ярмарки. В Лондон купцов манила ярмарка, приуроченная к празднику Святого Варфоломея, в Венецию — ярмарка Вознесения. Здесь купцы продавали свои товары и делали покупки, узнавали о ценах в разных странах, у менял (будущих банкиров) обменивали монеты одной страны на деньги другой, заключали сделки и основывали компании. Что только не продавалось на ярмарке! Вот список покупок, которые приказала сделать на Лионской ярмарке одна высокородная особа: «...пряности, конфеты, сахар, бочонок мальвазии, тюк миндаля, столько же риса и марсельских фиг, много солёной рыбы к Великому посту — тунцов, трески, дельфинов и анчоусов, шафран, три стопы тонкой белой бумаги, 60 фунтов парижского льняного полотна, тесьму, ленту, иголки, зеркала, ошейники для борзых псов, перчатки для соколиной охоты...». Закончив все дела, купец мог отдохнуть: на ярмарке развлекали народ жонглёры и плясуны, бродячие музыканты и актёры. Устраивались фейерверки, иллюминации.

Среди купцов было много образованных людей. Серьёзно рассчитывающий на успех купец должен был знать грамоту и счёт, иностранные языки, иметь представление о законах и обычаях других стран, разбираться в юриспруденции и морском деле. Не случайно в XIII—XIV вв. западноевропейское купечество создавало свои особые, так называемые гильдейские школы. Активно занимаясь торговлей, купцы невольно помогали развитию разных наук, особенно географии. Почти все первые путешественники были купцами. Венецианец Марко Поло, много лет путешествовавший по Китаю и Центральной Азии, описал свои впечатления в книге, которая издавалась в Европе на многих языках. Русский купец Афанасий Никитин, первым из европейцев побывавший в Индии, оставил интереснейшие записки — «Хождение за три моря».

К концу Средневековья торговля начинает тесно переплетаться с финансовой и промышленной деятельностью. Многие купцы, менялы, ростовщики накопили большие суммы денег. Нередко они открывали первые банковские конторы, брали деньги на хранение, выдавали кредиты, через своих агентов переводили заинтересованным купцам деньги из одной страны в другую. Первые банки возникли в городах Северной Италии — в Ломбардии. (Сегодня об этом напоминает слово «ломбард», обозначающее современное кредитное учреждение.) Торговые и финансовые сделки стали тщательно оформляться, в обиход вошли векселя (письменные долговые обязательства). Богатый купец мог не трястись в повозке и не плыть на корабле, а избежать утомительного путешествия, оставшись в конторе, откуда и руководил своими агентами в нескольких городах.

Предприимчивый коммерсант привозит издалека или скупает у местных крестьян какое-либо сырьё (например, шерсть) и раздаёт его на переработку ремесленникам. Получив готовую продукцию (например, ткани), купец пускает её в продажу. Ремесленники, получая от купца-предпринимателя сырьё и плату за труд, постепенно превращаются в наёмных рабочих, купец всё больше напоминает буржуа. Так складывается рассеянная мануфактура (так как работники не сосредоточены в одном помещении) — первое капиталистическое предприятие.

В то же время купеческие гильдии вытесняются торговыми компаниями — особыми организациями купцов. Компании также создавались для того, чтобы вести торговлю с наименьшим риском. Если корабль для перевозки товаров нанимали несколько купцов сообща, то в случае кораблекрушения убытки раскладывались поровну и были терпимы для каждого компаньона. В отличие от гильдий компании были малочисленны и создавались на определённое, подчас непродолжительное время.

Самые первые торговые компании появились в итальянских городах (Генуя, Венеция, Флоренция и др.) ещё в XII в. и состояли всего-навсего из двух человек. Купец или банкир (часто это было одно лицо), владелец денежного капитала или корабля оставался на родине, а купец-навигатор вёз и сбывал товары на чужбине. 3/4 полученной прибыли доставалось владельцу капитала, а купец-навигатор, подчас рисковавший жизнью, мог рассчитывать лишь на 1/4 часть. Если капитал вносился обоими компаньонами, то и прибыль делилась пропорционально взносам. Позднее число компаньонов увеличилось. Часто ими становились представители родственных семей. Благодаря своим большим денежным фондам компании включались в банковские операции, в промышленное производство.

Значение торговых компаний резко выросло после Великих географических открытий, которые привели к небывалому расширению мировой торговли. В её орбиту вовлекались огромные территории стран Азии, Америки, Африки.

В XVI в. наиболее знаменитые торговые компании действовали в Англии, где зарождение капиталистического производства шло самыми быстрыми темпами. Стремительно развивающиеся английские мануфактуры выпускали товары, пригодные для экспорта. Правительство давало самым богатым купцам монопольное право торговать с каким-либо регионом. Об основных направлениях торговли говорят названия самых знаменитых компаний: Восточная, Московская, Марокканская, Левантийская, Гвинейская. О какой-либо конкуренции не могло быть и речи. Цены росли как на дрожжах, а коммерсанты получали огромные барыши. Это позволяло компаниям вносить большие платежи в казну и даже давать взаймы коронованным особам.

В 1600 г. основывается Ост-Индская компания, получившая право торговать с Индией и соседними странами. В распоряжении коммерсантов были самые быстроходные английские суда. На

них вывозили изделия английского производства, например шерстяные ткани, а ввозили предметы роскоши, сырьё — хлопок-сырец, сахар, селитру, красители и др.

Осваивая новые рынки сбыта, торговые компании часто таким образом готовили почву для колониальных захватов. Не случайно свои торговые поселения в Индии англичане превращали в крепости. Торговые компании начали сходить со сцены уже в начале Нового времени, уступая место другим, более соответствующим капиталистической эпохе формам коммерции.

Коммерческая деятельность торговых компаний Западной Европы позднего Средневековья ознаменовала вершину предприимчивости средневекового купца.

Ярко выраженными чертами характера европейского купца стали цепкость ума, выносливость и жизнестойкость, упорство в преодолении трудностей, смелость и решительность, предприимчивость, стремление к обогащению. Будучи тесно связан с феодальным укладом, купец выступил на закате Средневековья провозвестником нового социально-экономического порядка — капитализма.

БЮРГЕР

Бюргер (от немецкого слова «бург» — «замок», «крепость», «город») — житель западноевропейского средневекового города. Как и рыцарь, монах или крестьянин, бюргер — одно из главных действующих лиц средневековой истории.

Раннее Средневековье было аграрной (сельскохозяйственной) эпохой. Большинство старых античных городов было разрушено или влачило жалкое существование. Однако в X—XI вв. в Западной Европе произошли важные изменения. Из среды крестьян, в свободное время мастеривших нужные им вещи — одежду, орудия труда, кухонную утварь, выделились умельцы, сделавшие ремесло своим главным занятием и оставившие крестьянский труд.

Недовольные высоким оброком, которого требовал феодал, мастеровые люди убегали из поместий, бродили, а затем основывали поселения на перекрёстках дорог, у речных переправ и вблизи удобных морских гаваней. Новые жилища строились у стен больших монастырей и замков знатных феодалов, среди развалин римских крепостей. Здесь всегда можно было купить ремесленные изделия. Сюда приезжали, а вскоре и стали жить здесь купцы. Именно в эти поселения спешили крестьяне из окрестных деревень, чтобы продать продукты сельского хозяйства и купить нужные вещи.

Потомки обитателей этих поселений — зависимых крестьян и деревенских ремесленников, бежавших или переселившихся по соглашению со своими господами в город, рождающийся на их глазах, — и были первыми бюргерами.

Города росли как центры ремесла и торговли. Уже в XI в. возродились древние и возникли новые города в Италии и на юге Франции. В Германии возникло много городов по берегам больших судоходных рек — Рейна и Дуная. Появились города и в других странах Западной и Центральной Европы.

Возникнув на земле феодалов и Церкви, средневековые города оказались под их властью. Сеньоры требовали от горожан многочисленных пошлин: за проход в город, провоз товаров, за право строить дома, право торговать. Сеньор вершил суд над горожанами, мог призвать их к себе на службу в городское ополчение. Поэтому первое время бюргеры были бесправны, как и сельские жители.

Но в городах быстрее, чем в деревнях, рос дух независимости. Ведь средневековый ремесленник был владельцем собственной мастерской и созданной им продукции. Горожане не так сильно, как крестьяне, были связаны с землёй. Наконец, у многих из них были деньги — мощная сила, не уступавшая подчас мечу.

В X—XIII вв. развернулась отчаянная борьба горожан против сеньоров за независимость, за право на самоуправление. Феодалы крепко держались за свои владения, приносившие им доходы, но всё же вынуждены были смириться с выходом городов из-под их подчинения.

В борьбе с феодалами города окрепли, а городское сословие (бюргерство) превратилось в значительную общественную силу. Ремесленники объединились в цехи, а купцы — в гильдии. Городская община (коммуна) избирала городской совет для управления городом. Члены этой общины обрели личную свободу и связанные с ней привилегии — быть подсудными только городскому суду, распоряжаться городским имуществом. Свободный дух города притягивал как магнит. Сюда бежали зависимые крестьяне со всей округи. Прожив в городе один год и один день, лично зависимые крестьяне получали свободу и становились полноправными бюргерами. Видимо, эти счастливчики и сложили известную средневековую поговорку: «Городской воздух делает свободным». Лишь в XIV—XV вв. городские ворота стали закрываться перед искателями свободы.

После освобождения от власти феодалов в городах на первый план вышло имущественное неравенство. Хотя борьбу с сеньорами вели все горожане, полностью воспользовалась её результатами лишь городская верхушка — так называемый патрициат. В него входили представители самых богатых городских родов — купцы, ростовщики, владельцы крупных строений. Патрициат верховодил в городском совете и вершил власть, опираясь на своё богатство, в своих интересах. Нужды простых

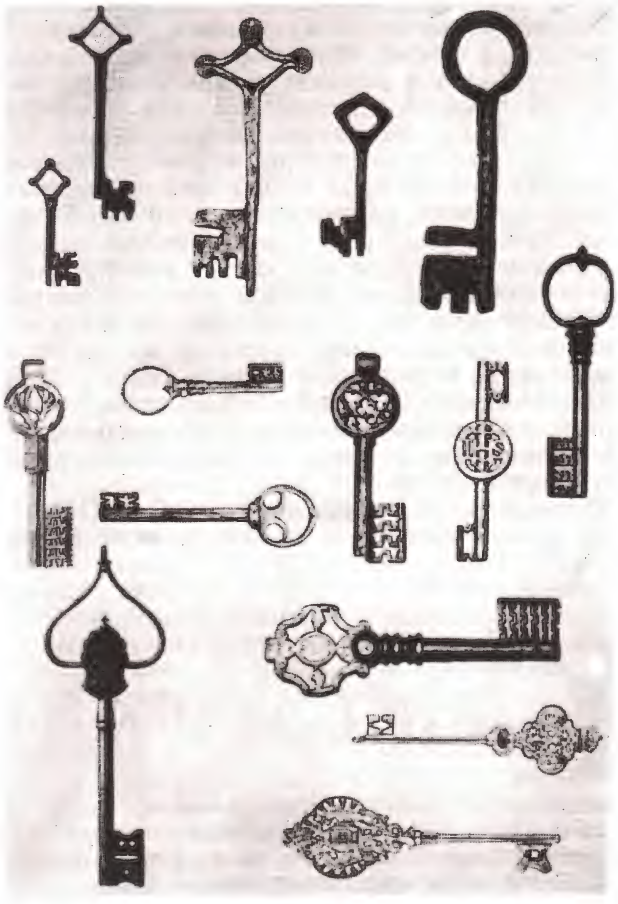
горожан не учитывались, и им жилось почти также несладко, как и при феодалах. Патрициат, быстро забыв свою ненависть к прежним сеньорам, перенял их манеры, любовь к роскоши и презрение к простым людям. Городскими патрициями становились и феодалы. Бюргеры, не входившие в состав патрициата и закалённые опытом предыдущей борьбы с сеньорами, с оружием в руках выступали против городских патрициев. В борьбе за власть и равноправие в городе участвовали и притесняемые цеховыми мастерами подмастерья, недовольные своими хозяевами. Городская жизнь бурлила: одни бюргеры богатели, процветали, занимали важные посты в городском управлении, другие беднели, разорялись, попадали на обочину жизни.

Одновременно с патрициатом на другом полюсе городской жизни сложилась группа населения, состоявшая из неудачливых подмастерьев, подёнщиков, нищих, которая называлась плебейством. Место между патрициатом и плебейством занимали средние слои городского населения — объединённые в цехи ремесленники, мелкие и средние торговцы. В результате слово «бюргерство» стали употреблять не только в широком смысле — «все горожане», но и в узком — «средние слои городского населения».

Несмотря на внутригородские конфликты и сравнительную малочисленность (даже в XIV—XV вв. население крупнейших городов Германии Любека и Ростока составляло лишь 20 тыс. жителей; город с 10 тыс. жителей считался значительным; немало было городов, где проживали 2—3 тыс. горожан), бюргеры осознавали свою сословную общность и достигли немалого экономического могущества и политического влияния. Это возрастающее влияние городов учитывали европейские монархи. В борьбе с крупными феодалами они пытались привлечь бюргеров на свою сторону. Сделать это было несложно, так как горожане были кровно заинтересованы в централизации страны. Особым доверием к бюргерам отличался, например, французский король Людовик XI (см. ст. «Людовик XI»), сыгравший большую роль в объединении Франции. Облачившись в простую одежду, Людовик XI любил бродить по городским площадям, прислушиваясь к разговорам бюргеров. Одним из помощников короля был парижский купец Тристан Пустынник, ближайшим советником слыл брадобрей Оливье. В некоторых странах бюргеры привлекались к государственному управлению. В Англии это впервые произошло в 1265 г., когда в состав только что созданного парламента вместе с представителями феодалов и духовенства вошли по два бюргера от каждого города. Король Франции Филипп IV Красивый в 1302 г. пригласил по два депутата от каждого города в Генеральные штаты (государственный орган, подобный английскому парламенту). И парламент, и Генеральные штаты должны были помогать королям в управлении государством, главным образом устанавливать налоги.

Однако королевская милость к бюргерам была непостоянной. Тот же король Филипп IV опасался

Висячий замок.



Средневековые ключи.

чрезмерного усиления бюргерства, верхушка которого по образу жизни начинала напоминать феодалов. По его указу бюргерам запрещалось носить мех горностая, белки, украшать платье золотом и драгоценными камнями, пользоваться в домашнем обиходе восковыми свечами. Этот же указ устанавливал и максимальное количество блюд, которые горожане могли подавать у себя дома. И даже «друг бюргеров» французский король Людовик XI предал горожан Льежа, восставших по его же наущению против Карла Смелого, как только политические интересы короля изменились.

Если в Англии и Франции бюргеры сыграли важную роль в политическом объединении страны, то в Германии, где такого объединения не произошло, сила и значение бюргерства выразились в создании влиятельных союзов торговых городов. Самым знаменитым из них была так называемая Ганза (торговый и политический союз), объединившая в XV в. купцов нескольких сотен немецких городов и взявшая в свои руки всю международную торговлю на севере Европы.

Постоянная борьба за свои права закаляла бюргеров, укрепляла в них чувство собственного достоинства. Крепкие стены и башни защищали их от недругов. Монументальное здание ратуши и величественный собор на рыночной площади наглядно свидетельствовали о завоёванных горожанами вольностях и правах. Бюргеры ревностно отстаивали свои права и уверенно смотрели в будущее. У них был трезвый практический ум, они ощущали созидательную силу труда, особенно ценили человеческую смекалку. Бюргеры любили тот пёстрый будничный мир, который их окружал повседневно и полноправными хозяевами которого они были. Не рыцарские замки с их тяжёлым великолепием, не угрюмые монастыри, а городской рынок, ремесленная мастерская, скромный и опрятный домик, купеческий корабль, цеховой погребок были их привычной средой. Здесь протекала их жизнь в борьбе, труде, а подчас и в шумном веселье. Всем этим суконщикам, бочарам и сапожникам, создавшим величие средневековых городов, не было решительно никакого дела до изысканного придворного этикета.

Знаменитый немецкий поэт Ганс Сакс (1494—1576) воспел этот столь хорошо знакомый ему бюргерский уклад жизни. В своём сочинительстве гражданин Нюрнберга был столь же старателен, как и в своём сапожном ремесле. В «Похвальном слове городу Нюрнбергу» поэт со знанием дела рассказал потомкам о количестве и состоянии городских улиц и каменных мостов, городских ворот, колодцев и часов, о специальностях нюрнбергских ремесленников и ярмарках, восславил своих земляков — строителей, ваятелей, живописцев, печатников.

Дети бюргеров с раннего возраста приобщались к миру взрослых, помогали родителям. Бюргерские занятия требовали специальных знаний, получить которые можно было лишь в школе. Городские школы появились в Германии уже к XIII в. В первых школах преподавание велось на латинском языке, и учиться здесь могли лишь дети городской верхушки. К XV в. были открыты по-настоящему бюргерские школы, доступные детям всех граждан. Дети поступали в школу с шести-семи лет, мальчики и девочки обучались совместно. Дети бюргеров учились читать, писать, составлять деловые бумаги, занимались арифметикой; особое внимание уделялось изучению мер и весов, монет различного достоинства. Экзаменов не было; каждый учился столько, сколько считал нужным. После занятий дети спешили в лавки и мастерские родителей. Учителя также в основном были из бюргеров. Особенно прославился своим искусством письма Иоганн Нойдерфер — учитель письма и арифметики из Нюрнберга. Сын скорняка, он положил начало целой династии городских учителей.

На исходе Средних веков бюргерство переживало далеко не лучшие времена. Уходили в прошлое старые городские порядки, менялся привычный уклад жизни. В торговле и производстве верховодили новые энергичные и предприимчивые люди. Часть бюргеров смогла приспособиться к новым веяниям и примкнуть к этим людям, войти в нарождающийся класс буржуазии. Многие разорялись, становились наёмными работниками. Другие ещё долго (в Германии вплоть до XIX в.) продолжали цепляться за старые городские обычаи, надеяться на возврат былых славных времён. Эта группа городского населения отвергала всё новое, препятствуя преобразованиям. Вероятно, поэтому в современном обиходе слово «бюргер» приобрело ещё одно значение. Так могут назвать человека, боящегося перемен, мещанина, обывателя. Но это переносное значение не должно заслонять образ другого бюргера, сыгравшего такую важную роль в развитии общества в эпоху Средневековья.

ТРУБАДУРЫ, ЖОНГЛЁРЫ И ШУТЫ

Средневековые люди относились к артистам со смешанным чувством восхищения и недоверия. Некоторая подозрительность вызывалась тем, что и певец, и сказитель, и площадной забавник — все они были «лицедеями», т. е. представляли в лицах других людей; они как бы заменяли своих персонажей собой, отказываясь от своего собственного лица и надевая чужие «маски». По средневековым представлениям, профессия артиста была сродни дьяволу — притворщику и обманщику. Поэтому Церковь советовала верующим держаться подальше от артистов и музыкантов:

Питер Бальтен. Представление фарса.
Фрагмент картины «Крестьянский праздник».
Середина XVI в.

Флейтист и жонглёр.
С миниатюры XII в.

Музыкант играет на виоле.
С латинского манускрипта
начала XIV в.

Дуэт.
С миниатюры XIV в.

Волынщик.
С миниатюры.

священникам запрещалось разделять с ними трапезу, а простым христианам лучше было смотреть только те театральные представления, в которых изображались события из жизни Иисуса Христа, Богоматери или апостолов. Уличных певцов Церковь считала людьми, «сбившимися с пути», и обещала им вечные муки на том свете.

Но развлечений у горожанина, крестьянина и рыцаря было не так уж много, поэтому появление фокусника на городской площади, певца и поэта — в рыцарском замке всегда становилось праздником. Жизнь средневекового человека шла в основном однообразным путём, проложенным отцами и дедами; каждое новое лицо было в диковинку, оно становилось окном, открытым в широкий мир. А уж если пришелец знал сказания о короле Артуре и его рыцарях, о доблестном Роланде и героях крестовых походов — городская площадь щедро сыпала ему в шапку серебряные и медные монеты, а рыцарь давал приют у своего очага на несколько вечеров.

Особенной славой пользовались трубадуры — поэты, исполнявшие свои стихи под музыкальный аккомпанемент. В основном они вели бродячую жизнь, переезжая от двора одного знатного сеньора к другому. Расцвет искусства трубадуров наступил в Южной Франции в XII—XIII вв. Происхождение слова «трубадур» связано вовсе не с трубой, как можно подумать, а со старым французским словом «троб», означавшим «искусный приём», «особое изящество». Действительно, многие трубадуры умели сочинять прекрасные песни — изящные, со сложными рифмами и богатой игрой слов. Среди трубадуров было немало рыцарей, людей знатного происхождения; одним из лучших поэтов-рыцарей был герцог Гийом Аквитанский. В то же время чудесным трубадуром был и сын повара Бернарт де Вентадорн. Стихи трубадуров, воспевавших беззаветное служение рыцаря избранной им даме сердца, быстро вошли в моду. Неудивительно, что они очень нравились женщинам; знатные дамы стали требовать от своих поклонников поведения, описанного в стихах. Рыцарь, умевший лишь

Музыканты, участвующие в спектакле.
Гравюра 1588 г.

Ричард Тарлтон — самый знаменитый комик и шут 1570—1580 гг.
Рисунок конца XVI в.

размахивать мечом, стал теперь предметом насмешек; дамам были милы кавалеры, умевшие выразить свои чувства словами и тайными знаками, способные разобраться в тайнах женского сердца. Поэзия трубадуров Прованса, труверов Северной Франции, миннезингеров Германии оказала исключительно большое влияние на формирование особой рыцарской культуры, широко распространившейся в Европе одним-двумя веками позже.

Поэтические находки трубадуров широко перенимались и использовались певцами попроще, исполнявшими на городских площадях так называемые «жесты» (стихотворные повести о героях минувших времён). Нередко они сопровождали свои выступления цирковыми номерами: жонглированием, фокусами, показом дрессированных животных (особенно любили средневековые зеваки рассматривать обезьян — считалось, что Бог создал обезьяну как зеркало для человека, чтобы человек всматривался в это зеркало и видел в нём свою греховность, низость своей натуры). Таких артистов называли жонглёрами; позднее это слово вошло в цирковой обиход в гораздо более узком смысле.

Про цирк здесь рассказывается не случайно — эта ещё одна разновидность средневековых артистов очень напоминает современных цирковых клоунов. Это шуты, или буффоны, как их называли в Италии. Клоун, однако, веселил всю собравшуюся в цирке публику, а буффоны старались прибиться к знатным сеньорам или даже к королям, получая от них еду, одежду и крышу над головой. Шуты издевались над всем, что хотя бы немного выходило за рамки привычного и допустимого; они могли довести до белого каления человека, надевшего необычную шляпу или принявшего слишком напыщенный вид, скрягу, коллекционера древних монет или ревнивого мужа. Нередко предметом насмешек буффона становился сам сеньор. Правила хорошего тона требовали от сеньора относиться к таким наскокам с улыбкой, но это удавалось далеко не всегда. Насмешки буффонов над молодым сеньором, правителем итальянского города Феррара, мать которого была простой прачкой, заставили его отдать приказание убить родную мать. Буффоны нередко стравливали друг с другом знатных господ, после чего на улицах городов проливалась кровь. В то же время остроумие буффонов, неожиданность их выходок и глубокий смысл шуток делали шутов желанными членами компаний знатной молодёжи. Один из итальянских «забавников» XIV в. утверждал: «Да, есть такие шуты, которые издеваются, насмешничают и безобразничают словами и телодвижениями; они портят нравы и все хорошие обычаи; это — жалкие дармоеды, бесстыжие и безнравственные, которых надо бить, топить и выживать. Но есть и другие, похожие на замечательных учёных, которые стремятся доставить сеньорам развлечение и позабавить их. Они — культурные, "придворные" люди, знатные сеньоры должны принимать и выслушивать их».

Человек, произнёсший эти слова, явно лукавил: получалось, что есть артисты, продавшие душу дьяволу, а есть и другие — угодные Господу и не нарушающие его заветов. Трубадуры, жонглёры и шуты не служили ни Богу, ни дьяволу — они воплощали собой вечную склонность человека к творчеству и игре.

НИЩИЕ, БРОДЯГИ И РАЗБОЙНИКИ

В Средние века было немало людей, появлявшихся на свет в прямом смысле слова на обочине дороги и там же заканчивавших жизнь. Однако не все они были «бродягами» в современном понимании. Ремесленники переходили из города в город в поисках заработка, проповедники

искали новых слушателей, студенты хотели слушать лекции знаменитых профессоров, паломники отправлялись в странствия к святым местам. Но выгоняла людей на дороги и обычная нужда: оставшиеся без кормильца женщины, дети и старики покидали родные места и скитались по окрестным городам и деревням, добывая себе пропитание нищенством, а то и воровством.

Бродяжничество имело в Средние века довольно благопристойный вид, потому что скитальцы посещали наиболее известные храмы и монастыри, поклонялись святым мощам. Считалось, что молитвы нищих лучше всего доходят до Господа, и многие набожные люди просили пилигримов помолиться за них в храме; за это странник получал от приютивших его хозяев мелкую монету или кусок хлеба. Средневековые новеллы и рассказы о жизни святых часто показывают нам радушных и доверчивых хозяев, привечающих бродягу-паломника.

Отношение к обездоленным, больным и убогим в средневековой Европе вообще было довольно терпимым. Короли, богатые монастыри и города выделяли деньги на содержание приютов для стариков и сирот, больниц для бедных, постоялых дворов для пилигримов; раздавали им деньги возле церквей. В городских документах их называли «наши городские нищие». Они были даже объединены в некое подобие цеха; возглавлял этот цех избранный самими нищими старшина, с которым городские власти обсуждали все дела, касающиеся сбора милостыни.

На нищих и бродяг ещё не смотрели как на чужаков, отделённых резкой чертой от «порядочных людей» и опасных для общества. Болезнь, неурожай, разорение, смерть родственников, выгонявшие человека под открытое небо, угрожали всем и каждому. Когда Шекспир придал своему королю Лиру обличье нищего бродяги, эта картина не вызвала изумления у театральных зрителей. Средневековый человек находил привлекательные черты даже в лесных разбойниках, наделяя их благородством, справедливостью, особой заботой о бедняках. Наиболее ярко эти черты проявились в любимом герое английских сказаний Робине Гуде из Шервудского леса. Робин становится разбойником не по доброй воле, но и в лесу он остаётся более достойным членом общества, чем его противники — рыцари и шерифы.

Но примерно с 1450—1500 гг. растёт нетерпимость к нищенству и бродяжничеству, которые в это время приобрели огромный размах. В Англии и Нидерландах после победы протестантизма над традиционным католичеством нищенство перестало быть уважаемым занятием: считалось, что каждый человек обязан самостоятельно зарабатывать на жизнь — этим он исполняет свой долг перед Богом. Многие католические государства испытывали в XVI—XVII вв. серьёзные экономические трудности и не могли выделять большие средства на содержание обездоленных. Но главная причина, по-видимому, заключалась в другом: широкое распространение наёмного труда в Европе в период позднего Средневековья давало теперь возможность прокормить себя и людям, не входившим в цех, сельскую общину, лишённым семьи. Толпы бродяг на дорогах вызывали всё большее раздражение у новых капиталистических предпринимателей; в них видели уже не подобие нищего Христа, а дешёвую рабочую силу, которую следовало приставить к делу.

Города начинают закрывать ворота перед окрестными оборванцами, наказывая их за незаконный сбор милостыни на городских улицах. Нарушение законов о нищенстве строго каралось: в Кёльне, например, трижды пойманный за незаконным попрошайничеством бродяга, не входивший в установленное число «наших городских нищих», заканчивал свою жизнь на виселице. Городские власти обходились с этой опасной публикой без всяких церемоний, но ещё более жёстко вела себя по отношению к ним королевская власть. В XVI в. английские короли издали целый ряд законов против бродяг, которые народ назвал «кровавыми». Согласно этим законам, любой желающий мог захватывать бродяг на дорогах и приставлять их к работе. Несколько раз пойманного и бежавшего бродягу клеймили, выжигая на лбу или щеке слово «раб», а после третьего побега казнили.

Чем более суровым к своим изгоям становилось европейское общество, тем большее количество людей уходило в леса или горы и занималось разбоем. Разбойник в XVI—XVIII вв. — это уже не добрый и благородный Робин Гуд, наказывающий жадных богачей и помогающий беднякам. Напротив, это обозлившийся на всё и всех человек, жестокий и коварный, грабящий и убивающий без разбора. Банды таких разбойников десятилетиями держали в страхе целые области, и местные власти не могли с ними справиться. Особенно сильна была такая организованная преступность в самых бедных районах Европы — на Сицилии, в Южной Италии. Ещё в конце XVIII в. путешествие на Сицилию было связано с немалой опасностью — любопытный путешественник заранее составлял завещание и делал необходимые распоряжения на случай своей гибели.

В конце Средневековья бродяги и разбойники отделяются резкой гранью от добропорядочных бюргеров. Сытая, разбогатевшая Европа видит в каждом человеке, лишённом крыши над головой и надёжного дохода, своего врага и если не сегодняшнего, то завтрашнего преступника.

ЦЕХ

Цех — союз ремесленников одной или родственных специальностей в средневековом европейском городе. Средневековые города рождались и росли как центры ремесла и торговли. Становление городов сопровождалось для горожан-ремесленников множеством трудностей и опасностей. Нужно было бороться с феодалами, на землях которых возникли города. Ни один из этих сеньоров и не помышлял о вольностях для свободолюбивых бюргеров. Лишь объединение сил позволило дать отпор притязаниям феодалов и их наместников. Такое объединение было необходимо и для защиты городских ремесленников от конкуренции со стороны их коллег из соседних деревень и городов. Долгое время покупателей ремесленных изделий было мало. Привлечь покупателя или заказчика считалось большой удачей. Из-за этого соперничали городские и сельские мастера. Сообщество ремесленников могло не только прогнать чужаков с городского рынка, оно гарантировало высокое качество изделия — главный козырь в борьбе с соперниками. Общие интересы подталкивали мастеров к созданию союзов, получивших название «цехи».

Первые цехи появились почти одновременно с самими городами: в Италии — уже в X в. (здесь они частично унаследовали традиции древнеримских ремесленных коллегий), во Франции, Англии, Германии — с XI в. — начала XII в. Среди ранних цехов известен, например, парижский цех свечников, возникший в 1061 г. Больше всего в Средние века было цехов, занимавшихся производством пищевых продуктов, — это цехи булочников, мельников, пивоваров, мясников и т.п. Много цехов занималось изготовлением одежды и обуви — цехи портных, скорняков, сапожников. Важную роль играли и цехи, связанные с обработкой металлов и дерева — цехи кузнецов, столяров, плотников и т.п. Известно, что в союзы объединялись не только ремесленники; существовали цехи городских врачей, нотариусов, жонглёров, учителей, садовников, могильщиков. Схожие объединения — гильдии создавали купцы, а в Англии гильдиями назывались и собственно цехи.

Полноправными членами цехов были только мастера, работавшие в собственных мастерских вместе с помогавшими им подмастерьями и учениками. Главным органом управления цеха было общее собрание мастеров. Оно принимало устав (статут) цеха и избирало старшин, которые и следили за соблюдением цеховых порядков. Именно цеховые уставы позволяют узнать многое об устройстве и жизни цехов, правила которых отличались особой строгостью. Они были направлены на поддержание высочайшего качества изделий. С этой целью запрещалось использовать недоброкачественное сырьё. Например, в шёлкоткацких цехах не допускалось употребление шёлка-сырца, в котором имелись узлы, так как из него получалась ткань низкого качества. Запрет был наложен и на использование растительной краски — вайды, которую в Средние века называли дьявольской. Ремесленник, выпустивший плохое изделие, позорил весь цех, поэтому его строго наказывали. Самым обыденным наказанием были штрафы, которые шли в кассу цеха. В Лондоне пекаря, продавшего булку неполного веса, могли посадить в клетку и возить по городу для всеобщего осмеяния.

Другой важной заботой цехов было поддержание равенства их членов. Для того чтобы одни мастера не обогащались за счёт других, цеховые правила закрепляли одинаковые для всех мастеров условия производства и продажи изделий. Каждый цех устанавливал для своих членов размеры мастерской, количество размещённых в ней приспособлений и станков, численность работающих подмастерьев и учеников. Цеховой

Д. Морони.
Портрет портного. 1560-е гг.

устав определял объём материала, который мастер имел право приобрести для своей мастерской (например, сколько кусков ткани мог закупить портной). В некоторых цехах, если их производство нуждалось в дорогом или редком привозном материале, сырьё закупалось коллективно и поровну распределялось между членами союза. Мастерам запрещалось переманивать друг у друга подмастерьев и заказчиков. Во многих цехах мастерам не разрешалось даже выбегать на улицу и зазывать заказчиков и покупателей к себе в мастерскую. Не допускалось, чтобы выставка в окне мастерской была слишком высокой и пышной, иначе она могла затмить витрины соседей. Цеховые правила учитывали семейное положение мастера. Холостой ремесленник не мог брать столько же работы, сколько семейные мастера, которые должны были содержать жену и детей, так как холостяк мог отбить у них клиентов. Многие цехи имели общие склады, мельницы, красильни и т.п. Чужие, внецеховые ремесленники безжалостно изгонялись с городских рынков. А в Германии даже существовало так называемое право заповедной мили. В соответствии с ним город запрещал на определённом расстоянии от своих стен заниматься некоторыми ремёслами. Так сельские мастера лишались возможности соперничать с городскими.

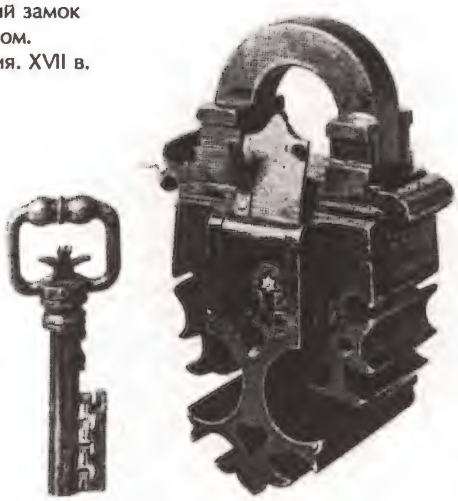
По мере развития средневекового города число цехов росло. К середине XIV в. в Париже, например, было уже около 350 ремесленных цехов, в Лондоне — 60, в Кёльне — 50. Цехи дробились. Чем у́же была специализация мастера, тем большего совершенства достигал он в своём мастерстве. Сапожное дело разделилось на несколько цехов, выпускавших разные виды обуви. Среди кузнецов в отдельные цехи выделились мастера, ковавшие подковы и лемеха плугов, и ремесленники, ковавшие мечи, особый цех составили ножовщики. Некоторые цехи ограничились изготовлением одного-единственного изделия — цехи кошелёчников, перчаточников, седельщиков. Особые цехи образовали портные, шьющие новую одежду, и портные, занимающиеся починкой старой.

Цех объединял бюргеров не только в труде, но и в других областях жизни. Он участвовал в охране города и выставлял свой отряд в городское ополчение. У каждого цеха был свой святой покровитель, в честь которого возводились церкви и часовни. Цехи из общих средств оказывали помощь своим членам и их семьям, когда это было необходимо.

Каждый ремесленный союз имел собственный герб и своё знамя, строил особое здание, где заседали старшины и время от времени рядовые члены цеха собирались на совет или пирушку. Многие цехи имели свои оркестры и танцы. В большие праздники работа замирала, а в положенный час начиналось торжественное шествие. Каждый цех шёл особой колонной под развевающимися знамёнами с эмблемами ремесла. Сложенные ремесленниками песни разливались на всю улицу. Песни сменялись массовыми танцами. Своей пляской особенно славились нюрнбергские ножовщики. Они располагались широким кругом и, ритмично двигаясь, бросали вверх ножи, которые затем на лету ловко подхватывали. В веселье забывались горести напряжённых трудовых будней.

Мастерская портного. Гравюра. Конец XVI в.

К XIV—XV вв. цехи достигли наивысшего расцвета. Перед этим цеховым мастерам пришлось выдержать нелёгкую борьбу за доступ к городскому управлению. После высвобождения городов из подчинения феодалам власть в них захватил патрициат (представители наиболее знатных и богатых городских родов), игнорирующий интересы рядовых бюргеров. Цехи, значительно окрепшие к этому времени, поднимали вооружённые восстания против городской верхушки. Борьба шла с переменным успехом. В одних городах, где ремесленное производство получило большое развитие, победили цехи (например, в Кёльне, Базеле, Флоренции). В других, где ведущую роль играли широкомасштабная торговля и купечество, победителем из борьбы вышел городской патрициат (в Гамбурге, Любеке, Ростоке и других городах Ганзейского союза). Известны случаи, когда это противостояние (его иногда называют «цеховыми революциями») завершалось полюбовными соглашениями между городской верхушкой и наиболее влиятельными цехами. А такие цехи, отличавшиеся силой и богатством («старшие», «большие»), выделились во всех крупных городах. Наряду с ними существовали и бедные («младшие», «малые») цехи. Ведь не мог союз кожевников, заказчиками которого были



Висячий замок с ключом. Богемия. XVII в.

Кузнецы. Миниатюра. 1300—1330 гг.

простые крестьяне и небогатые горожане, сравниться с цехом ювелиров, имевшим дело с дорогими металлами и драгоценными камнями, обслуживавшим состоятельных феодалов и городских патрициев.

В первые века существования цехов ремесленник-мастер, его подмастерья и ученики совместно трудились и одинаково дорожили честью своего цеха. Прилежный ученик со временем мог стать подмастерьем, а способный подмастерье — мастером. Постепенно положение их ухудшалось. Безотрадной была доля ученика-подростка. Мастер не торопился обучить его секретам своего ремесла. Первые несколько лет ученичества мальчика не допускали ни к каким ремесленным работам. Он убирал помещение, чистил платье и обувь хозяина и членов его семьи, был на побегушках, безропотно исполнял все поручения мастера и его жены, угождая им исполнительностью и беспрекословным послушанием. Постепенно ученика начинали допускать к работе в мастерской. Сначала ему доверяли выполнение самых простых заданий, а позднее приучали к более трудному делу. Ученики должны были безропотно сносить крутой нрав и сварливость хозяев. Не случайно договоры о найме учеников предусматривали возможность бегства или гибели мальчика в доме мастера. Беглый ученик чаще всего был обязан вернуться к прежнему хозяину, чтобы отбыть весь срок ученичества. В последний его день ученик получал от мастера удостоверение, свидетельствовавшее о том, что отныне юноша может стать подмастерьем и получать от мастера вознаграждение за свою работу.

Ближайшими помощниками мастера были подмастерья. Их рабочий день часто продолжался от восхода и до заката солнца. В уставе Любекского янтарного цеха он был определён в пятнадцать часов летом и четырнадцать часов зимой. Кёльнские мастера-оружейники были обязаны работать с пяти часов утра до девяти часов вечера. Плата, получаемая подмастерьями, была невелика.

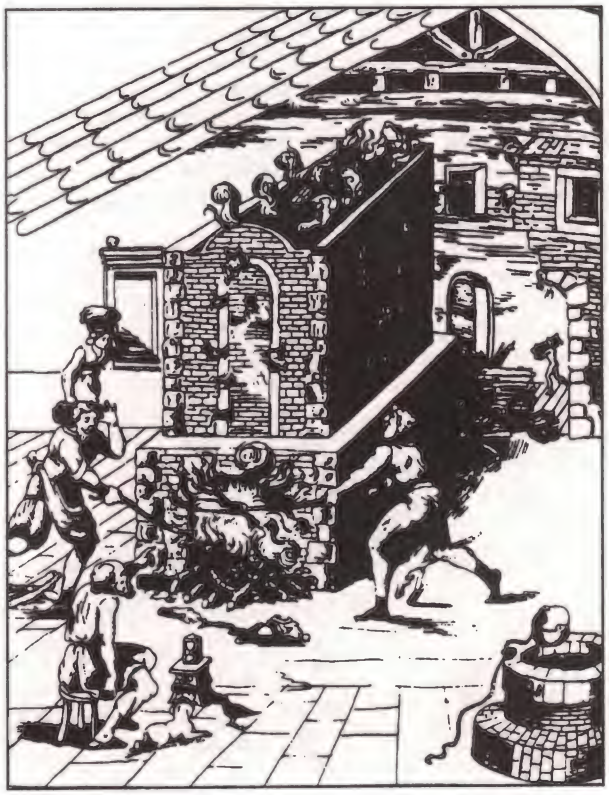
Подмастерьям-кожевенникам города Амьена в 1349 г. была установлена ничтожная оплата в размере трёх су; подмастерья, не подчинявшиеся этому постановлению, подвергались строгому наказанию. Но подмастерье был готов переносить все трудности и невзгоды, пока его согревала мысль о тех временах, когда он подкопит денег и, сдав экзамен, заведёт собственное дело или, если повезёт, женится на дочери хозяина и унаследует его мастерскую. Сотни юношей-крестьян, придя в город, становились подмастерьями; эта армия росла год от года, и каждый подмастерье надеялся стать мастером. Старшины цеха с тревогой видели это. Мастера боялись, что доход станет ничтожным, если их число сильно возрастёт. Поэтому доступ новых людей в цех всячески ограничивался — цех «замыкался». Присвоение звания мастера обрастало всё более строгими условиями. Нужно было получить отличную характеристику от своего

мастера по итогам обучения, уплатить крупный вступительный взнос в кассу цеха и изготовить образцовое изделие — так называемый шедевр. Но если когда-то изготовление шедевра было простой формальностью (канатчик должен был сплести хорошую верёвку, сапожник — сшить три башмака), то теперь оно превратилось в почти непреодолимое препятствие, так как предмет, который нужно было сделать, назначался из числа очень дорогих и трудоёмких. Не случайно впоследствии шедеврами стали называться выдающиеся произведения искусства. Но даже всего этого было недостаточно. Требовалось ещё устроить пирушку для многочисленных членов цеха. Звание мастера делалось недоступным для подавляющего большинства подмастерьев. Лишь сыновья и зятья мастеров получали заветный статус. Права подмастерьев ограничивались. Например, в немецких городах подмастерьям запрещено было посещать танцы, на которых могли присутствовать жёны мастеров, возвращаться позже девяти часов вечера зимой и десяти — летом, носить серебряные украшения. В городах появилось множество так называемых «вечных подмастерьев», которые не могли стать мастерами.

«Вечные подмастерья», недовольные хозяевами, стали чаще покидать своих мастеров, менять место работы, перебираться из города в город. Для того чтобы совместно бороться за улучшение условий труда, подмастерья объединялись в свои собственные союзы — братства. Во многих городах такие союзы запрещались. В ответ на это подмастерья соседних городов объединялись и могли объявить забастовку. Подмастерья города Виньштедта обратились в 1470 г. с письмом к подмастерьям Страсбурга, призывая их прекратить работу, пока мастера не согласятся соблюдать старые обычаи. «Мы, подмастерья, должны крепко держаться друг за друга, ибо мастера других городов поддерживают страсбургских мастеров», — писали виньштедтские подмастерья.

Разделение цехов на «большие» и «малые», неравенство между подмастерьями внутри одного союза, «замыкание» цехов, образование братств подмастерьев — всё это было проявлением разложения цеховой системы организации производства. Уходили в прошлое времена, когда цехи способствовали развитию ремесла, появлению новых специальностей, выпуску хороших и разнообразных изделий. Несомненно, цех был важным завоеванием Средневековья, цеховая организация ремесла была значительным шагом вперёд в совершенствовании производства. Но в последние столетия Средневековья цехи, запрещая всякие новшества и изобретения, стали тормозить развитие производства. На смену им шла мануфактура с её разделением труда и новым уровнем техники. Впереди была фабричная эпоха, когда слово «цех» приобрело новый смысл. Так стали называть отделения фабрик и заводов.

Курильница.
Германия.
XVI в.



Мастеровые у печи.
Гравюра. 60-е гг. XVI в.

ВЕДЬМЫ И ВЕДОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Сырое, тёмное подземелье... Чуть брезжущий свет обрисовывает мрачные фигуры в чёрном, орудия пыток и скорчившуюся фигурку измученной полураздетой женщины. Её обвиняют в сговоре с дьяволом, в участии в ночном сборище ведьм. Сначала бедняжка отрицает свою вину, пытается защититься, молит о пощаде. Но судьи непреклонны. За дело берётся палач — проверенный мастер своего дела. После изощрённых пыток теряющая разум, измученная жертва готова подтвердить всё что угодно. Да, она летала по воздуху на метле, вызвала недавний град, погубивший урожай, собственной кровью подписала договор с сатаной... Один из мучителей торжественно оглашает приговор: сожжение на костре состоится завтра, при большом стечении народа. Пусть люди видят — ещё одной проклятой ведьмой станет меньше...

Так проходили ведовские процессы — судебные разбирательства по обвинению в колдовстве, уродливое явление конца Средневековья — начала Нового времени.

Ведовство — «знание», мнимая способность человека влиять сверхъестественными способами на окружающий мир: природные стихии, других людей, животных, неодушевлённые предметы. Оно старо как мир. По поверью, обладают магическим знанием особые люди, вступившие в союз с самим дьяволом и получившие от него необычайное могущество. Молва, породнив ведьм с нечистой силой, наделила их умением проникать сквозь запертые двери и летать по воздуху, принося людям добро или зло. Ведьмами называли также женщин, знающих целебные свойства растений и лечащих больных травами.

На заре Средневековья церковные власти признавали существование колдовства и считали его опасным, дьявольским занятием. Но судить, причём светским судом, требовалось лишь колдунов, которые причинили реальный вред людям, если это можно было доказать.

Деревенские ведьмы.
Гравюра XVII в.

В раннее Средневековье церковным властям не было дела до сомнительных козней деревенских знахарок. Светская власть была к ним столь же равнодушна. В 643 г. лангобардский король Ротари своим эдиктом (особо важным указом) прямо запретил христианам верить в то, что женщины могут быть вампирами и высасывать кровь живых людей. А король франков, будущий император Карл Великий, в 787 г. своим капитулярием (законом) установил смертную казнь в наказание тем, кто на основании подобной веры выискивает и убивает мнимых колдунов. Пока главной задачей правителей было распространение христианства, старые поверья предпочитали не принимать всерьёз, чтобы отвратить людей от прежних богов.

Ведовских процессов раннего Средневековья известно немного. В основном они касались представителей феодальной элиты и протекали на фоне борьбы за власть и богатство. Например, король Франкского государства Людовик Благочестивый (814—840 гг.) неожиданно увлёкся красавицей Юдифью Баварской и женился на ней. Юдифь уговорила Людовика разделить уже распределённые части империи в ущерб его старшим сыновьям, родившимся от первого брака. В дело вмешалось духовенство, заступившееся за «пострадавших». Оно объяснило увлечение Людовика колдовскими чарами Юдифи, которая якобы устроила во дворце притон для ворожей и ведьм. Людовику пришлось уступить.

Когда в XIII в. христианство прочно укоренилось, а старые боги и их служители превратились в приспешников сатаны, богословы и схоласты дружно взялись за теоретическую разработку вопросов демонологии. В их трудах дьявол по силе и могуществу «догоняет» Бога. Он вездесущ, бесконечно опасен, а воинство его несметно. Он подбивает человека на продажу души, закабаляет его, заставив подписать договор.

Сатана сделался всесильным, и ничто не могло защитить от него, кроме веры и Церкви. И если раньше Церковь несла в себе прежде всего веру в Бога, то теперь она начала отбиваться от слуг дьявола. Инквизиция, с успехом боровшаяся с еретиками, увидела новые жертвы. Оказывается, чудеса можно было творить не только именем Бога, но и именами старых богов — слуг сатаны. Чудесами занимались ведьмы, значит, они и покушались на веру в слово Божье и могущество Святой Церкви. Ведьмы встали в один ряд с еретиками. Костры, на которых сжигали «мастериц порчи и сглаза», запылали то здесь, то там.

Папа римский Иннокентий VIII разразился в 1484 г. специальной буллой (т. е. посланием)

Сожжение ведьм на костре.

«С величайшим рвением». В ней первосвященник призвал искоренять ведовство и объявил неверие в дьявольскую вредность ведьм ересью. Папа также потребовал от властей Германии помощи странствующим по этой стране в поисках ведьм инквизиторам — Генриху Институторису и Якову Шпренгеру. Папское внимание воодушевило названных «ведьмоискателей». Через три года Институторис и Шпренгер нанесли «служанкам сатаны» решающий удар. Они опубликовали знаменитое сочинение «Молот против ведьм» («Молот ведьм»), которое стало «настольной книгой» для организаторов судебных процессов о ведовстве.

XVI—XVII вв. — разгар охоты на ведьм. Их судят светские, епископские и инквизиционные суды. Для начала судебного разбирательства не требуется доказательств, достаточно голословного обвинения в ведовстве, например жалобы соседей на вред, якобы причинённый колдовскими приёмами некоего лица. Болезнь или смерть ребёнка, пропажа молока у коровы, неурожай, исчезновение в хозяйстве какой-либо вещи, даже недобрый взгляд из-за соседнего забора или красота — всё это и многое другое могло вызвать роковой навет. Судьи заранее располагали многочисленными вопросами к «ведьме». Сбить с толку перепуганную до смерти женщину, выудить у неё признание в невероятных преступлениях большого труда не составляло. Наиболее тяжким преступлением было участие в шабаше — ночном сборище нечистой силы, куда ведьмы прилетали по воздуху, чтобы доложить Сатане о своих зловредительствах.

Судьи не сомневались в том, что «колдунья» летала на шабаш с сообщницами и все они заключили договор с дьяволом. Признание в этом нужно было вырвать у обвиняемой любыми способами. Если до XVI в. применение пыток запрещалось, то теперь они стали важнейшим средством «обработки» подсудимых на ведовских процессах.

Судьям была незнакома жалость к женщине, в которой Церковь традиционно видела «сосуд зла». Уже на первых допросах палач запугивал «ведьму», показывая ей орудия пыток. Часто уже это заставляло несчастных оговаривать себя. В противном случае им связывали руки за спиной и подвешивали, а к ногам привязывали груз, который постепенно увеличивали. Ведьму можно было изобличить и иначе. Специально приглашённый врач иглой искал на теле подсудимой места, нечувствительные к боли, — следы прикосновения когтистой лапы чёрта. Женщину могли испытать водой — связав, бросить в реку. Ведьма не могла утонуть, так как считалось, что вода колдуний не берёт. Постоянными спутниками ведьм становятся летучие мыши, чёрные кошки и другие «сатанинские твари».

Упорство мужественной женщины судьи объясняли безграничным могуществом дьявола. В обмен на признание обещали прекращение терзаний и жизнь. Но такие обещания выполнялись редко.

Изобличённую ведьму сжигали, но прежде у неё выпытывали имена сообщниц, так что отсутствие работы судьям и палачам не грозило. Число расправ с ведьмами росло как снежный ком, доносы сыпались один за другим. По образному выражению замечательного французского историка Февра, из развеянного пепла сожжённой колдуньи, как из семян, вырастали десятки новых ведьм. На протяжении двух столетий костры горели не переставая. Едкий дым от них стелился в Германии, Франции, Швейцарии, Испании... В ненависти к ведьмам протестанты были солидарны с католиками. В небольшом немецком городке Оснабрюке за три месяца 1585 г. была сожжена 121 ведьма, в 20 деревнях в окрестностях Трира с 1587 по 1593 г. сожгли 306 человек.

Вместе с переселенцами из Европы ведовская истерия перекинулась и в Новый Свет, где ведовство считалось преступлением более тяжким, чем поджог или убийство. Всемирную известность приобрёл захолустный американский городок Сейлем, расположенный на берегу Массачусетского залива. С января по октябрь 1692 г. здесь тянулся чудовищный процесс над ведьмами. Главными вдохновительницами этого невероятного действа стали две девочки: 9-летняя Бетти Пэррис и 11-летняя Абигайл Уильямс. Сейлемский пастор Сэмюель Пэррис воспитывал дочь и племянницу очень строго. Лишь чтение книг о ведовстве, которых было немало в доме, вносило разнообразие в унылую жизнь девочек. Болезнь, которую современная медицина именует «подростковой истерией», подкралась внезапно. Девочки стали биться в судорогах, плача и смеясь. Врач помочь не смог, и кто-то из окружающих вспомнил о кознях нечистой силы. Жуткое предположение взрослых Бетти и Абигайл встретили с восторгом. Бурная фантазия питалась прочитанным в демонологических трактатах. Болезнь превращалась в игру для девочек и трагедию для горожан. Девочки заявили, что их мучает дьявол, а во время своих припадков начали называть и других его сообщников. Среди них замелькали имена уважаемых и состоятельных жителей Сейлема, чем-то несимпатичных «мученицам» или не угодивших их отцу. Изобличённых таким образом ожидал суд...

За 10 месяцев этого безумия было повешено 14 женщин и 5 мужчин, 4 женщины умерли в тюрьме и одна сошла с ума. Когда сменившиеся власти наконец остановили абсурдный процесс, в тюрьме небольшого городка томились 150 «ведьм», а 200 ожидали своей очереди.

Ведовские процессы вовсе не были только делом властей. Судилища часто устраивались после настойчивых требований населения, жаждущего расправы с колдуньями.

Борьба с ведьмами имела и материальную сторону. Часть конфискованного имущества ведьмы доставалась доносчику, кроме того, хорошее жалованье получали чиновники и палачи. Охота на ведьм была весьма доходным занятием.

Волна гонений стала спадать лишь в XVIII в., когда обезлюдели целые местности. Как могло развиться это «коллективное безумие»? Его нельзя объяснить ни странными изысканиями теологов, ни злым умыслом властей, ни невежеством народа, взятыми по отдельности. Лишь анализ всех обстоятельств эпохи помогает приблизиться к разгадке. Частые эпидемии, длительные войны, изнурительные голодные годы выматывали людей, всё труднее было рассчитывать на помощь соседей внутри деревенской общины. Это порождало страхи, желание найти виновника бедствий. И такой враг всегда находился.

Ведовские процессы были массовым убийством невинных. Они стали одной из самых драматических страниц человеческой истории.

ВОЕННОЕ ДЕЛО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На стыке древности и Средневековья в истории Европы, Азии и Северной Африки был ещё один довольно большой период, называемый «эпохой переселения народов». Происходила миграция варварских племён Азии и Европы на территории древних центров цивилизации. На завоёванных землях создавались варварские государства, заложившие основу государств Средневековья. Причём новые общественные отношения и культура, в них возникшие, впоследствии оказали сильное влияние на соседние народы, развитие которых не прерывалось насильственным путём. В результате сложились средневековые феодальные государства с более или менее существенными политическими и экономическими различиями между ними.

Целостность культур большинства народов Европы, Азии и Северной Африки отчётливо проявилась в развитии военного дела.

На рубеже древности и Средневековья наблюдается поразительное сходство как в принципах ведения боя, так и в составе войска и характере вооружения от Британии и Египта до Ирана и Японии. Различия между цивилизованными народами и варварами касались в основном организации, комплектования и снабжения армии. Но эти различия оказались несущественными, так как войска зачастую комплектовались из варварских отрядов, воевавших в качестве наёмников, союзников или федератов. Они имели своё вооружение, пользовались привычными методами ведения боя, ими командовали собственные

Паоло Уччелло.
Битва при Сан Романо.

военачальники. Иногда это были ополчения из каких-либо племён во главе с военными вождями. И тогда племенная сплочённость, варварская храбрость и первобытная жадность к добыче — особенно к изделиям из городских центров, украшениям, оружию, богатой одежде, посуде, коням и рабам — делали такие отряды несокрушимыми в бою.

Технические и боевые средства, превратившие тяжеловооружённого всадника-катафрактария древности в средневекового рыцаря, появились ещё в III в. до н. э. на стыке Маньчжурии, Кореи и северо-восточных районов Китая. Это были седло с высокими твёрдыми луками, стремена и сабли. Изобретённые китайцами седло с твёрдыми луками и стремена позволяли легко вскакивать на коня и держаться на нём. Это неожиданно изменило технику и тактику боя, поскольку всадник теперь мог наносить страшный удар копьём, зажав его древко под мышкой, уперев низ спины в заднюю луку, а ступни — в стремена. Благодаря стременам резко возросла сила и повысилась точность рубяще-режущего удара клинком, что в дальнейшем привело к изобретению сабли.

К этому времени в регионе появилось и надёжное защитное снаряжение. Воины были облачены в панцири — куртки, состоявшие из пластинок или полос металла с отверстиями для шнуров или лент, соединявших их в сплошную гибкую поверхность, стоячего высокого воротника и длинных широких набедренников, сделанных из пластин или пластинок, нашитых на мягкую основу. Иногда панцирь изготовлялся из больших кусков металла, образующих нагрудник и наспинник — своего рода кирасу. Головы воинов прикрывали сфероконические шлемы, также собранные из пластин железа, с навершиями, украшенными плюмажами, с приспособлениями из пластинок, чешуек или полос металла для защиты шеи и щёк. Из пластинок, соединённых между собой, состоял и конский панцирь, прикрывавший животное целиком. Голову коня защищала кованая стальная маска, иногда — налобник. Щиты, прямоугольные из кожи или плетёнки, покрытые железными пластинками, применялись только легковооружёнными всадниками и пешими воинами.

Наступательным оружием служили длинный прямой клинок с рукоятью, заточенный с одной стороны (другая сторона была иногда заточена на 1/5—1/4 длины); длинное копьё с флажком или кистью под наконечником; большой мощный сложносоставной лук со стрелами, который носили со снятой тетивой. Редким дополнением снаряжения были ножи, кинжалы, топоры и булавы.

В I—VIII столетиях перечисленное вооружение и снаряжение имело широкое распространение в Китае, Корее, Японии, на бескрайних территориях Монголии, Тибета, Южной Сибири. В IV в. гунны принесли его на Запад.

На пространствах от Урала до Британии и от Скандинавии до Персидского залива тяжёлая конница имела очень похожие оборонительные средства. Те же сфероконические шлемы с наушами состояли из более широких сегментов, а назатыльник был кольчужным. Грудь и спину воина в IV—VI вв. прикрывала кольчуга, хотя и от доспеха из связанных между собой пластинок тоже не отказывались. На востоке Евразии наручи и наголенники, изготовленные из полос металла или кусков толстой твёрдой кожи, пользовались популярностью, на западе они встречались редко. В зонах наиболее тесного контакта восточной и западной культур — в Восточном Туркестане, Средней Азии, на пространствах от Западной Сибири до Дуная, в Иране — наблюдалось сочетание кольчужной и пластинчатой структур защитного снаряжения.

Тяжёлые конские доспехи в Западной Европе не получили сколько-нибудь широкого распространения и применялись иногда там, где такая традиция существовала в древности или где сказывалось влияние Востока — в восточных областях Римской империи и Иране. Европейские всадники и пешие воины пользовались большими овальными и круглыми деревянными щитами с железным длинным умбоном — бляхой, защищающей руку. А из оружия предпочитали длинный меч и копьё. Пешие бойцы, особенно германские, очень любили короткие метательные копья — дротики — и боевые топоры, которыми не только рубили, но и метали их во врага.

Так что варварские нашествия отнюдь не были нападениями орд полуголых, одетых в шкуры дикарей на прекрасно снаряжённых и вооружённых, образованных и культурных защитников цивилизации.

Конечно, с одной стороны, римляне, китайцы, персы или индийцы издревле разрабатывали и применяли военные теории, в том числе и касающиеся сложнейших тактических построений. С другой стороны, варварские вожди, находясь на военной службе в империях, сами проникались книжной наукой войны. Но они и без того знали многие тактические уловки, коими варварские племена пользовались исстари: ложные отступления, заманивание в засаду, членение отрядов по фронту и в глубину, использование скрытых резервов, применение подвижного укреплённого лагеря, где роль стен играли повозки... Эти варварские приёмы противостояли значительно упростившейся тактике легионов Римской империи, отказавшихся от манипулярного строя и хитрых построений и вернувшихся к фаланге. А ведь именно удачное сочетание римской и варварской традиций позволило восточноримским

Воины средневековой Европы:
1 — скандинавский военный вождь VII в.;
2 — норманнский рыцарь XI в.;
3 — рыцарь второй половины XIV в.;
4 — «крылатый польский гусар» XVII в.

4
3
2
1
М. Горелик

полководцам Велизарию и Нарсесу в VI в. вернуть империи значительные территории, отторгнутые от неё в Европе, Азии, Северной Африке.

Раннее Средневековье (VII—XI вв.) историки считают периодом упадка военного искусства. Лишь иногда наблюдались кратковременные военные успехи того или иного народа, полководца или какой-нибудь страны. Можно назвать отдельные эпизоды арабо-мусульманских завоеваний, походы викингов, военные достижения франкской империи Карла Великого, китайской империи Тан, державы Махмуда Газневи...

В Европе происходило упрощение военного дела: всё было, как во времена военных вождей, их дружин и племенных ополчений, только теперь уже в христианских государствах, с чинами, званиями и прочими атрибутами Средневековья. В результате численность войск резко уменьшилась, зато качество каждого бойца-профессионала, всю жизнь посвящавшего совершенствованию в воинском искусстве, заметно повысилось. Однако позднее общее сокращение количества и снижение качества производства оружия в городах Европы привели к падению мастерства бойцов.

Из редких, разбросанных по уделам замков выезжали на войну немногочисленные рыцари в прекрасном снаряжении, с дорогим вооружением, сопровождаемые собственным войском из нескольких десятков или сотен бойцов. Сражения в раннем Средневековье происходили между крошечными, в несколько сотен или тысяч бойцов, армиями. Для сложных манёвров и построений людей не хватало. Кроме того, выпестованная за столетия феодальная (сословная) и личная гордыня рыцарей подрывала воинскую дисциплину, без которой невозможны любые тактические манипуляции. Рыцарь в лучшем случае мог выполнить одну команду — «вперёд», а дальше начиналось соревнование... с соратниками. Более того, по законам чести командир (тоже рыцарь), чтобы не терять достоинства, должен был вместе с бойцами идти в атаку и быть среди них первым. Какое уж тут военное искусство! Бой превращался в серию поединков, ничем и никем не управляемых. Исход зависел от качеств бойцов и их численного соотношения.

Вооружение и снаряжение рыцарей в раннем Средневековье оставалось незатейливым. Недаром специалисты называют это время «веком кольчуги». Действительно, вплоть до XIII в. в Европе господствовала кольчуга. Но рубашкой с короткими рукавами кольчуга была до IX в. Позже её сменил «хауберк» — длинная (до колен и ниже) рубаха с капюшоном и длинными рукавами, заканчивавшимися рукавицами. На ноги надевали кольчужные чулки. Сфероконический шлем имел большой наносник. Деревянный, обтянутый холстом или кожей щит, скорее всего под византийским влиянием, приобрёл форму капли остриём вниз. Однако круглый железный умбон в середине его остался. Основным оружием были меч и копьё. Их дополняли боевые топоры и дубины. Пеший воин начал пользоваться сложносоставным луком восточного типа. К XI в. в Европе появился арбалет. Интересно, что именно лук и арбалет считались рыцарями самым опасным оружием, так как стрела, пущенная с не очень далёкого расстояния, пробивала кольчугу.

В связи с этим стали использовать построения колонной и клином, чтобы приблизиться к противнику. Дело в том, что рыцари старались сохранить силы коней для атаки, поскольку тяжёлое снаряжение изматывало животных, и до последнего момента ехали рысью, даже шагом. Вот в это-то время они и представляли собой идеальную мишень для лучников и арбалетчиков противника. Колонна и клин позволяли уменьшить количество людей, подвергаемых риску поражения стрелой. На расстоянии примерно 200 м от противника клин «растекался» в стороны и образовавшаяся шеренга стремительно скакала на врага с копьями наперевес.

И такое вот войско в XI—XII вв. столкнулось во время крестовых походов с армиями мусульманских государей. Тут и начались проблемы. Воины мусульманского Востока унаследовали замечательные военные традиции Ирана и в какой-то мере восточных регионов Римской империи — традиции, обогащённые опытом тюрков.

Воин облачался в кольчугу и стёганный на вате кафтан, поверх которых надевал панцирь из связанных между собой пластин либо нашитых на ткань или кожу чешуек. Сфероконический шлем нередко имел полумаску из стали и всегда — кольчужную бармицу (прикрытие шеи, а иногда и лица). Круглый небольшой щит, поножи из кожи, усиленной стальными бляхами, дополняли защитное снаряжение. Конь воина тоже покрывался панцирем — кольчужным или чешуйчатым, из мягкой кожи, толстой ткани или войлока, кое-где обшитых бляхами. Меч и копьё были главным оружием нападения. Маленький, но мощный и гибкий сложносоставной лук, боевые топоры, дротики, булавы дополняли арсенал.

Полноценными бойцами считались тяжеловооружённый всадник и лёгкий конный лучник, которого в Европе не было. Дисциплина мусульманских воинов давала полководцу больше возможностей руководить сражающимся войском. Так что сложные построения, передвижения на поле боя, манипулирование отдельными частями использовались мусульманскими полководцами.

Столкновение упрощённой военной машины Европы с гораздо более сложной и развитой восточной выявило два важных преимущества

Воины средневекового Востока:
1 — согдийский воин VII—VIII вв.;
2 — китайский воин XI—XIII вв.;
3 — монгольский всадник XII — начала XIV в.;
4 — турецкий всадник-дели XVI в.

4
3
2
1
М. Горелик

европейцев — стойкость да ещё выносливость в непривычных природных условиях. Полезной оказалась способность к обучению. Европейские владыки на Востоке составляли себе наёмные отряды конных лучников из местных жителей. Таких воинов называли туркопулами. Для повышения дисциплины рыцарям пришлось отказаться от многих радостей жизни, стянуть свою спесь жёстким обручем дисциплины и субординации. Тогда и начали создаваться духовно-рыцарские ордена.

Военные традиции Римской империи нашли продолжение и развитие в Византии. Здесь использовалось сочетание дружин, принадлежавших императору и высшим вельможам, наёмных и союзных отрядов, воевавших собственным оружием, а часто и под началом своих командиров, а также ополчения военнопоселенцев — земледельцев, владевших землёй при условии обязательной военной службы. Вооружение византийцев хотя и напоминало мусульманское, но было ближе к древнеримским прототипам.

Наибольшие возможности для развития военного дела сложились в Китае, где в распоряжении военачальника кроме практичных, детально разработанных военных трактатов были многолюдное воинство, отряды кочевых федератов, готовых за добычу или под страхом кары проявлять геройство во имя интересов очередного императора, а также широчайший выбор вооружения и мощная производственная база.

Надёжные доспехи — панцири из связанных между собой пластинок стали или из кожаных и стёганных сложнокроенных полотнищ, наборные шлемы с пластинчатыми бармицами, набедренники и наголенники, стоячие боевые воротники — варьировались в бесконечном количестве модификаций. Не менее разнообразны были мечи, сабли, копья, топоры, алебарды и глефы. Любили китайские воины мощные сложносоставные луки. Нечего и говорить, что традиция бронирования коня в Китае продолжала развиваться.

Японцы, получив изначальный импульс из Кореи и Китая, столь любовно культивировали всё, касающееся оружия, что выработали совершенно оригинальные формы. Особенно больших успехов они достигли в производстве клинков, которые в VII—VIII вв. стали изготовлять дамасским способом. В качестве одного из металлических компонентов японцы использовали куски высокоуглеродистой стали — булата.

Однако в военной тактике этот период отличался максимальной простотой. Бой представлял собой турнир «до первой крови», так как противники, выезжая из рядов, представлялись друг другу, а затем вступали в поединок.

В XIII в. монгольское нашествие всколыхнуло и во многом изменило военное дело в Азии и Европе. Залогом успехов Чингис-хана и его наследников стала строжайшая дисциплина, основанная как на системе материального поощрения, так и на жесточайших карах за проступки. Дружины степных наездников превратились в настоящую армию, сохранившую все достоинства кочевых воинств — скорость передвижения, манёвренность в походе и на поле боя, традиции членения войска и выделения резервов, приёмы ложных отступлений с заманиванием в засаду. Дисциплина придала вековым приёмам «чистоту исполнения», а полномочия и авторитет полководца настолько усилили мощь войска, что под властью монгольских завоевателей оказалось полмира.

Свою роль сыграли, конечно, снаряжение и вооружение. Большая часть монгольских воинов имели панцири из связанных между собой стальных пластинок, отполированных до зеркального блеска, либо из кожаных толстых и твёрдых лакированных полос, соединённых кожаными тесёмками. Широко использовались и панцири из кожи, войлока или толстых тканей, простёганных шерстью или ватой и подбитых с изнанки железными пластинами. В сфероконических шлемах имелись наносники, полумаски, личины, бармицы и науши. Помимо круглых щитов у всадников для создания полевых укреплений применялись большие прямоугольные щиты с подпоркой, заимствованные, вероятно, у китайцев. У них же монголы переняли и замечательную метательную технику, состоявшую из огромных и мощных луков, арбалетов и других орудий.

Под монгольским влиянием изменились западноевропейские доспехи. Теперь сталь облегала каждую часть тела рыцаря.

Развитие городов и освобождение крестьян в XIV—XVI вв. привели к появлению высококвалифицированной пехоты — лучников, арбалетчиков, алебардщиков и пикинеров. Именно они оказались вполне способными громить рыцарские построения, как, например, швейцарцы, первыми научившиеся строиться в плотные каре и дружно действовать алебардами и пиками. Монголы, а также арабы донесли до Европы порох. Его использовали в пушках, изрыгавших куски металла и камни. Провозвестниками перемен в военном деле Европы стали отряды наёмных воинов, профессионально владевших пикой и мечом, носивших с лёгкостью сплошные стальные доспехи и пользовавшихся «громовым» оружием — ружьями, а позднее и пистолетами.

Свой вклад в развитие военного дела внесла и Турция. Хотя ударной силой османского войска по-прежнему были тяжеловооружённые всадники, основу армии составляли пешие стрелки и сабельщики — янычары, мальчиками отнятые у родителей-христиан и воспитанные в специальных школах. В середине XVI в. всадник имел на вооружении щит из толстой кожи, длинное (более 4 м) копьё, саблю или кончар (проторапиру), клевец и пару пистолетов. Эффективность такой конницы в бою была столь велика, что она послужила в будущем прототипом двух родов конницы — улан и гусар в Европе.

ПИРАТЫ

Слово «пират» происходит от греческого peirates — «разбойник», «грабитель». Традиционно пиратами считали тех, кто занимался нападением на суда в открытом море и нередко — на прибрежные поселения, обогащаясь за счёт награбленной добычи.

Первые пираты появились с возникновением мореплавания и морской торговли. Ими были финикийцы — лучшие мореходы древности (см. ст. «Финикия»). Считается, что финикийцы представляли собой особого рода сообщество морских разбойников и торговцев. Впрочем, каждый выходивший в море купец был, как правило, и пиратом и не упускал возможности ещё больше обогатиться за счёт таких же, как он, купцов. Успешное развитие торговли финикийцев способствовало расцвету пиратства.

Богатство финикийских купцов привлекло внимание их более бедных соседей, и в море вышли греческие пираты. Их деятельности в Эгейском море благоприятствовали географические условия (сильно изрезанный берег) и уровень развития мореходства — тогда плавали под парусами вдоль берега только днём, а на ночь укрывались в заливах. Здесь пираты и подстерегали свою жертву: бесшумно, во тьме подходили на вёслах — и каждый разбойник становился богачом. Со временем пираты обрели такую силу, что стали создавать свои небольшие государства, с которыми их соседи предпочитали не бороться, а заключать соглашения.

Особого размаха пиратство в Средиземном море достигло во времена Римской республики. Римляне не имели крепких морских традиций и не способны были противостоять пиратам, которые нападали не только на корабли, но и на прибрежные города, появляясь даже у ворот Рима. В I в. до н. э. Рим подвергался настоящей морской блокаде. Такая ситуация заставила сенат (правительство Рима) принять серьёзные меры по борьбе с пиратством. Это дело было поручено Помпею, которому удалось ликвидировать основные

Мавры, господствовавшие на Средиземном море в XVI в., стали причиной многочисленных морских сражений европейцев и арабов.

пиратские гнёзда в Испании, Африке, на Сицилии, Сардинии и в Эгейском море. Затем целых 10 лет Средиземное море было относительно спокойным для мореплавания. Позднее пираты возобновили свою разбойничью деятельность, но обрести прежнего могущества уже не смогли.

Несмотря на всю древность происхождения пиратов, их тем не менее часто воспринимают как «принадлежность» Средних веков. Ведь именно в это время они вышли на просторы океанов, а пиратское «движение» получило широкий размах. Но не одни лишь те, над кем развевался чёрный стяг и кто бороздил волны «флибустьерского» моря, были пиратами Средневековья.

«Спаси нас, Боже, от неистовства норманнов!» — молились европейцы, прося Всевышнего о защите от пиратов с севера — викингов (см. ст. «Викинги»). Они появлялись неожиданно, высаживались на берег и разоряли не успевшее подготовиться к обороне поселение, после чего уходили, увозя награбленное и оставляя после себя пепелище и горы убитых. Внутри своего сообщества викинги сурово преследовали всякий грабёж и насилие. Обман при дележе добычи считался серьёзным преступлением. Смертью карались предательство и дезертирство. Северными пиратами можно назвать также и славянских морских разбойников Балтийского моря. Они были настоящим бедствием не только для отдельных кораблей, но и для прибрежных городов. Разбой славянских пиратов привёл в упадок город Хайтхабу (в Южной Дании). С концом эпохи викингов и постепенным исчезновением в результате поединков с ними славянских пиратов воды Балтийского моря не стали безопаснее. На смену пришли не менее мощные пиратские организации, успешно продолжавшие «лучшие» традиции своих предшественников.

Одной из самых могущественных была возникшая в XIV в. организация витальеров (от *нем.* Vitalienbruder — «братство кормильцев»), называвших себя «друзьями Бога и врагами мира». Они обосновались на острове Готланд. Витальеры принимали в свои ряды моряков торговых судов, прельстившихся возможностью нажиться; беглецов, преследуемых законом; тех, кто считал себя обиженным и жаждал мести; просто искателей приключений всех национальностей. Витальеры установили внутри своей организации железную дисциплину. Капитаны требовали беспрекословного подчинения, а ослушавшихся жда-

Карибские острова стали базой французских и английских пиратов, грабивших золотые конвои из Нового Света в Европу.

ла смертная казнь. Деятельность витальеров привела к упадку не только торговой навигации, но и рыболовства, поскольку пираты не гнушались нападать и на рыбаков. Государства в бассейнах Балтийского и Северного морей, только объединив усилия, смогли наконец покончить с витальерами в 1401 г. Могучая пиратская организация перестала существовать.

В XV в. на Средиземном море — в традиционной вотчине пиратов — возник мощный центр морского разбоя, который причинял ущерб судоходству и торговле в этом районе до конца эпохи парусного флота — более 300 лет! Этот центр получил название «берберийского» (Берберией назывались берега Северной Африки). Берберийские (или варварийские) пираты осели на острове Джерба и превратили его в хорошо укреплённую опорную базу для разбойничьих экспедиций. Они принимали активное участие в борьбе Европы с Турцией на стороне последней. За короткое время варварийские пираты овладели почти всем средиземноморским побережьем Африки. Они грабили корабли и европейские порты, уводя в неволю тысячи пленников. Для христиан плен у варварийцев был подлинным кошмаром.

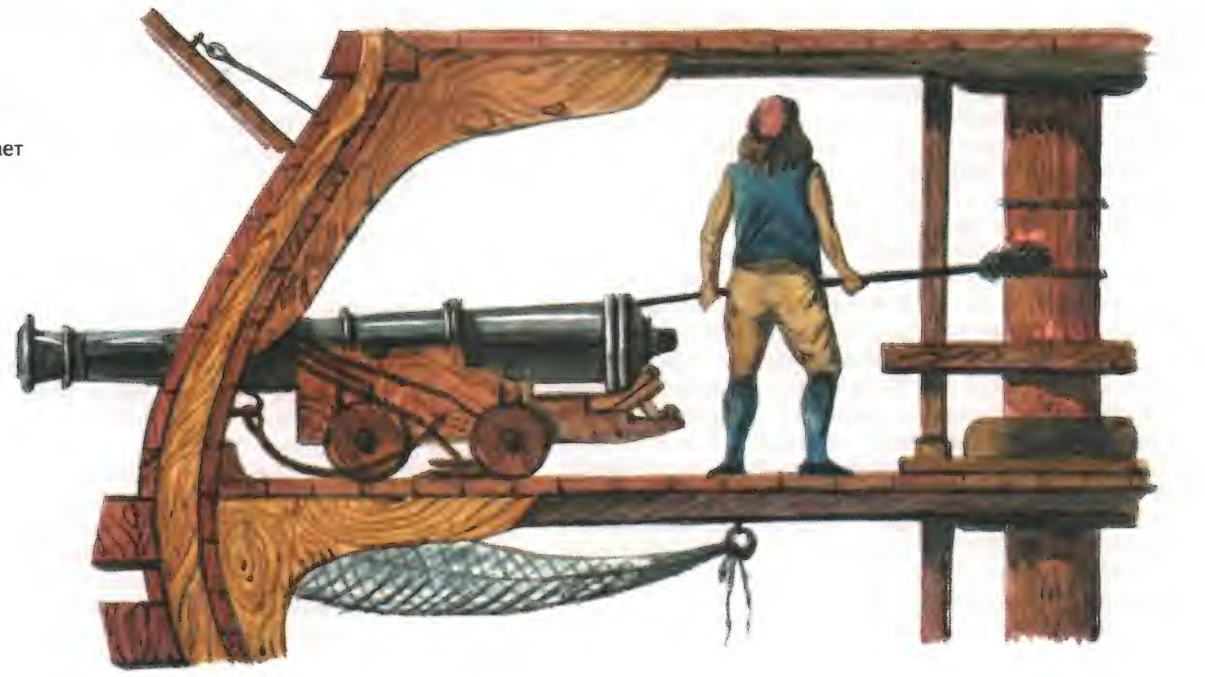
Самый расцвет варварийского пиратства пришёлся на XVI столетие и совпал с ростом морского могущества Турции. Испанцы пытались бороться с морскими разбойниками, но не сумели справиться с их флотом, возглавляемым братьями Барбаросса, которые пользовались славой непобедимых мореходов. После одной из атак пираты заняли город Алжир, старший из братьев провозгласил себя султаном Барбароссой I и создал пиратское государство в Северной Африке, правда быстро ставшее зависимым от Турции.

Варварийское пиратство пошло на убыль лишь в XVIII в. в связи с ослаблением Османской империи и решительными совместными действиями против него европейских государств. Но ещё в 1800 г. дань пиратскому государству платили такие страны, как Португалия, Дания и Швеция. Государство морских разбойников прекратило своё существование лишь в середине XIX в.!

Великие географические открытия возродили пиратство. Как только гружённые золотом испанские галеоны потянулись из Нового Света, им наперерез немедленно рванулись пиратские корабли. Началась эпоха морских разбойников Атлантики — эпоха «флибустьерского» моря.

«Флибустьерское» море — это Карибское море. Ему суждено было стать ареной действий самых известных пиратов истории, а затем и огромного числа их литературных двойников. В войне, развернувшейся между европейскими странами за открытые земли, морские разбойники принимали самое непосредственное участие. Причём среди них были не только отчаянные головорезы и грабители, но и преследуемые на родине протестанты, мстящие за своё изгнание всем попадавшимся им католикам, и романтики — искатели приключений.

Флибустьеры, буканьеры, корсары, каперы, приватиры — это не одно и то же, хотя грабили все они одинаково беспощадно. Самые настоящие пираты — буканьеры (от *франц.* bukaniers, первоначально — «жившие на Антильских островах охотники и заготовители мяса») и флибустьеры (от *франц.* flibustiers — «свободно грабящие»). Они нападали на всех подряд, включая соотечественников и единоверцев. Эти названия существовали недолго: в XVI — середине XVII в.



Пират заряжает пушку.

Корсары, каперы, приватиры — это разбойники на службе у государства. Имея разрешение властей (каперскую грамоту), они нападали на суда тех держав, с которыми их страна воевала или просто была в плохих отношениях. В каперской грамоте обговаривались условия, по которым корсар получал в награду часть награбленного у неприятеля добра или всё целиком.

Пираты и корсары прекрасно уживались вместе и делали это столь успешно, что порой невозможно было отличить одних от других. Они дали миру громкие и грозные имена корсара Дрейка и пирата Моргана. Правители по достоинству оценивали заслуги своих корсаров. Королева Англии Елизавета I посвятила Фрэнсиса Дрейка в рыцари, сделала адмиралом (см. ст. «Фрэнсис Дрейк»). И не мудрено: золото, которое он отнимал у испанцев, исправно пополняло королевскую казну. Но нечасто власти оказывали пиратам такое покровительство, обычно их преследовали, сажали в тюрьмы или вешали. И тогда, угнездившись среди бесчисленных островков Карибского моря, флибустьеры создали своё «береговое братство» — необычайно сплочённое, дисциплинированное сообщество, основой которого были неукоснительное соблюдение данной присяги и общность имущества. Любые попытки присвоить себе часть добычи карались смертью или изгнанием из «братства». Все доходы были строго распределены в зависимости от должности: капитан получал 400 песо, матрос — 100, юнга — 50. Была даже организована выплата пенсий пострадавшим в боях: за выбитый глаз, закрытый знаменитой чёрной повязкой, платили 100 песо или давали одного невольника. Все члены команды, от юнги до капитана, получали одинаковую пищу. Важнейшие вопросы — цель экспедиции, её курс — капитан в виде предложений давал на утверждение совету, в который входил весь экипаж корабля. При этом существовал непреложный закон «берегового братства»: команда беспрекословно подчиняется до конца рейда капитану, который несёт ответственность за свои действия перед пиратским сообществом.

В конце XVI в. пираты обосновались на острове Тортуга и превратили его в мощную крепость, ставшую столицей «берегового братства» на 50 лет, пока в 1657 г. французы не утвердили там власть короля Людовика XIV. Потеряв надёжное пристанище, флибустьеры не отчаялись. К тому времени они уже совершали свои грабительские походы на больших, отлично вооружённых трофейных кораблях, создавая целые эскадры, плававшие под чёрным флагом с изображением скелета, прозванного Весёлым Роджером (потом на изображении остались только череп и скрещённые кости). Эти экспедиции приносили известность и богатство своим организаторам — д'Олонэ, Скотту, Монбару, Моргану — и гибель тем, кто попадался им на пути.

Изгнанные с Тортуги пираты довольно быстро обосновались на острове Ямайка. В столице острова Порт-Ройяле англичане организовали компанию, занимавшуюся торговлей неграми-рабами. Пираты всегда славились пристрастием к работорговле. Они быстро вступили в коммерческое сотрудничество с купцами и вскоре превратили Порт-Ройял в свою базу. В этом городе никого не интересовало, честно ли добыт товар и сколько крови пролил тот, кто его доставил, — за всё платили звонкой монетой. Пираты расхаживали здесь в шёлке и бархате, соря золотыми направо и налево в кабаках и игорных домах.

Европейские государства были очень обеспокоены деяниями обитателей Порт-Ройяла. Но у города, прозванного «пиратским Вавилоном», было богатство купцов, способных подкупить любого чиновника, и корабли морских разбойников, всё более жадных и беспощадных. В конце XVII в. среди них особенно прославился Генри Морган.

Генри Морган, прозванный Жестоким, является, может быть, самым знаменитым пиратом если не в мире, то уж в Карибском море — точно. Он начал юнгой, был «белым невольником», стал пиратским «адмиралом», мечтал создать государство флибустьеров, штурмовал испанские города, был отдан в руки английского правосудия, но не попал на эшафот, а предстал перед королём Яковом II, который назначил его губернатором острова Ямайка. После получения столь почётной должности Морган «взялся за ум» и посвятил остаток своих дней расправам над бывшими соратниками из «берегового братства», превратив «пиратский Вавилон» в относительно спокойный центр морской торговли.

Но спокойствие не было, видно, суждено Порт-Ройялу. В 1692 г. (через четыре года после смерти губернатора Моргана) сильное землетрясение уничтожило богатый город. Его руины покоятся на дне моря и до сих пор привлекают искателей затонувших сокровищ. Пиратство в Карибском море пошло на убыль.

В Атлантике было довольно спокойно до конца XVIII в., пока войны Европы не вывели в море (на этот раз уже к берегам Северной Америки) новые эскадры с легко превращавшимися в пиратов каперами и просто головорезами, не менее жестокими, чем их карибские предшественники. Пиратство существовало везде, где пролегали морские торговые пути в Европу, во всех океанах, кроме Северного Ледовитого.

В Индийском океане пиратствовали арабы и индийцы, причём у последних разбойничье ремесло часто переходило от отца к сыну, из поколения в поколение. В XVIII в. в Индийский океан пришли пираты-европейцы, изгнанные из Карибского моря. Они объединялись с местными «коллегами», нередко становясь их предводителями и создавая, как и в Атлантике, свои сообщества. Интересной была попытка француза Миссона и итальянца Караччиоли, неудавшихся монахов и пиратствующих романтиков, создать со своими собратьями-разбойниками республику,

Пираты.

живущую по законам равенства. Они воспитывали матросов в духе Десяти заповедей Христа, отбирали у тех, кого брали на абордаж, не больше половины товара, не забыв извиниться, и вели себя с жертвами вежливо и предупредительно (отчего, видимо, и не встречали особого сопротивления). В конце концов «апостолы новой веры» (так называли себя эти странные пираты) основали на Мадагаскаре республику Либерталию. Она просуществовала недолго и была разграблена местными племенами.

Основоположниками морского разбоя в Тихом океане, а вернее в дальневосточных морях, стали китайцы и японцы. Их привлекали гружённые товаром торговые флотилии и пассажирские суда. Наряду с этим развитию пиратства способствовали частые войны между государствами.

Самой яркой фигурой среди пиратов Дальнего Востока была китаянка госпожа Цин, жившая на рубеже XVIII и XIX вв. За короткий срок она стала неофициальным адмиралом всего китайского пиратского флота. Ловкая женщина командовала шестью эскадрами, на которых установила железную дисциплину. Она была талантливым флотоводцем и не раз одерживала победы над преследующим пиратов правительственным флотом. Не сумев справиться с «адмиральшей», китайские власти заключили с ней договор, по которому каждый пират, отказавшийся от своего преступного ремесла, получал средства для того, чтобы начать новую жизнь. Сама же Цин так и не смогла забыть старые привычки и дожила свой век главарём крупной шайки контрабандистов.

С конца XIX в. пиратство в своём первоначальном виде уже не угрожало мореплаванию. Однако оно существует и поныне, преимущественно в морях близ Китая и Юго-Восточной Азии. Под покровом ночи пираты на лёгких и быстрых моторных лодках или маленьких рыбацких катерах нападают на стоящие в порту суда, а дальше — всё происходит так же, как и у их предшественников, только команду теперь предпочитают не убивать.

Однако современное пиратство, давно потерявшее свой прежний облик, не стало менее опасным. Утратив позиции на море, пираты действуют теперь в воздухе и на суше. Террористы, угоняющие воздушный лайнер, называются воздушными пиратами. Радиопираты вторгаются в эфир, телепираты захватывают телевизионные каналы. Не исключено, что стремительное развитие техники породит новые разновидности пиратства в ближайшем будущем.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ШКОЛЫ И УНИВЕРСИТЕТЫ

...Небольшая комната с низким сводчатым потолком. Сквозь узкие окна пробиваются редкие лучи солнечного света. За длинным столом сидят мальчишки разных возрастов. Справная одежда выдаёт детей обеспеченных родителей — бедняков здесь явно нет. Во главе стола — священник. Перед ним большая рукописная книга, неподалёку лежит пучок розог. Священник бубнит молитвы на латинском языке. Дети механически повторяют вслед за ним непонятные слова. Идёт занятие в средневековой церковной школе...

Раннее Средневековье иногда называют «тёмными веками». Переход от античности к Средневековью сопровождался в Западной Европе глубоким упадком культуры. Не только варварские вторжения, погубившие Западную Римскую империю, привели к гибели культурных ценностей древности. Не менее разрушительным, чем удары вестготов, вандалов и лангобардов, стало для античного культурного наследия враждебное отношение со стороны Церкви. Открытую войну против античной культуры вёл Папа Григорий I (см. ст. «Папство»). Он запретил чтение книг древних авторов и изучение математики, обвинив последнюю в том что она связана с волшебством. Важнейшая область культуры — образование — переживала особенно тяжёлые времена. Григорий I однажды провозгласил: «Невежество — мать истинного благочестия». Поистине невежество царило в Западной Европе в V—X вв. Грамотных людей было почти невозможно сыскать не только среди крестьян, но и среди знати. Многие рыцари ставили вместо подписи простой крест. До конца жизни так и не смог научиться писать основатель франкского государства знаменитый Карл Великий (см. ст. «Карл I Великий»). Но император был явно неравнодушен к знаниям. Уже в зрелом возрасте он прибегал к услугам учителей. Начав незадолго до смерти изучать искусство письма, Карл бережно хранил под подушкой навощённые дощечки и листы пергамента и в свободное время с усердием учился выводить буквы. Кроме того, государь покровительствовал учёным. Его двор в Ахене стал центром образования. В специально созданной школе знаменитый учёный и писатель Алкуин, выходец из Британии, обучал основам наук сыновей самого Карла и детей его приближённых. В Ахен приезжали немногочисленные образованные люди со всех концов неграмотной Европы. По примеру древности общество учёных, собравшихся при дворе Карла Великого, стали называть Академией. В последние годы жизни Алкуин стал аббатом богатейшего монастыря Святого Мартина в городе Туре, где также основал школу, многие ученики которой позднее стали известными учителями монастырских и церковных школ Франции.

Культурный подъём, произошедший в годы правления Карла Великого и его преемников (Каролингов), получил название «каролингского возрождения». Однако он был недолгим. Вскоре культурная жизнь вновь сосредоточилась в монастырях.

Монастырские и церковные школы представляли собой самые первые учебные заведения Средневековья. И хотя Христианская Церковь сохраняла лишь выборочные, нужные ей остатки древней образованности (в первую очередь латынь), именно в них продолжалась культурная традиция, связывавшая разные эпохи.

Низшие церковные школы готовили в основном приходских священников. Платное обучение велось на латинском языке. Школу посещали дети феодалов, богатых горожан, зажиточных крестьян. Учёба начиналась с зубрёжки молитв и псалмов (религиозных песнопений). Затем учеников знакомили с латинским алфавитом и учили читать те же молитвы по книге. Часто эта книга была единственной в школе (рукописные книги стоили очень дорого, а до изобретения книгопечатания было ещё далеко). При чтении мальчики (девочек в школу не брали) заучивали наиболее употребительные слова и выражения, не вникая в их смысл. Не мудрено, что далеко не все, научившиеся читать латинские тексты, далёкие от разговорной речи, могли понимать прочитанное. Зато вся эта премудрость вколачивалась в сознание учеников с помощью розог.

Около трёх лет требовалось для обучения письму. Ученики упражнялись сначала на покрытой воском дощечке, а затем учились писать гусиным пером на пергаменте (особо обработанной коже). Кроме чтения и письма учились

Городская школа.
Средневековый рисунок.

изображать числа с помощью пальцев, заучивали таблицу умножения, тренировались в церковном пении и, конечно же, знакомились с основами католического вероучения. Несмотря на это, многие воспитанники школы навсегда проникались отвращением к зубрёжке, к чуждой им латыни и выходили из стен школы полуграмотными, умеющими кое-как читать тексты богослужебных книг.

Более крупные школы, дававшие образование посерьёзней, возникали обычно при епископских кафедрах. В них, согласно сохранившейся римской традиции, изучали так называемые «семь свободных искусств» (грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку). Система свободных искусств включала два уровня. Начальный состоял из грамматики, риторики, диалектики. Высший образовывали все оставшиеся свободные искусства. Самой трудной была грамматика. В те времена её часто изображали в виде царицы с ножом для подчистки ошибок в правой руке и с бичом в левой. Дети зазубривали определения, упражнялись в спряжении и склонении. Любопытное толкование давалось буквам: гласные — это души, а согласные подобны телам; тело неподвижно без души, так и согласные буквы без гласных не имеют никакого смысла. В риторике (искусство красноречия) проходили правила синтаксиса, стилистики, упражнялись в составлении письменных и устных проповедей, писем, грамот, деловых бумаг. Диалектика (так тогда именовалось искусство мыслить, названное впоследствии логикой) учила не только рассуждать и делать выводы, но и находить в речи противника положения, противоречащие учению Церкви, и опровергать их. Уроки арифметики знакомили со сложением и вычитанием, в меньшей степени — с умножением и делением (написание чисел римскими цифрами сильно затрудняло их). Школяры решали арифметические задачи, вычисляя время религиозных праздников и возраст святых. В цифрах видели религиозный смысл. Считали, что цифра «3» символизирует святую Троицу, а «7» — сотворение Богом мира в семь дней. За арифметикой следовала геометрия. Она давала лишь ответы на общие вопросы (например, что такое квадрат) безо всяких доказательств. В курсе геометрии сообщались и географические сведения, часто фантастические и нелепые (Земля — блин, плавающий в воде, Иерусалим — пуп земли... и т. п.). Потом изучали астрономию. Знакомились с созвездиями, наблюдали движение планет, Солнца, Луны, звёзд, но объясняли его неправильно. Думали, что светила обращаются вокруг Земли по разным сложным путям. Астрономия должна была помочь вычислить сроки наступления церковных праздников. Занимаясь музыкой, ученики пели в церковном хоре. Обучение нередко растягивалось на 12—13 лет.

С XI в. число церковных школ росло. Немного позднее стремительное развитие городов приводит к появлению светских городских частных и муниципальных (т. е. находящихся в ведении городского совета) школ. Влияние Церкви было в них не так сильно. На первый план выступали практические потребности. В Германии, например, первые бюргерские школы, готовящие к занятиям ремеслом и торговлей, возникли в Любеке в 1262 г., Висмаре в 1279 г., Гамбурге в 1281 г. (см. ст. «Бюргер», «Средневековый купец»). С XIV в. в некоторых школах преподавание ведётся на национальных языках.

Растущим городам и крепнущим государствам требовалось всё больше образованных людей. Нужны были судьи и чиновники, врачи и учителя. К образованию всё чаще приобщалась знать. Вот как описывал дворянина XIV в. английский средневековый писатель Чосер:

Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать.

Пришёл черёд образования высших школ — университетов. Они возникали либо на основе бывших кафедральных (епископальных) школ (так появился в XII в. Парижский университет, выросший из школы, существовавшей при соборе Парижской Богоматери), либо в городах, где жили прославленные учителя, всегда окружённые способными учениками. Так из кружка последователей знаменитого знатока римского права Ирнерия развился Болонский университет, центр юридической науки.

Занятия велись на латинском языке, поэтому немцы, французы, испанцы могли слушать итальянского профессора с не меньшим успехом, чем его соотечественники. На латыни общались студенты и между собой. Однако в быту «чужаки» вынуждены были вступать в общение с местными пекарями, пивоварами, хозяевами трактиров и сдатчиками жилья. Последние, разумеется, не знали латыни и были не прочь обсчитать и обмануть чужеземного школяра. Поскольку студенты не могли рассчитывать на помощь городского суда в многочисленных конфликтах с местными жителями, они вместе с преподавателями объединились в союз, который и назывался «университет» (по-латыни — «община», «корпорация»). В Парижский университет входили около 7 тыс. преподавателей и студентов, а помимо них членами союза являлись книготорговцы, переписчики рукописей, изготовители пергамента, перьев, чернильного порошка, аптекари и т. д. В долгой борьбе с городскими властями, которая шла с переменным успехом (иногда преподаватели и школяры покидали ненавистный город и переселялись в другое место), университеты добились самоуправления: теперь они имели выборных руководителей и собственный суд. Парижскому университету независимость от светских властей была дарована в 1200 г. грамотой короля Филиппа II Августа.

Нелёгкой была жизнь школяров — выходцев из бедных семей. Вот как описывает её Чосер:

Прервав над логикой усердный труд,
Студент оксфордский с нами рядом плёлся.
Едва ль беднее нищий бы нашёлся... Выносить
Нужду и голод приучился стойко,
Полено клал он в изголовье койки.
Ему милее двадцать книг иметь,
Чем платье дорогое, лютню, снедь...

Но студенты не унывали. Они умели радоваться жизни, своей молодости, веселиться от души. Особенно это касается вагантов — бродячих школяров, переходящих из города в город в поисках знающих преподавателей или возможности подзаработать. Часто им не хотелось утруждать себя учёбой, с удовольствием распевали ваганты на своих пирушках:

Бросим все премудрости,
Побоку учение!
Наслаждаться в юности —
Наше назначение.

Преподаватели университетов создавали объединения по предметам — факультеты. Во главе их стояли деканы. Преподаватели и студенты избирали ректора — руководителя университета. Средневековая высшая школа имела обычно три факультета: юридический, философский (богословский) и медицинский. Но если подготовка будущего юриста или медика занимала пять-шесть лет, то будущего философа-богослова — целых 15. Однако прежде чем поступить на один из трёх основных факультетов, студент должен был закончить подготовительный — артистический — факультет (на нём изучали уже упомянутые «семь свободных искусств»; от *лат.* «артис» — «искусство»). На занятиях студенты слушали и записывали лекции (по-латыни — «чтение») профессоров и магистров. Учёность преподавателя проявлялась в его умении разъяснить прочитанное, связать его с содержанием других книг, раскрыть смысл терминов и сущность научных понятий. Помимо лекций проводились диспуты — споры по заранее выдвинутым вопросам. Горячие по накалу, иногда они перерастали в рукопашные схватки между участниками.

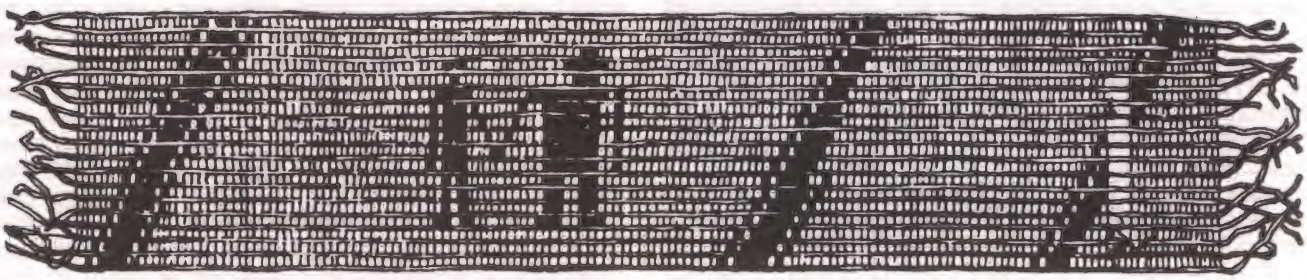
В XIV—XV вв. появляются так называемые коллегии (отсюда — колледжи). Сначала так называли общежития студентов. Со временем в них также стали проводиться лекции и диспуты. Коллегия, которую основал Робер де Сорбон, духовник французского короля, — Сорбонна — постепенно разрослась и дала своё название всему Парижскому университету.

Последний был самой крупной высшей школой Средневековья. В начале XV в. в Европе студенты посещали 65 университетов, а в конце столетия — уже 79. Наиболее громкой славой пользовались среди них Парижский, Болонский, Кембриджский, Оксфордский, Пражский, Краковский. Многие из них существуют и по сей день, заслуженно гордясь своей богатой историей и бережно сохраняя старинные традиции.

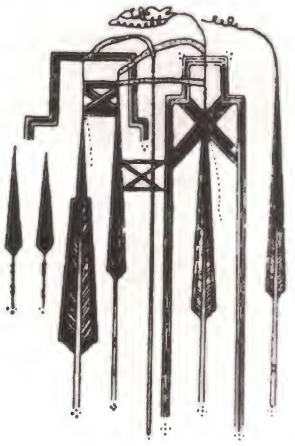
ПИСЬМЕННОСТЬ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ

Невозможно представить современное общество без книг. Однако люди прожили без них большую часть своей истории. Накопленные знания одно поколение передавало другому устно или же показывая, как надо работать, чтобы обеспечить себя пищей, жильём, одеждой. Когда люди перестали жить небольшими группами, когда сложились первые государства, объём и разнообразие знаний стали слишком велики, чтобы их можно было сохранить в памяти. Да и передаваться такие сведения должны были уже не только сородичам или ближайшим соседям. Тогда и появилась письменность.

Сначала записи были очень простыми и короткими и содержали сведения о хозяйственной деятельности людей разных профессий, работавших в храмах. Письменные и цифровые знаки наносили на плитки из сырой глины острой тростниковой палочкой, затем плитки подсушивали или обжигали. Потом стали записывать тексты



Вампум — пояс из раковин.



Пиктография (письмо юкагирской девушки).

гимнов, сказаний, пословицы и поговорки. Государству были нужны грамотные люди, писцы. Их обучали в специальных школах. Профессия писца была почётной.

Шумеры, вавилоняне, ассирийцы и многие их соседи писали на глиняных табличках. Материал был дешёвым, но из-за размера табличек тексты на них были короткими. Поэтому крупные произведения, такие, как эпос о Гильгамеше или повествование о начале мира, записывали на нескольких табличках. Собрания табличек существовали при храмах и царских дворцах. Археологи раскопали библиотеку ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н. э.), на полках которой было более 20 тыс. табличек с самыми разнообразными текстами.

Древние египтяне изобрели более удобный писчий материал — папирус, который делали из особым образом обработанных стеблей папируса, росшего в изобилии по берегам Нила. Отдельные листы склеивали в длинную полосу — свиток. На таких свитках, достигавших в длину до 100 м, записывали религиозные тексты, сказки, поучения, летописи. Папирус — рыхлый материал, поэтому писать на нём можно было только с одной стороны: чернила, наносившиеся заострённой камышовой палочкой, проникали на всю глубину. Кроме того, папирус хрупок, поэтому сгибать его листы и сшивать их в тетради было нельзя. Долгое время в странах Средиземноморья папирус был самым распространённым видом писчего материала. В Египте его изготовляли на экспорт.

Свитки хранили в сундуках и стенных нишах. Некоторые тексты предназначались специально для погребений; многие из них сохранились и дошли до нашего времени. Писали египтяне и на льняных тканях. Такими тканями, в частности, обматывали мумии. Тексты иногда сопровождали рисунками.

Все тексты были рукописными. Единственное известное исключение — так называемый Фестский диск, найденный на Крите и изготовленный в XVII в. до н. э. Этот не прочитанный до сих пор текст был нанесён на сырую глину способом, похожим на механический: знаки были вырезаны на штампиках и затем оттиснуты на сырой глине.

Когда в IX—VIII вв. до н. э. у греков появилось алфавитное письмо, они стали писать на пальмовых листьях, липовом лубе, льняных тканях и даже на свинцовых свитках. Однако главным материалом оставался папирус. Позднее в Риме и Греции стали применять деревянные таблички, покрытые воском или оштукатуренные. Их широко использовали в школах. Старый текст на воске можно было затереть и нанести новый. Если тексты были длинными и размещались на нескольких табличках, их связывали. Так получалась связка, которую называли кодексом. Она была похожа на знакомые нам книги, которые тоже называли кодексами, когда стали писать на пергаменте.

В Античном мире грамотность была довольно распространённой. Особенно острой потребность в грамотных людях стала в Римской империи. Хрупкий папирус не мог устраивать государственные власти и любителей чтения: срок жизни папирусных свитков — около 200 лет. Однако с непрочностью папируса пришлось мириться долго. В Греции уже в V в. до н. э. возникла книжная торговля (библиотекой сначала называли книжную лавку). Появились и личные библиотеки, например у великих философов Платона и Аристотеля. В III в. до н. э. возникла самая известная библиотека древности — Александрийская в Египте. В I в. до н. э. в ней было около 700 тыс. свитков.

В I в. до н. э. публичные библиотеки, организованные по сохранившемуся до наших дней принципу: с каталогами, библиотекарями, хранилищем, куда читателей не допускают, — появились в Риме. Потребовалось издание книг. Поскольку в тексты при переписке вкрадывались ошибки, их стали сверять, появились редакторы и корректоры, как в современных издательствах.

Наконец Античный мир обрёл новый прочный материал — пергамент (по названию города Пергам в Малой Азии, где его производили). Пергамент делали из овечьих, телячьих, козьих и даже кошачьих кож. Материал был прочным, но на изготовление одной книги могло пойти целое стадо. Листы можно было сгибать и сшивать. Писали на пергаменте уже с двух сторон и не только тростниковыми палочками, но и птичьими перьями. Сшитые листы образовывали кодекс. Эти кодексы стали вытеснять папирусные свитки, и в Римской империи в библиотеках знати свитков с III в. н. э. уже не держали. Пергаментные тетради использовались в школах.

В Китае первые записи делали на твёрдых материалах; первые «книги» — это деревянные или бамбуковые планки, соединённые в связки. С V—IV вв. до н. э. в Китае стали писать на шёлке — ткани, которая в Европе ценилась чрезвычайно высоко.

Потребность в размножении текстов становилась всё больше, а возможности переписчиков

были ограничены. Для того чтобы решить эту проблему, в китайских монастырях стали вырезать из дерева рельефные тексты и иконы в зеркальном отражении. Смазав их краской, можно было получить большое число оттисков.

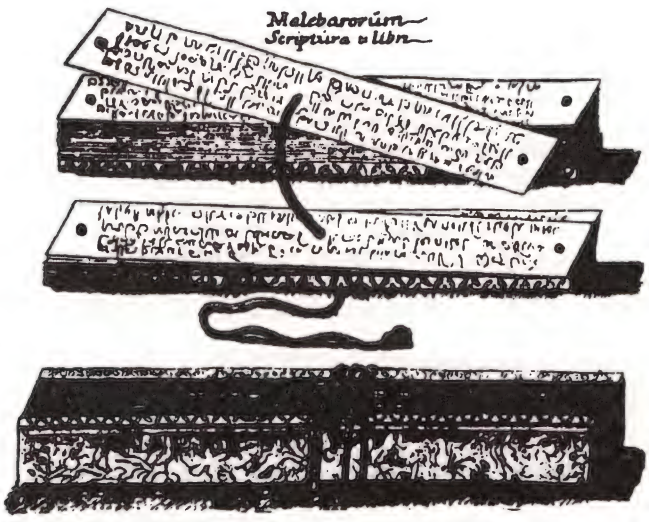
Такого удобного сырья, как папирус, в Китае не было. Здесь стали экспериментировать с тем, что мы теперь называем «вторсырьём» — тряпьём. К нему добавляли волокно конопли и древесную кору, разминали в чанах, а полученную массу пропускали через прямоугольные сита. На ситах оставался слой, который после обработки становился листом бумаги. В IV в. был издан императорский указ о том, что бумага становится общеупотребительным материалом.

В Китае в V—VIII вв. делали и оттиски с надписей и изображений на камне, которые очень ценились; чтобы получать их, рельефные части покрывали краской и прикладывали к ним листы бумаги. Так можно было получать необходимое количество оттисков.

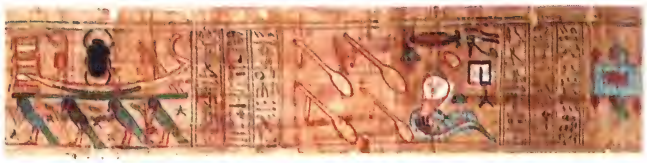
На деревянных досках вырезали тексты и изображения в зеркальном отражении. Доску смазывали краской. Полученные оттиски монтировали сначала в свиток, а потом стали складывать, как ширму. Позже поняли, что гораздо удобнее склеивать листы с наружной стороны; в XIV—XV вв. их стали прошивать.

Гораздо удобнее цельной доски с текстом отдельные знаки, из которых можно составлять разные тексты. Первым до этого додумался в XI в. кузнец Пи Шен. Может быть, ему пришло это в голову, когда он работал с составными литейными формами. Он предложил набирать текст из глиняных знаков, размещённых в специальной рамке. В XIII в. такие знаки — литеры — стали делать из олова и дерева, а в Корее — из меди.

Все эти изобретения не случайно были сделаны в Китае: здесь всегда испытывали почтение к науке. По преданию, с VI—V вв. до н. э. в



Книги на пальмовых листьях (в странах Востока).



Образец иероглифической письменности древнего Египта.

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РОССИИ

В Московском государстве XVI—XVII вв. книгопечатание находилось под строгим контролем государства и Церкви. Выпуск и распространение печатных книг стали частью внутренней политики.

В 50-х гг. XVI столетия при царе Иване Грозном в Москве возникла первая типография. Неизвестны ни имя её основателя, ни даже где она находилась. Завеса неизвестности несколько приподнимается со следующего десятилетия. Первопечатники Иван Фёдоров (или Иван Фёдорович) и Пётр Мстиславец выпустили в 1564 г. первую на территории Московского государства книгу, дата издания которой точно известна, — Апостол (часть Евангелия). Историки знают о биографии Ивана Фёдорова совсем немного. Достоверно известно, что он был дьяконом в московском храме Николы Гостунского. Некоторые предполагают, что в юности он учился в Краковском университете, а искусству книгопечатания его обучили то ли поляки, то ли итальянцы. Во всяком случае, все старинные термины русского печатного дела происходят от итальянских слов. Проработав недолгое время в Москве, мастер оказался за рубежом, на землях Речи Посполитой — государства, включавшего в себя Польшу, Литву, Украину и Белоруссию. Там он продолжал издавать книги: в Остроге, например, он напечатал первую полную славянскую Библию. Причины переезда из Москвы стали предметом бесконечных споров между историками: одни считают, что Иван Фёдоров бежал от каких-то преследований, другие полагают, что он был отправлен со специальной миссией — укреплять своим искусством православие в западнорусских землях. Здесь он получил дворянское звание, прославился и умер в 1583 г.

У первопечатника нашлись в Москве способные преемники. Известны мастера печатных дел Андроник Невежа и Анисим Радишевский, работавшие в последней трети XVI — начале XVII столетия.

Типография Ивана Фёдорова располагалась в Китай-городе. Впоследствии она меняла своё местонахождение. На некоторое время мастера печатных дел переехали в Александрову Слободу — резиденцию Ивана Грозного. В Смутное время печатники работали в Нижнем Новгороде. Затем типография в Китай-городе была восстановлена. Её называли Печатным двором — так же, как предприятие, делавшее артиллерийские орудия, именовали Пушечным двором. В середине XVII в. Московский Печатный двор стал одной из крупнейших типографий Европы. Выпускали там в основном церковную литературу, а также Грамматики, Азбуки, книги по военному искусству. При царе Алексее Михайловиче было издано Соборное Уложение 1649 г. — свод русских законов.

В XVII в. в Московском государстве помимо Печатного двора работало несколько небольших типографий. Например, патриарх Никон завёл типографию в Иверском Валдайском монастыре; при царе Фёдоре Алексеевиче знаменитый книжник, церковный писатель Симеон Полоцкий возглавил маленькую типографию в Москве. Однако до времен императрицы Екатерины II (вторая половина XVIII в.) в России не было типографий, которые принадлежали бы частным лицам: только церковные и государственные.

Эта запись на знаменитом диске из Феста сделана отдельными штампиками.

Изобретатель бумаги китаец Цай Лунь. Старый китайский рисунок.

Китае были библиотеки. Учёные составляли энциклопедии. Одна из первых энциклопедий относится к X в. В XV в. 2169 учёных создали энциклопедию из 11 915 томов. В Китае были даже периодические издания: в VII—X вв. выходила газета «Столичные ведомости».

В Европе с падением Римской империи погибали библиотеки. Но грамотные люди были очень нужны властителям новых государств. Книги были необходимы Церкви. Центрами книжной культуры в средневековой Европе стали монастыри, где переписывались богослужебные книги и знатоки древних текстов могли обнаружить ошибки переписчиков. Богослужебных книг требовалось немало. В мастерских по переписке книг (скрипториях) одни монахи наносили на пергаментные листы линии строк, другие писали аккуратным ровным почерком. Художники украшали рукописи орнаментами и миниатюрами. Переплёты делали из дерева и обтягивали кожей или тканями, иногда вставляли в них красивые кусочки металла и драгоценные камни. Книги были настоящими произведениями искусства. Материалом по-прежнему служил пергамент, иногда окрашенный в пурпурный цвет. Писали тростниковыми палочками, птичьими перьями, изредка — металлическими перьями. Чернила были чёрные, красные, иногда голубые, жёлтые, фиолетовые.

Книги были очень дорогими. В Испании однажды за сборник проповедей получили 200 овец, три бочки зерна и три куньи шкурки. За школьный учебник отдавали двух телят.

Грамотность ценилась всё выше. Ремесленники и торговцы старались обучать своих детей читать и писать. Знатные люди часто были высокообразованными. В Италии в эпоху Возрождения были библиотеки.

Бумага пришла в Европу от арабов. Предполагают, что они заимствовали способ её изготовления у китайцев. Арабы измельчали пеньку и другие ингредиенты на мельничных жерновах. В Дамаске и Каире целые улицы населяли мастера, изготовлявшие бумагу разных сортов, в том числе тончайшую для голубиной почты. Арабы заимствовали у китайцев и способ печатания с резных досок. Дешевизна материала позволила выпускать гораздо больше книг, чем это было возможно прежде. Например, только в Кордове, в Испании, ежегодно выпускали 16—18 тыс. книг.

На Руси книги появились с принятием христианства. Киевские князья приглашали переписчиков и переводчиков. Они тоже писали на пергаменте. Новгородцы писали друг другу письма на бересте. Их дети учились писать, процарапывая буквы на её белой поверхности. Берестой пользовались и позднее. Сохранились сведения, что Сергий Радонежский, основатель Троицкого монастыря, был настолько беден, что книги в его монастыре были берестяными.

Книги создавались очень долго, месяцами, а иногда и годами. Пергамент до XV в. привозили из Греции и с Запада. Делали и свой, но он был невысокого качества. Древнейшая запись на бумаге и бумажная книга относятся к XIV в. Бумагу сначала получали с Востока, потом из Европы. Она была дорогой, но всё же дешевле пергамента.

В XIV—XV вв. в Европе изготовление книг вышло за стены монастырей. Теперь этим занимались ремесленники, а торговали книгами купцы. Образование становилось более светским, увеличился интерес к точным наукам. Книги уже не были такими дорогими: в середине XIII в. бумагу начали делать в Италии, в XIV в. — во Франции, потом в Германии, Англии. В Голландии для её изготовления использовали ветряные мельницы.

В середине XV столетия по всей Западной Европе распространились дешёвые книги. Их печатали на бумажных листах с целых деревянных фор — матриц.

И наконец, Иоганн Гутенберг, ювелир, гравёр, резчик по камню, изобрёл книгопечатание. Он первым применил разборный шрифт, хотя считается, что в Европе у него всё таки были предшественники.

Металлические буквы-литеры для шрифта отливали из сплава, в котором преобладал свинец. Их помещали в наборную кассу, откуда наборщик брал необходимые и подбирал в особой рамке строку. Строку выкладывали на наборную дос-

ку. Набор для страницы обматывали суровой ниткой, чтобы он не разъезжался, и смазывали типографской краской из сажи и льняного масла (олифы). На набор укладывали помещённый в рамку лист увлажнённой бумаги. Просушив лист, на нём делали оттиск текста оборотной стороны. Печатный станок был ручным. Готовые листы разглаживали под прессом, складывали в кипы, разравнивали и переплетали.

Первые книги Гутенберга появились в Германии в 40-х гг. XV в. Почва для этого изобретения была подготовлена: к концу 1500 г. книги выпускали уже в 200—300 городах Европы, где действовало 1100—1700 типографий. В них было отпечатано 35—45 тыс. изданий, а общий тираж их мог доходить до 20 млн. За первые 50 лет книгопечатания человечество получило книг больше, чем за сотни лет до этого.

В XV в. книгопечатание распространилось по всей Европе. В Восточной Европе одним из первых деятелей книгопечатания был Франциск Скорина. Он хорошо знал церковно-славянский язык, учился в нескольких университетах Европы и вдохновлялся идеями просвещения народа. Славянские книги в Венеции печатали уже в XV в. Скорина, видимо, получил оборудование и бумагу из Германии. Он работал в Праге, потом в Вильнюсе, издавал богослужебные книги не только для церквей, но и для домашнего чтения. Его

Иоганн Гутенберг.

книги в XVI—XVII вв. были широко известны в Белоруссии и на Украине, но в Москве их встретили недружелюбно, потому что они слишком отличались от привычных рукописных.

До XIX в. книги печатали на ручном станке, технология мало отличалась от предложенной в XV в. Промышленная революция XIX в. изменила и книгопечатание. Появились полиграфическая индустрия, печатные, наборные, брошюровочно-переплётные машины, различные способы репродуцирования, печатания иллюстраций в цвете. Книги стали доступны всем.

НУМИЗМАТИКА

С самых давних времён люди начали обмениваться разнообразными предметами. Постепенно обнаружилось, что гораздо удобнее установить общий эквивалент стоимости самых различных товаров. У разных народов им мог быть скот, или красивые морские раковины, или изделия из металла и камня, меха. Однако необходимо было нечто универсальное, долговечное и удобное, не занимавшее много места и одновременно достаточно ценное.

Уже во II тысячелетии до н. э. в Древнем Египте используют в качестве денег золотые кольца, а в странах бассейна Эгейского моря — медные слитки, имеющие форму бычьей шкуры.

Изобретение монеты — кусочка металла определённого веса с удостоверяющими изображениями или надписями — совершилось почти одновременно (в первой половине VII в. до н. э.) в двух соседних районах Эгеиды — на западном побережье Малой Азии (в Лидийском царстве) и в Греции (на острове Эгина, лежащем между Пелопоннесским полуостровом и Аттикой). Это новшество, быстро доказавшее свою необычайную полезность, было оценено по достоинству. В античную эпоху чеканка и литьё монет постепенно распространились на огромном пространстве от Испании и Британии до Индии.

Совершенно независимо от Европы появились литые медные монеты в Китае, где их традиционный вид (плоский кружок с квадратным отверстием в центре, вокруг которого размещались иероглифы) сохранился до начала XX столетия.

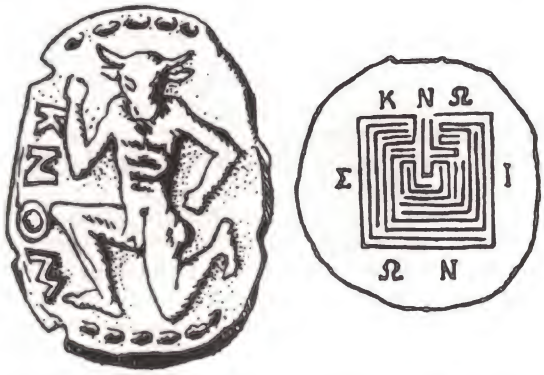
Чрезвычайно разнообразны сюжеты изображений на монетах многочисленных древнегреческих городов-государств (полисов). Любопытны монетные выпуски (эмиссии) с «говорящими эмблемами», своеобразными ребусами: на монетах Фокеи помещается тюлень (по-гречески «фоке»), Леонтина — лев («леон»), Родоса — роза («родон»), Селинунта — сельдерей («селинон») и т. д. Единообразие типов монет (золотых, серебряных и медных) характерно для чеканки эллинистических царей и римских императоров. Главным тогда становится изображение правителя, сопровождаемое его именем и титулом.

Греческое слово «номисма» имело в древности несколько значений. Первоначально это — «установившийся обычай», «общественный порядок», «сложившаяся традиция», «правовая норма». Два других значения производны от первого: «полная мера», «законная норма» (по отношению к системе мер и весов) и «монета» (как единица стоимости, металлический денежный знак). В форме «нумизма» термин перешёл в латинский язык

ЛАБИРИНТ И МИНОТАВР

Критский царь Минос, поработивший Афины, требовал присылать ему в качестве дани юношей и девушек, которых потом отдавали на съедение жившему в кносском Лабиринте (здании со множеством запутанных переходов, откуда невозможно было найти выход) Минотавру, получеловеку-полубыку. Афинский царевич Тесей с помощью полюбившей его дочери Миноса Ариадны одолел кровожадное чудовище и со славой вернулся домой.

На монетах Кносса в течение нескольких веков, от архаики до позднего эллинизма, попадаются изображения, связанные с этим мифом. Однако в отличие от афинской версии, которая нам хорошо знакома, центральное место здесь отводится не Тесею, а критским мотивам — изображению Минотавра (в виде атлетически сложенного мужчины с бычьей головой) и условному плану Лабиринта.



и послужил затем основой для названия науки, изучающей монеты, — нумизматика. Из латыни взяты нумизматами и два самых употребительных у них термина — «аверс» и «реверс», т. е. лицевая и оборотная стороны монетного кружка.

Ещё античные исследователи пытались в качестве аргументов в своих дискуссиях использовать монеты. Так, греческие авторы Плутарх (I—II вв. н. э.) и Павсаний (II в. н. э.) сопоставляли предания об отдалённом прошлом нескольких городов Эллады (Афин, Трезена) с монетными изображениями. Римский историк Флавий Вописк (III—IV вв.) сообщает о вполне научном споре между образованными любителями старины, который разрешился, стоило только одному из них предъявить нумизматическое доказательство.

Однако лишь в начале эпохи Возрождения появился серьёзный интерес к коллекционированию и изучению древних монет. Страстным их собирателем был, например, великий итальянский поэт-гуманист Франческо Петрарка (1304—1374). Представители ренессансной культуры — художники и литераторы, учёные и политики — ценили греческие и римские монеты прежде всего как совершенные образцы античного искусства и подлинные свидетельства существования реальных исторических персонажей, царей и императоров, великолепные иллюстрации к трудам историков античности.

Становление нумизматики как науки, дающей исследователю целый комплекс разнообразных данных, включая сведения о состоянии экономики целого государства или отдельной области (как бы моментальный снимок денежного обращения), происходит в XVIII—XIX вв. Вслед за античной тогда делает первые успехи нумизматика Средневековая — европейская и восточная.

Древнеримская медная монета асс. I в. н.э.

Учёные-нумизматы могут много рассказать не только об экономике и политической жизни самых разных стран и народов мира, но и об их культуре и религии.

Огромную информацию, в частности, монеты дают о божествах, почитавшихся в древней Элладе, в греческих колониях, разбросанных во множестве по берегам Средиземного и Чёрного морей, а также в иных центрах античного мира. Ведь изображения самих небожителей, их статуй и отдельных атрибутов богов, храмов, горных святилищ, даже целых мифологических сцен с участием нескольких персонажей весьма часто фигурировали на монетных штемпелях с VI в. до н. э. по III в. н. э.

По нумизматическим памятникам античности можно изучать и политическую историю. Представители афинских царских родов в VI в. до н. э. чеканили серебряные монеты, помеченные собственными фамильными эмблемами (среди них голова мифического чудовища Медузы Горгоны, амфора — узкогорлый кувшин с двумя ручками, бычья голова, сова).

Нередко города-государства в Древней Греции заключали между собой так называемые «монетные союзы». В подобных случаях по официальному соглашению допускалось хождение на территориях двух и более союзных полисов монет, выпущенных каждым из них. Сохранились тексты некоторых таких договоров. Но чаще факты заключения подобных экономических и политических союзов устанавливаются по монетам. Так, на серебряных и медных монетах нескольких полисов — Галиарта, Фив, Танагры, Орхомена, Феспий и других, располагавшихся в области Беотия (Средняя Греция), — с середины VI в. до н. э. появляется одинаковое изображение щита характерной формы. Оно символизировало принадлежность всех чеканивших такие монеты городов (их названия указываются на реверсе) к военно-политическому объединению — Беотийскому союзу.

Со второй половины III в. до н. э. до середины II в. до н. э. важнейшую роль играл Ахейский союз. В него входили многие города-государства, главным образом Пелопоннесского полуострова. Они чеканили монеты с головой Зевса на одной стороне и монограммой, составленной из букв «А» и «Х», внутри лаврового венка — на другой.

Чрезвычайно ценны нумизматические памятники античности для историков искусства. Многие монетные композиции архаического и особенно классического и эллинистического периодов — совершенные образцы миниатюрной пластики. Штемпели для некоторых греческих монет резали известные мастера, подписывавшие свои произведения. Работам этих лучших художников-торевтов подражали их коллеги в других полисах Эллады.

На античных монетах нередко воспроизводятся те шедевры архитектуры и изобразительного искусства, которые до нас не дошли. Так нумизматические свидетельства помогли археологам отыскать руины театра Диониса в Афинах и уточнить детали облика храма Артемиды в Эфесе. Благодаря им же «опознаны» такие прославленные скульптуры, как «Афина и Марсий» Мирона, «Эйрена с Плутосом» Кефисодота Старшего, «Гермес с младенцем Дионисом» и «Афродита Книдская» Праксителя.

Реконструируются аналогичным образом и общий вид, и ряд деталей знаменитых творений великого Фидия — статуи Афины Парфенос (Девы) в полном вооружении, стоявшей в храме этой богини, Парфеноне, на афинском Акрополе, и

Монеты с изображениями знаков зодиака.

сидящего на троне Зевса, находившегося в главном святилище Олимпии. На античных монетах есть и изображения других широко известных в древности статуй богов, храмов и прочих архитектурных сооружений (фортификаций, триумфальных арок, цирков, мостов, акведуков, маяков) и даже живописных композиций.

Служили монеты в те далёкие времена и средством политической пропаганды. Изображение стремительно несущейся колесницы с азартно погоняющим коней возничим помещал на своих золотых статерах царь Македонии Филипп II (359—336 гг. до н. э.). Таким способом он напоминал о своей победе в конных ристаниях (как владелец скакунов, взявших первый приз) на Олимпийских играх (356 г. до н. э.). И недаром — ведь победитель на состязаниях в Олимпии считался у древних греков явно находящимся под покровительством богов и поэтому достойным верховной власти. К концу жизни Филиппу II как раз и удалось установить своё господство над Грецией.

На серебряных тетрадрахмах другого македонского царя — Деметрия I Полиоркета (306—283 гг. до н. э.) — изображена крылатая Ника, богиня победы, стоящая на носу корабля. Так воин-правитель объявлял о своих ратных подвигах.

Военные сюжеты, в особенности победа и триумф, получили ещё большее распространение в монетных типах Римского государства. Здесь и передача в руки римлян их заклятого врага Югурты (царя североафриканской страны Нумидии), и плачущая под пальмой женщина — олицетворение покорённой Иудеи, и пленники-германцы, и груды захваченного у врагов оружия, и римский император над поверженным им противником-персом, и делающая надпись на щите Виктория (тождественная греческой Нике богиня победы).

Со времени установления принципата Августа (29 г. до н. э.) в монетной типологии главное место отводится персоне правящего императора

ЗНАКИ ЗОДИАКА НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИНДИЙСКИХ МОНЕТАХ

Даже среди учёных-востоковедов до сих пор распространено мнение, что в мусульманской культуре изображения людей и животных были запрещены как нечто греховное. Хотя это суждение и опирается на подлинные высказывания некоторых видных исламских богословов Средневековья, факты говорят о терпимости последователей учения пророка Мухаммеда (около 570—632) к такого рода сюжетам. Более того, в светском придворном искусстве и повседневном обиходе исламских стран изображения живых существ всегда были популярны. Человеческие головы и целые фигуры, звери и птицы часто встречаются на страницах рукописных книг, ювелирных изделиях, расписных тканях, парадной и повседневной посуде, оружии и предметах воинской экипировки. Не являются они редкостью и на монетах мусульманских государств начиная уже с VII в. Их не трудно обнаружить, например, на монетах Арабского халифата VII—XI вв., тюркской династии Сельджукидов и её вассалов в Малой Азии XI—XIII вв., ханов Золотой Орды конца XIII—XIV вв., шахов Персии XVII—XIX вв. Не чуждо этому кругу сюжетов и монетное дело мусульманской Индии. Весьма любопытна в этом отношении целая серия золотых мохаров со знаками зодиака. Эти монеты чеканились с 1618 по 1622 г. индийским императором Джахангиром (1605—1627 гг.) из династии Великих Моголов, как гласит предание, для его любимой жены Нур Джахан. На них изображены все двенадцать фигур, символизирующих зодиакальные созвездия.

МОНЕТНАЯ РЕФОРМА, ОПЛАЧЕННАЯ СОБСТВЕННОЙ ГОЛОВОЙ

Уже шестнадцатый год шла Северная война (1700—1721 гг.), в которой против Швеции, установившей ранее свою гегемонию на Балтике, выступила Россия с несколькими союзниками — Данией, Пруссией, Саксонией и Польшей. Одерживая поначалу крупные победы, армия шведского короля Карла XII (см. статью «Карл XII Шведский») позже стала терпеть жестокие поражения от русских войск. Для срочной оплаты всё возраставших военных расходов новый министр финансов Швеции барон Георг-Генрих фон Гёрц, вскоре ставший первым министром королевства, предложил осуществить радикальную денежную реформу. Вместо полноценного серебряного далера в 1715 г. в обращение были пущены небольшие медные монеты той же номинальной стоимости, чеканившиеся вплоть до 1719 г. Их общее количество перевалило далеко за 10 млн штук. Примечательны типы этих «нотдалеров» (от слова «нот» — «бедственное положение», «нужда»). Только самый первый их тип несёт изображение королевской короны. На остальных девяти — номинал на аверсе и античные боги на реверсе (Юпитер, Марс, Меркурий, Сатурн и др.). Выпуск таких монет с принудительным, очень высоким курсом позволил властям обеспечить кратковременную мобилизацию дополнительных денежных ресурсов. Но это ненадолго отсрочило финансовый крах и полное поражение Швеции в войне. Инициатор же реформы Гёрц заплатил за столь смелый эксперимент собственной головой: он без всяких оснований был обвинён в измене и растрате казённых денег, осуждён и казнён.

и членам его семьи. Их портреты — самый частый нумизматический сюжет той эпохи.

С принятием христианства монетная типология включает в себя элементы новой религиозной символики.

После падения Западной Римской империи в 476 г. н. э. прежняя типологическая традиция ещё долго сохранялась в Византии. Была она унаследована и «варварскими» государствами, возникающими на бывших римских землях Западной Европы. В Средние века в европейских странах на монетах помимо портрета правителя (чаще всего весьма условного) появляются изображения Христа, Богоматери и христианских святых. Постепенно начинают использоваться геральдические фигуры. А со временем родовой или государственный герб становится одним из самых частых элементов монетных типов и остаётся таковым до сих пор.

Иными путями шло развитие типологии монет на Востоке. По китайскому образцу оформлялись до XIX столетия литые металлические деньги в Корее, Японии, Вьетнаме и некоторых других странах Юго-Восточной Азии. В исламском мире денежное обращение началось с усвоения старых античных традиций, сохранённых Византией. Характерно, что названия золотых, серебряных и медных монет заимствованы в раннемусульманское время из греко-римской терминологии: «динар» — от латинского «денариус»; «дирхем» (в Индии «драмма») — от греческого «драхме»; «фельс» или «фулюс» (в тюркских языках — «пул») — от латинского «фоллис».

Европейские серебряные монеты талеры. XVII в.

Золотые дукаты. Венеция. Конец XIII — начало XIV в.

Хотя на монетах исламских стран встречаются изображения животных, реже — человека, в целом, безусловно, преобладает орнаментально-каллиграфический принцип. Надписи всегда несут основную смысловую нагрузку. Содержание их, как правило, сходно: символ веры («Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммед — пророк Аллаха», к чему последователи шиитского направления в исламе добавляют ещё слова: «Али — наместник Аллаха»), известные цитаты из Корана, перечисление имён первых четырёх («праведных») халифов или двенадцати имамов (признаваемых шиитами), номинал монеты, место и дата чеканки, имя и титул правителя (иногда двух или даже трёх лиц, стоящих на разных ступенях единой иерархической лестницы, например халифа, султана и эмира). Иногда арабографические монетные надписи (так называемые легенды) встречаются даже в стихотворной форме.

Таким образом, мусульманские монеты — чрезвычайно важный источник по истории Востока эпохи Средневековья. В XX в. металлические денежные знаки большинства исламских государств по своему внешнему виду приближаются к европейским, которые ещё раньше были приняты за образец при налаживании монетной чеканки в странах Нового Света.

ОТКРЫТИЕ НОВОГО СВЕТА

ФЕРДИНАНД И ИЗАБЕЛЛА

«Европа — прекрасное лицо мира: в Испании важное, в Англии смазливое, во Франции игривое, в Италии рассудительное, в Германии румяное...» Эти слова принадлежат испанскому писателю Бальтасару Грасиану, жившему в XVII в. Однако они справедливы и сегодня, а тем более были верны в конце XV столетия — тогда, когда чело Испании обрело эту многозначительную важность.

В то время перед Испанией стояли сложнейшие задачи политического и военного характера: объединить страну, разделённую на несколько королевств, изгнать арабов с Пиренейского полуострова. Задачи эти были успешно решены. Благодаря этому, а также ошеломляющим результатам путешествий Христофора Колумба — завоеванию и колонизации Нового Света — Испания получила право гордиться собой. У истоков этих свершений стояла царственная чета — Изабелла и Фердинанд.

Изабелла (1451—1504), дочь короля Кастилии Хуана II, как это нередко случалось в среде венценосных особ Европы, предназначалась в жёны португальскому монарху Альфонсу V (1438—1481 гг.). Были и другие претенденты на её руку и сердце, но... 18-летняя принцесса бросила дерзкий вызов традициям и придворному этикету. Немногие рыцарские романы той эпохи могли бы сравниться по остроте и непредсказуемости сюжета с историей её замужества.

Иногда говорят, что мужчина ищет счастья, а женщина его ждёт. Изабелле претила роль принцессы на выданье, покорно собирающейся в королевские покои Лиссабона... Любовь, побег, тайные переговоры с архиепископом Каррильо — и вот 19 октября 1469 г. она связала себя брачными узами со своим племянником, 17-летним наследником арагонского престола Фердинандом (1452—1516).

Стройная, красивая девушка с живым взглядом чарующих глаз, похожих на андалузские виноградины, и золотистыми волосами оказалась не только хорошей женой, но и мудрым государст-

Статуя Фердинанда Арагонского.

Статуя Изабеллы Кастильской.

венным деятелем. Избранник её сердца во многом являл собой полную противоположность ей: среднего роста, с грубыми чертами лица, не очень требовательный к одежде. Как писал один из современников Фердинанда, «в его облике было что-то солдатское». Этот не слишком привлекательный портрет дополняли присущие ему хитрость и скупость.

Поступок Изабеллы возмутил правившего в то время в Кастилии её брата Энрике IV, который за самовольство лишил её права престолонаследования. Однако обаяние юной принцессы было столь велико, что на другой же день после кончины короля (11 декабря 1474 г.) кастильская корона перешла к Изабелле. С начала 1475 г. она стала править вместе с мужем. Оба имели абсолютно равные права и возможности для управления страной и вошли в историю под именем католических королей Изабеллы I и Фердинанда II Арагонского и V Кастильского.

Энергичная королева вникала буквально во всё: реорганизовывала армию, укрепляла государственный аппарат, решительно пресекала стремление отдельных территорий к сепаратизму и, более того, то убеждением, то силой оружия склоняла соседей к союзу с Кастилией и Арагоном, королём которого Фердинанд стал в 1479 г. К концу 80-х гг. им удалось объединить всю Испанию, за исключением Гранады.

Почти восемь веков испанской истории (VIII—XV вв.) были связаны с борьбой за освобождение Пиренейского полуострова от арабских завоевателей. К концу XV столетия они сохранили власть только над сказочно прекрасной Гранадой.

У мавров был особый, ни с чем не сравнимый культ города. Утончённый вкус в сочетании с поразительной роскошью и расточительностью создали блестящие образцы садово-парковой культуры и декора дворцов. Поистине безутешным было горе молодого эмира Гранады Абу Абдаллы Мохаммеда Боабдила, вынужденного поспешно бежать в начале 1492 г. из своего неповторимого дворца Альгамбра. Его мать с укором бросила ему: «Оплакивай, как женщина, то, что ты не смог защитить как мужчина». «Оплакивай, как женщина...»? Но ведь именно женщина заставила его выбросить белый флаг. Бегство эмира и освобождение Гранады — итог более чем десятилетней борьбы испанцев, и все эти годы Изабелла была в центре событий и во многом определяла их ход. Было бы несправедливым не отдать должное и Фердинанду, руководившему рядом военных операций.

Несмотря на сложность внутриполитических проблем, короли уделяли внимание национальной культуре. Королева скорее по велению сердца, нежели в силу своего высокого положения, стала покровительницей искусств, помогала университетам, талантливым писателям и учёным. Благодаря её заботам взошла звезда выдающегося филолога Элио Антонио де Небрихи, профессора университетов Севильи, Алькалы и Саламанки, автора знаменитых книг «Латинская грамматика»

Неизвестный художник.
Фердинанд и Изабелла.
Гранада.

и «Кастильская грамматика». Выход последней в 1492 г. оказался особенно своевременным: страна освобождалась от арабского влияния не только на политическую, но и на духовную жизнь. Государственная мудрость Изабеллы сказалась и в том, что в отличие от монархов Португалии, Англии и Франции она поняла перспективность проектов Христофора Колумба (см. ст. «Христофор Колумб»).

Однако не всё, что делалось католическими королями, благоприятствовало развитию Испании. В 1478 г. был создан трибунал инквизиции, в 1492 г. из страны изгнали евреев (см. ст. «Инквизиция»). И хотя Фердинанд и Изабелла действовали якобы в интересах единой веры и единого государства, обе эти акции нанесли Испании огромный ущерб.

Разрешив многие внутренние проблемы, короли Испании стали существенно влиять и на общеевропейские, тем более что открытие Нового Света сделало Испанию одним из самых влиятельных государств Европы. Международные отношения находились преимущественно в ведении Фердинанда, хотя мнение и советы Изабеллы порой имели решающее значение.

В 1492 г. короли перенесли свою резиденцию в Барселону. С этого времени Изабелла существенно ограничила круг решаемых ею государственных проблем. Началась тяжёлая полоса в её личной жизни. Умирает сын Хуан, затем — дочь Изабелла, а вскоре и внук Мигель, прогрессируют психические расстройства у наследницы трона, дочери Хуаны. Эти потрясения не проходят бесследно: здоровье Изабеллы слабеет. Она постепенно угасает, может быть, ещё и от того, что сидящий рядом на троне некогда пылко влюблённый в неё и любимый ею мужчина теперь всё чаще и чаще добавляет в горькую чашу её теперешней жизни яд измены. 26 ноября 1504 г. королева простилась с жизнью, завещав похоронить её в Гранаде.

После этой утраты Фердинанд проживёт ещё 12 лет и по праву войдёт вместе со своей женой в число самых выдающихся королей Испании. За эти годы он успешно решит сложнейшие проблемы, связанные с завоевательными кампаниями в Новом Свете, ещё более укрепит позиции Испании в Европе, очень много сделает для придания стабильности недавно созданному единому испанскому государству.

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Христофор Колумб... О жизни его сложено немало легенд, она полна неразрешимых загадок, в ней были, казалось бы, непреодолимые преграды и, конечно же, звёздные мгновения. Со страниц многочисленных биографий и научных исследований, написанных в разные века, он предстаёт то человеком, обласканным божественным озарением, то масштабно мыслящим учёным, то отчаянным авантюристом, то, наконец, простым смертным, отправившимся с тремя кораблями на поиски фортуны.

Неизвестный художник. Христофор Колумб.

Каким же был этот всемирно известный мореплаватель? До сих пор почти ничего не известно о его реальном облике; завесой тайны окутано детство Колумба. Долгое время биографы спорили о месте и времени его рождения; назывались несколько городов Италии и Испании и даты в диапазоне от 1436 до 1455 г. Только XX век, кажется, развеял сомнения на этот счёт.

Христофор Колумб родился в Генуе в конце октября 1451 г. в семье небогатого шерстобита. Неясным остаётся вопрос об его образовании. Одни исследователи полагают, что он обучался в городе Павия, другие считают его гениальным самоучкой. Утверждения о Колумбе-корсаре, бороздившем Средиземное море, лишены документальных свидетельств. Зато достоверно известно, что его представления о вероятности западного пути в Индию складывались в 70—80-е гг. XV в., когда он увлечённо занимался географией, изучал навигационные карты и, несмотря на тяжёлое материальное положение, возлагал надежды на осуществление путешествия.

Настоящим подарком судьбы для молодого Колумба стала его встреча в Португалии, где он жил в конце 70-х — начале 80-х гг., с Фелипой Монис (встречается и другое написание — Филиппа Мунис), дочерью португальского морского капитана. Они полюбили друг друга и вскоре поженились.

Атмосфера дома избранницы Христофора вполне соответствовала его устремлениям. Дневники, мореходные карты и впечатления тестя укрепляли Колумба в желании найти неведомый до сих пор путь в Индию. Чего стоили только рассказы друзей тестя о необычных находках в Атлантике, в районе Азорских островов! По свидетельствам этих старых морских волков, было найдено несколько кусков художественно обработанного дерева с рисунком, совершенно не похожим на европейские, азиатские и африканские орнаменты. Более того, на одном из Азорских островов были обнаружены тела двух людей, лица которых разительно отличались от лиц представителей известных европейцам народов.

Большое влияние на Колумба оказали и опубликованные в XV в. труды, затрагивавшие вопросы

географии и морских путешествий. Среди них книги итальянского гуманиста и поэта Энеа Сильвио Пикколомини (бывшего с 1458 по 1464 г. римским Папой Пием II), «Образ мира» Пьера де Айльи и, конечно же, путевые заметки Марко Поло. Множество замечаний на полях книг и сделанных выписок говорит о стремлении Колумба переосмыслить устоявшиеся представления, исходя из личных наблюдений и приобретённых знаний.

Идея проложить западный путь в Индию возникла ещё у античных мыслителей. Её разделяли Аристотель, Эратосфен, Протагор. В упомянутой книге де Айльи особенно поразили Колумба приведённые автором слова Аристотеля: «Протяжённость моря между крайней точкой Испании и территорией Индии невелика и может быть преодолена в течение нескольких дней». Ещё более поразительную догадку высказывал древнегреческий географ Эратосфен, автор многотомной «Географии»: если держаться одной и той же широты, то можно с Пиренейского полуострова попасть в Индию, и по пути могут встретиться два или более обитаемых материка. Взгляды эти разделял и современник Колумба флорентиец Паоло Тосканелли, врач по профессии, увлекавшийся географией и морскими путешествиями и на этой ниве снискавший всеобщее признание. Колумб становился рабом своей идеи. К осуществлению такого плавания подталкивала и объективная экономическая потребность.

В XV в. традиционные торговые пути в Азию через Средиземное море блокировала могучая Османская империя. Европа оказалась отрезанной от пряностей, красильных веществ и благовоний Востока. Особенно ощутим был разрыв связей с Индией, откуда поставлялись пользовавшиеся большим спросом перец, имбирь, гвоздика, мускатный орех, корица, кардамон. Перец тогда являлся едва ли не самым главным товаром. В качестве средства платежа его использовали при покупке земель, при погашении долгов, нередко он фигурировал как приданое и мог служить ценным подарком для сановных особ самого высокого ранга. Это был своеобразный эквивалент денег, каким, например, долгое время был в Монголии чай, в Абиссинии — соль, в Судане — рыба, в Сиаме — раковины, в Мексике — какао. Восток для Европы — это и шёлковые, и хлопчатобумажные ткани, и ковры, и предметы роскоши. Одним словом, поиск новых путей в Индию стал необходимостью для европейцев.

Вызревавший много лет проект нуждался в средствах для его осуществления. Вряд ли Колумб предполагал в начале 80-х гг., что его одиссея по королевским дворам Европы окажется столь продолжительной и малоэффективной. Король Португалии Жоан усомнился в доводах мореплавателя, просившего корабли для открытия пути к острову Сипанго (Япония) и предполагавшего плыть туда по «морю мрака» (Атлантический океан) в западном направлении. Тем не менее Жоан поручил «экспертам», епископу и двум космографам, проверить доводы Колумба. Вывод комиссии был удручающим: в основе проекта лежит чистая фантазия... Не увенчалась успехом и поездка брата Колумба Бартоломе с той же целью в Англию.

Испания также долгое время оставалась глуха к предложениям Христофора Колумба. Впрочем, и здесь не обошлось без придирчивого анализа. Вердикт мудрецов соответствовал духу времени. Они отвергли доводы Колумба, ссылаясь на Евангелие, а также на послания и сочинения Святого Августина, Святого Григория, Святого Амвросия и др. Географические доводы, по их мнению, также противоречили разуму: ведь «шарообразная форма Земли образовала бы перед ним (кораблём) как бы громадную гору, через которую он не смог бы переплыть даже при самом попутном ветре».

Легко представить состояние Колумба. Под угрозой оказались не только многолетние надежды, но и жизнь: при недремлющей инквизиции он мог прослыть еретиком со всеми вытекающими

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ВСТРЕЧИ С АБОРИГЕНАМИ
(из дневника первого путешествия Колумба)

12 октября 1492 г. после встречи с индейцами острова Гуанахани Колумб записал: «Поскольку они держали себя дружественно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратить их в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал им красные колпаки и стеклянные чётки, что вешают на шею, и много других малоценных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они вплавь переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев, и хлопковую пряжу в мотках, и дротики, и много других вещей и обменивали всё это на другие предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные чётки и погремушки. С большой охотой отдавали они всё, чем владели.

Но мне казалось, что эти люди бедны и нуждаются во всём. Все они ходят нагие, в чём мать родила, и женщины тоже, хотя я видел только одну из них, да и та была ещё девочкой. И все люди, которых я видел, были ещё молоды, никто из них не имел более 30 лет, и сложены они были хорошо, и тела у них были очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие... Некоторые разрисовывают себя чёрной краской (а кожа у них такого цвета, как у жителей Канарских островов, которые не черны и не белы), другие красной краской; иные тем, что попадётся под руку, и одни из них разрисовывают лицо, другие же всё тело, а есть такие, у которых разрисованы только глаза или нос. Они не носят и не знают железного оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведенью обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа. Некоторые дротики имеют на конце рыбьи зубы, у других же наконечники из иного материала...

Они должны быть хорошими, и толковыми, и сметливыми слугами — я заметил, что они очень быстро научились повторять то, что им говорилось, и я полагаю, что они легко станут христианами, так как мне показалось, что нет у них никаких верований. И, с Божьей помощью, я привезу отсюда для ваших высочеств шесть человек, которых возьму при отправлении в обратный путь, чтобы научились они говорить по-испански. Тварей никаких, кроме попугаев, я на острове не видел».

отсюда трагическими последствиями... И всё-таки Колумб продолжал верить в свою звезду. Глубокая набожность, видимо, стала причиной того, что однажды он услышал во сне слова: «Бог желает, чтобы имя твоё прославилось на всей Земле, и хочет дать тебе ключи от ворот океана, которые теперь заперты тяжёлыми цепями».

Наступил счастливый для Испании 1492 год: кончилось восьмивековое господство мавров. В начале года Колумб получил аудиенцию у королевы Изабеллы. Она рассуждала просто: если затея с плаванием окажется безрезультатной, то корона потеряет лишь затраченные средства на экспедицию, но если Колумб окажется прав...

17 апреля 1492 г. одобренный королевой Изабеллой и королём Фердинандом договор был подписан Колумбом и секретарём королевского дворца Хуаном де Коломой. Документ гласил, что в случае неудачи мореплаватель не получит никаких вознаграждений, успех же превознесёт его. Колумба назначили бы вице-королём «всех островов и материков, которые он лично и благодаря своему искусству откроет или приобретёт в этих морях-океанах». Он получил бы звание адмирала и десятую часть со всех товаров, «которые будут куплены, обменены, найдены или приобретены». Принимая на себя восьмую часть расходов по снаряжению кораблей, он обладал бы затем восьмой частью вырученной прибыли. В довершение всего Колумб и его наследники были бы возведены в дворянское достоинство.

Одобрение королевской четой проекта Колумба вовсе не убирало все препятствия с его пути к неведомым землям. Когда были урегулированы финансовые вопросы, найдены три небольших судна, вдруг оказалось, что простые моряки также не верят Колумбу и считают его человеком не от мира сего. Тогда ему удалось получить от властей разрешение использовать для комплектования экипажей заключённых на оговорённых условиях. Однако такой выход из положения пришёлся не по душе трём братьям Пинсонам, решившим принять участие в плавании Колумба. Старший из них, Мартин Алонсо, считался лучшим морским капитаном Испании. Моряки и корабелы, Пинсоны сумели сколотить экипажи из бывалых, опытных матросов, и на рассвете 3 августа 1492 г. корабли взяли курс на Канарские острова. По разным оценкам, экспедиция насчитывала от 90 до 120 человек.

Традиционно все три судна первой экспедиции называют каравеллами. Однако если придерживаться принципов классификации морских судов того времени, то каравеллами были только «Нинья» и «Пинта», водоизмещение которых не превышало 100 т. Более крупная «Санта-Мария» и самим мореплавателем, и многими хронистами именовалась «нао».

Предусмотрительный Колумб, считая, что длительная оторванность от родины может надломить людей, вёл в плавании два бортовых журнала. В выставлявшемся для всеобщего обозрения он записывал несколько «приукрашенные» данные, а в секретный вносил точные сведения. Предчувствие его не обмануло: экспедиции пришлось пережить несколько критических моментов. Так, 16 сентября, когда суда находились в Саргассовом море, наступил длительный штиль. Наименее стойкие пали духом, решив, что здесь вообще не дует ветер и теперь им никогда не добраться до Испании. У Колумба хватило выдержки переубедить соотечественников. Он использовал только два аргумента, но зато какие — Божью помощь и будущие несметные богатства. Сам Колумб отнюдь не был бессребреником, жажда обогащения переполняла и его. «Золото восхитительно, оно создаёт сокровища и распространяет свою власть даже на чистилище, освобождая из него души» — это его слова. Впрочем, вряд ли стоит упрекать его за них, если вспомнить, что нищета была постоянным спутником мореплавателя, особенно в течение 20 лет, предшествующих экспедиции.

ПОЧЕМУ НОВЫЙ СВЕТ НАЗВАЛИ АМЕРИКОЙ

Человек, в честь которого ныне называется Америка, — Америго Веспуччи — родился в 1454 г. во Флоренции. Америко, Эмериго — это тоже он; такие написания его имени встречаются в архивных материалах.

Он принадлежал к одной из знатных семей города, глава которой был нотариусом. Америго получил хорошее образование. В 1492 г. он поселился в Севилье, став служащим Хуаното Берарди, финансировавшего наряду с другими первые два путешествия Колумба. В 1505 г. Веспуччи принял испанское подданство.

В атмосфере тех лет всеобщий порыв к путешествиям в Индию не мог не захватить флорентийца, изучавшего в юности астрономию, географию, интересовавшегося мореплаванием. Он посетил Новый Свет.

Славу ему принесли два его письма, написанные в 1503 и 1504 гг. Первое было адресовано Пьеро де Медичи, другое — Пьетро Содерини. Оригиналы писем утеряны, но сохранились копии. Первое письмо, о путешествии 1501 г., под названием «Mundus Novus» («Новый Свет») было опубликовано в 1504 г., второе — о всех четырёх экспедициях Колумба — увидело свет в 1505 г. во Флоренции. Так просвещённая Европа впервые узнала о существовании Нового Света и о том, кто является первооткрывателем Южной Америки.

Широкая известность Веспуччи была причиной того, что его имя начало ассоциироваться с Новым Светом, и этот континент стал называться Америкой. Справедливости ради следует сказать, что Веспуччи не принимал участия в увековечивании своего имени и не подозревал об этом до самой смерти.

Некоторые исследователи считают, что упомянутые письма подготовлены противниками Колумба. Однако в любом случае они остаются первыми откликами европейца на неожиданное прозрение: мир увеличился на целое полушарие. Кроме того, эти литературно-исторические памятники по изяществу стиля превосходят образцы эпистолярного наследия Колумба.

Веспуччи жаловался в первом письме на непостоянство фортуны: «Как она меняет свои бренные и преходящие милости, как может иногда вознести человека на вершину своего колеса, а в другое время сбросить его». По отношению к нему судьба оказалась весьма благосклонной. Как заметил Виктор Гюго, «есть несчастные люди: Христофор Колумб не может написать своего имени на своём открытии; Гильотен не может смыть своего имени со своего изобретения».

12 октября 1492 г. с каравеллы «Пинта» послышался выстрел: матрос Родриго де Триан увидел долгожданную землю. Христофор Колумб вступил на берег небольшого острова, который местные жители называли Гуанахани. Он упал на колени, заплакал, поцеловал землю, развернул королевский штандарт и, подняв глаза к небу, трижды произнёс имена католических королей Изабеллы и Фердинанда. Писарь Родриго де Эскобедо составил акт. Отныне и море с удивительными кораллами, и песок, и скалы, и пальмы, и попугаи, и эти бронзовые люди, ещё не знавшие ни одежды, ни денег и с удивлением наблюдавшие за ритуалом «открытия» Западного полушария, — отныне всё вокруг будет принадлежать испанской короне. Испанцы назвали этот остров Сан-Сальвадор. Во время первого путешествия Колумб открыл также Гаити и Кубу. Он был уверен, что эти острова — настоящая Индия, из числа тех легендарных 7777 островов, которые Марко Поло отнёс к восточной части Азиатского континента. А потому жителей их, вторя Колумбу, с тех пор стали называть индейцами.

Возвращение экспедиции было триумфальным. 15 марта 1493 г. её встречал порт Палос. Затем Колумб направился в Барселону, где в это время находились Изабелла и Фердинанд. Воистину прав Вольтер: «Мгновения счастья дороже тысячи лет известности». Празднества, посвящённые открытию Нового Света, затмили всё.

В местном соборе монархи велели поставить трон под балдахином из парчи, вытканной золотом. При приближении Колумба Изабелла и Фердинанд встали и не позволили ему опуститься на колени для традиционного целования рук, более того, посадили с собой рядом. Их вопросам не было конца, и стало очевидно, что это путешествие к берегам Нового Света не может быть последним.

Расходы на экспедиции составляли, по оценкам современников, от 1 млн 140 тыс. до 2 млн мараведи (золотые монеты). Доходы же превзошли эту сумму примерно в 170 раз. Упоминание о том, что королева заложила драгоценности ради снаряжения кораблей, — не более чем красивая легенда...

Состоялись ещё три экспедиции (сентябрь 1493 — июнь 1496 гг.; май 1498 — октябрь 1500 гг.; май 1502 — ноябрь 1504 гг.). Были открыты Центральная Америка и северное побережье Южной Америки. Все эти годы Колумбу пришлось проявить себя в разных ипостасях: он

Корабль Колумба.

был и учёным, и мореплавателем, и завоевателем, а в отдельные периоды и правителем Эспаньолы (Гаити).

Самой драматичной для адмирала стала третья экспедиция, из которой он возвратился в Испанию закованным в цепи. У Колумба оказалось слишком много врагов среди завистливой испанской знати, не прощавшей талантливому и упорному вчерашнему бедняку вознесения на Олимп славы. К счастью, королева вновь оказалась выше предрассудков и дворцовых интриг. Она приказала заменить кандалы дорогими одеждами и направила часть своей личной охраны в почётный караул Колумба. Однако мучительная боль от нанесённого оскорбления не притупилась до последнего вздоха адмирала. По словам его сына Фердинанда, эти цепи постоянно лежали на письменном столе отца, пожелавшего быть погребённым вместе с ними.

20 мая 1506 г. Колумб произнёс свои последние слова: «В твои руки, Господь, я вручаю мой дух». Беспокойная судьба ожидала и его останки. Похоронили Колумба в Севилье, но затем во исполнение его воли останки были перезахоронены на Эспаньоле. В 1795 г. остров стал французской колонией, и прах Колумба оказался на Кубе, а в 1877 г. — опять в Севилье, где и покоится до сих пор.

Он ушёл, а человечество начало бесконечный спор о том, было ли открытие Америки открытием, а если да, то в чём его значение. Не исключено, что другие мореплаватели и до Колумба достигали берегов Америки. Одному из них время воздало должное. Благодаря исландским сагам стало известно имя викинга Лейва Счастливого, сына Эрика Рыжего, который около 1000 г. подплыл к берегам Ньюфаундленда.

Однако ни плавание Лейва Счастливого, ни другие высадки на берегах Нового Света не были «замечены» историей, ни одно из них не стало событием всемирного значения, не расширило интеллектуальные горизонты человека, не способствовало активному познанию многочисленных тайн Земли. К установлению между Восточным и Западным полушариями постоянных экономических, политических и культурных связей привели четыре путешествия Христофора Колумба. Это было, можно сказать, взаимным открытием Европы и Америки.

КОНКИСТАДОРЫ

Открытие Нового Света повлекло за собой конкисту (по-испански conquista — «завоевание»), названную перуанским исследователем Марьятеги «последним крестовым походом». Крест и меч стали символами конкисты, а жестокость, жадность, ханжество и лицемерие — неотъемлемыми чертами большинства завоевателей. Конкиста положила начало разрушению уникальных культур американских индейцев, неповторимых цивилизаций инков, майя, ацтеков, чибча-муисков. В конце XV в. миражи заокеанских богатств пленили воображение тысяч испанцев, устремившихся по проторённой Колумбом дороге. Кто они?

После изгнания мавров с Пиренейского полуострова остались не у дел те, для кого военные доспехи служили основным источником существования. Но открылась вдруг сказочная перспектива: за океаном оказался «беспризорным» неведомый в Европе мир. И потянулись в Новый Свет вчерашние солдаты, монахи, разорившиеся идальго. От инквизиции бежали за Атлантику те, кто не мог смириться с религиозным гнётом; нищета гнала туда тех, кто только там надеялся на благосклонность фортуны. Надежды и слухи порождали всё новые и новые легенды: и о стране амазонок, и о неповторимых городах, где дома из чистого серебра, и об источнике вечной молодости, и, конечно же, об Эльдорадо — крае несметных сокровищ и «позолоченных» людей.

«Золото» — вот магическое слово, которое заставило испанских королей в сравнительно короткий исторический срок покорить отдалённый на

ОТКРЫТИЕ ТИХОГО ОКЕАНА

25 сентября 1513 г. отряд испанцев из 67 человек подошёл к тому месту Панамского перешейка, откуда, поднявшись на гору, можно было, по словам индейцев, увидеть «необъятное море». Подъём начали все вместе, однако недалеко от вершины предводитель конкистадоров Васко Нуньес де Бальбоа дал команду остановиться. От вершины и всемирной славы первооткрывателя Тихого океана его отделяли несколько десятков метров.

Достигнув пика, он увидел фантастическую панораму. Казалось, за этой горой лежит последняя полоска земли, а далее — беспредельная водная стихия, уходящие в бесконечность волны. Сердце рвалось из груди конкистадора. Потрясённый увиденным, он упал на колени и, воздев руки к небу, горячо благодарил его за подаренную радость открытия.

Завоеватели водрузили массивный деревянный крест, и священник Андрес де Вера отслужил мессу. В довершение всего был составлен документ об открытии Южного моря, как назвал его Нуньес де Бальбоа, с упоминанием имён всех 67 участников события.

Через четыре дня они подошли к заливу, получившему название Сан-Мигель, где Нуньес де Бальбоа, зайдя по колени в воду, обнажил шпагу и произнёс: «Да здравствуют великие и могущественные короли — дон Фернандо и донья Иохана, от имени которых и для королевской короны Кастилии я вступаю во владение этими морями, и землями, и берегами, и портами, и островами...».

Вместе с ним вошли в воду ещё 27 человек и попробовали, действительно ли здесь солёная вода. Великий океан, наречённый через шесть лет Фернандо Магелланом Тихим, перестал быть тайной для европейцев.

тысячи километров огромный континент с населением, значительно превышающим население Испании. Характеризуя новых «крестоносцев», современник событий испанский гуманист Бартоломе де Лас Касас писал: «Они шли с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце».

Эту беспрецедентную кампанию характеризовали три главные составляющие: территориальная экспансия, дух наживы и миссионерско-просветительские мотивы, связанные с обращением аборигенов в христианство. Специфическую, важную роль играли в конкисте так называемые «аделантадо». Этот титул король давал тем, кто, организовав за свой счёт или с чьей-нибудь помощью вооружённую экспедицию, во главе её отправлялся в Новый Свет для завоевания территорий, которыми и должен был в дальнейшем управлять от имени короля.

Государственная же казна использовалась только для субсидирования путешествий Колумба, кругосветного плавания Магеллана и экспедиций Педрариаса Давилы в Центральную Америку. Королевскими седулами (указами) определялся минимальный состав завоевательной экспедиции — 320 человек: 100 пехотинцев, 40 рыцарей, 50 земледельцев, 30 моряков, 20 мойщиков золота, 20 офицеров, 30 женщин и т. д. Наибольшие трудности были с вербовкой женщин: их обычно не удавалось набрать в нужном количестве.

Оценки конкистадоров историками весьма различны, но неизменно они выводятся из их алчности, тщеславия, неукротимой ярости и отчаянной смелости. Это, как правило, плохие политики и неудавшиеся администраторы, люди, которые, по выражению французского поэта Жозе Мариа де Эредиа, «устав дырявые донашивать кафтаны... плыли покорить тот сказочный металл».

Первыми удар европейцев испытали на себе аборигены островов Карибского моря. Колумб фактически завоевал Эспаньолу и Ямайку (см. ст. «Христофор Колумб»). Затем наступила очередь Пуэрто-Рико и Кубы. В дальнейшем острова стали постоянной базой испанской конкисты; с них направлялись завоевательные экспедиции в различные регионы Западного полушария.

Земли Карибского бассейна оказались небогаты драгоценными металлами, а золотая лихорадка будоражила воображение конкистадоров и гнала их на поиски сокровищ в неведомых ранее широтах. Покорение Мексики с её огромными богатствами стало решающим импульсом для дальнейшего развития завоевательной кампании. Появился и своеобразный эталон конкистадора — Эрнан Кортес (1485—1547).

Состоятельные родители определили 14-летнего Эрнана в самый знаменитый испанский университет в городе Саламанке. Однако юриспруденция наскучила ему через два года. Вся Испания бредила таинственными Индиями, найденными Колумбом, и страсть к приключениям взяла верх. В 1504 г. он прибыл на остров Эспаньола, где и началась его головокружительная карьера.

ЧЕТВЕРТОВАННЫЙ КОНКИСТАДОР

В 1540 г. Педро де Вальдивия начал покорение Чили, проявив беспримерную жестокость по отношению к аборигенам. По его приказу 400 индейцев лишили носов и рук. Их соплеменники при виде этих несчастных преисполнились ненависти к испанцам. В конце 1553 г. индейцам удалось захватить в плен Педро де Вальдивию и испанского священника Пасо.

...Напрасно раздетый донага Вальдивия умолял араукан пощадить его. Он обещал уничтожить основанные им города и крепости и, одарив аборигенов, покинуть Чили. Но зло порождает зло: победители не проявили великодушия.

Старейший касик Аремчеу поведал о том, что произошло 1 января 1554 г.: «Были различные мнения, одни предлагали убить, другие — оставить в живых, возобладало мнение Лаутаро, желавшего испить чичу из черепа пленника и сделать флейты из костей его ног. Говорят, что они очень подходили для этого. Итак, решили убить его, применив тяжелейшие пытки, наполнив его рот золотым порошком... И ему говорили, что коль ты такой друг золота, так утоли же свой аппетит и наполни брюхо тем, чего так тебе хотелось. Вместо золота, как об этом думают некоторые, ему, однако, наполнили рот землёй...».

На этом страдания Вальдивии не кончились. В ход были пущены ножи из раковин... Священник Пасо успел только поднятием руки благословить его и простить все грехи. Таким был трагический конец первого губернатора Чили, который своими действиями, по словам того же касика Аремчеу, «ожесточил чувства даже самых кротких и трусливых аборигенов».

Уже девять месяцев череп Вальдивии с хмельной влагой переходил от одного касика к другому, когда испанский король Карл V 29 сентября 1554 г. подписал указ, отмечавший заслуги конкистадора и заканчивавшийся словами: «Наше пожалование и воля состоят в том, чтобы отныне и впредь в течение всей Вашей жизни Вы были бы аделантадо (в данном случае — губернатором. — *Прим. ред.*) провинции Чили».

«Отныне и впредь...» В этих словах парадокс беспрецедентной по масштабам кампании завоевания и колонизации огромного континента на краю света.

Эрнан Кортес. Медаль, отчеканенная в 1529 г.

Биографы Кортеса не скупились на дифирамбы, утверждая, что он, подобно античным героям, был выкован из стали, называли его Цезарем с душой Вергилия. За каждым эпитетом скрывалась какая-то доля истины. Конечно, это была незаурядная личность: его не пугали ни безмерность океана, ни стрелы индейцев, ни многократное

численное превосходство противника. Тонкий психолог и умелый дипломат, Кортес обладал даром красноречия и изящным стилем письма. Всё это проявилось при покорении им империи ацтеков, о чём он поведал в своих знаменитых посланиях испанскому королю Карлу V. Пять писем конкистадора, скорее напоминающих многостраничные трактаты, стали ценным источником для исследователей завоевания Мексики.

10 февраля 1519 г. флотилия из 11 судов с 508 солдатами на борту, покинув Кубу, взяла курс на Юкатан. Вооружение экспедиции, состоявшее из ружей, аркебуз, арбалетов и бронзовых пушек, дополняли 16 лошадей, неожиданно сыгравших в покорении Америки весьма заметную роль. Никогда не видевшие их индейцы были в ужасе от быстроты и мощи фантастических существ. Воевали индейцы с помощью луков, стрел, очень длинных копий с бронзовым или медным наконечником, деревянных палиц.

Высадившись 4 марта в районе Табаско, испанцы уверенно продвигались в глубь мексиканской территории. Однако неожиданно угроза стала исходить не от ацтеков, а от части взбунтовавшихся соотечественников. Восставшие попытались захватить одно из судов и возвратиться на Кубу. И тут обнаружился жёсткий нрав Кортеса: два фрондёра-предводителя были повешены, одному отрубили ногу, а все остальные получили по 200 розог. Следующий шаг Кортеса даже его друзьям показался граничащим с безумием. Послав одно из судов в Испанию, чтобы заручиться поддержкой Карла V, он приказал потопить все остальные. Теперь и храбрецы, и трусы оказались отрезанными от Кубы и обречёнными на верность Кортесу.

Приходится только удивляться чувству реальности, проявленному Кортесом в эти годы. Он отчётливо представлял себе, сколь смехотворны будут его усилия силой оружия и «мощью» войска из пятисот с небольшим человек покорить огромную страну. Правда, он не имел ещё о ней полного представления, но по сведениям, полученным от индеанки Марины, ставшей его женой, и некоторых касиков (вождей) местных племён, уже знал, что масштабы и богатства страны впечатляющи.

Кортес избирает тактику привлечения на свою сторону вождей племён. Она оказалась весьма эффективной. Ещё не вполне сложившаяся империя ацтеков держалась на силе, внутренние

Период захвата европейцами новых земель в Новом Свете.

противоречия в ней были обострены, а император Монтесума у многих племён был непопулярен. Вскоре семпоальтеки и тотонаки выразили готовность сотрудничать с завоевателями.

Испанцы назвали Мексику Новой Испанией. Продвигаясь в направлении её столицы — города Теночтитлана, Кортес, дипломат и стратег, прибегал к нетипичному для других известных конкистадоров приёму. Он направлял своих послов к касикам, чтобы получить разрешение на марш его отряда по принадлежащим им территориям. Не все вожди позволяли это и, когда испанцы пренебрегали их отказом, мужественно защищали свою землю. Однако раздробленность индейцев, эффект огнестрельного оружия и настоящий фурор, произведённый лошадьми, склоняли чашу весов на сторону захватчиков.

Успешному продвижению армии Кортеса — а после пополнения аборигенами это уже была действительно армия — в решающей степени способствовала ещё и легенда о великом Кетцалькоатле. Эта легенда гласит, что он прибыл на берега реки Пануко во главе белых людей в X в. В течение нескольких лет Кетцалькоатль обучал индейцев новым ремёслам, обработке земли и, будучи белым человеком, внушил любовь к себе подобным. Сложно пока отделить в этой легенде правду от вымысла, однако фольклор многих племён Южной Америки хранил предания о пришествии белых людей, обожествлял их. Неудивительно, что испанцев сначала никто не принял за поработителей. Более того, им оказывали радушный приём.

Конечно, не ко всем конкистадорам надо подходить с единой меркой. Индейцы нескольких поколений Коста-Рики лестно отзывались об Эрнане Санчесе де Бадахосе и Хуане Васкесе Коронадо, в основном доброжелательных по отношению к коренному населению. Правда, и за ними водились «неискупимые грехи»: первый приказал заживо сжечь женщину, а второй — четвертовать индейца. Но, видимо, эти случаи воспринимались индейцами как досадная случайность.

Прозрение наступило слишком поздно. За три года Кортес покорил почти всю Новую Испанию. Франсиско Писарро в течение примерно такого же срока в начале 30-х гг. XVI в. завоевал огромную империю инков, занимавшую территории современных Перу, Эквадора и Боливии. Ещё скоротечнее были осуществлявшиеся

Во время первого кругосветного плавания Магеллана в 1520 г. был открыт первый морской путь в Тихий океан.

ПЛЕНЕНИЕ МОНТЕСУМЫ

Эрнану Кортесу предстояло покорить огромную империю, в которой доминировали племена ацтеков во главе с Монтесумой. Многие другие племена, населявшие в то время территорию современной Мексики, были побеждены ацтеками, платили им дань, однако не смирились со своим униженным положением и постоянно стремились к избавлению от власти Монтесумы. Поэтому некоторые племена встали на сторону испанцев. На пути к столице ацтеков Теночтитлану Кортес дважды получал подарки от императора Монтесумы с неизменной вежливой просьбой: покинуть пределы его владений. Но конкистадоры неумолимо приближались к цели вместе с поддерживавшими их индейцами. Причём количество последних постоянно росло. Большинство вождей племён видели в Кортесе избавителя от владычества ацтеков и Монтесумы.

В городе Айотсинко Кортеса встретил один из знатнейших людей империи Какаматсин, племянник Монтесумы. Его мольбы сводились к тому, чтобы испанцы хотя бы не вступали в столицу. Но тщетно. Утром 8 ноября 1519 г. конкистадоры оказались у ворот Теночтитлана. Кортеса приветствовал сам Монтесума, которого несли на носилках, украшенных золотом и драгоценными камнями. Монарха окружала многочисленная свита. Одежда Монтесумы поразила европейцев своей роскошью. После того как Кортес спрыгнул с коня, Монтесума спустился на землю и пожал протянутую конкистадором руку.

Кортеса и его приближённых проводили в один из дворцов, ставший резиденцией нежданного, но тем не менее почётного гостя. Во второй половине дня он вновь встретился с Монтесумой, убеждённым в том, что белые пришельцы связаны родственными узами с Солнцем и спустились на землю, чтобы стать её повелителями. И опять император осыпал их сказочными подарками, не помышляя о сопротивлении.

Кортеса устраивало столь благоприятное начало «визита». Но, будучи «человеком с тысячью лиц», он был полон подозрений и в любой момент ожидал проявления коварства. На следующее утро во время предложенной Монтесумой прогулки по городу Кортес не столько любовался столицей ацтеков, сколько оценивал её основные стратегические пункты. Не тогда ли его осенило: захватить Монтесуму, сделать его пленником и потребовать всё, что душе угодно. И если он, Кортес, вдруг окажется побеждённым, жизнь царственного заложника станет гарантией собственного спасения.

Убедив себя в необходимости этого шага, предводитель конкистадоров лихорадочно искал предлога осуществить замысел. Случай представился спустя пять дней. Два верных ему тласкальтека прибыли из Веракруса с письмом. Прочитав его, Кортес пришёл в ярость: семпоальтеки отказались платить дань испанцам, а на попытку заставить их силой ответили сопротивлением. В стычке погиб капитан Хуан де Эскаланте. Взятого же в плен испанца индейцы обезглавили и послали голову Монтесуме в знак того, что и белые люди смертны.

Разгневанный Кортес в сопровождении пяти наиболее бравых приближённых прибыл во дворец и обвинил императора в лицемерии, предательстве и организации покушений на солдат испанского короля. Монтесума пытался разубедить Кортеса и даже приказал схватить несколько касиков (вождей), виновных в гибели испанцев, но тщетно. Кортес был неумолим и приказал взять императора под стражу.

Монтесума согласился с требованием Кортеса стать вассалом короля Испании и выплачивать дань. Началась эксплуатация, казалось, неисчерпаемой золотой жилы — богатств Мексики. Однако это не спасло жизнь Монтесумы. По одной версии, он был убит солдатами Кортеса, по другой — соотечественниками, возмущёнными предательством императора.

в 1523—1525 гг. кампании Педро де Альварадо, Педрариаса Давилы и Гонсало де Сандоваля в Центральной Америке, а также Гонсало Хименеса де Кесады на территории нынешней Колумбии в 1538 г.

Только племена арауканов, обитавшие на территории Чили, более трёх веков боролись против чужеземного нашествия и покорены были лишь в середине XIX в. В чём же причина? В Араукании потери испанцев в XVI в. оказались значительнее, чем во всех остальных регионах Нового Света вместе взятых.

На взгляд автора, объясняется это, как ни парадоксально, социально-экономической отсталостью арауканов по сравнению с развитыми цивилизациями майя, ацтеков, инков, чибча-муисков. Араукане не имели чётко выраженного имущественного расслоения, отсутствовала у них и частная собственность на землю. Материальные блага принадлежали общине и распределялись в соответствии с вкладом каждого в её жизнь. Вследствие этого отсутствовали и междуусобные войны, которыми столь успешно пользовались испанцы. И каждый индеец Араукании действительно защищал свой очаг, свою землю, свою свободу, пока ничем ещё не ущемлённую.

За пять веков написано много книг, затрагивающих проблемы конкисты. Известный испанский писатель XIX в. Мануэль Кинтана, говоря о конкистадорах, справедливо отмечал, что «их чрезмерная зависть, их безжалостная ярость, все эти преступления были на совести Времени, а не Испании». Знаменитый аргентинский мыслитель и политический деятель прошлого века Доминго Фаустино Сармьенто считал, что, когда конкистадор «направился в Америку, он ещё не покинул Средневековье».

Конкиста превратила Испанию в крупнейшую империю того времени, в пределах которой никогда не заходило Солнце. Для покорённых же народов последствия конкисты имели двоякое значение: с одной стороны, был нанесён огромный ущерб их уникальной культуре, с другой — положено начало процессу взаимообогащения цивилизаций Европы и Америки.

ВЕЛИКИЙ ИНКА — ПЛЕННИК БЫВШЕГО СВИНОПАСА

Историю конкисты отличали зачастую алогичность и парадоксальность. Опровергались устоявшиеся принципы военного искусства. Франсиско Писарро, покоряя в начале 30-х гг. XVI в. империю инков, вспоминал свои беседы с Эрнаном Кортесом: а не попытаться ли захватить Великого Инку Атауальпу так же, как был пленён Монтесума?

Разбив лагерь в городе Кахамарке, Писарро начал готовиться к появлению императора, пожелавшего посмотреть на белых пришельцев. Ожидая высокого гостя, он прежде всего позаботился

Эрнан Кортес въезжает в столицу ацтеков.

об оптимальном расположении своих сил. В центре главной городской площади, где предстояла церемония встречи, были установлены пушки, группа с аркебузами расположилась на высокой башне, три кавалерийских эскадрона возглавили самые способные и верные люди.

Атауальпа посчитал, что 5—6 тыс. воинов достаточно для надёжного обеспечения его безопасности. Можно ли усомниться в этом, превосходя испанцев численностью в 40 раз! Инка направлялся в Кахамарку для демонстрации своего величия. Его бесконечный обоз ослеплял своей роскошью и богатством; изумляли своей красотой и пышными нарядами молодые женщины, не умолкали многочисленные певцы, не жалели ног танцоры; среди них выделялись степенностью знатные особы. На специальном помосте восемь индейцев несли трон Атауальпы. Обладание одним только этим троном превратило бы в реальность самые неосуществимые мечты конкистадоров: так много в нём было золота, серебра, драгоценных камней. Украшавшие трон золотое Солнце и серебряная Луна подчёркивали, сколь высок и недосягаем для простых смертных его обладатель.

Атауальпе вышел навстречу священник Винсенте де Вальверде с крестом и Библией в руках. Через индейца-переводчика он поведал императору, что Иисус Христос, сын Бога, передал власть над землёй святому апостолу Павлу и его последователям Папам, а те в свою очередь поручили королю Испании Карлу V обратить народы Нового Света в христианскую веру.

Спокойно внимавший словам священника Атауальпа попросил Библию и сказал: «Мне эта книга ни о чём не говорит. Я не знаю Бога, создавшего землю и небо, и в то же время убеждён, что мир создал Пачакамак (древний бог индейцев кечуа, „творец" мира и света. — *Прим. ред.*) и что Солнце и Луна, которым мы поклоняемся, — бессмертны, а Иисус Христос, о котором ты говорил, умер. Я никогда ничего не слышал о вашем Папе, дарящем страны, не принадлежащие ему. Никто не имеет права обладать моим царством без моего ведома». После этих слов Инка бросил Библию на землю. Не на такую ли реакцию и была рассчитана операция? «Отомстим, христиане! Атакуйте еретиков, осквернивших Библию!» — закричал священник.

Загрохотали пушки и аркебузы. В разношёрстном и многолюдном окружении Инки воинам-индейцам, ошарашенным внезапным нападением, трудно было организовать сопротивление. Орущей, мечущейся в панике толпе кавалерия не оставляла никаких надежд. Писарро с группой солдат пробрался к трону Инки и захватил его в плен. Индейцы прекратили борьбу. Всего полчаса длился погром. На площади и вокруг неё, по словам Франсиско Хереса, личного секретаря Писарро, осталось 2000 трупов. Конкистадоры не понесли потерь вообще. Атауальпа, внешне оставаясь спокойным, изрёк: «Это обычное дело на войне: или побеждать, или быть побеждённым».

Мог ли бывший свинопас, так и не освоивший премудрости грамоты, предположить, что в его жизни будет такой триумф? Победители захватили богатейшие трофеи, но наиболее ценным оказался сам Инка. Писарро сузил границы владений императора до одной комнаты размером 22 фута в длину и 16 футов в ширину. Атауальпа обещал наполнить это помещение драгоценностями до высоты поднятой руки за своё освобождение. Испанец, естественно, ответил согласием.

Началась золотая лихорадка. По стенам в комнате Инки на условленном месте была проведена красная черта, и сотни гонцов направились во все концы империи. И богатства, создававшиеся многими поколениями людей, непрерывным потоком потекли в Кахамарку. Золото и серебро храмов Солнца и дворцов крупнейших городов — Куско, Уамачуко, Уайласа, Пуиту и Сиклапамы — приносились в жертву недальновидности Атауальпы.

Он не сомневался в скором освобождении и думал о будущем. А это будущее способен был перечеркнуть брат и законный наследник Уаскар, которого могли использовать в своих интересах испанцы. Через верных людей, бывших среди тех, кто приносил золото, Атауальпа приказал уничтожить Уаскара. И его утопили в реке Андамана, утопили, потому что, согласно поверью инков, только утопленник никогда не воскреснет.

Легковерный Атауальпа обретал спокойствие: основной соперник в борьбе за трон стал призраком, а у него впереди свобода — ведь он,

Неизвестный художник. Франсиско Писарро. Около 1530 г.

могущественный Инка, насыпал алчным испанцам драгоценностей до красной черты...

Что же представляли собой сокровища, полученные от Атауальпы, и каким образом конкистадоры поделили их между собой? Было собрано золота на сумму 15,5 млн золотых песо и 25 805 фунтов серебра. После того как пятая часть всех сокровищ была выделена королевской короне, остальное распределилось следующим образом: Писарро получил 57 222 золотых песо и 1175 фунтов серебра, а также золотой трон Инки, оценённый в 25 000 золотых песо. Его брату Эрнандо досталось 31 800 золотых песо и 1175 фунтов серебра, каждому кавалеристу соответственно 8880 и 181, а каждому пехотинцу — по 4440 и 90,5 фунтов серебра.

Став обладателем сказочных богатств, Писарро тем не менее не спешил предоставлять царственному пленнику обещанную свободу. Он понимал, что Атауальпа не остановится ни перед чем, желая отомстить за оскорбление, и тогда вряд ли удастся не только сохранить добытые трофеи, но и спасти жизнь. Чтобы не допустить этого, Писарро решил устроить суд над Инкой. Атауальпу обвинили в убийстве Уаскара, незаконном захвате престола, идолопоклонстве, многожёнстве, разворовывании казны и даже в подготовке антииспанского переворота. Приговор — сожжение заживо на костре — леденил Атауальпе душу. Страшна была не мучительная смерть — воин не боялся её. Инки верили в бессмертие по окончании земной жизни, но лишь в том случае, если тело усопшего будет забальзамировано.

Вот почему Атауальпу ужасала мысль о смерти. Незадолго до начала казни Вальверде ещё раз предложил императору принять христианскую веру. Инка наотрез отказался. И тогда священник предложил ему поменять костёр на петлю, но с условием обязательного крещения. Атауальпа согласился, получив в ходе церемонии имя Хуан. Затем под звуки религиозных псалмов, исполненных несколькими испанцами, оборвалась жизнь 30-летнего Инки.

Продолжением судебного лицемерия самозваных служителей Фемиды стало изощрённое глумление над памятью усопшего: на следующий день Писарро устроил торжественные похороны, в которых принимали участие он сам и другие конкистадоры, облачённые в траурные одежды. Палачи «оплакивали» жертву. Справедливости ради надо сказать, что некоторые испанцы протестовали против этого суда, особенно против смертного приговора, считая, что судьбу Атауальпы должен решать Карл V.

Смерть Великого Инки Атауальпы повергла в хаос империю инков, чем сполна воспользовался Франсиско Писарро, покоривший её «малой кровью», почти не понеся потерь.

ИНДЕЙЦЫ АМЕРИКИ

Согласно одной из ацтекских легенд, мир полностью разрушался четыре раза: тиграми, ураганами, огнём и водой. После каждой такой катастрофы человечество возникало заново, не унаследовав абсолютно ничего от предыдущих поколений. Любопытно, что после третьего катаклизма часть оставшихся людей, по версии ацтеков, превратилась в обезьян, а после четвёртого — возникла необходимость создавать новое Солнце.

И тогда, как гласит легенда, собрались боги в Теотиуакане и спросили друг друга, кто из них решится «позаботиться о том, чтобы был день, чтобы был свет» (Теотиуакан — центр одной из важнейших доколумбовых цивилизаций Центральной Мексики: цивилизации тольтеков, I—XII вв. н. э.). В настоящее время от этого древнего города, расположенного в 50 км от мексиканской столицы, остались пирамиды Луны и Солнца, развалины дворцов и храмов, памятники скульптуры и красочные росписи. Центр города пересекает главная улица — Дорога мёртвых — длиной 4 км. И вызвались сделать это два бога — могущественный и надменный «властитель раковин» бог Текуксистекатль и бедный, необычайно отважный бог Нанауацин. В Теотиуакане запылал костёр, горевший четыре года. Эти два бога, вызвавшиеся принести себя в жертву ради создания нового светила, должны были броситься в него. Языки пламени не испугали только Нанауацина, а трусливый Текуксистекатль предпочёл не сгореть, а истлеть в образовавшемся пепле костра. И не удивительно, что с тех пор сияние и блеск ис-

ходят от Нанауацина, ставшего богом Солнца, а мертвенная бледность — от Текуксистекатля, превратившегося в бога Луны.

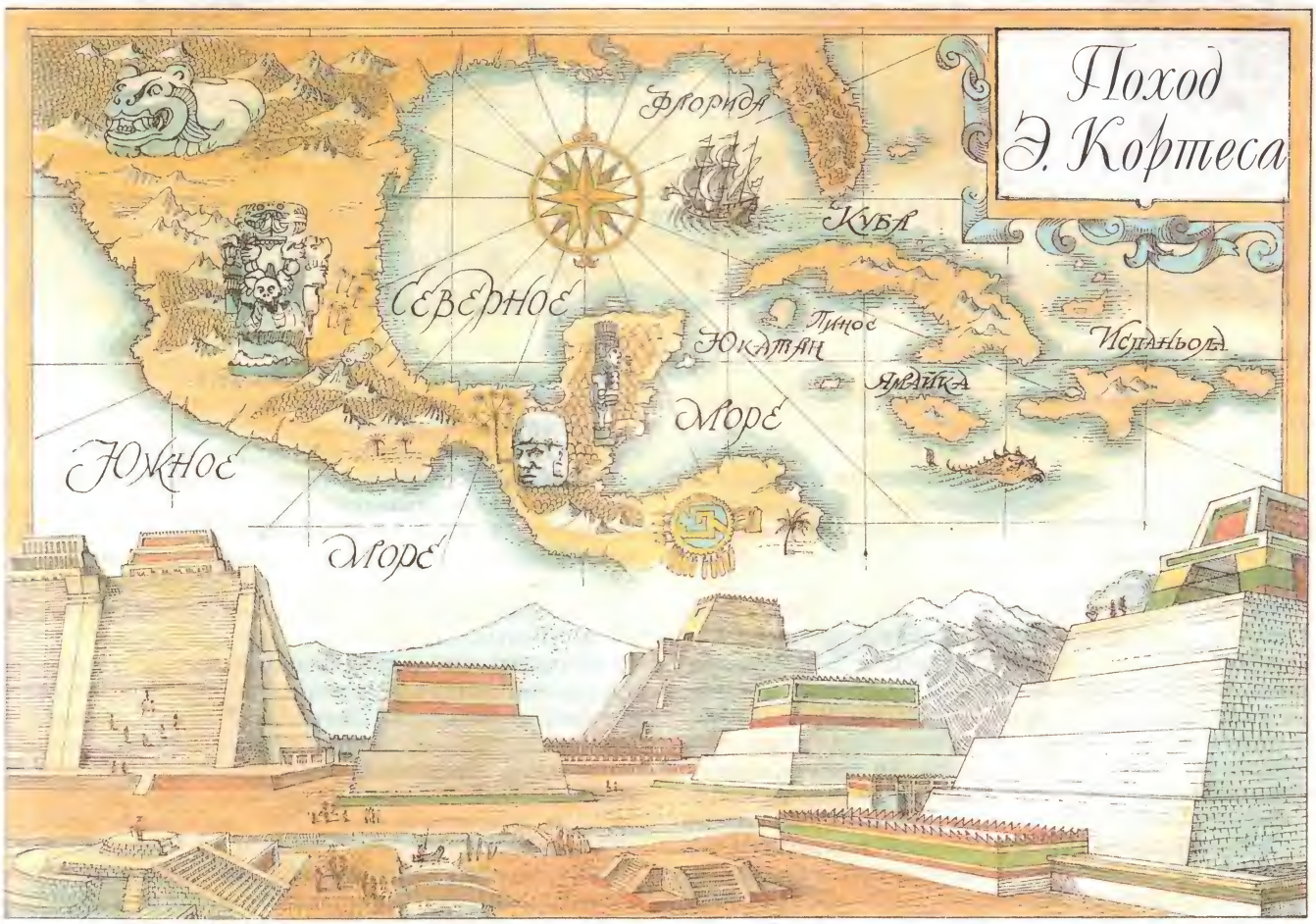
Однако, чтобы не померк блеск Солнца, бог войны Уитцилопочтли должен был ежедневно вести ожесточённую борьбу со звёздами и Луной. В этом трудном противоборстве ему могли помочь только души тех, кто погиб на поле боя или был принесён в жертву. Так возникла идея человеческого жертвоприношения. Она является центральной в религии ацтеков, которые обосновывали её следующим образом. Люди не могут жить без повседневного участия богов, а те в свою очередь нуждаются в том, чтобы человек поддерживал их, принося ради этого в жертву собственную жизнь. Из неё боги получают живительную для себя магическую субстанцию, содержащуюся в крови и сердце человека...

Удивительный и неповторимый мир древних индейских цивилизаций донёс до нас в упомянутой выше ацтекской легенде свой взгляд на одну из великих загадок бытия и мироздания. А сколько загадочного и не познанного до сих пор таит в себе сама история майя, ацтеков, инков, чибча-муисков и т. д., получивших, с лёгкой руки Христофора Колумба, наименование индейцев.

Существует множество гипотез о том, когда в Западном полушарии впервые появился человек и откуда люди пришли на Американский континент. Начиная с XVI в. и до наших дней не утихают споры учёных мужей по этому вопросу. Среди первых жителей Америки называют выходцев с Канарских островов, финикийцев, карфагенян, древних греков и римлян, евреев, испанцев, египтян, вавилонян, китайцев и даже татар и скифов. Не обошлось и без красивой легенды, связанной с Атлантидой, которая якобы соединяла в далёком прошлом Средиземное море и Американский континент.

По мере развития науки шёл естественный отбор различного рода гипотез и предположений. В настоящее время нет сомнений в том, что в Западном полушарии первые люди были выходцами с других континентов. Но откуда? Этот вопрос до сих пор окончательно не решён.

Большинство исследователей считают, что они прибыли сюда из Азии, другие (например, норвежский этнограф и путешественник Тур Хейердал) защищают меланезийско-полинезийский



Ацтекская культура до прихода Кортеса в Мексику.

Пирамида в древнем индейском религиозно-культовом центре Тикаль.

вариант заселения Америки. Французский учёный Поль Риве склоняется к существованию и того и другого вариантов.

Со второй половины XVIII в. время от времени напоминает о себе и диаметрально противоположная точка зрения, согласно которой Америка была одним из центров появления человека. Наиболее «аргументированно» её обосновал в конце XIX в. аргентинский археолог и философ Флорентино Амехино. Он утверждал, что «homo pampeanus», обитавший на территории Аргентины 1—2 млн лет назад, вообще является первым человеком на Земле, а следовательно, Америка была колыбелью всего человечества. Доводы оппонентов аргентинского учёного были немногочисленны, но подтверждены археологическими раскопками: в Западном полушарии не было человекообразных обезьян.

В настоящее время большинство исследователей считают, что заселение Американского континента шло из Азии через Берингов пролив. Но каким же образом люди сумели пересечь его в глубокой древности? Учёные полагают, что в этом им помогли четыре великих оледенения, а вероятнее всего, два последних (между 40-м и 20-м тысячелетиями и 13—12-м тысячелетиями до н. э.).

В эпоху великих оледенений Берингов пролив замерзал и превращался в своеобразный огромный мост, что и позволило племенам, ведшим кочевой образ жизни, беспрепятственно оказаться на соседнем материке. Временной диапазон появления человека на Американском континенте — от 10 до 30 тыс. лет назад.

Отправляясь в 1492 г. в своё первое плавание на поиски западного пути в Индию, Колумб взял с собой переводчика Луиса де Торреса, знавшего арабский язык и несколько китайских и японских слов. О, святая наивность великого мореплавателя! Оказалось, что в открытых им Индиях в то время имелось 1700 различных языков и диалектов.

Среди множества племён, обитавших на континенте, по своей численности и, отчасти, по уровню развития можно выделить следующие: эскимосы, ирокезы, пуэбло, навахи (Северная

Америка), ацтеки (Мексика), майя (Мексика, Центральная Америка), карибы и араваки (Антильские острова, бассейн реки Ориноко), тупигуарани (Бразилия, Парагвай), чибча (Колумбия), кечуа и аймара (Перу, Боливия), чарруас (Уругвай, Аргентина), арауканы (Чили).

К моменту прихода европейцев в Новый Свет в его различных регионах племена существенно отличались друг от друга по хозяйственному укладу. Наиболее высокий уровень общественно-экономического развития имели индейцы Мексики, Центральной Америки и Перу.

В основе развития всех известных цивилизаций всемирной истории лежал процесс возделывания какого-либо определённого злака: в Европе — пшеницы, в Азии — риса, в Америке им стала кукуруза. На приоритет в её окультуривании имеют почти равные шансы Мексика, Перу и Боливия. Это произошло около 7 тыс. лет назад.

Индейцы оказались весьма искусными земледельцами. В общей сложности они употребляли в пищу почти 20 тыс. растений — больше, чем все народы других континентов, вместе взятые. Правда, эта цифра включает в себя десятки, а иногда и сотни видов одной и той же культуры.

Не иначе как чудом, верхом сметливости и мудрости воспринимается сегодня система чинампас, применявшаяся ацтеками до испанского завоевания. Суть её состояла в создании садов и огородов на акватории озёр. Плоты из тростника и дерева привязывали к сваям, покрывали илом и... водная гладь радовала глаз чёткой геометрией множества благоухающих участков. Этот способ земледелия в условиях жаркого лета создавал максимум удобств: вода под рукой, прохлада от водоёма, в любое время можно наловить рыбы. Система чинампас выдержала проверку временем и до сих пор применяется в отдельных районах Мексики.

Американский континент «подарил» миру помимо кукурузы картофель, томаты, какао, подсолнух, табак, лекарственные средства хинин и бальзам и такую сложную операцию, как трепанация черепа. В то же время аборигены Нового Света не знали колеса, лошадей, не плавили железо, которое они научились обрабатывать значительно позже золота, серебра, платины, меди и бронзы.

До европейского завоевания самые развитые цивилизации Западного полушария сложились в Мезоамерике и в Андах. Понятием «Мезоамерика», впервые введённым в 1943 г. германским учёным Паулем Кирхгофом, археологи обозначают географический регион, включающий в себя Мексику и большую часть Центральной Америки (до полуострова Никойя в Коста-Рике). На этой обширной территории, сменяя друг друга, оставили след пять древних цивилизаций. Наиболее известными среди них являются цивилизации майя и ацтеков. Учёные относят нижнюю хронологическую границу цивилизации майя к II тысячелетию, а иногда к III тысячелетию до н. э., верхнюю — к X в. н. э. Наибольший расцвет её приходится на VII—VIII вв. н. э.

Индейцы майя распространили своё влияние на полуостров Юкатан, Гватемалу, Белиз, часть Гондураса и Сальвадора и территорию нескольких штатов современной Мексики. Столь обширные географические границы этой цивилизации (325 тыс. кв. км) охватывали ареал обитания нескольких десятков, а может, и сотен племён, унаследовавших одну культуру, хотя и имевшую, естественно, региональные особенности.

Цивилизация майя выделялась прежде всего своими достижениями в строительстве и познаниями в астрономии и математике. Изысканностью и совершенством отличались живопись и скульптура майя, обработка камня и керамика.

В повседневной жизни майя пользовались двумя календарями: солнечным, включавшим 365 дней, и ритуальным (260 дней). Они делили год на 18 месяцев по 20 дней и дополнительный месяц из 5 дней. И месяцы, и дни имели свои названия, которые применялись и во втором календаре, где счёт вёлся не на месяцы, а на промежутки времени по 13 дней. Религиозная символика широко использовалась и в том и в другом календаре.

В области математики, пожалуй, самым великим достижением культуры майя является введение понятия нуля. Это было сделано на сотни лет раньше других высокоразвитых цивилизаций.

История ацтеков до их появления во второй половине XII в. н. э. в Центральной Мексике таит множество загадок. Они называли свою родину островом Астлан («Место, где живут цапли»). От слова «астлан» и произошло название «ацтек». До сих пор наукой не установлено точное местонахождение этого острова.

Кочевые охотничьи племена ацтеков оказались весьма воинственными. В течение почти двух веков они вели завоевательные кампании и в начале XIV в., покорив многие другие племена, обитавшие в Центральной Мексике, создали могущественную империю. Примерно в 1325 г. её столицей стал основанный ими город Теночтитлан (современный Мехико).

Культура ацтеков ассимилировала богатые традиции и замечательные достижения всех предшествовавших им мексиканских цивилизаций. От майя ацтеки унаследовали иероглифическое письмо и широко пользовались им. Весьма оригинальной была изготовлявшаяся ими полихромная керамика. Всемирной славой также пользуются их скульптуры, сохранившиеся до наших дней: «Грустный индеец», «Голова мёртвого», статуя бога Шочипилли и др. Многого ацтеки добились и в сельском хозяйстве, применяя дренажные работы. Как и майя, ацтеки широко использовали труд рабов, которыми становились должники, сироты, разведённые жёны.

Империя ацтеков достигла наивысшего уровня развития в начале XVI в. В то же время на территории Перу, Эквадора, Боливии, части Колумбии, Аргентины и Чили существовала другая великая империя — Государство инков. Оно занимало тер-

1
2
3
4
М. Горелик

риторию более 1 млн кв. км и называлось Тауантинсуйу, что на языке кечуа означает «четыре объединённые стороны света». Её размеры соответствовали столь глобальных притязаниям.

Для всех упомянутых цивилизаций характерно обожествление Солнца. Инки же превзошли в этом всех, назвав себя «сынами Солнца». В какой-то степени они имели на это право, ведь центральное ядро этой цивилизации находилось в Андах, самой высокой горной системе Америки. Как и представители других вышеупомянутых цивилизаций, инки были отличными астрономами. В городе Куско они построили четыре башни для наблюдений за положением Солнца, имели понятие о солнечном и лунном годе. До наших дней дошли великолепные изделия инков из золота, серебра и меди.

Во главе государства находился Великий Инка, считавшийся живым воплощением Солнца. Изображение этого светила в виде золотого диска с человеческим лицом служило предметом официального культа. Сестрой и супругой Солнца считалась Луна. В качестве божества почиталась и Куичи — Радуга. Существовал также культ духов — покровителей земледелия, культ стихий природы и т. д.

Как и у индейцев майя, в Государстве инков важная роль принадлежала жрецам. Существовали специальные «поля Солнца», урожай с которых шёл только на нужды священнослужителей. Верховный жрец вёл свою родословную от рода Великого Инки и разделял с ним власть.

У инков также существовала традиция человеческого жертвоприношения, но оно имело иную целенаправленность, нежели у ацтеков. Его главное предназначение состояло в обожествлении самого Великого Инки. Жертвоприношения, как правило, имели место во время пышных празднеств по случаю его вступления на престол. Приносились в жертву девушки и дети, которых должны были поставлять покорённые инками племена.

Весьма оригинальным было «узелковое письмо» инков — «кипу». Оно состояло из шнура и нитей-подвесок разных цветов и оттенков. Сочетания цветов и комбинации узелков на нитях позволяли использовать кипу для подсчёта налогов, фиксации различного рода исторических событий, для передачи имён собственных и названий и даже отдельных фонетических элементов. Уникальное кипу было найдено в одном из перуанских храмов. Оно весило 6 кг. По подсчётам одного из самых авторитетных российских исследователей культуры инков В.А. Кузьмищева, такой моток пряжи мог бы соединить Москву с Санкт-Петербургом, а по объёму заложенной в него информации способен заменить многотомный статистический справочник.

Центром развития и становления культуры чибча-муисков является Боготинское плоскогорье (современная Колумбия). Сложившаяся в этом регионе цивилизация (V—XV вв.) отличалась высоким уровнем развития гончарного дела, ткачества, добычи каменного угля и изумрудов.

Так же как и в других упомянутых выше цивилизациях, здесь имело место существенное имущественное расслоение, что нашло своё отражение даже в сфере религиозной мифологии. Бог Чибчакум («опора людей чибча») являлся покровителем простого люда, а бог Бочика — покровителем знати.

Отдельные исследователи считают, что чибчамуиски были единственным народом древней Америки, имевшим деньги, роль которых выполняли небольшие золотые диски. Более осторожные в своих выводах авторы называют эти изделия пользовавшимися спросом украшениями, обменивавшимися на другой товар.

С местами обитания чибча-муисков связана легенда о сказочно богатой стране Эльдорадо. Первым испанским конкистадорам аборигены рассказали о своеобразном ритуале посвящения в вожди в одном из племён. В день торжеств претендент натирает тело смолой, а затем покрывает его золотым порошком. Соплеменники сопровождают этого позолоченного человека, возлежащего на драгоценных носилках, до горного озера. Он ныряет, смывает позолоту, и тем самым свершается обряд посвящения. Участники процессии бросают в озеро золото и драгоценные камни. А сколько за сотни лет было таких церемоний? Так и возник миф о несметных богатствах неведомой страны, названной Эльдорадо, что по-испански означает «позолоченный».

В течение почти целого столетия, начиная с 30-х гг. XVI в., в первую очередь в районах Колумбии и Гвианы велись безуспешные поиски и «позолоченного человека», и озера с несметными богатствами. Манящие миражи Эльдорадо влекли

Кецалькоатль.
Фрагмент каменого изваяния. 1400 г. н. э.

Воины-индейцы:
1 — воин VIII—X вв., Оклахома;
2 — воин культуры мочика, V—VII вв.;
3 — воин майя, VII—VIII вв.;
4 — ацтекский воин «ордена ягуара», XIV—XVI вв.

к себе не только испанцев, но и германцев, и англичан. В конце концов было обнаружено озеро, где якобы свершался описанный выше ритуал, однако его глубина (120 м) оказалась непреодолимым препятствием для искателей фортуны того времени.

Британский вариант Эльдорадо связан прежде всего с именем легендарного Уолтера Рэли, мореплавателя, одного из руководителей разгрома испанской «Непобедимой армады», поэта, драматурга, историка. «Великий искатель приключений», «знаменитый вдохновитель походов» — эти словосочетания, неизменно стоящие в памяти потомков рядом с его именем, безусловно, справедливы. С Эльдорадо он связан не только тем, что в 1595 г. прибыл в Гвиану на поиски этого волшебного края, но и книгой «Открытие обширной, богатой и прекрасной империи Гвиана», увидевшей свет в следующем году.

Как человек с хорошо развитым творческим началом, Рэли многое домыслил, развил и трансформировал в легенде об Эльдорадо. В его трактовке позолоченным человеком становится король Гвианы, устраивающий оргии со своими придворными. Слуги должны были раздевать всех участников оргий, «смазывать их сверху донизу белым бальзамом» и покрывать золотым порошком до тех пор, «пока гости не начинают сверкать с ног до головы, и в таком виде они сидят и пьют группами по двадцать и по сто человек и продолжают это занятие иногда шесть-семь дней подряд».

Рэли попытался докопаться и до «подлинного» названия территории, которую испанцы окрестили Эльдорадо. Взятый им в плен губернатор Беррео сообщил англичанину, что аборигены именуют Эльдорадо не иначе как Маноа.

В картографии у Маноа оказалась более счастливая судьба. Если Эльдорадо так и не появилось ни на одной из карт, то Маноа (Беррео назвал его городом) впервые фигурировал на карте Южной Америки, составленной в 1598 г. голландским картографом Иодоком Хондием, работавшим с материалами неопубликованной рукописи Рэли, которая хранится в Британском музее.

Не было забыто и таинственное озеро. В 1599 г. фламандский гравёр Теодор де Брай на подготовленной им карте Гвианы поместил озеро Парима, на юго-западном берегу которого, по его словам, находился город «Маноа, или Дорадо... самый большой город в мире». Американский историк и географ Рамсей, всесторонне исследовавший эту проблему, отмечает, что Маноа уже к 30-м гг. XVII в. исчез с географических карт, а Париму можно было найти и на некоторых картах XVIII в. Последнюю точку в этом заблуждении поставил Александр Гумбольдт, доказавший, что в бассейне реки Ориноко нет озёр. В то же время немецкий учёный посчитал, что слухи об озере Парима могут иметь реальную почву, так как в момент разлива река затопляет огромную территорию и возможны какие-то временные озёрные образования.

И наконец, несколько слов о реально существующем озере Гуатавита. Испанцы предпринимали несколько попыток осушить его, но этого удалось добиться только английской экспедиции в 1913 г. «Старателей» ожидало полное разочарование. Найденные ими несколько золотых предметов не окупили даже затрат на организацию мелиоративных работ. «Было бы преждевременным считать, — делает вывод Рамсей, — что то, что найдено при этих раскопках, исчерпывает все содержащиеся в озере

Маска.
Работа ацтекских мастеров.

Погребальная маска.
Культура майя.

богатства. Но на основании имеющихся данных было бы не менее опрометчиво предполагать, что индейское племя муисков практиковало церемонию с «позолоченным человеком» долгое время или что их золотые приношения были когда-либо очень многочисленными».

Кроме мифов и легенд индейцев на возможность существования Эльдорадо в районе северного побережья Южной Америки указывали и учёные мужи того времени, считавшие, что месторождения драгоценных металлов тяготеют к экватору.

Эту легендарную страну так и не удалось открыть европейцам, зато подлинным Эльдорадо стал для них Новый Свет с его неповторимыми индейскими цивилизациями.

ФРЭНСИС ДРЕЙК

Фрэнсис Дрейк (1540/43—1596) родился в графстве Девоншир (Англия) в семье фермера. Его отец впоследствии стал корабельным священником, и поэтому с четырёх лет корабль заменил Фрэнсису дом. В 1561 г. владелец небольшого судна, на котором плавал Фрэнсис, оставил ему после смерти свой корабль. Так в 16 лет Дрейк стал капитаном.

В первую экспедицию — за рабами, организованную родственником Фрэнсиса, Хоукинсом, тот отправился в 1566 г. В то время сама Англия в рабах не нуждалась, но это был очень выгодный товар, который с удовольствием покупали испанцы для работы в своих колониях. Испанский король запретил подданным покупать рабов из Африки у англичан, однако такие противозаконные сделки были отнюдь не редкими.

В 1567 г. уже в качестве капитана и компаньона Дрейк принял участие в новой экспедиции своего родственника Хоукинса к берегам Африки и Латинской Америки. В Америке в то время находились владения португальского и испанского королей. Огромное количество вывозимых оттуда богатств привлекало алчные взоры разбойников всех мастей. Нищая Англия поощряла действия своих корсаров (корсары — пираты, находящиеся на службе у государства; см. ст. «Пираты»), которые по возвращении делились с королевой Елизаветой добычей. Награбленные ценности существенно пополняли оскудевшую казну.

Сэр Фрэнсис Дрейк. Неизвестный художник. Вторая половина XVI в.

В своей второй экспедиции Дрейк командовал небольшим судном «Юдифь» водоизмещением 50 т. Он решил бросить вызов королю Испании и захватить «сокровищницу мира» город Сан-Хуан-де-Улоа, в котором скапливались богатства со всей Мексики для отправки в Испанию. Экспедиция сложилась неудачно, хотя корабль Дрейка и не пострадал. В порт Плимут вернулись только 2 корабля экспедиции из 6 и 80 человек из 500. Дрейк горел жаждой мщения.

В 1572 г. Фрэнсис Дрейк на двух кораблях «Паша» и «Лебедь» решил осуществить свой план мести.

Неудачи, казалось, преследовали Дрейка. Сначала он захватил Номбре-де-Диос в Панаме, однако туда ещё не привезли сокровища. Затем организовал неудачное нападение на караван.

Спустя некоторое время Дрейк вторично напал на караван с сокровищами, но не смог забрать много из-за огромного количества богатств. Большая часть золота была зарыта, но и того, что удалось увезти, Дрейку вполне хватило, чтобы вернуться в Англию богатым человеком.

Его дерзкие нападения на испанские колонии, наглое фланирование перед носом у испанской эскадры, захваты по пути десятка судов и милосердие (Дрейк не убивал команду противника) заставляли говорить о нём со страхом и уважением.

Отношения Испании и Англии обострялись. Вот-вот могла разразиться война. Дрейк предложил королеве Елизавете план экспедиции, которая должна была нанести серьёзный урон испанцам в их колониях. Королева одобрила предложения Дрейка и согласилась стать его компаньоном. Правда, с условием, что об этом никто не узнает.

13 октября 1577 г. эскадра Дрейка, состоящая из пяти кораблей (сам капитан находился на флагмане «Пеликан»), вышла в море. В апреле 1578 г., захватив по пути несколько испанских кораблей и «освободив» их от груза и продовольствия, эскадра

подошла к Бразилии. По пути «королевский корсар» высаживался на ещё не знакомых англичанам островках и заводил знакомства с местными жителями.

В августе 1578 г. Дрейк подошёл к южной оконечности континента — Магелланову проливу. С ним было всего три корабля, так как при сильных штормах, царящих в этих водах, корабли часто теряли друг друга (Дрейк приказал сжечь два судна своей флотилии, чтобы облегчить себе путь и не тратить времени на поиски). Перед прохождением Магелланова пролива Фрэнсис Дрейк переименовал свой флагман «Пеликан» в «Золотую лань».

Наконец, преодолев опасный пролив, Дрейк первым из европейцев вышел в Тихий океан из Атлантического (конечно, не считая испанцев и португальцев, которые владели проливом). Он исследовал южную оконечность материка.

Разразившаяся буря разметала корабли эскадры. Шторм начался 7 сентября и продолжался до 28 октября. «Золотая лань» ждала остальные корабли в условленном месте, но они не появлялись. Дрейк начал курсировать вдоль берегов. Ему был необходим запас пресной воды и продовольствия. При одной из высадок произошла стычка с индейцами. Дрейк был ранен, несколько матросов погибли, но Дрейк не стал применять оружие.

«Золотая лань» шла вдоль западного берега Америки и достигла 48 градусов северной широты, пройдя дальше всех европейских судов к Северному полюсу. Проплывая вдоль побережья, Дрейк захватывал испанские суда с золотом и драгоценностями. При этом корабли и команды он отпускал, а груз оставлял себе. Точно так же он «освободил» несколько испанских городов от «обременительного» количества сокровищ.

Беспрепятственному грабежу Дрейка помогало то, что испанцам и в голову не могло прийти, что какое-нибудь неиспанское судно может оказаться у западных берегов Америки.

Во время своих плаваний Дрейк налаживал дипломатические контакты с индейскими племенами. Недалеко от современного Сан-Франциско его даже признали королём. Дрейк назвал эту землю Новым Альбионом и объявил её собственностью королевы Елизаветы. Он поставил там столб с соответствующей надписью, а вместо печати вложил в отверстие шестипенсовую монету с изображением английской королевы.

Ка́перский поход против испанских поселений в Новом Свете.

В июне 1579 г., так и не дождавшись своих кораблей (как выяснилось впоследствии, один из них погиб, а другой повернул назад), Дрейк решил возвращаться, но не прежним путём (у Магелланова пролива его уже ждала испанская эскадра, хотя Дрейк об этом и не знал), а через Индийский океан.

68 дней «Золотая лань» находилась в открытом море. Войдя в Индийский океан, судно чуть не потерпело крушение, однако всё обошлось, и 26 сентября 1580 г. Дрейк вернулся в Плимут. Так закончилось второе кругосветное путешествие 1577—1580 гг. (первое совершил Магеллан в 1519—1521 гг.). Дрейк был первым англичанином, обошедшим вокруг света.

Из этого плавания Фрэнсис Дрейк привёз огромные богатства, истинных размеров которых не знал никто. Предполагалось лишь, что общая сумма составляла 600 тыс. фунтов стерлингов (для сравнения: годовой доход английского государства был 300 тыс. фунтов стерлингов). Львиная доля добычи досталась королеве. Компаньоны Дрейка получили 4700% на вложенные деньги. Королева же за счёт этих денег смогла полностью погасить государственный долг Англии.

Дрейк стал национальным героем. Елизавета произвела его в рыцари (чрезвычайно почётное в Англии звание). Существует легенда, что именно с Дрейка пошёл обычай отдавать воинскую честь. Как утверждают, когда английская королева взошла на палубу «Золотой лани», чтобы самой произвести знаменитого корсара в рыцари, Фрэнсис Дрейк при её приближении прикрыл лицо рукой, чтобы показать, что сияние королевы якобы ослепило его. Говорят, именно с тех пор воины отдают честь, прикладывая руку к голове.

«Королевский корсар» стал рыцарем, членом парламента, комендантом Плимута, адмиралом корсарского флота и т. д. Отныне прославленный пират стал именоваться «сэр Фрэнсис Дрейк».

Отношения Англии с Испанией ухудшались день ото дня. В 1585 г. король Испании и Португалии Филипп II захватил в своих портах все английские торговые корабли, а членов экипажей бросил в тюрьму. Англия послала экспедицию во главе с Дрейком, чтобы нанести испанцам ответный удар.

В эскадру входили 21 судно и 2300 солдат и матросов. Дрейк совершил рейд по островам близ Испании и отправился в Вест-Индию. На островах Зелёного Мыса Дрейк захватил города Сантьяго и Сан-Доминго и предал их огню. Ему также удалось покорить центр испанских земель в Южной Америке — Санто-Доминго (остров Эспаньола). Не добившись большого успеха, Дрейк отправился к городу Картахена и взял его. 28 июля 1586 г. Дрейк, изрядно потрепав испанские владения, вернулся с добычей в Плимут.

В 1587 г. состоялась ещё одна военная экспедиция Дрейка, на этот раз к испанским берегам. Дрейк взял сильнейшую крепость Кадис, сжёг там более 30 испанских судов и захватил корабль, который вёз груз драгоценностей королю Испании. Всё это ослабило Филиппа II, и ему пришлось отложить задуманную военную высадку в Англию ещё на год.

Испания собирала флот, который должен был переправить в Англию десант. Этот флот получил название «Непобедимая армада». Командовал им герцог Медина Сидония. В Англии готовились отразить нападение. Адмиралом флота был назначен лорд-адмирал Хоуард, вице-адмиралом — Фрэнсис Дрейк. «Непобедимая армада» состояла из 134 судов, 8 тыс. матросов и 18 тыс. солдат. Англичане же имели всего 200 кораблей.

Большой пиратский опыт Дрейка, перевес в манёвренности и единство действий английских кораблей помогали выигрывать в ожесточённом сражении. Это, а также то, что испанцы допускали крупные просчёты (например, герцог Медина не воспользовался попутным ветром, который мешал англичанам выйти из Плимута и давал возможность беспрепятственно разгромить английскую эскадру), и обусловило успех сражения.

Наконец две эскадры встретились около порта Кале. Хотя испанцы держались мужественно (ни один галеон не сдался), они всё же вынуждены были отступить под защиту шотландских берегов.

Англичане в этом сражении не потеряли ни одного корабля, в Испанию же вернулось не более 50 судов. И хотя владычество Испании не было сломлено этим сражением, вторжение в Англию не состоялось.

В 1589 г. Дрейк предпринимает неудачную попытку захватить Лиссабон. С ходу город взять не удалось, а для длительной осады у англичан не было ни сил, ни орудий. Королева была разгневана: ведь она вложила в эту экспедицию много денег, полагаясь на «своего пирата». Казалось, удача отвернулась от Дрейка. Знаменитый корсар впал в немилость: Елизавета и слышать не хотела о победителе «Непобедимой армады».

Но в 1595 г. ситуация меняется. Королеве опять понадобился «её пират», как она называла сэра Фрэнсиса. Елизавета отправляла экспедицию в Панаму. Две эскадры под командованием Дрейка и Хоукинса должны были повторить поход Дрейка, совершённый 20 лет назад.

И опять неудача. Испанцы узнали об экспедиции англичан и хорошо подготовились. Да и уроки, полученные от самого Дрейка, не прошли зря: мощные крепости возвышались там, где раньше были небольшие города. В середине плавания умер Хоукинс. Лихорадка и дизентерия косили людей. Заболел и Фрэнсис Дрейк. Он слабел с каждым днём и умер на рассвете 28 января 1596 г.

Как сообщали участники плавания, свинцовый гроб с телом Дрейка был опущен в воды залива у города Пуэрто-Белло, «почти в том месте, откуда адмирал начинал свой путь к всемирной славе». На том же месте были затоплены два корабля флотилии и несколько захваченных испанских судов в знак особого уважения к памяти бесстрашного адмирала сэра Фрэнсиса Дрейка.

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

В 330 г. римский император Константин Великий — первый император-христианин — основал на месте древнегреческой колонии Византий (отсюда и название, данное историками «христианской империи ромеев» уже после её падения) город Константинополь. Сами же византийцы считали себя ромеями, т. е. римлянами, державу — ромейской, а императора — василевса — продолжателем традиций римских императоров. В 395 г. произошёл раздел единой Римской империи на Западную Римскую империю и Восточную Римскую империю (Византию).

Византия была государством, в котором централизованный бюрократический аппарат и религиозное единство (в результате борьбы религиозных течений в христианстве господствующей религией Византии стало православие) имели огромное значение для сохранения преемственности государственной власти и территориальной целостности в течение почти одиннадцати веков её существования.

В истории развития Византии условно можно выделить пять этапов.

На первом этапе (IV — середина VII в.) империя — многонациональное государство, в котором рабовладельческий строй сменяют раннефеодальные отношения. Государственный строй Византии — военно-бюрократическая монархия. Вся полнота власти принадлежала императору. Власть не была наследственной, императора провозглашали армия, сенат и народ (хотя это часто носило номинальный характер). Совещательным органом при императоре был сенат. Свободное население делилось на сословия. Система феодальных отношений почти не сложилась. Их особенностью было сохранение значительного числа свободных крестьян, крестьянских общин, распространение колоната (т. е. аренды земли) и раздача большого фонда государственных земель рабам.

Раннюю Византию называли «страной городов», исчислявшихся тысячами. Такие центры, как Константинополь, Александрия, Антиохия, насчитывали по 200—300 тыс. жителей. В десятках средних городов (Дамаск, Никея, Эфес, Фессалоники, Эдесса, Бейрут и др.) жили по 30—80 тыс. человек. Города, имевшие полисное самоуправление, занимали большое место в экономической жизни империи. Крупнейшим городом и торговым центром был Константинополь.

Византия вела торговлю с Китаем и Индией, а после завоевания при императоре Юстиниане Западного Средиземноморья установила гегемонию на торговлю со странами Запада, превратив снова Средиземное море в «Римское озеро».

По уровню развития ремёсел Византия не имела себе равных среди западноевропейских стран.

В годы правления императора Юстиниана I (527—565 гг.) Византия достигла вершин своего расцвета. Реформы, проведённые при нём, способствовали централизации государства, а свод гражданского права, разработанный в его правление, действовал на всём протяжении существования государства, оказав большое влияние на развитие права в странах феодальной Европы (см. ст. «Юстиниан I»).

В это время империя переживает эпоху грандиозного строительства: возводятся военные укрепления, строятся города, дворцы и храмы. К этому периоду относится возведение великолепного храма Святой Софии, ставшего известным всему миру.

Конец этого периода был отмечен вновь обострившейся борьбой между Церковью и императорской властью.

Второй этап (вторая половина VII — первая половина IX в.) прошёл в напряжённой борьбе с арабами и славянскими нашествиями. Территория державы сократилась вдвое, и теперь империя стала намного однороднее по национальному составу: это было греко-славянское государство. Его экономической основой являлось свободное крестьянство. Варварские нашествия создали благоприятные условия для освобождения крестьян от зависимости, и главный законодательный акт, регулировавший аграрные отношения в империи, исходит из того, что земля находится в распоряжении крестьянской общины. Резко сокращаются количество городов и численность горожан. Из крупных центров остаётся только Константинополь, а население его сокращается до 30—40 тыс. человек. Другие города империи насчитывают по 8—10 тыс. жителей. В малых жизнь замирает. Упадок городов и «варваризация» населения (т. е. рост числа «варваров», прежде всего славян, среди подданных василевса) не могли не привести к упадку культуры. Количество школ, а следовательно, и образованных людей резко сокращается. Просвещение концентрируется в монастырях.

Именно в этот сложный период и происходит решающее столкновение между василевсами и Церковью. Главную роль на этом этапе играют императоры Исаврийской династии. Первый из них — Лев III — был храбрым воином и тонким дипломатом, ему приходилось сражаться во главе кавалерии, атаковать арабские корабли на лёгком судёнышке, давать обещания и тут же нарушать их. Именно он возглавил оборону Кон-

стантинополя, когда в 717 г. мусульманская армия блокировала город и с суши, и с моря. Столицу ромеев арабы окружили стеной с осадными башнями против ворот, а в Босфор вошёл огромный флот из 1800 кораблей. И тем не менее Константинополь был спасён. Византийцы сожгли арабский флот «греческим огнём» (специальная смесь нефти, смолы, селитры и серы, изобретённая греческим учёным Каллиником, которая не гасла от воды; через специальные сифоны ею поливали вражеские корабли). Блокада с моря была сорвана, а силы сухопутной армии арабов подорвала суровая зима: снег лежал сто дней, что удивительно для этих мест. В лагере арабов начался голод, солдаты съели сначала лошадей, а потом и трупы умерших. Весной 718 г. византийцы разгромили и вторую эскадру, а в тылу арабской армии появились союзники империи — болгары. Простояв под стенами города почти год, мусульмане отступили. Но война с ними продолжалась ещё более двух десятилетий, и только в 740 г. Лев III нанёс противнику решающее поражение.

В 730 г., в разгар войны с арабами, Лев III обрушил жестокие репрессии на сторонников иконопочитания. Иконы снимались со стен во всех храмах и уничтожались. Их заменили изображение креста и узоры из цветов и деревьев (враги императора язвили, что храмы стали напоминать сады и леса). Иконоборчество было последней и неудачной попыткой кесаря духовно победить Церковь. С этого момента императоры ограничиваются ролью защитников и хранителей традиции. Появление именно в это время иконописного сюжета «Император, склонившийся перед Христом» отражает значение происшедшей перемены.

Во всех областях жизни империи всё более утверждается консервативный и охранительный традиционализм.

Третий этап (вторая половина IX — середина XI в.) проходит под властью императоров Македонской династии. Это «золотой век» империи, период экономического подъёма и расцвета культуры.

Ещё в период правления Исаврийской династии сложилась ситуация, когда преобладающей формой собственности на землю была государственная, а основу армии составляли воины-стратиоты, служившие за земельный надел. С Македонской династии начинается практика широкой раздачи знати и боевым командирам больших угодий и пустующих земель. Работали в этих хозяйствах зависимые крестьяне-парики (общинники, потерявшие землю). Из слоя земельных собственников (динатов) формируется могущественная аристократия. Меняется и характер войска: пехота отходит на второй план, а на первый выступает конница, которая становится главной ударной силой византийской армии.

IX—XI вв. — период роста городов. Выдающееся техническое открытие — изобретение косого паруса — и поддержка государством ремесленных и торговых корпораций сделали города империи на долгое время хозяевами средиземноморской торговли. В первую очередь это относится, конечно, к Константинополю, который становится важнейшим центром транзитной торговли между Западом и Востоком, богатейшим городом Европы. Изделия константинопольских ремесленников — ткачей, ювелиров, кузнецов — на века станут эталоном для ремесленников Европы. Вместе со столицей переживают подъём и провинциальные города: Фессалоники, Трапезунд,

Заставки в византийских рукописях. X—XI вв.

Эфес и др. Вновь оживает черноморская торговля. В экономический подъём империи вносят свой вклад и монастыри, ставшие центрами высокопроизводительного ремесла и земледелия.

Экономический подъём тесно связан с возрождением культуры. В середине IX в. открывается «университет» в Константинополе, где выдающуюся роль играет крупнейший учёный Византии Лев Математик. Он составил медицинскую энциклопедию и писал стихи. Его библиотека включала в себя книги Отцев Церкви и античных философов и учёных: Платона и Прокла, Архимеда и Евклида. С именем Льва Математика связано несколько изобретений: применение букв как арифметических символов (т. е. начало алгебры), изобретение световой сигнализации, связывающей Константинополь с границей, создание движущихся статуй во дворце. Поющие птицы, рычащие львы (фигуры приводились в движение водой) изумляли иностранных послов. «Университет» располагался в зале дворца, называвшегося Магнавра, и получил название Магнаврской школы. Преподавались грамматика, философия, геометрия и астрономия.

В конце XI в. в Константинополе создаётся богословская патриаршая школа. По всей стране возрождается система просвещения.

В конце IX в., при патриархе Фотии, исключительно образованном человеке, собравшем лучшую библиотеку своего времени (сотни наименований книг выдающихся умов древности), разворачивается широкая миссионерская деятельность по христианизации варваров. Подготовленные в Константинополе священники и проповедники отправляются к язычникам — болгарам и сербам. Огромное значение получает миссия Кирилла и Мефодия в Великоморавское княжество, в ходе которой они создают славянскую письменность и переводят на славянский язык Библию и церковную литературу. Тем самым закладываются основы духовного и политического подъёма в славянском мире. Тогда же принимает христианство и киевский князь Аскольд. Ещё через столетие, в 988 г., киевский князь Владимир крестится в Херсонесе, принимает имя Василий (Царственный) и берёт в жёны сестру византийского императора Василия Анну. Замена язычества христианством в Киевской Руси повлияла на развитие архитектуры, живописи, литературы, способствовала обогащению славянской культуры.

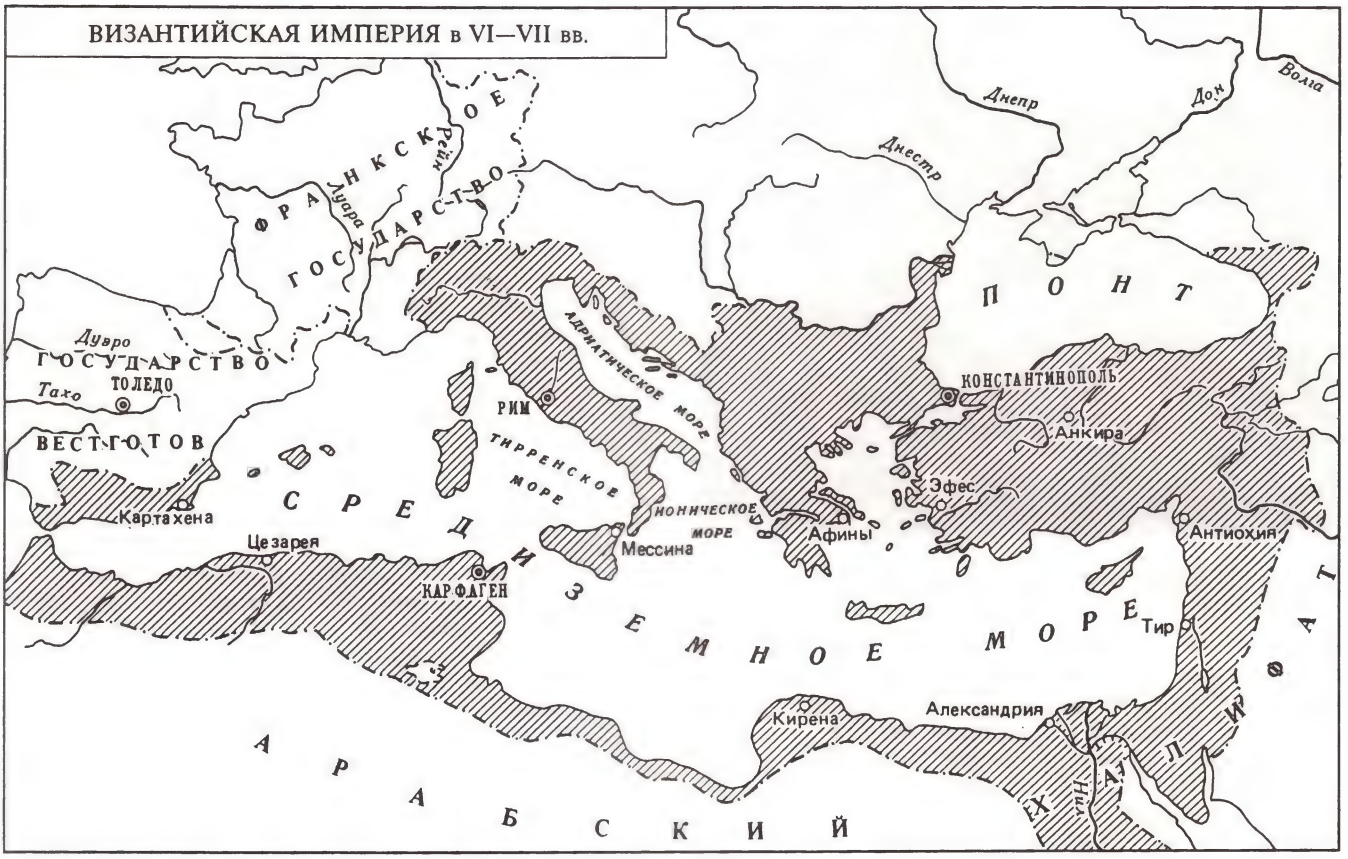
Именно в период царствования Василия II (976—1025 гг.) держава ромеев достигает апогея своего внешнеполитического могущества. Умный и энергичный император был суровым и жестоким правителем. Расправившись с помощью киевской дружины со своими внутриполитическими врагами, василевс начал тяжёлую войну с Болгарией, которая длилась с перерывами 28 лет, и, наконец, нанёс решающее поражение своему врагу — болгарскому царю Самуилу.

Одновременно Василий вёл постоянные войны на Востоке и к концу своего царствования вернул империи Северную Сирию, часть Месопотамии, установил контроль над Грузией и Арменией. Когда во время подготовки похода в Италию в 1025 г. император скончался, Византия была самым сильным государством Европы. Однако именно его царствование продемонстрировало болезнь, которая будет ещё столетия подтачивать её мощь. С точки зрения Константинополя, приобщение варваров к православной религии и греческой культуре автоматически означало их подчинение василевсу ромеев — главному хранителю этого духовного достояния. Греческие священники и учителя, иконописцы и архитекторы способствовали духовному пробуждению болгар, сербов. Попытка василевсов сохранить вселенский характер своей власти, опираясь на мощь централизованного государства, противоречила объективному ходу процесса христианизации варваров и лишь истощала силы империи.

Напряжение всех сил Византии при Василии II привело к финансовому кризису. Ситуация ещё более обострилась из-за постоянной борьбы между столичной и провинциальной знатью. В результате смут император Роман IV (1068—1071 гг.) был предан своим окружением и потерпел жестокое поражение в войне с новой волной мусульманских завоевателей — турок-сельджуков. После победы в 1071 г. при Манцикерте конница мусульман в течение десятилетия взяла под контроль всю Малую Азию.

Однако поражения конца XI в. не были концом империи. Византия обладала огромной жизнеспособностью.

Следующий, четвёртый этап (1081—1204 гг.) её существования был периодом нового подъёма. Императоры династии Комнинов смогли консолидировать силы ромеев и возродить их славу ещё на целое столетие. Первые три императора этой династии — Алексей (1081—1118 гг.), Иоанн (1118—1143 гг.) и Мануил (1143—1180 гг.) — проявили себя как храбрые и талантливые военачальники, тонкие дипломаты и дальновидные политики. Опираясь на провинциальную знать, они прекратили внутреннюю смуту и отвоевали у турок Малоазийское побережье, поставили под контроль дунайские государства. Комнины вошли в историю Византии как императоры-«западники». Несмотря на раскол между Православной и Католической Церковью в 1054 г., они в борьбе с турками обратились за помощью к западноевропейским королевствам (впервые в истории империи). Константинополь стал местом сбора участников 1-го и 2-го крестовых походов. Крестоносцы обещали признать себя вассалами империи после того, как отвоюют Сирию и Палестину, и после победы императоры Иоанн и Мануил заставили их выполнить обещания и признать власть империи. Окружённые западными рыцарями, Комнины были очень похожи на западноевропейских королей. Но, хотя опора этой династии — провинциальная знать — тоже окружила себя зависимыми вассалами, феодальная лестница в империи не возникла. Вассалы местной знати были просто дружинниками. Характерно и то, что основу войска при этой династии со-



ставляли наёмники из Западной Европы и рыцари, поселившиеся в империи и получившие здесь земли и замки. Император Мануил подчинил империи Сербию и Венгрию. Его войска воевали в Италии, где даже Милан признал власть империи; пытались подчинить Египет, совершая экспедиции в дельту Нила. Столетнее правление Комнинов закончилось смутой и гражданской войной.

Новая династия Ангелов (1185—1204 гг.) лишь углубила кризис тем, что, покровительствуя итальянским купцам, нанесла непоправимый удар по отечественному ремеслу и торговле. Поэтому, когда в 1204 г. рыцари 4-го крестового похода внезапно изменили свой маршрут, вмешались во внутриполитическую борьбу империи, захватили Константинополь и основали на Босфоре Латинскую империю, катастрофа была закономерной.

Жители и защитники Константинополя превосходили крестоносцев по численности в десятки раз, и тем не менее город пал, хотя выдерживал осаду и натиск более серьёзного врага. Причина поражения, конечно, в том, что византийцы были деморализованы внутренними смутами. Немаловажную роль сыграло и то, что политика Комнинов во второй половине XII в. (при всей её внешней успешности) противоречила интересам империи, так как ограниченные ресурсы Балканского полуострова и части Малой Азии не позволяли претендовать на роль «вселенской империи». В тот период реальное вселенское значение имела уже не столько императорская власть, сколько власть вселенского константинопольского патриарха. Обеспечить единство православного мира (Византии, Сербии, Руси, Грузии), опираясь на военную мощь государства, было уже невозможно, а опираясь на церковное единство — ещё достаточно реально. Получилось так, что религиозные основы единства и силы Византии оказались подорваны, и на полвека на месте империи ромеев утвердилась Латинская империя крестоносцев.

Однако страшный разгром не смог уничтожить Византию. Ромеи сохранили свою государственность в Малой Азии и Эпире. Важнейшим оплотом собирания сил стала Никейская империя, которая при императоре Иоанне Ватаце (1222—1254 гг.) накопила экономический потенциал, необходимый для создания сильной армии и сохранения культуры.

В 1261 г. император Михаил Палеолог освобождает от латинян Константинополь, и этим событием начинается пятый этап существования Византии, который продлится до 1453 г. Военный потенциал державы был невелик, экономика разорена набегами турок и внутренними раздорами, ремесло и торговля пришли в упадок. Когда Палеологи, продолжая политику Ангелов, сделали ставку на итальянских купцов, венецианцев и генуэзцев, — местные ремесленники и купцы

Вход крестоносцев в Константинополь 12 апреля 1204 г.
Эжен Делакруа.
1840 г.

не смогли противостоять конкуренции. Упадок ремесла подорвал экономическую мощь Константинополя и лишил его последних сил.

Главное значение империи Палеологов в том, что она сохранила культуру Византии до XV в., когда её смогли перенять народы Европы. Два столетия — это расцвет философии и богословия, архитектуры и иконописи. Казалось, бедственное экономическое и политическое положение лишь стимулировало взлёт духа, и это время называют «палеологовским возрождением».

Центром религиозной жизни стал Афонский монастырь, основанный ещё в X в. При Комнинах он вырос численно, а в XIV в. Святая Гора (монастырь был расположен на горе) стала целым городом, в котором жили тысячи монахов разных национальностей. Велика была роль константинопольского патриарха, руководившего Церквами независимых Болгарии, Сербии, Руси и проводившего вселенскую политику.

При Палеологах возрождается Константинопольский университет. Появляются направления в философии, которые стремятся возродить античную культуру. Крайним представителем этого течения был Георгий Плифон (1360—1452), который создал оригинальную философию и религию, опираясь на учение Платона и Заратуштры.

«Палеологовское возрождение» — это расцвет архитектуры и живописи. До сих пор зрителей поражают прекрасные строения и удивительные фрески Мистры (город около древней Спарты).

Идейно-политическая жизнь империи с конца XIII по XV в. проходит в борьбе вокруг унии между католиками и православными. Нарастающий натиск турок-мусульман вынудил Палеологов обратиться за военной помощью к Западу. В обмен на спасение Константинополя императоры обещали добиться подчинения Православной Церкви Папе римскому (унии). Первым такую попытку предпринял ещё Михаил Палеолог в 1274 г. Это вызвало взрыв возмущения православного населения. И когда перед самой гибелью города, в 1439 г., уния была всё же подписана во Флоренции, её единодушно отвергли жители Константинополя. Причины этого были, конечно, в ненависти, которую греки испытывали к «латинянам» после погрома 1204 г. и полувекового господства католиков на Босфоре. Кроме того, Запад так и не смог (или не захотел) оказать Константинополю и империи эффективную помощь. Два военных похода кончились разгромом европейских армий. Но не менее важно было и то, что уния для греков означала отказ от миссии хранителей православной традиции, которую они на себя взяли. Это отречение перечеркнуло бы многовековую историю империи. Именно поэтому монахи Афона, а вслед за ними и подавляющее большинство византийцев отвергли унию и начали готовиться к обороне обречённого Константинополя. В 1453 г. огромная турецкая армия осадила и взяла штурмом «Новый Рим». Держава ромеев перестала существовать.

Значение Византийской империи в истории человечества трудно переоценить. В тёмные века варварства и раннего Средневековья она донесла до потомков достижения Эллады и Рима, сохранила христианскую культуру. Достижения в области науки (математика), в литературе, изобразительном искусстве, книжной миниатюре, декоративно-прикладном искусстве (изделия из слоновой кости, металла, художественные ткани, перегородчатые эмали), архитектуре, в военном деле оказали значительное влияние на дальнейшее развитие культуры Западной Европы и Руси. Да и жизнь современного общества невозможно представить без византийского влияния. Иногда Константинополь называют «золотым мостом» между Западом и Востоком. Это верно, но ещё правильнее считать державу ромеев «золотым мостом» между древностью и Новым временем.

ЮСТИНИАН I

Будущий император Византии родился около 482 г. в маленькой македонской деревушке Таурисий в семье бедного крестьянина. В Константинополь он попал подростком по приглашению своего дяди Юстина, влиятельного придворного. Своих детей у Юстина не было, и он покровительствовал племяннику: вызвал в столицу и, несмотря на то что сам так и остался неграмот-

ным, дал ему хорошее образование, а потом нашёл должность при дворе. В 518 г. сенат, гвардия и жители Константинополя провозгласили престарелого Юстина императором, а тот вскоре сделал своим соправителем племянника. Юстиниана отличали ясный ум, широкий политический кругозор, решительность, настойчивость и исключительная работоспособность. Эти качества делали его фактически правителем империи. Огромную роль играла и его молодая, красивая жена Феодора. Её жизнь сложилась необычно: дочь бедного циркового артиста и сама цирковая артистка, она 20-летней девушкой уехала в Александрию, где попала под влияние мистиков и монахов и преобразилась, став искренне религиозной и благочестивой. Красивая и обаятельная, Феодора обладала железной волей и оказалась незаменимой подругой императору в трудные минуты. Юстиниан и Феодора были достойной парой, хотя злым языкам долго не давал покоя их союз.

В 527 г., после смерти дяди, 45-летний Юстиниан стал автократором — самодержцем — империи ромеев, как называлась тогда Византийская империя.

Он получил власть в трудное время: от бывших римских владений осталась только их восточная часть, а на территории Западной Римской империи образовались варварские королевства: вестготы в Испании, остготы в Италии, франки в Галлии и вандалы в Африке. Христианскую церковь раздирали споры о том, был ли Христос «богочеловеком»; зависимые крестьяне (колоны) разбегались и не обрабатывали землю, произвол знати разорял простой народ, города сотрясали бунты, финансы империи были в упадке. Спасти положение можно было лишь решительными и самоотверженными мерами, и Юстиниан, чуждый роскоши и удовольствий, искренне верующий православный христианин, богослов и политик, как нельзя лучше подходил для этой роли.

В царствовании Юстиниана I ясно выделяется несколько этапов. Начало правления (527—532 гг.) было периодом широкой благотворительности, раздачи средств бедным, снижения налогов, помощи пострадавшим от землетрясения городам. В это время укрепились позиции Христианской Церкви в борьбе с другими религиями: в Афинах был закрыт последний оплот язычества — платоновская Академия; ограничены возможности для открытого исповедания культов инаковерующих — иудеев, самаритян и т. д. Это был период войн с соседней иранской державой Сасанидов за влияние в Южной Аравии, целью которых было укрепиться в портах Индийского океана и тем подорвать монополию Ирана на торговлю шёлком с Китаем. Это было время борьбы с произволом и злоупотреблениями знати.

Главное событие этого этапа — реформа права. В 528 г. Юстинианом была учреждена комиссия из опытных юристов и государственных деятелей. Главную роль в ней играл специалист по праву Требониан. Комиссия подготовила собрание императорских указов — «Кодекс Юстиниана», свод сочинений римских юристов — «Дигесты», а также руководство по изучению права — «Институции». Проводя законодательную реформу, исходили из необходимости сочетания норм классического римского права с духовными ценностями христианства. Выразилось это прежде всего в создании единой системы имперского гражданства и провозглашении равенства граждан перед законом. Более того, при Юстиниане унаследованные от Древнего Рима законы, связанные с частной собственностью, приняли окончательный вид. Кроме того, законы Юстиниана рассматривали раба уже не как вещь — «говорящее орудие», а как человека. Хотя рабство не отменялось, для раба открывалось много возможностей освободиться: если он стал епископом, ушёл в монастырь, стал солдатом; раба было запрещено убивать, а убийство чужого раба влекло за собой жестокую казнь. Кроме того, по новым законам права женщины в семье были уравнены с правами мужчины. Законы Юстиниана запрещали осуждённый Церковью развод. Вместе с тем на право не могла не наложить отпечаток эпоха. Часты были казни: для простолюдинов — распятие на кресте, сожжение, отдание на съедение диким зверям, избиение розгами до смерти, четвертование; знатных особ обезглавливали. Смертью каралось и оскорбление императора, даже повреждение его скульптурных изображений.

Реформы императора были прерваны народным восстанием «Ника» в Константинополе (532 г.). Всё началось с конфликта между двумя партиями болельщиков в цирке: венетами («голубыми») и прасинами («зелёными»). Это были не только спортивные, но отчасти и социально-политические союзы. К традиционной борьбе болельщиков добавились политические обиды: прасины считали, что правительство их притесняет, а венетам покровительствует. Кроме того, низы были недовольны злоупотреблениями «министра финансов» Юстиниана — Иоанна Каппадокийского, знать же надеялась избавиться от императора-выскочки. Лидеры прасинов предъявили свои требования императору, причём в очень резкой форме, а когда он их отверг, назвали его убийцей и покинули цирк. Тем самым автократору было нанесено неслыханное оскорбление. Ситуация осложнилась тем, что, когда в тот же день арестовали подстрекателей к столкновению из обеих партий и приговорили их к смерти, двое осуждённых сорвались с виселицы («были помилованы Богом»), но власти отказались их освободить. Тогда была создана единая «зелёно-голубая» партия с лозунгом «Ника!» (цирковой клич «Побеждай!»). В городе начался открытый бунт, совершались поджоги. Император согласился на уступки, отправив в отставку наиболее ненавистных народу министров, но успокоения это не принесло. Большую роль сыграло и то, что знать раздавала бунтующему плебсу подарки и оружие, подстрекая к мятежу. Ничего не дали ни попытки силой подавить

восстание с помощью отряда варваров, ни публичное покаяние императора с Евангелием в руках. Мятежники требовали теперь его отречения и провозгласили императором знатного сенатора Ипатия. Пожаров между тем становилось всё больше. «Город представлял груду чернеющих развалин», — писал современник. Юстиниан был готов отречься, но в этот момент императрица Феодора заявила, что предпочитает смерть бегству и что «пурпур императора — отличный саван». Её решительность сыграла большую роль, и Юстиниан решил бороться. Верные правительству войска предприняли отчаянную попытку восстановить контроль над столицей: отряд полководца Велизария, победителя персов, проник в цирк, где шёл бурный митинг мятежников, и устроил там жестокую резню. Говорили, что погибло 35 тыс. человек, но трон Юстиниана устоял.

Страшная катастрофа, постигшая Константинополь, — пожары и смерти — не повергла, однако, в уныние ни Юстиниана, ни горожан. В том же году на средства казны началось бурное строительство. Пафос восстановления захватил широкие слои горожан. В каком-то смысле можно сказать, что город восстал из пепла, как сказочная птица Феникс, и стал ещё красивее. Символом этого подъёма было, конечно, строительство чуда из чудес — константинопольского храма Святой Софии. Оно началось сразу же, в 532 г., под руководством архитекторов из провинции — Анфимия из Тралл и Исидора из Милета. Внешне здание мало чем могло поразить зрителя, но настоящее чудо преображения происходило внутри, когда верующий оказывался под огромным мозаичным куполом, который как бы висел в воздухе без всякой опоры. Купол с крестом парил над молящимися, символизируя божественный покров над империей и её столицей. Юстиниан не сомневался, что его власть имеет божественную санкцию. В праздники он восседал на левой части трона, а правая была пуста — на ней невидимо присутствовал Христос. Автократор мечтал, что невидимый покров будет вознесён над всем римским Средиземноморьем. Идеей восстановления христианской империи — «римского дома» — Юстиниан вдохновил всё общество.

Когда купол константинопольской Софии ещё возводился, с Великого освободительного похода на Запад начался второй этап правления Юстиниана (532—540 гг.).

К концу первой трети VI в. варварские королевства, возникшие в западной части Римской империи, переживали глубокий кризис. Их раздирала религиозная рознь: основное население исповедовало православие, но варвары, готы и вандалы были арианами, чьё учение было объявлено ересью, осуждённой в IV в. на I и II Вселенских соборах Христианской Церкви. Внутри самих варварских племён быстрыми темпами шло социальное расслоение, усиливалась рознь между знатью и простолюдинами, что подрывало боеспособность армий. Элита королевств была занята интригами и заговорами и не заботилась об интересах своих государств. Коренное население ждало византийцев как освободителей. Поводом для начала войны в Африке послужило то, что вандальская знать свергла законного короля — друга империи — и посадила на престол его родственника Гелизмера. В 533 г. Юстиниан отправил 16-тысячную армию под командованием Велизария к африканским берегам. Византийцам удалось скрытно высадиться и беспрепятственно занять столицу вандальского королевства Карфаген. Православное духовенство и римская знать торжественно встречали императорские войска. Простой народ также относился к их появлению сочувственно, так как Велизарий сурово карал грабежи и мародёрство. Король Гелизмер пытался организовать сопротивление, но проиграл решающее сражение. Византийцам помогла случайность: в начале боя погиб брат короля, и Гелизмер покинул войска, чтобы похоронить его. Вандалы решили, что король бежал, и армию охватила паника. Вся Африка оказалась в руках Велизария. При Юстиниане I здесь развернулось грандиозное строительство — было построено 150 новых городов, восстановлены тесные торговые контакты с Восточным Средиземноморьем. Провинция переживала экономический подъём все 100 лет, пока она была в составе империи.

Вслед за присоединением Африки началась война за обладание историческим ядром западной части империи — Италией. Поводом к началу войны стали свержение и убийство законной королевы остготов Амаласунты её супругом Теодатом. Летом 535 г. Велизарий с восьмитысячным отрядом высадился на Сицилии и в короткий срок, почти не испытывая сопротивления, занял остров. На следующий год его войско переправилось на Апеннинский полуостров и, несмотря на огромный численный перевес противника, отвоевало его южную и центральную части. Италийцы всюду встречали Велизария с цветами, сопротивление оказал лишь Неаполь. Огромную роль в такой поддержке народа сыграла Христианская Церковь. Кроме того, в стане остготов царил разброд: убийство трусливого и коварного Теодата, бунт в войсках. Армия выбрала новым королём Витигиса — смелого солдата, но слабого политика. Он тоже не смог остановить наступление Велизария, и в декабре 536 г. византийская армия без боя заняла Рим. Духовенство и горожане устроили византийским солдатам торжественную встречу. Население Италии более не желало власти остготов, о чём свидетельствует следующий факт. Когда весной 537 г. пятитысячный отряд Велизария был осаждён в Риме огромной армией Витигиса, битва за Рим длилась 14 месяцев; несмотря на голод и болезни, римляне сохранили верность империи и не впустили Витигиса в город. Показательно и то, что и сам король остготов печатал

Юстиниан I Великий.

монеты с портретом Юстиниана I — только власть императора считалась законной. Глубокой осенью 539 г. армия Велизария осадила столицу варваров Равенну, и через несколько месяцев, опираясь на поддержку друзей, императорские войска заняли её без боя.

Казалось, власть Юстиниана не знает границ, он в апогее своего могущества, сбываются планы восстановления Римской империи. Однако главные испытания ещё только ждали его державу. Тринадцатый год правления Юстиниана I был «чёрным годом» и начал полосу трудностей, преодолеть которые могли только вера, мужество и стойкость ромеев и их императора. Это был третий этап его царствования (540—558 гг.).

Ещё когда Велизарий вёл переговоры о капитуляции Равенны, персы нарушили подписанный ими десять лет назад «Вечный мир» с империей. Шах Хосров I с огромным войском вторгся в Сирию и осадил столицу провинции — богатейший город Антиохию. Жители смело защищались, но гарнизон оказался небоеспособным и разбежался. Персы взяли Антиохию, разграбили цветущий город и продали жителей в рабство. На следующий год войска Хосрова I вторглись в союзную с империей Лазику (Западная Грузия), началась затяжная византийско-персидская война. Гроза с Востока совпала с нашествием славян на Дунае. Пользуясь тем, что укрепления границы остались почти без гарнизонов (войска были в Италии и на Востоке), славяне дошли до самой столицы, прорвались через Длинные стены (три стены протяжённостью от Чёрного моря до Мраморного, защищающие предместья города) и начали грабить пригороды Константинополя. Велизарий был срочно переброшен на Восток, и ему удалось остановить нашествие персов, но пока его армии не было в Италии, там оживились остготы. Они выбрали королём молодого, красивого, смелого и умного Тотилу и под его руководством начали новую войну. Варвары зачисляли в армию беглых рабов и колонов, раздавали своим сторонникам земли Церкви и знати, привлекали тех, кого обидели византийцы. Очень быстро маленькая армия Тотилы заняла почти всю Италию; под контролем империи остались лишь порты, которые без флота взять было невозможно.

Но, наверное, самым тяжёлым испытанием для державы Юстиниана I стала страшная эпидемия чумы (541—543 гг.), унёсшая чуть ли не половину населения. Казалось, что невидимый купол Софии над империей дал трещину и в неё хлынули чёрные вихри смерти и разрушения.

Юстиниан хорошо понимал, что главная его сила перед лицом превосходящего противника — вера и сплочённость подданных. Поэтому одновременно с непрекращающейся войной с персами в Лазике, тяжёлой борьбой с Тотилой, который создал свой флот и захватил Сицилию, Сардинию и Корсику, внимание императора всё больше и больше занимали вопросы богословия. Некоторым казалось, что престарелый Юстиниан выжил из ума, проводя в такой критической ситуации дни и ночи за чтением Священного писания, изучением творений Отцев Церкви (традиционное название деятелей Христианской Церкви, создавших её догматику и организацию) и написанием собственных богословских трактатов. Однако император хорошо понимал, что именно в христианской вере ромеев их сила. Тогда была сформулирована знаменитая идея «симфонии Царства и Священства» — союза церкви и государства как гарантии мира — Империи.

В 543 г. Юстиниан написал трактат, осуждающий учение мистика, аскета и богослова III в. Оригена, отрицающее вечные муки грешников. Однако главное внимание император уделял преодолению раскола православных и монофизитов. Конфликт этот вот уже более 100 лет терзал Церковь. В 451 г. IV Вселенский собор в Халкидоне осудил монофизитов. Богословский спор был осложнён соперничеством между влиятельными центрами православия на Востоке — Александрией, Антиохией и Константинополем. Раскол между сторонниками Халкидонского собора и его противниками (православными и монофизитами) в царствование Юстиниана I принял особую остроту, так как монофизиты создали свою отдельную церковную иерархию. В 541 г. начинается деятельность известного монофизита Якова Барадея, который в одежде нищего обошёл все страны, населённые монофизитами, и восстановил монофизитскую церковь на Востоке. Религиозный конфликт осложнился национальным: греки и римляне, считавшие себя правящим народом в империи ромеев, были преимущественно православными, а копты и многие арабы — монофизитами. Для империи это было тем более опасно, что богатейшие провинции — Египет и Сирия — давали огромные суммы в казну и от поддержки правительства торгово-ремесленными кругами этих областей многое зависело. Пока была жива Феодора, она помогала смягчать конфликт, покровительствуя монофизитам, несмотря на нарекания православного духовенства, но в 548 г. императрица умерла. Юстиниан решил вынести вопрос о примирении с монофизитами на V Вселенский собор. Замысел императора сводился к тому, чтобы сгладить конфликт путём осуждения учения врагов монофизитов — Феодорита Киррского, Ивы Эдесского и Фёдора Мопсуэтского (так называемые «три главы»). Сложность состояла в том, что все они умерли в мире с Церковью. Можно ли осуждать умерших? После долгих колебаний Юстиниан решил, что можно, но с его решением не согласились Папа римский Вигилий и подавляющее большинство западных епископов. Император вывез Папу в Константинополь, держал его чуть ли не под домашним арестом, пытаясь добиться согласия под нажимом. После долгой борьбы и колебаний Вигилий сдался. В 553 г. V Вселенский собор в Константинополе осудил «три главы». Папа не участвовал в работе собора, ссылаясь на недомогание, и пытался противодействовать его решениям, но в конце концов всё же подписал их.

Император Юстиниан.
Мозаика в Равенне. VI в.

В истории этого собора следует различать его религиозный смысл, заключающийся в торжестве православного догмата о том, что божественная и человеческая природа соединены в Христе неслиянно и нераздельно, и политические интриги, которые его сопровождали. Прямая цель Юстиниана не была достигнута: примирения с монофизитами не наступило, и чуть было не произошёл разрыв с западными епископами, недовольными решениями собора. Однако этот собор сыграл большую роль в духовной консолидации Православной Церкви, а это было крайне важно и в то время, и для последующих эпох. Время правления Юстиниана I было периодом религиозного подъёма. Именно в это время получила развитие церковная поэзия, написанная простым языком, одним из виднейших представителей которой был Роман Сладкопевец. Это была эпоха расцвета палестинского монашества, время Иоанна Лествичника и Исаака Сирина.

Произошёл перелом и в политических делах. В 552 г. Юстиниан снарядил новую армию для похода в Италию. На этот раз она отправилась сухопутной дорогой через Далмацию под командованием евнуха Нарсеса, храброго полководца и хитрого политика. В решающем сражении конница Тотилы атаковала войска Нарсеса, построенные полумесяцем, попала под перекрёстный обстрел лучников с флангов, обратилась в бегство и смяла свою же пехоту. Тотила был тяжело ранен и умер. В течение года византийская армия восстановила своё господство над всей Италией, а ещё через год Нарсес остановил и уничтожил полчища лангобардов, хлынувших на полуостров. Италия была спасена от страшного разграбления. В 554 г. Юстиниан продолжил завоевания в Западном Средиземноморье, попытавшись захватить Испанию. Полностью этого сделать не удалось, но небольшая область на юго-востоке страны и Гибралтарский пролив перешли под господство Византии. Средиземное море вновь стало «Римским озером». В 555 г. имперские войска разгромили огромное персидское войско в Лазике. Хосров I подписал сначала перемирие на шесть лет, а потом и мир. Удалось справиться и со славянской угрозой: Юстиниан I заключил союз с кочевниками-аварами, которые взяли на себя охрану дунайской границы империи и борьбу со славянами. В 558 г. этот договор вступил в силу. Для империи ромеев наступил долгожданный мир.

Последние годы правления Юстиниана I (559—565 гг.) прошли спокойно. Финансы империи, ослабленные четвертьвековой борьбой и страшной эпидемией, восстанавливались, страна залечивала раны. 84-летний император не оставлял своих богословских занятий и надежд покончить с расколом в Церкви. Он даже написал близкий по духу монофизитам трактат о нетленности тела Христа. За сопротивление новым взглядам императора в ссылке оказались константинопольский патриарх и многие епископы. Юстиниан I одновременно был продолжателем традиций ранних христиан и наследником языческих кесарей. С одной стороны, он боролся против того, чтобы в Церкви были активны только священники, а миряне оставались лишь зрителями, с другой — постоянно вмешивался в церковные дела, смещая епископов по своему усмотрению. Юстиниан проводил реформы в духе евангельских заповедей — помогал бедным, облегчал положение рабов и колонов, восстанавливал города — и одновременно подвергал население жестокому налоговому гнёту. Пытался восстановить авторитет закона, но так и не смог уничтожить продажность и злоупотребления чиновников. Его попытки восстановить мир и стабильность на территории Византийской империи обернулись реками крови. И всё же, несмотря ни на что, империя Юстиниана была оазисом цивилизации в окружении языческих и варварских государств и поражала воображение современников.

Значение деяний великого императора выходит далеко за рамки его времени. Укрепление позиции Церкви, идейная и духовная консолидация православия сыграли огромную роль для становления средневекового общества. Кодекс императора Юстиниана I стал основой европейского права последующих веков.

ТУРЕЦКАЯ ДЕРЖАВА

ТУРЕЦКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ. БОРЬБА ЕВРОПЫ С ТУРЕЦКИМ НАШЕСТВИЕМ

Ранним утром 29 мая 1453 г. предрассветную тишину над Босфором разорвали барабанный бой и грохот пушек. Осаждающие ринулись на штурм древнего Константинополя — столицы некогда могущественной Византийской империи. Город второй месяц героически оборонялся от полчищ турок-османов. Их султан Мехмед II, известный под именем Завоеватель, поклялся сокрушить последний оплот «неверных» на Востоке.

Величественные стены города оказались плохой защитой. 150-тысячному войску османов противостояло около 7 тыс. человек, половину из которых составляли венецианцы и генуэзцы, защищавшие не столько город на Босфоре, сколько связанные с ним свои торговые прибыли. Даже в дни осады купцы-конкуренты находили время для междуусобиц — генуэзцы тайком продавали осаждавшим военные секреты. Западная Европа так и не прислала обещанной помощи. Константинополь был обречён. Сквозь пролом в стене турки ворвались в город. Император Константин погиб в бою, христианские воины были частью перебиты, частью взяты в плен. Лишь немногие сумели спастись на итальянских кораблях.

Мехмед Завоеватель въехал в Константинополь на белом коне. Город был отстроен заново. Купол Святой Софии теперь увенчал турецкий полумесяц, а вместо христианских стягов над Босфором было поднято зелёное знамя пророка Мухаммеда. Под новым именем Истанбул (по-европейски — Стамбул) город стал столицей турецкого государства.

Грозная империя турок-османов возникла совсем не на пустом месте. Воинственные кочевники издавна обитали в Малой Азии, сведения о них доходили в Европу со времён крестовых походов. Благодаря усилиям церковных проповедников у европейцев о них сложилось представление как о варварах, дерзких разбойниках, врагах христианства, с которыми мира быть не может. Однако турки умели быть народом веротерпимым и уживчивым. «Жестокий варвар» Мехмед знал шесть языков, интересовался науками и искусствами, охотно приглашал к себе образованных европейцев. Византийцы и итальянцы, несмотря на многочисленные конфликты, старались поддерживать с турками взаимовыгодные отношения. Словом, турки могли быть для христиан как врагами, так и друзьями, — и никто не мог предсказать, кем они будут завтра.

В XIII в., после монгольского нашествия, турецкий князь Осман-бей собирает турок под своё знамя и создаёт боеспособную армию. Турки — теперь их стали называть «османы» по имени предводителя — были сильны прежде всего неожиданными стремительными набегами 150-тысячной конницы (сипахи), состоящей из служилых людей. С этой конницей они отвоевали у Византии Малую Азию. В начале XIV в. османы выходят к Средиземному морю; используя опыт греков, строят флот. Отныне их жертвами становятся острова Греческого архипелага и купеческие корабли. На жалкие попытки венецианцев, рыцарей-госпитальеров и Папы Римского организовать крестовый поход турки не обращали внимания: ведь каждый из «союзников» преследо-

Султан Мехмед II.
Джентиле Беллини. 1480 г.

вал свои собственные интересы, торгуясь друг с другом и даже с противником. Тем временем турки начали завоевание Балканского полуострова.

Балканы были покорены фактически руками самих балканских народов. Из пленных мальчиков и юношей, обращённых в ислам и обученных военному делу, турки создали пехоту — янычар (от турецкого yeni ceri — «новое войско»). С этим отборным войском, скованным жёсткой дисциплиной, султан Мурад I переправился через проливы Босфор и Дарданеллы, в 1362 г. взял Адрианополь и превратил его в свою столицу. Сербия и Болгария, ослабленные феодальными распрями, стали лёгкой добычей завоевателей. 15 июня 1389 г., в день Святого Вита, на Косовом поле турецкое войско встретилось с армией сербов. Славяне сражались храбро, сербский витязь Милош Обилич пробрался во вражеский лагерь и заколол султана мечом. Но в христианском войске не было единства, знатные военачальники соперничали между собой, и сербы были разбиты. Много воинов пало в битве, попал в плен сербский князь Лазарь. День Святого Вита, «Видовдан», стал для сербов днём скорби. Вскоре после этой битвы пала столица Болгарского царства Тырново. После падения Византии образовалась Османская империя, объединившая Европейскую и Азиатскую Турцию — Румелию и Анатолию.

В Западной Европе с ужасом ждали турецкого нашествия. Наиболее дальновидные политики понимали, что новая империя — грозная военная держава, сила, способная и готовая изменить мировой порядок. У европейцев были основания как для паники, так и для военных приготовлений; одни искали встреч с турками на поле битвы, другие — за столом переговоров. История взаимоотношений стран Европы и Османской империи — это история не только героической борьбы малых народов за независимость, но и соперничества великих держав за господство в Евразии.

Наиболее рьяным и последовательным борцом против турок выступал Ватикан. Всякий Папа, от суровых аскетов Евгения IV и Пия V до беспутного Александра VI, считал «священную войну» с турками «предметом неустанных попечений и забот». Однако на призывы Папы к войне с «неверными» откликнулись в Европе очень немногие. Среди них были родосские рыцари-госпитальеры, оставшиеся противниками мусульман со времён крестовых походов. Превратив Родос в укреплённую твердыню, рыцари наводили ужас на турецкие флотилии, захватывая корабли и пленных. Маленький мужественный остров в одиночку противостоял на море мощным турецким армадам.

Сильным флотом располагала также Венеция, но у неё складывались весьма противоречивые отношения как с турками, так и с европейцами. Торговая Венеция в XV в. владела далматинским побережьем Балканского полуострова и цепочкой гаваней и островов в Эгейском море. Венецианцы берегли свою морскую империю как зеницу ока, и появление турок на Балканах восприняли насторожённо. Регулярные набеги османов на Далмацию ещё можно

Осада Белграда Сулейманом Великолепным в 1543 г. Миниатюра из средневековой рукописи. Середина XVI в.

Султан Сулейман Великолепный. Тициан. 1530 г.

было как-то пережить, но покушения на гавани и пиратские нападения на корабли всерьёз угрожали интересам Венеции. Во второй половине XV в. Мехмед выбил венецианцев из Мореи и Албании и захватил часть островов Эгейского моря. В этой ситуации венецианцы, в целом настроенные на мир и торговлю с Востоком, проголосовали в сенате за войну. Но силы были неравны, и Республика Святого Марка терпела поражение за поражением, несмотря на свои богатства и искусство адмиралов. Турки даже попытались высадить десант в Южной Италии, и только смерть Мехмеда Завоевателя разрушила эти планы.

Союз христианских государей против турок, о котором мечтал Папа Римский, так и не был создан — христианские государи ожесточённо боролись между собой за господство над Европой. Победителем в этой борьбе вышел Карл V Габсбург. Империя Карла опоясала Европу, объединив Испанию вместе с её американскими колониями, Южную Италию, Нидерланды и Священную Римскую империю — Германию и Австрию. Современники говорили, что в государстве Карла никогда не заходит солнце. Держава Габсбургов не знала равных в Европе.

Лишь одно государство могло решиться в открытую меряться силами с Карлом V — Османская империя. Турки при султане Сулеймане Великолепном покорили Переднюю Азию и Северную Африку. В 1522 г. огромная турецкая эскадра осадила Родос и вынудила рыцарей перебраться на Мальту (см. ст. «Рыцарские ордена»). Несколько лет спустя османское войско перешло Дунай и в битве при Мохаче наголову разгромило армию венгров. В 1529 г. армия Сулеймана осадила столицу Габсбургов — Вену. Перед лицом опасности сам Лютер призвал протестантов и католиков объединиться для отпора врагу. Вена была спасена, но ещё два века оставалась прифронтовым городом. Граница двух империй, равных друг другу по военной мощи и агрессивным устремлениям, проходила в нескольких десятках километров южнее Вены. Оттуда, из-за рубежа, постоянно налетали на мирные селения отряды турецкой конницы, сжигали дома и посевы, угоняли скот, уводили в рабство жителей. Три-четыре раза в столетие накатывалось и настоящее турецкое нашествие. Империи соприкасались и сталкивались также на Балканах, не в силах потеснить друг друга.

Попытки нарушить это равновесие на других направлениях не дали результатов. В 1537 г. турки, заручившись одобрением Франции, решили нанести удар с моря. Однако турецкие военачальники напали по ошибке на принадлежавший Венеции остров Корфу. В результате случилось невероятное: Венеция и всегда враждебная ей империя Габсбургов заключили, к радости Папы Римского, союз против турок. Правда, когда на море встретились вражеские эскадры, их адмиралы — знаменитый алжирский пират Хайреддин Барбаросса и генуэзский аристократ, «отец отечества» Андреа Дориа — отлично поладили между собой, и Дориа дал приказ отступить. Ни Карл V, ни затем Филипп II не добились впоследствии никаких успехов в Северной Африке. Ничего не приобрели и турки.

Не в силах потеснить Габсбургов, Сулейман решил отыграться на Мальте и покончить наконец с оплотом рыцарей-госпитальеров. В мае 1565 г. к острову подошла турецкая армада — 200 кораблей с 35-тысячным войском под командованием лучших военачальников. Им противостояли всего 600 рыцарей и 7 тыс. пехотинцев. Четыре месяца длилась осада, названная впоследствии «Великой»; четыре месяца защитники острова, руководимые Великим магистром Ордена, 70-летним рыцарем Жаном де ла Валлеттом, отражали атаки вражеских полчищ и сумели продержаться до прихода подкрепления. Потеряв треть войска и отчаявшись сломить сопротивление мальтийцев, турецкие военачальники сняли осаду и вернулись в Стамбул, где чудом уберегли свои головы от гнева султана.

На следующий год Сулейман двинул стотысячную армию против венгерского города Сигетвара, который защищали две с половиной тысячи человек; они предпочли погибнуть, но не сдались. За два дня до взятия города султан Сулейман Великолепный умер. Сигетвар стал последним — уже посмертным — трофеем властелина, перед которым трепетали Европа и Азия.

Начальник охраны главного везира (визиря), судебный пристав, офицер-янычар из охраны посла.

Преемник Сулеймана, Селим II, поддерживал мирные отношения с Габсбургами, но Венецию решил добить и в 1570 г. послал огромную армию на принадлежавший ей Кипр. Через год турки взяли столицу острова. Их главнокомандующий Лала Мустафа приказал жестоко расправиться с пленными и заживо содрать кожу с губернатора Кипра. Когда об этом узнали в Венеции, решающее сражение с турками стало делом чести венецианцев. 7 октября 1571 г. у греческих берегов близ Лепанто (Навпактос) встретились две эскадры. Объединённым венецианско-испанским флотом командовал сводный брат Филиппа II дон Хуан Австрийский, турецким — адмирал Али-паша. Оба военачальника были молоды, талантливы, честолюбивы, храбры и благородны, обоих окружали испытанные в боях соратники. Оба были полны решимости победить или умереть...

Шесть часов длилась ожесточённая битва, грохот пальбы заглушал звон оружия и вопли сражавшихся, волны окрасились кровью павших. Турки были разбиты, потеряв 30 тыс. убитыми и 187 кораблей из 250. Султан, узнав о случившемся, три дня отказывался есть и беспрестанно молился.

Венецианцы шумно отпраздновали победу при Лепанто, но вернуть Кипр не удалось — союзники наотрез отказались помочь. Тем временем турки отстроили флот. После этой войны Венеция почти на сто лет утратила желание драться с турками и в случае недоразумений предпочитала откупаться.

Ещё двум европейским державам — Англии и Франции — нечего было делить с Османской империей. Находясь на достаточно безопасном расстоянии от турок, они заключили с султаном договоры против общего врага — Габсбургов (Франция — в 1535 г., Англия — в 1580 г.) и постоянно подливали масла в огонь балканской войны. Не ограничиваясь подстрекательством, они постепенно подрывали турецкую экономику, получив от султана так называемые капитуляции — грамоты о привилегиях для европейских купцов, которые впоследствии и привели Турцию к настоящей капитуляции перед западными торговцами. Пока же в империи начали проявляться первые признаки неблагополучия.

К середине XVI в. на Балканах установилось равновесие двух держав. Для турок это означало конец победоносных походов. Не стало военной добычи у сипахов и янычар. Первые стали уклоняться от службы, предпочитая брать оброк с крестьян, разоряя их вконец. Вторые с оружием в руках требовали подачек от султана, грозя ему свержением и нередко приводя угрозу в исполнение. Не видя иного способа прокормить свою беспокойную армию, турецкие

Первый камердинер султана, силяхдар-ага, хранитель личного султанского оружия, офицеры-бостанджи наружной охраны дворца.

Янычарский офицер, капудан-паша, моряк, артиллерист.

правители нападают на Польшу, но даже этот не самый прочный орешек оказывается им не по зубам. По-прежнему стойко обороняет свои границы Австрия. Да и война с Венецией в XVII в., когда после 20 лет военных действий турки заполучили Крит, показывает, насколько неблагоприятно для Османской империи складываются обстоятельства. Свою сухопутную границу в Далмации Венеция продвинула на восток, претендуя на роль третьей решающей силы на Балканах.

Турки всё же решились двинуться в новый поход на Вену. В 1683 г. 170-тысячная армия под началом визиря Кара Мустафы осадила австрийскую столицу. Венцам пришлось туго. Канонада не прекращалась ни днём, ни ночью, штурм следовал за штурмом. Турки уже примеривались водрузить на шпиле собора Святого Стефана знамя ислама, но в последний момент на помощь осаждённым пришёл доблестный польский король Ян Собеский. Битва длилась 14 часов, наконец турки дрогнули и побежали, бросив палатки и оружие. Военная слава досталась Яну Собескому, политические выгоды получил император Леопольд. В несколько лет Австрия отвоевала Венгрию, Трансильванию, Словению и Сербию. Венеция отобрала у турок Пелопоннес. Мальтийцы, за 500 лет не растеряв воинственного пыла, тоже продолжали сражаться с «неверными».

В 1686 г. к противникам турок присоединяется Россия, которая, не имея до этого политических интересов на Балканах, поддерживала мир с Османской империей. Но теперь Россия была накануне своего исторического рывка к морям, и поэтому Турция превращается в соперника, чему немало способствуют Англия, Польша и Венеция. В войне Россия приобрела лишь крепость Азов в устье Дона, впрочем вскоре утерянную, и по милости Англии и Голландии — «посредников» на послевоенных переговорах — не заключила даже прочного мира с турками.

Так к началу XVIII в. меняются политическая карта и расстановка сил. Зреют семена новых конфликтов. В схватку вмешивается новая сила — Россия. Участником конфликта остаётся Австрия Габсбургов, понемногу прибирающая к рукам турецкое наследство. Османская империя, исчерпав свои силы в последнем натиске на Европу, переживает кризис. Впереди — новые сражения, новые герои и жертвы, новая перекройка границ.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

По степным и пустынным просторам ветер гонит перекати-поле... А что заставило сняться с кочевий в туркменских степях и пойти на запад туркменов племени кайы под началом Эртогрула? Вряд ли кто-нибудь даст более или менее точный ответ. Известно только, что Эртогрул со своими людьми оказался в Малой Азии и получил от сельджукского султана Ала ад-Дина Кай-Кубада I (1219—1236 гг.) в качестве удела (удж) землю.

Эртогрул, как гласит восточное предание, видел во сне пророка. Он будто бы сказал Эртогрулу: «Так как ты читаешь и соблюдаешь с благоговением вечные истины Корана, то потомки твои будут возвеличены из поколения в поколение». Со смертью Эртогрула султан Ала ад-Дин Кай-Кубад III утвердил за его сыном Османом (1258—1324 гг.) лен и княжеское звание, пожаловав ему знаки достоинства: саблю, знамя, барабан и бунчук (лошадиный хвост). По имени Османа стало называться княжество (бейлик), ставшее в 1299 г. независимым, а Осман именуется уже султаном.

Сын же Османа Орхан (1324—1360 гг.) чеканит собственные деньги. С 12 лет он участвовал в военных походах отца, а после смерти Османа продолжил борьбу против присутствия Византии в Малой Азии. Орхан завоевал всю северо-западную часть Малой Азии до Мраморного и Чёрного морей и земли, прилегающие к восточному побережью пролива Дарданеллы.

Учтя опыт войны, Орхан укрепляет военную мощь османов. Создаёт пехотные (яя) и конные (мюсселем) подразделения. Их бойцы во время войны получали жалованье, а в мирные дни кормились от земли, за которую не платили налогов. До Орхана войско, сражавшееся с неверными (немусульманами), не имело определённой формы. Орхан предписал носить белые колпаки.

Войны Орхана сопровождались насаждением ислама на новых землях, насилиями над христианским населением. В известном Никейском соборе султан повелел разрушить престолы, трапезную, сжечь иконы, стереть со стен изречения Нового Завета и вместо евангельских истин запечатлеть основную мысль мусульманской религии: «Нет Бога, кроме Аллаха, а Магомет — пророк Его». В Никее Орхан создал первое духовное училище (медресе), где юношей-христиан насильственно обращали в ислам. По взятии Никеи Орхан раздал своим начальникам окрестные поместья вместе с женщинами и девушками из семей бывших владельцев этих имений. Так же действовали потом и другие османские султаны.

В течение XIV—XVI вв. османские султаны подчинили себе множество стран и народов. Изначальный османский бейлик превратился в обширную империю, названную Османской. В Европе турки (так называлось основное население Османского государства Малой Азии) завоевали весь Балканский полуостров, часть придунайских владений и побережье Чёрного моря, превратившегося во внутреннее море Османской империи. В Азии они помимо Анатолии — центра их государства — владели арабскими странами (Си-

рией, Палестиной, Ираком, Хиджазом, Йеменом), частью Армении и Курдистаном. Турки вторгались в Иран и на Кавказ. В Африке им принадлежали Египет, Триполи, Тунис, побережье Красного моря.

29 мая 1453 г. турки штурмом взяли Константинополь, и султан Мехмед II перенёс сюда свою столицу, переименовав город в Истанбул. При Мехмеде II турки покорили две империи (Византийскую и Трапезундскую), шесть княжеств или королевств (в том числе Сербию, Боснию, Албанию, Морею, Караманию, Кастемуни). За это Мехмеда II именовали Фатих (Завоеватель или Победоносный).

Мехмед II впервые учредил Порту, т. е. центральное правительство, издал свод основных законов — «Канун». «Канун» устанавливал четыре главные должности в государственном управлении, два торжественных праздника, а также следующие правила: за султанским столом никто не имеет права есть; государственная печать хранится у великого визиря (главного министра). «Канун» основывался на толкованиях и изречениях Корана.

Мехмед II уделял много внимания воспитанию молодёжи. В Стамбуле по его приказу было построено 8 зданий для школ (медресе). Ученики жили в особых помещениях и обучались грамматике, синтаксису, логике, метафизике, филологии, стихосложению, сочинению в прозе, риторике и астрономии. В старших классах медресе преподавали законоведение, учение о догматах ислама, теорию права, изустные предания и писаные законы.

Усиление Османской империи продолжилось при султане Селиме I Явузе (Грозный, Свирепый; 1512—1520 гг.). Его любимым выражением было: «Чтобы властвовать над народами вполне, надо быть грозным» («свирепым»). По его приказу было казнено 40 тыс. мусульман-шиитов в возрасте от 7 до 70 лет (по принадлежности к одному из двух основных направлений ислама мусульмане делятся на суннитов и шиитов; турки — сунниты, персы — шииты).

Избиение шиитов в Турции побудило иранского правителя шиита Исмаил-шаха объявить войну Селиму, который приказал разорвать на части иранского посла. В августе 1514 г. турки под началом Селима в долине Чалдырана обратили в бегство иранское войско во главе с Исмаил-шахом. Взятые в плен персы были перерезаны.

Разгромив войска Исмаила, Селим пошёл войной на союзника шаха — египетского султана. В Алеппо Селим торжественно назвал себя «покровителем Мекки и Медины» — священных мусульманских городов (прежде так именовали себя только египетские султаны). 31 января 1517 г. турецкие армии заняли Каир. До 50 тыс. жителей Каира полегло под турецкими саблями. Посещая каирские мечети, султан обливал в них слезами пол и одновременно забирал из них всё наиболее ценное. После завоевания Египта власть Селима признали

Султан Махмуд II (1808—1839 гг.), министр внутренних дел, великий визирь (слева направо). Начало XIX в.

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ ЯНЫЧАР

«Всех пленных юношей — неверных (т.е. немусульман) — надо зачислять в наше войско», — такой совет дал султану Орхану визирь и главный воинский судья Аллаэддин. Эта идея была осуществлена при султане Мураде I (1360—1389 гг.).

Перед распростёртыми на земле юношами возвышалась фигура известного дервиша шейха Бекташа. Подойдя к тому из них, кто находился ближе, дервиш поднял руку над его головой, осеняя её рукавом своего халата, и произнёс: «Да будете вы ены черы». Так было положено начало особому корпусу янычар (от «ены черы» — «новое войско»). От остальных военнослужащих их отличал головной убор — белый войлочный колпак с висящим сзади куском материи, напоминающий по форме рукав халата Бекташа.

Вооружение янычар составляли копья, сабли и кинжалы, а роль знамени исполнял котёл для приготовления пищи. Некоторые воинские звания в этом войске также были заимствованы из «кухонного» лексикона. Так, полковник назывался «чорбаджи», т.е. «кашевар».

Сначала янычар была 1 тыс., потом ежегодно набирали ещё по 1 тыс. Жалованье их зависело от продолжительности службы. При Сулеймане I (1520—1566 гг.) янычар было 20 тыс. Во главе корпуса стоял ага. Им по выбору самих янычар становился человек, прошедший все янычарские должности, начиная с низших. Ага был удостоен особой чести снимать с султана обувь при его входе в мечеть. В одной из комнат янычарских казарм был поставлен трон для султана.

Наказ шейха Бекташа первой дружине янычар «проявлять мужество в сражениях и не знать поражений» не стал правилом

поведения. Во время похода Селима против иранского Исмаил-шаха (1514 г.) янычары роптали на тяготы, хотели вернуться обратно. Селим казнил янычарского агу, чем усмирил непослушных, и стал назначать агу сам. Он ввёл должность помощника аги, которому подчинялось несколько начальников. Однако это не помогло сделать янычар покорными.

Начиная с царствования султана Мехмеда II (1451—1481 гг.) у них вошло в правило требовать от султана при вступлении на трон награды. Не довольствуясь этим, янычары бунтовали и ставили на престол угодного им султана.

После смерти Мехмеда II они восстали и убили великого визиря Мехмед-Карамана. Из двух сыновей Мехмеда II они признали султаном Баязида II (1481—1512 гг.), но потом вынудили его отречься от престола в пользу его сына Селима (1512—1520 гг.), за что потребовали от Селима денежного подарка.

В 1524 г. взбунтовавшиеся янычары разграбили стамбульскую таможню, дома великого визиря Ибрахима и других сановников. Султан Сулейман собственноручно убил нескольких бунтовщиков, но был вынужден уступить, откупившись от бунтарей. Осознав свою силу, янычары, не таясь, говорили: «Султан Сулейман стар, пора ему отдохнуть. Мустафа, сын его, поведёт дело лучше, и если великий визирь, Рустем, будет этому противиться, то снимем ему голову». Чтобы не допустить бунта, Сулейман отпустил янычар на отдых. К старости он стал бояться их ещё больше. Однажды, заболев, он узнал, что янычары распускают слух о его смерти. Тогда Сулейман велел перенести себя на свою галеру и приказал делать рейсы вдоль берегов Босфора, чтобы все могли видеть, что он жив.

Не было покоя от янычар и последующим султанам. Они бунтовали при Селиме II Пьянице (1566—1574 гг.), требуя от него вознаграждения по случаю восхождения на престол; во главе с Патрон Халилем свергли Ахмеда III (1703—1730 гг.) и сделали султаном Махмуда I (1730—1754 гг.); в 1807 г. во главе с Кабакчи-оглу низложили Селима III, и с их согласия трон занял султан Махмуд II.

Янычары показали себя плохими защитниками Османской империи на поле боя, ненадёжной опорой султанского трона, и Махмуд II решил создать новое постоянное войско. Солдаты его получили большее денежное довольствие, нежели янычары. Парад нового войска перед их главными казармами они восприняли как вызов. В ночь на 15 июня 1826 г. янычары взбунтовались. Они вытащили из казарм свои полевые знаки, котлы, чтобы выставить их на Этмейдане (Мясная площадь), где всегда собирались бунтовщики, разграбили дома великого визиря, аги янычар, изрубили в куски его 12-летнего сына.

Против бунтовщиков-янычар выступило большинство столичных жителей. В ответ на призывы глашатаев объединиться под знаменем ислама, защищать веру и султана тысячи людей словом и делом выказали ему свою поддержку. Муфтий объявил истребление янычар богоугодным делом, а смерть в сражении с ними — подвигом за веру. По казармам янычар ударили пушки. Деревянные здания запылали. Выходы из казарм перекрыли верные султану войска. Пощады янычарам не давали. Уцелевших (до 1 тыс. человек) солдаты и ополченцы притащили на ипподром, где заседал военный суд. Само появление там уже означало смертный приговор. Все осуждённые были задушены, а их тела брошены в Мраморное море.

Котлы янычар, наводившие страх на христиан и вызывавшие благоговение мусульман, были принародно запачканы грязью, знамёна истоптаны и разорваны, а знаменитый войлочный колпак без всякого почтения таскали по улицам.

Султан издал ферман (указ) об уничтожении корпуса янычар и замене его новым войском. Султанским повелением запрещалось громко произносить слово «янычар». Большие этмейданские казармы лежали в развалинах. Были разрушены мечеть янычар, кофейни, которые они обычно посещали, и даже мраморные надгробия, принятые за янычарские из-за изображённой на них войлочной шапки, похожей на широкий рукав халата.

Сирия, Курдистан (1517 г.), крымский хан (1518 г.).

При преемнике Селима I Сулеймане I (1520—1566 гг.) турки воевали в Европе и на Востоке — с сефевидским Ираном. Иранский шах Тахмасп позволил себе в течение года не извещать султана о своём воцарении. Сулейман был раздражён до крайности таким неуважением «персидского еретика» и написал ему письмо, высокомерное и безмерно оскорбительное. Тахмасп не ответил. Тогда Сулейман велел зарезать несколько сот персидских пленных. В июле 1534 г. турецкие войска вступили в столицу Ирана — Тебриз, потом заняли Багдад — шахскую ставку. По взятии его Сулейман стал именоваться «Властителем двух стран света и двух морей, покровителем Мекки и Медины, обладателем Константинополя, Адрианополя, Бруссы, Кипра, Дамаска, Алеппо, Белграда и Багдада». В 1548 г. Сулейман повёл войско в новый поход против персов. В 1554 г. он объявил Тахмаспу «священную войну», которая закончилась в 1555—1556 гг. миром в городе Амалсье. Грузия и Армения были поделены между Турцией и Ираном.

Назначая наместника в Египте и правителя Сирии, Сулейман I напомнил им изречение: «Ваша жизнь, правители, зависит от достойного отправления правосудия».

За приверженность к законности подданные наградили этого султана прозвищем «Кануни» («Законодатель»). При нём был издан свод зако-

Осада турками Вены.
Иоханнес Страданус. 1589 г.

нов, дополненный и пересмотренный Ахмадом (Ахметом) I (1603—1617 гг.). Основная особенность этих законов — разделение подданных империи на немусульман и мусульман. Соответственно у них были разные обязанности и повинности. Некоторые законы ставили своей целью ограничивать произвол продавца предметов повседневного спроса. В законах о торговле и промыслах содержались предостережения против жестокого обращения со скотом.

Право толковать законы принадлежало представителям высшего мусульманского духовенства (муфтиям). Они могли издавать «фетвы», т.е. в форме ответа на поставленный им вопрос выносить решение о совместимости с исламом того или иного закона и даже действий самого султана.

Духовенство иногда решало, быть или не быть султану на троне. Оно участвовало в свержении султана Селима III (май 1807 г.). Махмуд II остался на троне благодаря соглашению с улемами (мусульманскими богословами).

Суд находился в руках мусульманского духовенства. Духовные судьи решали все дела на основе заповедей ислама. В ведении духовенства находились и школы.

В XVII в. Османская империя вступила в полосу упадка, причиной чего было разрушение её производственной основы — крестьянского хозяйства. К концу XVIII в. под «мёртвыми землями», т.е. заброшенными и заросшими кустарником, оказалось больше половины всех годных для обработки площадей страны. Ослабла власть центрального правительства. К концу XVIII в. вся Османская империя распалась на множество независимых от Порты княжеств во главе с местными тиранами — пашами и беями. Во многих областях возникали целые династии пашей, передававших свой пост по наследству из поколения в поколение. Попытки султанов сместить ту или иную из этих династий нередко кончались неудачей.

Порта искала выход из трудного положения в новых захватнических войнах на Востоке и в Европе. В 1587 г. Турция захватила западные провинции Ирана (Ирак, Аджами, Луристан, Хузестан). В 1588 г. турецкие войска под началом Фархад-паши вторглись в Карабах и захватили Гянджу. По мирному соглашению 1590 г. Иран уступил Турции Тебриз, Ширван с его портами на Каспии, Грузию. В 1602 г. турецкий гарнизон Азербайджана напал на Салмас. В последовавшей затем войне турки потерпели поражение. К персам перешли Азербайджан, Курдистан, Багдад, Мосул, Диарбекир.

По мирному договору Турция соглашалась признать границы такими, какими они были во время правления Селима I (1512—1520 гг.), отказалась от завоеваний Мурада III (1574—1595 гг.) и Мехмеда III (1595—1603 гг.). Иранский шах Аббас в свою очередь согласился давать султану 200 тюков шёлка ежегодно. В 1616—1618 гг. турки дважды затевали войны с Ираном. По мирному соглашению 1618 г. обе стороны обязались придерживаться

КАПУДАН-ПАША ХАЙРЕДДИН БАРБАРОССА

Среди тех, кто промышлял морским разбоем на Средиземном море, были особенно известны братья Баба-Аруджи и Хайреддин по прозванию Барбаросса, происходившие из семьи греков-христиан. Не довольствуясь грабежами, Хайреддин решил захватить восточную часть Африканского побережья (Тедлис). Но этому мешали арабы. Чтобы иметь надёжную поддержку, Хайреддин прислал султану Сулейману захваченное у христиан судно и признал его своим владыкой. Султан назначил Хайреддина правителем Алжира (1520 г.) и дал ему 1 тыс. янычар. Однако арабы вытеснили Хайреддина, он покинул Алжир с крошечным флотом, потом вернулся, укрепился на острове близ Алжира, построил там гавань и держался 10 лет.

Хайреддин стал грозой Средиземного моря. Во главе 15 галер он атаковал и захватил 9 больших испанских кораблей у входа в Алжирскую гавань. Затем, взяв в бою 15 кораблей, направился к берегам Испании. Оттуда он перевёз в Африку до 60 тыс. мавров, изгоняемых Карлом V, королём испанским и императором Священной Римской империи, с Пиренейского полуострова.

В 1533 г. султан Сулейман вызвал Хайреддина в столицу обсудить планы морской войны против Карла V. По пути, близ Мессины, Хайреддин захватил и сжёг 18 венецианских кораблей, потом догнал объединённый венециано-испанский флот Андреа Дориа, разбил его, захватил два корабля и, соединившись с турецкой эскадрой Ахмет-паши, привёл захваченные суда в Стамбул.

Из Стамбула Хайреддин с 25 большими кораблями двинулся к берегам Италии. Он захватил город Реджио, опустошил берега Южной Италии, а отплыв оттуда, высадил войска в Тунисе и овладел городом Тунис.

Подвиги бесстрашного и дерзкого морского разбойника стали широко известны на Востоке и по всей Южной Европе. Карл V лично участвовал в походе против него. На разбойников ополчился флот из 500 кораблей с десантом из испанцев, итальянцев и немцев. Когда флот под началом адмирала Андреа Дориа в июне 1535 г. подошёл к Тунису, Хайреддин бежал в горы с несколькими преданными ему людьми.

После бегства из Туниса он объявился в Алжире, захватил там несколько галер и направился к островам Майорка и Минорка. Разграбив порт Магон и взяв несколько тысяч пленных, Хайреддин явился в Стамбул. Султан пожаловал ему звание капудан-паши — начальника морских сил. Из Стамбула в мае 1537 г. разбойник направился к берегам Италии. Адмирал Андреа Дориа, узнав о приближении Хайреддина, загодя укрылся в Мессине. Турецкий флот подошёл к берегам Южной Италии и произвёл высадку близ Отранто. Месяц турки грабили всё побережье и увели в плен до 10 тыс. итальянцев.

Во время двухлетней экспедиции против Венецианской республики капудан-паша Хайреддин побывал на 25 островах, принадлежавших Венеции, из них 13 опустошил полностью, а на 12 наложил дань. Услышав о намерении соединённых флотов Венеции, Испании и Папы Римского напасть на крепость Превезу, Хайреддин привёл в её гавань 120 судов. Следом вошёл объединённый флот. Произошло морское сражение, и только ночь спасла союзный флот от полного разгрома Барбароссой.

В июле 1539 г. он осадил город Кастельнуово. Крепость была взята. Несмотря на требование янычар, Хайреддин не позволил резать пленных, а привёз их в Стамбул.

В 1542 г. по велению султана Селима Хайреддин продолжал войну против Карла V. В 1543 г. эскадра Хайреддина совместно с французским флотом осадила Ниццу. Сдавшийся город был частью сожжён, частью — разграблен.

Гроза всех морских государств Южной Европы, легендарный Хайреддин Барбаросса умер в 1546 г. Тело его было погребено на Босфоре в Бешикташе.

договора 1612 г. (шах Аббас вместо прежних 200 тюков шёлка должен был платить 100). В 1625 г. турецкие войска безуспешно пытались взять Багдад. Войны с Ираном возобновил султан Мурад IV (1623—1640 гг.). В 1630 г. был захвачен Хамадан, древняя столица Мидии. От города осталось одно название: победители перебили жителей, разрушили здания, вырубили деревья.

В 1635 г. султан Мурад лично повёл войско на Эривань, после взятия которого турки завладели Тебризом. В 1638 г. под натиском войск султана пал Багдад. По мирному соглашению он отошёл к Турции, Эривань — к Ирану. В 1722 г. Порта объявила войну Ирану. Муфтий издал 3 фетвы, в которых приказывал истинно верующим истреблять еретиков. В 1723 г., вступив в Грузию, турецкие войска заняли Тифлис, в 1727 г. — Хамадан, Эривань, Тебрис. Западная часть Иранского государства попала под власть Османской империи.

В 60—80-х гг. XVII в. Турция воевала с Польшей и Россией с целью захвата Украины, в 1683 г. вновь начала длительную войну с Австрией из-за Венгрии. В 1710 г. она объявила войну России с целью возврата Азова и других территорий, в 1714—1718 гг. воевала с Венецией. Порта явилась зачинщиком русско-турецких войн 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг.

Национально-освободительное движение в европейских владениях Османской империи, крестьянское восстание в самой Турции, поражение её в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. — всё это, вместе взятое, обусловило «политику реформ», известных под названием «Танзимат» («реформы»). Программа их была опубликована в ноябре 1839 г. На первом этапе преобразований была создана постоянная армия, введена единая денежная система, во главе провинций, бывших ранее владениями феодальных пашей, были поставлены губернаторы, при которых действовали совещательные органы с участием представителей местных помещиков и купцов; были учреждены первые светские средняя и специальная школы; уголовный кодекс 1840 г. подтверждал неприкосновенность личности и имущества. На втором этапе Танзимата (после 1856 г.) появилось несколько законов о земле, упразднялись мелкие лены (тимары) и зависимость крестьян от их владельцев (тимариотов); иностранцам разрешалось приобретение земли; ограничивалось церковное (вакфное) землевладение.

Танзимат не обеспечил самостоятельного хозяйственного развития и спокойствия внутри страны: из-за введения государственной монополии на соль (1862 г.) она вздорожала, и по деревням про-

Ага (начальник) корпуса янычар, рейс-эфенди, глава ведомства внешних отношений, шейх-уль-ислам, личный при особе султана палач.

Дервиш и шут (сидят), начальник кавалерии, глава ордена дервишей и бродячих факиров.

катились соляные бунты. Не был решён национально-религиозный вопрос: христиан освободили от воинской службы, но обложили особым выкупным налогом; в империи не прекращались восстания нетурецкого населения.

Османская империя по-прежнему вывозила только сырьё, ввозила же ткани и металлические изделия. Она всё больше становилась аграрно-сырьевым придатком передовых европейских держав. На втором этапе проведения реформ европейские капиталисты опутали Турцию сетью военных долгов. Немалую роль в финансовом закабалении страны сыграл имперский Оттоманский банк (учреждён в 1863 г.), принадлежавший английскому и французскому капиталу.

Реформы не предотвратили распада империи. В 1859 г. от неё откололись Молдавия и Валахия, ставшие единым государством (с 1861 г. — Румыния). Продолжалось иностранное вмешательство во внутренние дела империи: в 1858 г. Россия поддержала восстание в Черногории, в 1860 г. Франция высадила свои войска в Сирии, когда там произошли столкновения христиан и мусульман.

Против султанского самоуправства, внутренней и внешней политики Порты выступило «Общество младоосманов» (возникло в 1865 г.). Оно стояло за введение конституции и учреждение парламента. Члены общества осуждали произвол и продажность властей, расточительство двора, несправедливость судей, безответственность министров, уступки иностранным державам. «Пусть сами османы образуют все торговые и промышленные компании в Турции, пусть строят железные дороги сами османы», — требовали члены общества.

Младоосманов поддерживали часть офицерства, софты (учащиеся духовных семинарий). В 1876 г. новая конституция провозгласила Турцию конституционной монархией. Однако султан Абдул Хамид II стоял за всевластие падишаха (официальный титул султана). По его приказу «отец турецкой конституции» великий визирь Мидхат-паша был выслан за пределы Турции. 8 февраля 1877 г. в ответ на высылку Мидхата-паши младоосманы вывели на демонстрацию перед дворцом султана учащихся и горожан. Софты вручили султану прошение, под которым стояли тысячи подписей.

19 марта 1877 г. состоялось открытие первого турецкого парламента. Из-за неудач Турции в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. в парламенте прозвучали голоса, резко осуждавшие султана и всю дворцовую клику. В ответ султан распустил парламент (февраль 1878 г.). Из-за этого, а также подписания султаном Сан-Стефанского мирного договора с Россией (март 1878 г.) один из вожаков младоосманов Али Суави поднял восстание против Абдул Хамида. Во время столкновения с верными султану войсками Али Суави был заколот штыком. Султан жестоко расправился с младоосманами. В Османской империи на 30 лет (1878—1908 гг.) утвердилась деспотия Абдул Хамида. Эти годы получили название «эпохи зулума» (деспотизма, тирании, гнёта).

Офицеры: артиллерист, сипахий, рядовой артиллерист крепостной артиллерии (слева направо).

СТАМБУЛ

Получив известие, что столица Византии — Константинополь — полностью во власти турок, султан Мехмед II (1451—1481 гг.) проехал в центр города. Увидев храм Св. Софии, он остановился, поражённый величием и красотой этого образца византийского зодчества, и велел тотчас же совершить в храме мусульманское богослужение и превратить базилику храма в мечеть.

Храм Богородицы Одигитрии и монастырь Иоанна Крестителя турки беспощадно разграбили.

Константинополь был переименован в Истанбул и стал столицей османских султанов, собор Св. Софии превратился в мечеть Айя София.

Захватив Константинополь, Мехмед II превратил в мечети восемь главных христианских церквей и построил четыре новые мечети. Строительство их продолжалось при его преемниках Баязиде II (1481—1512 гг.) и Сулеймане I (1520—1566 гг.). При последнем была возведена величественная мечеть Сулеймание, строившаяся шесть лет. Её строительство обошлось в немалую сумму 700 тыс. дукатов.

Стамбул по праву считался одним из прекраснейших городов Европы и Азии.

Перед путешественником, прибывшим морем, медленно поднималась из вод громада великого города. На одном из его семи холмов тяжёлым кубом пожелтевшего камня возвышалась Айя София. Неподалёку, словно соперничая с ней, белела мечеть султана Ахмеда, устремив ввысь шесть многоярусных минаретов, а высокий мыс между бухтой Золотой Рог и

Правление Абдул Хамида поддерживали высшее духовенство, помещики, ростовщики, откупщики и иностранные предприниматели. Султан располагал лейб-гвардией и привилегированной конницей «хамидие».

В «эпоху зулума» продолжается расчленение и распад Османской империи. В 1881 г. Франция заняла Тунис, в 1882 г. Англия — Египет.

Иностранные капиталисты установили контроль над финансами и таможнями Турции, завладели её портами, железными дорогами и коммунальными предприятиями. Они подчинили себе всю внешнюю и, в значительной мере, внутреннюю торговлю страны.

В 1894 г. противники Абдул Хамида объединились в партию Османский комитет «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»). Членов партии называли «иттихадистами» (в Европе — младотурками). Младотурки стремились свергнуть единовластие султана, восстановить конституцию 1876 г., обеспечить хозяйственную и политическую независимость Турции от империалистических держав. Они выступали за развитие турецкой национальной промышленности, за «единую и нераздельную Османскую империю».

В июле 1908 г. младотурки предприняли вооружённое выступление, требуя ввести в действие конституцию. Волнения охватили всю страну. Напуганный Абдул Хамид поклялся «Кораном и мечом» защищать конституцию. В конце 1908 г. открылся новый парламент, а в марте 1909 г. партия «Ахрар», опираясь на часть духовенства, дервишей (членов религиозных братств), офицеров гвардии, солдат, подняла в столице мятеж под лозунгами: «Долой конституцию!», «Восстановим шариат!» (в данном случае — мусульманский уклад жизни).

Начались расправы с младотурками. Вожаки партии «Единение и прогресс», бежав в Македонию, создали «Армию действия», которая 26 апреля заняла Стамбул. Решением парламента Абдул Хамид был низложен. Это решение поддержал и глава мусульманского духовенства. «Если повелитель правоверных, — гласила его фетва, — присваивает себе общественное достояние и расточает его, если он без законной причины умерщвляет, заключает в тюрьму и изгоняет своих подданных и творит насилия, если он затем, поклявшись вернуться на стезю добродетели, нарушает клятву, создаёт смуту, вызывает междуусобные кровопролития, то подлежит ли он низложению? Священный закон гласит: "Да!"»

Победившие младотурки сохранили монархию. Вместо Абдул Хамида они посадили на трон его брата, безликого Мехмеда V. Аграрные законы младотурецкого правительства (1913 г.) укрепляли собственность помещиков на землю, но ничего не дали крестьянам. По «Закону о стачках на предприятиях общественного пользования» (1909 г.) рабочие не могли объявлять забастовку без предварительного обращения к правительству.

Младотурецкое правительство усилило национальный гнёт. Все народы в пределах империи были объявлены единой нацией — османами. Обучение в школе на других языках, кроме турецкого, всячески ограничивалось.

Младотурки не боролись против засилья иностранного капитала в стране, делали новые займы, и прежде всего у австро-германских банков. Сотрудничеству с Германией придавалось особое значение. «Промышленная Германия и земледельческая Турция дополняют друг друга», — заявил в 1913 г. один из младотурецких руководителей.

Противники младотурок в стране создали вместо распавшегося союза «Ахрар» новую партию — «Свобода и согласие» («Хурриет ве иттиляф»). В июле 1912 г. иттиляфисты в результате военного переворота свергли младотурецкое правительство.

В октябре 1912 г. Балканские государства — Болгария, Сербия, Греция, Черногория — объявили Турции войну. Потерпев в ней поражение, Османская империя уступила часть своих владений. Известие об уступке территории вызвало волнение в Стамбуле. Младотурки устроили переворот и создали своё правительство. Власть в стране переходит в руки Энвера, Талаата и Джемаля, образовавших так называемый «младотурецкий триумвират».

В октябре 1914 г. немецкий адмирал Сушон с согласия Энвера ввёл турецкий флот вместе с германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» в Чёрное море. Эскадра Сушона без объявления войны 29 октября обстреляла ряд российских портов. 11 ноября 1914 г. Турция провозгласила джихад («священную войну») против стран Антанты.

Её отзвуком в самой Османской империи явилась резня армян, предпринятая турецкими властями. Погибло около миллиона человек. Ранее (1894—1898 гг.) кавалерия «хамидие» вырезала свыше 60 тыс. армян.

На фронтах Первой мировой войны Турция потерпела поражение. Антанта отказалась вести переговоры о мире с младотурками, когда те заговорили о нём. Тогда султан призвал к власти иттиляфистов в лице Ахмеда Иззет-паши. До переговоров с этим правительством Антанта снизошла. Представителей Турции вызвали на остров Лемнос в Мудросскую бухту. Здесь 30 октября 1918 г. на борту броненосца «Агамемнон» британский адмирал продиктовал условия перемирия. Турция должна была отозвать остатки своих войск из арабских стран и оставить ряд городов Закавказья (Батуми, Баку и др.). Она отдавала под контроль победителей железные дороги, порты, средства связи. Турецкая армия подлежала разоружению. Турецкий флот переходил в руки англичан и французов. Победители получали право оккупировать укрепления Босфора и Дарданелл, Армению.

Османская империя прекратила своё существование.

Мраморным морем нёс на себе дворец султана. Постройки дворца раскинулись в старом саду, окружённом крепостной стеной. Отсюда султан совершал свои торжественные выезды, поражавшие всех, кто их видел.

Вот как отправлялся на войну султан Сулейман I (1543 г.). Конвой состоял из 1 тыс. оружейников-стрелков, 500 минёров, 800 артиллеристов, 400 солдат обоза с их начальниками, помощниками, писарями. В составе свиты за султаном следовали все главные придворные чины, в том числе 300 камергеров. Конных телохранителей было 6 тыс. (по 3 тыс. справа и слева). Султана сопровождали также члены дивана (совещательного совета) и четыре визиря с состоявшими при них чиновниками и рабами, султанская охотничья служба — сокольничьи, псари, посыльные и т. д. Под надзором главных конюших двигались лошади разных пород: анатолийские, караманские, курдские, персидские, арабские, греческие. Особу падишаха охраняли 12 тыс. янычар с саблями, пиками и аркебузами. Над султаном развевалось семь бунчуков и семь позолоченных знамён, а 100 трубачей и 100 барабанщиков старались так, что, казалось, уши вот-вот лопнут от рёва и грохота. Непосредственно позади султана шествовали 400 роскошно обмундированных личных телохранителей, за ними — ещё 150 верховых воинов. И наконец, в хвосте этой бесконечно длинной вереницы двигался колоссальный обоз султанской военно-походной квартиры: 900 вьючных лошадей, 2100 вьючных мулов, 5400 верблюдов, нагруженных запасами и снаряжением.

За подобную пышность выезда европейцы прозвали Сулеймана I Великолепным. Далеко за пределы его дворца распространилась молва о роскошных пиршествах, где подавалась серебряная и золотая посуда.

За стенами же роскошного султанского дворца был другой Стамбул — с узкими, кривыми улицами, с деревянными, потемневшими от дождя домами в два и три этажа. Каждый последующий этаж выступал над предыдущим, и дома как бы нависали над улицами, которые были полны лавок, харчевен, кофеен.

Считается, что кофе в Стамбуле появился впервые в 1554 г. Сначала он оказался под запретом. Но даже толкователь Корана шейх Абусууд не согласился издать фетву против кофе. Напиток вошёл в обиход, а кофейни получили у турок название «школ познания».

В XVIII в. Стамбул был одним из центров международной торговли. В его гавани в заливе Золотой Рог располагались пристани и верфи. Основную массу торгового купечества составляли греки и армяне. Галату, пригород Стамбула и бывшую колонию генуэзцев, заселял иноземный торговый люд. В самом Стамбуле, в квартале Фанар, где находилось патриаршее подворье, жили преимущественно греки (так называемые фанариоты), занятые торговлей, банковским делом и ростовщичеством.

Стамбул был свидетелем не только величия султанов, но и их слабости. Не раз с Этмейдана (Мясная площадь) шли толпы к султанскому дворцу, чтобы низложить падишаха или заставить его считаться с народом. Не раз янычары, торговцы, ремесленники и беднота громили дома ненавистных сановников, а стены дворца не могли укрыть от народного гнева и самого султана.

Но когда в 1807 г. Стамбулу угрожала английская эскадра, на защиту города встало всё население. «Артиллеристы поспешили на батареи, — писал свидетель, — янычары сменили свои дубинки на ружья и ятаганы. Старики и дети толпами шли на фортификационные работы, предлагая носить землю. Владельцы домов, мешавших турецким пушкам стрелять по вражеской эскадре, сами спешили разрушить их!»

С крушением Османской империи Стамбул перестал быть столицей Турецкого государства.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК

САСАНИДСКИЙ ИРАН

Золотая колесница Митры, бога Солнца, устремилась ввысь, словно он не хотел ни видеть побоища, ни слышать его страшных звуков. Там, внизу, в кровавой сече сошлись войска парфянского царя Артабана V и правителя области Парс Ардашира (Артаксеркса, по римским источникам, сына Папака и внука Сасана). Ардашир считался подчинённым Артабана, но не спросив его, занял пограничную область Керман. Для наказания ослушника Артабан явился с войском в Парс. Сражение состоялось на Хормузанской равнине в современном Хузистане. Исход двухдневного побоища предрешила гибель Артабана. Он погнался за Ардаширом, сделавшим вид, что отступает. Когда Артабан приблизился, Ардашир, повернувшись в седле, в упор сразил царя, а рать его обратилась в бегство.

С Артабана сняли кожу и натянули её на стену храма богини Анахиты. Так Ардашир почтил властительницу животворящих вод, жрецом храма которой был когда-то его дед, Сасан, принадлежавший к роду правителей Парса. Главное — устрашили многих местных правителей. Многие из них, например армянский царь из рода Аршакидов, не хотели признавать власть Ардашира. События эти случились в 227—229 гг. н. э.

Так у персов появился новый правитель — шаханшах (царь царей) Ардашир I Папакан из рода Сасана. Он положил начало династии Сасанидов. Ираншахр — так стало называться сасанидское государство. Своей столицей первый шаханшах сделал селение Селевкию, называвшуюся в то время Вех-Ардашир, и Тизбон (Ктесифон), расположенные на правом и левом берегах Тигра. Сообщение между двумя частями новой столицы осуществлялось по плавучему мосту.

Молодое государство родилось и росло в войнах. Длительное противоборство Ардашира I с местными иранскими властителями сказители представили как героические сражения, в которых шаханшах победил злого дракона. В действительности Ардашир I захватил Мидию, территорию Иранского, или Южного, Азербайджана, Сакастан (Систан), Хорасан и Мервский оазис, получив контроль над Великим Шёлковым путём.

Стремясь к созданию единого централизованного государства, он решительно боролся против полунезависимых от шаханшаха местных царьков. «Не может быть никакой власти без войска», — провозгласил Ардашир I. Поэтому он держал армию, командиры которой были независимы от правителей областей.

Мощным союзником в деле укрепления своей власти Ардашир считал зороастрийскую религию и её служителей — магов. К концу правления прежней династии парфянских царей она пришла в упадок в Иране. Храмы огня превратились в развалины, во многих местах священные огни были потушены. Правители перестали считаться с магами. Ардашир сразу принялся восстанавливать привилегии магов. Он не только вернул им земли, но обязал население платить им налог — десятину.

Единство страны, как считал Ардашир Папакан, не обеспечить без участия жрецов в решении государственных дел. Было созвано собрание магов, на котором они избрали семь самых праведных. Те в свою очередь выбрали молодого Арда-Вирафу своим представителем при шаханшахе.

Покровительствуя зороастрийской религии, правители Ираншахра были нетерпимы к христианству. Сын Ардашира Шапур I (241—272 гг.) преследовал христиан в своих владениях. В течение 40 лет разрушались церкви, истреблялись монахи и монахини. В 409 г. шаханшах Йездигерд I Грешник (399—421 гг.) разрешил христианам открыто совершать богослужения и восстановить свои церкви, но позже и он подверг христиан гонениям.

Преемник Йездигерда I Бахрам V Гур (421—438 гг.) продолжал сурово преследовать христиан. Они бежали во владения Византии. Константинополь отказался выдать беглецов, и шаханшах объявил Византии войну, которую проиграл. Ему пришлось вспомнить заповедь Ардашира I: «Не может быть никакой власти без войска, никакого войска без денег, никаких денег без земледелия и никакого земледелия без правосудия».

Этой заповеди старался следовать много лет спустя Хосров I Анушиерван, правивший с 531 по 579 г. Ему досталось тяжёлое наследство. Иран страдал от произвола местных властей, продажности чиновников, религиозного фанатизма, бесчисленных войн.

Вступив на престол, Хосров I разделил страну на четыре огромных наместничества. Лично вникая в дела управления и используя вездесущих осведомителей, он держал наместников под своим контролем. И добился того, что Иран достиг своего расцвета.

Для подъёма земледелия был введён новый порядок взимания земельного налога. Издревле казне платили налог в зависимости от плодородия почвы. Он мог составлять от 1/10 до 1/2 урожая. Такой порядок налогообложения был обременителен ещё и из-за лихоимства чиновников. Он не поощрял земледельца собирать больший урожай, приводил к немалым потерям, так как нельзя было жать хлеба или собирать фрукты, до тех пор пока сборщик налогов не определил долю, принадлежащую казне.

Хосров I повелел брать в казну налог только с засеянной земли в определённом правительством размере. Были установлены налоги с фруктовых деревьев, собственности, а также подушная подать. Взимались эти налоги не сразу, а тремя частями с перерывом в четыре месяца. Для того чтобы не было притеснений при сборе податей, жрецам разрешили проверять деятельность чиновников.

Шаханшах следил за состоянием оросительной системы. Особое значение придавалось приведению в порядок и строительству новых подземных водопроводящих каналов. Многие из них действуют и поныне. Главные торговые караванные пути строго охранялись. Выделялись достаточные средства для постройки мостов и поддержания в хорошем состоянии дорог. Через Иранское нагорье пролегали караванные пути, соединявшие порты восточного Средиземноморья со Средней Азией, Китаем и Индией.

Заботясь об усилении боевой мощи Ирана, Хосров I наряду с обычным ополчением создал и регулярные конные воинские части. Он собственным примером внушал, что жалованье получают не за звание, а за выучку и дисциплинированность. Например, он явился однажды за деньгами верхом на коне в боевом облачении, но при проверке у него не оказалось каких-то двух вещиц, составлявших часть снаряжения конника. Главный казначей не дал царю жалованья, пока он не возвратился в полном снаряжении. Тяжело вооружённая регулярная конница была опорой шаха.

Ваза. Золото и серебро. 350 г.

Хосров I был безжалостен, если что-то угрожало его власти. Особую опасность представляло движение маздакидов (по имени вождя — Маздака). Восставшие (движение длилось с 488 г.) требовали всеобщего перераспределения земель, рабов, имущества; истребляли знать, восстанавливали, где могли общинные уравнительные порядки.

Хосров I помнил, как его отец Кавад I, поддержав в начале учение Маздака, лишился трона: недовольная знать поставила вместо него другого шаханшаха. Став царём, Хосров заманил Маздака и его соратников в свой дворец и убил (532 г.). Как утверждают, по всей стране было перебито до 80 тыс. последователей учения Маздака. Впрочем, влияние родовой знати тоже было подорвано.

Суд и наказания при Хосрове I были суровыми. Но, вероятно, впервые в истории страны жестокость при осуществлении правосудия смягчалась милосердием, особенно когда дело шло о наказании молодёжи, обучению которой он уделял большое внимание.

Шаханшах считал, что чем больше население страны, тем больше её богатство. Поэтому он приказал, чтобы в его владениях женщины были замужем, а мужчины женаты. И все работали. Нищенство и безделье Хосров I объявил проступками, заслуживающими наказания. В историю Ирана Хосров I вошёл под именем Аношерван — Справедливый.

Сасанидские правители, начиная с Ардашира I, стремились расширить пределы Ирана на востоке, закрепиться в Закавказье, потеснить Византию и выйти в Средиземноморье. В этом им препятствовали сначала войска Рима, а потом Византии. Ещё в 228 г. иранские войска перешли реку Евфрат, границу владений Рима. Император Александр Север в письме Ардаширу высокомерно назвал его варваром и предостерёг против большой войны, посоветовав ему охранять свои собственные земли и не пытаться коренным образом изменять государственные границы в Азии. В свою очередь Ардашир предложил императору довольствоваться Европой и уйти из Сирии и остальной Азии, позволив персам вернуть их прежние владения. Ответ персов расценили в Риме как дерзость. Римские легионы под началом самого императора двинулись на Иран. Александр Север не блистал полководческими успехами, и ему пришлось в 232 г. заключить перемирие с Ираном.

Воспользовавшись борьбой за власть в Риме, шаханшах Шапур I, сын и преемник Ардашира, решился начать войну с Римом в 241 г. Первоначально военные успехи сопутствовали римлянам. Их легионы под командованием восемнадцатилетнего императора Гордиана III дошли до столицы Ирана, но Гордиана III предательски убил его приближённый — Филипп Араб, который, став императором, поспешил заключить мир с Шапуром в 244 г.

Шапур вновь начал войну с Римом в 258 г. Из-за бездарного руководства римская армия

потерпела полное поражение, и война закончилась в 260 г. пленением престарелого императора Валериана, который и умер в плену. Несмотря на несколько поражений в Сирии, Месопотамии и Армении, победа над Римом считалась главным событием правления.

Свою победу Шапур I приказал запечатлеть на века в наскальном рельефе в Накш-и-Рустеме, на родине своих предков в провинции Парс. Другим памятником победы, одержанной шаханшахом над римлянами, была сооружённая руками пленных «Плотина императора» — сложная оросительная система, возведённая на реке Карун. Легенда рассказывает, что на её строительстве среди прочих трудился и пленённый император Валериан.

При преемниках Шапура I Иран сильно потеснили римляне; ему угрожали и арабы. Так продолжалось до воцарения шаханшаха Шапура II Великого (309—379 гг.). Его провозгласили правителем Ирана ещё до появления на свет, когда верховные жрецы объявили, что царица родит мальчика. Шестнадцати лет, сразу после коронации, Шапур возглавил военную экспедицию на арабское побережье Персидского залива. Он приказал прокалывать пленным арабам плечи, пропускать верёвки и так связывать их друг с другом. За это его прозвали Заплечником.

Армения оставалась столетиями яблоком раздора между Римом и Ираном. В 286 г. с помощью Рима иранские гарнизоны были изгнаны из Армении, а на следующий год соперники разделили её территорию: западные земли стали иранской провинцией, восточные отошли к Риму. Противостояние Ирана и Западной Римской империи, периодически переходившее в военные столкновения и войны, продолжалось. В конце VI в. Византии удалось создать целую враждебную коалицию против Ирана: северным его рубежам грозили хазары, западным — византийские войска, а с северо-востока приближались воинственные кочевники-тюрки. Персидская армия под руководством полководца Бахрама Чубина разбила последних, захватив огромную добычу. В 589 г. византийские войска нанесли поражение Бахраму Чубину на западе Грузии. Рассерженный шаханшах Ормузд IV (579—590 гг.) послал неудачливому полководцу прялку, пряжу и женскую одежду. Оскорблённый Бахрам Чубин поднял восстание. Ормузд IV был свергнут своими приближёнными, ослеплён и убит, а на трон шаханшахов был посажен поддержанный знатью Бахрам Чубин. Сын Ормузда Хосров Парвиз (591—628 гг.), прозванный впоследствии Победоносным, начал с того, что бежал в византийские владения, под защиту императора Маврикия.

В обмен на часть армянских земель и два месопотамских города-крепости Маврикий помог Хосрову II сокрушить силы мятежного Бахрама Чубина и вернуть себе трон в 591 г. Он немедленно пошёл войной на Византию, но в силу внутренних сложностей заключил с ней «вечный мир».

Так в 602 г., воспользовавшись дворцовой смутой в Византии, Иран начал с ней войну. Вскоре были завоёваны Месопотамия и Сирия. Иранские войска овладели практически всей Малой Азией, дошли до пролива Босфор, захватили Египет. В 616 г. полководец Хосрова II Шахр-Бараз овладел Александрией — богатейшим и красивейшим городом долины Нила. Только отсутствие флота помешало осаде Константинополя.

Однако византийский император Ираклий готовил контрнаступление. Проведя свои войска через северные земли Месопотамии и Армении, он затем повернул на юг, дойдя почти до самой столицы Ирана. Хосров, не желавший начать мирные переговоры с Византией, был убит своими приближёнными, провозгласившими в 628 г. шаханшахом его сына Кавада II Шируйэ.

Хотя Кавад процарствовал всего полгода, он всё же успел заключить мир с Византией, который подвёл черту 24-летней войне. Обе страны обязались обоюдно отказаться от всех захваченных территорий, т.е. Иран потерял все завоевания.

У Ирана не было прочного мира и с северными соседями — гуннами, хазарами, тюрками. При шаханшахе Бахрам Гуре в 425 г. с трудом было отбито вторжение эфталитов — родственных гуннам племён. Война с ними возобновилась в 459 г. при шаханшахе Перозе. Он послал правителю кочевников в жёны вместо обещанной царевны рабыню. Обманутый вождь убил часть иранских послов, а остальных, изувечив, выслал с грозным предупреждением. Война закончилась унизительным для Ирана перемирием. Пероз нарушил его и вторгся в пределы эфталитов, но потерпел поражение и погиб, однако в памяти соотечественников он остался Храбрым. Лишь через 20 лет, в результате войн 503—513 гг., Иран покончил с угрозой с Востока.

При Кобаде I (488—531 гг.) иранцы сражались с хазарами, а в 588 г. в пределы государства вторглись тюрки, но стрелы персидских лучников обратили их вспять.

За внешним величием Ирана уже при Хосрове II Парвизе, последнем сильном правителе сасанидской династии, крылся глубокий хозяйственный упадок. Беспрестанные войны подорвали силы державы Сасанидов. Молодые и здоровые мужчины гибли на полях сражений. Некому было возделывать землю, пасти скот, заниматься ремеслом. Приходила в негодность оросительная система, сокращались посевы.

Военная добыча из таких богатых земель, как Йемен, обогащала главным образом царскую семью и военачальников. Будучи правителями отдельных местностей, они стали считать себя полновластными владыками, не обязанными подчиняться приказам шаханшахов, которыми всё чаще становились люди, не способные сплотить страну, добиться поддержки народа. Чрезвычайно острой была борьба различных религиозных течений.

Сасаниды вели между собой непрерывную борьбу за трон. К середине VII в. сасанидский Иран был ослаблен изнутри и не смог противостоять натиску могучего противника — арабов.

КОЧЕВНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В географии существует понятие — Великий степной пояс. Оно обозначает полосу безлесных равнин, которые протянулись от Дуная на западе до Амура на востоке. В наше время Великий степной пояс включает в себя территории следующих стран: Венгрии, Украины, России, Монголии, Китая, почти всего Казахстана. В течение столетий эти степи служили средой обитания кочевых народов, отсюда на соседние страны обрушивалась стремительная конница кочевников-степняков, или *номадов*, так их ещё называют.

Колесница. Наскальный рисунок.

ОБРАЗ ЖИЗНИ КОЧЕВНИКОВ

В глубокой древности люди разделились на земледельцев и скотоводов. Те, кто предпочитал пасти скот, выбирали для проживания места с сочной травой на пастбищах, речками и ручьями для водопоя. Пастухи жили около своих стад, выводили их на луга, а к зиме готовили для них сено. Но бывало так, что скот съедал и вытаптывал подножный корм. Требовались новые пастбища и водопои. Вслед за стадами на новое место переселялись и хозяева. Люди заметили, что в различных местностях удобно останавливаться с лошадьми и овцами в разные времена года. Летом уходили в северные края или на горные лужайки, потому что южные степи высыхали и выгорали от зноя. Зимой, наоборот, возвращались на юг, к незамерзающим рекам, туда, где выпадало меньше снега. Сложился определённый порядок ежегодных передвижений целых родов и племён со своими отарами и табунами. Так появились кочевники.

Скот составлял главное богатство кочевников. Чем многочисленнее стада были у хозяина, тем зажиточнее он считался. Но засухи, болезни или жестокие зимние морозы, от которых животные вымирали, могли внезапно оставить его нищим. Сородичи и соплеменники помогали друг другу в таких случаях. Вот почему родовой строй, первобытные отношения оказались очень живучими среди номадов. Внутренними делами родов и племён управляли местные старейшины.

Но кочевникам нужны были продукты земледелия и ремёсел: хлеб, ткани, оружие и т. д. Добывали их путём обмена или в грабительских набегах. Для таких набегов, а также для обороны от внешних врагов кочевники разных племён объединялись и выбирали военного вождя — *хана*. Если хан обеспечивал удачные походы, то племенные старейшины признавали его верховным правителем над собой и подчинялись его приказам даже в мирное время. Так у кочевников развивалась первичная государственность. С набегами, а иногда и с завоеваниями степняков сталкивались многие народы к югу и к северу от Великого степного пояса. В древности и в Средние века с кочевыми племенами Центральной Азии очень тесно контактировал Китай.

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ

В III в. до н.э. к северу от древнекитайских царств, на территории современной Монголии проживало несколько кочевых союзов племён: иранцы-юэчжи, монголы-дунху, а также хунну. Историки пока не выяснили, на каком языке говорили хунну, но большинство склонно считать их тюрками. Эти племенные союзы конфликтовали между собой и с Китаем, вступали в мелкие стычки, угоняли друг у друга скот и пленных. Так продолжалось до тех пор, пока во главе хунну не оказался вождь Модэ. Сплотив вокруг себя верную дружину, он сверг и убил своего отца и единолично возглавил хуннские племена. Они были разделены на 24 части, и над каждой из них Модэ поставил своего родственника или преданного соратника. Главы двадцати четырёх провинций должны были отправляться на войну вместе со своими ополчениями по первому же приказу правителя. Чтобы отличаться от родовых и племенных предводителей, Модэ принял царский титул *шаньюй*. Большая и дисциплинированная конница шаньюя завоевала дунху, затем обрушилась на юэчжей. Большое войско вторглось в Китай и заставило императора выплачивать дань хунну. Китайское правительство было готово пойти на любые уступки, чтобы обезопасить своё государство от нашествий с

севера. Шаньюй был признан равным по знатности императору, а держава хунну — равной Поднебесной империи. Важным средством сдерживания кочевников стали пограничные рынки. Китайские купцы, чиновники и местные крестьяне свозили туда рис, шёлк, вино, фарфоровую посуду и прочие товары, ценные для степняков, и меняли всё это на лошадей, шерсть и войлок. Торговля на границе с Китаем некоторое время отвлекала хунну от грабительских вторжений.

Пределы кочевой империи хунну раздвинулись от Тянь-Шаня до Приамурья. Огромная территория, многочисленное и послушное население, сильное войско, страх и заискивание соседей — всё это превратило шаньюя в одного из самых грозных и могущественных правителей в мире. Упоённый победами, он теперь титуловался так: «Рождённый Небом и Землёю, Поставленный Солнцем и Луною хуннский великий шаньюй». До этого Сыном Неба считался только китайский император.

У власти в державе хунну стоял род Люаньди, из которого происходил и Модэ. Со временем этот род разросся. Его представители — правители провинций, военачальники, придворные служители — всё чаще начинали борьбу за должности и посты. То одна, то другая ветвь рода пыталась захватить шаньюйский престол. В I в. до н.э. усобицы привели к расколу хунну на северных и южных. Южный шаньюй признал свою зависимость от Китая. Северные хунну во главе с собственным шаньюем пытались отстоять свою самостоятельность в сражениях с сильными соседями, которые после раскола державы осмелели и стали вторгаться в монгольские степи. С севера и востока нападали кочевые племена. Самыми могущественными из них были древние монголы-сяньби, потомки дунху. В конце I в. н.э. часть разгромленных ими северных хунну отступила далеко на запад и отправилась на поиски новой родины. Пройдя через весь Великий степной пояс и смешавшись по пути с разными народами, эти осколки некогда могучей державы в IV в. появились на границах Римской империи под именем гуннов.

Южные хунну, спасаясь от сяньбийского нашествия, переселились за Великую Китайскую стену, под защиту императора. А в опустевшие степи во II в. н.э. стали вливаться сяньби. Рост их могущества и окончательная победа над хунну связаны с именем Таньшихуая. Он гордился разгромом хунну и считал, что отныне титул шаньюй утратил престиж. Предводители сяньби стали использовать новый титул — *каган*, понимая его как равный императорскому.

Со смертью Таньшихуая союз сяньби распался на несколько враждующих племён. В V в. сильнее других оказался древнемонгольский народ жужани, родственный сяньби. Жужаньский государь Шэлунь тоже стал называть себя каганом. Так же как и сяньби, Жужаньский каганат (держава) занимал прежние владения хунну. Кагану подчинялись многие кочевые племена Центральной Азии. Среди его подданных был и небольшой племенной союз под названием «тюрк». Древние тюрки жили в Алтайских горах и были обязаны изготовлять для каганского войска оружие и доспехи. Во главе их стоял род Ашина, происходивший, по преданию, от волчицы. Внутренние смуты, неудачные войны с Китаем и окрестными кочевниками ослабили каганат. Этим решили воспользоваться тюрки. Их предводитель Бумын, вождь рода Ашина, попросил для себя в жёны дочь жужаньского государя Анахуаня. Тот рассвирепел: «Ты ведь наш простой кузнец! Как ты осмелился произнести подобные слова?!» — и выгнал послов Бумына. Так тюрки получили повод для восстания. Бумын во главе тюркской конницы, закованной в латы собственного изготовления, и в союзе с другими племенами, которые не желали терпеть жужаньское господство, напал на кагана. Разгромленный и покинутый всеми, Анахуань покончил жизнь самоубийством в 552 г.

Под власть новых правителей перешли все бывшие владения жужаней. Бумын принял титул кагана и объявил себя верховным государем всех кочевых народов. Своего младшего брата Истеми он назначил младшим каганом и передал ему в управление все земли к западу от Алтая. Истеми получил приказ догнать и разбить отступающих жужаней-авар, а заодно и подчинить другие степные народы. Тюркские войска прошли территорию Казахстана, Поволжья, завоевали на Северном Кавказе территории хазар и болгар. Эти два тюркоязычных народа выделились из гуннского союза. Болгары кочевали по реке Кубани и на берегах Азовского моря. Хазары в то время жили на территории Дагестана.

К 70-м гг. VI в. в составе Тюркского каганата оказалось пространство от Чёрного моря до Кореи. С этой могучей империей вынуждены были считаться и царства Северного Китая (тюрки заставили их выплачивать дань), и Иран, и Византия. Дело в том, что каганат контролировал Великий Шёлковый путь — древний караванный маршрут, по которому из Китая в Европу перевозили драгоценный шёлк и другие товары. Иран и Византийская империя часто враждовали друг

ОБРАЗ ЖИЗНИ КОЧЕВНИКОВ

Вся жизнь кочевника была приспособлена для ухода за скотом, который давал людям всё необходимое. Основной пищей были молоко и мясо. При длительных переходах требовалось сохранять продукты, поэтому степняки изобрели множество блюд из сушёного мяса и молока. Ясно, что одежду они шили из шерсти, кожи и шкур домашних животных. Подвижный образ жизни не позволял строить постоянные посёлки, и кочевники придумали разборные и передвижные жилища. Обычно их называют юртами или кибитками. Одни кибитки собирались из деревянных решёток и обтягивались войлоком, другие сооружались прямо на повозках, запряжённых вьючными быками или верблюдами.

АВАРЫ

Остатки жужаней, разбитых тюрками, обратились в бегство на запад, как когда-то хунну. И так же, как хунну, прошли сквозь степи и через два десятилетия появились у рубежей Византии под новым именем — авары. На территории современной Венгрии они основали мощную державу — Аварский каганат. Его правители обложили данью соседние народы и долгое время держали в страхе европейские королевства и Византийскую империю. В IX в. авары были разгромлены Карлом Великим, императором франков. От авар византийцы, а за ними и жители Западной Европы узнали о новой громадной кочевой империи — Тюркском каганате.

с другом из-за Шёлкового пути и теперь постарались заполучить тюрок к себе в союзники. В конце концов каганы решили сблизиться с Византией. В начале VII в. греко-тюркская армия развернула наступление на иранские владения в Закавказье. Под стенами осаждённого Тбилиси состоялась встреча кагана Тон-джабгу и византийского императора Ираклия, который возложил на голову союзника свою корону и пообещал выдать за него свою дочь. Иранские отряды в беспорядке отступали, шах готов был признать поражение, но тут среди тюрок разразился тяжёлый конфликт.

Территория каганата делилась на два «крыла»: восточное, где правили потомки Бумына, и западное — во главе с потомками Истеми. Предводители племён — *беки* — составляли аристократию каганата. Тюрки были язычниками и считали главным божеством Синее Небо (Тенгри), которое дарует каганам военные победы, а всему тюркскому народу — благополучие и процветание. Единство «степной империи» оказалось недолговечным. Между наследниками Бумына и Истеми начались распри, и в начале VII в. она распалась на два независимых каганата — Восточный и Западный. Ослабленный Восточный Тюркский каганат попал в зависимость от Китая. Позднее, в конце VII в. он возродился и через несколько десятилетий был окончательно разгромлен враждебными кочевниками. Та же судьба постигла и Западный Тюркский каганат.

На развалинах Восточного Тюркского каганата создали своё объединение уйгуры — один из народов, прежде подчинявшийся тюркам. Они активно вмешивались в политическую жизнь Китая, по просьбе императоров подавляли восстания мятежных китайских военачальников. Желая сплотить подданных единой религией, уйгурский Бёгю-каган ввёл в своей державе манихейство — вероучение иранского происхождения. Под контролем уйгурских монархов находились оживлённые торговые пути в Восточной Азии. Но и уйгуры не смогли надолго удержать за собой центральноазиатские степи. В середине IX в. в войнах с енисейскими кыргызами Уйгурское царство рухнуло, а его жители переселились на юго-запад. Их потомки проживают сейчас в китайской провинции Синьцзян.

Кыргызы вскоре покинули территорию побеждённого ими Уйгурского каганата. В обезлюдевшую страну стали перекочёвывать с Дальнего Востока древнемонгольские племена, самыми сильными из которых были кидани. Они всё крепли и усиливались, и наконец в 907 г. один из киданьских ханов, Елюй Амбагай, провозгласил себя императором. Позднее, по китайскому образцу, он объявил об основании новой династии и новой империи под названием Ляо (Железная). Эта китайская терминология говорила не только о подражании китайцам, но и о планах подчинения Китая. Действительно, в начале XI в. Китай проиграл войну с киданями и стал выплачивать им дань. Как и почти все их предшественники — создатели кочевых каганатов и империй, — кидани оставались язычниками. Но влияние китайской культуры помогло им изобрести собственную письменность — две системы письма, ни одна из которых пока не расшифрована учёными.

С конца XI в. начался упадок империи Ляо, и в XII в. она была завоёвана выходцами из Приамурья чжурчжэнями, предками маньчжур. Это были уже не кочевники, а земледельцы и охотники. Захватив киданьские земли и Северный Китай, они основали собственную империю Цзинь (Золотая), которая просуществовала меньше ста лет и была разгромлена монголами.

И кидани, и чжурчжэни нередко враждовали с тюркскими и древнемонгольскими союзами племён, которые оставались в степях или пришли туда после ухода енисейских кыргызов. Наиболее крупными из этих союзов были найманы, кереиты, татары и тайджиуты. В середине XII столетия в семье вождя тайджиутского племени киятов родился Темучин — будущий Чингис-хан, основатель очередной кочевой державы — Монгольской империи.

На протяжении почти двух тысячелетий кочевые народы очень заметно воздействовали на политику и культуру крупнейших цивилизаций Азии и Европы. Но к XVII в. их влияние резко снизилось. Это произошло потому, что традиционные связи между земледельцами и скотоводами утратили прежнее значение. В Западной Европе и в России появилось мануфактурное производство, огнестрельное оружие; главные и самые прибыльные торговые пути проходили теперь по морям и океанам. Кочевой мир остался в стороне от магистральных путей цивилизации. Население степей продолжало вести привычную пастушескую жизнь, а экономика кочевников всё больше отставала от развитых стран. К началу XX в. все номады были включены в состав более сильных и могущественных держав.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОНГОЛИЯ

Временем великих потрясений и катастроф оказалось XIII столетие для многих народов Азии и Европы. Из глубин евразийских степей на них обрушилось монгольское нашествие. После череды непрерывных войн образовалась колоссальная держава — Еке Монгол Улус. По своим размерам она превосходила все империи, которые до того существовали в истории. При верховном хане Мункэ в 50-х гг. XIII в. под властью завоевателей находилось пространство от Средиземного до Жёлтого моря. Христианский мир был охвачен ужасом и недоумением: каким образом монголы смогли создать такое громадное царство? Короли и султаны подолгу расспрашивали проезжих купцов, направляли в Еке Монгол Улус послов и шпионов, пытаясь таким образом узнать, какие замыслы вынашивали его правители, на кого они направят следующий удар.

МОНГОЛЬСКИЕ ПЛЕМЕНА В ДРЕВНОСТИ

Племена древних монголов кочевали в степях к северу от Великой Китайской стены и к югу от озера Байкал и Алтайских гор. Впервые они упоминаются придворными историками китайской династии Тан в VIII в. Хронисты вкратце описали обычаи далёкого северного народа мэн-у — предков монголов. Постепенно из Приамурья те перекочевали на Запад и наконец заселили территории современной Монголии, Внутренней Монголии (ныне это территория Китая) и Забайкалья. Самые известные и могущественные племенные союзы древних монголов были у татар, кереитов, найманов и тайджиутов. Все они состояли из родов во главе с князьями — *нойонами*. Нойоны определяли маршруты перекочёвок для своих сородичей, вершили суд с помощью дружинников — *нукеров*. Часто монголы разных племён враждовали из-за пастбищ и водопоев, между нойонами начинались стычки и распри. Случалось, что один племенной союз начинал войну против другого. Иногда монголы делали набеги в соседний богатый Китай. Для таких больших военных предприятий знать выбирала главного военачальника — *хана*. Во время войны хану подчинялись ополчения племён и дружины нойонов. Постепенно ханы собирали вокруг себя преданное войско, накапливали в своей казне военную добычу; некоторые из них оставались ханами и в мирное время и даже передавали этот титул своим детям. Так стали

Чингис-хан с соколом. Средневековый китайский рисунок.

ЧТО ТАКОЕ УЛУС

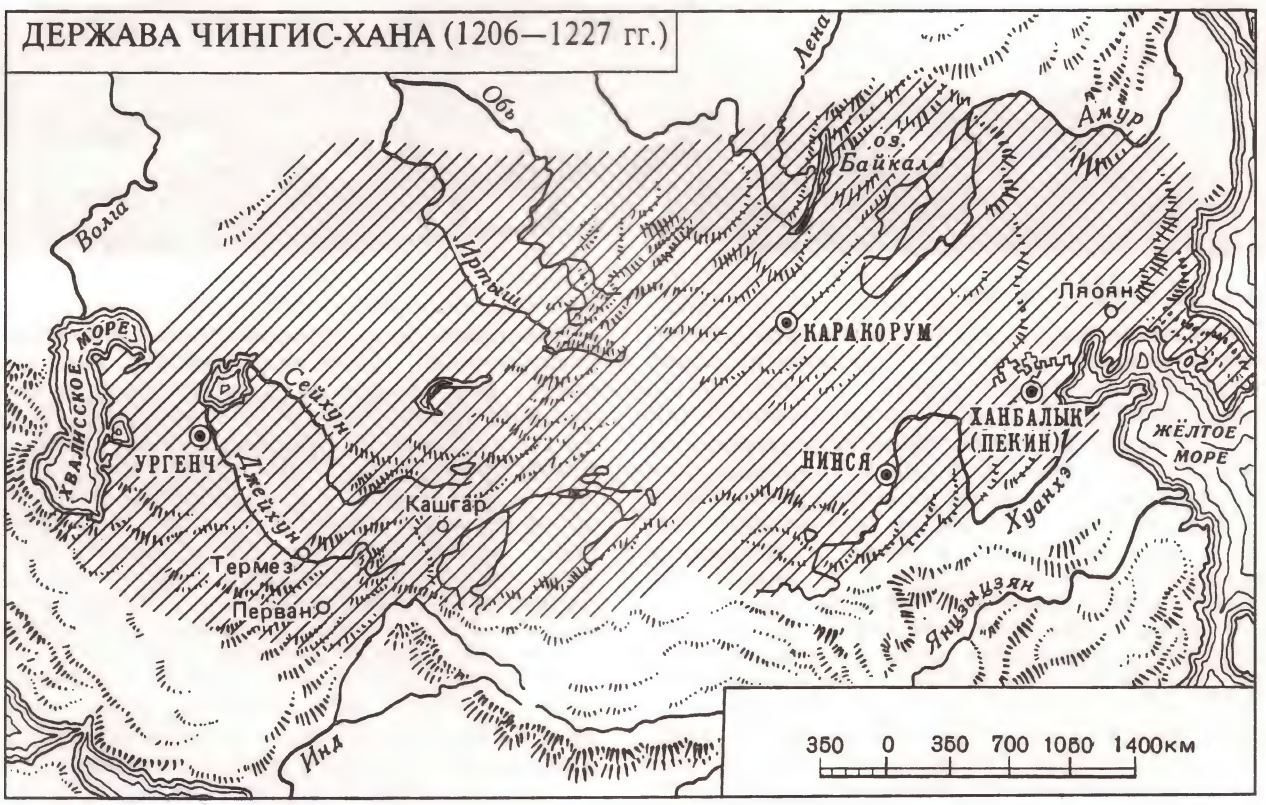
У монголов XII—XV вв. понятие «улус» обозначало подвластное население. Народ-улус, кочевавший по определённой территории, предоставлялся ханами в качестве удела нойонам, т. е. князьям и военачальникам. По мере общественного развития слово «улус» с середины XII в. стало использоваться как синоним ханства. В связи с распределением завоеванных стран между потомками Чингис-хана «улус» приобрёл значение «управляемая территория», позднее – «государство» (Улус Джучи, Улус Чагатая, Еке Монгол Улус – «Великая Монгольская держава»). В Монгольской империи XIII в. улусы делились по принадлежности к правому и левому «крыльям», по степени родства их правителей с Чингис-ханом, по количеству выставляемых ополченцев (10 000, 1000, 100 всадников). В татарских ханствах XV—XVII вв. улус – территориально-административная единица, селение.

возникать ханства (*улусы*) у кереитов, найманов и татар. Одним из самых сильных и крупных был улус тайджиутов, образовавшийся в первой половине XII в. под предводительством удачливого военачальника Хабула.

Такие степные ханства были недолговечными. Как только военная удача изменяла предводителю или нойоны начинали опасаться усиления государя, объединение немедленно распадалось. Серьёзным испытанием на прочность были эпидемии, голод, массовая гибель скота от стихийных бедствий. Очень часто ханство разваливалось из-за неумения семьи хана сохранить свои владения после его смерти. Именно так произошло у монголов-тайджиутов после внезапной гибели улусного правителя Есугэя, внука Хабула. Подданные отказались подчиняться его вдове с малолетними сыновьями. Старшим сыном Есугэя был девятилетний Темучин.

ОТ ТЕМУЧИНА К ЧИНГИС-ХАНУ

Мусульманские средневековые историки называли годом его рождения 1155, китайские — 1162. Первые годы жизни Темучина прошли в скитаниях и лишениях. Когда юный нойон подрос, он попросился на службу к хану кереитов Тоорилу. Тот в своё время побратался с отцом Темучина и считал себя обязанным помогать семье побратима. Помня старую дружбу, Тоорил содействовал Темучину в собирании улуса его отца. После нескольких победоносных походов Темучин сплотил вокруг себя отряд из преданных дружинников. Около 1180 г. они провозгласили своего вождя ханом с титулом «Чингис». Значение этого слова точно не известно. Одни учёные считают, что оно происходит от тюркского «тенгис» — «океан», другие видят в нём имя одного из древних монгольских божеств, третьи находят сходство с персидским титулом «джихангир» — «покоритель мира». Приближённые шаманы обосновали право Чингис-хана на царствование, брат его Хасар возглавил войско, во главе отрядов были поставлены друзья и соратники хана, в том числе знаменитый в будущем полководец Субедэй. Тоорил не видел опасности в усилении молодого вождя. Вместе они громили враждебные племена, вели переговоры с китайской империей Цзинь о совместных войнах против татар. Один за другим племенные союзы оказывались разгромленными Чингис-ханом и Тоорилом. Сотрудничество двух государей казалось незыблемым. Но в начале XIII в. оно дало трещину, и союз их распался. Сказались и ревность сыновей Тоорила, и стремление молодого монгольского хана к самостоятельности, и нарастающая подозрительность кереитского правителя ко всё более могущественному сыну побратима. Осенью 1203 г. кереиты были разгромлены Чингис-ханом. Тоорил бежал и вскоре погиб в случайной вооружённой стычке.



Храм Лавран в Эрдени-Дзу. Монголия.

Чингис-хан продолжал успешные войны с соседними ханами. Число его подданных и воинов всё умножалось. Многие нойоны тянулись к удачливому правителю и с удовольствием участвовали в его походах, в дележе трофеев, разграблении побеждённых улусов. Наконец все крупные улусы и племена были разбиты и покорены. Некоторые ханы бежали прочь из монгольских степей, остальные полегли в боях. Соперников у Темучина не осталось. В 1206 г. на берегу реки Онон в Северной Монголии состоялся *курултай* — съезд знати. Нойоны провозгласили Чингис-хана *каганом*, т. е. верховным государем всех монгольских племён. В его честь было воздвигнуто огромное девятиконечное знамя, изготовленное из хвостов белых жеребцов, — символ власти нового степного монарха. Теперь уже никто не смел ему противоречить. Монгольские аристократы подчинились победителю и стали выполнять его распоряжения; такие распоряжения назывались «яса», они обрели силу общегосударственных законов. Позже, собранные вместе, они составили так называемую Великую Ясу — кодекс законов Монгольской империи. Иранский писатель XIII в. Ала ад-Дин Джувейни писал о ясах: «Во времена, когда только начиналось его (Чингисхана. — *Прим. ред.*) поприще, и монгольские племена стали присоединяться к нему, он упразднил распространённые среди них предосудительные обычаи. Став на путь достохвальной мудрости, он учредил обычаи достойные, многие из которых согласуются с шариатом (мусульманским правом. – *Прим. ред.*)... Те ясы занесли на свитки и хартии, называемые Великой книгой ясы и хранящиеся в казне наиболее почитаемых царевичей. В случае, если восходит на трон новый

хан или седлает коней большое войско, или съезжаются царевичи и начинают обсуждать государственные дела, тогда эти свитки извлекают и руководствуются ими. При снаряжении войска, опустошении стран и городов поступают таким же образом».

Монголия была разделена на три области — Центр и два «крыла», которые состояли из 95 округов — «тысяч». Каждый из этих округов должен был выставить на случай войны по тысяче боеспособных всадников. Воины в «тысячах» делились на «сотни» и «десятки». Их возглавляли десятники, сотники и тысячники. Над ними стояли *темники* — предводители *туменов* (десятитысячных корпусов), а также начальники «крыльев», подчинявшиеся кагану. Под страхом смертной казни отныне запрещалось самовольно переселяться из одного округа в другой. Это привело бы к путанице при сборе налогов и, главное, при наборе ополчения. Персону государя окружали гвардейские отряды. В гвардию набирали сыновей и младших братьев тысячников и сотников. Находясь при дворе, они были заложниками, гарантировали покорность своих родичей; в то же время из них каган выдвигал командиров и чиновников на разные должности в новом государстве. Был учреждён пост верховного судьи, в кочевой ставке Чингис-хана появились юрты писцов и переводчиков, хозяйственных чиновников, ответственных за сбор податей, изготовление вооружения и т. д. В то время монголы ещё не создали свой алфавит, поэтому Чингис-хан распорядился, чтобы в канцеляриях использовали письменность тюркского народа уйгуров, который жил западнее, в пределах современной китайской провинции Синьцзян, граничащей с Казахстаном. К Чингисовым внукам и детям из знатных семей были приставлены уйгурские учителя для обучения грамоте, т. е. уйгурскому письму, приспособленному к монгольскому языку.

Теперь монгольские нойоны уже не могли наживаться за счёт междуусобных войн, отнимая друг у друга табуны и переселяя пастухов в свои стойбища. Все монголы превратились в подданных единой империи. Чингис-хан должен был чем-то возместить знати этот утраченный источник обогащения. Кроме того, в ходе государственных реформ он поставил во главе провинций и армейских подразделений своих верных сподвижников — в большинстве своём незнатных. Так нойоны оказались оттеснёнными от управления государством и войском. Успокоить их можно было только обещанием будущей добычи в соседних странах. Тем более что теперь успех был обеспечен, так как в походы отправлялись не разрозненные ополчения мелких племён, а сильная и дисциплинированная армия молодой монгольской державы. Нужно было учитывать и настроения простонародья. Рядовые кочевники, казалось, выиграли от объединения племён в государстве, так как прекратились разорительные конфликты нойонов. Но вместе с государственной властью пришли тяжёлые подати и повинности. Раньше *араты* (рядовые кочевники) могли перейти от одного алчного нойона к другому, менее прижимистому. Чингис-хан же, как уже говорилось, запретил любые передвижения без разрешения начальства. Напряжение в низах стремительно нарастало, нужно было срочно искать выход из положения. От правительства требовалось обеспечить знати и аратам шанс на обогащение, на почётную службу в гарнизонах на территории завоёванных стран. В этих условиях Чингис-хан решил начать войны с соседями, чтобы направить энергию боеспособных подданных на захват окрестных государств.

ЗАВОЕВАНИЯ ЧИНГИС-ХАНА

Чтобы вступать в борьбу с китайскими империями или с мусульманскими султанатами, требовалось подготовить тыл. Как бы отважно ни сражались воины Чингис-хана, их было слишком мало для вторжения в Цзинь (Северный Китай). Необходимо было найти союзников и увеличить численность войска. И Чингис-хан нашёл средство для этого. Он выдвинул лозунг, политическую программу объединения под своей властью

Ханский дворец в Каракоруме. XII в. Реконструкция.

Юрта. XX в.

всех «народов, живущих за войлочными стенами», т. е. кочевников. По соседству, а кое-где и вперемешку с монголами жили многочисленные тюркские народы и племена. Именно к ним в первую очередь и был обращён призыв кагана о единстве. В течение нескольких лет его послы и отряды разъезжали по тюркским владениям и убеждали местных правителей войти в состав Еке Монгол Улуса. К 1211 г. к новой степной империи добровольно присоединились енисейские кыргызы и другие народы Южной Сибири, сильные центральноазиатские княжества карлуков и уйгуров. Кыргызы — прославленные кузнецы и металлурги — снабдили монгольскую армию оружием: клинками и наконечниками для стрел и копий, щитами и доспехами. Уйгуры — носители древней оригинальной культуры — пошли в придворную администрацию. Эти народы и многие другие тюркские кочевники предоставили свои войска для осуществления планов кагана.

И всё равно благополучный исход конфликта с могущественной империей Цзинь не был гарантирован. Нужно было расколоть северокитайское царство изнутри. К тому времени Северный Китай уже почти сотню лет был завоёван чжурчжэнями, выходцами с Дальнего Востока; императорская династия Цзинь была чжурчжэньской. Но они в своё время утвердились на китайской земле, разгромив точно таких же завоевателей — киданей. Императорский род киданей Елюй был свергнут, а сами они направлены к северной границе в качестве пограничной охраны. И вот монгольская агентура стала пропагандировать среди киданьских пограничников идею о том, будто Чингис-хан собирается воевать только с чжурчжэнями, мстить им за прежние набеги на монголов; а после его победы, дескать, независимое царство киданей будет восстановлено. Те поверили. Когда в 1211 г. монголо-тюркские полчища двинулись на юг, их уже ожидали. Стотысячная армия киданей перешла на сторону Чингис-хана и распахнула перед ним ворота в Великой Китайской стене. Киданьский принц Елюй Чуцай стал ближайшим советником кагана. Началась тяжёлая пятнадцатилетняя борьба с Цзиньской империей. Конечно, монгольский владыка не желал восстанавливать государство киданей. Он ограничился только учреждением маленького зависимого киданьского княжества в Восточном Китае.

Чжурчжэни и китайцы сопротивлялись отчаянно, но под ударами монгольской конницы были вынуждены постепенно отходить всё дальше на юг, оставляя крупные города. Во время пребывания в Китае армия Чингис-хана переняла многие достижения китайской культуры и военной техники. Её силу многократно увеличили китайские специалисты по обслуживанию метательных и стенобитных орудий, необходимых при осаде крепостей (до того кочевники не умели штурмовать городские укрепления). С тех пор войска Монгольской империи отправлялись в поход, снаряжённые таранами и камнемётами.

Через пять лет Чингис-хан понял, что добиться быстрой и окончательной победы в Китае не удастся. Он оставил большую армию для продолжения войны, а сам вернулся в Монголию. Теперь он направил агрессивные замыслы на запад, в сторону мусульманских стран. Ближайшей из них была держава хорезмшахов в Средней Азии и Иране. От купцов и лазутчиков Чингис-хан знал о несметных сказочных богатствах этого государства. Для разведывания укреплений, количества войск и настроений в народе он послал большой торговый караван. Но хорезмские власти не пропустили шпионов-купцов дальше города Отрар на реке Сырдарье. Они были перебиты, а товары конфискованы. Шах Хорезма Мухаммед отказался выдать наместника города на расправу взбешённому Чингис-хану. Повод для вторжения был создан. Каган вознамерился наказать Мухаммеда.

Женщина народности халха в национальном костюме и головном уборе.

Женский поясной набор. XIX в.

В 1219 г. огромная монголо-тюркская армия несколькими колоннами двинулась на среднеазиатские города. Шах не доверял собственным наместникам настолько, что держал у себя во дворце их сыновей как заложников. Его охрану составляли отряды кипчаков (половцев), соплеменников его матери, которых ненавидели жители Хорезмского царства, — в основном персы и таджики, видя в них «диких» кочевников. Постоянно опасаясь мятежа, Мухаммед побоялся собрать ополчения наместников воедино. Он распорядился, чтобы каждая крепость оборонялась самостоятельно. Поэтому большие и богатые города (Бухара, Самарканд, Мерв, столица государства Хорезм город Ургенч) были захвачены и разграблены Чингис-ханом поодиночке. Причём монгольская пропаганда тюрко-монгольского единства продолжалась, но теперь уже не для привлечения союзников, а как средство раскола противника. Например, Самарканд представлял собой мощную и неприступную крепость, в нём был 60-тысячный гарнизон из тюрок-кипчаков, многочисленное население, готовое сражаться, 20 боевых слонов. Поддавшись на уговоры монголов, рассуждая: «Мы с ними одного рода, они не убьют нас», кипчаки сдались без боя. Каган занял город, а затем велел перебить доверчивых тюрок.

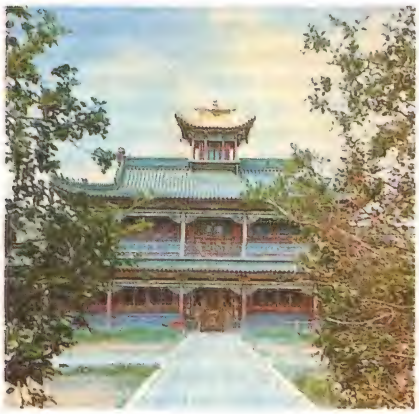
Из разгромленного Хорезма Чингис-хан послал войска в Иран, Северную Индию, Половецкую степь. Один из таких отрядов под командованием темников Джебэ и Субедэя в мае 1223 г. разгромил русско-кипчакское войско на реке Калке в Северном Причерноморье. В Монголию потянулись бесконечные караваны и обозы с награбленной добычей, шли и шли вереницы рабов. В каждом городе завоеватели, как правило, отбирали искусных ремесленников, а остальных жителей истребляли или гнали перед собой для штурма следующего города. Одной из стратегических находок Чингис-хана было использование ресурсов завоёванных стран. Вступая на территорию чужого государства, монгольское войско учиняло невиданное насилие. Это приводило народы в ужас и лишало их воли к сопротивлению. Другим важным психологическим следствием повальной резни было стремление населения, прежде всего знати, перейти на сторону завоевателей, чтобы избежать гибели и разорения. Многочисленные отряды из местных жителей вливались в корпуса Чингисовых военачальников. Таким образом, чем больше стран оккупировали монголы, тем больше людей и ресурсов они могли использовать в дальнейших завоеваниях. С каждым успешным походом их войско становилось всё многолюднее. Если в начале своих завоеваний в 1211 г. для нападения на Китай Чингис-хану пришлось мобилизовать всех боеспособных монголов, то через двадцать пять лет его наследникам хватило воинов, чтобы организовать одновременно три больших нашествия — на Китай, на Русь и в Закавказье. Все эти войны завершились победой монгольских завоевателей.

Мужской поясной набор. XIX в.

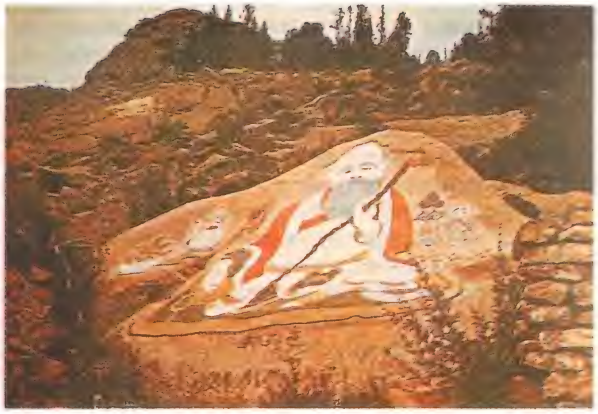
ГОСУДАРСТВА ЧИНГИСИДОВ

Наследниками Чингис-хана были четыре его сына от главной ханши Бортэ. По возвращении из Западного похода каган раздал им захваченные земли в улусы, т. е. в наследственное владение и управление. Старший сын, Джучи, получил северо-западные территории — Казахстан, Юго-Западную Сибирь и Хорезм. Второй сын, Чагатай, — Среднюю Азию. Четвёртому — Толую — было доверено управлять «Коренным юртом» (самой

Сосуды из кожи. XIX в.



Дворец богдо-гэгэна. XIX в.



Цаган-убугэн. Наскальная живопись. XIX в.

Монголией). Третьему же сыну, Угэдэю, Чингисхан завещал каганский трон. Владения в Китае и на Дальнем Востоке были поделены на мелкие уделы и розданы младшим братьям и прочим родственникам кагана.

Основатель Еке Монгол Улуса скончался в 1227 г. Сыновья выполнили его волю и беспрекословно подчинились Угэдэю, который встал во главе империи. Хотя он и не обладал политическими талантами отца, но пользовался уважением тюркской и монгольской знати, сумел организовать её для продолжения завоеваний. В 1234 г. закончилось покорение северокитайского царства Цзинь и почти сразу начались войны с могучей южнокитайской империей Сун. В 1235 г. собрался очередной курултай в столице империи Каракоруме — новом городе, основанном Угэдэем. На совещании знати было решено расширить пределы Улуса Джучи (самого Джучи к тому времени уже не было в живых). Сын Джучи Бату (иначе Батый) в 1237—1241 гг. завоевал Волжскую Булгарию, Русь и половецкие степи. Затем он вторгся в Польшу и Венгрию, но известие о смерти Угэдэя и созыве курултая для выборов нового кагана заставило его повернуть армию обратно на восток.

Новым каганом был избран сын Угэдэя Гуюк, давний и непримиримый враг Бату. Монгольская знать разделилась на сторонников Гуюка и Бату, который в середине XIII в. считался старейшиной рода Чингисидов. Конфликт достиг такой остроты, что войска двух правителей уже выступили навстречу друг другу. Но тут каган внезапно умер. В 1251 г. на всемонгольский престол по указанию Бату был возведён его преданный союзник и двоюродный брат Мункэ, сын Толуя. Вскоре новый государь отправил 30-тысячное войско во главе со своим младшим братом Хулагу на завоевание Арабского халифата. В 1258 г. Хулагу взял Багдад, захватил Иран и Ирак. В результате на Среднем Востоке образовался новый Улус Хулагу.

Годы правления Мункэ (1251—1259 гг.) считаются апогеем могущества Монгольской империи. Все потомки Чингис-хана признавали его власть и подчинялись его распоряжениям. В это время была проведена перепись населения всех стран, подвластных монголам (в том числе и на Руси). Империя покрылась сетью *ямов* — почтовых пунктов, которые обеспечивали бесперебойное движение послов, гонцов и чиновников. Китайские и мусульманские чиновники при императорском дворе следили за выплатой налогов и дани, за поступлением доходов в казну. В основе управления лежала Великая Яса.

Однако единство громадной державы оказалось недолгим. Слишком разными были условия, в которых оказались завоеватели в различных частях империи. В Улусе Джучи (Золотая Орда) основную массу населения составляли кипчаки-половцы, а немногочисленные пришельцы-монголы стали очень быстро смешиваться с ними. В улусах Хулагу и Чагатая управление находилось в руках главным образом таджикских, персидских и арабских чиновников, они действовали в привычных традициях исламской государственности. Ханы западных улусов всё больше отдалялись от монгольского правительства, хотя и признавали его первенство. Последним ударом по сплочённости Чингисидов был переход монголов этих улусов в ислам в конце XIII — начале XIV в. Верховный каган и его китайское окружение отныне стали для них "неверными". К середине XIV столетия Улус Хулагу ослабел от внутренних смут и распался. С 60-х гг. XIV в. распри охватили Золотую Орду, которая тоже разваливалась на отдельные ханства. Та же судьба поначалу постигла и Улус Чагатая, но его сумел вновь объединить Тамерлан.

А что происходило на востоке империи? После смерти Мункэ на престоле в результате интриг и заговоров оказался его брат Хубилай. Этот каган рассорился почти со всеми своими родственниками на западе, некоторые из них отказались ему подчиняться. Но Хубилай и не пытался восстановить своё владычество над Золотой Ордой, землями Хулагуидов и Чагатаидов. Хубилай долго жил и воевал в Китае, именно в китайской государственности и культуре видел образец для своей империи. В 1264 г. он перенёс столицу из монголь-

ского города Каракорума в Пекин. В 1271 г. он назвал все свои владения на китайский манер – империей Юань. В неё входили Монголия, Тибет и завоёванная к тому времени часть Китая. Окружив себя китайскими советниками, Хубилай принялся перекраивать государство на китайский лад: оно было разделено на 11 провинций, правительство состояло из трёх палат, Военного совета и Цензората, контролировавшего работу чиновников. В администрации повсеместно занимали должности китайские чиновники.

Внешние усилия Хубилай направил на завоевания в Восточной Азии. Были захвачены Южный Китай и Корея, монголо-китайские войска неоднократно вторгались во Вьетнам и Бирму. Неудачей закончилась попытка закрепиться на островах Индонезии. Дважды Хубилай направлял флот против Японии, и оба раза штормы и ураганы не позволили ему достичь цели. При дворе Хубилая долгое время жил знаменитый венецианский купец и путешественник Марко Поло. Возвратившись домой, он описал свои впечатления о далёких восточных странах. Именно книга Марко Поло более двухсот лет служила европейцам главным источником информации о сказочном, богатом Востоке.

ЗАКАТ ИМПЕРИИ

Формально монгольский народ считался правящим в империи. На самом деле рядовые кочевники почти не могли воспользоваться плодами завоеваний. Основная масса монголов продолжала жить в своих степях и вести привычную жизнь кочевых скотоводов. Награбленные сокровища и дань оседали в ставках ханов и нойонов. Купцы не были заинтересованы в торговле с пастухами, ведущими примитивное натуральное хозяйство. После переноса столицы в Пекин Монголия превратилась в глухую провинцию. В 1368 г. под ударами народных восстаний представители династии Чингис-хана бежали из Китая. Следом за Великую Китайскую стену ушли из страны и массы монголов. Бывшим завоевателям пришлось вернуться на родину и вновь заняться кочевым скотоводством. Среди монгольской знати разгорелись распри, победители-китайцы стали организовывать военные экспедиции на север. В XV в. потомки Чингис-хана уже платили дань Китаю. В начале XVI в. разрозненные племена сумел объединить Чингисид Даян-хан, но после его смерти вновь начались усобицы.

Постепенно западномонгольские племена (ойраты) отделились от остальных монголов и образовали своё государство на территории нынешнего Северо-Западного Китая — Джунгарское ханство. Часть ойратов (под названием калмыки) переселилась в начале XVII в. на Волгу и вошла в состав Российского государства.

Близкое соседство и давние культурные связи с Тибетом привели к распространению среди монголов буддизма, который стал официальной государственной религией в ханствах. В степи поднялись храмы и монастыри; буддийские священники и монахи получали от ханов во владение земли и крепостных.

В XVII в. правители Северной Монголии и Джунгарии завязали дипломатические и торговые отношения с Россией, которая устремилась на Восток — за Байкал и к Амуру.

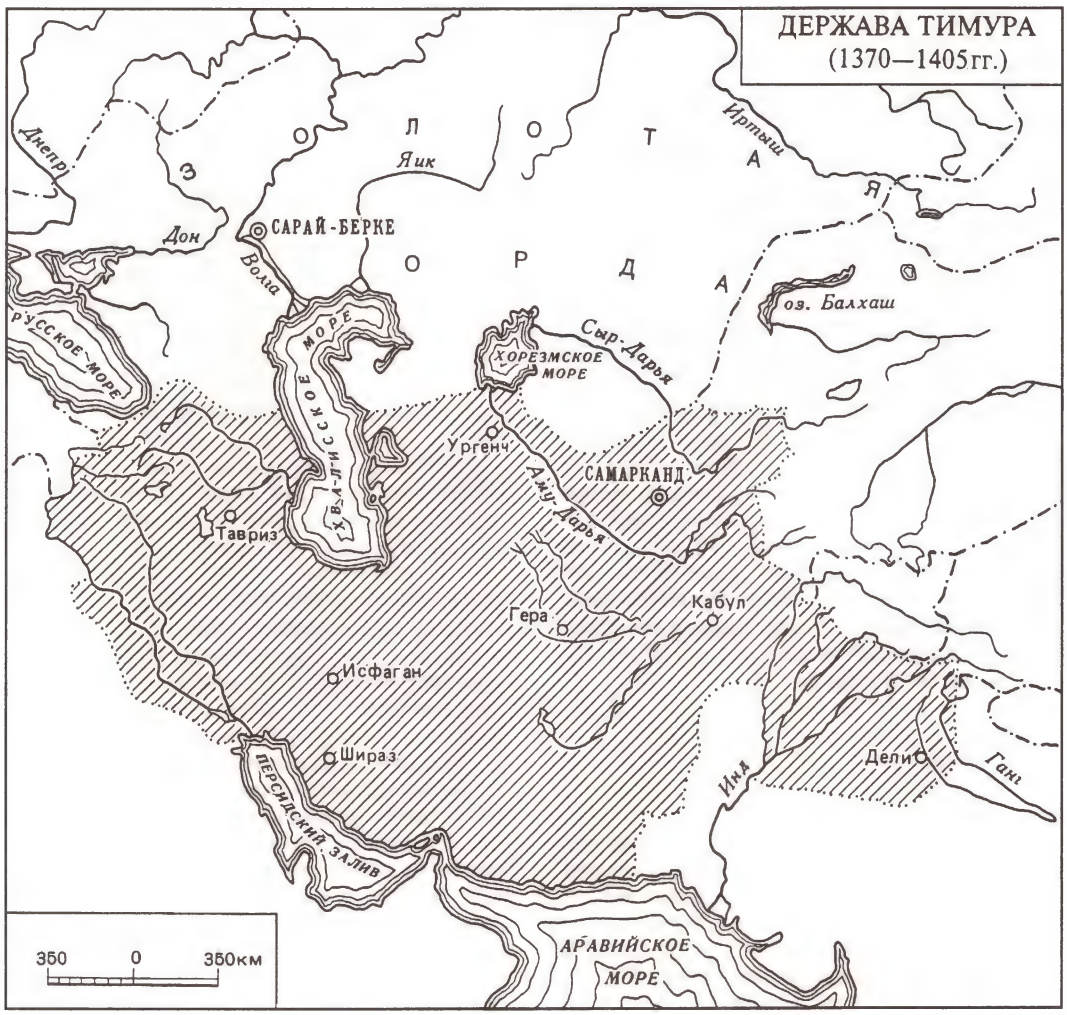
В поисках надёжного покровителя всё больше кочевых аристократов обращались к государю маньчжур — дальневосточного народа, потомков чжурчжэней. Дипломатическим путём, а также военной силой те постепенно захватывали владения монголов. В 1636 г. южномонгольские князья признали над собой власть маньчжур, которые назвали новоприсоединённую территорию Внутренней Монголией. Северные же степи стали именоваться Халхой или Внешней Монголией. В XVII—XVIII вв. маньчжурская Цинская династия, правившая в то время Китаем, разгромила и включила в своё государство Халху и Джунгарское ханство. Монголы оставались подданными империи Цин до начала XX столетия.

ТАМЕРЛАН

В ночь на 9 апреля 1336 г. в селении неподалёку от города Шахрисабза, в семье предводителя кочевого племени барласов Тарагая родился сын. Впоследствии станут уверять, что появился он на свет уже седым и с куском застывшей крови в кулаке. Родители назвали младенца Тимуром, что означает «железо», — такое имя считалось уместным для будущего воина. А мальчику из знатной семьи обязательно нужно было овладеть военным искусством, потому что тогда Средняя Азия переживала трудные времена.

В 20-х гг. XIII в. армия правителя монголов Чингис-хана завоевала могущественное среднеазиатское государство хорезмшахов, разгромив их армию, считавшуюся непобедимой. Ту часть государства, где ныне расположены Узбекистан и Кыргызстан, Чингис-хан передал в управление своему второму сыну Чагатаю, поэтому страну стали называть Чагатайский улус.

Долгое время потомки Чагатая собирали подати с покорённых местных жителей. К середине XIV в. вражда монгольской и тюркской знати Чагатайского улуса привела к раздроблению государства. Началось кровопролитие. На ханский престол всходили слабые правители — ставленники враждующих группировок. Улусу был



необходим энергичный человек, который пресёк бы произвол кочевых эмиров (князей), обеспечил безопасность на торговых (караванных) путях, установил спокойствие и порядок в городах и селениях, восстановил единство государства. Внимание местной знати стал привлекать барласский эмир Тимур.

С юных лет Тимур проявил себя как способный военачальник и жестокий лидер. Такой склад характера способствовал его успешному выдвижению. Один из хронистов передаёт, что «Тимур был нравом пантера, а характером лев; стоило чьей-либо голове возвыситься над ним, как он низвергал её, стоило чьей-либо спине выйти из его повиновения, как он сгибал её». Сначала он сплотил вокруг себя дружину, с которой грабил владения соседних эмиров. Умело используя противоречия между разными правителями, Тимур сумел склонить на свою сторону или разгромил наиболее влиятельных из них. В 1370 г. на съезде среднеазиатской знати барласский эмир был провозглашён верховным правителем. Один из самых почитаемых представителей мусульманского духовенства шейх Береке преподнёс ему символы власти — знамя и барабан. Новый владыка отправился в Самарканд, который объявил своей столицей.

Современники оставили описание внешности Тимура, когда он уже был в преклонном возрасте. Во время приёмов в огромном дворце Кок-Сарай с трона на послов и просителей сурово взирал высокий широкоплечий старец, густобровый и длиннобородый, «с глазами, подобными свечам, но без блеска». Когда он шёл, можно было заметить прихрамывание. В молодости, во время одного из набегов, будущий повелитель был ранен в ногу и охромел. Эта деталь облика грозного эмира превратилась в прозвище, сросшееся с именем. В Европе Тимура называли не иначе как Тамерлан — переиначенное персидское выражение Тимурленг (Хромой Тимур).

Тимур не принадлежал к династии Чингисхана, поэтому не имел права объявить себя ханом. Но он не увидел здесь особого препятствия. Из множества Чингисидов (потомков Чингис-хана)

он выбрал царевича Суюргатмыша и посадил его на трон. Правление хана сводилось к нахождению рядом с всесильным Тимуром на соседнем престоле во время дворцовых церемоний, чеканке его имени на монетах, прославлению в праздничных молитвах.

Объединив под своей властью Чагатайский улус, создав сильное государство и мощную армию, Тимур обратил взор на другие страны. Чагатайские эмиры лишились возможности отнимать города и богатства друг у друга и теперь желали напасть на соседей. Знать сплотилась вокруг Тимура и вдохновила его на завоевательные войны.

Первой жертвой оказался Хорезм в низовьях Амударьи. В результате пяти походов эта богатейшая область обезлюдела. Чтобы искоренить любое сопротивление местных жителей, эмир приказал выселить их в Самарканд, столицу Хорезма (Ургенч) разрушить, а место, где она стояла, засеять ячменём.

Такая же печальная участь постигла золотоордынские города. Вступив в войну с ханом Золотой Орды Тохтамышем, Тимур трижды вторгался в пределы этого государства. Хотя он не присоединил его к своим владениям, но разграбил и обессилил. Торговые пути, которые шли по территории Золотой Орды, сместились на юг, в земли, подвластные Тимуру (это была одна из целей его войны с Тохтамышем).

Обсерватория Улугбека в Самарканде. XV в.

Медресе (училище) Улугбека в Самарканде. 1417 г.

После совершённых одного за другим трёхлетнего, пятилетнего и семилетнего походов-нашествий был покорён Иран. На западе Тимур нападал на Закавказье, Сирию и Малую Азию. В 1402 г. он разбил и взял в плен турецкого султана. На востоке им были разгромлены войска Делийского султаната.

В этих войнах Тимур и его полководцы нередко проявляли безжалостность к обитателям тех городов, которые решили обороняться. Тысячи людей живьём погребали во рвах или укладывали в пирамиды, прослоенные глиной и щебнем. На центральных площадях возвышались многометровые башни из отрубленных голов. В Индии Тимур за один день приказал истребить 100 тыс. пленных.

В результате многолетних военных кампаний государство Тимура расширилось от Средиземного моря до реки Инд. Эмир умер в начале 1405 г., едва выступив в поход на Китай.

Эпоха Тимура оставила великолепные памятники культуры. Тщеславный завоеватель стремился сделать свои города, и прежде всего Самарканд, средоточием величия и роскоши. Из захваченных стран в Среднюю Азию везли самых искусных строителей и ремесленников, наиболее авторитетных учёных и богословов. Наибольшее внимание эмир уделял столице. Селения в её окрестностях получили имена крупнейших городов

Востока: Миср (Каир), Димишк (Дамаск), Багдад, Шираз. Это, по мысли государя, должно было отразить ничтожество перечисленных городов по сравнению с Самаркандом. В самом Самарканде полным ходом шло строительство, один за другим поднимались прекрасные дворцы, храмы, усыпальницы святых и правителей. С особым старанием Тимур обустраивал главную соборную мечеть — Биби-Ханым (Бабушка-Госпожа), созданную в честь его первой и любимой жены Сарай Мульк-ханым.

Сразу после смерти Тимура начались ссоры между его наследниками, огромная держава распалась на несколько частей. Однако культурный подъём в Средней Азии продолжался. Его апогеем стало правление в Самарканде внука Тимура — Мухаммеда Тарагая по прозвищу Улугбек (1409—1449 гг.). В истории этот государь остался как выдающийся астроном. При дворе другого потомка Тимура творил великий поэт Алишер Навои.

Постепенно Средняя Азия оказалась вновь охваченной раздорами. Через столетие после смерти Тимура туда стали переселяться кочевники из Казахстана. Это ещё более усилило распри и конфликты. После узбекского завоевания культурное наследие эпохи Тимура стало угасать.

АРАБЫ И АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

В эпоху раннего Средневековья на Ближнем и Среднем Востоке произошли не менее серьёзные перемены, чем в Европе, ещё не оправившейся от крушения Рима. За считанные десятилетия образовалось централизованное, с единой религией, государство, территория которого была больше, чем Римская империя. Самая молодая из мировых религий породила понятие «исламский мир». Именно из того времени пришли к нам выражение «калиф на час», слова «арабеска», «арсенал», «шахматы», «астролябия», арабские цифры, названия звёзд и, конечно, сказки о Гаруне-ар-Рашиде, Синдбаде-мореходе. Современные мореходы бороздят Гибралтарский пролив и Чёрное море, названные так арабами, руководствуясь картами, созданными первоначально арабами.

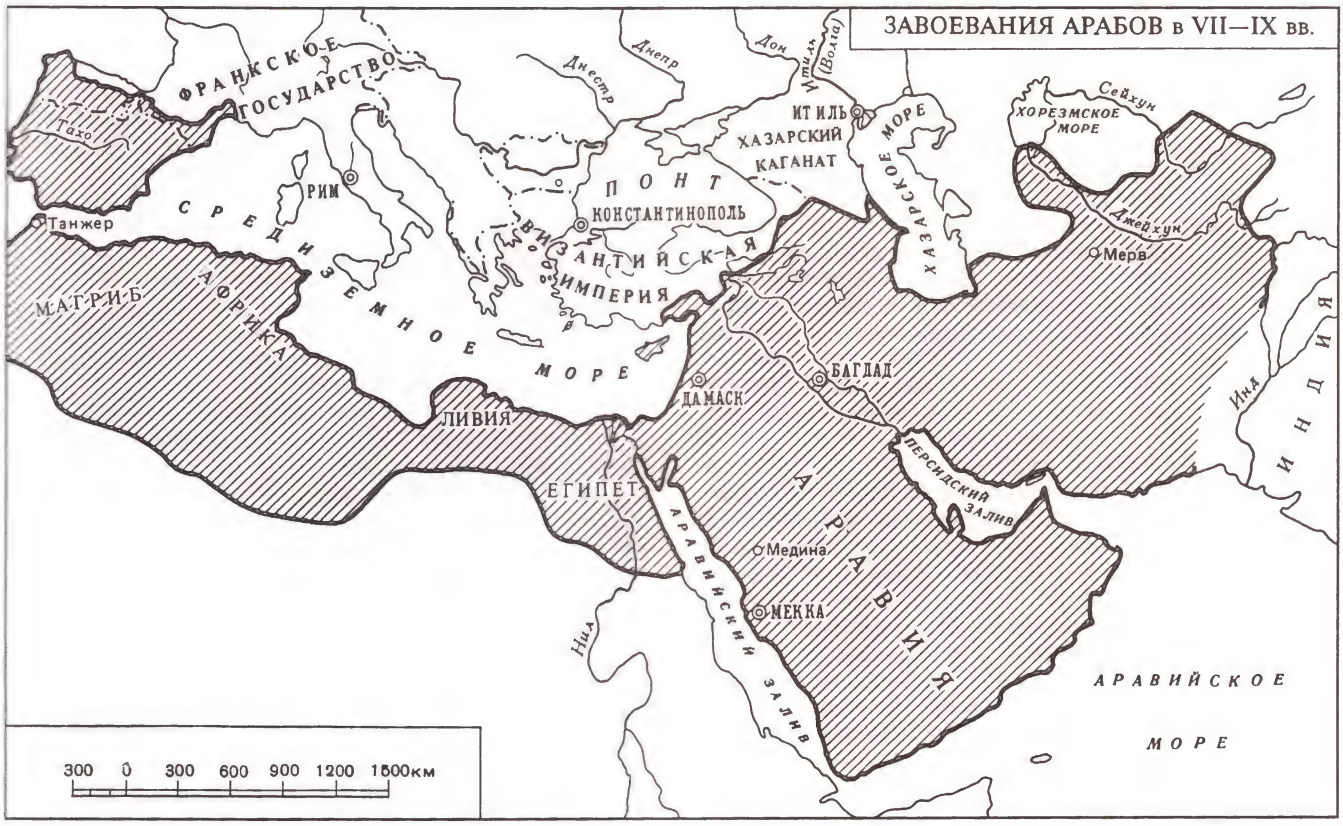
Ещё в VI в. н. э. Аравийский полуостров воспринимался в Европе как «край света». На большей части «каменистой Аравии» кочевали племена арабов-бедуинов, живших в шатрах и пивших верблюжье молоко. Лишь на юге, в Йемене, — «счастливой Аравии» — существовало древнее Сабейское государство с процветающими торговыми городами. В западной части Аравии также было несколько городов, в которых правило купечество. Среди них выделялись Ятриб (Медина) и Мекка — центр территории, занятой племенем курейша (курейшитов). Эти земли назывались хиджаз.

К началу VII в. в жизни арабов-кочевников произошли значительные изменения. Выделилась племенная знать, владевшая большими стадами и рабами-пленниками. В это же время в Европе происходил переход германских и славянских племён к феодальному обществу. Активно продолжала развиваться посредническая и внутренняя торговля, сложились единый североарабский язык и арабская буквенная письменность. Особой популярностью пользовались сказители и бродячие певцы, владевшие даром экспромтом (без подготовки) слагать стихи.

Дальнейшая история арабов оказалась связанной с именем Мухаммеда, выходца из знатной купеческой курейшитской семьи, известного прежде всего в качестве основателя новой религии — ислама (ислам — «покорность Богу»), или мусульманства (от *араб.* «муслим» — «уверовавший»).

Имя Мухаммеда встало в один ряд с именами Будды, Моисея, Христа. Пророк ислама — абсолютно реальное и конкретное историческое лицо. Мусульманство оказалось последней по времени

Подставка для корана. XIII в.



возникновения мировой религией. Оно сразу же было приспособлено к нуждам зарождавшегося государства и с самого своего возникновения оказалось очень конкретной религией, начиная с его проповеди Мухаммедом. В отличие от предшествовавших религий ислам устанавливал прежде всего правила жизни на этом свете, а уже только потом сулил праведникам рай, а грешникам — геенну огненную. В то же время ислам многое почерпнул из иудаизма, христианства и аравийских древних верований, имевших распространение в Аравии.

Мухаммед родился около 570 г. в Мекке. С юности он, как и его окружение, занимался караванной торговлей. Во многом Мухаммед достиг влияния среди мекканцев благодаря своей первой жене Хадидже, вдове богатого купца. Когда Мухаммеду было 40 лет, в месяце рамазане по лунному арабскому календарю произошло событие, способствовавшее рождению новой религии. Ночью на горе Хире в окрестностях Мекки с уединившимся там Мухаммедом, по его словам, говорил верховный Бог арабов — Аллах. Аллах (или его посланец Джебраил) заставлял Мухаммеда повторять слова священной книги. Окончательно Мухаммеда убедили в Божественных откровениях Хадиджа и её двоюродный брат Варака. Мухаммед начал прилюдно проповедовать открывшиеся ему истины, свод которых назвал Кораном (от *араб.* «ал-куран» — «чтение вслух наизусть»). В отличие от Библии с её рассказами о мироздании и древних людях Коран представляет собой проповедь от имени Аллаха. Провозглашается вера в единого Бога — Аллаха, сотворившего мир и правящего им. Главными ценностями признаются покорность Богу, частная собственность, определённые нравственные заповеди. В подтверждение изложенных истин приводятся рассказы, среди которых имеется немало заимствованных из Библии. Так, есть сура (глава) «Нух» о Всемирном потопе и Нухе (Ное). В одной из самых популярных сур — «Юсуф» — рассказывается о Юсуфе (Иосифе Прекрасном), который пронёс через многие испытания заповеди Аллаха и посрамил своих братьев, из зависти бросивших его в колодец. Среди великих пророков — предшественников Мухаммеда — названы Муса (Моисей) и Иса (Иисус Христос), но Мухаммед — последний пророк и самый «правильный».

Ислам закреплял разделение общества на богатых и бедных общинников, повиновение властям, утверждал власть мужчины над женщиной при соблюдении её прав собственности и личности. Умеренным вкусам аравийцев соответствовал отказ от свинины, вина, азартных игр и ростовщичества. В первых проповедях Мухаммед предвещал близость Страшного суда и воздаяние праведникам в раю с прекрасными садами и источниками (извечная мечта кочевников пустыни), а грешникам — в муках геенны огненной ада.

В дальнейшем проповедник сосредоточил своё внимание на земной жизни. Вначале многие в Мекке не воспринимали Мухаммеда всерьёз. Затем купцы — сторонники многобожия — начали его преследовать, но одновременно появилась и небольшая группа приверженцев Мухаммеда. 20 сентября 622 г. провозвестник ислама прибыл из Мекки в Ятриб, где среди знатных землевладельцев новое учение было более популярным. Он продолжал там проповедовать, обзавёлся домом и создал рядом с ним первый мусульманский храм — мечеть. В Ятрибе ислам широко распространился при помощи местной власти, во главе которой встал Мухаммед. Установился обычай пять раз в день молиться Аллаху. Мусульмане говорили: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк (посланник) его».

Вокруг Ятриба на идейной основе ислама стали объединяться разрозненные соседние племена, многие из которых были покорены силой. Главной задачей Мухаммеда стало подчинить себе Мекку. После нескольких лет вражды с ней мусульмане в 629 г. получили разрешение совершить хадж (паломничество) к святыне арабов — традиционному, известному с доисламских времён храму Каабе («куб»), где в стену издавна был вделан таинственный чёрный камень — упавший с неба метеорит. Через год мусульмане наконец окончательно заняли Мекку и уничтожили изображения старых богов. Мекка и до этого была священным центром арабов. Отныне в Мекку, к Каабе, которую по традиции опекало родное племя Мухаммеда курейшиты, ежегодно в месяц зулхиджа (последний месяц года) совершаются паломничества. Приверженцы ислама молятся, обратясь лицом к Мекке (первые мусульмане обращались лицом к Иерусалиму). Ятриб остался столицей объединённого государства, получив название «Город пророка» — Мединат аль-Наби, или просто Медина. В том же 630 г. Мухаммеду подчинились кочевники внутренних областей Аравии и город Таиф. Арабская знать стремилась к усилению своей власти путём захвата плодородного Йемена и вторжения боевых отрядов в области Византии и Ирана. Уже снаряжались войска, когда в 632 г. Мухаммед умер.

После раздоров из-за власти между старыми приверженцами Мухаммеда и мединской знатью был избран «заместитель» пророка — халиф. Им стал купец Абу Бакр, тесть и друг Мухаммеда (632—634 гг.). В дальнейшем каждый правитель арабов объявлял себя халифом. Был закреплён культ пророка Мухаммеда, упорядочен Коран, записанный в основном уже при его жизни, месяц откровения пророка — рамазан — стал временем мусульманского поста, а момент бегства в Медину («хиджры») — началом мусульманской эры. Первые четыре халифа считаются праведными.

Вторжение войск Халифата в области близ реки Иордан, принадлежавшие Византии, и завоевание Йемена, подчинявшегося иранскому царству Сасанидов, привело арабов к столкновению с этими двумя крупнейшими государствами. Непосредственно к Аравии примыкали страны, когда-то покорённые римлянами (Сирия, Палестина, Египет) и иранцами (Месопотамия). Значительные различия в положении коренного населения и правящей верхушки иноземного происхождения, существование рабства не способствовали заинтересованности местного населения в сохранении византийского и иранского господства. К тому же Византия и Иран истощили друг друга бесконечными войнами за приграничные области. Этим воспользовались арабские халифы. Они призывали соплеменников выступить в поход за распространение ислама и, конечно, обещали вознаграждение как при жизни, так и в посмертном будущем.

При втором халифе, советнике и тоже друге Мухаммеда Омаре (634—644 гг.), отряды бедуинов на быстроногих скакунах, вдохновлённые идеей священной войны (джихада), обрушились на соседние страны. Византийская армия была разбита на реке Ярмук в Сирии, а сасанидская — у города Кадисия на Евфрате. Завоевав Сирию, Месопотамию (по-арабски — Ирак), Палестину, а затем Египет, арабы нашли поддержку у части местного населения, и прежде всего у выходцев из Аравии, поселившихся там ещё в начале нашей эры. Халифы гарантировали местному населению за признание их власти и уплату особого налога сохранение имущества, личную свободу и свободу вероисповедания, так как иудеи и христиане, приверженцы единобожия, считались близкими к мусульманам, а преследованиям при первых халифах подвергались язычники. Под предлогом борьбы с язычеством Омар окончательно уничтожил Александрийскую библиотеку. По легенде, он сказал: «Всё, что соответствует Корану в древних книгах, есть в Коране, а то, что не соответствует, не годится для мусульман». Его главная заслуга в том, что он организовал аппарат управления.

В последующие годы основным объектом внимания завоевателей стал Иран. Последний сасанидский шах Йездигерд III собрал остатки своих войск у Нехавенда в 643 г. и потерпел окончательное поражение. Иранцы восприняли это событие как поворотный момент своей истории. «И век настал великого Омара, И стих Корана зазвучал с Минбара (кафедра в мечети, с которой читаются проповеди. — *Прим. ред.*)» — такими словами почти 400 лет спустя закончил свою поэму «Шах-наме» Фирдоуси.

В 651 г. арабы завоевали восточный Иран и покорили среднеазиатский Мерв. Многие знатные иранцы, особенно из землевладельцев, признали арабское господство, сохранив свои владения и даже должности. Средняя Азия сопротивлялась долго и упорно.

Начиная с периода правления третьего халифа, Османа (644—656 гг.), вся власть в халифате оказалась в руках родственников и приближённых халифа, захвативших земли в завоёванных странах. Недовольство простых общинников-арабов возвышением знати было использовано

Аркада мечети Ибн-Тулуна.
Каир.

зятем Мухаммеда — Али ибн-Абу Талибом (600—661), организовавшим убийство Османа и провозглашённым четвёртым халифом. Али провозгласили единственным истинным халифом. Шииты (от слова «шийа» — «часть», «партия») — сторонники Али — впоследствии составили особое направление ислама, распространённое в Иране и Ираке. Однако Али продолжал политику укрепления позиций знати и потерял многих своих приверженцев, ставших хариджитами — сторонниками сохранения общинного равенства. В 661 г. Али был убит одним из хариджитов. Престол захватил наместник Сирии Муавия (605—680) из рода Омейя, основавший династию Омейядов. Он перенёс столицу Халифата в Дамаск. При нём завершилось оформление господствующей в Арабском халифате личной собственности халифа (на имеющиеся и вновь присоединённые земли) и собственности крупных и мелких землевладельцев. Как и в Европе, многие земли передавались в держание военачальникам за службу. Труд рабов использовался теперь лишь в строительстве, добыче полезных ископаемых и в работах по дому. Рабами становились в основном пленники. Основные же работы выполняли зависимые крестьяне, платившие харадж — поземельную подать.

Халифат постоянно расширялся за счёт новых завоеваний. К концу VII в. арабы подчинили себе часть Армении, Южный Азербайджан, Кабул и часть Северной Африки. К 711 г. полностью были захвачены африканские владения Византии к западу от Египта, получившие арабское название Магриб — «Запад» (современные Ливия, Тунис, Алжир, Марокко). Полководец Джебель аль-Тарик переправился через пролив Геркулесовы Столпы, названный его именем (Гибралтар), и в 714 г. покорил большую часть владений вестготов в Испании. Другой военачальник, Кутейба, вступив в сговор со знатью Средней Азии, напуганной выступлениями народных низов, подчинил Халифату Хорезм и Бухару, а в 715 г. — Самарканд. Однако местное население, всегда отстаивавшее свою независимость, в течение нескольких десятилетий восставало против арабских наместников. Особенно известно восстание 721 г. с центром в Пенджикенте и Ходженте, часть участников которого ушла в горы. Сильное сопротивление было оказано арабам в Закавказье. Только в 20-х гг. VIII в., пройдя с огнём и мечом по Армении и Албании (Северному Азербайджану), арабы подчинили себе области до Большого Кавказского хребта, включая Восточную Грузию. На востоке была завоёвана долина Инда, но далее арабы не пошли.

В результате к середине VIII в. владения Арабского халифата простирались от Атлантического океана до гор Памир и Гиндукуш, от Сахары до Приаралья и Дербента в Дагестане — «железных врат» Востока. Это было государство, находившееся одновременно в Азии, Африке и Европе. Однако период победоносных завоевательных походов не мог длиться бесконечно. В 732 г. при Пуатье в Галлии арабов разбили франки во главе с Карлом Мартеллом. В 737 г. полководец Мерван, победивший хазар на Северном Кавказе, дошёл до «великой славянской реки» (Дона) и повернул обратно. Наконец, в 751 г. продвижение арабов у города Талас (ныне Джамбул в Казахстане) на Великом шёлковом пути остановили китайцы.

Постепенно завоеватели-арабы усвоили более высокую древнюю культуру покорённых стран. Уже при Омейядах оживает торговля, растут города; мастера византийской, затем иранской выучки строят дворцы, мечети и загородные замки в Сирии, главную мусульманскую святыню Иерусалима — мечеть Омара, известную и поныне как Аль-Акса («Далёкая»).

Арабский язык постепенно становится языком делопроизводства (вначале во владениях Халифата для этого пользовались греческим и персидским — пехлевийским — языками), языком литературы, науки, книжной учёности. При этом в Халифате в отличие от Европы сохранились традиции древней культуры, доисламской, а также активно осваивались культурные ценности античной Греции и Рима.

В 750 г., после восстания под руководством шиитов и хариджитов, Омейяды были свергнуты и власть захватил Абу аль-Аббас Саффах, дядя

Мухаммеда. Аббасиды подавили наиболее решительные народные выступления и перенесли столицу в Ирак, где чувствовали себя увереннее. В 762 г. халиф Мансур перестроил и обновил в традициях ислама на реке Тигр в центре Ирака, недалеко от развалин древних Вавилона, Селевкии и Ктесифона — столицы Сасанидов, город Багдад.

Багдадский период (750—1258 гг.) стал временем наибольшей роскоши халифов. Медина ас-Салям — «Город мира» — потрясала современников своими размерами, огромной базарной площадью, садами и фонтанами. Здесь можно было встретить купцов, привёзших благовония из Индии, шелка из Южного Китая, меха из славянских земель (в них ходила любимая жена халифа Гаруна ар-Рашида, Зулейха). Мореходы и караванщики привозили удивительные рассказы о самых разных уголках Старого Света. Надо ли говорить, что эти блестящие времена надолго сохранились в памяти у создателей сказок Шехерезады, превративших самого известного багдадского халифа в легендарную и баснословную фигуру?

Однако при Аббасидах халифат был уже обречён. Получение знатью земель ускоряла её обособление в различных странах, а повышение налогов вызвало новый вал крестьянских и городских восстаний. Буквально потрясло Халифат народное движение в Азербайджане и Иране под руководством погонщика верблюдов Бабека, с трудом подавленное через 21 год. Центральная власть уже не могла уследить за всем, что творилось в огромной державе. Вскоре после захвата власти Аббасидами от Халифата откололась Испания, где утвердился потомок Омейядов Абу ар-Рахман, ставший кордовским эмиром. Вскоре отделились от Багдада и эмираты (первоначальное значение слова «эмир» — «наместник халифа») Марокко, Восточный Магриб. Усиление репрессий против покорённых народов и нетерпимости к немусульманам привело к потере контроля над Закавказьем, Средней Азией, Восточным Ираном. Роковую роль сыграла безоглядная опора халифов на тюркских охранников, организовавших серию военных дворцовых переворотов. В Средней Азии в 819 г. образовалось государство эмиров из династии Саманидов, сделавших своей столицей Бухару. В Армении в 860 г. арабы потерпели поражение от войск полководца Теодороса Ршитуни. Особенно храбро сражались жители горного края Сасун. Эти события описаны в армянском народном эпосе «Давид Сасунский». Наконец, независимым стал и Египет. А иранский правитель в 945 г. взял Багдад, оставив халифу только духовную власть над всеми мусульманами.

Несмотря на то что огромное Арабское государство перестало существовать, на обширной территории, которой правили некогда халифы, на века утвердился ислам. Из стран Халифата его не приняли только Армения и Грузия, где уже имелись древние христианские традиции. Не приняло ислам и христианское государство Аксум (Эфиопия) в Восточной Африке, несмотря на сильное давление. Веру в единого Аллаха приняли в своих интересах и правители далёких стран — Волжской Булгарии, царств Западной Африки, городов Малакки и островов Магараджи (Индонезия). Появилось понятие «арабский мир». Жители входивших в него стран от Марокко до Ирака, включая Египет и Сирию, усвоили арабский язык и смешались с осевшими на их землях выходцами из Аравии, с которыми их сближали родственные языки и некоторые обычаи. Другие народы, например иранцы и таджики, сохранили свою культурную самобытность, пользуясь арабским языком только как языком религии и науки и создав литературный язык — фарси, но с арабской письменностью. Фарси на время усвоили также тюрки и мусульмане-индийцы. Благодаря укрепившимся связям стран Ближнего и Среднего Востока в индийскую чатурангу — шахматы — начали играть в Испании, а африканское алоэ стали применять врачи Средней Азии. Переводчики-сирийцы сделали понятными для всех образованных мусульман труды Платона и Аристотеля, а переводчики, знакомые с культурой Индии, — труды математика Ариабхаты и сборники басен о животных. Впоследствии достижения культуры стран Халифата будут восприняты и европейцами, в первую очередь в сфере медицины, естественных наук, философии.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЯПОНИЯ

В 642 г. на японский престол вступила царица Когёку. С её воцарением против господствующего дома клана Сога (536—645 гг.) выступил его потомственный враг — род Накатоми (позднее стал называться Фудзивара). Представитель этой семьи Накатоми-но Камако вступил в сговор с царевичем Нака-но Оэ. Заговорщики в присутствии царицы убили наследника Сога-но Ируки. Его отец попытался поднять войска, но его принудили сдаться и казнили. Царица Когёку отреклась от престола. По настоянию принца Нака-но Оэ и Накатоми-но Камако царём в 645 г. стал Котоку, объявивший принца наследником. Главным советником — ооми — стал Камако. Его называли «Куромаку» — «Чёрный занавес», т. е. суфлёр, подсказчик. Так в результате дворцового переворота власть перешла от дома Сога к домам Сумэраги и Фудзивара. Это время стали называть Тайка — Великая реформа.

Новыми властями в 645—646 гг. был завершён начатый при Сётоку-тайси (574—622) ряд важных преобразований. Верховный правитель

Ямато (Японии) уже был не просто предводителем главного рода, когда его контролировали старейшины других больших родов, а их подчинённые не зависели от него по праву небесного происхождения. Каждый клочок земли должен был принадлежать ему. Налоги, собираемые на местах, теперь поступали не областному начальнику, но прямо в казну тэнно. Каждый человек, получивший определённый земельный надел, обязан был платить налог правительству, и каждый человек в возрасте от 20 до 50 лет должен был отработать на него 10 дней в году.

У правителя Момму (697—707 гг.) дед был из клана Фудзивара. С этого времени правителем Японии стал клан (тэнно) Фудзивара. Его представители присвоили себе основные права. Прежде каждый человек по неписаному закону Древней Ямато имел право прямо обратиться к государю с жалобой или предложением. Для этого за воротами дворца был поставлен ящик, куда опускали прошения или докладные. Фудзивара присвоили себе право вскрывать все письма и решать, передавать их государю или нет. Окружённые внешними знаками почёта и величия, государи стали, в сущности, пленниками в своих дворцах.

Всевластию Фудзивара способствовало то, что правители женились на девушках только из клана Фудзивара. Голос клана был решающим, когда речь шла о том, кому быть государем. Очень часто на трон сажали мальчиков, которые не смели ослушаться старших. Когда такие правители подрастали и хотели поступать по-своему, Фудзивара по праву старших родственников заставляли их отречься от престола. Так, государь Сэйва (858—876 гг.) начал править в возрасте 10 лет, отрёкся от престола в 28 лет; его преемник Ёдзэй (877—885 гг.) стал править в 10 лет, отрёкся в 18; Рэйдзэй (968—970 гг.) вступил на престол в 18, отрёкся от него в 20; Энъю (970—985 гг.) занял трон в 12, отрёкся в 26; Кадзан (985—987 гг.) стал правителем в 17 лет, отрёкся в 19; Тоба (1108—1124 гг.) был возведён на трон в 6 лет, отрёкся в 22 года.

К началу XI в. клан Фудзивара пришёл в упадок. Те, кто раньше были известны как воины, теперь предпочитали услады придворной жизни. Упадок влияния рода Фудзивара сопровождался острой борьбой за власть соперничавших между собой влиятельных родов Тайра и Минамото. Многие Фудзивара предавались излишествам и позволяли себе чудачества. Так, Тадахира носил веер с нарисованным на нём петухом. Прежде чем раскрыть веер, Тадахира кричал: «Ку-ка-реку!». Такие выходки члена семейства Фудзивара подрывали уважение к их роду.

С упадком Фудзивара стали возвышаться другие семьи. С 1159 г. начался 40-летний период, получивший название Гэмпэй. Шла ожесточённая борьба между кланом Минамото (Гэндзи), выступавшим под белым флагом, и кланом Тайра (Хэйкэ или Хэйдзи), выступавшим под красным флагом. В 1180—1185 гг. произошли решающие сражения. Они закончились разгромом сухопутных

Фудзивара Каматари. VII в.

Скульптурный портрет императрицы. 889—897 гг. н. э.

Правитель из рода Фудзивара (Фудзивара Сейва). IX в.

Фудзивара Таканобу. Портрет Минамото Ёритомо. Монастырь Дзингодзи. XII—XIII вв.

Самурайская семья периода Эдо.

войск и флота дома Тайра. На одном из кораблей находились малолетний тэнно Антоку со своей бабушкой. Предпочитая гибель плену, она бросилась с ребёнком в море.

Свою победу Минамото отметили жестокими расправами с Тайра. Представитель рода Минамото, Ёритомо, стал подлинным правителем страны. Новый государь — малолетний Готоба (1186—1199 гг.) был целиком в его руках. В 1192 г. Ёритомо закрепил звание «Сэй-и-тай Сёгун» («Великий воевода, покоряющий дикарей») и основал наследственную династию сёгунов. Основой государства стали военные собственники. Опору знати составило военно-служилое сословие самураев. Воин-профессионал «самурай» на многие века стал символом Японии.

После смерти Ёритомо сёгуном стал его старший сын, 18-летний Ёире. Его занимали только игра в мяч и другие развлечения. В 1203 г. Ёире был низложен и помещён в монастырь. Там вскоре он был убит. Сёгуном стал его брат, шестилетний Санэтомо, вскоре тоже низложенный. Страну сотрясала борьба между военным правительством и не подчинявшимися ему местными кланами.

Править страной стали вдова сёгуна Ёритомо Масако и её отец Ходзё Такимаса. Масако, которую называли «Монахиня-сёгун» (она какое-то время провела в монастыре), наряду с царицей Дзингу была одной из выдающихся женщин в истории Японии. Семья Ходзё правила Японией в качестве сэссё (регентов), принимавших титул сиккэн (правитель), до первой трети XIV в. В стране установилось троевластие: тэнно, сёгун и сэссё. Решающее влияние оставалось за сиккэн. За это время сменилось 13 безликих тэнно. Запомнился лишь Готоба, которого избрали тэнно в двухлетнем возрасте, потому что он смеялся (считалось, что это хорошая примета). Произвол правителей дома Ходзё вызывал всеобщее недовольство в стране. Крестьяне дали одному из них выразительную кличку Клоп Ходзё.

Свергнутый Готоба попытался в 1221 г. вернуть утраченную власть. Посылая своего сына во главе войска, сиккэн Ходзё напутствовал его: «Если навстречу выйдет сам государь со своими воинами, снимайте доспехи и перережьте тетиву своих луков. Если же нет, то бейтесь насмерть». Готоба не выступил во главе своего войска. Ходзё победили.

Выходец из этого клана Ходзё Ясутоки (1224—1242 гг.) с помощью буддийского монаха составил свод законов «Уложение годов Дзёэй» (1232 г.). В нём определялись обязанности различных должностных лиц, наказания за преступления, которыми считались не только мятеж и подлог, но и нарушение супружеской верности, клевета, перемещение межевых знаков. В отношения феодалов и крестьян кодекс не вмешивался. Положение крестьян регулировали «домашние» законы феодалов.

Едва Ходзё управились с делами внутри страны, как над ней нависла угроза извне, со стороны Китая, где утвердилась монгольская династия Юань. Их войска состояли из монгольских,

Конный воин.
Чернила и краски на шёлке. XIV в.

китайских и корейских ратников. Казалось, на стороне японцев была сама природа. Дважды, в 1274 и 1281 гг., шторм помогал им отразить нападение противника. Японцы назвали ветер, разметавший монгольскую флотилию, «Камикадзе» — «Божественный ветер».

В народе надолго сохранилось воспоминание об угрозе монгольского вторжения. На протяжении многих поколений матери спрашивали своих раскапризничавшихся детей: «Ты что думаешь — монголы идут?».

Борьба с монгольской угрозой вызвала большие лишения во всех слоях населения. Пострадали и ленники-самураи. Обострилось соперничество различных самурайских кланов, феодальных группировок. Это вызывало общее недовольство. В участившихся неурожаях и эпидемиях также обвиняли правителей-сёгунов.

При сёгуне Ходзё Такатоки, занимавшемся не столько управлением страной, сколько театром и собачьими боями, произошла реставрация царской власти. Бывший правитель Годайго привлёк на свою сторону буддийских монахов, а также воинов нескольких знатных семейств. Заговор (1324 г.) раскрыли, и Годайго был сослан на отдалённый остров Ики. Но он бежал из ссылки в женском паланкине и в рыбацкой лодке переплыл к своим сторонникам.

На сторону Годайго перешёл влиятельный феодал Асикага Такаудзи, назначенный командующим войском. Была захвачена и сожжена ставка сёгунов Ходзё — город Камакура. Власть царского дома была восстановлена. Это время (с 1333 по 1336 г.) получило название «реставрации Кэмму».

В 1338 г. Асикага Такаудзи провозгласил себя сёгуном и началась власть сёгуната Муроматти (1338—1568 гг.), по названию местности, где размещалась ставка сёгуна. Из 14 сёгунов этой фамилии двое были убиты собственными слугами, пятеро умерли в изгнании, одному пришлось совершить самоубийство. Провозглашение Асикага Такаудзи сёгуном вызвало междуусобную войну, которая длилась 56 лет и называлась «войной Хризантем» или «войной Северной и Южной ветвей». С одной стороны выступал Годайго, поддержанный вельможей Нитта Ёсисада (принадлежащим к партии «Южная ветвь»), с другой — царь Комё, за ним стоял Асикага Такаудзи. Междуусобица закончилась соглашением о том, что трон будет поочерёдно у представителей обеих династий. В конечном счёте выиграли самураи.

Подлинная власть в стране осталась у сёгунов Асикага. Они купались в роскоши. Крестьяне, задавленные чрезмерными налогами, бунтовали или оставляли поля невозделанными. Бедствовали даже правители, лишённые сёгунами реальной власти. Тэнно Гонара, говорят, жил на то, что зарабатывал как писец, а также продажей автографов.

В эпоху Асикага Япония впервые познакомилась с европейцами и христианским учением. Князья юго-запада страны воспринимали новую религию как одно из средств сопротивления центральной власти. Первым взялся за объединение Японии сравнительно мелкий феодал центрального района острова Хонсю, где было меньше всего влияние европейцев, Ода Нобунага (1534—1582). Его отряды сокрушили ополчение не своих противников и разгромили храм Энрякудзи, цитадель их союзников — буддийских монахов. Храм вместе с ценнейшими историческими реликвиями был сожжён, все его монахи полегли под мечами воинов Ода Нобунага. В 1573 г. он сверг последнего сёгуна из рода Асикага и стал фактическим правителем Японии. Рядом указов и

жесточайшими карами против тех, кто осмелился ослушаться, он добился приостановки междуусобиц на половине территории Японии. Против Нобунага выступил, как это часто бывает, его вассал. Тяжело раненный им правитель совершил самоубийство, вспоров себе живот.

Объединение страны продолжил ближайший помощник погибшего правителя — Тоётоми Хидэёси, выходец из крестьян, получивший из-за своей уродливой внешности прозвище Обезьяна. Борьба была жестокой. Поражения воспринимались с чисто японским своеобразием. Например, когда военачальник Шибата Катсуие проиграл сражение, он собрал домочадцев на праздник с танцами и песнями, а потом предложил женщинам покинуть замок. Женщины — истинные японки — отказались. Они решили разделить участь мужчин. Князь поджёг дом, мужчины убили женщин и детей, а потом покончили с собой.

Хидэёси (1536—1598) стал фактически единоличным правителем Японии и главнокомандующим армией. Хидэёси старался обеспечить внутренний мир. Для себя он установил следующие правила поведения: «Важные дела решать на большом совещании, небольшие — с участием двух-трёх человек. Ничего чрезмерно не откладывать. Не брать взяток. Не заводить ни друзей, ни врагов. Не благоволить богатым, не презирать бедных». Чтобы объединение Японии было прочным, Хидэёси осуществил ряд хозяйственных мероприятий. Он провёл земельную реформу, которая повышала заинтересованность крестьян в урожайности полей, способствовала расширению площади обрабатываемых земель. Чтобы предотвратить выступления крестьян в будущем, Хидэёси издал «Указ об охоте за мечами». На основании этого указа у крестьян изымалось оружие, накопленное ими во время восстаний XV—XVI вв.

При Хидэёси были выпущены новые золотые и серебряные деньги. Он поощрял развитие торговли и ремёсел, однако строго контролировал торговые связи с заграницей, ввёл особые лицензии для торговых судов, отправляющихся за рубеж. Их называли «Корабли с печатями ярко-красного цвета».

В 1587 г. Хидэёси издал закон о запрете распространения христианства, по которому священники-иезуиты под угрозой смертной казни в течение 20 дней должны были покинуть пределы Японии. Нетерпимость Хидэёси к христианству была вызвана рядом причин. Проповеди католических миссионеров расходились с беспутным поведением португальских торговцев и моряков в портах Японии. Священники, случалось, не уважали местные обычаи. Хидэёси считал, что христиане уводят японцев от их национальных богов. На юго-западе страны значительная часть местной знати приняла христианство и укрепляла своё положение благодаря торговле с христианской Португалией. У Хидэёси были причины рассматривать христианских проповедников как передовой отряд захватчиков. Лоцман испанского корабля «Сан Фелипе» однажды похвастался в японском порту, что владения короля Испании всё расширяются. Когда лоцмана спросили, как Испания завладела столь обширными территориями, он ответил: «Сначала пришли миссионеры, а потом солдаты короля». Об этом разговоре доложили Хидэёси. В 1587 г. практически всем миссионерам было приказано немедленно покинуть Японию на отплывающем корабле. Тогда же было казнено 26 христиан-японцев («Распятие на кресте двадцати шести»). Среди казнённых были три мальчика-японца и церковные служки.

Хидэёси вёл чрезвычайно агрессивную внешнюю политику в отношении Кореи, Китая, Юго-Восточной Азии. В 1582 г. он потребовал дань от Кореи. Он предложил также корейскому вану (королю) участвовать в походе против Китая. Ван отверг это предложение. Отказался он и платить дань. Японские войска вторглись в Корею. Однако японский флот был разгромлен, а на выручку корейцам прибыли китайские войска. В 1594 г. Хидэёси пришлось вывести свои отряды с Корейского полуострова. Спустя три года он вновь предпринимает поход на Корею. 30 октября 1598 г. разыгралось великое побоище. Японцы взяли верх. Они обезглавили 39 тыс. корейских и китайских воинов. Невозможно было отправить в Японию в знак победы так много голов, поэтому туда отослали уши и носы, засоленные в бочках. Возле города Киото был насыпан «Холм ушей». С известием о смерти Хидэёси (сентябрь 1598 г.) японский стяг с изображением золотой тыквы был опущен, и японские войска ушли из Кореи.

С японскими воинами прибыло немало корейских ремесленников. Их умение и опыт были использованы для возрождения японских промыслов. С материка пришёл и новый способ печатания. В 1592 г. во время первого корейского похода Хидэёси во дворце вана были найдены и вывезены в Японию медные подвижные знаки для набора и приспособления для печатания.

По завещанию Хидэёси наследником становился его малолетний сын Хидэёри. Письменную клятву верности наследнику ещё при жизни Хидэёси дали пять влиятельных князей во главе с Иэясу Токугава. Однако едва умер Хидэёси, как против Иэясу выступил союз знатных лиц во главе с князем Исида Минуцари. Туманным утром 20 октября 1600 г. Иэясу повёл на врагов своё войско. Впереди несли штандарт — золотое опахало — и белый флаг, украшенный розовой штокрозой, — флаги рода Токугава. «Путь перед тобой закрыт», — предостерегали Иэясу предсказатели. «Я открою его своим ударом», — ответил он. В битве при Сэкигахара («Равнина преграды») в 1600 г. войско Иэясу одержало верх. На месте битвы было насыпано два холма из голов поверженных врагов.

В 1603 г. Иэясу получил от государя Гоёдзэя звание «Сэй-и-тай Сёгун». 4 июня 1615 г. войска Иэясу взяли штурмом замок, где укры-

Портрет Тоётоми Хидэёси.
Чернила и краски на шёлке.
Период Момояма. Не позднее 1600 г.

вались сын Хидэёси, Хидэёри, и его мать Йодо. Мать и сын предпочли плену гибель в огне загоревшегося замка. Однако мальчика спасли из огня и укрыли доброжелатели. Но потом кто-то его выдал, и он был казнён.

Со дня победы при Сэкигахара Иэясу постоянно заботился об укреплении власти дома Токугава. Первым делом он позаботился о закреплении земель за верными ему слугами. Его сторонники получили новые земельные наделы, противники лишились части или всего своего имущества.

Порядок управления страной, известный как сёгунат Токугавы, просуществовал 252 года. Вся полнота власти находилась в руках сёгунов. От имени тэнно издавались законы, раздавались чины, почётные звания. Тэнно оставались почитаемы как наместники богов на земле. Но они жили уединённо в своих дворцах в священном городе Киото. Тэнно и их придворные существовали на средства, которые выдавали сёгуны. Токугава были щедрее, чем их предшественники, и тэнно не бедствовали, как в XV в.

Но даже в Киото тэнно не был хозяином. При нём состоял представитель сёгуна — всесильный сёсидай. Он был губернатором города и окружающих провинций, ведал финансами тэнно и действовал как посредник между Киото, столицей тэнно, и Эдо, ставкой сёгуна. Сёсидай следил за каждым шагом государя и стоял на страже интересов сёгуна. Никто из князей или знатных лиц не мог приехать в Киото без особого разрешения сёсидая.

Япония не знала мира при сёгунах Токугава. Прошло менее полугода после смерти Иэясу, как вышел указ о запрете христианства. В 1633—1639 гг. были, кроме того, созданы указы, запретившие японцам покидать страну и строить большие корабли. Иностранцам запретили въезд в Японию. Исключения касались голландцев и китайцев. Междуусобицы и налоговый гнёт вызвали крестьянские восстания в Симабара и Амакуса (декабрь 1637 — апрель 1638 г.). Как утверждают, их возглавил Масуда Токисада, наследственный враг Токугава. Он утверждал, что получил свыше способность творить чудеса. Восстание было подавлено с помощью голландца Кёкенбеккера, главы созданной в Японии фактории нидерландской Ост-Индской компании. Он руководил обстрелом замка Хара, где укрепились повстанцы. Кёкенбеккер должен был любой ценой спасти торговлю с Японией. Когда замок Хара пал, почти все осаждённые были перебиты. Их вожаков распинали на крестах, обезглавливали, принуждали совершать самоубийства.

В начале XVII в. власти Японии послали ознакомительную миссию в Мексику (1610 г.), посольство в Европу (1613—1620 гг.), однако симпатии сёгунов остались только лишь на стороне маленькой Голландии. Когда в 1613 г. португальцы попытались выжить голландцев из Японии, сёгун написал: «Если даже голландцы будут черны, как черти, что выходят из ада, но будут честно вести торговлю и не заниматься ничем иным, с ними будут обращаться в Японии, как с ангелами, что приходят из рая». В 1623—1624 гг.

власти вынудили покинуть страну англичан и испанцев. Указ сёгуна Иэмицу (1633 г.) гласил: «Отныне никому, покуда Солнце светит над миром, не позволяется приплывать в Японию, даже в качестве послов, и этот запрет никогда не должен быть отменён под страхом смертной казни». В 1808 г. британский фрегат «Фэйтн» вошёл в гавань Нагасаки, но не бросил якоря. Несколько высокопоставленных японских чиновников совершили самоубийство, поскольку позволили судну спастись.

Была ограничена торговля Японии с Аннамом (Северным Вьетнамом), Сиамом (Таиландом), Китаем. Японским морякам, если их корабль унесло штормом или течением от островов, не разрешалось возвращаться.

Ограничение сношений с внешним миром не закрепило навсегда господства сёгунов Токугава. В 1867 г. Кэйки, пятнадцатый и последний сёгун из дома Токугава, принуждён был отречься от власти и передать её монарху Муцухито в результате незавершённой буржуазной революции мэйдзи.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КИТАЙ

В зале предков, который служил семейным храмом и молельней в доме Ян Цзяня, полководца государства Северное Чжоу, стояли деревянные дощечки с именами его умерших прародителей. Перед табличками благоговейно склонял колени Ян Цзянь, докладывая душам предков о победах и испрашивая помощи в новых начинаниях. В 581 г. он захватил северочжоуский престол и провозгласил себя государем. Души усопших, должно быть, испытали безмерную радость, когда однажды Ян Цзянь доложил им: «Теперь я ди — владыка. Подвластен Север Поднебесной мне!».

Распространив свою власть на Северный Китай, в 589 г. он предпринял поход на юг, сверг южную династию Чэнь и пленил её правителя Хоу Чжу. Теперь, перед священными табличками, которым поклонялся Ян Цзянь, покорно склонил голову правитель южных земель. Так Ян Цзянь уведомил предков, что противник его повержен и с двоевластием в Поднебесной покончено. Китай вновь стал единым под властью основанной им династии Суй (581—618).

Как повелось, первый правитель суйского Китая Вэнь-ди (так стал именоваться Ян Цзянь) немного уменьшил налоги. Государь подавал пример скромности в одежде и еде. Однако вскоре он был убит своим сыном Ян Гуанем, правившим под именем Ян-ди, который повёл себя иначе. Он не жалел средств на укрепление и возвеличивание престола. На перестройке города Лояна трудилось 2 млн человек. По желанию Ян-ди деревья там цвели и зеленели круглый год: зимой листья и цветы делались из шёлка. В одном уезде были перебиты все птицы — их пух пошёл на одеяла для свиты правителя.

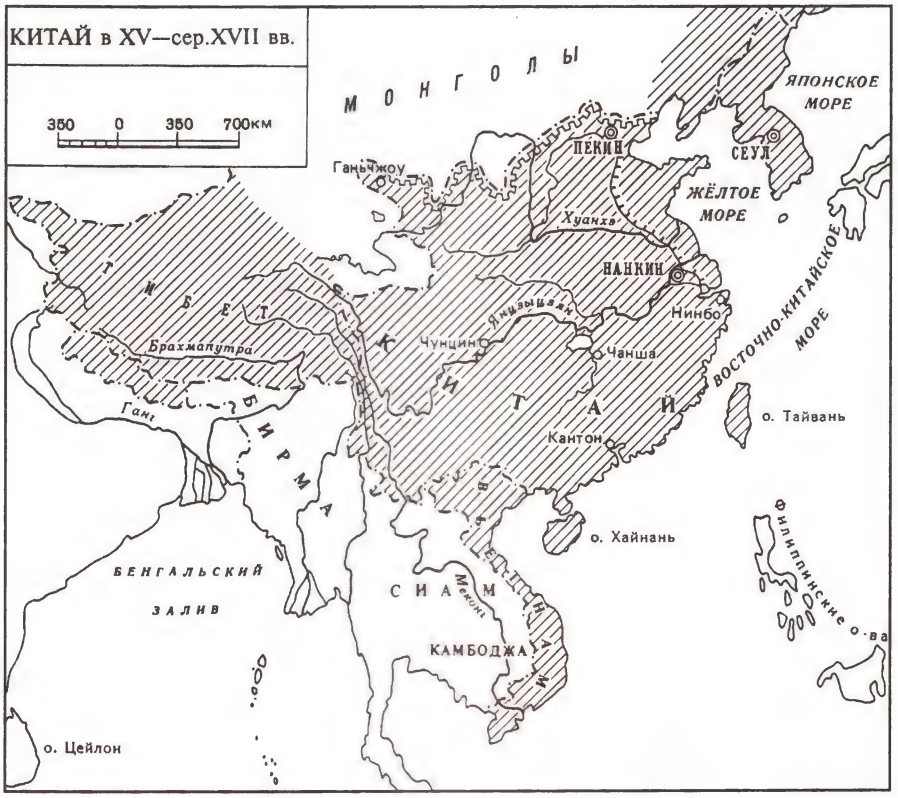
Одержимый идеей соединить две великие реки Китая — Янцзы и Хуанхэ, Ян-ди распорядился строить Великий канал. Но и это полезное начинание стало ненавистным народу. На принудительные работы сгоняли даже женщин. Тяжёлым бременем на плечи народа ложилась огромная дань, которую суйский двор уплачивал своим соседям — тюркам, чтобы избежать войн с ними. При этом была укреплена и достроена Великая Китайская стена.

Ратными успехами империя Суй не прославилась. Воевать с Кореей было отправлено около 1 млн солдат на 300 судах. Итог войны не оправдал затрат и людских потерь. Народ ответил на корейские походы восстаниями. Сам хуанди Ян-ди был однажды продержан тюркским ханом Шиби в осаде месяц у «внутренней» Великой стены. Её построили по приказу Ян-ди ценой огромных человеческих жертв как вторую линию обороны против кочевников с севера.

Тюрки не оставляли в покое Китай. Усмирить их обязали воеводу Ли Юаня, в роду которого были инородцы-кочевники. Но, чтобы одолеть тюрок, у Ли Юаня войск оказалось мало. Сын Ли Юаня дал отцу совет: «Помирись с каганом тюрок и трон займи китайский». Поутру, после бессонной ночи, Ли Юань изрёк: «Пусть будет так, как ты сказал. Или погибнет вся наша семья, или стану я владыкой Поднебесной».

Ян-ди в это время был далеко за пределами столицы. Любуясь в зеркало, он молвил: «Желаю

Китайские чиновники.
Чтобы занять должность,
надо было обладать учёным званием,
присваиваемым после экзаменов.



знать, кто поимеет честь с плеч голову мне снять?». И вскоре был убит приближёнными. Суйская династия не просуществовала и 30 лет.

Трон императора Китая занял Ли Юань под именем Гао-цзу. Он положил начало правлению династии Тан (618—907 гг.). В числе первых смену власти испытали на себе буддийские монахи. Усматривая в них угрозу благополучию страны, Ли Юань закрыл многие буддийские монастыри и приказал их обитателям наряду с молитвами заняться полезными делами.

В наследство дому Тан досталась хозяйственная разруха. Пустовало много земль. В казну поступало мало доходов. Выход из создавшегося положения новые правители усмотрели в упорядочении землепользования. Землю-пустоши получали прежде всего бедные и те, кто платил налоги и отбывал повинности. Порядок нового землепользования привязывал крестьянина к земле, заставлял платить на основе круговой поруки земельный налог и промысловую подать. Постепенно пустоши стали пашнями, приносившими большие урожаи. Возросли и доходы казны.

Китай в годы могущества дома Тан был ведущей державой Восточной Азии. Успешно развивалась морская торговля. Экономический подъём способствовал развитию городов — центров торговли и ремесла, оказал большое влияние на развитие культуры.

Для государственной власти характерны централизация власти императора, считавшегося сыном Неба, создание системы конкурсных экзаменов, что вело к возникновению лично зависимого от правящей династии учёного сословия.

Однако система крестьянского землепользования не закрепилась в стране. Упадку и исчезновению её способствовали угнетение крестьян крупными землевладельцами и чиновниками, самовольные захваты земли власть имущими, скупка наделов купцами и ростовщиками, растущие налоги в казну. Простому труженику пришлось оплачивать потом и кровью новаторские устремления танских императоров.

Расширение пределов Китая, увеличение данников из числа иноземных правителей было целью внешней политики династии Тан в течение почти 300 лет её существования. Отказ правителя Кореи считать себя подданным императора Китая повлёк за собой вторжение на её территорию китайских войск. Танский Китай воевал с Тибетом в 663—668 г., вмешивался в дела Индии и Японии, беспрестанно сражался с тюркскими каганатами, пытался подчинить себе Вьетнам. Продвижение танского Китая на запад остановили войска Арабского халифата, разгромившие в 751 г. на реке Талас танскую рать. В 754 г. погибло 200 тыс. китайских воинов в попытке покорить в дельте Красной реки государство «дикарей» Наньчжао. Так же бесславно закончилась борьба с Туфанью (Тибетом) и Уйгурским ханством.

С середины VIII в. с ростом могущества военных губернаторов (цзедуши) власть династии

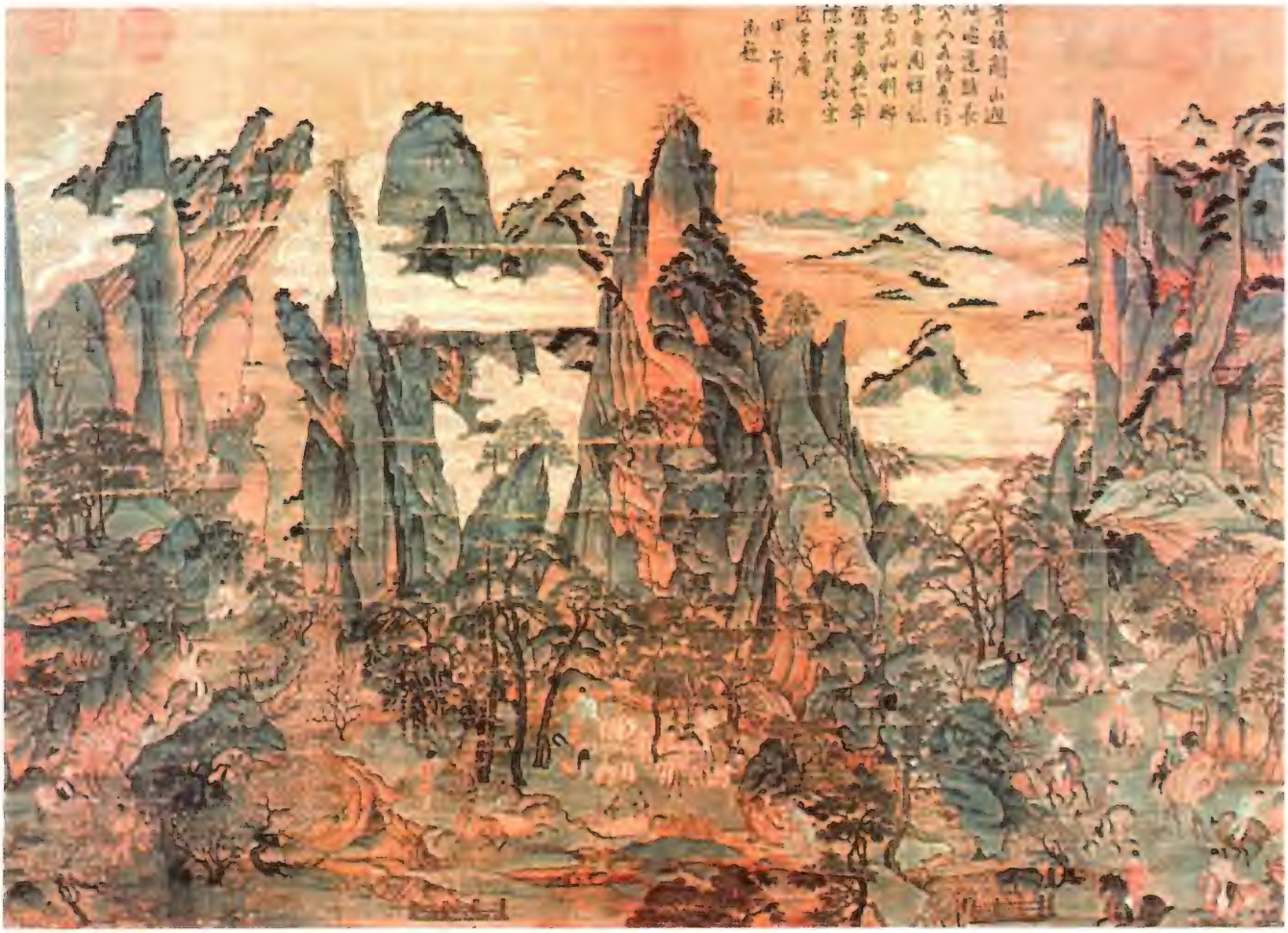
ослабела. Ань Лушань, тюрок по происхождению, поднял мятеж и провозгласил себя хуанди. Из-за бесчинств иноплеменной рати Ань Лушаня против него выступило китайское население. Сам он погиб от рук заговорщиков, среди которых был его сын. Более грозным, чем выступление Ань Лушаня, для власти дома Тан явилась массовая крестьянская война во главе с Хуан Чао, начавшаяся в 874 г. Выходец из семьи богатого солевара, Хуан Чао провозгласил себя государем новой династии, Великой Ци, но был предан военачальниками и покончил с собой в 884 г.

Вызов, который поочерёдно бросали дому Тан новоявленные «самодержцы» вроде Ань Лушаня и Хуан Чао, оказался предвестием близкой гибели династии. В 907 г. дворцовый переворот покончил с ней.

На развалинах Танской державы появились многочисленные мелкие владения, время существования которых с 907 по 960 г. назвали «пятью династиями и десятью царствами». Соседствовавшие с танским Китаем народы создают свои государства. На западе у тангутов возникает государство Си-Ся, на севере у киданей — государство Ляо. В ходе междуусобной борьбы Китай был объединён в 979 г. под началом династии Сун (960—1279 гг.). Династия была поддержана и феодалами, и горожанами. Тем и другим падение центральной власти было опасно.

По-новому намеревался наладить жизнь в стране первый министр сунского двора Ван Аньши (1021—1086). Предложенные им реформы предусматривали осуществление ирригационных работ (не желавшие участвовать могли откупаться деньгами или продуктами), выделение ссуд крестьянству, освобождение за деньги от трудовых повинностей, обмер полей в целях точного распределения налогов, установление твёрдых цен на все предметы торговли. Реформа Ван Аньши предусматривала и реорганизацию армии за счёт наделения её землёй.

Из-за противодействия сторонников прежних порядков преобразования Ван Аньши не состоя-



Ли Чжао-Дао.
Путешествие императора Минь Хуана в Сю.

Ваза.
Мастерская Цычжоу.
Китай. Керамика.
X—XII вв.

Неизвестный художник.
Портрет чиновника в красном.
Шёлк, водяные краски, тушь.
XVI в.

лись. Правители дома Сун не пользовались поддержкой народа и не смогли организовать отпор вторжению чжурчжэней, захвативших север Китая и основавших государство Цзинь — Золотое (1115—1234 гг.). Сунский двор переехал на юг. Там, в городе Ханчжоу, утвердилась династия Южная Сун (1117—1279 гг.).

Эпоха Сун известна реформаторскими сдвигами и изобретениями, имевшими огромное значение в жизни не только китайского народа, но и всего человечества (книгопечатание, порох, компас и др.).

Разделённым Китай оставался до монгольских завоеваний. В XII в. на территории Китая сложились четыре враждовавших между собой государства. Весь Китай подпал под власть монгольской династии хана Хубилая, получив имя Юань (1271—1368 гг.).

Силой оружия монголы покорили Китай, но удержать за собой не смогли. В 1368 г. последний юаньский император Тогон-Тэмур бежал из Пекина. Монгольское господство в Китае кончилось. Возглавил борьбу китайцев за изгнание иноземных правителей буддийский монах Чжу Юаньчжан. Ведомая им китайская рать расчистила ему путь к трону хуанди и положила начало династии Мин, что означало Блестящая. Она просуществовала с 1368 по 1644 г. Под пышным названием был уже другой Китай, гораздо меньший по территории, чем при монголах. Неоднократные войны с ними закончились неустойчивым перемирием. Намерения подчинить Вьетнам только опустошили казну и отяготили население. Долгие годы минское правительство боролось с японскими пиратами, грабившими приморские районы Китая. Ещё раз Китай столкнулся с Японией на землях Кореи. В 1598 г. китайские войска помогли корейцам прогнать японских завоевателей. Война стоила Китаю большой крови и огромных денег. Для изыскания средств попытались установить прямую собственность государства на землю, чтобы крестьяне платили налоги в казну, а не в карман феодалу. Проводились дорогостоящие бюрократические реформы.

Недовольство правлением дома Мин охватило городское и сельское население и вылилось в широкое восстание. Главную роль в нём сыграл Ли Цзы-чэн (1606—1645). Сельский староста, он стал разбойником и собрал вокруг себя отчаянных мятежников, назвавшихся «восемью царями». Ли Цзы-чэн со временем оказался во главе большого народного войска и провозгласил себя в 1643 г. первым императором новой династии Дай Шунь, но утвердиться не смог.

Китай одолевала внутренняя смута, а с северо-востока неумолимо надвигались маньчжуры, победить которых китайцам не удалось.

На дальних подступах к столице, где уже находились войска Ли Цзы-чэна, маньчжуры увидели армию Мин под началом У Саньгуя. «Сейчас наш общий враг — Ли Цзы-чэн, — обратился У Саньгуй к маньчжурам. — Выступим против него сообща». Маньчжурский князь Доргунь согласился.

Вчерашние враги, маньчжуры и минская армия, сошлись в жестоком бою с ратью Ли Цзы-чэна.

Битва под Пекином шла с рассвета до заката. Поднялась буря и привела в смятение войско Ли Цзы-чэна.

Не получив поддержки из провинции, он оставил город и приказал поджечь городские ворота. Его теснили всё дальше и дальше, пока он не сложил голову на юге, в Хубэе, в 1645 г.

Оказав помощь в борьбе с Ли Цзы-чэном, маньчжуры отказались покинуть Китай. «Мы взяли его из рук бунтовщика, — заявили они, — а не у народа».

В 1644 г. в Китае воцарилась маньчжурская династия Цин, правившая до 1911 г. Во много раз уступавшие китайцам по численности, сильные своей родовой сплочённостью, маньчжуры правили страной при поддержке китайской аристократии. Её интересам отвечала агрессивная внешняя политика Цинского дома. Увеличивались возможности обогащения за счёт ограбления населения соседних завоёванных земель. Туда можно было отправить «излишек» китайского населения, беспокоивший чиновников, помещиков и купцов требованиями лучшей жизни.

Маньчжурские властители Цин расширили территорию Китая. В его состав вошли новые земли в Центральной Азии: владения разгромленного Джунгарского ханства и восточно-туркестанских племён, монгольские земли. Из-за притязаний империи Цин на новые территории по Амуру происходили пограничные столкновения и с Россией.

В XVIII в. цинский Китай внешне находился в зените своего могущества. С ним считались дальние и близкие соседи. Он вызывал опасения у иранского Надир-шаха. В Пекине постоянно действовали послы правителя афганской дурранской державы, среднеазиатских властителей, русских царей, португальского и английского королей. За величием Цинского двора явственно проступают признаки грядущего упадка империи, повсеместно растёт недовольство правительством. Появление в 1796 г. кометы послужило сигналом к восстанию тайного общества «Белый лотос». Лозунгом повстанцев было: «Свергнем Цин, восстановим Мин!». В начале XX в. прокатилось несколько народных восстаний. Самое мощное их них — «боксёрское» — вызвало интервенцию держав. Повстанцев поддерживал народ, ненавидевший своих правителей, стремившийся всеми силами приблизить конец империи Цин, которая и была свергнута Синьхайской революцией 1911—1913 гг.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Давным-давно высоко под облаками в смертельном поединке схватились бог Индра и демон Вритра. Искусно владея палицей, справедливый Индра, Царь Вселенной, сокрушил вооружённого золотым топором коварного демона, сотворённого из плоти и огня. Топор поверженного Вритры упал на Землю между Китаем и Индией, и на месте его падения образовалась Суварнабхуми — Золотая Земля. Так повествует легенда. На наших картах этот район включает территории Индокитайского полуострова, островов Суматра и Ява. Малаккский полуостров и Малайский архипелаг издавна составляли здесь единое целое, хотя материк и острова разделены узким Малаккским проливом. В сознании людей, населявших эти территории, суша подчинялась морю, связывавшему два великих источника жизни — Индию и Китай. Вдоль морских торговых путей возникли большие государства. Этот регион называется Юго-Восточной Азией.

Статуя Будды в сингапурском парке Тигрового бальзама.

В рассказах о Золотой Земле соседствовали правда и вымысел. Говорилось о золотых островах с несметными богатствами, где добывают черепашьи панцири; о серебряном городе и плодородной земле, населённой каннибалами и хвостатыми людьми; о стране высоких каменных башен, крытых золотом и серебром; стране царей, разъезжающих на слонах, и людей, клеймящих свои лица раскалённым железом. В своём знании о подлинной жизни живущих тут людей историки опираются на древние хроники, материалы местных летописей и надписей.

Одним из первых крупных государств Юго-Восточной Азии была Фунань, или Бапном, расположенная на юге Индокитайского полуострова. Её столица находилась в нижнем течении реки Меконг. Население Фунани возводило ирригационные сооружения, осушало и засевало земли в заболоченной дельте Меконга. Обычным жилищем фунаньцев был дом на сваях. Они славились как искусные строители больших лодок, предназначенных для морских грузовых перевозок. Пра-

вили страной могучие цари, которые называли себя владыками гор. Их столица называлась Городом охотников, так как молодых воинов учили здесь охоте на слонов.

Наивысшего расцвета Фунань достигла в III в. н. э., сделавшись самой мощной державой Юго-Восточной Азии. Она контролировала морские торговые пути, ведущие из Индии в Китай, имела связи с Ираном.

Историки считают, что Фунань возникла в результате индийской колонизации прибрежных районов. Первыми здесь появились купцы. По проложенным ими путям в Фунань в поисках богатства и власти устремились разорившиеся отпрыски знатных индийских родов и представители брахманов. Многие из них брали в жёны девушек из владетельных фунаньских семей и становились таким образом основателями местных династий. Они принесли в Фунань и свою веру в то, что общение с высшими существами происходит через жрецов — брахманов.

Фунань процветала до середины VI в. Затем её мощь и влияние стали слабеть, и в начале VII в. она пала под ударами соседнего государства Ченла. Повелитель Ченлы Ишанаварман I был царём-воином, стремившимся не только к контролю над морскими путями, но и к расширению своего государства. Созданная им империя объединяла враждующие между собой княжества, населённые кхмерскими племенами. Он удачно воевал с Китайцами, а в 623 и 628 гг. его посольства были приняты при дворе империи Тан. Через два века кхмеры объединились в единое Ангкорское государство вокруг небольшого кхмерского княжества. Владыка этого княжества Джайяварман I (657—681) основал культ бога-царя: на горе Пхномкулен над ним был совершён священный обряд, и Джайяварман I был провозглашён чакравартином — монархом Вселенной. При Джайявармане II (802—854) страна стала называться Камбоджей (второе название — Ангкор). Его царственный последователь сумел объединить под своей властью всю долину Меконга. При нём слились светская и духовная власть.

Возникновение великого Ангкорского государства неразрывно связано с буддизмом. Буддизм определил культурное лицо Камбоджи, придав ему неповторимое своеобразие. По преданию, царская династия страны произошла от буддийского отшельника по имени Камбу и небесной танцовщицы Меру. В стране был воздвигнут замечательный памятник кхмерской архитектуры — храм Ангкорват.

В конце IX в. при Яшовармане I (889 — около 912) Ангкорское государство укреплялось, строились буддийские монастыри, на месте прежнего Ангкора была заложена новая столица. В то же время приступили к сооружению грандиозной системы орошения. Весь район был поделён на квадраты рисовых полей. Мощные водохранилища обеспечивали регулируемую подачу

Рис — основа земледельческих цивилизаций в Юго-Восточной Азии.

Типичная деревня (кампунг) в странах Юго-Восточной Азии.

Танец с бамбуковыми шестами — один из самых популярных у народов стран Юго-Восточной Азии.

воды на поля круглый год. Водоёмы для накопления влаги не выкапывались, а создавались с помощью насыпей. Поддержание и развитие оросительной системы сделалось важнейшей обязанностью ангкорских царей. Многие из них вошли в историю как строители не только храмов, но и ирригационных сооружений. Сельское хозяйство требовало слаженной работы, свободных общинников. Земледельцы собирали по три полноценных урожая в год и почти не зависели от погодных условий. Ангкорские цари, добиваясь объединения земель, заботились и о состоянии дорог. Но не только во дворец и храмы тянулись обозы с зерном и маслом. 938 деревень несли совершенно необычную в наших глазах повинность — они снабжали продуктами 102 лечебницы, расположенные по всей стране, и несколько госпиталей в столице. В каждой лечебнице было 2 врача, 7 ассистентов, 14 медсестёр, 2 повара и 6 служителей. Устройство лечебниц и перечень медикаментов, которые использовали камбоджийские врачи, позволяют считать, что медицина Древней Камбоджи, вероятно, превосходила медицину Европы.

С XIII в. начинается медленное угасание Ангкорского государства. В XIV в. Ангкор был захвачен племенами сиамцев. Согласно легенде, после семимесячной безуспешной осады города сиамский царь приказал стрелять серебряными монетами. Защитники Ангкора бросились собирать монеты, и сиамские воины ворвались в осаждённый город. Смысл легенды в разобщённости Ангкора в эту эпоху.

Почти одновременно с Ангкорской империей на территории современной Мьянмы (Бирмы) возвысилось государство Паган. В китайских хрониках его история исчисляется со II в. н. э.,

Сооружения бирманского храмового комплекса Паган.

КНИГИ НА ЛИСТЬЯХ ПАЛЬМЫ

Ценным источником сведений по истории и культуре народов Юго-Восточной Азии являются старинные манускрипты. В те давние времена материалом для письма служили листья веерной пальмы. В Индонезии такие манускрипты называют лонтарами. Это связки небольших прямоугольных пластин, скреплённых шнуром и раскрывающихся подобно вееру. Наружные пластины из дерева саво или дерева других ценных пород покрыты искусной резьбой. Текст и рисунки наносились чёрной краской из ламповой сажи и масла ореха кемири с помощью металлического острия. Большим собранием древних лонтаров располагает Балийский музей в Денпасаре. Искусство изготовления лонтаров сохранилось до наших дней. На острове Бали в Индонезии имеются клубы, в которых занимаются изучением старинных манускриптов и изготовлением их копий. С лонтарами связан один из популярных на Бали праздников — праздник богини знаний Сарасвати. В этот день перед восходом солнца лонтары выносят из помещений, складывают возле алтарей, посвящённых богине, и священники совершают над ними старинный ритуал.

ПРАЗДНИК ВОЗВРАЩЁННЫХ ВОД

Этот праздник отмечается со времени Ангкорской империи. Возникновение его связано с чудом реки Тонлесап. В сезон дождей её воды текут в сторону озера Тонлесап, а в следующие полгода — в обратном направлении. День поворота течения реки и является кульминационным моментом праздника. Основное его событие — регата на традиционных лодках. В каждой команде по 25 гребцов, дистанция — до 5 км. Финиш обозначается ротанговым канатом. Победителей награждают призами. Победа в соревнованиях имеет и символическое значение: камбоджийцы верят, что вступившему первым в «возвращённые воды» будет весь год сопутствовать удача.

ТУМАСИК — ГОРОД У МОРЯ

Предшественник современного Сингапура — Тумасик (по-явански «город у моря») — известен с VII в. как важный торговый центр империи Шривиджайя. Когда в XIII в. империя распалась, город стал самостоятельным государством. В XIV в. это самый оживлённый порт Малаккского пролива. Китайские мореходы называли его гавань «пастью дракона». По свидетельству малайской хроники, «слава о городе и его величии разнеслась по всему свету». Центр Тумасика находился на склоне холма, сохранившегося до настоящего времени. Здесь располагались храмовые и дворцовые постройки. В архитектурном стиле зданий сказалось влияние индо-буддийской культуры. Город был обнесён палисадом и рвом. При радже Шри Пикраме Вире в XIV в. Тумасик был захвачен и полностью разрушен войсками яванской империи Маджапахит.

тогда как человек появился здесь 1,5—2 млн лет назад. Начиная с 1044 г. князь Анируда, или Аноратха, постепенно объединил все тибето-бирманские племена и сделал Паган столицей империи. Аноратха старался упрочить в стране буддизм, с которым в Мьянму пришла письменность. Ради этого он завоевал царство на юге от Пагана, в котором хранились священные рукописи. Жители этого царства были обращены в рабство. С помощью тысяч рабов князь Аноратха воздвиг в долине реки Иравади

прекрасные буддийские храмы (пагоды). Паган поддерживал широкие торговые связи с Индией и Китаем. Сюда приезжали обучаться наукам из других стран. В пору своего расцвета столица государства утопала в зелени садов. Город украшали 4 млн больших и малых пагод. Самым крупным сооружением был храм Табинью, символизировавший всеведение Будды. Дошедший до нас первый памятник мьянманской письменности — плита царя Нарапатиситу, жившего на рубеже XI—XII вв., — сообщает о строительстве дамб, оросительных каналов и пагод, военных походах. Паганское царство знало уголовное и гражданское право. Существовали три судебные инстанции: высший суд с участием царя, низший и апелляционный суды.

Юридическая практика сводилась главным образом к примирению сторон. Судебные заседания проходили с участием двух-трёх судей, которые попеременно уговаривали противников пойти на примирение. Если это удавалось, то в знак подтверждения согласия истец и ответчик публично жевали зелёные листья чая и полюбовно расходились. Свидетель клялся говорить только правду, водрузив над головой образ Будды. Порой судили споривших «всем миром», и тогда дело решалось посредством физических испытаний. Побеждал тот, кто мог дольше не дышать под водой или быстрее съесть порцию риса. При равном исходе заставляли полоскать рот, и виновным считался тот, у кого обнаруживали хотя бы одну застрявшую рисинку. Паганское государство было одним из важных культурных центров, в котором встречались буддийская и исламская культура с древним брахманизмом. Через Паган шли важные торговые связи Дальнего Востока с другими культурными и экономическими центрами Азии.

Почти 300 лет просуществовало это государство, пока не пало под натиском монгольских полчищ хана Хубилая, внука Чингис-хана. Марко Поло, отважный венецианский купец и путешественник, был очевидцем победы китайско-монгольской армии над фунаньскими воинами, сидевшими на спинах неповоротливых слонов. После ухода монголов Паган лежал в руинах. Это произошло в 1283 г. Город был покинут жителями.

В VII в. на противоположной стороне Малаккского пролива возвысилась новая морская держава — Шривиджайя, занимавшая восточную часть острова Суматра в районе современного Палембанга. Первоначально она была одним из небольших государств Малайского архипелага. Когда пала китайская династия Хань и Поднебесная ослабела, Шривиджайя перестала посылать посольства к императорскому двору и попыталась завоевать главенствующее положение в южных морях. К концу VIII в. Шривиджайя установила своё господство над Малаккским и Зондским проливами. Это обеспечило державе контроль над путями, связывавшими Китай, Восточный и Южный Индокитай и Малайский

Буддийский храм — одна из главных достопримечательностей стран Юго-Восточной Азии вплоть до настоящего времени.

Прау — малайская лодка.
На них древние мореплаватели доплывали до Африки.

Руины португальского форта в Малакке.

Плоские кожаные куклы из традиционного теневого театра ваян, получившего распространение в период Маджапахита.

С приходом ислама в Юго-Восточную Азию появились мечети — культовые сооружения.

архипелаг с Индией и арабскими странами. Арабские авторы пишут, что Шривиджайя диктовала свою волю не только островным, но и материковым государствам. В конце VIII в. царь Ченлы дерзко потребовал, чтобы ему принесли голову махараджи Шривиджайи. В ответ махараджа послал в Ченлу флот, взял в плен царя Ченлы, отрубил ему голову, забальзамировал её и отправил в специальной урне преемнику царя.

Предки современных малайцев (морские воины и торговцы) создали самое сильное государство Юго-Восточной Азии X—XI вв., обладавшее мощным флотом и огромными богатствами. Его могущество основывалось прежде всего на широких торговых связях. Китайский чиновник, описывавший географию стран южных морей, ставил Шривиджайю по богатству на третье место после арабских стран и острова Ява. Шривиджайя являлась центром буддизма. Однако в начале XI в. она столкнулась с усиливающимся тамильским государством Чолов, которое тоже претендовало на господство на морских путях и совершило опустошительный набег на Шривиджайю, после чего она уже не смогла оправиться и к XIV в. окончательно распалась.

XIII в. явился веком перемен для Юго-Восточной Азии. Монгольское нашествие, двигавшееся с северо-запада, захватило не только материк, но и острова. На Индокитайском полуострове значительную силу обрели тайские народы, жившие там и ранее. Они создали ряд княжеств, крупнейшим из которых в конце XIII в. было княжество Сукхотаи (Сиам), погубившее великолепие Ангкорской империи.

В ходе драматических событий на Яве полчища, в составе которых были китайские и местные войска хана Хубилая, были изгнаны, и здесь началось быстрое усиление государства Маджапахит. Первые годы правления его создателя махараджи Кертараджасы (1293—1297) были спокойными. Он добился мира на разорённой Яве, и его называли «великим властелином всей Явы, повелителем всей Двипантары (Индонезии. — *Прим. ред.*)». Однако политике централизации сопротивлялись правители мелких государств, решившиеся на мятеж, который был жестоко подавлен. Большую роль в этом сыграл начальник личной охраны монарха Гаджа Мада (1319—1364). С ним связан период расцвета государства. Он не был правителем, но под его предводительством Маджапахит подчинил острова Индонезии и часть Малаккского полуострова. В стране процветали сельское хозяйство и ремёсла. Рис выращивали на террасных полях. Поощрялось развитие науки и искусства. Повелитель осыпал придворных архитекторов и поэтов милостями. Получили распространение производство батиковых тканей и кузнечное искусство, особенно изготовление кинжалов-крисов.

После смерти Гаджи Мады империю поддерживали около 100 лет. В начале XV в. вспыхнула

война за престолонаследие, в результате которой Маджапахит потерял значительную часть своих владений на Суматре и Малаккском полуострове. В основном буддийский период в истории Маджапахита был подорван столкновением с исламом. Мелкие прибрежные государства нашли в новой религии поддержку в своей борьбе против центральной власти. Простота догматов, учение о равенстве правоверных перед единым богом (Аллахом) и взаимопомощи среди единоверцев открывали исламу все границы. В начавшейся войне в 30-х гг. XVI в. погиб последний царь Маджапахита.

В Юго-Восточной Азии существовал другой источник ислама — Малаккский султанат. Он сделался признанным центром мусульманской религии, откуда она распространилась по всему региону. Его основателем считают потомка махараджи Шривиджайи принца Парамешвару. Принц, вынужденный бежать со своей родины, обосновался на Малаккском полуострове. Собственно, название этого полуострова появилось благодаря тому, что принц основал на этой земле новый город — Малакку. Чтобы поддержать свой авторитет, в начале XIV в. новый правитель посетил Китайскую империю, где его встретил грандиозный пышный приём. Однако торговые и политические интересы, в первую очередь опасение экспансии со стороны мощных соседей, заставили принца обратить свой взор к мусульманским странам. В 1414 г. Парамешвару перешёл в ислам и принял новое имя Искандер-шах.

Наибольшего расцвета государство достигло при правителе Тун Пераке во второй половине XV в. При нём Малакка стала крупнейшим портом Юго-Восточной Азии, одним из центров торговли между Дальним Востоком и Передней Азией. Умеренные пошлины, строгое соблюдение законов и льготы для иностранных купцов привлекали в Малакку многих торговцев и искателей приключений. Здесь можно было встретить арабов из Каира и Адена, индийцев из Гуджарата и Малабара, камбоджийцев и китайцев, жителей индонезийских островов. В Малакке, по выражению португальского путешественника, встречались 84 языка. Индийские купцы покупали пряности, камфору, ценные породы древесины, батиковые ткани, кинжалы-крисы. Китай торговал шёлком-сырцом и шёлковыми тканями, селитрой, медной и железной посудой.

Успешной была и завоевательная политика Тун Перака. К началу XVI в. Малаккский султанат распространил власть на бо́льшую часть Малаккского полуострова и Восточную Суматру. Он сумел отразить нападения сиамцев. Благодаря исламу Малакка получила возможность познакомиться с сокровищами культуры арабо-персидского мира. Шедевры малайской литературы созданы именно в эту эпоху. Величайшими памятниками являются «Седжарах Мелайю» («Малайские Родословия») — настоящая энциклопедия жизни и истории Малакки XV в. и «Сказания о Ханге Туахе» — повествование о легендарном

Яванская свадьба, ритуалы которой сохранились со времён средневековой империи Маджапахит. Жених и невеста угощают друг друга шепоткой риса (суап-неньюап).

МАГИЧЕСКИЙ КИНЖАЛ

Одним из самых популярных видов холодного оружия в Юго-Восточной Азии является крис, получивший здесь распространение со времён Средневековья. Это кинжал с расширяющимся у рукоятки обоюдоострым лезвием длиной от 30 до 100 см, часто волнообразной формы. Рукоятка и ножны делаются из кости, дерева, драгоценных металлов, рога. Обычно они украшены орнаментом. У яванцев орнамент воспроизводит символы «мирового древа». Крис ассоциируется с огнём и мужским началом, а его ножны — с водой и женским началом. Изготовляется он оружейниками-эмпу путём многократной ковки полос железа различных сортов. Материалом для настоящего криса служат метеоритное железо и руды из недр земли. Их соединение в ходе длительной обработки и последующего протравливания кислотами создаёт совершенный крис с характерным узором на лезвии (памор). Такое оружие имеет сакральное значение.

Как одно из воплощений космического единства, «мирового древа» крис выступает носителем энергии, которая обеспечивает его обладателю успех в любом начинании, оберегает от бед. Считается, что крис правителя способен поддерживать единство и процветание всей страны. Яванцы верят, что кинжал может сам летать в поисках жертвы, поразить человека только прикосновением к его следу или отравить родник. В то же время напиток, в который погружён крис, приобретает целебные свойства.

Энергия кинжала, как считают яванцы, нуждается в специальной заботе и подпитывании. С этой целью в домах перед ним регулярно жгут благовония, рассыпают цветы, а во дворцах раз в год проводят церемонии очищения лезвий, сопровождаемые чтением заклинаний и музыкой гамелана. Крисы с длительной биографией называют «пусака». Предками их владельцев считаются родоначальники средневековых государств Явы. Крис нельзя купить, его наследуют или получают в подарок. Крис — также символ социального статуса, власти, авторитета. Он передаётся в семьях из поколения в поколение, хранится как реликвия. Крис — непременный атрибут национального мужского парадного костюма, в том числе свадебного. Его заправляют за пояс со стороны спины так, чтобы ножны были обращены влево (женская сторона), а рукоятка — вправо (мужская сторона). В Юго-Восточной Азии насчитывается более 100 разновидностей криса.

герое. Малаккский султанат раздирали противоречия между центральной властью и местной знатью. Враждой между придворными группировками воспользовались воинственные португальцы, захватившие в 1511 г. Малакку. Тем самым португальцы, потерпев неудачу в Японии, компенсировали поражение за счёт контроля над всей торговлей между Тихим и Индийским океанами. Так завершился блестящий период средневековой истории Золотой Земли.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНДИЯ

Когда стемнело и на небе зажглись звёзды, не находивший себе места Бхангупта поднялся на крышу дворца. Охваченный прокалённым за день воздухом, он подумал о прохладе дворца, где в каждой комнате бил маленький благоуханный фонтан, а стены охлаждались при помощи специальных приспособлений. При свете луны с крыши просматривались обсерватория, склады, арсенал, помещения для стражи, сторожевые башни, конюшни, стойла для слонов, дворцовый бассейн. Дальше вырисовывались городские постройки. Бхангупта рассеянно переводил взгляд с храма на караван-сарай и дальше: на школу, больницу, священную рощу...

Задумчивость не покидала его. В этот вечер он не притронулся к шахматам, равнодушно прошёл мимо павлинов в огромных золотых клетках. О чём думал великий царь могущественной державы Гуптов в тот вечер? Может быть, вспоминал о победах над врагами? Или понимал, что, несмотря на военные успехи, держава слабеет, и предчувствовал впереди тяжёлые дни? Шёл 510 год...

Бхангупта оказался последним правителем великой империи. Впоследствии период правления Гуптов (320 — около 515 гг.) историки назовут временем величайшего благополучия объединённой страны — «золотым веком Индии». Некогда могучее государство вскоре распадается на множество мелких феодальных владений под ударами гунов-эфталитов из Центральной Азии.

Мавзолей Тадж-Махал в Агре.
Вид со стороны канала.

Богатейшими феодалами были, конечно, индуистские монастыри и храмы. Их земли, пожалованные владыками на срок «пока светят Солнце и Луна», т. е. навечно, освобождались от всех налогов. Уже начиная с IV в. храмы получают в дар целые деревни, обитателям которых вменялось в обязанность снабжать священнослужителей продуктами. Богослужения в храмах происходили много раз в день, и к каждому требовались гирлянды живых цветов, разнообразные благовония, свежее топлёное масло — гхи. Всё перечисленное поставляли исключительно «свои» крестьяне. При храмах жили ремесленники, писцы, музыканты и даже... танцовщицы. Ведь некоторые древние танцы исполнялись не для увеселения, а только как посвящение богам. Эти танцовщицы, дэвадаси («отданные Богу»), составляли отдельную касту. Их дочери наследовали профессию матерей. В каждом храме наряду со святилищем, залом для молящихся, залом для подношения даров был нат-мандир — зал для ритуальных танцев.

Уже в раннем Средневековье сложились два вида индуистских храмов. Северные, нагара-шикхара, — изящны, приближены по форме к эллипсу и как бы «облеплены» со всех сторон резными полубашенками всевозможных размеров. Названы они так по имени полулегендарного зодчего Нагара («шикхара» означает «вершина»). На самом верху храма располагается трезубец — символ бога Шивы. Храм Лингараджа в городе Бхубанешваре, храм Солнца в городе Конараке, именуемый также Чёрной пагодой, и, конечно же, храмовый комплекс в Кхаджурахо — самые красивые и известные храмы этого типа. Южные храмы, дравида-шикхара (дравиды — древние обитатели Индии), напротив, массивны и внешне напоминают многоступенчатую пирамиду, увенчанную куполом или двускатной крышей. Наиболее полное представление о них даёт знаменитый храмовый комплекс в местечке Махабалипурам на берегу Бенгальского залива.

Несмотря на то что буддизм как религия уже утратил главенствующую роль, наряду с индуистскими храмами строились и храмы буддийские. Храмы Аджанты, несомненно, — лучший пример.

Некогда процветающий монастырь в Аджанте угасал. Меньше становилось паломников, перед изображением Будды реже курились благовония,

монахи разбредались по другим монастырям. В обезлюдевшие святилища заходили дикие звери, заползали змеи, вили гнёзда птицы, и когда джунгли скрыли от людских глаз даже входы в монастырь — люди забыли о нём.

В начале XIX в. один английский офицер, охотившийся в горах Северного Декана, случайно заметил неясные очертания пещер. С трудом добрался он до них. Пещер оказалось 29, а внутри — великолепные постройки с хорошо сохранившимися росписями. Учёные выяснили, как они появились.

Сначала мастера готовили смесь из глины, коровьего навоза и порошка трапового камня, иногда добавляя для прочности рисовую шелуху. На этот слой специальной щёткой наносили тончайший слой белой штукатурки «чунам» и полировали его тонкой железной лопаточкой. Для приготовления красок растирали яйца, добавляя рисовый отвар, патоку, клей и нужные красители (кроме ляпис-лазури, привозимой с острова Ланка, их получали из местных минералов).

Возникает вопрос: как же могли художники в полутёмных пещерах так тщательно выписать мельчайшие детали? Оказывается, они использовали белую материю и полированные металлические пластины для отражения в пещере яркого солнечного света. Самым же удивительным является то, что многие краски этих росписей... светятся в темноте!

Росписи Аджанты можно рассматривать в течение многих дней. Здесь есть изображения богов, небесных красавиц апсар, сцены придворной жизни. Художники Аджанты оставили нам портреты множества красавиц с замысловатыми украшениями и причёсками, среди которых нет одинаковых. Конечно, большинство сюжетов посвящено жизни Будды и его учению. Здесь и Махамайя, мать Будды, стоящая у колонны, и трогательная сцена поклонения Будде его жены и сына, а также изображение главного события в его жизни — преодоления искушения, посланного Будде демоном Марой, и обретения истины под деревом Бодхи.

Интересны традиции изображения Будды, сохранившиеся с древности. Будду можно было изобразить символически — в виде следов босых ног или колеса судьбы «дхармачакры», зонтика. Можно было изобразить Будду и в обычном человеческом облике.

Знатоки утверждают, что если бы Индия внесла в сокровищницу мирового искусства только живопись Аджанты, уже одно это было бы бесценным даром.

В XI в. в Индии начались резкие перемены, связанные с участившимися набегами тюркских завоевателей. Правитель государства Саманидов Махмуд Газневи грабил на севере Индии богатые храмы, дворцы индийских феодалов, города и деревни, а потом уходил, уводя караваны с богатой добычей. В одном из походов он захватил 57 тыс. рабов и 350 боевых слонов, не считая денег и золотых украшений. Присоединить к своим

Роспись из пещер в Аджанте.

Богиня Сарасвати.

Панч-Махал.

Джахангир.

Шах Джахан и Мумтаз-и-Махал.

владениям значительные индийские территории ему не удалось.

Из преемников Махмуда Газневи успех сопутствовал полководцу Кутб-уд-дину Айбеку — наместнику севера Индии. В 1206 г. он объявил себя независимым султаном индийских территорий со столицей в Дели.

Для того чтобы «...осенить тенью Аллаха Восток и Запад», да и подчеркнуть своё собственное могущество, Кутб-уд-дин Айбек распорядился начать строительство высочайшего в мире минарета, известного в истории мирового искусства как Кутб минар. Увы, вскоре удача изменила правителю Делийского султаната — во время игры в поло он упал с лошади и умер, так и не дождавшись завершения строительства. Лишь в 1236 г. это удалось его преемнику Шамс-уд-дину Ильтутмышу. У Ильтутмыша было много сыновей, но, к негодованию и ужасу всего двора, он назначает своей преемницей дочь Раззийю, считая её более подходящей для этой роли.

Не прошло и четырёх лет, как Раззийя была убита. С её смертью начинается период дворцовых переворотов и смены династий: семь раз сменялись правители слабеющей, распадающейся империи. Окончательный удар нанёс Делийскому султанату правитель Самарканда Тимур в 1398 г. Он разграбил Дели, увёл в плен многих его жителей. Завоеватель вернулся в Самарканд с богатой добычей, оставив за спиной разорённую страну, страдающую от голода и эпидемий. Империя распадалась. Многочисленные мусульманские завоеватели захватывали её земли.

Оказавшись в 1469 г. в «Индии мусульманской», русский путешественник Афанасий Никитин был поражён великолепием правителей: «...выехал султан на прогулку, а с ним 20 везиров великих да 300 слонов, наряженных в доспехи булатные с башнями, а башни окованы. В башнях же по 6 человек в доспехах с пушками да с пищалями, а на великом слоне 12 человек». И дальше перечисляет: «Да коней выехало простых тысяча в сбруе золотой, да верблюдов 100 с литаврами, да трубников 300, да плясунов 300, да дев из гарема 300». Особенно его привлекает роскошная одежда владыки: «На султане кафтан весь унизан яхонтами, да на шапке большой алмаз...». Наблюдая пышную процессию, Афанасий Никитин удивляется: «А брат султанов сидит на носилках золотых, и над ним балдахин бархатный, маковка золотая с яхонтами».

Богатство мусульманских правителей в Индии нельзя считать необъяснимым чудом. Климат страны чрезвычайно благоприятен для сельского хозяйства и позволяет выращивать два, а в некоторых местах даже три урожая в год. Хариф (осенний урожай) и раби (весенний) были очень щедрыми. Крестьяне выращивали более 20 сортов риса, пшеницу, горох, овощи, фрукты, сахарный тростник. Для выкармливания шелковичных червей и последующего получения шёлка сажали тутовые деревья. Сажали также индиго,

давшее самый распространённый тогда в Индии краситель тканей.

Но те, кто трудился на земле, получали малую часть плодов своего труда. Остальное уходило на налоги. Особенно тяжкой была джизия, которую платили все не являвшиеся мусульманами. Хорошо известно, что подавляющая часть населения Индии исповедовала индуизм, значит, джизия приносила громадный доход.

При дворе султана появляются «кархана» — мастерские, где трудились многочисленные ремесленники различных специальностей. Всё, что они производили, предназначалось для удовлетворения потребностей султана, его огромной наёмной армии и целого сонма придворных, которые поглощали горы продовольствия.

Но не всё было благополучно в султанате. Нежелание большинства феодалов подчиняться верховному правителю и его стремление во что бы то ни стало обуздать непокорных приводили к постоянным распрям, накаляли обстановку. Жестокая тирания делийского султана Ибрахима Лоди показалась его вассалам невыносимой, и в 1525 г. они призвали на помощь Захаруддина Мухаммада Бабура — правителя Кабула.

Потомок завоевателя Тимура и сам опытный полководец, Бабур разбил в 1526 г. войско Ибрагимшаха в битве при Панипате. Это событие он описал в своих записках «Бабур-наме»: «Призыв к бою последовал, когда солнце поднялось на высоту копья; битва продолжалась до полудня. В полдень враги были побеждены и подавлены, а друзья радовались и ликовали. Великий Господь, по своей милости и благоволению, сделал лёгким для нас это трудное дело: столь многочисленное войско он в полдня сравнял с землёй. Возле Ибрахима, в одном лишь месте, было убито пять или шесть тысяч человек; число павших в других местах мы приблизительно определили в пятнадцать-шестнадцать тысяч. Потом, когда мы прибыли в Агру, то из рассказов жителей Хиндустана стало известно, что в этой битве было убито сорок—пятьдесят тысяч человек».

Бабур овладел почти всей долиной реки Ганги. Как и полагалось правоверному мусульманину, этот успех он приписывал воле Аллаха: «Как я и надеялся, великий Господь не заставил нас страдать и терпеть напрасно и помог нам одолеть сильного врага и завоевать столь обширное государство, как Хиндустан».

1526 г. считается датой основания державы Великих Моголов, правивших в Индии более 200 лет. Бабур пришёл в Индию с территории, называемой тогда Моголистаном, потому его самого и всех, кто пришёл с ним, стали называть моголами.

Бабур правил совсем недолго. В 1530 г. он умирает, завещая престол своему любимцу Хумаюну, почтительному сыну и храброму полководцу, чей первый военный поход, по словам Бабура, «явился прекрасным предзнаменованием на будущее».

Груз этого наследства оказался очень тяжёлым — Индию пришлось отвоёвывать заново в непрерывной борьбе с другими претендентами. Лишь в 1555 г. Хумаюн окончательно воцаряется в Дели. После недолгого правления он умирает, неудачно упав на мраморной лестнице, и на престоле оказывается его 13-летний сын Акбар.

Акбара можно по праву считать одним из самых выдающихся людей Средневековья. Он расширил границы империи, провёл серьёзные экономические преобразования. Однако главной его заслугой является религиозная реформа. Мудрый политик, Акбар понимал, что для поддержания спокойствия в стране необходимо ладить со всеми подданными. В 1563 г. Акбар отменяет унизительный налог на индусов-паломников, а потом ликвидирует джизию. В 1575 г. Акбар повелевает построить молитвенный дом для религиозных дискуссий. Он выслушивает индусов, парсов-огнепоклонников, христиан и, более того, вводит у себя во дворце некоторые их обычаи к недовольству фанатичных мусульман.

Переломным становится 1580 г. Акбар подавляет восстание мусульманского духовенства и военачальников и утверждает новую, не существовавшую до того религию «дин-и-илахи» («божественная вера»), соединявшую наиболее нравственные идеи из разных религий. После смерти Акбара в 1605 г. «божественная вера» в Индии почти исчезла; сохранилась лишь исповедовавшая её немногочисленная секта.

Сын Акбара, принц Салим, известен как император Джахангир — тонкий знаток искусства. Могольская школа индийской миниатюры возникла как придворная в середине XVI в. ещё при Акбаре и достигла наивысшего расцвета при Джахангире. Прекрасно разбиравшийся в живописи и покровительствовавший художникам, Джахангир утверждал: «Если в одной картине несколько портретов, написанных разными мастерами, я могу указать художника каждого из них. Даже если один и тот же портрет исполнен несколькими живописцами, я могу назвать имена всех, кто нарисовал его различные части. Поистине, я могу указать без промаха, кем нарисованы брови и кем ресницы».

Могольская миниатюра продолжает развиваться и при следующем императоре Шах Джахане, обессмертившем себя любовью к красавице-жене Мумтаз-и-Махал и воздвигшем ей усыпальницу, известную всему миру под названием Тадж-Махал (Венец Дворца). Её настоящим именем было Арджуманд Бану Бегум, но любящий муж называл её только Мумтаз-и-Махал — Избранница дворца. Для него, остававшегося одиноким среди множества окружавших его людей, она, персиянка по рождению, была единственным близким человеком, единственной, кому он доверял. И когда в 1630 г. она умирает, убитый горем Шах Джахан приказывает построить на берегу реки Джамны усыпальницу, редкую по красоте и чистоте линий, достойную прекрасного облика и нежной, преданной души любимой Мумтаз. Он собирает лучших мастеров из разных стран, привозит

редкостной белизны мрамор. Для отделки здания, словно для драгоценной шкатулки, доставляют бирюзу из Тибета, сердолик — из Багдада, лапис-лазурь — с острова Шри-Ланка, хризолит — из Египта, рубины — из горного Бадахшана и даже... уральский малахит.

Несмотря на внушительные размеры (его высота 57 м), мавзолей кажется невесомым и лёгким, как чистое белое облачко. Когда солнечный или лунный свет отражаются на стенах Тадж-Махала, он подобен драгоценной жемчужине, удивительно гармонирующей с окружающей природой. По обеим сторонам усыпальницы находятся два одинаковых здания из красного песчаника: мечеть и «джамаат-хана» — «дом для гостей», в котором обычно собирались родственники и друзья Мумтаз-и-Махал, чтобы почтить её память. Обе постройки оттеняют красоту Тадж-Махала. Архитектурный комплекс был завершён в 1653 г.

На другом берегу реки Шах Джахан, сам прекрасный архитектор, задумал построить мавзолей для себя, но уже не из белого, а из чёрного мрамора. Этой мечте не дано было, к сожалению, воплотиться в жизнь. В 1656 г. император тяжело заболевает. Начинается жестокая борьба за трон между его сыновьями. Обычно правители сами назначали своих преемников. Однако Шах Джахан был настолько болен, что не смог объявить свою волю и передать трон любимому старшему сыну Дара Шукоху.

Борьба между его четырьмя сыновьями продолжалась два года и закончилась победой Аурангзеба, человека волевого и сильного, но жестокого и коварного.

Аурангзеб был приверженцем ислама, стремившимся выкорчевать ростки идей и настроений, посеянных его прадедом Акбаром. Он запретил живопись, музыку и танцы, приказал разрушить до основания многие индуистские храмы, а из их камней выстроить мечети. Индийцам даже самого знатного происхождения Аурангзеб запретил ездить на слонах, что они посчитали величайшим оскорблением.

1679 г. стал чёрным годом для индуистского населения Могольской империи: Аурангзеб вновь ввёл ненавистную джизию, казалось бы навсегда отменённую Акбаром. По стране прокатилась волна народных выступлений. Особенно заметный след оставило в истории восстание маратхов. Рам Дас, наставник правителя маратхов Шиваджи, говорил: «Всё отнято, и только родина осталась!». Маратхи верили, что смогут установить царство справедливости, лишь освободившись от гнёта Великих Моголов. Они славились своей быстрой конницей; внезапно нападали на могольские отряды и так же стремительно исчезали, нагруженные добычей. В 1674 г. Шиваджи образовал независимое от Моголов Маратхское государство, короновавшись в городе Пуне.

Махараджа.

Жестокая и непримиримая политика Великого Могола Аурангзеба обратилась прежде всего против него самого. Не зная ни минуты покоя, ненавидимый большинством подданных, он подавлял вспыхивавшие то и дело в разных местах империи восстания. И жизнь, и правление Аурангзеба оказались очень долгими — он прожил 89 лет, пробыв на престоле 49 лет. В свои последние дни старик-правитель признался с горечью: «Жизнь, столь ценная, ушла ни на что».

После смерти Аурангзеба Могольская империя фактически распадается, и три его преемника являются уже не правителями, а марионетками враждующих феодалов. Эта практически не затухавшая междуусобица подготовила прекрасную почву для внедрения в страну англичан и последующего превращения Индии в английскую колонию.

Лист из «Бабур-наме».
Нью-Дели, Национальный музей.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТИБЕТ

Обширная высокогорная страна на западе нынешнего Китая сотни лет оставалась загадочной и недоступной для чужеземцев. Высочайшие горы, глубокие пропасти, лабиринты перевалов надёжно преграждали путь странникам и завоевателям. В окрестных странах ходили жуткие легенды о всесильных мудрецах, живущих в замурованных пещерах; о беспощадных *роллангах* — мертвецах, которых оживляют эти мудрецы; о чудодейственной медицине. Уже в наше время в Тибете и в соседних Гималаях ищут таинственного йети — снежного человека.

ТИБЕТ В ДРЕВНОСТИ

Начало истории Тибета малоизвестно, у науки пока нет ясной картины заселения человеком этого региона. Есть сведения, что около V в. до н. э. сюда стали переселяться с севера кочевые племена цянов. Кочевать по каменистым кручам было невозможно. Оказавшись в угрюмых горах, оторвавшись от внешнего мира, цяны были вынуждены перейти к земледелию. «Хлебом» Тибета стал ячмень.

Но и скотоводство не было забыто. На новой родине цяны обнаружили «немого быка» — яка (он не умеет мычать, только хрюкает). Яков приручили и скрестили с коровами. Получилось смирное мохнатое домашнее животное, годное и для дойки, и для настрига шерсти, и для вьючных перевозок. Як давал хозяевам пищу и одежду, из его рогов делали разную домашнюю утварь и музыкальные инструменты. Не случайно тибетское общество называют иногда «цивилизацией яка».

Средневековый писатель и переводчик Гелацева с учениками. Икона-танка. XVIII в.

Сами тибетцы представляли свою древнейшую историю так: «Из Гундана, страны божественного Лха, пришёл сын Лха, защитник людей. Справедливыми законами и его великим разумом были объединены все мелкие правители». Это сказочное повествование напоминает о тех временах, когда тибетские племена жили разрозненно.

Возглавляли их старейшины, жрецы и военные вожди (цэнпо). Племенная знать и жрецы оберегали свою власть и не хотели уступать её вождям. Существовал жестокий обычай: как только старшему сыну цэнпо исполнялось 13 лет, самого цэнпо жрецы убивали, а его должность передавали сыну. Часто между племенами возникали ссоры. Во время войн цэнпо собирали вокруг себя отряды верных дружинников, накапливали богатства и становились всё сильнее и влиятельнее. Некоторые из них осмеливались бороться со жрецами и старейшинами за власть.

В конце VI — начале VII в. в долине реки Ярлунг жил цэнпо Намри. Опираясь на свою дружину, он стал подчинять одно за другим соседние племена. Слово «цэнпо» превратилось в царский титул. Сын Намри, Сронцзан-гамбо (617—649), сумел превратить непрочное объединение племён в могущественное государство.

ПРАВЛЕНИЕ СРОНЦЗАН-ГАМБО

Сронцзан-гамбо был человеком умным и жестоким. Когда умер его отец, некоторые племена захотели вернуть себе независимость. Новый цэнпо тут же пресёк эти попытки. Его отряды разъехались по стране и принялись казнить недовольных. Восемь знатных заговорщиков царь убил собственными руками. Чтобы показать всем, что он не просто удачливый правитель долины Ярлунга, а государь всех тибетцев, он перенёс столицу в центр Тибета, в местность Лхасу, где построил себе дворец на Железном холме. Отсюда правитель продолжал следить за попытками мятежа в его владениях. С разных сторон в новую столицу Лхасу вели вереницы связанных бунтовщиков, обречённых на жестокую казнь. Тибетский историк писал о том времени: «Выколотые глаза, отрезанные головы, конечности и другие части тела людей беспрерывно появлялись у подножия Железного холма».

Во дворце цэнпо появились чиновники; был составлен свод законов, которые заменили прежние племенные обычаи. Заботясь об организации управления и о просвещении подданных, правитель Тибета вознамерился создать собственную письменность. В 632 г. его приближённый Тхонми Самбхота отправился в Северную Индию, где переписал алфавит нагари (одну из многих систем индийского письма). По возвращении, как гласит предание,

Ламы, воины и богачи среди монастырей и замков Тибета.

он вместе с цэнпо на три года заперся во дворце Мару, чтобы составить тибетский алфавит и грамматику. С тех пор все документы в тибетском государстве записывались знаками собственного алфавита.

Зато во внешней политике цэнпо был очень удачлив. Он завоевал несколько царств к северу и западу от Тибета. Его конфликт с Китаем завершился почётным мирным договором, по которому дочь императора стала женой цэнпо. Связи с китайской империей Тан становились всё оживлённее. Тибетские войска помогали танским властям подавлять восстания; в столицу империи Чанъань Сронцзан-гамбо посылал на учёбу знатных юношей; по оживлённым дорогам шли тибетские и китайские торговые караваны. В горной стране становилось заметным влияние китайской культуры. Знать сменила одежды из шерсти яка на шёлковые, а гостям на пирах подавали теперь не молочные напитки, а чай. Со временем чай стал национальным

БОД ИЛИ ТИБЕТ

Местные жители называют свою родину «Бод», но на всех других языках она именуется «Тибет», «Тубет», «Туббат», «Туфань». Предполагают, что причиной была забавная ошибка. На вопрос иностранцев, что это за страна, тибетцы отвечали: «Ти Бод» («Это Бод»). Так окружающие народы и стали называть горный край.

ЛАМАИЗМ

В XIV в. Монгольская империя распалась и Тибет стал независимым. Но главенствующее положение религиозных властей сохранилось. Светские правители — мелкие князья уже не могли соперничать с ламами. Монополию духовенства на власть окончательно закрепило утверждение в Тибете ламаизма. Основатель этой ветви буддистской религии Цзонкава в конце XIV в. организовал особую секту Гэлуг («Желтошапочные»). Её глава с XVI в. стал носить титул далай-ламы. Сначала далай-лама являлся одним из многих духовных иерархов Тибета. Но в XVII в. предводители «желтошапочных» сумели одолеть всех соперников. Пятый далай-лама с помощью монгольских войск в 1642 г. одержал победу над последним противником — правителем области Цанг. С тех пор секта Гэлуг стала в Тибете господствующей, а далай-лама — главой всего государства. Он совместил обязанности светского правителя и первосвященника.

БУДДИЙСКИЕ ПРОПОВЕДНИКИ В ТИБЕТЕ

Для сплочения народа Сронцзан-гамбо решил ввести и новую, общую для всех религию. Из соседней Индии он пригласил буддийских священнослужителей, чтобы те проповедовали в Тибете своё учение. Обрадованные буддисты объявили цэнпо сороковым земным воплощением Авалокитешвары — одного из самых почитаемых святых (бодхисаттв). А в народе они распространяли слухи о том, будто монарху был явлен небесный знак: на крышу его дворца якобы упали с неба свитки со священными буддийскими текстами и модель ступы (своеобразной буддийской часовни). Однако большинство тибетцев в то время равнодушно отнеслись к новому вероучению, да и тибетские языческие жрецы были настроены резко против приезжих проповедников. Широко распространить буддизм в Тибете Сронцзан-гамбо не удалось.

напитком тибетцев. Они пьют его, добавляя молоко, масло, соль и жареный ячмень.

УТВЕРЖДЕНИЕ БУДДИЗМА В ТИБЕТЕ

Преемники Сронцзан-гамбо ещё больше укрепили могущество государства. Его расцвет пришёлся на годы правления цэнпо Трисонг-дэцэна (755—791 гг.). Сила тибетского царства была столь велика, что два непримиримых врага — Арабский халифат и Танский Китай — начали переговоры о союзе против тибетцев.

При Трисонг-дэцэне буддисты снова попытались утвердиться в Тибете, и на этот раз более успешно. Спасаясь от арабов-мусульман, толпы буддийских монахов съезжались сюда из Средней Азии и Восточного Туркестана (современный Синьцзян в Китае). Цэнпо, стремясь ограничить влияние жрецов, благосклонно принимал их и раздавал земли для поселения. Вскоре по всему царству поднялись буддийские храмы и монастыри. Чтобы окончательно сокрушить могущество жрецов, Трисонг-дэцэн устроил религиозный диспут, словесное состязание. В богословском споре буддисты одержали полную победу. Приказом царя старая языческая религия была запрещена, её святилища разрушены.

Далеко не всем знатным тибетцам понравилось появление многочисленной, богатой, осыпанной милостями буддийской общины. Всё больше аристократов выступали против пришельцев. После смерти Трисонг-дэцэна между сторонниками и противниками буддизма начались настоящие войны. Мощь государства резко пошла на убыль. К середине IX в. Тибет распался на несколько самостоятельных княжеств.

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ В ТИБЕТЕ

В таком незавидном положении он пребывал в течение нескольких столетий. В XIII в. раздробленная страна стала лёгкой жертвой монгольских завоевателей. Однако история уготовила тибетцам судьбу, отличную от жизни бессловесных покорных данников. Один из представителей буддийского духовенства, Сакья Пандита, сумел завоевать доверие монгольского полководца Кадана, который оккупировал Тибет.

Очарованный учёностью и мудростью высокопоставленного монаха, Кадан в 1249 г. даровал Сакья Пандите власть над всем Тибетом. Племянник Сакья Пандиты Пагба-лама сделал ещё более удачную карьеру. Он стал наставником монгольского императора Хубилая и даже руководил его коронацией. Следуя советам ламы (священника), Хубилай специальным указом предоставил буддизму исключительное положение в монгольских владениях. Пагба-лама настолько проникся идеей сотрудничества с завоевателями, что придумал для них письменность (до того монголы использовали для письма алфавит тюркского народа уйгуров). Ясно, что и родина Пагба-ламы целиком находилась под его управлением. Впрочем, сам наставник императора считал себя лишь духовным главой Тибета, а для гражданских и военных дел держал специального чиновника.

В течение XVIII столетия Тибет был постепенно включён в состав китайской империи Цин. Пекинские власти не покушались на полномочия далай-ламы и поддерживали правление Буддийской Церкви, лишь присылали наместника для присмотра за этой частью империи. После падения Цинской династии 13-й далай-лама в 1911 г. объявил о независимости своей страны. На протяжении нескольких десятилетий войска китайских правителей пытались восстановить своё господство над отделившимися территориями. Лишь в 1950—1951 гг. под давлением военной силы Тибет вновь был официально включён в состав Китая.

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЕВРОПА И США В НОВОЕ ВРЕМЯ

Новое время представляет собой совершенно особый период всемирной истории. Человечество впервые осознало, что оно отныне обречено жить в одном историческом пространстве, в пределах одного исторического времени. В предыдущие века ситуация была иной. И разбросанные по планете первобытные племена, и мощные государства в достойных восхищения цивилизациях Египта, Междуречья, Индии и Китая, и даже великие Древняя Эллада и Древний Рим не могли дать современникам представления о всемирном характере развития. Взгляд человека на мировое пространство был ограничен соседними странами и полуфантастическими рассказами «бывалых людей» о далёких землях. Понимание ими исторического времени обычно охватывало жизнь всего лишь нескольких поколений, а за этот промежуток невозможно было уловить изменения в традиционном укладе. Конечно, мыслители и учёные и тогда размышляли о единстве мира, но эти размышления были чисто умозрительными, и проверить их на практике люди не могли.

Миссионерский порыв и религиозные войны Средневековья, постепенное освоение человеком океана приблизили друг к другу страны и народы. Однако это сближение не было добровольным. История сложилась так, что Западная Европа начиная с XV в. осуществила всемирную экспансию (т. е. расширение, распространение влияния), объединив мир под своим владычеством. Как писал один из самых знаменитых историков нашего времени англичанин А. Тойнби, драматическая и многозначная встреча Запада со всем остальным миром стала центральным явлением Новой истории.

Как и за счёт чего западная цивилизация смогла вырваться вперёд? Прежде всего следует иметь в виду то, что некоторые черты западноевропейского феодализма сильно отличали его от строя, существовавшего в тот же период на Востоке. В Европе ремесло горожанина чётко выделилось в противовес сельскому хозяйству, изделия мастерских обменивались на продукцию крестьянина. Город был не только центром ремесла и торговли, в нём было самоуправление, сильно ограничившее власть феодалов. Имелись законы, которые как-то охраняли простолюдина от произвола «сильных мира сего», от произвола государства. Отношения купли-продажи, торговые, посреднические отношения вообще были сильно развиты. На Востоке же правители были полновластны над жизнью и даже имуществом своих подданных, а место закона занимали их повеления. Ремесленники Востока (часто превосходившие своим мастерством европейцев) работали не на рынок, а обслуживали властителей и их приближённых.

Различалась и общественная мораль. Если на Западе люди привыкли ставить во главу угла свои права, подкреплённые законом, то на Востоке считалось, что главное — благопристойное поведение, исполнение человеком предписанных ему обязанностей. Если для западной цивилизации нормальным явлением стало стремление людей к прибыли, к личной выгоде и на этой основе развивалась конкуренция и соревновательность во всех сферах, то на Востоке всегда подчёркивалась важность интересов общины, касты, клана, государства, воспитывалось преклонение перед властью. Торговцы и предприниматели не пользова-

Вид на Нью-Йорк.

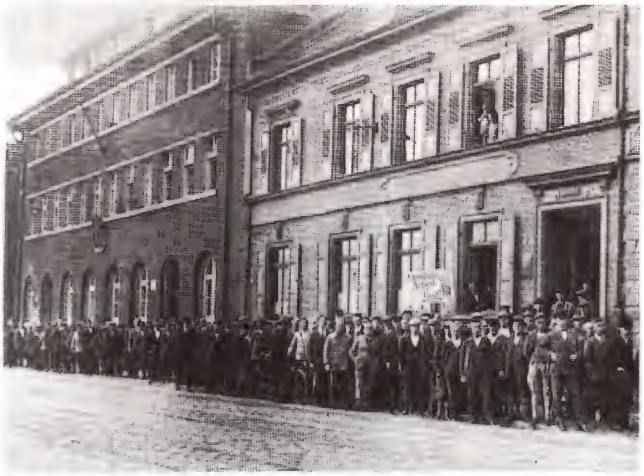
Демонстрация безработных. США. 1930 г.

лись уважением в традиционных обществах. Поэтому западная цивилизация, которая была «не такой, как все», оказалась более способной к использованию таких качеств человеческой натуры, как предприимчивость и желание разбогатеть, более способной к развитию технических достижений. Именно на основе технологического превосходства над остальным миром Запад вскоре развернул своё наступление на море и на суше.

Европейской экспансии способствовали также новые (или вновь открытые) идеи, развившиеся в пламени гуманизма итальянского Возрождения (XIV—XVI вв.). Собиратели античных рукописей и статуй, поэты и художники, воспевавшие «человеческое в человеке», его энергию, упорство и стремление к счастью, были предшественниками Васко да Гамы, Христофора Колумба, Америго Веспуччи и Джона Кэбота. Открытие новых земель способствовало наступлению Нового времени. Мир сразу сделался почти в десять раз больше, вместо четверти полушария теперь весь земной шар лежал перед взором европейцев, спешивших завладеть остальными тремя четвертями его суши. Взгляду человека открылся бесконечно широкий горизонт. Техническое превосходство и торговая предприимчивость европейцев были первоначальными факторами, которые обеспечили распространение промышленной цивилизации и западных идей по всему миру.

Однако не эпоха Великих географических открытий послужила точкой отсчёта Нового времени (хотя есть историки, придерживающиеся этого мнения). Испания и Португалия, первыми ринувшиеся на богатый сокровищами Американский континент и славящиеся пряностями южные острова, были не самыми развитыми странами Европы, и награбленное золото и серебро оседало в руках торговцев и промышленников Нидерландов, Англии, Северной Италии. Именно там сформировались экономические отношения, положившие начало промышленной цивилизации Нового времени, подчинившей вскоре весь мир. Именно там простолюдины, занимавшиеся скупкой сырья у крестьян, стали создавать мануфактуры — производства с разделением ручного труда между работниками. Если ремесленник делал всё изделие целиком от начала до конца, то рабочий мануфактуры выполнял только отдельные операции, доводя свои навыки до автоматизма. В итоге мануфактурное изделие было менее качественным, чем ремесленное, но всегда более дешёвым — ведь мануфактуры производили гораздо больше продукции. Дешёвые товары хорошо покупались населением, и мануфактурное производство стало вытеснять ремесленное, ремесленники разорялись и превращались в рабочих, на мануфактуры стекались массы потерявших землю крестьян. Промышленники и торговцы стремительно богатели, и экономическая мощь землевладельцев-феодалов стала падать. Вскоре буржуа — так называли новых богачей из простонародья — потребовали расширения своих прав и участия в управлении

Очередь в столовую благотворительного общества. Нью-Йорк. 1931 г.



Очередь безработных. США. 1931 г.

Вид лондонского вокзала Кинг-Кросс. 1982 г.

Восстание в Берлине 18—19 марта 1848 г.

государством, а феодалы, опиравшиеся на королевскую власть, этому противились. В ходе революций 1566—1609 гг. в Нидерландах и 1642—1648 гг. в Англии сопротивление знати было сломлено, и государственную политику по сути дела стала определять буржуазия.

Англия превратилась в настоящий образец для Европы и мира. Английская пряжа и полотно, обувь и металлические изделия заполонили в XVIII в. рынки многих стран. Британские купцы, банкиры, фабриканты создали образцовую политическую систему, основанную на власти парламента, экономический уклад, выросший на рыночных началах, своеобразную культуру и идеологию — т. е. то, что понимается под так называемым «английским образом жизни». Всё это — уже неотъемлемая принадлежность эпохи, пришедшей на смену феодализму. Традиционно именно Английская буржуазная революция считается тем рубежом, с которого начинается отсчёт Нового времени. С середины XVII столетия промышленная цивилизация стала распространяться по Европе и другим континентам, между делом разрушая натуральное хозяйство, низвергая власть королей и императоров, включая народы земного шара в единый процесс мирового развития.

Обычно историки разделяют Новое время на несколько периодов. Начальный длился немногим более столетия (середина XVII — последняя треть XVIII в.). Промышленный переворот, начавшийся в последние десятилетия XVIII в., и Великая французская революция, открывшая эпоху массовых народных революций в Европе, знаменовали второй период, — период победы капитализма в Европе, обуржуазивания монархий, перехода великих держав к созданию колониальных империй. Второй период Нового времени тоже продолжался около 100 лет и закончился к 70-м гг. XIX в. Тогда европейские державы уже разделили весь мир, подчинили себе отдалённые земли и сошлись в острой схватке за преобладание в Старом и Новом Свете. Первая мировая война (1914—1918 гг.) служит конечным рубежом этого периода, внёсшего очень важные изменения в соотношение сил в мире, в идеологию людей, их быт, образ жизни и т. д. Победа Октябрьской революции в России позволила сторонникам коммунизма заявить о том, что Новое время — эпоха главенства западноевропейской промышленной цивилизации — завершилось. Взошла заря Новейшей истории, времени, когда социализм — более справедливый общественный строй, чем капитализм, — уничтожит последний.

После Второй мировой войны (1939—1945 гг.) многим действительно казалось, что капитализм отступает «по всему фронту». Однако промышленная цивилизация показала свою силу. Она доказала своё преимущество перед социалистическими странами в экономике, сумев поставить себе на службу великие достижения научно-технической революции; она сумела убедить мир в превосходстве либеральных идей над жёсткой и стройной идеологией коммунизма; она, в конце концов, вышла победительницей из гонки вооружений. В конце 80-х гг. XIX столетия «социали-

стическое содружество» прекратило существование. Значит, можно сказать, что Новое время в истории человечества ещё не закончилось. Либерально-промышленная цивилизация со всеми её несомненно великими достижениями и очевидными пороками всё ещё является главной силой в современном мире. История её развития — это история человеческого общества на протяжении трёх с половиной столетий.

РАЗВИТИЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Даже в эпоху промышленного переворота рыночный строй в Европе представлял собой лишь небольшой островок среди огромного океана натурального хозяйства. Чтобы выжить, промышленная цивилизация должна была доказать своё превосходство в борьбе с традиционным аграрным строем Востока и со средневековым укладом, сохранившимся на Западе, и победить их. В Европе такая победа пришла довольно скоро. Уже в начале XIX в. промышленный переворот перекинулся во Францию, Северную Европу, Германию и совершенно преобразил их облик. Фабрики и заводы, оснащённые пока ещё несовершенными с современной точки зрения машинами, взорвали размеренную жизнь городов. Великие изобретения конца XVIII — начала XIX в. превратили Европу в небольшое пространство, насыщенное железнодорожными и пароходными линиями, оснащённое телеграфной и быстрой почтовой связью. Казавшиеся ещё несколько десятилетий назад «медвежьим углом» отдалённые районы включались в процесс промышленного развития, выбивая последний козырь из рук знати. В конце концов и ей пришлось, забыв о своём происхождении, включиться в гонку за прибылью. Героическая средневековая эпоха благородного мужества, изысканных манер и религиозного экстаза ушла безвозвратно, расчистив место таким прозаическим вещам, как налоги и бюджет, тарифы и акцизы, биржи и аукционы. Религией стала технология. К середине XIX в. промышленная цивилизация завоевала главенство в Европе. Труд наёмного рабочего оказался более выгодным и более успешным, нежели труд зависимого крестьянина Средневековья. Добыча угля, уровень выплавки чугуна, протяжённость железных дорог были теперь показателем развития государства.

Во второй половине XIX в. капиталистическое производство вступило в новую фазу. Из соперничества промышленников и торговцев выросли монополии — крупные объединения капиталистов, сосредоточившие в своих руках бóльшую часть производства и продажи товаров. Конечно, мелкие и средние фабрики и заводы не исчезли, но дух экономики определялся уже не свободной конкуренцией безвестных торговцев, а договорённостями между Морганами и Рокфеллерами, Круппами и Ротшильдами. Огромную роль в хозяйственной

В печь вместо топлива закладывают пшеницу в надежде поднять цены на хлеб.
США. 30-е гг. XIX в.

Предприниматели штата Мичиган выливают в реку молоко, чтобы удержать цены.
США. 1934 г.

жизни стали играть банки, которые подчинили себе целые отрасли промышленности. Капиталистическим государствам пришлось даже ограничить влияние монополий, так как их безудержное стремление к прибыли и росту цен грозило обнищанием большой части населения. Тогда же, в середине XIX в., выяснилось, что время от времени хозяйство сотрясают кризисы перепроизводства товаров, которые не могут себе позволить покупать крестьяне и горожане. Всё больше и больше в мире заговорили о «свободной торговле», особенно после отмены «хлебных законов» в Англии (1846 г.), т. е. ликвидации запретительных тарифов на ввоз в страну пшеницы из-за рубежа. Может быть, в последний

раз Британия, постепенно терявшая своё положение «мастерской мира», оказалась в положении первопроходца — она почти лишилась собственного зерна и превратилась в чисто индустриальную страну. Более крупные капиталистические страны — Германия, Франция и особенно США — сохранили престиж крестьянского труда, но земледелец там превратился в результате аграрных реформ в фермера — полновластного владельца своей земли.

В конце XIX в. пар как главный источник энергии стал вытесняться электричеством. Электромотор заменил громоздкую систему рычагов и трансмиссий на производстве. Это означало удешевление производства и вызвало новый скачок развития. Оказалось выгодным не только продавать свои товары на далёких рынках, но и организовывать производства, строить заводы и фабрики в странах, где труд рабочего стоит дешевле. Именно тогда, а не в эпоху колониальных захватов, европейская цивилизация стала внедряться на безбрежных равнинах Азии и Африки, подчиняя себе традиционный общинный уклад жизни этих народов.

Показателем того, что мир в некоторых отношениях в начале XX в. стал представлять собой единое целое, стала война 1914—1918 гг. Она была войной европейских держав, но одновременно являлась мировой войной, ибо в ней участвовали многие страны и народы, находящиеся под их влиянием. У них было нечто общее — все они в той или иной степени были связаны с промышленным развитием. Послевоенные события внесли в жизнь мира очень много нового. Социалистический переворот, происшедший в России — одной из великих держав Нового времени, тоже был своеобразной попыткой модернизировать традиционное общество, поставить его в один ряд с развитыми странами промышленной цивилизации, до предела увеличив роль государства в этом процессе.

Но сам капитализм в XX в. сильно изменился. Это капитализм эпохи всплеска технических достижений и завоеваний человечества. Радио и телевидение, автомобили и компьютеры, самолёты и космические спутники связи, роботы и безотходные технологии перевернули жизнь людей. Любые более или менее серьёзные социальные и международные конфликты могут разрушить целостность мира, основанного на лидерстве западной цивилизации, как когда-то сама западная цивилизация разрушила целостность традиционного аграрного строя народов Востока.

КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА В НОВОЕ ВРЕМЯ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Как уже было сказано, проникновение европейцев на другие континенты началось ещё в XIV—XV вв. Это были не просто морские экспедиции во вновь открытые земли — их участники строили там укреплённые форты, старались закрепиться на оживлённых перекрёстках торговых путей. Подчинить большие территории Европа ещё не могла, и торговля оставалась главным каналом контактов Запада и Востока. Не одно поколение европейских купцов сколотило себе состояния на торговле восточными тканями и оружием, благовониями и пряностями. Не считалось зазорным менять на золото и жемчуг туземцев, например, зеркальца или цветные ленты, пользуясь тем, что местные жители не знают действительной стоимости этих предметов.

В XVI в. крепнущая европейская цивилизация усилила своё проникновение на Восток и перешла к колониальным захватам. Главным орудием их были монопольные торговые компании. Голландская, французская и британская Ост-Индские компании создавались купцами при покровительстве властей и обладали исключительными правами на торговлю с восточными странами. Постепенно золотом и оружием они подчинили себе большие территории и превратились в настоящие державы. Характерно, что тогда европейцы не стремились ломать традиционную общинную систему Востока, а просто встали во главе её на место раджей, князьков, туземных принцев. Британская Ост-Индская компания (самая знаменитая и сильная), сосредоточив в своих руках политическую власть, захватила также монополию на судоходство, на всю внутреннюю и внешнюю торговлю Индии.

С того времени как в Америке и Вест-Индии стали создаваться плантации, сначала португальцы, а затем голландцы, французы и англичане включились в работорговлю и развили её до невиданных масштабов. Торговля живым товаром давно существовала в Африке, но европейцы превратили её в стройную систему. Обычно они сами не участвовали в рискованной охоте за рабами, а скупали их за бесценок у туземных вождей или даже меняли на оружие и алкоголь. Затем в Америке чернокожие невольники продавались плантаторам с огромной выгодой для торговцев. Работорговля XVI—XVIII вв. настолько обескровила Африку (в рабство продавали прежде всего молодых и сильных людей), вызвала такой упадок, что континент оказался в своём развитии отброшен назад. Считается, что только из бассейна реки Конго было вывезено около 30 млн африканцев. Десятки миллионов погибли во время жестоких войн и набегов, связанных с захватом живого товара, миллионы африканцев умерли от голода и жажды во время длительных морских переходов невольничьих кораблей.

На почве соперничества европейских государств и их монопольных торговых компаний за главную роль в мировой торговле и за преобладание на Востоке в XVII—XVIII столетиях развернулись многочисленные войны. Колони-

Одна из самых серьёзных проблем современного общества — организованная преступность.

CANDS
THE BANK
INR 1993

Похороны жертв массового убийства безоружных африканцев. ЮАР. 1965 г.

альное могущество Испании и Португалии было подорвано передовыми буржуазными Голландией и Англией. В войнах второй половины XVII в. Англии удалось победить Голландию и лишить её преобладания на море, но в борьбу за колонии включилась Франция. В битвах за Испанское наследство (1702—1713 гг.), в сражениях за Австрийское наследство (1741—1748 гг.) и в Семилетней войне (1756—1763 гг.) Англия шаг за шагом укрепляла свои позиции и вытеснила Францию из её владений в Северной Америке, Вест- и Ост-Индии. После Семилетней войны британская Ост-Индская компания начала завоевание всей Индии.

Колониальная экспансия Европы в Южной Азии привела также к тому, что страны Восточной Азии (Китай, Япония, Корея) взяли курс на недопущение иностранцев и на строгую изоляцию от внешнего мира. Это в свою очередь не позволяло традиционному обществу включаться в мировую систему, подчёркивало застывший характер общества.

Однако следующий период Нового времени заставил выйти из изоляции и эти страны. Промышленная революция, начавшаяся в последней трети XVIII в., знаменовала переход западного капитализма от мануфактуры к фабрике, к машинному производству и подготовила создание мирового рынка. Монопольные компании были ликвидированы, и главными методами экспансии западных стран на Востоке стали ввоз готовых промышленных товаров и вывоз сырья. Началась ожесточённая борьба европейских держав за влияние, за колониальные рынки.

Уже к началу XIX в. она приобрела характер острых международных конфликтов. Войны Англии против наполеоновской Франции, её борьба против влияния России на сопредельные страны Азии отражали стремление английской буржуазии сохранить свою колониальную империю и превратить остальные территории в свободный рынок, что было выгодно прежде всего британским промышленникам, производившим самые дешёвые и качественные товары. Британия была зачинщицей «опиумных войн», направленных на завоевание огромного Китая. Другие великие державы (Франция, Россия, США) также не остались в стороне. Китаю и его соседям были навязаны так называемые «неравноправные договоры», согласно которым иностранцы получали там значительные льготы и привилегии.

С «открытием» американской военной эскадрой Японии, установлением французского господства в Индокитае, с подчинением Центральной Азии и разделом Африки к 70-м гг. XIX в. почти все важнейшие районы мира от Гибралтара до Японских островов были включены в сферу влияния промышленной цивилизации Запада.

В отличие от XVII—XVIII вв., когда монопольные торговые компании практически не затрагивали традиционного уклада аграрной восточной цивилизации, промышленный XIX век (особенно его вторая половина) означал постепенное размывание её устоев. Приток промышленных товаров означал, что восточные ремесленники не выдерживали конкуренции и разорялись. Медленно разрушалась замкнутость сельского хозяйства, продукция которого в виде сырья или продовольствия шла на мировой рынок. Европа диктовала своим колониям и зависимым странам, что должны выращивать крестьяне. Например, Цейлон и Ява стали районами чайных культур, Бенгалия — производства джута, Ирак поставлял финики и ячмень, Северная Африка — оливки, Вьетнам — рис, Золотой Берег (современная Гана) — какао,

Здание одного из книгохранилищ библиотеки «Тянь игэ» в городе Нипио. Китай.

Итальянские безработные. 1930 г.

Египет — хлопок. Богатства недр — нефть, руда, уголь, редкие металлы — также «выкачивались» иностранными компаниями. Нефтяные монополии разрабатывали месторождения Ирана, арабских стран, Индонезии. В руки английских, французских, немецких и бельгийских компаний перешли богатые алмазные и золотые россыпи африканских стран. На Востоке строились железные и шоссейные дороги, порты, мосты, телеграфные и телефонные линии. Всё это делалось главным образом для приближения районов производства сырья к пунктам вывоза и для облегчения проникновения западных товаров в глубь территорий. Поэтому часто железные дороги, например, строились «веером» — от портов пути расходились в глубь страны.

Капитализм, западная цивилизация проникали таким образом в восточное общество, видоизменяли его, заставляли людей отказываться от привычного образа жизни и привычного хода мыслей. Конечно, далеко не все жители колоний и зависимых стран оказались «выбиты» из традиционного уклада — например, даже в серьёзно втянутом в мировое хозяйство Китае лишь 7% населения в начале XX в. были как-то связаны с западным рынком. Но тем не менее необходимость отказа от привычного жизненного уклада страшно нервировала людей, и без того отрицательно относившихся к засилию европейцев. Люди видели в проникновении европейской цивилизации причину всех бед восточного общества. Например, участники восстания ихэтуаней в Китае (1900 г.) считали, что «железные дороги и огненные телеги беспокоят дракона земли и сводят на нет его хорошее влияние на землю. Красные капли, которые капают с железной змеи (т. е. ржавчина, отлетающая от телеграфных проводов. — *Прим. ред.*), являются кровью оскорблённых духов. Эти духи не в силах помочь нам, когда эти красные капли падают возле нас». В большей или меньшей степени такое отношение к западной цивилизации проявлялось и во время других крупных восстаний на Востоке — сипайского восстания в Индии (1857—1859 гг.), бабидского движения в Иране (1848—1852 гг.) и т. д.

Правда, в образованных кругах общества (а европейцы, особенно англичане, кое-что делали для просвещения народов) понимали необходимость заимствования достижений европейской цивилизации хотя бы для того, чтобы добиться независимости. В восточных странах существовали три направления в подходах к заимствованию. Представители первого (султан Абдул Хамид в Османской империи, императрица Цыси в Китае) считали, что можно ограничиться перениманием военной технологии, отринув при этом другие достижения Запада, в том числе его политические идеи. Но этот путь ничего не дал их странам. Представители другого направления — в основном новая интеллигенция, знакомая с западными идеями (деятели раннего Индийского национального конгресса, Кан Ювей в Китае и др.), — полагали, что нужно реформировать всё общество, взять лучшее из политической системы, экономической жизни, идеологии Запада. В начале XX в. в некоторых странах выделилось и третье течение — радикальное, ставившее во главу угла социальные вопросы. Самым ярким его представителем был китайский революционер Сунь Ятсен.

Тем не менее все эти течения объединяло одно обстоятельство, которое было совершенно естественным в условиях подчинения их стран западным державам, — националистическая окраска. Национализм получил серьёзный толчок во время Первой мировой войны, когда в силу объективных причин (в том числе из-за того, что в морях хозяйничали германские подводные лодки) колониальные страны резко

ослабили торговые связи с метрополиями. Оказалось, что некоторые страны — Индия, Китай, Египет — за счёт индустриального труда вполне могли обеспечить себя некоторыми видами промышленной продукции. Усилились национализм, желание выйти из-под опеки Запада. Турции при Ататюрке, Ирану при Реза-шахе это в общем удалось. Но в целом Европа пока ещё была заинтересована в политическом контроле над колониями и не желала ликвидировать свою колониальную систему. Тем не менее уже в 20—30-е гг. XX в. наиболее дальновидные представители правящих кругов метрополий понимали, что желательно заменить откровенный политический контроль незаметным финансово-экономическим, культурным влиянием на зависимые страны, действовать через займы и кредиты, таможню, международные организации и т. д.

После Второй мировой войны эта точка зрения возобладала (правда, нельзя сбрасывать со счетов ясно выраженное желание национальных движений Востока добиться независимости пусть даже и вооружённым путём). В 50—60-е гг. колониальная система была уже ликвидирована, её время прошло. Однако задачи модернизации восточного общества остаются главными задачами руководства стран Азии и Африки.

БОРЬБА ИДЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Придя к власти, европейская буржуазия принесла с собой совершенно иную идеологию, чем та, которая существовала там раньше. Выше уже говорилось, что во многом её породила эпоха Возрождения. Она ставила вопросы не только о месте человека в мире, но и о новой системе управления обществом, которую создал промышленный класс Запада.

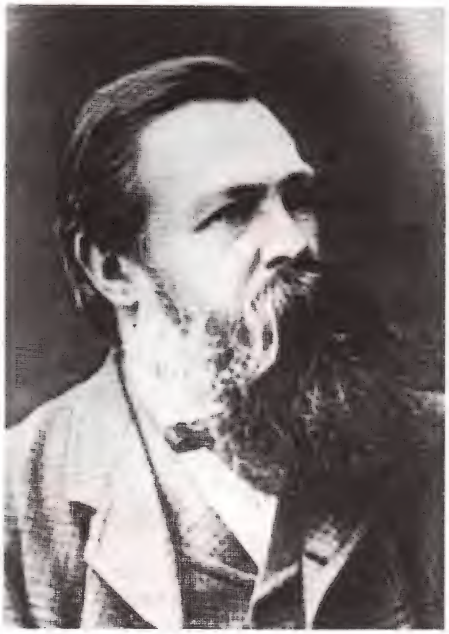
Для позднефеодального общества была характерна абсолютная власть монарха. Буржуазное общество подняло, основываясь на очень популярной в XVII—XVIII вв. античной традиции и наследии «просветителей» (Руссо, Вольтер, Локк и др.), идею народовластия, республики. В начальный период Нового времени, в годы первых буржуазных революций борьба между монархами и рвущимся к власти классом предпринимателей была очень ожесточённой. Это выразилось, в частности, в невиданных до тех пор событиях — публичных казнях английского короля Карла I Стюарта (1649 г.) и Людовика XVI Бурбона (1793 г.). Однако англичане и французы вернулись к монархии — первые навсегда («Славная революция» 1688 г. окончательно установила конституционное правление, когда король «царствует, но не правит»), вторые временно. Оказалось, что монархическая власть прекрасно уживается с буржуазией и даже активно отстаивает её интересы. Отличным примером может служить империя Наполеона I, штыками расширявшего влияние французской буржуазии и потеснившего в начале XIX в. позиции её британских конкурентов.

В тот же период Нового времени монархи Скандинавских стран, Германии, Италии укрепили свои позиции именно при поддержке национальной буржуазии. Современникам стало ясно, что политическая система индустриального общества может быть основана как на монархическом, так и на республиканском устройстве при условии, что правительство ответственно перед избранниками народа. И конституционные монархии (Англия, Япония), и парламентские республики (сегодня Германия и Италия), и президентские республики (США, Франция) являются вполне приемлемыми, ибо основаны на праве граждан избирать своих представителей и на системе разделения властей на законодательную (парламент), исполнительную (правительство) и судебную, независимые друг от друга. Такие формы политического устройства общества были выработаны в Новое время.

Аристократия, бывшая феодальная знать, в первый период Нового времени ещё пыталась восстановить своё влияние и стала родоначальником консервативного направления. Консерваторы выступили против резких изменений отношений в обществе, в политических системах, за сохранение традиций политической и культурной жизни. Их внешняя политика была направлена на противодействие стремлению народов колоний добиться независимости. Со второй половины XIX в. часть торгово-промышленного класса также стала склоняться к консерватизму (см. ст. «Бенджамин Дизраэли»), подчёркивая необходимость сильной власти.

Другим важным направлением общественной мысли Нового времени является либерализм. Он традиционно отстаивает свободу предпринимательства, парламентский строй и право человека на свободное выражение своих мыслей. Либеральное направление наиболее ясно отражает идеологию эпохи, начавшейся во второй половине XVII в., оно пользуется поддержкой интеллигенции. Именно либералы начали борьбу против рабства в США (середина XIX в.), выступили за введение всеобщего избирательного права, уравнение в правовом отношении женщин и мужчин.

С 70-х гг. XIX в. в борьбу с этими политическими течениями и партиями, представляющими их, вступил социализм. Главными идеологами этого учения о необходимости замены либерально-капиталистического строя справедливым социалистическим устройством общества, где власть будет принадлежать трудящимся, были немецкие мыслители Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Конец XIX в. был временем образования социалистических партий во всех развитых странах и быстрого их усиления за счёт того, что многочисленный рабочий класс отдавал им голоса на выборах в органы власти.



Фридрих Энгельс.

Карл Маркс.

В начале XX в. социализм раскололся на два течения, первое из которых сделало ставку на приход к власти законным, выборным путём и быстро сблизилось с либералами. Другое (вскоре принявшее название коммунистического) поставило во главу угла своей политики насильственное свержение существующего строя. Когда русские коммунисты под руководством своего лидера В. И. Ульянова (Ленина) осуществили социалистическую революцию и создали Советское государство, ситуация в мире осложнилась. Началась ожесточённая борьба между коммунистическим движением, желавшим осуществить свержение капитализма во всём мире, и западной цивилизацией, — борьба, которая пронизывала весь последний период Нового времени.

Кратковременной, но страшной вспышкой насилия был отмечен успех фашизма в Италии и особенно в Германии (там он получил название нацизма). Его идеология основывалась на запрещении демократических свобод и ценностей Запада, отрицании либеральных идей (впрочем, как и коммунистических). Лидеру нацистов Адольфу Гитлеру удалось повести за собой массы немецкого народа благодаря пропаганде национальной исключительности немцев, необходимости расчистить для них «жизненное пространство» путём завоеваний. Вторая мировая война 1939—1945 гг. привела к разгрому Германии, причём для этого пришлось объединиться СССР и либеральным западным государствам.

Национальные отношения вообще являются одной из главных проблем Нового времени. Нации формируются именно в эту эпоху, создают свои государства, требуют права на выход из состава многонациональных государств, освобождения от колониальной зависимости и т. д. Некоторые учёные считают, что вот уже несколько веков национализм, а не столкновения либералов, консерваторов или социалистов определяет судьбу всего мира. Так, П. Рейнш (США) писал: «Если мы бросим взгляд на историю мирового развития начиная с эпохи Возрождения, то обнаружим один принцип, вокруг которого может быть гармонично сгруппировано огромное количество фактов; этим принципом является национализм. С тех пор как были оставлены средневековые идеалы мирового государства, этот принцип является краеугольным камнем подлинной государственности. Национализм — идеология, присущая абсолютно всем крупным национальным государствам на всех этапах развития». Эта точка зрения отвергается теми, кто считает, что западная цивилизация готовит человечеству в скором будущем «мировое государство», которое сотрёт границы между странами и народами. В любом случае следует признать, что национальные движения, отстаивающие так или иначе понятые национальные интересы, на протяжении всей Новой истории представляли собой одну из самых активных и мощных политических сил.

Все идеологические и политические течения Нового времени порождены развитием технологической цивилизации Запада, взаимодействием её с традиционными обществами, влиянием её на путь, который уже много тысячелетий проделывает человечество. Они соперничают и борются между собой, пытаются перенять друг у друга аргументы и лозунги, завоевать поддержку других общественных сил. В конечном итоге они помогают нам понять сущность той сложной, трудной, кровавой эпохи, которая получила название «Новое время».

АНГЛИЯ В ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ

Период новой истории открывается Английской буржуазной революцией середины XVII в., которая ознаменовала победу нового общественного строя, капитализма, над отживающим свой срок феодальным порядком. Как же всё это произошло?

Набережная Темзы. Здание парламента (современный вид).

КАРЛ I СТЮАРТ

В 1625 г. на английский престол взошёл 25-летний король Карл I Стюарт. Карл отличался привлекательной внешностью, изящными манерами, держался просто, но с достоинством. Как и его отец Яков I, Карл считал, что он — помазанник Божий и, таким образом, выше всяких законов и не обязан им подчиняться. Что же касается подданных, то все они, на его взгляд, являлись его собственностью. С первых же дней своего правления Карл I не обращал никакого внимания на парламент, но зато наделял большими полномочиями своих льстивых придворных. Парламент критиковал министров короля и требовал отставки гергоца Бекингема, по милости которого Англия в своей внешней политике терпела провал за провалом. Однако король, защищая фаворита, предпочёл распустить парламент, который требовал суда над ним. Но, оставшись без парламента, король тем самым остался без денег. Ему ничего не оставалось делать, как вновь созвать парламент. Однако депутаты Палаты общин продолжали добиваться отставки Бекингема. Они обвиняли фаворита короля в расточительности, в том, что он не стесняется тратить казённые деньги на увеселения, строительство великолепных замков. Карл заявил, что не дозволит требовать отчёта от своих слуг и не отстранит Бекингема от занимаемой должности. Депутаты парламента очень возмутились подобным решением короля и направили депутацию во дворец. «Я признаю за вами право советовать, а не осуждать, — заявил король, а затем добавил: — Помните, что я волен созвать парламент и распустить его, когда захочу, а если найду его поведение неугодным мне, то вообще уничтожу!»

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Однако подобные угрозы короля не могли остановить поток возмущённых речей членов парламента. Король решил распустить строптивый парламент, но, нуждаясь в деньгах, был вынужден прибегнуть к принудительному займу. Подданные же отказались платить деньги без согласия на то парламента, и королю вновь пришлось пойти на уступки и созвать в 1628 г. парламент. Депутаты потребовали от короля принять «Петицию о правах», которая запрещала взимать пошлины без согласия на то парламента. Тут уж терпению короля пришёл конец, и он повелел вновь распустить неугодный парламент. Одиннадцать лет Карл правил один, стремясь любыми путями добывать для себя деньги, минуя парламент. Карл решился восстановить старинный налог — «корабельные деньги», — который прежде платило население приморских городов для снаряжения судов, и распространил эту повинность на всё население Англии. Народ роптал, но ничего не мог поделать против королевских чиновников, обиравших его. Простые труженики страдали также от всевозможных преследований. В стране воцарился режим террора. Суды по политическим и церковным делам — Звёздная палата и Высокая комиссия — работали весьма исправно, привлекая к жестокому суду всякого, кто отказывался платить «корабельные деньги», выступал против принудительного королевского займа, кто читал запретные (пуританские) книги, не посещал приходскую церковь, осмеливался критиковать действия короля или епископа. Так, за сочинение и издание пуританских памфлетов несколько человек были выставлены у «позорного» столба, их публично секли, клеймили калёным железом, потом, обрезав уши, бросили в тюрьмы. Опасаясь гонений, многие пуритане были вынуждены бежать из страны. Всё это отразилось на экономическом положении государства, резко ухудшив его. Эмиграция в Америку нескольких десятков тысяч торговцев и промышленников-пуритан вызвала со-

Оливер Кромвель.

кращение производства и массовую безработицу. Измученные голодом, нищетой, репрессиями простые труженики — ремесленники, крестьяне, батраки, подмастерья — поднимались против своих господ. В стране нарастала революционная ситуация.

Королю ничего не оставалось, как вновь собрать парламент, который получил название «Долгого парламента», поскольку заседал в течение 13 лет, с 1640 по 1653 гг. Он отменил все незаконные указы короля, упразднил «корабельную подать», распустил Звёздную палату, исключил из Палаты лордов епископов, а также принял Трёхгодичный билль, который обязывал короля созывать парламент каждые три года. Кроме того, депутаты потребовали суда над новым фаворитом Карла — министром Страффордом, которому был вынесен смертный приговор. Король вынужден был со всем этим смириться. Парламент настаивал, чтобы король признал за ним право назначать и смещать министров, а также контролировать все действия короля.

«Если бы я согласился на это, то стал бы только призраком, пустой тенью короля», — с гневом ответил Карл. Борьба парламента с королём вылилась в открытый поединок. В парламенте произошёл раскол на «кавалеров» и

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ПЕРИОДА БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В период революции и гражданской войны в Англии образовались три политические партии: пресвитериане, индепенденты, левеллеры. Пресвитериане, выражавшие интересы крупной буржуазии, добились передачи конфискованных феодальных землевладений в свои руки. Кроме того, они сделали пресвитерианство господствующей религией в стране. Дальнейшее развитие революции пресвитериане считали не только нежелательным, но и опасным. После захвата в плен короля они стали вести разговоры о прекращении гражданской войны.

Индепенденты (независимые), в ряды которых входили средняя и мелкая буржуазия и новое дворянство, настаивали на продолжении борьбы. Они добивались установления республики. Во главе индепендентов стоял Оливер Кромвель. Индепенденты после казни Карла I установили республику, правление которой всецело отвечало лишь интересам буржуазии и нового дворянства. Раздавая имения роялистов своим сторонникам, индепенденты совершенно не считались с интересами простых тружеников, прежде всего крестьян, с помощью которых им удалось прийти к власти. Политика правящей партии — индепендентов — и её главы Кромвеля вызывала всё большее недовольство в народе. Чтобы удержаться у власти, Кромвель вынужден был ввести в 1655 г. военную диктатуру.

Интересы мелкой буржуазии в революции отстаивала партия левеллеров (уравнителей). Во главе левеллеров стоял Джон Лильберн. Он был пуританином, противником Англиканской Церкви. Принимая участие в гражданской войне на стороне парламента, Лильберн пытался защищать и интересы народных низов. Лильберн утверждал: «Все люди равны по рождению; каждый из них имеет одинаковое право на безопасность и свободу».

Левеллеры требовали уничтожения всех сословных привилегий, уравнения всех граждан в правах (отсюда они и получили своё название — «уравнители»), проведения регулярных и демократических выборов в парламент. Они выступали также за демократическое и дешёвое судопроизводство, добивались свободы вероисповедания и свободы торговли. Кроме того, левеллеры требовали отмены церковной десятины и упразднения постоянной армии. Пытаясь защищать интересы простых тружеников, левеллеры заявляли: «Бедняки, инвалиды и престарелые должны содержаться за счёт государства!».

Левеллеры не признавали индепендентскую республику, установленную Кромвелем. В одном из своих памфлетов Джон Лильберн заявил: «Народ низведён до ничтожества... Он ждёт облегчения и свободы от тех, кто его угнетает».

Лильберн призывал народ избавиться от такого угнетения. В одном из памфлетов он писал: «Восстаньте же как один человек для борьбы за своё освобождение против тех, кто обманул вас!».

Власти не могли не заметить столь опасных призывов левеллеров. Джон Лильберн был арестован и брошен в тюрьму. По стране прокатилась волна восстаний возмущённых сторонников левеллеров, но все они были быстро подавлены войсками Кромвеля.

Выразителями интересов простых тружеников во время революции стали диггеры (копатели). Возглавил движение диггеров Джерард Уинстенли. В прошлом он был мелким лондонским торговцем, но разорился и был вынужден наняться батраком к одному помещику в графстве Сэрри, что неподалёку от Лондона. Весной 1649 г. Уинстенли и его друзья издали «Декларацию бедного угнетённого люда Англии». В ней говорилось: «Причиной всех войн, кровопролития, воровства и порабощающих законов, которые держат народ в нищете, является частная собственность на землю».

Обращаясь к землевладельцам (лордам), диггеры заявляли:

«Земля не была создана специально для вас, чтобы вы были господами её, а мы — вашими рабами, слугами и нищими, но она была создана, чтобы быть общим достоянием для всех людей».

Диггеры считали частную собственность на землю большим злом. Они мечтали создать такое обшество, в котором собственность будет уничтожена, не будет бедных и богатых, исчезнет эксплуатация человека человеком. Однако диггеры не призывали к вооружённой борьбе против лендлордов, а считали, что победят «любовью и терпением», надеялись, что своим примером поднимут народ на созидательный труд. С этой целью весной 1649 г. диггеры, вооружившись лопатами, начали копать пустующие земли на холме Святого Георгия в графстве Сэрри с тем, чтобы обрабатывать их, засеивать и убирать урожай сообща, совместными усилиями. Именно с тех пор этих людей и стали называть диггерами (копателями). В соседних графствах движение диггеров поддержали бедные крестьяне. Однако, несмотря на мирные намерения диггеров, власти обрушили жестокие репрессии против них. Диггеров арестовывали, разрушали их хижины, отбирали скот и скудное имущество и провиант, обрекая тем самым диггеров на голодную смерть. Буржуазия и новое дворянство расправились с диггерами, потому что усматривалти в них самых опасных врагов для своей собственности. Движение диггеров очень скоро было жестоко подавлено.

«круглоголовых». «Кавалеры» — преимущественно дворяне — поддерживали во всех спорах короля, а «круглоголовые» (они не носили длинных волос, коротко стриглись), защищавшие интересы буржуазии, отстаивали сторону парламента.

Король со своими сторонниками покинул Лондон, перебравшись в Йорк. Сторонники парламента дали клятву: «Уничтожить папизм (католицизм. — *Прим. ред.*), епископов, защищать права и льготы парламента и народа». Во главе «круглоголовых» стал Оливер Кромвель.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

Оливер Кромвель (1599—1658) происходил из небогатой дворянской семьи. Он воспитывался в строгом пуританском духе. В то время, как его сверстники играли на улице, Оливер в сопровождении родителей отправлялся в церковь, а затем высиживал долгие часы за столом, слушая бесконечные чтения молитвенника. Богословие было главным предметом, который Оливеру пришлось осваивать сначала в школе, а затем в Кембриджском университете. Впрочем, обучаясь в университете, Кромвель не очень-то утруждал себя науками. Он предпочитал заниматься спортом: плаванием, верховой ездой, фехтованием и стрельбой из лука. Пребывание в университете прервалось через год из-за смерти отца. Однако вскоре Оливер продолжил своё образование: он отправился изучать юридические науки в Лондон. Через девять лет он стал членом парламента.

П. Деларош. Кромвель у гроба Карла I. Государственный Эрмитаж.

«...Однажды утром я вошёл в палату... и увидел говорившего джентльмена, которого не знал. Он был очень скромно одет в простой суконный костюм, сшитый, по всей видимости, плохим деревенским портным, его бельё было из простого полотна и не очень чистым, лицо его было одутловатое и красное, голос — резкий и неприятный, но его речь была полна пыла...» Таким увидел Оливера Кромвеля осенью 1640 г. придворный Карла I сэр Филипп Уорик.

Наружность и властные манеры Кромвеля производили впечатление на окружающих. В первых же столкновениях с армией роялистов он проявил себя как искусный полководец. В свою армию он набирал простолюдинов и не стеснялся назна-

чать их на воинские должности. Особенной славой пользовался его полк, составленный из набожных людей. В полку запрещалось пьянство, богохульство, за ругательства наказывали штрафом. Кромвель гордился своими солдатами. «Эти солдаты — славные ребята!» — говорил он.

Солдаты также боготворили Кромвеля и были готовы идти за ним в огонь и в воду. Это войско разбило королевскую армию. Карл I бежал в Шотландию, но вскоре был схвачен сторонниками парламента. Ему удалось скрыться на острове Уайт, чтобы собрать новые силы для борьбы с парламентом. Этот шаг короля возмутил «круглоголовых». Армия Кромвеля принесла присягу: «Если Бог дарует нам победу, мы клянёмся призвать Карла Стюарта, этого кровожадного человека, к суду и потребовать от него отчёта за кровь, которую он пролил, и за зло, которое он принёс своему народу». Король был арестован и доставлен в суд. Пять дней слушалось его дело в суде. Наконец был вынесен суровый приговор: «Карл Стюарт как тиран, убийца и открытый враг английского государства должен быть предан смерти». 30 января 1649 г. при огромном стечении народа палач отрубил монарху голову.

Казнь Карла I означала конец правления абсолютной монархии в Англии. В стране установилась республика, во главе которой стоял лорд-протектор (покровитель) Оливер Кромвель. Почти десять лет он управлял Англией. Кромвель опирался на армию, совсем не считаясь с парламентом. Трижды он просто разгонял его, в конце концов полностью захватив власть в свои руки. В стране начались брожение и ропот. В 1658 г. Кромвель скончался, назначив своим преемником старшего сына Ричарда. Но он был человеком слабым, нерешительным и не справлялся с управлением страной в то смутное время.

РЕСТАВРАЦИЯ

Роялисты призвали на трон сына казнённого короля — Карла II Стюарта. Парламент поддержал их. Так в 1660 г. совершилась Реставрация монархии. Народ встречал нового короля с ликованием. Повсюду были развешаны гирлянды цветов, устраивались фейерверки, балы, угощения для простого люда.

Карл II был красивым, способным и неглупым человеком, однако он предпочитал проводить время в развлечениях и удовольствиях. На свою власть король смотрел так же, как его отец и дед. «Я не буду считать себя королём до тех пор, пока парламент будет заниматься моими делами, выискивать ошибки в моих счетах и наблюдать за моими министрами», — заявлял он.

Прежде всего король приказал учинить публичную казнь над убийцами своего отца. Очевидец тех событий свидетельствовал: «В годовщину казни короля, 30 января 1661 г., трупы Кромвеля, Айртона и Бредшоу были на санках перевезены в Тайбэри, потом вынуты из гробов, облачены в саваны и повешены за шеи, и так эти трупы висели до захода солнца. После того как их сняли, у трупов были отсечены головы,

ЦЕРКОВЬ В АНГЛИИ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII ВЕКА

Англиканская Церковь была основана в Англии ещё в правление Тюдоров, в 1534 г. Тогда же произошёл разрыв с Римом (центром католицизма) и главой Церкви в Англии стал уже не Папа римский, а сам английский король. Правительство присвоило земли католических монастырей. Были изменены и некоторые догматы католической религии: проповеди читались на английском, а не на латыни, духовенство получило право вступления в брак. В то же время сохранилось пышное одеяние священнослужителей и богатое внутреннее убранство храмов. Содержание всего этого великолепия требовало больших средств, которые взимались с населения в форме десятины. Подобные поборы тяготили простой народ, уменьшали прибыли буржуазии. Недовольные буржуа ворчали: «Нам нужна другая, более дешёвая Церковь!».

Сторонники реформ стремились очистить Англиканскую Церковь от всех остатков католицизма. Этих людей и стали называть пуританами (пуританин значит «чистый»). Они в свою очередь разделились на пресвитериан и индепендентов. Пресвитериане осуждали богатое духовенство и выступали за замену его старейшинами общин (пресвитерами) и проповедниками из числа верующих. В ряды пресвитериан входили крупная буржуазия и новое дворянство. Средняя и мелкая буржуазия, мелкопоместное дворянство и городская беднота поддерживали индепендентов, которые требовали создания маленьких независимых (по-английски independent — «независимый») общин и противились укреплению центральной власти в Церкви.

Англиканская Церковь и король жестоко преследовали тех, кто критиковал господствующую религию. При Карле I борьба с религиозной оппозицией нарастала день ото дня. Деятельность пуританских проповедников была запрещена. Начались религиозные преследования, которые вызвали массовую эмиграцию из страны. 20 тыс. пуритан бежали в североамериканские колонии Англии.

Улица в Лондоне.

СУД НАД КОРОЛЁМ КАРЛОМ I СТЮАРТОМ И ЕГО КАЗНЬ

Суд над королём Карлом I проходил в главном зале Лондона, Вестминстерхолле, 20 января 1649 г. Вот как историк описывал это событие: «Охрану дома круглосуточно несли 200 пехотинцев и отряд кавалерии. 20 января, около двух часов пополудни, члены суда, предшествуемые 20 стражами, вооружёнными алебардами, и клерками, нёсшими меч и скипетр — знаки высшей власти, вошли в зал и заняли свои места. Их скамьи были покрыты красным сукном. Кресло председателя стояло на возвышении. С обеих сторон от него располагались кресла двух его помощников. Все трое были в чёрных судейских мантиях. Перед ними находились стол секретаря и несколько поодаль — обитое красным кресло для подсудимого... Но вот появился король в чёрном платье, окружённый 12 солдатами. В знак непризнания полномочий суда он нарочито не снимал шляпы. Не глядя по сторонам, Карл быстро прошёл и сел в предназначенное для него кресло спиной к публике...».

Судебный процесс завершился приговором короля к смертной казни, что и было приведено в исполнение 30 января: «...День выдался на удивление морозным. Темза покрылась льдом. На площади, с трёх сторон огороженной зданиями королевского дворца Уайтхолл, раздавался стук топоров — шли последние приготовления к публичной казни. Здесь сооружался помост, на котором Карл должен был умереть. В два часа пополудни король, одетый в чёрное, в сопровождении усиленного военного конвоя появился на площади. Помост был окружён несколькими шеренгами кавалерии, отделявшей место казни от зрителей. Вся площадь была запружена народом, многие забрались на уличные фонари, балконы и крыши окружающих домов. На помосте стояли наготове палач и его помощник. В обязанности последнего входило поднять высоко отрубленную голову, выкрикивая: „Вот голова изменника!". Они были в полумасках и к тому же загримированы (им приклеили усы и бороды), в одежде моряков. Помост был задрапирован чёрным. Король взошёл на эшафот в сопровождении епископа, избранного им в духовники. Оглядевшись вокруг, он вынул из кармана сложенный лист и обратился к охране, ибо другие его не могли расслышать, с «прошальным словом». Затем, опустившись на колени, он положил голову на плаху и через несколько мгновений вытянул вперёд руки — это был знак палачу, и тот одним махом топора отрубил ему голову. Дело было сделано. Кавалерия быстро рассеяла толпу, и площадь опустела...».

РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ

Ричард Кромвель не мог долго продержаться на посту протектора. В отличие от отца он не обладал ни политическими, ни военными дарованиями и не пользовался поддержкой каких-либо сил в парламенте или армии. Скоро он сделался марионеткой в руках генералитета армии, а затем был вынужден отказаться от звания протектора. За этим последовала чехарда сменяющих друг друга правительств. Нестабильность правления грозила новыми выступлениями народных масс. Этого очень опасались классы буржуазии и нового дворянства, и потому они решили пригласить на пустующий престол сына казнённого короля — Карла II. Так свершилась Реставрация монархии Стюартов.

туловища зарыты в могилу, выкопанную под виселицей, а головы казнённых были водружены на копья и выставлены около Вестминстерского дворца...».

Король вновь восстановил правление Англиканской Церкви и запретил религиозные богослужения сектантов. Он приказал вернуть прежним хозяевам захваченные во время революции земли. Однако править страной по-прежнему было уже невозможно. Представители буржуазии и нового дворянства заседали в парламенте и диктовали свою волю королю. Парламент назначал денежное содержание королю с тем, чтобы тот более не мог обойтись без его созыва. Карл II отличался безудержным мотовством, растрачивая значительные суммы денег, которые выделял для него из государственной казны парламент, на увеселения, подарки фаворитам и фавориткам. И тогда парламент ужесточил свой контроль над финансами Карла, а также за деятельностью министров, добиваясь отставки неугодных лиц. Парламент постановил следующее: «Всякий член парламента, который признаёт за королём право миловать министров, есть изменник и нарушитель прав и привилегий парламента».

ПАРЛАМЕНТ. ТОРИ И ВИГИ

Парламент строго следил за тем, чтобы король не издавал каких-либо указов, поскольку законодательным органом в стране был парламент. А вскоре в самом парламенте образовались две политические партии: «тори» и «виги». Тори отличались приверженностью к королевской власти, отстаивали нерушимость королевских прав и незыблемость существующих порядков. Виги защищали во всех спорах парламент и выступали за различные реформы в экономике, государственном и церковном устройстве. Обе партии принимали активное участие в борьбе парламента с королём. Эта борьба особенно обострилась в 1679 г., когда парламентская оппозиция (виги) потребовала от короля лишить наследных прав его младшего брата герцога Йоркского, поскольку тот был католиком. Все англичане, исповедовавшие англиканскую веру, ненавидели католиков и опасались их влияния на короля. Однако Карл не пошёл на уступки оппозиции и распустил парламент. Четыре года парламент не созывался. Вигская оппозиция была разбита. Одни её лидеры (Олджернон Сидней, граф Рассел) были казнены, другие (например, граф Шефтсбери) эмигрировали из страны. В феврале 1685 г. Карл II умер. На престол вступил его брат — Яков II.

ЯКОВ II. ДЕКЛАРАЦИЯ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

Новый король отличался глубокой религиозностью и преданностью королю Франции Людовику XIV (католику). Вступая на престол, Яков II говорил французскому послу: «Успокойте своего государя, я люблю его и уважаю. Без его помощи я ничего не могу сделать... Я всегда буду советоваться с ним».

Яков стремился править самовластно. Он не желал слушать советов парламента и продолжал проводить профранцузскую политику. В ответ на это народ поднял восстание, во главе которого встал незаконнорождённый сын Карла II — герцог Монмаут. Яков подавил восстание и сурово расправился с мятежниками. Свыше 200 человек были казнены: сожжены и четвертованы. Однако недовольство политикой Якова не прекращалось. Чаша терпения подданных переполнилась, когда король издал Декларацию о веротерпимости, которая открывала доступ во все сферы правления Англии ненавистным католикам.

«СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». БИЛЛЬ О ПРАВАХ. ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ

Партии тори и вигов объединились и приняли решение: Якова II с престола изгнать, а на трон пригласить его старшую дочь Марию с мужем Вильгельмом Оранским. Осенью 1688 г. Вильгельм высадился в английском порту и двинулся со своей армией к Лондону. Народ встречал его приветливо. Яков туманной ночью тайком бежал со своей семьёй во Францию. Вильгельм ему в том не препятствовал. Так в Англии совершился дворцовый переворот, получивший название «Славная революциия». Эта революция положила конец вековой борьбе между королём и парламентом. Отныне в Англии установилось правление конституционной монархии, при которой главную роль играет парламент, издающий законы, а монарх только «царствует, но не правит». Парламент вручил королю Вильгельму III Декларацию прав, в которой оговаривались права и обязанности законодательной власти (парламента) и исполнительной (короля и его министров). Декларация запрещала королю издавать законы, собирать подати с народа и созывать армию без согласия на то парламента. В ней подчёркивалось, что народ вправе низложить недостойного короля и на его место посадить другого, а также изменить порядок престолонаследия. Так парламент завоевал победу над королём.

Вильгем Оранский был голландцем и всю жизнь тяготился положением короля на чужбине. Англичане также не любили этого «чужеземца». Вильгельм был суров на вид, но за этим скрывались благородство и честность. Он прославился в Европе как талантливый полководец, который неизменно одерживал победы на полях сражений. Нелюбовь англичан к своему королю особенно ощутимой была в парламенте. Парламент постоянно одерживал верх во всех спорах, которые возникали у него с королём. Парламент добился сокращения численности постоянной армии, ввёл в практику ежегодную выплату содержания короля и его двора с тем, чтобы Вильгельм не смог его распустить, принял Трёхгодичный закон, по которому депутаты переизбирались каждые три года. Чтобы влиять на членов парламента, Вильгельм не гнушался обращаться к

ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

После «Славной революции» Франция всё ещё представляла серьёзную опасность для англичан, так как покровительствовала свергнутым Стюартам. К тому же именно Франция была оплотом Католической Церкви, восстановления которой Англия очень опасалась. Франция продолжала оставаться серьёзным конкурентом для английских торговцев на европейских рынках и в колониях. Стремление сокрушить могущество Франции в торговле и на море явилось главной причиной вступления Англии в войну против Франции в 1702 г. за право владения Испанией и её колониями после смерти бездетного испанского короля Карла II (Испанское наследство). Она продолжалась более десяти лет, превратившись в самую кровопролитную войну на континенте. Вся территория Европы от Вислы до Атлантического океана превратилась в арену военных сражений. В войне за Испанское наследство приняли участие на стороне Англии Голландия и Габсбургская империя, Францию поддержала Испания. Во главе английской и союзнических армий встал Джон Черчилль, предок знаменитого премьер-министра Великобритании XX в. Уинстона Черчилля. За одержанные на полях сражений выдающиеся победы Джон Черчилль получил от королевы Анны титул герцога Мальборо.

В 24 года Джон уже стал полковником драгунского полка, а спустя десять лет получил титул барона. Именно Мальборо разгромил восстание герцога Монмаута в 1685 г., а самого герцога захватил в плен. За этот поступок он получил от короля звание генерал-майора и титул графа. Молодой, энергичный и красивый генерал успешно делал свою карьеру. Став герцогом в 1702 г., Мальборо вскоре получил крупное землевладение Вудсток и значительную денежную сумму на строительство роскошного дворца. (Его жена, Сара Дженингс, свыше 20 лет была фавориткой английской королевы.) Кроме того, королева Анна пожаловала ему пожизненную пенсию, орден Подвязки, драгоценности и дорогие картины. Английский писатель Джонатан Свифт полагал, что Мальборо «стоил» государственной казне «многим больше полмиллиона». Надо сказать, что Свифт был лично знаком с герцогом Мальборо и весьма недолюбливал его, считая герцога продажным и беспринципным человеком. Свифт утверждал, что герцог злоупотребляет доверием королевы, которая назначила его главнокомандующим союзными войсками. Так, финансы, отпущенные на ведение войны, герцог нередко использовал в целях личного обогащения. Для этой же цели он принимал участие в различных аферах по снабжению армии хлебом и фуражом, получая крупные денежные суммы от поставщиков. Свифт высказывал предположение, что герцог Мальборо намеренно затягивает войну, чтобы ещё больше обогатиться.

Но в то же время Свифт признавал: «Я не нахожу у него ни единого достоинства, кроме таланта полководца».

Союзным войскам удалось одержать ряд побед в войне в немалой степени благодаря полководческому таланту герцога Мальборо. Очень скоро война продемонстрировала очевидную слабость французской армии, численное превосходство и прекрасное вооружение англичан и их союзников. Поворотным пунктом в войне за Испанское наследство явилась битва при Бленхейме, где в 1704 г. войска под командованием Мальборо нанесли серьёзное поражение французам.

Победы доставались, однако, дорогой ценой. Морская торговля терпела огромные убытки от нападений французских судов. В стране резко подскочили цены на продовольствие и увеличились налоги. На войне наживались лишь поставщики для армии, финансисты и спекулянты, а население нищало с каждым днём. Недовольство народа усиливалось. Свифт так отзывался об этой войне: «Длительная и дорогостоящая война является бременем для нации. Она развязана в интересах тех людей, которые получают солидные доходы от войны. Эта война обогащает ростовщиков и банкиров и ведёт английский

народ к нищете и полному разорению. Надо немедленно покончить с этой войной!».

Однако военные действия продолжались. Вскоре англичанам удалось захватить практически без боя крепость Гибралтар, которая находится на Средиземном море. Историк XIX в.Т. Маколей так описывал это событие: «Эта знаменитая крепость, которую природа сделала почти неприступной и против которой все средства военного искусства были употребляемы напрасно, была взята так же легко, как если бы она была открытой деревней на равнине. Гарнизон отправился на молитву вместо того, чтобы стоять на страже. Несколько английских матросов влезли на скалу. Испанцы сдались, и британский флаг был водружён в крепости, чтобы уже никогда соединённые армии и флоты Франции и Испании не могли его низвергнуть».

Союзнические войска продолжали вести активные боевые действия в Европе. Вскоре они освободили Фландрию от оккупации французов и захватили французский город Лилль. Французы запросили мира. Весной 1713 г. в городе Утрехте был подписан мирный договор между воюющими сторонами. Англия оказалась в наибольшем выигрыше. Она получила Гибралтар, остров Минорка, земли вокруг Гудзонова залива, Ньюфаундленд и Акадию. Кроме того, Англия добилась монопольного права поставки негров-рабов в испанские колонии в Америке, что очень скоро сделалось источником баснословных барышей для английской буржуазии. В результате достигнутой победы над Францией в войне за Испанское наследство Англия заняла господствующее положение на море. Это в свою очередь позволило ей сделать первые шаги на пути создания Британской империи.

КАК ТРУДИЛИСЬ ДЕТИ НА ФАБРИКАХ АНГЛИИ В XIX ВЕКЕ

О тяжелейших условиях жизни маленьких рабочих повествует книга Джиббинса «Промышленная история Англии». Обычно будуших ремесленных учеников, этих «английских рабов», как назвал их писатель, набирали в «работных домах». Когда дети попадали на городские фабрики, они не получали никакого жалованья, об их пище и одежде их заботились.

«С детьми обрашались бесчеловечно, — свидетельствовал писатель. — Часы труда были ограничены полным истощением их сил после применения всевозможных принудительных способов к продолжению работ. Дети часто работали по шестнадцати часов кряду, днём и ночью; даже воскресные дни употреблялись на чистку машин... В страшной духоте, в жарких комнатах, при постоянном шуме тысячи движущихся колёс крошечные руки и ноги находились в непрерывном движении, подталкиваемые на непосильную работу ударами тяжёлых рук безжалостных надсмотршиков. Детей подвергали телесным наказаниям, изобретённым утончённою жестокостью ненасытного корыстолюбия. Кормили их самой плохой и дешёвой пишей, зачастую тем, что шло на корм свиньям хозяина. Спали они поочерёдно на грязных постелях. Некоторые из несчастных пытались бежать; чтобы предупредить бегство, заподозренных в этих намерениях детей заковывали в кандалы; они работали и спали в цепях; такому же безжалостному обращению подвергались молодые женщины. Многие умирали, и их тайно хоронили ночью в каком-нибудь глухом местечке, чтобы народ не мог узнать количества могил. Многие кончали самоубийством...»

подкупу их голосов и говорил: «Никто не гнушается подкупом больше, чем я, но я имею дело с людьми, с которыми невозможно управлять иначе, как этим гнусным средством».

Однако постепенно Вильгельм нашёл иные способы влияния на парламент. Поскольку в парламенте было немало членов партий и тори, и вигов, король начал формировать свой кабинет министров попеременно из числа то одной, то другой партии, учитывая при этом, какая партия была в большинстве. Когда король назначал министров из той партии, которая была сильнее в парламенте, то парламент через министров правил государством. Так как парламент поддерживал министерство, а король не имел права ничего сделать без согласия министров, министры отвечали за все его меры. Чередование у власти соперничающих партийных группировок парламента заложило основу двухпартийной системы, с помощью которой буржуазия до сих пор правит в Англии, Канаде, США, Австралии и ряде других стран мира. Вильгельм Оранский процарствовал 15 лет.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЕВЫ АННЫ. ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

После смерти Вильгельма в 1702 г. на престол вступила сестра его жены — королева Анна. Она была женщиной слабого характера и недалёкого ума и, к тому же, постоянно подпадала под влияние своих фавориток. Её любимой придворной дамой долгое время была герцогиня Мальборо. Муж герцогини — герцог Мальборо, предок знаменитого премьер-министра Англии XX в. Уинстона Черчилля, — стал главнокомандующим английской армии. Он сумел одержать немало побед в войне за Испанское наследство (1702—1713 гг.), которая на протяжении десяти лет была самой кровопролитной на континенте. В результате этой войны Англия получила земли на берегу Средиземного моря, у Гибралтарского пролива, а также монопольное право доставлять негров-рабов в испанские колонии в Америке, что сделалось источником баснословных барышей для буржуазии. В правление королевы Анны произошло объединение Англии с Шотландией и Ирландией, после чего королевство стало называться Великобританией.

ГЕОРГ I. ПРАВЛЕНИЕ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ

В 1714 г. королева Анна скоропостижно скончалась, не оставив после себя наследников. И тогда на престол вступил Георг I из немецкой династии Ганноверов — её ближайший родственник, потомок Якова I. Он был иностранцем в Англии и даже не говорил по-английски. Его совсем не интересовали дела королевства. Когда один из придворных

Г. Кнеллер.
Королева Анна.

поинтересовался, как Георг собирается управлять Англией, король ответил: «Я об этом и не думаю; это меня не касается, пускай управляют министры; это — их дело!».

И действительно, на протяжении 45 лет Англией управлял не король, а министры из партии вигов, которым Георг I симпатизировал. Во главе кабинета министров стоял умный и твёрдый политик, премьер-министр Роберт Уолполь, который стремился проводить внешнюю политику таким образом, чтобы избегать войны. Он заявлял: «Нет ничего более вредного для Англии, чем война, пока она длится, мы только несём потери, а когда она кончается, мы ничего не выигрываем».

При Уолполе промышленность и торговля расцвели, увеличилось богатство страны, достигнутое в немалой степени в результате грабежа колоний. Ведь Англия к тому времени захватила обширные владения в Индии, Северной Америке, Австралии, а также ряд островов. И тем не менее правительство Уолполя спустя 20 лет вынуждено было уйти в отставку из-за насаждения среди высших должностных лиц — членов парламента и министров — коррупции (подкупа и взяточничества). На смену Уолполю пришёл кабинет министров во главе с Уильямом Питтом, который представлял интересы буржуазии, ратовавшей за более активную внешнюю политику, которая принесла бы новые прибыли. Господство партии вигов сохранилось и в правление короля Георга II.

ЛУДДИЗМ

Рабочие изыскивали всевозможные способы борьбы против своих угнетателей. В 1811 г. возникло движение луддитов — разрушителей машин. Нед Лудд, по имени которого названо это движение, работал подмастерьем в городе Лестере. Историк писал: «Как-то раз он не поладил со своим хозяином, тот обратился к полиции, и по её постановлению несчастного Лудда отодрали плетьми. Рассерженный малый взял тогда молот и разбил свой станок вдребезги». С тех пор у рабочих установилась поговорка: «Поступать, как Нед Лудд», т. е. разбивать станки.

Вот как описываются действия луддитов в городке Хорбери: «Приблизительно в 12 часов ночи фабрика Фостера была окружена большой толпой замаскированных и вооружённых лиц. Они поставили сторожевых у всех входов и выходов и, обезопасив себя таким образом, вломились в цеха. Здесь они изломали на мелкие части стригальные машины, уничтожили пряжу, побили все окна. Затем они направились к дому фабриканта. Выбив двери, нападавшие вошли в комнаты и потребовали от хозяев под страхом немедленной смерти выдать им ключи от фабричных зданий; двоих членов семьи они связали и бросили на пол, а остальным приказали сопровождать их с ключами. После того как машины были разбиты, луддиты подожгли все постройки и удалились».

Один из владельцев фабрик рассказывал: «Озлобление рабочих против меня было так велико, что я должен был для охраны своих машин и фабрик каждую ночь держать вооружённую стражу. Я никогда не отваживался выйти из дома ночью, а если это случалось днём, то всегда брал с собой заряжённые пистолеты».

ГЕОРГ III

Положение изменилось лишь с приходом в 1760 г. к власти Георга III. Этот король в отличие от своих отца и деда воспитывался и рос в Англии и поэтому интересы страны воспринимал как свои собственные.

ВИКТОРИАНСКАЯ ЭПОХА

Так англичане назвали правление королевы Виктории (1837—1901 гг.). В этот период не было крупных войн, стабилизировалась экономика, прежде всего промышленность. Не случайно это время окрестили «железнодорожным веком» и «веком угля и железа». В 1836—1837 гг. в Англии началось строительство железных дорог, и уже через десять лет вся страна была ими покрыта.

Удобные ландо, двухколёсные и четырехколёсные кебы, а также омнибусы (некое подобие автобусов, запряжённых лошадьми) разъезжали по городским улицам. В сельской местности передвигались в кабриолетах, шарабанах и экипажах, запряжённых пони.

Тогда же появился электрический телеграф. Затем последовала замена парусного флота судами из железа и стали, которые приводились в движение паром. Потребность в металле резко возросла, но уже к середине века Британия производила около половины всего количества чугуна, выплавлявшегося в мире.

Существенно пополняли английскую казну доходы от внешней торговли. Открытие золотых приисков в колониях Австралии и Северной Америки укрепили положение Англии в мировой торговле. В 1870 г. объём внешней торговли Великобритании превышал торговлю Франции, Германии и Италии вместе взятых и был в 3—4 раза выше объёма торговли Соединённых Штатов Америки.

В земледельческих работах стали чаще использовать различные машины, и сельское хозяйство двинулось по пути прогресса. После отмены «хлебных» законов в 1846 г. цены на продовольствие стабилизировались. Богатство, накопленное к середине Викторианской эпохи, в значительной мере ослабило социальную напряжённость в стране, поскольку доходы трудящихся существенно выросли. Однако это не означало исчезновения социального неравенства. Один исследователь писал так об Англии конца правления королевы Виктории: «Нигде так не резки контрасты богатства и бедности, как в Англии, и ни одна из европейских столиц не имеет ничего подобного „кварталам бедности" Лондона. Англичане делятся на две расы — на расу краснощёких и на расу с землистого цвета лицом».

Если в западной части Лондона, Вест-Энде, располагалось множество великолепных особняков, то в Восточной части, за Темзой, и на окраинах в трущобах ютилась беднота. Ужасающая теснота, сырость царили в этих жилищах. Многие вообще не имели крыши над головой.

От постоянного недоедания и малопитательной пищи бедняки быстро теряли силы и работоспособность и уже в 30 лет выглядели 60-летними. Лишь в 1878 г. был принят закон об ограничении продолжительности рабочего дня 14 часами. Однако кое-где хозяева заставляли работать своих рабочих по 17—18 часов в сутки.

Несколько облегчилась участь женщин и детей, занятых в промышленном производстве. Детей моложе 12—14 лет перестали брать на фабрики. Их не принимали в литейные цеха, на «вредное» производство (с использованием свинца, мышьяка, фосфора), требовали свидетельство о состоянии здоровья при поступлении на фабрику. Тем не менее подобные меры правительства вряд ли могли спасти семьи бедняков от нищеты. Об Англии Викторианской эпохи, о её социальных контрастах, о жизни маленьких оборванцев в лондонских трущобах много писал Чарлз Диккенс. Национальное богатство Англии в Викторианскую эпоху создавалось поистине тяжким трудом.

Совершенно иную картину представляла собой жизнь «сильных мира сего». Лорды, государственные сановники, высшие чины Церкви, послы великих держав жили в аристократическом районе западной части города, застроенном великолепными особняками. Одна русская путешественница описывала сцену чаепития в таком доме: «Стол покрыт белоснежной скатертью,

Он занял более активную позицию: сам назначал министров, а также приблизил к себе землевладельцев, чьи интересы защищали тори. Теперь настала очередь правления тори. 60 лет царствовал Георг III, и почти всё это время правящей партией оставались тори.

Больше всего в своих подданных Георг III ценил покорность и послушание, чего требовал и от парламента, и от своих министров, которых он сумел подчинить с помощью подкупа, наград и наказаний. Неумелая политика короля привела к войне с английскими колониями, расположенными в Америке. Война закончилась поражением для англичан. Североамериканские колонии объявили себя независимыми от английского короля и парламента и стали именоваться Соединёнными Штатами Америки (США).

Король, стремившийся к усилению своей власти, день ото дня становился всё более непопулярен. Народ был возмущён высокими налогами (военные расходы были чрезвычайно велики). Положение населения особенно ухудшилось после промышленного переворота.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Промышленный переворот, т. е. переход промышленности от мануфактурной стадии к фабричной, произошёл в Англии в 60—80 гг. XVIII в. Место мануфактуры заняла фабрика. Появились новые станки, позволяющие намного увеличить производительность, началось активное использование водяной и паровой энергии. Всё это сделало невозможным работу на дому, в сельской местности, в небольших мастерских. Рабочие стали трудиться на фабриках, постепенно превращаясь в промышленный пролетариат.

Англия очень скоро стала первой промышленной страной в мире. В то же время рабочий день в тесных, грязных помещениях фабричных цехов нередко продолжался до 20 часов в сутки. Фабриканты платили гроши, часто использовали детский труд, который почти не оплачивался. Тяжелейшие условия труда приводили к огромной смертности, эпидемическим заболеваниям детей.

Кроме того, при Георге III резко повысились налоги, в частности, на стекло, свечи, ткани, пиво и сидр.

Рабочие протестовали против эксплуатации: ломали станки (таких людей называли луддитами), сжигали склады с шерстью и хлопком, бастовали. Как правило, власти жестоко подавляли подобные выступления.

К началу XIX в. Англия из земледельческой страны превратилась в промышленную. Быстро росло население городов за счёт бежавших из деревень крестьян, которые там не могли прокормить свои семьи из-за огораживаний лендлордами общинных земель.

После смерти Георга III Англией управлял его сын Георг IV. Он не любил свою страну и

не интересовался делами королевства, предпочитая проводить время в кутежах и попойках. Георг IV также придерживался партии тори, влияние которой, впрочем, уже не было таким ощутимым, как прежде.

ВИЛЬГЕЛЬМ IV. ЛОНДОНСКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ. ЧАРТИСТЫ

Партия вигов одержала окончательную победу над тори в 1830 г., когда на престол вступил новый король — Вильгельм IV. В его правление был принят важный закон о реформе, который предоставлял большинство мест в парламенте представителям от городов — буржуазии, что позволяло ей в значительной мере усилить своё влияние на проводимую правительством политику. Были предоставлены также права выбора средним классам — городским квартиронанимателям и сельским арендаторам. В то же время простые труженики в городе и деревне ничего от этой реформы не получили. Они по-прежнему были лишены избирательных прав. И тогда рабочие включились в борьбу за политические права. В 1836 г. образовался Лондонский союз рабочих, который выдвинул программу парламентской реформы — Народную хартию. Те, кто боролся за неё, стали называться хартистами, или чартистами. Чартисты добивались, чтобы избирательные права были предоставлены всем гражданам общества, а не только богатым и зажиточным людям. Они также настаивали на тайном голосовании, чтобы избавиться от позорной купли-продажи голосов на выборах. Ещё чартисты предлагали проводить выборы в парламент ежегодно для того, чтобы избранные депутаты лучше выполняли свои обязанности, так как им отводился для этого короткий срок. Они настаивали на том, чтобы членом парламента мог стать любой человек независимо от того, богат он или беден. Наконец, чартисты предлагали разделить страну на равные избирательные округа. Чартисты начали собирать подписи под Народной хартией, устраивая для этой цели многотысячные митинги граждан. Выступая на них, чартисты говорили: «Допустите народ в парламент, дайте ему власть, и он сам о себе позаботится».

Наконец, дело было завершено: 1 млн 280 тыс. подписей англичан было собрано для Народной хартии. Однако парламент отказался признать эту Хартию. Рабочие попытались организовать митинги протеста, но полиция их разогнала. В ряде городов произошли столкновения рабочих с полицией. Начались преследования чартистов. Однако они не сдавались и начали сбор подписей под новой петицией. На этот раз 3 млн англичан подписали Хартию. Однако и она была отвергнута парламентом. Третью попытку чартисты предприняли в 1848 г., однако и она потерпела неудачу,

уставлен дорогой посудой и серебром. Роскошь посуды и изобилие во всем — характерный признак домашнего хозяйства англичан среднего и высшего классов. Перед стулом хозяйки дома — поднос с чашками и чайником; над горящими углями кипит огромный сосуд с водой. Всё семейство: старшие дети, отец, мать — выходят в полном туалете к чайному столу... Как только семейство уселось, отворяется дверь и служанка в белом переднике и в белом чепчике вносит кушанье».

Англичане в Викторианскую эпоху уделяли немало времени спорту и различным физическим упражнениям. Они занимались охотой, скачками, верховой ездой, плаванием, рыбной ловлей, игрой в мяч, боксом. Вечером посещали театры, балы, различные увеселительные заведения. Впрочем, эти развлечения были по карману лишь самым богатым. Мелкие торговцы и чиновники, высокооплачиваемые рабочие и служащие отдыхали один день в неделю — в воскресенье. Как правило, этот выходной они проводили на природе, в парке, на лужайке. Вот как описывал эти прогулки Диккенс: «Джентльмены в жилетах ошарашивающих расцветок с пропущенными по ним стальными цепочками для часов прогуливаются по траве в ряд, поражая всех своей важностью („павлиньей" — по выражению одного шутника); дамы, обмахиваясь новыми платками величиной с небольшую скатерть, резвятся на лужайке... женихи, не страшась расходов, заказывают для своих возлюбленных бутылки имбирного лимонада, а возлюбленные запивают им несметное количество устриц и креветок; юноши в лихо сдвинутых набекрень высоченных цилиндрах покуривают сигары и притворяются, будто это доставляет им удовольствие; джентльмены в розовых рубашках и голубых жилетах помахивают тросточками, время от времени сбивая ими с ног самих себя и других гуляющих. Здешние туалеты часто вызывают улыбку, но в общем вид у этих людей опрятный, довольный, настроены они благодушно и охотно общаются между собой».

Почти целое столетие страна не вела крупных войн и не подвергалась какой-либо серьёзной национальной опасности. Это позволило англичанам всё своё внимание уделять внутренним делам: изобретать новые и совершенствовать старые машины и механизмы, возводить прекрасные здания, заботиться о воспитании и образовании подрастающего поколения. Поэтому-то они с необыкновенной теплотой вспоминают о Викторианской эпохе как «золотом веке» в истории Англии.

Но к концу XIX в. Англия утратила своё промышленное первенство (она уступила его США и Германии) по выплавке стали и добыче угля. Монопольному положению Англии на мировом рынке также пришёл конец. Началась война с бурами. Викторианская эпоха завершилась.

Здание парламента и башни с часами Биг-Бен в Лондоне.

Тауэрский мост через Темзу.
Лондон.

хотя петицию подписали уже 5 млн англичан. Усилия чартистов успехом не увенчались.

ТРЕД-ЮНИОНЫ

Борьбу за избирательную реформу в середине XIX в. продолжили рабочие союзы (тред-юнионы). В 1867 г. они одержали значительную победу, добившись расширения числа избирателей. Теперь избирательным правом могли пользоваться не только богатые помещики (лендлорды) и буржуазия, но и те рабочие, которые получали высокие заработки. Бедняки же в городе и деревне попрежнему были лишены политических прав. Рабочий класс укреплял свои позиции год от года и даже создал в 1893 г. свою партию (Независимая рабочая партия), которая с 1902 г. стала именоваться Лейбористской партией. Виги с середины XIX в. стали называться либералами, а тори — консерваторами, и теперь уже не две партии, как прежде, а три участвовали в борьбе за места в парламенте.

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ. РАСЦВЕТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В 1837 г. на английский престол вступила 18-летняя королева Виктория. Её царствование продлилось долго: целых 64 года, и за это время королева Виктория заслужила искреннее уважение всех своих подданных. Она не блистала умом или какими-либо особыми талантами и была скорее всего обыкновенной женщиной. Секрет её успеха заключался в том, что королева хорошо усвоила главное правило конституционного правления: чтобы достичь мира в стране, надо «царствовать, но не управлять». Королева Виктория так и поступила. Она предоставила управление своим министрам, которые избирали кабинет и его главу (премьер-министра) из числа членов той партии, которая располагала большинством мест в парламенте. Если министерство теряло доверие парламента, то королева назначала новые выборы для того, чтобы получить возможность избрать новый кабинет министров.

Экономика страны в первые десятилетия правления королевы Виктории процветала. Англия одержала верх над всеми другими странами по производству дешёвых и качественных товаров, что подтвердила вскоре всемирная выставка. Она открылась 1 мая 1851 г. в Лондоне. Несколько десятков стран представили свои машины, сырьё, готовые товары, но почти все первые премии за их качество были присуждены англичанам. Множество иностранных фирм поспешили заключить контракты на поставки английских товаров. Однако со временем положение Англии на мировом рынке стало заметно меняться. Начиная с 1870 г. Англия по многим показателям стала уступать другим странам, и прежде всего США и Германии. Во-первых, английская буржуазия не хотела вкладывать средства для обновления старого оборудования на заводах и фабриках, и производство товаров на них сокращалось. Во-вторых, буржуазия начала интенсивно вывозить свои капиталы из Англии в колонии, чтобы там получать более высокие прибыли. Это и стало причиной экономического кризиса, безработицы и обнищания простого народа.

Вместе с тем кризис ускорил концентрацию капитала. Мелкие заводы и фабрики начали объединяться в монополии. Таким образом, Англия вновь усилила своё экономическое развитие и к началу XX в. стала одной из самых могущественных и богатых стран мира.

Львиную долю прибыли английская буржуазия извлекала из колоний. Британская империя превосходила по своим размерам колониальные территории других стран. В неё входили многие страны Азии, Америки, Африки: Индия, Канада, Австралия, Западная Африка, Афганистан, Персия, часть Бирмы, а также множество островов в Тихом океане. Дешёвые сырьё и рабочая сила в колониях приносили английской буржуазии колоссальные барыши.

ЭДУАРД VII

XX век в Англии начался с правления нового монарха. В 1901 г. после смерти королевы Виктории на престол вступил её сын Эдуард VII, которому в то время было 60 лет. Приветливый, любезный, добродушный, Эдуард во всём продолжал политику своей матери, также довольствуясь положением царствующего, но не управляющего монарха. Он назначал министрами только тех людей, которые пользовались поддержкой

парламента и имели авторитет в народе. В 1906 г. на парламентских выборах после долгого перерыва вновь одержала победу Либеральная партия. Она выдвинула следующую программу действий: «Издание законов, улучшающих условия наёмного труда; страхование рабочих и вознаграждение за несчастные случаи; пенсии старикам; всеобщее образование, доступное для детей всех классов; строительство дешёвых жилищ для рабочих».

Эта программа привлекала многих людей, и потому они поддержали Либеральную партию, отдав ей на выборах свои голоса. Но, чтобы выполнить эту грандиозную программу, нужно было собрать немало средств.

ЛЛОЙД ДЖОРДЖ. УЧАСТИЕ АНГЛИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В то время правительство возглавлял Давид Ллойд Джордж, выходец из бедной семьи. Памятуя о трудной жизни рабочих, он надеялся собрать деньги для проведения социальных реформ, повысив налоги на капитал крупных собственников. Но землевладельцы, фабриканты, банкиры добились того, чтобы Палата лордов его предложение отвергла. Это вызвало в стране всеобщее недовольство. Парламент был распущен.

Результатом реформы, проведенной по инициативе нового парламента, стало отстранение Палаты лордов от решения финансовых вопросов. Нельзя было и накладывать вето (запрет) на решения Палаты общин. Кроме того, срок деятельности парламента ограничивался пятью годами. Также решили выплачивать жалование депутатам парламента, что давало возможность избирать в Палату общин наряду с богатыми и менее состоятельных людей. Однако осуществить эти реформы помешала Первая мировая война, начавшаяся в августе 1914 г. Все её участники преследовали захватнические цели. Так, Англия надеялась уничтожить своего опасного конкурента на мировом рынке — Германию и для борьбы с ней объединилась с Россией и Францией.

Англия всячески стремилась не участвовать в боевых действиях. Ллойд Джордж заявлял, что его страна готова помогать своим союзникам «людьми, снаряжением, деньгами». Полтора года в Англии не объявлялась даже всеобщая мобилизация, и на фронт отправлялись только добровольцы. Однако постепенно война достигла таких масштабов, что уже не хватало ни людей, ни военного снаряжения. Тогда англичанам пришлось ввести принудительную воинскую повинность, а также создать министерство по снабжению армии, которое возглавил сам Ллойд Джордж.

На заводы стали принимать необученных рабочих, а также женщин. Чтобы тред-юнионы не мешали этим мерам правительства, с ними было заключено соглашение о праве применять принудительные договоры с рабочими. В результате подобных действий правительства положение рабочих во время войны значительно ухудшилось. В то же время буржуазия и крупные землевладельцы нажили себе целые состояния на военных поставках оружия, продовольствия и фуража.

КАРЛ XII ШВЕДСКИЙ

XVIII век в Северной Европе обещал начаться с грома пушек. Россия, Дания и Саксония претендовали на территории, принадлежавшие Шведскому королевству и его союзнику — Голштейн-Готторпскому герцогству. Эти земли были расположены на южном и восточном побережьях Балтийского моря. Наибольшую заинтересованность проявляла Россия, поскольку шведское господство в Прибалтике закрывало выход России к морю и препятствовало связям с Западной Европой. Три державы заключили между собой договор против Швеции, послуживший прологом к войне. В феврале 1700 г. саксонские войска вторглись в Лифляндию (территория современной Латвии), в марте датчане начали наступление против Голштинии, в августе войну Швеции объявила Россия. Так началась Северная война, — война, которой посвятил всю свою жизнь король Швеции Карл XII.

В 1700 г. Карлу XII было 18 лет. Он ничем не успел прославиться, кроме своевольного и скандального характера, о котором знали только придворные. От своего отца он унаследовал абсолютную власть над сильным королевством, где царил порядок в экономике и финансах, охраняемый одной из лучших армий в Европе. Начавшаяся война заставила молодого короля забыть дворцовые развлечения — его владениям угрожала серьёзная опасность. Обстоятельства требовали быстрых и решительных действий. Стремительная высадка шведского десанта на датский берег заставила Данию капитулировать. В Лифляндии саксонцам не удалось взять Ригу. Но осенью 1700 г. русский царь Пётр I с 40 тыс. солдат осадил главную крепость шведов — Нарву. Карл с 10-тысячной армией устремился ей на помощь. Свою первую серьёзную битву он начал вопреки всем правилам военного искусства, сразу бросив пехоту против главных укреплений русского лагеря. Завязался жестокий рукопашный бой — шведы теснили отважно и яростно сопротивлявшегося противника на флангах. В разгар боя взметнулся снежный буран, ослепив сражавшихся, но ожесточение схватки только возросло. Солдаты кололи и рубили почти вслепую. И когда ветер стих, по полю пронеслась

шведская кавалерия, оттесняя остатки неприятеля за линию окопов. Сдавались последние русские части. Карл, медленно объезжая поле, рассматривал трофеи и пленных. Повернувшись в седле к генерал-лейтенанту Реншельду, юный король презрительно усмехнулся и взмахом перчатки указал на обезоруженных русских солдат: «Нет никакого удовольствия биться с русскими — они не сопротивляются, как другие, а бегут».

Пётр I извлёк урок из своего поражения и занялся преобразованием государства и армии. Но для Карла победа под Нарвой имела роковые последствия. 18-летний король, еще неопытный в государственных делах, увидел свое истинное призвание в том, чтобы руководить победоносными армиями на поле боя. Чтобы побеждать — необходима война, и это дело становится его маниакальной страстью. Карл всерьёз полагал, что в его лице на землю пришёл новый Александр Македонский. Лесть придворных питала эту опасную идею. Через некоторое время приближённый короля генерал Стенбок в тревоге писал: «Король ни о чём больше не думает, как только о войне, он уже больше не слушает советов; он принимает такой вид, как будто Бог непосредственно внушает ему, что он должен делать».

Победа под Нарвой привлекла к Швеции внимание Европы. Воевавшие за Испанское наследство Франция и её соперники — «морские державы» Англия и Голландия — увидели в воинственном короле возможного союзника. Они всячески старались привлечь его каждая на свою сторону. Карлу предлагали посредничество в заключении выгодного мира с Россией, выделяли субсидии и, конечно, восхваляли его полководческий гений. Король выслушивал льстивые речи, принимал деньги, но в войну за Испанское наследство не вступил, поскольку в этом предприятии не ему отводилась главная роль. Карл желал распоряжаться судьбами народов, и такая возможность ему предоставлялась на Востоке. Перед македонским царём лежала держава Ахеменидов, перед Карлом XII — Россия.

Карл XII.
Гравюра XIX в.

В 1701 г. Карл решал, кем из недобитых врагов заняться. Его выбор остановился на саксонском курфюрсте Августе II, который одновременно являлся королем Польши. Военные действия развернулись на территории современных стран Балтии. Карл XII действовал весьма успешно, однако достать Августа оказалось не так просто, поскольку тот вёл войну от лица Саксонии. С Польским же государством Швеция не воевала. Карл нашел выход из этого странного положения: он потребовал, ни много ни мало, чтобы поляки лишили Августа престола. Поляки отказались, но шведский король не знал слова «нет». Он без промедления вторгся в Польшу. Вытеснив Августа в Саксонию, Карл решил «состряпать полякам нового короля». И действительно, «состряпал» молодого, малоизвестного дворянина Станислава Лещинского, готового отстаивать шведские интересы. Польша сделалась союзницей Швеции. Война продолжалась на территории Саксонии, и вскоре Август II был вынужден принять ультиматум Швеции, согласно которому он отказывался на все времена от польской короны и расторгал все враждебные Швеции союзы. В его лице Россия потеряла важного союзника, а Пётр I — друга. Альтранштадтский мир 1706 г. положил конец борьбе с саксонским курфюрстом.

На востоке Европы установилась напряжённая тишина. Европейские правители не без опасения выжидали, куда направит свои победоносные войска «новый Александр Македонский». Городок Альтранштадт недалеко от Лейпцига, где устроил свою ставку Карл XII, превратился в дипломатический центр Европы. Туда съезжались послы, чтобы засвидетельствовать шведскому королю почтение своих государей.

Молодой король действительно поражал современников: он не терпел роскоши, ходил в простом синем мундире, без парика, вёл спартанский образ жизни и отличался безрассудной храбростью. Эта храбрость порой походила на мальчишеское хулиганство и ставила в тупик приближённых. Карлу ничего не стоило, крикнув свите «За мной!», без всяких объяснений проскакать несколько миль, чтобы явиться перед Августом II, которого он только что заставил отречься от польского престола. И всё это для того, чтобы с оболь-

стительной улыбочкой заявить, что он, дескать, «заехал проститься», взмахнуть шляпой и исчезнуть. Люди из свиты, сопровождавшие Карла в его приключении, с ужасом рассказывали, что король не был убит или пленён только потому, что Август от удивления остолбенел и потерял дар речи. Уверовавший в свой гений, Карл проверял судьбу — хранит ли она его. И судьба его хранила.

В 1707 г. Карл XII находился в зените славы. Однако его военные дела на востоке шли уже далеко не блестяще: Пётр I отбил у шведов базы в Эстляндии и Лифляндии (современные Эстония и Латвия), в 1704 г. пала Нарва. Но европейцы не придавали этому значения и по-прежнему не воспринимали Россию всерьёз. Карл, узнав о строительстве Петербурга, усмехнулся: «Пусть строит. Всё равно будет наше». Он жил воспоминаниями о Нарвской победе и лёгкой расправе с Данией и Польшей, окружённый почитанием и лестью. Он позволил себе вмешаться в дела Австрийской империи под предлогом защиты австрийских протестантов — своих единоверцев. Инструментом воздействия выступала армия, стоявшая у границ страны. Австрийский император Иосиф с горечью говорил, что, слава Богу, Карл XII ещё не потребовал, чтобы он сам стал протестантом.

Но среди славы и пресмыкательства дипломатов Карл XII не забывал о намерениях, которые родились у него после Нарвской победы и с тех пор хранились в тайне. «Ни одному человеку в мире я не заикнулся об этих планах», — писал он позже. «Новый Александр» помнил о своей восточной стране — о России.

Королю советовали заключить мир с Россией на очень выгодных условиях. На это предложение он надменно ответил, что скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем оставит Петербург в руках Петра I. Любимец Европы, король Швеции не сомневался в победе и намеревался решить «русский вопрос» одним большим походом. Итогом этого предприятия должны были стать полное уничтожение российской государственности и раздел земель между Швецией и Польшей. Неподелённые же земли следовало разбить на княжества, как во времена Древней Руси. Карл считал, что это будет лучшим способом навсегда покончить с Россией.

Летом 1708 г. Карл двинул на восток прекрасно оснащённую 60-тысячную армию. Путь его лежал к сердцу необъятной державы — к Москве. На помощь ему из Швеции двигался 16-тысячный корпус под командованием Левенгаупта. Шведский король был уверен в скорой и лёгкой победе.

Современники не раз отмечали, что Карла XII совершенно не интересовали обычаи и нравы других народов. В России легкомысленному завоевателю пришлось до конца прочувствовать пагубность такой привычки. Русские, отступая, с неумолимой последовательностью оставляли за собой опустошённые земли. Впервые столкнувшись с подобной тактикой, Карл с трудом обеспечивал свою армию самым необходимым. 9 сентября 1708 г. прогремело сражение при Лесной, где кавалерийский корпус Петра I наголову разбил войска Левенгаупта, прихода которых так ждали шведы.

Карл не хотел верить в поражение, но уже было ясно, что противник теперь не тот, что восемь лет назад при Нарве. Русские обращали в бегство войска непобедимого короля!

По разорённой земле Карл XII повёл свою армию на Украину, надеясь там найти провиант и устроить войска на зимние квартиры. Украинский гетман Мазепа, перешедший на сторону шведов, обещал им свою помощь. Однако русские опередили шведов и захватили запасы, хранившиеся в гетманской ставке в городе Батурине. Наступившая зима тоже как будто сговорилась с царём Петром — морозы стояли такие лютые, что солдаты Карла XII замерзали сотнями. Словно желая проверить свою неуязвимость, Карл начал бросаться под пули, обрекая на смерть своих солдат и генералов. А по войскам прошёл недобрый слух: «Король ищет смерти, потому что видит дурной конец».

Девять лет прошло с тех пор, как войска Карла покинули Швецию. В Стокгольме с тревогой следили за своим монархом, походы которого разоряли страну. Его пренебрежительное отношение к своей, а тем более к чужой жизни пугало приближённых. Когда Карл в бессмысленном бою положил почти без остатка два эскадрона своих солдат, в Швеции стали подумывать о регентстве старшей сестры Карла Гедвиги Софии. Русская пуля в любой момент могла настигнуть шального короля...

Чтобы положить конец тактике русских уходить от боя и вынудить их к решительному сражению, весной 1709 г. Карл осадил Полтаву. Шведский король мог выставить только 22 тыс. солдат против 45 тыс. русских. Накануне великих событий его ранило в бессмысленной перестрелке с казаками, и в самый вечер перед битвой рана его разболелась. Короля лихорадило.

27 июня 1709 г. грянул Полтавский бой. План его был грандиозен, но имел один решающий недостаток: Карл XII в своей самоуверенности даже после стольких неудач в России не ожидал увидеть армию с прекрасно обученными солдатами и талантливыми командирами. На этот раз теряла знамёна шведская армия. Карл метался на носилках, проклиная судьбу за то, что ему не суждено погибнуть во главе войск, стройными рядами идущих в атаку. С огромным трудом Карл отступил с 15 тыс. солдат. По пятам за ним гнался корпус Меншикова. Буквально в последний момент Карл решился оставить своих солдат и бежать, чтобы уйти от плена.

Отныне благосклонное ранее Провидение готовило ему судьбу скитальца. Он долго не возвращался в Швецию, чтобы наладить расстроенную беспрерывными войнами жизнь страны, а вёл жизнь «воинственного бродяги», как прозвал его Александр Сергеевич Пушкин.

Полтавское поражение шведов изменило отношение Европы к России. Карл изо всех сил пытался представить разгром своей армии временной неудачей. Он убеждал в этом прежде всего самого себя. Король нашел союзника в лице Турции. В Стамбуле были взбешены победами своего старого врага — России. Карлу удалось столкнуть Турцию и Россию в войне, закончившейся поражением России в походе 1710 г.

Но на долгую дипломатию Карла XII не хватило. Освоившись, гость превратился в капризного и требовательного нахлебника. Он попытался вмешаться в военные дела турок и разругался с великим визирем. Султан Ахмед III наконец не выдержал и велел отправить Железную Башку домой. Таким нелестным прозвищем турки наградили Карла за непреодолимое упрямство. Шведского короля силой выпроводили из страны. Карл остался без армии, средств и союзников. Переодевшись в чужое платье, обросший бородой и неузнаваемый, он верхом пересёк Европу и явился в Стокгольм.

Швеция встретила своего короля разорённой и обезлюдевшей. Финансы были истощены военными расходами. Пришлось выпустить «монеты нужды» — медные деньги. Население было задавлено налогами. В дополнение ко всем бедам на страну обрушились неурожай и эпидемия чумы. Карл стал искать выход из создавшегося положения в утопических проектах. Ещё большим фантазёром оказался некто барон фон Гёрц, настоящий злой гений Карла, человек, которого ненавидела вся Швеция. Видя, что Карл поглощён навязчивой идеей разделаться с Петром I, Гёрц в угоду властителю придумал способ достать средства для войны. Он предложил сменить короля Англии, чтобы новый король в знак благодарности оказал шведам поддержку. Итогом этого «замечательного плана» стал международный скандал. Второй «блестящей» идеей было заключение мира с Петром I. Затем следовало во главе русской армии отвоевать у Дании Норвегию.

Осенью 1718 г. Карл XII в самом деле вторгся в норвежские земли. Командовал он, конечно, не русской армией, а резервными шведскими войсками. Король-сорвиголова так и не отделался от привычки рисковать жизнью и продолжал поражать подданных своей «удалью». 30 ноября 1718 г. Карл XII, «божьей милостью король шведов, готов и вандалов», был убит в траншее у крепости Фредриксхальде при невыясненных обстоятельствах.

Карл XII погиб, когда силы Швеции были на исходе. Но терпение шведов оказалось беспредельным. Король, принёсший Швеции короткую славу величайшей европейской державы, страшное поражение и долгие годы бедствий, остался в памяти своего народа национальным героем.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ XIV — НАЧАЛА XIX ВЕКА

Эту историю рассказывают по-разному, и трудно уже установить, что в ней правда, а что вымысел.

В германском городе Фрайбурге в начале XIV в. жил монах по имени Бертольд Шварц. Занимался этот монах алхимией — делом, которым в общем-то не должен был заниматься. Кажется, имел он из-за этого какие-то неприятности — во всяком случае, согласно одной из легенд, своё удивительное открытие он сделал в тюрьме. А открытие действительно было удивительным и объяснению при тогдашнем уровне науки не поддающимся.

Получить золотую краску — вот чего хотелось Бертольду Шварцу. В тот день он смешивал порошки разных химических веществ и нагревал их в стоящей на огне медной ступе, прикрытой вместо крышки камнем. Видимо, камень этот не слишком плотно закрывал горловину ступы: как иначе могла бы попасть в неё искра? Страшный грохот потряс стены комнаты, мгновенно наполнившейся едким чёрным дымом. Камень, подброшенный неведомой силой, врезался в потолок. Что произошло с самим Шварцем, точно неизвестно: то ли он погиб, то ли этот случай подтолкнул его к дальнейшему исследованию сделанного им состава. Такова средневековая легенда об изобретении пороха. Разумеется, на самом деле настоящие открытия делаются иначе — после долгих поисков, в которых принимает участие не одно поколение людей. И с изобретением пороха не всё было так просто и случайно, как в легенде о Бертольде Шварце.

Европейцы знали секрет изготовления пороха много раньше — во всяком случае, известна зашифрованная знаменитым учёным XIII в. Роджером Бэконом запись с его рецептом. Ещё раньше византийцы применяли в военных целях составы, близкие пороху. Но и они, судя по всему, не были первооткрывателями.

Порох (смесь селитры, серы и каменного угля) был, видимо, изобретён китайцами и использовался ими и для фейерверков, и для боевых действий. Китайцы владели секретами многих подобных средств, но порох обладал двумя свойствами, имевшими огромное значение: быстрое сгорание на воздухе и способность взрываться в замкнутом пространстве.

Каждый из компонентов пороха играет в его составе особую роль. Сера легко воспламеняется и горит, выделяя большое количество тепла. Селитра при горении выделяет много кислорода. Высокая температура и кислород — условия для быстрого сгорания угля. Такой смеси при горении не нужен кислород из воздуха — значит, оно может происходить в замкнутом пространстве,

Русская фузея. 1710 г.

целиком заполненном этой смесью. Если порох поместить в оболочку и воспламенить через небольшое отверстие, то произойдёт его мгновенное сгорание — взрыв, и образовавшиеся газы эту оболочку разорвут. Это свойство и использовали китайцы, начинявшие порохом полые чугунные шары с отверстиями для зажигательных шнуров. Шнуры поджигались, шары выбрасывались из специальной метательной машины и летели с тяжёлым гулом на врага, дымя развевавшимися по ветру «хвостами». Если расчёт времени был верен, то шнуры догорали в тот самый момент, когда снаряды оказывались в расположении неприятеля, и их осколки летели в разные стороны, неся смерть и ужас. Китайцы называли такие снаряды «чёрными драконами», позднее европейцы назовут их бомбами.

А что произойдёт, если оболочка пороха не сплошная, если, как в случае с Бертольдом Шварцем, на ёмкости с порохом крышка? Газы действуют равномерно на все стенки ёмкости, но только одна из них — крышка — подвижна. Значит, они вытолкнут её. Если приблизить крышку к пороху так, чтобы свободного воздушного пространства между ними практически не оставалось, то крышка превращается в снаряд, порох — в заряд для его бросания, а сама ёмкость — в огнестрельное орудие. Но всё это лишь кажется таким простым. Прошли сотни лет, прежде чем люди поняли: порох может не только взрываться — его можно заставить силой взрыва бросать снаряды на большие расстояния.

Более или менее признано, что огнестрельное оружие появилось на рубеже XIII и XIV вв. Самое древнее известное нам по рисункам и описаниям огнестрельное оружие называлось «мадфой», и изобрели его арабы. В короткую деревянную или длинную железную трубку с одним закрытым наглухо концом засыпали порох и помещали снаряд — сферическую пулю, стрелу или то и другое одновременно. Порох поджигали через маленькое отверстие в трубке, он взрывался и выбрасывал этот снаряд. В Европе, имевшей вековые традиции кузнечного и литейного дела, новинка прижилась с невероятной быстротой: понадобилось меньше столетия, чтобы огнестрельное оружие появилось в Италии и Франции, Германии и Англии, Венгрии и Чехии, Польше и России.

Выглядело это оружие по-разному — изобретатели ещё только нащупывал его оптимальную форму. В 1326 г. учёный и юрист Вальтер де Милемет написал обширный трактат — наставление для юного наследника английской короны, будущего короля Эдуарда III. На одной из помещённых в манускрипте ярких иллюстраций изображены ворота крепости, видимо осаждённой. Перед воротами — нечто вроде стола, а на нём — грушевидный сосуд со вставленной в него стрелой. Рядом со столом — рыцарь, поджигающий находящийся внутри сосуда заряд. Миниатюра эта — самое старое из известных в Европе изображений огнестрельного оружия.

Были и другие формы раннего огнестрельного оружия, чаще всего короткие трубки с цилиндрическими или коническими каналами (внутренним объёмом ствола). Иногда эти трубки оковывали обручами, чтобы их не разорвало при выстреле.

Современное огнестрельное оружие принято делить на артиллерийское и ручное, стрелковое. Артиллерия действует на большие расстояния, поражает самые разнообразные цели, в том числе и закрытые, невидимые, её орудия обслуживаются несколькими людьми. Стрелковое оружие — в основном индивидуальное, применяется для поражения открытых целей, прежде всего живой силы противника. Современная пушка по внешнему виду совсем не напоминает пистолет или автомат. В XIV же столетии артиллерийские орудия и ручное огнестрельное оружие различались только размерами, весом и калибром (диаметром ствола). Даже названия были сходны: крупные орудия, огромными каменными ядрами пробивавшие крепостные стены, назывались бомбардами, а небольшие стволики для стрельбы с рук — бомбарделлами.

Такое оружие не было ни эффективным, ни надёжным. Сама процедура заряжания была очень долгой, а точность малой. В одном из сражений орудия бургундского герцога Карла Смелого были заряжены и наведены в ходе боя. Бургундские артиллеристы взяли прицел слишком высоко, но повторно зарядить свои пушки они уже не успели. Карл проиграл сражение. Английские лучники того времени на расстоянии 300 шагов без промаха поражали закованных в броню рыцарей, выпуская при этом по нескольку стрел в минуту. Орудия часто разрывались, не выдерживая слишком большого давления пороховых газов. Обслуживавшие их люди, подпалив ведущий к запальному отверстию фитиль, со всех ног бросались к отрытому невдалеке окопу и прятались в нём.

Уже на исходе XVI в., когда огнестрельное оружие широко распространилось, знаменитый

ОРУЖИЕ И МАГИЯ

Схватка была жестокой, но короткой. Отразив щитом первый натиск, крестоносец привстал на стременах и со страшной силой обрушил свой меч на шлем не успевшего увернуться врага. Через минуту юный оруженосец рыцаря, связав оглушённого сарацина, уже пытался поймать за узду его арабского скакуна. Крестоносец слез с коня, поглядел с минуту на безуспешные усилия юноши, покачал головой: непросто поймать ветер пустыни. Надо было, однако, отблагодарить Господа за дарованную победу. Рыцарь воткнул меч в землю, встал перед ним на колени, сложил молитвенно руки. Меч теперь уже не был страшным оружием — он стал крестом, символом спасения и надежды. Луч солнца, скользнувший по матовому клинку, высветил серебряные буквы: «SNESNDUONMINIODIFS». Рыцарь знал, как читать эту зашифрованную надпись. Тихо зазвучала латынь: «Во Имя Спасителя нашего, Господа Вселенной. Во Имя Матери Иисуса. Во Имя Иисуса Всемогушего, Сына Бога. Спаситель».

Рыцарь благоговейно коснулся губами навершия рукоятки меча. Там, под медной обкладкой, — мощи великого святого с берегов такой родной и такой далёкой теперь Роны. Всё. Молитва окончена. Крестоносец поднялся с колен, выдернул клинок из земли, вложил в ножны. Вложив, не удержался: снова коснулся его рукояти (на этот раз прикосновение не было столь робким) и, подмигнув кому-то, произнёс тихо: «Мы снова победили, Гроза Мавров». Потом взглянул на связанного и уже начавшего приходить в себя сарацина. Мирское брало своё. Теперь рыцарь уже прикидывал в уме, большой ли выкуп можно будет взять за столь богато одетого пленника...

Мастера Средневековья знали множество способов улучшения боевых свойств оружия. Заклинание или молитва, начертанные на клинке, мощи святого в навершии рукояти — лишь некоторые из них. Магическое значение, например, имели изображения крестов, полумесяцев и окружностей на клинках. Перед выступлением в поход рыцарь иногда относил свой меч в церковь, и там он несколько дней, а то и месяцев лежал на алтаре, после чего его кропили святой водой. Мечи посвящали Иисусу Христу и Деве Марии. «In Nomine Domini» («Во Имя Господа») — эту надпись на клинках вырезали очень часто. Каждый удар такого клинка наносился во Имя Господа. Мог ли быть неточным, неудачным такой удар?

Некоторые мечи Средневековья известны нам под именами собственными. Давая оружию имя, надеялись, что оно повлияет на боевые качества клинка. Жуайез (Радостный) — так, по средневековым преданиям, называли меч Карла Великого.

Но время шло — и всё меньше оставалось подлинной рыцарской романтики, пусть грубоватой, но искренней. Утончённость и усложнённость рыцарских обычаев XV—XVI столетий — это попытка яркой мишурой прикрыть внутреннюю пустоту. Рыцари продолжали давать торжественные обеты — но мало кто уже выполнял их. Оставались на клинках надписи и рисунки — но никто уже не воспринимал их как магические.

И всё же магия не уходит. Странно на первый взгляд, но объектом её становится в это время оружие огнестрельное. Странно потому, что само рождение его стало возможным лишь в результате научного вторжения в тайны природы. Всё, однако, объясняется просто. Да, люди научились делать порох, знали, что и как надо смешать и сколько взрывчатого вещества необходимо положить в канал пушки. Они многое знали — не знали только одного: а почему, собственно, происходит взрыв? И эта тайна будоражила их воображение. Ужасный грохот, клубы дыма, запах серы (это ведь запах ада!), наконец, невиданное до сих пор разрушающее действие нового оружия — всё это приводило людей в ужас. На одной старинной гравюре за плечами производящего свои опыты открывателя пороха Бертольда Шварца изображён сам сатана. Не он ли нашептал французский мыслитель Монтень писал, что действие этого оружия так ничтожно, что, вероятно, его скоро перестанут применять.

Однако огнестрельное оружие продолжали использовать в военном деле, постепенно совершенствуя, пока оно не стало и эффективным, и надёжным. Дело в том, что оно внушало страх людям, привыкшим к традиционной рукопашной, где всё зависело от силы и умения воина. От удара мечом можно было защититься, но как защититься от стремительно мчащегося всесокрушающего ядра? Отряды хорошо вооружённых профессиональных воинов бросались в бегство, завидя наведённые на себя пушки неприятеля, а города сдавались без сопротивления, если защитники их замечали, что враг устраивает позиции для своих бомбард.

Тот же Монтень, не веривший в жизнеспособность огнестрельного оружия, писал: «Когда оглушительный треск аркебуз (т. е. ручного оружия, о котором речь пойдёт позже. — *Прим. ред.*) внезапно поражает мой слух... я не могу удержаться от дрожи; мне не раз доводилось видеть, как то же самое случалось и с другими людьми, которые похрабрее меня».

Впрочем, со временем эти страхи получали всё больше оснований. В XV в. появились орудия, которые способны были несколькими выстрелами пробить брешь в толстых каменных стенах. Герцог Бургундский, непокорный вассал короля Франции, называл свою артиллерию «ключом французских городов». Ручное оружие тоже становилось всё более эффективным, им вооружались уже целые отряды воинов, способные решить исход боя.

Орудия XV столетия поражают и сегодня своей мощью. Бомбарда «Ленивая Магда», например, весит 1 т 383 кг, а диаметр её каменного ядра — 35,5 см. И это далеко не самое крупное орудие того времени. Ещё до него были изготовлены «Брауншвейгская Метта» весом 8,7 т с ядром диаметром 67 см и «Бешеная Грета» чуть большего калибра, но значительно тяжелее — 16 т. Конструкция этих орудий-бомбард сложнее, чем в XIV в. Делались они обычно из сваренных между собой толстых железных полос, скреплённых поперечными обручами. Канал делился на две части: меньшую по диаметру («камору») для пороха и большую («котёл») — для ядра. К концу XV в. тяжёлые и неповоротливые железные орудия стали заменять более лёгкими и надёжными бронзовыми. При той же конструкции их делали иногда уже совершенно гигантскими. Гигант из гигантов — знаменитая «Царь-пушка», отлитая в 1586 г. в Москве мастером Андреем Чоховым.

XVI век — время иных конструкций. Высокие каменные стены не выдерживали мощи и напора бомбард. Вместо них стали сооружать низкие земляные валы, которые не пробить каменными ядрами. От артиллерии нельзя было защититься стенами, но можно было защититься от врагов при

помощи артиллерии. Крепости меняют свой вид, потому что совершенствуется артиллерия.

Но и артиллерия меняется с изменением облика крепостей. Бомбарды перелиты или свезены в арсеналы. Всё бóльшую роль играют пушки — орудия с длинными и прямыми каналами, предназначенные для настильной стрельбы по неприятелю. Первоначальная скорость их железных ядер больше, чем у бомбард, и каменные стены они пробивают лучше. Для разрушения же земляных валов используются мортиры — укороченные бомбарды, стреляющие навесом разрывными бомбами.

Развивается артиллерийская наука. Европейские учёные, в том числе знаменитый итальянский математик Тарталья, занимаются расчётами траекторий полёта снарядов, дают рекомендации мастерам-литейщикам. Пушек в Европе очень много, и применяются они уже не только при штурмах и защите городов, но и в полевых сражениях. Около 2,5 тыс. таких орудий находилось на кораблях «Непобедимой армады», брошенной в 1588 г. испанским королём на завоевание Англии и бесславно погибшей, так и не достигнув её берегов.

Бронзовые пушки и мортиры XVI—XVII вв. были очень красивы. Сверкающие полированные поверхности, рельефные и резные надписи с именами мастеров и заказчиков, гербы европейских государей, пышный растительный орнамент, изображения героев и фантастических животных — таковы орудия этого времени. Это подлинные шедевры литейного мастерства и искусства, а их создатели — настоящие художники. Знаменитый пушечный мастер Лёфлер, например, — целая эпоха в истории художественного литья. Многие европейские монархи заказывали ему эти грозные произведения искусства. В конце концов Лёфлер стал одним из богатейших людей и даже ссужал деньгами своих коронованных клиентов.

Средства транспортировки орудий также изменились. Бомбарду, ядра и порох к ней перевозили на нескольких специальных повозках. На них везли деревянные брусья, чтобы укладывать орудие на позиции, и щиты для прикрытия прислуги во время заряжания. Орудия поменьше тоже имели отдельные средства транспортировки и подставки для стрельбы. Всё это хозяйство было тяжёлым и неуклюжим. Большим облегчением стало появление лафетов — обычно деревянных двухколёсных станков с массивными станинами, между которыми на специальных опорах — подушках — укладывали орудия. Задние концы станин во время стрельбы упирались в землю и поглощали отдачу при выстреле. Транспортировались они на специальных двухколёсных повозках — передках.

Совершенствовался и сам ствол. Эффективность стрельбы была возможна только при надёжном закреплении «тела» орудия в лафете, но в то же время необходимо было менять угол его возвышения. Появились цапфы — цилиндрические приливы по бокам ствола, которые укладывались в гнёзда — полукруглые вырезы на станинах. Отдача при выстреле не могла теперь сбросить ствол с лафета, в то же время специальное устройство позволяло поднять и опустить его казённую (заднюю) часть, а при этом соответственно опускалась или поднималась передняя — дульная. Задний срез ствола (тарель) первоначально опирался на дерево лафета, непосредственно передавая ему отдачу. Теперь в этом уже не было необходимости — отдача шла через цапфы. На тарели стали делать приливы в виде шара на шейке, чтобы удобнее было поднимать и опускать ствол. Шары чаще всего отливались в форме виноградных кистей — отсюда про-

учёному монаху рецепт, унёсший так много жизней? Мрачная, апокалиптическая картина видится великому Леонардо да Винчи: «Выйдет из недр некто, кто ужасающими криками оглушит стоящих поблизости и дыханием своим принесёт смерть людям и разрушение городам и замкам». Кто же этот «некто»? Пушка, отливаемая из бронзы в специальной яме, вырытой в земле (отсюда и «недра»).

Но если всё это так, то нельзя ли увеличить разрушительную силу артиллерии? Можно, говорит магия XV—XVI вв. Можно, например, улучшить свойства пороха путём добавления в него пепла сожжённых вместе яшерицы и червяка — грохот взрыва тогда особенно испугает врага. Но лучше всего перенести магические действия на орудийный ствол — ведь именно он бросает разящие врага ядра.

Случайно ли многие старинные пушки носили имена собственные? Вчитаемся в надписи на их стволах, вдумаемся в их смысл:

Лев зовусь я, мой рёв пронзителен.

Страус зовусь я, когда я иду туда,
то меня слышно.

Я зовусь Петух. В драке я вперёд прорвусь.

Внезапный конец я.
Падай ниц предо мною, советую я.
К тебе резким прыжком иду я...

Я зовусь Прекрасная Елена. Из-за меня
много людей погибло.

Гибель врагу — вот что предрекают все эти устрашающие надписи. И не случайно самые популярные названия старинных пушек — это имена хищников (Волк, Лев) или фантастических монстров (Василиск). Изображения их — рядом с надписями. Названия при этом даются отнюдь не случайно. «Василисками», например, называли только крупные осадные орудия, предназначавшиеся для пробивания брешей в крепостных стенах. Василиск, Царь Змей, — мифическое существо с хвостом змеи, головой и лапами петуха — дыханием своим, согласно средневековым поверьям, мог разрушать камни.

Как долго живут традиции! Уже никто не думает всерьёз, что удачное название пушки или самолёта улучшит их тактико-технические характеристики. И всё же — даются ведь имена! Танк, например, называли «Леопард»; вертолёт морской авиации — конечно же, «Морской король»; пистолет-пулемёт — устрашающий ядовитый «Скорпион». Традиция есть традиция...

исходит и их название — «винграды». Над цапфами в верхней части ствола были специальные скобы — тоже для облегчения его опускания и подъёма. Скобам придавали разную форму, но чаще всего они напоминали морских животных с выгнутыми спинами, и постепенно за ними утвердилось название «дельфины».

Такой вид артиллерийское орудие сохраняло долго. Со временем менялись его пропорции, становились легче ствол и лафет, исчезали излишние украшения и, главное, улучшалось качество литья. Повышалась мобильность артиллерии, и роль её в бою становилась несколько иной.

В XVII и XVIII вв. орудия выставляли в линию перед фронтом войск или равномерно размещали между боевыми порядками. Использовали их чаще всего лишь для подготовки атаки или в помощь войскам, отбивающим атаку противника. Линии солдат стояли перед жерлами неприятельских пушек, извергавшими смертоносные снаряды, и ждали сигнала к движению. Ядра выбивали из линий то одного, то другого солдата, и тогда следовала команда: «Сомкнуть ряды!». Такая канонада могла продолжаться очень долго.

2 июля 1644 г. во время гражданской войны в Англии при Марстон-Муре сошлись армия короля Карла I и армия парламента (см. ст. «Англия в период Нового времени»). Войска простояли целый день. С утра до вечера продолжалась артиллерийская дуэль. По словам современника, казалось, весь воздух превратился в огненную стихию. Лишь в 7 часов вечера эскадроны парламента под командованием Оливера Кромвеля пошли в неожиданную для противника и ставшую впоследствии столь знаменитой атаку, которой не выдержали ни роялистская конница принца Руперта, ни пехота сторонников короля.

В середине XVIII в. роль артиллерии в бою изменилась. Знаменитый теоретик и практик артиллерии француз Грибоваль сначала в Австрии, а потом и у себя на родине предложил совершенно новую систему. Система Грибоваля — это не только облегчённые стволы орудий и более удобные лафеты. Это не только упорядочение калибров и строгое соблюдение одних и тех же правил отливки на разных пушечных заводах. Это прежде всего признание за артиллерией самостоятельной роли в бою. Эта новая роль артиллерии ярко проявилась на рубеже XVIII—XIX вв. В сражениях участвовали теперь огромные массы пехоты. Глубокие колонны атаковали боевые порядки противника. Маневренные орудия в ходе сражения сводились в батареи, и батареи эти наносили массированные огневые удары по наиболее уязвимым местам обороны врага. Менялась боевая обстановка — и батареи срывались с места и переходили на новые позиции, усиливались новыми орудиями или, наоборот, расформировывались.

Наступающие колонны противника встречались плотным огнём, способным остановить и отбросить целые дивизии. На дальние расстояния стреляли ядрами. Для разрушения полевых земляных укреплений и поражения живой силы использовали бомбы и гранаты (той же конструкции, что и бомбы, но меньшего диаметра). Если же враг был рядом и готовился «оседлать» батарею, в его порядки в упор выпускали картечь — снаряды, состоящие из обвязанных просмолённой бечевой или уложенных в жестяные цилиндры свинцовых либо чугунных пуль.

Заряжали орудия быстро. Если раньше надо было сначала отмерить нужную порцию пороха, засыпать её в канал, забить деревянную пробку и только потом вложить заряд, то теперь зашивали снаряд вместе с заранее отмеренным количеством пороха в «картузы» — холщовые мешки.

К началу XIX в. артиллерия стала мощной и подвижной, достигла совершенства. Дальше потребовалось изменение самих принципов конструкции орудий.

Ранние образцы ручного огнестрельного оружия можно увидеть лишь в нескольких музеях. Это маленькие (длиной примерно 10—50 см и калибром 20—40 мм) стволики из железа или бронзы с запальным отверстием наверху в казённой части. Тяжёлых деревянных колод, к которым эти стволики прикреплялись обручами, или круглых стержней, на которые они насаживались при помощи выемок на своих задних срезах, почти не сохранилось. На старинных миниатюрах изображается, как стреляли из этого оружия. Стрелок зажимал заряженное оружие под мышкой, клал на плечо или упирал себе в грудь и наводил на цель. Заряд воспламенялся, когда к запальному отверстию подносили фитиль или раскалённый прут. Эту операцию зачастую проделывал не сам стрелок, а его помощник. Такая стрельба была, конечно, и малоэффективной, и неудобной, а то и небезопасной. Усовершенствования, которые мастера-оружейники XV в. вносили в конструкцию ручного огнестрельного оружия, могут показаться сегодня слишком простыми и элементарными, да и само это оружие в исторической литературе называют примитивным. Но между бомбарделлой и современным автоматом дистанция всё же значительно меньше, чем между той же бомбарделлой и луком со стрелами. Может быть, наши потомки будут называть примитивным и автомат. Современные конструкторы оружия двигаются по дороге, проторённой оружейниками XIV—XV вв.

Как же изменялась в XV столетии конструкция ручного огнестрельного оружия? Прежде всего удлинился ствол. Пуля, мчавшаяся в его канале, ударялась, естественно, в его стенки, они корректировали её полёт, и он становился более прямым. В конце XV в. появилось оружие с нарезными стволами — каналы их были не гладкими, как раньше, а со специальными желобками, направлявшими пулю. Ближе к дульному срезу располагалась мушка — стало гораздо удобнее прицеливаться. Очень важное усовершенствование — перенесение запального отверстия на боковую (правую) сторону ствола. Под ним по-

явилась «полка» (выступ с углублением). На полку насыпали порох и прикрывали его откидной крышечкой. Порох поджигали, и он, вспыхивая, передавал огонь через запальное отверстие в ствол. Порох на полке называли «затравочным», и отверстие в стволе стали обозначать теперь этим же словом.

Улучшился сам порох. В XIV в. это была так называемая «пороховая мякоть» — порошок из серы, селитры и угля, частички которых имели разную массу и потому при длительном хранении, а особенно при тряске, более тяжёлые из них оседали на дно ёмкости. В последней четверти XV столетия на специальных мельницах стали делать более сильный и надёжный гранулированный порох.

И, может быть, главное усовершенствование — так называемый замок, механизм воспламенения заряда. Самый ранний замок принято называть фитильным. Был он чрезвычайно прост: С- или S-образный курок с зажатым в его головке тлеющим фитилём при нажатии на спусковой крючок плавно опускался на пороховую полку и поджигал затравочный порох, после чего отводился назад посредством пружины. И курок, и пружины монтировались на замочной доске — металлической планке, крепившейся к ложе. Позже к этой же планке стали приделывать и полку. Теперь внимание стрелка сосредоточивалось лишь на прицеливании. Уже не приходилось одновременно следить за тем, чтобы фитиль, зажатый в пальцах, коснулся полки именно в нужный для точного выстрела момент. Появление замка повлекло за собой стремительное изменение формы ложи: ведь освободившаяся от фитиля рука могла теперь поддерживать её. Постепенно формируется приклад — задняя часть ложи, упирающаяся в плечо.

Оружие с фитильными замками просуществовало в Европе до конца XVII в., а в некоторых странах Востока вышло из употребления лишь столетие назад. Одно из самых больших его преимуществ — предельная простота в изготовлении. Целые воинские отряды вооружались им.

Аркебузы европейской пехоты конца XV — начала XVI в. (ландскнехтов) — тяжёлые, ещё с прямыми или чуть изогнутыми прикладами. Пружины их курков — на наружных сторонах замочных досок. Старинные гравюры изображают ровные, окутанные пороховым дымом квадраты такой пехоты, двигающиеся по полям сражений. Рядом с ними — другие квадраты, над каждым из которых лес пик. Со временем первых квадратов становится всё больше.

В середине XVI в. появляются мушкеты — длинные ружья, широкие гранёные приклады которых можно плотно прижимать к плечу. Стрелок-мушкетёр стал, пожалуй, самой заметной фигурой на поле боя, существенно потеснив пикинёра. Лихо заломленная широкополая шляпа с перьями или железный шлем — «морион», кираса или кожаная куртка, широкие штаны до колен, чулки и туфли с бантами — таков облик мушкетёра XVI—XVII вв. Через левое плечо у него ремень — бандельер с подвешенными в специальных футлярах боеприпасами, на боку — шпага, в руке — сошка (упор с развилкой, на которую во время стрельбы кладут мушкет). Мушкетёры — грозная сила, своим огнём способная решить исход крупного сражения. К построенному в боевой порядок мушкетёрскому отряду не подступиться: пока его передняя шеренга ведёт огонь, задние заряжают оружие, и дружные залпы следуют один за другим. Строй мушкетёров — «караколе» («улитка») — состоял из 10 шеренг и 12 рядов, а знаменитые слаженностью своих действий шведские солдаты армии Густава II Адольфа строились в 6 шеренг, что при том же количестве стрелков увеличивало силу залпа вдвое. Таким образом, малая скорострельность каждого отдельного ствола вполне компенсировалась слаженностью действий солдат. Если враг врывался в боевые порядки, в дело шли тяжёлые боевые шпаги.

Мушкет в европейских армиях XVI—XVII вв. — преобладающий, но вовсе не единственный вид огнестрельного оружия. Очень популярны у кавалеристов стали карабины — короткие ружья, удобные для стрельбы с коня, и пистолеты, которые первоначально были исключительно оружием конницы. Замки их, однако, чаще всего не фитильные, а значительно более сложные по конструкции — колесцовые или ударно-кремнёвые.

Колесцовый замок появляется в самом начале XVI в. Германия и Фландрия спорили о приоритете в его изобретении. Впрочем, ещё в конце XV в. великий Леонардо да Винчи работал над аналогичной конструкцией. Колесцовый замок не требовал для ведения стрельбы, как фитильный, постоянно тлеющего фитиля. Предварительно взведённый механизм колесцового замка при нажатии на спуск начинал быстро вращать колёсико с насечённым краем. Одновременно на колёсико опускался курок с зажатым в нём кремнем. Получавшиеся в результате искры падали на полку с порохом.

Однако колесцовые замки были излишне сложными. Аристократы имели охотничье

Револьвер системы «наган» образца 1895 г.

оружие с такой системой воспламенения ещё в XVIII в., но солдаты больше любили другой тип замка — ударно-кремнёвый. Искра, зажигающая порох, высекалась не при трении, а при сильном ударе кремня, зажатого в губки курка, о подвижную металлическую пластинку — огниво, опускавшуюся на полку. Известно много вариантов ударно-кремнёвого замка. Самый совершенный из этих замков — французский, иногда называемый батарейным или классическим. Он был изобретён в начале XVII столетия. Марэном ле Буржуа и просуществовал в европейских армиях до второй половины XIX в., а в охотничьем оружии — до начала XX в. Механизм ударно-кремнёвого замка смонтирован на внутренней стороне доски, всё действие его удивительно продумано. Во избежание случайного выстрела курок имеет два взвода: боевой и предохранительный. Огниво замка, изогнутое под прямым углом, служит одновременно и крышкой полки.

Изобретение батарейного замка повлекло за собой целый ряд усовершенствований в огнестрельном оружии. Появились казнозарядные, многозарядные и многоствольные ружья и пистолеты. На смену гранёному мушкетному прикладу пришёл более лёгкий («французский») с длинной шейкой, которую легко охватывала правая рука стрелка. Ружьё стало оружием универсальным: появление штыка и облегчение ложи позволяло действовать им в рукопашной схватке. Пикинёры почти исчезли с поля боя. «Штыком коли, прикладом бей!» — эта команда звучала на разных языках, и порой огнестрельность ружья считалась даже чем-то второстепенным: исход сражения на рубеже XVIII—XIX вв. зачастую решался мощным штыковым ударом пехоты, построенной в глубокие колонны. «Пуля — дура, штык — молодец» — эти слова Суворова могли бы повторить многие полководцы — его современники.

А дальше в ручном огнестрельном оружии произошло то же, что и в артиллерии. Конструкция достигла совершенства, и появилось оружие принципиально иных конструкций. Дульнозарядные ружья и пистолеты, заряд которых воспламенялся от вспышки затравочного пороха на полке, сменились системами с «капсюльным» замком, в свою очередь исчезнувшим с появлением патронов центрального воспламенения.

...Старинное оружие, выставленное в музеях, поражает красотой своей отделки. Вот немецкие колесцовые пистолеты, тяжёлые рукояти которых покрыты пластинками гравированной слоновой кости. Вот английские карабины XVI—XVII столетий, украшенные перламутром, работы британских мастеров XVIII столетия, оружие настоящих аристократов — знаменитые охотничьи ружья, в которых нет ничего лишнего, всё очень строго и удивительно изящно. Тонкий металл ствола, прорезные серебряные украшения на рукоятях — пистолеты мастеров знаменитой итальянской династии оружейников Коминаццо. Особая роскошь отделки, её разнообразие — это уже Франция, великие Буте и Лепаж («Лепажа стволы роковые», несчастной жертвой которых пал пушкинский Владимир Ленский). Украшения на оружии, эти «цветы зла», — порой настоящие шедевры.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Идейное и общественное движение в странах Европы и Америки, связанное с общими переменами в условиях жизни под влиянием разложения феодальных и утверждения капиталистических производственных отношений, получило распространение в основном в период между «Славной революцией» 1688 г. в Англии и революцией 1789—1799 гг. во Франции. Просвещение оставило неизгладимый след в науке, литературе, искусстве, политике («просвещённый абсолютизм»), но главным образом — в истории общественно-политической мысли и общественного движения.

При всём разнообразии мнений большинство мыслителей сходились в его оценке как передового, новаторского явления. Например, Иммануил Кант понимал Просвещение как попытку использовать разум в интересах морального и интеллектуального раскрепощения личности, а Фридрих Энгельс усматривал в нём идеологическую подготовку буржуазных революций.

Среди представителей Просвещения встречались материалисты и идеалисты, сторонники рационализма (признававшие разум основой познания и поведения людей), сенсуализма (считавшие таковой ощущения) и даже Божественного провидения (уповавшие на волю Бога). Часть из них верила в неизбежный прогресс человечества, другая — рассматривала историю как общественный регресс. Тираноборческие мотивы в творчестве просветителей не мешали большинству из них оставаться противниками насилия и революций. Их индивидуализм поразительным образом уживался с коллективистскими идеями, выдвинутыми некоторыми провозвестниками коммунизма.

Как течение общественной мысли Просвещение несомненно представляло собой некое единство. Заключалось оно в особом умонастроении, интеллектуальных склонностях и предпочтениях. Речь идёт прежде всего о целях и идеалах Просвещения, таких, как свобода, благосостояние, счастье людей, мир, ненасилие, веротерпимость, а также о знаменитом вольнодумстве, критическом отношении к авторитетам всякого рода, неприятии застывших догм.

Именно разномыслие просветителей, объединённых общими целями и идеалами, явилось предпосылкой исключительной плодотворности их теоретической деятельности. В нескончаемых спорах между ними рождались и оттачивались современные концепции прав человека и гражданина, гражданского общества и плюралистической демократии, правового государства и разделения властей, рыночной экономики и этики индивидуализма. За попытки пренебречь этим наследием народы многих стран дорого поплатились в XIX и XX вв.

Просветители вовсе не были мечтателями, витающими в облаках. Их духовные запросы и интересы большей частью были тесно связаны со злободневными проблемами жизни. Они отнюдь не чурались общественной деятельности, видя в ней способ повлиять на мнение сограждан и политику правительств. Почти все они пользовались известностью как писатели, публицисты, университетские преподаватели или политические деятели.

Просветители происходили из разных классов и сословий: аристократии, дворян, духовенства, служащих, торгово-промышленных кругов. Разнообразны были и условия, в которых они жили. В XVIII в. нивелирующее воздействие цивилизации едва ощущалось, и народы сильно отличались по уровню экономического развития, политической организации и культурным традициям. Всё это с неизбежностью приводило к различиям во взглядах просветителей. В каждой стране просветительское движение несло печать национальной самобытности.

Иммануил Кант.

В Англии в XVII—XVIII вв. после революции и гражданских войн сгладились вопиющие противоречия. Развитие парламентаризма привело к упрочению правовых форм политической борьбы. Бурный рост числа и тиражей периодических изданий способствовал повышению культурного и образовательного уровня населения. Стремительно расширявшийся рынок газет, книг, произведений искусства обусловил значительную коммерциализацию культуры, которая освободила творцов от унизительной зависимости от государства, Церкви, меценатов и пр. Эти и многие другие перемены в жизни общества производили ошеломляющее впечатление на иностранцев, видевших в Англии образец общественного прогресса. Не случайно все основные течения английской общественной мысли подхватывались передовой интеллигенцией в других странах.

Большинство английских просветителей не проявляли склонности к абстрактному теоретизированию. В литературе они предпочитали лёгкие и подвижные жанры, старались облечь свои философские, экономические и политические идеи в форму занимательного рассуждения или сатирического обличения. Некоторые из них сделали блестящую политическую карьеру: например, граф Шефтсбери был членом парламента, а виконт Болингброк — министром.

На характер английского Просвещения повлияли также его взаимоотношения с религией и Церковью. Видные его деятели, за редким исключением, придерживались догматов христианства. Во многом это объяснялось тем, что Англиканская Церковь не противопоставляла себя Просвещению, а в какой-то мере даже отвечала его идеалу веротерпимости. Это имело далеко идущие последствия для культурного развития страны, поскольку позволяло сохранить равновесие между традиционными ценностями, хранительницей которых выступала Церковь, и новаторскими, которые несло Просвещение.

Все, кто привык рассматривать Просвещение как идеологическую подготовку буржуазных революций, с разочарованием отметили бы отсутствие в политической программе английских просветителей радикальных лозунгов и боевых призывов. Но это и понятно: большинство политических целей Просвещения было достигнуто в Англии ещё в начале XVIII в.

В основных чертах политическая программа английского Просвещения была сформулирована философом Джоном Локком. Как и многие мыслители XVII в., он считал, что возникновению государства предшествовало естественное состояние, «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью», а также «состояние равенства, при котором всякая власть и всякое право являются взаимными». Переход от естественного состояния к гражданскому обществу был следствием общественного договора, который предполагал перераспределение лишь властных функций и не влёк значительных перемен в положении людей. Государство должно было руководствоваться тем же «законом природы», который регулировал отношения людей в естественном состоянии, и поэтому не могло покушаться на неотчуждаемые права граждан. Локк предусмотрел специальный конституционный механизм, не допускавший превышения государством своих прерогатив. Это разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и «федеративную» (которая ведала отношениями с другими государствами). Кроме того, сползанию государства к деспотизму должен был препятствовать принцип законности, согласно которому «ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов этого общества».

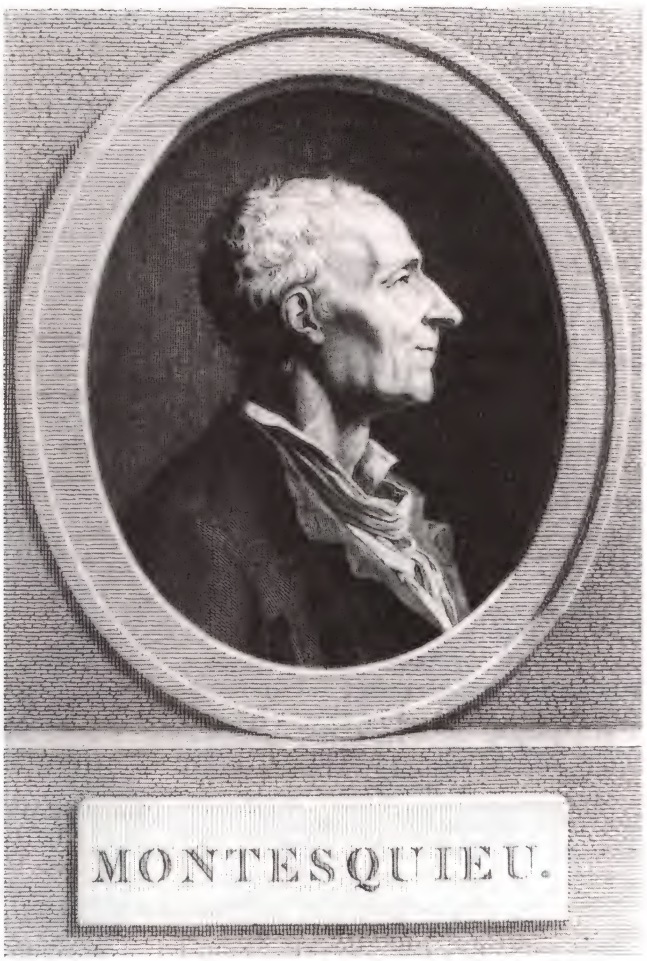
Взгляды Локка в значительной мере воплотились в политическом строе Англии первых десятилетий после революции 1688 г.: были закреплены основные права и свободы граждан, представительное правление, религиозная терпимость, неприкосновенность собственности. Тем самым обеспечивались правовые предпосылки благоприятных перемен в общественном развитии, включая рост предпринимательской активности, повышение благосостояния, дальнейшую демократизацию государственного и общественного строя. Всё это в полной мере соответствовало целям просветителей.

Поэтому их внимание было приковано не столько к политике, сколько к частной жизни граждан. Это отразила этика английского Просвещения, также в основных чертах разработанная Локком. Понятия добра и зла он выводил из ощущений удовольствия или страдания (в физическом и духовном смысле). Поскольку люди, считал Локк, соотносят эти понятия с требованиями повседневной жизни, то и правила, регулирующие их отношения, должны отличаться удобством, целесообразностью и полезностью. Таковыми, например, являются заповеди, изложенные в Нагорной проповеди.

В утилитарной этике английского Просвещения звучал и мотив личного преуспевания. Локк подчёркивал: «Мы рождаемся на свет с такими способностями и силами, в которых заложена возможность освоить почти любую вещь и которые, во всяком случае, могут повести нас дальше того, что мы можем себе представить; но только упражнение этих сил может сообщить нам уменье и искусство в чём-либо и вести нас к совершенству». Просвещение способствовало закреплению в характере англичан таких черт, как предприимчивость, изобретательность, практицизм.

Выступая в защиту индивидуальных прав и свобод, английское Просвещение безусловно признавало и право каждого человека преследовать свой частный интерес. Большое влияние в этом отношении оказало учение философа XVII в. Томаса Гоббса об эгоистической природе человека, которое послужило основой этики себялюбия, или разумного эгоизма. Один из её создателей Бернард Мандевиль считал, что поведение людей является производным от себялюбия. Последнее представляет собой не что иное, как чувство самосохранения, побуждающее человека вести борьбу за жизненные средства, против сил природы и противостоящих ему интересов других людей. Из деятельности, направленной на самосохранение, Мандевиль выводил и пороки эгоизма, рассматривая их как величайшее благо для общества в целом. В своей «Басне о пчёлах» он проиллюстрировал эту мысль множеством примеров из повседневной жизни. Его парадокс «Пороки частных лиц — благо для общества» отражал реальности рыночной экономики.

Как ни соблазнительна была эта апология эгоизма, всё же она не вселяла в англичан уверенности в том, что стремление к личному преуспеванию не приведёт к саморазрушению общества. Просвещение столкнулось со сложной этической проблемой: как погасить разрушительную инерцию эгоизма? Как обеспечить порядок в индивидуалистическом обществе? Английские просветители сделали многое, чтобы решить эту проблему не только теоретически, но и практически.



Шарль Монтескьё.
Гравюра Жардо. XVIII в.

Они не закрывали глаза на общественное неравенство людей, сводя его, как это делал Шефтсбери, к противоположности между «просвещёнными» верхами и невежественными низами. Источником опасности являлись как заносчивость одних, так и зависть других. Выработанные просветителями способы «социализации эгоизма» заключались в том, чтобы направить в полезное для всего общества русло научного и художественного творчества, экономического развития активность верхов и в то же время приобщить к ценностям Просвещения тех представителей низов, которые своим усердием, познаниями, гражданскими поступками или богатством доказали способность их воспринять.

Во многом благодаря усилиям просветителей была создана рациональная модель отношений между людьми в практической жизни, соответствующая роли и значению гражданского общества. Одним

из важнейших достоинств человека признавалась его способность к общению, сотрудничеству с другими, участию в коллективной созидательной деятельности. Вошли в моду членство в клубе или масонской ложе, посещение политических собраний или встреч по интересам (например, в кафе). Детально разработанный кодекс правил поведения человека в обществе отразила английская художественная литература XVIII в.

Просветители во многом преуспели в стремлении привить широким слоям населения Англии свои ценности и идеалы. Значение этого в полной мере проявилось в ходе социально-политических бурь, пронёсшихся над Европой в конце XVIII — начале XIX в. Англия оказалась островком стабильности, сумевшим избежать революций и гражданских войн. Общие ценности, а также этика политического компромисса, разработанная, например, в трудах Болингброка, оказались более надёжным средством умиротворения общества, чем принудительная дисциплина, поддерживаемая силой. В этом и заключается один из основных уроков английского Просвещения.

Особое место занимает просветительское движение в Шотландии. История общественной мысли в Шотландии XVIII в. — это история мучительных поисков выхода из унизительного положения, в котором, по убеждению многих просвещённых шотландцев, оказалась их родина. Продолжать ли политическую борьбу за восстановление независимости или же служить отечеству, содействуя его экономическому, социальному и культурному процветанию? Философ Эндрю Флетчер, «отец» шотландского Просвещения, дал толчок формированию новой гражданской этики, обосновывавшей иные, альтернативные войне и политике, методы исполнения гражданами своего долга перед отечеством.

Просвещение в Шотландии опиралось на мощный интеллектуальный потенциал, которым располагали в середине XVIII в. университеты Эдинбурга, Глазго и Абердина. Среди преподававших там замечательных учёных выделяется философ, историк, экономист Дэвид Юм. Откликаясь на духовные запросы шотландского общества, он обосновал мысль о том, что добродетель гражданственна по своей сути, ибо добро — это всё, что полезно людям.

Юма, конечно же, волновала судьба Шотландии, её культурных традиций в едином британском государстве. Это наложило отпечаток на его рассуждения об этике взаимоотношений гражданина с обществом и государством. Юм считал, что взаимоотношения возникают из тяги людей к взаимному общению, а также из-за их полезности, поскольку они увеличивают возможности удовлетворения потребностей людей. И прежде всего они призваны обеспечить политическую стабильность, от которой зависит всякая упорядоченная жизнь. Именно в интересах стабильности государство и общество должны признавать всё многообразие взглядов и убеждений граждан, обусловленное их индивидуальным опытом. Современное общество Юм рассматривал как плюралистическое, основанное на сложном разделении труда и различиях в положении людей, которые вследствие этого различаются и своими представлениями о нравственности и справедливости. По мнению Юма, не может быть стабильным общество, не уважающее многообразия социальных и региональных различий между людьми. В равной мере не может быть добродетельным и гражданин, не признающий, что его личное благополучие в конечном счёте связано с благополучием всего общества.

На шотландское Просвещение большое влияние оказала деятельность Философского общества в Эдинбурге, объединявшего лучшие умы того времени. Его секретарём был Юм, а одним из членов — философ и экономист Адам Смит. Этот выдающийся теоретик товарно-денежных отношений стал их горячим защитником и активным пропагандистом во многом по морально-этическим соображениям. Смит считал, что именно рынок освободил человека от отупляющей системы зависимости при феодализме. По его мнению, люди воспитывают в себе чувство справедливости и вырабатывают навыки цивилизованного общения, лишь находясь друг с другом в отношениях производителя и потребителя. Общество мыслилось ему гигантской мануфактурой, а разделение труда — всеобщей формулой сотрудничества людей в интересах «богатства народов» (так назывался его основной экономический труд). В своей теории Смит отводил рынку ту же функцию, которую английские просветители отдавали правовому государству или цивилизованному общению, — функцию социализации эгоизма.

Но место гражданина в системе Смита занимал «экономический человек», моральная свобода которого была обусловлена его ролью в экономической жизни. Тем самым шотландское Просвещение поставило новый и чрезвычайно важный вопрос о мотивах и стимулах хозяйственной деятельности. Согласно Смиту, главнейшим из них является своекорыстный интерес. Но преследовать его человек может, лишь оказывая услуги другим людям. Поэтому каждый отдельный человек, хотя и заботится только о своих интересах, невольно содействует общественной пользе, или, по словам Смита, «он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».

Интерес просветителей к экономической теории отражал общее повышение престижа хозяйственной деятельности. Однако в шотландском обществе длительное время сохранялось недоверие к свободной игре рыночных сил. Многие представители просвещённой элиты воспринимали их как разрушительную стихию, обуздать которую было призвано государство. Не кто иной, как Смит, воспевший преимущества рынка, выражал опасение, что экономические законы, на

которых основываются отношения производителей и потребителей, могут привести к социальной и нравственной деградации наёмных рабочих. «В такое состояние, — писал он, — должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки... если только правительство не приложит усилий для предотвращения этого».

Потребовалось время, чтобы шотландские просветители избавились от страха перед рыночной стихией. Новое их поколение, вступившее в пору зрелости ближе к концу XVIII в., уже не уповало на поддержку правительства или парламента. Для них образцом гражданского поведения являлся специалист в какой-либо области профессиональной деятельности, знания и усердие которого приносили обществу ощутимую пользу.

Общественно-политическая жизнь Франции в XVIII в. характеризовалась большой инерцией привычек и традиций, унаследованных от феодального прошлого. Влиятельные общественные слои сопротивлялись новым веяниям, которые несло с собой Просвещение. В борьбе с ним просветители не могли в полной мере опереться ни на общественное мнение, ещё не вполне сформировавшееся, ни на правительство, подчас относившееся к ним с нескрываемой враждебностью. Поэтому во Франции просветители не имели такого влияния в обществе, как в Англии и Шотландии, где цели и идеалы Просвещения вошли в плоть и кровь национальной культуры. Во Франции уделом просветителей было своего рода «отщепенчество», порождавшее в их среде политический радикализм и мессианские настроения.

Большинство видных деятелей просветительского движения Франции подвергались преследованиям за свои убеждения. Дени Дидро побывал в заключении в Венсенском замке, Вольтер (настоящее имя — Франсуа Мари Аруэ) — в Бастилии. Клод Гельвеций из-за нападок был вынужден отречься от своей книги «Об уме». По цензурным причинам не раз прерывалось печатание знаменитой «Энциклопедии», выходившей в свет отдельными томами в течение 1751—1772 гг. Всё это заставляло просветителей облекать свои мысли в оболочку абстрактных теорий, недоступных пониманию широкой публики.

Французское Просвещение испытывало сильное влияние аристократической культуры. Это проявилось в утончённости и изысканности литературных произведений, составивших его славу. У аристократии просветители заимствовали и салонную форму общения. Атмосфера избранности, царившая в салонах, усилила склонность французских просветителей к отвлечённому теоретизированию.

Французское Просвещение во многом исходило из идей философов XVII в. Рене Декарта и Локка. Согласно разработанному Декартом рационалистическому методу познания, истина должна чётко и ясно усматриваться человеческим разумом. Немало последователей во Франции нашло учение Локка об обществе и государстве.

Постоянные конфликты с властями создали французским просветителям репутацию потрясателей основ и радикалов. На самом деле в своих конституционных воззрениях многие из них не шли дальше принципов английского Просвещения. Вслед за Локком идею разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную разрабатывал Шарль Монтескьё. При этом он выступал не просто за разграничение функций между органами государственной власти, а за разделение властей как политических сил, каждая из которых могла бы реально служить противовесом другой. Монтескьё трудно признать радикалом ещё и потому, что он ощущал пределы, в которых только и возможно изменить общество и государство. Он считал, что «дух законов» того или иного народа определяется совокупностью объективных предпосылок: климатом, характером почвы, размерами территории, ландшафтом, образом жизни народа, религией, численностью населения, формами хозяйственной деятельности и др.

То же касается и шумных конфликтов просветителей с Католической Церковью. Её идеологическая жёсткость, не допускавшая отступления от догматов вероучения, исключала возможность компромисса наподобие того, какой сложился между Англиканской Церковью и Просвещением в Англии. В этих условиях свойственное большинству просветителей признание факта Божественного творения мира приобрело антицерковный оттенок, а критика религиозных догм, даже самая умеренная, — ореол отчаянной смелости. Как известно, Вольтер, имея в виду Церковь, часто заканчивал свои письма к друзьям призывом: «Раздавите гадину!». Но тот же Вольтер утверждал, что религия необходима как опора морали: «Вера в Бога, вознаграждающего за добрые поступки и наказывающего за дурные, а также прощающего небольшие проступки, является для человеческого рода самой полезной верой».

Десятилетия бесплодной оппозиции вызвали глубокое разочарование просветителей. Среди них усилилось стремление к переоценке ценностей, повлекшее глубокое размежевание в их рядах. Часть просветителей сохраняла надежды на сотрудничество с властями в решении конкретных проблем управления страной. Среди них выделялась группа экономистов-физиократов (от *греч.* «физис» — «природа» и «кратос» — «власть»), во главе которых стоял Франсуа Кенэ. Он считал, что земля есть единственный источник богатства и только земледелие умножает его. Поэтому он выступал за поощрение класса земледельцев, прежде всего богатых фермеров. «В деревни следует привлекать не столько людей, сколько богатство (т. е. капитал. — *Прим. ред.*)», — подчёркивал Кенэ. Добивался он и реформы налоговой системы, лежавшей тяжким бременем на производителях. Надежды на подъём сельского хозяйства он связывал также со свободой внутренней и внешней торговли.

Попытку осуществить эту программу реформ предпринял другой представитель школы физиократов — Анн Робер Тюрго. В 1774 г. молодой король Людовик XVI назначил его генеральным контролёром (министром) финансов. Тюрго ввёл свободную торговлю хлебом и мукой, добился упразднения средневековых цехов и гильдий, приступил к коренной реформе налогообложения. Но сопротивление придворных кругов, дворянства и цеховой верхушки свело на нет все его усилия. Отставка Тюрго в 1776 г. предрешила и судьбу его реформ.

Сознание недостижимости целей Просвещения в рамках существующего строя побудило многих просветителей замкнуться в непримиримой оппозиции. Их протест порой принимал форму атеизма, резкой критики религии и Церкви, характерных для плеяды философов-материалистов середины столетия: Дидро, Поля Гольбаха, Гельвеция и др. Иногда он проявлялся в идеализации прошлого, например республиканского строя античных государств. Жан Жак Руссо противопоставлял их прямую демократию всем формам представительного правления, включая и английский парламентаризм. «Всякий закон, — писал он в трактате "Об общественном договоре", — если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен... Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов парламента: как только они избраны — он раб, он ничто... В древних республиках и даже в монархиях народ никогда не имел представителей; само это слово было неизвестно».

С именем Руссо связан новый этап в развитии просветительского движения Франции — радикальный пересмотр некоторых его фундаментальных целей и идеалов. Радикализм самого Руссо коренился в его этических воззрениях. В противоположность философам, считавшим себялюбие и эгоизм совместимыми с общественным благом, он требовал подчинения личности благу общества. Руссо писал: «Всякий человек добродетелен, когда его частная воля во всём соответствует общей воле». Добиться этого соответствия он предлагал политическими методами. В стремлении Руссо связать мораль с политикой ясно различим зародыш тоталитарных теорий позднейшего времени.

Руссо разделял общую веру просветителей в природу как гармоническую систему, частью которой был человек. Но в отличие от них он был убеждён, что сам человек разрушил это «естественное состояние» и окружил себя противоречащими закону природы учреждениями. «Исчезло равенство, появилась собственность... — писал Руссо, — и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета». Цивилизация настолько изменила людей, что отказаться от неё они уже не могут. Но если нельзя вернуться к «естественному состоянию», то ещё можно, устранив чрезмерное неравенство, восстановить утраченные добродетели. Сделать это не просто, потому что на страже неравенства стоит деспотизм. Требуется сила, чтобы его низвергнуть: «Восстание, которое приводит к убийству или свержению с престола какого-нибудь султана, — это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных».

Эта мысль вдохновляла поколение революционеров конца XVIII в., которое разделяло также отвращение Руссо к себялюбию и эгоистической морали, а вместе с ним — и ко всему строю, основанному на свободной игре рыночных сил. Критикуя средневековую регламентацию торгово-промышленной деятельности, Руссо не одобрял и свободу торговли. Он считал, что государство должно направлять торговлю и промышленность в соответствии с общим благом, следить за правильным распределением продуктов питания, денег, товаров. Отрицательное отношение к свободе торговли имело у Руссо этическое обоснование. Он считал, что торговля, равно как и другие достижения цивилизации — богатство, наука, искусства, способствует порче нравов. Стремясь возродить утраченные добродетели, он объявлял их основным носителем «народ», трудящиеся низы общества, поскольку они меньше всего подверглись пагубному воздействию цивилизации и поэтому в наибольшей мере сохранили нравственное здоровье.

Так как простодушный народ не способен понять, в чём заключаются его истинные интересы, то ему нужен мудрый правитель, предначертания которого воплощаются в законах и политике государства. От этой мысли Руссо — один шаг до оправдания революционной диктатуры «во имя народа».

Многообразие путей, которыми шло французское Просвещение, сделало его уникальной лабораторией человеческой мысли. Именно там истоки многих основополагающих идей либерализма, социализма и коммунизма, столь повлиявших на мировое развитие в XIX—XX вв.

Просвещение в Германии представляло собой сложное и противоречивое явление уже в силу политической раздробленности страны и разнообразия местных условий. Распространению новых веяний способствовала интенсивная культурная жизнь провинций. Монархи мелких государств, не имея возможности утвердить свой авторитет великодержавными методами, стремились прославиться меценатством. Почёт, которым была окружена в Германии французская культура, также способствовал проникновению просветительских идей.

Один из парадоксов немецкого Просвещения заключался в том, что оно нередко получало импульсы со стороны правящих верхов. В Пруссии инициатором публичного обсуждения его проблем выступил сам король Фридрих Великий.

Не без старания властей одной из характерных черт немецкого Просвещения стал его преимущественно теоретический характер. Однако в его активе числились и практические дела. В Пруссии просветители не только разработали важную реформу образования, но и добились осуществления её. В результате была расширена сеть начальных школ и создана система профессионального обучения ремёслам, сельскому хозяйству, торговле и государственной службе. Утилитарный характер этой реформы во многом объяснялся тем, что просветительское движение в Пруссии черпало приверженцев главным образом из среды государственных служащих: армейских офицеров, дипломатов, чиновников, преподавателей учебных заведений.

На фоне общей робости просветительской мысли в Германии смелостью и последовательностью отличались воззрения Канта. Он подвёл итог теоретическим исканиям эпохи Просвещения. Особенно значителен его вклад в разработку концепции правового государства. Назначение последнего Кант видел не в заботе о практических потребностях членов общества, а в поддержании режима справедливости между ними. Гражданами такого государства, по его мнению, являются морально полноценные люди, которые не нуждаются в опеке со стороны кого бы то ни было. «Правление отеческое, — писал он, — при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно... такое правление есть величайший деспотизм». Заключая общественный договор, люди не жертвовали своей свободой, а лишь создавали правовые условия для более надёжного и упорядоченного пользования ею. Гарантию от деспотизма Кант видел не в формах правления (республика, монархия), а в разделении законодательной и исполнительной власти. Он допускал, что при любой форме правления часть граждан будет недовольна политикой правительства и будет стремиться её изменить. Но их действия не должны нарушать законы, дискредитировать государство или вообще его разрушать. Кант обосновал правовые формы и методы борьбы за изменение государственного и общественного строя, которые предполагают путь постепенных реформ и исключают грубое насилие.

Глубиной и оригинальностью отличалась этическая концепция Канта. Он выступил против утилитаризма современной ему просветительской мысли. Представление, что добрые дела можно совершать лишь с задней мыслью, в расчёте на успех или награду, Кант отвергал как радикальное зло, так как такая нравственная установка требует от человека приспособления к обстоятельствам, из которых самое важное — отношение к нему власть имущих. Поэтому эгоизм, даже разумный, толкает бесправные низы общества к раболепию, неуверенные в своём завтрашнем дне «средние слои» — к лицемерию, упоённые властью верхи — к беззастенчивости. Этому принципу Кант противопоставлял императивное истолкование нравственности: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Объявляя личность самоцелью общественной организации, Кант боролся с представлениями, . широко распространёнными в Пруссии, об оправданности безоговорочного подчинения личности государственным интересам.

Французская революция и вызванные ею социально-политические катаклизмы на рубеже XVIII—XIX вв. на европейском континенте похоронили веру просветителей в возможность постепенного ненасильственного прогресса. По отношению к этим событиям просветительское движение быстро политизировалось и раскололось на отдельные противоборствующие группировки и течения. Кризис Просвещения усугубила консервативная критика его целей и идеалов за то, что они внесли в умы людей путаницу, а в общество — смуту, нарушившие естественное, органичное развитие стран и народов. От этих ударов Просвещение уже не оправилось. Оно внезапно сошло со сцены, заставив потомков ломать голову над вопросом: так в чём же заключалось его историческое предназначение?

Франке.
Фридрих Великий.

АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ

«Поколением гениев» называют исследователи блестящую плеяду немецких мыслителей, творивших в последние десятилетия XVIII — первой половине XIX в. Имя Александра Гумбольдта по праву стоит в этом ряду вместе с именами Гёте, Шиллера, Гегеля.

Увы, порой и гении ошибаются. Шиллер в письме к одному из своих друзей писал 25 августа 1789 г.: «Александр Гумбольдт не сделает ничего поистине великого в науке. Тривиальное, мечущееся тщеславие — вот та сила, которая лежит в основе всех его действий». К счастью для мировой науки, выдающийся писатель не оказался провидцем.

Гумбольдт родился 14 сентября 1769 г. в Берлине в аристократической семье. Его молодость пришлась на знаменитую в истории немецкой культуры эпоху «бури и натиска». И хотя «буря» захватила прежде всего литературу, её атмосфера творческого поиска и новаторства, а также характерное для Века Просвещения стремление к расширению границ познания пленили любознательного берлинского юношу. Он увлекается минералогией, живописью, историей, астрономией, философией, экономикой. В юные годы появляется и ещё одна страсть — путешествия, со временем определившая его судьбу учёного.

Перед ним распахнуты двери всех германских университетов. Он обучается в Берлине, Франкфурте-на-Одере, Гёттингене, а также в Горной академии Фрайбурга. Очень рано к Гумбольдту приходят первые успехи. В живописи они у него скромнее, чем в других областях, однако в 1786 г. художественный салон Берлина выставил сделанную им копию одной из картин Рембрандта.

В 1790 г. вышла первая научная работа будущего энциклопедиста «Минералогические наблюдения над некоторыми рейнскими базальтами». Тогда казалось, что геология станет его главной жизненной стезёй. До 1797 г. он действительно занимался организацией горного дела, но, получив наследство, оставил службу. Появилась возможность посвятить себя исключительно научным исследованиям.

Было ли у него тщеславие, о котором говорил Шиллер? Скорее всего — да. Но не мечущееся, не жалкое, не желание любой ценой достигнуть каких-то высот. Нет, к вершинам науки его толкали одухотворённость, неуёмная жажда знаний, постоянное стремление к самосовершенствованию. Ради этого он готов был пойти на всё. И действительно, Гумбольдт многим пожертвовал для науки, в частности личной жизнью.

Видимо, он принял всерьёз слова французского комедиографа XVII в. Чарлза Дюфресни: «Женившийся гений — бесплодный гений». Бывшие в моде в годы его молодости литературно-философские салоны давали широкую возможность для общения с самыми красивыми девушками, которые, как правило, становились «королевами», хозяйками салонов. Многолетняя традиция обязывала молодых людей влюбляться в «королев». Именно так нашёл свою Каролину старший брат Гумбольдта — будущий знаменитый филолог Вильгельм. Однако у Александра семья не сложилась, наука оказалась его единственной любовью.

Спустя несколько десятилетий Гумбольдта будут сравнивать с Аристотелем, Колумбом, Марксом, а Гюго назовёт его «гением открытий». Все эти эпитеты заслужены. Он — один из основоположников научной метеорологии, физической географии, научного страноведения, географии растений. Им внесён вклад в изучение вулканов и землетрясений. Он вычислил средние высоты материков, дал подробные характеристики континентального и приморского климата, разработал вопросы географического распространения магнитных явлений. Это — далеко не полный перечень научных заслуг учёного.

В 1798 г. Гумбольдт встретился в Париже с французским натуралистом Бонплэном. Молодые люди поклялись совершить путешествие вокруг света и заняться исследованием Африки. Однако вскоре жизнь внесла в эти планы коррективы. Возглавивший в 1799 г. испанское правительство Марьяно Луис Уркихо помог им организовать научную экспедицию в Западное полушарие. За пять лет (1799—1804 гг.) Гумбольдт посетил Венесуэлу, Новую Гранаду (Колумбию), Гвиану, Кубу, Перу, Мексику и США. Он исследовал бассейны рек Ориноко и Амазонки, пересёк Анды, поднялся на вулканы Пичинча и Котопахи.

В Европе это «второе открытие Америки» вызвало большой интерес. Как писали некоторые биографы, Гумбольдт стал самым знаменитым человеком после Наполеона I. Он — желанный гость всех европейских академий. На родине ему предлагают пост министра образования. Однако учёный переезжает в «столицу мира» Париж для обработки материалов экспедиции. Начинается огромная аналитическая работа, в которой Гумбольдту помогают друзья-единомышленники, французские учёные Жорж Кювье и Жозеф Гей-Люссак.

Более чем два десятилетия было отдано подготовке 30-томного труда «Путешествие по тропическим областям Нового Света, совершённое в 1799—1804 гг.». И хотя учёному не удалось полностью реализовать свой замысел и отдельные тома так и не были подготовлены к печати, из-под пера Гумбольдта вышла подлинная энциклопедия.

На её страницах читатели нашли описание флоры, астрономические наблюдения, материалы по зоологии и сравнительной астрономии, социально-экономическое и политическое исследование вице-королевства Новая Испания (Мексика), двухтомный анализ экономики и торговли Кубы

и многое другое. Пример его научной дальновидности — убеждённость в исторической неизбежности строительства Панамского канала.

В 1807 г. вышло в свет одно из наиболее популярных сочинений Гумбольдта — «Картины природы». Здесь впервые были поставлены многие вопросы географии растений. В 1829 г. он совершил путешествие в Россию, побывав на Урале и Алтае, обследовал Каспийское море и первым высказал мысль о возможности добычи уральских алмазов. Результаты этого путешествия нашли отражение в двухтомнике, посвящённом геологии и климатологии Азии, и в трёхтомнике «Центральная Азия» (30—40-е гг. XIX в.).

Вильям Шекспир сравнивал старость с периодом младенчества: человек забывчив, у него бессмысленный взгляд, отсутствуют зубы и ощущение вкуса, полное опустошение в душе. Эту формулу Александр Гумбольдт опроверг по всем параметрам. В 76-летнем возрасте он начал работать над главным сочинением своей жизни — книгой «Космос». Его целью было собрать в одном труде все имевшиеся в то время знания о Вселенной и Земле. Вслед за Гёте Гумбольдт предпринял попытку слить воедино научные, философские и эстетические представления о природе.

Об этом своём замысле он так писал одному из друзей: «Я приступаю к печатанию труда (труда всей моей жизни). У меня безумная идея охватить и отобразить весь материальный мир, всё, что мы знаем сейчас о космическом пространстве и земной жизни, от туманностей до географии мхов, растущих на гранитных скалах, — и всё это в одной книге, которая бы и пробуждала интерес к предмету живым и доступным языком, и отчасти служила отдохновением для души. Каждая большая и важная идея, где-либо промелькнувшая, должна быть здесь зафиксирована. Книга должна воссоздавать целую эпоху истории духовного развития человечества и его познания природы».

В 1845 г. вышел в свет 1-й том «Космоса» — «Космос. Опыт физического описания мира». Гумбольдт успел опубликовать ещё три тома, вызвавших большой интерес и переведённых на многие языки мира.

Ухудшение состояния здоровья он начал ощущать со второй половины 50-х гг. «Мои силы идут на убыль, — писал он в 1856 г. — Не очень-то приятно видеть, как улетучивается фосфор мысли и уменьшается вес твоего мозга, по выражению нынешней школы. Но всё же я не падаю духом и продолжаю работать». В конце февраля 1857 г. его сразил апоплексический удар. Через некоторое время учёный почувствовал себя лучше и продолжил работу над 5-м томом «Космоса», окончательно прерванную смертью, последовавшей 6 мая 1859 г. Мир простился с одним из последних великих энциклопедистов, последним представителем «поколения гениев», подтвердившим всей своей научной деятельностью бессмертные слова Гёте: «Думать и творить, творить и думать — вот основа всякой мудрости».

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

«Пока мы намерены решать все вопросы мирными средствами», — заявили в своей «Декларации прав» делегаты первого Континентального конгресса в сентябре 1774 г. и разъехались по домам. Скрытая угроза, содержащаяся в этой фразе, была обращена против англичан, резко усиливших экономический и политический гнёт в своих североамериканских владениях. В целом представители двенадцати колоний (не было делегатов лишь от Джорджии) заняли умеренную позицию и даже приняли верноподданническое послание в адрес английского короля Георга III. В самых почтительных выражениях они просили монарха защитить права американских колонистов.

В те сентябрьские дни мало кто из делегатов предвидел, что война с Великобританией, их родиной или родиной их предков, разразится уже в следующем году и что в ней потерпит поражение самая могущественная держава тогдашнего мира.

Войну за независимость называют Американской революцией или главной составной частью революции наряду с утверждением конституции, Билля о правах и созданием органов государственного управления. И она, действительно, была революцией, освободившей американцев из-под власти короля и английской аристократии, установившей республиканский строй, открывшей простор для буржуазного прогресса и частной инициативы. Но, с другой стороны, она весьма существенно отличалась от предшествовавших ей и последующих революций, когда «прогрессивные силы» уничтожали «реакционные режимы», но сохранялись единая территория и единое унитарное государство. В результате Войны за независимость от Великобритании «откололась» весьма значительная часть с населением 2,5 млн человек (тогда население Великобритании составляло 10 млн человек).

Конфликт, в результате которого на карте мира появилось новое государство — Соединённые Штаты Америки, имел целый ряд причин. Главная из них состояла в том, что британские власти, занятые в XVII—XVIII вв. внутренними раздорами и европейской политикой, не могли уделять достаточного внимания североамериканским колониям. За полтора века относительно свободного существования у колонистов накопился солидный опыт самоуправления. И если губернаторов колоний

назначал король в Лондоне, то их жалованье утверждали местные ассамблеи. Поэтому с этими органами, предоставлявшими, кстати, рядовым жителям гораздо более широкие права, чем палата общин английского парламента, поневоле приходилось считаться. Эта относительная свобода особенно высоко ценилась колонистами, искавшими здесь убежища от религиозных и политических притеснений на родине. Но она была дорога всем переселенцам, даже беднейшим из простолюдинов. Так, крестьянин из Вермонта Тейлор с гордостью писал в середине XVIII в. своим родным в Англию: «Я обосновался на этой богоизбранной и свободной земле два с половиной года назад и с тех пор ни разу не платил за удовольствие жить на белом свете. Да и шапка моя за это время ни разу не ломалась для поклона перед каким бы то ни было "господином"».

Американцы жили не только свободнее, но и богаче, чем рядовые англичане, так как они не подчинялись тем ограничениям на внешнюю торговлю, которые были установлены в Англии. И вот эти главные ценности — свобода и материальный достаток — оказались под угрозой в связи с двумя событиями: в 1760 г. к власти пришёл честолюбивый и ограниченный король Георг III, пытавшийся усилить свою власть за счёт ограбления колоний; в 1763 г. окончилась Семилетняя война в Европе. Сражения между английскими и французскими войсками прекратились и в Северной Америке. Однако победа Англии и полное вытеснение Франции из её американских владений вместо радости и облегчения жизни принесли новые тяготы. Английский парламент для погашения военных долгов резко увеличил налогообложение как англичан, так и американских поселенцев. Из серии вновь принятых законов наиболее известен закон 1765 г. о гербовом сборе, обязывавший колонистов, как, впрочем, и англичан, платить налоги в королевскую казну за любые почтовые отправления и печатные издания, даже за игральные карты. Кроме того, были приняты ущемлявшие традиционные свободы местных жителей распоряжения, дававшие администрации право обыскивать любые помещения в поисках контрабандных товаров, расквартировывать солдат, оставшихся на территории колоний после Семилетней войны, в любом частном доме, подвергать жёсткой цензуре журналы и газеты; за критическое выступление на митинге можно было попасть в тюрьму.

Капитуляция англичан в Йорктауне.
1781 г.

В ответ на принятие этих законов по североамериканским городам прокатилась волна митингов под лозунгом: «Нет налогам без представительства!». Колонисты справедливо требовали: либо они будут иметь своих представителей в палате общин, либо английский парламент откажется от притязаний на налогообложение колоний.

Наиболее мощным очагом сопротивления английским нововведениям стал Бостон — столица Массачусетса, где редактор местной газеты «Бени Эдес» Адамс создал и возглавил организацию «Сыны свободы».

На всех этапах борьбы американцы опирались на мощную поддержку английских низов, страдавших от тех же притеснений и притеснителей. Кроме того, их поддерживали крупные буржуа и их партия вигов, сопротивлявшиеся чрезмерным аппетитам королевской власти в эксплуатации колоний. Одним из первых результатов этой поддержки, без которой американцы, видимо, не добились бы независимости, стала отмена в 1766 г. парламентом закона о гербовом сборе. Ликование многочисленных толп лондонцев по этому поводу вряд ли уступало ликованию по другую сторону Атлантического океана.

Напряжённость в отношениях между английскими властями и колонистами, однако, сохранялась. В 1770 г. при разгоне демонстрации у бостонской таможни внезапно началась пальба. Были убиты три человека. Это событие, получившее название «бостонская бойня», радикальная пресса в полной мере использовала для разжигания ненависти к англичанам. Колонистов, выступавших за единство с британскими соотечественниками, презрительно окрестили «лоялистами», или «тори», подчёркивая их связь с ненавистной королевской властью. «Патриотами» стали называть радикалов-сепаратистов, ратовавших за отделение от Британской империи.

В последующие годы события приняли уже необратимый характер. Любое действие английского правительства во главе с лордом Нортом рассматривалось как часть хитроумного, «дьявольского замысла» по полному закабалению американских колоний. Так, решение английских властей о выплате жалованья губернаторам из королевской казны трактовалось как «подрыв органов местного самоуправления». Реакция же американцев на «чайный закон» 1773 г. никак не укладывается в общераспространённое мнение о

них как о прагматиках. Отдавая по этому закону монополию на торговлю чаем с колониями Ост-Индской компании, английское правительство рассчитывало на поддержку колонистов, так как ликвидация посреднических звеньев существенно снижала розничную цену на чай. Однако колонисты выступили против закона, т. е. против собственного кошелька. Их убедили в том, что «чайный закон» создаёт «опаснейший прецедент».

В декабре 1773 г. в бостонском порту толпы горожан препятствовали разгрузке трёх кораблей, привёзших чай. 16 декабря 1773 г. по команде Адамса несколько бостонцев, переодевшись индейцами, взобрались на корабли и сбросили тюки с чаем в море. Эта акция получила название «бостонское чаепитие» и была расценена в Лондоне как серьёзное преступление. Парламент приостановил действие конституционных гарантий, в Бостоне было введено чрезвычайное положение, гражданский губернатор сменён военным комендантом, а гавань блокирована.

Военные действия начались 19 апреля 1775 г. По приказу британского командующего — генерала Гейджа — батальоны королевских войск направились вначале из Бостона в Лексингтон, а затем в Конкорд. Их задачами были поимка двух лидеров «бунтовщиков» (Адамса и Хэнкока — купца, примкнувшего к радикалам, впоследствии президента Континентального конгресса) и ликвидация подпольного склада оружия в Конкорде. Но лидеров повстанцев вовремя предупредил бостонский «патриот» Ривир.

Итак, отряд из 700 человек вошёл в Лексингтон. Перед ним на городской площади стояли нестройные ряды местных «минитменов» — добровольцев. Их было около 70, и английский офицер из авангарда, выехав вперёд, предложил им разойтись по домам. «Минитмены» уже было согласились, но внезапно, как и во время «бостонской бойни», раздался провокационный выстрел, ранивший британского солдата. Англичане произвели залп из мушкетов, после которого на площади остались лежать восемь убитых и десять раненых колонистов. Затем солдаты вошли в Конкорд и захватили оружие, которое ещё не успели припрятать местные жители.

Весть об «ужасном злодеянии» в Лексингтоне разнеслась по всей округе, и англичане возвращались в Бостон, так и не арестовав Адамса и Хэнкока, под градом пуль. Британские солдаты в алых мундирах с жёлтой отделкой и белых гетрах (за цвет мундиров американцы называли их «красными камзолами» либо «омарами») были хорошей мишенью. В итоге экспедиции в Конкорд английские потери составили 273 человека, а американские — 95.

В июне повстанцы возвели редут на холме Бридз-хилл, у Бостона, откуда они могли стрелять по городу и морской гавани из пушек. Английские войска под командованием генерала Хоува, приехавшего из Англии со свежими частями, атаковали редут.

По дисциплине и выучке англичане намного превосходили колонистов. И Хоув в тот июньский день 1775 г. рассчитывал, что бунтовщики разбегутся сразу же, как только увидят стройные ряды «красных камзолов», поднимающихся вверх по склону холма. Но не тут-то было! Американцы успешно отбили две атаки, и лишь после того, как у них кончились боеприпасы, англичане смогли ворваться на редут и завершить дело штыками.

После Лексингтона, Конкорда, «резни на Бридз-хилле», в которой англичане потеряли 1000 человек, а у колонистов 100 человек было убито и 300 ранено, примирение стало практически невозможным. Чем больше проливалось крови, тем больший авторитет среди колонистов приобретали «патриоты»-сепаратисты, что и показали заседания второго Континентального конгресса в Филадельфии. Если поначалу, в мае 1775 г., на нём преобладали «умеренные» и королю была послана написанная в примирительном духе «Петиция оливковой ветви», то через год ни о каких компромиссах не могло быть и речи.

4 июля 1776 г. конгресс утвердил «Декларацию независимости», написанную по его поручению самым молодым конгрессменом 33-летним Джефферсоном. В этом важнейшем документе эпохи нашли отражение идеи талантливых деятелей Американской революции — Ли, Франклина, Пейна, С. Адамса, Дж. Адамса. Впервые в истории революционная власть объясняла миру оправданность применения насилия для свержения неугодного народу правительства, а также право на создание нового строя. Декларация стала первым документом, в котором обосновывались «естественные права» и принципы демократического правления. Главным из них объявлялась политическая власть, исходящая от народа и призванная защищать интересы всех граждан.

Именно 4 июля ежегодно празднуется в США как День независимости, хотя после подписания Декларации прошло пять долгих лет до окончательной победы американцев в войне и семь лет до подписания Парижского мирного договора.

К числу наиболее важных событий войны относится битва при Саратоге в октябре 1777 г., когда американские войска окружили и принудили сдаться в плен шеститысячный экспедиционный отряд англичан, вышедший из Монреаля в южном направлении. Во-первых, эта победа придала уверенности молодой американской армии. Во-вторых, она стала поводом для заключения союзного договора между США и Францией, что и решило исход войны. Этот договор о дружбе, торговле, оборонительном союзе, подписанный с американской стороны Франклином, стал первым официальным признанием нового государства. Кроме того, он способствовал активному вовлечению европейских держав в войну против Великобритании. В 1779 г. примеру Франции последовала Испания, а в 1780 г. — Голландия.

Французский флот разблокировал восточные порты США, а в составе американских войск

появились регулярные части и волонтёры практически из всех стран Европы.

Самым знаменитым американским деятелем Войны за независимость стал главнокомандующий американской армией и будущий первый президент Соединённых Штатов Джордж Вашингтон (см. ст. «Джордж Вашингтон»). Человек большого личного мужества, он не терял самообладания даже после тягчайших поражений. Закончить войну ему было суждено в родной Вирджинии. Здесь, при Йорктауне, в октябре 1781 г. состоялась последняя битва Войны за независимость.

Совместными усилиями американских, французских и прусских войск британские части генерала Корнуоллиса были окружены и капитулировали. Сражение закончилось своеобразным парадом: британские солдаты строем, со свёрнутыми знамёнами, вышли из города и прошли мимо стоявших в два ряда победителей. С одной стороны выстроились в своих нарядных мундирах французские, прусские, польские солдаты и офицеры, по другую сторону стояли одетые в обычные кожаные куртки и штаны с индейской отделкой и орнаментом «минитмены» и «милиционеры». Лишь изредка в их пёстрых рядах встречались недавно введённые синежёлтые мундиры американской армии. Оркестр же наигрывал популярные мелодии времён войны, под которые всё большему числу народов предстояло плясать в последующие века: «Янки Дудл» и «Весь мир перевернулся вверх тормашками».

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН

В Южной Дакоте, одном из штатов США, есть огромная гранитная скала, в которой скульптор Борглум высек четыре 20-метровых бюста людей, внёсших наибольший вклад в становление и развитие американской демократии. Открывает этот ряд бюст Джорджа Вашингтона — первого президента США и главнокомандующего американскими войсками в Войне за независимость (1775—1783 гг.). Джордж Вашингтон — один из наиболее почитаемых героев США. Его имя носят столица государства и один из его штатов. Часто Вашингтона называют отцом страны. Какими же славными делами заслужил он столь большую любовь и уважение своих соотечественников?

Будущий первый президент США родился 22 февраля 1732 г. в семье крупного плантатора-рабовладельца в английской североамериканской колонии Вирджиния. Отца звали Августин Вашингтон, мать — Мэри Болл. Августин Вашингтон был человеком энергичным, постоянно заботившимся о расширении своих земельных владений. Маленький Джордж очень любил отца, который умер, когда мальчику было 11 лет. С этого времени опекуном Джорджа становится его сводный старший брат Лоуренс, который вместе со своей женой Анной, происходившей из знаменитого английского аристократического рода Ферфаксов, оказал большое влияние на становление личности будущего президента. Формирование манер и образа мышления Джорджа происходило под сильным воздействием изысканного общества, окружавшего его в доме Лоуренса и Анны. Для молодого Вашингтона это было особенно важно, потому что школу он посещал с перерывами с 7 до 15 лет и полноценного образования не получил. Даже в зрелом возрасте Вашингтон допускал ошибки при письме. Наиболее значительных успехов он достиг в изучении математики, поскольку с детства готовил себя к ведению хозяйства на плантации. С ранних лет Джордж ездил верхом, совершая дальние прогулки и наблюдая за трудом рабов на соседних плантациях. Уже

С. Конг.
Джордж Вашингтон.

в юности Вашингтон прекрасно разбирался в особенностях выращивания табака, разведения домашнего скота.

Зимой 1748—1749 гг. Вашингтон прослушал небольшой теоретический курс в колледже города Вильямсбурга, сдал экзамен и получил свидетельство землемера. Работая следующие два года землемером, Джордж совершал путешествия в дикие неосвоенные районы на западе Северной Америки. Опыт тяжёлой работы научил Вашингтона изобретательности и выносливости, закалил его тело и волю. В это время Джордж заинтересовался вопросом колонизации Дикого Запада, поскольку он присоединился к земельным спекуляциям своего брата Лоуренса. Однако освоение западных территорий в XVIII в. было сложным и опасным делом. Малонаселённый и богатый природными ресурсами Северо-Американский континент представлял интерес для многих европейских стран. Главными же соперниками были Франция и Великобритания, имевшая в Северной Америке 13 колоний. Активно вмешивались в эту борьбу и местные индейские племена, которые использовались французами для нападения на английских колонистов из Вирджинии и Пенсильвании. По этой причине, а также под влиянием рассказов Лоуренса, служившего в английском военно-морском флоте, Вашингтон решил начать военную карьеру. В ноябре 1752 г. его назначили майором ополчения южного района Вирджинии. В течение следующих шести лет, принимая самое активное участие в борьбе с французами и индейцами, совершавшими постоянные набеги на границы английских колоний, Вашингтон дослужился до звания главнокомандующего всеми войсками Вирджинии.

Жизнь Вашингтона неоднократно подвергалась опасностям, но благодаря мужеству и находчивости он с честью выходил из критических ситуаций. Однажды губернатор Вирджинии Динвидди решил отправить Вашингтона во главе маленького отряда в форт Лебеф, чтобы потребовать от французов убраться из долины реки Огайо. Официально Великобритания и Франция были в мире, но приближение войны чувствовалось во всём. Вашингтон со своим отрядом прошёл 800 км в отвратительную погоду по дикой местности к форту Лебеф, где получил вежливый, но твёрдый отказ французов. Обратная дорога превратилась для Вашингтона в настоящую борьбу за выживание. Индейцы повели охоту за скальпами американцев. Когда перебирались на плоту через реку Аллегони, Вашингтон упал в ледяной поток и чудом спасся, схватившись за бревно.

В другой раз Вашингтон, который получил к тому времени звание полковника, принял участие в военной экспедиции против французского форта Дюкень. Командовал походом генерал-майор Брэддок, прибывший из Англии. Этот поход закончился полным разгромом англичан 9 июля 1755 г. Генерал Брэддок был убит, и остатки войск спаслись благодаря хладнокровию и решительности Вашингтона, принявшего командование на себя. После официального объявления 16 мая 1756 г. войны между Великобританией и Францией, получившей впоследствии название Семилетней, Вашингтон принял участие ещё в одном походе против форта Дюкень.

Во время этого похода, закончившегося изгнанием французов из форта, Вашингтон не раз проявлял храбрость и находчивость. Однажды, когда английские войска находились на марше, со стороны авангарда раздались выстрелы. Командующий послал на помощь подкрепление во главе с Вашингтоном. Добравшись до места, Вашингтон увидел, что противника нет, а два отряда, приняв друг друга за французов, открыли огонь. Вашингтон бесстрашно бросился между сражающимися, требуя прекратить огонь и приводя солдат в чувство ударами шпаги по мушкетам и головам.

Отдав защите Вирджинии несколько лет, Вашингтон 1 января 1759 г. покончил, как он думал, навсегда, с военной службой. Ассамблея Вирджинии приняла благодарственный адрес Вашингтону за «верную службу Его Величеству и Вирджинии, мужественное и твёрдое поведение с начала военных действий против французов и индейцев и до отставки после счастливого овладения фортом Дюкень».

Отныне Вашингтон решил полностью посвятить свою жизнь работе на плантации. Ещё в 20 лет Джордж стал владельцем одного из лучших поместий Вирджинии — Маунт-Вернон, которое ему завещал брат Лоуренс, умерший от туберкулёза. Теперь, до начала войны североамериканских колоний за независимость в 1775 г., все заботы Вашингтона были посвящены Маунт-Вернону. К ведению дел на плантации, как и ко всему, чем он занимался, Вашингтон подошёл со всей серьёзностью. Он выписал из Англии огромное количество литературы по сельскому хозяйству и проштудировал её. Вашингтон считал себя лучшим фермером в мире и старался быть на уровне последних научных достижений. Он любил и умел управлять поместьем и всегда был рачительным хозяином. К 1775 г. Вашингтон увеличил свои владения до 25 тыс. га. Убедившись в невыгодности выращивания табака, он стал засеивать свои поля пшеницей и превратился в крупного экспортёра муки в Вест-Индию.

Вашингтон умел не только работать, но и хорошо повеселиться. Он и его жена Марта Кастис вели весёлую светскую жизнь. Подсчитали, что за семь лет (до 1775 г.) Маунт-Вернон посетили более 2 тыс. гостей, большинство из которых оставались в доме обедать или ночевать. Вашингтон всегда уделял большое внимание своей внешности и заказывал лучшую одежду в Лондоне. Самые разнообразные развлечения входили в круг его интересов. С детских лет Джордж выделялся физической силой. Мускулистый, широкоплечий, с длинными руками и ногами, ростом почти 190 см и весом около 100 кг, Джордж Вашингтон всегда был среди лучших в соревнованиях по борьбе. Не только верховая езда, охота на лис и уток, рыбная ловля, но и театр, кукольные

представления, цирк, петушиные бои и выставки животных увлекали его. В плохую погоду Вашингтон мог весь день провести дома, играя в карты или бильярд. Но самой сильной страстью Вашингтона, которая прошла через всю его жизнь, были танцы. Он часто посещал балы, где пользовался большим успехом у женщин.

Так бы, наверное, и провёл свою жизнь Джордж Вашингтон в заботах и развлечениях в поместье, если бы во второй половине XVIII в. не пришли в резкое противоречие экономические интересы североамериканских колоний и Англии. Англия была заинтересована в том, чтобы её колонии поставляли в метрополию сырьё, а взамен получали английские товары. Поэтому она всячески препятствовала развитию промышленности в своих колониях. У Вашингтона, как и у других американцев, идея провозглашения независимости от Англии возникла далеко не сразу. Первый Континентальный конгресс, открывшийся 5 сентября 1774 г. в Филадельфии, принял решение о запрещении ввоза промышленных товаров из Англии. Вашингтон активно поддержал это решение. Подобные действия американцев вызвали ужесточение политики со стороны правительства Англии. В условиях резкого обострения отношений 10 мая 1775 г. открылся второй Континентальный конгресс. На нём Вашингтон был избран командующим всеми континентальными силами, а 21 июня он отправился возглавлять американские войска.

Перед Вашингтоном встала крайне сложная задача. Предстояло вести войну против самой могущественной в то время державы мира. Бесспорно, что конечный успех американцев в борьбе за независимость во многом определился личностью их главнокомандующего. Сильный характер Вашингтона, его умение сохранять доверие армии в любых условиях, вселять уверенность в собственных силах удержали американские войска от полного развала в критические периоды войны. Вашингтон не был великим полководцем, часто терпел поражения в битвах, иногда был повинен в серьёзных военных ошибках. Например, в битве при Лонг-Айленде в 1776 г. из-за неправильного выбора главнокомандующим позиции из 8 тыс. американских солдат были убиты, ранены или попали в плен 6 тыс. человек.

Вашингтон был очень неопытен. Война с французами в диких западных лесах не могла научить его искусству управлять целыми армиями. Однако он сумел проявить себя смелым и энергичным военачальником в сражениях у Трентона и Принстона, в решающей битве при Йорктауне в 1781 г.

Создавая регулярную американскую армию, Джордж Вашингтон столкнулся с огромными трудностями. Приходилось железной рукой наводить дисциплину в войсках. Сам Вашингтон не был жестоким человеком, однако для поддержания порядка в армии он разработал систему наказаний. За пьянство, мародёрство, азартные игры виновных нещадно пороли. Однажды по приказу Вашингтона была сооружена 12-метровая виселица, на которой он написал: «Если необходимо будет поддерживать порядок, я повешу на ней 2—3 человека для примера другим». За дезертирство действительно иногда вешали.

Армия плохо снабжалась одеждой и продуктами. Многие торговцы наживались на поставках в войска. Количество умерших от болезней было не меньшим, чем погибших в боях. Говоря о зимовке армии в 1777—1778 гг. в Вэлли-Фордж, Вашингтон отмечал, что у солдат «нет ни хорошей одежды, чтобы прикрыть свою наготу, ни одеял, чтобы подстелить под себя, ни башмаков, отчего пути всех их походов отмечены кровавыми следами их ног». Находясь в таких условиях, армия всегда была готова к мятежу. Только благодаря авторитету Вашингтона, его энергии и мужеству удавалось избегать её полного развала.

По мере развития военных действий с Англией всё больше американцев, и Вашингтон в том числе, понимали необходимость необходимости отделения колоний от метрополии. 4 июля 1776 г. конгресс принял Декларацию независимости, объявлявшую о возникновении нового государства — Соединённых Штатов Америки. Однако решающий перелом в войне наступил после заключения американо-французского союза весной 1778 г. Французы поставляли американской армии оружие, одежду. Особенно активно организовывал помощь американцам знаменитый французский комедиограф Бомарше. При участии французской армии была одержана решающая победа в битве при Йорктауне. Совершив 750-километровый стремительный марш от Нью-Йорка к Йорктауну, франко-американские войска под командованием Вашингтона окружили и 19 октября 1781 г. заставили сдаться англичан во главе с лордом Корнуоллисом. В плен были взяты свыше 8 тыс. человек, что составляло четверть всех английских войск Северной Америки. После этого война была фактически окончена, хотя резолюцию о её прекращении конгресс принял только 19 апреля 1783 г.

Выйдя в отставку 23 декабря 1783 г., Вашингтон вновь удалился в Маунт-Вернон, намереваясь провести там спокойно остаток жизни. Он с негодованием отверг неоднократные предложения использовать армию для установления в стране монархии, поскольку всегда признавал верховенство гражданской власти над военной и был сторонником республики.

Победив Англию, молодая страна оказалась в крайне сложном положении. С исчезновением военной опасности порвались те узы, которые удерживали вместе 13 американских штатов. Из-за восьмилетней войны ухудшилось финансовое и экономическое положение страны. Чтобы спасти молодое государство, необходимо было принять конституцию, которая законодательно закрепила бы его единство и установила в стране закон и порядок.

Такую конституцию США выработал конвент в Филадельфии, открывшийся 25 мая 1787 г. Вашингтон был единогласно избран президентом

конвента. Хотя он и не был в числе главных создателей конституции, только благодаря твёрдости его характера удалось достичь согласия и в конце концов принять её. По конституции во главе государства должен был стать президент. На прошедших в феврале 1789 г. выборах первым президентом США был избран Джордж Вашингтон.

Вашингтон пробыл на посту президента восемь лет, поскольку в 1793 г. его переизбрали на второй срок. Его президентство было отмечено осторожностью и здравым смыслом, которые всегда отличали Вашингтона. Он стремился находиться в стороне от разворачивающейся партийной борьбы и подчёркивал свою позицию президента всей страны. Велико значение Вашингтона в налаживании работы органов государственного управления. По его инициативе были приняты первые десять поправок к конституции США, названные «Биллем о правах». Они законодательно закрепили основные демократические свободы.

В сентябре 1796 г. Вашингтон обратился к правительству и народу США с посланием, вошедшим в историю как «Прощальное обращение». В этом завещании уходящий на покой президент говорил о необходимости постоянно укреплять единство штатов, бороться с коррупцией, экономно расходовать государственные средства и избегать содержания большой армии. Во внешней политике Вашингтон советовал избегать политических союзов и поддерживать с другими странами только торговые отношения.

Когда закончился второй срок пребывания Вашингтона на посту президента, он удалился в Маунт-Вернон и провёл там в заботах о своих плантациях последние годы жизни. Он умер 14 декабря 1799 г. от простуды.

Основы общественного и государственного устройства США были заложены в ходе войны за независимость и закреплены впоследствии в конституции. Величайшая заслуга первого президента Джорджа Вашингтона перед страной заключалась в том, что под его командованием была одержана победа в борьбе за независимость, а в результате его решительных действий была принята американская конституция. Недаром один из современников сказал, что Джордж Вашингтон был первым на войне, первым в мире и первым в сердцах своих соотечественников.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В середине XIX столетия русский писатель Александр Иванович Герцен, размышляя о событиях Великой французской революции, заметил: «...породив такую эпоху, человечество отдыхает целые столетия». С 1789 по 1815 г. Европа сотрясалась от грохота артиллерии, по дорогам маршировали огромные армии, рушились троны старинных монархий и возникали новые государства. Атлантический океан бороздили мощные эскадры, свирепствовали экономические кризисы...

Источником глобальных потрясений, во многом изменивших лицо мира, стало Французское королевство, считавшееся одним из самых могущественных государств Западной Европы. «Не в истощённой стране, а напротив, в цветущей, полной жизненных сил предстоит разразиться революции», — писал историк Альбер Матье'з.

К 1789 г. во Франции насчитывалось около 25 млн жителей. По уровню развития торговли и промышленности Франция уступала только своей давней и могущественной сопернице Великобритании. Франция была крупной морской и колониальной державой. Ей принад-

Пробуждение третьего сословия. Современная гравюра.

лежали колонии в Африке, Индии и Америке. Бурно развивались портовые города — Марсель на Средиземном море, Бордо, Нант и Гавр на побережье Атлантического океана. Известный английский политический деятель и философ Эдмунд Берк восхищался экономическими достижениями Франции в конце XVIII в.: «...когда я вглядываюсь в облик французского королевства, вижу, сколь многочисленны и богаты его города, сколь полезны и великолепны его широкие дороги и мосты... когда я размышляю над тем, как превосходны её мануфактуры и фабрики, я вижу во всём этом нечто такое, что заставляет трепетать наше воображение и покоряет его...».

С 1774 г. во главе государства стоял король Людовик XVI из династии Бурбонов, обладавший абсолютной властью. Людовик не был тираном. На него сильно повлияла идея «просвещённой монархии», согласно которой властитель должен был в первую очередь заботиться об интересах государства и о благе подданных. Людовик старался это делать, как умел. Вступив на престол, он назначил генеральным контролёром финансов учёного-экономиста Тюрго, поручив ему провести важные реформы. Когда началась война между Великобританией и её североамериканскими колониями, Людовик XVI поддержал восставших. Известный драматург Бомарше основал торговый дом «Горталес и К°», отправлявший необходимые товары и оружие в колонии, а маркиз Лафайет стал ближайшим сподвижником полководца американцев Джорджа Вашингтона в битвах с английскими войсками. Блистательная литература, важнейшие научные открытия, салоны, в которых состязались в красноречии лучшие умы Европы, — таким был Париж на исходе XVIII в., когда столицу Франции начали называть «столицей мира»... Мало кто предвидел тогда, что богатое и сильное Французское королевство живёт на вулкане.

ТРИ СОСЛОВИЯ

Всё население Франции делилось на три сословия. Первые два сословия — духовенство и дворянство — считались привилегированными. Они платили ничтожную часть от общего числа государственных налогов, зато король нередко выделял поистине огромные суммы из бюджета, чтобы покрыть долги расточительных придворных. Самый крупный земельный собственник Франции герцог Орлеанский в канун революции имел долгов на 74 млн ливров. Для сравнения можно отметить, что содержание армии в 135 тыс. солдат обходилось государству в 44 млн ливров в год. Дворяне занимали высшие должности в армии, государственном аппарате и при дворе.

Сторонники дворянских привилегий заявляли: «Дворяне служат королю шпагой, духовенство — молитвой, третье сословие — своим имуществом». К третьему сослоию во Французском королевстве причисляли бóльшую часть населения: крестьян, предпринимателей, ремесленников, работников мануфактур. Именно третье сословие выплачивало львиную долю налогов, за счёт которых содержались королевская семья, двор, органы власти, армия и флот. Богатея, третье сословие обогащало и страну. Но на пути экономического развития стояли сословные привилегии, которые приходилось оплачивать из своего кармана предпринимателям, ремесленникам и крестьянам.

В конце XVIII столетия налоги стали настоящим бедствием для трудового населения королевства. Так, третьему сословию приходилось платить та́лью — налог на владение землёй и имуществом, подушную подать, двадцатину, составлявшую пятипроцентный сбор со всех доходов, а также налоги на предметы широкого потребления, например знаменитый габе́ль — налог на соль. Бюджет страны находился в ужасном состоянии: постоянно увеличивался дефицит (когда расходы государства намного превышают его доходы). Для того чтобы облегчить выколачивание денег из населения, правительство Людовика XVI прибегало к помощи откупщиков. Богатые люди вносили большие суммы денег в королевскую казну, а взамен им давали право собирать налоги в определённых местностях Франции. Стремясь получить прибыль, откупщики действовали при этом куда более сурово, чем государственные чиновники.

Особенно трудно приходилось крестьянству. «Порою на полях мы видим каких-то диких животным мужского и женского пола: грязные, землисто-бледные, иссушенные солнцем, они склоняются над землёй, копая и перекапывая её с несокрушимым упорством... На ночь они прячутся в логова, где утоляют голод ржаным хлебом, водой и кореньями. Они избавляют других людей от необходимости пахать, сеять и снимать урожай и заслуживают этим право не остаться без хлеба, который посеяли», — с горечью отмечал писатель Жан де Лабрюйер. Причина такого бедственного положения крестьянства заключалась в том, что помимо налогов оно вынуждено было нести множество сохранившихся от средних веков повинностей, за счёт которых жили в своих замках дворяне и аристократы. Крестьяне платили сеньору денежную подать — чинш за право пользоваться землёй (земля считалась собственностью сеньора); подать натурой — шампа́р платили за пользование дорогами, мостовыми, за право торговать на ярмарках, даже за разрешение сложить в доме печь. Если между сеньором и его крестьянами возникали имущественные споры, то рассматривал их судья, назначаемый владельцем замка.

Такое общество, в котором причудливо сплелись ростки нового и пережитки старого, получило название «Старый порядок».

Мало кто из представителей третьего сословия мечтал о свержении королевской власти. Бóльшая часть французов требовала только справедливого распределения налогового бремени. Заставить платить налоги дворян и священников — таков был самый популярный лозунг в канун революции.

ПРИРОДНОЕ РАВЕНСТВО

Ожесточённые споры о смысле и значении Французской революции начались с первых её шагов. Лидер британских консерваторов Э. Берк упрекал революционное правительство в том, что оно «строит без фундамента», т. е. осуществляет полное разрушение старого государства вместо того, чтобы опираться на опыт предшествующих времён в проведении преобразований. Почтенный джентльмен несколько ошибался, ибо лидеры новой Франции самых различных направлений, от Мирабо до Робеспьера, исходили в своей политической деятельности из опыта, накопленного в результате Английской революции и Американской войны за независимость.

В средневековом обществе можно было сколотить значительное состояние, будучи простым крестьянином, ремесленником или купцом, но очень трудно было сберечь свою собственность. Сеньор, пользуясь привилегиями «благородного», мог запросто пустить по миру своего вассала, а королевская власть устанавливала налоги, не советуясь со своими подданными и не учитывая их интересов. Такое положение вещей вызывало протест, а нередко и вооружённое сопротивление. Английская революция началась с попыток короля Карла I устанавливать налоги без одобрения парламента, а американские колонии восстали после того, как Лондон распорядился облагать все торговые сделки и рекламные объявления гербовым сбором. Идеологи революционных движений, стремясь обосновать неприкосновенность собственности, нажитой честным трудом, противопоставляли разделению общества на привилегированную аристократию и «подлый народ» теорию «природного равенства» людей. Если от природы люди рождаются равными, то и их политические и экономические права должны быть равны. Такие идеи встречались уже в составленной Т. Джефферсоном и принятой американским конгрессом «Декларации независимости».

Продолжая эту традицию борьбы за «права человека» против принципа сословных привилегий, Учредительное собрание приняло 26 августа 1789 г. знаменитую «Декларацию прав человека и гражданина», первая статья которой гласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Под правами человека составители Декларации подразумевали «свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

На протяжении веков власть считалась священной, дарованной Богом представителям древних правящих династий. Отвергнув аристократические привилегии, авторы Декларации отказались и от Божественного права власти. Единственным источником власти является воля народа, которую он выражает через своих выборных представителей, давая им полномочия принимать законы и устанавливать налоги.

Чтобы обезопасить свободу и собственность человека от произвола государства, были приняты две статьи 7-я и 17-я. 7-я статья отменяла право французских королей без суда подвергать многолетнему тюремному заключению любого из своих подданных: «Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и при соблюдении форм, предписанных законом». Последняя статья Декларации была посвящена защите права собственности: «Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишён её иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения».

«Декларация прав человека и гражданина» заложила основы современного европейского государства — государства правового, в котором отношения между гражданами и между человеком и государством регулируются при помощи законов, а не традиций или грубой силы.

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

Если к Людовику XVI подданные относились либо снисходительно, либо равнодушно, то его жену Марию-Антуанетту, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии, ненавидели люто. Острые на язык парижане называли Марию-Антуанетту «единственным мужчиной в королевской семье». Эта гордая, ослепительно красивая молодая королева куда больше, чем её супруг, верила в божественное право монархов править народами, как им вздумается. Страстная любительница карточной игры и дорогостоящих увеселений, Мария-Антуанетта, узнав о том, что бедняки голодают, с презрительной усмешкой бросила: «Раз у них нет хлеба, пусть едят пирожные». Французы прозвали королеву «мадам Дефицит», обвиняя в первую очередь Марию-Антуанетту и её любимцев в бессмысленных тратах денег из государственной казны. На стенах парижских домов стали появляться надписи: «Если хлеб не подешевеет, а министра не сменят, мы истребим короля и весь род Бурбонов».

Осторожный Людовик XVI, обеспокоенный финансовым кризисом, несколько раз пытался, пользуясь силой и авторитетом королевской власти, заставить привилегированные сословия раскошелиться. Эти попытки неизменно вызывали бурные протесты как со стороны родовитой знати — «дворянства шпаги», так и со стороны чиновников — «дворянства мантии». В 1783 г. генеральным контролёром финансов стал Шарль Калонн. Он предложил королю установить единое налогообложение всех земель королевства: церковных, дворянских и крестьянских. Для того чтобы провести в жизнь свои замыслы, Калонн посоветовал Людовику XVI созвать нота́блей — представителей аристократии и верхушки духовенства, которые, по замыслу генерального контролёра, должны были поддержать реформу. Однако 144 нотабля, собравшиеся в феврале 1787 г. в Версале, обвинили Калонна в коррупции и разбазаривании казённых средств. Финансист был вынужден бежать в Англию.

В то же время правительство Людовика XVI натолкнулось на сопротивление высших судебных органов королевства — парламентов, среди которых главную роль играл Парижский парламент. Он отказался внести в свои протоколы указы Людовика о едином для всех сословий земельном налоге. В этом случае, по французским законам, королевские указы не могли вступить в силу. Попытки власти разогнать непокорные парламенты встретили ожесточённое сопротивление со стороны привилегированных сословий. Между королём и дворянством началась борьба за влияние на третье сословие. Представители «дворянства шпаги» и «дворянства мантии» обвиняли Людовика в деспотизме.

Король решил созвать Генеральные штаты — представительство всех сословий, не собиравшееся с 1614 г. По совету министра Неккера он предоставил третьему сословию половину мест в Генераль-

ных штатах, чтобы иметь противовес враждебно настроенным дворянским депутатам. Один из идеологов третьего сословия Сиейес в январе 1789 г. выпустил брошюру, в которой писал: «Что такое третье сословие? Всё. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? Ничем. Чего оно требует? Стать кое-чем в политическом отношении».

5 мая 1789 г. открылись Генеральные штаты. Депутаты от третьего сословия нарушили все расчёты королевской власти и дворянской оппозиции, сразу проявив себя как самостоятельная политическая сила. 17 июня они провозгласили Генеральные штаты Национальным собранием. Наиболее дальновидные депутаты-дворяне и часть духовенства перешли на сторону третьего сословия. С этого момента началось разделение французского народа на «аристократов» — сторонников сохранения абсолютной монархии и «патриотов», объединивших в своих рядах республиканцев и тех, кто стремился законодательно ограничить власть короля.

Людовик XVI отправил к взбунтовавшимся депутатам своего придворного — маркиза де Брезе с приказом разойтись. Один из вельмож, объединившихся с депутатами от третьего сословия, граф Мирабо угрожающим тоном заявил де Брезе: «Пойдите, скажите тем, кто вас послал, что мы здесь находимся по воле народа и покинем наши места лишь под натиском штыков». Столкнувшись с таким непокорством, король отдал распоряжение отряду своих лейб-гвардейцев разогнать депутатов силой. Но против королевских солдат встали стеной с обнажёнными шпагами несколько десятков дворян во главе с маркизом Лафайетом. Людовик вынужден был отступить.

9 июля 1789 г. Собрание, объявив себя Учредительным, провозгласило своё право на разработку и принятие высшего государственного закона — конституции. Королевский двор забил тревогу. Мария-Антуанетта и братья Людовика требовали от него решительных действий. К Парижу было стянуто около 20 тыс. солдат из наёмных швейцарских и немецких полков под командованием маршала Брольи. Французские войска были ненадёжны: уже несколько раз они отказывались выполнять приказы и разгонять волнующееся население. Неккер был немедленно отправлен в отставку. Первый министр короля барон де Брейтель заявил: «Если нужно будет сжечь Париж, мы сожжём Париж».

ОТ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ ДО БЕГСТВА КОРОЛЯ

12 июля, после того, как парижане узнали об отставке Неккера, в городе начались беспорядки. Народ вооружался, королевская гвардия перешла на его сторону. 14 июля парижане и гвардейские части осадили знаменитую королевскую тюрьму — Бастилию. После перестрелки тюрьма была взята, а её коменданту маркизу де Лонэ отрубили голову, насадили на пику и как трофей носили по улицам города.

Узнав о взятии Бастилии, король растерянно промолвил: «Но ведь это бунт». Герцог де Лианкур почтительно возразил Людовику: «Нет, государь, это революция!». Решающее слово было сказано.

История развела в разные стороны тех, кто 14 июля находился в Версале. Часть аристократов во главе с королём попыталась приспособиться к происходящим событиям. 15 июля Людовик прибыл в Учредительное собрание, заявил об отзыве наёмников, отправил в отставку Брейтеля и Брольи и торжественно прикрепил к шляпе красно-бело-синюю кокарду (значок), ставшую символом победы революции и присоединения к ней короля. Начальником Национальной гвардии, сформированной во время восстания, стал маркиз Лафайет.

В это время известный военачальник принц де Конде эмигрировал за границу, поставив себе целью вооружённую борьбу с революцией. Вскоре страну покинули также братья короля — граф д'Артуа и граф Прованский.

После падения Бастилии королевство было мгновенно охвачено огнём революции. Крестьяне захватывали замки своих сеньоров, жгли долговые расписки, отказывались выполнять старинные повинности. В городах третье сословие брало власть в свои руки. «Патриоты» всюду побеждали, а «аристократы» переживали время, получившее название «Великий страх». Началось их массовое бегство за границу.

26 августа 1789 г. Учредительное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина», в статье 1-й которой говорилось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Так третье сословие закрепило за собой политические права, которых оно было лишено ранее.

Слухи о готовящемся контрреволюционном перевороте будоражили население Парижа. 5 октября 1789 г. колонны ремесленников, лавочников, рабочих и их жён, поддержанные Национальной гвардией, двинулись к Версалю. На следующий день огромные толпы ворвались в королевский дворец. Чтобы предотвратить кровопролитие, Людовик XVI дал согласие переехать в столицу. Король и его семья стали заложниками победившей революции.

Учредительное собрание было расколото на различные политические группировки, основными среди которых считались роялисты — сторонники сохранения сильной монархической власти, а также сторонники конституционной монархии во главе с Мирабо и Лафайетом. Конституционные монархисты опирались на Якобинский клуб, собрания членов которого с осени 1789 г. проходили в библиотеке монастыря Святого Якова. В бывшем монастыре Ордена францисканцев расположился Клуб кордельеров (название клуба произошло от слова «корда» — верёвка, которой

Жан Поль Марат.
Неизвестный художник.

подпоясывались монахи-францисканцы). Среди ораторов Клуба кордельеров выделялись адвокат Жорж Дантон и журналист Камилл Демулен, призывавшие не доверять королевскому двору, его явным и тайным сторонникам. Ещё более резкие статьи на эти темы печатались в газете Жана Поля Марата «Друг народа». В одной из своих статей Марат писал: «Начните с того, чтобы захватить короля, дофина (наследника престола. — *Прим. ред.*) и королевскую семью, поставьте их под сильную охрану, и пусть они отвечают за всё собственными головами. Отрубите затем без всяких колебаний головы контрреволюционным генералам, министрам и бывшим министрам... Теперь, когда вы неразумно позволили вашим неумолимым врагам составлять заговоры и накапливать свои силы, возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты!».

В это время депутаты Учредительного собрания своими декретами постепенно превращали абсолютную монархию в конституционную. Декретами от 8 и 10 октября 1789 г. был изменён старинный титул французских королей. Раньше он звучал как «милостью Божьей король Франции и Наварры», а отныне — «милостью Божьей и в силу конституционного закона государства король французов». Согласно новым законам, король являлся главой исполнительной власти, тогда как власть законодательная принадлежала Законодательному собранию. Своих министров король выбирал сам, но только не из числа депутатов Собрания, чтобы исключить возможность подкупов. Король не мог самостоятельно объявлять войну и заключать мир. Он обладал правом «вето» (приостановки) на некоторые декреты и законы. Расходы на содержание короля, его семьи и двора были ограничены строго определённой суммой.

Городам предоставлялось самоуправление. Особым законом Париж был разделён на 48 секций, составляющих Коммуну (общину), возглавляемую комиссарами секций. Исчезли прежние провинции, губернаторства, сенешальства. Отныне Франция делилась на 83 департамента, которые именовались по названиям гор и рек и управлялись выборными органами. Была решена и мучительная для населения налоговая проблема. Остались всего три вида налогов: на землю, на движимое имущество и на доходы от частного предпринимательства.

Декретом от 19 июня 1790 г. было отменено наследственное дворянство, титулы и гербы. Французы стали называть друг друга «гражданин» и «гражданка». В стране возник «Фонд национальных имуществ», который формировался из конфискованных у церкви, короля и аристократов земельных владений. Крестьянам и городской буржуазии разрешили покупку земельных участков на льготных условиях. Несмотря на экономический кризис, обесценивание денег и голод, значительное число энергичных буржуа и крестьян сумело обогатиться. Именно эта часть французской нации составляла опору революционных преобразований.

Всеобщего избирательного права во Франции ещё не было. Избирателями в государственные органы могли быть только «активные граждане», которые платили налоги размером не менее среднего десятидневного заработка. Менее состоятельные французы, лишённые избирательных прав, именовались «пассивными».

Часть «дворянства шпаги», «дворянства мантии» и крупных предпринимателей, теперь торжественно именовавших друг друга «гражданами и добрыми патриотами», были вполне удовлетворены произошедшими изменениями в экономике и государственном строе. Их главной задачей с 1791 г. становится прекращение дальнейшего нарастания революции. Один из их лидеров Антуан Барнав прямо сказал об этом: «Ещё один шаг был бы актом гибельным и преступным, ещё один шаг по пути свободы означал бы ниспровержение королевской власти, а по пути равенства — уничтожение собственности».

Сам того не подозревая, гибельный шаг сделал Людовик XVI. Не желая мириться с ролью почётного заложника, поддавшись на уговоры Марии-Антуанетты, король и его семья в ночь

с 20 на 21 июня 1791 г. бежали из Парижа. Королева — как горничная баронессы Корф, вдовы полковника русской службы, а её лакеем переоделся сам король. Королевская чета направлялась к бельгийской границе, где располагалась армия маркиза Буйе, верного сторонника династии Бурбонов. Однако в местечке Сен-Менегу сын местного почтмейстера Жан Батист Друэ, бывший королевский драгун, опознал Людовика и успел предупредить администрацию города Варенна, куда стремились беглецы. Жители Варенна задержали карету. Когда Людовика и Марию-Антуанетту под конвоем везли обратно в Париж, их карету с изысканной придворной вежливостью приветствовал граф Дампьер. Крестьяне набросились на него, убили и водрузили голову на пику.

25 июня 1791 г. короля привезли в Париж. Столица встретила Людовика ледяным молчанием, изредка прерывавшимся криками: «Республика! Республика!». Члены Клуба кордельеров возглавили многочисленные массы парижан, требовавших свержения монархии. 17 июля на Марсовом поле проходил многотысячный митинг. Лафайет привёл туда несколько батальонов Национальной гвардии и приказал открыть огонь. Около 50 митингующих были убиты. Сторонники конституционной монархии объявили, что Людовик не бежал, а был похищен. После этого король поспешил утвердить конституцию и 14 сентября присягнул ей.

Давид.
Смерть Марата.

МОНТАНЬЯРЫ И ЖИРОНДИСТЫ

1 октября 1791 г. открылось Законодательное собрание, депутаты которого сразу разделились на четыре крупные политические группировки. Одну из них составляли фельяны (их сторонники заседали в монастыре Фельянов) — приверженцы конституционной монархии. Им противостояли депутаты-жирондисты (большинство их было избрано от департамента Жиронды) и монтаньяры (в переводе с французского это слово означало «горцы» — они занимали самые верхние скамьи в зале заседаний Собрания). Жирондисты защищали интересы промышленников, судовладельцев и торговцев крупных портовых городов Франции — Марселя, Бордо, Нанта. Лидеры этой группировки во главе с Бриссо выступали за максимальное освобождение экономики от контроля со стороны правительства, за предоставление департаментам широких прав автономии. Монтаньяров, среди которых выделялся Максимилиан Робеспьер, поддерживали широкие народные массы и мелкая буржуазия. Самая многочисленная группировка состояли из «независимых» депутатов, колебавшихся между фельянами и жирондистами.

В это время Австрия, Пруссия и несколько небольших германских государств готовились к борьбе против революции. 27 августа 1791 г. австрийский император Леопольд II и прусский король Фридрих Вильгельм II подписали в саксонском замке Пильниц декларацию, в которой заявляли, что готовы применить «самые действенные средства, чтобы предоставить французскому королю возможность укрепить в условиях полной свободы основы монархического правления». Пильницкая декларация хотя и не означала немедленного объявления войны Франции, но явилась угрозой для тех политических сил, которые не считали революцию законченной.

Жирондисты настаивали на том, чтобы опередить врагов и начать военные действия первыми. Их, весьма неожиданно для многих, поддержал Людовик XVI. 16 марта 1792 г. он назначил на важнейшие министерские посты сторонников жирондистов. 20 апреля король явился в Собрание и при почти всеобщем ликовании предложил объявить Австрии войну. У него был свой план. Людовик знал, что армия находится в почти небоеспособном состоянии. На это король и рассчитывал: «Физическое и моральное состояние Франции таково, что она не сможет выдержать в этой войне и половину кампании... Моё поведение должно быть таково, чтобы в несчастьи нация видела спасение только во мне». Привести страну к военной катастрофе и, воспользовавшись этим, укрепить королевскую власть — вот что задумал Людовик.

28 апреля 1792 г. три французские армии вторглись в Бельгию, которая была владением австрийской короны. Французские войска состояли из королевских полков и батальонов добровольцев, плохо вооружённых и почти необученных. Австрийцы быстро нанесли им ряд поражений. В войну с Францией вступило и Прусское королевство. В рядах пруссаков маршировали части корпуса принца де Конде, в основном состоявшие из дворян-эмигрантов, являвшихся верными сторонниками династии Бурбонов. Писатель Рене де Шатобриан, некоторое время сражавшийся в рядах эмигрантских полков, вспоминал: «Я видел стариков дворян, с суровыми лицами, с сединой в волосах, в рваном платье, с ранцем за плечами, с ружьём за спиной, которые брели, опираясь на палку, поддерживаемые под руку кем-нибудь из сыновей...».

Воспользовавшись военными неудачами, король отправил в отставку жирондистских министров. Этот его шаг вызвал возмущение многих политиков и народа. 11 июля 1792 г. Собрание приняло декрет, гласивший: «Граждане! Отечество в опасности!» и призывавший добровольцев на защиту страны. 1 августа в Париже стал известен текст манифеста командующего прусской армией герцога Фердинанда Брауншвейгского, который требовал от французов восстановления «законной власти», угрожая Парижу в случае неповиновения «военной расправой и полным разрушением».

Население Парижа давно уже не доверяло своему «доброму королю». Манифест герцога только ускорил ход событий. Давно назревшее восстание возглавили комиссары Коммуны Парижа. 10 августа около 20 тыс. повстанцев с артиллерией начали штурм Тюильрийского дворца, в котором жила королевская семья. Верными Людовику до конца остались лишь 900 швейцарских гвардейцев и около 300 дворян — «рыцарей Святого Людовика». Большую часть из них восставшие перебили. Людовик с семьёй укрылся в здании Законодательного собрания.

13 августа по требованию Коммуны Парижа королевская семья была заточена в замке Тампль. Восстание 10 августа круто изменило соотношение политических сил в стране. Группировка фельянов распалась. Один из её вождей, Лафайет, пытался направить армию на Париж, но солдаты отказались ему подчиняться. Лафайет хотел бежать в Америку, но был захвачен австрийцами и посажен в тюрьму. В Законодательном собрании и правительстве главную роль стали играть жирондисты. Депутаты назначили выборы в Национальный учредительный конвент, который должен был провозгласить республику и принять новую конституцию.

Поверженный кумир.
Гравюра 1793 г.

«В 1792 году Париж выглядел уже совсем не так, как в 1789 и 1790 годах, — отмечал современник событий. — Толпа перестала быть шумной, любопытствующей, суетливой — она стала грозной. На улицах попадались только испуганные да свирепые лица; одни люди жались к домам, чтобы проскользнуть незамеченными, другие бродили в поисках добычи; встречные либо боязливо опускали глаза и отворачивались от вас, либо впивались в вас взглядом, пытаясь разгадать ваши секреты и прочесть ваши мысли». Изменился даже внешний вид прохожих. На смену старинным кафтанам и пудреным парикам пришла одежда санкюлотов. Санкюлотами во Франции в XVIII столетии называли массы небогатого городского населения, носившего, в отличие от крупных буржуа и придворных, длинные штаны. Одежду санкюлота в 1792 г., состоящую из длинных штанов и куртки из грубого сукна, дополнял красный колпак, а за поясом многие носили пару пистолетов.

В это время прусская армия и части эмигрантов осадили Верден. Возникла непосредственная угроза Парижу. Дантон, занимавший пост министра юстиции, взял на себя организацию обороны. Выступая в Законодательном собрании, он говорил: «Часть народа отправится на границу, другая останется здесь рыть окопы, третья, вооружённая пиками, будет защищать наш город изнутри». Среди парижан давно говорили о заговорах контрреволюции. С быстротой молнии распространился слух о том, что все подозрительные граждане, заключённые в тюрьмы, готовились поднять восстание, пользуясь поддержкой извне. Со 2 по 5 сентября толпы вооружённых санкюлотов и национальных гвардейцев врывались в тюрьмы, безжалостно истребляя заключённых. Опьянение убийством было так велико, что убивали без разбора уголовных преступников и политических, женщин и детей.

20 сентября две французские армии генералов Дюмурье и Келлермана заняли позицию у деревни Вальми. Они встретили шеренги прусской пехоты яростной артиллерийской канонадой. Осмотрев боевые линии французов, герцог Брауншвейгский решил: «Здесь мы не будем сражаться», — и отдал приказ к отступлению. Великий германский поэт и писатель Гёте, находившийся в рядах прусской армии, в тот день сказал: «С этого момента и с этого дня начинается новая эра в истории мира».

В день «начала новой эры» в Париже открылось заседание Национального конвента, где сразу же развернулась ожесточённая борьба между жирондистами и монтаньярами. Главным объектом политических споров стали жизнь бывшего короля и судьба монархии. Один из первых декретов гласил: «Национальный конвент единогласно постановляет, что королевская власть во Франции упраздняется». Французская республика объявлялась единой и неделимой, а нарушителям единства грозила смертная казнь. Этот декрет, принятый по настоянию монтаньяров, был направлен против жирондистов.

После провозглашения республики монтаньяры, активно поддерживаемые большинством парижан, потребовали казни Людовика Капета — так стали называть бывшего короля. Депутат Грегуар с трибуны Конвента утверждал: «Короли в моральном отношении представляют собой то же самое, что уроды в физическом; двор — это мастерская преступлений, очаг разврата и логово тиранов». Жирондисты пытались спасти жизнь Людовика, но безуспешно. Мрачную, кровавую сторону революции для всех современников символизировала гильотина — орудие казни, которое применялось для отсечения головы жертвы тяжёлым ножом, падавшим с большой высоты. Название «гильотина» произошло от имени её изобретателя Гильотена.

Разоблачённый аристократ.
Политическая карикатура.

21 января 1793 г. нож гильотины отсёк голову королю. Чтобы подчеркнуть свой разрыв с прошлым, Конвент в октябре 1793 г. ввёл республиканское летосчисление, начинавшееся с 22 сентября 1792 г. — первого дня Республики. Были изменены даже названия месяцев.

Поражения, которые потерпели французские армии от австрийцев весной 1793 г., заставили Конвент избрать Комитет общественного спасения во главе с Дантоном, который должен был руководить обороной республики. Авторитет жирондистов неуклонно падал. Этим воспользовались монтаньяры и Коммуна Парижа. Второго июня отряды Национальной гвардии окружили Конвент и под дулами пушек вынудили

Людовик XVI.

депутатов лишить полномочий жирондистов во главе с Бриссо, большинство из которых было после этого арестовано и казнено.

Падение жирондистов привело к власти наиболее радикально настроенную часть монтаньяров — членов Якобинского клуба. Утверждая, что для победы над армиями европейских монархий и внутренней контрреволюцией нужна сильная власть, якобинцы установили во Франции свою диктатуру, опираясь на поддержку мелкой буржуазии и санкюлотов.

Высшим законодательным органом республики оставался Конвент. Исполнительной властью руководил Комитет общественного спасения, опиравшийся на Комитет общественной безопасности и Революционный трибунал. Лидером Комитета общественной безопасности стал Робеспьер (см. ст. «Мирабо и Робеспьер»).

Комитет общественной безопасности пытался решить три главные проблемы: уничтожить несогласных с его политикой внутри страны, создать многочисленную и боеспособную армию и обеспечить население продовольствием в условиях экономического кризиса.

Якобинская диктатура столкнулась с ожесточённым сопротивлением внутри страны. В 60 из 83 департаментов полыхали восстания, поднятые роялистами и жирондистами. Многие из французов, искренне приветствовавших революцию 1789 г., не желали терпеть деспотической власти революционного правительства после королевского. В июле 1793 г. Шарлотта Кордэ заколола кинжалом Марата, считая его главным виновником расправ с противниками диктатуры. Но смерть Марата заставила якобинцев ещё более ужесточить свою политику.

«ВЕЛИКИЙ ТЕРРОР»

В 1794 г. были изданы декреты, положившие начало «великому террору». В этих декретах появился термин «враги народа». Врагами французского народа объявлялись «все, кто будет содействовать замыслам врагов Франции, преследуя патриотов и возводя на них клевету, все, кто будет стараться лишить их мужества и развратить нравы, нарушить чистоту и силу революционных принципов, все те, кто какими бы то ни было средствами и под какой бы то ни было личиной будет покушаться на свободу, единство, безопасность Республики или стараться помешать её упрочению».

Расплывчатое понятие «враги народа» якобинцы использовали не только для того, чтобы уничтожать настоящих роялистских заговорщиков, но и для расправы с популярными политиками, угрожавшими их власти. Первоначально нож гильотины обрушился на тех, кто считал действия Комитета общественного спасения недостаточно решительными. Один из вождей Клуба кордельеров, редактор популярной газеты «Отец Дюшен» Эбер, выступивший с призывом к восстанию, и 13 его сторонников были обезглавлены 24 марта 1794 г. Через несколько дней, 5 апреля, на помост гильотины взошли Дантон, Демулен и их приверженцы, получившие прозвище «снисходительных». Дантон давно уже выступал против крайностей террора, советовал заключить мир с внешним неприятелем. Во время суда он бросил в лицо членам Революционного трибунала: «Это я приказал учредить ваш подлый трибунал: да простят мне Бог и люди!». После казни «снисходительных» власть сосредоточилась в руках трёх человек: Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.

Во главе военного бюро Комитета встал Лазарь Карно, которого называли «организатор победы». В армиях республики была проведена беспощадная чистка среди офицеров и генералов. «Подозрительные» отправились в тюремные камеры или на гильотину. На командные должности выдвигались совсем молодые люди из народа. Так, 24-летний Гош, сын конюха, встал во главе армии. Набор в ряды войск из добровольного был превращён в обязатель-

Революционная символика.

ный. Старые батальоны королевских солдат слили с батальонами новобранцев, соединив, таким образом, военный опыт и революционный энтузиазм. К началу 1794 г. в 14 армиях числилось около 642 тыс. человек. Республиканские генералы начали применять в сражениях новую тактику колонн и рассыпного строя. Длинные неповоротливые шеренги австрийской и прусской пехоты французские стрелки осыпали пулями, укрывшись в складках местности, а затем колонны линейных полков шли в штыковую атаку, сметая всё на своём пути. Армии республики вторглись в Бельгию, Голландию, вели бои на Рейне, в Италии, на границе с Испанией, неся на своих штыках революционные лозунги: «...новая Франция, славная своими новыми свободами, гордая даже своими преступлениями, прочно стояла на своей земле, продолжая при этом расширять свои границы с помощью двойного оружия — топора палача и шпаги солдата».

29 октября 1793 г. Конвент принял «законы о максимуме». Отныне цены на зерно, муку, фураж, соль, мыло и многие другие предметы первой необходимости могли увеличиваться только на одну треть от цен 1790 г. Одновременно устанавливался и максимум заработной платы. По всей стране рассыпались отряды республиканских войск, конфискуя спрятанное продовольствие и отправляя спекулянтов на гильотину. Робеспьер и его сторонники пытались превратить нацию в сплочённый коллектив мелких собственников, в котором нет места ни роскоши, ни нищете. Пытаясь реализовать эту идею, якобинцы мешали населению пользоваться всеми плодами экономической свободы, полученной в результате свержения монархии. Голод и спекуляция стали спутниками диктатуры Комитета общественного спасения.

Когда миновала угроза военного вторжения и внутренней контрреволюции, большинство членов Конвента стали выражать затаённое недовольство политикой Комитета общественного спасения. Предпринимателям мешали законы о максимуме, политикам угрожал террор, военных стеснял контроль со стороны комиссаров Конвента, являвшихся по большей части людьми Робеспьера и Сен-Жюста.

Руководство Комитета общественного спасения почувствовало, что зреет заговор, но не успело его предотвратить. 9 термидора (27 июля) II года Республики (1794 г.) во время заседания Конвента были арестованы Робеспьер и его сторонники. Вооружённые отряды нескольких секций Коммуны Парижа освободили диктаторов из-под ареста, но ночью руководитель заговора Баррас с верными людьми захватил городскую ратушу, где укрывались Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон. На следующий день они были гильотинированы без суда.

* * *

Падение якобинской диктатуры не означало крушения революции. Различные политические группировки, пришедшие к власти после 9 термидора, начали поиск нового диктатора — «сильной шпаги», который смог бы предотвратить и реставрацию монархии, и возвращение к власти сторонников Робеспьера. В это время взоры политиков всё чаще обращались к армии. Только она в условиях хаоса и экономического кризиса могла защитить интересы новых собственников, обогатившихся в период 1789—1794 гг. Через пять лет кандидат в новые диктаторы определился: им стал дивизионный генерал Бонапарт.

МИРАБО И РОБЕСПЬЕР

О графе Оноре Габриэле Рикети де Мирабо современники не могли говорить равнодушно. Его ненавидели, перед ним преклонялись. Русская императрица Екатерина II Великая, прочитав знаменитое дореволюционное сочинение Алексея Николаевича Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», раздражённо записала на полях книги: «Тут вмещена хвала Мирабоа, который не единой, но многие висельницы достоин». В это время толпы парижан приветствовали графа криками: «Да здравствует Мирабо — отец народа!».

Мирабо стал одним из самых ярких представителей просвещённых вельмож второй полови-

Мирабо.

ны XVIII столетия. Его гениальная проницательность и пороки, громадная сила воли и необузданность характера были выкованы «безумным и мудрым» веком Просвещения.

Огромное влияние на будущего духовного вождя Французской революции оказал отец, маркиз Виктор Рикети де Мирабо. С 1747 г. одна за другой появлялись его книги, в которых подвергались резкой критике королевская власть, налоговая и финансовая система Франции. Взбешённый Людовик XV заключил маркиза-литератора в Венсенский замок, а затем повелел безвыездно пребывать в своём имении.

9 марта 1749 г. в замке Биньон появился на свет Оноре Мирабо. Когда Мирабо исполнилось 18 лет, отец выбрал для него службу младшего лейтенанта в кавалерийском полку, расположенном в провинциальном городе Сенте. Участвуя в кутежах, Оноре быстро наделал долгов. Чтобы избавиться от докучливых кредиторов, молодой граф в 1768 г. дезертировал из полка, бежав в Париж. Суровый отец потребовал от короля примерного наказания строптивца, и Оноре заключили в крепость на острове Ре, а затем отправили воевать на Корсику в составе драгунского полка. Мирабо много путешествует, посещает Берлин, где беседует с прусским королём Фридрихом Великим, пишет книги.

Через некоторое время Мирабо, помирившийся с отцом, появляется в Версале. Силач громадного роста, с громоподобным голосом, остроумец и кутила, Оноре привлекает внимание придворных дам и кавалеров. За словом в карман он не лезет. Однажды принц де Конти, желая смутить Мирабо, обращается к нему с вопросом:

— А что ты сделаешь, если тебе дадут пощёчину?

В ответ Мирабо холодно ответил ошарашенному принцу:

— Этот вопрос мог бы быть затруднительным лишь до изобретения пистолета и обмена двумя выстрелами.

Но Мирабо предстояли дуэли куда более серьёзные — со всей королевской властью, а потом и с могучей революцией.

18 ноября 1787 г. Мирабо записал: «Франция созрела для революции». В следующем году он принимает решение избираться в депутаты Генеральных штатов от Прованса. Монархически настроенное дворянство отвергает Мирабо, и тогда он предпринимает гениальный политический ход: предлагает свою кандидатуру третьему сословию. Буржуазия, ремесленники, крестьяне с восторгом приняла в свои ряды графа.

9 июля 1789 г., когда большая часть депутатов Генеральных штатов объявила себя Учредительным собранием, Мирабо произнёс свою знаменитую отповедь маркизу де Брезе. С этого момента он становится одним из главных трибунов (ораторов) и вождей революции (см. ст. «Великая французская революция»).

Никогда и нигде так не ценилось ораторское искусство, как во Франции в 1789—1794 гг., когда силой слова создавались и уничтожались политические партии, а иногда и решались вопросы жизни и смерти. Знаменитый писатель Франсуа Рене де Шатобриан оставил впечатляющую зарисовку выступлений Мирабо: «Глубокие оспины на лице оратора напоминали следы ожогов. Казалось, природа вылепила его голову для трона или для виселицы, выточила его руки, чтобы душить народы или похищать женщин. Когда он встряхивал гривой, глядя на толпу, он останавливал её; когда он поднимал лапу и показывал когти, чернь бежала в ярости».

Идеалом Мирабо до конца его дней была конституционная монархия (т. е. монархия, где власть короля ограничена законом — конституцией). Он поддерживал Учредительное собрание, аплодировал падению Бастилии, неукротимо бичевал королевский двор, презирал Людовика XVI, говоря о короле: «Он не знает, ни что он может, ни что он хочет, ни что он должен».

Однако, когда во Франции были отменены титулы, Мирабо продолжал подписываться «граф де Мирабо», заявляя, что вся Европа знает его под этим титулом. Он не мог забыть, как бывал при дворе, разъезжал в каретах и охотился с королём. Он требовал, чтобы его величали графом; дорожил своим гербом и одел лакеев в ливреи как раз тогда, когда все перестали это делать. В одном из его писем королю есть такая фраза: «Я не хотел бы увидеть, что трудился ради одного лишь разрушения».

Эти поступки не были простыми прихотями и чудачествами надменного аристократа. Большинство тех дворян, кто в июне 1789 г. перешли в стан третьего сословия, после падения Бастилии всё чаще начинают задумываться о том, куда идёт революция и что она принесёт им, потомкам знатных и славных родов.

Когда Мирабо, Лафайет и другие дворяне участвовали в работе Генеральных штатов и Учредительного собрания, создавали Национальную гвардию, требовали от Людовика XVI вывести из Парижа швейцарских и немецких наёмников, они вдохновлялись памятью о том периоде французской истории, когда короли правили совместно с представителями знати. Абсолютная королевская власть окончательно оформилась в стране только во второй половине XVII в., после жестоких гражданских войн, в которых многие аристократы сложили свои головы на плахе, под топором королевского палача. Теперь их потомкам представилась возможность восстановить свою политическую и личную независимость. Конечно, Мирабо не забыл, как его отцу и ему самому лучшие свои книги приходилось публиковать анонимно, дабы избежать монаршего гнева. Мирабо не забыл камеру в крепости на острове Ре и многое другое. Он и его сторонники не возражали и против того, чтобы третьему сословию не мешали зарабатывать деньги.

Когда 6 октября 1789 г. толпы парижан пришли в Версаль, требуя хлеба, Мирабо увидел другую Францию: измученную, мрачную, озлобленную

не только против королевской власти, но и против имущих классов. Управлять этой Францией при помощи одних только блестящих речей было невозможно. В тот день Мирабо усмирил толпу своим львиным рычанием: «На каком основании позволяют здесь диктовать нам законы?!». Но надолго ли хватит его влияния? Просвещённые аристократы опасались республики, которая для многих в XVIII столетии означала принудительное равенство и уравнительный раздел собственности. Подобного развития событий «отец народа» желал избежать во что бы то ни стало.

С октября 1789 г. Мирабо посвящает свой политический талант делу спасения королевской власти. Он уверен в том, что Людовик XVI — конституционный король, «первый гражданин страны» — вынужден будет передать ему бразды правления Францией. После версальских событий он подаёт королю секретную записку, в которой предлагает ему покинуть Париж и за его пределами созвать новое Национальное собрание — Конвент, подтвердив все завоевания революции. Первоначально двор отверг советы ненавистного графа. Но Мирабо продолжал свои попытки сблизиться с королевской четой через доверенное лицо королевы Марии-Антуанетты — графа де ла Марка. С апреля 1790 г. он становится главным тайным советником Людовика XVI по политическим вопросам, получая за свои услуги колоссальные суммы денег. Так ушли в прошлое его вечное безденежье и долги. Трибун революции поселяется в верхнем этаже роскошного особняка. Одна из важных услуг, оказанных Мирабо престолу, заключалась в том, что он помог тёткам Людовика XVI эмигрировать из революционной Франции в Турин.

В марте 1791 г. Мирабо серьёзно заболел. Врачи ошиблись в диагнозе, приняв тяжелейшую болезнь перитонит за дизентерию. Утром 2 апреля больному стало немного легче, он поудобнее устроился на подушках и пробормотав: «Спать, спать, спать», — закрыл глаза. Так к Мирабо пришла смерть.

Ему не суждено было увидеть штурм королевского дворца Тюильри, казнь короля и королевы, гибель на плахе своих друзей и врагов. Ему не суждено было дожить до того дня, когда в покоях Людовика будут обнаружены его секретные письма и ударами тяжёлых молотов станут разбивать его бюсты во всех больших и малых городах Франции. В 1814 г. брат казнённого короля граф Прованский, принявший титул Людовика XVIII, подпишет Конституционную хартию, ограничивавшую монархическую власть. О Мирабо не вспоминали. Но наперекор временному забвению Шатобриан записал: «Среди стольких репутаций, стольких актёров, стольких событий, стольких развалин уцелеют только три человека, воплощающих три великие революционные эпохи: Мирабо, Робеспьер, Бонапарт...».

Максимилиан Робеспьер не любил Мирабо. Когда он упоминал о знаменитом графе, то ему всегда изменяла объективность. В мае 1789 г., когда Мирабо находился в зените славы, Робеспьер в одном из своих писем отметил, что «граф Мирабо играет ничтожную роль, его дурная нравственность лишала всякого к нему доверия». Родовитый аристократ, авантюрист, кутила и прожигатель жизни и не мог вызвать симпатию у человека, который всю свою жизнь поставил на службу «добродетельных граждан», заслужив у них прозвище Неподкупный.

Максимилиан Робеспьер родился 6 мая 1758 г. в городе Аррасе провинции Артуа в семье адвоката королевского суда Франсуа Робеспьера. Беззаботное детство закончилось, когда Максимилиану исполнилось семь лет. Тогда умерла его мать, а отец навсегда покинул Францию. Дед сумел определить Робеспьера в колледж (училище) Людовика Великого, где воспитанников готовили для поступления на юридический факультет Сорбонны. В 1780 г. Максимилиан заканчивает знаменитый университет и получает степень бакалавра права.

Юный Максимилиан читал то же, что и большинство его образованных современников. На его письменном столе лежали тома французских философов-просветителей Монтескьё и Вольтера, Гельвеция и Дидро. Но душой будущего юриста овладел только один автор — Жан-Жак Руссо.

Робеспьер.
Неизвестный художник.

Только у Руссо мог прочесть Робеспьер яростную критику частной собственности: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: "Это моё!" — и нашёл людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберёг бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: "Остерегитесь слушать этого обманщика, вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!"».

Руссо не предлагал полного искоренения частной собственности, но считал, что законной является только собственность, приобретённая трудом. Состояния, накопленные финансовыми махинациями, наследственные земли родовитых аристократов — вот настоящий источник зла.

В конце 1781 г. поклонник Руссо возвращается в тихий провинциальный Аррас. Новый адвокат исполнен прогрессивных идей; он часто вступает в конфликты с почтенным господином Либорелом — старейшиной аррасской адвокатуры, защищает имущественные интересы крестьян в их спорах с епископом. Созыв Генеральных штатов заставляет Робеспьера взяться за перо. Его брошюра о необходимости коренных реформ в провинции Артуа имеет успех, и в апреле 1789 г. он становится депутатом Генеральных штатов.

Начало парламентской карьеры Робеспьера было неудачным. Его ораторские способности уступают мастерству Мирабо, Лафайета и других трибунов. Над Максимилианом громко смеются в зале, его голоса не хватает, чтобы перекричать шумных депутатов. Робеспьер не отступает. Раз за разом он поднимается на трибуну — невысокого роста, в синем камзоле, с ослепительно белым кружевным жабо.

Робеспьер ещё не творит революцию. Он, как и большинство депутатов, — сторонник конституционной монархии, а республика ему кажется прекрасной мечтой, далёким будущим. Но одно этот провинциальный адвокат усвоил твёрдо и не даёт забывать своим коллегам — источником власти является народ: «Следует помнить, что правительства, какие бы они ни были, установлены народом и для народа, что все, кто правит, следовательно и короли, являются лишь уполномоченными и представителями народа...».

В этот период большинство депутатов Учредительного собрания много говорят о единстве народа, стремясь сгладить различия между его классами и слоями. Верный последователь Руссо, Робеспьер был одним из немногих, кто решительно стал на сторону городских низов — санкюлотов. Обращаясь к лидерам революции, он заявляет: «Самая невыносимая из всех — аристократия богатых, гнёту которой вы хотите подчинить народ, только что освободившийся от гнёта... аристократии». Недоверие Максимилиана к республиканской форме правления как раз и связано было с тем, что он долгое время видел в республике всего лишь власть «новых богачей», успевших сколотить состояния в первые месяцы революции: «Что мне до того, что мнимые патриоты рисуют мне перспективу залить Францию кровью, чтобы освободиться от монархии, если на её развалинах они не хотят установить суверенитет нации и гражданское и политическое равенство? Я предпочитаю видеть народное представительное Собрание и граждан, пользующихся свободой и уважением при наличии короля, чем рабский и униженный народ под палкой аристократического сената и диктатора».

Бегство короля заставляет Робеспьера решительно изменить свои взгляды: он становится бескомпромиссным республиканцем. В это же время у него зарождается идея революционной диктатуры, направленной как против реставрации абсолютной монархии, так и против крупной буржуазии: «Надо спасти государство каким бы то ни было образом; антиконституционно лишь то, что ведёт его к гибели». Вновь и вновь Максимилиан в своих речах выступает против войны внешней и доказывает необходимость войны внутренней, направленной против «врагов революции». Обращаясь к лидеру жирондистов — умеренных революционеров — Бриссо, Неподкупный бросает ему упрёк: «Есть ли у нас внутренние враги? Вам они не известны, вы знаете только Кобленц (город, в котором концентрировались эмигранты — сторонники вооружённой борьбы с революцией. — *Прим. ред.*)... Так знайте же, что, по мнению всех просвещённых французов, настоящий Кобленц находится во Франции».

Робеспьер решительно требует казни Людовика XVI, заявляя, что беспокоиться о юридических формальностях — значит поддерживать контрреволюцию: «Народы судят не как судебные палаты; не приговоры выносят они. Они мечут молнию; они не осуждают королей, они погружают их в небытие».

После падения жирондистов Робеспьер, уже близкий к вершинам власти, записывает в дневнике: «Нужна единая воля... Внутренняя опасность исходит от буржуазии: чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ». Отныне вся политическая деятельность Робеспьера оказывается подчинённой этой идее: сплотить народ вокруг решительных революционеров — якобинцев, уничтожить «внутренний Кобленц». С 27 июля 1793 г., когда Робеспьер вошёл в состав Комитета общественного спасения, начинается недолгий, но насыщенный событиями период кровавого террора и вместе с тем блестящих побед Республики.

Первоначально основной удар террора был направлен против аристократов и жирондистов. Казалось, что разгром контрреволюции превратит Францию из страны, раздираемой гражданской войной, в монолит. Но, когда начались успехи республиканских армий, выяснилось: внутри якобинской группировки нет столь желаемого Робеспьером единства. Ряд революционеров во главе с Эбером требовали от Робеспьера и его сторонников ещё более решительного натиска на буржуазию. Их

призывы своей утопичностью и фанатизмом заставили Максимилиана предпринять решительные меры: головы лидеров эбертистов скатились в корзину под ударами гильотины. Внезапно запротестовал близкий друг Неподкупного Дантон: «То, что делает наше дело слабым, — это суровость наших принципов, пугающих многих людей».

Дантона поддержал Камилл Демулен, талантливый журналист, опубликовавший остроумный памфлет против диктатуры и лично Робеспьера. Обоих Комитет общественного спасения отправил на гильотину. А ещё на эшафот поднимались священники, бывшие дворяне, торговцы, нарушившие законы о максимуме (см. ст. «Великая французская революция»), неугодные поэты...

Парижские санкюлоты рукоплескали этим казням, 14 республиканских армий шли от победы к победе, но жизнь во Франции не становилась легче. В стране свирепствовали экономический кризис, безработица, голод. Робеспьер не понимал, как можно спекулировать хлебом, когда голодают дети; он не понимал, как можно заниматься скупкой и перепродажей имущества и земель бывших аристократов, когда революции угрожают могущественные враги. Всех тех, кто был не так бескорыстен в личной жизни, как он сам, Неподкупный считал аморальными людьми и главной угрозой для Республики. «Слово „добродетель" вызывало смех Дантона», — с возмущением говорил Робеспьер. Все, кто имел слишком много денег в кошельке, были для убеждённых якобинцев «подозрительными», а это уже означало смертный приговор.

Большая часть Франции устала от диктатуры Комитета общественного спасения. Поля, мануфактуры, корабли и витрины магазинов властно требовали свободы предпринимательства — такой, чтобы богатство не надо было ни от кого прятать. Даже некоторые коллеги Робеспьера по Комитету и Конвенту втайне давно и успешно занимались коммерцией. Замысел Неподкупного со временем превратить Францию в страну «добродетельных» мелких собственников, живущих только своим трудом, был отвергнут большинством якобинцев, уставших от вереницы казней.

Когда 27 июля 1794 г. Робеспьер поднялся на трибуну Конвента, чтобы разоблачить очередной заговор, депутаты своими криками просто не дали ему говорить. Тогда же арестованный диктатор сказал: «Республика погибла! Настало царство разбойников!». На следующий день Робеспьер и его сторонники взошли на помост гильотины, как всходили до этого Бриссо, Эбер, Дантон... Перед казнью Дантон заметил: «Революция пожирает своих детей».

Робеспьер оставил после себя залитую кровью Францию. Но это была страна победоносных армий, страна, в которой возрождение абсолютной королевской власти оказалось невозможным.

НАПОЛЕОН И ЕГО ИМПЕРИЯ

Наполеон Бонапарт, одна из ярчайших фигур Нового времени, родился 15 августа 1769 г. в городе Аяччо на острове Корсика.

Корсика только что стала французским владением. Отец Наполеона, дворянин Карло Буонапарте (именно так первоначально звучала итальянская фамилия Наполеона), вместе с корсиканским героем Паоли сражался против французских завоевателей, но потом предпочёл мирную жизнь. Паоли назвал его за это предателем.

Несмотря на своё дворянское происхождение, семья Буонапарте жила очень скромно, даже бедно. Восьмерых детей надо было обучить и вывести в люди. Троим старшим повезло. Первого сына, Жозефа, отец отправил учиться на адвоката во Францию, второго, Наполеона, пристроил в Бриеннскую военную школу, тоже во Францию, дочь Элизу отдал в пансион. Все они жили и учились за казённый, т. е. государственный, счёт.

Во Франции Наполеону приходилось тяжело. В отличие от своих богатых французских сокурсников он не имел модного мундира и денег на развлечения. Поэтому будущий император старался держаться подальше от шумных компаний однокашников. Всем привозили из дома подарки — Наполеон их не получал. У семьи Буонапарте не было средств даже для того, чтобы сын мог приехать домой на каникулы. Наполеон говорил по-французски с сильным итальянским акцентом, что вызывало злые насмешки его товарищей. По всем этим причинам у юноши практически не было друзей, и он с рвением занимался учёбой. Будущий полководец очень любил математику, читал книги по истории, географии, увлекался современной и античной литературой.

Науки давались ему удивительно легко. Затруднения вызывали только иностранные языки. Но настойчивость помогла справиться и с этим. В 1784 г. его перевели в Парижскую военную школу, лучшую в стране. Успешно завершив курс наук, Наполеон в 1785 г. был направлен из школы в гарнизон в городе Валансе в чине младшего лейтенанта артиллерии.

В этом же году его постигло тяжёлое горе: умер отец. На плечи 16-летнего юноши легла ответственность за всю семью.

В 1789 г. началась Великая французская революция. Париж разносил по всем уголкам страны желанное и непонятное слово «свобода». Пала Бастилия, и была принята «Декларация прав человека и гражданина». Многие с удивлением узнавали, что «люди рождаются и остаются свободными и

равными в правах», которые, оказывается, у них есть. Франция кипела страстями.

Наполеон с восторгом принял свершившееся. Страстный патриот Корсики, он жаждал свободы для своего маленького острова и поспешил домой. Пламенный революционер, примчавшийся осчастливить Корсику духом свободы, с удивлением заметил равнодушие и даже злорадство по поводу «неразберихи на континенте». Не унывая, Наполеон разукрасил свой дом в Аяччо лозунгами: «Да здравствует нация! Да здравствует Паоли! Да здравствует Мирабо!». Но и французская нация, и кумир Парижа Мирабо оставили корсиканцев равнодушными. Вот Паоли — это независимость, это было понятно.

Наконец явился и герой-освободитель Паоли. Наполеон, который ещё в училище написал историю Корсики и её борьбы за свободу, попытался снискать расположение своего кумира. Но напрасно. Паоли не забыл «предательство» отца Наполеона, Карло Буонапарте, и не собирался прощать это даже его сыну. Наполеон нёс идеи французской революции, у Паоли же были несколько иные планы. В общем, Наполеон стал политическим и личным врагом своего бывшего кумира. Ему пришлось, спасаясь от ареста, ночью бежать по горной тропе на другой конец острова. В 1791 г. будущий император уехал вместе с семьёй с Корсики во Францию и больше никогда не возвращался на родной остров.

Жан Антуан Гро.
Наполеон Бонапарт на Аркольском мосту.

В 1793 г. Франция находилась в очень тяжёлом положении. Коалиция — союз европейских государств — объявила ей войну. Враги наступали с севера и с юга. В порте Тулон вспыхнул роялистский мятеж. Город захватила испанская эскадра, союзные с ними англичане собирались начать наступление на юг Франции.

Осада Тулона французской революционной армией длилась 2 месяца, но взять его так и не удалось. В это время Буонапарте в письме к военному министру Бушоту предложил направить его в Рейнскую армию. Но военный комисар Конвента Соличетти назначил его командиром батареи при штабе армии юга. Он поручил майору Бонапарту командовать артиллерией в армии, осаждавшей Тулон. 14 декабря артиллерия открыла огонь по укреплениям противника. Канонада продолжалась 15 и 16 числа, 16 же был осуществлён штурм форта Малый Гибралтар, во время которого Бонапарт получил осколочное ранение 17 декабря начался штурм Тулона. К вечеру 18 декабря Тулон пал. У Наполеона были все основания сказать, что «артиллерия действовала удачно». Французская республика присвоила ему чин бригадного генерала. Генералу было всего 24 года.

9 термидора (27 июля) 1794 г. произошёл государственный переворот. Правительство якобинцев было свергнуто и казнено. Их сторонников преследовали. Генерал Буонапарте оказался в их числе. Ему не удалось избежать ареста, и в августе 1794 г. он около двух недель провёл в заключении.

В 1795 г. героя Тулона вспомнили. В вандемьере (сентябре) вспыхнул роялистский мятеж в Париже. Правительство Франции поручило Наполеону подавить его. 13 вандемьера, расстреляв из пушек роялистов, он восстановил спокойствие в столице.

В нём стали нуждаться. После двух лет нищеты и полного забвения он опять почувствовал себя на коне.

Генерал Бонапарт (больше не Буонапарте) как истинный француз предложил правительству план завоевания Италии. Весной 1796 г. он начал итальянскую кампанию.

Северная Италия тогда находилась частью под властью Австрии, а частью входила в королевство Сардинии (Польша). Первое сражение произошло в горах, у деревушки Монтенотто. И французская армия выиграла его. «Мы начинались с Монтенотто», — с гордостью говорил потом Бонапарт. Другие крупные сражения с австрийской армией (при Лоди, Арколе, Риволи) также закончились победой. Позднее в «Дневнике о. Св. Елены» Наполеон писал: «Вандельер и даже Монтенотто не побуждали ещё меня смотреть на себя как на необыкновенного человека. Только после Лоди у меня появилась мысль, что я мог бы сделаться, пожалуй, решающим лицом на нашей по-

литической арене. Первая искра честолюбия появилась тогда». Французские войска взяли Венецию. Австрийцы запросили мира. Генерал Бонапарт подписал мир самостоятельно. Париж вынужден был это одобрить, потому что он был единственным генералом, одерживавшим столь блистательные победы. Знамёна разгромленных армий ложились к ногам восхищённой Франции, бесчисленные трофеи текли рекой. Бонапарт стал самым популярным человеком.

В 1798 г. он вернулся в Париж с мирным договором и проектом новой кампании, Бонапарт предложил завоевать Египет, находившийся в вассальной зависимости от Оттоманской империи.

Директория (так называлось с 1797 г. французское правительство) охотно согласилась поддержать план генерала. Кому же нужен в столице популярный полководец с преданной армией? На этот раз ему дали всё: вооружение, флот, обмундирование, припасы — только бы убрать с глаз долой. «Военное счастье изменчиво, а вдруг он погибнет», — с надеждой думали директоры.

В 1798 г. Наполеон высадился в Египте. Ряд удачных сражений у пирамид закончился тем, что мамлюки Мурад-бея, главнокомандующего в Египте, янычары и формирования арабских ополченцев потерпели сокрушительное поражение. Но французским кораблям пришлось встретиться с английским флотом под командованием адмирала Нельсона, и морская битва в Абукирском заливе закончилась для французов катастрофой. Связь с Францией была блокирована. Длительная осада крепости Сен-Жан-д'Акр в Сирии убедила Наполеона в бесперспективности продолжения этой кампании. Но вывезти армию не было никакой возможности, а из Франции приходили тревожные слухи: генерал Суворов практически свёл на нет все победы Бонапарта в Италии; Директория не в состоянии контролировать ситуацию, над страной снова нависла угроза иностранного вторжения.

Ещё в Италии Наполеон решил, что подчиняется Директории только временно и что настанет день, когда он сам будет управлять страной. Похоже, что этот день приближался. Бонапарт тайно покинул Египет, оставив истощённую армию на генерала Клебера. С огромным риском, так как каждую минуту мог появиться английский флот, он добрался до Франции. Триумф был полный. Франция с восторгом приветствовала героя Италии и Египта. Членам Директории ничего не оставалось, как только принять его с распростёртыми объятиями. И Бонапарт начал действовать.

18—19 брюмера (9—10 ноября) 1799 г. он совершил государственный переворот. Несколько раз всё висело на волоске. Но Наполеон победил. Он был провозглашён первым консулом сначала на 10 лет, а в 1802 г. — пожизненно.

Чтобы закрепить победу, первый консул решил восстановить свои завоевания в Италии, вновь отняв её у Австрии. 14 июня 1800 г. произошло сражение при Маренго, закончившееся блистательной победой. Италия снова принадлежала Франции. В 1802 г. заключён мир с Англией. Народ ликовал. Можно было наслаждаться мирной жизнью после стольких удачных побед.

Однако звание консула, даже пожизненное, уже не устраивало Бонапарта. Он хотел большего. 18 мая 1804 г. Наполеон принял титул императора французов. Собственноручно возложив на себя корону 2 декабря 1804 г., он решил завоевать мир. Для этого была нужна война. Повод не заставил себя ждать. Наполеон вызвал возмущение всей монархической Европы, расстреляв члена бывшей французской королевской семьи герцога Энгиенского. Кроме того, он поссорился с Александром I, императором российским. На Францию ополчилось больше половины Европы. Но теперь во главе страны стоял человек, который хотел войны. «Война была настолько его стихией, что, когда он готовил её или вёл, то всегда производил впечатление человека, живущего полной жизнью».

Против Франции выступили армии крупнейших государств того времени — Австрии и России, которых поддерживали менее сильные страны: Королевство обеих Сицилий, Савойя и др. Англия блокировала Францию с моря. Первое решающее сражение между союзниками и армией Наполеона состоялось 2 декабря 1805 г. при Аустерлице. Сокрушительнейшее поражение русской и австрийской армий привело к тому, что Австрия вынуждена была заключить сепаратный (частичный) мир с Францией. В 1806 г. под Иеной Наполеон разгромил прусскую армию, полностью выведя Пруссию из войны. С 1806 г. все дружественные Франции страны должны были присоединиться к континентальной блокаде, которую император объявил против Англии, так как по-другому бороться с ней не мог. Наполеон объявил Неаполитанское королевство несуществующим, изгнал из него короля, введя французские войска, и посадил на опустевший трон своего брата Жозефа. Остальные братья тоже не были обойдены при раздаче корон. «Пусть не думают, что я собираюсь выпрашивать трон для кого-нибудь из своих: у меня хватит тронов, чтобы раздавать их моей семье», — говорил император. Маршалы Наполеона стали владетельными герцогами. «Делатель и разделыватель королей», как называл Наполеона принц де Линь, действительно раздавал титулы направо и налево, что позволило потом русским без особого уважения относиться к герцогскому и королевскому достоинству его генералов и маршалов.

Императору осталось «разобраться» с одной Россией. В начале 1807 г. французская армия в сражении под Фридландом добилась существенного преимущества, и два императора, русский и французский, встретились в Тильзите для заключения мира. После этой встречи Наполеон заявил: «Я могу всё».

И Европа вновь задрожала от марша колонн старой гвардии Наполеона. Австрия и Испания, новые войны, новые жертвы — сколько погибших во славу Франции и императора! За него,

BONAPARTE

только для того, чтобы он, может быть, их заметил, жертвовали жизнью французские солдаты. Они делали невозможное, проявляли чудеса храбрости, гибли тысячами, но всё же сокрушали армии великих держав и, наконец, швырнули обессилевшую Европу к ногам своего кумира.

Кроме Англии, неприступной на своём острове, и Испании, горевшей огнём партизанской войны против французов, у Наполеона не осталось противников в Европе. На многих престолах сидели его братья или родственники, остальные государства благоразумно держали нейтралитет или были в полной зависимости от воли императора Франции. Оставалась одна Россия.

В июне 1812 г. «двунадесятиязыкая» — многонациональная, набранная почти со всей Европы 600-тысячная (огромная численность для того времени) Великая Армия вторглась в Россию.

Первым крупным сражением была битва под Смоленском. Затем русская и французская армии встретились возле села Бородино. После жестокой битвы русские войска отступили, и поле боя осталось за французами. Наполеон вступил в Москву, считая себя победителем. Но Россия отказалась подписать мирный договор. Во французской армии, деморализованной мародёрством и бездействием, начался голод. Приближалась зима с непривычными для французов морозами. И великий полководец впервые отступил. Сражение под Малоярославцем заставило его уходить по разорённой старой Смоленской дороге, т. е. тем же путём, каким он и пришёл. В результате этого отступления огромная армия в 600 тыс. человек растаяла.

Спасти её было нельзя, и Наполеон, оставив войска на своих генералов, вернулся в Париж. Собрав новую армию, он попытался остановить русское наступление в Европе. Однако осмелевшие европейские государства решили присоединиться к России. В октябре 1813 г. произошла «битва народов» под Лейпцигом. На этот раз против французской армии выступили войска коалиции почти всех европейских государств. Наполеон потерпел сокрушительное поражение, несмотря на ряд выигранных им сражений. Союзники вошли в Париж. Наполеон принял яд, но тот не подействовал. Загнанный в Фонтенбло, он не мог оказать сопротивление коалиции и вынужден был подписать отречение от престола: «Император Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он готов оставить трон, покинуть Францию и даже уйти из жизни для блага Родины».

Бонапарт был отправлен на остров Эльба в Средиземном море, императором которого он и был провозглашён. Его былая мощь внушала уважение, и отнять титул у него не посмели.

В Вене собрался конгресс государств — участников войны с Наполеоном. Францию вернули в дореволюционные границы. Были восстановлены на троне Бурбоны, свергнутые в 1793 г. Отменить все результаты революции новое правительство побоялось. Но страну наводнили вернувшиеся дворяне, которые не желали понять, что пути назад уже нет. Их заносчивость и наглость раздражали армию и народ, открыто сожалевших об императоре.

Наполеон с далёкого острова Эльба пристально следил за событиями во Франции. Ему было всего 45 лет, и в нём клокотала неистовая корсиканская кровь.

В феврале 1815 г. с небольшим отрядом он покинул остров Эльбу и 1 марта высадился во Франции.

Народ встречал своего кумира ликованием. Почти все войска, высланные остановить свергнутого императора, перешли на его сторону. Уже первая встреча с солдатами короля показала, кому в действительности принадлежит армия. Наполеон, безоружный, подошёл к сомкнутым рядам: «Солдаты, вы меня узнаёте? Кто из вас хочет стрелять в своего императора? Стреляйте!». Солдаты, расстроив ряды, бросились к Наполеону. Они плакали от восторга, падали на колени, целовали его руки. Никто никогда не имел над ними такой власти. Наполеон мог быть циничным, грубым, неблагодарным, высокомерным, бестактным со своими приближёнными, он пожертвовал ради своей славы несколькими сотнями тысяч жизней, уничтожил независимость половины стран Европы, но для солдат всегда оставался их «маленьким капралом», которого они любили с грубоватой и наивной нежностью.

Наполеон в течение всего 20 дней покорил Францию без единого выстрела. Интересны заголовки парижских газет тех дней, меняющиеся в зависимости от продвижения императора к столице: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан» — «Людоед идёт к Грассу» — «Узурпатор вошёл в Гренобль» — «Бонапарт занял Лион» — «Наполеон приближается к Фонтенбло» — «Его императорское величество ожидается сегодня в своём верном Париже». 20 марта 1815 г. Наполеон, окружённый свитой, въехал в столицу. Такого триумфа он ещё не знал. Даже самые громкие его победы не встречали с таким буйным ликованием, как возвращение в Париж. Начались знаменитые «Сто дней» правления императора.

Венский конгресс, ещё не успевший договориться о разделе Европы, был потрясён быстротой и лёгкостью, с какими его злейший враг опять утвердился в Париже. Наполеона объявили врагом человечества. Против Франции опять ополчилась вся Европа. Англия, Австрия, Пруссия, Швеция, Россия бросили свои войска на мятежную страну. И снова Наполеон должен был сражаться. 18 июня 1815 г. состоялась битва при Ватерлоо в Бельгии, которую французская армия проиграла. Впрочем, даже если бы Наполеон и выиграл сражение, это мало бы что изменило.

Давид.
Наполеон на перевале Сен-Бернар.

Единственный и последний шанс императора был в возвращении к революционным принципам, но этого он не мог и не хотел сделать. «Я не хочу быть королём Жакерии», — заявил он, хотя прекрасно понимал, что его «средства были слишком не в уровне с опасностью». Поэтому Наполеон отказался от сопротивления.

Вторично ему уже не оставили титула императора и предпочли отправить как можно дальше от Европы, на остров Святой Елены, под надзор англичан.

Шесть долгих лет томился «пленник Европы» на маленьком острове в Тихом океане, страдая от мелочных придирок губернатора Гудсона Лоу, отягощённый воспоминаниями о своём былом величии. Он писал мемуары, пытаясь проанализировать свой жизненный путь и причины падения.

5 мая 1821 г. Наполеон Бонапарт скончался, завещав своему сыну помнить главный девиз: «Всё для французского народа». Последними его словами были: «Франция... Армия... Авангард...».

Наполеон остался национальным героем Франции. Он пережил свою эпоху, однако притягательная сила его судьбы ещё долго будет будоражить умы, потому что «она есть не что иное, как символ человеческой жизни с её молодостью, устремлением в будущее...» (Юрий Олеша).

В 1840 г. прах Наполеона был перевезён с острова Святой Елены и под ликующие крики французов, встречавших возвращение останков императора, похоронен в Доме Инвалидов в Париже.

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

18 мая 1804 г. сенатским указом управление республикой было передано императору Наполеону I. Тогда же им были назначены высшие государственные и военные чины. В армии вводилось высшее звание, которое отменила революция, свергнув власть короля, — маршал Франции. Этот чин получили 18 наиболее достойных полководцев французской армии.

В 90-е гг. XVIII в., когда Франция вела беспрерывные революционные войны, на первый план быстро выдвигались молодые и талантливые военачальники. За 3—4 года они достигали вершин славы, пройдя путь от сержанта до дивизионного генерала и становясь командующими армиями. Именно им республика была обязана многими славными победами. Правда, молодые генералы недолго оставались на своих высоких постах. Военное счастье капризно. Ещё более капризными оказались сменявшие друг друга правительства. После малейшей неудачи способные полководцы клали свои головы под нож гильотины. Ещё немного — и лишился бы жизни один из талантливейших генералов Лазар Гош, получивший это звание в 25 лет.

Политическая нестабильность не единственное, что угрожало молодым военным. Преждевременная гибель на поле боя от шальной пули, смерть от рук фанатиков или сверхчеловеческое напряжение сил вырывали лучших из их рядов. Так погибли Марсо (1796 г.), Жубер (1799 г.), Дезе (1800 г.), Клебер (1800 г.) и тот же Гош (1797 г.). Все они могли бы с успехом соперничать в славе с Бонапартом, если бы судьба не распорядилась иначе.

Но и среди тех, кто перешёл на его сторону после переворота 18 брюмера, оказались знаменитые военачальники, имена которых Франция узнала задолго до Наполеона. Именно они в первую очередь стали маршалами: грубоватые и простодушные Лефевр и Журдан, отличившиеся ещё в 1792 г.; хитрый, жадный и фантастически талантливый Массена, показавший себя достойным соперником Суворова; вечно интригующий гигант Ожеро, вызывавший тайные опасения Директории; седой Келлерман, первым принёсший победу Французской республике при Вальми в 1792 г., и др.

Не забыл Наполеон и своих генералов, которые прошли с ним через огонь Итальянской кампании и побывали в Египте. «Когорта Бонапарта», подобранная и воспитанная самим императором, блистала своими талантами ничуть не меньше, чем седые герои нации. Бертье, Мюрат, Даву, Ланн с полным правом получили звание маршалов Франции.

С начала консульства и уж тем более с начала империи Франция вела беспрерывные войны. Почти всю историю наполеоновских походов можно было проследить по титулам маршалов: Ланн — герцог де Монтебелло, Массена — князь Эсслингский, Бертье — князь Ваграмский, Даву — герцог Ауэрштедтский князь Экмюльский.

Наполеон высоко ценил таланты своих военачальников. Доходы их росли год от года, все маршалы стали владетельными герцогами и князьями. Но и цена, которую приходилось платить за почёт и милости, сыпавшиеся как из рога изобилия, была очень высокой — жизнь. Своей кровью расплачивались они за привилегированное положение. Раны, которых у всех маршалов было предостаточно, и война вырывали из их рядов лучших. В 1809 г. погиб Лассаль, который должен был стать маршалом со дня на день. В том же году был убит Ланн, смерть которого оказалась невосполнимой потерей для армии.

Почти все высшие чины в армии Наполеона не получили специального военного образования. Их знания и навыки пополняла сама жизнь. Пёстрый социальный состав генералитета, где аристократы соседствовали с простолюдинами, давал импера-

ру основание утверждать, что в каждом солдатском ранце лежит маршальский жезл.

Генералы и маршалы Франции, возвращаясь в Париж после долгой разлуки с ним, давали выход своей кипучей энергии. Постоянные скандалы, о которых подробно сообщал «Монитор» в разделе светской хроники, разгромы ресторанов, дуэли, фантастические проигрыши, скачки, карты — вот далеко не полное описание «особенностей» досуга большинства высших армейских чинов. Отдыхом это можно было назвать с трудом. Но люди, которые проводили дома лишь недели и привыкли любому закону противопоставлять грубую силу, не считались с приличиями. Они ворвались в высший свет, словно ураган, и устанавливали собственные правила поведения. Огромные деньги, которые они оплачивали своей кровью, казались им смехотворными. Форменный грабёж, который учинили в Испании Массена и Сульт, поражал своей беспредельностью. Всё становилось его объектом: церкви, богатые дома, королевские дворцы. Старый контрабандист Массена не остановился и перед нарушением проводимой Наполеоном политики континентальной блокады, получив с этого доход более 6 млн франков.

Маршал Журдан после взятия Вены.
Музей в Версале.

Наполеон удивительно умел угадывать людей с выдающимися способностями. Ни одного его маршала нельзя назвать бездарью, получившей чин благодаря происхождению или родству, как это было во всех других государствах. Не удивительно, что армия Франции побеждала. К своим военным Наполеон предъявлял исключительные требования: точное выполнение поставленной задачи, умение проявлять инициативу и работать на износ. Не многие выдерживали такое напряжение. Первым «сломался» Массена — один из наиболее активных и талантливых маршалов. Длительные походы, постоянные лишения подорвали здоровье этого немолодого уже полководца.

Маршалов связывало скорее военное братство, чем дружба (взаимная нелюбовь не была редкостью). Своеобразная кастовость высших военных чинов заставляла их держаться вместе и особняком от остальных государственных деятелей. Любые нападки или несправедливость по отношению к кому-либо из них вызывали бурю протеста, с чем император не мог не считаться. Но такое единство проявлялось только по отношению к властям. Соперничество из-за славы делало их порой непримиримыми врагами. В одной из операций, в которой участвовали Мюрат и Ланн, Наполеон похвалил лишь одного, поставив победу в заслугу ему. С тех пор гасконцы почти перестали разговаривать друг с другом. Массена, своим огромным талантом вызывавший неприкрытую зависть, чуть не пал жертвой клеветы, которую возвели на него Сюше и Сульт.

Неудачная кампания 1812 г., когда французская армия практически перестала существовать, а лучшие военачальники были деморализованы, сказалась и на боевых действиях 1813 г. Осыпанные ласками и милостями императора, давно получившие всё, о чём только можно мечтать в военной карьере, — славу, деньги, титулы, — маршалы утратили боевой задор. То, что было хорошо в молодости, когда вся жизнь впереди, оказалось тягостным и ненужным к 40 годам. Усталые и озлобленные, утомлённые частыми капризами вошедшего в роль повелителя мира постаревшего императора, они почти все после отречения Наполеона перешли на службу к королю Людовику XVIII. Да и отречься Наполеона тоже заставили они, отказавшись (может быть, в первый раз в жизни!) умирать за своего императора.

При королевской власти все маршалы сохранили свои чины и звания. Казалось, ничто не нарушит спокойной жизни, к которой они так стремились. И вдруг в 1815 г. Наполеон высадился во Франции. Против него были брошены войска, которыми командовали его соратники, те, кто был обязан ему очень многим. Большинство из них оставались

Ожеро.

Массена.

в душе бонапартистами и слишком хорошо помнили своё революционное прошлое, чтобы выступать на стороне короля против вернувшегося Наполеона. Уже почувствовавшие высокомерие и презрение роялистов, Ней, Мюрат, Даву, Сульт, Брюн и многие другие перешли на его сторону, забывая и прощая своему императору былые обиды. Казалось, молодость возвращается. Но Бонапарт был уже не тот, да и ряды его «кузенов», как он называл маршалов, изрядно поредели. Не вернулся Массена, посчитав себя слишком старым для новой авантюры; Мармон, получивший звание маршала лишь в 1809 г. и только благодаря личному расположению Наполеона, не рискнул оставить своих новых хозяев, предав старого друга и сдав Париж союзникам. Да разве только они!

Время Наполеона уходило. С ним уходили войны и слава. После поражения Бонапарта под Ватерлоо тех, кто перешёл на его сторону, постигла печальная участь. Часть из них погибли: Ней и Мюрат расстреляны, Брюн растерзан в Авиньоне озверевшими роялистами. Остальных отправили в отставку. Да и из оставшихся верными королю мало кто отличился впоследствии. Служба у Наполеона, которая вытягивала все силы, многочисленные раны и незнатное происхождение оставляли их за бортом новой жизни. Героическое время кончилось.

И всё-таки маршалы Франции оказали существенное влияние на европейскую историю начала XIX в. Лучшие, храбрейшие, талантливейшие полководцы, они сделали всё, чтобы слава Франции и Наполеона засияла в полную мощь.

Иоахим Мюрат (1767—1815) — один из наиболее ярких полководцев Наполеона. Бесшабашно смелый, великодушный, добрый, он был «храбрейшим из королей и королём храбрецов», как называл его Бонапарт. Его безумные наряды вызывали шок у парижского общества. Говорят, что в самые опасные сражения он шёл одетым особенно броско. Бессменный командир конницы во французской армии, он был лучшим кавалеристом Европы.

Выросший в маленьком гасконском городке Лабастид-Фортюньер, где с трёх лет сажают на лошадь, Мюрат рано начал самостоятельную жизнь. Прослужив некоторое время в королевской гвардии и изведав мордобой и хамство офицеров-аристократов, Мюрат вернулся домой. Однако избранная для него отцом-трактирщиком карьера священника мало устраивала резвого молодого человека. Красивый, пылкий, увлекающийся, он в 1791 г., бросив учение, пошёл добровольцем в революционную армию. Мюрат достаточно быстро получил офицерский чин, но продвинуться дальше оказалось труднее.

Счастливая звезда Мюрата взошла на небосклоне Парижа в вандемьере 1795 г. Бонапарт, который должен был подавить мятеж роялистов, оказался в исключительно трудном положении. Ему срочно понадобилась артиллерия в центре Парижа. Пушки, сметая всё на своём пути, доставил капитан Мюрат.

Именно с этого момента началась настоящая карьера этого человека. Он стал адъютантом Бонапарта. А потом была Италия, где он никак не мог избавиться от почётной и утомительной обязанности мальчика на побегушках. Его товарищи по должности уже давно стали генералами, а Мюрат продолжал тянуть лямку полковника, несмотря на то, что ему приходилось бывать в самых опасных местах, водить полки в атаку, заменять в бою погибших генералов. В Египте Мюрат наконец-то получил право самостоятельного командования и чин дивизионного генерала. Ах, как лихо водил он в атаку своих кавалеристов в знаменитой битве у пирамид в 1798 году! 40 веков с изумлением взирали на отчаянный поединок, который свёл лицом к лицу двух генералов — французского Мюрата и египетского Мурат-бея. Победил Мюрат, и полученная в качестве трофея сабля Мурат-бея стала предметом его особой гордости.

По возвращении в Париж Мюрат не остался в стороне от политической жизни. И вовсе не потому, что стремился к карьере политика, а потому, что Бонапарт решил сам управлять Францией. Мюрат был посвящён во многие тайны готовящейся операции. День 19 брюмера 1799 г. был самым решающим для переворота. Совет пятисот и Совет старейшин — законодательные органы Франции — должны были провозгласить генерала Бонапарта консулом. Но что-то не получилось. То ли сам генерал не проявил должной решительности, то ли у депутатов проснулись последние остатки гордости. С криками «Вне закона!» они буквально вытолкали генерала с заседания. Казалось, всё потеряно. Но не растерявшийся Мюрат сумел спасти положение, действуя отнюдь не парламентскими методами. От звуков его мощного голоса, отдавшего приказ солдатам: «Вышвырните-ка мне всю эту публику вон!» — депутаты в ужасе бросились спасаться к окнам. Бонапарт стал консулом, а Мюрат — военным губернатором Парижа (1800 г.).

Неизменный начальник кавалерийского корпуса, Мюрат, произведённый в маршалы в 1804 г., теперь сумел проявить свой военный талант в полной мере. Гасконская хитрость и актёрские способности не раз помогали ему выкрутиться из сложнейших положений. В 1805 г. он, Ланн и Бессьер, тоже гасконцы, сумели на Аспернском мосту обвести вокруг пальца австрийское командование и практически втроём захватили переправу. А своими блестящими атаками в Аустерлицкой битве эта троица «заставила плакать петербургских дам», почти полностью уничтожив самые привилегированные войска — русских кавалергардов.

С 1806 г. Мюрат стал великим герцогом Бергским, Клевским и Жуайезским. Не стоит думать, что он получил огромные владения. Это были мизерные германские княжества, присоединённые к Франции. В 1808 г., в начале войны в Испании, Мюрат жестоко подавил Мадридское восстание. Эта война была резнёй с обеих сторон. Испанцы, отстаивая свою независимость, вырезали всех, кто говорил по-французски, а французы, в свою очередь, не щадили целые деревни. В основных боевых действиях Мюрат поучаствовать не успел. На то имелись две причины. Во-первых, давали себя знать старые раны, которые чуть не свели Мюрата в могилу в Мадриде. И во-вторых, в связи с вступлением Жозефа Бонапарта, Неаполитанского короля, на испанский престол королевское место в Италии осталось вакантным. Маршал благодаря своему браку был родственником Наполеона и человеком, которому тот очень доверял. Поэтому Мюрат и стал королём Неаполя. Маршал радовался как ребёнок. Его тщеславие было настолько забавным, что делало его всеобщим любимцем. Правда, его радость по случаю коронации омрачалась некоторыми деталями. Во-первых, Мюрат давно находился в плохих отношениях со своей женой, сестрой Наполеона, которая, надо признать, была скверной женщиной. Во-вторых, в душе он мечтал получить польскую корону. В 1806 г., будучи в Польше, маршал настолько был очарован страной и шляхетством, манеры которого во многом отвечали складу его характера, что не мог равнодушно смотреть на пустующий польский престол.

В Неаполе Мюрат показал себя хорошим политиком и королём. Конечно, настолько, насколько это позволяли неусыпное око и тяжёлая рука Наполеона. Мюрату удалось унять волнения, сотрясавшие Королевство обеих Сицилий. Всегда оставаясь в душе молодым, пожалуй даже мальчишкой, он легко нашёл путь к сердцам молодых неаполитанцев. Но стремление короля к объединению Италии постоянно наталкивалось на железную волю Наполеона, и Иоахим Мюрат вынужден был уступить.

В поход против России в 1812 г. Мюрат собирался с большой неохотой. Несмотря на свою кипучую энергию, он тоже устал от 20 лет бес-

Мюрат. Литография Г. Греведона по оригиналу Ф. Жерара. 1826 г.

прерывных войн. Да и сердцем чувствовал, что поход не будет удачным. Под Смоленском он на коленях умолял Наполеона не идти дальше. Но всё было напрасно, Наполеон не внял советам своего маршала.

Бесшабашное удальство Мюрата, его лихие кавалерийские атаки и характерная внешность настолько полюбились русским казакам, что они даже договорились не стрелять в маршала, а попытаться взять его в плен, что вызвало немало веселья во французском лагере и льстило самолюбию Мюрата.

Единственной крупной неудачей маршала был поход под Тарутино, когда он упустил армию Кутузова. К тому времени дружеские отношения с Наполеоном уже уступили место официальным, и озверевший император так орал на провинившегося Мюрата, что довёл его до истерики. С этого момента Мюрат «сломался». Казалось, ничто не может вернуть тех прежних лет, когда он сломя голову кидался в бешеный водоворот атаки по первому приказу Бонапарта. Уезжая во Францию, Наполеон оставил армию на Неаполитанского короля. Армию! Замёрзших, полуголодных, деморализованных людей, а не победоносное войско. Доведя остатки ещё подчинявшихся дисциплине полков до границы, Мюрат бросил оставшихся солдат и уехал в Неаполь.

После Лейпцига (1813 г.) стало очевидно, что Наполеон проиграл всё. И Мюрат, чтобы сохранить неаполитанскую корону, вступил в переговоры с союзниками. Одним из непременных условий, выдвигаемых ими, было помочь покончить с Наполеоном. И король, вспомнив былые обиды, выставил неаполитанские войска против корпуса Евгения Богарне. Боевые действия так и не начались, но факт остаётся фактом — Мюрат больше не служил Наполеону.

Ланн.

Несмотря на все старания Мюрата, Венский конгресс, вырабатывающий условия мирного договора, естественно, не собирался оставлять корону сыну трактирщика. Поэтому в 1815 г., когда Наполеон высадился во Франции, Мюрат откликнулся на его просьбу и двинул свои войска на австрийскую армию. Без сомнения, им руководило не только желание остаться королём. Он был слишком великодушен, чтобы долго помнить старые обиды, и не мог не поддержать своего старого друга императора.

К сожалению, силы оказались неравными, и небольшая неаполитанская армия была разбита превосходящими силами противника. Ах, если бы у Мюрата были его французские кавалеристы!

Бежав в Гасконь, а затем на Корсику, Мюрат не оставлял мысли вернуть себе неаполитанскую корону. В сентябре 1815 г. он получил письмо от кардинала Боргезе, который сообщал, что народ с радостью встретит его возвращение. Это была чудовищная ложь! Утомлённые итальянцы не в силах были продолжать сопротивление. Однако Мюрат, всегда полный оптимизма, хитрый, но по-детски наивный, поверил. 13 октября он высадился с небольшим отрядом в Калабрии, на юге Апеннинского полуострова. Его уже ждали. Но не восторженные толпы итальянцев, а австрийские солдаты. Бывший король был арестован. Всего два часа понадобилось собравшемуся для соблюдения формальностей австрийскому военно-полевому суду, чтобы вынести приговор. И Мюрат в последний раз доказал своё мужество, потребовав взвод неаполитанских стрелков. Он сам командовал своим расстрелом.

Гасконца не забыли. Его родной город был впоследствии переименован в Лабастид-Мюра, а в Неаполе маршалу поставили памятник как одному из самых популярных королей.

Среди маршалов Наполеона были ещё два гасконца, по характеру во многом походившие на Мюрата. Но им не хватало его размаха, его авантюризма, великодушия и задора. Это Жан-Батист Бессьер (1768—1813) и Жан Ланн (1769—1809) — два человека, трагическая гибель которых потрясла французскую армию. Бессьер был другом Мюрата. Они вместе сражались в пиренейской армии в 1792 г., вместе участвовали в походах Наполеона. Бессьер был человеком менее открытым, чем Мюрат, сдержаннее его, но столь же дружелюбным, несмотря на своё занудство. Его необыкновенное мужество было по достоинству оценено Наполеоном. Он доверил маршалу святая святых — императорскую гвардию.

Ланн, которого называли Роландом французской армии, отличался блестящими дарованиями. Сын конюха, добровольцем вступивший в 1792 г. в революционную армию, благодаря личному мужеству достаточно быстро получил офицерский чин. Но в 1795 г. правительство уволило его в отставку из-за отсутствия военного образования. В 1796 г. он стал волонтёром итальянской армии Наполеона. Способности и беспримерная храбрость, опыт ведения военных действий быстро обратили на него внимание умеющего угадывать таланты Бонапарта. И уже спустя год «за отличие в боях» Ланн был произведён в бригадные генералы. Как и Мюрат, он был посвящён в тайны переворота 18 брюмера и сумел активно поддержать Бонапарта, за что и был назначен командиром консульской гвардии.

Ланн и Бессьер довольно часто вступали в конфликты с консулом и императором. Их отличали бескомпромиссность, упрямство, умение говорить правду в глаза новому повелителю Франции и республиканские взгляды. Ланн, не пожелавший принять навязываемый Наполеоном образ «солидного человека», жестоко поплатился за свою строптивость. Император, который раздаривал состояния направо и налево, буквально разорил маршала, рассчитывая, что тот наконец-то смирится и образумится. Напрасный труд! Старый республиканец лишь бранился и ругал Наполеона на чём свет стоит, но не унизился до просьб. Даже получение титула герцога Монтебелло не смягчило нрав маршала. Бессьера Наполеон, бесцеремонно распоряжающийся судьбами своих людей, так и не смог заставить подобрать себе жену, которая устраивала бы императора. Однако Бонапарт вынужден был терпеть этих исключительно талантливых людей, один из которых (Ланн) мог сравниться даже с ним своими дарованиями.

Но война есть война. И первой её жертвой среди маршалов стал Ланн, всегда ходивший в атаку впереди своего корпуса. Ядро австрийской пушки в 1809 г. положило конец военной карьере и жизни маршала. Смертельно раненный, он мучился ещё семь дней. Наполеон не отходил от умирающего и вынужден был выслушивать брань и упрёки в свой адрес, которыми его осыпал Ланн.

Бессьер участвовал в русской кампании 1812 г. и сумел вывести остатки гвардии из негостеприимной страны. Герцог Истрийский неотлучно находился рядом с Наполеоном во всех сражениях. Он и дальше продолжал бы поддерживать императора, если бы не трагическая гибель. В бою в мае

Ж. Б. Бернадот.
Раскрашенная гравюра Л. Ш. Риэта по оригиналу И. Л. Креуля.

1813 г. ударом ядра в грудь Бессьер был убит на глазах у готовых к атаке гвардейцев.

Был среди маршалов Наполеона и ещё один гасконец, от которого он натерпелся бед. Жан Батист Бернадот (1763—1844) начал и успешно продолжал свою карьеру до 1800 г. без всякого участия Бонапарта. Достаточно быстро дослужившись до генеральского чина, Бернадот впервые встретился с Наполеоном в Италии, когда его корпус был направлен на подкрепление итальянской армии (1797 г.). Дружеских отношений между двумя генералами не возникло. Оба уверенные в себе, сложившиеся полководцы, наделённые славой и почестями, они уже тогда с трудом находили общий язык. Поэтому Бернадот не вошёл в «когорту Бонапарта» и не отправился с ним в Египет, а остался во Франции заниматься государственными делами. Оставив поля сражений, он некоторое время был военным министром в правительстве Директории. Неуживчивый характер и неуёмное честолюбие не позволили Бернадоту надолго задержаться на этом ответственном посту.

С приходом к власти Бонапарта взаимная нелюбовь вспыхнула с новой силой. В 1802—1804 гг. ярый республиканец Бернадот даже участвовал в заговоре военных с целью свержения первого консула. Однако благодаря своей популярности в Северной армии он не понёс наказания и в 1804 г. был произведён в маршалы.

В 1806 г., воюя в Голландии, Бернадот удивительно мягко обошёлся с пленными шведами: он их отпустил. Это создало ему большую популярность в Швеции и вызвало новый скандал с императором. Чем дальше, тем хуже. И в 1810 г. Бернадот был вынужден уйти в отставку. Наполеон невысоко оценивал полководческие способности своего маршала. Зато его великодушие сумели оценить шведы, которые предложили ему стать преемником шведского короля. Бернадот быстро уехал из недружелюбной Франции, тем более что на шведский престол его толкал Наполеон, уверенный, что новый правитель не будет выступать против своей родины. Время показало, насколько он ошибался.

Бернадот очень быстро забыл, что он француз, и начал доказывать всему миру, прежде всего Швеции и Наполеону, что он настоящий швед — душой и сердцем. Благодаря его блестящей дипломатической политике стране удалось сохранить нейтралитет в 1812 г., а затем в 1813 г. присоединиться к армии союзников, громивших Наполеона.

Бернадот стал основателем новой династии шведских королей, которая правит и сегодня.

Среди маршалов Наполеона, вышедших из простого народа, было много выдающихся полководцев. Но наибольшей славой и любовью в армии по праву пользовался маршал Мишель Ней (1769—1815). Военачальники Наполеона отличались редкой храбростью. И всё-таки Нея называли храбрейшим из храбрых. Со шпагой в руке, в чёрном с золотом маршальском мундире, он всегда был впереди своего корпуса. Не единожды собственным примером останавливая бегущих, Ней в одиночку бросался в атаку, увлекая за собой солдат. Пылкий, добрый, он пользовался заслуженным почётом и уважением в военной среде. Пожалуй, это был единственный маршал, который не имел врагов и против которого не строили козни соперники. И это несмотря на то, что он достаточно скупо делился славой, предпочитая «тянуть одеяло на себя».

Ней начал службу в 1788 г. в королевской кавалерии. В революционной армии он быстро достиг командных высот, став в 1796 г. бригадным генералом. Он служил на севере Франции, поэтому не разделил славы Итальянского похода. Но Директория высоко оценила его заслуги, и в 1799 г. он получил чин дивизионного генерала.

Несмотря на то что Ней не принадлежал к «когорте Бонапарта», он сразу стал своим в окружении первого консула и честностью, преданностью и тактичностью сумел завоевать расположение Наполеона. Ему император поручал самые опасные предприятия. Надо отдать должное маршалу — он с честью справлялся с любой трудной задачей. Его единственным недостатком, как, впрочем, и у Мюрата, было упорное нежелание работать в штабных условиях. Они предпочитали импровизировать

М. Ней. Гравюра Г. Паркера по оригиналу Ф. Жерара. 1833 г.

на месте, в сражении. Не было больших врагов штабных карт и больших молчунов на военном совете, чем Ней и Мюрат.

В битве при Бородино 26 августа 1812 г. именно Нею достался наиболее трудный участок — Багратионовы флеши. Именно Нею и его солдатам адресовались похвалы русского генерала: «Браво! Как красиво идут!». И именно потому, что в Бородинском сражении корпус Нея оказался стержнем основных действий французской армии, герцог Эльхингенский получил от императора титул князя Московского.

Зная мужество Нея, Наполеон доверил ему при отступлении из России командовать арьергардом, надеясь на то, что маршал справится с этой задачей. Действительно, в сражении под Красным 2 ноября 1812 г. Ней сумел под бешеным огнём русской артиллерии увести свой корпус. На предложение русских сдаться маршал ответил: «Вы когда-нибудь слыхали, чтобы императорские маршалы сдавались в плен?». В лютый мороз, под постоянным обстрелом, редея с каждым днём, корпус Нея выходил из заснеженной страны. В небольшом немецком городке в офицерский ресторан вошёл голодный, оборванный, небритый человек: «Вы не узнали меня, господа? Я — арьергард Великой Армии, маршал Ней».

В 1814 г. как раз Ней, в преданности которого Наполеон никогда не сомневался, от имени маршалов Франции потребовал от Наполеона отречься от престола. И даже страстная речь Бонапарта, пытавшегося напомнить Нею о былой славе и призвавшего продолжить войну, не заставила маршала согласиться на эту авантюру.

В 1815 г., когда Наполеон начал свой поход на Париж, взоры короля и его окружения обратились к единственному, кто мог бы остановить Бонапарта, — маршалу Нею. Он дал себя уговорить и даже пообещал привезти Наполеона в железной клетке. Но, едва завидев Наполеона, солдаты категорически потребовали от Нея присоединиться к армии императора. Маршалу ничего не оставалось, как уступить. И в тот же день он приступил к исполнению своих обязанностей уже в армии Бонапарта.

Мужественное поведение Нея в сражении при Ватерлоо, его необычайная популярность в армии и незнатное происхождение послужили причинами суда над маршалом. Суд пэров перевесом всего в один голос вынес смертный приговор. Единственным, кто отказался судить старого боевого друга, был маршал Монсей, вынужденный после этого уйти в отставку.

Ней пожелал сам отдать солдатам приказ: «Огонь!». Но они, вынужденные расстреливать своего любимого командира, только ранили его. Обливаясь кровью, Ней просил дать ему пистолет, чтобы избавиться от мучений. Но никто не посмел этого сделать. У стены Люксембургского сада оборвалась жизнь одного из талантливейших полководцев Наполеона.

Луи Никола Даву (1770—1823) и Луи Александр Бертье (1753—1815) в отличие от большинства генералов Наполеона были аристократами. Даву принадлежал к мелкопоместному бургундскому дворянству. Он получил военное образование, окончив в 1788 г. Парижскую военную школу. В 1794—1795 гг. Даву служил в Рейнской армии. В 1793 г. молодой лейтенант, хладнокровно наведя пистолет, заставил замолчать генерала Дюмурье, пытавшегося склонить к измене революционную армию. За мужество и удачные боевые операции Даву был произведён в чин бригадного генерала. Египетская экспедиция Бонапарта заинтересовала Даву, и он принял предложение отправиться в жаркие пески. Несмотря на свой угрюмый характер и склонность к педантизму, молодой генерал достаточно быстро оказался во втором кругу «когорты Бонапарта».

С 1804 г., став маршалом, Даву был непременным спутником Наполеона во всех его кампаниях. Благодаря военному образованию и будучи прекрасным стратегом, он оказался для Наполеона исключительно полезным человеком. Если большинство его командующих предпочитали разбираться с противником на месте, бле-

Л. Н. Даву. Литография Ш. Билона. 1-я половина XIX в.

стяще владея тактикой боя, то Даву мог сутками методично разрабатывать планы предстоящей кампании, что, впрочем, не мешало ему и на поле боя блистать мужеством и талантом.

Особенно ярко способности Даву проявились в кампании 1806 г., когда под Ауэрштедтом он с успехом выполнил свою задачу и наголову разбил вторую прусскую армию, довершив разгром Пруссии.

По возвращении Наполеона с острова Эльба в 1815 г. Даву, не раздумывая, присоединился к императору и возглавил военное министерство. Учитывая его дворянское происхождение, королевское правительство не уготовило для него судьбы маршала Нея, а отправило в отставку. Надо отдать должное Даву: он не стремился восстановиться в армии и служить королю.

Бертье был бессменным начальником штаба Бонапарта с 1796 по 1801 г. и с 1807 по 1814 г. Именно Бертье организовывал, набирал, обучал и формировал штаб. Его офицеры и адъютанты, молодые дворяне, носили прозвище «попугаи» за молодость и склонность к фанфаронству. Однако именно штаб Бертье давал армии прекрасные кадры и чёткую организацию. Работа Бертье заложила основу той системы штабов, которую приняли почти все европейские армии и которая, конечно с большими изменениями, дошла до наших дней.

Бертье был старше Бонапарта. Он начал свою военную карьеру ещё будучи совсем молодым, когда идеи Руссо только начали завоёвывать мир. В 1775 г. он, как и Лафайет, отправился сражаться за независимость Америки, вдохновлённый идеей свободы. Поэтому неудивительно, что с началом революции во Франции Бертье оказался в рядах революционной армии. В Париже в 1795 г. он встретился с Бонапартом, и с тех пор судьба не разлучала их почти до конца. Бертье был более штабист и канцелярист, нежели полководец. Но в кампании

Бертье.

1809 г. под Ваграмом он сумел заменить Наполеона, проведя его план разгрома австрийской армии с завидной педантичностью.

Сухарь, бумажный человек, но абсолютно безотказный и наивный, влюблённый в Наполеона, Бертье взваливал на себя гигантскую работу. В отличие от других министров императора, сменявшихся через два-три года, он сумел выдерживать неимоверное напряжение почти 20 лет. Наполеон был очень щедр к беспрекословно подчиняющемуся и исполнительному маршалу, даруя ему миллионные доходы и очень высокие титулы. Личной жизнью Бертье, как, впрочем, и многих своих военачальников, император распоряжался по своему произволу. Поэтому Бертье оказался очень несчастливым человеком в семейной жизни. Но его преданность Наполеону от этого вовсе не пострадала. В 1815 г., когда стала очевидной неизбежность поражения Бонапарта, Бертье, побоявшийся присоединиться к его армии, но не желавший видеть падение своего кумира, предпочёл покончить с собой.

ШАРЛЬ МОРИС ТАЛЕЙРАН

«Это человек подлый, жадный, низкий интриган, ему нужны грязь и нужны деньги. За деньги он бы продал свою душу, и он при этом был бы прав, ибо променял бы навозную кучу на золото» — так отзывался о Талейране Оноре Мирабо, который, как известно, сам был далёк от нравственного совершенства. Собственно, подобная оценка сопровождала князя всю жизнь. Только под старость он узнал что-то вроде признательности потомков, которая, впрочем, его мало интересовала.

С именем князя Шарля Мориса Талейрана-Перигора (1753—1838) связана целая эпоха. И даже не одна. Королевская власть, Революция, Империя Наполеона, Реставрация, Июльская революция... И всегда, кроме, может быть, самого начала, Талейран умудрялся быть на первых ролях.

Талейран.

Часто он ходил по краю пропасти, вполне сознательно подставляя свою голову под удар, но побеждал он, а не Наполеон, Людовик, Баррас и Дантон. Они приходили и уходили, сделав своё дело, а Талейран оставался. Потому что он всегда умел видеть победителя и под маской величия и незыблемости угадывал побеждённого.

Таким и остался он в глазах потомков: непревзойдённым мастером дипломатии, интриг и взяток. Гордый, надменный, насмешливый аристократ, изящно скрывающий свою хромоту; циник до мозга костей и «отец лжи», никогда не упускающий своей выгоды; символ коварства, предательства и беспринципности.

Шарль Морис Талейран происходил из старой аристократической семьи, представители которой служили ещё Каролингам в X в. Полученное в детстве увечье не позволило ему сделать военную карьеру, которая бы могла поправить финансовые дела обедневшего аристократа. Родители, которых он мало интересовал, направили сына по духовной стезе. Как же Талейран ненавидел эту проклятую рясу, которая путалась под ногами и мешала светским развлечениям! Даже пример кардинала Ришелье не мог подвигнуть молодого аббата на добровольное примирение со своим положением. Стремясь к государственной карьере, Талейран в отличие от многих дворян прекрасно понимал, что век Ришелье окончился и поздно брать пример с этого великого деятеля истории. Единственное, что могло утешить князя, так это посох епископа Оттенского, который принёс ему, помимо своей антикварной стоимости, некоторые доходы.

Лиловая ряса не особенно мешала епископу развлекаться. Однако за светской чехардой и картами, до которых князь был большой охотник, он чутко угадывал грядущие перемены. Назревала буря, и нельзя сказать, что это огорчало Талейрана. Епископ Оттенский, при всём своём равнодушии к идеям свободы, считал необходимыми некоторые изменения государственного строя и прекрасно видел ветхость старой монархии.

Созыв Генеральных штатов подхлестнул честолюбие Талейрана, который решил не упустить шанс и приобщиться к власти. Епископ Оттенский стал делегатом от второго сословия. Он быстро сообразил, что нерешительностью и неумными действиями Бурбоны губят себя. Поэтому, придерживаясь умеренных позиций, он очень скоро оставил ориентацию на короля, предпочтя правительство фейянов и жирондистов. Не будучи хорошим оратором, князь Талейран тем не менее сумел обратить на себя внимание теперь уже Учредительного собрания, предложив передать государству церковные земли. Благодарности депутатов не было предела. Вся беспутная жизнь епископа отошла на второй план, когда он, как верный последователь нищих пророков, призвал церковь добровольно, без выкупа отказаться от «ненужной» ей собственности. Этот поступок был в глазах граждан тем более героическим, что все знали: епархия — единственный источник доходов депутата Талейрана. Народ ликовал, а дворяне и церковники открыто называли князя за «бескорыстие» отступником.

Заставив говорить о себе, князь всё-таки предпочёл не занимать пока первых ролей в этом не слишком стабильном обществе. Он не мог, да и не стремился стать народным вождём, предпочитая более доходную и менее опасную работу в различных комитетах. Талейран предчувствовал, что эта революция добром не кончится, и с холодной насмешкой наблюдал за вознёй «народных вождей», которым в ближайшем будущем предстояло лично ознакомиться с изобретением революции — гильотиной.

После 10 августа 1792 г. многое изменилось в жизни революционного князя. Революция шагнула несколько дальше, чем хотелось бы ему. Чувство самосохранения взяло верх над перспективами лёгких доходов. Талейран понял, что скоро начнётся кровавая баня. Надо было уносить ноги. И он по поручению Дантона написал пространную записку, в которой излагал принцип необходимости уничтожения во Франции монархии, после чего предпочёл побыстрее очутиться с дипломатической миссией в Лондоне. Как вовремя! Через два с половиной месяца его имя внесли в списки эмигрантов, обнаружив два его письма от Мирабо, разоблачавшие его связь с монархией.

Естественно, Талейран не поехал оправдываться. Он остался в Англии. Положение было очень сложным. Денег нет, англичанам он не интересен, белая эмиграция искренне ненавидела расстригу-епископа, который во имя личной выгоды сбросил мантию и предал интересы короля. Если бы им представилась возможность, они бы его уничтожили. Холодный и надменный князь Талейран не придавал особого значения тявканью этой собачьей своры за своей спиной. Правда, эмигрантская возня всё же сумела досадить ему — князя выслали из Англии, он вынужден был уехать в Америку.

В Филадельфии, где он обосновался, его, привыкшего к светским развлечениям, ждала скука провинциальной жизни. Американское общество было помешано на деньгах — Талейран это быстро заметил. Ну что ж, если нет светских салонов, можно заняться бизнесом. Талейран с детства мечтал стать министром финансов. Теперь ему представилась возможность испытать свои способности. Скажем сразу: здесь он мало преуспел. Зато ему всё больше начинало нравиться развитие событий во Франции.

Кровавый террор якобинцев закончился. Новое правительство термидорианцев было гораздо более лояльным. И Талейран настойчиво начинает добиваться возможности вернуться на родину. Верный своему правилу «пускать вперёд женщин», он с помощью прекрасных дам, и в первую очередь госпожи де Сталь, сумел добиться того, чтобы с него сняли обвинения. В 1796 г.,

после пяти лет скитаний, 43-летний Талейран вновь вступил на родную землю.

Новому правительству Талейран не уставал напоминать о себе прошениями и просьбами через друзей. Пришедшая к власти Директория сперва и слышать не хотела о скандальном князе. «Талейран потому так презирает людей, что он много изучал самого себя» — так выразился один из директоров, Карно. Однако другой член правительства, Баррас, чувствуя нестабильность своего положения, со всё большим вниманием поглядывал в сторону Талейрана. Сторонник умеренных, тот мог стать «своим» человеком в интригах, которые директоры плели друг против друга. И в 1797 г. Талейран назначен министром внешних сношений Французской республики. Ловкий интриган, Баррас абсолютно не понимал людей. Он сам вырыл себе яму, сначала помогая продвигаться Бонапарту, а затем добившись назначения Талейрана на такой пост. Именно эти люди и отстранят его от власти, когда придёт время.

Талейран сумел подтвердить свою небезупречную репутацию очень ловкого человека. Париж привык к тому, что взятки берут почти все государственные служащие. Но новый министр внешних сношений умудрился шокировать Париж не количеством взяток, а их размерами: 13,5 млн франков за два года — это было слишком даже для видавшей виды столицы. Талейран брал со всех и по любому поводу. Кажется, не осталось в мире страны, общавшейся с Францией и не заплатившей её министру. К счастью, алчность была не единственным качеством Талейрана. Он смог наладить работу министерства. Это было тем легче, чем больше побед одерживал Бонапарт. Талейран быстро понял, что Директории долго не продержаться. А вот молодой Бонапарт — это не «шпага», на которую так рассчитывал Баррас, а властелин, и с ним следует подружиться. После возвращения победоносного генерала в Париж Талейран активно поддержал его проект завоевания Египта, считая необходимым для Франции задуматься о колониях. «Египетская экспедиция», совместное детище министра иностранных дел и Бонапарта, должна была положить начало новой эры для Франции. Не вина Талейрана, что она не удалась. Пока генерал воевал в жарких песках Сахары, Талейран всё больше задумывался о судьбе Директории. Постоянные раздоры в правительстве, военные неудачи, непопулярность — всё это были минусы, грозившие перерасти в катастрофу. Когда к власти придёт Бонапарт — а Талейран не сомневался, что именно так и будет, — ему вряд ли будут нужны эти недалёкие министры. И Талейран решил развязаться с Директорией. Летом 1799 г. он неожиданно ушёл в отставку.

Бывший министр не ошибся. Полгода интриг в пользу генерала не пропали зря. 18 брюмера 1799 г. Бонапарт совершил государственный переворот, а через девять дней Талейран получил портфель министра иностранных дел. Судьба связала этих людей на долгих 14 лет, семь из которых князь честно служил Наполеону. Император оказался тем редким человеком, к кому Талейран испытывал если не чувство привязанности, то уж по крайней мере уважение. «Я любил Наполеона... Я пользовался его славой и её отблесками, падавшими на тех, кто ему помогал в его благородном деле», — так будет говорить Талейран спустя много лет, когда уже ничто не связывало его с Бонапартами. Возможно, он был здесь абсолютно искренним.

Талейрану грех было жаловаться на Наполеона. Император предоставил ему огромные доходы, официальные и неофициальные (взятки князь брал активно), он сделал своего министра великим камергером, великим электором, владетельным князем и герцогом Беневентским. Талейран

Давид.
Наполеон в рабочем кабинете.
1812 г.

стал кавалером всех французских орденов и почти всех иностранных. Наполеон, конечно, презирал моральные качества князя, но и очень его ценил: «Это человек интриг, человек большой безнравственности, но большого ума и, конечно, самый способный из всех министров, которых я имел». Кажется, что Наполеон вполне понимал Талейрана. Но...

1808 г. Эрфурт. Встреча русского и французского государей. Неожиданно покой Александра I был прерван визитом князя Талейрана. Изумлённый русский император слушал странные слова французского дипломата: «Государь, для чего вы сюда приехали? Вы должны спасти Европу, а вы в этом успеете, только если будете сопротивляться Наполеону». Может быть, Талейран сошёл с ума? Нет, это было далеко не так. Ещё в 1807 г., когда, казалось, могущество Наполеона достигло своего апогея, князь задумался над будущим. Как долго может продолжаться триумф императора? Будучи слишком искушённым политиком, Талейран в очередной раз почувствовал, что пора уходить. И в 1807 г. он ушёл с поста министра иностранных дел, а в 1808 г. безошибочно определил будущего победителя.

Князь, осыпанный милостями Наполеона, повёл против него сложную игру. Шифрованные письма информировали Австрию и Россию о военном и дипломатическом положении Франции. Проницательный император и не догадывался, что его «самый способный из всех министров» роет ему могилу.

Многоопытный дипломат не ошибся. Выросшие аппетиты Наполеона привели его в 1814 г. к краху. Талейран сумел убедить союзников оставить трон не за сыном Наполеона, к которому первоначально благоволил Александр I, а за старой королевской фамилией — Бурбонами. Надеясь на признательность с их стороны, князь сделал возможное и невозможное, проявив чудеса дипломатии. Что ж, признательность со стороны новых властителей Франции не замедлила последовать. Талейран вновь стал министром иностранных дел и даже главой правительства. Теперь ему предстояло решить сложнейшую задачу. Государи собрались в Вене на конгресс, который должен был решить судьбы Европы. Слишком уж сильно перекроили Великая французская революция и император Наполеон карту мира. Победители мечтали урвать себе кусок побольше от наследства поверженного Бонапарта. Талейран представлял побеждённую страну. Казалось, князю остаётся лишь соглашаться. Но Талейран не считался бы лучшим дипломатом Европы, если бы это было так. Искуснейшими интригами он разъединил союзников, заставив их забыть о своей договорённости при разгроме Наполеона. Франция, Англия и Австрия объединились против России и Пруссии. Венский конгресс заложил основы политики Европы на ближайшие 60 лет, и министр Талейран сыграл в этом решающую роль. Именно он, чтобы сохранить сильную Францию, выдвинул идею легитимизма (законности), при котором все территориальные приобретения со времён революции признавались недействительными, а политическая система европейских стран должна была остаться на рубеже 1792 г. Франция тем самым сохраняла свои «естественные границы».

Может быть, монархи и считали, что таким образом революция будет забыта. Но князь Талейран был мудрее их. В отличие от Бурбонов, которые всерьёз восприняли принцип легитимизма во внутренней политике, Талейран на примере «Ста дней» Наполеона видел, что было безумием возвращаться назад. Это только Людовик XVIII считал, что вернул себе законный трон своих предков. Министр иностранных дел прекрасно знал, что король сидит на троне Бонапарта. Развернувшаяся в 1815 г. волна «белого террора», когда самые популярные люди пали жертвой произвола озверевшего дворянства, вела Бурбонов к гибели. Талейран, надеясь на свой авторитет, попытался втолковать неразумному монарху и особенно его брату — будущему королю Карлу X губительность такой политики. Напрасно! Несмотря на своё аристократическое происхождение, Талейран был настолько ненавистен новой власти, что она разве что не требовала его головы у короля. Ультиматум министра, требовавшего прекратить репрессии, привёл к его отставке. «Благодарные» Бурбоны на 15 лет отбросили Талейрана с политической арены. Князь был удивлён, но не расстроен. Он был уверен, несмотря на свои 62 года, что его время ещё придёт.

Работа над «Мемуарами» не оставила князя в стороне от политической жизни. Он пристально наблюдал за положением в стране и присматривался к молодым политикам. В 1830 г. грянула Июльская революция. Старый лис и здесь остался верным себе. Под грохот пушек он сказал своему секретарю: «Мы побеждаем». — «Мы? Кто же именно, князь, побеждает?» — «Тише, ни слова больше; я вам завтра это скажу». Победил Луи-Филипп Орлеанский. 77-летний Талейран не замедлил присоединиться к новому правительству. Скорее из интереса к сложному делу, он согласился возглавить труднейшее посольство в Лондоне. Пусть разгулявшаяся свободная пресса поливала старого дипломата грязью, припоминая его былые «измены», Талейран был недостижим для неё. Он уже стал историей. Его авторитет был так высок, что одно выступление князя на стороне Луи-Филиппа было расценено как стабильность нового режима. Одним своим присутствием Талейран заставил заартачившиеся было европейские правительства признать новый режим во Франции.

Последней блестящей акцией, которую удалось осуществить видавшему виды дипломату, было провозглашение независимости Бельгии, которая была очень выгодна для Франции. Это был потрясающий успех!

Не будем судить Талейрана, как он того заслуживает, — это право историка. Хотя и трудно порицать человека за то, что он слишком умён и прозорлив. Политика была для Талейрана «ис-

кусством возможного», игрой ума, способом существования. Да, он действительно «продавал всех, кто его покупал». Его принципом всегда была прежде всего личная выгода. Правда, сам он говорил, что Франция стояла для него на первом месте. Кто знает... Любой человек, занимающийся политикой, непременно оказывается запачканным грязью. А Талейран был профессионалом. Так что пусть решают психологи.

«Неужели князь Талейран умер? Любопытно узнать, зачем это ему теперь понадобилось?» — пошутил язвительный насмешник. Это высокая оценка человека, который хорошо знает, что ему надо. Это была странная и загадочная личность. Сам он так выразил свою последнюю волю: «Я хочу, чтобы на протяжении веков продолжали спорить о том, кем я был, о чём думал и чего хотел». Споры эти длятся и по сей день.

СИМОН БОЛИВАР

«Твоё имя — бриллиант — неподвластно волнам времени, вымывающим из памяти имена всех королей» — эти строки кубинский поэт-романтик Хосе Мариа Эредиа посвятил своему старшему современнику Симону Боливару. Поэтическое пророчество, как это часто бывает, сбылось. Волны времени не только не унесли в бездонную Лету имя великого Освободителя Латинской Америки, но придали ему ещё большее сияние, открыв для потомков новые, неведомые дотоле грани его таланта.

Симон Хосе Антонио Боливар родился 24 июня 1783 г. в городе Каракасе в аристократической креольской семье, предки которой обосновались в Венесуэле ещё в XVI в. Знатность и материальный достаток, казалось, гарантировали ему безоблачную жизнь. Однако вскоре последовала череда утрат: в 1786 г. умер отец, в 1792 г. — мать, а через год — опекавший Симона дедушка.

Ещё в юности потеряв родителей, мальчик взрослел быстрее своих сверстников. Он получил хорошее домашнее образование, его учителями были Андрес Бельо — поэт, филолог, юрист и Симон Родригес — автор философских и педагогических трудов. Годы спустя Боливар писал о Родригесе: «Ему я обязан всем... Он сформировал моё сердце для свободы, для справедливости, для великого, для прекрасного».

Учитель и ученик неоднократно бывали в Европе. В 1806 г. в Риме, на Священной горе, Боливар, обращаясь к Родригесу, торжественно произнёс: «Клянусь перед Вами и перед Богом моих родителей, клянусь ими, клянусь моей честью, клянусь Родиной, что моя рука и моя душа не будут знать устали до тех пор, пока не будут порваны угнетающие нас цепи испанского рабства».

Более трёх веков большая часть народов Нового Света находилась под властью Испании. За это время возникли неразрешимые противоречия между метрополией и колониями. Креолов — выходцев с Пиренейского полуострова, обосновавшихся в Америке, — особенно раздражали ограничения в области торговли и в политической сфере. Первые сводились к запрету торговли с другими государствами, вторые фактически закрывали креолам доступ к руководящим должностям в колониальной администрации. Индейское коренное население не могло смириться с посягательством на их землю и свободу; негры-рабы — с жестоким обращением и эксплуатацией. Столь же ненавистны для латиноамериканцев были и многочисленные запреты в культурной жизни. После начала Великой французской революции в Испании и её колониях было запрещено почти всё французское: от «Декларации прав человека и гражданина» до жилетов по последней парижской моде, не говоря уже о книгах и газетах.

Симон Боливар и другие руководители войны за независимость (Франсиско де Миранда,

Хосе Жиль де Кастро. Боливар.

Антонио Нариньо, Хосе де Сан-Мартин, Бернардо О'Хиггинс, Антонио Хосе Сукре) были убеждены в том, что успешный исход борьбы народов Испанской Америки за освобождение немыслим без их солидарности и единства. Уже в 1812 г. Боливар говорил о том, что Венесуэла и «вся Америка» сражаются за общее дело.

В письме с Ямайки от 6 сентября 1815 г., ставшем одним из программных документов войны за независимость, Боливар задолго до её исхода утверждал: «Судьба Америки определилась окончательно. Узы, соединявшие её с Испанией, порваны».

И Боливар, и многие его соратники в начале XIX в. надеялись на помощь США — первой республики в Западном полушарии. «Мы одиноки, мы вынуждены обращаться за помощью к Северу прежде всего потому, что они наши соседи и братья, а также в связи с тем, что у нас нет ни средств, ни возможностей для контактов с другими странами», — писал Боливар. Однако, объявив о нейтралитете, «соседи и братья» фактически встали на сторону Испании.

Уже в 20-е гг. XIX в. Боливар довольно точно предсказывал основные направления территориальной экспансии США в Новом Свете: «Посмотрите внимательно на карту, — говорил он своему адъютанту генералу О'Лири. — На севере вы увидите США, нашего могучего соседа, дружба которого к нам основана на арифметике: даю тебе столько-то, взамен хочу вдвое больше. Соединённые Штаты захватили Флориду... зарятся на Кубу и Пуэрто-Рико. Если мексиканцы позволят, то они присвоят Техас, да, пожалуй, и всю Мексику».

«Родина, независимость, свобода!» — под этими лозунгами проходили годы войны — 1810—1826. Чередовались победы и поражения, неудачи и успехи. В те времена Боливар был поистине вездесущ. «Он жил как бы среди сполохов пламени и сам был пламенем», — писал о нём Хосе Марти. 15 лет героического служения, 472 битвы — таков послужной список Боливара, солдата и полководца. С его именем связано и образование целого ряда независимых государств Южной Америки — Боливии, Венесуэлы, Колумбии, Перу, Эквадора.

Хрупкий суверенитет молодых республик мог в любой момент не выдержать экономического и политического, а порой и военного давления наиболее сильных европейских держав, в основном поддерживавших Испанию в её многолетней кампании по удержанию колоний. (Да и США не оставались в стороне.) В Европе, как известно, все вопросы, касающиеся международных отношений, решались в те годы в рамках «Священного Союза». Отсюда стремление Боливара создать «Священный Союз народов», который мог бы противостоять «Священному Союзу» монархов.

Дважды он пытался практически осуществить идею латиноамериканского единства. Прежде всего он хотел добиться этого путём включения в широкую конфедерацию испаноязычных государств Западного полушария. Своеобразной её моделью могла стать так называемая Великая Колумбия — созданное Ангостурским конгрессом 1819 г. государство, в которое вошли на добровольных началах Венесуэла, Колумбия, Панама и Эквадор. Оно просуществовало с 1821 по 1830 г.

Слабость и преждевременность этого объединения выявились очень быстро. Огромные расстояния и отсутствие широкой сети путей сообщения, экономическая разруха, появление на местах многочисленных каудильо, выступавших против центрального правительства, — всё это вело к раздробленности, раздорам, а в конечном счёте и к распаду Великой Колумбии.

Ещё раз Боливар попытался вдохнуть жизнь в идею латиноамериканского единства в 1826 г. на созванном по его инициативе Панамском конгрессе. В его планах было учреждение регулярно созываемого конгресса всех государств Латинской Америки в Панаме, т. е. в самом центре Нового Света. В случае общей опасности там должны были концентрироваться силы для её нейтрализации, а в мирное время конгресс играл бы роль посредника и третейского судьи. В случае надобности предполагалось предоставить в его распоряжение армию и флот. Но эти замыслы остались только в области проектов. На конгрессе присутствовали лишь делегаты Колумбии, Перу, Мексики и Центральноамериканской федерации, что разрушило планы Боливара. С грустью писал он, что был в этот момент «похож на того сумасшедшего грека, который, сидя на скале, пытался управлять проходившими мимо судами».

«Я всё, что в моих силах, сделаю для Америки!» — эта фраза, произнесённая Освободителем 21 октября 1825 г., отражает глубинную суть его кипучей деятельности, однако именно во второй половине 20-х гг. максимализм Боливара подвергся наибольшим испытаниям. Многие благородные помыслы осуществить не удалось — мешали не только США и Великобритания, к этому добавились острые внутриполитические противоречия в самой Великой Колумбии. Распри, зависть и тщеславие некоторых вчерашних друзей и соратников, борьба за власть и клевета, распространяемая его противниками в армии, — всё это крайне осложняло обстановку в стране и подрывало силы Освободителя.

Его обвиняют в стремлении установить диктатуру, и в ответ на это он в 1829 — начале 1830 г. трижды просит конгресс об отставке. «Меня подозревают в том, что я стремлюсь к установлению тирании. Но если судьба государства зависит от одного человека, то такое государство не имеет права на существование и в конце концов сгинет», — писал он в заявлении об отставке. После того как 1 марта 1830 г. его просьба была удовлетворена, Боливар собирался поехать в Европу, но умер на родном континенте 17 декабря 1830 г.

РАБСТВО И РАБОТОРГОВЛЯ

«Охотники за рабами сковывали по нескольку негров вместе, гнали их пешком за сотни миль, клеймили, как скот, перевозили через океан на отвратительных невольничьих кораблях и продавали колонизаторам как скот... Никогда ещё человек не падал так низко, как участники чудовищной работорговли». Трудно не согласиться с этими словами американского учёного и общественного деятеля Уильяма Фостера.

С начала XVI в. в течение четырёх столетий рабы оставались одним из самых доходных товаров в торговле наиболее развитых стран мира. По подсчётам исследователей, за это время из Африки было продано в колонии европейских стран около 20 млн невольников. Причём речь идёт только о рабах, доставленных к месту назначения живыми. Если же учесть, что и при охоте на людей, и при перевозке через океан смертность среди них была очень высока, то можно согласиться с выводами тех авторов, по подсчётам которых в период работорговли Африка потеряла свыше 60 млн человек.

Наибольшее количество рабов попадало на невольничьи корабли в результате захвата их специальными вооружёнными отрядами европейцев. Живым товаром становились также люди, проданные либо за какой-то проступок вождями племён, либо родственниками во время голода. Достоянием торговцев оказывались и рабы, перепроданные своими хозяевами, и пленные, захваченные во время войн между аборигенами.

У многих африканских племён было правилом продавать в рабство мужчин и женщин за тяжкие (по нормам местной морали) преступления. Этим активно злоупотребляли туземные вожди, князьки, старейшины и беззастенчиво сбывали по пустяковому поводу своих соплеменников. Не прибегая к силе, европейские работорговцы могли в XVIII в. приобрести раба (по ценам французской фактории) за 3 фунта янтаря или за 100 патронов, 9 унций кораллового ожерелья, 240 ножей, 4 метра ярко-красной материи, 100 литров водки, 4 ружья, 4 фунта гвоздей, 30 фунтов красной шерстяной пряжи, 6 пистолетов, 50 фунтов пороха, 12 пачек писчей бумаги. Впрочем, практиковались и различные комбинации из перечисленных товаров.

Перевозили рабов из Африки в Новый Свет обычно на небольших судёнышках водоизмещением около 200 тонн, человек по 250 на каждом. Описание невольничьего рейса, сделанное португальским историком Х. Оливейра Мартиншем, потрясает: «Судно с рабами представляло собой отвратительный, пронизывающий сердце болью спектакль. Сваленные в трюм невольники напоминали муравейник живых тел, они жадно приникали к железным решёткам люка в поисках глотка свежего воздуха. То и дело происходили жестокие драки, слышались яростные вопли... Внутри трюма царил мрак, несчастные то пребывали в безысходной апатии, то терзались, переполненные отчаянием и ненавистью. Одни пытались удавиться, другие расплющивались толпой».

За малейшее проявление протеста рабов жестоко наказывали — вплоть до того, что выбрасывали за борт в открытое море. Та же участь ожидала и серьёзно заболевших невольников.

Хотя до берегов Нового Света не удавалось довезти живой товар без больших потерь, работорговля приносила колоссальные доходы. На варварском торге наживались голландцы, испанцы, англичане, французы, португальцы и датчане. Победа Англии в войне за Испанское наследство (1700—1713 гг.) позволила стране Туманного Альбиона поставить прибыльное дело под свой контроль. По подсчётам учёных, за всё время работорговли английские суда перевезли в четыре раза больше невольников, чем корабли других стран.

Труд рабов в южных штатах США.

Караван рабов в Африке во времена Ливингстона.

Известно выражение Катона: «Раб должен или работать, или спать». Спустя тысячелетия оно точно отражало положение невольников даже в XIX в. Тяжкий труд на сахарных и хлопковых плантациях, различная чёрная работа — вот удел негров на территории Западного полушария. На Кубе, например, в период уборки сахарного тростника им приходилось работать по 19—20 часов, а есть — два раза в сутки.

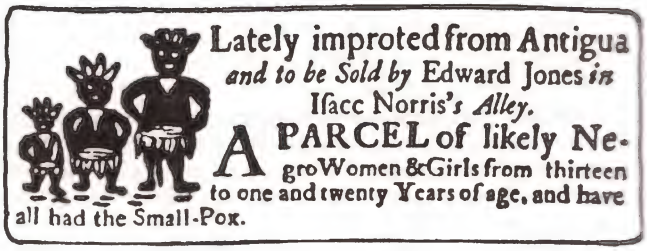
Вседозволенность развязывала рабовладельцам руки. Садисты придумали изощрённую экзекуцию, при которой избиваемый должен сам считать наносимые ему удары. Если несчастный, извиваясь под кнутом, сбивался, что было вполне естественно при почти поголовной неграмотности невольников, то отсчёт начинали с нуля. Палачи проявляли «милосердие», наказывая беременную женщину: прежде чем бросить жертву на землю, в почве делали углубление для живота рабыни. Таким образом, ещё находясь в утробе матери, дети рабов ощущали варварство ожидавшего их бытия.

Приобрели печальную известность такие способы пыток и избиений, как «лестница», «сепо», «грильете», «маса» и т. д. «Лестница» — это наказание привязанного к лестнице раба бичом. «Сепо» — наказание-пытка. На полуобнажённого раба накладывали своего рода смирительную рубашку из дерева с отверстиями для головы, рук и ног. Тот лежал под палящим тропическим солнцем, страдая от жары, жажды и укусов насекомых. «Грильете» — всего-навсего предосторожность, а не пытка. Ноги раба на уровне щиколоток приковывали к достаточно длинной цепи, что позволяло использовать его на различных работах. «Остроумной» разновидностью «грильете» была «маса»: одним концом цепь держала ногу раба, а другим — тяжёлое бревно. Можно было даже передвигаться, правда взвалив бревно на себя.

На невольников, склонных к побегу, надевали железное «колье», состоявшее из кольца, крепившегося вокруг шеи, и двух штырей, торчащих вверх по обе стороны головы наподобие рогов, на которые навешивались колокольчики. На рабов, поедавших стебли сахарного тростника, надевалась закрывавшаяся на ключ металлическая маска без отверстия для рта. Без разрешения надсмотрщика — ни есть, ни пить.

Применялась по отношению к рабам и смертная казнь. Использовали для этого гильотину, и обязательно в присутствии остальных рабов.

«Сколько рабов — столько врагов», — говорил римский философ Сенека. Бич надсмотрщика не только подгонял невольника в работе, но и вызывал в нём чувство непримиримости. Простейшая форма протеста — побег. Уже в первой половине XVI в. рабовладельцы испанских колоний начали создавать фонды для организованного преследования беглых рабов. Появились и специалисты по их отлову. Кубинские «охотники» (ранчадорес) пользовались славой искушённых



Объявление о продаже рабов.

мастеров, и даже имели подготовленных для этой «охоты» собак. Когда в конце XVIII в. англичанам не удалось подавить восстание рабов на Ямайке, они пригласили кубинских ранчадорес, которые с помощью собак быстро подавили очаг сопротивления. Едва ли не решающую роль сыграли собаки.

Графиня де Мерлин довольно подробно описывает их действия: «Иногда происходила схватка между негром и собакой, причём у последней всегда было преимущество, и, даже будучи раненой, она никогда не оставляла свою жертву. С восхитительной ловкостью и лёгкостью собака прыгала на своего противника, стремясь схватить его за уши, а когда это удавалось, вонзала зубы с такой силой, что боль заставляла негров уступать и сдаваться на милость победителя... Если же негр не сопротивлялся, как это чаще всего и было из-за ужаса, охватывающего его при виде разъярённого зверя, собака не трогала его и удовлетворялась тем, что сопровождала беглеца...» Натасканных собак брали на корабли, перевозившие рабов, чтобы не позволять неграм прыгать за борт. Показательно, что расходы на содержание собаки превышали затраты на содержание раба.

Если кто-либо из преследователей получал ранение, то колониальные власти оплачивали его лечение, сколько бы оно ни длилось, и в течение этого периода выдавали раненому жалованье в полном размере. Пойманных невольников возвращали хозяевам через 72 часа, однако рабов, принимавших участие в восстаниях, ограблениях или ставших известными ворами, отправляли в тюрьму.

В колонии ввозили в основном негров-мужчин, но во второй половине XVIII в. по просьбе плантаторов стали доставлять и рабынь, хотя экономически было выгоднее покупать новых невольников, нежели содержать их семьи. Рабы почти не воспроизводились в пределах рабовладельческого хозяйства; восполнение потерь всецело зависело от поставок живого товара из Африки.

Во многих колониях рабы получали небольшие участки земли для ведения личных хозяйств. Это носило большей частью формальный характер, ибо у невольника практически не хватало времени на обработку своего надела.

Цены на рабов до начала XIX в. были не слишком высоки. Нередко невольников перепродавали и в самих колониях. В декабре 1810 г.

гаванская газета «Диарио де ла Авана» сообщила о продаже 20-летнего негра за 450 песо, а рядом предлагались за 1500 песо три мула. Таким образом, молодой раб ценился дешевле тяглового животного.

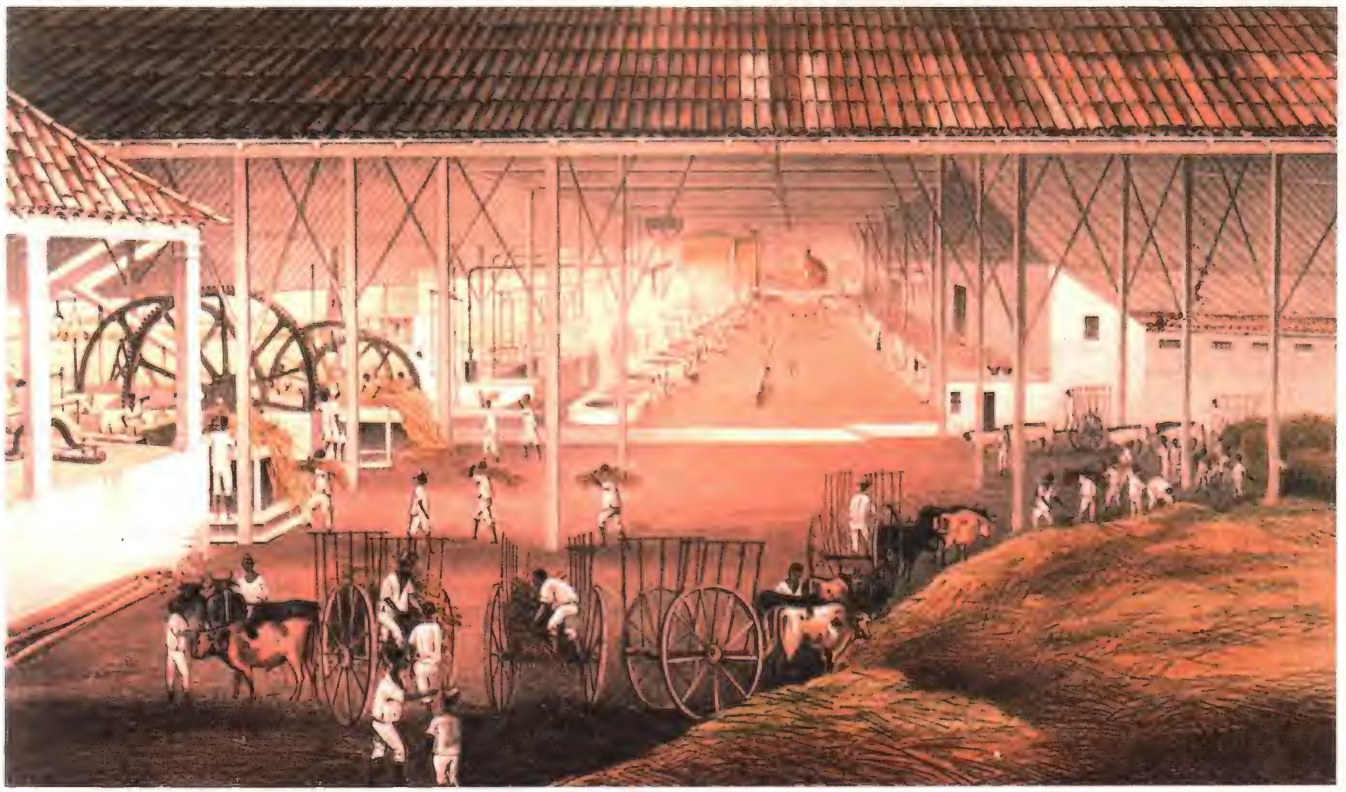
Дороже всего стоили невольники, имевшие навыки сапожников, плотников, портных и т. п., а также рабыни, умевшие вести хозяйство и ухаживать за больными. Велась торговля и детьми рабов, причём очень часто встречались объявления о раздельной продаже матери и её ребёнка. Часто рабов обменивали на различные вещи, предметы, дома, породистых животных.

Беспросветное положение рабов нередко толкало их к восстаниям, которые жестоко подавлялись. Многие невольники бежали в горы или леса, создавали там свои «республики». Самой известной из них является «Республика Пальмарес» в Бразилии, просуществовавшая с 1630 до 1697 г. Численность её населения составляла около 20 тыс. человек. Её обитатели занимались не только сельским хозяйством, но и приспособились плавить и обрабатывать металлы. Это «государство» управлялось вождём, избираемым пожизненно советом старейшин.

Подобные укреплённые поселения имелись на Кубе, Ямайке, а также в Венесуэле, США, Суринаме. Во второй половине XVIII в. суринамские «лесные негры», чья численность, по некоторым оценкам, доходила до 40 тыс., сумели создать настолько крепкую «республику», что голландские колониальные власти вынуждены были в 1761 г. заключить с ними пакт о мире, признав тем самым их автономию.

Несколько столетий работорговли породили специальную терминологию. Если в товарных ведомостях упоминались «мужчины» и «женщины», то речь шла о неграх от 17 до 40 лет, если же говорилось о «стариках», то имелись в виду невольники с сединами — те, кому уже больше 40 лет. С конца XVII в. стало широко использоваться такое понятие, как «тонна негров», что означало вес трёх рабов ростом не ниже семи четвертей (182 см). «Тонна негров» — сколько в этом сочетании слов кощунства и глумления над человеческой природой. В различных странах мира, начиная со второй половины XVIII в. всё чаще и настойчивее зазвучали голоса известных деятелей науки и культуры, требовавших запрета работорговли.

С начала XIX в. этот вопрос стал одной из важнейших проблем международных отношений. Первой в 1804 г. прекратила эту позорную торговлю Дания. Затем Великобритания, нажившая колоссальные барыши на живом товаре, начала широкую кампанию осуждения варварской коммерции, как порочащей цивилизованные народы Европы. Подоплёка столь неожиданной метаморфозы политики Лондона легко объяснима: она



Работа на сахарном заводе.
Литография. Куба. XIX в.

сугубо экономическая, а отнюдь не нравственная. К началу XIX в. Великобритания значительно опережала страны Европы по развитию капиталистических отношений, что обеспечило ей почти монопольное положение «мастерской мира». Британские экономисты хорошо осознавали бесперспективность рабства. Уже в конце XVIII в. труд свободного рабочего в Вест-Индии был втрое производительнее труда раба. К тому же отделение от английской короны Соединённых Штатов Америки избавило Лондон от необходимости пополнять бывшую колонию рабочей силой. Оставшиеся колонии не испытывали в ней недостатка.

Прекращение работорговли нанесло бы серьёзный удар по соперникам Великобритании. Особенно пострадали бы Испания и Португалия. Лишившись притока невольников, их колонии оказались бы ещё более зависимыми от закупок английского промышленного оборудования и различного рода технических усовершенствований.

Среди стран, активно поддержавших запрещение работорговли, была и Россия, прогрессивные деятели которой давно выступали в защиту рабов. Декабристы проводили прямые аналогии между рабством Нового Света и крепостным правом в России и призывали навсегда покончить с ними.

Непримиримую позицию по отношению к работорговле занимал и российский двор. Не приходится сомневаться в искренности гуманных побуждений русского императора. Александр I, воспитанный французом-республиканцем Лагарпом, в юности был поклонником французской революции конца XVIII в., и затем в его политической практике иногда причудливо сочетались взаимоисключающие друг друга либерализм и абсолютизм. Великодушное сострадание невольникам-неграм и игнорирование бесправного положения своих подданных, крепостных крестьян, — один из парадоксов правителя России.

В 1815 г. на Венском конгрессе, казалось, вся Европа выступала за ликвидацию позорного торга, однако в процессе обсуждения выявились две весьма отличающиеся друг от друга позиции. Англия считала этот вопрос международно-правовым, а Испания, Португалия, Голландия и Франция — национальным, касающимся только их непосредственно. К тому же они заявили, что конгресс не полномочен устанавливать сроки прекращения работорговли. Колониальные державы настаивали на сохранении её ещё на неопределённое время, признавая, впрочем, противоречащей нормам общечеловеческой и христианской морали.

Искоренить позорное явление сразу не удалось. Появились лишь многочисленные конвенции, декларации, декреты. Торговля людьми продолжалась: с 1807 по 1847 г. из Африки вывезли более пяти млн рабов.

Англия вновь поднимала этот вопрос в 1822 г. на Веронском конгрессе великих держав того времени, но добилась только морального осуждения рабства. В первой половине XIX в. во многих странах мира возникли мощные общественные движения борцов за полное запрещение купли-продажи людей.

Развитие экономики и достижения промышленности стран Европы и Америки выявили полную бесперспективность рабства. Весь XIX век прошёл под знаком отмены рабства в различных странах. В начале столетия оно было объявлено вне закона на Гаити, затем — в Центральной Америке и Мексике, в 50-е гг. — в большинстве латиноамериканских государств. 1 января 1863 г. с рабством было окончательно покончено в США, в 1886 г. — на Кубе, в 1888 г. — в Бразилии.

Только в 1926 г. была наконец принята Лигой наций и ратифицирована большинством государств Конвенция о полном запрещении рабства и работорговли.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

Среди выдающихся политических деятелей мира особое место занимает шестнадцатый президент США Авраам Линкольн. Его президентство пришлось на период гражданской войны в США, продолжавшееся с 1861 по 1865 г. и унёсшей жизни около 600 тыс. американцев. В истории Линкольн навсегда останется как человек, предотвративший распад Соединённых Штатов и освободивший рабов. Он по праву считается продолжателем дела «отцов-основателей» США, создателей американской демократии.

Авраам Линкольн родился 12 февраля 1809 г. в штате Кентукки в семье бедного фермера. Всё её благосостояние зависело от клочка земли, на котором работали родители Авраама, Томас и Нэнси Линкольны. С детства Авраам привык трудиться, помогая родителям обрабатывать землю, охотясь и собирая лесные ягоды. Американских фермеров в начале XIX в. подстерегало много опасностей. Нападения индейцев, эпидемии, истощение земли заставляли их часто переезжать с места на место. Не была исключением и семья Линкольнов. Это помешало Аврааму получить даже начальное образование. Сам он об этом говорил так: «Бесспорно, что, когда я достиг совершеннолетия, я знал немного. Однако я кое-как читал, писал и считал, и это было всё, что я мог». Выручали его природная любознательность, отличная память, постоянная тяга к самообразованию. Он очень любил читать. Любимыми книгами его детства были «Робинзон Крузо», «Басни Эзопа» и «История Соединённых Штатов».

Линкольн всего в жизни добился собственными усилиями. Начав в 21 год самостоятельную жизнь, он перепробовал много профессий. Работал землемером, кладовщиком, лесорубом, почтовым служащим, даже воевал с индейцами. В течение нескольких лет Линкольн изучал право, рассчитывая получить лицензию адвоката. В круг его интересов входили также история и филология, он самостоятельно изучал математику и механику. Живя среди простых людей, Линкольн сумел завоевать авторитет успехами в спортивных состязаниях, особенно в борьбе.

Природа наградила Линкольна яркой внешностью. Огромного роста, с необыкновенно длинными руками и ногами, его фигура выделялась в любой толпе. Один из современников Линкольна вспоминал, что от него веяло магнетизмом и энергией, которые притягивали к нему людей.

Первые шаги в политике Линкольн сделал в 1834 г., когда был избран в законодательное собрание штата Иллинойс, пройдя здесь отличную политическую школу, завоевав авторитет среди коллег. В 1836 г. Линкольн сдал сложный экзамен и получил право на собственную адвокатскую практику. Став юристом, он перебрался в город Спрингфилд. Линкольн впервые в жизни начал хорошо зарабатывать. Для этого ему приходилось практиковать не только в Спрингфилде, но по всему судебному округу. Каждую весну и осень он верхом или в коляске проезжал сотни миль по малонаселённым прериям от одной деревушки к другой, разбираясь в тяжбах фермеров. Дела по большей части были мелкими, а гонорары за них — ничтожными. Глубокими знаниями юриспруденции и бескорыстностью Линкольн добился известности в штате Иллинойс.

Следующей ступенькой в политической карьере Авраама Линкольна стало его избрание в палату представителей конгресса США в 1847 г. Работа в конгрессе открывает возможность претендовать на место в правительстве страны. Однако Линкольну не удалось в этот раз выделиться среди американских законодателей. Более того, выступив против американской агрессии в Мексике и политики президента Полка, Линкольн нажил себе много политических врагов. Дело было в том, что США в то время вели активную внешнюю политику по захвату земель соседних стран, особенно Мексики. При помощи оружия и денег американцы за первую половину XIX в. увеличили свою территорию в 3,5 раза. Большинство населения страны поддерживали такие действия правительства. Линкольн, будучи убеждённым противником войн, решительно высказался против американского вторжения в Мексику. Оценивая действия правительства, он заявлял, что «политический курс демократов ведёт к новым войнам, территориальным захватам, к дальнейшему распространению рабства».

Когда в 1849 г. срок его пребывания в палате представителей истёк, он даже не пытался выставить вновь свою кандидатуру. Возвращение из

Линкольн.
Национальная портретная галерея, Вашингтон.

конгресса домой в Спрингфилд ознаменовало наступление худшего периода в жизни Линкольна: он потерял политическую популярность, его адвокатская практика значительно уменьшилась, появились большие долги. Но за последующие три-четыре года благодаря упорству и знаниям Линкольн стал ведущим юристом штата Иллинойс. Взявшись за то или иное дело, он всегда добивался досконального расследования, до тонкостей знал относящиеся к делу законы, умел преодолеть все формальности и добраться до сути вопроса. Путешествуя по судебному округу, он восстановил былую популярность.

Неудачная проба сил в конгрессе не заставила Линкольна отказаться от политической деятельности. Он вовсе не собирался ограничивать себя работой адвоката и присоединился к образовавшейся 25 февраля 1854 г. Республиканской партии. В это время политическая борьба внутри США шла вокруг вопроса о неосвоенных землях

на западе страны и о территориях, захваченных у других стран. Южные штаты, где процветало плантационное рабовладельческое хозяйство, хотели распространить рабство и на новые территории. Северные штаты, где рабства не было, считали, что эти земли должны достаться свободным фермерам и промышленной буржуазии. Но вопрос о свободных землях был лишь частью более сложного и важного для США вопроса о будущем страны в целом: будут ли в ней развиваться капиталистические формы собственности или верх возьмёт плантаторско-рабовладельческая система хозяйства. Очень остро стоял и вопрос о рабстве. Во всём цивилизованном мире оно было осуждено и работорговля запрещена. США же, так гордившиеся своей демократией, продолжали тайно покупать рабов и ввозить их в страну.

Негры никогда не мирились со своим ужасным положением. Они поднимали восстания, бежали на Север, но плантаторы Юга жестоко подавляли восстания, устраивали на бежавших рабов облавы, словно на диких зверей. В 1850 г. они добились права охотиться за беглыми рабами на территории всей страны. Передовые люди с сочувствием относились к борьбе негров и выступали за отмену рабства в США. Наиболее решительные из них, объединившись с рабами, вступали на путь вооружённой борьбы против рабовладельцев. Так, в 1859 г. Джон Браун, создав небольшой отряд из белых и негров, попытался поднять восстание за освобождение всех рабов Юга. Но местное население не поддержало восставших, Джон Браун был схвачен и казнён.

Авраам Линкольн был противником рабства. 18-летним юношей Линкольн побывал в Новом Орлеане, этом крупнейшем центре работорговли Юга. Он был потрясён тем, что на городском рынке людей продают словно животных. «Я ненавижу рабство, потому что рабство само по себе чудовищно несправедливо», — говорил Линкольн. Но как политик он понимал, что попытки крутыми мерами покончить с позорным явлением лишь приведут к войне и распаду государства. Близким он признавался, что вопрос об отмене рабства и сохранении Союза штатов является для него сложнейшей проблемой. Поэтому в своих политических высказываниях он был чрезвычайно осторожен.

Линкольн считал, что сохранение Союза важнее всех остальных проблем. «Несмотря на то, что я ненавижу рабство, я скорее соглашусь на его расширение, чем увижу Союз распавшимся», — говорил он. Перспектива борьбы Юга и Севера страны представлялась Линкольну так: «Дом, разрушенный ссорами, не может устоять. Я уверен, что нынешнее правительство не может быть устойчивым, оставаясь наполовину рабовладельческим, наполовину свободным. Я не ожидаю, что союз будет расторгнут, что дом рухнет, и считаю, что раздоры в нём прекратятся. Он станет или полностью свободным, или полностью рабовладельческим». Линкольн был уверен в возможности мирного решения спора между Севером и Югом. В душе он надеялся, что если рабство будет ограничено только южными штатами, то постепенно оно само отомрёт. Рабский невольничий труд приводил к тому, что земля плохо обрабатывалась и быстро скудела, и плантаторам, чтобы получать прибыль со своего хозяйства, приходилось постоянно расширять территории своих владений.

Конец 50-х гг. XIX в. был поворотным моментом в жизни Линкольна. Активно участвуя в политических спорах, он приобрёл широкую известность в стране. Выступая в различных уголках страны, Линкольн проявил себя как умный и осторожный политик. Он не стал поддерживать требование отмены рабства и стремился всеми силами не допустить гражданской войны. На собрании Республиканской партии в Чикаго Линкольн был выдвинут кандидатом в президенты. Теперь предстояла трудная борьба с кандидатами демократов, поддерживающих рабовладельцев Юга. В ходе предвыборной кампании Линкольн сдержанностью и стремлением избегать крайностей сумел убедить избирателей и, победив на выборах 6 ноября 1860 г., стал президентом США.

Избрание республиканца послужило толчком к отделению восьми рабовладельческих штатов, объявивших 4 февраля 1861 г. о создании независимого государства — Конфедеративных Штатов Америки со столицей в Ричмонде, избравших своим президентом Джефферсона Девиса.

Линкольн оказался в сложном положении. Он не имел опыта управления страной, не было ещё сформировано правительство. Линкольн хотел убедить рабовладельцев отказаться от раскола Союза. Между тем обстоятельства потребовали быстрых и решительных мер. Южане атаковали и захватили форт Самтер. Через два дня Линкольн объявил штаты Конфедерации в состоянии мятежа и обратился ко «всем лояльным гражданам» с призывом выступить на защиту страны. В армию вступили 75 тыс. добровольцев. Началась гражданская война между Севером и Югом.

Вначале Линкольн думал, что северянам удастся быстро победить рабовладельцев. Действительно, северные штаты занимали гораздо большую территорию, там жила большая часть граждан страны, они имели хорошо развитую промышленность. Но Север не был готов к войне. Многие офицеры армии — выходцы из южных штатов — с началом войны перешли на сторону рабовладельцев. Кроме того, в северных штатах насчитывалось немало сторонников Конфедерации, всячески вредивших войскам правительства. Так что опыт управления страной и армией приходил к президенту Линкольну через горечь поражений и неудач. 12 апреля 1865 г. у города Аппамотокс состоялась церемония сдачи оружия южанами.

Наведение порядка Линкольн начал с правительства. Его доброжелательность, справедливость к оппонентам, уравновешенность, юмор и великодушие позволили создать хорошо работающее

правительство, состоящее как из сторонников освобождения рабов, так и из тех, кто склонялся к примирению с рабовладельцами. Свою задачу в гражданской войне Линкольн определил так: «Моя главная цель в этой борьбе спасти Союз безотносительно сохранения или разрушения рабства. Если я смогу спасти Союз без освобождения рабов, я сделаю так; если я смогу спасти его, только освободив всех рабов, я сделаю так; если я смогу спасти его, освободив часть рабов, я сделаю так». Президент умело лавировал между мнениями министров правительства. Он терпеливо выслушивал всех, но решения всегда принимал самостоятельно.

Другой сложной проблемой было создание сильной армии. Линкольн обратил внимание на талантливого генерала Улисса Гранта и назначил его командующим армией северян. Вместе с другими способными генералами — Шерманом, Шериданом, Томасом — Грант сумел провести большое совместное наступление на южные штаты.

Президент Линкольн проявил себя и как талантливый дипломат. Ярким примером может служить так называемое «дело Трента». На борту английского судна «Трент» два дипломата Конфедерации направились в Великобританию и Францию, чтобы склонить европейцев к оказанию помощи Югу. Однако английское судно было задержано северянами, а посланники южан арестованы. Правительство Великобритании расценило действия северян как оскорбление. Линкольн понимал, что выступление англичан на стороне Юга недопустимо, и освободил дипломатов. Угроза войны с Великобританией исчезла.

Два закона, принятых Авраамом Линкольном в ходе войны, имели решающее значение для победы северян и последующего развития США. По закону о гомстедах каждый желающий мог получить за символическую плату в 10 долларов земельный надел в 65 га. Этим Линкольн и привлёк в армию северян многих людей, желавших получить землю, и заложил основы современного американского фермерства. Другим законом, подписанным Линкольном 1 января 1863 г., была знаменитая Прокламация об освобождении негров-рабов. Сам Линкольн оценил документ так: «Если моё имя когда-либо попадёт в историю, то за этот акт, и в нём — вся моя душа». Прокламация, правда, освобождала лишь рабов мятежных штатов. Линкольн опасался, что в случае полной отмены рабства к мятежникам могут присоединиться те рабовладельческие штаты, которые не вышли из состава Союза. Но когда гражданская война уже стремительно катилась к своему завершению и победа Севера была очевидной, по инициативе Линкольна была принята 13-я поправка к Конституции США, навсегда запретившая рабство.

Закон о гомстедах и освобождение рабов — выдающийся вклад Линкольна в развитие подлинной свободы личности в США. Президент собственным примером демонстрировал уважение человеческого достоинства. Линкольн принимал посетителей-негров, чего прежде не делал ни один президент США, а одним из его друзей был бывший раб Фредерик Дуглас.

Линкольн понимал и любил свой народ, и американские граждане ответили ему всеобщей поддержкой. 8 ноября 1864 г. на очередных выборах он был избран президентом на второй срок. 9 апреля 1865 г. войска южан под командованием генерала Роберта Ли капитулировали. Гражданская война в США закончилась, но президент стал одной из последних жертв этой кровопролитной войны. 14 апреля 1865 г., когда страна праздновала победу, в Вашингтоне, в театре Форда, Авраам Линкольн был убит выстрелом в голову. Совершив злодеяние, убийца, актёр Джон Бутс, фанатичный сторонник южан, выскочил на сцену и выкрикнул: «Так погибают тираны. Юг отомщён!».

Смерть Авраама Линкольна буквально потрясла весь мир. Нескончаемым потоком шли люди в Белый дом, чтобы проститься с человеком, который вывел страну из тяжелейшего кризиса, сплотив сторонников единства страны и уничтожения рабства. Только сохранив единое государство, США смогли впоследствии стать ведущей державой мира. Оценивая заслуги Линкольна, великий русский писатель Л. Н. Толстой сказал так: «Он был тем, чем Бетховен был в музыке, Данте в поэзии, Рафаэль в живописи, Христос в философии жизни».

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

В истории случаются моменты, когда острейшие проблемы, стоящие перед той или иной страной, решаются в результате появления человека, как бы воплощающего в себе совесть народа и облагораживающего своей светлой личностью массовое движение.

Таким человеком для Италии середины XIX в. можно по праву назвать Джузеппе Гарибальди. Родился он 4 июля 1807 г. в Ницце в семье моряка. С юных лет ему был уготован жизненный путь отца — дорога в море. Уже подростком Джузеппе стал юнгой на торговом судне, побывал во многих портах, в том числе в Одессе.

А время на юге Европы было бурное. Мрак, опустившийся над Европой после Венского конгресса, был прорезан вспышками революций в Испании, Португалии, Неаполе, Пьемонте. Девять лет шла освободительная борьба против турецкого ига в Греции. Молодой Гарибальди, проходя водами Эгейского моря, мечтал присоединиться

Джузеппе Гарибальди наблюдает за битвой при Вольтурно. 1860 г.

к греческим повстанцам. В самой Италии для него как будто бы не было дела.

Всё изменила случайная встреча на юге России, в Таганроге, куда Гарибальди приплыл, став уже капитаном небольшого торгового корабля, за партией зерна. В небольшом портовом кабачке незнакомый итальянец агитировал соотечественников вступать в освободительное общество «Молодая Италия». Деятельность этого общества, вероятно, знакома многим нашим читателям по роману Этель Лилиан Войнич «Овод». «Молодая Италия» была основана в 1831 г. группой итальянских революционеров-демократов во главе с Джузеппе Мадзини. В отличие от движения передовых дворян — карбонариев в предшествующие годы «Молодую Италию» составляли люди, которых в России назвали бы «разночинцами». Общество вело борьбу за демократическую и единую Итальянскую республику, против австрийского господства и папской власти. Многие революционеры всё ещё надеялись достичь перемен в стране с помощью заговоров и даже одиночных выступлений. Другие пытались развернуть агитацию в народе.

26-летний Гарибальди понял, что нашёл своё дело. После встречи с Мадзини в Марселе он принимает участие в подготовке вооружённого выступления в Генуе и использует в этих целях корабль «Эвридика». Но в феврале 1834 г. замысел его соратников был раскрыт, многие арестованы, а сам Гарибальди через Ниццу перебрался на территорию Франции, чудом избежав ареста. Заочно его приговорили к смертной казни.

Летом 1835 г. во Франции вспыхнула эпидемия холеры, и Гарибальди отправился туда, где людям нужна была помощь: в Марселе он выполнял работу санитара. Вскоре на корабле Гарибальди вторым помощником капитана отплыл в Рио-де-Жанейро. Начался бурный латиноамериканский период его жизни (опять напрашивается параллель с судьбой Овода из романа Войнич). В Бразилии, Уругвае, Аргентине было много итальянских эмигрантов, в среде которых оказался Джузеппе. Некоторое время Гарибальди всецело отдаёт себя ремеслу моряка. Он даже совершает плавание в далёкий китайский порт Макао. Но постепенно он начинает помогать повстанцам на юге Бразилии, ведущим борьбу против власти императора и рабства. Флагманом партизан становится его судно, названное «Мадзини». Сражения, бегство в Аргентину по реке Ла-Плата, командование флотилией республики Рау-Гранди, буря, арест... пытки в застенках диктатора Росаса. Друзья добились его освобождения. И вновь — партизанский отряд в Бразилии. В Бразилии Гарибальди встретил свою будущую супругу — Аниту. Она стала неразлучной спутницей героя, сражалась вместе с ним, стойко переносила все лишения. Вскоре родился сын — Менотти.

В 1841 г. повстанцы потерпели серьёзное поражение. Гарибальди пришлось поселиться в Уругвае. Но и здесь он предложил свои услуги в качестве бойца против войск Росаса, пытавшихся захватить маленькую соседнюю страну. Он сражался на море и на суше, организовал итальянский легион и с честью расквитался со своим бывшим обидчиком-диктатором. Для уругвайцев он стал живой легендой. Известия о блестящем полководце дошли и до Европы. Итальянский народ уже стал связывать его имя с надеждами на лучшие времена. В свою очередь, Гарибальди знал, что на его родине растёт недовольство иностранным господством. В конце 1847 г., услышав об амнистии, он отплыл в Европу с женой, тремя сыновьями и своим легионом в полном составе.

Когда корабль вошёл в Средиземное море, в разных странах Европы грянула буря революций 1848 г. Известие о начале народных выступлений в Неаполитанском королевстве придало гарибальдийцам огромное воодушевление. Один из бойцов, Кочелли, сочинил боевой гимн:

Разверзлись могилы, и мёртвые встали,
И наши страдальцы пред нами предстали,
Венчанные лавром, как некогда в жизни,
С любовью к отчизне в горячей груди.
Восстань же! Восстань же, о юность народа!
Неси наше знамя под ветром свободы...

В родной Ницце Гарибальди был встречен с ликованием. Но в столице Сардинского королевства (Пьемонта) Турине король Карл-Альберт принял его весьма холодно. Король опасался массового народного движения. После поражения регулярной сардинской армии под Кустоццей Гарибальди начал партизанскую войну. Осенью 1848 г. он появился в Центральной Италии, пытаясь пробиться к осаждённой Венеции, но тут началось восстание в Риме, и полководец повернул свои отряды туда. Однако римские власти, несмотря на чрезвычайную популярность народного героя, не спешили доверять ему и не допустили, чтобы он полностью разбил французский корпус, направленный Луи Наполеоном на помощь Папе, так как рассчитывали на примирение с Францией. В результате французы, подтянув свежие силы, взяли Рим в июле 1849 г. При этом героический неравный бой с ними вели только гарибальдийцы... Оставалась ещё Венеция, к которой вновь начал продвигаться Гарибальди. Но силы его бойцов были истощены. Всего 200 повстанцев дошли по горам до Сан-Марино. Спустившись к морю, разместились в лодках. Ночью последовала атака австрийцев. На берег Гарибальди вынес смертельно раненную Аниту. Смерть горячо любимой, преданной ему жены была для него тяжелейшим ударом.

Всё, казалось, было кончено. В августе пала Венеция. Ценой моря крови в Италии были восстановлены прежние границы и порядки. Самого Гарибальди поспешили арестовать власти Сардинского королевства, где он укрылся, но под давлением общественности освободили и выслали за границу.

На некоторое время Гарибальди отдаляется от политики. Он совершает новые морские плавания: в Перу, Китай, Новую Зеландию, кругосветное путешествие. В Лондоне он вновь встречается с Мадзини и итальянской революционной эмиграцией. Какое-то время Гарибальди надеется на объединение страны с помощью дипломатической активности Пьемонта, где с программой реформ выступил премьер граф Камилло Кавур. В союзе с Францией, которой были тут же отданы Савойя и Ницца, родина Гарибальди, Пьемонт начал войну с Австрией за её итальянские владения.

Новый отряд Гарибальди был специально отправлен на самый тяжёлый участок боёв. Видя, что инициатива от регулярных войск переходит к гарибальдийцам, Кавур попытался «обезвредить» своих политических соперников. Было спровоцировано поражение войск под командованием Гарибальди (единственное!). Путём искусных интриг Сардинское королевство объединило под своей короной север страны, а республиканцы и люди из низов оказались не у дел.

Мадзини стремился подготовить восстание своих сторонников в Неаполитанском королевстве. Вооружённое выступление было намечено на начало апреля 1860 г. на Сицилии. Гарибальди получил приглашение возглавить экспедицию помощи повстанцам. Долгое время с Сицилии в Геную, где собралась тысяча бойцов, приходили тревожные вести — восстание началось неудачно. Но вот крестьяне стали захватывать помещичьи усадьбы.

«Едем!» — сказал Гарибальди. И 6 мая «Тысяча» бойцов-гарибальдийцев на двух кораблях отплыла на юг. Через пять дней бойцы, одетые в красные рубашки, высадились в порту Марсала под оркестр и звон колоколов. Сразу же народный вождь добился ликвидации декретами революционного правительства наиболее тяжёлых налогов и раздачи помещичьей земли крестьянам. К «Тысяче» присоединились крестьянские отряды. 14 мая 25-тысячная армия неаполитанских Бурбонов встретилась с восставшими у городка Калатафими. Это была самая удивительная победа Гарибальди. С лёгким оружием бойцы врезались в части противника с криками: «Да здравствует Гарибальди!». Всё выше и выше вздымалось их знамя, переходя из рук в руки. Впереди был главнокомандующий. В панике противник бежал. При полном моральном превосходстве бойцы-гарибальдийцы вступили в Палермо. В июле восставшие заняли весь остров. Почти не встречая сопротивления, за 18 дней Гарибальди совершил путь из Калабрии в Неаполь и триумфально вступил в южную столицу. Королевская армия капитулировала, её солдаты отдавали честь победителям. Народное ликование было небывалым. Неграмотные крестьяне и ремесленники уверовали в то, что Гарибальди — Христос.

Поход 1860 г. способствовал необычайной популярности Гарибальди в Европе. В его войска стекались добровольцы из разных стран — французы, немцы, поляки, венгры, русские. Адъютантом Гарибальди был русский учёный-географ Л. И. Мечников.

Но будучи человеком гениального общественного чутья, Гарибальди не был профессиональным политиком. И при первых же попытках Кавура забрать власть в Южной Италии он уступил. Объявив о передаче власти в Неаполе Виктору-Эммануилу, Гарибальди двинулся с войсками на Рим, где сохранял власть Папа, одержал новую победу — при Вольтурно. Но в обход Рима папские владения уже занимали пьемонтские войска. Властям Пьемонта вовсе не нужна была ликвидация помещичьего землевладения (они искали поддержки дворян Юга) и перспектива установления республики. 26 сентября севернее Неаполя произошла встреча Гарибальди с Виктором-Эммануилом. Несколько сот гарибальдийцев приветствовали короля. Тот пожал Гарибальди руку и объявил добровольческие войска распущенными. Напрасно Гарибальди просил оставить ему на год управление занятыми им территориями — король был непреклонен. Полководец был отправлен на остров Капрера, где Гарибальди ранее купил земельный участок. От титулов и наград полководец отказался. Фактически это было почётной ссылкой. Провозглашение единого Итальянского королевства в марте 1861 г. прошло уже без человека, который был душой объединения страны. Плодами его труда воспользовались другие люди: расчётливые, осторожные и беспринципные... «Это совсем не та Италия, за которую я боролся всю мою жизнь!» — говорил Гарибальди.

Впрочем, энергия и жажда справедливости ещё возвращали его в «строй». В 1862 г. Гарибальди попытался возглавить выступление против Рима, был встречен пьемонтскими войсками и ранен, потому что не хотел стрелять в своих. Его вновь арестовали, но выпустили, так как голос в защиту подняли все передовые люди в Европе. Вылечил Гарибальди видный русский учёный-хирург Н. И. Пирогов, приехавший к нему. Потом Гарибальди командовал войсками во время новой войны с Австрией за Венецию в 1866 г. и, наконец, взял в 1870 г. Рим — так завершилось объединение страны. После этого неутомимый ветеран освободительных движений прибывает во Францию и защищает вместе со своими сыновьями от прусских войск Дижон. Он горячо поддержал Парижскую коммуну, а его сын Менотти стал депутатом Совета коммуны.

Последние годы жизни Гарибальди были нелёгкими и печальными: неудачный второй брак, смерть многих соратников, отчуждённость от королевской Италии. Но в его скромном доме часто бывали многие приверженцы демократических, революционных взглядов. Умер Джузеппе Гарибальди 2 июня 1882 г.

Конечно, это лишь немногое из того, что можно рассказать о Гарибальди. Будучи самоучкой и

практиком, а не теоретиком освободительного движения (такую роль в Италии сыграл Мадзини), он стал, однако, одной из самых замечательных фигур в мировом революционном движении конца XIX в.

Александр Герцен познакомился с Гарибальди во время его приездов в Лондон и способствовал однажды его примирению с Мадзини. Николай Добролюбов был в Италии вскоре после событий 1860 г. и высоко оценил борца за объединение страны. Алексей Горький, живший уже в другое время, вспоминал, как вошёл в его жизнь Гарибальди: «В первый раз я услышал это великое имя, когда мне было 13 лет. Я служил тогда кухонным мальчишкой на пассажирском пароходе... Кто сидя, кто стоя слушал рассказ одного пассажира: "Звали его Джузеппе, по-нашему Осип, а фамилия его была Гарибальди. Великая у него была душа. И кликнул он клич по всей стране: "Братья, свобода выше и лучше жизни! Подымайтесь все на борьбу с врагом и будем биться, пока не одолеем!". И все послушались его, потому что видели, что он скорее трижды умрёт, чем поддастся. Все пошли за ним и победили...».

КАРБОНАРИИ

Лучшие драматурги — во Франции,
а лучшие театры — в Италии...
Вольтер

Странное зрелище представляла собой Италия в XVIII в. С одной стороны — страна высочайшей культуры, вековых традиций науки, общественной мысли, литературы; страна, бывшая школой для живописцев, скульпторов, композиторов, музыкантов, артистов и зодчих всей Европы; страна роскошных вилл, фонтанов, карнавалов и потрясавших воображение учёных людей археологических находок. С другой стороны — сохранение самой рутинной раздробленности, отсутствие самостоятельной политики у большинства мелких государств, зависевших сначала от Испании, а затем от Австрии, стоявшая поперёк всякого свободомыслия папская власть в самом центре — Риме, тяжёлая отработочная система в поместьях, обилие батраков и городских нищих, разбойничьи шайки, инквизиция, шпионаж и дворцовые заговоры. Одна лишь Венеция была относительно свободной республикой, но и ей было далеко до былого величия. При всём блеске своего искусства Италия не дала за весь «век Просвещения» ни одного крупного мыслителя европейского масштаба.

Положение стало меняться только после Великой французской революции. Гром пушек в Париже разбудил все страны Европы, где господствовали феодально-абсолютистские порядки. Во многих городах Италии проходили демонстрации в поддержку революционного народа Франции. Появилась надежда, что освобождение от австрийского господства и политические преобразования принесут в Италию французские войска. Появились первые тайные общества, в том числе «Общество лучей» в более культурно развитой северной части страны. Сторонниками преобразований в Италии выступали часть молодых дворян, буржуазия, офицерство. Наиболее решительно настроенные выступали за республиканский строй в княжествах и королевствах, были и сторонники якобинцев, из которых выдвинулся Филиппо Буонаротти, приехавший затем в Париж и ставший сподвижником Гракха Бабёфа.

И вот в 1795 г. войска Франции под командованием генерала Наполеона Бонапарта вступили в Италию под лозунгами республики и борьбы против контрреволюционной Австрии. На севере страны была провозглашена Цизальпинская республика, в центре — Лигурийская и Римская, на юге — Партенопейская. Казалось, старые режимы рухнули навсегда, и в стране, правда попрежнему раздробленной, установился конституционный строй. Однако с самого начала Наполеон стремился прежде всего подчинить Италию Франции. Он отказался от помощи местных революционеров и начал вывозить в Париж культурные ценности. «Общество лучей» было распущено. Окончательно захватническая политика Бонапарта проявилась после захвата им единоличной власти во Франции в 1799 г. и затем — провозглашения себя императором с помощью Папы Римского. Пьемонт, Генуя, Тоскана, Венеция и Рим стали французскими владениями, на остальной территории были образованы Итальянское и Неаполитанское королевства с приближёнными Наполеона Богарне и Мюратом на тронах.

Всё это определило двойственное отношение передовых людей к тому, что произошло в Италии. Идеи французской революции, принесённые в страну, совершили в ней внутренний сдвиг. Но французская империя грозила похоронить идею национального возрождения. Поэтому с 1805 г. в Италии начали возникать новые тайные общества, выступавшие против наполеоновского господства, но за сохранение нового законодательства. На севере это было «Общество адельфов» (братьев), на юге — «Общество карбонариев» (угольщиков). Угольщиками называли себя члены масонского братства на юге Франции, собравшиеся в заброшенных угольных копях. Общества возникли по типу масонских лож и вначале проповедовали идеи раннего

христианства, но постепенно приобрели революционный характер. Они были разбиты на секции — венты (ячейки на определённой территории). Венты подчинялись «материнским вентам», а те — «высоким вентам». У испанских революционеров карбонарии позаимствовали катехизисы — своды правил своей деятельности. Большую привлекательность для тайных обществ Италии имела испанская конституция 1812 г., принятая также на волне борьбы с Наполеоном. После поражения Наполеона в России и изгнания его войск из Испании была надежда, что с Сицилии придут англичане и обеспечат независимость как от Франции, так и от Австрии, поддержав конституцию, подобную испанской.

Тактикой карбонариев и адельфов стала организация восстаний в армейских частях. Первое восстание удалось организовать в сентябре 1813 г. в Калабрии, но оно было сразу подавлено. Не увенчались успехом и последующие разрозненные выступления. Тем временем Венский конгресс вновь отдал север Италии под пяту Австрии. Неаполитанский король Мюрат, вначале заявивший о лояльности победителям Наполеона, во время «Ста дней» вновь выступил на его стороне. Под этим предлогом австрийцы вторглись и на юг Италии и восстановили там власть династии Бурбонов. Была восстановлена Папская область, герцогства Тоскана, Модена, Парма и Лукка и Сардинское королевство, к которому присоединили бывшую республику Геную. По существу были восстановлены порядки XVIII в. в ещё более худшем варианте.

Тайные общества ушли в глубочайшее подполье и были строго законспирированы. Постепенно они вновь начали развёртывать свою деятельность. Все они выступали за ликвидацию иностранного присутствия и конституцию. Многие революционеры стремились к объединению страны, но некоторые выступали лишь за федерацию итальянских независимых государств. Допускалось даже сохранение в районе Рима светской власти Папы. Как и раньше, нечёткой и частичной была программа улучшения положения крестьян. Только «Общество высокодостойных мастеров», созданное в Алессандрии (Пьемонт) под влиянием французского утопического социализма, имело «символом веры» своей высшей венты лозунг: «Пусть будут уничтожены различия!» (имущественные). Члены вент не должны были в это время даже знать друг о друге, получая распоряжения свыше. Наиболее значительным по-прежнему было движение карбонариев на наиболее отсталом юге, где сильнее было недовольство в народе.

Революция в январе 1820 г. в Испании, открывшая мятежную волну на юге Европы, вновь окрылила карбонариев. Во главе их заговора встал Гульельмо Пепе — бывший офицер Мюрата. Он готовил план восстания в Неаполитанском королевстве. В ночь на 2 июля 1820 г. было поднято 127 солдат и младших офицеров в городе Нола. Во главе восстания встал священник, руководитель местной венты Луиджи Миникини. Всё дальнейшее развёртывалось как яркое, эффектное итальянское зрелище. С криками «Ура, смелее, граждане! Да здравствует свобода и конституция!» восставшие прошли по маленьким городам и вступили в город Авеллино при поддержке народа и увеличив свои ряды. Повстанцы встали на дороге в Неаполь. Другие карбонарские венты, предупреждённые способом древнеримских времён — огнями на вершинах гор, также подняли восстания. Неаполь был отрезан от провинции, а в ночь на 6 июля в нём выступил Пепе, за которым пошли два кавалерийских полка. Пепе соединился с отрядами у Авеллино и принял командование всеми силами восставших. Напуганный король Фердинанд IV обещал дать в восемь дней конституцию. 9 июля повстанцы торжественно вступили в Неаполь, и уже через четыре дня в королевстве была принята испанская конституция 1812 г. Новое правительство составили выдвиженцы Мюрата. При этом не было пролито ни единой капли крови! Австрийский посол доносил Меттерниху: «Необходимо согласиться с тем, что конституционные идеи доминируют и пустили свои корни в нацию. Клир, дворянство, военные, буржуазия и особенно судебные служащие пропитаны ими...».

Однако после победы революции карбонарское общество превратилось в организацию, в которую вступали все, кому вздумается. Избранный к октябрю парламент, в котором преобладали представители буржуазии, не спешил с какими-либо реформами, а войска были в основном посланы на Сицилию, где восстанием в Палермо воспользовалась местная знать, потребовавшая независимости острова. Австрийские власти призвали к интервенции стран «Священного союза» в Неаполь. На конгрессе в Троппау их поддержали Россия и Пруссия. Фердинанд намеревался убежать из Неаполя. В январе 1821 г. он с согласия парламента поехал на конгресс в Лайбах и по пути заявил, что конституция навязана ему и он требует австрийской интервенции. И она началась. В феврале австрийцы перешли реку По. Народ уже не поддерживал карбонариев, не решавших аграрный вопрос. Пепе попытался поднять до прихода австрийцев против них Папскую область, двинулся туда, был атакован и отступил. 23 марта интервенты вступили в Неаполь. Парламент был распущен.

В это же время был составлен революционный заговор в Пьемонте. Адельфы и федералисты рассчитывали на приход к власти либерально настроенного наследного принца Карла Альберта. Вечером 11 января два студента явились в театр в красных беретах и были арестованы. Начались студенческие волнения, которые были использованы заговорщиками. В Алессандрии и Турине в марте поднятые членами тайных обществ полки водрузили над крепостями трёхцветные флаги сторонников единства Италии. После отречения от престола короля наследник присягнул испан-

ской конституции, но за его спиной придворные уже вели переговоры со «Священным союзом». Революционные войска были разбиты у Новары, а в Генуе само население потребовало возвращения королевского губернатора... Повстанцы бежали из Италии.

Вскоре были раскрыты венты карбонариев в других областях Италии (читайте новеллу Ф. Стендаля «Ванина Ванини»). Многие революционеры были осуждены, некоторые — казнены. Слишком ограниченное, хотя и самоотверженное, движение карбонариев потерпело поражение. Движение Рисорджименто — за объединение и освобождение Италии продолжали уже другие люди.

Карбонарии стали известны и в России. «Ах, Боже мой, он карбонарий!» — говорит в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Фамусов о Чацком. Это слово стало символом вольномыслия.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Парижская коммуна 1871 г. — восстание на почве голода и лишений, которые испытывало население французской столицы во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., — в марксистской литературе традиционно рассматривается как первая в мировой истории социалистическая революция, прообраз диктатуры пролетариата, но сегодня можно говорить только о муниципальной демократической диктатуре. Социалистическая революция не свершилась.

Парижская коммуна завершила цикл революций и восстаний — демократических по целям, романтических по духу, которые периодически сотрясали Францию на протяжении первой и второй третей XIX столетия её вождями были люди, искренне верившие в то, что ценой героических усилий можно одним махом установить на земле царство свободы и справедливости. Большей частью они считали себя продолжателями дела великих предшественников — революционеров конца XVIII — первой половины XIX в. Отсюда и названия основных партий Парижской коммуны: якобинцев (называемых также неоякобинцами, чтобы подчеркнуть их отличие от современников М. Робеспьера и Ж. Дантона) и бланкистов (по имени социалиста О. Бланки).

От прежних революционных выступлений Парижскую коммуну отличало то, что она в большой степени была обусловлена противоречиями капитализма. Ей предшествовали годы беспрецедентного в истории Франции экономического подъёма и процветания, которые, однако, имели и теневую сторону. Широкое развёртывание промышленной революции, ускорение темпов индустриализации привели к обнищанию значительного слоя мелких собственников. Они шли работать на фабрики и заводы, где условия труда оставались крайне тяжёлыми, а заработная плата — нищенской. Ведь машинное производство моментально обесценило квалификацию, опыт и способности десятков тысяч ремесленников, мануфактурных рабочих. На фабриках и заводах широкое распространение получило использование низкооплачиваемого труда детей и женщин. Копившаяся в обездоленных массах ненависть к эксплуататорам грозила рано или поздно вырваться наружу.

Свержение Вандомской колонны.

Однако, не будь франко-прусской войны, классовая борьба во Франции вряд ли переросла бы в кровавую гражданскую распрю.

Причиной войны между Францией и Пруссией было их соперничество за гегемонию в Центральной Европе. Франция опасалась усиления Пруссии и рассчитывала помешать объединению немецких земель под её главенством. Наполеон III объявил войну Пруссии 17 июля 1870 г., а уже в начале августа прусские и союзные им войска других германских государств вторглись в пределы Франции и окружили основные силы противника в городах Мец и Седан. 2 сентября они заставили капитулировать

Э. Пиккио.
Расстрел коммунаров.

седанскую группировку французских войск, при которой находился Наполеон III.

Весть о пленении императора всколыхнула Париж. 4 сентября толпы людей заполнили улицы столицы. По их требованию Франция была провозглашена республикой. Власть перешла к Временному правительству национальной обороны, которое представляло широкий блок оппозиционных Империи политических сил — от монархистов до радикально настроенных республиканцев. Оно не помышляло о продолжении агрессивной войны и предложило Пруссии перемирие, рассчитывая на заключение в дальнейшем почётного мира. В ответ Пруссия предъявила откровенно захватнические требования.

Республиканцы, пришедшие к власти во Франции, считали бесчестьем принять прусские условия. Они опасались, что на республику падёт подозрение в предательстве национальных интересов, тогда как ещё во время революции конца XVIII в. она заслужила репутацию патриотического режима в отличие, например, от монархии Бурбонов (1814—1830 гг.), навязанной французскому народу иностранными интервентами. Но и масштабы потерь, понесённых Францией в этой войне, не оставляли надежд на скорую победу. 16 сентября прусские войска появились в окрестностях Парижа и спустя три дня полностью его блокировали. В течение короткого времени они оккупировали весь северо-восток Франции, а 27 октября приняли капитуляцию последней крупной группировки французских войск в Мецце, которая была подписана предательски сдавшим крепость маршалом Базеном. На некоторое время Франция осталась беззащитной перед противником. Лихорадочные усилия правительства по воссозданию военной мощи принесли ощутимые результаты лишь к концу 1870 г., когда к югу от Парижа была развёрнута Луарская армия.

Оставалась ещё возможность призвать Францию к всенародной войне за освобождение, как это сделали в сходной ситуации революционеры в 1792 г. К этому побуждали и демократические силы — как радикальные республиканцы наподобие Л. Гамбетты, который занимал в правительстве пост министра внутренних дел, так и социалисты, пользовавшиеся влиянием среди рабочего населения крупных городов. Однако страх перед угрозой перерастания национально-освободительной войны в гражданскую (что, кстати, и случилось в 1792—1793 гг.) удерживал правительство от такого шага. Оно пришло к выводу о неотвратимости заключения мира на условиях, которые предлагала Пруссия, но ожидало для этого благоприятного момента, а пока имитировало национальную оборону.

Затягивание войны поставило Париж в тяжёлое положение. Его гарнизон насчитывал до полумиллиона вооружённых людей, большей частью солдат национальной гвардии, состоявшей из мужчин непризывных возрастов. Плохо обученные и не особо дисциплинированные, они вряд ли смогли бы противостоять регулярной армии противника в прямом сражении, но защищая дома и улицы родного города, представляли серьёзную силу. Поэтому прусские войска, в стремительном броске подступившие к Парижу, отказались от намерения взять город с ходу и предпочли вести осаду по всем правилам военного искусства. Город был окружён несколькими рядами укреплений, численность осаждавших доведена до 235 тыс. человек. Подтянули тяжёлую осадную артиллерию. В конце декабря 1870 г. началась массированная бомбардировка оборонительных по-

Ярослав Домбровский — активный участник Парижской коммуны.

Луи Эжен Варлен — активный участник Парижской коммуны.

зиций и жилых кварталов французской столицы, предвещавшая скорый штурм.

Как ни велики были разрушения и потери, причинённые Парижу и его населению военными действиями, жизни города зимой 1870—1871 гг. угрожали прежде всего голод и холод. В январе 1871 г. на одного жителя выдавали всего лишь 300 г низкокачественного хлеба в день. На дрова были распилены все деревья, украшавшие парижские бульвары. Правда, на чёрном рынке можно было купить всё, но достаточными для этого средствами мало кто располагал. Прекращение подвоза сырья и вывоза готовой продукции парализовало промышленность, а вместе с ней и всю деловую активность огромного города. Промышленники и торговцы лишились дохода, рабочие и служащие — заработной платы. Тысячи семей были вынуждены существовать на скромное вознаграждение, которое получали кормильцы за службу в национальной гвардии, — 1,5 франка в день. Квартиросъёмщики не могли платить за жильё, промышленные и торговые предприятия — по ранее взятым кредитам. Чтобы предотвратить волну банкротств, правительство временно запретило взыскивать плату за наём помещений и по долговым обязательствам. Но эти меры всё-таки не могли остановить рост социальной напряжённости в городе, где на фоне недоедания и обнищания большинства населения особенно бросались в глаза сытость и благополучие богатых классов.

Недовольство парижан приобрело политическую окраску. Ответственность за недостатки в снабжении города продуктами питания, за всяческие злоупотребления они возлагали — и небезосновательно — на правительство. Его осуждали прежде всего за военную политику, не приносившую успеха. Ибо парижане, несмотря на тяготы осады, оставались патриотами — в том особом, воинственном смысле, который вкладывали в это слово ещё волонтёры 1792 г. По их мнению, было бы предательством сложить оружие до победы над врагом. Едва стало известно о новой попытке правительства вступить в переговоры о мире, как в Париже вспыхнуло восстание. 31 октября 1870 г. солдаты национальной гвардии арестовали и несколько часов удерживали министров в качестве заложников, пока их не вызволили верные правительству войска.

Теперь правительство было едва ли не больше озабочено тем, как унять беспокойных парижан, чем национальной обороной. Восстание 31 октября сорвало план заключения перемирия, подготовленный Адольфом Тьером. Французские войска безуспешно пытались прорвать блокаду Парижа. К началу 1871 г. положение осаждённой столицы выглядело безнадёжно. Правительство решило, что дальше медлить с заключением мира нельзя. Чтобы нейтрализовать оппозицию, оно запретило демократические клубы Парижа и несколько особенно досаждавших ему газет. На репрессии парижане ответили новой попыткой восстания 22 января 1871 г. Лишь его разгром окончательно развязал руки правительству.

28 января между Францией и объединённой Германией (18 января 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца французских королей прусский король Вильгельм I был провозглашён германским императором) было подписано перемирие. По его условиям, форты Парижа и армейские запасы оружия передавались немцам. На 8 февраля назначались выборы в Национальное собрание Франции, которое должно было утвердить мирный договор.

Выборы дали решающий перевес представителям правых консервативных партий, выступавших за скорейшее подписание мира: монархистам и части

Расстрел коммунаров в Версале.

солидарных с ними в этом вопросе правых республиканцев. Главой исполнительной власти Национальное собрание назначило Тьера. Уже 26 февраля он представил депутатам предварительные условия мира, согласованные с Бисмарком. Они предусматривали уступку Германии Эльзаса и части Лотарингии, а также выплату пяти млрд франков контрибуции. Национальное собрание утвердило эти условия. Окончательно мир был подписан во Франкфурте 10 мая 1871 г.

Возмущение парижан (рабочих, мелкой буржуазии) условиями мира было тем бо́льшим, что они подозревали Национальное собрание и правительство Тьера в стремлении к реставрации монархии. В то время многие демократы искали защиту от реакции в децентрализации власти. Поэтому лозунг предоставления французской столице самоуправления, которого она была лишена со времён Империи, приобрёл большую популярность. В роли защитника интересов Парижа выступила Национальная гвардия, которой побаивались даже немцы: при заключении перемирия они не настаивали на её разоружении. Национальная гвардия была и самой организованной политической силой столицы. 24 февраля возникла Республиканская федерация Национальной гвардии во главе с Центральным комитетом. Фактически в нём сосредоточилось руководство оппозиционным движением.

При всей серьёзности разногласий с правительством никто в Париже не помышлял о вооружённом восстании, тем более не готовил его. Но действия властей подлили масла в огонь. После снятия блокады была прекращена выплата вознаграждения солдатам Национальной гвардии. В городе, экономика которого ещё не оправилась от последствий блокады, тысячи жителей остались без средств к существованию. Когда Национальное собрание аннулировало отсрочку по взысканию задолженности, в считанные дни к оплате было предъявлено 150 тыс. долговых обязательств! Задело гордость жителей столицы и решение Национального собрания избрать местом своего пребывания Версаль.

Играя на нервах парижан, правительство само подталкивало их к импульсивным поступкам. На рассвете 18 марта 1871 г. по его приказу войска попытались захватить артиллерию Национальной гвардии, сосредоточенную на Монмартрском холме. Солдаты были остановлены жителями и без боя отступили. Но случилось непоправимое. Генералы Леконт и Тома, командовавшие правительственными войсками, были схвачены гвардейцами и в тот же день расстреляны.

Этого было достаточно, чтобы Тьер распорядился об эвакуации правительственных учреждений в Версаль. Вслед за ними покинули столицу многие представители богатых и праздных классов. Единственной авторитетной силой в Париже остался Центральный комитет Национальной гвардии. Он временно принял на себя властные полномочия, одновременно назначив на 26 марта выборы в Парижскую коммуну (так по традиции назывался орган городского самоуправления французской столицы). В оставшееся время мэры парижских округов, другие политики республиканского толка пытались примирить Центральный комитет с Версальским правительством, добиваясь согласия последнего на проведение выборов. Но безуспешно. Правительство дало понять, что считает парижских оппозиционеров преступниками, восставшими против законного порядка, с которыми можно разговаривать лишь на языке пушек.

Поскольку сторонники правительства бойкотировали выборы 26 марта, в голосовании приняло участие лишь меньшинство избирателей — 229 тыс. из 485 тыс., внесённых в списки. В Коммуну было избрано 86 человек, однако 20 вскоре подали в отставку. Поэтому 16 апреля были проведены дополнительные выборы. Среди членов Коммуны встречались известные люди, такие, как участники революции 1848 г. Луи-Шарль Делеклюз и Феликс Пиа или художник Гюстав Курбе. Имена же большинства ничего не говорили широкой общественности. Кстати, лишь немногие из них оставили след в истории рабочего движения конца XIX в.: Эдуар Вайан, Лео Франкель, Эжен Потье. Члены Коммуны были по профессии чиновниками, врачами, журналистами, адвокатами, рабочими. В политическом отношении они принадлежали к пру-

донистам (сторонникам социалиста Прудона), неоякобинцам и бланкистам. При этом лишь небольшая часть из них состояла в секциях Международного товарищества рабочих (I Интернационала). Политические разногласия затрудняли работу Коммуны. Довольно скоро в ней образовались «большинство» и «меньшинство», столкновения которых не раз ставили под угрозу единство коммунаров.

Коммуна заявила о своём намерении осуществить глубокие социальные реформы, за которые боролось не одно поколение французских демократов — республиканцев и социалистов. Впечатляет простой их перечень: замена постоянной армии вооружением народа, демократизация государственного аппарата (включая выборность и сменяемость чиновников), справедливая организация труда, отделение Церкви от государства, введение бесплатного обязательного светского обучения и т. д. Как ни оценивать замыслы Коммуны — иногда утопичные, — ясно, что масштаб их намного превосходил скромные возможности парижских реформаторов. Во многом поэтому они не продвинулись в их осуществлении дальше деклараций и первых скромных шагов. Более плодотворной оказалась деятельность Коммуны по удовлетворению насущных социально-экономических требований населения столицы. Среди принятых ею мер, целесообразность которых трудно оспорить, — списание задолженности по квартирной плате, безвозмездное возвращение владельцам вещей, заложенных в ломбарде на сумму не больше 20 франков, введение рассрочки на три года по коммерческим кредитам и др. Впрочем, и здесь не обошлось без курьёзов, к которым следует отнести попытку законодательно отменить ночной труд в пекарнях.

Да можно ли вообще строго судить хаотичные попытки реформ, предпринимавшихся Коммуной, если главной, всепоглощающей её заботой была война? И не случайно парижане были поддержаны прогрессивными представителями ряда стран. А многие из них сражались на баррикадах Парижа. В начале апреля начались столкновения федератов, как называли себя бойцы вооружённых отрядов Коммуны, с версальскими войсками. До середины мая они не принесли решающего успеха ни одной из сторон. Но силы были заведомо неравны. После того, как не удалось заручиться поддержкой провинции, коммунарам оставалось рассчитывать только на себя. В то время как Версальское правительство получало от командования германской армии помощь оружием, боеприпасами и солдатами из числа французских военнопленных, досрочно отпущенных на свободу.

Узнав, что версальцы без суда Дюваля и Эда расстреливают пленных коммунаров, Парижская коммуна приняла декрет о заложниках, грозивший репрессиями ни в чём не повинным жителям столицы, лишь заподозренным в симпатиях к Версалю. Уже после того, как бои завязались на улицах Парижа и дни Коммуны были сочтены, была расстреляна часть заложников, среди них архиепископ Парижский, многие священники и монахи-доминиканцы. Столь бесчеловечные действия не имеют оправданий, равно как и беспримерный вандализм, проявленный коммунарами во время уличных боёв. Они подожгли ряд зданий в центре столицы, в том числе городскую ратушу, Дворец правосудия, Тюильрийский дворец, министерство финансов, дом Тьера. В огне погибли бесчисленные культурные и художественные ценности. Что касается версальцев, то они в эти дни залили кровью улицы Парижа. Жертвами их террора стали десятки тысяч граждан, убитых в боях, расстрелянных по приговору военно-полевого суда или вообще без суда и следствия. Десятки тысяч других, среди которых было много женщин, были приговорены к тюремному заключению, каторге или ссылке, значительное число эмигрировало в другие страны.

«Кровавая неделя» 21—28 мая 1871 г. не только завершила недолгую историю Парижской коммуны, но и подвела её итог. Слишком дорого обошлись Франции упрямство политиков, не желавших идти на компромиссы, и самомнение народных вождей, уверовавших в свою историческую миссию. Память людей на редкость избирательна. Для одних Коммуна навеки осталась мрачной, трагической страницей истории Франции, для других — светлым праздником торжества демократии и справедливости.

ЖОРЖ КЛЕМАНСО

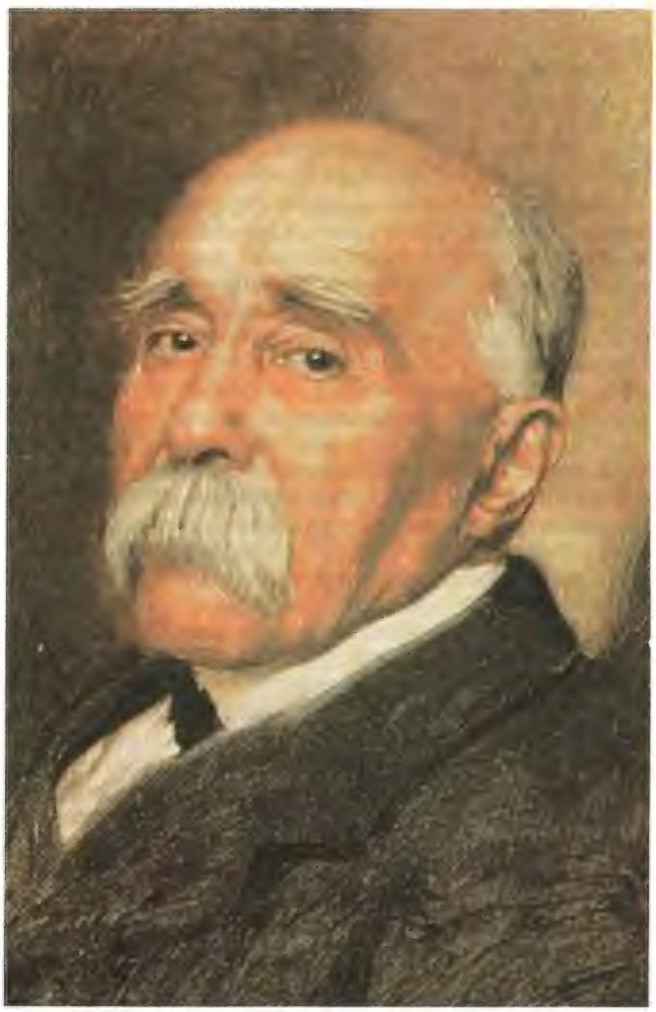
Жорж Клемансо (1841—1929) — один из наиболее влиятельных и ярких политических и государственных деятелей Франции своего времени, прозванный «тигром» за страсть, которую вкладывал в борьбу со своими парламентскими противниками.

Всю жизнь Клемансо любил Вандею — департамент на крайнем западе Франции, где он родился 28 сентября 1841 г. в местечке Муйеронан-Паре. Здесь прошли его детство и юность. Здесь были его семейные корни. Прадед Жоржа, служивший врачом, не упустил случая сделать карьеру при императоре Наполеоне I. Отец же, тоже врач, был убеждённым республиканцем и противником как монархии Луи-Филиппа, так и империи Наполеона III. Его идеалом была якобинская республика, а кумиром — Робеспьер. Под влиянием отца почитателем революции и сторонником республики стал и сын.

Клемансо не затруднялся в выборе профессии. Он продолжил семейную традицию. По окончании лицея он поступил в медицинское училище

в Нанте, а в 1860 г. — на медицинский факультет Парижского университета — Сорбонны, откуда вышел пять лет спустя с дипломом врача. Но вместо того чтобы заняться профессиональной деятельностью, он в 1865 г. отправился в путешествие по Соединённым Штатам Америки. Отчасти причиной этого были неприятности с властями, возникшие у него в студенческие годы. За организацию антиправительственной демонстрации Клемансо был арестован и провёл за решёткой два с половиной месяца.

Но прежде всего им двигал интерес к демократическим учреждениям североамериканской республики, авторитет которой в его глазах значительно вырос после недавней отмены рабства в ходе войны Севера против Юга. Три года пробыл Клемансо за океаном, переезжая с места на место, зарабатывая на пропитание то корреспонденциями в парижские газеты, то уроками французского языка в женском колледже, на одной из учениц которого, Мэри Пламмер, он в конце концов женился.



Клемансо.

Знакомство с Америкой оказалось для Клемансо поучительным. Не то чтобы она его разочаровала. Но он понял, что республиканская форма правления сама по себе не гарантирует ни чистоты нравов, ни подлинного народовластия, а лишь является условием постоянной борьбы за демократию.

На родину Клемансо вернулся незадолго до того, как в июле 1870 г. Наполеон III объявил безрассудную войну Пруссии. Францию она привела к национальной и социальной катастрофе — военному поражению, оккупации, потере части территории, гражданской войне. С самого начала Клемансо — в гуще политических событий. Он свидетель революции 4 сентября, провозгласившей Францию республикой. Вскоре его назначают мэром 18-го округа Парижа, избирают депутатом Национального собрания. Движимый патриотическими чувствами, он голосует против грабительских условий мира, предложенного Пруссией. В то же время он не скрывает сочувствия к страданиям трудящегося люда. По прихоти судьбы именно на территории его округа, на Монмартрском холме, начинается восстание 18 марта 1871 г., которое привело к провозглашению Парижской коммуны. Клемансо стремится предотвратить гражданскую войну. Он пытается выступить в роли посредника между противоборствующими сторонами. Но не находит понимания ни среди повстанцев, отдающих приказ о его аресте, которого он благополучно избежал, ни среди версальцев, в свою очередь привлекающих его к суду за потакание «мятежу». Подавленный своей неудачей, а ещё больше трагическими событиями, Клемансо слагает с себя полномочия мэра и депутата.

Ни о чём он так не мечтал в последующие годы, как о возвращении в большую политику. Под влиянием опыта 1870—1871 гг. он уточняет свою политическую программу. Три основных её раздела — защита республики от реставрации монархии, проведение социальных реформ в интересах трудящихся, восстановление военной мощи Франции в целях борьбы за возвращение захваченных Германией территорий. В 1876 г. он избирается в палату депутатов от того же 18-го округа Парижа, где становится во главе левой группировки радикал-социалистов.

Так началась парламентская карьера Клемансо, принёсшая ему славу одного из главных лидеров оппозиции. Его не удовлетворяла политика правящих кабинетов, которые и слышать не хотели о сколько-нибудь глубоких реформах в политическом и социальном строе. Но и возможности сформировать правительство на свой вкус у него не было. Для этого он не располагал достаточной поддержкой в парламенте, где радикал-социалисты составляли незначительное меньшинство. Ему не оставалось ничего другого, как критиковать политику правительства и требовать замены консервативных министров. Скоро он заслужил репутацию «ниспровергателя министров».

Добившись за несколько лет отставки доброго десятка министерских кабинетов, сам Клемансо, создав в 1881 г. партию радикалов, однако, ни на шаг не приблизился к власти. Хуже того, неожиданно под угрозой оказалось его собственное политическое будущее. В начале 80-х гг. часть его избирателей ушла к социалистам, выдвинувшим ещё более привлекательную программу мер в интересах трудящихся. Весьма символично, что в 1885 г. Клемансо отказался представлять в парламенте слишком уж требовательных избирателей Парижа, предпочтя им «милых провинциалов» из департамента Вар, что на юге страны. Наконец, в ходе так называемого «панамского скандала» в 1888 г., вызванного фактами коррупции депутатов и государственных чиновников, вскрылись компрометирующие его связи. К этому же добавилась неудачная авантюристическая и шовинистическая политика генерала Буланже, проводившаяся в те же годы и также поддержанная Клемансо и радикалами. Всё это стоило ему места в палате депутатов на выборах 1893 г.

Этот провал был не только личным поражением Клемансо, но и крахом той разновидности политического радикализма, которую он олицетворял в 70—80-х гг., — обращённого в прошлое, живущего воспоминаниями о «великой революции», «якобинствующего». Вполне ли отдавал себе в том отчёт Клемансо? Во всяком случае, он демонстративно отдалился от Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, которая была образована в 1901 г. Он предпочёл стать независимым политиком, опирающимся лишь на преданных друзей, да ещё на свой моральный авторитет.

Девять долгих лет голос Клемансо не звучал с парламентской трибуны. Но это время не было потеряно для его политической карьеры. Свободный от обременительных обязанностей, Клемансо в совершенстве овладел таким мощным оружием борьбы, как журналистика. Он редактировал газету «Жюстис» — «Справедливость», принимал участие в издании газеты «Орор» — «Заря», основал журнал «Блок», публиковал статьи во множестве других органов печати. Вскоре он добился такой популярности и славы, о каких и мечтать не мог, оставаясь лишь парламентским оратором. Его имя было на устах десятков тысяч людей по всей Франции, к его мнению прислушивались во всех слоях общества.

Журналистика сблизила Клемансо с видными представителями творческой интеллигенции — писателями Альфонсом Доде, Эдмоном Гонкуром, Анатолем Франсом, Октавом Мирбо, Эмилем Золя, Эрнестом Ренаном, скульптором Огюстом Роденом, художником Клодом Моне. Очевидно, не без их влияния он и сам засел за литературный труд, написав несколько художественных произведений. Но, трезво оценив их достоинства, он вовремя остановился. Особенно Клемансо был дружен с Моне, творчеству которого посвятил ряд эссе. Тот, в свою очередь, запечатлел образ друга в многочисленных портретах и зарисовках. Дружеским общением Клемансо в какой-то мере восполнял тот недостаток душевного дискомфорта, который ощущал в личной жизни.

Возвращению Клемансо в парламент способствовало его активное участие в борьбе демократических сил за пересмотр приговора по «делу Дрейфуса» (см. ст. «Дело Дрейфуса»). Именно в газете «Орор» Золя опубликовал своё знаменитое «Я обвиняю!». В 1902 г. Клемансо был избран членом верхней палаты парламента — сената от департамента Вар. И здесь он примкнул к решительным сторонникам оправдания капитана Дрейфуса, организации отпора клерикально-монархической и националистической реакции, принятия закона об отделении Церкви от государства.

Когда возникли трудности с проведением в жизнь этого закона, Клемансо впервые пригласили в правительство, доверив ему ответственный пост министра внутренних дел. Случилось это в 1906 г. — на 65-м году его жизни и 36-м году политической карьеры. Клемансо не только оправдал оказанное ему доверие, но и превзошёл в чём-то ожидания коллег. При появлении угрозы массовых забастовок в угледобывающей отрасли он не остановился перед применением вооружённой силы против рабочих. Он окончательно расстался с романтическими мечтами «радикал-социалистической» молодости и готов был бороться с врагами республики не только справа, но и слева. С тех пор он и приобрёл репутацию человека «сильной руки», способного на скорые и решительные меры в чрезвычайной обстановке.

Несколько месяцев пребывания Клемансо в министерстве внутренних дел убедили парламент в возможности поручить ему формирование правительства. Почти три года, с октября 1906 по июль 1909 г., находился у власти его кабинет — рекордно длительный срок по меркам Франции того времени! И это несмотря на множество сложнейших проблем, которые ему приходилось решать в области внутренней и внешней политики. Любая из них могла оказаться роковой для кабинета, если бы не твёрдость и целеустремлённость, проявленные Клемансо. С чувством исполненного долга он вышел в отставку, когда коалиция обиженных им депутатов, самолюбия которых он и вправду не щадил, сумела-таки незначительным большинством голосов провалить резолюцию доверия правительству.

Освободившись от бремени власти, Клемансо отнюдь не снимает с себя ответственности за судьбу страны. Чутьё многоопытного и мудрого политика подсказывало ему, что надвигается большая европейская война. Отныне все помыслы его были о том, чтобы Франция во всеоружии встретила противника и взяла реванш за поражение в 1870—1871 гг. Он активно сотрудничает в сенатском комитете по делам внешней политики и армии, обращается к общественному мнению. С 1913 г. Клемансо издаёт газету «Ом либр» — «Свободный человек», в которой

доказывает неизбежность скорой войны с Германией, внушает французам веру в будущую победу и, невзирая на лица, критикует правительство за медлительность в осуществлении военных программ.

Разразившаяся в 1914 г. мировая война лишь подтвердила опасения Клемансо. В сражении на Марне благодаря активным действиям русских войск на Восточном фронте французы чудом остановили наступление германских войск. Но, хотя Франция выдержала первый удар противника, началась затяжная «война на изнурение», потребовавшая напряжения всех сил. В этих сложных условиях правительство не нашло ничего лучше, как запретить газету Клемансо, досаждавшую ему своей критикой. Когда же она стала выходить под новым названием «Ом аншене» — «Человек в оковах», правительство обрушило на неё цензурные преследования. Лучшего способа заставить французов прислушиваться к каждому слову опального сенатора нельзя было и придумать.

На исходе третьего года войны, когда вызванные ею страдания и жертвы, казалось, достигли предела, всю Францию потрясло заявление Клемансо о том, что правительство не сможет добиться победы, пока не положит конец «пораженчеству» внутри страны. Он метил не только в антивоенное движение, которое активизировалось под влиянием революции в России, но и в членов правящего кабинета, не проявлявших твёрдости в борьбе с ним. Вокруг Клемансо объединились все силы общества, выступавшие за продолжение войны «до победного конца». Именно они добились его назначения главой правительства в ноябре 1917 г.

Программу своего кабинета Клемансо сформулировал кратко: «Я веду войну». И сделал всё возможное для её осуществления: очистил аппарат военного и гражданского управления от лиц, уклонявшихся от фронта, арестовал видных деятелей антивоенного движения, привлёк к ответственности бывшего министра внутренних дел Мальви и премьер-министра Кайо, добился создания единого военного командования Франции и её союзников и т. д. Эти меры позволили Франции выдержать мощное наступление германских войск весной и летом 1918 г., а затем предпринять контрнаступление и обратить противника в бегство. 11 ноября 1918 г., когда Германия признала себя побеждённой, народная молва наградила Клемансо самым лестным из всех его многочисленных прозвищ — «отец победы».

Клемансо председательствовал на переговорах, предшествовавших подписанию Версальского договора 1919 г., который подвел итог первой мировой войны и заложил основы послевоенного устройства Европы и мира. Это был тяжкий, изнурительный труд, признательности за который от своих сограждан он так и не дождался. В январе 1920 г. палата депутатов «прокатила» его на выборах президента республики. В последний раз он не по своей воле был вынужден уйти из политики.

После войны Клемансо, несмотря на возраст, много путешествовал. Он побывал в Индии, Индонезии, Сингапуре, Египте, Судане, США и других странах. Потом уединился в Вандее, в своём маленьком домике на берегу океана, посвятив остаток времени и сил работе над философскими трудами и мемуарами. Умер он в своей парижской квартире на улице Франклина 24 ноября 1929 г.

ДЕЛО ДРЕЙФУСА

В истории каждого народа есть страницы, которые иначе как мрачными не назовёшь. Во Франции последнее десятилетие XIX в. было «испачкано» грязным судебным делом по ложному обвинению в шпионаже честного офицера Альфреда Дрейфуса. Связанная с ним вспышка политической борьбы, пристальное внимание мировой общественности вывели «дело Дрейфуса» за рамки юриспруденции.

Альфред Дрейфус родился в 1859 г. в Эльзасе в состоятельной еврейской семье. Хорошо образованному и проявившему способности к военному делу молодому человеку прочили блестящую военную карьеру. По отзывам родных и друзей, он был неподкупно честен и безгранично предан родной Франции. В роковом для него 1894 г. Дрейфус в чине капитана артиллерии состоял при Генеральном штабе французской армии.

Весной того же года военный министр Франции генерал Мерсье в парламенте сделал доклад «О состоянии армии и флота». Он нарисовал радужную картину: армия и флот в образцовом состоянии, всё великолепно и безупречно! Депутаты бурно аплодировали его выступлению. Между тем, доклад генерала был лживым. Военное положение страны внушало тревогу. В Генеральном штабе Франции гнездилась измена. Там исчезали, а потом снова появлялись важные документы. Очевидно, кто-то уносил их, а потом опять возвращал на место.

В сентябре 1894 г. французская контрразведка напала на след, появилась надежда схватить виновного. Одним из агентов французского Генерального штаба был сторож германского посольства в Париже. В его обязанности входило собирать всё, что можно было найти в корзинах для бумаг, в выметаемом мусоре, в золе, выгребаемой из печей и каминов. Он-то и предоставил контрразведке разорванное на мелкие клочки письмо, адресованное немецкому военному атташе и содержащее опись пяти важнейших секретных записок французского Генштаба. Письмо

получило название «бордеро» — от французского слова «опись».

Почерк письма мог стать ключом к разгадке тайны. По роковой случайности почерк бордеро оказался схожим с почерком капитана Дрейфуса. Эксперты-графологи тщательно изучили почерк Дрейфуса и дали разноречивые заключения. Многие из них считали капитана невиновным. Но руководители Генерального штаба не захотели прислушаться к их мнению. Скромный, не имеющий знатных родственников и влиятельных заступников, Дрейфус был белой вороной в аристократической среде офицеров Генштаба. Еврейское происхождение позволяло сделать его объектом ненависти националистов. На него удобно было свалить вину и списать злоупотребления и беспорядки во французской армии.

Вести следствие по делу арестованного капитана поручили майору дю Пати де Кляму, человеку сомнительных моральных качеств. Дю Пати заставлял капитана писать в тюрьме то левой рукой, то лёжа, то сидя — так он добивался наибольшего сходства с почерком бордеро. Желая захватить Дрейфуса врасплох, заставить его проговориться, майор врывался внезапно в камеру Дрейфуса, нарочно затемнённую, и наводил на него яркий свет. Всё было напрасно. Мужественный капитан, для которого арест явился полной неожиданностью, твёрдо, не сбиваясь и не путаясь, продолжал доказывать свою невиновность. Он отказался признать вину в обмен на мягкое наказание и отклонил предложение о самоубийстве. Даже комендант тюрьмы уверовал в невиновность своего узника. Следствие не смогло подкрепить обвинение ни одним доказательством. А в вопросе о том, написано ли бордеро рукой Дрейфуса, эксперты продолжали расходиться. Но генералам Генштаба, презревшим честь, справедливость и законность, во что бы то ни стало нужна была виновность Дрейфуса. С подачи армейской верхушки информация об этом деле просочилась в прессу. Правые газеты подняли невообразимый шум о преступнике, какого не знала история, о негодяе, продавшем Германии военные планы и документы родины. Миллионы граждан, привыкших верить печатному слову, не могли и предположить, какая чудовищная ложь изливается на них. Поднималась волна антисемитизма. Обвинение в шпионаже еврея Дрейфуса давало возможность шовинистам обрушиться с нападками на евреев, объявить их виновниками всех бед французов.

Дрейфуса судили военным судом при закрытых дверях. Беспомощности обвинения, отсутствию бесспорных фактов представители Генштаба противопоставили пресловутую военную тайну: доказательства есть, но предъявить их не позволяет необходимость сохранять военную тайну. И всё же, несмотря на грубый нажим генералитета, судьи заколебались. Тогда, с ведома военного министра, следователь тайно от всех передал в комнату, где совещались судьи, грубо сфабрикованную фальшивку — записку, якобы написанную германским послом кому-то в Германию: «Этот каналья Д. становится слишком требовательным». Наскоро состряпанная бумага перевесила чашу весов. Суд признал Дрейфуса виновным в государственной измене и приговорил его к разжалованию и пожизненной ссылке на далёкий Чёртов остров близ Французской Гвианы. Потрясённый защитник Дрейфуса заявил: «Осуждение Дрейфуса — величайшее преступление нашего века!». Однако многолетняя эпопея мытарств Дрейфуса ещё только начиналась.

Альфред Дрейфус. Фото.

После вынесения приговора состоялась омерзительная церемония публичного разжалования — на площади, перед строем войск, при стечении народа. Под гром барабанов и звуки труб четыре канонира с шашками наголо вывели Дрейфуса. В парадном мундире, при шпаге, смертельно бледный, он шёл уверенно, высоко вскинув голову. Обращаясь к войскам, Дрейфус крикнул твёрдым и ясным голосом: «Солдаты, клянусь вам — я невиновен! Да здравствует Франция! Да здравствует армия!». Под улюлюканье зевак с кепи Дрейфуса, с его доломана сорвали офицерские нашивки. Бросили наземь куски переломленной над его головой шпаги...

На следующую ночь его морем отправили в другое полушарие, на Чёртов остров, прозванный из-за губительного климата бескровной гильотиной. Медленно потекли годы, и, казалось, все забыли о несчастном. Но это было не так.

В 1897 г. внимание французской общественности вновь было привлечено к пресловутому делу. Полковник Генерального штаба Пикар усомнился в виновности Дрейфуса ещё во время суда. После высылки Дрейфуса Пикар был назначен новым начальником контрразведки Генштаба. Он изучил детали нашумевшего дела и пришёл к твёрдому убеждению: Дрейфус не шпион. Вскоре ему удалось перехватить открытку немецкого

посольства, направленную на имя офицера Генштаба майора графа Шарля Мари Фернана Эстергази. За ним была установлена слежка, обнаружившая его связь с иностранными разведками. Истинный автор злополучного бордеро, Эстергази любил только деньги, добывая их путём мошенничеств, вымогательств, подлогов. Он ненавидел и презирал Францию. «Я не убил бы и щенка, — писал он в одном письме, — но я с радостью расстрелял бы сто тысяч французов».

Однако шпион граф Эстергази оказался ближе французской военной верхушке, чем невиновный Дрейфус. И когда Пикар, доложив начальству о выявлении подлинного преступника, предложил арестовать Эстергази и освободить Дрейфуса, генералы Генштаба уняли не в меру ретивого полковника; вскоре он был отослан с экспедицией в далёкую Африку.

Однако слухи о том, что Генштаб укрывает преступника, распространились. Газета «Фигаро» поместила фотографию бордеро. Теперь всякий, знакомый с почерком Эстергази, мог убедиться в том, что писал бордеро именно он. Брат осуждённого капитана Матье Дрейфус возбудил судебное дело против Эстергази как шпиона и предателя. А почтенный сенатор, вице-президент сената Шерер-Кестнер сделал специальный запрос правительству.

Струсивший было Эстергази быстро успокоился. Он понял, что пересмотр дела Дрейфуса не в интересах военных руководителей. Они не захотят выносить сор из избы и оградят изменника от справедливого возмездия. Так и случилось. Эстергази предстал перед военным судом, но был оправдан, несмотря на очевидные факты. Зло восторжествовало вновь, демократическая общественность Франции была оскорблена. И не успели Эстергази и его покровители вздохнуть спокойно, как загремел новый гром.

В борьбу включился всемирно известный французский писатель, кавалер ордена Почётного легиона Эмиль Золя. Он с болью следил за развитием дела Дрейфуса. После скандального оправдания преступника Золя не мог молчать. Писатель выступил в печати с открытым письмом к президенту Франции Феликсу Фору: «Господин президент! — писал Золя. — Каким комом грязи лёг на Ваше имя процесс Дрейфуса! А оправдание Эстергази — неслыханная пощёчина, нанесённая истине и справедливости. Грязный след этой пощёчины пятнает лик Франции!». Писатель открыто обвинил власти и суд в сознательном осуждении невиновного. В своём письме писатель предупреждал: «Когда правду хоронят во мраке подземелья, она набирает там такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, разрушающий всё и вся».

За оскорбление властей Золя был предан суду. Процесс привлёк многих сторонников правого дела, лучших представителей Франции, друзей Золя — вождя социалистов Жана Жореса, писателя Анатоля Франса, людей искусства и политических деятелей. Но не дремала и реакция — наёмные бандиты врывались в зал суда, устраивали овации противникам Дрейфуса и Золя, орали и улюлюкали, заглушая речи защитников, пытались учинить на улице самосуд над Золя. Писатель превратил своё место на скамье подсудимых в трибуну для защиты Дрейфуса. В своём последнем слове он сказал: «...Дрейфус невиновен, клянусь вам в этом! Клянусь моим сорокалетним писательским трудом, клянусь моей честью, моим добрым именем! Если Дрейфус виновен, пусть погибнут все мои книги! Нет, он ни в чем не виноват, он страдает без всякой вины...» Суд вынес Золя обвинительный приговор — заключение в тюрьму на один год и штраф в три тысячи франков. Писателя лишили ордена Почётного легиона. В знак протеста от своего ордена отказался и Анатоль Франс.

Нестабильность политической жизни Франции последних лет переросла в политический кризис. Судьба капитана французской армии стала олицетворением политической проблемы. О ней заговорили в правительстве, палате депутатов. Она была у всех на устах.

Реакция торжествовала. Волна еврейских погромов прокатилась по городам Франции. Правые буржуазные партии стремились не допустить в стране реформы. Монархисты мечтали восстановить старые порядки, готовили заговор против республики.

Страна разделилась на два лагеря: дрейфусаров — сторонников оправдания Дрейфуса и антидрейфусаров — сторонников его осуждения. Столкнулись как бы две Франции: реакционная, шовинистическая, милитаристская — и прогрессивная, трудовая, мыслящая. В воздухе запахло гражданской войной.

В августе 1898 г., не выдержав нервного напряжения, бежал за границу Эстергази, выдав себя полностью. В феврале 1899 г., воспользовавшись смертью президента Фора, в день его похорон монархисты и националисты предприняли неудачную попытку государственного переворота. Чаша весов качнулась в сторону дрейфусаров. Новое правительство страны возглавил член партии умеренных республиканцев, крупный адвокат, блестящий оратор, опытный и здравомыслящий политик Вальдек-Руссо. Был дан ход пересмотру дела Дрейфуса. В августе были арестованы наиболее одиозные антидрейфусары, участники февральского заговора. Привезённый с Чёртова острова Дрейфус предстал перед новым военным судом в городе Ренне. Но шовинисты не собирались сдаваться. Антидрейфусары создали для суда невыносимые условия. Во время процесса подосланный бандит ранил защитника Дрейфуса и Золя — адвоката Лабори. Мракобесы и теперь не могли допустить признания невиновности Дрейфуса, и военный суд снова не осмелился им перечить, покрыв себя несмываемым позором. Дрейфуса опять признали виновным, но в силу смягчающих обстоятельств приговорили к разжалованию и 10 годам ссылки. Вторичное осуж-

дение Дрейфуса показало всему миру реакционность высшего генералитета и продажность военного суда.

В дело вынужден был вмешаться недавно избранный президент Франции Эмиль Лубе, который помиловал Дрейфуса под предлогом плохого здоровья. Полностью Альфред Дрейфус был реабилитирован лишь в июле 1906 г. Умер он в 1935 г.

Дело Дрейфуса с ужасающей откровенностью высветило бессилие порядочного человека, перемолотого безжалостной военно-политической машиной. Для современников оно стало строгой проверкой личной порядочности, мерилом совести и здравого смысла. Эти события рубежа веков останутся серьёзным предупреждением об опасности разнузданного шовинизма.

БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ

Жизнь Бенджамина Дизраэли, лорда Биконсфилда, похожа на удивительный приключенческий роман. Бессчётные биографы посвятили Дизраэли многочисленные исследования. Причина большого интереса к его личности в том, что он заложил основы народного, или демократического, консерватизма, идеи которого сейчас широко распространены и пользуются поддержкой населения на Западе, особенно в Великобритании.

Бенджамин Дизраэли, британский государственный деятель и писатель, родился 21 декабря 1804 г. в Лондоне. Отец Бенджамина, Исаак Д'Израэли, был известным английским писателем и литературным критиком. Мать, Мария Бесеви, происходила из знатной португальской еврейской семьи Виллериал. Бенджамин не получил традиционного для людей его круга образования. Однако благодаря упорным занятиям самообразованием он обладал обширными познаниями в области классической литературы, истории, религии и развития политических учений. Чтение было излюбленным занятием Дизраэли всю его жизнь. Книги давали ему всё необходимое для литературной и политической деятельности.

Исаак Д'Израэли мечтал, чтобы его сын стал юристом, поэтому Бенджамина отдали для обучения в фирму лондонских адвокатов. Работа, однако, не понравилась молодому клерку. Впоследствии Дизраэли так писал об этом периоде своей жизни: «Я проводил вечера дома один и всегда занимался самообразованием. Я стал задумчив и беспокоен, и ещё до своих 20 лет был вынужден положить конец мечте моего отца. Ничто не могло удовлетворить меня, кроме путешествия. Тогда отец сделал слабую попытку отправить меня в Оксфорд, но час приключений настал». Присущие Дизраэли честолюбие, стремление к славе, успеху и материальному благополучию заставили его желать большего, чем скучная работа в адвокатской конторе. Со свойственной молодости опрометчивостью он пустился в авантюры, плачевные итоги которых давали о себе знать на протяжении всей его последующей жизни. Пытаясь быстро разбогатеть, Дизраэли занялся спекуляциями на бирже. Результатом были финансовая катастрофа и огромные долги. Потерпев неудачу на бирже, он попытался заняться изданием политической газеты. Это предприятие тоже завершилось крахом, но провал с выпуском газеты побудил Дизраэли заняться самостоятельной литературной деятельностью. В 1826 г. он написал роман «Вивиан Грей», в котором всю вину за свои неудачи несправедливо переложил на друга своего отца, известного издателя Мюррея. Книга имела скандальный успех, потому что автор вывел в ней как отрицательных персонажей многих представителей великосветского общества. Имена, конечно, были вымышленными, но личности легко узнавались.

Первые неудачи вызвали у Дизраэли нервное расстройство, из-за которого следующие четыре года он почти ничем не интересовался. Лучшим лекарством оказались путешествия. Сначала он отправился в поездку по Европе, а

Бенджамин Дизраэли.

в 1830 г. — в 16-месячное странствие по государствам Средиземноморья и Среднему Востоку. Вернувшись в Лондон, Дизраэли с головой окунулся в общественную и литературную жизнь столицы. Выдающиеся способности, огромная эрудиция и великолепное владение ораторским искусством быстро привлекли к нему внимание высшего света. Однако его большое самомнение, манера экстравагантно одеваться и несколько скандальная репутация делали нежелательным его присутствие в домах некоторых известных знатных персон.

К 1831 г. Дизраэли окончательно определил сферу своей деятельности. Это политика. Причём, как и во всех начинаниях, Дизраэли ставит перед собой максимально высокие цели. Ещё в начале политической карьеры на вопрос, чего бы он хотел добиться, Дизраэли неизменно отвечал: «Я хочу стать премьер-министром Великобритании». В 30-е гг XIX в. это звучало фантастически. Серьёзным препятствием к достижению этой цели было его еврейское происхождение. В то время в Англии евреи были ещё ограничены в гражданских правах, и в обществе существовало сильное предубеждение против них. Однако главным было то, что Дизраэли не принадлежал к высшей земельной аристократии, выходцы из которой только и могли в то время занять пост премьер-министра. И всё же он воплотил свою мечту в реальность. Но до этого было ещё очень далеко. Пока же Дизраэли предстояло сделать первый шаг на политическом поприще — попасть в парламент.

Трижды Дизраэли пытался победить на парламентских выборах как независимый радикал и трижды терпел поражение, прежде чем понял, что его критика ведущих политических партий страны к успеху не приведёт. Дизраэли всегда отличался умением точно оценивать ситуацию. Он понял, что для победы на выборах необходимо присоединиться к одной из двух главных партий Великобритании — тори (консервативной) или вигов, впоследствии ставшей либеральной. По своим убеждениям Дизраэли был ближе к консерваторам, и на выборах 1835 г. он выступил уже как кандидат тори. Однако потребовалась ещё одна, пятая попытка, чтобы в 1837 г. Дизраэли наконец попал в парламент Великобритании. Первая ступенька к вершине была преодолена.

Начало парламентской деятельности для Дизраэли оказалось неудачным. В палате общин парламента Великобритании большое внимание традиционно уделялось первому выступлению парламентариев. Для Дизраэли оно закончилось полным провалом. На этот раз самоуверенность сильно его подвела. Он решил сразу продемонстрировать свои высокие интеллектуальные способности и тем самым вызвал неодобрение палаты. К выскочкам там всегда относились с большим подозрением. А кроме того, своё выступление Дизраэли посвятил Ирландии и связанным с ней острым национальным проблемам и был освистан. Вынужденный прекратить своё выступление, Дизраэли сказал в заключение знаменательную фразу: «Я начинал некоторые вещи по нескольку раз и добивался в итоге успеха, хотя многие предсказывали, что я должен проиграть. Сейчас я сажусь, но придёт время, когда вы будете слушать меня».

Это время пришло очень скоро. Дизраэли никогда не забывал преподанных ему уроков. Умения логично и красиво говорить Дизраэли было не занимать, оставалось только приспособиться к условиям палаты общин, понять, что не всегда следует демонстрировать своё интеллектуальное превосходство. Осознав это, Дизраэли вскоре стал одним из ведущих ораторов парламента и непревзойдённым мастером ведения дебатов в палате общин.

Вклад Дизраэли в развитие политической системы Великобритании невозможно оценить без рассмотрения его литературного наследия. Во второй половине 30-х годов XIX в. в серии политических памфлетов и трактатов Дизраэли изложил в общих чертах свою теорию торизма, которая впоследствии была им развита в романах «Конингсби, или Молодое поколение», «Сибилла, или Две нации», а также в ряде публичных выступлений. Фактически он разработал концепцию национальной партии, которая позволила консерваторам в будущем доминировать на политической сцене Великобритании. В основе этой концепции лежала выдвинутая Дизраэли идея «одной нации». Она основывалась на убеждении Дизраэли, что человеческое общество по своей природе иерархично: одни люди обладают большими способностями, чем другие. Люди с большими способностями составляют истинный правящий класс. В него входят прежде всего крупные землевладельцы, которые должны мудро руководить страной и заботиться об остальной части общества. Для обоснования своих положений Дизраэли обращался к истории. Он рисовал картину «золотого века» Англии, никогда не существовавшего в действительности. Дизраэли идеализировал феодальные порядки, когда лорды-землевладельцы якобы сердечно относились к крестьянам и опекали их. Но потом, с приходом фабричного производства, англичане были разделены на две нации — богатых и бедных.

Однако не надо думать, что Дизраэли призывал к возвращению в прошлое. Он был политиком-реалистом и понимал невозможность этого. Дизраэли говорил о необходимости уничтожения разделения на две нации и объединения в одну. Для этого разные классы должны быть связаны крепкими узами взаимных обязательств. Задача правящего класса — осознать свою ответственность перед народом. Решение её будет способствовать достижению сразу двух целей: заботясь об условиях жизни народа, правящий класс одновременно сможет соблюсти и собственные интересы. Как сказал Дизраэли в 1848 г., «дворец не будет спокоен, когда несчастлива хижина». Тем самым он признавал необходимость реформ. Весь

вопрос заключался в том, как их следует проводить. В своей речи в Эдинбурге в 1868 г. Дизраэли сказал: «В прогрессивной стране изменения происходят постепенно, и великий вопрос не в том, сопротивляться ли изменению, которое неизбежно, а в том, будет ли оно осуществлено с должным уважением к нравам, обычаям, законам и традициям народа или же в соответствии с абстрактным принципом, общими доктринами и по произволу». Дизраэли, конечно, был за первый, как он его называл «национальный», путь изменений. Для этого необходимо поддерживать и укреплять устоявшиеся общественные институты: монархию, Церковь, аристократию. Следует заметить, однако, что под аристократией Дизраэли понимал не только крупных земельных собственников, но и крупную буржуазию, и талантливых людей из среднего класса, к числу которых он причислял прежде всего самого себя.

Другим важнейшим элементом концепции Дизраэли была имперская идея. Смысл её заключался в постоянном поддержании в британцах гордости за свою великую страну путём проведения активной внешней политики. Таким образом, концепцию национальной консервативной партии Дизраэли можно свести к трём основным элементам: социальное реформирование, сохранение традиций прошлого и имперская идея. Эта концепция оказалась очень удачной и, с известными изменениями, с успехом служит британским консерваторам до сих пор.

Путь к вершине власти, к которой всегда стремился Дизраэли, был для него долгим и трудным. Прошли годы политической борьбы в парламенте и партии. Ему очень мешали его происхождение и трудное финансовое положение. Однако благодаря большим способностям, силе воли и работоспособности он добился в конце концов своей цели. Даже свою личную жизнь Дизраэли подчинил её достижению. Чтобы укрепить своё материальное и общественное положение, он женился на Мэри Энн Эванс, которая была на 12 лет старше его, но владела большим состоянием. Правда, в итоге брак их оказался удачным. Впоследствии Мэри Энн говорила: «Диззи женился на мне из-за денег, но если бы он имел шанс сделать это снова, он бы женился по любви».

Дизраэли никогда не был особенно щепетилен в выборе средств для достижения своих целей. Характерным примером является проведение парламентской реформы 1867 г. Дизраэли как никто другой понимал её необходимость. Однако, когда в 1865 г. лидер либералов лорд Рассел предложил проект такой реформы, Дизраэли приложил максимум усилий для её провала. Став же в 1866 г. министром финансов в правительстве консерваторов, он со всей энергией начал проводить идею реформы в жизнь. Он отлично понимал, что её реализация поднимет авторитет не только партии тори, но и его собственный. Результатом реформы 1867 г. было расширение числа людей, имевших право голоса, до двух миллионов. При проведении билля о реформе через парламент Дизраэли полностью проявил свой политический гений. В ходе дебатов по этому вопросу он выступал более 300 раз, показал чудеса политической гибкости и изворотливости, иногда не гнушался подтасовывать факты, но добился принятия закона, несмотря на сильную оппозицию.

Идеи демократического консерватизма, проповедуемые Дизраэли, оказались как нельзя более кстати после значительного расширения числа избирателей. Но для привлечения их голосов помимо общих концепций необходимо было перестроить структуру местных партийных органов так, чтобы они были ориентированы главным образом на проведение избирательной кампании, т. е. создать политическую партию в современном смысле слова. Такая перестройка была проведена, когда Дизраэли в 1868 г. стал лидером консервативной партии.

В первый раз Дизраэли возглавил консервативное правительство Великобритании в 1868 г. Это было правительство меньшинства, т. е. в палате общин большинство мест было за вигами. Поэтому Дизраэли не мог проводить самостоятельную политику и через несколько месяцев ушёл в отставку.

Вершиной политической карьеры Дизраэли стали 1874—1880 гг., когда он во второй раз возглавлял правительство Великобритании. В области внутренней политики Дизраэли показал, что идеи демократии для него не просто фраза. Были приняты законы об улучшении жилищных условий рабочих, об общественном здравоохранении, а также серия законов, получивших название «Хартия социальной и промышленной свободы рабочего класса». Однако главное внимание Дизраэли уделял вопросам внешней политики. Он

СУЭЦКИЙ КАНАЛ: СДЕЛКА ВЕКА

Строительство Суэцкого канала, соединившего Средиземное и Красное моря, было закончено в 1869 г. Он значительно сократил путь кораблей, следующих из Европы в Индию и Тихий океан. Для Великобритании значение канала было огромным потому, что большая часть грузов, следовавших по нему, была английского производства. Между тем акции компании, управляющей каналом, были поделены приблизительно поровну между Францией и Египтом. Хедив Египта был очень расточительным человеком и, увязнув в долгах, решил в 1875 г. продать свою часть акций. Англичане узнали, что хедив ведёт переговоры об этом с французами. Дизраэли понимал, что, прибрав к рукам все акции компании Суэцкого канала, французы тем самым значительно осложнят торговлю Великобритании. Тогда он решил опередить французов и купить за 4 млн фунтов стерлингов половину акций для своей страны. Но действовать надо было решительно, не теряя времени. В казне не было денег, и Дизраэли обратился за помощью к крупнейшему банкиру Ротшильду, который и финансировал сделку. Таким образом, Дизраэли не только обеспечил Великобритании контроль над каналом, но и подготовил последующую оккупацию Египта.

чувствовал, что только здесь сможет в полной мере удовлетворить свои амбиции. Наиболее крупными успехами в этой сфере стали для него покупка акций компании Суэцкого канала и Берлинский конгресс 1878 г.

Настоящим триумфом внешней политики Дизраэли стал Берлинский конгресс 1878 г., созванный для пересмотра условий Сан-Стефанского мира. Мирный договор между Россией и Турцией, отвечавший интересам России и других славянских государств, не устраивал Великобританию и Австро-Венгрию. Дизраэли, стремившийся к усилению позиций Великобритании по всему миру, увидел в этом опасное для своей страны укрепление влияния России. Угрозой войны он вынудил Россию передать заключение мирного договора на суд ведущих европейских государств. На Берлинском конгрессе Россию заставили пойти на крупные уступки фактически в интересах Великобритании. Другим успехом Дизраэли в Берлине было то, что ему удалось разорвать союз императоров России, Австрии и Германии и тем самым восстановить преобладающую роль Великобритании в Европе.

После Берлинского конгресса Дизраэли оказался на вершине своего политического могущества, но полностью им воспользоваться уже не смог. Сам он по этому поводу сказал: «Власть! Ко мне она пришла слишком поздно. Были времена, когда я, просыпаясь, чувствовал, что могу перемещать династии и правительства, но всё ушло в прошлое». На выборах в 1880 г. консерваторы потерпели поражение. Дизраэли мужественно согласился остаться лидером партии, хотя был уже серьёзно болен. До конца своих дней он принимал посильное участие в политической и общественной жизни, продолжал писать книги. Он умер 19 апреля 1881 г.

Дизраэли, как любая талантливая и яркая личность, может вызывать противоречивые чувства. В любом случае его безусловно следует признать одной из наиболее выдающихся политических фигур за всю историю Великобритании. Очень немногие люди, не принадлежавшие к знатным аристократическим фамилиям Англии, сумели достичь поста премьер-министра в этой стране даже в более демократическом XX в. Дизраэли добился этого в XIX в. Его внешняя политика в 1874—1880 гг. заложила основу империалистической политики Великобритании начала XX в. Миф народного торизма, с позиций которого Дизраэли трактовал прошлое Англии, может быть легко опровергнут, однако он немало потрудился для превращения его в реальность за время своей политической деятельности. Дизраэли придал консервативной партии тот вид, который она в основном сохраняет до настоящего времени. Понятен поэтому неослабевающий интерес политиков и историков к политическому наследию Бенджамина Дизраэли.

ХОСЕ МАРТИ

«Сегодня символ мира для меня — поломанные крылья». Так сказал о своём времени человек, сочетавший талант поэта, мудрость философа, мужество солдата и не раз испытавший боль «поломанных крыльев».

Эти слова великого кубинца Хосе Марти (1853—1895) содержат ёмкий образ не только второй половины XIX в., но и его многострадальной родины, а в каком-то смысле и всей его жизни. Выходец из бедной семьи тюремного надзирателя, юный Хосе едва не повторил карьеру отца, страстно желавшего увидеть в сыне своего преемника по службе. К счастью для мировой культуры, этого не случилось.

Уже почти четыре столетия Куба была колонией Испании, «островом сахара и рабов». Чувство протеста рано проснулось в душе юноши. Да и как могла эта многогранная натура снести посвист хлыста надсмотрщика на плантациях и беспощадное подавление свободолюбивых устремлений кубинцев. Много лет спустя умудрённый жизненным опытом и борьбой, Марти напишет: «Не успел человек родиться, а возле его колыбели уже стоят держа наготове широкие и толстые повязки философий, религий, увлечений отцов, политических систем. Человека скручивают, связывают, и он на всю жизнь остаётся взнузданным и осёдланным, словно конь. Поэтому земля нынче полна людей, лица которых скрыты под личинами». Ему же самому всегда была чужда маска ханжи и лицемера.

1868—1878 гг. — время Десятилетней войны кубинского народа за свободу и независимость. Хосе — с теми, кто борется; он пишет политические стихи и сотрудничает в газете «Ла Патриа Либре» («Свободная Родина»). Уже в 16 лет он подвергается аресту за свои политические убеждения. Несколько месяцев проводит в каторжных каменоломнях «Сан Ласаро», затем попадает на остров узников Пинос, а в 1871 г. испанские власти высылают его на Пиренейский полуостров.

Здесь, в метрополии, Хосе Марти стремится как можно более продуктивно использовать вынужденное отлучение от родины. Уже в мае 1871 г. он поступает в Мадридский университет, через два года переезжает в Сарагосу и в 1874 г. заканчивает сразу два факультета Сарагосского университета: юридический и факультет философии и литературы. Ещё в Мадриде Марти публикует свою первую публицистическую брошюру «Политическая тюрьма на Кубе» — о страшном положении узников каторжных тюрем. После провозглашения Испанской республики в феврале

1873 г. он пишет книгу «Испанская республика и кубинская революция», где заявляет: «Куба декларирует свою независимость по тому же праву, по которому Испания объявляет себя республикой».

После Десятилетней войны, так и не освободившей Кубу от колониальной зависимости, Хосе Марти получает наконец разрешение возвратиться на родину и вновь включается в политическую борьбу. Он твёрд и бескомпромиссен. Пламенные речи в защиту кубинского народа делают его имя чрезвычайно популярным. На одном из банкетов, не стесняясь присутствия губернатора острова, назначенного Испанией, — генерал-капитана Кубы, Марти выступил со столь обличительной и непримиримой речью, что глава колониальной администрации острова воскликнул: «Я хочу как можно скорее забыть о том, что я здесь слышал. Я никогда не смогу понять, как можно в моём присутствии, в присутствии представителя испанского правительства говорить подобные вещи. Я думаю, что Хосе Марти — это сумасшедший, но сумасшедший слишком опасный».

Вольтер писал, что человек рождён, чтобы жить или в конвульсиях беспокойства, или в летаргии скуки. Хосе Марти никогда не искал покоя. Его постоянно влекли политическая борьба и подготовка к решающей схватке за национальное освобождение, но эта страсть к свободе сочеталась в его душе с другой не менее сильной стихией, имя которой — поэзия.

Всю свою жизнь Марти преклонялся перед французской культурой, очень высоко ценил литературу Франции. Он оставался истинным поэтом и в своих литературно-критических статьях. Викто́ра Гюго он уподоблял солнцу в зените, ослепительно-яркому, приковывающему к себе восхищённые взоры всех. О братьях Гонкурах писал, что их отличает «рафинированное изящество, аромат надушенного салона, таинственная игра светотени...». Флоберу, «который одевался, как мавр, и чеканил слова, как гот», на его взгляд, присуща волшебная основательность.

Неудивительно, что творчество Марти находилось под влиянием французских поэтов и писателей, особенно символистов и парнасцев. Именно от них в его творчество приходят цветопись и образность: он стремится перенести в литературу приёмы живописи и музыки. Необходимость использования этих приёмов Марти обосновал в своего рода стихотворении в прозе: «В языке есть нечто пластичное, слово имеет своё видимое тело, свои законы красоты, свою перспективу, свой свет и свои тени, свою скульптурную форму и свои краски. Всё это можно постичь, только вглядываясь в слова, поворачивая их в ту и в другую сторону, взвешивая их, лаская их, шлифуя их. В каждом великом писателе скрыты великий живописец, великий скульптор и великий музыкант».

Именно таким писателем был сам Марти, хотя бродячая жизнь политэмигранта и активное участие в борьбе за независимость Кубы оставляли немного времени для творчества. При его жизни вышло всего четыре поэтических сборника: «Исмаэлильо», «Свободные стихи», «Цветы изгнания» и «Простые стихи». В них — израненная душа поэта, любовь, тревоги, надежды, весь его внутренний мир.

Хотят, о скорбь моя, чтоб я совлёк
С тебя покров природной красоты,
Чтобы подстриг я чувства, как кусты,
И плакал только в кружевной платок.
Чтобы в темнице звонкой изнемог
Мой стих, который подарила ты.
Живительной лишённый простоты,
Засохнет он, как сорванный цветок.
Нет, так не будет! И пускай актрисы
Разучивают вздохи наизусть,
Картинно опускаясь на подмостки.
Душа не делит сцену и кулисы,
Румянами не скрашивает грусть
И, падая, не помнит о причёске.

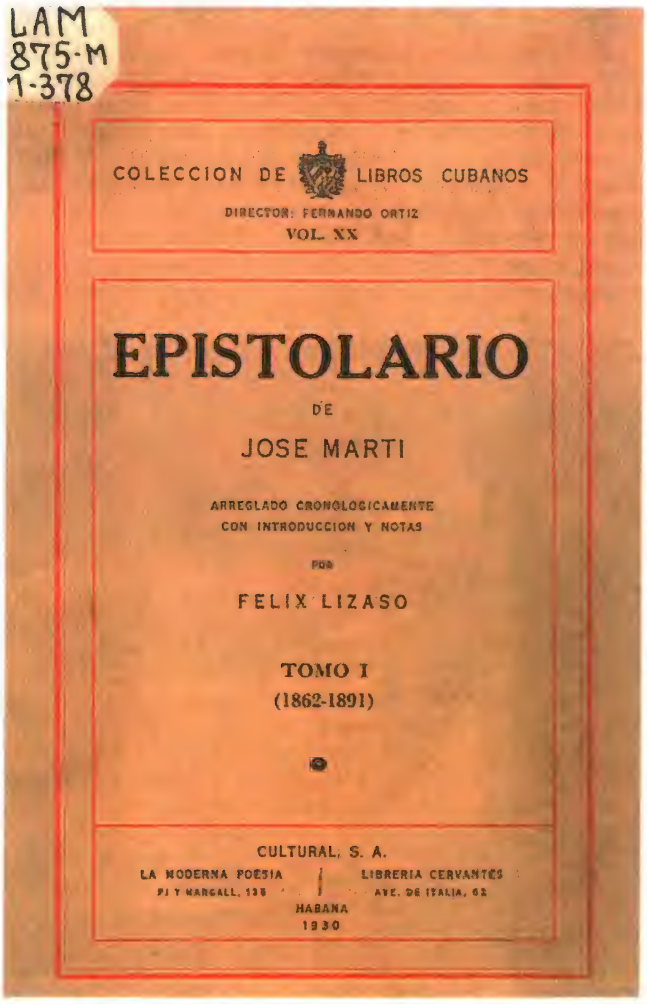
(Перевод В. Столбова)

Избранница его сердца Кармен Сайяс де Басан, дочь богатого кубинского землевладельца, с которой он познакомился в Испании, выделялась не только красотой и обаянием. Она была очень начитанной, увлекалась поэзией, играла в шахматы и в девичестве во многом разделяла патриотический порыв Хосе Марти. Не о таком ли идеале женщины мечтал он? И раньше в жизни поэта были увлечения, которые, казалось, вот-вот испепелят молодое сердце. Он писал: «Любовь для

Дом, в котором жил Хосе Марти во время своей ссылки на остров Пинос.

меня чувство столь могущественное, столь абсолютное и внеземное, что до сих пор я не встретил на нашей густонаселённой земле женщину, которой я мог бы предложить его целиком. Какая тоска чувствовать себя самым живым среди живых, преисполненным неувядаемой нежности и бесконечной верности в душном воздухе, среди невыносимой мелкоты и монотонной безликости, в пустоте, которая сдавливает моё тело и гнетёт мой дух внутри его телесной оболочки... Жизнь для меня мучение. А я живу, ибо должен быть сильным, чтобы справиться с любым препятствием, сломать любую силу...».

И вот это огромное чувство пробудило ответную любовь. «Для меня брак с другой женщиной был бы безумием, — писал Марти одному из своих друзей, — но, вступая в брак с Кармен, я делаю осуществимым самое заветное моё желание, которое часто непонятно людям, — согласие наших духовных страстей».

В конце 70-х гг. они поженились. В 1878 г. в их семье появился крохотный Хосе, которого счастливый отец называл не иначе как «маленькое облачко». Однако счастье — понятие эфемерное. Постоянные скитания и неустроенный быт приводили к тому, что романтическая влюблённость Кармен всё более ослабевала. Оставалась лишь любовь к «маленькому облачку», и наконец, взяв его с собой, в 1884 г. она покинула Марти.

Обложка книги произведений Хосе Марти.

Увы, личная жизнь поэта не сложилась, да и вряд ли могла сложиться. Его душа была отдана прежде всего прекрасному острову Куба. Знаменитое стихотворение Марти «Родина и женщина» стало своеобразной исповедью его как поэта и патриота, как человека и революционера. Когда речь заходила о Кубе, он всегда был непреклонен: «Нет такого горя, унижения, лишения, наглости, которых бы я не вытерпел для Родины».

Марти интересен и значителен не только в поэзии, но и в прозе, и в литературной критике, и на ниве исторических исследований. И сколько ещё ярких работ было бы написано им, с его удивительной работоспособностью и творческим горением, если бы не обречённость изгнанника, если бы не тяготы быта и необходимость зарабатывать на жизнь то в качестве корреспондента ряда латиноамериканских газет, то в должности консула Уругвая, Парагвая и Аргентины в США; если бы, наконец, рука его с негодованием не отбрасывала перо, ибо жаждала, говоря его словами, «оружия более действенного, задач более мужественных и трудных».

В начале 80-х гг. Хосе Марти вместе с Антонио Масео и Максимо Гомесом становится во главе национально-освободительного движения. В это время «верхушка» кубинского общества, обладавшая немалыми капиталами, боясь радикальной социальной ломки, стремилась не к независимости, а только к автономии, в рамках которой она надеялась осуществлять реформы экономического и политического характера. Критикуя автономистов, Марти заявил: «Человек, который зовёт в бой, неизмеримо дороже человека, который лишь умоляет; права не вымаливаются, а берутся, их не выпрашивают, а вырывают».

Такая бескомпромиссная революционность приводит Марти к новой ссылке. И опять он оказывается в Испании. Однако теперь Хосе задерживается здесь совсем ненадолго. Вскоре начинаются его многолетние странствия по странам Центральной Америки и Карибского бассейна. Он собирает средства и сплачивает живущих там кубинцев, разрабатывает планы вооружённого восстания на Кубе. В 80-е гг. XIX в. Марти подолгу живёт в США. От его проницательного ума не ускользают намерения официального Вашингтона подчинить своему влиянию латиноамериканские государства и прибрать к рукам Кубу. Захватнические устремления великого северного соседа порождают у Хосе Марти вопрос: «Объединятся ли в насущно необходимый, благословенный союз древние, неразрывно связанные между собой народы Америки?». Идеи о солидарности

и общности языка, религии, культуры и истории становятся главными аргументами в пользу создания этого союза, который Хосе Марти называет «Наша Америка».

В начале 90-х гг. подготовка патриотических сил Кубы к вооружённому восстанию вступила в решающую фазу. С этой целью Марти основал в 1892 г. Кубинскую революционную партию. Её ячейки действовали не только на самой Кубе, но и на североамериканском полуострове Флорида, где проживали много кубинских рабочих-табачников. Иллюстрацией к этому предельно насыщенному периоду в жизни Марти могут служить его собственные слова: «Как я хотел бы оседлать молнию, чтобы повсюду поспеть...».

Хосе Марти стал организатором и главным идеологом второй войны за независимость кубинского народа (1895—1898 гг.), начатой патриотами 24 февраля 1895 г. в провинции Орьенте. Современники называли его наиболее радикальным революционером своего времени, стремившимся прежде всего к тому, чтобы независимое государство на Кубе «обеспечило бы своим сынам счастливую жизнь на протяжении многих лет», как говорил сам Хосе Марти. Ради этого он боролся, ради этого готов был умереть.

Для непосредственного участия в восстании Хосе Марти прибыл на Кубу вместе с Максимо Гомесом 11 апреля 1895 г. из Доминиканской республики. Началась совершенно новая полоса его жизни в повстанческих отрядах, когда «всё имущество за поясом», когда под голову подкладывается «опасность вместо подушки», когда «пасть побеждённым в великом бою — это уже победа».

Когда-то, обращаясь к своей Музе, Марти писал:

Если есть высший суд, лишь с тобою
Я предстану пред этим судом:
Либо нас осудят обоих,
Либо мы спасёмся вдвоём.

Хосе Марти геройски погиб в самом первом своём сражении 19 мая 1895 г.

БУРЫ (ИЛИ АФРИКАНЕРЫ)

Слово «бур» происходит от голландского «крестьянин». Так называли себя первые переселенцы из Голландии в Южную Африку. В первой четверти XX в. распространяется другое, ставшее официальным название буров — африканеры.

В 80-х — начале 90-х гг. XX в. африканеры составляли большую часть белого населения Южно-Африканской Республики (60%) и Намибии (70%). Их поселения существуют также в Зимбабве, Малави, Кении, Танзании, Заире, Бурунди и за пределами Африки — в Аргентине и некоторых других странах. Согласно оценке, общая численность африканеров около 3 млн человек, из них свыше 2,8 млн проживают в ЮАР и около 50 тыс. — в Намибии.

Колонизация бурами Южной Африки началась с создания в 1652 г. нидерландской Ост-Индской компанией укреплённого поселения около мыса Доброй Надежды. Поселение положило начало Капской колонии и выросло впоследствии в город Капстад — современный Кейптаун. После отмены в 1685 г. Нантского эдикта 1598 г. о веротерпимости в Капской колонии появились гугеноты-французы, опасавшиеся новых религиозных преследований, за ними последовали протестанты из Германии и других стран. К концу XVII в. число переселенцев превысило 15 тыс. человек.

Новая колония быстро расширялась и крепла за счёт захвата земель у коренного населения — племён готтентотов и бушменов, а также заключения с ними «обменных» договоров, когда металлическая утварь, алкогольные напитки, табак менялись на живой скот. На захваченных землях буры создавали обширные земледельческие и скотоводческие хозяйства, основанные на рабском труде. Рабы ввозились из Анголы, Западной Африки, Индии, с Мадагаскара, Цейлона (ныне Шри-Ланка). По мере расширения своих владений и роста нехватки рабочей силы буры стали захватывать в рабство и местных жителей.

В течение жизни одного поколения «старожилы» голландцы слились с новыми поселенцами — французами, немцами и др. Их сплочению способствовала общность религии. Буры принадлежали к

Сесил Родс.
С портрета работы Джорджа Фредерика Ваттса.

голландской Реформаторской Церкви, которая возникла как одно из направлений реформации в Швейцарии и стала господствующей в Голландии в XVII в. Основываясь на учении Кальвина о предопределении, буры считали себя избранным народом, призванным управлять и властвовать. Местные жители-нехристиане в их представлении попросту не были людьми.

Общим у буров стал и язык — африкаанс, возникший в результате смешивания разных диа-

Буры возвращаются с охоты. Литография. XIX в.

лектов голландского языка с немецким, английским и французским. Африкаанс также испытал на себе влияние местных африканских языков, португальского, малайского и наречий, на которых говорили посещавшие Южную Африку моряки, торговцы и ввозимые рабы. Первоначально африкаанс был только разговорным языком и функционировал одновременно с голландским, который оставался письменным языком буров. В конце XIX в. появляются литературные произведения на африкаанс, а с 1925 г. он наряду с английским становится официальным языком страны. В середине 80-х гг. нашего века на африкаанс говорили свыше 5 млн человек.

Продвигаясь на восток, буры в 70-е гг. XVIII в. вторглись на земли племён коса, которых они называли кафрами (от *араб.* «кафир» — «неверный», «неверующий»). Начались затянувшиеся на целое столетие так называемые кафрские войны, которые вели против коса сначала только буры, а затем и англичане, захватившие в начале XIX в. Капскую колонию. В результате границы последней заметно расширились.

С переходом Капской колонии в руки Англии связано такое овеянное романтикой событие бурской истории, как «Великий трек». Слово «трек» происходит от голландского «переселение». Так называли начавшееся в 30—40-е гг. XIX в. перемещение больших групп буров из Капской колонии на север и восток страны, за реки Оранжевая и Вааль, а также в Натал. Буры, как они сами говорили, уходили в поисках новых земель, где «...им не докучали бы ни английские миссионеры, ни англизированные готтентоты, где кафры ручные, где можно найти хорошие пастбища... охотиться на слонов, буйволов и жираф и где человек может жить свободно». Одной из непосредственных причин трека стала отмена англичанами рабства в Капской колонии, что создало угрозу подрыва экономической основы бурских хозяйств.

«Великий трек» напоминал освоение белыми переселенцами американского «дикого Запада». Треккеры передвигались группами, без карт, по солнцу и другим приметам. Запряжённые волами большие крытые повозки, в которых находились старшие члены семей, женщины, дети и нехитрый скарб, сопровождали вооружённые всадники.

На новых землях буры столкнулись с упорным сопротивлением коренного населения — зулу, ндебеле, суто и других племён. Одно из решающих сражений между бурами и зулусами произошло у реки Инкоме, которая вошла в историю Южной Африки под названием Кровавой.

Для утверждения буров на завоёванных территориях потребовались десятилетия. Их противниками были не только африканцы, отстаивавшие свою независимость, но и англичане — главные колониальные соперники буров в Южной Африке. Созданная в 1839 г. бурская республика Натал была в 1843 г. захвачена Англией. Более долгой была жизнь двух других бурских республик, возникших в середине XIX в.: Оранжевой, созданной в 1854 г. под официальным названием Оранжевое Свободное Государство, и Трансвааля, основанного в 1856 г. под именем Южно-Африканской Республики. По отношению к местному населению в этих бурских республиках практиковались полурабские методы эксплуатации.

В то же время повседневный жизненный уклад большинства буров оставался вплоть до конца XIX в. глубоко патриархальным. Интересна ироничная характеристика, данная бурам Марком Твеном после его поездки в Южную Африку в 1896 г.: «Буры очень набожны, глубоко невежественны, тупы, упрямы, нетерпимы, нечистоплотны, гостеприимны, честны во взаимоотношениях с белыми, жестоки по отношению к своим чернокожим слугам, искусны в стрельбе и верховой езде, увлекаются охотой, не терпят политической зависимости, хорошие отцы и мужья... ещё до недавнего времени здесь не было школ, детей не учили; слово «новости» оставляет буров равнодушными — им совершенно всё равно, что творится в мире...». Африканцы и колонисты-англичане, сталкиваясь с ними на поле битвы, были не столь ироничны...

Из среды буров вышли многие выдающиеся политические и государственные деятели, учёные, писатели. Имена некоторых из них можно найти на современной географической карте Южной Африки: например, столица ЮАР Претория названа в честь её основателя, первого президента Трансвааля М. Преториуса; город Крюгерсдорп и национальный парк Крюгер — в честь другого известного президента Трансвааля, П. Крюгера.

В середине 80-х гг. XIX в. в Трансваале, в районе Витватерсранд, было открыто крупнейшее в мире месторождение золота. Впоследствии здесь были обнаружены и урановые руды. Это фактически решило судьбу республики. В Трансвааль устремились могущественные британские монополии и старатели-иммигранты из Европы. Начался торгово-промышленный бум. Англия и её Капская колония начали экономическую блокаду Трансвааля, стремясь не дать республике выход к морю, помешать территориальному расширению.

С середины 90-х гг. Англия берёт курс на подготовку прямой агрессии против бурских республик. Срывается попытка организации переворота в Трансваале и устранения президента Крюгера. Один за другим следуют британские ультиматумы и угрозы Трансваалю и Оранжевой. Наконец в 1899 г. разразилась англо-бурская война.

Буры предвидели войну и готовились к ней. У немцев, соперников англичан в Африке, были закуплены новейшие магазинные винтовки «маузер», пулемёты и орудия. Под ружьё были поставлены все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Из числа наиболее искусных, опытных и храбрых бойцов выбраны командиры.

Первое время благодаря более совершенной тактике, лучшему оружию и отличному знанию местности буры имели военное преимущество. Однако

постепенно из Англии в Южную Африку были переброшены значительные силы: до 250 тыс. чел. против 45—60 тыс. солдат-буров. Англичане перешли в наступление, заняли столицы Оранжевой и Трансвааля — города Блумфонтейн и Преторию. Буры продолжали упорную партизанскую борьбу, однако в конечном счёте Англия в 1902 г. победила и захватила бурские республики.

Англо-бурская война 1899—1902 гг. была первой жестокой репетицией Первой мировой войны. В Южной Африке впервые в широких масштабах были применены новое автоматическое оружие, колючая проволока, созданы концентрационные лагеря, в которых англичане содержали пленных буров, включая женщин и детей.

Эта война была несправедливой с обеих сторон: и Англия, и буры стремились утвердиться в качестве господствующей колониальной силы в Южно-Африканском регионе. Но симпатии миллионов людей во многих странах мира были на стороне маленького бесстрашного народа, бросившего вызов одной из самых могущественных держав того времени. Вместе с бурами сражались сотни добровольцев из Германии, Голландии, Франции, Америки, России. О бурах складывали песни. В одной из них, ставшей известной и в нашей стране, были такие слова: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...».

В 1910 г. возник новый британский доминион — Южно-Африканский Союз (ЮАС), в состав которого вошли английские самоуправляющиеся колонии Капская и Натал и захваченные Англией бурские республики. Создание ЮАС было своего рода компромиссом между местными английскими финансистами и промышленниками и богатыми фермерами-бурами. В его основе лежало стремление урегулировать англо-бурские противоречия путём усиления эксплуатации африканского и цветного населения, составляющего большинство в стране. Первым премьер-министром ЮАС стал бывший главнокомандующий бурскими войсками во время войны 1899—1902 гг. Л. Бота.

После образования ЮАС усилилось расслоение в бурском обществе, начавшееся ещё в годы экономического подъёма в Трансваале и Оранжевой. Значительно возросло число бедных и разорившихся фермеров, которые уходили на шахты и в города в поисках работы. Определились и политические расхождения среди буров. Часть из них, возглавляемая Ботой, выступала за тесный союз между «верхними» слоями бурского и английского населения страны. Им противостояли сторонники восстановления власти буров в Южной Африке, воссоздания независимых бурских республик. Они организовывали антибританские заговоры, создавали политические и военизированные организации. В 1914 г. возникла Националистическая партия, опиравшаяся на буров — «белых бедняков» и мелких предпринимателей, а в 1918 г. — общество «Африканер Брудербонд» («Союз братьев-африканеров»), ставшее в 1921 г. тайным. В 1922 г. правительство ЮАС потопило в крови восстание белых горняков, в основном буров, в Витватерсранде, выдвинувших требование ввести на шахтах «цветной барьер» — дискриминационную систему найма и оплаты труда африканцев.

В 1924 г. на выборах в ЮАС победила Националистическая партия, поддерживаемая Брудербондом. Пришедшее к власти правительство Дж. Герцога, одного из создателей Националистической партии, бывшего бурского генерала, осуществляло неприкрытую расистскую политику. После слияния Националистической партии и Южноафриканской партии, лидером которой был Ян Смэтс, также бывший бурский генерал и премьер-министр ЮАС в 1919—1924 гг., сторонник «диалога» с Англией, крайне реакционная африканерская группа во главе с известным политическим деятелем Маланом воссоздаёт в 1934 г. «очищенную» Националистическую партию. С середины 30-х гг. в ЮАС распространяется фашистское движение. В Юго-Западной Африке появляются военно-фашистские организации, такие, как «Серые рубашки» и др. В 1939 г. Герцог заявил, что «взгляды южноафриканских буров на расовый вопрос совпадают со взглядами национал-социалистической Германии». В том же году его, решительного противника войны с Гитлером, сменил на посту премьер-министра Ян Смэтс, и ЮАС вступил во Вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции. Однако и в военные годы многие африканеры не скрывали своих прогерманских симпатий.

После Второй мировой войны Националистическая партия выдвинула идею апартхейда. В стране развернулось национально-освободительное движение, против расистской политики Националистической партии выступали не только чёрные и цветные южноафриканцы, но и часть белого населения, включая большие группы африканеров. После провозглашения в 1961 г. Южно-Африканской Республики внешняя и внутренняя оппозиция апартхейду усилилась, углубилось размежевание в африканерской общности. В 1988 г. произошёл раскол Националистической партии. Л. Бота был смещён с поста её лидера. В 1989 г. он ушёл в отставку с поста президента страны, его преемником стал политический лидер африканеров Трансвааля Франсуа ле Клерк, провозгласивший курс на полную ликвидацию системы апартхейда.

Официальная отмена в ЮАР большинства расистских законов в начале 90-х гг. была поддержана значительной частью белых южноафриканцев, включая многих африканеров. Настоящее и будущее африканеров определяется прежде всего их заметной ролью в экономической и общественно-политической жизни страны. В среде африканеров, несмотря на сохраняющиеся политические разногласия, крепнет понимание того, что расовая обособленность является тормозом на пути экономического и общественно-политического прогресса всего населения Южной Африки.

БИСМАРК И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

В первой половине XIX в. Германия оставалась раздробленной на множество государств. В каждом из них были своя политическая власть, армия, свои законы и таможня. Самыми значительными среди них были Австрия и Пруссия, претендовавшие на роль объединителя всех германских земель. В 1848 г. в Германии произошла революция, в ходе которой на политическую арену выступила буржуазия. Она ставила перед собой цель национального объединения, однако не смогла её достичь. В прусском парламенте — ландтаге — буржуазия никогда не имела серьёзного влияния на политику. Зато помещики (юнкеры) не переставали быть значительной силой. Они не потеряли экономического могущества, потому что сумели перестроить своё хозяйство применительно к требованиям рынка. С другой стороны, в стране появлялось всё больше фабрик и заводов. Постепенно помещики и буржуазия пришли к осознанию общих интересов, которые нашли выражение в идее единой сильной Германии. Её воплощение связано с деятельностью человека необыкновенной воли и энергии — Отто фон Бисмарка. Ещё до его появления ряд государств был объединён в Германский союз, который, однако, не имел сколько-нибудь значительных органов центральной власти. Место обычных представительных учреждений занимал Союзный сейм, который являлся скорее конференцией представителей германских государств.

Отто фон Бисмарк родился в 1815 г. в небольшом дворянском имении Шёнгаузен недалеко от Берлина в семье юнкера средней руки и дочери профессора. Следуя семейной традиции, он должен был стать военным, но мать мечтала видеть сына дипломатом, и Отто поступил на юридический факультет Гёттингенского университета. Науками будущий министр и первый канцлер Германской империи себя не утруждал, отдавая большую часть времени, по обычаям студентов тех лет, охоте, фехтованию и пивным. Впоследствии он не раз хвастался шрамами, приобретёнными в 27 дуэлях в Гёттингене. Закончив образование уже в Берлинском университете, он попытался поступить на дипломатическую службу. Но без поддержки влиятельных лиц это было невозможно, поэтому Бисмарк стал чиновником судебного ведомства. Однако служба не задалась. После нескольких столкновений с начальством он оставил должность и отправился в деревню управлять двумя отцовскими имениями. Его одарённость проявилась и здесь — вскоре он стал преуспевающим помещиком.

Неукротимый, резкий, прямой, Бисмарк получил в своей округе прозвище Дикий. В светских кругах его называли Бешеным Юнкером. Это был человек необычайно волевой, физически выносливый, с громовым голосом, презирающий человеческие слабости. Его политические взгляды к этому времени вполне сформировались: Бисмарк был ярым монархистом. Впоследствии один из его сподвижников так сформулировал политическое кредо Бисмарка: «Сила преобладает над правом!».

Статуя Бисмарка.

В дни революции 1848 г. он явился в Берлин для подавления бунтовщиков с вооружённым отрядом из своих крестьян. Даже такой реакционер, как король Фридрих Вильгельм IV, сказал о Бисмарке: «От этого юнкера пахнет кровью» — и поначалу избегал отношений с ним. Однако спустя несколько лет именно Бисмарку был доверен пост руководителя правительства и именно он стал идеологом политики, призванной объединить Германию.

Перед этим Бисмарк прошёл хорошую дипломатическую школу, начав карьеру с поста посланника Пруссии при Союзном сейме во Франкфурте-на-Майне. Там он изучил все хитросплетения австрийской политики, понял стремление Австрии любой ценой играть главную роль на политической арене и ослабить влияние Пруссии. Бисмарк считал, что Австрия хочет унизить и уничтожить Пруссию, и поклялся отомстить Австрии. Клятву эту он выполнил.

Именно тогда молодой дипломат выбрал свой путь — руководствоваться в политике прежде всего государственными интересами. Для этого были необходимы военная сила и союз с сильными государствами.

Бисмарк побывал в Петербурге и Париже в должности посла и понял, что для борьбы с Австрией лучшие союзники — Россия и Франция.

На российского царя ум, воля, работоспособность и монархические убеждения прусского посла произвели столь сильное впечатление, что он предложил ему перейти на русскую службу. Но Бисмарк видел своё будущее только на родине. В 1862 г. он стал министром-президентом, или первым министром Пруссии.

Бисмарк оказался на этом государственном посту в момент наиболее острого конфликта между королём и ландтагом по поводу военной реформы, увеличения и перевооружения армии. Ландтаг выступал против военной реформы. В борьбе против него король нуждался в таком сильном человеке, как Бисмарк. Новый министр заявил, что считает недопустимым диктат парламента и что он будет бороться с либерализмом до последнего своего вздоха. Выступая перед парламентом, министр изложил программу своей будущей внутренней и внешней политики: «Не на либерализм Пруссии взирает Германия, а на её мощь. Не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — это было ошибкой 1848 г., — а железом и кровью».

Отто фон Бисмарк.
Английская карикатура XIX в.

Не считаясь с либерально-буржуазной оппозицией в парламенте, отказывавшей правительству в кредитах на увеличение и реорганизацию армии, Бисмарк завершил военную реформу и значительно усилил армию. В 1864 г. Пруссия и Австрия вели войну против Дании, а в 1866 г. Пруссия вместе с Италией напала на бывшего союзника — Австрию. В результате поражения Австрия признала право Пруссии на создание Северо-Германского союза, в котором объединилось 21 германское государство, и отказалась от Ломбардии. Но для полного объединения Германии нужно было подчинить южногерманские государства. Препятствием к этому служила Франция. Следовало спровоцировать её на войну.

В победе Бисмарк не сомневался: прусская армия превосходила французскую. Однако Вильгельм I не хотел открытого конфликта с Францией. В такой ситуации становилось затруднительным найти повод к войне. Но Бисмарк не был бы Бисмарком, если бы не справился с этим. Однажды, давая обед своим сторонникам, он получил депешу от Вильгельма I, находившегося в Эмсе, в которой говорилось о кандидатуре на испанский престол. По этому поводу между Францией и Пруссией были расхождения. Но депеша короля была составлена в примирительных тонах. На глазах у своих единомышленников Бисмарк решительно вычеркнул из неё несколько строк, и послание приобрело оскорбительный для Франции характер. В таком виде Бисмарк приказал разослать телеграмму в газеты и во все европейские миссии, кроме французской. Париж был оскорблён и через неделю объявил войну Пруссии. Этот широко известный эпизод с Эмской депешей был типичен для Бисмарка, не останавливавшегося ни перед чем во имя интересов Пруссии и Германской империи, созданию и укреплению которой он посвятил всю свою жизнь.

В войне с Францией Пруссия одержала полную победу. Франция потеряла богатые углем и железом Эльзас и Лотарингию и уплатила контрибуцию размером в 5 млрд франков. В 1871 г. была провозглашена Германская империя. Бисмарк стал её первым канцлером.

Оценивая свою роль в деле объединения страны, он говорил: «Я всегда радовался, если мне удавалось каким бы то ни было путём хотя бы на три шага приблизиться к единству Германии». Победоносные войны и образование Германской империи примирили большую часть оппозиционной немецкой буржуазии с Вильгельмом I и Бисмарком. Забыв о прежних ссорах, она восторженно приветствовала завоевательную политику канцлера. А тот считал возможным поставить на службу своим воинственным планам самые демократические принципы, например всеобщее избирательное право.

Немалую роль в образовании Германской империи сыграло умение Бисмарка поддерживать отно-

шения с Россией. Благосклонность России к объединительным усилиям Бисмарка объяснялась прежде всего его последовательными призывами к соблюдению Пруссией нейтралитета в годы Крымской войны и его активным противостоянием идеям раздела России западными странами. В ответ Россия во время франко-прусской войны также придерживалась благожелательного нейтралитета. Более того, когда Австрия вознамерилась напасть на Пруссию в поддержку Франции, Россия активно выступила против. Кайзер Вильгельм I писал Александру II: «Пруссия никогда не забудет, что лишь благодаря Вам война не приобрела чрезвычайного размаха. Воспоминания о Вашей позиции по отношению ко мне и моей стране будут определять мою политику по отношению к России, что бы ни случилось».

Однако, когда Пруссия была готова начать новую войну с Францией в 1875 и в 1877 г., Россия твёрдо выступила против. В подобных ситуациях Бисмарк, обладавший тонким политическим чутьём, умел избежать поражения, играя на противоречиях между государствами Европы. Теперь он начал интриговать против России, пытаясь столкнуть её с Англией и Австро-Венгрией. Все три государства имели интересы на Балканском полуострове. Когда после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Россия получила преимущество в этом регионе, Бисмарк немедленно стал поддерживать Австро-Венгрию. Извлекая выгоду из обострения англо-французского противостояния на Ближнем Востоке, Бисмарк обещал помощь Англии в случае войны в Египте. Подобная политика подрывала позиции Франции.

Франция была постоянной мишенью агрессивной политики Бисмарка. Россия же оставалась могущественной державой, и расклад сил в Европе в значительной степени зависел от её позиции. Союзнические коалиции, создаваемые канцлером, включали в себя Россию и, таким образом, поддерживали Германию в её противостоянии с Францией. Бисмарку удалось заключить так называемый «Союз трёх императоров» между Германией, Россией и Австро-Венгрией. Союз распался из-за трений между последними двумя государствами по балканскому вопросу.

По мере усиления военной и экономической мощи Германии интересы её стали распространяться и на Африку, где она захватила ряд колоний. Очень скоро её колониальная политика пришла здесь в столкновение с английской, и отношения между Германией и Англией крайне обострились. Чтобы обеспечить свободу действий в случае столкновения с одной из западных держав и обезопасить себя с тыла, Бисмарк заключил с Россией в 1887 г. так называемый «Перестраховочный договор». Обе империи должны были поддерживать взаимный благожелательный нейтралитет в случае нападения третьей державы. Бисмарк признал интересы России на Балканах, обещая «поддерживать их в моральном и дипломатическом отношении». С другой стороны, договор обеспечивал безопасность восточных границ Германии, если бы Франция решилась взять реванш за утрату Эльзаса и Лотарингии в 1871 г.

Колебания канцлера в проведении русской политики возникали как под влиянием политической ситуации, так и в силу непростых личных отношений с русскими государственными деятелями, в частности с министром иностранных дел Горчаковым. Хотя в правящих кругах Германии были влиятельные фигуры, настроенные антирусски и время от времени призывавшие к войне против России под предлогом угрозы с Востока, Бисмарк в целом всегда был сторонником дружественных отношений с сильным соседом. «Едва ли, — писал он, — когда-либо может возникнуть необходимость войны Германии с Россией, если только либеральные глупости или династические промахи не изменят ситуации». Взгляды Бисмарка разделял и Вильгельм I. По этому поводу английский историк Э. Карр заметил: «Этой максимой пренебрегли Вильгельм II в 1914 г. и Адольф Гитлер в 1941 г., что в обоих случаях имело катастрофические последствия для Германии».

Бисмарк ушёл в отставку в 1890 г. Он покидал Берлин, шумно приветствуемый толпой, забывшей жестокость этого человека и помнившей лишь о его чрезвычайных заслугах перед Германией. В книге «Мысли и воспоминания» он рассказывает о своей жизни, о мотивах, руководивших им на его нелёгком поприще. При всей неоднозначности своей деятельности Отто фон Бисмарк — одна из самых ярких и сильных фигур в немецкой истории.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Первая мировая война (1914—1918 гг.) — одна из самых длительных, кровопролитных и значительных по последствиям в истории человечества. Она продолжалась более четырёх лет. В ней участвовали 33 страны из 59, обладавших в то время государственным суверенитетом. Население воюющих стран составляло свыше 1,5 млрд человек, т. е. около 87% всех жителей Земли. Под ружьё было поставлено в общей сложности 73,5 млн человек. Более 10 млн человек были убиты и 20 млн ранено. Жертвы среди мирового населения, пострадавшего от эпидемий, голода, холода и других бедствий военного времени, также исчислялись десятками миллионов.

Причины мировой войны многообразны. Это была попытка разрубить узел острейших противоречий, которые накопились к началу XX столетия и не раз давали знать о себе острыми

экономическими противоречаями, территориальными спорами, национальными конфликтами, борьбой за военное превосходство на суше и море, торговыми войнами, соперничеством за обладание колониями, наконец, всплесками напряжённости в отношениях между общественными классами и политическими партиями в отдельных странах.

Никакой неизбежности перерастания этих противоречий в мировую войну не было, хотя шло немало локальных войн. Доказательством тому служат около 40 лет мира, который вопреки всем опасностям царил в Европе со времени франко-прусской войны 1870—1871 гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Основной предпосылкой сохранения мира было широкое международное сотрудничество во всех областях жизни: экономике, политике, культуре. Густая сеть железных дорог связывала между собой самые отдалённые уголки Европы и впервые по-настоящему их сблизила. Границы государств стали как никогда «прозрачными». Всё это облегчило обращение капитала, товаров, людей, информации.

Перед крупными державами и малыми странами в начале XX в. открывались перспективы небывалого процветания. Это лишало всякого смысла применение военной силы для разрешения противоречий между ними. Складывались и политико-юридические гарантии от возникновения войн. На внутригосударственном уровне это выражалось в укреплении парламентаризма, расширении свобод и прав граждан, усилении их контроля над правительством; на уровне внешних отношений — в заключении соглашений между странами. Большое значение имели конвенции, подписанные в Гааге в 1899 и 1907 г., которые определяли юридические механизмы разрешения международных конфликтов, в частности, путём передачи их на рассмотрение специального суда. Многим в ту пору казалось, что не за горами время, когда правовые нормы окончательно восторжествуют над грубой силой в качестве решающего довода в спорах не только между людьми, но и между странами.

Если мировая война всё же началась, то не потому, что оказались недейственными механизмы достижения компромиссов. В критический момент ими не пожелали воспользоваться сами державы, от которых в первую очередь зависело сохранение мира. Трудно усмотреть в этом недоразумение или случайность. То был продуманный шаг, продиктованный целями, которые преследовали их правительства и которые были заведомо недостижимы мирными средствами, поскольку вступали в противоречие с самим международным правопорядком и ущемляли законные интересы других стран и народов.

Не будет преувеличением сказать, что мировая война явилась продолжением политики территориальных захватов, которую проводили крупнейшие державы. Такая политика издавна называлась империалистической, поскольку вела к образованию многонациональных и колониальных империй. К началу XX в. мир в значительной мере был поделён между ними. На просторах Центральной и Восточной Европы, населённой десятками разноязыких народов, господствовали три монархии: Германская, Австро-Венгерская и Российская. Владения последней простирались до восточной оконечности Азиатского континента. Почти вся Африка, Южная и Юго-Восточная Азия, земли в других частях света стали добычей колонизаторов Великобритании, Франции, Португалии, Германии, Италии и других европейских стран. Но столь обширные владения отнюдь не умерили их аппетита.

В начале XX в. они вынашивали планы новых захватов, в оправдание нередко ссылаясь на необходимость защиты соплеменников или единоверцев от притеснений, обретения «естественных границ» или «жизненного пространства». Так, Германия стремилась создать из германоязычных и соседних с ними стран, которые она относила к сфере своих интересов, тесный экономический и политический союз — Срединную Европу. Австро-Венгрия рассчитывала распространить влияние на независимые государства Балканского полуострова, в которых усматривала угрозу своей безопасности. Россия же укрепляла позиции на Балканах под предлогом защиты «братьев-славян». Исходя из своих стратегических интересов, она добивалась также контро-

Австрийский плакат времён Первой мировой войны.

ля над черноморскими проливами — Босфором и Дарданеллами. Франция мечтала не только о возвращении Эльзаса и Лотарингии, отнятых Германией в 1871 г. в результате франко-прусской войны, но и о присоединении всего немецкого левобережья реки Рейн, которая должна была стать её «естественным» рубежом на востоке. Италия присматривалась к сопредельным французским и австрийским землям, считая их своими исконными территориями.

Все эти захватнические планы можно было бы объяснить лишь великодержавными амбициями или национальным эгоизмом, если бы за ними не просматривались экономические интересы. В начале XX в. никого не надо было убеждать в том, что основным источником торгового и военного могущества государств является крупная промышленность. Понимали это и правительства ведущих держав того времени. Поэтому в своей внешней и внутренней политике они во многом руководствовались поддержкой национальной индустрии и созданием новых технологий (США, Германия).

Задача более чем похвальная. Вот только способ её решения обернулся для мира катастрофическими последствиями. Чтобы это стало ясно, достаточно вспомнить азбучные истины политической экономии. Крупной промышленности тесно в национальных границах. Для полнокровного развития ей необходимы зарубежные рынки сбыта продукции, источники сырья, полуфабрикатов, оборудования, рабочей силы. Заполучить их крупная промышленность какой-либо страны может в принципе лишь двумя взаимоисключающими путями: либо добившись победы в открытом и равноправном состязании за них с индустрией других стран, либо обеспечив себе преимущественное право пользоваться ими от имени государства, которому они подконтрольны.

Первый путь означает режим свободной конкуренции производителей. Это тоже война, но экономическая, т. е. бескровная, победители в которой подсчитывают свои барыши, а побеждённые и жертвы — убытки. Второй путь — режим государственной монополии, когда коммерция возводится в ранг государственной политики, что рано или поздно приводит к соперничеству держав за сферы влияния, экономический и территориальный раздел мира. Это означает войну в самом прямом смысле — войну, потери в которой исчисляются не только в рублях, долларах и других денежных единицах, но в миллионах загубленных человеческих жизней. Увы, ведущие державы выбрали именно второй путь защиты и поддержки своей индустрии.

Усилия многих правительств сосредоточились на борьбе с иностранной конкуренцией, объявленной едва ли не бедствием для национальной индустрии. В конце XIX в. это стало навязчивой идеей политиков и дельцов, способных распознать лишь сиюминутные выгоды. Действительно, от иностранной конкуренции жестоко страдали отечественные производители. Но была ли нужда в её удушении, если известно, что в долгосрочной перспективе она приносит неоценимую пользу как стимул повышения производительности труда? Тем не менее в последней трети XIX в. правительства ряда стран стали повышать таможенные пошлины на ввозимые товары. «Экономический национализм» привёл к резкому обострению международных противоречий. Испортились отношения даже таких давних партнёров и союзников, как Россия и Германия. Державы стали ограничивать конкуренцию на международных рынках, приступив к их дележу, подталкивая тем самым мир к военной катастрофе. Об этом свидетельствовали участившиеся с конца XIX в. международные кризисы (Памирский 1895 г., Фашодский 1898 г., Панамский 1901 г., два Марокканских — 1905—1906 гг. и 1911 г. и Боснийский 1908—1909 гг.) и локальные войны — пока на периферии Европы (японо-китайская 1894—1895 гг., испано-американская 1898 г., англо-бурская 1899—1902 гг., русско-японская 1904—1905 гг., итало-турецкая 1911—1912 гг. и две Балканские 1912—1913 гг.).

В обстановке нарастания военной опасности Европа раскололась на две группировки противоборствующих держав. Костяк одной из них составил союз Германии и Австро-Венгрии, заключённый в 1879 г. против Франции и России. В противовес ему возник франко-русский союз, оформленный рядом договоров 1891—1893 гг. Другие державы Европы, а также США и Япония долгое время не могли решить, к какой из группировок примкнуть. Наконец, в 1904 г. Великобритания разрешила компромиссом споры о разграничении колоний и сфер влияния с Францией, а в 1907 г. — с Россией. Так возникла Антанта (Согласие) — коалиция Великобритании, Франции и России.

Случаю было угодно, чтобы сигналом к войне прозвучали выстрелы, которыми 28 июня 1914 г. в городе Сараево в Боснии был сражён племянник и наследник австрийского императора Франца-Иосифа эрцгерцог Франц-Фердинанд. Ни одна из сторон не планировала эту войну на какую-то определённую дату. Но столь высок был уровень их военного противостояния, столь тщательно были продуманы планы мобилизации и развёртываний армий, а главное — столь велика была психологическая готовность к войне, что любой серьёзный инцидент мог привести к аналогичным последствиям. 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. В ответ Россия заняла угрожающую позицию, начав всеобщую мобилизацию. Германия не стала терять времени и 1 августа объявила войну России, а 3 августа — Франции. 4 августа против Германии выступила Великобритания. Наконец, 6 августа о состоянии войны с Россией заявила Австро-Венгрия.

С самого начала война приобрела не только общеевропейский, но и мировой характер. Против воли в неё были втянуты нейтральные страны Бельгия и Люксембург. 5 августа Черногория объявила войну Австро-Венгрии. Вместе с Вели-

Верденская операция Первой мировой войны.
Французский обоз направляется на боевые позиции.
1916 г.

Верденская операция Первой мировой войны.
Солдаты у тяжёлого орудия на железнодорожной платформе.
1916 г.

кобританией на стороне Антанты выступили её доминионы: Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия и Новая Зеландия. 23 августа войну Германии объявила Япония.

С точки зрения военного потенциала Антанта имела явные преимущества. Однако её территориальная разобщённость, отдалённость важных источников снабжения и пополнения армий от основных театров военных действий мешали реализации этого преимущества. Германии и Австро-Венгрии шанс на успех давала возможность быстрой концентрации сил на направлении решающего удара. Из этой предпосылки исходил и стратегический план германского Генерального штаба, разработанный под руководством генерала Шлифена задолго до войны: сначала нанести молниеносный удар по Франции и покончить с ней за 6—8 недель, а затем все силы бросить против России.

Однако германский Генштаб недооценил как боевые качества, так и взаимодействие войск Антанты. Сопротивление бельгийской и французской армий, застигнутых врасплох обходным манёвром немцев через Бельгию и Люксембург, сорвало план молниеносной войны. На ход операции повлияло и наступление русской армии в Восточной Пруссии во второй половине августа. Оно заставило германское командование бросить в бой резервы, предназначенные для запада. В сражении на реке Марне 5—12 сентября французская армия и английские экспедиционные силы успешно контратаковали противника. Германские войска были вынуждены перейти к обороне, так и не достигнув стратегических целей. План Шлифена рухнул.

Однако русская армия из-за ошибок командования не смогла удержать Восточную Пруссию. Но её наступление против австро-венгерских войск, начавшееся в конце августа, развивалось успешно. К концу сентября она овладела всей Галицией, и появилась угроза русского вторжения в Венгрию и Силезию, важный индустриальный район Германии. В октябре — ноябре в междуречье Вислы и Варты развернулись ожесточённые сражения между германскими и австро-венгерскими войсками, с одной стороны, и русскими — с другой. Они не дали решающего перевеса ни одной из сторон.

Война приобрела затяжной характер. Началось соперничество воюющих держав за нейтральные страны. Германия и Австро-Венгрия нуждались в новых союзниках, чтобы восполнить быстро тающие сырьевые, продовольственные и людские ресурсы. Страны Антанты стремились не допустить прорыва международной изоляции, в которой фактически оказались «центральные державы» в начале войны. Что касается нейтральных стран, то некоторые из них сделали своё участие в войне предметом беззастенчивого торга.

Самым крупным «призом» в дипломатическом соперничестве воюющих держав считалась Италия. Являясь союзницей Германии и Австро-Венгрии по договору 1882 г., она в начале войны предпочла нейтралитет, но после переговоров с обеими коалициями решила, что посулы Антанты выглядят заманчивей. 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. Однако надежды, которые возлагали на неё союзники, оправдались далеко не в полной мере. Неоднократные попытки итальянских войск прорвать оборону противника не имели успеха.

Зато удачно действовала австро-германская дипломатия на Балканах. Турция ещё в августе 1914 г. подписала с Германией союзный договор и спустя три месяца начала военные действия против России на Чёрном море и в Закавказье, а против Великобритании — в Месопотамии и Египте. Долго колебалась Болгария, но к концу 1915 г. она сочла, что шансы «центральных держав» на победу предпочтительней. 14 октября её армия перешла сербскую границу и поддержала

наступление германских и австро-венгерских войск, в результате которого к началу 1916 г. Сербия и Черногория были захвачены, а остатки их армий вытеснены на греческий остров Корфу. После такого поражения слабым утешением для Антанты служило согласие Греции на высадку англо-французских войск в Салониках и создание на севере страны так называемого Салоникского фронта.

В результате увеличения числа воюющих государств в 1915 г. сложились основные фронты Первой мировой войны — в Европе и на Ближнем Востоке. Военные действия велись и в других районах мира: в Африке, на Дальнем Востоке, в Океании, но в неизмеримо меньших размерах и были связаны главным образом с захватом германских колоний. Действия же военно-морских флотов в основном ограничивались охраной побережья и судоходства. Бесспорно, главными и решающими для хода войны были два фронта — французско-германский и австро-германо-русский, обычно именуемые Западным и Восточным.

Примерно равные по силам, которые участвовали в боях с обеих сторон, эти фронты отличались рядом особенностей. Западный по протяжённости вдвое-втрое уступал Восточному, зато превосходил его по плотности войск и вооружения. Это наряду с более густой сетью оборонительных сооружений, сплошной линией тянувшихся по обе стороны фронта от побережья Северного моря до границы Швейцарии, резко ограничивало возможности ведения на западе манёвренной войны. Уже с осени 1914 г. боевые действия там приобрели позиционный характер. При этом войска, лишённые подвижности, представляли отличную мишень для прицельного огня тяжёлой артиллерии и несли большие потери. В таких условиях наступательные операции редко приводили к прорыву фронта. Обычно они завершались захватом нескольких траншей, полностью разрушенных артиллерийским огнём и оставленных противником, который отходил на заранее подготовленные позиции в глубоких эшелонах обороны.

В 1915 г. на Западном фронте наблюдалось затишье, связанное с тем, что ударные силы германской армии были заняты на востоке. Но кампания 1916 г. ознаменовалась рядом крупных сражений. Среди них — знаменитая битва под Верденом, прославившая имена французских генералов Петэна и Нивеля. Эта крепость, вклинивавшаяся в позиции германских войск, являлась ключевым пунктом обороны французов. Если бы немцы её взяли, то открыли бы себе путь в глубь Франции. Сознавая, что Верден будет защищаться до последнего солдата, германское командование стремилось максимально обескровить противника. Верденская битва продолжалась десять месяцев. Она вошла в историю не только как крупнейшее сражение Первой мировой войны, но и как пример бессмысленного кровопролития («Верденская мясорубка»). Немцы, так и не сумев овладеть крепостью, потеряли в боях до 600 тыс. солдат, французы — 358 тыс. Чтобы облегчить положение Вердена, англо-французские войска предприняли летом 1916 г. наступление на реке Сомме. Но, несмотря на трёхкратное превосходство в живой силе и артиллерии, за пять месяцев они сумели продвинуться вперед всего лишь на 10 км, потеряв до 900 тыс. солдат.

Протяжённость Восточного фронта, обусловившая рассредоточенность сил и средств, предоставляла противникам большие возможности для манёвренной войны. В январе 1915 г. русские войска возобновили наступление в Карпатах. В феврале активизировались и немцы в Восточной Пруссии. Но по-настоящему Восточный фронт пришёл в движение в мае, когда на русские позиции обрушилась мощная группировка германских и австро-венгерских войск под командованием генерала А. Макензена. Русская армия с боями отступила, оставив Польшу, Литву, Волынь, Галицию. Лишь осенью 1915 г. она закрепилась на новых позициях. С этого времени война на Восточном фронте также приобрела позиционный характер, но не надолго. Летом 1916 г. русским войскам под командованием генерала А. Брусилова удалось прорвать оборону противника в районе города Луцка и вновь занять часть Галиции и Волынь.

Осенью 1916 г. Восточный фронт стал длиннее ещё на несколько сотен километров. 27 августа Румыния после долгих размышлений примкнула к Антанте и объявила войну Австро-Венгрии. Но румынская армия вскоре потерпела поражение. Чтобы спасти Румынию от разгрома, на помощь ей были переброшены крупные русские силы, снятые с других участков фронта.

На исходе кампании 1916 г. страны Антанты, несмотря на большие территориальные потери, были исполнены оптимизма. Они сорвали стратегические замыслы противника и сумели оправиться от поражений первых лет войны. Благодаря многократному росту военного производства их склады ломились от запасов оружия и снаряжения.

Станковый пулемёт системы «Максим».

Верденская операция Первой мировой войны.
Французский артиллерийский обоз.
1916 г.

Не испытывали они серьёзных трудностей и с пополнением армий. На Западный фронт постоянно прибывали подкрепления из колониальных империй Великобритании и Франции: канадцы, австралийцы, индийцы, марокканцы, сенегальцы и др. В 1917 г. командование Антанты готовило наступление на всех фронтах.

Сложнее выглядели перспективы «центральных держав». Большое преимущество им давало то, что военные действия велись на чужой территории. В условиях позиционной войны они могли бы продержаться весьма долго, если бы не столкнулись с нехваткой основных ресурсов. Преодолеть её не удавалось ни закупками в нейтральных странах, ни расхищением богатств оккупированных районов Франции, Бельгии, России, Сербии. Совершенно невосполнимыми оказались людские потери. Затягивание войны реально грозило истощением ресурсов. С целью их экономии «центральные державы» в 1917 г. планировали перейти к обороне на всех фронтах.

Но в военные планы внесли коррективы социальные и политические потрясения, которые пережили воюющие государства.

Начало войны повсеместно вызвало прилив патриотических чувств, хотя и с примесью национализма (свидетельством тому служат оскорбления и насилия, которым подвергались «враждебные» иностранцы). На короткое время в воюющих странах установилась атмосфера национального сплочения всех классов и партий во имя победы над внешним врагом. Во Франции оно получило название «священного единения», в Германии — «гражданского мира» и т. д. Вчерашние политические противники заявляли о прекращении распрей. Социалистические партии поддержали «буржуазные» правительства, к которым раньше находились в оппозиции, проголосовали за военные кредиты, а в некоторых странах даже приняли министерские портфели. Лишь небольшие революционные группы (большевики в России, революционные синдикалисты во Франции, «спартаковцы» в Германии и др.) осудили эти действия как «предательство» трудящихся и социализма.

Однако патриотическая волна скоро пошла на убыль. Причиной тому были не только материальные лишения и человеческие жертвы, коснувшиеся большинства населения. Война теряла смысл по мере того, как таяли надежды на скорую победу. Вызывали возмущение непомерно высокие прибыли военных поставщиков. Возродилась и всё активнее заявляла о себе оппозиция. Одна её часть критиковала правительства за недостаточно энергичные методы ведения войны, другая предлагала заключить мир, не дожидаясь победы. Революционные группы призывали к восстанию одновременно против войны и капитализма.

В странах с демократической системой управления, таких, как Франция или Великобритания, правительства поспешили успокоить недовольных. В разгар войны там приступили к осуществлению глубоких социальных и политических реформ, за которые десятилетиями безрезультатно боролись демократические силы. В 1917 г. во Франции был принят закон о прогрессивном подоходном налоге, а в Великобритании — о всеобщем избирательном праве. Сами правительства были реорганизованы. Во главе их встали популярные и энергичные политики — Д. Ллойд Джордж в Великобритании и Ж. Клемансо во Франции. Всё это позволило сдержать рост народного недовольства, которое едва не вышло из-под контроля, как, например, во Франции в мае — июне 1917 г., когда забастовки на фабриках, демонстрации в городах совпали с движением протеста в действующей армии.

В странах с авторитарной системой управления, таких, как Германия, Австро-Венгрия или Россия, правительства, наоборот, остались глухи к ропоту граждан. Кайзер Вильгельм II лишь пообещал ввести всеобщее избирательное право в Пруссии после войны. Карл I, сменивший в 1916 г. в Австро-Венгрии престарелого Франца Иосифа I, и Николай II отделывались ещё более туманными обещаниями. Такое упрямство дорого им обошлось. Антиправительственное движение охватило широкие слои населения и приобрело стихийный, неконтролируемый характер. В 1917 г. в Германии и особенно в Австро-Венгрии усилились признаки анархии, а в России произошла революция, свергнувшая самодержавие.

Воюющие страны постарались воспользоваться затруднениями противника. Державы Антанты хотели посеять рознь среди бывших независимых государств, вошедших в состав Германской империи. В особенности они поощряли сепаратизм славянских народов Австро-Венгрии: чехов, словаков, хорватов и др. Впрочем, это не помешало Франции втайне намекнуть венскому двору на возможность сохранения целостности мо-

Верденская операция Первой мировой войны.
Французские солдаты заряжают орудие.
1916 г.

нархии Габсбургов в случае заключения сепаратного мира.

С размахом и выдумкой действовали «центральные державы». Ещё в конце 1916 г. они попытались вбить клин между странами Антанты, предложив заключить всеобщий мир. Антанта единодушно отвергла это предложение. Но зёрна сомнения в общественном мнении оно всё же заронило. В течение 1917 г. вопрос о всеобщем мире был в центре политических дискуссий и породил в стане противника немало коллизий. Свои мирные инициативы «центральные державы» использовали как прикрытие для секретных операций против Антанты. Их целью было спровоцировать любыми способами — вплоть до прямого финансирования — антивоенные и революционные выступления, которые ослабили бы противника. Следы такой деятельности обнаружены во всех странах Антанты, но особый успех она имела в России, где революция открыла зелёную улицу проникновению агентуры германского Генерального штаба.

Внутренние беспорядки подкосили боеспособность Антанты, которой пришлось отказаться от планов решающего удара по противнику. Попытки наступления в апреле на Западном фронте и в июне 1917 г. на Восточном провалились. «Центральные державы» получили непредвиденную передышку, из которой не замедлили извлечь выгоду. В феврале 1917 г. Германия начала подводную войну против Антанты, стремясь парализовать её атлантическую торговлю. Но главный шанс на спасение предоставила им анархия, которая охватила Россию после свержения самодержавия и вскоре привела к развалу русской армии. С падением Временного правительства в ноябре 1917 г. огромная империя фактически распалась на ряд независимых государств. Большевистский Совет народных комиссаров, пришедший к власти в Петрограде, заключил с Германией и Австро-Венгрией перемирие и наряду с правительством Украины вступил с ними в переговоры о мире. Этой крупной политической победе «центральных держав» предшествовал успех наступления на итальянском фронте в октябре — ноябре 1917 г. В результате к ним снова перешла военная инициатива.

События на востоке Европы могли бы предрешить исход мировой войны в пользу «центральных держав», если бы Антанта к этому времени на заручилась поддержкой США. Правительство этой страны, возглавляемое президентом Вудро Вильсоном, решило вмешаться в конфликт европейских держав, преследуя далеко идущие цели — установление международного правопорядка, который бы исключал агрессивные войны, территориальные аннексии и другие прпятствия свободному экономическому соревнованию государств. США с их мощной экономикой несомненно выиграли бы от такого порядка. Политически они симпатизировали демократическим странам Антанты, а враждебные действия Германии причиняли серьёзный ущерб их экономике. Подводная война, начатая Германией, послужила для Соединённых Штатов поводом объявить ей войну (6 апреля 1917 г.). Спустя несколько месяцев во Францию стали прибывать части американского экспедиционного корпуса.

В конце 1917 — начале 1918 г. обе коалиции готовились к решающим схваткам, которые должны были решить исход мировой войны. Антанта ввела жёсткие ограничения на торговлю с противником для нейтральных стран. Некоторые из них под её давлением разорвали отношения с Германией и объявили ей войну. На Западном фронте для координации действий союзных войск был создан пост верховного главнокомандующего, который занял французский генерал Фердинанд Фош.

Отсутствие сдвигов на переговорах с Советской Россией заставило германское командование прервать перемирие и развернуть в феврале 1918 г. наступление на Восточном фронте. Уже 3 марта в Брест-Литовске был подписан весьма выгодный для «центральных держав» мир, а вскоре под их пятой целиком оказались Прибалтика, Белоруссия, Украина, Закавказье. С оккупированных территорий в Германию и Австро-Венгрию рекой потекли сырьё, топливо и продовольствие. Спешно перебрасывались на запад высвободившиеся войска. Десятки тысяч немецких и австро-венгерских военнопленных в России были репатриированы и возвращены в строй.

Весной на Западном фронте возникла мощная группировка германских войск, которая на отдельных участках была брошена в наступление. В нескольких местах немецкая армия прорвала оборону союзников и продвинулась вперёд на расстояние до 60 км. Однако, как и в 1914 г., немцы были остановлены на подступах к Парижу и решительной контратакой французских войск 18 июля отброшены назад. От этого поражения германская армия, боеспособность которой была на пределе, оправиться не смогла. 15 сентября войска Антанты прорвали Салоникский фронт, а 27 октября — Итальянский.

Первая мировая война.
Немецкие обозы на улице итальянского города Чивидаль-дель-Фриули.
1917 г.

Германский блок распался. 29 сентября 1918 г. подписала перемирие Болгария, 30 октября — Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия. К этому времени монархия Габсбургов как единое государство перестала существовать. В Загребе, Праге, Будапеште, Львове сформировались органы власти новых независимых государств. 12 ноября в Вене было объявлено о низложении Карла I и образовании Австрийской республики.

4 октября запросила перемирия Германия. Однако Антанта не спешила удовлетворить её просьбу, рассчитывая довершить военный разгром основного противника. Лишь после того, как в Германии вспыхнула революция и 9 ноября Вильгельм II был свергнут, союзники заторопились. 11 ноября 1918 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу было подписано перемирие, положившее конец Первой мировой войне.

В ходе Парижской конференции 1919—1920 гг. победители заключили с побеждёнными серию мирных договоров, в том числе Версальский мирный договор с Германией (28 июня 1919 г.). Эти договоры на десятилетия определили основные контуры политической карты Европы. На развалинах двух центральноевропейских империй возникли новые государства. Для предотвращения конфликтов была учреждена Лига наций. Всё это способствовало укреплению международного правопорядка. Более спорными оказались положения договоров, связанные с удовлетворением территориальных и колониальных аппетитов победителей. Острота территориального вопроса сохранилась. А желание наказать Германию ограничением её суверенитета привело к возникновению в Европе ещё более опасного очага напряжённости. Недостатки и просчёты мирного урегулирования после Первой мировой во многом подготовили почву для Второй мировой войны.

Трагедия, которая постигла человечество в середине XX в., бросила тень забвения на Первую мировую войну. Между тем она оставила глубокий след в современной истории. С течением времени это становится всё более очевидно. Первая мировая война изменила привычки и нравы людей, сделала их более терпимыми к государственным формам насилия и посеяла зёрна будущих международных конфликтов, которые проросли кровавыми столкновениями уже в наше время, например в Югославии в начале 90-х гг. XX в. Потребности военного времени заставили правительства воюющих стран прибегнуть к государственному регулированию промышленного и сельскохозяйственного производства, нормированию цен и потребления, распределению трудовых ресурсов и товаров, дозированию общественно значимой информации. Всё это не только расширило функции государства, но фактически поставило его над обществом. Здесь несомненно кроется источник усиления тоталитарных тенденций в жизни стран и народов в середине XX в. Из опыта Первой мировой войны во многом исходили теоретики и практики не только фашистской командной экономики в Германии и Италии, но и «социалистического планового хозяйства» в СССР. Прямо или косвенно он повлиял и на опыт государственного регулирования в демократических странах, например на разработку «нового курса» в США. Лишь в результате либеральных реформ и преобразований, охвативших мир в последней трети XX столетия, человечество постепенно расстаётся с этим наследием.

КОЛОНИАЛИЗМ И РАСПАД КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В газетах, журналах и книгах сравнительно недавнего прошлого можно было увидеть карикатуру: толстый белый человек в пробковом шлеме, с сигарой в зубах замахивается плетью на дрожащего от страха изможденного африканца (или индуса, малайца и т. д.). Так или примерно так складывались массовые представления о колониализме, колонизаторах и их жертвах. В исторических трудах под колониализмом часто понимают политическое, экономическое и духовное порабощение народов отсталых стран правящими классами развитых в социально-экономическом отношении государств. Колониализм — это сложнейшее явление всемирного масштаба, уходящее корнями в далёкое про-

шлое человечества. Колониализм возник с появлением государства, существовал ещё в рабовладельческую и феодальную эпохи. Сами слова «колония», «колониализм» изначально происходят от латинских слов «колон», «колонат», обозначавших разные формы зависимости сельского населения в Древнем Риме. Во времена рабовладения слово «колония» постепенно приобрело самостоятельное значение: так стали называть поселения, созданные переселенцами из другой страны. Такими колониями-поселениями владели и Древний Египет, и Греция, и Рим, и другие государства.

Колониализм эпохи феодализма получил наибольшее развитие во время резкого обострения внутренних противоречий в европейских странах. В XI—XIII вв. большие группы обнищавшего населения Западной Европы, предводительствуемые рыцарями-феодалами, многие из которых сами обеднели, двинулись в крестовые походы на Ближний Восток, освобождать Гроб Господний. Крестоносцы создали там феодальные государства-колонии, в которых большинство населения составляли покорённые ими местные жители. Но просуществовали эти государства недолго — около 100—150 лет.

В капиталистическую эпоху колониализм становится всемирным явлением. Начало его развития приходится на конец XV — начало XVI в. и связано с историческими переменами в Европе, которые принято называть переходом от феодальных отношений к капиталистическим. Эти перемены растянулись на десятилетия. Проявлениями их были рост промышленного производства, развитие науки, расширение торговли, увеличение спроса на рабочую силу, на золото. Последнее обстоятельство сыграло особенно важную роль в стремлении европейцев к поискам новых земель.

Лишь в древности золото и другие металлы, ныне называемые драгоценными, были просто материалом для изготовления каких-либо изделий. Постепенно золото становилось своего рода универсальным товаром, на который можно было обменять любой другой товар. По мере того как росли производство и торговля, росла и потребность в золоте.

Между тем связи средневековой Европы с Ближним Востоком и через посредническую торговлю с Индией и Китаем в XV—XVI вв. существенно сократились вследствие турецких завоеваний. В западноевропейских странах происходил рост абсолютизма, феодальные владения дробились, часть феодалов обнищала, усиливалось соперничество между отдельными феодальными кланами. Возникала потребность в новых путях на Восток, в новых землях.

Огромный толчок в развитии колониализма дали Великие географические открытия, определившие два главных направления европейских колониальных захватов: через Атлантический океан в Америку и вокруг Африки через Индийский океан в Азию. Пионерами колониальных захватов выступили не самые развитые в экономическом отношении, но обладавшие наибольшим опытом мореходства и морской торговли страны — Португалия и Испания. В 1493—1494 гг. они заключили, очевидно, первое в истории соглашение о территориальном разделе мира: к испанской сфере отходили все земли и моря к западу от линии раздела, проходившей приблизительно по 49 градусу западной долготы, к португальской — все пространства к востоку от неё. Конечно, это соглашение было в большей мере условным. И португальцы, и испанцы весьма смутно представляли, что в действительности находится к западу и востоку от линии раздела. Да и другие европейские страны, прежде всего Англия и Франция, отвергали эти притязания; англичане, например, вскоре провозгласили принцип свободы морей, уравнивавший все христианские страны в их правах на новые земли.

И португальская, и испанская, а впоследствии голландская, британская, французская и другие колониальные системы утверждались в конечном итоге насильственным путём. На Востоке и в Америке, в Африке и Австралии европейцы столкнулись с разными по уровню развития обществами — от доклассовых, родоплеменных до феодальных и так называемых азиатских. В военно-техническом отношении эти общества уступали европейцам, превосходство которых росло по мере быстрого развития промышленности, науки и техники в Европе.

Путь Португалии в Африку и на Восток проложил Васко да Гама, который в конце XV в. обогнул Африку, достиг восточноафриканского побережья, а затем и Индии. Португальцы подчинили богатейшие города-государства восточноафриканского побережья и западное побережье Индостана. Но они создавали лишь опорные пункты на побережье и редко продвигались в глубь захваченных территорий. Центром их владений в Индии стала колония Гоа, управляемая вице-королём. Ему подчинялось восточноафриканское губернаторство. Жители Восточной Африки награждали португальских правителей красноречивыми прозвищами: Африти (на языке суахили — «злой дух», «жестокосердный»), Джока («змей»), Шетани («демон»).

На протяжении XVI столетия португальцы вели борьбу против арабов, ранее владевших торговой монополией в бассейне Индийского океана. После выхода в Индийский океан Турции, захватившей в начале XVI в. Египет и распространившей своё влияние на страны Аравийского полуострова, португальцам пришлось бороться и против турецкого флота. В XVII в. в Индийском океане заметно возросла активность Англии, Голландии и Франции, на Аравийском полуострове набирает силу Оманский султанат. С его помощью города-государства Восточной Африки изгнали португальцев, которые к середине XVII в. сохранили за собой лишь территорию современного Мозамбика.

Испанские колониальные владения были сосредоточены в Западном полушарии. Создав опорные пункты на островах Эспаньола (Гаити), Куба и других, испанские конкистадоры менее чем за полстолетия огнём и мечом утвердили своё господство на территории Мексики, Центральной и Южной Америки (за исключением Бразилии, захваченной Португалией, и Гвианы, ставшей владением Англии, Голландии и Франции). Высшим органом колониального управления стал основанный в 1511 г. в Мадриде Совет по делам Индий (Колумб принял открытые им земли за Индии), подотчётный только королевскому правительству. Власть на местах осуществляли вице-короли и генерал-капитаны. В 30—40-х гг. XVI в. были образованы вице-королевства Новая Испания в Северной и Центральной Америке и Перу в Центральной Америке. Некоторые генерал-капитанства, включённые в их состав, пользовались фактической самостоятельностью и подчинялись непосредственно Мадриду. Вице-королевства и генерал-капитанства были разделены на провинции, которыми управляли губернаторы. Главными должностными лицами в городах были коррехидоры и алькальды (от *араб.* «алькади» — «судья»), в селениях индейцев — касики (вожди и старейшины, власть которых передавалась по наследству; слово, заимствованное из языка племени араваков). Кроме того, за пределами Америки Испания захватила Филиппины, территории Юго-Западной Азии.

На огромных пространствах Южной Америки португальцы и испанцы установили режим жесточайшей колониальной эксплуатации. Коренное население было фактически лишено всех прав, и прежде всего прав на землю — главный источник его существования. Многие земли были пожалованы монархами захватчикам-колонизаторам, постепенно происходило закрепление за новыми землевладельцами, португальцами и испанцами, местных жителей — индейцев. Их облагали различными податями, заставляли отбывать трудовую повинность на рудниках, плантациях, строительстве дорог.

Специфической формой хозяйствования колонизаторов стало так называемое плантационное рабство. После того как в результате непосильной эксплуатации, болезней и голода коренное население Америки заметно сократилось, колонизаторы начали ввозить в латиноамериканские страны рабов, захваченных или купленных в Африке. Плантационное рабство получило наибольшее развитие в Бразилии, где выращивались сахарный тростник, рис, кукуруза и табак, а также в Вест-Индии, Венесуэле и Новой Гранаде. В рабство обращали и местных жителей. Труд рабов использовался не только на плантациях, но и на рудниках.

Латинская Америка интересовала Португалию, Испанию и другие колониальные державы прежде всего как источник золота и других драгоценных металлов, за которыми снаряжались первые захватнические экспедиции, а также продуктов плантационного хозяйства. Латиноамериканские страны долгое время были лишены какой-либо хозяйственной самостоятельности; существовали жесточайшие запреты на выращивание целого ряда сельскохозяйственных культур, на торговлю их между собой.

В Северной и Центральной Америке главными колониальными конкурентами стали Испания, Англия и Франция. Обострение колониальной конкуренции было связано с развитием в Европе с середины XVI в. новой формы капиталистического предпринимательства — мануфактуры. В XVII в. в Англии, Голландии и Франции возникали так называемые Ост-Индские компании (британская, 1600—1858 гг.; голландская, 1602—1798 гг.; французская, 1664—1770 и 1785—1793 гг.), которые получили право на захваты новых земель на Востоке, их практически бесконтрольную эксплуатацию и монопольную торговлю. Колониальное соперничество стало одной из главных причин ожесточённейших войн между европейскими странами: за Испанское наследство (1701—1714 гг.), за Австрийское наследство (1740—1748 гг.), а также Семилетней войны (1756—1763 гг.), наполеоновских войн. Чаще в колониальном соперничестве выигрывала Англия, отобравшая у Франции её крупнейшие владения в Канаде и территории на восточном побережье Индостана. В 50—60 гг. XVIII в. британская Ост-Индская компания захватила Бенгалию, одну из наиболее экономически развитых частей Индии, положив тем самым начало полному колониальному подчинению этой великой азиатской страны. Командующий войсками компании Роберт Клайв вынудил правителя Бенгалии подписать неравноправный договор, казна страны была разграблена, её население обложено непосильными налогами, компания присвоила себе право исключительной торговли с другими странами и территориями. В 70-е гг. власть в Бенгалии полностью перешла в её руки; продолжая начатые завоевания, компания в последней четверти XVIII в. разгромила Майсурское государство на юге Индии, развязала захватнические войны против Конфедерации маратхских княжеств и Сикхского государства — ещё сохранявших независимость крупных феодальных объединений на территории Индии.

Острая борьба за обладание Индонезией — одной из богатейших стран Востока — развернулась между голландской и британской Ост-Индскими компаниями. Здесь англичанам пришлось уступить, к середине XVIII в. в руках голландцев оказались почти вся Ява, ряд других островов, но окончательно страна была покорена только в XIX в.

Иным путём шла колонизация Австралии. После того как Джеймс Кук в 1770 г. обследовал восточное побережье пятого континента, английское правительство решило сделать новые земли местом ссылки осуждённых, так как прежнее место ссылки каторжан из Англии, Шотландии и Ирландии — американские колонии — после начала их войны за независимость оказалось «за-

крытым». Между тем английские тюрьмы были переполнены, преступность продолжала расти. Первая британская колония в Австралии — Новый Южный Уэльс — была открыта в феврале 1788 г. Её первоначальное население составило 1018 человек: чиновники, солдаты и ссыльные. Среди последних были только 12 плотников, один каменщик и ни одного человека, знакомого с крестьянским трудом...

Важным рубежом в развитии колониализма стали события конца XVIII в., промышленная революция в Европе, война за независимость в Северной Америке 1775—1783 гг. и Французская революция 1789—1794 гг. Европа стремилась превратить свои заморские владения в рынки сбыта промышленной продукции, источник сырья и продовольствия. Так началось постепенное втягивание колоний в складывающиеся мировые капиталистические рыночные отношения.

Война за независимость в Северной Америке была прямым следствием нарастающих противоречий между метрополиями и колониями, особенно переселенческими, какими были американские колонии Англии. Колонии быстро набирали силу, стремясь к экономической и политической самостоятельности, метрополии же продолжали видеть в них только источники сырья и огромных доходов, а никак не равноправных партнёров. В 1763 г. Англия запретила, например, самостоятельные переселения на земли, захваченные у Франции на западе страны; колонисты могли получать промышленные товары только из Англии по ценам, установленным Англией, и продавать сырьё только Англии. Разразившаяся в 1775 г. война завершилась Версальским договором 1783 г. Англия признала независимость своих американских владений, которые вскоре образовали единое независимое государство — Соединённые Штаты Америки.

К концу XVIII в. в большинстве испанских и португальских владений в Америке также назрели революционные перемены. Рост экономических, политических, социальных и национальных противоречий между испанцами и португальцами, сосредоточившими в своих руках все высшие посты в администрации, армии и Церкви, с одной стороны, и большинством населения, включая землевладельцев, торговцев и промышленников-креолов — потомков европейцев американского происхождения, — с другой, привел в конечном итоге к Войне за независимость 1810—1826 гг. В результате все владения Испании, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико, стали свободными государствами. Бразилия, в которой освободительное движение развивалось в основном в мирных формах, добилась независимости в 1822 г. (формальное признание Испанией и Португалией независимости латиноамериканских стран растянулось на десятилетия).

После того как Северная и Южная Америка завоевали независимость, колониальные интересы европейских держав сосредоточились на Востоке и в Африке. Именно там колониализм достиг своего наивысшего расцвета и могущества, именно там начался и завершился распад колониальной системы.

Портрет герцога Веллингтона.
1812 — 1814 гг.

В 40-е гг. XIX в. британская Ост-Индская компания после кровопролитной войны завоевала княжество Пенджаб и другие ещё самостоятельные части Индии, завершив тем самым её полное подчинение. Началось активное колониальное освоение страны: строительство железных дорог, реформы землевладения, землепользования и налоговой системы, имевшие своей целью приспособить традиционные способы ведения хозяйства и образ жизни к интересам Англии.

Подчинение Индии открыло англичанам пути на север и восток, в Афганистан и Бирму. В Афганистане столкнулись колониальные интересы Англии и России. После англо-афганских войн 1838—1842 гг. и 1878—1881 гг. англичане установили контроль над внешней политикой этой страны, но добиться её полного подчинения так и не смогли.

В результате первой (1824—1826 гг.) и второй (1852—1853 гг.) англо-бирманских войн, которые вела Ост-Индская компания, её армия, состоявшая в основном из наёмных индийских солдат-сипаев под командованием английских офицеров, заняла большую часть Бирмы. Сохранившая самостоятельность так называемая Верхняя Бирма была отрезана от моря. В 60-е гг. XIX в. Англия навязала

ей неравноправные договоры, а в 80-е гг. полностью подчинила всю страну.

В XIX в. усилилась английская экспансия в Юго-Восточной Азии. В 1819 г. была основана военно-морская база в Сингапуре, ставшая главным опорным пунктом Англии в этой части мира. Менее удачно для англичан завершилось давнее соперничество с Голландией в Индонезии, где им удалось утвердиться лишь на севере Борнео и небольших островах.

В середине XIX в. Франция захватила Южный Вьетнам и сделала его своей колонией, в 80-е гг. вытеснила из Северного Вьетнама слабеющий Китай и установила над ним протекторат. В конце XIX столетия французы создали так называемый Индокитайский союз, в состав которого вошли Вьетнам, Камбоджа (ныне Кампучия) и Лаос. Во главе союза был поставлен французский генерал-губернатор.

В XIX в. завершилась колонизация Австралии. На территории Нового Южного Уэльса выделились колонии Тасмания, Виктория (названные в честь голландского путешественника Тасмана и английской королевы Виктории) и Квинсленд, образовались новые самостоятельные поселения Западная и Южная Австралия. Нарастал приток свободных переселенцев. В середине XIX в. они добились прекращения высылки в Австралию осуждённых. В 50-е гг. в Новом Южном Уэльсе и Виктории было открыто золото. Это привлекло в Австралию не только новые тысячи колонистов, но и капиталы. Продвигаясь во внутренние районы континента, переселенцы подчиняли или безжалостно уничтожали местное население. В результате столетие спустя, в 30-е гг. XX в., из примерно 7,8 млн жителей Австралии 7,2 млн составляли европейцы и только 60 тыс. — её коренные жители.

Во второй половине XIX в. все колонии на территории Австралии добились самоуправления, в начале XX в. они объединились в Австралийский Союз, получивший права доминиона. Одновременно происходила колонизация Новой Зеландии и других близлежащих островов. В 1840 г. Новая Зеландия стала колонией, а в 1907 г. — ещё одним белым доминионом Англии.

В XIX в. была подчинена большая часть Африки. Методы подчинения были различны — от прямых военных захватов до экономического и финансового закабаления и навязывания неравноправных договоров. Контроль над странами Северной Африки и Египтом давал колониальным державам огромные экономические выгоды, господство в Средиземном море, открывал пути на юг континента и на Восток. С XVI в. страны Северной Африки, за исключением Марокко, и Египет входили в состав Османской империи. В конце XVIII в., когда военное превосходство османов над Европой уже было утрачено, Франция попыталась завоевать Египет и создать там опорный пункт для продвижения в Индию, но египетская экспедиция Наполеона 1798—1801 гг. потерпела поражение. В 1830 г. Франция вторглась в Алжир и к 1848 г. полностью завоевала его. Тунис был подчинён «мирным» путём в острой конкурентной борьбе между Англией, Францией и Италией, которые в 1869 г. установили над Тунисом объединённый финансовый контроль. Постепенно французы вытеснили из Туниса конкурентов и в 1881 г. провозгласили над ним свой протекторат.

В 70-е гг. наступила очередь Египта, который, оставаясь в составе Османской империи, стремился проводить независимую политику. Строительство Суэцкого канала (1859—1869 гг.) принесло огромные выгоды Европе (открылся кратчайший путь из Средиземного моря в Индийский океан) и опустошило египетскую казну. Египет оказался в финансовой кабале у Франции и Англии, которые установили над ним в 1876—1882 гг. так называемый двойственный контроль. Страну грабили самым беспощадным образом, более двух третей государственных доходов уходило на выплату внешних долгов. По поводу двойственного контроля египтяне горько шутили: «Вы видели когда-нибудь собаку и кошку, ведущих вместе мышь на прогулку?». В 1882 г. Египет был оккупирован английскими войсками, а в 1914 г. Англия установила над ним свой протекторат. В 1922 г. протекторат был отменён, Египет провозглашён независимым и суверенным государством, но это была независимость только на бумаге, поскольку Англия полностью контролировала экономическую, внешнеполитическую и военную сферы его жизни.

К началу XX в. свыше 90% Африки принадлежало крупнейшим колониальным державам: Англии, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Португалии, Испании.

На рубеже XIX и XX вв. колониальное соперничество и борьба за сферы влияния в мире обострились. В 1898 г. разразилась американо-испанская война, в результате которой США захватили Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам, Гавайские острова и установили контроль над Кубой, получившей формальную независимость. После русско-японской войны Япония установила фактическое господство над Кореей и Маньчжурией. Англо-бурская война 1899—1902 гг. завершила «собирание» Англией земель на юге Африки (см. ст. «Буры»). Европейские державы активно вмешивались в экономическую и политическую жизнь стран, входивших в состав распадающейся Османской империи.

После Первой мировой войны, одной из главных причин которой было колониальное соперничество, произошёл территориальный передел мира. В 1919 г. была создана Лига Наций, от имени которой была установлена опека над владениями Германии и Турции. Колониями побеждённых завладели победители. Австралия получила германские владения на Новой Гвинее, африканские колонии Германии отошли Англии (Танганьика, часть Того и Камеруна), Бельгии

(Руанда и Бурунди), Франции (часть Того и Камеруна), Южно-Африканскому Союзу (Юго-Западная Африка). Франция получила также принадлежавшие Турции Сирию и Ливан, а Япония, почти не участвовавшая в войне, выторговала принадлежавшие Германии порт Циндао в Китае и острова в Тихом океане.

Перемены в мире повлекли за собой изменения системы колониального управления. Французская колониальная империя была преобразована во Французский союз. В конституции Франции 1947 г. говорилось, что Франция намерена привести колониальные народы к свободному самоуправлению. Колонии получили статус заморских территорий с правом представительства в центральных французских и местных колониальных законодательных органах, во вновь созданной Ассамблее Французского союза. В 50-е гг. автономия заморских территорий была ещё более расширена, в них была официально отменена существовавшая десятилетия система принудительного труда, провозглашена свобода на создание политических и общественных организаций, собраний и печати.

В британских владениях система колониального управления реорганизовывалась поэтапно. В 1947 г. Британская империя была преобразована в Британское содружество наций; на многочисленных конституционных конференциях и переговорах 40-х — начала 60-х гг. обсуждалось будущее британских владений, их государственное устройство, политические системы, проблемы социально-экономической жизни и межэтнических, национальных отношений. Формально выступая в качестве посредника на таких встречах — в них участвовали представители колониальной администрации, различных политических партий и организаций колоний, — британское правительство проводило линию на сохранение британского присутствия во всех сферах жизни будущих независимых государств.

Происходили перемены и в системах колониального управления других европейских держав.

Фрейзер.
Вид на дворец губернатора в Калькутте.

Однако судьбу колоний и их будущее решали не только в Лондоне, Париже, Брюсселе или Лиссабоне. У истории колониализма была и другая сторона — история антиколониальной борьбы, которая велась во всех порабощённых странах, в том числе и в тех, которые формально сохраняли свою самостоятельность, но фактически превратились в полуколонии: в Китае, Иране, странах бывшей Османской империи и т. д.

В результате Второй мировой войны получили независимость колонии Италии и Японии. Накал антиколониальной борьбы возрос, во многих азиатских и африканских странах возникли массовые политические организации, которые, используя преимущественно ненасильственные средства (демонстрации, митинги, кампании гражданского неповиновения, забастовки и т. д.), возглавили борьбу за политическое освобождение. Но были и те, кто боролся за свободу с оружием в руках. Освободившись в 1945 г. от японского господства, Вьетнам, Лаос и Камбоджа были вынуждены защищать свою независимость от Франции, развязавшей против них настоящую колониальную войну. Антиколониальные восстания 1947—1949 гг. на Мадагаскаре и 1952—1956 гг. в Кении потерпели поражение, но тем не менее приблизили народы этих стран к независимости. В 1956—1962 гг. в кровопролитной освободительной войне добился независимости Алжир; вынужденное согласие де Голля уйти из Алжира было воспринято частью французского общества как предательство национальных интересов, во Франции разразился глубокий внутриполитический кризис. Вооружённая освободительная борьба народов Анголы, Мозамбика, Гвинеи и островов Кабо-Верде стимулировала возникновение революционной ситуации в Португалии; португальская революция 1974 г. провозгласила право народов заморских провинций на самоопределение и независимость. Вооружённым путём добились освобождения Южная Родезия (ныне Зимбабве) и Юго-Западная Африка (ныне Намибия). Распад колониальной системы растянулся почти на половину столетия. В общей сложности после Второй мировой войны образовалось свыше 100 новых независимых государств.

В освободившихся странах выросло поколение, для которого такие понятия, как колониализм, колониальное угнетение, знакомы разве что по школьным учебникам, по рассказам родителей. Но колониальное прошлое постоянно напоминает о себе, потому что колониализм глубоко изменил социальный, экономический, политический и культурный облик десятков стран мира, где живут сотни миллионов человек. И сегодня не прекращаются споры об исторической роли колониализма. Колониальные завоевания осуществлялись с необыкновенной жестокостью. В их ходе, а также в результате беспощадной эксплуатации, во время многочисленных антиколониальных восстаний погибли десятки миллионов людей. Колониализм обогатил метрополии, превратил колонии в источники

ТИПЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

При общности целей колониальная политика каждой державы имела свои особенности. Например, Португалия помимо практиковавшихся всеми колониальными державами методов военно-полицейского подавления и экономической эксплуатации использовала и другие, достаточно тонкие средства воздействия на подчинённые народы, включая поощрение смешанных браков и предоставление права ассимилироваться, т. е. уравняться в той или иной мере в правах с европейцами. Правда, чтобы стать так называемыми ассимилядуш, надо было доказать свою подготовленность к этому по уровню образования и общественному положению. Не удивительно поэтому, что в Анголе, которая была подчинена Португалией в середине XIX — начале XX в., в 30-е гг. XX в. было только 24 тыс. ассимилядуш из примерно 3 млн жителей, в Мозамбике — 1,8 тыс. из 4,3 млн, в огромном Бельгийском Конго, где система колониального управления была сходной с португальской, в 50-е гг. только 0,8 тыс. из примерно 14 млн коренных жителей частично получили те права, которыми обладали в этой колонии европейцы.

В Британской империи сложилось несколько типов колониальных владений. «Белые» доминионы (доминион по-английски значит «владение») — Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия, а также Южно-Африканский Союз — пользовались самостоятельностью, которая постоянно увеличивалась. Они не только имели собственные парламенты, правительства, армии и финансы, но иногда сами владели колониями (например, Австралия и Южно-Африканский Союз). Протекторатами обычно становились колониальные страны с относительно развитой государственной властью и общественными отношениями. В них существовали как бы два уровня колониального управления. Верховная власть принадлежала британским генерал-губернаторам; они в отличие от губернаторов доминионов, которые скорее представляли интересы британской короны, чем правили от её имени, были полновластными хозяевами подчинённых стран. Так называемая туземная администрация (местные правители, вожди) пользовалась ограниченной самостоятельностью, была наделена определёнными судебными и полицейскими полномочиями, правом сбора местных налогов, имела собственные бюджеты. Туземная администрация выполняла роль буфера между верховной властью европейцев и угнетаемым местным населением. Такая система управления получила название косвенной, или непрямой. Она была наиболее распространена в британских владениях, и поэтому английскую колониальную политику стали называть политикой косвенного (непрямого) управления.

Англичане практиковали и так называемое прямое управление в некоторых колониях. Такие колонии назывались коронными, т. е. были напрямую подчинены Лондону, имея минимальные права на самоуправление или вообще не имея таких прав. Исключение составляли коронные колонии со значительной прослойкой белого населения, имевшего большие привилегии и даже собственные колониальные парламенты. Иногда в одной стране использовались и прямые, и косвенные методы управления. Например, Индия перед Второй мировой войной была разделена на так называемую Британскую колонию Индию, состоявшую из 16 провинций и управлявшуюся из Лондона, и протекторат, в который входило свыше 500 феодальных княжеств и в котором действовала система косвенного управления. Разные формы правления одновременно применялись в Нигерии, Гане, Кении и других странах.

Франция использовала главным образом методы прямого правления, с помощью армии и полиции подавляя сопротивление тех, кто не желал мириться с колониальным господством. В то же время она, как и Португалия, проводила в своих колониях политику ассимиляции, в которой в какой-то мере отразились идеи революции 1789 г., провозгласившей равенство жителей метрополии и колоний. Преимуществами ассимиляции пользовались, однако, немногие; например, в Африке в конце XIX — начале XX в. — только жители четырёх городов Сенегала, которые имели французское гражданство и могли посылать по одному депутату во французский парламент.

Германия, как и Англия, применяла различные методы управления. Вся полнота власти принадлежала назначаемым Берлином губернаторам; немцы составляли высшие и средние звенья колониальной администрации, командование колониальных войск и полиции. Территория колоний была разделена на административные и военно-полицейские округа во главе с окружными начальниками, обычно офицерами. Низшая администрация формировалась, как правило, из грамотных местных жителей. В Камеруне, Бурунди, Руанде и Танганьике немцы сохранили власть вождей и правителей, поставив их под свой жёсткий контроль.

дешёвого сырья и рабочей силы, рынки сбыта продукции экономически развитых стран, в поле деятельности иностранного капитала. В 50-е гг. XX в. только из Африки вывозилось около 98% алмазов, добывавшихся в капиталистическом мире, 80% кобальта, 56% золота, 38% хрома, 36% марганца, 27% меди. Сложилась своеобразная экспортная специализация колониальных стран. И сегодня Индия ассоциируется у нас с хлопком, чаем, табаком, Египет и Судан — с хлопком, Бразилия — с кофе и каучуком, Австралия и Новая Зеландия — с шерстью, Золотой Берег — с какао, Сенегал и Гамбия — с арахисом, Занзибар — с гвоздикой... Конечно же, такое одностороннее развитие хозяйства сужало возможности колониальных стран, ставило их в прямую зависимость от быстро меняющейся ситуации на мировых капиталистических рынках, от конъюнктуры мировых цен.

Колониализм оставил в наследство освободившимся странам серьёзнейшие социально-экономические, политические и этнические проблемы, от решения которых в значительной мере зависит их будущее. Пограничные споры, межгосударственные и межэтнические конфликты, унёсшие в последние десятилетия многие миллионы жизней в странах Азии и Африки, чаще всего уходят своими корнями в колониальное прошлое.

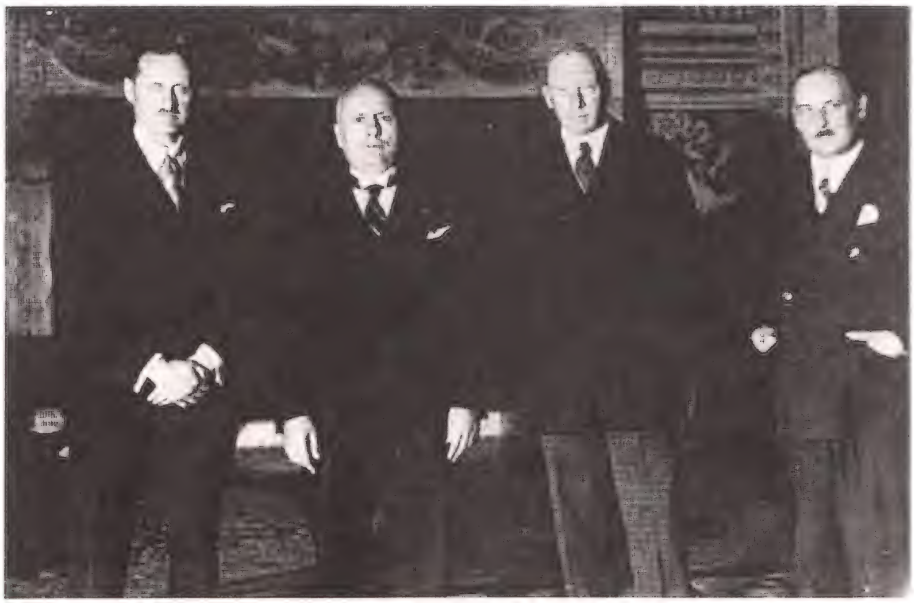
Но было и другое. Многие европейцы верили в необходимость колониализма как средства приобщения отсталых народов к достижениям цивилизации, в своё особое предназначение в этом. «Несть это гордое бремя, — писал в конце XIX в. английский поэт и писатель Редьярд Киплинг в своём знаменитом стихотворении “Бремя белого человека”, — родных сыновей пошли на службу тебе подвластным народам на край земли — на каторгу ради угрюмых мятущихся дикарей, наполовину бесов, наполовину людей... При жизни тебе не видеть порты, шоссе, мосты — так строй их, оставляя могилы таких, как ты!»

Лучшая часть европейского и американского общества много сделала для того, чтобы помочь отсталым народам избавиться от рабства и работорговли, нищеты, болезней и голода. Именно аболиционисты — противники рабства и работорговли в Америке и Европе — после длительной (XIX — начало XX в.) борьбы добились поэтапной отмены сначала работорговли, а затем и рабства, включая и те его формы, которые существовали ещё до колониального вторжения. В колониях прославил своё имя великий гуманист, врач и философ, лауреат Нобелевской премии мира 1952 г. Альберт Швейцер. В колонии шли миссионеры и врачи, инженеры и учителя. Среди них было немало настоящих подвижников. В поисках лучшей доли отправлялись туда десятки и сотни тысяч переселенцев из Европы, в основном бедняков. Их потомки уже в первом—втором поколениях считали колонии своей родиной. Миллионы «белых индийцев» жили в Индии, «белых африканцев» — в Южной Африке, Алжире (во Франции их презрительно называли «черноногие»), белые общины существовали во многих других азиатских и африканских странах. Члены этих общин занимали более высокое социальное, экономическое и политическое положение, чем основная масса жителей колоний, но и среди белых поселенцев были бедняки. Распад колониальной системы обернулся для очень многих жителей колоний личными трагедиями. Массовый исход белых жителей Алжира, Бельгийского Конго, португальских колоний, Южной Родезии из этих стран после достижения ими независимости был вынужденным, а в метрополиях их не очень ждали...

Европа с её огромным научным, техническим, культурным опытом и капиталами, а также энергия европейских переселенцев создали в колониях основы современного транспорта и средств связи, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, образования и медицины, новые формы экономической деятельности. Был заложен фундамент современной государственности — законодательной, исполнительной и судебной власти. Колониальные державы руководствовались прежде всего своими интересами, но в результате происходило также становление и развитие новых общественных отношений, появились новые общественно-политические силы — массовые партии, организации, профсоюзы, способные возглавить борьбу колоний за политическое освобождение. Таким образом, колониализм против собственной воли ускорил политическое пробуждение народов колоний, подъём национально-освободительных движений, распад мировой колониальной системы и появление десятков новых независимых государств.

ЕВРОПА И США В XX СТОЛЕТИИ

БЕНИТО МУССОЛИНИ



Группа европейских государственных деятелей во главе с Муссолини. Италия. 1933 г.

Бенито Муссолини — основоположник итальянского и фактически европейского фашизма, принёсшего неисчислимые бедствия миллионам людей и поставившего человечество на грань катастрофы. В 20—30-е гг. XX в. имя Муссолини знала вся Италия от мала до велика. Его профиль — с бритой головой и выпяченной нижней челюстью — чеканился на монетах, его многочисленные портреты, бюсты, фотографии красовались во всех государственных учреждениях и в жилых домах. Его имя набиралось крупным шрифтом на каждой странице во всех газетах, неоднократно в течение дня звучало по всем программам национального радио. Кинохроника запечатлевала его на многочисленных парадах, митингах, соревнованиях. Это был крупнейший в Европе культ личности, безраздельно господствовавший в Италии с октября 1922 г. по июль 1943 г.

Народу Муссолини представлялся человеком смелым, всемогущим, постоянно думающим о гражданах Италии, озабоченным её благом. Уходя из своего кабинета, он любил оставлять зажжённым свет, чтобы одинокие прохожие останавливались и под немигающими взглядами охранников дуче думали о вожде, работающем до глубокой ночи.

Бенито Муссолини родился в 1883 г. в провинции Форли области Эмилия-Романья, в небольшой деревушке Довиа. Его мать была школьной учительницей, глубоко верующей, отец — кузнецом и в отличие от матери ярым анархистом и безбожником. Имя Бенедетто, предложенное матерью, что в переводе с итальянского означает «благословенный», отец при крещении переменил на Бенито — в честь известного тогда в Италии мексиканского либерала Бенито Хуареса. Детские годы Бенито Муссолини не были отмечены ничем особенным. Правда, он научился хорошо играть на скрипке. Позже это послужило для дуче поводом говорить о своей принадлежности к артистическим натурам. Вообще, он любил подчёркивать свою исключительность, избранность. Даже присвоил себе титул «пилот Италии № 1», так как с удовольствием управлял самолётом. Любил он сравнивать себя и с героями Древнего Рима, особенно с Юлием Цезарем (возможно, потому, что в это время он начал быстро лысеть).

В начале XX в. Муссолини жил и работал в Швейцарии. Был чернорабочим, перепробовал профессии каменщика, помощника кузнеца. В это время он стал членом Социалистической партии, активно пропагандировал социалистические идеи среди итальянских рабочих-эмигрантов.

Вернувшись на родину, Бенито Муссолини начал заниматься журналистикой и литературой, работал учителем. В 1908 г. он написал небольшую статью о Ницше «Философия силы», выразив в ней своё восхищение «самым гениальным мыслителем последней четверти XIX века». В это же время он работает над капитальным трудом по истории философии. Известность Муссолини растёт. Его избирают главным редактором социалистической газеты «Аванти!». Незадолго до начала Первой мировой войны он выступает с лекциями «Социализм сегодня и завтра», «От капитализма к социализму». Тираж «Аванти!» удваивается. В одной из статей Муссолини пишет: «Италия нуждается в революции и получит её».

Начало Первой мировой войны изменило судьбу будущего дуче. За пропаганду среди народа идеи участия в войне в октябре 1914 г. Муссолини был исключён из Социалистической партии. Надо сказать, что сам он не торопился начать воевать. Получив ранение в учебном подразделении, больше ни в одном бою он не участвовал.

После войны многие фронтовики, разочаровавшиеся в войне, особенно политически малограмотные и склонные во всех бедах винить парламент и демократию, а также стремившиеся военизировать гражданскую жизнь, организуют отряды «ардити» (смельчаков). Бенито Муссолини подыгрывал им, утверждая: «Я всегда был уверен в том, что для спасения Италии надо расстрелять несколько десятков депутатов. Я верю, что парламент — бубонная чума, отравляющая кровь нации. Её нужно истребить». В марте 1919 г. Муссолини собирает своих сторонников в «Союз борьбы» — «Фашио ди компаттименто». (Отсюда и пошло слово «фашизм».) Главной целью Союза провозглашена борьба за интересы нации.

Парад фашистской молодёжной организации. Рим. 1929 г.

1919—1920 гг. — время подъёма революционного движения в Италии. Крупная буржуазия, укрепившая свои позиции в период войны и желавшая сохранить их, испуганная масштабами рабочего движения и не имевшая своей серьёзной политической партии, начинает вкладывать средства в организацию Муссолини. Таким образом, наиболее вероятным для Италии путём выхода из революционного кризиса становится путь репрессий и террора с примесью шовинизма. 2 октября 1922 г. Муссолини со своими сторонниками, построенными в многотысячные колонны, осуществляет поход на Рим. Парламент Италии большинством голосов передаёт ему власть. Так Италия стала первым в мире фашистским государством.

До 1926 г. Муссолини не осмеливался открыто действовать только насилием. 1926 г. он считал для себя «наполеоновским». Именно тогда он наконец уничтожил остатки оппозиции: были изданы чрезвычайные законы, по которым все политические партии, кроме фашистской, запрещались и распускались, а депутаты от них изгонялись из парламента. В 1926 г. Муссолини создал фашистский трибунал, осудивший с 1927 по 1937 г. 2947 антифашистов. Высшим законодательным органом страны стал Большой фашистский совет. Так в Италии окончательно сформировалась открытая фашистская диктатура: все демократические свободы отменены, запрещены свободные профсоюзы, против всех антифашистских деятелей стал применяться открытый террор, начало которому было положено убийством депутата от Социалистической партии Джакомо Маттеотти. Муссолини называл свой режим тоталитарным (что приблизительно означает «режим, при котором государство охватывает и контролирует все стороны жизни общества»). В 30-е гг. была создана новая полиция. Власти стали поощрять доносы, разжигать подозрительность граждан друг к другу. Старая мораль была объявлена буржуазным пережитком, а новая заключалась в полном подчинении интересов индивида фашистскому государству.

В области внешней политики Муссолини ещё в 1923 г. встал на путь агрессии (бомбардировка и захват острова Корфу). Но неблагоприятная для агрессивных планов дуче обстановка вынуждала его до поры до времени воздерживаться от осуществления своих захватнических планов. Подготовка к военным и колониальным захватам позволила Италии с минимальными потерями выйти из «великой депрессии» 30-х гг.

Приход в 1933 г. к власти в Германии Гитлера дал Муссолини достойного союзника. Уверенный в поддержке со стороны гитлеровской Германии и нейтралитете Франции, Муссолини захватил Эфиопию, что сопровождалось дикой расправой над населением страны. Совместное стремление к новому переделу мира путём новой мировой войны укрепило контакты между Муссолини и Гитлером. Опираясь на союз с гитлеровской Германией и подписанные Римские соглашения (ось Берлин — Рим), дополненные в 1937 г. Тройственным союзом (Берлин — Рим —

Бенито Муссолини за подписанием Римского соглашения. Рим. 1934 г.

Токио), Муссолини переходит к реализации своих агрессивных планов в Европе. В 1936 г. в союзе с Гитлером он организует военно-фашистский мятеж против республиканского строя в Испании. Пользуясь фактическим нейтралитетом стран Западной Европы и их полным невмешательством, дуче осуществляет широкую интервенцию (опять же с Германией) против Испании, в результате которой в стране установлен режим генерала Франко.

В угоду Гитлеру Муссолини поддержал захват Германией Австрии. С августа 1938 г. в подражание гитлеровской национальной политике он издаёт целую серию антисемитских законов. Правда, итальянский фашистский режим был гораздо либеральнее германского. Евреев не сжигали в печах, не бросали в лагеря — за все годы фашизма в Италии подверглись преследованиям «лишь» 3500 еврейских семей. Массовые расстрелы и пытки начались здесь под давлением Германии только с 1943 г.

В руках Муссолини была сосредоточена огромная власть: глава фашистской партии, председатель Совета министров, начальник внутренних полицейских отрядов. В сентябре 1938 г. Муссолини явился одним из организаторов Мюнхенского сговора, предопределившего захват Чехословакии Германией и способствовавшего развязыванию Второй мировой войны.

В этой войне Италия участвовала на стороне фашистской Германии, выполняя роль посредника между Германией, Англией и Францией. С 1943 г. для Муссолини и его режима наступают чёрные времена. Успехи Красной Армии активизируют антифашистское движение в самой Италии. Недовольные есть даже среди ближайшего окружения дуче. В июле 1943 г. США и Англия, будучи оюзниками СССР по антигитлеровской коалиции, начинают военные действия в Сицилии, а затем и в самой Италии. Эта операция закончилась капитуляцией Италии 3 сентября 1943 г., подписанной на острове Сицилия королём Виктором Эммануилом III. Большой фашистский совет голосует против Муссолини. Король Италии, в течение почти двух десятилетий не проявлявший себя в политической жизни страны, в сентябре 1943 г. приказывает арестовать Муссолини. Вскоре, правда, он был освобождён немецкими парашютистами и доставлен в Германию. Организовал эту операцию штурмбанфюрер СС Отто Скорцени — один из самых ближайших к Гитлеру людей. После переговоров с Гитлером Муссолини был отправлен под немецкой охраной на север Италии руководить наспех созданной для прикрытия немецких коммуникаций республикой Сало — Итальянской социальной республикой. Её столицей был небольшой курортный городок Сало в Ломбардии. Главные лозунги, которые Муссолини выдвигает в это время, — восстановить поруганную честь, достоинство и величие Италии, смыть позор капитуляции. Муссолини обвинил Виктора Эммануила в пораженчестве, в организации государственного переворота.

23 сентября 1943 г. Муссолини сформировал новое правительство, в котором занял ещё и пост министра иностранных дел. 28—29 сентября Итальянская социальная республика признана Германией, Японией, Румынией, Болгарией, Хорватией и Словенией. Настало время расправы дуче с теми, кто голосовал против него на Большом фашистском совете. Муссолини не остановился перед тем, чтобы расстрелять бывшего министра иностранных дел, мужа своей любимой старшей дочери Эдды — Галиаццо Чиано.

Весной и летом 1944 г. положение республики Сало ухудшилось. 4 июня 1944 г. американцы вступили в Рим, в августе — во Флоренцию и двинулись на север Италии. Именно в это время началась вакханалия безжалостных расправ фашистов с инакомыслящими.

Весной 1945 г. отряды Сопротивления развернули самое решительное наступление — перерезали дороги, атаковали фашистские гарнизоны, вступали в бой с колоннами отступавших войск вермахта.

27 апреля 1945 г. в местечке Донго на севере Италии небольшой отряд партизан остановил от-

ступавшую немецкую часть. Во время обыска одного из грузовиков в нём был обнаружен человек, в котором легко можно было узнать Муссолини. В обстановке полной секретности он был снят с грузовика. На следующее утро за ним прибыл из Милана посланный командованием Движения Сопротивления полковник Валерио. Полковник довёз пленника до деревни Джулио-ди-Медзетро, где расстрелял его. После казни тело Бенито Муссолини в знак позора было подвешено вверх ногами.

Так закончилась жизнь человека, стремившегося к созданию новой Великой Римской империи.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Берлин, обращённый в руины за десять дней непрерывных боёв, тонул в дыму пожарищ, грохоте орудий, лязге танковых гусениц, треске пулемётных и автоматных очередей. Гитлеровцы стояли насмерть. Отступать было некуда, и они цеплялись за каждый дом, подвал, за каждую груду обломков на мостовой. Нацистская империя, которой её создатели совсем недавно предрекали тысячелетнее будущее, доживала свои последние часы. Ещё немного — и над искорёженным куполом рейхстага взметнётся красный флаг. Было 30 апреля 1945 г.

Штурмбанфюрер СС Отто Гюнше и два младших чина с 15.50 и до наступления темноты несколько раз поднимались из бункера во двор имперской канцелярии с канистрами, полными бензина. Там, наверху, в задней части двора лежали два обугливших трупа, которые, несмотря на все старания Гюнше, никак не удавалось сжечь до конца. Приученные беспрекословно повиноваться, Гюнше и его подручные в точности выполняли приказ, вернее, последнюю волю того, чьи останки пожирало пламя в бензиновой луже: «Моё тело и тело моей супруги не должны попасть в руки врага. Как бы ни складывались обстоятельства, они должны быть полностью уничтожены».

Нацистский рейх погибал в огне войны, который он сам разжёг, и вместе с ним обращался в пепел и труп его фюрера — Адольфа Гитлера...

20 апреля 1889 г. в австрийском городке Браунау в семье таможенного чиновника Алоиса Гитлера, человека из низов, упорным трудом добившегося достатка и неплохого, как он считал, положения в обществе, родился сын, которого назвали Адольфом.

У Адольфа был непростой характер. Благоговение перед матерью и нелюбовь к отцу, мечтательность и отменное упрямство, сентиментальность и доходившая до ярости решимость добиться своего — всё это было плотно спрессовано в его душе. Мальчик «безусловно одарённый», как сказал о нём один из его школьных учителей, он в то же время не проявлял прилежания. Из школьных предметов его по-настоящему интересовали лишь география, история и рисование. Изучением всех остальных дисциплин он пренебрегал, за что однажды и поплатился — был оставлен на второй год.

Алоис Гитлер строил далеко идущие планы относительно судьбы Адольфа. Он хотел, чтобы

Адольф Гитлер и Фридрих Паулюс у карты военных действий. 1940 г.

тот пошёл по его стопам и сделал карьеру на государственной службе. Но то, о чём мечтал отец, совершенно не прельщало сына. Мальчик хорошо рисовал и решил стать художником. Как мог, он пытался противиться воле отца, но тот был непреклонен.

В 1903 г., когда Адольфу не исполнилось ещё и 14 лет, отец скончался. Кое-как проучившись ещё два года, он бросил школу (благо нашёлся предлог — болезнь лёгких). Попытка поступить в Венскую академию искусств кончилась провалом. Молодой человек тяжело переживал неудачу. Но в скором времени ему предстояло пережить настоящее горе — в 1907 г. умерла его мать.

Похоронив её, Адольф решает уехать в Вену, чтобы освободиться от тягостных дум и ещё раз попытать счастья. 18-летний юноша наивно полагал, что столица, блистательный центр искусств, откроет перед ним самые широкие перспективы. Однако и новая попытка поступить в академию оказалась неудачной.

Искать место на фабрике, в конторе или на государственной службе, чтобы заработать на жизнь, — этот вопрос после провала на экзаменах

Немецкий безработный с плакатом: «Принимаю работу любого характера». Берлин. 1930 г.

Членская карточка «Рабочего фронта». 1934 г.

перед Гитлером не стоял. «Работа у станка или где-нибудь в канцелярии не для меня», — считал он. Его манила вольная жизнь свободного художника, к тому же материальное положение позволяло ему не беспокоиться о хлебе насущном. Наследство, государственное пособие плюс некоторый доход от продажи пейзажей, которые он в большом количестве рисовал, давали ему возможность жить безбедно и даже в чём-то подражать венской богеме. Это потом, когда ему понадобится привлечь на свою сторону бедняков, он сочинит миф о нищенской, голодной молодости, полной лишений...

Незаметно пролетело несколько лет столичной жизни. Молодой Гитлер возмужал и сильно изменился. Ему было уже за 20, он по-прежнему мечтал поступить в академию и рисовал, рисовал. Но душа его начала раздваиваться — появился интерес к политике, который постепенно начал оттеснять на второй план все другие увлечения. Гитлер стал завсегдатаем собраний, проводившихся правыми партиями, и всё больше превращался в убеждённого националиста, поборника идеи объединения всех немцев, включая австрийцев, в единое государство под эгидой Германской империи.

Дети из приюта в военной форме на фашистском параде. Германия. 1934 г.

Пангерманизм в это время получал всё более широкое распространение среди германоязычного населения разных стран. Гитлер, как и многие молодые австрийцы накануне Первой мировой войны, считал себя представителем германской нации. Он полагал, что защитить интересы немцев от посягательств на них других народов могли только правившие в Германии Гогенцоллерны, но никак не Габсбурги. Последних правые круги обвиняли в заискивании перед подданными-инородцами, численно преобладавшими в подвластной этой династии Австро-Венгерской империи.

Вместе с националистическими идеями в сознание молодого Гитлера прочно вошли

враждебность к марксизму (как к учению, отвергающему национализм) и антисемитизм — ненависть к евреям, которых правые силы объявили носителями революционных идей и врагами национального государства.

Идеям, захватившим его в молодости, Гитлер останется верен всю свою жизнь. Доведённые до крайности, они станут основой программы той партии, которую он возглавит, — Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Их он попытается осуществить на практике, что приведёт к планомерному истреблению целых народов. Но это произойдёт позднее, а пока... А пока шёл май 1913 г.

В дверь тихо постучали.

— Господин Гитлер, — раздался голос домохозяйки, — вам снова повестка. Просят явиться на призывной пункт. Господин Гитлер, вы меня слышите?

Хозяин комнаты не отвечал. Он молча стоял у окна и напряжённо думал. Это была уже вторая повестка, которая пришла по этому адресу. За последний год он сменил несколько квартир, пытаясь скрыться из поля зрения военного ведомства. Но всякий раз его находили.

«Конечно, служить в армии — это священный долг патриота и гражданина, — рассуждал он про себя. — Но не служить же этой прогнившей Дунайской монархии, этому престарелому Францу-Иосифу! Уж если служить, то только Германской империи и Вильгельму II». За этими размышлениями как-то сам собой созрел план уехать в Германию... Через несколько дней Гитлер сошёл с поезда на главном вокзале в Мюнхене. С этого момента его судьба была уже неразрывно связана с Германской империей.

Однако расчёт Гитлера, что в Мюнхене его не найдут, не оправдался. В феврале 1914 г. беглецу всё-таки пришлось на короткое время вернуться в Австрию и явиться на призывной пункт. Правда, то, что затем произошло, иначе как иронией истории не назовёшь: Адольф Гитлер, будущий верховный главнокомандующий вермахта, был признан... негодным к строевой службе.

Нет, молодой Гитлер не боялся тягот армейской жизни и не был трусом. Его уклонение от призыва в армию имело политические причины. Одержимый «великогерманской идеей», он готов был служить, но только не австрийскому императору, а германскому кайзеру. Прошло всего несколько месяцев, и в августе 1914 г. он вступил добровольцем в германскую армию. В боях на Западном фронте ефрейтор Гитлер проявил отвагу и смелость, за что был награждён Железным крестом первого класса — орденом, которого низшие чины удостаивались лишь в самых исключительных случаях.

9—10 ноября 1918 г. в Германии произошла революция. Вильгельм II был свергнут. 11 ноября новое правительство во главе с социал-демократами приняло решение о прекращении войны. Сообщение о капитуляции привело Гитлера в ярость. «Четыре года кровопролитной войны, миллионы жизней, брошенных на алтарь победы, и всё напрасно! Горстка негодяев, окопавшихся в тылу, захватила власть и нанесла удар в спину германской армии, предала её и всю страну!» — негодовал он.

Возмущение его ещё усилилось, когда новое германское правительство приняло условия мира, продиктованные ему Англией и Францией: Германия лишалась колоний, части собственной территории, её армия и флот резко сокращались, на неё возлагалась обязанность выплатить огромные репарации. Тогда Гитлер и принял окончательное решение стать политиком, чтобы бороться против «ноябрьских предателей» и «грабительского мира». Уволенный

АНТИСЕМИТИЗМ ГИТЛЕРА

Очищение Германии от «еврейского засилья» было одной из основных программных установок Гитлера. Антисемитизм нацистов вырастал из старых националистических предрассудков, а также условий политической борьбы конца XIX — первой трети XX в. В это время еврейское национальное движение начало превращаться во влиятельный фактор международной жизни, а многие евреи стали играть важную роль в буржуазно-демократических, социал-демократических и коммунистических партиях. Они выступили по сути дела в роли ниспровергателей старых порядков, т. е. оказались в лагере противников консервативных, традиционных сил. Враждебное отношение к евреям со стороны НСДАП усугублялось ещё и тем, что еврейский капитал, игравший видную роль в банковском деле, торговле и промышленности Германии, составлял подчас серьёзную конкуренцию немецкому национальному капиталу, и тот, как и правые политические круги Германии, был заинтересован в устранении соперников.

Нацисты обвиняли евреев в подрыве немецких национальных традиций, германской государственности и основ экономической жизни германской нации. Широкие международные связи еврейского капитала, а также политиков еврейской национальности, в том числе с промышленными и политическими кругами стран, которые нацисты объявляли исконными врагами Германии, давали Гитлеру и его окружению повод для широкой пропаганды тезиса о «всемирном жидомасонском заговоре», преследующем якобы цель установить над человечеством еврейское господство. «Мировому еврейству» национал-социалисты противопоставляли «арийскую идею» — идею общности германских и родственных им по крови народов, принадлежащих к «нордической расе». Именно эти народы («сверхлюди»), а не евреи и другие «недочеловеки», заявляли нацисты, призваны править миром. Рассматривая национальный вопрос сквозь призму примитивного социал-дарвинизма, Гитлер и его сторонники переносили законы борьбы видов, присущие животному миру, на общественную жизнь и этим обосновывали свою политику геноцида в отношении евреев и других народов, объявленных ими «неполноценными».

Еврейскому вопросу нацисты отводили важную роль в манипулировании сознанием широких масс немцев. Создавая в лице евреев образ «внутреннего врага» и объявляя их источником всех бед нации, Гитлер и его окружение уводили людей от понимания подлинных причин тех трудностей, которые переживала Германия.

ГИТЛЕРОВСКАЯ «НОЧЬ ДЛИННЫХ НОЖЕЙ»

В нацистской партии, демагогически объявлявшей себя революционной и социалистической, были широко представлены ремесленники, лавочники, крестьяне, рабочие и безработные. Многих из них привлекли заявления нацистских лидеров о том, что НСДАП стремится к перераспределению собственности в стране и, придя к власти, передаст бедным заводы, фабрики, банки и крупные магазины. Но, когда Гитлер возглавил правительство, оказалось, что никто не собирается выполнять этих обещаний. Среди простых членов НСДАП и бойцов штурмовых отрядов (СА) началось брожение. Стали раздаваться призывы совершить «вторую революцию» («первой революцией» называли приход НСДАП к власти) и отобрать собственность у богатых. Гитлер, заключивший союз с промышленниками и банкирами, не мог поддержать эти требования. В июне 1933 г. он объявил «национал-социалистическую революцию» завершённой, а тех, кто призывал ко «второй революции», предупредил: «Если потребуется, любую такую попытку мы потопим в крови».

Однако угроза Гитлера не подействовала. Недовольство, особенно среди штурмовиков, продолжало нарастать. Руководство СА во главе с Эрнстом Рёмом поддержало лозунг «второй революции», а также потребовало признания штурмовых отрядов «народной армией» и выдачи им оружия.

Штурмовики и «революционеры» в самой НСДАП становились опасными для Гитлера и всего нацистского режима, и фюрер решил уничтожить своих противников. По его приказу руководителей штурмовиков под предлогом проведения совещания заманили на курорт Бад-Висзее и в ночь с 30 июня на 1 июля 1934 г. арестовали.

На следующий день все они были расстреляны без суда и следствия. Вслед за этим по стране прокатились облавы на нацистов-«революционеров», вылившиеся в ряде мест в самую настоящую резню. Исполнителями воли Гитлера являлись отряды его личной охраны (СС). Хладнокровное убийство соратников стало их «боевым крещением».

Гитлер и Кейтель осматривают взорванный бронепоезд. Польша. 1939 г.

из армии, в мае 1919 г. он обратился к своим бывшим командирам с предложением использовать его на политической работе. Ему поручили вести агитацию среди возвращающихся на родину из плена германских солдат. За этим заданием последовало новое: вести наблюдение за деятельностью мелких правых партий в Мюнхене. В одну из них — Немецкую рабочую партию, переименованную позднее в НСДАП, — он и вступил осенью 1919 г. Ему был выдан членский билет за номером 55 и поручено вести работу по вербовке новых сторонников партии. Так началась политическая карьера будущего «вождя германской нации».

Гитлер, вне всяких сомнений, обладал качествами выдающегося лидера, что обнаружилось уже с первых его шагов в политике. Хороший организатор, он оказался и талантливым оратором, умевшим находить контакт с аудиторией, «зажигать» её своими эмоциональными, яростными речами. Это был убеждённый человек, фанатично преданный своим идеям (как бы другие к ним ни относились), и этот фанатизм, подкреплявшийся искусной демагогией, гипнотически влиял на людей. Гитлер обладал уникальной способностью играть на инстинктах масс и умело направлял их недовольство против тех, кто, по его убеждению, являлся «врагом германской нации» и нёс ответственность за обрушившиеся на неё беды. Таковыми он объявлял коммунистов, социал-демократов, евреев, масонов, державы-победительницы — Англию и Францию, а также большевистскую Россию.

Соратники по партии очень быстро признали Гитлера своим лидером. В июле 1921 г. он стал руководителем НСДАП, а его приверженцы начали создавать вокруг его персоны культ «великого вождя».

8—9 ноября 1923 г. Гитлер и его сторонники, поддержанные некоторыми военными, предприняли попытку государственного переворота. Они вышли на улицы Мюнхена, рассчитывая свергнуть местное правительство и отсюда начать поход на Берлин. В обращении к немецкому народу Гитлер поспешил провозгласить: «Правительство ноябрьских преступников с сегодняшнего дня объявляется низложенным. Образуется временное немецкое национальное правительство». В этом правительстве Гитлер, надо полагать, отводил себе ведущую роль.

Однако путч был подавлен. Сам Гитлер, получивший лёгкое ранение в одной из уличных сты-

Группа штурмовиков на улице Берлина.
1933 г.

чек, попытался скрыться, но был арестован. Суд обвинил его в государственной измене и приговорил к пяти годам тюрьмы, не исключив, однако, возможности сокращения срока наказания. Мягкий приговор объяснялся отчасти тем, что судьи сами во многом придерживались тех же взглядов, что и подсудимый.

Гитлер был помещён в тюрьму Ландсберг в Баварии, где на положении привилегированного узника провёл девять месяцев. Результатом заключения стал первый том книги «Майн кампф» («Моя борьба»), в которой автор изложил свои политические взгляды. Пребывание в тюрьме лишь укрепило его решимость бороться за власть, используя для этого любые средства. В декабре 1924 г., когда он вышел из тюрьмы, его партия стала ещё активнее выступать против правительства и левых сил, подкрепляя словесные заявления своего лидера так называемым делом — откровенными бесчинствами, которые творила её военизированная организация — штурмовые отряды. Однако у нацистов не хватало пока сил для захвата власти.

Наступил 1929 г. Все капиталистические страны, включая Германию, охватил экономический кризис, затянувшийся на несколько лет. Безработица, нужда и при этом неспособность правящих партий преодолеть трудности — всё это заставило многих отчаявшихся людей обратить свои взоры на тех политиков, которые призывали с помощью чрезвычайных, жёстких мер поправить положение.

Гитлер и его партия, не скупившиеся на обещания, стали быстро завоёвывать новых сторонников. Им начали оказывать поддержку и промышленники, опасавшиеся нового подъёма революционного движения и усматривавшие в НСДАП силу, способную противостоять «красной опасности». К 1932 г. партия Гитлера имела в германском парламенте (рейхстаге) больше мест, чем любая другая партия. У нацистов появилась возможность законным путём, не устраивая новых путчей, прийти к власти.

Час Гитлера пробил 30 января 1933 г. В этот день президент Германии Пауль фон Гинденбург назначил его рейхсканцлером и поручил ему сформировать новое германское правительство, поскольку правительства, создававшиеся до этого другими партиями, оказались не в состоянии управлять страной. Началась самая мрачная глава

Фашисты ведут еврея, у которого на груди плакат:
«Я еврей, но не хочу жаловаться на нацистов».
Берлин. 1934 г.

Десятилетняя девочка около своей сестры,
убитой во время бомбардировки.
Варшава. 1939 г.

Жители Варшавы на строительстве баррикад на улицах города. 1939 г.

Разрушенный в результате бомбардировки дом в Праге. 1945 г.

ПОКУШЕНИЯ НА ГИТЛЕРА

Политик, принёсший столько бед и страданий людям, Гитлер воспринимался многими как воплощение зла. Его ненавидели и жаждали его смерти. Трудно сказать, сколько всего покушений планировалось на него , но достоверно известно, что 41 раз такого рода планы, тщательно подготовленные и приведённые в действие, срывались либо не приносили результата. Тем, кто готовил покушения, казалось, что устранить Гитлера не составит труда, так как фюрер, убеждённый в любви к нему нации, часто полностью пренебрегал соображениями безопасности.

Каждый год 8 ноября в честь годовщины нацистского путча 1923 г. Гитлер выступал перед ветеранами НСДАП в мюнхенской пивной «Бюргерброй». Собрания «старых борцов» и речи Гитлера на них являлись для нацистов одной из свято чтимых традиций. Этим решил воспользоваться некий Иоганн Георг Эльзер, столяр по профессии. Убеждённый противник нацизма, он осенью 1938 г. принял твёрдое решение уничтожить

в истории германского государства — 12-летний период нацистской диктатуры.

На пути к власти Гитлер не раз обещал: «Как только я встану у руля государства — покатятся головы врагов нации». И головы покатились. Сначала коммунисты, обвинённые в поджоге рейхстага, затем социал-демократы и буржуазные демократы оказались кто в тюрьмах и концентрационных лагерях, кто в изгнании. Многие из них были зверски замучены. Все политические партии, кроме НСДАП, все общественные организации, кроме нацистских, были запрещены. Полиция и служба безопасности жестоко преследовали всех инакомыслящих. В стране царили тотальная слежка и террор.

Вслед за «красными» и «демократами» настала очередь ещё одних «врагов нации» — евреев. Гитлер издал целый ряд законов, ограничивавших их права: евреям запрещалось состоять на государственной службе, посещать общественные заведения; еврейские дети не допускались в школы; собственность евреев (заводы, банки, магазины) подлежала «аризации», т. е. передаче промышленникам немецкой национальности или нацистскому государству. 9—10 ноября 1938 г. по всей Германии были организованы еврейские погромы, вошедшие в историю под названием «хрустальной ночи». Позднее, в годы войны, гитлеровцы начали массовое планомерное уничтожение евреев, загнанных в концентрационные лагеря и гетто.

Но разгром «внутренних врагов» и «расовое очищение» Германии являлись лишь первой частью политической программы Гитлера. Вторую часть составляли планы установления мирового господства германской нации.

Эту часть программы фюрер рассчитывал осуществить поэтапно. Он подчёркивал: сначала Германия должна вернуть себе всё то, что потеряла в Первую мировую войну, и объединить всех немцев в одно государство — Великогерманский рейх. Затем следует разгромить Россию — источник «большевистской опасности» для всего мира — и за её счёт обеспечить германской нации «новое жизненное пространство», откуда она сможет в неограниченном объёме черпать сырьё и продовольствие. После этого можно будет приступить к решению главной задачи: к войне против «западных демократий» — Англии, Франции и США — и установлению «нового (национал-социалистического) порядка» в мировом масштабе.

Впоследствии, когда пожар войны охватит почти всю планету, Гитлер не раз будет пытаться доказать, что он не хотел войны, что ему её навязали. Но кто же, если не он, превратил Германию в один военный лагерь, подчинив всё: экономику, политику, культуру, воспитание, повседневную жизнь немцев одной цели — подготовке к «грядущим великим битвам». Кто, вынашивая планы передела мира, благославлял германских солдат на совершение преступлений,

объявив их «сверхлюдьми» и представителями «расы господ». Гитлер хотел войны, и не просто войны, а истребления других народов, объявленных враждебными немцам или «неполноценными» (см. ст. «Вторая мировая война»).

В 1940—1941 гг. Гитлер, безусловно, находился на вершине своих внешнеполитических и военных успехов. С весны 1938 до весны 1939 г. он фактически без единого выстрела присоединил к рейху Австрию и Чехию, с осени 1939 до лета 1940 г. молниеносными ударами разгромил Польшу, Данию, Норвегию, Люксембург, Бельгию, Голландию и Францию, а также вытеснил англичан — союзников Франции — с континента на их острова. Весной 1941 г. в союзе с фашистской Италией Германия нанесла поражение Югославии и Греции. Все эти государства были оккупированы нацистами.

Часть европейских стран Гитлеру удалось угрозами и посулами взять под свой контроль, не прибегая к военным действиям. Фюрер был уверен: ничто не сможет помешать ему достичь поставленной цели — установить мировое господство германской нации.

Летом 1940 г. Гитлер счёл, что настала пора приступить к подготовке войны против СССР. Хотя он и опасался борьбы на два фронта — на западе против англичан, которые продолжали сопротивляться, а на востоке против русских, — но всё же решился на этот шаг, полагая, что Советский Союз — это «колосс на глиняных ногах» и вермахт сможет его разгромить в течение нескольких недель. Ровно через год после капитуляции Франции, 22 июня 1941 г., нацистская Германия и её союзники напали на СССР.

Народам Советской страны Гитлер готовил страшную участь: одних планировалось уничтожить полностью, других — частично, а оставшихся в живых — низвести до положения рабов. Но фюрер жестоко просчитался. Именно СССР сломал хребет его «непобедимой» армии и не только отстоял свою независимость, но и освободил другие народы Восточной Европы от фашистского ига и внёс решающий вклад в разгром самого нацистского государства.

...Капитуляции Гитлер предпочёл смерть. Даже своей смертью он решил бороться с врагом. Смертью несдавшегося «вождя нации» он хотел дать потомкам пример служения национал-социалистической идее.

29 апреля 1945 г. он написал в своём политическом завещании: «Жертвы наших солдат и моя верность им даже в смерти станут тем семенем, которое когда-нибудь в германской истории обязательно прорастёт, и из него блистательно возродится национал-социалистическое движение...». Фюрер отклонил самые настоятельные просьбы и увещевания своего окружения покинуть Берлин и укрыться где-нибудь в безопасном месте. «Я не покрою себя позором бегства», — заявил он. 30 апреля около 15.30 он раскусил ампулу с цианистым калием и одновременно выстрелил себе в висок из пистолета. Вместе с ним добровольно лишила себя жизни его жена Ева Браун.

Как личность, Гитлер, конечно, не был тем карикатурным персонажем, который можно часто встретить в фильмах и книгах о войне. Решительный, волевой, фанатично преданный идее, он был цельной натурой. Как противник, он внушал уважение и страх. Был ли он великой исторической

Гитлера, чтобы предотвратить новую мировую войну, и в течение года тщательно готовил покушение. Пробираясь по ночам в пивную, Эльзер вмонтировал самодельное взрывное устройство с часовым механизмом («адскую машину») в колонну, перед которой обычно устанавливали трибуну для Гитлера. Он знал, что выступления фюрера на этих собраниях всегда начинаются в 21.00 и продолжаются около часа. Поэтому взрывное устройство он установил на 21.20. 8 ноября 1939 г. в 21.20 пивную потряс взрыв страшной силы. Взрывом и рухнувшими сводами 8 человек были убиты и 63 ранены, но Гитлера среди пострадавших не оказалось. Фюреру нужно было срочно возвращаться в Берлин, и он, ограничившись на этот раз кратким приветствием в адрес собравшихся, в 21.13 покинул зал.

Эльзер был схвачен в тот же вечер на швейцарской границе и после нескольких допросов во всём сознался. В качестве «особого заключённого» он был помещён в концлагерь Заксенхаузен, затем переведён в Дахау. 9 апреля 1945 г. по распоряжению Гиммлера Эльзера расстреляли.

Если Эльзер действовал в одиночку, то две другие попытки уничтожить Гитлера с помощью «адской машины» являлись частью широкого заговора, подготовленного оппозиционными ему военными и политиками. Заговорщики хотели убить Гитлера, сформировать новое правительство, разогнать нацистскую партию и заключить мир с западными державами. Это, по их мнению, позволило бы Германии сконцентрировать все силы на войне против СССР.

Сначала заговорщики попытались устранить Гитлера во время его полёта на самолёте из главной ставки в Восточной Пруссии в Берлин. Офицеру из свиты Гитлера под видом двух бутылок коньяка были вручены взрывные устройства. Бомбы должны были разорваться в воздухе. Но «адская машина» не сработала — почему-то отказал взрывной механизм.

После этого устранение Гитлера взял на себя начальник штаба резервной армии вермахта полковник Клаус фон Штауффенберг. Он часто присутствовал на совещаниях, проводившихся Гитлером в главной ставке, и решил воспользоваться этой возможностью для осуществления плана заговорщиков.

20 июля 1944 г. Штауффенберг прибыл на совещание с портфелем, в котором находилась бомба. Поставив его на пол в двух шагах от Гитлера, Штауффенберг, сославшись на то, что ему нужно срочно позвонить, покинул здание, где шло совещание. Дождавшись взрыва, он сразу же отправился на аэродром и вылетел в Берлин к другим заговорщикам в полной уверенности, что Гитлер убит. Но Штауффенберг ошибся, и эта ошибка стоила жизни ему и 200 его товарищам. Один из офицеров, находившихся на совещании, задвинул мешавшийся под ногами портфель под массивный стол, на котором были разложены карты. Гитлер оказался прикрыт тумбой стола и при взрыве получил лишь лёгкие ранения: сотрясение мозга, травму правой руки и барабанных перепонок, ожоги на ногах, тогда как четверо других присутствующих были убиты, а остальные 18 получили более тяжёлые ранения.

Немедленно были проведены многочисленные аресты. Заговор военных был жестоко подавлен, а его участники уничтожены.

личностью? Безусловно, был. Ничтожные люди не оставляют такой след в истории. Другое дело, что все качества Гитлера как человека и политика обрели для мирового сообщества знак «минус», ибо были обращены им во зло окружающим народам и тем, кого он считал врагами германской нации.

Гитлер был продуктом своей эпохи и по образу мышления, и по характеру действий. Не будь Первой мировой войны и «глубочайшего национального унижения» Германии державами-победительницами, не будь революций в России и Германии и резкого всплеска социальной и национальной ненависти, не будь великого кризиса конца 20-х — начала 30-х гг., кто знает, может быть, он так и остался бы свободным художником или общественным деятелем очень скромного маштаба. Но всё произошло иначе.

Почему и как художник стал «вождём нации», можно объяснить. Но нет и не может быть оправдания тем бедам и страданиям, которые принёс этот вождь человечеству.

Печи крематория на территории гитлеровского концлагеря Освенцим. Польша. 1945 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

20 ноября 1945 г. в Нюрнберге начал работу Международный трибунал над главными нацистскими военными преступниками. До этого несколько месяцев представители держав — победительниц во Второй мировой войне (СССР, США, Англия и Франция) тщательно изучали документы германских ведомств, опрашивали свидетелей нацистских преступлений.

И вот обвиняемых ввели в зал заседания...

Человек, занявший крайнее слева место в первом ряду на скамье подсудимых, мало чем напоминал свои прежние изображения на парадных портретах. Когда-то его грудь, увешанную орденами, сравнивали с витриной ювелирного магазина. Теперь он предстал перед Международным трибуналом сильно похудевшим, без погон и орденов. Долгие годы он был вторым после Гитлера человеком в нацистской иерархии, считался его официальным преемником. Звали этого человека Герман Вильгельм Геринг, бывший рейхсмаршал, бывший президент нацистского рейхстага, бывший командующий военно-воздушными силами Германии.

Перед трибуналом Геринг держался в достаточной мере твёрдо. «Я защищаю своё лицо, а не свою голову», — сказал он однажды. Шанс избежать смертного приговора был настолько мал, что «номер два», видимо, по-настоящему заботился уже только о том, какую память он оставит о себе в истории.

Своей биографией Геринг отличался от других подсудимых. Он родился в 1893 г. в Баварии в семье бывшего наместника крупнейшей немецкой колонии — Германской Юго-Западной Африки. Геринги были состоятельными людьми, владели двумя замками в Баварии и Австрии.

Первую мировую войну Геринг встретил в звании лейтенанта пехоты, затем перешёл в авиацию, летал на самолёте-разведчике, бомбардировщике, наконец стал лётчиком-истребителем. За боевые заслуги и храбрость был отмечен многими наградами, в том числе высшими германскими орденами того времени. Как одному из лучших лётчиков кайзеровской Германии ему было поручено командование известной в то время эскадрильей Рихтхофена.

Тогда он был очень популярен в Германии, его фотографии не сходили со страниц иллюстрированных журналов. Но в 1918 г. война закончилась, и «красавчик Герман» был занесён державами-победительницами в список военных преступников. Оказалось, что его эскадрилья сбрасывала бомбы на мирные города.

Как и многие офицеры-фронтовики, Геринг не принял революцию в Германии (ноябрь 1918 г.), свергнувшую кайзера Вильгельма II и провозгласившую буржуазно-демократическую республику. Капитуляцию перед Антантой нового германского социал-демократического правительства он объявил позорным актом предательства. Геринг категорически отказался служить в республиканской германской армии (рейхсвере) и уехал в Данию, а оттуда в Швецию, где зарабатывал на жизнь демонстрационными полётами по заказам германских авиастроительных фирм.

В 1921 г. Геринг вернулся в Германию. В Мюнхене он познакомился и близко сошёлся с Гитлером, который поручил ему руководить формирова-

нием штурмовых отрядов. На этом поприще Геринг очень преуспел. Во время гитлеровского путча в Мюнхене 8—9 ноября 1923 г. он возглавил одну из колонн путчистов и в стычке с полицией был тяжело ранен. Ареста ему удалось избежать — жена и друзья сумели вывезти его в Австрию. Там он полтора месяца пролежал в госпитале. Чтобы снять сильные боли, которые причиняла ему рана, врачам пришлось колоть ему морфий, в результате чего у Геринга развилась потребность в наркотиках, избавиться от которой ему стоило в дальнейшем огромных усилий.

Обвинённый в государственной измене, Геринг решил не возвращаться в Германию. Однако когда осенью 1927 г. Гинденбург, избранный незадолго до этого президентом Германии, объявил политическую амнистию, Геринг сразу же отправился в Баварию и вновь установил тесный контакт с Гитлером. Тот поручил ему обеспечить партии поддержку ведущих промышленных и политических кругов.

В столице Геринг развил бурную деятельность. В отличие от других нацистов, пытавшихся «завоевать Берлин» на митингах и в уличных потасовках, он действовал на приёмах и в салонах. Происхождение, воспитание, эрудиция, связи — всё это выгодно отличало его от других нацистских лидеров. Герингу удалось завязать тесные отношения с ведущими промышленниками и банкирами и использовать эти связи в интересах Гитлера и НСДАП.

В 1928 г. он избран депутатом рейхстага от нацистской партии. Умелый организатор, хороший оратор, искусный тактик, он внёс огромный вклад в завоевание нацистами власти и установление диктатуры НСДАП. Очень быстро оттеснив всех своих политических конкурентов в партии, Геринг вскоре становится правой рукой Гитлера.

С именем Геринга связано много мрачных страниц в истории нацистского режима. Процесс против коммунистов в связи с поджогом рейхстага, создание концентрационных лагерей и нацистской службы безопасности, физическое уничтожение руководства штурмовиков летом 1934 г., конфискация еврейской собственности, обложение еврейского населения Германии контрибуцией после погромов, состоявшихся в ноябре 1938 г., руководство экономической подготовкой к войне, командование германской авиацией, преступно разрушавшей мирные города, ограбление оккупированных стран — за всё это и многое другое Геринг нёс личную ответственность.

В отличие от многих фигур, составлявших окружение Гитлера, Геринг не был твердолобым нацистским догматиком. Это, однако, не мешало ему всегда беспрекословно выполнять волю фюрера. И Гитлер высоко ценил его заслуги. 1 сентября 1939 г., в день объявления Германией войны Польше, он назначил его своим официальным преемником, а 19 июля 1940 г. за вклад, внесённый авиацией Геринга в разгром Франции, присвоил ему специально для него введённое высшее воинское звание рейхсмаршала. Однако затем позиции Геринга в нацистском руководстве начали постепенно ослабевать. Происходило это в основном из-за военных неудач руководимых им военно-воздушных сил.

К тому же против Геринга всё активнее плели интриги Геббельс, Гиммлер и Борман, каждый из которых метил на место преемника фюрера. В результате его престиж в глазах Гитлера, членов партии и населения страны начал падать. Геринг всё чаще давал повод для критики в свой адрес. Рейхсмаршал вновь начал употреблять наркотики, что не могло не сказаться на его качествах политика и личности. Тяга к роскоши, которая была присуща ему и раньше, приобретала всё более безобразные формы. Богатые виллы, заполненные награбленными произведениями искусства, немыслимые туалеты, менявшиеся по три раза в день, скупка ювелирных изделий — всё это выглядело чудовищно на фоне бедствий, которые принесла немецкому народу «тотальная война». Бывший ас превратился в алчного стяжателя, а его соперники, уже не стесняясь, заявляли, что он своим моральным разложением позорит национал-социалистическое движение.

В конце апреля 1945 г., когда Берлин был окружён Красной Армией и бои развернулись на его улицах, Геринг вылетел в Баварию и оттуда предпринял попытку вступить в переговоры с американцами. У рейхсмаршала возникла бредовая идея, что он сможет добиться сепаратного мира с западными державами и вместе с ними нанести удар по Красной Армии. Но замыслы Геринга сорвали не американцы, а Гитлер, приказавший эсэсовцам арестовать предателя. От расправы СС рейхсмаршала спасли верные ему офицеры «люфтваффе», к которым он обратился за помощью. 9 мая он добровольно сдался американскому командованию.

...Рядом с Герингом на скамье подсудимых сидел ещё один преданный фюреру человек — Рудольф Гесс. Поведение на суде этого нацистского вожака никак не вязалось с его внешним обликом. Рослый, атлетически сложенный, с тяжёлым взглядом глубоко посаженных глаз, он то изображал из себя душевнобольного и демонстративно пытался покончить с собой, то ссылался на полную потерю памяти. По требованию суда медики тщательно обследовали подсудимого и сделали вывод, что его действия носят «сознательно-намеренный симулятивный характер». После этого Гессу ничего не оставалось, как отказаться от версии об умопомрачении.

Гесс родился в 1894 г. в Александрии в семье немецкого торговца. Детство он провёл в Египте, потом учился в коммерческих училищах в Швейцарии и Германии. Во время Первой мировой войны добровольцем ушёл на фронт и служил в одном полку с Гитлером, был несколько раз ранен и дослужился до звания лейтенанта пехоты. В конце войны перешёл служить в авиацию. После войны Гесс решил продолжить коммерческое

образование и для этого переселился в Мюнхен. Здесь он подпал под влияние праворадикальных кругов и вновь встретился с Гитлером. В 1920 г. вступил в НСДАП. Он искренне преклонялся перед Гитлером и уже в начале 20-х гг. начал создавать вокруг него культ «великого вождя германской нации».

Гесс играл активную роль в путче 1923 г. (см. ст. «Адольф Гитлер»). Ему был поручен захват в качестве заложников нескольких руководителей Баварской республики. После подавления путча он бежал в Австрию, однако вскоре возвратился и был арестован. Его поместили в тюрьму Ландсберг, в которой находился и Гитлер. В тюрьме Гесс, обладавший навыками стенографирования, писал под диктовку Гитлера рукопись его будущей книги «Майн кампф» («Моя борьба»), в неё вошли и многие мысли самого Гесса. С этого времени он стал по сути дела выполнять при Гитлере обязанности личного секретаря.

В 1932 г. фюрер поручил своему верному помощнику и последователю руководство только что созданной центральной партийной комиссией НСДАП, а в 1932 г. назначил его своим заместителем по партии. Как руководитель партийной канцелярии Гесс в том же году получил портфель министра.

В фашистской Германии власть Гесса, нациста «номер три», также официального преемника Гитлера (после Геринга), была огромной. От имени Гитлера Гесс заправлял всеми делами нацистской партии. Специальным указом Гитлера на него был возложен контроль за всей деятельностью фашистского правительства и других государственных органов. Ни одно распоряжение правительства, ни один закон рейха не имели силы, пока их не подписывали Гитлер или Гесс. Гессу было доверено принимать решения от имени фюрера, он был объявлен «полновластным представителем фюрера», а его канцелярия — «канцелярией самого фюрера». С ним Гитлер обсуждал все вопросы, касавшиеся как внутренней, так и внешней политики, и за все преступления нацизма Гесс нёс ответственность в такой же мере, как Гитлер и Геринг.

Гитлер полностью доверял Гессу. Поэтому, готовясь к нападению на СССР, он именно ему поручил секретную миссию особой важности — добиться перемирия с англичанами. 10 мая 1941 г. Рудольф Гесс тайно вылетел в Великобританию на специально оборудованном самолёте-истребителе. Однако эта миссия оказалась безуспешной. Англичане отвергли германские предложения, а о прилёте Гесса в Англию стало известно мировой общественности. Гитлеру ничего не оставалось делать, как объявить своего заместителя по партии сумасшедшим. В Англии Гесс был подвергнут аресту, а после завершения войны, осенью 1945 г., его доставили в Нюрнберг, где он предстал перед Международным трибуналом, судившим главных нацистских преступников.

Следующим в списке подсудимых в Нюрнберге был Иоахим фон Риббентроп, бывший министр иностранных дел нацистской Германии.

На заседаниях Международного трибунала Риббентроп держался очень скромно и даже заискивающе, первым вскакивал с места, когда в зал входили судьи. Он всем своим видом показывал, как подавлен масштабами страданий, выпавших на долю человечества из-за преступной политики нацизма. Но стоило обвинителю напомнить бывшему министру о его личной ответственности, как он тут же принимал позу безвинно оклеветанного человека.

Риббентроп родился в 1893 г. в Рейнской области в семье офицера. После отставки отца в 1908 г. будущий рейхсминистр жил в Швейцарии, работал в Англии, США и Канаде. Это дало ему определённый кругозор, жизненный опыт и отличное знание французского и английского языков, что в нём впоследствии так ценил Гитлер.

С началом Первой мировой войны Риббентроп оставил все свои дела в Америке, где возглавлял небольшое экспортно-импортное предприятие по торговле вином, и вернулся в Германию. Вступил добровольцем в гусарский полк, участвовал в боях на Восточном и Западном фронтах, был ранен, награждён железным крестом первого класса и дослужился до звания обер-лейтенанта. В конце войны Риббентропа некоторое время использовали на дипломатической службе.

В 1919 г. Риббентроп занялся коммерцией. Выгодный брак с дочерью крупнейшего германского производителя шампанского Отто Хенкеля открыл перед ним широкие перспективы. К 1925 г. Риббентроп был уже преуспевающим бизнесменом. Его роскошный берлинский особняк охотно посещали промышленники, политики, журналисты и деятели культуры. До 1930 г. Риббентроп не занимался политикой, хотя и симпатизировал консервативным партиям. Однако по мере обострения экономического и политического кризиса, охватившего Германию с конца 20-х гг., он стал всё больше склоняться к НСДАП. С 1930 г. в доме Риббентропа частыми гостями стали Гитлер, Геринг, Гиммлер и другие нацистские вожаки, а в мае 1932 г. он сам вступил в НСДАП. В январе 1933 г. Риббентроп сыграл исключительно важную роль в обеспечении прихода нацистов к власти. В его доме велись переговоры о назначении Гитлера рейхсканцлером между лидерами НСДАП, с одной стороны, и представителями президента Гинденбурга и правых буржуазных партий — с другой. Сам Риббентроп в этих сложных переговорах нередко брал на себя роль посредника.

За свои успехи он рассчитывал получить высокий пост в министерстве иностранных дел Германии. И он его получил. Спустя некоторое время после прихода к власти Гитлер создал специальный внешнеполитический орган НСДАП, который должен был действовать параллельно с министерством иностранных дел. Во главе его он поста-

вил Риббентропа, а сам этот орган получил название «бюро Риббентропа». Бюро постепенно пополнялось людьми из СС, а Риббентроп, близко друживший с Гиммлером, со временем получил очень высокий чин обергруппенфюрера (генерала) СС.

В 1936 г. Риббентроп был назначен послом в Великобритании, а в феврале 1938 г. — министром иностранных дел Германии. С этого времени он играл важную роль в претворении в жизнь агрессивных планов «третьего рейха». Не было ни одной преступной акции германской военщины, в подготовке и содействии которой методами дипломатии Риббентроп не принимал бы участия. Присоединение к Германской империи Австрии и Чехии, нападение на Польшу, оккупация Дании и Норвегии, Бельгии и Голландии, разгром Франции, нападение на Югославию и Грецию, агрессия против СССР, сколачивание агрессивных блоков, экономическое ограбление оккупированных стран — мера личной ответственности Риббентропа за все эти преступления была огромной.

Мрачную роль сыграло возглавляемое им министерство в уничтожении евреев в оккупированных и находившихся в союзе с нацистской Германией странах. В частности, весной 1943 г. Риббентроп настойчиво требовал от венгерского регента Хорти, чтобы тот «довёл до конца» антиеврейские мероприятия в Венгрии. «Евреи должны быть истреблены или сосланы в концентрационные лагеря — другого варианта не существует», — подчёркивал Риббентроп.

Не менее преступны были и другие, эсэсовские дела министра иностранных дел Германии. Он, например, выговаривал итальянскому послу за недостаточную жёсткость в борьбе с партизанами и настойчиво советовал поголовно «уничтожить банды, включая мужчин, женщин и детей, чьё существование угрожает жизни немцев и итальянцев». Не было сомнений у Риббентропа и в вопросе о судьбе сбитых в небе Германии английских и американских лётчиков. Он категорически настаивал на том, чтобы всех их линчевали на месте.

В первые дни мая 1945 г. Риббентропу удалось скрыться. Он направился в Гамбург, где снял комнату в ничем не примечательном доме под носом у английского военного управления и повёл жизнь безобидного обывателя. В Гамбурге обитал бывший компаньон Риббентропа, и с его помощью беглый рейхсминистр рассчитывал обеспечить себе надёжное укрытие. Однако сын компаньона сообщил оккупационным властям о его появлении в городе, и 14 июня 1945 г. Риббентропа арестовали.

На скамье подсудимых в Нюрнберге кроме Геринга, Гесса и Риббентропа находились ещё около двух десятков нацистских политиков, дипломатов и военных, игравших ключевую роль в жизни, а значит, и преступлениях «третьего рейха».

Рядом с Риббентропом сидел генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель — типичный представитель прусской военщины, начальник штаба верховного командования Германии. Именно он отдавал приказы войскам не церемониться с мирным населением стран, подвергшихся нападению вермахта, расстреливать на месте всех, кто оказывает сопротивление, а также комиссаров и евреев.

Министр иностранных дел Германии Риббентроп и министр иностранных дел Италии Чиано. 1939 г.

Следующий за ним — Эрнст Кальтенбруннер, обергруппенфюрер СС, начальник главного имперского управления безопасности (РСХА) и полиции безопасности, ближайший помощник Гиммлера. Из его кабинета шли директивы об уничтожении миллионов людей в лагерях смерти, о преследовании всех противников нацизма.

За Кальтенбруннером — Альфред Розенберг, заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов нацистской партии, имперский министр по делам оккупированных восточных территорий, один из «идейных столпов» национал-социализма.

Рядом с ним — Ганс Франк, рейхсляйтер НСДАП по правовым вопросам, имперский министр юстиции, генерал-губернатор Польши. В своё время он был адвокатом Гитлера на судебном процессе в Мюнхене после провала путча 1923 г.

Бок о бок с Франком — Вильгельм Фрик, один из старейших деятелей нацистской партии, руководитель её фракции в рейхстаге ещё до захвата Гитлером власти, потом министр внутренних дел нацистского правительства. Он руководил разработкой варварских расовых законов, послуживших «юридической» базой для преследования и уничтожения целых народов.

За Фриком — Юлиус Штрейхер, гауляйтер, один из создателей НСДАП и идеолог антисемитизма.

Далее Вальтер Функ — имперский министр экономики, президент рейхсбанка и генеральный уполномоченный по военной экономике. Под его руководством ковалось оружие для вермахта, а его рейхсбанк принимал на хранение золотые кольца и зубные коронки, снятые с жертв концентрационных лагерей.

Рядом с ним — Яльмар Шахт, политический представитель германских монополий и банков при Гитлере. Без денег, которые германские промышленники и банкиры передавали через этого человека в кассу НСДАП, не было бы, пожалуй, ни нацистской диктатуры, ни вооружённого до зубов вермахта, ни Второй мировой войны.

Не менее представителен и второй ряд подсудимых.

Гросс-адмиралы Карл Дениц и Эрих Редер — государственные пираты, поправшие все морские законы и обычаи, отдававшие приказы топить гражданские суда.

Рядом — Бальдур фон Ширах, организатор и руководитель нацистской молодёжной организации «Гитлерюгенд», гауляйтер НСДАП и имперский наместник в Вене.

Следующий за ним — Фриц Заукель, обергруппенфюрер СС, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, загнавший миллионы людей из оккупированных стран на принудительные работы в Германию и делавший всё, чтобы почти каждый из угнанных вырабатывался до смерти.

За ним — Альфред Йодль, генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооружённых сил, и Франц фон Папен, бывший рейхсканцлер, открывший Гитлеру путь к власти, а затем германский посол в Австрии и Турции.

По соседству с Папеном — Артур Зейсс-Инкварт, видный деятель нацистской партии, имперский наместник в Австрии, заместитель генерал-губернатора Польши, имперский уполномоченный по оккупированным Нидерландам, человек, топивший в крови польское и голландское освободительные движения.

За ним — Альберт Шпеер, близкий друг Гитлера, имперский министр вооружений и боеприпасов, создавший для германской армии новые виды оружия и руководивший работами по созданию ракетного и ядерного оружия.

И ещё двое — Константин фон Нейрат и Ганс Фриче. Первый до 1938 г. был министром иностранных дел Германии и помогал Гитлеру делать самые первые шаги в его агрессивной внешней политике, а затем являлся нацистским протектором Богемии и Моравии. Второй занимал пост заместителя рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса, руководил радиопропагандой в «третьем рейхе».

Но не все нацистские деятели, которым могло быть предъявлено обвинение в военных преступлениях и преступлениях против человечества, находились в зале. Гитлер и Геббельс покончили

Вильгельм Кейтель.

жизнь самоубийством в бункере под зданием имперской канцелярии: первый — 30 апреля, второй — 1 мая 1945 г. Избежал суда Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС, одна из самых зловещих фигур нацистского режима, отравившийся 23 мая 1945 г. цианистым калием. Во время следствия в нюрнбергской тюрьме повесился Роберт Лей — один из лидеров НСДАП, руководитель нацистского «трудового фронта».

Не оказалось на скамье подсудимых и Мартина Бормана, секретаря и ближайшего советника Гитлера, возглавившего после полёта Гесса в Англию партийную канцелярию НСДАП. Борману приговор был вынесен заочно. Долгие годы считалось, что ему удалось бежать из Германии и скрыться где-то за границей. Лишь в начале 70-х гг. были получены убедительные доказательства, что вырваться из окружённого Берлина он так и не смог и 2 мая 1945 г. покончил жизнь самоубийством (как и многие нацистские главари, с помощью цианистого калия) под Мостом инвалидов в Берлине.

1 октября 1946 г. Международный трибунал в Нюрнберге закончил свою работу и вынес приговор подсудимым: 12 из них были приговорены к смертной казни через повешение (Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Йодль, Зейсс-Инкварт, Борман), 3 — к пожизненному заключению (Гесс, Функ, Редер). Дениц, Ширах, Шпеер и Нейрат получили от 10 до 20 лет тюремного заключения, а Шахт, Папен, Фриче, несмотря на возражения советских судей, были оправданы.

В оправдании Шахта исключительную роль сыграли его тесные связи с американскими промыш-

ПОДЖОГ РЕЙХСТАГА

27 февраля 1933 г. в 21.00 24-летний голландский анархист Маринус ван дер Люббе проник в рейхстаг и с помощью специальных зажигательных устройств в нескольких местах поджёг большой зал заседаний. Огонь быстро охватил помещение, и прибывшие через полчаса на место происшествия пожарные уже не смогли справиться с пламенем, взметнувшимся до самого купола здания. Гитлер и другие нацистские главари тут же объявили поджог рейхстага делом рук коммунистов, которые хотели якобы этой акцией дать сигнал к восстанию против нацистского правительства. По заранее заготовленным спискам сразу же было арестовано около 4 тыс. ведущих деятелей Коммунистической партии Германии, а сама КПГ была лишена всех депутатских мандатов в рейхстаге. Вслед за этим начались массовые аресты рядовых коммунистов. КПГ была практически полностью разгромлена. Те из её членов, кто уцелел и не смирился с нацизмом, перешли на нелегальное положение и повели борьбу в подполье.

Кому был выгоден поджог рейхстага? Планомерный разгром после него партии коммунистов — главного противника НСДАП говорит о том, что он отвечал прежде всего интересам нацистского руководства. Неоднократно высказывалось мнение, что сами нацисты и устроили этот поджог, использовав ван дер Люббе лишь как подставную фигуру. В пользу этого говорит и тот факт, что из резиденции Геринга в рейхстаг вёл подземный ход, которым могли воспользоваться для провокации. Да и трудно себе представить, чтобы один человек мог поджечь такое огромное здание. Однако в ходе процесса о поджоге рейхстага, проходившего в Лейпциге в сентябре — декабре 1933 г., ни нацистские главари, ни коммунисты, находившиеся на скамье подсудимых, не смогли привести убедительных доказательств того, что ван дер Люббе действовал не в одиночку: нацисты не смогли доказать причастности коммунистов, коммунисты — участия нацистов. После войны вопрос о поджоге рейхстага тщательно расследовался международной комиссией во главе с известным швейцарским историком В. Хофером, но и она не сумела опровергнуть версию об единоличной ответственности голландского анархиста.

Процесс о поджоге рейхстага нацистская верхушка попыталась превратить в показательный суд над германскими коммунистами и деятелями Коммунистического Интернационала, находившимися в то время в Германии (Георгий Димитров и др.). На этом суде главным свидетелем выступал Геринг. Однако замыслы нацистов провалились. Димитров и его товарищи не только опровергли все выдвигавшиеся против них обвинения, но и использовали судебное заседание для разоблачения нацизма. Суд был вынужден полностью их оправдать.

Ван дер Люббе был вынесен смертный приговор. 10 января 1934 г. нацисты привели его в исполнение. В послевоенное время дело ван дер Люббе несколько раз рассматривалось западногерманскими судами. В 1967 г. было, наконец, признано, что наказание было чересчур суровым.

ленниками и банкирами, а также стремление западных судей снять с «капитанов индустрии» ответственность за возникновение войны. Если бы Шахт был осуждён, он наверняка поведал бы общественности о роли американского капитала в вооружении Германии накануне войны и о тех связях, которые поддерживались германскими и американскими монополиями уже во время войны.

Что касается Фриче и Папена, то в сравнении с другими подсудимыми их вина была значительно меньше и им не могли быть инкриминированы тягчайшие военные преступления и заговор против мира и человечества. Фриче был в общем-то мелкой сошкой в нацистском политическом аппарате, а Папен, представитель консервативной прусской элиты, не состоял в НСДАП. Немаловажную роль в оправдании Папена сыграли, по-видимому, также его тесные связи с промышленными кругами и Католической Церковью. Известно, в частности, что перед Нюрнбергским процессом Папа римский ходатайствовал перед американским судьёй за Папена.

16 октября того же года смертные приговоры, вынесенные Международным трибуналом, были приведены в исполнение. Повешения избежал лишь Геринг. За два часа до казни он покончил жизнь самоубийством с помощью цианистого калия, неизвестно кем и как переданного ему в тюрьму.

Осуждённые, избежавшие смертного приговора, были помещены в берлинскую тюрьму Шпандау. Однако уже в 1954 г. был помилован Нейрат, а в 1957—1958 гг. — осуждённые на пожизненное заключение Функ и Редер. В 1956 г. вышел на свободу, отбыв свой срок, Дениц, а в 1966 г. были освобождены Шпеер и Ширах. В тюрьме остался один Рудольф Гесс. Вокруг него в последующие годы развернулась острая политическая борьба. Правые силы в ФРГ и других западных странах стали настойчиво требовать его помилования. Однако державы-победительницы отказались смягчить приговор. Гесс пробыл в тюрьме вплоть до своей кончины 17 августа 1987 г. С его смертью закрылась последняя страница жизни политических лидеров «третьего рейха».

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

Йозеф Геббельс являлся одним из наиболее фанатичных последователей Гитлера. Как политический лидер, оратор и человек, способный подчинять своему влиянию других, он, по свидетельству современников, мало в чём уступал Гитлеру. Тем не менее в национал-социалистическом движении Геббельс никогда не претендовал на роль вождя. Себе он отводил место подле фюрера и на ступеньку ниже его, считая себя лишь слугой, глашатаем воли и пропагандистом идей «великого вождя».

Геббельс родился в 1897 г. в простой семье. Его отец был бухгалтером. Человек очень набожный, он хотел, чтобы сын стал священником. Однако сам Геббельс предпочёл изучение философии и литературы и мечтал о карьере писателя или журналиста. Но на этом поприще его постигла неудача. Хотя Геббельс приобрёл учёную степень доктора, защитив в 1921 г. диссертацию, посвящённую романтической драме, его собственные произведения редакторами либеральных издательств и газет раз за разом отвергались.

Маленького роста, хромоногий (Геббельс с самого рождения был инвалидом), с комплексом

неполноценности и ущемлённым самолюбием, будущий рейхсминистр нашёл выход своей энергии в политике. Первоначально он примкнул к «левому» крылу НСДАП. Однако Гитлеру удалось перетянуть Геббельса на свою сторону и превратить его в верного союзника. В 1926 г. он направил его в Берлин в качестве главного нацистского агитатора. В 1930 г. Геббельс уже назначен имперским руководителем пропаганды НСДАП и главным редактором нацистской газеты «Дер Ангрифф». Двумя годами раньше его избрали депутатом рейхстага от нацистской партии.

После установления в 1933 г. гитлеровской диктатуры на Геббельса был возложен контроль за пропагандой, народным образованием, наукой, культурой и прессой «третьего рейха». Именно он отвечал за мобилизацию немецкого народа на поддержку программных установок и политики НСДАП и за психологическую подготовку нации к войне. В 1944 г. Геббельс был назначен также генеральным уполномоченным по мобилизации немецкого народа на «тотальную войну». Геббельс нёс всю полноту ответственности за «аризацию» культурной жизни Германии, т. е. за вытеснение из неё лиц еврейской национальности. Под руководством Геббельса создавался и внедрялся в широкие слои населения культ германского «суперчеловека», проповедовалась расовая и национальная ненависть, оправдывались нацистские преступления.

29 апреля 1945 г. Гитлер в политическом завещании назначил Геббельса своим преемником на посту рейхсканцлера. В этой должности тот пробыл чуть больше суток (с 15.30 30 апреля до 21.00 1 мая 1945 г.). Утром 1 мая Геббельс направил своего парламентёра к генералу Чуйкову с письмом на имя Сталина. В нём сообщалось о смерти Гитлера и предлагалось заключить на территории Берлина перемирие, которое было бы использовано немцами для создания нового правительства и принятия решения по вопросу о войне. Советское правительство вполне обоснованно отказалось вести переговоры на такой основе и потребовало безоговорочной капитуляции.

«Акта о капитуляции за моей подписью не будет!» — заявил Геббельс, когда ему сообщили о советских требованиях. Он и его жена Магда решили последовать примеру Адольфа Гитлера и Евы Браун. В тот же день они отравили шестерых своих детей, а затем сами приняли яд.

ГЕНРИХ ГИММЛЕР

21 мая 1945 г. близ города Бремерверде английский военный патруль задержал в толпе беженцев, двигавшейся на запад, некоего Генриха Хицингера, сотрудника германской тайной полевой полиции. Человек с чёрной повязкой на левом глазу привлёк к себе внимание тем, что у него оказалось новенькое, словно только вчера выданное удостоверение личности. Задержанного направили в лагерь и подвергли допросу, затем ещё одному и ещё одному. Наконец он не выдержал. Медленно сняв повязку, «Хицингер» надел очки и представился: «Генрих Гиммлер. Требую доставить меня к фельдмаршалу Монтгомери!».

Гиммлеру пообещали доложить о нём, куда следует, и обыскали. В кармане куртки нашли ампулу с цианистым калием. После этого его поместили в камеру.

Вечером 23 мая в лагерь прибыл высокопоставленный представитель британской разведки, чтобы допросить Гиммлера. Он распорядился ещё раз обыскать задержанного. В одежде и на теле яда спрятано не было. Тогда офицер приказал осмотреть рот арестованного. Однако Гиммлер открыть рот отказался. В ответ на повторную просьбу он, наоборот, сильно сжал челюсти. Что-то хрустнуло, и Гиммлер упал как подкошенный. Вторая ампула с ядом была спрятана во рту. Так окончил свою жизнь Генрих Гиммлер...

Рейхсфюрер СС Гиммлер в Испании.

Гиммлер родился в 1900 г. в Мюнхене в семье учителя гимназии. В 1918 г. он добровольцем пошёл в армию, но на фронт так и не попал. После войны, в 1922 г. закончил сельскохозяйственный факультет Мюнхенского технического университета. Консервативно настроенный, Гиммлер уже в студенческие годы примкнул к правым организациям, а затем к НСДАП. Во время гитлеровского

путча 1923 г. он был одним из знаменосцев путчистов, однако в круг лиц, приближённых к фюреру, попал лишь после его выхода из тюрьмы Ландсберг в 1924 г.

В 1927 г. Гиммлер был назначен заместителем рейхсфюрера СС, а в 1929 г. — рейхсфюрером. Под его руководством эта организация, насчитывавшая сначала несколько сот человек и использовавшаяся для охраны фюрера, превратилась в многотысячные отборные войска нацистской партии. В 1936 г. Гитлер поручил Гиммлеру также руководство германской полицией и службами безопасности (РСХА, СД, гестапо и др.). Гиммлеровская «империя СС» стала постепенно государством в государстве.

Вся деятельность Гиммлера и подчинённых ему структур была направлена на борьбу с «врагами германской нации», на «очищение» самой нации от «расово-неполноценных элементов», а также на подрыв «жизненной силы неарийских народов», за счёт которых планировалось обеспечить немцам «новое жизненное пространство». В полной мере службы Гиммлера развернули свою деятельность с началом Второй мировой войны в Восточной Европе, целенаправленно проводя политику уничтожения евреев и славянских народов. На совести Гиммлера и его подручных были массовые казни, поставленное на «промышленную основу» уничтожение безвинных жертв.

В конце войны Гиммлер занялся оганизацией «фольксштурма» (народного ополчения) и поочерёдно (очень неудачно) командовал двумя группами войск на Восточном фронте.

В апреле 1945 г. он, как и Геринг, попытался начать переговоры с западными державами. Однако эта попытка провалилась. Гитлер, узнав об измене Гиммлера, исключил его из партии и лишил всех званий и должностей. Гиммлер, укрывшийся в северо-западной части Германии, до 23 мая 1945 г. остававшейся под контролем вермахта, попытался пробраться на запад, но ни фальшивые документы, ни маскарад с переодеванием преступнику не помогли...

Труп Гиммлера был зарыт где-то в лесу недалеко от города Люнебурга.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

О том, как она началась, сегодня известно в мельчайших подробностях. Один из очевидцев событий, американский историк немецкого происхождения, Уильям Ширер пишет: «На рассвете 1 сентября 1939 года... в воздухе ревели немецкие самолёты, заходя на свои цели — колонны польских войск, эшелоны с боеприпасами, мосты, железные дороги, незащищённые города. Через несколько минут поляки — военные и гражданские — поняли, что такое смерть, внезапно обрушивающаяся с неба. Такого в мире ещё не бывало, но последующие шесть лет это чувство познали сотни миллионов мужчин, женщин и детей в Европе и Азии. Тень этого ужаса, особенно после создания атомной бомбы, будет преследовать человечество, напоминая ему об угрозе полного уничтожения». Через два дня, 3 сентября, немецкая подводная лодка потопила британский пассажирский корабль «Атения», шедший из Англии в Канаду. Война стала свершившимся фактом...

...В России эта война называлась Великая Отечественная, о ней написано в другом томе энциклопедии. Здесь же рассказывается о том, как жил и воевал в 1939—1945 гг. остальной мир.

Вторая мировая война началась не внезапно. После Первой мировой войны в мире, особенно в Европе, оказавшейся главным театром боевых действий, накопились нерешённые экономические, социально-политические и национальные проблемы. Германия, пережившая после поражения в Первой мировой войне, по словам многих немецких политиков, национальное унижение, стремилась вернуть утраченные позиции мировой державы. Сохранялось соперничество других держав, их стремление к переделу мира. Новым фактором европейской и мировой политики стала Советская Россия (СССР), провозгласившая своей целью строительство социализма. России не верили, но не считаться с ней было невозможно.

Мировые экономические кризисы 20—30-х гг. XX в. увеличили чувство приближающейся опасности — мировой войны. Многие политические и государственные деятели в Европе, Америке и Азии искренне стремились предотвратить или хотя бы отсрочить войну. Шли переговоры о создании системы коллективной безопасности, заключались соглашения о взаимной помощи, о ненападении... И в то же время в мире постепенно, но неуклонно складывались два противостоящих блока держав. Ядро одного из них составляли Германия, Италия и Япония, откровенно стремившиеся к территориальным захватам. Англия, Франция и США, поддерживаемые большими и малыми странами, придерживались политики сдерживания, хотя понимали неотвратимость мировой войны и готовились к ней.

В 1933 г. к власти в Германии пришла национал-социалистическая партия во главе с Адольфом Гитлером, провозгласившая одной из своих целей завоевание «жизненного пространства» для немецкого народа. Западные державы пытались «договориться» с Гитлером. В сентябре 1938 г. Англия, Франция, Италия и Германия, уже захватившая Австрию, заключили в Мюнхене соглашение, позволившее немцам оккупировать Судетскую область

Чехословакии. Фашистское правительство Муссолини в Италии уже стояло на пути агрессии: были подчинены Ливия и Эфиопия, в 1939 г. — маленькая Албания, территория которой рассматривалась как исходная позиция нападения на Югославию и Грецию. В мае того же года Германия и Италия подписали так называемый «Стальной пакт» — соглашение о прямой взаимопомощи в случае войны.

Готовясь к войне, Гитлер ещё в 1938 г. отдал приказ о строительстве так называемого Западного вала — системы мощных укреплений, протянувшихся на тысячи километров от границы со Швейцарией вдоль германо-французской и германо-бельгийской границ до Голландии. Западный вал был построен прямо напротив французской оборонительной «линии Мажино», названной по имени министра обороны Франции. Немецкое командование разработало разные варианты боевых операций в Европе, включая операцию «Морской лев» — вторжение в Англию.

В августе 1939 г. между Германией и Советским Союзом было подписано соглашение о ненападении и одновременно — секретные дополнения о разделении «сфер влияния» в Восточной Европе, одним из главных пунктов которых был «польский вопрос».

Англия и Франция начали ответную войну против Германии 3 сентября 1939 г., а вслед за ними страны, входившие в состав Британской империи: Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Канада. США и Италия пока не воевали, но было очевидно, что начало всеобщей войны — вопрос времени...

С сентября 1939 г. и до весны 1940 г. в Западной Европе велась так называемая странная война. Французская армия и высадившийся во Франции английский экспедиционный корпус, с одной стороны, и немецкая армия — с другой, вяло обстреливали друг друга, не предпринимая активных действий. Затишье было ложным, так как немцы просто опасались войны «на два фронта».

Германская пехота осаждает Варшаву.

Разгромив Польшу, Германия высвободила значительные силы на Востоке и нанесла решающий удар в Западной Европе. В апреле 1940 г. немцы почти без потерь оккупировали Данию и выбросили воздушные десанты в Норвегии для захвата её столицы Осло и крупных городов и портов. Немногочисленная норвежская армия и английские войска, пришедшие на помощь, сопротивлялись отчаянно. Сражение за северный норвежский порт Нарвик продолжалось три месяца, город переходил из рук в руки. Но в июне 1940 г. союзники оставили Норвегию.

...Наступление началось в мае, когда немецкие войска, захватив Голландию, Бельгию и Люксембург, обошли с севера линию Мажино и через север Франции вышли к проливу Ла-Манш. Здесь, у портового города Дюнкерк, развернулось одно из самых драматических сражений начального периода войны. Англичане стремились спасти оставшиеся на континенте войска. После кровопролитных боёв на английский берег переправились 215 тыс. англичан и 123 тыс. отступавших с ними французов и бельгийцев...

...Теперь немцы, развернув дивизии, стремительно двигались к Парижу. 14 июня в город, который покинула бóльшая часть его жителей, вошла немецкая армия. Официальная Франция капитулировала. По условиям соглашения от 22 июня 1940 г. страна оказалась разделённой на две части: на севере и в центре хозяйничали немцы, действовали оккупационные законы, югом управляло из городка Виши правительство Петэна, целиком зависевшее от Гитлера. В это же время началось формирование войск «Сражающаяся Франция» под командованием находившегося в Лондоне генерала де Голля, решивших бороться за освобождение своей родины.

Теперь в Западной Европе у Гитлера оставался один серьёзный противник — Англия. Ведение войны против неё значительно осложнялось её островным положением, наличием сильнейшего военно-морского флота и мощной авиации, а также многочисленных источников сырья и продовольствия в заморских владениях. Ещё в 1940 г. германское командование всерьёз думало о проведении десантной операции в Англии, однако начавшаяся подготовка к войне с Советским Союзом требовала концентрации сил на Востоке. Поэтому Германия делает ставку на ведение против Англии воздушной и морской войны. Первый крупный налёт на британскую столицу Лондон немецкие бомбардировщики совершили 23 августа 1940 г. Впоследствии бомбёжки становились всё более ожесточёнными, а с 1943 г. немцы начали обстреливать английские города, военные и промышленные объекты летающими снарядами с оккупированного побережья Континентальной Европы. Потери с обеих сторон были очень велики, особенно страдали английские города. Немцы утверждали, что бомбардировки являлись «ответной мерой», так как англичане якобы первыми начали бомбить Германию.

Летом и осенью 1940 г. заметно активизировалась фашистская Италия. В разгар немецкого наступления во Франции правительство Муссолини объявило войну Англии и Франции. В сентябре того же года в Берлине подписан документ о создании между Германией, Италией и Японией тройственного военно-политического союза. Месяц спустя итальянские войска при поддержке немцев вторглись в Грецию, а в апреле 1941 г. — в Югославию. Англичане высадили в Греции десант, но потерпели неудачу. Болгария вынужденно присоединилась к тройственному союзу. В результате к лету 1941 г., ко времени нападения на Советский Союз, под контролем Германии и Италии находилась бóльшая часть Западной Европы; среди крупных стран нейтральными оставались Швеция, Швейцария, Испания и Португалия.

В 1940 г. началась широкомасштабная война и на Африканском континенте. В планы Гитлера входило создание там на основе бывших владений Германии (Камерун, Того, Юго-Западная и Восточная Африка) и Бельгийского Конго, с его богатейшими рудными и минеральными запасами, колониальной империи. В её состав должны были также войти Французская Экваториальная Африка, Нигерия, Северная Родезия и Кения. Южно-Африканский Союз предполагалось превратить в профашистское зависимое государство, а остров Мадагаскар — в резерват для изгоняемых из Европы евреев.

Италия же рассчитывала расширить свои владения в Африке за счёт значительной части Египта, Англо-Египетского Судана, Французского и Британского Сомали. Вместе с ранее захваченными Ливией и Эфиопией они должны были войти в состав «великой Римской империи», о создании которой мечтали итальянские фашисты.

В Эфиопии сопротивление фашистскому режиму не прекращалось. Многие итальянские опорные пункты оказались блокированы партизанами. Тысячи людей бежали в соседние британские владения Кению и Судан в надежде на военную поддержку Англии и возвращение на родину с оружием в руках. В июне 1940 г. в Судан прибыл из эмиграции император Эфиопии Хайле Селассие и возглавил вооружённую борьбу за освобождение своей страны.

В июне 1940 г. итальянцы начали наступление против англичан в Ливии и Северо-Восточной Африке. Около двух третей итальянских войск составляли африканские колониальные части и вспомогательные отряды. Попытки итальянцев организовать с территории Эфиопии наступление в глубь Судана и Кении успеха не принесли. Только в Британском Сомали им удалось в августе 1940 г. вытеснить значительно уступавшие им по численности африканские и индийские части через пролив в британскую колонию Аден.

В сентябре 1940 — январе 1941 г. сорвалось итальянское наступление, предпринятое с целью захвата порта Александрии в Египте и Суэцкого канала. Перейдя в контрнаступление, английская армия «Нил» нанесла итальянцам сокрушительное поражение на территории Ливии, их потери только пленными составили свыше 130 тыс. солдат и офицеров.

В январе — марте 1941 г. английские регулярные и колониальные войска разгромили итальянскую группировку в Сомали. В Эфиопии партизаны перерезали важнейшие дороги. В итальянских колониальных войсках началось массовое дезертирство, отдельные части в полном составе переходили на сторону партизан. В апреле 1941 г. английские и южноафриканские войска и партизаны вошли в столицу Эфиопии Аддис-Абебу. Итальянцы были полностью разбиты.

Это вынудило немецкое командование в начале 1941 г. перебросить в Северную Африку, в Триполи, экспедиционный корпус Роммеля, одного из самых способных военачальников Германии. В конце марта 1941 г. Роммель, прозванный впоследствии Лисом Пустыни за умелые действия в Африке, перешёл в наступление и через две недели достиг египетской границы. Англичане потеряли многие опорные пункты, сохранив только крепость Тобрук, защищавшую путь в глубь страны, к Нилу. Завязались тяжелейшие бои. К началу 1942 г. англичанам удалось снять осаду с Тобрука. Однако в январе 1942 г. Роммель внезапно перешёл в наступление, и в июне 1942 г. крепость пала, а 33 тыс. её защитников попали в плен. Это был последний успех немцев. Сконцентрировав подкрепления и перерезав неприятельские пути снабжения от Средиземного моря, англичане освободили территорию Египта.

К этому времени в войну вступили Соединённые Штаты Америки, и соотношение сил начало меняться. Высаженный в ноябре 1942 г. крупный англо-американский десант в Северной Африке был неожиданностью для немцев. К маю 1943 г. они потеряли почти всю Ливию, а вскоре капитулировали в Тунисе. Союзники взяли в плен около 250 тыс. человек, в том числе почти 140 тыс. немцев. Для Гитлера поражение в Северной Африке стало, как утверждали впоследствии немецкие генералы, второй военной катастрофой после Сталинграда.

Активные бои велись и в тропической части континента. Французская Экваториальная Африка стала опорной базой «Свободной Франции», созданной де Голлем. В сформированных на африканской земле отрядах сражались французы и африканцы. Деголлевцы принимали активное участие в боевых действиях в Северной Африке, Эфиопии, помогали англичанам освобождать в 1942 г. остров Мадагаскар — базу снабжения японских подводных лодок в Индийском океане. Африканские части воевали на стороне союзников во Франции и Италии, Бельгии и Сирии, в Бирме... В общей сложности в армиях союзников в годы войны сражались около 2 млн африканцев, сотни тысяч служили в различных вспомогательных частях. Всё это — малоизвестные факты истории Второй мировой войны.

Нападение гитлеровской Германии на СССР изменило военно-политическую расстановку в мире. Сделали свой выбор США, стремительно выходившие на передовые позиции во многих отраслях хозяйства, особенно в военно-промышленном производстве. Правительство Франклина Рузвельта заявило о намерении оказать поддержку СССР и другим странам антигитлеровской коалиции всеми имеющимися в его распоряжении средствами. 14 августа 1941 г. Рузвельт и Черчилль подписали знаменитую Атлантическую хартию — программу целей и конкретных действий в борьбе против германского фашизма. По мере того как война распространялась по миру, всё острее становилась борьба за источники сырья и продовольствия, за контроль над морскими перевозками в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. С первых дней войны союзникам, прежде всего Англии, удавалось контролировать страны Ближнего и Среднего Востока, которые поставляли им продовольствие и сырьё для военной промышленности, пополнение в живой силе. Иран, в который вошли английские и советские войска, Ирак и Саудовская Аравия снабжали своих союзников нефтью — «хлебом войны». На их защиту англичане перебросили многочисленные войска из Индии, Австралии, Новой Зеландии и Африки. В Турции, Сирии и Ливане положение было менее стабильным. Заявив о своём нейтралитете, Турция снабжала Германию стратегическим сырьём, перекупая его в британских колониях. В Турции же находился центр немецкой разведки на Ближнем Востоке. Сирия и Ливан после капитуляции Франции всё более попадали в сферу фашистского влияния. В июне 1941 г. английские и французские части вошли в эти страны, но положение в них оставалось довольно сложным вплоть до конца войны.

Угрожающее положение для союзников с 1941 г. сложилось на Дальнем Востоке и обширных пространствах Тихого океана. Здесь всё громче заявляла о себе как о полновластном хозяине Япония. Ещё в 30-е гг. Япония предъявляла территориальные претензии, действуя под лозунгом «Азия для азиатов». Англия, Франция и США имели в этом обширном регионе стратегические и экономические интересы, но были заняты нарастающей угрозой со стороны Гитлера и первоначально не располагали достаточными силами для войны на два фронта. Среди японских политиков и военных не существовало единого мнения — куда следует нанести главный удар: на север, против Советского Союза, или на юг и юго-запад, для захвата Индокитая, Малайи, Бирмы, Индии, многочисленных архипелагов и островов в Тихом океане. Но один объект японской агрессии был определён ещё с начала 30-х гг. — Китай. Судьба войны в Китае, самой населённой стране мира, решалась не только на полях сражений, так как здесь столкнулись интересы сразу нескольких великих держав, в том числе США и СССР. Сложная внутриполитическая обстановка в Китае, раздираемом к тому же гражданской войной, мешала организации мощного отпора агрессорам.

К концу 1941 г. японцы сделали свой выбор. Ключом к успеху в борьбе за контроль над Тихим океаном они посчитали уничтожение Пирл-Харбора, главной американской военно-морской базы на Тихом океане.

...Ранним воскресным утром 7 декабря 1941 г. на американские боевые корабли (а их в тесной гавани было около семидесяти) обрушились примерно двести японских бомбардировщиков, торпедоносцев и истребителей. Одновременно в бухту ворвались японские подводные лодки. Менее чем через час налёт повторили ещё 160 самолётов. Потери американцев оказались огромны: потоплены 5 линкоров и 3 других боевых корабля, серьёзно повреждены ещё 10 судов. На аэродроме базы японцы уничтожили свыше половины и повредили более четверти боевых самолётов. Имя Пирл-Харбор стало таким же символическим, как Дюнкерк, а впоследствии — Сталинград и Курская дуга.

Одновременно японцы блокировали английскую военную базу в Гонконге и начали высадку войск в Сиаме (Тайланде). Вышедшая на перехват английская эскадра была атакована с воздуха, и два линкора, ударная сила англичан в этом районе Тихого океана, пошли ко дну. В оставшиеся три недели 1941 г. японские десанты захватили американские опорные пункты на островах Гуам и Уэйк, начали высаживаться на Филиппинах. Пал Гонконг. Первый этап самой большой в истории человечества океанской войны выиграла Япония.

11 декабря 1941 г., через четыре дня после Пирл-Харбора, войну Америке объявили Германия и Италия. Необъявленная война велась и раньше: в Атлантике немецкие подводные лодки нападали на американские суда и корабли сопровождения, шедшие в Европу. Гитлер считал, что США, несмотря на свои огромные экономические возможности, вряд ли готовы и хотят вести войну за пределами своих ближних рубежей. Но он ошибался.

1 января 1942 г. Рузвельт, Черчилль, посол СССР в Америке Литвинов и представитель Китая подписали в Вашингтоне Декларацию Объединённых Наций, в основу которой была положена Атлантическая хартия. Позднее под ней поставили подписи представители ещё 22 стран. В ней, в частности, говорилось: «Каждое правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов Тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему... сотрудничать с другими правительствами, подписавшими сие, и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами...». Этот важнейший исторический документ окончательно определил состав и цели сил антифашистской коалиции. На этой же встрече было создано объединённое командование запад-

ных союзников — объединённый англо-американский штаб, который в течение войны, координируя боевые действия, провёл в разных частях мира 200 официальных совещаний.

Сохранившиеся документы передают атмосферу тех лет. 23 февраля 1942 г. Рузвельт выступил по радио с обращением к американскому народу: «...в Берлине, Риме и Токио о нас говорят как о нации слабаков... которые нанимают английских, русских и китайских солдат сражаться за нас. Пусть повторят они это теперь!.. Пусть скажут они это матросам, дерущимся в отдалённых водах Тихого океана!.. ребятам в «летающих крепостях»!.. морской пехоте!..».

Американский план расширения военного производства в 1942—1943 гг. предусматривал строительство 145 тыс. боевых самолётов, 120 тыс. танков, 55 тыс. зенитных орудий, спуск на воду сотен боевых судов и подводных лодок. Эти цифры, которые и сегодня кажутся фантастическими, к концу 1943 г. были достигнуты, а по отдельным показателям даже превзойдены.

...Япония продолжала добиваться успеха за успехом: в январе захвачена Малайя, в феврале — Сингапур, город-крепость, главная военно-морская база Англии в Юго-Восточной Азии. Благодаря своему островному положению, мощной защите с суши, моря и воздуха этот «Гибралтар Дальнего Востока», как его называли, считался неприступным. К началу 1942 г. в этом городе с почти миллионным населением нашли прибежище ещё десятки тысяч беженцев из соседних британских, французских и голландских колоний. Сингапур оборонял 100-тысячный гарнизон, состоявший из английских, индийских, австралийских и малайских частей. Английское правительство придавало огромное значение сохранению Сингапура. «Вопрос стоит о репутации нашей страны и нашей расы», — заявлял Черчилль. И всё же японцы, окружив Сингапур, принудили его гарнизон к безоговорочной капитуляции.

За Сингапуром последовали Индонезия, Бирма, южная китайская провинция Юнань, многие острова южных морей. В мае американцы потеряли Филиппины. Японские авианосцы вошли в Бенгальский залив, японская авиация бомбила остров Цейлон (ныне Шри-Ланка). Возникла реальная опасность для Индии и Австралии.

И всё же японское командование, ослеплённое первыми успехами, явно переоценило свои возможности, разбросав силы флота, авиации и армии на огромном пространстве океанов, на многочисленных островах, на территориях захваченных стран. Оправившись от первых неудач, союзники медленно, но неуклонно переходили к активной обороне, а затем и к наступлению.

В апреле 1942 г. узнала ужасы войны японская столица: 16 американских бомбардировщиков, поднявшись с палубы авианосца «Хорнет» и пролетев тысячу километров, впервые бомбили Токио. В мае — июне того же года, пытаясь овладеть крупной американской авиационной базой

Дом, разрушенный в результате бомбёжки. Варшава. 1940 г.

Ребёнок на развалинах дома. Варшава. 1940 г.

на острове Мидуэй, японцы потерпели серьёзную неудачу. Для захвата острова вышла мощная эскадра — 11 линкоров, 7 авианосцев, 12 крейсеров, 50 эсминцев и 15 подводных лодок. С потерями для себя американцы уничтожили пять авианосцев, несколько других кораблей, десятки самолётов противника и вынудили эскадру повернуть назад. С августа 1942 г. по февраль 1943 г. продолжалась борьба за остров Гуадалканал, расположенный в группе Соломоновых островов, ранее захваченных японцами. Они строили там огромный аэродром для укрепления своих позиций в южных морях. Американцы сбросили на

остров десант морской пехоты, на суше и в прибрежных водах началась кровопролитная битва. Огромные потери понесли обе стороны, но для японцев, чьи резервы были на исходе, они оказались невосполнимы: 24 тыс. закалённых в боях солдат, 1150 самолётов с отборными экипажами, десятки кораблей.

Не менее ожесточённая борьба шла в Атлантике. В начале войны Англия и Франция имели подавляющее превосходство над Германией на море. У немцов не было авианосцев, линкоры только строились. Понимая экономическую зависимость Англии от её огромных владений в разных концах света, немецкое командование отрядило против британского грузового и торгового флота значительные силы. С первых дней войны немецкие крейсеры вышли «на охоту» за британскими судами в открытый океан и даже к берегам Латинской Америки и Африки. Одновременно началось интенсивное строительство подводных лодок дальнего радиуса действия. После оккупации Норвегии и Франции на атлантическом побережье Европы Германия получила прекрасно оснащённые базы подводного флота.

Союзники понимали опасность, связанную с усилением немецкого флота. Когда в мае 1941 г. в Северной Атлантике во главе небольшой группы кораблей появился только что спущенный на воду немецкий линкор «Бисмарк», англичане бросили против него около 50 боевых судов, включая несколько линкоров, и свыше 100 самолётов. В результате трёхдневного боя «Бисмарк» пошёл ко дну, успев, однако, потопить один и вывести из строя другой британский линкор.

С конца 1941 г. подводные лодки немцев появились у берегов Америки и Канады в Карибском море. Их излюбленной добычей были танкеры. Оказалась под угрозой «морская нефтяная дорога» из Мексики и Венесуэлы в США. «Подводные лодки днём лежали на дне, — писал Черчилль, — а ночью развивали высокую надводную скорость и выбирали наиболее выгодную добычу... Почти каждая их торпеда поражала свою жертву, а когда запас торпед иссякал, орудийный огонь был почти столь же эффективным. В городах Атлантического побережья, где... линия берега была полностью освещена, по ночам доносились звуки боя... было видно, как невдалеке от берега горели и тонули суда, и принимались меры по спасению оставшихся в живых и раненых».

Сложное для союзников положение складывалось в Северной Атлантике, где проходили пути морских конвоев из Америки и Канады в Европу. Каждый конвой формировался из нескольких десятков судов — грузовых и охранявших их боевых. Немецкие боевые корабли и подводные лодки топили много судов, хотя и сами несли потери. Очень трудным был путь в северные советские порты вдоль побережья Норвегии, где базировалась немецкая авиация. В начале 1942 г. по приказу Гитлера, придававшего большое значение северному театру военных действий, немцы перебросили туда лучшие корабли немецкого флота во главе с новым сверхмощным линкором «Тирпиц» (назван по имени основателя германского флота).

В начале июля 1942 г. здесь разыгралась ещё одна морская трагедия Второй мировой войны. Из Исландии в Советский Союз шёл англо-американский конвой под условным названием PQ-17 (Пи-Кью-17), состоявший из 34 грузовых судов и танкеров, 21 корабля охранения и большой группы кораблей прикрытия. На перехват ринулись «Тирпиц» и другие немецкие суда, с норвежских аэродромов поднялись бомбардировщики. Первые налёты были отбиты. А затем произошло непонятное: большинство кораблей охранения и прикрытия получили команду покинуть конвой, чтобы отвлечь и уничтожить «Тирпиц». Началось избиение почти беззащитных судов. Оставшиеся боевые корабли сражались героически, буквально закрывая собой тихоходные транспорты от торпед подводных лодок... К цели дошло только 11 судов. А «Тирпиц», уклонившийся от боя, ушёл к норвежским берегам, где его торпедировала не то советская, не то английская подводная лодка. Простояв на ремонте до осени 1944 г., линкор всё-таки был потоплен английской авиацией.

Немцы ещё не раз нападали на северные конвои, топили американские и английские корабли в Центральной Атлантике. Вплоть до конца 1942 г. союзники теряли больше судов, чем успевали построить. Стало ясно, что исход битвы за Атлантику может повлиять на дальнейший ход войны. Была организована надёжная защита побережья Америки, Канады и морских караванов. Флот и авиация получили современные радиолокаторы. Новые американские дальние бомбардировщики «Либерейтор» («Освободитель»), поднимаясь с канадских и исландских аэродромов, выслеживали немецкие подводные лодки и корабли. К весне 1943 г. союзники добились перелома в битве за море, а к концу того же года потопили или повредили наиболее боеспособные немецкие корабли в Северной Атлантике.

1943 г. принёс и общий перелом в войне на Западе. Победа в Северной Африке позволила союзникам нанести решающий удар по Италии. Итальянская армия находилась в состоянии разложения, вызванного разгромом её лучших дивизий в России и Африке. Когда в июле на Сицилию, ключевой опорный пункт Италии в Средиземном море, с моря и с воздуха высадился англо-американский десант, сопротивление ему оказали только находившиеся там немецкие части.

К этому времени в Италии резко ухудшилось положение: росло недовольство режимом Муссолини, усилились противоречия между «чернорубашечниками» — фашистской милицией и армией — «солдатами короля». В июле Рим впервые с начала войны подвергся бомбардировке. Режим Муссолини разваливался, а сам он, деморализованный и напуганный, уговаривал Гитлера заключить с Россией мир «наподобие Брест-Литовского», чтобы спасти германо-итальянский фронт на

Западе. Гитлер же требовал от «своего друга дуче» принятия в стране «жесточайших мер».

В такой обстановке Муссолини был свергнут: 25 июля его вызвали во дворец короля Виктора-Эммануила, арестовали и в машине «скорой помощи» отправили в тюрьму. У него не нашлось ни одного защитника даже среди фашистов. Сформированное беспартийное правительство маршала Бадольо распустило фашистскую партию. Вышли из тюрем многие антифашисты.

Гитлер пытался любой ценой не допустить выхода Италии из войны. Перекрыв её границы с Германией и Францией, туда перебросили вновь сформированную группу войск под командованием Роммеля. Гитлер приказал разоружить итальянскую армию, захватить флот и авиацию, арестовать правительство и королевскую семью. Но почти все его приказы запоздали. В начале сентября англичане и американцы высадились на юге страны, и Бадольо подписал с ними тайное перемирие, равнозначное выходу Италии из войны. Узнав об этом, Гитлер решил, что Южная Италия и немецкие дивизии, расположенные в ней, «безвозвратно потеряны», и дал приказ занять оборону на севере Италии. Однако ситуация неожиданно изменилась. Союзники по непонятным причинам замешкались, утратили темп наступления и надолго задержали полное освобождение Италии. Эта заминка вселила в Гитлера новые надежды. Он попытался восстановить режим Муссолини. Немецкие парашютисты под командованием двухметрового эсэсовца Отто Скорцени освободили Муссолини, находившегося под арестом в Абруццких горах, и переправили его в Германию. Вскоре он основал в северной части страны «Итальянскую социальную республику», бывшую не более чем названием на карте. Между тем в Италии разворачивалась антифашистская партизанская война. В Риме, объявленном немецким командованием «открытым городом», т. е. находящимся вне зоны боёв, тем не менее свирепствовало гестапо. Союзники неуклонно продвигались на север. В июле 1944 г. они вошли в Рим, но окончательная победа пришла к ним в Италии только в мае 1945 г.

В Германии к 1943 г. всё было подчинено обеспечению военных нужд. Ещё в мирное время Гитлер ввёл обязательную для каждого немца трудовую повинность. На войну работали миллионы узников концентрационных лагерей и угнанных в Германию жителей покорённых стран. На войну работала вся завоёванная нацистами Европа.

Гитлер обещал немцам, что на землю Германии никогда не ступят её враги. На дальних подступах к «немецкой твердыне» и на её границах создавалась мощная оборона. Военная строительная организация Тодта соорудила Атлантический вал — цепь укреплений на северном побережье Франции, а также фортификации на Балканах, в Норвегии, Финляндии.

И всё же война пришла в Германию. Налёты начались ещё в 1940—1941 гг., а с 1943 г., когда союзники добились полного превосходства в воздухе, массированные бомбардировки стали регулярными. Огромные четырёхмоторные бомбардировщики «Либерейтор», «Б-17» («Летающая крепость»), «Галифакс» и «Ланкастер» волна за волной, до тысячи самолётов в каждой, днём и ночью бомбили Германию. Бомбы падали не только на военные и промышленные объекты, но и на жилые кварталы. Десятки городов были превращены в руины. Только в Дрездене за одну ночь количество погибших, по разным оценкам, составило от 60 тыс. до 100 тыс. человек (называлась даже цифра 250 тыс.).

Вступление немецких танков в Ливию. 1941 г.

Учёные и политики и сегодня спорят, нужны ли были бомбардировки Германии, когда исход войны не вызывал сомнений. Не были ли они местью за бомбардировки Англии в 1940—1941 гг., за разрушенный английский город Ковентри, развалины в Лондоне? В таких спорах бесполезно искать правых или виноватых, потому что война аморальна по своей сути.

Летом 1944 г. произошло событие, решившее исход войны на Западе: англо-американские армии высадились во Франции. Начал действовать так называемый второй фронт. Об этом Рузвельт, Черчилль и Сталин договорились ещё в ноябре — декабре 1943 г. на встрече в Тегеране. Они решили также, что одновременно советские войска начнут мощное наступление в Белоруссии. Немецкое командование ожидало вторжения, но не смогло определить начало и место проведения операции. Два месяца союзники проводили отвлекающие манёвры и в ночь с 5 на 6 июля 1944 г. неожиданно для немцев в пасмурную погоду выбросили три воздушно-десантные дивизии на полуострове Котантен в Нормандии. Одновременно через Ла-Манш двинулся флот с войсками союзников.

...Знаменитый «День Д» (кодовое название высадки) стал началом самой крупной и технически наиболее подготовленной десантной операции

за всю историю войн. В ней было использовано 6500 кораблей, включая 4600 десантных судов, 6 линкоров, десятки крейсеров и эсминцев и около 6700 самолётов. На отвоёванных участках побережья союзники оперативно соорудили особые порты из заранее заготовленных «узлов» для приёма главных сил. Из Англии через пролив впервые в мировой практике протянули 20 бензопроводов для снабжения боевой техники. К концу июля во Франции уже находились 1,6 млн человек, а также 340 тыс. автомашин, десятки тысяч танков и орудий. Атлантический вал был прорван в считанные дни.

В это время советские войска, перейдя в наступление в Белоруссии, вступили на территорию Польши и с тяжёлыми боями продвигались к Германии. Командовавшие немецкими войсками на Западе фельдмаршалы Рундштедт и Роммель понимали, что ждать подкреплений неоткуда, и безуспешно пытались убедить Гитлера отвести и тем самым спасти армии и заключить сепаратный мир с союзниками. Гитлер же упрямо твердил, что путь к миру проложит «оружие возмездия» — самолёты-снаряды ФАУ, которыми немцы начали обстреливать Англию. Он смещал генералов, отдавал невыполнимые приказы. 15 июля Роммель передал Гитлеру: «...войска повсюду сражаются героически, но неравная борьба подходит к концу...».

Поражения на Востоке и Западе усилили недовольство политикой Гитлера в разных слоях немецкого общества. Активные противники фюрера, военные и чиновники, занимавшие высокие посты, организовали заговор и покушение на него. 20 июля 1944 г. в бункере Гитлера взорвалась бомба, но ему фантастически повезло — он был только контужен. Начавшееся в тот же день выступление заговорщиков было подавлено. Фельдмаршалы фон Клюге и Роммель покончили жизнь самоубийством. Гестапо казнило свыше 5 тыс. человек, в их числе фельдмаршала Вицлебена и многих генералов.

Между тем в результате мощного наступления советских войск в августе 1944 г. Германия лишилась ещё одного союзника — Румынии и потеряла, таким образом, крупный источник нефти. Войну Германии объявила Болгария. В Финляндии вынужден был уйти в отставку сторонник Гитлера президент Рюти. Сменивший его Маннергейм считал, что «...Финляндия должна отделить свою судьбу от судьбы гитлеровского рейха». По договорённости с Советским Союзом Финляндия также вышла из войны; немецким войскам предписывалось покинуть её территорию. Но Гитлер любой ценой хотел сохранить контроль над месторождением никелевых руд на севере Финляндии. В результате недавние «братья по оружию» начали сражаться друг с другом. Только в октябре немцы с тяжёлыми боями ушли из Финляндии, разрушая всё на пути отступления. Во второй половине 1944 г. немцам пришлось оставить Грецию и большую часть Югославии.

Стремительно развивались события во Франции. В августе союзники высадили на юге страны десант, освободили крупные портовые города Тулон и Марсель и начали наступление на север, к границам Германии. Одновременно лавина танков и мотопехоты двигалась из Нормандии к Парижу. 25 августа танкисты-деголлевцы под командованием генерала Леклерка и американская мотопехота вошли во французскую столицу, многие районы которой уже контролировали отряды Сопротивления. Париж был спасён, хотя двумя днями раньше Гитлер отдал приказ о его уничтожении. В сентябре союзники почти без боя освободили бельгийскую столицу Брюссель и крупный порт Антверпен.

Во время летних боёв во Франции немцы потеряли полмиллиона человек убитыми и пленными, много боевой техники. Линия обороны на западной границе Германии была крайне ослаблена. Многие немецкие генералы были убеждены, что дальнейшая борьба невозможна. Казалось, союзники могли праздновать победу. Но произошло почти невероятное: когда войска союзников готовились, преодолев линию укреплений на западной границе Германии, двинуть свои армии к Рейну, когда уже завязались тяжёлые бои за немецкий город Ахен, фашистское командование предприняло в конце 1944 г. неожиданное контрнаступление в Арденнских горах на территории Бельгии. Его целью был захват Антверпена, ставшего главной базой снабжения союзных армий. Операция готовилась по личному приказу Гитлера, в глубочайшей тайне. В единый кулак были собраны наиболее боеспособные части, остатки авиации, артиллерии, подготовлены отряды диверсантов, переодетых в форму союзников. Не хватало горючего, но немцы рассчитывали на трофеи. Сила контрудара оказалась такова, что в письме к Сталину Черчилль просил ускорить наступление советских войск в Польше. В январе 1945 г. наступление началось. В этом же месяце наступательный порыв немцев, потерявших в Арденнах 120 тыс. своих солдат и офицеров, иссяк.

В феврале 1945 г. Рузвельт, Черчилль и Сталин встретились в Ялте, чтобы обсудить будущее мира после войны, которая приближалась к концу. Было решено создать Организацию Объединённых Наций, разделить побеждённую Германию на зоны оккупации. По договорённости через два-три месяца после завершения боевых действий в Европе СССР должен был вступить в войну с Японией.

Между тем война шла по Германии. На Западе союзники вели тяжёлые бои при переправе через Рейн. Их движение на Восток не было прогулкой по гладкому шоссе, хотя их потери совершенно несопоставимы с теми, что несла на пути к Берлину советская армия...

К 1945 г. Япония стояла на пороге поражения. После перелома в ходе войны, происшедшего в 1943 г., союзники заметно активизировали свои действия. Началось возвращение захваченных японцами огромных территорий в Азии, бесчисленных больших и маленьких островов в Ти-

хом океане. Война шла упорная и жестокая. Играли свою роль и природно-климатические условия. Во время длившегося полгода (с июля 1944 по январь 1945 г.) наступления союзников в Бирме, по словам Черчилля, «...продвижение шло очень медленно... так как нашим промокшим до нитки солдатам приходилось вести бои днём и ночью в условиях тропических дождей. На так называемых просёлочных дорогах теперь образовалась непролазная грязь, через которую часто приходилось перетаскивать на руках орудия и машины. Удивительно было не то, что продвижение идёт медленно, а то, что в таких условиях какое-либо продвижение вообще возможно».

Японцы оборонялись с необычайным упорством. Союзники добивались успеха благодаря огромному превосходству в вооружении и умелой тактике. В 1941—1945 гг. в южных морях Тихого океана происходили грандиозные морские сражения с одновременным участием сотен боевых кораблей — линкоров, авианосцев, торпедных катеров и подводных лодок, в воздух поднимались армады самолётов-торпедоносцев и истребителей.

Решающим в войне на Тихом океане стали апрель — май — июнь 1944 г., когда американцам удалось отвоевать Марианские острова. В четырёхдневном воздушном сражении в июне 1944 г. японцы потеряли сотни боевых самолётов, три японских авианосца из девяти участвовавших в одновременно разыгравшемся морском бою пошли ко дну. Превосходство американцев на море и в воздухе было многократным. К Марианским островам они бросили 7 линкоров, 15 авианосцев, 13 крейсеров и 58 эсминцев. Эта победа открыла путь к освобождению Филиппин и Индонезии.

Исход борьбы за Филиппины решило морское сражение у острова Лейте в октябре 1944 г. С американской стороны в нём участвовало около 800 судов, включая десантные; с японской — ударные силы флота, сведённые в четыре эскадры. Американцы потопили 3 японских линкора из 9, все четыре авианосца и 6 крейсеров из 19, серьёзно повредив и другие боевые суда.

Сражение у Лейте примечательно также тем, что в нём впервые участвовали лётчики-самоубийцы — камикадзе («ветер богов»). Личный пример подал контр-адмирал Арима, после чего началось формирование специальных лётных частей. У Лейте камикадзе потопили один и повредили четыре американских авианосца...

...Сохранилась военная кинохроника тех лет: лётчик-камикадзе в белоснежном шарфе выпивает свой последний глоток сакэ (японская водка) и садится в кабину начинённого взрывчаткой самолёта, чторбы врезаться в борт вражеского корабля или быть сбитым зенитным огнём. Фанатично преданные императору и военному долгу, многие японские солдаты, лётчики и моряки, не говоря уже об офицерах-самураях, необычайно остро переживали военные неудачи. Жестокие в обращении с пленными, японцы сами редко сдавались в плен. Перед лицом поражения тысячи японских офицеров и генералов совершали харакири — обряд ритуального самоубийства. И не только офицеры: когда американская морская пехота высадилась на один из Марианских островов, то вслед за офицерами почти все уцелевшие солдаты и многие из мирных жителей, включая женщин и детей, покончили жизнь самоубийством.

Последние большие бои в Тихом океане произошли с марта по июнь 1945 г. во время захвата американцами и англичанами японских островов Иводзима и Окинава и освобождения Индонезии. Их исход был предрешён заранее. У Окинавы, например, только американцы собрали около 500 тыс. войск и 1300 судов, включая 10 линкоров и 14 авианосцев, тысячи боевых самолётов. Союзникам противостояли 120-тысячная группировка японских войск, остатки японского флота и тысячи лётчиков-камикадзе. Штурм острова длился два месяца. Японцы потопили около 30 американских судов и сбили 750 самолётов, потеряв при этом 7800 боевых машин и почти все оставшиеся корабли.

Весной 1945 г. осложнились отношения между Англией и США, с одной стороны, и СССР —

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии. 1945 г.

с другой. По словам Черчилля, англичане и американцы опасались, что после победы над Германией будет трудно остановить «русский империализм на пути к мировому господству», и поэтому решили, что на последнем этапе войны союзные армии должны как можно дальше продвинуться на Восток.

12 апреля 1945 г. внезапно умер президент Соединённых Штатов Америки Франклин Рузвельт. Его преемником стал Гарри Трумен, занимавший более жёсткую позицию по отношению к Советскому Союзу. Смерть Рузвельта породила у Гитлера и его окружения надежду на развал коалиции союзников. Но общая цель Англии, США и СССР — уничтожение нацизма — возобладала над усиливающимся взаимным недоверием и разногласиями.

Война кончалась. В апреле советская и американская армии с двух сторон подошли к реке Эльбе. Для фашистских главарей наступил час расплаты. 28 апреля итальянские партизаны казнили Муссолини, а 30 апреля, когда уличные бои шли уже в центре Берлина, покончил жизнь самоубийством Гитлер.

7 апреля 1945 г. в городе Реймсе, в штаб-квартире Эйзенхауэра, был подписан Акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии. 9 мая эта процедура была повторена в Потсдаме, пригороде Берлина.

В июле 1945 г. состоялась последняя встреча руководителей антигитлеровской коалиции. Обсуждалось будущее послевоенной Европы. Во время одной из встреч Трумен сообщил Сталину о том, что в США создано оружие исключительной разрушающей силы — атомная бомба.

26 июля 1945 г. США, Англия и Китай предъявили Японии ультиматум, требующий немедленной безоговорочной капитуляции. Он был отвергнут. 6 августа над Хиросимой, а через три дня, 9 августа, — над Нагасаки были взорваны атомные бомбы. В результате два города со всем населением были фактически сметены с лица земли. Советский Союз объявил войну Японии и двинул свои дивизии в Маньчжурию, захваченную японцами провинцию Китая. 14 августа Япония капитулировала. Официальный акт о капитуляции был подписан на борту американского линкора «Миссури» 2 сентября 1945 г. представителями США, Англии, СССР и Японии. Вторая мировая война закончилась.

В первые послевоенные годы судили главных немецких и японских военных преступников, гитлеровских наместников и эсэсовцев, зверствовавших в захваченных странах, комендантов лагерей смерти и врачей, ставивших жуткие опыты над заключёнными и военнопленными. С каждым годом таких судов становилось всё меньше и меньше. Вторая мировая война отошла в прошлое, оставив страшные цифры: в 1939—1945 гг. мир потерял от 55 млн до 75 млн человек, т. е. в 5—7 раз больше, чем в Первую мировую войну.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

Выдающийся политический деятель Великобритании Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, так звучит его имя полностью, родился 30 ноября 1874 г. в родовом дворце герцогов Мальборо Бленхейм. По отцу, Рандольфу Черчиллю, Уинстон принадлежал к одному из знатнейших в Англии родов герцогов Мальборо. Его мать, Джени Джером, была дочерью американского миллионера Леонарда Джерома.

Однако даже самые большие оптимисты из числа тех, кто знал Уинстона в его детские и юношеские годы, не могли предположить, какое место в истории Великобритании займёт этот человек.

Начало действительно было малообещающим. Проявив с раннего детства необыкновенное упрямство и самоуверенность, Уинстон не пожелал учиться так, как учились все дети. Он занимался только теми предметами, которые ему нравились: например, английским языком и литературой. И хотя он мог иногда поразить своих учителей длинными цитатами наизусть сцен из пьес Шекспира, это не меняло общего мнения о нём как о неспособном и ограниченном ребёнке. Много лет спустя сам Черчилль признавал, что был до крайности плохим учеником. В результате своих более чем скромных успехов в учёбе Уинстон так никогда и не получил систематического образования, свойственного людям его круга. Даже отец Уинстона Рандольф посчитал в конце концов, что сын слишком ограничен для карьеры юриста, и в семье решили, что единственное подходящее место для Уинстона — это военное училище.

С огромным трудом, с третьей попытки, Черчилль поступил в кавалерийское училище в военной школе Сэндхерст. Надо заметить, что Уинстон на протяжении всей своей жизни испытывал тягу к ратным подвигам. Поэтому в Сэндхерсте он впервые проявил определённое усердие и закончил через 18 месяцев школу в числе лучших. Получив звание лейтенанта, Уинстон поступил на службу в 4-й гусарский полк.

Начало военной службы Черчилля совпало с активизацией внешней политики Великобритании. Некогда всемогущая страна с конца XIX в. начала уступать свои ведущие позиции быстро развивающимся США и Германии. Стремясь сократить отставание от этих стран в развитии экономики, Великобритания пытается расширить и укрепить

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. 1943 г.

свою колониальную монополию, ведя многочисленные войны. Это предоставляет хорошую возможность молодому офицеру проявить свои способности. В конце 90-х гг. XIX в. Черчилль принимает участие в военных экспедициях в Индию и Судан. В это же время он активно занимается самообразованием. Тогда же Уинстон начинает свою литературную деятельность.

Уинстон Черчилль любил и умел делать деньги. Литературные занятия являлись одной из главных статей его доходов. Начав с сотрудничества в различных английских газетах в качестве военного корреспондента, Черчилль со временем стал очень популярным автором многочисленных исторических исследований. Великолепный литературный стиль и использование большого количества не доступных другим исследователям документов делали работы Черчилля, такие, как «Мировой кризис», «Вторая мировая война», интересными и простому читателю, и историку-профессионалу. Черчилль использовал при написании своих работ копии документов, которые он делал, находясь на высших правительственных постах.

После суданской кампании Черчилль решил уйти из армии. Очевидно он понял, что в армии ему будет трудно добиться удовлетворения своих амбиций. Политика — вот то поле деятельности, где Уинстон нашёл приложение своим способностям и честолюбию. Надо заметить, что его отец сделал стремительную, хотя и недолговечную карьеру в рядах консервативной партии. Опыт отца был широко использован Уинстоном при восхождении на политический Олимп. Политическая карьера Уинстона Черчилля знала многочисленные взлёты и падения. Удивительные дальновидность и мудрость принимаемых решений сочетались в этом человеке с не менее удивительными неуживчивостью и упрямством. Это зачастую приводило к опрометчивым поступкам, в результате он нажил большое количество врагов. Поэтому часто казалось, что звезда Черчилля на политическом небосклоне Великобритании безвозвратно закатилась.

В начале XX в. в сложившейся в Великобритании политической системе главными политическими партиями были консервативная и либеральная. По своим воззрениям Черчилль всегда был ближе к консерваторам. Установив контакт с Центральным бюро консервативной партии в июне 1899 г., Черчилль тогда же предпринимает первую попытку попасть в парламент. Но первый опыт оказался неудачным. Победа пришла к нему на всеобщих парламентских выборах в 1900 г. Впервые попав в палату общин как депутат консервативной партии, Черчилль начинает сразу вести активную политическую деятельность. Ставя перед собой всегда максимальные задачи, он с первых шагов в парламенте стремится к завоеванию наибольшего авторитета в партии. Для этого он широко использует парламентскую тактику своего отца, построенную на критике партийного руководства. Таким образом он стремится как можно быстрее проделать путь от рядового депутата парламента, или, как их ещё называют, «заднескамеечника», к руководящим постам в партии, а следовательно, в случае победы на всеобщих парламентских выборах — и в правительство Великобритании.

Черчилль всегда был хорошим оратором, уделял большое внимание подготовке своих выступлений, поэтому ему не составляло большого труда привлечь на свою сторону достаточно большое количество сторонников. Действуя таким образом, Черчилль считал, что лидеры партии, боясь раскола, вынуждены будут включить его в состав правительства. Однако тут он просчитался. Премьер-министр Бальфур не включил его в состав правительства в 1903 г. Такое развитие событий побудило Черчилля совершить поступок, который на долгие годы испортил его отношения с партией консерваторов. Поняв, что у консерваторов ему сейчас не сделать быстрой карьеры, Черчилль в 1904 г. порывает с ними и переходит в лагерь либералов. Ход Черчилля себя оправдал, поскольку следующие 17 лет во главе правительств стояли премьер-министры из либеральной партии. Таким образом Черчилль получил возможность непосредственно участвовать в управлении страной.

Начало политической карьеры Черчилля совпало с очень сложным периодом в мировой истории.

Начало XX в. ознаменовалось обострением отношений между ведущими промышленными странами мира, в первую очередь между быстро развивающейся Германией и Великобританией. Молодой и очень агрессивный немецкий капитал начинает предъявлять свои претензии на её огромные колониальные владения. Черчилль не сразу осознал глубину противоречий, разделявших Великобританию и Германию. Одно время он даже выступал против увеличения расходов на вооружение, но к середине 1911 г. Черчилль приходит к выводу, что война с Германией неизбежна. С этого времени он полностью переключается на вопросы внешней политики и подготовку к будущей войне. Надо сказать, что Черчилль всегда с большим удовольствием занимался внешней политикой, чем внутренней. В вопросах межгосударственных отношений он обладал большим искусством в отличие от внутренней политики, где он порой допускал серьёзные просчёты.

Став 23 декабря 1911 г. военно-морским министром, Уинстон Черчилль прилагает большие усилия к быстрому перевооружению флота Великобритании и подготовке его к грядущей войне. При этом надо помнить, что из-за островного положения Англии традиционно её главной ударной силой была не сухопутная армия, а военно-морской флот. Поэтому от того, насколько хорошо будет подготовлен флот к надвигающейся войне, во многом зависело будущее Великобритании. Черчилль прекрасно это понимал. За небольшой промежуток времени, что оставался до начала Первой мировой войны, военно-морской министр Черчилль успел провести несколько очень важных мероприятий: перевёл флот с угля на нефть, чем значительно была повышена быстроходность английских кораблей; оснастил корабли орудиями большого калибра и произвёл кадровую перестановку в адмиралтействе, сумев привлечь к работе более молодых, энергичных и знающих офицеров.

К моменту вступления Великобритании в Первую мировую войну, 4 августа 1914 г., положение Черчилля в правительстве и в стране было очень прочным. Он пользовался заслуженным авторитетом и влиянием, считался вероятным преемником премьер-министра Асквита. Однако всего через год с небольшим Черчилль оказался не только вне военно-морского министерства, но и вне военного кабинета. Виной тому — его многочисленные ошибки, главной из которых была идея атаковать Турцию (воевавшую на стороне Германии) через Дарданеллы. Эта операция стоила Великобритании больших людских и материальных потерь. Основная доля вины была возложена на Черчилля как главного инициатора её осуществления.

Черчилль подал в отставку и принял мужественное решение отправиться в действующую армию, хотя мог спокойно оставаться в Лондоне на высоко оплачиваемой должности. Проведя несколько месяцев на передовой в должности командира батальона, Черчилль решил вновь вернуться в большую политику. Сделать это оказалось нелегко. Черчилль успел нажить себе столько врагов, особенно среди консерваторов, что даже его друг Ллойд Джордж, сформировавший в декабре 1916 г. своё коалиционное правительство, не сумел ввести Черчилля в его состав. Только в июле 1917 г. Ллойд Джордж смог назначить Черчилля на пост министра военного снабжения. На этом посту Черчилль тоже проявил себя с лучшей стороны, приложив много усилий для создания нового оружия — танков. Его даже иногда называют «отцом танка».

После того как 11 ноября 1918 г. Германия капитулировала, главным объектом внимания Черчилля становится Советская Россия. Следует отметить, что на протяжении всей своей жизни Черчилль оставался непримиримым противником коммунизма и социализма, считая, что эти системы являются несовместимыми со свободой личности. Уже в 1953 г. он говорил: «Наступит день, когда во всём цивилизованном мире с несомненностью будет признано, что удушение большевизма при его рождении явилось бы величайшим благодеянием для человечества». В отстаивании этой своей позиции Черчилль был очень последователен. Будучи военным министром Великобритании, он приложил немалые усилия для организации борьбы против большевистского правительства России.

Период между двумя мировыми войнами был очень сложным и важным в политической судьбе Черчилля. На парламентских выборах в 1922 г. он терпит поражение и впервые с 1900 г. оказывается вне Палаты общин. Эти же выборы заставили Черчилля серьёзно задуматься о своей дальнейшей политической судьбе. Дело в том, что на выборах в 1922 г. лейбористская партия Великобритании впервые получила больше голосов, чем партия либералов. Черчилль как человек дальновидный понял, что вместо либералов второй главной политической силой в стране становятся лейбористы. Последующие годы подтвердили этот его вывод. Перед Черчиллем встаёт сложная задача — вернуться в лагерь консерваторов. О его переходе к лейбористам не могло быть и речи ввиду полного неприятия им никаких форм социализма. Благодаря искусству политического маневрирования и своим связям в стане консерваторов Черчиллю удаётся совершить почти невозможное. Он сумел вернуться к консерваторам и на выборах в октябре 1924 г. уже выступал как их кандидат. С этого момента и до января 1931 г. Черчилль находится на ведущих ролях в партии консерваторов.

В январе 1931 г. Уинстон Черчилль совершил опрометчивый поступок, который едва не стоил ему карьеры. Вступив в разногласия по вопросам колониальной политики с тогдашним лидером партии Болдуином и проявив свойственное ему упрямство, Черчилль вышел из состава «те-

Черчилль на аэродроме в Ялте.
1945 г.

невого кабинета» (так в Великобритании называется формируемый оппозиционной партией возможный кабинет министров). Этот шаг надолго оставил Черчилля вне активной политической деятельности. Только тот факт, что он один из немногих в Великобритании понял опасность, исходящую от фашистской Германии, позволил Черчиллю вернуться в политику и стать в мае 1940 г. премьер-министром. Он первым осознал пагубность политики умиротворения фашистской Германии, которую проводило правительство Чемберлена. Суть её состояла в том, чтобы путём территориальных уступок удовлетворить растущие аппетиты и по возможности направить захватнические интересы Германии в сторону Советского Союза. Черчилль же понял, что экономические противоречия неизбежно приведут к новому военному столкновению между Великобританией и Германией. Он оценил мюнхенское соглашение 1938 г., по которому Чехословакия (ныне Чехия и Словакия) фактически была отдана Германии, как «всеобщее и абсолютное поражение». Всегда уделяя большое внимание военной технике, Черчилль понимал, что будущая война будет войной моторов, и настойчиво говорил о необходимости перевооружения.

С вступлением Великобритании во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 г. провал политики Чемберлена становится очевидным. Единственным лидером национального масштаба, способным возглавить страну в это крайне сложное для неё время, является Уинстон Черчилль. Последующие годы Второй мировой войны стали звёздным часом в политической жизни Черчилля. Он сумел поднять и объединить страну против страшного врага, приложил огромные усилия для создания антигитлеровской коалиции. В основу военной политики Черчилля были положены простые принципы: гитлеровская Германия — враг; для победы над ней необходим союз с США, а также любая другая помощь, даже со стороны коммунистов. Выступая по радио 22 июня 1941 г. в связи с нападением Германии на СССР, Черчилль заявил, что он не берёт обратно всё то, что говорил ранее против коммунистов, но утверждает тем не менее, что «опасность для России есть опасность для нас», поэтому «мы дадим любую помощь, которую можем, России и русским людям». С этого момента он постоянно работал над созданием союза между СССР, США и Великобританией.

После окончания Второй мировой войны мир раскололся на две системы: социалистическую и капиталистическую, которые находились в жестком военном, экономическом и идеологическом противостоянии почти 50 лет. Черчилль в своей знаменитой речи в Фултоне 5 марта 1946 г. первым сказал о необходимости объединения всего западного мира в борьбе против коммунистического Востока.

Если в первые послевоенные годы, когда США обладали ядерным превосходством над СССР, Черчилль был сторонником решительных действий, то после создания ядерной бомбы в СССР он опять же один из первых увидел опасность ядерной войны и стал высказываться за перенесение противостояния в сферу экономики, идеологии и культуры.

У Черчилля в жизни были две главные страсти: политика и литература. В обеих областях он достиг впечатляющих результатов. В политическую историю XX в. Черчилль вошёл прежде всего как выдающийся военно-политический лидер Великобритании в годы Второй мировой войны. Его литературная деятельность увенчалась получением в 1953 г. Нобелевской премии. Добиться этого он сумел благодаря своим обширным способностям и таким качествам характера, как огромное честолюбие, потрясающая энергия, необыкновенное упрямство в достижении цели.

Уинстон Черчилль прожил долгую жизнь. Уйдя от активной политической деятельности в 1955 г., Черчилль провёл последние десять лет жизни в своём имении Чартвелл. Он скончался 24 января 1965 г. в возрасте 90 лет. В сентябре 1973 г. у здания парламента Великобритании был открыт памятник Черчиллю. Когда Маргарет Тетчер, одна из самых популярных премьер-министров послевоенной Великобритании, выступала 29 сентября 1983 г. в Вашингтоне на торжественном заседании Фонда имени Уинстона Черчилля, она сказала: «Я испытываю огромную гордость в связи с тем, что, когда почти 25 лет назад я впервые вступила в Палату общин, Черчилль всё ещё был её членом».

ДУАЙТ ЭЙЗЕНХАУЭР

Дуайт Дэйвид Эйзенхауэр, выдающийся военачальник периода Второй мировой войны и 34-й президент США, родился 14 октября 1890 г. в городке Денисон штата Техас. В начале XVIII в. его предки, члены религиозной секты менонитов, спасаясь от преследований у себя на родине, в Германии, переселились в Северную Америку.

В 1891 г. семья Эйзенхауэров переехала в штат Канзас и поселилась в городке Абелин, где и прошли детские и юношеские годы Дуайта. Он рос энергичным и задиристым мальчишкой и был одним из лучших спортсменов города среди своих сверстников.

В школе Дуайт учился с увлечением. Его любимыми предметами были история и математика.

Выбор будущей профессии произошёл неожиданно. Один из друзей посоветовал Дуайту поступить в Военно-морскую академию. Поразмыслив немного, Эйзенхауэр решил, что военная служба — действительно наиболее подходящее для него занятие. Вакансии для поступления в Военно-морскую академию не было, поэтому Дуайт в 1910 г. сдал экзамен и стал кадетом Общевойскового училища в Вест-Пойнте.

Интерес к овладению военной профессией появился у Эйзенхауэра не сразу. За годы учёбы в Вест-Пойнте Дуайт гораздо больше проявил себя как спортсмен, чем как прилежный ученик. Наибольших успехов он добился в американском футболе. За великолепную игру его прозвали «канзасский циклон», и он был включён в сборную команду американской армии. Тяжёлая травма, полученная в одной из игр, заставила Дуайта распроститься с мечтами о спортивных победах. Но любовь к спорту Эйзенхауэр сохранил на всю жизнь и всегда поддерживал отличную физическую форму. Достижения Дуайта в учёбе были значительно скромнее... Получив звание лейтенанта армии США, Эйзенхауэр был направлен в форт Сэм Хьюстон штата Техас.

Военная карьера Эйзенхауэра вплоть до 1940 г. складывалась не очень удачно. За всё это время ему так и не удалось получить командной должности. Казалось, что хорошие перспективы открылись перед Эйзенхауэром после 6 апреля 1917 г., когда США вступили в Первую мировую войну. Однако в действующую армию ему попасть не удалось. Военное командование считало, что его способности лучше использовать для подготовки офицеров. Затем он успешно участвовал в создании первых танковых частей США, за что получил звание майора.

После окончания войны Эйзенхауэр сменил несколько мест службы. В 1926 г. он успешно закончил самое авторитетное в то время в США военное учебное заведение — Командно-учебный колледж в форте Ливенворт. В 1928 г. Эйзенхауэр окончил Армейский военный колледж в Вашингтоне. С 1929 по 1935 г. он работал в аппарате военного министра, а затем у Дугласа Макартура — начальника штаба армии США, где его ценили как хорошего штабного работника, но это никак не повлияло на продвижение по служебной лестнице. Только в 1936 г. Эйзенхауэр получил звание полковника. После ухода с поста начальника штаба армии Макартура направили на Филиппины для оказания помощи в создании там собственных вооружённых сил. Своим помощником он пригласил Эйзенхауэра. Пребывание на Филиппинах затянулось до 1940 г.

Дуайт Эйзенхауэр — генерал армии.

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Это заставило Эйзенхауэра подумать о возвращении домой. Отказавшись продолжать работу на Филиппинах даже на очень выгодных с финансовой точки зрения условиях, Эйзенхауэр в феврале 1940 г. вернулся в США.

В истории Второй мировой войны Дуайт Эйзенхауэр занимает особое и очень важное место. Под его командованием были успешно проведены крупнейшие операции объединённых войск Западных стран против фашистской Германии и её союзников. Поразительной была скорость, с которой Эйзенхауэр из мало известного штабного офицера превратился в одного из ведущих полководцев Второй мировой войны. Впервые он заставил обратить на себя внимание командования во время крупнейших в истории США военных манёвров, проведённых в 1941 г. Решением президента Рузвельта Эйзенхауэру присваивается звание генерал-майора. После вступления США в

войну он принимает участие в выработке военной концепции. Глубокие знания и огромная работоспособность ставят Эйзенхауэра в ряд ведущих военачальников США.

В июне 1942 г. Эйзенхауэр получает назначение в Англию на пост главнокомандующего всеми вооружёнными силами США на европейском театре военных действий. Отныне главной его задачей стало создание из американских и английских войск сплочённой и боеспособной армии, которая могла бы успешно сражаться против Германии.

Это было очень нелегко: кроме неизбежных языковых и национальных проблем положение Эйзенхауэра осложняли отсутствие у него опыта ведения боевых операций и малая известность в армиях союзников. Потребовалась максимальная самоотдача. Первой настоящей проверкой полководческих способностей Эйзенхауэра стала операция «Торч» в Северной Африке, где он возглавил англо-американские экспедиционные силы, действовавшие против итало-немецких войск. Десантная операция союзников, начавшаяся 8 ноября 1942 г., завершилась их полной победой к середине мая 1943 г. Основные военные операции развернулись в Тунисе. В ходе этих боёв к Эйзенхауэру пришла военная слава.

После завершения боевых действий в Северной Африке руководители США и Великобритании приняли решение о подготовке вторжения на Сицилию. Эйзенхауэр был назначен руководить Средиземноморским театром военных действий. Он всегда тщательно планировал боевые операции, но никогда не позволял себе вмешиваться во все детали работы подчинённых, считая, что каждый сам должен нести ответственность за принимаемые решения. Однако не оправдавших доверия Эйзенхауэр немедленно смещал с должности. Десантная операция на Сицилии началась 9 июля 1943 г. и завершилась к осени полным выводом Италии из войны. В ходе операций в Северной Африке и Италии Эйзенхауэр проявил талант не только военачальника, но и дипломата, умело сглаживая политические разногласия, возникавшие между американцами и англичанами.

С 1943 г. Эйзенхауэр становится главнокомандующим вооружёнными силами союзников в Европе. В его задачу входила подготовка вторжения союзных войск во Францию. Эта крупнейшая в истории войны десантная операция получила название «Оверлорд». К этому времени авторитет Эйзенхауэра в союзной армии был огромен. Он проявлял большую заботу о своих подчинённых: проверял, как кормят солдат, интересовался состоянием их здоровья и только потом — военным снаряжением. Эйзенхауэр был прост и доступен в общении. С другой стороны, он поддерживал в войсках строжайшую дисциплину и, утверждая решения по приговорам военных трибуналов, в случаях особо тяжких преступлений не останавливался перед применением публичных казней.

Операция «Оверлорд» началась 6 июня 1944 г. В случае если бы вторжение закончилось неудачей, Эйзенхауэр оставил документ, где говорилось: «Пехота, авиация и флот сделали всё, что повелевают мужество и приверженность долгу. Если искать виновных в неудаче, то повинен я один». К счастью, эта «объяснительная записка» не понадобилась. Стремительно развивая наступление, войска союзников 25 августа 1944 г. освободили Париж. Характерной чертой Эйзенхауэра как военачальника было его стремление при принятии решений учитывать прежде всего военные, а не политические соображения. Дело в том, что хотя СССР и западные союзники действовали вместе против фашистской Германии, они прекрасно понимали, что после окончания войны их политические интересы будут различны. Поэтому каждая из сторон хотела опередить другую в освобождении наиболее важных со стратегической точки зрения стран и территорий. Эйзенхауэра до сих пор многие в США

Здание Белого дома.
Вашингтон. США.

Капитолий — здание Конгресса.
Вашингтон. США.

обвиняют в том, что он отказался штурмовать Берлин и тем самым позволил это сделать советским войскам. Между тем Эйзенхауэр сознавал, что бросок войск западных союзников на Берлин мог привести к поражению, большим потерям. Исходя из этих соображений, он решил, что советская армия находится в более удобном положении для штурма Берлина.

После капитуляции фашистской Германии Эйзенхауэр был назначен главнокомандующим американскими оккупационными войсками в Германии, а в июне 1945 г. он вернулся в США. Его популярность в стране была необыкновенно велика. Во время поездки Эйзенхауэра по США миллионы людей выходили на улицы приветствовать его. Уже тогда многие советовали ему заняться политикой, но вначале он отказывался от этого пути. В июне 1948 г. он стал ректором одного из крупнейших в США университетов — Колумбийского. Однако покончить с военной карьерой Эйзенхауэру не удалось.

Началась «холодная война». В апреле 1949 г. США и их союзники создали НАТО. Эйзенхауэр оказался наиболее подходящей кандидатурой на пост главнокомандующего вооружёнными силами НАТО. Он полностью разделял цели НАТО и считал, что Западные страны должны создать мощный военно-политический блок, противостоящий угрозе распространения коммунистической идеологии. Пребывание в Европе на посту командующего вооружёнными силами НАТО (1950—1952 гг.) можно считать началом политической карьеры Эйзенхауэра. Две главные партии США, демократическая и республиканская, учитывая огромную популярность Эйзенхауэра, стремились заручиться его согласием на выдвижение на пост президента страны. Убедившись, что его поддержит большинство избирателей, Эйзенхауэр согласился, наконец, участвовать в выборах как кандидат от республиканцев.

Уйдя в отставку со своего поста и уволившись из армии, Эйзенхауэр активно повёл свою избирательную кампанию. Его победа на выборах 1952 г. была внушительной: почти 55% избирателей отдали ему свои голоса. Дуайт Эйзенхауэр был президентом США два срока — с 1953 по 1961 г. Формулируя концепцию своего президентства, он говорил, что страна нуждается в периоде спокойствия и объединения после потрясений Второй мировой войны. В области внутренней политики он проводил умеренный курс. С одной стороны, он не расширил социальных программ, которые существовали в предыдущее десятилетие, когда страной управляли демократы. Но с другой, он и не позволил их сократить, как этого хотели многие республиканцы. Эйзенхауэр обуздал стремительный рост военных расходов, поняв опасность усиления влияния военно-промышленного комплекса. С этим был связан его «новый взгляд» на оборонную политику страны. Эйзенхауэр говорил, что каждое выпускаемое ружьё, каждый спускаемый на воду корабль есть кража у тех, кто голоден и не имеет одежды.

Статуя Свободы при входе на нью-йоркский рейд.

С этим подходом Эйзенхауэра к обороне связана его концепция внешней политики США. Поскольку президент настаивал на необходимости сокращения численности армии, нужно было предложить такую военную стратегию, которая соответствовала бы задаче защиты от возможного нападения СССР. Такая стратегия была разработана и получила зловещее название «массированное возмездие». Суть её сводилась к тому, что США не связывают себя обязательством противостоять коммунизму в любой точке земного шара. На действия СССР в одном месте США могут ответить в другом, где сочтут это наиболее подходящим, используя при этом, если понадобится, ядерное оружие. «Только сила может помочь, — говорил Эйзенхауэр, — слабость не может помочь, она может только просить подаяния». В то же время он понимал и опасные последствия такой линии.

В целом в области внешней политики Эйзенхауэр проявил большую гибкость, умело сочетая открытые пропагандистские шаги и тайные операции. Так, в декабре 1953 г. он выступил с программой «Атом для мира», которая предполагала использование ядерной энергии в мирных целях. С другой стороны, Эйзенхауэр активно использовал ЦРУ для тайных подрывных операций против стран, где у власти находились нелояльные США правительства. Наиболее ярким примером было свержение правительства Моссадыка в Иране в 1953 г. и левого правительства Арбенса в Гватемале в 1954 г. Вместе с тем Эйзенхау-

эр не позволил втянуть США в какую-либо новую войну. Восемь лет его президентства, после того как он добился прекращения войны в Корее, прошли без участия где-либо в мире американских войск.

Отношения с СССР в период президентства Эйзенхауэра развивались очень неравномерно. Периоды некоторого ослабления напряжённости сменялись угрозой начала войны. Наибольший прогресс был достигнут во время визита в 1959 г. в США главы советского государства Н. С. Хрущёва. Тогда впервые появилась реальная перспектива достижения соглашения по контролю над вооружениями. Была достигнута договорённость о новой встрече с этой целью Эйзенхауэра и Хрущёва в Париже. Однако за две недели до встречи, 1 мая 1960 г., над территорией СССР был сбит американский самолёт-разведчик У-2. Полёты этих самолётов проводились в течение нескольких лет, но у СССР не было оружия, способного их сбить. Эйзенхауэр знал и разрешал эти полёты, будучи уверенным, что доказать его шпионскую деятельность не удастся. Однако когда самолёт был сбит, пилот катапультировался и рассказал о своём задании. После этого Хрущёв отказался от встречи с Эйзенхауэром.

После ухода из Белого дома Эйзенхауэр внешне оставался вне политики, хотя постоянно следил за ситуацией в стране. Он не одобрял политики своих преемников, президентов Кеннеди и Джонсона, но считал необходимым поддерживать их в вопросах, которые касались национальной безопасности США. В 1968 г., уже будучи серьёзно больным, он обратился к республиканской партии с предложением выдвинуть кандидатом в президенты Ричарда Никсона, который был в администрации Эйзенхауэра вице-президентом.

Умер Дуайт Эйзенхауэр 28 марта 1969 г. Он внёс большой вклад в победу над фашистской Германией. Во многом именно благодаря славе блестящего полководца он побеждал на президентских выборах 1952 и 1956 гг. и вошёл в послевоенную историю США как один из самых популярных президентов страны. О значении Эйзенхауэра как политика до сих пор продолжают вестись оживлённые дискуссии.

Не являясь политическим гением, Дуайт Эйзенхауэр решил главную задачу, стоявшую перед ним как президентом США. В период ожесточённого противостояния США и СССР он всё же сумел избежать вооружённого столкновения между Востоком и Западом. С течением времени также стало очевидно, что некоторые из высказанных им идей в области внутренней политики и международных отношений сохранили свою актуальность и используются многими политиками США до настоящего времени.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

Среди знаменитых людей Франции недавнего времени в первую очередь следует назвать имя видного политика и патриота Шарля де Голля.

Родившийся в ноябре 1890 г. у Жанны и Анри де Голля, дворянина и верующего католика, сын Шарль был третьим ребёнком в семье. Своих пятерых детей родители воспитывали в духе патриотизма, основательно знакомя с историей и культурой Франции. События революции конца XVIII в. расценивались как трагическая ошибка французской нации, а «Марсельезу» Анри де Голль называл «безбожной песней».

В 1901 г. Шарль начинает учёбу в колледже, где преподавал его отец. Гордый и строптивый, Шарль был в то же время романтично настроенным юношей, умеющим восхищаться и глубоко мыслить о будущем своей родины. Через много лет в мемуарах он напишет: «Я был уверен, что Франции суждено пройти через горнило величайших испытаний. Я считал, что смысл жизни состоит в том, чтобы свершить во имя Франции выдающийся подвиг, и что наступит день, когда мне представится такая возможность». Видимо, желая приблизить последнюю, Шарль твёрдо решает стать офицером и, закончив колледж, поступает в военное училище Сен-Сир. Здесь его внешность в главных чертах уже оформляется:

Шарль де Голль — президент V Республики.

прежде всего в глаза бросаются почти двухметровый рост, худощавость и большой нос. Блестяще отучившись в Сен-Сире, молодой офицер уходит на фронт Первой мировой войны. Трижды раненный, де Голль после страшной рукопашной схватки под Верденом попадает в немецкий плен, из которого безуспешно пытается бежать пять раз. Только по окончании войны де Голль возвращается во Францию. После краткосрочного обучения офицеров в Польше он продолжает совершенствоваться в Высшей военной школе в Париже. В 20-е гг. XX в. де Голль выступает с докладами, публикует статьи и книги, в которых, в частности, анализирует итоги Первой мировой войны, излагает свою военную доктрину, рисует образ сильной личности, вождя (под влиянием идей философа Ницше).

Тем временем в Германии к власти приходит Гитлер и становится неизбежной Вторая мировая война. Де Голль предчувствует надвигающуюся опасность, но к его предостережениям прислушиваются, увы, далеко не все.

Занимаясь военно-педагогической деятельностью, он выступил с рядом теоретических работ по стратегии и тактике, предложил новую модель взаимодействия различных родов войск. В 1937 г. де Голль становится полковником. Двумя годами позже, развязав Вторую мировую войну, Германия наносит удар и по Франции; в 1940 г., сломив сопротивление, немцы заставляют французскую армию отступать. Де Голль производится в чин генерала. Новоиспечённый бригадный генерал, командовавший дивизией, настаивает на продолжении войны, хотя правительство склоняется к её прекращению. Во время пребывания де Голля в Лондоне, куда он вылетел, чтобы добиться поддержки Черчилля, приходит известие, что французское правительство заключило перемирие с Гитлером. Де Голль по радио обратился с призывом вести борьбу против фашизма. Сам он остаётся в Англии (туда же перебирается и его семья). Формируется организация «Свободных французов» (позже переименованная в «Сражающуюся Францию»), девизом которой стали слова: «Честь и Родина». Де Голль ведёт огромную работу по развитию движения Сопротивления, переговоры по объединению различных группировок, выступает по радио (во Франции он заочно приговаривается к смерти за «дезертирство»). Неутомимый генерал вместе с Жиро, «гражданским и военным главнокомандующим», учреждает Французский комитет национального освобождения (ФКНО), формирует Временное правительство Франции. Англия, СССР и США (страны — союзницы по антигитлеровской коалиции) признали Временное правительство и ФКНО. Летом 1944 г. начинается изгнание из Франции оккупантов. 24 сентября освобождён Париж, в этот же день туда прибывает де Голль. Он торжественно зажигает огонь на могиле Неизвестного солдата около Триумфальной арки, потушенный ранее захватчиками. В стране восстанавливаются ликвидированные в годы оккупации демократические свободы, а имя Шарля де Голля связывают с победой над фашизмом во Второй мировой войне.

В этот период во Франции начинается борьба различных политических партий за власть. В январе 1946 г., испытывая большие трудности в осуществлении своих планов, де Голль уходит с поста главы правительства. Но складывать оружие он не собирается: представляет стране свой проект новой конституции, выступает в Страсбурге, руководит образованной им партией «Объединение Французского народа» (РПФ), призывая создать «новую Францию», провести реформу государственных институтов, распустить Национальное собрание и провести парламентские выборы. РПФ остаётся в оппозиции, де Голль стремится вернуть власть законным путём, но сделать это быстро не удаётся, и часть членов партии «охладевает» к кандидатуре де Голля. В 1953 г., разочаровавшись в пропагандистской деятельности своих сторонников и распустив РПФ, де Голль на время отошёл от активной политической деятельности. Он общается и ведёт переписку с родственниками, наезжает в Париж (живя в Коломбэ). Быт

Шарль де Голль. 40-е гг. XX в.

генерала прост и скромен, и давно уже продан американский автомобиль, подаренный президентом США.

Постепенно ситуация меняется. В Алжире, колонии Франции, разгорелась война за независимость. Подавить её французское правительство оказалось не в состоянии, чем вызвало массу попрёков в свой адрес. В мае 1958 г., в период острого политического кризиса, сторонники де Голля развернули агитацию за возвращение его к власти. Де Голль, оставаясь гибким и мудрым политиком, встречается с лидерами разных партий и с президентом IV Республики. Он выдвинул перед Национальным собранием принципы, на которых должна, по его мнению, базироваться новая конституция. Успешное голосование «за» ещё ближе подвинуло героя Сопротивления к заветному посту. В декабре 1958 г. де Голль был избран на семилетний срок президентом республики. Алжир получил независимость. Де Голль проводит курс на самостоятельность Франции в вопросах европейской и мировой политики. Постепенно отдаляет Францию от НАТО, проводит первые испытания ядерного оружия (в Сахаре), уделяет большое внимание идее объединения европейских стран, осуждает нападение Израиля на арабские государства, войну США во Вьетнаме. В 1964 г. президент Франции совершил большое путешествие по всем странам Южной Америки.

Приближались выборы. И де Голль, несколько посомневавшись, выдвигает свою кандидатуру. В предвыборной кампании он практически не участвует. На настойчивые уговоры сторонников выступить по телевидению отвечает: «Ну что мне сказать? Меня зовут Шарль де Голль, мне 75 лет!». И всё-таки по итогам второго тура выборов победил именно он, ставший первым президентом Франции, избранным всеобщим голосованием.

В 1966 г. де Голль посетил СССР (побывав даже на космодроме в Байконуре). А в 1968 г. массовые студенческие волнения захлестнули Францию; строились баррикады, происходили столкновения с полицией. На манифестациях слышались призывы к отставке президента. Но и на сей раз ему удалось изменить ситуацию в свою пользу. Де Голль пошёл на проведение реформ. Один из явно неудачных проектов — о новом территориально-административном устройстве Франции и реорганизации Сената — был вынесен на референдум с условием, что в случае его отклонения президент подаст в отставку. С каким-то фатализмом ожидая «вынесения приговора», де Голль говорил сыну: «Французы устали от меня, да и я утомился от них». Проект был отвергнут 52% избирателей 27 апреля 1968 г.

Уйдя в отставку, де Голль снова взялся за мемуары. Большую часть времени он проводил в деревне. Не утратив ни к чему интереса, он всё чаще погружается в воспоминания о былом. Пасмурным днём 1970 г. карты выпали из рук генерала: остановилось сердце. На следующий день президент республики Ж. Помпиду сказал своим соотечественникам: «Француженки и французы, умер генерал де Голль. Франция овдовела».

Прах верного сына Франции покоится на тихом сельском кладбище в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз, почти в 300 км от Парижа.

СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

«ОПИУМНЫЕ» ВОЙНЫ

Рука поддела маслянисто-бурый комочек опиума иглой, и вот он — в чашечке курительной трубки. Несколько затяжек — и человек уже в другом мире. Нет нищеты, повелительных окриков, разочарований, обид... Дивные видения, навеянные дурманом, проходят. От повседневных забот и тревог можно снова уйти на время, но за это приходится платить не только деньгами, но и здоровьем. Пагубное пристрастие к ядовитому зелью делает человека живым трупом.

«На опиум в Китае спрос, — решили джентльмены в правлении британской Ост-Индской компании. — Прибыль будет».

Центром опиеторговли стал город Гуанчжоу (Кантон). Основными поставщиками ядовитого зелья выступали англичане. От них норовили не отстать и американцы.

Курение в Китае опиума стало повальным. Для китайской казны пагубное пристрастие населения оборачивалось истощением. Основу денежного обращения страны составляло серебро в слитках. Оно во всё возрастающем количестве уплывало за рубеж: и английским, и американским торговцам в уплату за опиум.

«Пагубное пристрастие моих подданных нетерпимо», — решил богдыхан Минь-нин. В 1839 г. в Гуанчжоу прибывает его уполномоченный Линь Цзэсюй. Ему поручено искоренить промысел «заморских чертей» — так называли в Китае иностранцев — и их китайских компаньонов. Линь Цзэсюй заставил английских купцов сдать имевшийся у них опиум и распорядился уничтожить его. В двух посланиях королеве Великобритании Виктории Линь Цзэсюй сообщал о запрещении употребления опиума в Китае и требовал прекратить производство наркотика в Англии и землях, ей подчинённых. Если Англия хочет торговать с Китаем, она навсегда должна покончить с преступной торговлей опиумом.

Отношения между китайскими властями и англичанами ещё более обострил инцидент на полуострове Цзюлун (Коулун). После жестокой драки с английскими моряками скончался китаец. Главный инспектор английской торговли в Китае Эллиот отказался выдать виновных моряков китайскому суду. Линь Цзэсюй в ответ на это приказал бойкотировать британские товары и прекратить доставку продовольствия англичанам.

В сентябре — ноябре 1839 г. произошли бои между английскими кораблями и китайскими джонками. Богдыхан запретил всякую торговлю англичан в Китае. Стычки не прекращались, и обе стороны готовились к войне. Линь Цзэсюй закупил у американцев и португальцев орудия. Были подготовлены брандеры — лодки или плоты с горящим хворостом или другим горючим материалом. В самых узких местах реки Чжуцзян в дно вбивали деревянные сваи, которые стягивали цепями. Скрытые под водой, они должны были служить преградой для английских кораблей. Этот приём широко использовался китайцами ещё в войнах древности и Средневековья. В январе 1840 г. королева Виктория в тронной речи на открытии парламента заявила о поддержке английским правительством действий капитана Эллиота в Китае. С благословения королевы министр иностранных дел Пальмерстон единолично решил начать войну против Китая.

В июне 1840 г. китайские воды уже бороздила английская военная эскадра. Интервенты подвергли жестокому грабежу Динхай, главный город Чжоушаньского архипелага. 29 января 1841 г. богдыхан объявил войну Англии.

Военные действия развернулись на территории провинции Гуандун. Против интервентов выступило местное население. С прибытием подкреплений англичане расширили операции в Восточном Китае, в нижнем течении реки Янцзы. Они овладели Шанхаем, но на подступах к Нанкину им оказал мужественное сопротивление гарнизон Чжэньцзяна. В конце осады его уцелевшие солдаты и офицеры убили членов своих семей, а затем покончили с собой. Генерал Хай Лин поджёг свой дом и погиб в пламени пожара.

Угрозами подвергнуть Нанкин артиллерийскому обстрелу английский командующий Поттингер запугал китайское командование, хотя оно располагало в городе большой армией.

В Нанкине начались англо-китайские переговоры. Они завершились подписанием 29 августа 1842 г. на борту английского военного корабля «Корнуэллс» мирного договора. Он получил название «Нанкинский» и положил конец первой «опиумной» войне 1840—1842 гг.

По условиям этого договора Китай открывал для английской торговли пять морских портов: Гуанчжоу, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай. В этих так называемых «открытых портах» англичане получали право неограниченной торговли, свободу поселений. Китай уступил Англии ост-

ров Гонконг. Он должен был выплатить стоимость уничтоженного в 1839 г. опиума, погибшего имущества англичан, понесённые военные расходы, обязался освободить всех английских пленных. Богдыхан обещал помиловать своих подданных, которые помогали врагу. В открытых для торговли портах вводились благоприятные размеры тарифов. В Нанкинском договоре был полностью обойден молчанием опиум, явившийся поводом к войне. Однако после окончания войны ввоз этого наркотика в Китай возрос. В год заключения Нанкинского договора его поступило 33 508 ящиков, в 1843 г. — 42 699.

В первом вооружённом столкновении с развитой капиталистической Англией экономически отсталая Цинская империя потерпела поражение. Технико-экономическое отставание Китая особенно ощутимо сказывалось на состоянии вооружения цинской армии. Флот состоял из устаревших деревянных судов и лодок, в английской же эскадре были пароходы, совершенно неизвестные в Китае. Китайские пушки, громоздкие и устаревшие, могли стрелять только с постоянным прицелом. Английским мортирам, винтовкам и карабинам китайские солдаты могли противопоставить лишь допотопные фитильные и кремнёвые ружья, луки, копья, сабли и тесаки.

Неблагоприятному для империи Цин ходу войны в немалой степени способствовали пораженческие настроения, широко распространённые при дворе.

Плодами победы англичан поспешили воспользоваться и другие страны. США и Франция во время войны посылали к берегам Китая свои военно-морские силы. После подписания Нанкинского договора американские и французские представители вступили в переговоры с китайскими властями, добиваясь тех же прав, что и англичане.

В октябре 1856 г. китайские власти в поисках опиума задержали корабль «Эрроу» — «Стрела». Зарегистрированное в Гонконге судно плавало под британским флагом. Китайские чиновники сорвали британский флаг и взяли в плен несколько человек из состава команды как подозреваемых в пиратстве.

Британский консул Пакс потребовал от губернатора Е Минчэна извинений за оскорбление британского флага и возвращения на судно уведённых с него людей. Китайские же власти утверждали, что один человек из команды «Эрроу» был отцом хорошо известного пирата, которого давно разыскивали, а английский флаг не был вывешен во время задержания судна. Оно, как потом утверждали, не имело права плавать под английским флагом, так как срок действия лицензии, выданной английскими властями в Гонконге, истёк несколько месяцев назад. Англичане возражали: по дополнительному соглашению все китайцы-нарушители, находящиеся на службе англичан, должны привлекаться к ответственности через английские власти; об истечении срока лицензии китайские чиновники не могли знать во время захвата корабля.

Е Минчэн в конце концов согласился отпустить часть задержанных, но отрицал, что было нанесено оскорбление флагу. Консул стоял на своём. Чтобы решить спор, командующий британским флотом Сеймур приказал обстрелять Гуанчжоу. Англичане на время заняли город, но из-за недостатка военных сил оставили его. Это приободрило китайцев. Они спалили фактории за пределами Гуанчжоу и убили нескольких иностранцев.

В декабре 1856 — начале 1857 г. английская эскадра при участии американского корвета «Портсмут» обстреляла Гуанчжоу. Союзником Англии в войне выступила Франция. Для неё поводом послужило убийство в 1856 г. в провинции Гуанси французского миссионера Шапделена. Французские суда под началом адмирала Гро присоединились к английской эскадре Эльджина. На Рождество 1857 г. они потребовали от Е Минчэна вывести войска в 48 часов. Е Минчэн не ответил, и англо-французские силы штурмом взяли город. Е Минчэна схватили и отправили в Калькутту, где он и умер. Три года город Гуанчжоу находился под властью временного правительства. В него входили китаец Пиквэй, англичане — консул Паркс и полковник Холлоувэй, французский военно-морской офицер Мартино.

Пламя войны перекинулось на север Китая. Англо-французские корабли подошли к Тяньцзиню. От него было рукой подать до столицы — Пекина. Правительство Китая согласилось на мир.

26 июня 1858 г. подписанием Тяньцзиньского англо-китайского договора завершилась вторая «опиумная» война (1856—1858 гг.). Основные его положения предусматривали, что правительства Великобритании и других стран должны иметь право назначать дипломатических представителей при пекинском дворе; для иностранной торговли дополнительно открывались порты Ючжуан, Чифу, Формоза (Тайвань), Сватоу, Цюнчжоу на острове Хайнань; британским судам теперь позволялось торговать на реке Янцзыцзян; иностранцы с паспортами своих консульств могли путешествовать внутри страны; христианство должно иметь право на существование в Китае; размеры пошлин, установленные Нанкинским договором, необходимо пересмотреть; Китай также оплачивал военные расходы Англии и возмещал ущерб, причинённый её подданным в Гуанчжоу.

Франко-китайский договор, подписанный в Тяньцзине 27 июня 1858 г., отличался от англо-китайского тем, что Франция получала меньшую контрибуцию и соглашалась, что её представители станут бывать в Пекине лишь по необходимости.

Тяньцзиньские договоры должны были вступить в силу не позднее чем через год после подписания и утверждения их верховными властями.

Богдыхан Ичу, однако, не думал утверждать эти договоры. «Нужно укрепить оборону, — распорядился он, — когда дикари поедут в столицу для обмена договорами, уничтожить их всех вместе». «Дикарями» правители Китая имели обыкновение называть иностранцев.

В июне 1859 г. английский посол Брюс и французский посол Бурбулон на одном из кораблей военной эскадры появились в Дагу. Требование пропустить их в Тяньцзинь китайские власти отвергли и предложили ехать в Пекин другим путём без сопровождения военных сил. Эскадра попыталась силой пробиться в Тяньцзинь, однако огонь с китайских фортов заставил её отступить.

Это сражение явилось поводом к третьей «опиумной» войне. Она началась в августе 1860 г. Англо-французский десант легко опрокинул конницу монгольского князя Сэнгэринчина и захватил Дагу и Тяньцзинь. Богдыхан Ичу запаниковал. Приказал истреблять англичан и французов как «зловредных животных». Одновременно предписал своим уполномоченным принять все требования противника, кроме уплаты контрибуции и размещения послов в столице. Однако союзники настаивали на принятии всех своих условий. Тогда Ичу провозгласил, что лично поведёт войско навстречу врагу, чтобы «наказать дикарей».

Храбро сражалась конница Сэнгэринчина в Чжанцзяване, но уступила сикхам британского экспедиционного корпуса. В бою у Балицяо с остатками войск Сэнгэринчина союзники снова взяли верх. Французскому генералу, обеспечившему победу, император Франции пожаловал титул графа де Балицяо.

13 октября 1860 г. армия союзников вступила в Пекин, откуда заранее отбыл богдыхан. Французские солдаты разграбили сокровища летней императорской резиденции Юаньминюань, замечательного памятника китайского зодчества XVIII в. В отместку за смерть взятых в плен англичан и французов лорд Эльджин и барон Гро приказали сжечь строения Летнего дворца.

22 октября 1860 г. были подписаны Пекинские договоры. Они подвели черту третьей «опиумной» войне. Пекинские договоры подтвердил все условия Тяньцзиньских договоров. По китайско-английскому договору Англии выплачивалась контрибуция; разрешался выезд из страны китайцам как наёмным рабочим; полуостров Коулун переходил во владение к британскому правительству и становился частью Гонконга; Тяньцзинь же открывался для свободной торговли.

По китайско-французской конвенции местным христианам возвращалось ранее отнятое у них имущество. В китайский текст франко-китайского договора переводчик, католический священник Делямар, самовольно вписал, что французским миссионерам разрешается повсеместно покупать и арендовать земли и возводить на них по своему усмотрению постройки.

Вошли в силу торговые правила, подготовленные в 1858 г.: опиум разрешалось ввозить во все порты Китая, открытые для иностранной торговли. Пошлина с него была меньше той, что брали в Лондоне с китайских чая и шёлка.

Так началась активная колонизация Китая европейскими государствами.

ИМПЕРАТРИЦА ЦЫСИ (ЦЫ СИ)

Будущая императрица родилась в 1835 г. в семье, принадлежавшей к очень знатному маньчжурскому роду. Её восхождение к власти началось в 1853 г., когда она стала одной из многочисленных жён императора Сяньфэна. Через три года она была уже одной из главных фигур при дворе, поскольку родила бездетному до тех пор монарху наследника. Влияние Цыси на изнеженного и больного императора стало столь велико, что многие государственные дела решались только с её ведома. Она принимала доклады чиновников, подписывала бумаги и даже — неслыханное дело для Китая — высказывала своё мнение на официальных приёмах. Когда в 1861 г. Сяньфэн умер, искушённая в интригах Цыси сумела отодвинуть на второй план своих соперников и стать всесильной правительницей Китая при малолетнем императоре.

Власть над огромной страной с многомиллионным населением, казалось, должна была стать тяжёлым испытанием для ещё совсем молодой женщины. Однако умная и решительная, коварная и жестокая, корыстолюбивая и властная вдовствующая императрица на протяжении без малого полувека так и не пожелала выпустить бразды правления из своих рук. На троне сменяли друг друга императоры династии Цин — её сын Тунчжи (1861—1865 гг.) и племянник Гуансюй (1875—1908 гг.), но страна знала, что на самом деле именно Цыси — самый влиятельный человек в Пекине.

У императрицы не было каких-либо идей, способных подправить ветшавший на глазах государственный строй Китая, да она и не собиралась этого делать. Цыси была уверена, что китайская цивилизация — высшее достижение мирового развития и Цинской империи ни к чему перенимать порядки «варварского» Запада. Именно в эпоху Цыси богатство цинского двора более всего поражало иностранцев. Они с упоением описывали тысячи парадных платьев вдовствующей императрицы всех мыслимых и немыслимых расцветок, изысканнейшие блюда китайской кухни и т. д. Цыси обслуживали полторы тысячи горничных, портных, сотни ювелиров и сапожников, десятки парикмахеров и пр. Великолепие цинских дворцов должно было символизировать превосходство китайской цивилизации над европейской. Единственное, что, по мнению императрицы, нужно стране для благоденствия и двору для ещё

ИМПЕРАТРИЦА ЦЫСИ: ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И ОБРАЗ ЖИЗНИ.

Характер императрицы был таков, что фрейлины и слуги дрожали от страха при каждом случае проявления ею неудовольствия. Цыси не зря говорила: «Кто мне хоть раз испортит настроение, тому я его испорчу на всю жизнь». Её мстительность не знала границ, как и страх перед покушением. К её постели была проведена слуховая труба, позволявшая слышать любой звук более чем за 100 шагов.

Система многоступенчатого контроля и слежки, во главе которой стояла сама вдовствующая императрица, охватывала весь дворец. За молодыми служанками наблюдали старые, за старыми — евнухи, за ними — фрейлины и т. д. Сами фрейлины могли попадать в свои покои, только пройдя мимо веранды Цыси. Главным же средством защиты от покушений, заговоров и переворотов была специальная охрана, которой в течение большей части жизни Цыси командовал её родственник Жун Лу.

Правительница Цинской империи была очень высокого мнения о своих способностях и заслугах. Она открыто говорила придворным, что является самой умной из женщин, когда-либо живших на свете. Самомнению Цыси очень льстило, когда услужливые сановники называли её Старым Буддой или Почтенным Буддой. Её вовсе не смущало, что тем самым о ней говорили в мужском роде (известны и другие обращения такого типа — например, Старый Предок), ибо тем самым подчёркивались сила и обоснованность власти императрицы в Китае.

Цыси считала себя также высшим авторитетом во всех искусствах и науках, не исключая медицины. Когда государыня заболевала (при её железном здоровье это случалось редко), придворные врачи просто писали рецепты лекарств на отдельных листках и подавали ей, а она сама выбирала из них «наилучшие». Цыси очень любила льстивые разговоры о её красоте и человеческом обаянии, и хитрецы таким образом достигали высокого положения при дворе. Правда, нужно сказать, что императрица, по описаниям европейцев, действительно казалась моложе своих лет — в пятьдесят ей нельзя было дать больше тридцати, в семьдесят лет она выглядела сорокалетней.

Когда Цыси впервые появилась при дворе, ей платили в год около 150 лянов (китайская серебряная монета), т. е. 400 американских долларов. А накануне смерти её ежегодные доходы составляли почти 10 млн долларов. Главными источниками её состояния являлись подарки и подношения льстивых и вороватых чиновников — министров, губернаторов и т. д. Только начальник Шанхайской области присылал ей каждый год 100 тыс. лянов «на пудру и румяна». Цыси дарили также расшитые ткани, каллиграфические надписи, картины, старинные китайские и заграничные вещи. Рассказывали, что больше всего государыня ценила часы и люстры. Что касается драгоценностей, то их у неё было столько, что даже поднесённые ей однажды четыре мешка отборного жемчуга нисколько не поразили её воображение.

Вдовствующая императрица дорожила своими сокровищами скорее всего с той точки зрения, что они придавали ей ещё больший вес при дворе. Из драгоценностей на ней почти всегда можно было видеть только несколько колец из зелёного и голубого нефрита, жемчужную диадему в виде цветов и накидку, унизанную жемчугом. Ещё она носила крохотные жемчужные серьги и никогда их не снимала. Старые царедворцы рассказывали, что эти серёжки подарил ей император Сяньфэн, когда она впервые вошла во дворец. Серёжек было четыре, поэтому Цыси пришлось проколоть в каждом ухе по две дырочки.

Непритязательна была правительница и в одежде, и, по меркам цинского двора, в еде. Её ежедневное меню состояло из сотни блюд, но выбирала она, как правило, приготовленные большего великолепия, — это верность традициям, строгие порядки, спокойствие и контроль чиновников за народом.

Годы правления Цыси были, пожалуй, самыми бурными в новой истории Китая. Она пришла к власти в момент, когда в самом центре страны существовало так называемое «Небесное государство тайпинов». Долгое время правительственным войскам не удавалось справиться с ним. Бедняков привлекали такие черты тайпинского учения, как стремление к уравнительному разделу имущества и земли, призывы бороться с маньчжурами. Тайпины пытались устроить жизнь в государстве на началах военной общины. Каждые 25 семей составляли взвод, имевший общественную кладовую, куда все обязывались сдавать излишки продуктов и денег. В войсках соблюдалась строгая дисциплина, запрещалось пить вино, играть в азартные игры, курить опиум. Фанатично преданные своему вождю Хун Сюцюаню, тайпинские воины успешно сражались с правительственными армиями и даже угрожали столице империи Пекину. Цыси прекрасно понимала, что само существование «Небесного государства» представляет серьёзную угрозу для Цинской империи. На подавление движения тайпинов были брошены наиболее боеспособные части, власти не брезговали подкупом его вождей, использовали помощь Западных стран. В 1864 г. государство тайпинов было разгромлено, и лёгкость, с которой немногочисленные отряды европейцев побеждали повстанцев, равно как и правительственные войска во время второй «опиумной» (1856—1860 гг.) войны, произвела впечатление на Цыси. Ведь маньчжуры и китайцы обладали, как считалось на Востоке, главными слагаемыми военного успеха — высоким боевым духом и совершенной, отработанной веками тактикой ведения войны.

Правящие круги империи Цин в последней трети XIX в. больше не имели оснований относиться к уровню развития европейской науки и техники так же спокойно, как это делал в 1793 г. император Цяньлун. Так, осмотрев привезённые ему английской миссией огнестрельное оружие, оптические приборы и другие достижения западной цивилизации, Цяньлун приказал составить ответную ноту Георгу III. В ней, в частности, говорилось: «Великие подвиги нашей династии проникли во все страны Поднебесной, и государи всех наций суши и морей присылают свои ценные дары... Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях вашей страны. Трепеща, повинуйтесь и не выказывайте небрежности», — советовал Цяньлун королю «владычицы морей» Британии. Военные успехи европейцев стали тем самым фактором, который вынудил цинские власти частично отказаться от традиционной изоляции и повернуться лицом к внешнему миру.

В середине 60-х гг. XIX в. сторонники линии на расширение торговых связей с Западом во главе с князем Гуном при энергичной поддержке вдовствующей императрицы провозгласили «курс

на самоусиление» Китая. Цыси считала, что Цинская империя должна будет в конечном счёте остановить европейцев силой, военной мощью, но для этого китайцам сначала нужно научиться у них организации военного дела; необходимо перенять технологию производства оружия, оснастить им войска. Сторонники самоусиления старались укрепить военные силы империи, однако одновременно стремились сохранить старые порядки.

Именно поэтому такими противоречивыми оказались итоги «курса на самоусиление». Казалось, страна двинулась в сторону взаимодействия с западной цивилизацией. В столице было создано особое учреждение, которое занималось сношениями с иностранными державами, внешней торговлей, закупкой вооружения, судов и машин, строительством железных дорог и горным делом. Сановники-китайцы начали строить арсеналы, судоверфи, пороховые и патронные заводы. В Китае появились учебные заведения западного образца: инженерные, военно-морские, медицинские; переводилась научно-техническая литература. В стране крестьян, монахов, чиновников-шэньши зарождалась новая интеллигенция.

Однако осторожные шаги Цыси по пути модернизации Китая не могли принести немедленных плодов. Основная масса населения страны оказалась в стороне от нововведений. Дух предпринимательства с трудом распространялся в обществе, воспитанном в традициях конфуцианства. Властная и решительная, Цыси пыталась покончить со страшным бедствием Китая — системой взяточничества среди чиновников, расставляя преданных ей людей на ключевые посты, но тщетно. Обманчивое впечатление, что Цинская империя довольно далеко продвинулась по пути прогресса, рассеялось в ходе японо-китайской войны 1894—1895 гг.

По условиям договоров, подписанных после её окончания, иностранцы получили право строить свои фабрики и заводы в Китае. В 1897 г. насчитывалось уже 600 иностранных фирм и около 50 тыс. иностранных подданных. Настоящая борьба разгорелась за очень выгодные концессии на строительство железных дорог. Великие державы превратили Китай в поле своего соперничества и к началу XX в. фактически разделили страну на сферы влияния. Англия контролировала провинции Южного Китая и бассейн реки Янцзы, Франция — юго-западные районы, Германия — Шаньдунский полуостров, Япония захватила остров Тайвань, Россия получила исключительное влияние в Маньчжурии, где вела строительство знаменитой Китайско-Восточной железной дороги. Кроме того, некоторые стратегически важные пункты побережья были сданы в аренду иностранным державам (например, Порт-Артур и Дальний на Ляодунском полуострове — России, Циндао в Шаньдуне — Германии, Вэйхайвэй — Англии и т. д.). Китай начисто потерял возможность проводить собственную независимую политику.

различными способами рыбу, утку и цыплёнка. Еще каждый день для сохранения молодости Цыси выпивала большую чашку женского молока.

Для души Цыси любила выводить иероглифы, что в Китае считалось большим искусством, и рисовать. Европейского искусства она совсем не знала и имела по этому поводу самые дикие представления. Например, Цыси не знала, что европейские танцы танцуют под музыку, и думала, будто они представляют из себя бессмысленные прыжки мужчин и женщин по комнате. Правда, в конце жизни, оценив силу европейской цивилизации, она стала интересоваться её новинками — и даже каталась однажды на трёхколёсном велосипеде.

Цыси была последней императрицей Цинской династии и обладала в стране огромным влиянием. И тем не менее характерно, что она, самовластная правительница, окружённая толпой льстивых министров и придворных, постоянно жаловалась на то, как она одинока и несчастна.

Крах «политики самоусиления» вынудил Цыси отойти от кормила правления, хотя её влияние было по-прежнему велико. На первый план вышел молодой император Гуансюй. Он не был человеком сильной воли, но обладал достаточно широким кругозором, чтобы понять связь между уровнем развития европейской цивилизации и её общественной системой. С 1898 г. большое влияние на него стал оказывать известный китайский учёный Кан Ювэй, обвинявший правящие круги Пекина и саму вдовствующую императрицу в неспособности отразить проникновение европейцев. Он призывал Гуансюя по примеру Петра I и японского императора Муцухито лично возглавить проведение реформ, убрав в наследии Китая всё то, что могло бы помешать продвижению вперёд. На протяжении «ста дней реформ» (11 июня — 22 сентября 1898 г.) Гуансюй издал свыше 60 указов, провозглашавших целью обновление Цинской империи и превращение её в сильное современное государство. Указы императора повелевали содействовать развитию новых отраслей хозяйства, перевооружить армию и провести чистку её личного состава, ликвидировать ненужные учреждения. Реформаторы попытались осовременить систему государственных экзаменов, введя в их программу историю Запада и политическую экономию. В указах властей было обещано поощрение издания газет, журналов, иностранных книг.

Политика Гуансюя — Кан Ювэя вызвала сильное недовольство Цыси. Она увидела в этих реформах лишь забвение древних традиций и бездумное поклонение Западу. Действуя из-за кулис, влиятельнейшая императрица постепенно сплотила вокруг себя противников нововведений. Цыси добилась того, что чиновничество, царившее в провинциях и уездах, парализовало проведение реформ и императорские указы остались лишь на бумаге.

В свою очередь сторонники императора прекрасно понимали, что реформы не смогут осуществиться до тех пор, пока устаревшая система управления пользуется поддержкой

императрицы. В сентябре 1898 г. Кан Ювэй решился на отчаянный шаг. Он обратился за поддержкой к популярному генералу Юань Шикаю, надеясь с помощью военного переворота отстранить от власти вдовствующую императрицу. Однако генерал предал его. В ночь с 21 на 22 сентября Цыси подняла маньчжурскую гвардию и свергла Гуансюя. От его имени был издан указ с осуждением реформаторов и с просьбой к императрице взять бразды правления в свои руки. Гуансюй был заточён в одном из дворцов и с тех пор на протяжении десяти лет влачил жалкое существование царственного узника. Он жил в окружении шпионов (среди них была и его жена), больной, лишённый по приказу Цыси настоящей врачебной помощи.

Попытка реформировать Китай сверху провалилась, властная и решительная правительница вновь остановила своих соперников и отменила почти все указы периода «ста дней реформ».

Характерно, что эти события подстегнули рост антиевропейских настроений в государстве. Население увидело в императоре человека, желавшего окончательного подчинения Китая чужакам, а в Цыси — спасительницу страны. С осени 1898 г. сильно расширило свою деятельность тайное общество «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»), обещавшее изгнать «заморских дьяволов» из страны. Члены общества верили в то, что заклинания и особые приёмы рукопашного боя делают человека неуязвимым для пуль иностранцев. Ненависть к Западу принимала у ихэтуаней форму отрицания всего иностранного. Они уничтожали машины, разбирали железнодорожные пути, рубили телеграфные столбы, ломали трофейное оружие. Весной 1900 г. многотысячные толпы повстанцев вошли в столичную провинцию, громя по пути иностранные миссии. Императрица решила использовать ихэтуаней в качестве орудия борьбы против Западных держав, попыталась с их помощью вернуть Китаю былое величие. Она восприняла это движение как знак судьбы. Цыси разрешила отрядам восставших вступить в Пекин, где они вместе с правительственными войсками занялись осадой посольств, а затем объявила войну иностранным державам. В ответ восемь государств (Англия, Франция, США, Германия, Россия, Япония, Италия, Австро-Венгрия) высадили десант, который в августе 1900 г. вошёл в Пекин. Сила вновь оказалась не на стороне китайцев. Цыси бежала из столицы, приказав сановникам начать мирные переговоры. Вскоре она издала указ, предписавший правительственным войскам обратить оружие против её бывших союзников — ихэтуаней. События, сопровождавшиеся с обеих сторон страшными зверствами, завершились подписанием договора, согласно которому Китай был обязан предоставить новые права иностранным подданным и выплатить державам колоссальную контрибуцию.

Восстание ихэтуаней и интервенция потрясли страну и означали крайнее унижение для старой императрицы. Она оказалась вынужденной предпринять какие-либо шаги, показывающие способность властей идти в ногу со временем. Возвращаясь в Пекин, Цыси часть пути проделала по железной дороге, что было своеобразной демонстрацией её готовности перейти к реформам. В 1901—1905 гг. были изданы указы, которые отменили древнюю систему литературных экзаменов, дающих право на занятие официальных должностей, ликвидировали рабство, запретили обычай бинтования ног китайских женщин и др. В 1906 г. правительство объявило о предстоящем введении в Китае конституции, сохраняющей, впрочем, абсолютную власть за династией Цин. Однако реальная сила императрицы уменьшилась, хотя она продолжала цепко держаться за власть. Когда 14 ноября 1908 г. умер император Гуансюй, Цыси, верная своему правилу сажать на трон младенца и удерживать за собой полновластие, назначила его преемником двухлетнего Пу И. Но ровно через сутки, 15 ноября 1908 г., 73-летняя правительница Китая внезапно скончалась. С её смертью завершилась целая эпоха в истории страны.

Незадолго до кончины Цыси со слезами на глазах сказала своему зятю князю Чуню: «Вот я и состарилась. Правила несколько десятков лет, а никакой пользы стране не принесла!». Самыми же последними её словами якобы были: «Никогда не позволяйте женщине править страной!».

ЧАН КАЙШИ

Чан Кайши родился 31 октября 1887 г. в Цикоу, небольшом городе одной из самых богатых и развитых провинций Китая — Чжэцзян. В соответствии с обычаями состоятельных семей родственники отправили юного Чана изучать основы традиционной философии, чтобы в дальнейшем он мог претендовать на хорошее место на государственной службе. Однако в 1905 г. Чан Кайши неожиданно оставил учёбу и заявил родным, что решил посвятить себя профессии военного. Тогда в Китае авторитет мундира был невысок, так как страну уже не раз потрясали опустошительные нашествия и войны, а китайские войска с печальным однообразием терпели поражения.

Выяснилось, однако, что это обстоятельство только подогревало честолюбие юноши. Он верил в великое будущее китайской нации и потому возмущался бездеятельностью Цинской династии, превратившей Китай во второразрядную страну, восхищался Японией, которая в 1905 г. выиграла

войну с Россией. Чан Кайши демонстративно обрезал косу — знак покорности властям — и отправился в Токио, чтобы поступить в военное училище. Здесь его ждало разочарование — он не был принят на учёбу без официального направления. Но будущий генералиссимус отличался терпением и упорством. Вернувшись в Китай, он поступил в военную школу, где преподавание велось по японской системе. Зимой 1907 г. Чан Кайши всё же пробился в число курсантов, отобранных для учёбы в Японии.

Там в это время действовала созданная доктором Сунь Ятсеном тайная организация «Китайская революционная лига». Несмотря на то что китайским курсантам строго запрещалось заниматься политической деятельностью, Чан Кайши вскоре вступил в ряды лиги. Он произнёс слова присяги на верность китайской революции: «Клянусь бороться за изгнание маньчжур, освобождение Китая, создание республики и установление равных прав на землю!».

Когда в Китае началась Синьхайская революция, свергнувшая в октябре 1911 г. Цинскую династию, Чан Кайши вернулся на родину. Однако надежды на быстрое возрождение страны оказались напрасными. Бурные события 1911—1913 гг. привели к власти в Китае генерала Юань Шикая, продолжившего политику Цинов. После его неожиданной смерти страну практически разделили между собой дуцзюни — генералы и бывшие губернаторы провинций, которые повели между собой борьбу за сферы влияния: создавали блоки, предавали союзников, перебегали ко вчерашним противникам... Они имели собственные армии, вводили собственные налоги, воевали с соседями, а расплачиваться за всё это приходилось китайскому народу. Некоторые из генералов были ставленниками иностранных держав и получали от них поддержку оружием и деньгами. Положение было настолько тяжёлым, что Китаю, казалось, никогда больше не стать единым государством.

Чан Кайши. 1928 г.

Исключением на этом фоне был юг, где действовало правительство Сунь Ятсена. Организованная им Национальная партия — Гоминьдан — добивалась объединения страны, её независимости, установления конституционного строя и наделения крестьян землёй. В борьбе за это Сунь Ятсен делал ставку на военную силу, однако создать дисциплинированную, боеспособную армию было не просто. Имевший хорошую профессиональную подготовку, Чан Кайши быстро выдвинулся и вошёл в руководство гоминьдановской армии. Авторитет Чан Кайши упрочился благодаря его безупречному поведению в критические дни 1922 г., когда Сунь Ятсену пришлось бежать из своей столицы Гуанчжоу после предательства одного из генералов.

В том же году Чан Кайши был назначен начальником штаба гоминьдановской армии. Это было время поворота в политике Сунь Ятсена. Не надеясь больше на сомнительный союз с генералами, лидер Гоминьдана обратился к русским революционерам. В августе 1923 г. 35-летний генерал Чан Кайши выехал во главе делегации в Москву.

Советское руководство благосклонно приняло посланцев доктора Суня, имея в виду перспективы развития мировой революции. Чан Кайши подчёркивал готовность Гоминьдана сотрудничать с коммунистами, до конца бороться с империализмом и капитализмом. Вернувшись в Китай, он, однако, старался не вмешиваться в политические дебаты, сосредоточив своё внимание на чисто военных делах.

Возможно, это обстоятельство помогло Чан Кайши возглавить Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена. Соратники доктора Суня считали генерала мало смыслящим в политике человеком и тем самым облегчили ему путь к власти. Прозорливее оказались иностранные наблюдатели, отмечавшие его энергию и организаторские способности, умение разбираться в людях и... честолюбие.

События 1925—1927 гг. подтвердили эти наблюдения. Неплохо вооружённая и обученная армия стремительно продвигалась на север, отбирая власть у дуцзюней. Этот Северный поход, возглавляемый Чан Кайши, представлял собой настолько необычное явление, что привлёк внимание всего мира. Небольшие группы агитаторов двигались впереди войск, рассказывая людям о новой власти. Города и деревни радушно встречали наступавшую армию и помогали ей. Войска, отправляемые против южан, нередко переходили на их сторону. В марте 1927 г. отряды Гоминьдана с триумфом вошли в крупнейший город Китая — Шанхай. В результате фактически весь Китай, за исключением Маньчжурии, признал власть гоминьдановского правительства.

Северный поход принёс честолюбивому маршалу (с 1928 г. — генералиссимус) мировую славу. И вот когда западные державы увидели перед собой новый и, казалось, опасный для них Китай, Чан Кайши круто изменил свою политику. Он разорвал союз с коммунистами и заявил о готовности установить дружеские отношения с капиталистическими странами. Этот шаг означал разрыв с СССР и Коминтерном и, стало быть, крах надежд их лидеров на китайский вариант мировой революции.

Такой резкий поворот Чан Кайши от идеалов национальной революции в сторону политических выгод союза с Западом оттолкнул от него многих людей. Среди них был его любимый сын Цзян Цинго, учившийся в Советском Союзе и серьёзно тогда увлёкшийся коммунистическими идеями.

Придя к власти, Чан Кайши сразу же столкнулся с серьёзными проблемами. Влиятельные круги Гоминьдана не устраивала ориентация на США и Англию. Укрепляло позиции коммунистическое движение, создавшее в 30-х гг. противостоящие центральному правительству «советские районы Китая». Япония от политического давления на Китай перешла к открытой агрессии. В 1931—1932 гг. японцы захватили Маньчжурию, богатый, перспективный и важный в стратегическом отношении район. Они создали на его территории государство Маньчжоу-Го. Чан Кайши смирился с этим, понимая, что серьёзное столкновение с Японией означало бы неминуемое поражение гоминьдановских армий. Выгоднее было подождать столкновения японцев с мощными западными державами.

Чтобы не допустить усиления Коммунистической партии Китая (КПК), Чан Кайши организовал против «Советских районов» пять походов и вынудил коммунистов переместиться на север страны.

Марксистской идеологии вождь Гоминьдана противопоставлял возвращение к идеалам конфуцианства — скромности, воздержанности, послушанию. Была создана многотысячная организация синерубашечников, члены которой беспрекословно повиновались Чан Кайши. И хотя на публичных выступлениях он много говорил о преимуществах политической системы западных демократий, в Китае формировалась диктатура Чан Кайши. «Одна страна, одна партия, один вождь!» — таков был официальный лозунг гоминьдановского Китая.

Политика лидера вызывала недовольство не только простых китайцев, но и гоминьдановских генералов, считавших, что угроза японской агрессии требует объединения всех патриотов, включая коммунистов. Генералы Чжан Сюэлян и Ян Хучэн пошли на соглашение с лидером коммунистов Мао Цзэдуном и в декабре 1936 г. арестовали Чан Кайши, намереваясь предать его суду. Но тот вновь показал себя незаурядным политиком: заявил о готовности прекратить гражданскую войну, создать единый антияпонский фронт и... удержался у власти.

Тем не менее в 1937—1945 гг. китайская сторона вела военные действия своеобразно: и националисты, и коммунисты не столько атаковали японские войска, сколько готовились к будущей борьбе между собой. Надеясь на военную поддержку США, лидеры Гоминьдана недооценили чрезвычайно возросшего в 40-е годы влияния коммунистов. Крестьянство, так и не дождавшееся проведения в жизнь лозунга Сунь Ятсена «Каждому пахарю — свое поле!», перестало доверять националистам. Передел земли стал главным козырем компартии. В конце концов именно интересы миллионов китайских крестьян определили победу коммунистов в гражданской войне 1945—1949 гг.

Верные Чан Кайши военные части, члены гоминьдановской партии и их семьи эвакуировались на остров Тайвань. Чан Кайши не собирался отказываться ни от политического контроля над населением, ни от однопартийности, ни от помощи США. Аграрная реформа, внимание к экспортному производству, широкая торговля с соседними странами и другие шаги по активизации экономики позволили Тайваню резко ускорить темпы развития.

До конца своих дней Чан Кайши был уверен, что лишь неблагоприятные внешние обстоятельства и агрессия коммунистов сорвали возрождение великого Китая.

Умер он на 88 году жизни в апреле 1975 г. Его преемником на посту президента стал сын Цзян Цинго, который вернулся из Советского Союза убеждённым антикоммунистом.

МАО ЦЗЭДУН

Мао Цзэдун родился 26 декабря 1893 г. в деревушке Шаошань китайской провинции Хунань. Его отец был зажиточным крестьянином и потому смог дать сыну неплохое образование. Сначала Мао учился в сельской школе, затем в средней школе города Чанша. Ему исполнилось 18 лет, когда в Китае началась Синьхайская революция. Она означала для Мао, кроме всего прочего, знакомство с учениями, распространёнными на Западе, — анархизмом, социализмом. Он становится членом революционной организации «Новый народ». Возвратившись в 1918 г. на короткое время к учёбе, Мао закончил учительскую семинарию и отправился в Пекин. Он уже был полностью захвачен политической борьбой.

В Пекине Мао устроился на работу в библиотеку университета и сблизился там с Ли Дачжао — будущим основателем компартии Китая (КПК). Итогом этого знакомства было то, что неопределённые революционные взгляды молодого

Мао приобрели более чёткие очертания. Народные выступления, начавшиеся 4 мая 1919 г. и прошедшие под лозунгами сопротивления западным державам, всколыхнули Китай. Мао Цзэдун уехал в родную провинцию, редактировал там газету, создал сначала студенческую организацию, а затем марксистский кружок. Он был в числе делегатов учредительного съезда китайских коммунистов (1921 г.). Их было всего двенадцать, и в целях конспирации одно из своих заседаний съезд провёл даже в лодке посередине озера.

Вернувшись в провинцию Хунань, Мао организовал в городе Чанша ячейки КПК. В это время он стал хорошо известен в родной провинции не только как вожак местных коммунистов, но и как хороший оратор, как политик, готовый в интересах революции пойти на союз с некоммунистами.

Понятно, что, после того как лидер китайских националистов Сунь Ятсен взял курс на дружбу с СССР и КПК на особых правах вошла в состав Гоминьдана, Мао занял ответственные посты в его руководстве. Одно время Мао фактически руководил отделом пропаганды Гоминьдана, возглавлял Институт крестьянского движения в городе Гуанчжоу. Начиная с 1926 г. появляются теоретические работы Мао Цзэдуна, благодаря которым он получает известность как коммунистический мыслитель.

В своих произведениях будущий диктатор стремился приспособить систему понятий марксизма к образу мыслей простого китайца, передать идеи революции через русло китайских философских традиций. Его настольными книгами стали полный набор китайских энциклопедических словарей, древние трактаты, древняя китайская художественная литература. В учении Мао многое было заимствовано из старых крестьянских представлений о справедливом обществе, кое-что было взято из анархизма. Там можно найти положения, которые по сути дела ставили китайскую нацию выше всех других. Но, возможно, именно эти недостатки (с точки зрения марксизма) привлекали в условиях отсталого Китая в ряды коммунистов новых и новых людей.

Мао Цзэдун.

После того как Чан Кайши и Гоминьдан в ходе национальной революции начали преследования коммунистов, Мао Цзэдун осенью 1927 г. поднял в Хунани восстание «осеннего урожая». Вскоре восстание было подавлено, а оставшиеся вооружённые силы вынуждены были отступить. Они попали в горы Цзинганшань, где хозяйничали два отряда разбойников, главари которых примкнули к Мао и стали командирами полков в Китайской Красной Армии. Однако, после того как армия в 1929 г. ушла из этих мест, они, по словам Мао, «вернулись к своим привычкам», были схвачены и казнены крестьянами.

Горы Цзинганшань вскоре стали сборным пунктом бежавших революционеров. Здесь собрались значительные силы, и руководство КПК требовало от Мао «великих наступлений» на города. Эти приказы выполнялись вполсилы, вооружённые формирования коммунистов стремились расширить своё влияние, и это им удавалось. На освобождённых от власти Чан Кайши территориях провозглашалась советская власть. К началу 30-х гг. в Китае образовался так называемый «красный пояс», контролировавшийся КПК.

Успехи революционных войск объяснялись тем, что новая власть наделяла крестьян землёй, отбирая её у помещиков и богатых хозяев. «Кто завоюет крестьян, тот завоюет Китай, а кто решит земельный вопрос, тот завоюет крестьян», — говорил Мао. Другая причина заключалась в том, что в этой, в сущности крестьянской армии строго соблюдалась дисциплина, не разрешались поборы с населения.

Тогда же Мао Цзэдун создал основанную на советах древних китайских полководцев тактику военных действий, о которой много спорили. Вкратце её можно представить в виде четырёх взаимосвязанных положений: если враг наступает, мы отходим; если останавливается и разбивает лагерь, мы ему мешаем; если он избегает боя, мы наступаем; если враг отступает, мы преследуем.

Хотя границы «красного пояса» постоянно изменялись, коммунисты контролировали территорию в 150 тыс. км^2 с населением 10—12 млн человек (примерно 9% площади Континентального Китая и 3% его населения). Понятно, что гоминьдановский режим не желал мириться с этим «государством в государстве». Против «советских районов» были организованы четыре карательных похода, но коммунисты устояли. Пятый поход

гоминьдановских армий, насчитывавших полмиллиона солдат, поставил Китайскую Красную Армию на грань поражения. Немецкие генералы — советники Чан Кайши — применили «тактику блокгаузов», т. е. укреплённых точек, полностью простреливающих пространство между собой. Руководство КПК приняло решение уйти из Центрального Советского района. В октябре 1934 г. 100 тыс. человек двинулись сначала в западном, затем в северном направлении. Начался знаменитый «великий поход» китайских коммунистов в поисках новой надёжной базы.

Они форсировали болота и реки, страдали от голода и эпидемий, подвергались постоянным бомбардировкам с воздуха и атакам правительственных войск. Из стотысячной армии в северную провинцию Шаньси в октябре 1935 г. пришло 10 тыс. солдат. Переход в 12,5 тыс. км через весь континентальный Китай стал классическим эпизодом военной истории. Легендарными стали переправа через реку Дадухэ, бой у висячего моста под городом Лудин, в том самом месте, где 70 лет назад была разбита одна из армий тайпинов. Гоминьдановские солдаты успели снять половину покрытия моста. Красноармейцы перебирались на противоположный берег по его цепочкам, кое-кто срывался в пенившуюся внизу воду. Всё же большая часть их сумела добраться до покрытия, забросала гранатами охрану моста и обеспечила продвижение тысяч своих товарищей.

Одновременно «великий поход» стал важным этапом в продвижении Мао Цзэдуна к вершинам власти. В январе 1935 г., в самую тяжёлую пору перехода, на совещании в городе Цзуньи Мао выступил против руководства КПК и добился успеха. Ответственность за неудачи Красной Армии он возложил на представителя Коминтерна Брауна и связанных с Москвой китайских коммунистов. Со времени совещания в Цзуньи преобладающим в партии становится влияние сторонников Мао Цзэдуна, подчёркивавших значение для страны «китаизированного марксизма» — маоизма. Понятные неграмотному крестьянину простые идеи передела земель, создания справедливого общества равных людей хорошо усваивались в Китае. Авторитет Мао Цзэдуна как политического и идейного лидера КПК становился непререкаемым. В 1937 г. Япония предприняла крупное наступление против Китая, и это, наконец, побудило воюющие стороны — КПК и Гоминьдан — объединиться и выступить единым фронтом против японцев. Мощная военная машина Токио превратила в пепел многие города Китая и подчинила себе огромные территории. И чанкайшисты, и коммунисты делали ставку на партизанские действия, лишь изредка бросая против японцев крупные военные соединения. Когда же в войну с Японией вступили союзники по антигитлеровской коалиции, Гоминьдан и КПК во главе с Мао уже больше думали о будущей борьбе за власть. Мао указывал: «Десять процентов своих сил — на борьбу с Японией, двадцать процентов — на борьбу с Гоминьданом, семьдесят процентов — на рост своих сил».

Время решительной схватки наступило в 1945 г. В стране, с 1911 г. не знавшей мира, вновь развернулись военные действия. Вначале успех был на стороне гоминьдановских армий, получавших первоклассное американское снаряжение, но в конце концов крестьяне, видевшие в КПК силу, способную дать им землю, склонили чашу весов на сторону коммунистов. К тому времени их войска тоже были неплохо вооружены, поскольку СССР передал им вооружение Квантунской армии, капитулировавшей в Маньчжурии.

В ходе крупнейшей Хуайхэйской битвы (ноябрь 1948 — январь 1949 г.) коммунистическая Народно-освободительная армия пленила и уничтожила 400 тыс. солдат Чан Кайши, или 56 дивизий. Это сражение было одним из самых крупных в истории — с обеих сторон в нём участвовало по миллиону человек. После этой победы был открыт путь к сердцу Китая — реке Янцзы, и коммунистические войска под командованием прекрасных полководцев Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Лю Бочэна и других довольно легко сломили сопротивление гоминьдановцев. В октябре 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика (КНР), во главе нового государства встал Мао Цзэдун.

Три десятилетия, в течение которых он находился у власти, Китай не воевал с внешним врагом. Ни одна политическая организация, кроме КПК, не могла претендовать на власть в государстве. И тем не менее эти три десятилетия были для страны временем больших потрясений.

В первые годы после образования КНР Мао много сделал для того, чтобы расколотое и изнурённое войнами общество восстановило страну и народное хозяйство. Он даже заявил, что КНР должна стать государством «новой демократии», в котором крестьяне, рабочие, интеллигенты и предприниматели будут сотрудничать в строительстве нового Китая. Но как только появились первые плоды такого сотрудничества, Мао Цзэдун отказался от прежних обещаний и заявил о начале строительства социализма в Китае. Это означало переход частных заводов и фабрик в собственность государства, создание новых крупных предприятий, организацию коллективных хозяйств в деревне, полное господство коммунистических идей в просвещении, литературе и искусстве. Это означало и вынужденное сближение с СССР, так как у Китая не было ни средств, ни специалистов для переустройства страны. Одно время казалось, что в итоге этого сближения Китай станет во всём равняться на Советский Союз, а значит, позиции Мао и маоизма как политической силы будут слабеть. На съезде КПК в 1956 г. впервые после совещания в Цзуньи не

Мао Цзэдун на плакате. 1949 г.

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ МАО ЦЗЭДУНЕ

Отношения между СССР и китайскими коммунистами никогда не были ровными и гладкими. Даже в 40-е гг., когда военная мощь сил Мао Цзэдуна зависела от размеров помощи СССР, его сторонники не прекращали бороться с «коминтерновцами» — теми, кого считали проводниками влияния Москвы. С другой стороны, когда после капитуляции Японии КПК повела войну не на жизнь, а на смерть против Гоминьдана, Сталин не верил в её победу. Он пытался внушить руководству компартии мысль о «двух Китаях», т. е. о создании на его территории коммунистического и гоминьдановского государств, — как это уже произошло в Германии, а потом в Корее и во Вьетнаме. К тому же Сталин сильно сомневался в верности Мао идеям марксизма и даже однажды в сердцах произнёс: «Мао — как редиска. Он только снаружи красный, а внутри белый». Но победителей, как известно, не судят. После установления власти КПК над всем Китаем (1949 г.) сомнение это не то что бы совсем исчезло, но ушло на второй план. Наступил период «вечной дружбы» между СССР и КНР — правда, продлилась вечная дружба всего десяток лет. За это время Китай получил громадную экономическую помощь. Советский Союз предоставил ему выгодные кредиты, построил свыше 300 крупных заводов, полностью оснастил их; больше половины торговли КНР приходилось на СССР. В 1954 г. советская сторона передала КНР Порт-Артур и Дальний, возвращённые после победы над Японией, а также знаменитую Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД).

После смерти Сталина советско-китайские отношения сильно осложнились. Дело в том, что Мао стал примерять на себя одежды вождя мировой революции. Китайские лидеры сначала в узком кругу, а затем и в печати начали призывать СССР проводить жёсткую политику по отношению к Западу, не останавливаться перед угрозой вооружённого конфликта с ним и даже мировой войны. Именно тогда Мао произнёс: «Империализм — это бумажный тигр». Советские руководители не оставались в долгу, подчёркивая провал печально знаменитого «большого скачка» в социализм в Китае (в 1960—1961 гг., писали западные газеты, от голода там умерло 6—7 млн человек). Хотя обе стороны громко заявляли о незначительности расхождений между друзьями (китайцы выражались так: «Маленький спор и большое единство»), и в Советском Союзе, и в Китае многие понимали — прежней дружбе пришёл конец.

В 1960 г. произошло событие, которое означало открытый разрыв. Н. Хрущёв, раздражённый усилением критики в его адрес со стороны китайцев, дал указание в три дня отозвать из Китая всех технических специалистов. Остановившиеся по этой причине китайские заводы и фабрики ознаменовали начало нового этапа в советско-китайских отношениях — 20-летия открытой вражды между коммунистическими государствами.

СССР и КНР превратились из лучших друзей в главных врагов. «Товарищеская критика» сменилась обвинениями друг друга во всех смертных грехах. Даже вмешательство США во вьетнамские дела не сблизило прежних союзников. Китай, помогавший оружием коммунистическому правительству Северного Вьетнама, не разрешал, однако, перевозить советскую военную технику через свою территорию. Когда в Китае началась «культурная революция», антисоветские настроения, поддерживаемые Мао, достигли пика. Из посольства СССР, у которого не прекращались даже ночью угрожающие расправой демонстрации и митинги, даже эвакуировали детей и женщин. Какое-то время казалось, что дело дойдёт до разрыва отношений между странами.

Китай предъявил также свои претензии на часть территории СССР. Эти притязания, распространявшиеся на Дальний Восток и юг Сибири, были явно несерьёзны, но в одном китайцы были правы. Границу между государствами проводили в XIX в., было упомянуто о «маоцзэдун-идеях».

Но у Мао были свои планы и своё отношение к СССР. Он решил строить социализм «больше, быстрее, лучше и экономнее», т. е. ещё более ускорить темпы его строительства и начать соревнование с Советским Союзом в продвижении к счастливому коммунистическому обществу. Летом 1958 г. было объявлено, что Китай начинает «большой скачок» в социализм. Происходило много такого, что противоречило здравому смыслу. Вся страна варила в маленьких домнах никуда не годный металл, потому что было решено за несколько лет догнать Англию в производстве чугуна и стали. Сотни миллионов людей работали на строительстве каналов и других гигантских сооружений, потому что они должны были демонстрировать преимущества китайского социализма. На селе создавались «народные коммуны», где все получали одинаковый паёк, потому что Мао считал эту форму вознаграждения более коммунистической, чем трудодни в советских колхозах. От крестьян требовали применять при посадке риса «загущённый сев и глубокую вспашку», что абсолютно противоречило требованиям агрономической науки. Страна жила в страшном напряжении сил, повторяя призыв председателя Мао: «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья!».

Вскоре тем не менее стало ясно, что курс на «большой скачок» потерпел крах. Сильно пострадала промышленность, в 1959—1961 гг. страна голодала, и «коммунистический азарт» в народе постепенно проходил. Нужно было снова, как после войны, восстанавливать экономику, налаживать более или менее нормальную жизнь, и КПК провозгласила «курс на урегулирование». Никто не решался публично обвинять Мао в «забегании вперёд», как выражались в те времена, но он счёл за лучшее несколько отойти в тень и даже оставил пост главы государства. Правда, он по-прежнему был несомненным лидером страны, вождём правящей партии, но в начале 60-х гг. стали поговаривать о том, что Мао болен и вскоре совсем отойдет от дел.

Мао Цзэдун же был занят планомерной подготовкой к сведению счётов не только с теми, кто надеялся сменить его у кормила власти, но и с теми, кто мог их поддержать. В 1966 г. Пекин неожиданно объявил о начале великой пролетарской культурной революции, которая должна полностью перестроить жизнь общества и убрать с дороги предателей, мешающих строить социализм в соответствии с учением Мао. Вскоре Мао продемонстрировал отличное здоровье, проплыв 15 км по Янцзы, и активно включился в политическую жизнь. Был провозглашён лозунг «Огонь по штабам!», означавший разгром руководящих органов правящей партии и государства. Неугодные Мао лица подвергались арестам, избиениям и издевательствам. Главной жертвой стал «второй человек» Китая — Председатель КНР Лю Шаоци. Одновременно развернулись

масштабные гонения на китайскую интеллигенцию, которую «перевоспитывали» физическим трудом в отдалённых деревнях. Опорой Мао стала безоглядно доверявшая ему учащаяся и рабочая молодежь — отряды хунвэйбинов (красных охранников) и цзаофаней (бунтовщиков).

Они раздули культ Мао до небывалых размеров. Всё население почти миллиардного Китая имело при себе красные книжечки с указаниями великого Мао по всем вопросам жизни. Они были изданы огромным тиражом на языках чуть ли не всех народов мира. Председателя Мао называли не иначе как «красное солнце» и «великий кормчий». Портреты Мао обязательно имелись в домах китайцев, они заполонили улицы городов и деревень. Всех льстецов перещеголял министр обороны Линь Бяо, который заявил, что такие гении, как Мао Цзэдун, рождаются раз в тысячелетие.

Власть, которой располагал Мао в 1966—1976 гг., можно сравнить разве что с властью императора или Бога. Это проявилось и в области международных отношений. Желание сделать Китай центром мировой революции, а себя — главной фигурой современности приводило Мао к очень рискованным шагам во внешней политике. Но он не боялся гибели земной цивилизации в ядерной войне. Мао не раз говорил, что, если треть человечества погибнет и в мире будет установлен коммунистический строй, гибель этих людей будет оправдана. В Китае усилились националистические настроения, проявившиеся, в частности, в претензиях на территорию соседних стран. Издавались карты, на которых границы Китайского государства охватывали районы Южной Сибири и Дальнего Востока, Монголии и Вьетнама, Бирмы и Индии.

Мао Цзэдун. 1956 г.

когда Китай был слабым, зависимым от великих держав государством. Поэтому на многих участках она проводилась не по водной поверхности реки, как это принято в международных отношениях, а по китайскому берегу. Течение пограничной реки Уссури настолько бурное, что иногда она меняет русло, откалывая целые куски суши от китайской территории. Образовавшиеся острова считались уже советской территорией. Пока отношения между странами были дружескими, эти вопросы удавалось улаживать, но когда они испортились, пограничные проблемы стали поводом к многочисленным стычкам (только в 1967 г. их было около 2 тыс.). Самым известным из конфликтов на советско-китайской границе стали события на острове Даманский, которые стоили десятков жизней и в которые были вовлечены довольно значительные военные силы. Вражда достигла таких масштабов, что населению внушалась мысль о подготовке к возможной войне.

В Китае это выразилось в массовом строительстве бомбоубежищ, создании складов продовольствия, больших закупках вооружений на Западе; в СССР — в ускоренном строительстве оборонных сооружений на советско-китайской границе (прежние были взорваны по приказу Хрущёва в период «вечной дружбы»), формировании новых военных соединений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, резком увеличении оборонных расходов. Собственно возведение знаменитого БАМа тоже было прямо связано с китайской угрозой.

Только после смерти Мао Советский Союз и Китай смогли начать очень медленно продвигаться навстречу друг другу. Бессмысленное противоборство привело к тому, что в 80-е гг. политические, торговые, культурные связи странам приходилось начинать почти с нуля.

Резко ухудшились отношения с Советским Союзом. В первой половине 60-х гг. XX в. почти прекратилась торговля с СССР, оттуда были отозваны китайские студенты, а из КНР — советские советники и технические специалисты. Затем, в период культурной революции, дело дошло до взаимных обвинений в измене делу революции, а на рубеже 60—70-х гг. имели место кровопролитные столкновения на границе. Существовала опасность большой войны между Советским Союзом и Китаем.

В конце жизни престарелый «великий вождь» даже заявил, что угроза Китаю со стороны СССР более значительна, чем со стороны США. Более того, в его последние годы началось сближение Китая с Западом. По сути дела у Мао не было выбора, так как хозяйство страны разрушила культурная революция, а на помощь СССР уже нельзя было положиться.

Умер 83-летний Мао Цзэдун 9 сентября 1976 г., находясь на вершине власти. Он считал, что всю жизнь боролся за счастье народа, а оставил преемникам отсталый и голодный Китай. Он хотел всемирного признания своих заслуг, а закончил дни, фактически изолировав страну от всего остального мира. На склоне лет, когда ему, наверное, вспоминалось время «великого похода», его окружали не старые друзья, а полузнакомые люди, выдвинувшиеся в период культурной революции. В этом личная трагедия Мао Цзэдуна. Но время его правления было одновременно трагедией для Китая. Это вынуждено было признать в своё время новое коммунистическое руководство страны.

АТАТЮРК

Ататюрк (Мустафа Кемаль) родился в городе Салоники (ныне Греция) на территории тогдашней Османской империи в 1881 г. Его отец, лесоторговец, а в прошлом таможенный чиновник, был не очень богат, но стремился дать сыну хорошее образование. В государстве, объединившем под властью турок множество народов, никогда не было более почётной профессии, чем военный. Поэтому смышлёный и любознательный юноша избрал для себя карьеру офицера. Он окончил военные училища в Салониках и Монастире (ныне Битола, Македония), а в январе 1905 г., когда ему не было и 24 лет, уже завершил обучение в турецкой Академии Генерального штаба.

Тогда же европейски образованный военный свёл знакомство с такими же, как он, молодыми офицерами незнатного происхождения, недовольными по-средневековому жестоким и закостенелым режимом султана Абдулхамида. «Младотурки» — так стали называть потом этих молодых военных — устранили в 1908 г. в результате переворота абсолютную власть султана в одной из самых древних монархий мира. Однако вскоре вожди движения — Энвер-паша, Джемаль-паша, Талаат-паша и другие — совершенно погрязли в казнокрадстве, взяточничестве, купались в роскоши, забыв о целях, которые когда-то поставили перед собой младотурки, — освобождение от иностранной зависимости, курс на промышленное развитие, равноправие наций, распространение достижений европейской цивилизации и пр. Суровый и склонный к аскетизму, Мустафа Кемаль отходит от бывших единомышленников и занимается исключительно военными делами. На фронтах итало-турецкой (1911—1912 гг.), второй Балканской (1913 г.) и особенно Первой мировой войны он зарекомендовал себя решительным и смелым военачальником. Мустафа Кемаль был одним из очень немногих турецких генералов, способным за счёт своего полководческого таланта и прекрасных боевых качеств турецкого солдата побеждать отлично оснащённые войска европейцев. Даже с недавних пор подозрительно относившееся к популярному командиру правительство младотурков вынуждено было отметить его заслуги — в 1916 г. наряду с генеральским чином он получил почётнейший для турка титул «паша». Но пик его оглушительной славы был ещё впереди.

Президент Турецкой Республики Ататюрк. 1936 г.

Как известно, в Первой мировой войне Османская империя потерпела тяжёлое поражение. Мудросское перемирие, подписанное в октябре 1918 г. на борту английского крейсера «Агамемнон», означало, что великая держава распалась. Арабские территории перешли под управление Англии и Франции, в коренной Турции (Анатолии) высадились союзные войска. Как символ победы Британии, в проливе Босфор стояли английские военные корабли. «Больной человек Европы», как часто называли Османскую империю в XVIII—XIX вв., наконец умер, и победители вполне серьёзно вели переговоры о полном расчленении Турции.

Нашлись люди, которые не желали поддаваться унынию и покоряться судьбе. Какое-то время они действовали без шума, скрытно накапливая оружие и боеприпасы и отправляя их во внутренние районы Турции. Во главе их встал боевой генерал Мустафа Кемаль-паша, которого султан Мехмед VI (Вахад эд-дин) назначил в мае 1919 г. на должность инспектора войск в Восточной Анатолии. Выступая в качестве представителя султана, Кемаль получил хорошую возможность действовать, не вызывая особых подозрений со стороны союзников. Ход событий благоприятствовал ему и его сторонникам. Во-первых, англичане создали на Кавказе Армянскую республику и обещали присоединить к ней восточные провинции Турции. Во-вторых, в мае 1919 г. под прикрытием флота союзников греческие войска оккупировали город Смирну (ныне Измир). Армян и турок, турок и греков разделяла многовековая жестокая ненависть, и в прошлом борьба между ними не раз превращалась в резню. Пока хозяевами положения были турки, они пролили много армянской крови (особенно во времена Абдулхамида II и младотурок), и подчинению армянам турки предпочитали войну.

Террор и надругательства над турецким населением, воцарившиеся в Смирне, также вызвали бурную реакцию, так как турки увидели, какую судьбу готовят им их старые враги и бывшие подданные — греки. Националистическое движение усилилось и под влиянием призывов и воззваний Кемаля приобрело организованный и сплочённый характер. Многие из турецких офицеров и солдат, пребывавших в нерешительности, присоединились к нему, хотя это означало неподчинение султану, ведь последний уже отдал приказ об аресте генерала.

В сентябре 1919 г. в городе Сивасе состоялся конгресс представителей населения. На нём было решено создать движение сопротивления во главе с Кемалем-пашой и принять так называемый «Национальный обет», содержавший условия мира с союзниками и требование полной независимости Турции. Султан стал несколько опасаться кемалистов. Ему пришлось согласился на созыв парламента (меджлиса) в Стамбуле. Кемаль не доверял стамбульским политикам и не поехал в столицу, хотя он и был избран депутатом парламента.

Действительно, уже через полтора месяца после его созыва англичане ввели в город свои войска, объявили военное положение, арестовали 40 депутатов-националистов и отправили их в ссылку на остров Мальта. Турцию снова охватило сильное возбуждение. Теперь всем стало ясно, что султан — лишь марионетка в руках англичан. Многие депутаты бежали в город Ангору (ныне Анкара), где под руководством Мустафы Кемаля собрался парламент, назвавший себя Великим национальным собранием Турции (ВНСТ). Собрание провозгласило себя правительством страны и заявило, что в тот день, когда англичане заняли Стамбул, власть султана перестала существовать. За исключением Стамбула и Смирны, кемалисты уже тогда контролировали территорию всей Турции.

В ответ султан объявил националистическое движение мятежным, а глава мусульманского духовенства (шейх-уль-ислам) назвал Кемаля и его сторонников вероотступниками. Военный суд заочно приговорил генерала к смерти. Он превратился в человека, стоящего вне закона, бунтовщика и предателя ислама, которого мог убить любой религиозный фанатик. Султан объявил также кемалистам джихад, т. е. священную войну, и создал для борьбы с ними особую армию. Для организации восстаний по стране были разосланы представители духовенства. Мятежи происходили повсюду, и Турцию охватила гражданская война, беспощадная с обеих сторон. Одновременно греки вели себя так, будто они навечно стали хозяевами страны. Они опустошали плодородные долины, изгоняли тысячи турок, ставших бездомными. Греки продвигались вперёд, почти не встречая сопротивления.

Кемалисты оказались в трудном положении — освящённая религией гражданская война на родине, иностранное вторжение, тоже направленное против них, причём за султаном и греками стояли союзные державы. Но Кемаль-паша воодушевлял турок, подчёркивая: «Народ, который идёт на все жертвы ради жизни и независимости, не может потерпеть поражение. Поражение означает, что народ мёртв».

В августе 1920 г. был опубликован Севрский договор, составленный союзниками для поверженной Турции и подписанный стамбульским правительством. Он предполагал расчленение страны и контроль Запада над её внутренними делами. Опубликование договора вызвало возмущение турок, влияние националистов ещё более выросло, всё больше и больше людей обращалось к ним в поисках путей спасения государства. Англия и Франция хотели заставить мятежников принять договор силами греческой армии. Началась большая греко-турецкая война. На протяжении лета и осени 1920 г. успех был на стороне Греции, которая теснила турок. Кемаль-паша и его соратники прилагали все усилия, чтобы создать боеспособную армию из остатков османских войск. Помощь — оружие, боеприпасы, золото — им пришла со стороны Советской России, заинтересованной в ослаблении влияния своих главных врагов. Чтобы закрепить особые отношения между турками и Россией, большевики отдали им армянские города Карс и Ардаган, присоединённые когда-то к империи Романовых.

Весной — летом 1921 г. греки предприняли отчаянную попытку взять столицу Кемаля — Анкару. Но туркам удалось приостановить их наступление в битве у села Иненю, а 23 августа 1921 г. началось решительное сражение на реке Сакарье. В течение 22 дней обе армии стояли друг против друга на этой реке, ведя непрерывные беспощадные бои со страшным ожесточением. Это было тяжелейшее испытание на выносливость. Турки уже едва держались, когда греки стали отступать. Следуя своему обычаю, греческая армия, отступая, сжигала всё на своём пути и превратила 200 миль плодородной земли в пустыню. ВНСТ присвоило Мустафе Кемалю-паше, лично руководившему войсками в битве на Сакарье, почётный титул Гази, что означает Победитель.

Равновесие сил сохранялось довольно долго, но в августе 1922 г. турецкая армия после тщательной подготовки прорвала фронт и отбросила греков к морю. Даже отступая, греки мстили, убивая всех попадавшихся им на пути турок — мужчин, женщин и детей. Турки действовали не менее безжалостно и почти не брали пленных. Большей части греческой армии удалось бежать морем из Смирны, но многие кварталы города были сожжены.

После этой победы Кемаль-паша повернул свои войска на Стамбул. Недалеко от города они были остановлены англичанами. Какое-то время существовала опасность англо-турецкой войны, но британцы, не желая увязать в азиатских делах, вынуждены были пойти на переговоры. В конечном счёте в июле 1923 г. Лозаннский договор, под-

твердивший почти всё то, чего требовали кемалисты в «Национальном обете», был подписан. Турции здесь снова помогла поддержка Советской России, а также взаимная подозрительность европейских держав.

Генерал добился главной цели, ради которой он поднял турок на казавшуюся почти безнадёжной борьбу, — независимости родины. Но даже в час больших побед он не собирался возвращаться к временам господства Турции над нетурецкими территориями — Ираком, Сирией, Палестиной и т. д. Кемаль-паша не считал возможным вмешиваться в дела других народов и соответственно не терпел вмешательства иностранцев в дела Турции. Турция стала однородным в этническом отношении государством. Спустя несколько лет по предложению Греции произошёл обмен населением, не имевший прецедента в истории. Греки, остававшиеся в Анатолии (около 1,5 млн человек), были отправлены в Грецию, а турки из Греции — в Турцию. Этот обмен сорвал с насиженных мест огромное число людей и полностью расстроил хозяйство Турции. Дело в том, что турки всегда были прекрасными солдатами, но главную роль во внутренней торговле традиционно играли анатолийские греки.

Став в возрасте чуть более 40 лет полновластным правителем древней страны, Мустафа Кемаль занялся осуществлением очень трудной задачи — модернизацией турецкого общества, приобщением его к достижениям европейской цивилизации, культуры, науки и техники. Он считал, что лишь с такой Турцией будут считаться великие державы. Однако, несмотря на огромную популярность, принесённую ему военными и дипломатическими победами, действовать нужно было очень осторожно, так как нелегко заставить людей отказаться от прежнего образа жизни, освящённого религией и традициями. Начал Кемаль со свержения султана, исполнявшего все английские требования. В ноябре 1922 г. султан Мехмед VI был обвинён в государственной измене (он тайно перебрался на английской санитарной машине на борт корабля британских ВМС и бежал на остров Мальта). В октябре 1923 г. состоялось провозглашение Турции республикой со столицей в городе Анкаре. Президентом её был избран Мустафа Кемаль, который фактически обладал диктаторскими полномочиями и сосредоточил в своих руках всю власть. Национальное собрание следовало его указаниям. Он развернул наступление на многие старые обычаи и без особого почтения относился к исламу. Воспользовавшись подвернувшимся случаем, в марте 1924 г. по его требованию ВНСТ упразднило халифат — систему, в соответствии с которой турецкий султан являлся ещё и халифом, т. е. духовным руководителем мусульман всего мира, «повелителем правоверных». Так ушёл из жизни древний институт, сыгравший важную роль в истории. Турция превратилась в светское государство, где ислам не оказывает прямого воздействия на политику. Интересно, что некоторые просили самого Кемаля-пашу возложить на себя обязанности халифа, но он категорически отказался. Он ориентировался в целом на Запад, на Европу, и хотел как можно скорее осуществить модернизацию Турции. Новым идеалом для турок должен был стать национализм, свободный от религиозной нетерпимости.

Начал европеизацию Мустафа Кемаль с небольшой, но очень характерной вещи. Он ополчился на феску — головной убор, ставший к тому времени символом турок и в какой-то мере мусульман вообще. Сначала он отменил феску в армии, затем сам появился в шляпе, чем страшно потряс сограждан. В итоге Кемаль объявил ношение фески преступлением. Конечно, дело было не столько в безобидном головном уборе, сколько в борьбе со старыми обычаями. По стране в связи с этим запретом прокатилась волна беспорядков. Они были подавлены, а их участники жестоко наказаны.

Следующим шагом турецкого президента было то, что он распустил все мусульманские монастыри и религиозные ордена и конфисковал в пользу государства их имущество. Традиционно уважаемым в народе влиятельным дервишам (нищенствующим мусульманским монахам) было сказано, что они должны трудиться и зарабатывать себе на жизнь. Им запрещалось носить особую одежду.

Вместо закрытых властями мусульманских школ были созданы государственные светские учебные заведения, где преподавание религии запрещалось. Серьёзные изменения произошли в области права. До Кемаля законы Турции опирались на догматы Корана, называемые шариатом. Теперь были введены швейцарский гражданский кодекс, итальянский уголовный кодекс и германский коммерческий кодекс. Изменены были положения частного права, касавшиеся брака, наследования и пр. Было запрещено многожёнство.

Кемаль-паша придавал очень важное значение раскрепощению женщин. Он сделал всё возможное, чтобы турчанки лишились чадры (покрывала, в которое женщины мусульманского Востока при выходе из дома закутываются с головы до ног, оставляя лишь просвет для глаз), и добился успеха. Символом приобщения народа вообще и женщин в частности к западной цивилизации он считал европейские танцы, которые сам очень любил. За какой-то десяток лет Турция изменилась, появились женщины-учителя, врачи, юристы и пр. В 1934 г. турецкие женщины получили избирательные права, что было неслыханным делом для восточной страны.

Небольшим изменением, но важным показателем новой позиции турецких руководителей было неодобрение традиционного приветствия «салам». Кемаль ясно заявил, что рукопожатие — более современная форма приветствия, которой в будущем следовало бы пользоваться.

Затем пожизненный президент перешёл в наступление на турецкий язык или, точнее, на те его

элементы, которые он считал иностранными. Турки пользовались арабским письмом, а Кемаль считал его и трудным, и чужеземным. Воспользовавшись советским опытом перевода письменности народов Средней Азии на латинский алфавит, турецкие специалисты применили ту же систему к своему языку. Сам Кемаль-паша развернул энергичную кампанию за её введение. После нескольких лет пропаганды законом был установлен срок, после которого запрещалось пользоваться арабским письмом и вместо него вводился латинский алфавит. Всем в возрасте от 16 до 40 лет надлежало посещать школы для изучения латинского письма. Чиновники, не знающие его, увольнялись. Заключённых, отбывших сроки наказания, не выпускали из тюрем, если они не умели читать и писать по-новому. Конечно, такие меры, такую резкую ломку традиций можно было проводить в жизнь только благодаря громадной личной популярности диктатора. Вряд ли нашлось бы много правительств, которые осмелились бы так вмешиваться в жизнь людей.

Когда в 1934 г. турки получили фамилии (до этого они пользовались только именами), Национальное собрание дало Мустафе Кемалю фамилию Ататюрк, что значит «Отец турок». Специальный закон запретил носить эту фамилию любому другому гражданину страны. Действительно, большие преобразования полностью изменили жизнь государства, где выросло целое поколение людей, не знающих прежних обычаев и религиозных традиций. Однако Турция 20—30-х гг. XX в. не была идеальным обществом, бодро шагавшим во главе со своим вождём по пути модернизации. Ататюрк явно предпочитал бедность и медленное развитие национальной промышленности зависимости от западных держав. Его правительство не поощряло создание иностранных предприятий, заграничные товары облагались большими пошлинами. Национальная промышленность принадлежала государству, и его чиновники далеко не всегда успешно управляли заводами, фабриками, железными дорогами.

Всякие сомнения людей в правильности действий пожизненного президента вызывали жестокие репрессии. После того, как какой-то религиозный фанатик совершил на его жизнь покушение, так называемые «суды независимости» распространились по всей Турции. Они не щадили даже героев борьбы за независимость, бывших соратников Кемаля, смещая их с высоких постов, отправляя в ссылку и даже приговаривая к смерти. Их обвиняли в том, что они вступили в заговор с зарубежными врагами Турции и покушались на безопасность государства. Самым жестоким образом в 20-е гг. было подавлено восстание курдов (народа, проживающего на территории Турции, Ирана, Ирака и др.), стремившихся к независимости. Система «турецких очагов», а затем «народных домов» твердила каждому турку о выдающихся талантах и полной непогрешимости Ататюрка. Понятно, что ни о какой серьёзной оппозиции политике диктатора в тогдашней Турции не могло быть и речи.

Умер президент Ататюрк в Стамбуле 10 ноября 1938 г. в возрасте 57 лет. Его имя окружено в нынешней европеизированной индустриальной Турции необыкновенным почётом и поклонением.

ТРОПИЧЕСКАЯ И ЮЖНАЯ АФРИКА В XX ВЕКЕ

К началу XX в. большая часть Африканского континента была подчинена колониальными державами. Это произошло в первую очередь вследствие разных экономических и военно-технических возможностей капиталистической Европы и докапиталистических, преимущественно раннеклассовых и доклассовых африканских обществ. К тому же многие страны Африки к концу XIX в. были ослаблены губительными засухами и эпидемиями. Страшная сонная болезнь опустошила огромные территории в Тропической Африке, от голода и болезней погибло до трети населения нынешних Кении, Эфиопии и Танзании.

Англо-бурская война 1899—1902 гг. и Первая мировая война (см. ст. «Буры» и «Первая мировая война») завершили колониальный раздел этих частей континента; независимость (в значительной мере формальную) сохранили лишь Эфиопия и Либерия. Колониальное господство в Африке, как и во всём остальном мире (см. ст. «Колониализм»), имело неоднозначные последствия. При всей своей ярко выраженной эксплуататорской сути колониализм выступал и как созидательная сила в сферах экономики, образования, медицины, способствовал политическому пробуждению местного населения, зарождению новых, политических форм антиколониального протеста. Правда, в это время ещё сохранял силу так называемый феодальный национализм, были широко распространены независимые африкано-христианские церкви и секты, представлявшие собой своеобразное соединение некоторых идей и принципов христианства и традиционных, доколониальных африканских верований и религий. Именно на их основе в это время организовывались массовые движения, выливавшиеся в открытую вооружённую борьбу против колонизаторов. Часто такие движения возглавляли простые люди, считавшие себя мессиями, пророками, призванными освободить свой народ от иноземного гнёта. Иногда руководителями становились вожди племён или больших племенных объединений. Такие «мессии», «пророки», вожди стояли во главе наиболее массовых антиколониальных выступлений конца XIX — начала XX в.: восстаний племён ндебеле и

АПАРТХЕЙД (или апартеид)

В 50-е гг. XX в. власти Южной Африки обрушили на население этой страны лавину законов, которым позавидывал бы Гитлер, будь он жив. Запрещались смешанные браки и внебрачные связи между белыми и небелыми, их совместное обучение. Белым и небелым запрещалось пользоваться общим транспортом, кинотеатрами, ресторанами, кафе, небелым запрещалось занимать целый ряд должностей на службе... Это были лишь отдельные грани новой политики, которую начала проводить победившая на всеобщих «белых» выборах 1948 г. «белая» Националистическая партия. Эта политика получила название политики апартхейда.

На языке африкаанс слово «апартхейд» означает «обособление», «раздельное существование». В основе политики апартхейда лежит идея об обособленном развитии европейского и неевропейского населения Южной Африки как о единственно возможной форме жизни в этой стране. Эта абсурдная, расистская по своей сути политика породила тысячи личных трагедий чёрных и белых южноафриканцев. Она тормозила развитие экономики, науки и техники, не знающих расовых или национальных границ, развитие всего общественного прогресса в Южной Африке и в её бывшей подмандантной территории Намибии.

Пытаясь придать апартхейду благопристойный вид, власти Южной Африки создали на её территории и в Намибии так называемые бантустаны или, по официальной терминологии, «национальные отечества» — районы компактного проживания африканцев какой-либо одной национальности, а некоторые бантустаны даже объявили независимыми. Никто в мире не признал эти псевдогосударства.

В 70—80-е гг. Националистическая партия безуспешно пыталась «облагородить» апартхейд. В начале 90-х гг. начался полный демонтаж системы апартхейда, однако большая, хотя и быстро сокращающаяся, часть африканеров ещё стоит на бескомпромиссных расистских позициях.

СЕСИЛЬ ДЖОН РОДС

Этот человек стал легендой ещё при жизни. Им безмерно восхищались и его безмерно ненавидели. В 1899 г. именем Родса была названа одна из богатейших стран Африки (в 20-е гг. она была разделена на два колониальных владения — Северную и Южную Родезию, которые соответственно в 1964 и 1980 гг. стали независимыми государствами Замбия и Зимбабве). После смерти Родса назвали «африканским Наполеоном», «отцом Британской империи». Он был самым знаменитым «белым африканцем» в колониальной истории Африки, некоронованным королём огромных британских владений на юге этого континента, одним из тех, кто воплотил в жизнь идею создания британской империи в Африке, простирающейся от Каира до Кейптауна.

Сын провинциального английского священника, Родс 17-летним юношей отправился за океан в далёкую Южную Африку, где на самых богатых в мире алмазных рудниках в Кимберли занимался старательством его старший брат. Какое-то время они работали вместе, затем брат Родса уступил ему свои старательские участки и уехал. Родс продолжал упорно работать, затем начал скупать участки. В 1880 г. он стал секретарём новой алмазной компании «Де Беерс даймонд майнинг компани», в 1883 г. — её председателем. Личный капитал Родса быстро рос. Современники и биографы Родса считали, что он был наделён редким предпринимательским талантом. Такой талант у Родса действительно был, он стал миллионером, одним из богатейших людей своего времени.

Родс обладал огромным честолюбием, работоспособностью, добивался намеченной цели любой ценой, сметая всё на своём пути. «Сделав» себя богатым ещё в молодости, он в

шона 1896—1897 гг. в Родезии гереро и нама 1904 г. в Юго-Западной Африке Маджи-Маджи («большая вода» или «волшебное снадобье» на суахили) 1905—1907 гг. на территории нынешней Танзании дервишей 1899—1920 гг. в Сомали.

Межвоенные годы были для большинства африканских стран временем экономического роста, связанного в первую очередь с расширением и увеличением производства на экспорт. Вместе с тем Африка попадала во всё большую зависимость от мировых рынков сырья, испытывала на себе влияние экономических спадов в мире. Особенно ощутимыми были последствия мирового кризиса 1929—1933 гг. (см. ст. «Европа и США в Новое время»), когда в африканских колониях заметно сократились доходы от экспорта и внешней торговли в целом, разорились многие мелкие и средние предприятия и компании. В эти годы в Африке укрепились позиции иностранного капитала, возникли новые гигантские колониальные компании.

Участие во Второй мировой войне заметно изменило экономическую, внутриполитическую и социально-психологическую обстановку во многих странах Тропической и Южной Африки (см. «Вторая мировая война»). Началось быстрое развитие энергетики, строились крупные гидроэлектростанции: Оуэн-фолс в Уганде, Кариба на реке Замбези в Северной и Южной Родезии, система гидроэлектростанций на реках Луалаба и Луфира в Бельгийском Конго и др. Разрабатывались месторождения нефти и газа, железных, медных, марганцевых и урановых руд, бокситов, фосфатов, других видов сырья. В некоторых странах, прежде всего в ЮАР, Южной Родезии, быстро развивалась обрабатывающая промышленность. Увеличился приток иностранного капитала, особенно из США, а позднее, в 60-е гг., из ФРГ и Японии. Вместе с тем в ЮАР, Южной Родезии, Кении, португальских колониях и в некоторых владениях других стран власти проводили политику опоры на собственные силы, активно поддерживали местных белых предпринимателей и фермеров.

В метрополиях чувствовали, что в Африке назревают перемены, но отказаться от контроля над своими африканскими владениями ещё не были готовы. В Англии, Португалии, Бельгии принимались широковещательные планы развития африканских колоний, но они в гораздо большей мере учитывали интересы самих метрополий, белых общин в Африке, чем интересы её коренного населения.

И всё же перемены становились реальностью. Менялся социально-классовый состав африканского населения. Только с 1945 г. по начало 50-х гг. число наёмных рабочих в Тропической и Южной Африке выросло с 4 млн до 7,5 млн человек. Заметно увеличились миграции (перемещения) временных рабочих из глубинных сельских областей в районы быстро развивающейся горной промышленности и сельскохозяйственного произ-

водства на экспорт. Например, в 1957 г. из 325 тыс. человек, занятых на золотых и угольных шахтах ЮАР, 217 тыс. рабочих были временными, пришедшими на заработки из Мозамбика, Северной и Южной Родезии; в свою очередь в Южной Родезии из 610 тыс. наёмных рабочих свыше 50% были из соседних африканских государств.

Перемены затронули и африканскую деревню, но здесь они происходили гораздо медленнее. Во многих странах в своеобразных «зонах застоя» деревня жила как бы в застывшем прошлом, сохранялся жизненный уклад доклассовых и раннеклассовых обществ. В то же время модернизация сельскохозяйственного производства, особенно производства на экспорт, постепенно раскачивали многомиллионные сельские массы. В Западной и Экваториальной Африке в Уганде, Танганьике, других странах и районах с тяжёлым тропическим климатом, где не сложились крупные европейские поселения, усиленный рост сельского хозяйства — потребность времени — могли обеспечить только сами африканцы. А для этого требовалась кардинальная перестройка архаичных общественных отношений, систем землевладения и землепользования, земледелия и скотоводства. Неслучайно в «небелых» колониях ещё в межвоенные годы власти начали поощрять развитие африканских хозяйств, основанных на частном землевладении и землепользовании, производство в них экспортных сельскохозяйственных культур. Постепенно менялась ситуация и в белых колониях, где контроль над самостоятельной хозяйственной деятельностью африканцев долгое время был особенно жёстким. В 50 — 60-е гг. в них — не без давления со стороны набирающих силу африканских антиколониальных организаций и сторонников более гибкой, либеральной африканской политики в самих метрополиях — отменялись многочисленные ограничения и запреты на деятельность африканцев в сельскохозяйственной и других сферах, поощрялось развитие частного африканского землевладения и землепользования. Такие меры должны были привести в конечном счёте к созданию в африканской деревне среднего класса, который наряду с нарождающейся африканской буржуазией рассматривался как будущий социальный союзник метрополий после того, как их уход из Африки станет неизбежным.

Африканская буржуазия в это время была представлена преимущественно торговцами, владельцами небольших предприятий, средних ферм и плантаций. Но появлялись и действительно состоятельные люди: в Береге Слоновой Кости, Золотом Береге, Нигерии, Либерии в 50-е гг. уже существовал довольно большой слой богатых плантаторов-африканцев.

Во многих странах увеличивались расходы на образование, что было не в последнюю очередь связано с растущими потребностями колониальных властей, иностранных компаний и местных евро-

то же время понимал важность широкого образования как необходимого условия карьеры в политике. С 1873 по 1881 гг. с перерывами, наездами Родс слушал лекции в Оксфорде, одном из самых престижных университетов мира. Ему, человеку без родового имени и связей, Оксфорд дал не только степень бакалавра искусств, но и возможность войти в мир английской элиты и большой политики.

Ещё в 1877 г. он написал трактат под названием «Символ веры», в котором изложил главную цель своей жизни: «Я утверждаю, что мы — лучшая нация в мире и чем большую часть мира мы заселим, тем лучше будет для человечества». Родс мечтал поставить «весь нецивилизованный мир под британское правление», вернуть Соединённые Штаты Америки и «объединить англосаксов в единой империи». Полстолетия спустя примерно о таком же будущем для Германии и немцев мечтал Адольф Гитлер.

Вступление Родса в политику было таким же стремительным, как и в бизнес. В 1881 г. он становится членом парламента самоуправляющейся Капской колонии, бывшей оплотом Британии на юге Африки. В 1889 г. создаёт Британскую компанию Южной Африки, которая получила от правительства Англии исключительное право на захваты новых земель на юге континента и бесконтрольную эксплуатацию их. Компания поставили под контроль обширные территории в бассейнах рек Замбези и Лимпопо. С 1890 по 1896 г. Родс — премьер-министр Капской колонии. Он мечтает подчинить бурские республики, прежде всего богатый золотом Трансвааль (см. ст. «Буры»). Родса не без оснований называли одним из главных организаторов англо-бурской войны, которая завершила британские завоевания на юге Африки.

Родсу не было суждено воспользоваться плодами победы над бурами. В марте 1902 г. в возрасте 49 лет он умер в Кейптауне от давней болезни сердца. Выполняя волю Родса, его похоронили в горах Мапото, в Родезии, в месте, которое он называл «Вид на мир». На его могиле выбили лаконичную надпись: «Здесь покоятся останки Сесиля Джона Родса». Родс был убеждён, что после смерти его будут помнить тысячелетия. В конце XX в. его имя не забыто, о Родсе написаны сотни книг и диссертаций, на учреждённые им в Оксфорде стипендии обучаются десятки студентов из стран бывшей Британской империи, США, Германии. Родса помнят как талантливого жестокого политика и предпринимателя, одержимого идеей имперского величия Англии, как одну из ярчайших личностей ушедшей колониальной эпохи.

Солдаты ЮАР во время военной подготовки. 1973 г.

КВАМЕ НКРУМА

Судьба этого человека поразительна. Он ютился полуголодным в трущобах и жил в собственном роскошном дворце, познал неограниченную власть, преклонение миллионов сограждан, всемирную известность и унижение в конце жизни. Сегодня его имя занимает прочное место в ряду имён самых выдающихся африканских политиков и мыслителей XX в.

Сын золотых дел мастера из племени нзима в бывшей британской колонии Золотой Берег (ныне Гана), Нкрума с детства мечтал стать образованным человеком. Он глубоко верил в Бога, и Церковь помогла ему получить начальное образование и уехать в далёкую Америку, чтобы продолжить его. Там он провёл десять лет, зарабатывая на жизнь и учёбу. Нкруме был чернорабочим, мойщиком посуды, официантом, учётчиком в порту. Церковь вновь помогла ему, выделив стипендию, когда он учился в двух американских университетах: Линкольнском, где изучал экономику, социологию и богословие, и в Пенсильванском, где его предметами были богословие и философия. Нкрума мог бы стать профессиональным священником, но его, как и немногих в то время образованных африканцев, прежде всего привлекала политика. Ещё будучи студентом, он создал Ассоциацию студентов-африканцев США и Канады. В 1945 г. Нкрума уезжает в Англию и поступает сначала в Лондонский университет, а затем в Лондонскую высшую школу экономики и политических наук.

В Лондоне начался путь Нкрумы в большую политику. Вместе с всемирно известным учёным, политическим и общественным деятелем Уильямом Дюбуа и будущим первым президентом африканского государства Кении Джомо Кениата он организовывает знаменитый Пятый панафриканский конгресс в Манчестере, на котором впервые в полный голос прозвучало требование о предоставлении независимости африканским колониям. Вернувшись на родину, Нкрума с головой окунается в политическую жизнь и в 1947 г. становится генеральным секретарём влиятельной антиколониальной организации Объединённый конвент Золотого Берега. В 1949 г. он создаёт свою собственную организацию — Народную партию конвента, которая возглавила борьбу населения этой колонии за политическую независимость.

С именем Нкрумы связано внедрение в африканскую политическую жизнь идеи ненасилия, которую Нкрума заимствовал у своего кумира Махатмы Ганди. Политику ненасилия Нкрума назвал «позитивными действиями», иными словами, действиями, дающими результат. «Под позитивными действиями, — писал он, — я понимаю... использование конституционных и законных средств для подрыва империалистических сил в нашей стране. Орудием для этого могут служить стачка, бойкот и отказ от сотрудничества с властями на основе принципа ненасильственных действий».

Английские колониальные власти действовали против Нкрумы и его партии другими, весьма жёсткими методами. Нкрума и его товарищи неоднократно подвергались арестам, а в 1952 г., когда в стране проходили первые выборы в Законодательный Совет, на которых африканцы единодушно назвали его в числе первых кандидатов, он находился в тюрьме. Влияние Нкрумы в стране было таково, что, когда в том же году Золотой Берег добился права иметь собственное африканское правительство, т. е. получил ограниченную самостоятельность, колониальные власти выпустили его из тюрьмы и назначили главой этого правительства.

Когда в 1957 г. колония добилась полного политического освобождения и стала независимым государством Гана, Нкрума стал её первым премьер-министром.

С 1960 г. Нкрума — президент Ганы. В его политических взглядах происходят известные перемены: продолжая искренне верить в Бога, он приходит к убеждению, что будущее Ганы —

пейских предпринимателей в квалифицированной рабочей силе (ввозить её в Африку из других стран мира, даже из Азии, как это делалось в XIX — начале XX в., стало невыгодно), в людях, способных выполнять работу мелкого чиновника, учителя, медсестры. Меры по расширению образования вне зависимости от их главных целей приводили к ликвидации почти повсеместной неграмотности и невежества, ускоряя формирование национальной африканской интеллигенции. Африканцы начинали думать самостоятельно, менялось их представление об окружающем мире. Из среды вот таких мелких чиновников, учителей начальных и средних школ вышли очень многие руководители борьбы за независимость.

Путь Африки к политическому освобождению не был лёгким. Во многих странах антиколониальную борьбу пришлось вести с оружием в руках. В конце 40-х гг. по Мадагаскару, в 50-е гг. по Кении и Камеруну прокатились мощные антиколониальные восстания. В начале 60-х гг. к вооружённой борьбе против режима апартхейда в Южной Африке (см. ст. «Буры» и «Апартхейд») перешли некоторые африканские организации Южной Африки, в частности запрещённый властями в 1960 г. Африканский национальный конгресс. Подпольную военную организацию «Копьё нации» возглавил Нельсон Мандела. Вскоре он и ряд других руководителей подполья были схвачены, Манделу приговорили к пожизненному тюремному заключению (однако впоследствии был выпущен на свободу).

Одновременно во многих странах появлялись крупные антиколониальные организации, использовавшие ненасильственные средства и методы борьбы. Они представляли собой объединения различных политических партий и групп, этнических и культурных объединений, профсоюзов и пользовались массовой поддержкой населения. Численность Демократического объединения Африки, созданного во французской Западной и Экваториальной Африке, превышала 1 млн человек. Десятки и сотни тысяч членов насчитывали Национальный совет Нигерии и Камеруна, Союз народов Камеруна, Союз африканцев Кении, Национальный союз африканцев Танганьики, Национальный конгресс Уганды, Африканский национальный конгресс Северной Родезии и т. д. В названиях многих организаций присутствовало слово «национальный» (хотя наций как таковых ещё не было), означавшее, что они считают себя выразителями интересов всех национальных и этнических групп, всего населения своих стран. Некоторые антиколониальные руководители, подобные Кваме Нкруме, видели будущее Африки в её единстве.

Были у антиколониальных организаций Африки и свои внутренние проблемы. В борьбе за независимость участвовали разные силы, включая чисто этнические, которые прежде всего стремились к власти, к установлению (или восстановлению) консервативных и даже реакционных порядков. Сказывались племенные, региональные различия и

соперничество. Так было в Нигерии, Бельгийском Конго, Кении, Уганде, Анголе, Мозамбике, Руанде, Бурунди, Южной Родезии и других странах.

Большинство стран Тропической и Южной Африки добились независимости во второй половине 50 — 70-х гг. Годом Африки называют 1960 г., когда на её карте появилось сразу 17 новых независимых государств. Но очень скоро после шумных празднеств по этому поводу становится ясно, что самое трудное ещё впереди: проблемы, возникшие в доколониальное и колониальное время, остались; новые, не менее сложные проблемы только появляются.

Недолго просуществовало первое независимое правительство бывшего Бельгийского Конго (ныне Заир), руководимое Патрисом Лумумбой. Он пытался проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику, ограничить произвол иностранных монополий. В Конго произошёл военный мятеж, Лумумба был убит, разразилась гражданская война, унёсшая сотни тысяч жизней. ООН пыталась остановить кровопролитие. В Конго были введены «голубые каски» (войска ООН), там при до сих пор невыясненных обстоятельствах погиб знаменитый генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд. «Смутное время» в Конго закончилось установлением военной диктатуры генерала Мобуту, ставшего впоследствии первым президентом Заира.

В независимой Нигерии обострение межэтнического, межрегионального и межпартийного соперничества на фоне тяжелейшей экономической обстановки привело к кровопролитной междуусобной войне 1967—1970 гг. Затем последовали частые смены гражданских и военных правительств, ещё продолжающиеся поиски оптимальной формы государственно-политического устройства.

Военный мятеж генерала Иди Амина в Уганде в 1971 г. и его кровавое правление поставили эту страну на грань полного уничтожения. Оппозиционные Амину силы с помощью соседней Танзании свергли его режим, но потребуется ещё, очевидно, немало лет, чтобы страна оправилась после аминовской диктатуры.

Ангола, Мозамбик и Южная Родезия добились политической независимости в трудной вооружённой борьбе. Участвовавшие в ней партии и организации соперничали между собой. Они искали и получили помощь извне. Начались затяжные гражданские войны, подорвавшие экономический потенциал этих стран, особенно Анголы и Мозамбика. Положение осложнялось тем, что ЮАР стремилась всеми средствами, включая прямые военные, привести к власти в Анголе и Мозамбике (а в Южной Родезии сохранить) удобные для себя режимы. В результате события в этих странах переросли в крупные международные конфликты. Когда в 1975 г. в Анголу вторглись войска ЮАР, в отражении агрессии участвовали кубинские воинские подразделения, военную помощь Анголе и другим странам оказал СССР.

В 60 — 70-е гг. общеафриканской и международной проблемой первой величины становится проблема юга Африки. Большинство независимых африканских государств объявили о своём намерении добиваться всеми возможными средствами ликвидации режима апартхейда. Положение в ЮАР возмущало международное сообщество, неоднократно принимались соответствующие решения ООН, против ЮАР были объявлены жёсткие дипломатические, экономические и торговые международные санкции, которые, правда, выполняли не все официально присоединившиеся к ним государства. В то же время противостояние с ЮАР — самой развитой страной континента (свыше 40% объёма промышленного производства всей Африки) оборачивалось для Африки гораздо более тяжёлыми последствиями, чем для Европы и Америки. Особенно страдали пограничные с ЮАР страны, экономика которых в колониальное время была тесно связана с экономикой Южной Африки.

Перелом произошёл в середине 70-х — 80-х гг. под влиянием меняющейся ситуации на континенте и в мире, внутренней обстановки в самой ЮАР. Приход к власти в Анголе, Мозамбике и Южной Родезии (Зимбабве) антирасистских сил означал для ЮАР потерю прежних союзников. Особенно болезненной для ЮАР была потеря богатой Южной Родезии, в которой с 1965 по 1980 г. господствовало захватившее власть белое расистское правительство, как и ЮАР подвергавшееся международным санкциям. Теперь ЮАР оказалась лицом к лицу с блоком так называемых прифронтовых государств (Танзания, Замбия, Ангола, Мозамбик, Ботсвана, Зимбабве) — решительных противников расизма.

это социализм, который надо строить, используя советский опыт. Разработанная им программа социалистических преобразований в Гане успеха не принесла, в стране возникли серьёзные социально-экономические трудности. Но в политике Нкрумы были не только просчёты, но и успехи. Они могли быть гораздо бóльшими, если бы в Гане не происходило укрепление режима его личной власти. В 1964 г. Нкрума был провозглашён пожизненным президентом Ганы, на улицах, в официальных учреждениях, школах и университетах появились его статуи, бюсты, портреты.

У Нкрумы были не только верные сторонники и последователи, но и могущественные враги. В 1966 г., когда Нкрума находился с официальным визитом в Китае, в Гане произошёл военный переворот, его правительство было низложено. Оставшаяся верной Нкруме личная охрана, в которой якобы состояли и неизвестные белые офицеры, зашишала его резиденцию в столице страны Аккре до конца.

Последние годы жизни он провел в изгнании, в соседней Гвинее и других странах. Он много работал, написал несколько книг, в которых попытался обобщить опыт антиколониальной борьбы в Африке и результаты независимого развития своей страны. Нкрума оставил большое научное и публицистическое наследие: более десяти книг по истории, философии и социологии, десятки статей на различные темы. Он имел несколько учёных степеней и почётных званий, о его жизни и деятельности написаны книги и диссертации. Память о Нкруме сохраняется в Африке и за её пределами.

В конце 80-х — начале 90-х гг. в обстановке усиления антирасистских выступлений в самой ЮАР и активного вмешательства международного сообщества в проблему юга Африки противостояние между прифронтовыми государствами и ЮАР ослабло. Политическим путём было достигнуто решение о предоставлении независимости Намибии (бывшая Юго-Западная Африка), где также велась вооружённая освободительная борьба, где были освобождены из заключения и активно включились во внутриполитическую жизнь Н. Мандела и другие политические заключённые. Начался полный распад системы апартхейда, хотя серьёзнейшие внутриполитические проблемы в этой стране, включая этно-политическое соперничество, сохраняются.

Болезненными для независимой Африки оказались поиски своего будущего. Большинство стран склонялось к выбору собственного пути, который дал бы им экономическую и политическую независимость от соперничавших в то время мировых держав. Многие страны объявили о своей приверженности идеям так называемого африканского социализма и национализма («африканский социализм» в Сенегале, «либеральный социализм» в Сьерра-Леоне, «демократический африканский социализм» в Кении, «зимбабвийский социализм», «замбийский гуманизм», «подлинный заирский национализм» и т. д.), приняли, основываясь на этих идеях, программы социально-экономического и культурного развития. Реально же общественное развитие африканских стран, включая перечисленные, протекало в тесном взаимодействии с капиталистическим миром, в условиях сохраняющейся экономической, а иногда и политической зависимости от бывших метрополий. Допускались экономические ошибки и просчёты, возможно понятные, когда речь идёт о выборе нового пути общественного развития. Но они дорого обходились африканскому населению.

Войска ЮАР на учениях.
1973 г.

Безудержно росли безработица и нищета. Вместе с тем проводимая повсеместно в независимых странах Африки политика африканизации — перехода руководящих постов во всех сферах экономической, политической и социальной жизни в руки африканцев — при всех её очевидных положительных последствиях одновременно открыла дорогу к быстрому обогащению нечестных людей. Расцвели взяточничество, казнокрадство, семейственность; вокруг министров и руководителей политических партий, влиятельных парламентариев нередко собирались их соплеменники и родственники, создавая большие и малые этно-политические группы. Попавшие на верхние этажи власти становились членами правлений и акционерами иностранных компаний, покупали фермы, плантации, предприятия, основывали собственные компании. Как из воздуха, возникали миллионные состояния.

Были страны, руководители которых заявляли об отказе от капиталистического пути, провозглашали сверхрадикальные лозунги и программы развития (широкая национализация, запрет или жёсткое ограничение деятельности иностранного капитала, всемерное развитие государственного участия и контроля во всех отраслях хозяйства, включая сельское, и т. д.). Говорилось о необходимости изучения и применения экономического, политического и идеологического опыта СССР и других социалистических стран, предпринимались шаги в этом направлении. Однако такие начинания не подкреплялись внутренними возможностями, необходимой международной финансово-технической помощью, не говоря уже о подлинной ценности такого опыта. Африканские страны «социалистической ориентации», как их ещё недавно называли (Ангола, Мозамбик, Бенин, Эфиопия и др.), часто становились объектами соперничества противоборствующих на международной арене сил. В них, как и во всей Африке, ожесточённо соперничали между собой этно-политические группы и кланы, шла борьба за власть между политиками, в которой социалистические лозунги были не более чем средством получения экономической, финансовой и военной помощи. В некоторых из этих стран, таких, например, как Сомали и Эфиопия, процветала диктатура и террор, уничтожались невинные люди, подавлялось стремление отдельных национальных групп и народов к автономии и самостоятельности; в Эфиопии республиканское правительство, пришедшее на смену монархическому после антифеодальной революции 1974 г., продолжило политику свергнутого императора Хайле Селассие по подавлению народа Эритреи, который в течение долгих 30 лет боролся сначала за самоопределение в рамках Эфиопии, а затем за полную независимость. Копирование «мирового социалистического опыта» в Африке довольно скоро приводило к серьёзным экономическим и социальным неудачам, кризисам власти или

даже, как это было в Сомали, к национальным катастрофам: в начале 90-х гг. Сомали превратилось в поле жестокой борьбы соперничающих политических группировок, экономика агонизировала, только вмешательство ООН породило надежду, что население этой страны не погибнет от массового голода. В конце 80-х гг. несколько африканских стран отказались от ориентации на социализм.

К этому же времени в экономической политике многих, если не большинства, стран Африки утвердилась идея так называемой смешанной экономики, предполагающая сосуществование и сотрудничество в экономической области государства с частным (местным и иностранным) капиталом. Во внутренней политике всё больше стран склоняются к необходимости создать государственно-политические системы, которые вобрали бы в себя лучшее из собственного прошлого и современного мирового опыта; в международных отношениях — к честному равноправному сотрудничеству со всеми странами, разделяющими идеи и принципы международного сообщества. Такая стратегия развития, как многие считают в Африке, открывает перед ней путь в XXI столетие.

МАХАТМА (МОХАНДАС КАРАМЧАНД) ГАНДИ

«Возможно, грядущие поколения не поверят, что такой человек из обычной плоти и крови ходил по этой земле», — сказал Альберт Эйнштейн о Махатме Ганди. История действительно знает немало людей, которые смогли изменить мир. Но лишь немногие из них несли в себе дух, настолько чужеродный царствующему в этом мире, что казались пришельцами из мира другого.

Первая половина XX века... Вместо царства разума, свободы и справедливости, которого ждали люди XIX в., наступила эпоха невиданного насилия и бессилия.

Циничные или безумные вожди отдают приказы — и миллионы людей с готовностью идут убивать друг друга на мировых войнах. Несколько автоматчиков ведут на смерть колонну из тысяч взрослых людей — и никто не пытается сопротивляться. Восторженные толпы приветствуют палачей. Бездумное подчинение, предательство, жестокость становятся высшими добродетелями.

Насилие стало повсеместным и будничным, стало нормой, смяло в человеке веру в собственную значимость, в способность что-либо изменить. Людям уже нечего противопоставить произволу, и их бессилие утверждает возрастающее могущество насилия.

Как разорвать замкнутый круг насилия и бессилия? Возможна ли теперь вера в человека и что может стать её основой?

Ответом на эти вопросы стала вся жизнь Махатмы Ганди.

ЮНОСТЬ ГАНДИ

Мохандас Карамчанд Ганди родился 2 октября 1869 г. в одном из маленьких княжеств Западной Индии.

Древний род Ганди принадлежал к купеческой касте бания, однако и дед, и отец Ганди были главными министрами небольших княжеств. В семье Ганди строго соблюдались религиозные обряды — мать была глубоко верующей. Отец Ганди был почитаем за справедливость и неподкупность и, несмотря на высокий пост, оставался небогатым человеком. Он был противником религиозно-общинных распрей, уважал людей независимо от их религиозной и кастовой принадлежности, что нечасто встречалось в Индии в то время.

Махатма Ганди.

Мохандас был самым младшим ребёнком в семье и о своём детстве вспоминал так: «Я был очень робок и избегал общества детей. Единственными друзьями были у меня книги и уроки... Я в буквальном смысле слова убегал домой (из школы), так как терпеть не мог с кем-нибудь разговаривать... Кроме того, я был трусом. Я боялся воров, привидений и змей... Темнота приводила меня в ужас... Насколько помню, сам я был не очень хорошего мнения о своих способностях. Я обычно удивлялся, когда получал награды или стипендии. При этом я был крайне самолюбив, малейшее замечание вызывало у меня слёзы».

Робкий, застенчивый мальчик отличался недетской твёрдостью и независимостью мысли. Ему было 11 лет, когда он понял, что не может согласиться с одной из индийских традиций. Издавна в Индии существовало сословие неприкасаемых — людей, выполняющих самую грязную работу. Им запрещалось посещать индуистские храмы, пить воду из одного источника с кастовыми индусами. Они должны были носить на шее колокольчик, предупреждающий об их появлении. Неприкасаемость передавалась от родителей к детям, и покинуть это сословие было невозможно.

Как и всем индийским детям, родители запрещали Мохандасу общаться с неприкасаемыми. «Я, естественно, подчинялся, но возражал с улыбкой, что неприкасаемость не освящена религией и не может быть освящена. Я был очень послушным ребёнком, но, насколько позволяло мне почтение к родителям, вступал с ними в спор по этому поводу», — вспоминал Ганди. Через много лет именно он сумел убедить индийцев отказаться от этого жестокого предрассудка.

Одним из самых сильных потрясений детства стала ранняя по индийской традиции женитьба — в 13 лет Мохандаса женили на девочке-ровеснице Кастурбай. К счастью, дети полюбили друг друга, и Кастурбай до конца жизни была другом и помощницей мужа.

В 1888 г. Ганди по совету друзей семьи и родственников решил поехать в Англию, чтобы получить серьёзное образование и профессию адвоката. Это решение вызвало резкий протест старейшин его касты. Религия запрещала покидать Индию, кроме того, старейшины были уверены, что в Европе невозможно жить, не нарушая заветов веры. Ганди не подчинился их требованиям. За это он был отлучён от касты и не мог больше рассчитывать на её помощь и поддержку.

В Англии он чувствовал себя очень одиноким, всё вокруг было чужим. Вместе с тем общение с европейской культурой открыло для него новые горизонты. Он познакомился с буддизмом, был потрясён Новым заветом и мечтал объединить индуизм с учениями Будды и Христа.

В 1891 г., получив высшую адвокатскую степень, Ганди возвращается в Индию. Однако надежды родственников на его высокое положение и солидный доход не оправдались. Честность и ответственность Ганди не способствовали его карьере.

Вскоре молодой адвокат принимает предложение индийской торговой фирмы вести её дела в Южной Африке. Его привлекает возможность увидеть новую страну и приобрести опыт.

ЮЖНАЯ АФРИКА

Отправляясь в 1893 г. в Южную Африку, Ганди не подозревал, что едет навстречу своему подлинному призванию и своей судьбе.

Ганди во время поездки в Южную Африку.

С первых дней пребывания в Южной Африке ему пришлось столкнуться с откровенным расизмом. Его силой выволокли из вагона первого класса, не позволили сесть в дилижанс, где ехали белые; полицейские сталкивали его на мостовую с тротуаров, предназначавшихся только для белых. Ганди узнал, что в этой стране унижения и притеснения — судьба всех индийцев (и всех «цветных») независимо от их образования и статуса.

Немедленно вернуться в Индию? Смириться на время пребывания здесь подобно остальным индийцам?

«Лишения, которым я подвергался, были проявлением серьёзной болезни — расовых предрассудков. Я должен попытаться искоренить этот недуг насколько возможно и вынести ради этого все предстоящие лишения», — решает Ганди.

Ганди начинает с того, что вырабатывает личные принципы поведения при столкновении с проявлениями расизма. Он решает всякий раз оказывать произволу вежливое, но непреклонное сопротивление и никогда не требовать возмездия за оскорбления, касающиеся лично его.

Постепенно Ганди осознаёт, насколько безысходно положение индийцев в Южной Африке. Возвращение на родину было невозможно: в Индии миллионы таких же безземельных крестьян ежегодно умирали от голода. Здесь они были обречены на нищенскую жизнь в грязных резервациях и на рабский труд; их ежедневно унижали, могли бросить в тюрьму за отказ от работы и безнаказанно избить до смерти. Безысходность порождала покорность и чувство полного бессилия.

Стремление изменить это положение вещей и борьба за права индийцев становятся основным содержанием жизни Ганди.

В мае 1894 г. Ганди созывает собрание всех индийцев Претории. Впервые в своей жизни он произнёс публичную речь, в которой обрисовал положение индийцев в Трансваале. Он подчеркнул необходимость забыть всякие различия между индийцами разных каст, вероисповеданий и национальностей и предложил объединиться в ассоциацию, от имени которой можно было бы обращаться к властям по поводу притеснений.

«Я... изъявил готовность отдать этому делу столько времени и сил, сколько смогу... Вскоре в Претории не было ни одного индийца, которого бы я не знал и с условиями жизни которого не был бы знаком».

Созданный Индийский конгресс южноафриканской провинции Наталь ставил своей целью, действуя в рамках британского законодательства, добиться равенства прав индийцев и европейцев. Его члены собирали и распространяли информацию о бедственном положении индийцев, обучали грамоте детей и занимались улучшением санитарных условий жизни индийцев.

Ганди решает остаться в Южной Африке надолго и едет в Индию, чтобы забрать свою семью — Кастурбай и двоих детей.

В Индии Ганди опубликовал работу «Зелёная брошюра» о положении индийцев в Южной Африке. Её обсуждали в Индии и Англии, а в Южной Африке власти распространили слухи, что Ганди отзывается о европейцах предвзято и оскорбительно.

Когда два парохода с индийскими переселенцами, на одном из которых был Ганди с семьёй, прибыли в порт Дурбан, белое население было одержимо одной идеей: «Сбросим цветных в море!». Власти предложили пассажирам вернуться обратно, если им дорога жизнь. Индийцы сплотились вокруг Ганди, противостояние длилось 23 дня, пока, наконец, белые не уступили. Дождавшись, когда все пассажиры и его семья окажутся в безопасности, Ганди один появился на берегу и был сразу же окружён разъярённой толпой белых. Он был зверски избит, и только вмешательство отряда полиции предотвратило расправу и спасло его от смерти.

Дело получило широкую огласку, Лондон настаивал на наказании участников избиения. Один из членов правительства Наталя (который сам был организатором расистских митингов и распространял клевету), теперь пригласил Ганди к себе и заявил, что арестует виновных, если Ганди опознает их. «...Я считаю, что осуждать следует не тех, кто нападал на меня... Осуждать надо их руководителей и, прошу прощения, вас», — ответил Ганди.

Принципиальный отказ Ганди привлечь к суду людей, напавших на него, произвёл сильное впечатление на население Дурбана; у многих теперь он сам и борьба индийцев за свои права вызывали уважение и понимание.

Последующие годы стали для Ганди временем углублённого самопознания, поисков смысла жизни и формирования принципов. «Если я оказался всецело поглощён служением общине, то причина этого заключалась в моём стремлении к самопознанию. Я сделал своей религией религию служения, так как чувствовал, что только так можно познать Бога... Я обрёл себя в поисках Бога и в стремлении к самопознанию... Именно здесь религиозный дух стал моей жизненной опорой».

Сколько бы ни делал Ганди для людей, это не удовлетворяет его. Он выкраивает время, чтобы два часа каждый день бесплатно работать братом милосердия в больнице. Во время эпидемий чумы он собирает добровольцев и вместе с ними сутками ухаживает за больными.

В эти годы, заново перечитывая мировую религиозную и философскую литературу, Ганди открывает для себя Льва Толстого. Учение о непротивлении злу насилием, непримиримость к угнетению, мучительные поиски выхода из состояния угнетённости потрясли Ганди. «Россия в лице Толстого дала мне учителя, который предоставил теоретическую основу моего ненасилия», — писал он позднее.

Толстой проповедовал презрение к материальным благам и возврат к простой жизни и физическому труду. Эти идеи Ганди объединяет с древней индийской традицией ашрамов — колоний, в которых единомышленники живут как одна семья, вместе работают и духовно совершенствуют себя. Во всех ашрамах, которые создавал Ганди в течение жизни, было принято довольствоваться самым необходимым, полностью обходиться собственным трудом. В каждом из вновь образовавшихся ашрамов вместе с детьми и внуками Ганди и его друзей воспитывались приёмные дети, и Ганди считал одним из основных своих дел их обучение и воспитание. В общении с детьми он устанавливал принцип, которого всегда придерживался и в общественной деятельности: «Никогда не требуй от человека того, чего не делаешь сам».

22 августа 1906 г. правительство Трансвааля публикует проект закона, который индийцы назвали «чёрным». По этому закону все индийцы — мужчины, женщины и дети с восьмилетнего возраста — должны были пройти регистрацию в полиции, оставить отпечатки пальцев и получить особые удостоверения, иначе их ожидали арест и высылка. Такая регистрация приравнивала индийцев к лицам, подозреваемым в совершении преступления. Более того, полицейские получали право вторгаться в жилища индийцев и даже на традиционно неприкосновенную женскую половину для проверки регистрации. Прочитав закон, Ганди сказал: «Лучше умереть, чем согласиться с подобным законом». Индийцы были взбешены, многие заявляли, что пристрелят любого, кто вломится в их дом. Ганди, обратившись к ним, предложил совершенно иной путь сопротивления. «Мы не будем обращаться к мировому общественному мнению, — сказал он, — индийцы сами способны постоять за себя. Пусть каждый, кто клянётся не подчиняться позорному закону,

ГАНДИ О НЕНАСИЛИИ

Для меня ненасилие — не просто философская категория, это закон и суть моей жизни. Ахимса постигается не разумом, а душой. Чтобы воплотить ахимсу в жизнь, надо обладать бесстрашием и мужеством высшего порядка. Я мучительно сознаю ограниченность своих возможностей. Но Свет во мне неугасим и ярок. Всех нас может спасти лишь правда и ненасилие.

Человек и его поступок — вещи разные. «Возненавидеть грех, но не грешника» — правило, которое редко осуществляется на деле, хотя всем понятно. Вот почему яд ненависти растекается по всему миру.

Ахимса — основа для поисков истины. Поиски эти тщетны, если они не строятся на ахимсе. Все мы из одного теста сделаны, все мы дети одного Творца, и божественные силы в нас безграничны. Третировать человеческое существо — значит третировать эти божественные силы и тем самым причинять зло не только этому существу, но и всему миру. Для меня всегда было загадкой, как могут люди считать для себя почётным унижение ближнего.

Корни моего несотрудничества — не в ненависти, а в любви... Целью несотрудничества не является наказание противника или нанесение ему ущерба. За моим несотрудничеством — всегда необоримое желание сотрудничать даже с худшим из моих недругов...

Истинная ахимса должна означать полную свободу от злой воли, гнева и ненависти и беспредельную любовь ко всему сущему.

Я не верю в быстрые насильственные пути к успеху. Настоящее добро никогда не может стать результатом неправды и насилия... Я твёрдо верю в то, что свобода, завоёванная кровопролитием и обманом, — не свобода.

Правда (сатья) предполагает любовь, а твёрдость (аграха) порождает силу и, таким образом, служит её синонимом. Я поэтому стал называть движение словом «сатьяграха», что означает силу, рождённую правдой и любовью, или ненасилие.

Сила происходит не из физических способностей, она проистекает из неукротимой воли. Ненасилие — самая мощная сила, находящаяся в распоряжении человечества. Она более могущественна, чем самое могущественное орудие разрушения, созданное людской изобретательностью.

Самая высокая честь, которую могут мне оказать друзья, — это следовать в своей жизни моему учению либо бороться против него до конца, если они в него не верят.

решит для себя, хватит ли у него твёрдости, несмотря ни на какие гонения и даже смерть, сдержать эту клятву. Борьба будет продолжаться долго, возможно, годы, но я смело и с полной уверенностью заявляю, что, если даже небольшая часть людей сохранит верность своему слову, наша борьба может завершиться только одним — победой».

Ганди впервые выдвигает идею совместного ненасильственного сопротивления произволу. Он ищет название для такого движения и останавливается на предложении своего младшего сына: «сатьяграха» — «твёрдость в истине». Слово точно выражало суть нового метода: это не вынужденная пассивность слабого перед более сильным и не принцип «око за око». Насилию противопоставляются сила духа, внутренняя уверенность в своей правоте и солидарность.

Ганди (и это станет потом обязательным перед началом выступлений) предупреждает правительство, что в случае принятия закона индийцы объявят сатьяграху. Но, несмотря на предупреждение, закон был принят.

1 января 1908 г. сатьяграха начинается митингом в Иоганнесбурге, на котором индийцы демонстративно сжигают свои повестки на регистрацию. Ганди арестован и посажен в тюрьму, но движение разгорается. «Цветные» игнорируют закон, тюрьмы переполнены, но репрессии ничего не дают.

Власти применяют подлый приём: прямо из тюрьмы Ганди доставляют к генералу Смэтсу. Тот заявляет, что «чёрный закон» будет отменён, если индийцы прекратят сатьяграху и один раз дадут о себе сведения, необходимые правительству для установления количества переселенцев. Полагая, что одержана победа, Ганди останавливает сатьяграху. Но «чёрный закон» не был отменён. Это явилось крушением всех надежд. Индийцы подавлены. Многие считают Ганди изменником. Всё приходится начинать сначала...

Ганди публикует статьи с призывом возобновить гражданское неповиновение и надолго попадает в тюрьму. Выйдя из тюрьмы, он начинает готовить сатьяграху уже в масштабах всей Южной Африки. В 1913 г. ему удаётся поднять горняков Наталя на забастовку. Забастовка быстро распространилась по всей стране. Против горняков применили оружие — несколько рабочих были расстреляны за отказ работать.

В тюрьмах оказались тысячи людей, в том числе женщины и подростки. От тесноты, антисанитарии и бесчеловечного обращения многие умирали. Ганди — тоже в тюрьме и пользуется любой возможностью облегчить страдания больных заключённых.

Движение нарастало. Власти были вынуждены освободить Ганди, и он сразу идёт в наступление.

6 ноября 1913 г. он начинает знаменитый мирный поход протеста из Наталя в Трансвааль. Это было демонстративным нарушением закона, запрещавшего индийцам перемещаться из одной провинции в другую. Нарушение закона каралось тюремным заключением и высылкой.

Ганди шёл во главе многотысячной колонны, которая росла с каждым днём. Вызванные правительством войска не решились стрелять, но попытались на лошадях разогнать демонстрантов. Тогда участники похода легли на землю, и кони не пошли по лежащим.

Вести из Южной Африки взорвали общественное мнение Европы и Америки. В поддержку индийцев выступили Альберт Эйнштейн, Бернард Шоу, Бертран Рассел и многие другие известные общественные деятели.

Властям пришлось отступить. В течение месяца шли напряжённые переговоры сторон, и, наконец, 30 июня 1914 г. было подписано соглашение, согласно которому все наиболее оскорбительные для индийцев расистские законы были отменены.

20-летняя работа Ганди в Южной Африке закончилась победой. Он возвращается на родину.

ИНДИЯ

Индия, страна сказочных богатств, всегда привлекала завоевателей. Но ни одно завоевание не было столь разрушительным, как колонизация её англичанами. Британская империя не просто грабила — была создана целая система выкачивания всего, что было в Индии ценного. Полезные ископаемые, сырьё, продукты труда миллионов индийцев переплавлялись в английское золото. Непомерные налоги и потоки дешёвых английских товаров уничтожали древние ремёсла. Поборы колонизаторов приводили крестьян к существованию на грани голодной смерти. Пришла в упадок жизненно важная система орошения земель. Многовековой уклад жизни стремительно рушился, сил на создание нового у народа Индии не оставалось. Колонизаторы утверждали, что, осваивая Индию, они несут ей блага современной культуры, но в действительности, обрекая индийцев на нищету, не оставляли им никаких возможностей приобщиться к медицине, образованию и другим достижениям цивилизации.

Индия никогда не прекращала попыток найти выход из тяжёлого и унизительного положения. В 1885 г. представители индийской интеллигенции и национальной буржуазии создают Индийский национальный конгресс, чтобы вместе искать способы достижения независимости. Конгрессисты видели лишь два возможных пути. Одни надеялись поднять народ на вооружённое восстание (подобно Великому восстанию сипаев в 50-х гг. XIX в.), изгнать колонизаторов и возродить индийские традиции. Другие конгрессисты считали, что для Индии было бы благом приобщиться к достижениям европейской цивилизации и добиться относительной независимости в рамках Британской империи. Они были сторонниками британского либерализма и конституционного строя и надеялись добиться самоуправления с помощью постепенных реформ, петиций и переговоров. На деле обе позиции были утопичны: идея бунта не могла долго вдохновлять народ, а на полюбовное соглашение с колонизаторами рассчитывать не приходилось.

«И вот тогда пришёл Ганди. Он был подобен струе свежего воздуха, заставившей нас расправить плечи и глубоко вздохнуть; подобно лучу света, он прорезал мрак, и пелена спала с наших глаз; подобно вихрю, он всё всколыхнул, и в первую очередь человеческое мышление. Ганди не спустился сверху; казалось, он вышел из миллионных масс индийцев, он говорил их языком», — вспоминал ближайший друг и соратник Ганди Джавахарлал Неру.

Ганди говорит нечто совершенно новое, но людям кажется, что они давно ждали именно этих слов: «Дело не в политической независимости

ГАНДИ НА СУДЕ

В марте 1922 г. после кровавых событий во время первой всеиндийской сатьяграхи колониальные власти задумали устроить «показательный суд» над Ганди. Они хотели доказать, что именно Ганди ответствен за кровь, пролитую индийцами. Это показало бы всем, что ненасильственная борьба за освобождение Индии невозможна, и уничтожило бы идею и дело Ганди в самом начале.

Но предугадать поведение Ганди они не могли (для политиканов он всегда был непостижим). Хитроумные замыслы оказывались бессильны перед его полной искренностью и верностью себе.

Своё выступление в суде Ганди начинает с того, что отказывается защищаться и с горечью признаёт себя виновным за пролитую кровь. Он соглашается, что должен был предусмотреть последствия своих призывов. Но у него был только один выбор: или подчиниться нетерпимому строю, или пойти на риск. Всё более жестокие действия колонизаторов, награждение тех, кто расстреливал безоружных в Амритсаре, не оставили места колебаниям.

«Я считаю добродетелью быть нелояльным по отношению к правительству, которое причиняет Индии больше вреда, чем все предшествующие ему... Я знаю, что самые достойные сыны нашей родины были осуждены по этой статье. Поэтому обвинение по этой статье я считаю для себя честью... Ненасилие подразумевает добровольное подчинение наказанию за несотрудничество со злом. Это наказание может быть наложено на меня за то, что, согласно закону, является умышленным преступлением и что представляется мне высшим долгом гражданина.

Единственный путь, открытый для вас, судей и заседателей, заключается в следующем:

— или уйти в отставку и тем самым отмежеваться от зла, если вы понимаете, что закон, осуществлять который вы призваны, является злом и что в действительности я невиновен;

— или наложить на меня самое суровое наказание, если вы верите, что правительство и закон, которому вы служите, благотворны для народа этой страны и что, следовательно, моя деятельность вредит общему благу».

Честная и последовательная позиция Ганди разрушила замысел процесса. Индийцы стали ещё больше уважать Махатму и верить в идею ненасилия.

АНГЛИЧАНЕ О ГАНДИ

Рано или поздно придётся сокрушить Ганди, Индийский национальный конгресс и всё то, что они отстаивают.

Уинстон Черчилль

Он сделал невозможным дальнейшее господство англичан в Индии, но в то же время позволил им ретироваться достойно и без затаённой вражды. Помогая выйти из затруднительного положения, Ганди тем самым оказал англичанам величайшую услугу, ибо владеть империей гораздо легче, чем избавиться от неё.

Арнольд Тойнби,
выдающийся английский философ и историк

НЕНАСИЛИЕ ПРОТИВ НАЦИЗМА

Можно ли ненасильственно бороться против нацизма? Что может ненасилие противопоставить беспощадной, истребляющей всё живое силе? Сам Ганди отказывался однозначно ответить на этот вопрос. Но во время Второй мировой войны во многих странах ненасильственная борьба не только поддерживала дух народа, но и спасала людей.

Сила французского Сопротивления была не только в подполье и партизанских отрядах. Она проявлялась и в том, что парижане выходили из вагона метро, если в него садился оккупант, французские женщины придумывали себе одежду цветов флага свободной Франции, а слушать запрещённые радиопередачи было просто делом чести.

Заставили отступить «своего» фашиста Квислинга — организатора и лидера фашистской партии в Норвегии — норвежские учителя. Они отказались обучать детей фашизму и остались тверды, несмотря на концлагеря и угрозы расстрела. Ученики и их родители поддержали учителей — в итоге после упорной борьбы они были освобождены. Норвежские дети так и не услышали похвалы фашизму в своих школах.

Дания... 1943 год... Сразу же после оккупации страны нацисты публикуют приказ о создании еврейских гетто и о том, что евреи обязаны носить жёлтую шестиконечную звезду и не имеют права ходить по тротуару. На следующий день с жёлтой звездой появилась королева Дании. Король Кристиан X сказал: «Если немцы хотят заставить носить жёлтую еврейскую звезду в Дании, я и вся моя семья будем носить её как знак высшего отличия». Короля поддержали датчане. Стало ясно, что завтра все горожане будут носить жёлтые звёзды. Нацисты не решились настаивать. Датские евреи не разделили участи евреев всей Европы — тысячи мужчин, женщин, детей были спасены. Бойкот, отказ от работы, непризнание фашистской власти привели к тому, что в Дании фактически так и не было установлено фашистское законодательство.

индийского государства, а в возрождении духовной независимости народа Индии. Могучая сила духа, скрытая в индийской культуре, позволит нам найти собственный путь в истории и обрести единство и равноправие с другими народами.

Народ Индии должен обрести независимость в своём сердце, и тогда внешнее угнетение будет бессильно. С помощью оружия можно на время добиться независимости, но с помощью оружия невозможно ни стать свободным самому, ни освободить других. Англичане не завладели Индией — мы им отдали её. Они находятся в Индии не благодаря своей силе, а потому, что мы держим их здесь».

Ганди предлагает принципиально новый «третий путь»: путь ахимсы — ненасилия. Ахимса означает внутреннее решение человека, в основе которого — признание высшими ценностями жизнь и любовь к человеку и всему живому. В мире идёт не борьба между хорошими и плохими людьми, а борьба между Жизнью и Смертью, Добром и Злом в душе каждого человека.

Каждый способен отказать Злу в своей поддержке, и Зло бессильно против этого решения. И одновременно отказ от соучастия во Зле приводит человека на путь строительства нового мира — мира Добра. Ганди предлагает индийцам программу несотрудничества с колонизаторами: бойкоты правительственных учреждений, иностранных товаров, отказ от уплаты налогов, неповиновение наиболее нетерпимым законам. Это не только подрывало самую основу власти англичан, но и пробуждало в индийцах дух свободы и солидарности. Метод Ганди был глубоко продуман и проработан в Южной Африке, впервые в истории ему удалось ненасильственное массовое движение. Сатьяграха проводилась в соответствии с твёрдыми принципами, основанными на самом духе ненасилия: полная гласность и открытость, предупреждение противника обо всех своих действиях, применение сильных средств только после того, как были испробованы более слабые. Сатьяграха могла начаться только тогда, когда каждый участник точно представлял себе смысл и последовательность борьбы и был уверен в своей приверженности духу ненасилия. Участники движения не должны были желать зла противнику, стремясь лишь к достижению поставленной цели. Именно эти принципы позволяли сохранять ненасильственный дух даже самых массовых кампаний.

Сатьяграха — это мирное восстание, непримиримая война без злобы и выстрелов, в которой у людей нет иного оружия, кроме собственной жизни, и которую люди ведут потому, что не могут поступить иначе.

Ганди всегда подчёркивал, что ненасилие не имеет ничего общего со слабостью и трусостью: «Человек, который, столкнувшись с опасностью, ведёт себя подобно мыши, справедливо именуется трусом. Он лелеет насилие и ненависть в своём сердце и убил бы врага, если бы не получил вреда при этом. Он чужд ненасилию». Ганди терпимо относился к человеческим слабостям, но трусость отвратительна ему именно как скрытое насилие.

Ненасилие — не только позиция сильных, но и очень сильная позиция. Ещё в Южной Африке один из английских чиновников признался Ганди: «Я иногда хочу, чтобы Вы прибегли к насилию. Тогда нам сразу стало бы ясно, как поступить с Вами».

Надо сказать, что даже многие из ближайших соратников Ганди видели в ненасилии только эффективное средство добиться политической независимости Индии. Для Ганди же ненасилие — это прежде всего борьба за Человека.

***

В январе 1915 г. 54-летний Ганди возвращается в Индию. Он решает действовать постепенно — первое время не начинать никаких политических кампаний, жить «с широко открытыми глазами, но закрытым ртом». Он объезжает почти всю страну (за ним неотступно следуют агенты тайной полиции). На него производят тягостное впечатление уныние и безысходность, которые царят всюду.

Через два года Махатма Ганди проводит две первые в Индии сатьяграхи небольшого масштаба.

Ненасильственно отстаивать свои права решились крестьяне двух округов, разорённые кабальными условиями аренды и непомерными налогами. Они отказались платить налоги и арендные сборы, и колониальные власти не смогли заставить их отступить. Перед угрозой распространения движения власти вынуждены были отменить грабительские поборы.

Заканчивается Первая мировая война, в которой на стороне Англии сражались и погибли сотни тысяч индийцев. Военные расходы окончательно разорили Индию. За годы войны от голода и эпидемий умерли более 13 млн человек. Надежды индийцев, что в благодарность за помощь в войне Англия предоставит Индии самоуправление, не оправдались.

Новый закон об управлении Индией не прибавил индийцам гражданских прав. Более того, в 1919 г. вступает в силу закон Роулетта, согласно которому власти могли арестовывать и подолгу держать в тюрьмах всех подозреваемых в антиправительственной деятельности, проводить суды за закрытыми дверями. Сроки политического заключения были сильно увеличены. Ганди обращается к вице-королю Индии, убеждая его не давать своего согласия на законопроект. Получив отказ, он основывает Союз сатьяграхов. Сатьяграхи дают клятву не повиноваться закону Роулетта. Ганди готовит широкую кампанию и 6 апреля 1919 г., сразу после вступления закона в силу, объявляет всеиндийский день траура — хартал. Призыв Ганди был услышан — в этот день замерла вся Индия. Индийцы были потрясены, осознав свои силы. В стране начались мощные демонстрации.

Власти были в панике и отдали приказ применять оружие против демонстрантов. По всей Индии людей давили лошадьми, кололи пиками, избивали до смерти. Самые трагические события произошли в городе Амритсаре. Во время столкновения были убиты несколько солдат и демонстрантов. В город были введены карательные войска под командованием генерала Дайера. Через несколько дней около 20 тыс. жителей собрались на городской площади на мирный митинг под лозунгами освобождения Индии. Внезапно площадь была окружена войсками, которые стали в упор расстреливать безоружных людей. На площади остались лежать более тысячи убитых и раненых. Когда патроны кончились, окружённых людей стали убивать штыками. Английские солдаты истребляли индийцев хладнокровно, словно находились на учениях. После бойни Дайер под страхом смерти запретил жителям выходить из домов. Люди в отчаянии слышали стоны родных и близких, умирающих на площади, и были не в силах им помочь. Карательная операция длилась ещё десять дней — проводились публичные порки, индийцев заставляли под дулами ружей ползать на животе, всюду совершались казни.

Ганди тяжело переживал случившееся. Жестокость властей его не удивляла — он предупреждал индийцев, что каждый, ступивший на путь неповиновения, должен быть внутренне готов к смерти. По-настоящему подавляло его то, с какой лёгкостью властям удавалось спровоцировать индийцев на насилие. Ганди приходит к выводу, что столь широкая кампания неповиновения была начата им преждевременно. Народ ещё не был достаточно подготовлен к последовательному ненасилию. Ганди публично признаёт, что совершил «ошибку, огромную, как Гималаи».

Правительство отказалось наказать виновных в амритсарском расстреле. Ганди демонстративно возвращает вице-королю награды, полученные им от английского правительства за организацию санитарного отряда во время англо-бурской войны. Если ещё несколько лет назад он полагал, что британская система правления несовершенна, то теперь он считает её нетерпимой. Единственный достойный выход для Индии — независимость.

В сентябре 1920 г. Ганди убеждает Индийский национальный конгресс принять программу ненасильственного несотрудничества с колониальной администрацией. Конгресс призвал индийцев бойкотировать иностранные товары, а также выборы и английские суды, не записываться в армию, отказываться от всех государственных должностей.

Всё было готово к новой всеиндийской сатьяграхе, когда в 1922 г. в одном из небольших

ЧТО ТАКОЕ БОЙКОТ?

Ганди и многие сторонники ненасилия после него с успехом использовали в своей борьбе метод, применённый в XIX в. крестьянами Ирландии. Название он получил по имени английского капитана Чарлза Бойкотта, который был сборщиком платы за землю в ирландском поместье одного английского лорда. Ирландия была колонией Англии, и едва ли не самым тяжёлым проявлением угнетения ирландцев было то, что они не имели права владеть землёй, на которой работали. За «пользование» этой землёй они платили тяжелейшую земельную ренту англичанину-землевладельцу, который мог никогда и не бывать в Ирландии. За неуплату ренты крестьян изгоняли с фермы, обрекая на скитания и почти неизбежную голодную смерть.

В 1879 г. крестьяне, у которых собирал ренту Бойкотт, объявили ему, что не будут платить, если сумма ренты не будет значительно снижена из-за неурожая. Бойкотт донёс на них, и в деревню пришли первые уведомления, предписывающие покинуть землю. Жители деревни были возмущены. Из дома Бойкотта ушли все слуги. Его отказались обслуживать прачка, почтальон, кузнец, владелец лавки — с ним и членами его семьи не разговаривал ни один человек. На улице от них отворачивались или освистывали. Положение сборщика ренты стало непереносимым — его хозяевам пришлось отступить.

Национальная Земельная Лига — организация, которую создали ирландцы для защиты своих интересов, — обращалась к крестьянам: «Пусть это слово — бойкот — ходит из дома в дом, призывая всех не работать на тех фермах, откуда был изгнан хотя бы один человек, до тех пор, пока не будут возвращены на землю её законные владельцы».

Английский капитан давно забыт, но его имя стало нарицательным и дало название мощному оружию оскорблённых людей, уверенных в своей правоте и силе.

посёлков произошёл кровавый инцидент. Полиция открыла огонь по демонстрантам, но, встретив сопротивление, укрылась в казарме. Казарму подожгли, и полицейские погибли в огне.

Это было крушением. Ганди останавливает кампанию неповиновения и берёт всю вину на себя. В знак раскаяния он объявляет многодневную голодовку (см. сюжет «Ганди на суде»).

На несколько лет Ганди попадает в тюрьму, после выхода из которой он выдвигает конструктивную программу по созданию новой, независимой Индии. Ганди и его соратники обучают крестьян грамоте, занимаются возрождением традиционных ремёсел, создают кооперацию в посёлках. Символом движения становится ручная прялка — возрождённое ручное ткачество давало индийцам работу и позволяло бойкотировать английские ткани. Ганди уверен, что дух свободы несовместим с жестокими предрассудками — сохранением сословия «неприкасаемых» и враждой между индусами и мусульманами. Когда в городе Кохоте вспыхнула индусско-мусульманская резня, Ганди объявил голодовку, которую проводил в доме своего друга-мусульманина. Страх потерять Ганди остановил враждующих — в стране наступило спокойствие.

***

...Весной 1930 г. Ганди шёл по дорогам Индии во главе растущей с каждым часом колонны. Это был знаменитый «соляной поход» — начало новой, самой мощной сатьяграхи. На берегу моря участники похода древним ручным способом выпарили соль. Выпаривание соли стало новым символом независимости — индийцы доказали, что могут обойтись даже без жизненно важных английских товаров, и тем самым нарушили колониальный закон о соляной монополии.

Вскоре соль выпаривали миллионы людей по всему побережью. В несколько дней всё изменилось. Торговля английскими товарами была полностью парализована. Все распоряжения правительства просто игнорировались. Мирное восстание охватило всю страну.

Мир потрясли события в округе Дхаршан. Участники сатьяграхи под руководством младшего сына Ганди, Монилала, пытались занять соляные варницы. Их встретила полиция, вооружённая латхи — толстыми палками с железными набалдашниками. Шеренга за шеренгой демонстранты шли на цепь полицейских и падали, скошенные латхи. Всё новые и новые люди вставали на место раненых и убитых и, не сопротивляясь, шли под удары. С одной стороны была жестокая сила оружия, с другой — несокрушимая сила духа. Всему миру стало ясно, что порыв Индии к свободе уже невозможно остановить.

Арест Ганди и десятков тысяч активистов движения, кровавые расправы не смогли остановить сатьяграху. Впервые в истории Индии англий-

НЕНАСИЛИЕ ПРОТИВ РАСИЗМА

В Америке известным последователем Махатмы Ганди стал негритянский священник Мартин Лютер Кинг (1929—1968).

К середине XX в. расизм на юге демократической Америки не собирался сдавать свои позиции — можно отменить рабство, но вековые предрассудки так легко не умирают. До сих пор кинотеатры, автобусы, кафе, школы оставались сегрегированы, т. е. были разделены на места для негров и места для белых, к которым неграм нельзя было даже приближаться. Каждую минуту в лицо им летели слова «ниггер», «чёрная обезьяна». Гордость американской демократии — суды присяжных — состояли только из белых и всегда принимали их сторону.

Юридической возможности зашититься от оскорблений у чернокожего населения не было. А за одного белого, избитого неграми в драке, ку-клукс-клановцы без суда вешали несколько чёрных, и общество это поддерживало.

1 декабря 1955 г. в городе Монтгомери в одном из автобусов молодая негритянка отказалась выполнить требование сегрегации — уступить место вошедшему белому мужчине. Но белые не должны были стоять, когда сидит хоть один негр, и по действующему закону Роза Паркс оказалась в тюрьме.

Очень быстро городок облетел призыв к бойкоту всех автобусов, и уже на следующий день в них не было ни одного негра. Люди пешком пошли на работу, и в час пик движение транспорта на одной из улиц оказалось почти парализованным.

Кампанию протеста поддержали и в южных, и в северных штатах. Её участниками становились и белые. Власти арестовывали людей «за бродяжничество», за «нарушение правил движения», но каждый новый арест всё больше привлекал внимание общественности и убеждал людей в их правоте.

Духовными лидерами ненасильственного сопротивления стали баптистские священники-негры, и среди них Мартин Лютер Кинг.

В то время существовало много расистских террористических организаций как с той, так и с другой стороны. Мартин Лютер Кинг обращался прежде всего к чёрным, призывая оставить оружие, которое не поможет преодолеть вражду между людьми.

Но, используя ненасильственные действия как политический метод, он прежде всего старался смягчить ожесточённые души людей. Одной из заповедей организованной им Конференции христианского руководства былось: «Воздерживаться от насилия кулака, языка и сердца».

Когда расисты бросили в дом Кинга бомбу (чудом не пострадали его жена и маленький ребёнок) и разъярённые негры едва не начали самосуд над полицейскими, проповедник вышел к толпе со словами: «Мы против насилия. Мы хотим любить наших врагов. Если они остановят меня, наше дело всё равно не остановится, потому что оно справедливо».

Сильная личность, он обладал удивительным даром оратора, способного словом как бы «заворожить» толпу, проникнуть глубоко в сердца людей.

Почти через год борьбы закон о сегрегации в транспорте был отменён. Зато продолжал действовать ку-клукс-клан.

Однажды грузовики с бандитами въехали в негритянские кварталы. Но в тот вечер всё произошло не «по сценарию»: никто не прятался в темноте, дрожа от смертельного ужаса.

«Белых балахонов» встретили глаза мужчин и женщин, открыто стоящих в дверях освещённых домов и молча наблюдающих за разряженными, как клоуны, убийцами.

Победа в Монтгомери словно вдохнула в людей по всей стране веру в новую жизнь. Несколько лет в Америке шло мирное сопротивление расизму. Проводились бойкоты и демонстрации. Люди отказывались подчиняться расистским

ским властям пришлось начать переговоры с представителями индийского народа. В результате соглашения были освобождены все политические заключённые и выполнено большинство требований Ганди. Ганди приостанавливает кампанию несотрудничества, чтобы люди могли восстановить силы для новой борьбы.

***

Пришло время помочь индийскому народу преодолеть бесчеловечную традицию неприкасаемости.

В 1932 г. Ганди (снова находясь в тюрьме) выступает против принятия избирательного закона, разделяющего неприкасаемых и остальных индусов. Он объявляет бессрочную голодовку протеста. Его жизнь в опасности. Произошло невероятное — любовь к этому человеку и страх потерять его оказались сильнее убеждения, которое три тысячи лет передавалось из поколения в поколение. Люди шли в дома неприкасаемых, принимали из их рук пищу. Обнять неприкасаемого, побрататься с ним стало символом очищения, освобождения души. Заваленный письмами и телеграммами со всей страны, Ганди ждал изменения избирательного закона. Наконец отступил и Лондон — условия Ганди выполнены. К радости всей страны, он прекратил голодовку.

Способность Ганди убеждать людей, помогать им меняться к лучшему кажется сверхъестественной. Для многих индийцев он был Богом, сошедшим с небес, чтобы освободить Индию. Его давно уже называют Махатмой — Великой Душой. Маленький, очень худой человек, в любую погоду обёрнутый только куском домотканого холста, с детской улыбкой и большими оттопыренными ушами поражал своей внутренней силой, мудростью и бесконечной добротой.

Он всегда доверяет людям и абсолютно честен сам. Он терпим к человеческим слабостям, но себя считает в ответе за всё. Он страдает от своего несовершенства и вместе с тем глубоко верит в себя — эта вера позволяет ему всегда принимать справедливые и мудрые решения. Когда Ганди разговаривает с людьми, их оставляют страх, озлобленность и одиночество. Про него говорили, что из глины он может делать героев.

У Махатмы Ганди было и немало врагов среди индийцев. Прежде всего это были религиозные фанатики — как индуисты, так и мусульмане. За их спиной стояли богатые индийские феодалы, хорошо понимавшие, что в случае победы Конгресса они потеряют своё могущество и огромные земельные владения.

***

Когда началась Вторая мировая война, индийцы были единодушны. Они осуждали фашизм, однако на стороне Англии воевали с условием, что по окончании войны Индия станет независимой. Ганди почти все годы войны провёл в тюрьме. В феврале

установкам. Ни разгромы демонстраций, ни массовые аресты не могли остановить стремления к равноправию.

Кинг снова и снова обращается к белым, взывая к их честности: «Или признайте правоту расизма и тогда запишите в своих законах, что негры — не люди, или признайте нашу правоту и тогда — поддержите нашу борьбу!». Он сумел разбудить души американцев: всё больше белых поддерживали негров, участвовали в протестах бок о бок с ними.

28 августа 1963 года... Сотни тысяч человек слушают проповедь Кинга на площади в Вашингтоне:

«Если мы дадим свободе звенеть, если мы дадим ей звенеть в каждом городе и посёлке, в каждом штате, мы сможем приблизить тот день, когда все Божьи дети — чёрные и белые, верующие и неверующие, протестанты и католики — смогут взяться за руки и словами старого негритянского духовного гимна сказать: "Свободны, наконец!. Свободны, наконец! Великий всемогущий Боже, мы свободны, наконец!"».

Движение победило — в американском законодательстве больше не было расистских законов. Но настоящая победа — в том, что изменились люди.

Трудно сосчитать, сколько раз за его недолгую жизнь Кингу угрожали смертью. Он считал Махатму Ганди своим учителем и повторил его судьбу — в 1968 г. Мартин Лютер Кинг погиб от выстрела убийцы.

Гробница Ганди.

1946 г. военные моряки Бомбея поднимают восстание за независимость Индии. Начинается всеобщая забастовка. Несмотря на репрессии, выступления продолжаются по всей стране.

Английские колонизаторы начинают покидать Индию. Но неожиданно победа оборачивается трагедией — начинается индуистско-мусульманская резня. Гибнут тысячи людей, миллионы ослеплены злобой. «Взорвалась бомба» ненависти, которую подготовили англичане. С самого начала завоевания Индии они правили по принципу «разделяй и властвуй», сея рознь между индуистами и мусульманами и всячески поощряя их враждебность друг к другу. Ганди и его соратники, рискуя жизнью, снова и снова пытаются остановить враждующих.

15 августа 1947 г. на территории бывшей английской колонии провозглашается независимость не одного, а двух государств: Индийского союза и мусульманского Пакистана. Начинается паническое переселение миллионов людей. В кровавых столкновениях, от голода и болезней во время этого переселения погибли 700 тыс. человек.

Ганди находится в состоянии полной подавленности. Все вокруг говорят, что его теория ненасилия потерпела крах. Он печально возражает, что крах потерпел он лично, а ненасилию принадлежит будущее.

Резня и погромы начинаются в Дели — столице Индии. Ганди в укор религиозным фанатикам объявляет шестнадцатую в своей жизни голодовку протеста. Он решает пожертвовать своей жизнью, если в столице не восстановится спокойствие. И снова происходит чудо — последнее чудо Махатмы. Погромы сменяются митингами и демонстрациями солидарности с Ганди. Индуисты и мусульмане братаются, их представители клянутся Ганди сохранить мир. В стране наступает спокойствие, но индуистские религиозные фанатики не простили Ганди «предательства их священного дела».

30 января 1948 г. Ганди, как обычно, вышел из дома, чтобы говорить с людьми. Раздались выстрелы. Он медленно опустился на землю, молитвенно произнося: «Боже, Боже!».

***

«Я никогда не воображал, что моя миссия — быть странствующим рыцарем, вызволяющим людей из трудного положения. Моё скромное дело — показать людям, что им самим под силу справиться с собственными трудностями». В этих словах — дух Ганди, его вера и его необыкновенная сила.

Одни считают его пророком, другие — мечтателем-утопистом. Сам Ганди говорил о себе: «Я — просто человек, как любой из вас».

ГАМАЛЬ АБДЕЛЬ НАСЕР

Гамаль Абдель Насер родился в 1918 г. Его дед был простым феллахом (крестьянином) из деревни Бени Мур в Верхнем Египте, а отец — мелким почтовым чиновником. Родители будущего президента жили скромно, как и многие другие египтяне среднего достатка. Детство Насера прошло в Александрии, а закончил он среднюю школу в столице страны Каире.

Это событие произошло в 1936 г. Именно тогда Египет, находившийся в зависимости от Англии, впервые получил возможность иметь довольно многочисленную армию. Чтобы подготовить для неё офицеров, королевское правительство открыло двери военного училища в Каире для простонародья. Насер подал прошение о зачислении на первый курс. Но ему не повезло — он не выдержал конкурсных экзаменов. После такой неудачи Насер поступил на юридический факультет Каирского университета. Однако желание стать офицером его не покинуло. В 1937 г. Насер предпринял ещё одну попытку попасть в академию, на этот раз удачную.

В конце 1938 г. вместе с тремя своими сокурсниками он начал службу в Маккабадском гарнизоне, рядом с суданской границей. Казалось, выбор в пользу карьеры профессионального военного был сделан раз и навсегда, но политическая борьба тоже привлекала юношей. Зависимость, несамостоятельность Египта (как и подчинённое положение арабской нации в тогдашнем мире вообще) оскорбляли их чувства. Только прибыв в Маккабад, выпускники военного училища дали друг другу клятву на горе

Гамаль Абдель Насер рядом с генералом Али Мухаммедом Нагибом во время триумфальной поездки по улицам Каира. Июль 1952 г.

Джебель-шериф. Целью их жизни, считали они, отныне должна стать борьба за уход английских войск из Египта и реорганизацию армии, которая должна уметь защитить интересы арабов от кого угодно. Уже тогда, в дальнем гарнизоне, в конце 30-х — начале 40-х гг. стали складываться контуры организации молодых офицеров, через десяток лет захватившей власть в стране.

Политические взгляды молодого Насера (как, впрочем, и его друзей) в те времена были путаны и противоречивы. С одной стороны, его привлекали идеи западной демократии, с другой — монолитность и дисциплина народов, управляемых железной рукой диктатуры. С одной стороны, ему импонировали взгляды арабских националистов на «особый путь арабов», с другой — хотелось опереться на поддержку международной организации «Братья-мусульмане», которая выступала за возвращение египтян к традициям раннего ислама времён пророка Мухаммеда. Пожалуй, лишь неприязнь к англичанам, расположившимся в Египте как хозяева, была у Насера неизменна. Один из его ближайших товарищей Анвар ас-Садат во время Второй мировой войны даже пошёл на сотрудничество с немецкой агентурой. Стараясь навредить Британии, он обещал передавать в штаб фельдмаршала Роммеля данные о расположении английских войск в Египте, но был арестован. Насер не делал таких необдуманных шагов. Его служба шла ровно и спокойно. Он поднимался по лестнице чинов пехотного офицера, окончил школу военных инструкторов, административную школу, штабной колледж, затем преподавал там же тактику. Но при этом собирал вокруг себя военных — выходцев, как и он, из семей крестьян со средним достатком, чиновников и интеллигентов, налаживал связи между ними, сколачивая организацию для будущих действий.

На фронтах арабо-израильских сражений, быстро выявивших превосходство израильтян, Насер и другие египетские офицеры, убедившись в неспособности короля Фарука обеспечить защиту арабов, пришли к выводу, что король находится под влиянием Запада. В организацию «Свободные офицеры» вошли капитаны, майоры, в небольшом количестве — более высокие чины. Их возраст был, как правило, около 30 или немного больше. Они готовились к решительным мерам для того, чтобы завоевать египтянам достойное место в родной стране и арабской нации — в мире.

Переворот 23 июля 1952 г. прошёл очень удачно, переход власти в руки офицерства осуществился бескровно. Но какой-либо программы действий у Совета революционного командования не было. Насеру представлялось, что всё египетское общество — единая семья, в которой есть «хорошие и плохие» люди. Поэтому задача любого государственного деятеля Египта должна состоять в том, чтобы наладить в стране добрые отношения, помочь хорошим и наказать плохих. Египетская революция, по его убеждению, призвана стать общеарабской. В Египте не должно существовать никаких политических партий, ибо именно это давало иностранцам возможность пагубно влиять на жизнь страны, иметь там своих агентов и с их помощью разрушать всё то полезное, что создавалось патриотами.

Примечательно поэтому, что Насер и его ближайшее окружение, придя к власти, первым делом запретили деятельность партий — даже «Братьев-мусульман», претендовавших на роль идейных руководителей антииностранной революции. На первый план выдвигался арабизм. Провозглашалось, что арабов объединяет не только общность языка и религии, но и общность истории и судьбы. «Нахнуль араб!» («Мы — арабы!») — этот лозунг пропагандировался новым руководством.

Но как добиться создания справедливого, богатого и независимого арабского общества, пока ещё было неясно. В 1952 г. Насер прежде всего хотел укрепить своё положение политического лидера страны, а затем по-настоящему подумать о будущем. В первые два года после установления власти офицеров-националистов официальным лидером Египта являлся генерал Мухаммед Нагиб, подполковник Насер стал заместителем премьера, а с мая 1953 г. — одновременно министром внутренних дел. Закон об аграрной реформе, обнародованный в сентябре 1952 г., стал первым шагом новой власти, затем было принято решение об упразднении монархии. Однако когда Совет революционного командования принял решение о ликвидации парламента, считая, что «болтовня политиканов» замедлит преобразования в стране, дело дошло до открытого столкновения между Нагибом и Насером. Генерал, выступавший за сохранение парламента и за свободную деятельность политических партий, был отправлен под домашний арест, а 36-летний подполковник стал президентом страны. Он уже был очень популярен среди получивших долгожданную землю феллахов.

В октябре 1954 г. был подписан договор о выводе английских войск из Египта, а в июне 1956 г. последний британский солдат покинул зону Суэцкого канала. Эта крайне важная во всех отношениях зона была настоящим золотым дном для англичан, контролировавших её. Компания канала была настоящим «государством в государстве», не подчинялась местным законам, хотя и считалась египетским предприятием. Наоборот, компания диктовала законы Египту. До 1952 г. правительство, как правило, не утверждалось двором до тех пор, пока своё слово не говорил президент компании. Она давала громадную прибыль — в 1955 г. акционеры получили 33 млн фунтов стерлингов, причём на долю Египта приходилось всего 5 млн. В годы после Второй мировой войны с каналом были связаны 1/6 морских перевозок мира, 1/4 английской внешней торговли, до 8% торговли Франции, большая часть нефтеперевозок США.

Когда в июле 1956 г. недовольные растущим национализмом Египта американские лидеры

заявили, что лишают Египет обещанных кредитов на строительство Асуанской плотины, Насер провозгласил переход компании Суэцкого канала в руки государства. Такой шаг, произведший настоящий шок на Западе, был характерен для гордого и чувствительного президента. Далеко не всегда в своих действиях он руководствовался трезвым расчётом, делая часто ставку на мгновенные, продиктованные гневом или обидой решения. Иногда они ставили Египет перед серьёзными испытаниями.

В октябре 1956 г. вместе с Великобританией и Францией Израиль напал на Египет. «Суэцкий кризис», как его стали называть, был разрешён только после вмешательства СССР и США, понимавших всю опасность военных действий в этом регионе. Но всё же Насер довёл дело до конца. Более того, правительство объявило о принудительной «египтизации» английских и французских банков, страховых компаний, торговых и промышленных фирм и т.д. Это уже был настоящий вызов Западу со стороны арабского национализма. Насер считал, что такие шаги принесут новой власти популярность в народе. В глазах египтян он и его соратники стали национальными героями, людьми, способными постоять за достоинство родной страны.

Одновременно разрыв Насера с западными странами означал сближение с Советским Союзом. Москва была очень заинтересована в том, чтобы многомиллионный Египет стал её союзником и опорой на Ближнем Востоке. Когда после «египтизации» Запад объявил Египту экономическую блокаду, СССР поставил арабам остро необходимые им нефть и зерно. Не менее важным для Насера показателем дружбы между Каиром и Москвой стали поставки советского оружия для египетской армии. С конца 50-х гг. Советский Союз стал оказывать Египту серьёзную экономическую помощь, предоставлял выгодные займы, построил огромную Асуанскую плотину. Однако Насер никогда не отказывался от мысли, что, являясь великой державой, СССР преследует на берегах Средиземного моря и в долине Нила особые цели, которые не всегда соответствуют интересам Египта. Кроме того, коммунистические идеи, основанные на борьбе классов, никогда не нравились президенту. Время от времени он разворачивал целые кампании по преследованию египетских коммунистов, сажал их в тюрьмы. Правда, он заявил о «социалистической ориентации» своей страны, обещал народу построить «египетский социализм» и даже подчёркивал, что подписался бы под 18 из 20 условно сформулированных пунктов марксизма, но по сути дела президента интересовали в социализме в основном такие вещи, как быстрый рост промышленности и контроль государства над экономикой.

Советский Союз в свою очередь пугали непоследовательные и часто плохо продуманные шаги Насера во внешней политике. Он, например, решил в 1958 г. объединить Египет и Сирию в единое государство, видя его основой будущего всеарабского единства, а себя — всеарабским лидером. Из этой затеи ничего не получилось, новообразованное государство вскоре распалось. Не стеснялся Насер и поддерживать антиправительственные силы в соседних странах, если считал, что, придя к власти, они будут способны занять пронасеровские позиции. Короче говоря, Египет при Насере проводил не всегда понятную, часто непредсказуемую внешнюю политику. Поэтому и отношения с СССР были далеко не безоблачными, знали времена серьёзных размолвок, хотя наличие общих противников — Израиля и США — сделало союз Каира и Москвы достаточно прочным. Чтобы подчеркнуть прочность дружбы СССР и Египта, советское руководство даже присвоило Насеру звание Героя Советского Союза.

Президент ОАР Гамаль Абдель Насер в машине проезжает по городу Баку во время своего пребывания в Азербайджане. 5 мая 1958 г.

Помимо этого, если бы не помощь кредитами, техникой и специалистами со стороны СССР, Египту вряд ли удалось модернизировать общество, продвинуть его вперёд по пути промышленного развития. Насер решил ликвидировать отсталость страны не по рецептам Запада, а с использованием успешного, как он считал, опыта СССР. В 1958 г. началась разработка пятилетнего плана развития хозяйства, а в 1966 г. — плана семилетки. Никогда в Египте не строили столько предприятий, школ, больниц,

как в эти годы. Огромное большинство новых заводов и фабрик принадлежало государству, и расходы на них ложились тяжёлым грузом на бюджет. Часто на государственных предприятиях «работало» огромное число рабочих, не делавших ничего полезного — так пытались бороться с безработицей. Правительство пыталось контролировать не только предпринимателей-частников, но и торговцев. Насер поощрял развитие кооперативов в сельском хозяйстве. Однако и здесь был велик соблазн добиться быстрого успеха приказом, «за шиворот привести народ» к счастью. Характерным примером является проект создания «новых деревень» на обводнённых, отвоёванных у пустыни землях, относящийся ещё к 50-м гг.

Эти территории были объединены в новую провинцию ат-Тахрир («Освобождение»). Вся земля была поделена на равные участки и продана на выгодных условиях крестьянам из самой перенаселённой провинции Мануфия (их было около 30 тыс. человек). С самого начала они были намеренно отрезаны от родных мест, чтобы не занести в «новые деревни» традиционные болезни. Жилье, построенное там за счёт государства, было городского типа и ничем не напоминало грязные хижины в старых поселениях, неплохо было налажено медицинское обслуживание, хорошо поставлено просвещение. Феллахи этих деревень жили по специально утверждённому властями распорядку, выходили на работу в определённое время. Но провинция ат-Тахрир стала буквально «золотой», потому что ежегодно требовала расходов в 17—18 млн египетских фунтов. Никакая, даже самая высокая производительность феллахов, никакие урожаи арбузов, дынь, апельсинов на землях, отвоёванных у пустыни, не могли покрыть эти расходы. В довершение всего местные власти оказались взяточниками и казнокрадами. Проект «новых деревень» по образцу ат-Тахрира пришлось отложить до лучших времён.

Этот эпизод в общем отражает положение египетского хозяйства во время президентства Насера. Огромная роль государства во всех его отраслях, огромные расходы, огромные стройки. При Насере Египет действительно сильно продвинулся по пути превращения в индустриальное государство, но очень часто модернизация становилась целью, «которая оправдывала всё», что делалось властью на пути к ней.

Своеобразной была политическая система Египта 60-х гг. — времён «социалистической ориентации». Режим не собирался развивать демократию, считая её идеи чуждыми и вредными для населения. Противники Насера и «египетского социализма» подвергались преследованиям. Роль главной опоры президента играла партия «Арабский социалистический союз», развернувшая свою деятельность к началу 1964 г. Чтобы египтянин мог надеяться на получение какой-либо должности или какого-либо поста, ему нужно было стать членом АСС. Через три года в рядах союза насчитывалось, по различным оценкам, от 5 до 7 млн человек, т. е. значительная часть взрослого населения страны. Но в недрах АСС Насер создал ещё одну секретную организацию, которая называлась «Авангард социалистов». Её члены имели специальную связь, склады оружия и были готовы в любой момент подавить противников режима. Основным при приёме в ряды тайной организации считался принцип личной преданности президенту, так как Насер был убеждён, что только отобранные таким образом люди смогут защитить существующий строй.

В ходе знаменитой «шестидневной войны» 5 — 10 июня 1967 г. египетская армия была разбита наголову, богатый нефтью Синайский полуостров оккупирован врагом, Суэцкий канал закрыт. Модернизация Насера не выдержала испытания. 9 июня вечером президент выступил по каирскому телевидению. Заявив, что он, а не кто-то другой, отвечает за всё случившееся, Насер подал в отставку. Однако на улицы египетских городов вышли сотни тысяч людей, требовавших его возвращения. Через день Абдель Насер снова приступил к руководству страной и подписал соглашение о прекращении огня. Отныне и до конца дней его главной заботой стали политическая борьба против Израиля и заботы об обороне. Насер, очень остро переживший синайскую трагедию, понимал, что новая война с Тель-Авивом не принесёт арабам желанной победы, и сделал ставку на урегулирование. В его адрес раздались открытые обвинения и даже оскорбления, но Насер не давал воли своим чувствам. Многократно усилившаяся советская военная помощь и деньги бывшего врага, короля Саудовской Аравии Фейсала, делали своё дело — египетская армия превращалась в значительную силу. Война 1973 г. между Египтом и Сирией, с одной стороны, и Израилем — с другой, закончилась территориально «вничью» для Египта, но для Сирии — потерей Голанских высот. Однако к этому времени Насера уже не было в живых. Он скоропостижно скончался 28 сентября 1970 г. в возрасте 52 лет.

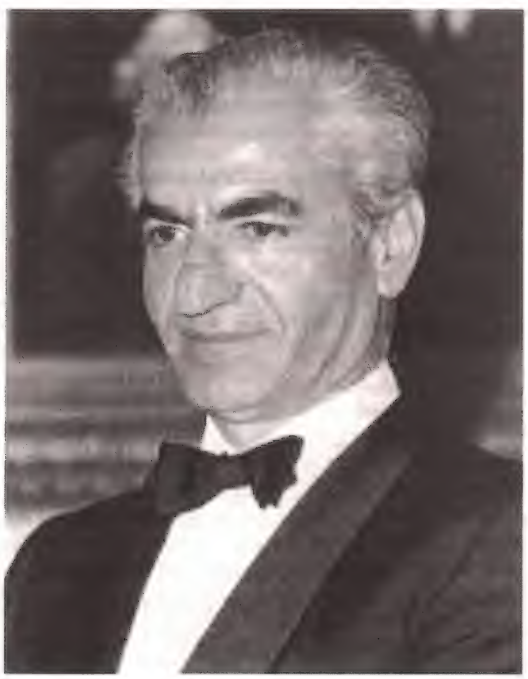
Многие люди, встречавшиеся с Насером, подчеркивают, что его единственным увлечением была политика. К власти он стремился не для того, чтобы стать богатым человеком. Он жил вместе с семьёй в том небольшом доме в Каире, который принадлежал ему ещё до июля 1952 г., на президентское, умеренное в общем-то жалованье. У него не было текущих счетов в иностранных банках, как у его «коллег» из других стран Африки. Он вёл очень скромный, даже аскетический образ жизни. Уже незадолго до смерти он всё ещё работал по 18 часов в сутки. Возвышение арабской нации, включение её в число передовых и культурных народов мира было главной целью его жизни. Говорят, что в последние годы Насер несколько раз повторял, что «лишь история рассудит, насколько он смог приблизить арабов к их великому дню».

МОХАММЕД РЕЗА ПЕХЛЕВИ

Мохаммед Реза Пехлеви, шахиншах Ирана в 1941—1979 гг., родился 26 октября 1919 г. Его отец, Реза-хан, происходил из обычной крестьянской семьи, но сумел дослужиться до офицерского звания в персидских казачьих частях. Их создали здесь в своё время русские офицеры. Персидские казаки были, по сути дела, единственной опорой шахской династии Каджаров в охватившей Иран (или Персию, как тогда называли страну) с 1905 г. сумятице и неразберихе. Шах никак не мог навести в стране элементарный порядок: на севере, в провинции Гилян рвались к власти коммунисты, на юге находились английские войска, бандитские шайки и отряды кочевников грабили мирное население и т.д.

В этой обстановке, когда на карту было поставлено само существование персидского государства, Реза-хан возглавил поход 2 тыс. казаков на столицу страны — Тегеран. Фактически это был государственный переворот — 21 февраля 1921 г. по требованию бунтовщиков был создан новый кабинет, в котором Реза-хан получил должность военного министра.

Через три месяца он отстранил от власти премьер-министра и выдворил его за пределы страны. Вся власть оказалась в руках Реза-хана, за спиной которого стояла верная ему казачья дивизия. Он резко повернул руль внешней политики страны, ликвидировав политическую зависимость Ирана от Англии и заставив её убрать войска с иранской территории. Одновременно были налажены отношения с Советской Россией. Реза-хан жёсткой рукой подавил повстанческое движение в Гиляне и навёл порядок в стране, покончив с беспределом преступников. Шах в этой ситуации превратился в символическую фигуру, и его судьба была предрешена.



Махаммед Реза Пехлеви.

Вскоре «сильный человек» Ирана добился передачи ему поста премьер-министра и полномочий верховного главнокомандующего. 31 октября 1925 г. иранский меджлис (парламент) вынес решение о низложении династии Каджаров, передаче временного правления Реза-хану и о созыве Учредительного собрания для окончательного определения формы правления. 12 декабря того же года собрание объявило Реза-хана шахом Ирана. На престоле утвердилась новая династия - Пехлеви.

Придя к власти, Реза-шах Пехлеви, как и Мустафа Кемаль в соседней Турции, много сделал для модернизации страны, для ликвидации её вековой отсталости. Доходы от продажи иранской нефти (правда, львиная доля прибыли оставалась у западных промышленников) способствовали быстрому строительству заводов и фабрик. Реза-шах добивался отказа иранцев от устаревших обычаев и религиозных традиций, внедряя европейское образование и светскую культуру Запада. Власть его внутри страны была непоколебима, но он запутался в сложнейших проблемах международных отношений 30-х годов, установив особые отношения с гитлеровской Германией. В ней Реза-шах искал противовес англичанам и Советскому Союзу, всё больше обращавшему внимание на Средний Восток. В конце концов британские и советские войска вступили на территорию Ирана, и 16 сентября 1941 г. Реза-шах вынужден был отречься от престола в пользу своего 22-летнего сына Мохаммеда Реза. Бывшего шаха посадили на британский корабль, который, не вняв его требованиям пристать к берегам Японии, взял курс на остров св. Маврикия. Весной 1942 г., уже тяжело больной, Реза Пехлеви переехал в Южную Африку, в Иоханнесбург, где и скончался 26 июля 1944 г. в возрасте 66 лет. Останки его были перевезены в Иран, а в 1949 г. меджлис присвоил ему титул «Великий».

Молодой шах с самого начала правления оказался под сильным влиянием союзных держав. Впрочем, он был хорошо знаком с жизнью Европы — в 1931—1936 гг. он учился в колледже в Швейцарии, — ему нравился европейский образ жизни, да и в офицерском училище Тегерана (1936—1938 гг.) обучение было поставлено на западный манер. Мохаммед Реза, который должен был в противоположность жёстким методам отца придерживаться либеральной политики, в первые годы своего правления был малозаметен.

Усилилась роль иранского парламента. Такая расстановка сил вначале отвечала планам американцев и англичан, опасавшихся выхода Ирана из-под контроля Запада. Однако во второй половине 1940-х годов, когда в стране выросло коммунистическое движение, а СССР стал оказывать всё большее влияние на Иранский Азербайджан, шах сделался более важной фигурой на политическом небосклоне. Популярность его выросла после покушения 4 февраля 1949 г., когда террорист нанёс монарху серьёзное ранение. В стране было введено военное положение, запрещена деятельность подрывных организаций. Коммунистическая угроза была ликвидирована, Мохаммед Реза несколько расширил свои полномочия, но большая власть сохранялась в руках меджлиса.

В начале 1950-х годов правительство Мосаддыка пошло на открытое столкновение с Западом, национализировав Англо-иранскую нефтяную компанию, которая получала громадные прибыли от торговли иранской нефтью. Старый доктор-правовед с голым черепом и ястребиным носом серьёзно взбаламутил тогда и без того неспокойное течение политической жизни послевоенного мира. В конце концов США решили, что Мосаддыка нужно остановить. Резидент ЦРУ К.Рузвельт (внук бывшего президента США Т.Рузвельта) помог противникам премьер-министра организоваться, а возглавила заговор верхушка генералитета. Шахский двор и высшие армейские чины, имевшие много оснований ненавидеть премьера-выскочку, решили, что «час пробил». В августе 1953 г. на улицы Тегерана вышли танки, а шах подписал указ об отставке Мосаддыка. Непокорный меджлис был разогнан. С этого момента шах получил фактически неограниченную, абсолютную власть в своей стране.

Прежде всего шах постарался создать систему, которая бы никому не позволила ставить под сомнение незыблемость династии Пехлеви. Главную ставку он делал на дружбу с США и на поддержку армии. Даже после отмены военного положения парламент находился под невидимым прицелом карабинов и превратился в «карманный парламент» шаха. Вне его стен страшнее всего для иранцев была печально известная во всём мире своей жестокостью секретная служба САВАК. По данным оппозиции, в её казематах содержались одновременно сотни тысяч человек.

Однако Мохаммед Реза Пехлеви никогда не был традиционным тираном, стремившимся лишь любой ценой удержаться у власти. У него имелись далеко идущие планы полной перестройки иранского общества, «прыжка» Ирана из средневековья в ядерный век, превращения страны в «пятую промышленную державу мира». Сильно возросшие доходы от продажи нефти (за 1972—1977 гг. — 90 млрд долларов) позволили ему провести такие широкие реформы, что весь мир заговорил о «белой революции» в Иране.

Она началась в 1963 г. и продолжалась почти полтора десятилетия. Власти ликвидировали традиционные отношения в деревне, где помещик был маленьким богом и определял почти всё в жизни крестьян. Землю перераспределили в пользу тех, кто работал на ней. В отсталой аграрной стране появились самые современные предприятия — металлургические и машиностроительные заводы, нефтехимические комплексы, автомобильные предприятия. Были заложены основы судо- и самолётостроения, даже сделаны шаги к созданию атомной энергетики (и ядерной бомбы — совместно с ЮАР). Шах

«БЕЛАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И «ИСЛАМСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ»

Шах получил сильного противника в лице мусульманского духовенства. Оно стало настоящим вождём антишахского, антииностранного движения. 80 тыс. мечетей, 180 тыс. мулл и улемов, сотни богословов высшего ранга являлись могучей и гибкой силой, сплочённой общими интересами, традиционными связями и, наконец, — борьбой против общего противника. «Белой революции» они противопоставили свой идеал «исламского правления», который восходил к временам пророка Мухаммеда и имама Али, живших тринадцать с половиной веков назад. «Исламское правление» должно подготовить людей ко времени явления Махди, который сделает правоверных счастливыми. Все слои населения будут жить как братья, единой общиной, где богач обязан помогать бедняку и каждый — проявлять заботу о соседе.

Путь к созданию общества «исламской социальной справедливости» пролегает через возврат к главным ценностям мусульманской религии — благочестию, скромности, воздержанности. Для этого необходимо совершить «исламскую революцию» — то есть свергнуть сатанинский шахский режим и установить власть духовенства, — запретить употребление алкоголя и наркотиков, европейскую одежду, развлечения и т.д., остановить распространение западных обычаев и массовой культуры. Такие взгляды находили всё больший отклик в иранском народе.

Огромную роль в их распространении сыграл аятолла (один из высших рангов мусульманского богослова) Рухолла Мусави Хомейни. Ещё в 1964 г. он был выслан из страны за проповеди, пронизанные обличением западного образа жизни, засилия в Иране «неверных иностранцев» и прямыми выпадами против шаха. Обосновавшись в конце концов в пригороде Парижа, Хомейни превратил свой дом в настоящий штаб антишахского религиозного движения. Зажиточные торговцы предоставляли в распоряжение исламской оппозиции значительные средства, городская молодёжь внимала зажигательным проповедям аятоллы, тайно переправленным в Иран в виде аудиокассет. Религиозная окраска сопротивления шаху становилась всё более заметной. Невольно способствовало этому и то обстоятельство, что мечеть была фактически единственным местом, где можно было как-то затронуть проблемы политики, не боясь охранки САВАК.

Упоённый достижениями «белой революции» Мохаммед Реза долго не замечал опасности со стороны исламистов, а когда увидел её, иранское общество в подавляющем большинстве было не на его стороне. Правда, шах ещё пытался спасти положение объявлением в начале 1977 г. курса на «либерализацию», обещая положить конец пыткам, освободить большинство политических заключённых, предоставить ограниченную свободу слова оппозиции. Эти меры значительно запоздали и только подтолкнули антишахское движение к решительным действиям.

ХРОНИКА «ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ИРАНЕ

Сентябрь 1978 г. — массовые шествия и манифестации под лозунгами «Независимость, свобода, исламский строй!», «И под пыткой скажем — смерть или Хомейни!», «Молчание для мусульманина — измена Корану!»

Кровопролитные столкновения, войска стреляют в народ. 8 сентября — «чёрная пятница» — на улицах Тегерана миллионы демонстрантов, убито более тысячи человек. В крупных городах страны введено военное положение.

Ноябрь — шах пытается найти соглашение с либеральной, нерелигиозной оппозицией. Расстрелы демонстраций продолжаются. Учащаются случаи беста (традиционная форма протеста в Иране, когда группа людей занимает какое-либо помещение, запирается там и покидает его лишь после выполнения своих политических требований).

Декабрь — против продолжающихся демонстраций используются танки. Горожане устраивают так называемые «стены огня» — разложенные поперёк улицы горящие автопокрышки, мешающие полиции окружить митингующих. Промышленность и торговля парализованы. Нападения на полицейские участки и отделения САВАК, разгром домов сторонников шаха в г. Керманшахе. Особенно мощные демонстрации — 10 и 11 декабря, дни мусульманских праздников тасуа и ашура. Прямые выпады против шаха — крики «американский шах!».

Январь 1979 г.

4.1 — либеральный политик Ш. Бахтияр, принявший предложение шаха сформировать правительство, обещает глубокие демократические реформы, ликвидацию САВАК и борьбу с казнокрадством. Сообщает также, что шах собирается выехать из страны для лечения.

7.1 — послание Хомейни «К народу Ирана», где правительство Бахтияра объявляется незаконным...

13.1 — аятолла Хомейни образовал Исламский революционный совет, который займётся образованием революционного правительства.

Сильные волнения в провинциях. В Ширазе толпа разгромила штаб-квартиру отделения САВАК, телекс, фоторадиоаппаратура, досье торжественно сожжены, замначальника отделения растерзан толпой. Пожары в Абадане, поджоги кинотеатров в Бушире, нападения на пивные и винные заводы.

16.1 — шах покидает страну. Ликование в городах.

17.1 — «Ахвазская трагедия». В г. Ахвазе, одном из центров нефтепереработки, расстреляна 200-тысячная демонстрация. Избиения «дубинщиками» — сторонниками шаха — её участников. Вооружённые стычки.

19.1 — религиозный праздник арбаин — 2 млн человек участвуют в Тегеране в манифестации под антишахскими лозунгами. Премьер Бахтияр намекает, что в случае его ухода Иран ожидает кровавый военный переворот. Слухи о возвращении аятоллы Хомейни. Демонстрация хомафаров (технический персонал ВВС).

26.1 — расстрел демонстрации на улице Шахреза в центре Тегерана. Шахские гвардейцы вели огонь прицельно по демонстрантам, в том числе из пулемёта. Улица в буквальном смысле залита кровью. Гвардейцы стреляют по санитарам.

28.1 — «кровавое воскресенье» — всё началось с автоматной перестрелки у университета. Против жандармов пущены в ход камни и палки. Танки и бронетранспортёры вели пулемётный огонь на поражение. По официальным данным — 27 человек убито, 40 ранено. Оппозиционная газета обзвонила 11 больниц и выяснила — 39 убитых, 285 раненых.

31.1 — паническое бегство иностранцев. Армия демонстрирует силу — город пересекают колонны танков и бронемашин; в небе висят вертолёты. Горожане строят баррикады. Волнения в армии.

еле успевал заказывать самые совершенные вооружения из американских арсеналов.

Головокружительный экономический рост был предметом особой гордости Мохаммеда Реза также потому, что в стране сохранялась спокойная обстановка. Поддерживались низкие цены на продовольственные товары, было введено бесплатное восьмилетнее образование и даже бесплатная раздача молока школьникам. Строились новые больницы и жилые здания, резко выросла заработная плата рабочих и служащих, велась борьба с безработицей — хотя иногда путём создания мнимых рабочих мест! В мире заговорили об иранском экономическом чуде. И всё же почва под ногами монарха-реформатора была не очень твёрдой.

Потом, после победы «исламской революции», уже смертельно больной Мохаммед Реза писал, что причиной её была неспособность отсталого народа Ирана идти в ногу с «белой революцией» шаха. Недовольством несознательного населения умело воспользовались заговорщики, отбросившие страну на несколько столетий назад.

Шах не учёл влияния, которое оказали на психологию иранцев вторжение иностранных товаров и идей, влияние массовой культуры Запада, ломка отношений между людьми. Вырванные из привычной деревенской среды и заброшенные в сумятицу бездушных городов с их хитросплетениями забитых автодорог, небоскрёбами и универсамами, иранцы ощутили себя чужими в своём собственном доме. Только религия была для этого очень религиозного народа единственным островком традиций в волнах чужеземной культуры.

Искрой, вызвавшей взрыв, послужила опубликованная 7 января 1978 г. статья о Хомейни, которую духовенство сочло вредной и клеветнической. 9 января в священном для иранцев городе Куме по призыву духовенства состоялась демонстрация, участники которой требовали ограничения власти шаха и возвращения к законам ислама. Демонстрация закончилась кровопролитием: войсками были убиты десятки и ранены сотни человек. События в Куме явились фактически началом революции в Иране. Через каждые 40 дней после этого расстрела, в соответствии с мусульманским обычаем отмечать конец траура, поднимались новые города. Демонстрации были тщательно организованы духовенством. Так, носившие отличительные знаки 5—6 тыс. человек под контролем мулл обеспечивали строгий порядок во время их проведения. Все лозунги и призывы были предварительно утверждены религиозными деятелями и выкрикивались в сложной и чёткой последовательности. Они были, как правило, рифмованными, одна большая группа провозглашала первую часть лозунга, другая — заключительную. Лозунги скандировались и распевались, мужские голоса сочетались с женскими и т.д.

К августу 1978 г. шах был вынужден отказаться от обвинений духовенства в мракобесии и сговоре с коммунистами, ибо демонстрации и митинги под религиозными лозунгами сдержать

было невозможно. Он принял постановление о закрытии игорных домов, других увеселительных заведений, переводе календаря на мусульманское летоисчисление, заявил о готовности уважать законы ислама. Тем не менее религиозные лидеры, во главе которых стоял находившийся в эмиграции Хомейни, вели дело к решительному столкновению.

События осени 1978 г. подчеркнули, что шах превратился в фигуру, абсолютно неприемлемую для оппозиции. Он уже сравнивался с тираном Йезидом, погубившим в 680 г. праведника и мученика Хусейна. Даже его сторонники намекали ему на необходимость «временно» покинуть Иран. Новый премьер-министр, бывший заклятый враг Мохаммеда Реза, либерал Ш.Бахтияр также видел единственный выход в этом. Шах, как отмечали журналисты и дипломаты, становился всё более неуверенным в себе и нерешительным. Он всё больше впадал в отчаяние и всё сильнее подвергался давлению со стороны США, видевших в нём мало перспектив на будущее.

Наконец решение было принято, и 16 января 1979г. из аэропорта Мехрабад взлетел личный шахский «Боинг727» — «Сокол», на борту которого находился монарх. Было объявлено, что шах и шахиня летят в Асуан (Египет), где будут несколько дней отдыхать, а затем проследуют в США. Дата их возвращения названа не была.

То, что творец «белой революции» покинул Иран, вызвало ликование толп его подданных. Водители беспрестанно жали на клаксоны и включали среди солнечного дня фары. Кондитеры раздавали бесплатно прохожим сладости, повсюду свергались с постаментов статуи Реза-шаха и Мохаммеда Реза. Всем противникам шахского режима было понятно, что путь к власти для исламистов расчищен. Действительно, уже через три недели Иран был в их руках, и практически всё, что делалось в стране при династии Пехлеви, было предано проклятию.

Новые руководители страны во главе с Хомейни не забыли шаха. 4 ноября 1979г. студенты-исламисты осуществили заранее запланированную акцию по захвату американского посольства в Тегеране. Все его сотрудники стали заложниками, как было объявлено, вплоть до выдачи Ирану бывшего шаха для суда над ним. Ирано-американский конфликт тянулся 14 с половиной месяцев, до января 1981г., пока его не удалось урегулировать. Однако к моменту возвращения последних заложников Мохаммеда Реза Пехлеви уже не было в живых. Он умер от скоротечной формы рака ещё в июле 1980 г. в Египте. Уже смертельно больной, Мохаммед Реза опубликовал последнюю книгу своих воспоминаний «Ответ истории». В ней он попытался понять сам и объяснить другим, почему «приходит в беспорядок, разрушается, разваливается то, что было создано с помощью Всевышнего, благодаря энтузиазму и труду целого народа», как случилось, что воодушевление и благодарность людей в первые годы «белой революции» сменились ненавистью к преобразованиям и негодованием в отношении их творцов. Вряд ли он смог до конца разобраться в этом...

Февраль.

1.2 — возвращение из эмиграции Хомейни. Газета пишет: «Спустя 15 лет после того, как Хомейни покинул страну, в 9 часов 27 минут 30 секунд сегодня утром нога имама коснулась почвы родины». Телевидение не транслировало встречу — поэтому на улицу вышел весь Тегеран. 50 тыс. специально отобранных людей образуют три ряда стены безопасности во время его проезда по улицам Тегерана. Хомейни произносит речь на кладбище Бехеште-Захра, где, в частности, говорит: «Мохаммед Реза Пехлеви, этот предатель, спасшийся бегством, пустил по ветру всё, что было у нас, разрушил нашу страну и населил нами кладбища... Этот человек по причине своего раболепия (перед США) создал гнёзда разврата... В Тегеране заведений, торгующих спиртными напитками, больше, чем библиотек...»

5.2 — «штаб имама» в резиденции Хомейни на улице Иран объявляет о создании Временного революционного правительства во главе с М. Базарганом. Двоевластие в стране. Волнения в армии.

6.2 — демонстрации в поддержку Базаргана, в том числе в столицах всех провинций. Духовенство всё ещё надеется на мирный переход власти в его руки.

7.2 — сотрудники некоторых министерств признали правительство М. Базаргана. Министерство экономики и финансов передаёт в его руки казну.

9.2 — вечером на территории учебного центра ВВС в Тегеране слышится стрельба и крики «Аллах акбар!» (т.е. «Аллах велик!») Толпы тегеранцев, собравшиеся здесь, восприняли это как попытку шахской гвардии («бессмертные») расправиться с поддерживающими Хомейни хомафарами. Последние оказали сопротивление. Проникнуть на территорию базы, где продолжается перестрелка, не удаётся.

10.2, 10 часов — хомафары прорвали блокаду базы и вырвались на улицу. Бой в жилых кварталах, с обеих сторон убито более 100 человек. Авиаторы с помощью тегеранцев закрепляются на крышах домов (они в Тегеране плоские), гвардейцам это не удаётся, так как им никто не помогает. Когда у них кончаются патроны, толпа их связывает. Танки остановлены бутылками с зажигательной смесью.

11.30 — гвардейцы начинают отход. Хомафары и вооружённые штатские контролируют улицы вокруг базы. Духовенство призывает к спокойствию.

13 часов — восстание приобретает наступательный характер. Комендантский час, объявленный военными властями, не действует.

Вечером 10.2 толпы людей штурмуют полицейские участки. В ночь на 11 февраля захвачен военный арсенал. Народ вооружается.

11.2, 4.30. Бой между авиаторами и партизанами, с одной стороны, и танками. Утро — батарея ВВС обстреливает танки. Вооружённые горожане захватывают казармы военно-учебного центра, тюрьмы Эвин и Каср. После 4-часовой атаки штурмом была взята штаб-квартира САВАК.

В первой половине дня в руки восставших переходят меджлис, телевидение и радиовещание...

14.00 — Высший совет вооружённых сил Ирана заявляет о своём нейтралитете. По сути дела, это капитуляция правительства. Премьер Бахтияр в последнем интервью с горечью заявляет, что эта победа — победа неграмотных, ослеплённых людей, которые вместо школы посещали мечеть.

12.2 — власть перешла в руки Временного революционного правительства, за спиной которого стоит аятолла Хомейни.

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В XX ВЕКЕ

КУБА: ТИРАНЫ И ТИРАНОБОРЦЫ

Это случилось в один и тот же, печальный для мировой истории 1933 год. В Германии бывший ефрейтор Адольф Гитлер стал канцлером страны (см. ст. «Адольф Гитлер»), а на Кубе сержант Батиста сразу же был произведён в полковники... Между этими событиями, естественно, не было прямой причинной связи, однако их роднит несколько общих черт. И Гитлер, и Батиста — выходцы из низов, оба не брезговали никакими, даже самыми грязными, средствами для достижения своих целей, оба делали ставку прежде всего на силу, последствия пребывания на олимпе власти и того и другого оказались катастрофическими для их стран.

Фульхенсио Батиста родился 16 января 1901 г. в бедной крестьянской семье. Собственно, зарегистрирован он был после рождения как Рубен Сальдивар. По неподтверждённым, но и не опровергнутым его биографами слухам, когда-то в юности он украл часы у одного из соседей. Дабы замести следы, этот молодой человек не только покинул родные места, но и принял решение изменить своё имя и даже образ жизни.

В то время для малообеспеченных деревенских парней Кубы пределом мечтаний была армейская служба, гарантировавшая им то, о чём они грезили с раннего детства: мундир, собственные деньги, сытное питание. Фульхенсио Батиста не стал исключением и уже с 16 лет оказался на побегушках в одной из армейских частей. Именно на побегушках, так как в армию принимали только с 20 лет. Ему довелось испытать всё: и циничные насмешки, связанные с его происхождением (он был мулатом), и более серьёзные случаи унижения достоинства, пришлось переделать много всякой чёрной работы. В 1921 г. он был зачислен на службу уже полноправным солдатом, и теперь фортуна явно благоволила к нему: курсы стенографистов, затем довольно ответственный пост секретаря у генерального инспектора армии полковника Раскои Руиса. Так совершенно неожиданно для всех, и в первую очередь для самого себя, Фульхенсио Батиста оказался причастен к важным государственным секретам. Природная смекалка и находчивость компенсировали отсутствие хорошей общеобразовательной подготовки, а заложенные в предыдущие годы исполнительность и подобострастие сделали из него отменного служаку.

Шли годы, а вместе с ними появились первые лычки на погонах. Батиста стал капралом, потом сержантом, вступил в полуфашистскую партию АВС. Армия играла всё более существенную роль в жизни страны. Это стало особенно ощутимо в начале 30-х гг., когда на Кубе разразилась революция, направленная против диктатора Херардо Мачадо, прозванного за свою прямолинейность и жестокость «ослом с когтями», «президентом тысячи убийств».

Портрет Фульхенсио Батисты.

С конца XVIII в., со времени образования США, кубинская история оказалась тесно связанной с американской в силу самых разнообразных причин. С одной стороны, соседство предопределило широкие торговые связи двух стран, с другой — великий северный сосед на протяжении всего XIX столетия не оставлял надежд превратить этот прекрасный карибский остров в одну из звёздочек своего национального флага. Причём избирались для этого самые разнообразные способы: то флибустьерские экспедиции 1848—1851 гг. с целью захвата Кубы американскими ставленниками, то многомиллионные суммы, которые предлагались Испании за вхождение острова в состав США. Ни то ни другое не дало желаемого результата, и тогда США в 1898 г. вмешались в войну, которую вели кубинские патриоты против метрополии, разбили уже фактически разбитую к тому времени испанскую армию и до 1902 г. являлись полновластными хозяевами Кубы, поставив у власти своих военных губернаторов.

В 1902 г. Куба стала независимым государством, однако в её конституцию под нажимом США были внесены статьи (поправка Платта),

ущемлявшие национальный суверенитет и позволявшие Соединённым Штатам в любое время ввести на остров свои войска. Поправка Платта использовалась американцами для контроля над экономической и политической жизнью Кубы. В результате крупнейшие сахарные заводы принадлежали американским предпринимателям, лучшие пляжи оккупировались американскими туристами, а путь того или иного будущего хозяина президентского дворца Гаваны нередко начинался в посольстве США, где тщательно взвешивались все за и против.

Начавшаяся в 1933 г. революция смела диктатуру Мачадо, сам тиран бежал в США, а вместе с ним и служившие ему верой и правдой генералы. На какое-то время армия, оставшаяся без командующего и фактически без генерального штаба, оказалась неуправляемой. Этим мгновенно воспользовался Батиста, хорошо осведомлённый о положении в казармах и в штабах. Вместе с рядом других капралов и сержантов он 4 сентября 1933 г. захватил руководство армией.

На следующий день в 11.00 к американскому посольству подкатил бронированный автомобиль, принадлежавший ранее генералу Эррере. Теперь в нём важно восседал сержант Батиста, сопровождаемый сержантом Сантаной. Они были приняты послом Уэллесом, который после встречи срочно отправил отчёт о ней в Государственный департамент США. В нём, в частности, говорилось: «Ни один из них (ни Батиста, ни Сантана. — *Прим. авт.*) не имеет чёткого представления о том, куда направлено движение солдат, капралов и сержантов. Они пришли, чтобы выяснить моё отношение к так называемой революционной группе и будет ли в США благоприятно воспринято образование правительства во главе с этой группой. Я ответил, что пока воздерживаюсь от комментариев, но готов принять их в любое время, как только они этого захотят...».

Эта трогательная забота посла великого государства о сержантах небольшого острова стала своего рода трамплином для головокружительной карьеры Фульхенсио Батисты. Уже 8 сентября 1933 г. в правительственной газете «Гасета офисиаль де ла Республика» появился декрет, в котором говорилось: «Первое: произвести сержанта... Фульхенсио Батисту... в чин полковника за военные заслуги и исключительную деятельность на благо родины. Второе: назначить полковника Фульхенсио Батисту начальником генерального штаба».

Возглавив армию, он стал полновластным хозяином Кубы. С 1940 по 1944 г. был президентом страны. Затем вплоть до 1952 г. Батиста оставался в тени, точнее, как бы в глубокой засаде.

Его час вновь пробил 10 марта 1952 г. Ранним утром слуга разбудил президента Кубы Прио Сокарраса и подал ему записку от Батисты: «С тобой всё кончено! Я — правительство!». Увы, законный президент ничего не мог уже изменить. Армия вновь перешла на сторону Батисты, что и позволило ему совершить военный переворот. Диктатор начал решительно действовать: прекратил действие конституции, разогнал конгресс, разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, отменил намечавшиеся на июнь того же года президентские выборы, на которых, по всем прогнозам, должна была победить оппозиция.

США приветствовали вторичное восхождение Батисты на олимп власти, а по некоторым данным, и способствовали ему. Северный сосед начал оказывать кубинскому диктатору всестороннюю помощь. Американский посол на Кубе Артур Гарднер заявлял даже, что история Кубы начинается с 10 марта 1952 г. Однако подобный пафос не разделяло большинство кубинцев, особенно радикально настроенная молодёжь, лидером которой являлся 25-летний адвокат Фидель Кастро.

В тот же день он представил в Верховный суд обвинение диктатора и его сообщников в нарушении семи статей конституции, что влекло за собой, согласно Уголовному кодексу Кубы, тюремное заключение сроком на 64 года. Фидель Кастро потребовал арестовать Батисту и предать его суду. Но у служителей Фемиды оказались завязаны глаза...

Бежал в США Прио Сокаррас, демократический процесс был прерван, солдатский штык и грубая сила подменили собой все конституционные и юридические нормы. В этих условиях, когда в стране начал править военно-полицейский режим и были запрещены все легальные формы борьбы, молодые революционеры бросили смелый и дерзкий вызов диктатору, решив своим личным примером бескорыстия и самопожертвования поднять народ на вооружённую борьбу.

Фидель Кастро Рус родился 13 августа 1926 г. Его отец был довольно богатым землевладельцем, имевшим около 9 тыс. га земельных угодий. Фидель рос в большой семье, в которой было ещё семь братьев и сестёр, включая сводных — от первого брака отца. В колледже «Белен» Фидель настолько выделялся среди своих сверстников, что преподаватели рискнули сделать довольно редкий прогноз, записав в характеристике юного выпускника: «Мы не сомневаемся, что он впишет не одну блестящую страницу в историю Кубы». Столь же успешно Фидель Кастро в 1945—1950 гг. учился и на юридическом факультете Гаванского университета, по окончании которого получил диплом адвоката.

Ещё на студенческой скамье он начал искать способы вывода страны из социально-экономического и политического кризиса. В год переворота Фидель Кастро был членом партии ортодоксов и надеялся, что именно эта партия возглавит борьбу против тирании. «Винтовку и приказ — вот и всё, что я желал иметь в тот момент», — говорил он. Но лидеры ортодоксов проявляли крайнюю нерешительность. И тогда Фидель Кастро, его брат Рауль и несколько десятков других молодых кубинцев решили пор-

вать со старыми политиканами, этими, по выражению Рауля Кастро, людьми-пробками, остававшимися на плаву всегда, при любых политических бурях.

Молодые патриоты понимали, что для свержения тирании нужно прежде всего поднять на борьбу народные массы. Обращаясь к кубинцам в те дни, Фидель Кастро говорил: «Нет ничего более горького, чем трагедия народа, ложившегося спать свободным, а проснувшегося рабом. Кубинцы, опять в стране бесчинствует тиран... Родина под игом, но наступит день, когда она опять будет свободной». Для того чтобы завоевать доверие народа и убедить его в возможности успешной вооружённой борьбы, чтобы, наконец, добыть необходимое оружие, Фидель Кастро и его товарищи решили захватить военные казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба и казарму в городе Баямо.

Около года шла подготовка к штурму. Патриотам пришлось преодолеть огромные трудности. Чтобы собрать средства, необходимые для приобретения оружия, многие из них отдали всё, что имели. 25 июля 1953 г. в усадьбе Сибоней, находящейся в 15 минутах езды от Сантьяго-де-Куба, в условиях строжайшей конспирации собрались 165 человек, из них две девушки — Айде Сантамария и Мельба Эрнандес. Их главным лозунгом стали слова: «Свобода или смерть!».

Штурм воинских казарм в Сантьяго-де-Куба и Баямо, начатый революционерами на рассвете следующего дня, не принёс им успеха. Силы были неравными: революционеров было в 15 раз меньше, чем солдат правительственных войск. На специальном совещании, созванном Батистой в Гаване, диктатор заявил, что считает позором и стыдом для армии, что она понесла в три раза больше потерь, чем нападавшие, а потому приказал за каждого убитого солдата расстрелять 10 пленных. Многие попавшие в плен участники штурма были убиты, некоторых из них заживо закапывали со связанными за спиной руками, остальных предали суду.

Приговор был суров: Фиделю Кастро — 15 лет тюремного заключения, Раулю Кастро — 13 лет. Но застенки не сломили их волю к победе. Очевидно, прислужники тирании рассчитывали на раскаяние узников, когда во дворике тюрьмы Бониато устроили парад заключённых патриотов. Рауль Кастро, вспоминая о нём, говорил: «Это случилось спустя несколько дней после штурма казармы Монкада, когда нас привезли в тюрьму Бониато в Сантьяго. Батистовские власти привели Фиделя и посадили на скамейку перед входом в тюремное здание, надеясь унизить его, лишить присутствия духа. Перед ним заставили пройти остатки отряда бойцов Монкады, пленённых, истерзанных и физически опустошённых. Но эффект получился обратным ожидавшемуся нашими врагами. Им не удалось ни унизить нас, ни лишить присутствия духа, потому что на всех нас, составлявших ту маленькую группу, произвело необыкновенное впечатление поведение Фиделя, который, с гордо поднятой головой, решительный и непокорный, смотрел на нас, передавая нам свою уверенность в том, что мы не побеждены и что это только начало борьбы».

Ещё в прошлом веке знаменитый английский политический деятель Бенджамин Дизраэли заметил, что убийство никогда не изменяло историю мира. Батиста попытался посредством расправы с инакомыслящими изменить историю страны. 20 тыс. кубинцев, представлявших различные партии и группы или вовсе не входившие ни в одну из них, но поднявшие голос в защиту демократических свобод, стали жертвами военно-полицейского режима. Это вызвало повсеместное возмущение, антидиктаторские выступления становились всё более массовыми и решительными.

Политику репрессий Батиста сочетал с политикой социальной демагогии. Он не видел опасности для своего режима в этой, по его словам, импровизированной революции зелёной молодёжи. В мае 1955 г. диктатор, желая показать, что он прислушивается к голосу народа, требовавшего свободы узникам Монкады, подписал закон об амнистии. 12 мая 1955 г. заключённый № 4914, Фидель Кастро, выходя из тюрьмы, сказал корреспондентам газет, радио и телевидения: «За предоставленную нам свободу мы не отдадим ни одного атома нашей чести». Прожив в Гаване после амнистии всего лишь шесть недель, он покинул страну, заявив перед отъездом: «Как последователь Марти я думаю, что пришёл час брать права, а не просить, вырывать их, а не вымаливать. Я буду в одном из районов Карибского бассейна. Из таких поездок, как эта, или не возвращаются совсем, или возвращаются с обезглавленной тиранией у ног».

Фидель Кастро вместе с освободившимися участниками штурма Монкады и другими кубинцами, разделявшими их взгляды, обосновался в Мексике, где начал планомерную подготовку к развёртыванию на Кубе широкомасштабной партизанской войны. Действовавшее на острове и руководимое им из эмиграции общенациональное «Движение 26 июля» проводило необходимую работу по созданию своих ячеек и боевых групп в различных уголках страны. В то же время руководящее ядро «Движения 26 июля» осваивало в мексиканских лесах азы воинской мудрости, перенимало боевой опыт испанского полковника Альберто Байо, одного из руководителей партизанского движения в годы гражданской войны в Испании.

Несмотря на трудности подготовки вооружённой экспедиции, Фидель Кастро во всеуслышание заявил: «В 1956 г. мы будем свободными или принесём себя в жертву». Заявление лидера кубинских революционеров вызвало недовольство Байо, считавшего, что по стратегическим соображениям следовало бы держать в строжайшем секрете свои планы, связанные с началом

вооружённой борьбы. Однако Фидель Кастро был другого мнения. Он исходил из того, что в результате поражений и обмана со стороны находившихся у власти в прежние годы политических деятелей многие кубинцы испытывают чувство разочарования и пессимизма. Лозунг о начале вооружённой борьбы в 1956 г. был обнародован для того, чтобы кубинский народ знал: молодые революционеры готовы к борьбе и в ближайшее время развернут её вновь.

За 15 тыс. долларов (по другим данным, за 25 тыс.) была куплена сравнительно небольшая прогулочная яхта «Гранма». 25 ноября 1956 г. в 2 часа ночи это чрезмерно перегруженное судёнышко отправилось из мексиканского порта Туспан к берегам Кубы. На его борту было 82 человека, 2 противотанковых пулемёта, 90 винтовок, 3 автомата, пистолеты, боеприпасы, продовольствие. Возглавлял экспедицию Фидель Кастро. Среди её участников был и ставший впоследствии знаменитым аргентинский врач Эрнесто Че Гевара, а кроме него ещё четыре иностранца (итальянец, мексиканец, гватемалец и доминиканец).

Безумству храбрых поистине не было предела. Каждая минута этого плавания была сопряжена с величайшим риском. Сильно перегруженная яхта, рассчитанная всего лишь на девять человек, в любой момент могла выйти из строя или затонуть. За время её недельного плавания до Кубы она не раз могла быть обнаружена в Мексиканском заливе, а у батистовского командования были большие шансы уничтожить её вблизи берегов Кубы.

В штабе батистовской армии узнали о местонахождении «Гранмы» на рассвете 2 декабря от капитана каботажного судна, заметившего её в непосредственной близости от кубинского берега. Эта встреча вынудила революционеров в спешном порядке провести высадку в незапланированном и неизвестном повстанцам районе, около устья реки Белик. Перед высадкой исполнили национальный гимн, Фидель Кастро произнёс несколько напутственных слов. Затем, разделившись на небольшие группы, стали прыгать в воду. Впереди было большое, протяжённостью около 2 км, болото с мангровыми зарослями. В некоторых местах люди утопали по грудь в грязной жиже. В довершение всего над зоной высадки появились самолёты ВВС Кубы. Но болото сослужило добрую службу: лётчики так и не заметили отряд. «Заплетающейся походкой, — вспоминал Эрнесто Че Гевара, — мы ступили на твёрдую землю, являя собой армию теней, армию призраков, которая шла, подчиняясь импульсу какого-то скрытого психического механизма».

Целых 40 км оставалось до спасительного убежища — гор Сьерра-Маэстра. Более 1000 солдат бросил Батиста на уничтожение повстанцев. Были перекрыты все дороги; все окрестности беспорядочно, но интенсивно обстреливались летавшими на бреющем полёте самолётами. Казалось, ничто живое не в состоянии выбраться из этого ада. Участники высадки разбились на группы по 2—3 человека и голодные, в полуобморочном состоянии, как писал потом Эрнесто Че Гевара, с боями продвигались по направлению к горам. 21 человек погиб, многие были взяты в плен и преданы суду.

В конце декабря до условленного места — заброшенной в горах усадьбы Кресенсио Переса, одного из организаторов «Движения 26 июля» в этом районе, — добрались всего 22 революционера, имевших лишь два автомата. Среди них были: Фидель Кастро, Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Камило Сьенфуэгос, Рамиро Вальдес, Хуан Альмейда — те, кто впоследствии возглавит на Кубе революционные преобразования. Но тогда, в конце 1956 г., этого не мог бы предсказать ни один прорицатель, об этом не решился бы даже подумать ни один самый смелый фантаст. Всего 22 человека с двумя автоматами против 30-тысячной регулярной армии!..

Правительственная печать Кубы и американские информационные агентства сообщили о смерти Фиделя Кастро и полном уничтожении отряда, а сам диктатор даже заявил 15 декабря 1956 г., что Кастро вообще не принимал участия в экспедиции «Гранмы». Вся эта кампания была направлена на то, чтобы подорвать в народе всякую веру в возможность революционной борьбы. Однако постепенно Куба узнавала правду о Сьерра-Маэстра и её героях. Популярность Фиделя Кастро росла. Местное население оказывало его отряду большую помощь, поставляя продукты питания, информируя о передвижении частей правительственных войск в горах, выделяя патриотам проводников.

С первых же дней борьбы в Сьерра-Маэстра партизаны провозгласили лозунг: «Воюем не против армии, а против Батисты». В феврале 1957 г. Фидель Кастро, обращаясь к народу, писал: «Когда от наших выстрелов падает солдат, в нас грусть превалирует над удовлетворением и мы сожалеем, что перед нашими телескопическими прицелами не стоят настоящие преступники — ...сенаторы, министры, политиканы, посылающие солдат на смерть».

Борьба повстанцев постепенно превратилась в борьбу всего народа против военно-полицейского режима. «Движение 26 июля» стало общенациональной патриотической организацией, объединившей значительную часть кубинского общества — от безработных до крупных собственников. 62 группы этого движения действовали за границей, главным образом в США, странах Центральной Америки и Карибского бассейна. Они собирали средства, приобретали оружие и разъясняли людям цели и задачи революции.

Чем больше диктатура усиливала репрессии, тем более массовым становилось сопротивление

ей в масштабе всей страны. В этих условиях Батиста связывал основные надежды с поддержкой своего режима Соединёнными Штатами Америки. Практически до конца 1958 г. США оказывали ему всестороннюю помощь, не исключая при этом возможности неизбежного ухода диктатора с политической сцены.

Гибкая тактика повстанцев, исключавшая какие-либо резкие антиамериканские выступления, не давала Белому дому сколько-нибудь серьёзных поводов для тревоги. По признанию резидента Центрального разведывательного управления в Гаване Уильяма Колдуэлла, в 1958 г. главными вопросами, с которыми к нему обращались в Вашингтоне, были: кто есть Кастро и что представляет собой его программа?

Президент США Дуайт Эйзенхауэр отмечал в мемуарах такой факт: «Только в конце 1958 г. ЦРУ впервые предположило, что победа Фиделя Кастро будет не в интересах Соединённых Штатов. Один из моих советников рекомендовал опять сделать ставку на Батисту, как наименьшее из двух зол. Я отверг этот план. Если Кастро настолько плох, как предполагает наша разведка, то нашей единственной надеждой остаётся недиктаторская третья сила, не связанная ни с Кастро, ни с Батистой».

В последние дни 1958 г. определилась схема действий антиреволюционных сил. С согласия Батисты его генералы осуществляют военный переворот, создают военную хунту, а затем временное правительство — третью силу, которая должна предотвратить приход Фиделя Кастро к власти.

31 декабря диктатор устроил новогодний приём. На нём присутствовали министры, лидеры буржуазных партий правительственного блока, высший командный состав. «Чокнулись бокалами, — рассказывал очевидец. — Батиста был театрален до последней минуты. Церемонию встречи Нового года он закрыл в своей обычной манере словами: "Привет! Привет!". Потом пристально посмотрел на генерала Эулохио Кантильо, только что назначенного им главнокомандующим армией. Генерал был по-солдатски краток: "Господин президент, мы — командующий и офицеры армии — считаем, что Ваше отречение от поста президента будет способствовать установлению мира, который так необходим стране. Мы взываем к Вашему патриотизму"».

Те, кто был посвящён в тайну дворцового переворота, сохраняли спокойствие, остальные обменялись взглядами, полными тревоги и недоумения. В последний раз на кубинской земле Батиста лицемерно говорил о любви к родине, интересах народа и соблюдении конституции. Около часа ночи он ушёл из банкетного зала, сославшись на то, что его знобит и он должен переодеться. В это время в одном из кабинетов его ожидали наиболее влиятельные генералы. «Два часа ночи. Военачальники дискутировали недолго. Все сошлись на том, что дальше бороться невозможно», — так описал диктатор последнее совещание со своим генералитетом.

Всю жизнь Батиста преклонялся перед Наполеоном Бонапартом и во многом старался подражать французскому императору. В частных беседах он сравнивал заговор сержантов 4 сентября 1933 г. с 18 брюмера, а военный переворот 10 марта 1952 г. — со вторичным захватом власти Наполеоном после возвращения с острова Эльба. Но в этом сравнении общим было только одно — бесславный конец.

В ночь на 1 января 1959 г. Батиста бежал. Целая вереница автомобилей направилась к усиленно охраняемому военному аэродрому, где диктатора и его приближённых ожидали четыре самолёта. Пилоты, которые должны были управлять самолётом Батисты, получили от него по 1 тыс. долларов. В мемуарах Батиста писал, что уже на борту самолёта долго колебался, не зная, куда лететь. Испания и некоторые другие страны отказали в визе, США в нём больше не нуждались. Когда один из пилотов доложил ему, что кончились кубинские территориальные воды, Батиста, к удивлению всех пассажиров самолёта, приказал направиться в Доминиканскую республику.

В Санто-Доминго укрылись вместе с ним 124 его сторонника — офицеры, генералы, высокопоставленные чиновники. Только 18 из них оказались верны ему на чужой земле. Остальные уже в феврале 1959 г. вынесли Батисте смертный приговор за то, что он не поделился с ними захваченной с собой государственной казной. Один из обвинителей заявил тогда: «Мы не будем убивать его здесь. Это означало бы нарушить наше обещание, данное генералиссимусу Трухильо (диктатору Доминиканской республики. — *Прим. авт.*). Но собака должна умереть, и она об этом знает».

Этот приговор так и не был приведён в исполнение. Батиста скончался в 1973 г. Однако сам характер противоречий внутри бывшей правящей кубинской элиты красноречиво свидетельствует о том, какого сорта люди составляли её.

Революция сорвала планы и тех приспешников диктатора, которые остались на Кубе. В начале января в Гавану вошли повстанческие части, возглавляемые Че Геварой и Сьенфуэгосом, а 8 января 1959 г. в столицу вступили основные повстанческие колонны во главе с Фиделем Кастро. Церковные колокола вызванивали гимн победы, залпы батарей приветствовали победителей, торжественно звучали сирены празднично украшенных кораблей, парадным строем над городом пролетали военные самолёты. Революция победила!

Выступая на миллионном митинге, Фидель Кастро сказал, что триумф революции отнюдь не означает немедленного решения всех проблем Кубы, а также того, что каждый будет иметь теперь по дворцу и в будущем жизнь будет только лёгкой прогулкой. «Первого января, — подчеркнул тогда лидер революции, — мы только завоевали право начать».

ЧЕ ГЕВАРА

Эрнесто Гевара де ла Серна родился 14 июня 1928 г. в аргентинском городе Росарио. Когда он стал знаменит, газеты писали о том, что он русский, выдающий себя за латиноамериканца. Однако он был аргентинцем: по отцовской линии — в двенадцатом поколении, по материнской — в восьмом. Даже его второе имя Че являлось дружеским прозвищем, полученным на Кубе и отражающим характерное присловье жителей Аргентины. Среди его предков — испанские завоеватели-конкистадоры, ирландские мятежники, аргентинские патриоты. По-видимому, Че унаследовал некоторые черты беспокойных прародителей: его влекло к дальним странствиям, опасным приключениям, новым идеям.

Эрнесто происходил из благополучной семьи, но детство его оказалось далеко не безоблачным. У ребёнка обнаружилась астма, и её приступы часто повторялись. Мальчик с четырёх лет стал страстным любителем чтения. Он увлекался поэзией и живописью, сам неплохо рисовал акварелью. В большой домашней библиотеке, бывшей в его распоряжении, наряду с классикой имелись книги по философии, искусству, истории, работы Ленина, Маркса, Кропоткина, Прудона, Бакунина. Гражданская война в Испании, Вторая мировая война, активизация общественной жизни в Латинской Америке с юных лет волновали его, развили интерес Эрнесто к политике.

В школьные и университетские годы (Э. Гевара окончил медицинский факультет университета в Буэнос-Айресе) друзей у него было немного; Эрнесто отличался резким характером, едким юмором. И в то же время ему присущи романтизм, мужество, готовность постоять за товарища. Несмотря на недуг, он постоянно занимался спортом: играл в футбол и регби, ездил верхом, увлекался гольфом, альпинизмом и даже планеризмом, но главной его страстью оставались путешествия.

Ещё студентом Гевара, рекламируя мопеды, совершил пробег в 4 тыс. км по Аргентине. Потом он нанялся матросом на грузовое судно и побывал на Тринидаде и Тобаго, в Британской Гвиане. В начале 50-х гг. вдвоём с другом они обошли чуть не половину Южной Америки, побывав в Чили, Перу, Колумбии, Венесуэле. Нужда и забитость народа, чёрствость и продажность верхов заставили Че задуматься о том, как помочь простым людям.

Постепенно он приходит к выводу, что ни благотворительность, ни постепенные реформы под эгидой США не освободят народы Латинской Америки из тисков нищеты и бесправия. Уже тогда он решил, что есть только один выход — социальная революция, и в ней его место. Получив диплом врача летом 1953 г. Аргентину, Эрнесто говорит родителям и друзьям: «С вами прощается солдат Америки».

Страны континента бурлили, пытаясь освободиться от жёсткого контроля Вашингтона и выбрать свой путь в будущее. Вначале Гевара отправляется в Боливию. Здесь новое правительство национализировало иностранные рудники, главное богатство страны, и приступило к осуществлению аграрной реформы. Но вскоре его постигает разочарование. По его мнению, лидеры страны слишком унижались перед Вашингтоном в надежде на финансовую помощь, запятнали себя разного рода махинациями и спекуляциями.

В конце 1953 г. Э. Гевара приезжает в Гватемалу, где кабинет Х. Арбенса пошёл на невиданный шаг — отобрал землю у американской компании «Юнайтед фрут». Эрнесто стал активно участвовать в местной политической жизни. Действия правительства вызвали немедленную реакцию властей США: они обвинили президента в коммунизме и оказали поддержку гватемальским мятежникам. Гевара считал, что в ответ правительство должно было вооружить народ и остановить агрессию, однако в июне 1954 г. Х. Арбенс не выдержал нажима и ушёл в отставку.

Перед угрозой неминуемого ареста Гевара перебирается в Мексику — самую свободную страну Латинской Америки. Здесь произошло определившее его судьбу знакомство с кубинскими революционерами. Ядро их организации составляли участники штурма казарм Монкада — попытки свержения на Кубе диктатуры «друга США», Ф. Батисты. Лидер группы Ф. Кастро и его молодые соратники хотели организовать жизнь на Кубе на основе равноправия, справед-

Че Гевара в крепости Кабанья. Январь 1959 г.

СТРАНИЦЫ БОЛИВИЙСКОГО ДНЕВНИКА Э. ЧЕ ГЕВАРЫ

30 ноября 1966 г. «Всё получилось довольно хорошо; прибыл я без осложнений, половина людей уже на месте... Перспективы в этом отдалённом от всех центров районе, где, судя по всему, мы практически сможем оставаться столько времени, сколько сочтём необходимым, представляются хорошими. Наши планы: дождаться прибытия остальных, довести число боливийцев по крайней мере до 20 и приступить к действиям...»

12 декабря 1966 г. «Говорил со своей группой, «прочитав проповедь» о сущности вооружённой борьбы. Особо подчеркнул необходимость единоначалия и дисциплины...»

31 января 1967 г. «Теперь начинается партизанский этап в буквальном смысле слова, и мы испытаем бойцов. Время покажет, чего они стоят и какова перспектива боливийской революции.

Из всего, о чём мы заранее думали, наиболее медленно идёт процесс присоединения к нам боливийских бойцов...»

23 февраля. «Кошмарный день для меня... В двенадцать часов, под солнцем, которое, казалось, плавило камни, мы тронулись в путь. Скоро мне показалось, что я теряю сознание. Это было, когда мы проходили перевал. С этого момента я уже шёл на одном энтузиазме...»

28 февраля. «Хотя я не знаю, как обстоят дела в лагере, всё идёт более или менее хорошо, с неизбежными в подобных случаях исключениями...

Марш проходит вполне прилично, но омрачён инцидентом, стоившим жизни Бенжамину. Народ пока ещё слаб, и не все боливийцы выдержат. Последние голодные дни показали резкое ослабление энтузиазма и даже падение его».

4 марта. «Моральный дух у людей низок, а физическое состояние их ухудшается со дня на день. У меня на ногах отёки».

20 марта, возвращение в базовый лагерь. «Здесь царит совершенно пораженческая атмосфера... От всего этого — ощущение ужасного хаоса. Они совершенно не знают, что надо делать».

31 марта. «Сейчас проходит этап консолидации и самоочищения партизанского отряда, которое проводится беспощадно. Состав отряда растёт медленно за счёт некоторых бойцов, прибывших с Кубы, которые выглядят неплохо, и за счёт людей Гевары (М. Гевара — один из лидеров боливийских шахтёров)), моральный уровень которых очень низок (два дезертира, один сдавшийся в плен и выболтавший всё, что знал, три труса, два слабака). Сейчас начался этап борьбы, характерный точно нанесённым нами ударом, вызвавшим сенсацию, но сопровождавшийся и до, и после грубыми ошибками... Начался этап контрнаступления противника...

Ясно, что нам придётся сниматься с места раньше, нежели я рассчитывал, и уйти отсюда, оставив группу, над которой будет постоянно нависать угроза. Кроме того, возможно, ещё четыре человека предадут. Положение не очень хорошее».

12 апреля. «В полседьмого утра собрал всех бойцов (кроме четвёрки подонков), чтобы почтить память Рубио и подчеркнуть, что первая пролитая кровь — кубинская кровь. Это необходимо было сделать, так как среди бойцов авангарда прослеживается тенденция пренебрежительно относиться к кубинцам. Это проявилось вчера, когда Камба заявил, что он всё меньше доверяет кубинцам...»

17 апреля. «Из всех крестьян, которых мы встречали, лишь один — Симон — согласился помочь нам, но и он был явно испуган...»

30 апреля. «...после опубликования в Гаване моей статьи едва ли у кого есть сомнения, что я нахожусь здесь... Дела идут более или менее нормально...»

14 июня. «Мне исполнилось 39 лет, годы неизбежно бегут, невольно задумаешься над своим партизанским будущим. Но пока я в форме...»

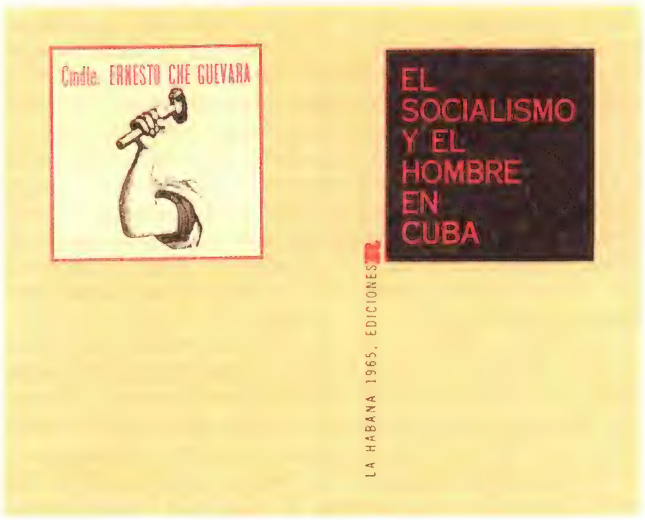
ливости, заботы властей о народе. Первая же встреча Эрнесто с Фиделем выявила много общего в их взглядах. Аргентинец готов был рисковать жизнью ради успеха кубинской и, значит, континентальной революции.

План повстанцев был прост и смел до безумия. Ф. Кастро делал ставку на подготовку военной экспедиции на Кубу и войну нескольких десятков её участников против 20-тысячной армии диктатора.

25 ноября 1956 г. 82 бойца (из них лишь немногие старше 30 лет) с оружием и амуницией на страшно перегруженной яхте «Гранма» отплыли из мексиканского порта Туспан навстречу своей судьбе.

Лишь 2 декабря изрядно потрёпанная штормом «Гранма» подошла к берегу Кубы. Батиста уже знал об экспедиции Кастро, и возле Алегрия-де-Пио на повстанцев обрушился свинцовый дождь. В бою погибла почти половина бойцов, 20 человек попали в плен. Уцелевшие после разгрома повстанцы сумели укрыться в горах Сьерра-Маэстра. Преследуемые, они блуждали там, избегая населённых пунктов, и с переменным успехом нападали на солдатские посты.

Среди них был и аргентинский врач Эрнесто Гевара де ла Серна. Он чудом спасся при Алегрия-де-Пио: пулемётная пуля попала в ящик с патронами, который Эрнесто нёс на руках перед грудью, и, отскочив, задела шею. Рана оказалась неопасной, но пребывание в Сьерра-Маэстра стало для него тяжёлым испытанием: сначала малярия, затем астма, приступы которой нельзя было остановить из-за отсутствия лекарств. Один из партизан, Нуньес Хименес, писал: «Я не понимаю, как он мог ходить, его то и дело душила болезнь. Однако он шёл по горам с вещевым мешком за спиной, с оружием, с полным снаряжением, как самый выносливый боец. Воля у него, конечно, была железная...».



Экслибрис и титульный лист книги Че Гевары «Социализм и человек на Кубе». 1965 г.

Повстанец-чужестранец привлекал особое внимание крестьян. Он совсем не походил на них и говорил на «чудном» языке, этот аргентинец «Че», но крестьяне-гуахиро относились к нему с доверием. Ведь на всех широтах мира ценятся такие человеческие качества, как простота, мужество и справедливость.

«Партизан должен довольствоваться минимумом необходимого. Партизан, — подчёркивал Че, — должен быть образцом безупречного поведения и готовности пожертвовать собой ради общего дела» — и таким всегда был он сам. «Партизан, — писал Че, — должен обладать железным здоровьем, что позволило бы ему справиться со всеми невзгодами». В этих словах слышится сожаление, ведь сам-то он был болен. Но если Че и говорил о своей болезни, то с шуткой: «Я заметил, что порох — единственное лекарство, которое мне по-настоящему облегчает астму».

Батиста неоднократно заявлял, что «разбойники» окружены, разбиты, уничтожены. Но бои в горах не прекращались, и, значит, жила надежда на победу. Постепенно партизанам удалось наладить связь с подпольными организациями в городах. Подпольщики помогали повстанцам оружием, боеприпасами, одеждой и лекарствами, направляли в горы добровольцев. Слухи о партизанах распространялись шире и шире. Этому способствовал корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Г. Мэтьюз, посетивший тайный лагерь в Сьерра-Маэстра. После его сенсационного репортажа батистовские газеты именовали Че не иначе как «аргентинский коммунистический главарь бандитской шайки, оперирующей на Сьерре-Маэстра».

Летом 1957 г. партизаны начали проводить активные боевые действия и в долинах. На какое-то время установилось шаткое равновесие: готовясь к решающим схваткам, стороны копили силы. Время работало на повстанцев. Кубинское общество устало от беззакония, казнокрадства и произвола властей. Даже церковь, плантаторы и сахарозаводчики проявляли недовольство Батистой. «Наш человек в Гаване», как называли его американцы, всё меньше устраивал Вашингтон. Особую роль в борьбе с диктатурой играли крестьяне. Без их поддержки Кастро не смог бы продержаться в горах. Повстанцы защищали крестьян от карателей, учили грамоте, лечили их самих и их детей и, самое главное, обещали после победы наделить их помещичьей землёй... Отряды пополнялись новыми бойцами.

В марте 1958 г. Ф. Кастро перешёл в наступление. Без энтузиазма сражавшаяся армия Батисты, оснащённая танками и самолётами, уступала немногочисленным отрядам повстанцев, недоедавших, плохо одетых и вооружённых, но чувствующих поддержку народа. Свыше 600 км, от Сьерра-Маэстра до гор Эскамбрая, прошла под командой Че Гевары 8-я колонна и с боем взяла город Санта-Клара, разгромив крупный гарнизон правительственных войск.

19 июня. «За жителями нужно охотиться, чтобы поговорить с ними, они точно зверьки...»

30 июня. «... крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам. Создаётся порочный круг: чтобы набрать новых людей, нам надо постоянно действовать в отряд, хотя имеются некоторые ободряющие признаки; наши старые знакомые среди крестьян принимали нас хорошо. 3) Легенда о партизанах распространяется по континенту...

Наиболее важные задачи: восстановить контакты, набрать новых добровольцев, достать медикаменты».

7 августа. «Сегодня исполняется девять месяцев со дня образования партизанского отряда. Из шести первых партизан двое — мертвы, двое — ранены, один — исчез, а я с астмой, от которой не знаю как избавиться».

14 августа. «Чёрный день... ночью из последних известий узнали, что армия обнаружила тайник... Теперь я осуждён страдать от астмы неопределённое время. Радио сообщает также, что найдены различные документы и фотографии. Нам нанесён самый сильный удар. Кто-то нас предал. Кто? Пока это неизвестно».

30 августа. «Положение становилось невыносимым. Люди падали в обморок. Мигель и Дарио пили мочу, то же делал и Чино, с печальными последствиями — расстройством желудка и судорогами. Урбано, Бенигно и Хулио спустились на дно ущелья и там нашли воду...»

31 августа. «Это был, безусловно, самый тяжёлый месяц, который мы пережили с того момента, как начали вооружённые действия... Мы переживаем момент упадка нашего боевого духа. Легенда о партизанах также тускнеет...»

30 сентября. «Месяц этот напоминает по своим чертам предыдущий, но сейчас армия явно показывает большую эффективность в своих действиях... Моральный дух большинства оставшихся у меня людей довольно высок... Крестьянская масса ни в чём... не помогает, крестьяне становятся предателями...

Наиболее важная задача — уйти отсюда и искать более благоприятные зоны. Кроме того, надо наладить контакты, хоть весь наш аппарат в Ла-Пасе (главный город Боливии. — *Прим. ред.*) разрушен, и там нам также нанесли тяжёлые удары».

7 октября. «Одиннадцать месяцев со дня нашего появления в Ньянкауасу исполнилось без всяких осложнений, почти идиллически. Всё было тихо до полпервого, когда у ущелье, в котором мы разбили свой лагерь, появилась старуха, пасшая своих коз.. Она ничего внятного о солдатах не сказала, отвечая на все наши вопросы, что ни о чём не знает, что она давно уже в этих местах не появлялась... Старухе дали 50 песо и сказали, чтобы она никому ни слова о нас не говорила. Но мы мало надеемся на то, что она сдержит свое обещание...

Армия передала странное сообщение о том, что в Серрано расположились 250 солдат, преграждающих путь окружённым 37 партизанам, и что мы находимся между реками Асеро и Оро...»

На этой записи, которая была сделана между 2 и 4 часами утра 8 октября, обрывается боливийский дневник Че Гевары.

1 января 1959 г. повстанческая армия вступила в столицу страны, Гавану. Удостоенный высшего воинского звания команданте, Эрнесто Че Гевара получил кубинское гражданство. Он вошёл в руководящие органы страны. Однако высокие посты не изменили его. Че по-прежнему жил скромно,

Че Гевара.

не любил роскошь и излишества, довольствовался в быту самыми необходимыми вещами. Его можно было увидеть работающим на строительстве, рубящим сахарный тростник, разгружающим судно. Кубинцы понимали: этот человек поступает так потому, что иначе не мыслит свою жизнь.

Кубинцы строили новое общество, где не станет бедняков и нищих, где люди будут иметь работу и равные права, где власть на деле будет принадлежать народу. Шли годы. Энтузиазм ещё кипел. Но контуры создаваемой формации всё сильнее напоминали миру установившийся в СССР «реальный социализм», с его фальшивыми лозунгами, безжалостным подавлением личности, беззастенчивой коррупцией и диктатурой.

С середины 50-х гг. Че Гевара искренне верил в победу коммунизма во всём мире, считая его более прогрессивным, чем капитализм. Однако то, что в начале 60-х гг. неожиданно для этого «рыцаря мировой революции» проявилось на Кубе — резкий рост числа чиновников, безмерное увеличение аппарата управления, взяточничество среди закалённых бойцов Сьерра-Маэстра — серьёзно обеспокоило Че. Видимо, он всё ещё не потерял веру в успех революции. Команданте задумывается над тем, как уменьшить влияние негативных факторов на жизнь общества. Выход ему видится в расширении социального конфликта, в подключении к нему новых стран и регионов, страдающих от «недоразвитого капитализма».

Латиноамериканская революция — такую цель ставит перед собой Че. Ради неё он оставляет в Гаване друзей, соратников, семью. Он был уверен в том, что континент готов к повторению кубинского опыта вооружённой борьбы в гораздо большем масштабе. Победа улучшила бы международное положение Кубы и ослабила позиции США. Че понимал, что предприятие это куда более рискованное, чем путешествие на «Гранме». И ещё романтик Че считал, что начинать всё должен человек, и в теории, и на практике знающий партизанскую войну. Лучшей кандидатуры, чем он сам, у него не было.

После 14 марта 1965 г. Че исчезает с политической арены. Пресса строила догадки: «Че смертельно болен; Че бежал с Кубы, продав за 10 млн долларов военные секреты Гаваны; Че уехал в Китай...». На самом деле Эрнесто Че Гевара, оставив государственные и партийные посты, отказавшись от военного звания и кубинского гражданства, вновь взял в руки карабин. По некоторым сведениям, в 1965 г. Че воевал в бывшем Бельгийском Конго, поддержав сторонников убитого премьер-министра Патриса Лумумбы. Возможно, он тайно побывал в Доминиканской Республике, во Вьетнаме или где-то ещё. Вновь его след обнаруживается в ноябре 1966 г. в Боливии.

Вечером 7 ноября 1966 г. Че (в Боливии он называет себя Рамоном) делает первую запись в дневнике, который потом ведёт изо дня в день на протяжении 11 месяцев, вплоть до последнего боя. Этот дневник — зеркало героического и трагического маршрута его команды: запуганные крестьяне, агенты спецслужб, рыскавшие в округе, стычки с большими силами карателей, брошенными правительством на борьбу с партизанским движением, гибель товарищей, предательство одних и трусость других... Боливийская экспедиция становится последним эпизодом жизни Че. Теряя бойцов, отряд Че Гевары в октябре 1967 г. попал в засаду. Раненый Че захвачен в плен. На следующий день он и двое его товарищей были расстреляны в помещении школы в деревне Ла-Игера.

Необъяснимость последующих шагов боливийских властей связана, по всей видимости, с легендарностью личности Че Гевары. Во-первых, тело Че захоронили тайно — до недавнего времени было неизвестно, где покоятся его останки. Во-вторых, каратели сняли с его лица посмертную маску. В-третьих, два года спустя министр внутренних дел Боливии А. Аргедас тайно переправил на Кубу фотокопию дневника Че Гевары и гипсовый слепок с его лица. Поистине, смерть Эрнесто Че Гевары была такой же необычной, как и его жизнь.

Несомненно, Че Гевара по-настоящему верил в необходимость мировой революции, солдатом которой всегда считал себя. Он искренне желал счастья народам Латинской Америки и добивался торжества социальной справедливости на континенте. Конечно, он заблуждался во многих отношениях и за это мужественно расплатился ценой жизни. В последнем письме к детям он писал: «Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и жил согласно своим убеждениям».

САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ

Жизнь и деятельность Сальвадора Альенде неразрывно связаны с новейшей историей Чили — страны, которая всегда считалась одной из самых богатых и развитых в Латинской Америке. Несмотря на это, здесь сохранялись нищета, голод и бесправие огромных масс населения, всевластие иностранных монополий и произвол имущих классов. Тем не менее положение в стране долгое время было сравнительно устойчивым: армия не вмешивалась в политику, а переход власти от одного клана крупных капиталистов и землевладельцев к другому являлся результатом свободных выборов. Именно наличие демократической традиции породило своеобразие чилийской революции 1970—1973 гг. — революции, начавшейся с избрания Сальвадора Альенде президентом и прерванной его героической гибелью в горящем дворце Ла-Монеда.

Сальвадор Альенде.

Сальвадор Альенде родился 26 июня 1908 г. в портовом городе Вальпараисо, в семье адвоката. Его отец происходил из небогатого, но старинного, по чилийским понятиям, рода. Предки Альенде активно участвовали в войне за независимость против Испании, в других войнах и восстаниях, сотрясавших страну в XIX в., и пользовались репутацией либералов. Чичо — так в детстве называли Сальвадора — рос крепким, спортивным мальчиком. В 16 лет он стал чемпионом страны среди юношей по десятиборью и плаванию и ещё до совершеннолетия пошёл добровольцем в армию, в кирасирский полк. Сальвадор был отличным наездником, отменно стрелял. Со времён армейской службы он сохранил страсть к оружию. В юности начали формироваться и его политические взгляды. Не последнюю роль в этом сыграл сосед семьи Альенде, старый сапожник-анархист, снабжавший Чичо брошюрами Бакунина, Кропоткина, испанских и итальянских социалистов.

В 1926 г. Чичо поступает на медицинский факультет университета в Сантьяго. В Чили, как и в других латиноамериканских странах, студенты традиционно участвуют в борьбе с властями. Впервые молодого Альенде арестовывают за выступление против диктатуры, установленной президентом Ибаньесом, чьим кумиром был вождь итальянских фашистов Муссолини. Новый арест последовал в 1932 г., во время событий, связанных с 12-дневным существованием Социалистической республики Чили (тогда власть на короткое время захватили сторонники социалистического пути развития страны). На несколько дней Сальвадора выпускают из заточения — проститься с умирающим отцом. «Отец, — вспоминал Альенде, — сказал мне и брату, что оставляет нам в наследство имя честного человека, а это больше, чем материальные ценности».

Выйдя из тюрьмы по амнистии, Сальвадор заканчивает дипломную работу на тему «Психическое здоровье и преступность». Начинающему врачу, известному своими левыми взглядами, трудно получить престижное место, и несколько лет он работает в морге Вальпараисо. «Я мечтал о профессии детского врача, стал же всего-навсего потрошителем трупов», — с иронией говорил Альенде. Он соприкасается с жизнью беднейших слоёв общества, отмечает связь между болезнями и системой эксплуатации. По его инициативе создаётся профсоюз врачей. Семейные связи приводят Сальвадора к масонству (его дед, отец и дядя были масонами — членами религиозно-этического общества, стремившегося создать тайную всемирную организацию с целью мирного объединения человечества в братском союзе). «Масоны провозглашали, что борются за свободу, равенство, братство, — рассказывал он. — Я же, будучи масоном, подчёркивал, что при капитализме не может быть равенства, что не может быть братства при классовой эксплуатации, что понятие свобода конкретно, а не абстрактно». Альенде хотел использовать влияние масонства в интересах левых сил. Впрочем, другие политики Чили также использовали масонство в своих интересах.

В 1933 г. возникла Социалистическая партия Чили. Внутри её оформилось множество фракций и течений, кипели дискуссии о социалистическом идеале и методах его достижения. Альенде, один из основателей этой партии, выступал за единство действий социалистов и коммунистов. В это же время в стране появились группировки фашистского толка. Для борьбы с фашистами, которые часто пользовались покровительством властей, социалистическая партия создала свою милицию. В Вальпараисо ей командовал Сальвадор Альенде.

В 1935 г., столкнувшись с волной забастовок и выступлениями крестьян, возмущённых притеснениями со стороны крупных землевладельцев, правительство вводит военное положение. Альенде вновь репрессирован: его отправляют в ссылку в глухую рыбацкую деревушку на севере страны.

Товарищи развернули движение за его освобождение и добились своего — Альенде с триумфом вернулся в Вальпараисо, получив общенациональную известность.

Чтобы не допустить прихода к власти ультраправых (сторонников сближения с гитлеровской Германией), левые силы Чили по примеру многих стран Европы и Америки организуют Народный фронт. В 1939 г. его отделение в Вальпараисо выдвигает Альенде кандидатом в депутаты. Энергичный оратор, врач, жертва полицейских преследований, он без особого труда побеждает соперников в предвыборной схватке. (С этого момента на протяжении более чем 30 лет он неизменно будет избираться в парламент.) В правительстве Народного фронта Альенде получает пост министра здравоохранения и социального обеспечения. Вскоре он женится на студентке исторического факультета, дочери итальянского моряка Ортенсии Бусси. Церемония бракосочетания, разумеется, была гражданской. На состоявшемся затем торжестве Альенде не присутствовал — в тот день проходили важные дебаты в сенате.

В 1952 г. Социалистическая, Демократическая и тогда нелегальная Коммунистическая партии выдвинули 44-летнего Сальвадора Альенде кандидатом в президенты. Это был чисто пропагандистский шаг, без надежды на успех. Позже, на выборах 1958 г., ему не хватило нескольких десятков тысяч голосов. Но в этом поражении уже была видна грядущая победа.

В 1954 г. супруги Альенде впервые приехали в СССР. Хотя программа поездки была очень насыщенной, Сальвадора Альенде попросили написать статью для «Правды». «Я немедленно примусь за дело», — сказал он. «Как! — воскликнула жена. — У нас через час "Лебединое озеро" в Большом театре! Ты ведь всю жизнь мечтал посмотреть этот балет!» — «Это верно. Но статья в "Правде" для меня важнее». Любопытна и такая деталь: вместо сувениров он купил в Москве галоши, сказав, что чилийские галоши часто рвутся, а советские, из толстой резины, — лучшие в мире.

Сальвадор Альенде на парламентских выборах. 1973 г.

На президентских выборах 1964 г. Альенде противостоял христианский демократ Эдуардо Фрей, взявший на вооружение лозунг «Революция в условиях свободы!» Альенде получил наибольшее количество голосов, которые когда-либо собирали кандидаты левых партий не только в Чили, но и в других странах Латинской Америки. Однако и в третий раз он проиграл битву за власть. После выборов он сказал журналистам: «Когда я умру, на моём надгробии будет высечено: "Здесь покоится будущий президент Чили"».

Правительство Фрея встало на путь преобразований. Оно начало аграрную реформу с целью ограничить крупное землевладение, легализовало независимые профсоюзы, проводило постепенную чилинизацию (так называли национализацию природных ресурсов, которые до этого находились в руках североамериканских монополий). Христианские демократы выступали за коммунитарное (т. е. основанное на самоуправлении) общество. Но реформы проводились медленно и нерешительно. Экономическая обстановка ухудшалась. В результате росло влияние левых.

Перед выборами 1970 г. пять левых партий образовали коалицию (объединение) Народное единство. Не без колебаний левые решились выдвинуть Альенде кандидатом в президенты в четвёртый раз. Предвыборная кампания проходила в обстановке жестокого психологического террора, который развязали против Альенде средства массовой информации — печать, радио, телевидение, контролируемые «мумиями» (так в Чили называют ультраправых). Но и поддержка у него была мощная — левые партии, профсоюзы, молодёжь. Пропагандистские бригады имени Рамоны Парры (молодая коммунистка, убитая полицией) расписывали стены лозунгами Альенде.

4 сентября 1970 г. состоялись выборы. В ночь с 4-го на 5-е стало известно, что Альенде получил относительное большинство голосов. Ликующие толпы заполнили улицы и площади Сантьяго. 18 лет Сальвадор Альенде боролся за право войти в президентский дворец Ла-Монеда — и победил. Провалилась отчаянная попытка «мумий» с помощью махинаций в парламенте не допустить социалиста к верховной власти. Тогда правые террористы, стремясь спровоцировать вмешательство военных, убили главнокомандующего Вооружёнными силами генерала Шнайдера. Однако сменивший его на этом посту генерал Пратс подтвердил, что армия верна конституции, а 3 ноября Альенде принял президентскую ленту из рук Фрея.

В правительство вошли представители всех партий Народного единства — от коммунистов до левых католиков. Началось осуществление программы коалиции. Дети до 15 лет ежедневно получали по пол-литра молока бесплатно, была повышена зарплата, приняты меры по борьбе с безработицей. Альенде отменил более 20 декретов о повышении

цен, ввёл бесплатное медицинское обслуживание, распустил специальные отряды карабинеров, прославившиеся своей жестокостью при подавлении народных выступлений. На государственных предприятиях были созданы советы с участием администрации, рабочих и профсоюзов. Они получили право изменять условия труда рабочих и решать вопросы экономического планирования.

11 июля 1971 г. парламент единогласно объявил национализацию медных рудников и других природных ресурсов: чилинизация, таким образом, блестяще завершилась. Ослабла зависимость экономики от иностранного капитала. Это было время действительно народного единства, но длилось оно недолго. Леворадикальные террористы застрелили одного из деятелей оппозиции, ответственного за расправу с крестьянами в годы правления Фрея. Активизировалась и фашистская организация «Патриа и либертад». В стране зазвучали выстрелы и взрывы. На улицах стали появляться плакаты со зловещим словом «Джакарта» — призыв к армии совершить переворот по образцу Индонезии 1965 г. Богачи бежали за границу, вывозили туда свои капиталы. Помещики угоняли скот в Аргентину. Разбухал чёрный рынок.

Создав гигантские государственные монополии, Альенде рассчитывал с их помощью получить средства на социальные программы. Действительность не оправдала его ожиданий. Экономическое положение ухудшалось, цены росли, деньги обесценивались. Недовольные национализацией западные компании объявили Чили бойкот. Надежда на помощь СССР оказалась призрачной — страна социализма не была готова оплачивать «чилийский эксперимент». Возник конфликт президента с парламентом, выступавшим против передачи экономики под контроль государства. Начались забастовки горняков, торговцев, врачей, владельцев грузовиков (последнее особенно нежелательно для Чили, где большинство перевозок осуществляется автомобильным транспортом).

Альенде работал по шестнадцать часов в сутки, спал по пять часов. Он поседел, редко улыбался. Дня не проходило без его публичных выступлений, встреч с прессой. Президент глубоко переживал, когда обнажались противоречия между народом и возглавляемой им народной властью. После того как карабинеры, по-прежнему не останавливавшиеся перед применением оружия, убили рабочего в пригороде столицы, возмущённый президент отправился пешком на место трагедии, принёс извинения жителям района и несколько часов беседовал с ними.

Атмосфера ожесточения в обществе нагнеталась средствами массовой информации, где перевес был на стороне противников правительства. После визита в Чили Фиделя Кастро левым стало труднее доказывать совместимость политики Альенде с демократией. Часть студентов протестовала против визита, захватывала университетские аудитории, чтобы сорвать выступления кубинского диктатора. Но хотя симпатии Сальвадора Альенде к советскому и кубинскому режимам представлялись многим чилийцам серьёзной опасностью, всё-таки президент не выходил за рамки демократической конституции.

Пытаясь укрепить своё положение, Альенде вводит в правительство военных. Другой его опорой становится Коммунистическая партия, к сотрудничеству с которой он постоянно призывал социалистов. В отличие от последних коммунисты не предлагали новой разновидности социализма. Их идеалом был СССР 70-х гг., и они рассчитывали достичь своей цели постепенно, через своеобразную диктатуру пролетариата с президентом во главе.

На парламентских выборах 1973 г. оппозиции не удалось получить две трети мест, что позволило бы ей конституционно свергнуть Альенде. Теперь непримиримые противники правительства могли делать ставку только на силу. Рассчитывая обуздать террористов, президент санкционировал чрезвычайные действия армии. Однако на практике это обернулось вторжением военных на заводы и в штабы левых организаций, разгромом рабочих отрядов самообороны. В то же время против правых армия действовала крайне неохотно.

29 июня в Сантьяго восстал танковый полк, но благодаря решительным действиям главнокомандующего Пратса мятеж был подавлен. Сразу после сообщения о попытке переворота рабочие заняли предприятия, готовясь оказать сопротивление путчистам. Вечером перед дворцом состоялся 100-тысячный митинг. Президент заявил, что не распустит оппозиционный парламент, но прибегнет к референдуму, чтобы узнать мнение народа.

23 августа под давлением генералов ушёл в отставку Карлос Пратс. Его пост занял начальник генштаба Аугусто Пиночет. Он заверял президента, что Вооружённые силы верны конституции, а на деле возглавил заговор военных.

В 6 часов утра 11 сентября 1973 г. в резиденцию на улице Томаса Мора пришло сообщение о

Сальвадор Альенде после парламентских выборов. 1973 г.

АЛЬЕНДЕ НА КУБЕ

В 1959 г. Сальвадор Альенде посещает Кубу, где только что в результате двухлетней партизанской войны повстанцы свергли режим диктатора Батисты. Он встречается с лидерами повстанческой армии Фиделем и Раулем Кастро, Эрнесто Че Геварой. С тех пор Альенде поддерживал с кубинскими руководителями самые тесные связи. Многое роднило их. Они рассматривали свою борьбу как продолжение дела героев войны за независимость — Симона Боливара, Бернардо О'Хиггинса и Хосе Марти, как часть современной латиноамериканской революции. Как и Че Гевара, Альенде был врачом и тоже пожертвовал медициной ради революционной борьбы. Но Альенде полагал, что в Чили левые могут прийти к власти не с помощью вооружённого восстания, а мирным конституционным путём. Он не пытался убрать своих противников с политической сцены, а добивался компромисса. Считая необходимым сохранить систему многопартийности, он хотел использовать её для продвижения к социализму в более гуманном, демократическом варианте, нежели те его разновидности, что существовали до сих пор.

«ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ»

Альенде просил называть себя «товарищ президент», заменив этим обращением привычное сеньор. Он повторял, что его победа не просто смена власти, а начало революции. Вместе с ним в Ла-Монеду вошёл народ, вошёл в буквальном смысле слова: сюда президент приглашал гостить школьников из шахтёрских посёлков, здесь принимал делегации рабочих, крестьян, индейцев. Он и сам много ездил по стране, бывал в самых глухих и отдалённых её уголках. Его можно было видеть работающим на стройке или на разгрузке автомашин вместе с участниками бригад добровольного труда. Альенде не пренебрегал никакой тяжёлой работой, он сбрасывал пиджак и легко брался за кирку, лопату, топор.

НОВАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

Старинное здание дворца Ла-Монеда не обеспечивало главе государства и его семье не только необходимую безопасность, но и просто спокойную жизнь. Поэтому на улице, носящей имя Томаса Мора, по соседству с женским монастырём, в обширном саду выстроили коттеджи, где разместились родные президента, ближайшие сотрудники, охрана (именовавшаяся группой личных друзей и созданная в тот период, когда Альенде ещё не был утверждён президентом и не мог доверять службе безопасности Фрея). Президент полюбил свою новую резиденцию. Именно здесь он предпочитал работать, собирал друзей, почти ежедневно играл с кем-либо из них в шахматы. Каждый раз, когда он приезжал сюда, у ворот его встречала любимая собака Ака. Альенде сам развесил на стенах резиденции личную коллекцию картин латиноамериканских художников — Сикейроса, Риверы, Гуаясамина.

восстании флота в Вальпараисо. Это было началом переворота. Простившись с женой, президент отправился в Ла-Монеду. Туда же прибыли его сотрудники, приехали и две дочери Альенде — Беатрис и Исабель. Беатрис была беременна. Увидев её, отец только покачал головой...

В 7.50 по радио зачитывают заявление военной хунты, требующей перехода всей власти в стране в её руки. Альенде приказал подготовить дворец к обороне. «Если бы я мог оказаться в другом месте для продолжения борьбы, я бы это сделал. Но я в Ла-Монеде, и именно здесь я буду бороться и погибну, если потребуется».

В 9 часов в Ла-Монеду позвонил Пиночет. Он предложил президенту самолёт и гарантии вылета в любую страну мира, предупредив, что в противном случае начнётся штурм. Альенде ответил главарю хунты: «Я не сдамся и не покину дворца. Угрозам подчиняются только трусы. И сдаются только трусы. Такие, как вы».

Авиация противников президента нанесла удар по радиостанциям, призывавшим население выступить в поддержку Народного единства. В эфире оставалось только радио компартии «Магальянес». Альенде подключился к передатчикам этой станции и, привычным жестом взяв микрофон, произнёс то, что стало его последней речью:

— Трудящиеся моей Родины! Я благодарю вас за верность, которую вы всегда проявляли, за доверие, оказанное вами человеку, который был лишь выразителем глубоких чаяний справедливости и который, поклявшись уважать конституцию и закон, сдержал своё слово.

Президент не призывал народ к дворцу — он знал, что фашисты не остановятся перед массовым кровопролитием.

В 11.00 начался штурм. Альенде из гранатомёта подбил один из танков, прикрывавших наступление пехоты путчистов. Атака захлебнулась под плотным огнём защитников дворца. Президент категорически приказал женщинам и безоружным покинуть здание. Его дочери отказались подчиниться. «Поймите, — сказал им Альенде, — если с вами что-нибудь случится, противник во всём будет винить меня. Вы нужны матери, вы нужны нашему общему делу. Я приказываю вам как отец и как президент покинуть Ла-Монеду. Иначе вы заставите меня выйти на улицу». «Последний образ отца, оставшийся у меня в памяти, — вспоминала Исабель, — это образ борца, в каске и с автоматом в руке, который переходил от окна к окну, подбадривал соратников, сам стрелял по танкам. Ему предложили надеть бронежилет. Он отказался со словами: "Почему я? Я такой же боец, как и все"».

В 12 часов самолёты начали бомбить дворец. Здание загорелось, дым проник во все помещения. Среди защитников появляются раненые и убитые, сам президент ранен осколком стекла. В 13.30 танки протаранили главные ворота. Защитники Ла-Монеды забаррикадировались на втором этаже. Неравный бой длился ещё два часа.

Долгое время считалось, что Сальвадор Альенде погиб от пули командира штурмовой группы. В 1991 г. правительственная комиссия объявила, что он покончил с собой. Соратники посадили его в президентское кресло, одели президентскую ленту и покрыли плечи национальным флагом. Ворвавшиеся путчисты в упор расстреляли уже мёртвое тело. Вскрытие обнаружило 13 пулевых ран.

Несмотря на политические просчёты, Сальвадор Альенде навсегда вошёл в историю как человек, отдавший жизнь за свои принципы. Все 18 лет правления Пиночета его имя оставалось символом сопротивления диктатуре, символом борьбы за восстановление подлинной демократии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Приведены имена главных исторических деятелей и мифологических персонажей, а также авторов наиболее известных исторических исследований

А

Август (Октавиан), первый император Рима (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), захвативший Египет и покончивший с Птолемеями — наследниками державы Александра Македонского 113, 143, 154, 155, 157, 171, 172, 173, 176, 177, 185, 193

Авраам, библейский родоначальник евреев; по велению Бога собирался принести Ему в жертву единственного сына, но был остановлен ангелом 65

Аврелиан Амвросий, император бриттов (V—VI вв.), возглавивший борьбу с германцами 200—201

Агамемнон, царь Микен, предводитель греческого войска в Троянской войне, упомянутый в «Илиаде» 109, 114, 116, 117

Агриппина (I в. н. э.), мать Нерона, убитая им 174

Адриан Публий Элий, римский император (117—138 гг.); завершил 2-ю Иудейскую войну, что привело к рассеянию евреев по всему свету (диаспоре) 70, 176, 177

Акбар Джелаль-ад-дин (1542—1605), мудрый правитель из династии Великих Моголов 443, 445

Аларих I, король вестготов, в 410 г. захвативший и разграбивший Рим 197

Александр I (1777—1825), российский император 522, 528

Александр Македонский (Великий) (356—323 до н. э.), создатель крупнейшей державы Древнего мира 69, 82, 83, 85, 88, 102, 104, 113, 127, 134, 135—138, 139, 140, 141, 143, 169, 185, 188, 202

Александр Невский (1220—1263), новгородский князь, разбивший войска шведов на Неве (1240 г.) и рыцарей Тевтонского ордена на Чудском озере (1242 г.) 293

Алексей I Комнин (1048—1118), византийский император, инициатор 1-го крестового похода на Иерусалим 217, 219, 220, 384

Алкивиад (450—404 гг. до н. э.), афинский стратег, участник войн Афин со Спартой и Персией 104, 127

Альенде Госсенс Сальвадор (1908—1973), один из организаторов и лидер Социалистической партии Чили, президент Чили в 1970—1973 гг.; убит во время военного переворота 658—661

Альтдорфер Альбрехт (около 1480—1538), немецкий художник эпохи заката Средневековья 191

Аматэрасу, богиня Солнца в Древней Японии 95

Амон, в древнеегипетской мифологии бог — покровитель города Фивы, отождествлявшийся с верховным богом Ра (Амон-Ра) 59

Анейрин, валлийский бард (VI в.), впервые упомянувший имя вождя (короля) Артура 200

Анна Стюарт (1665—1714), английская королева, последняя из династии Стюартов, первая королева Великобритании 466, 467

Антигониды, династия царей Македонии, основанная Антигоном I, одним из полководцев Александра Македонского 113

Антиох IV, селевкидский царь (II в. до н. э.), прославившийся гонениями на религию в Иудее, что привело к Маккавейской войне 69, 139—140

Антипатр (IV в. до н. э.), стратег европейской части империи Александра Македонского после его смерти 139

Антоний Марк (83—30 гг. до н. э.), римский полководец, сторонник Цезаря; после его убийства упразднил диктатуру 143, 158
Антонины, династия римских императоров (96—193 гг.) 171, 176, 178
Анубис, в древнеегипетской мифологии бог с головой шакала, покровитель мёртвых 63
Аполлон (Феб), в древнегреческой мифологии бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств 104, 105, 114, 120, 127, 128, 132, 133, 136, 147, 294, 299, 363
Аргишти I (786—764 гг. до н. э.), царь Урарту, при котором это государство достигло наивысшего могущества 74, 76
Аристотель (384—322 гг. до н. э.), древнегреческий философ и учёный, воспитатель Александра Македонского 105, 108, 128, 129, 135, 170, 189, 261, 299, 311, 353, 363, 487
Аристофан (445—385 гг. до н. э.), древнегреческий комедиограф, «отец комедии» 107
Арминий, вождь германского племени херусков, разбивших римлян в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) 193
Артемида, в древнегреческой мифологии богиня-охотница 114, 129
Артур, король бриттов, герой кельтских народных преданий о рыцарях Круглого Стола 189, 199—202
Архимед (287—212 гг. до н. э.), древнегреческий учёный 105, 384
Аршак, вождь одного из иранских племён, после победы над Селевкидами провозглашённый царём Парфии (III в. до н. э.); основатель династии Аршакидов 83
Аспасия (V в. до н. э.), афинская гетера, славившаяся красотой и умом, жена Перикла 124, 125
Ассархаддон, царь Ассирии (VII в. до н. э.), отстроивший заново Вавилон 41, 73
Астарта (Аштарт), в финикийской мифологии богиня плодородия, любви, олицетворение планеты Венера 64
Ататюрк (Мустафа Кемаль) (1881—1938), руководитель национально-освободительного движения в Турции, первый президент Турецкой республики 623—626
Атауальпа (1500—1533), правитель империи инков; взят в плен испанскими колонизаторами и казнён 370—372
Аттила, вождь гуннов, воевавший с Римом и потерпевший поражение в «битве народов» (451 г.) 188, 240
Атон, в древнеегипетской мифологии бог Солнца; изображался в виде солнечного диска 59
Афанасий Никитин (XV в.), русский купец, первый европеец, побывавший в Индии, автор «Хождения за три моря» 325, 442
Афина (Афина Паллада), в древнегреческой мифологии богиня победы и мудрости, покровительница Афин 114, 115, 294, 358
Афродита, в древнегреческой мифологии богиня любви и красоты, возникшая из морской пены 114, 115, 148, 163, 358
Ахемениды, династия царей Древнего Ирана (*См.* Кир II, Дарий I, Дарий III) 78, 80, 81, 112, 113, 130, 131, 133
Ахилл, самый отважный и могучий из героев Троянской войны 115, 117
Ахтой (Хети), египетский фараон 60
Ахурамазда, верховный бог древних иранцев 77
Ашока — древнеиндийский царь (III в. до н. э.), в конце жизни приверженец буддизма 88
Ашшурбанипал, царь Ассирии (VII в. до н. э.), собравший в Ниневии богатейшую библиотеку «глиняных книг» 71, 79, 353

Б

Бабур Захаруддин Мухаммад (1483—1530), основатель государства Великих Моголов, от Кабула до Бенгалии 443

Бар-Кохба Симон, вождь иудеев в восстании против римлян (132—136 гг.) 70

Бату (Батый) (1208—1255), монгольский хан, предводитель похода в Восточную и Центральную Европу, с 1243 г. хан Золотой Орды 416

Бенедиктинцы, члены католического монашеского ордена, основанного Святым Бенедиктом Нурсийским в Италии (около 530 г.) 299—300, 301

Бертольд Шварц (XIV в.), немецкий монах-алхимик, согласно легенде, случайно открывший секрет изготовления пороха 474, 475, 476

Бесс (IV в. до н. э.), сатрап Дария III, убивший его и провозгласивший себя царём Азии; убит Александром Македонским 137

Бисмарк Отто фон (1815—1898), объединитель Германии, первый рейхсканцлер Германской империи 540, 557—559

Боливар Симон (1783—1830), руководитель освободительной борьбы в испанских колониях Южной Америки 523—524

Болингброк Генрих Сент-Джон (1678—1751), английский просветитель, основатель этики политического компромисса 481, 483

Бонифаций VIII, Папа римский, боровшийся с Филиппом IV за светскую власть духовенства 227, 229, 248, 305

Борман Мартин (1900—1945), ближайший советник рейхсканцлера Германии А. Гитлера и руководитель его партийной канцелярии 585, 588

Брахма, один из трёх высших богов Индии, начало всех начал в мире 88

Брейгель Питер (Старший или Мужицкий), нидерландский живописец Северного Возрождения (XVI в.), часто изображавший крестьян 318

Бруно Джордано (1548—1600), итальянский учёный и поэт, развивавший учение Коперника и сожжённый на костре инквизицией 264, 310, 311

Брут Марк Юний (85—42 гг. до н. э.), возглавлял (вместе с Кассием) заговор против Цезаря, завершившийся его убийством 168

Будда, имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 до н. э.) 91, 97, 104, 420, 437, 440, 441, 613

Бурбоны, королевская династия во Франции, Испании и на Сицилии (XVI—XX вв.) 271—274, 536, 538

Бэкон Роджер (1214—1292), английский философ, естествоиспытатель, монах-францисканец 474

В

Ваал, бог неба у финикийцев, олицетворённое в Солнце мужское начало; первоначально демон или дух любого племени, любой местности 41, 64

Валькирии, в скандинавской мифологии воинственные девы, послушные Одину, награждавшие воинов победой или смертью 208

Варрон Гай Теренций, римский полководец, потерпевший сокрушительное поражение от Ганнибала в битве при Каннах (216 г. до н. э.) 161

Васко да Гама (1469—1524), португальский мореплаватель, добравшийся до Индии 451, 567

Вашингтон Джордж (1732—1779), главнокомандующий американскими войсками в войне за независимость, первый президент США 491—494

Велизарий (504—565), византийский полководец, завоевавший Северную Африку и Италию 388, 390
Вергилий Марон Публий (70—19 гг. до н. э.), римский поэт, автор «Энеиды» 143, 261
Веспасиан Тит Флавий (отец) (9—79), римский полководец, подавлявший восстание в Иудее, и император в 69—79 гг. 70, 175
Веспуччи Америго (1454—1512), флорентийский мореплаватель, в честь которого картограф М. Вальдземюллер назвал континент, открытый Колумбом, Америкой 364, 451
Виктория (1819—1901), королева Великобритании с 1837 г. Время её правления (викторианская эпоха) — золотой век в истории страны 470, 570
Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король, свергнутый Ноябрьской революцией 1918 г. 559, 564, 566, 579, 584
Вильгельм III Оранский (1650—1702), английский король, призванный на престол в ходе «Славной революции» и принявший от парламента Декларацию прав, существенно ограничивающую власть короля 465—466
Вильгельм Завоеватель, норманн, потомок викингов, покоритель Англии, провозгласивший себя её королём (1066 г.) 206
Вишну, в индуизме великий бог-охранитель 88
Владимир (умер в 1015 г.), киевский князь, принявший крещение (988 г.) в Херсонесе 384
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694—1778), французский писатель, философ-просветитель 458, 484
Вольтумна, богиня этрусков 144

Г

Габсбурги, императорская династия Священной Римской империи 250—253, 295, 394, 395, 396, 564, 565
Гай Марий — *см.* **Марий Гай**
Галилей Галилео (1564—1642), итальянский учёный, защищавший учение Коперника и осуждённый инквизицией 310, 311
Гальфрид Монмутский, валлийский священник, позднее епископ, автор «Истории бриттов» (XII в.), где упоминаются король Лир и король Артур 201
Гамилькар Барка (III в. до н. э.), карфагенский полководец, участник 1-й Пунической войны, отец Ганнибала 160
Ганди (Мохандас Карамчанд) Махатма (1869—1948), духовный лидер национально-освободительного движения в Индии, разработавший нравственно-философские принципы ненасильственного сопротивления колонизаторам 632—641
Ганнибал (III—II вв. до н. э.), карфагенский полководец, участник 1-й и 2-й Пунических войн 157, 160, 161, 186
Гарибальди Джузеппе (1807—1882), народный герой Италии 531—535
Гарун-ар-Рашид (763—809), халиф из династии Аббасидов, известный по сказкам «Тысячи и одной ночи» 420, 424
Гаумата (Бардия), маг, самозванец, объявивший себя братом Камбиза и занявший иранский престол; убит заговорщиками в 522 г. до н. э. 80, 201, 202
Гвиньевра (Гиневра, Джиневра), королева бриттов, жена короля Артура 201, 202
Геббельс Йозеф (1897—1945), руководитель пропаганды в гитлеровской Германии 585, 588, 589—590

Гевара де ла Серна Эрнесто (Че) (1928—1967), латиноамериканский революционер, участник партизанской войны на Кубе и в Боливии 652, 653, 654—657
Гектор, один из героев-троянцев в «Илиаде», погибший от руки Ахилла 115
Генрих II Плантагенет (1133—1189), король Англии, отец Ричарда Львиное Серце 222—223, 224, 226, 283, 284
Генрих VI Ланкастер (1421—1471), английский король, при котором началась война Алой и Белой розы, длившаяся 30 лет (1455—1485 гг.) 254—255
Генрих VIII Тюдор (1491—1547), английский король, отец Елизаветы I 255, 256, 258
Генрих IV (1050—1106), император Священной Римской империи, боровшийся за власть с Папой Григорием VII 212, 305
Генрих IV Наваррский (1553—1610), французский король, первый из династии Бурбонов, глава гугенотов, признанный королём после очередного перехода в католичество 270—274
Георг III (1738—1820), английский король из Ганноверской династии, при котором североамериканские колонии (США) объявили о своей независимости 467—468
Гера, в древнегреческой мифологии царица богов, жена Зевса 114
Геракл, герой древнегреческих мифов; известен цикл мифов о двенадцати подвигах Геракла 104, 133
Геринг Герман Вильгельм (1893—1946), ближайший соратник Гитлера, инициатор создания гестапо и концлагерей, рейхсмаршал нацистской Германии; на Нюрнбергском процессе приговорён к смертной казни 584—585, 586, 587, 588, 589
Геродот, древнегреческий историк (V в. до н. э.), прозванный Отцом Истории 10, 52, 63, 106, 125, 143
Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.), первый древнегреческий поэт, имя которого достоверно известно 105
Гесс Рудольф (1894—1987), один из главных нацистских преступников, приговорённый на Нюрнбергском процессе к пожизненному заключению 623, 624, 627
Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832), великий немецкий поэт, автор знаменитой трагедии «Фауст» 487
Гиерон II, царь Сиракуз, участник 1-й Пунической войны 159, 169
Гильгамеш, легендарный правитель города Урука в Шумере (XXVIII в. до н. э.); эпос о Гильгамеше — древнейшее повествование о начале мира 353
Гиммлер Генрих (1900—1945), рейхсфюрер СС, шеф гестапо 583, 585, 586, 587, 588,590—591
Гинденбург Пауль фон (1847—1934), президент Германии; в 1933 г. передал власть фашистам, поручив Гитлеру сформировать правительство 581
Гитлер Адольф (1889—1945), глава Национал-социалистической (фашистской) партии в Германии, инициатор Второй мировой войны 9, 459, 575, 576, 577—584, 585, 586, 588—591, 592—593
Гоббс Томас (1588—1679), английский философ, создатель этики разумного эгоизма 482
Голль Шарль де (1890—1970), генерал, президент Франции, один из инициаторов создания антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны 607—609
Гомер, легендарный древнегреческий поэт (VIII в. до н. э.), автор поэм «Илиада» и «Одиссея» 104, 105, 107, 108, 112, 114, 117, 135, 137
Гонорий III, Папа римский, короновавший в 1220 г. Фридриха II императором Священной Римской империи 215
Гор, в древнеегипетской мифологии бог Солнца; изображался с головой сокола 59

Гордий (около 480 — около 380 г. до н. э.), фригийский царь; с ним связана легенда о запутанном узле (гордиев узел) 135—136
Готфрид Бульонский (1060—1100), герцог, один из предводителей 1-го крестового похода, завоеватель Иерусалима 202, 219
Гракхи, братья **Тиберий** (162—133 гг. до н. э.) и **Гай** (153—121 гг. до н. э.) — римские народные трибуны, борцы за равноправие граждан 155
Григорий I, Папа римский в 590—604 гг., прозванный Великим; укрепил престол Святого Петра, яростно боролся с античной культурой 303, 350
Григорий VII Гильдебранд (около 1020—1085), Папа римский (с 1073 г.), добивавшийся верховенства Пап над светскими государями 304, 305
Грозный Бедржих (1879—1952), чешский языковед, расшифровавший хеттские письмена (клинопись) 60
Гумбольдт Александр (1769—1859), великий немецкий учёный-натуралист и путешественник 378, 487—489, 515—517
Гутенберг Иоганн (умер в 1468 г.), изобретатель книгопечатания 308, 355, 356

Δ

Давид (XI—X вв. до н. э.), царь Израиля, взявший Иерусалим и установивший там Ковчег Завета 67, 68 , 202
Даву Луи-Никола (1770—1823), маршал Наполеона, участник всех его кампаний 518, 519
Данте Алигьери (1265—1321), великий итальянский поэт, автор «Божественной комедии»; по оценке Ф. Энгельса, «последний поэт Средневековья и вместе с тем первый поэт Нового времени» 261
Дантон Жорж Жак (1759—1794), один из вождей якобинцев, свергнувших монархию во Франции; казнён по приговору Революционного трибунала 502, 507
Дарий I, иранский царь в период расцвета государства Ахеменидов (522—486 гг. до н. э.) 77, 78, 83, 130
Дарий III Кодоман, иранский царь, потерпевший окончательное поражение от Александра Македонского в 331 г. до н. э. 133, 136—137, 138
Декарт Рене (1597—1650), французский философ, математик эпохи Просвещения 513, 484
Деметра, в древнегреческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия 109
Демосфен (IV в. до н. э.), афинский оратор, лидер антимакедонской партии 133, 134, 135
Джефферсон Томас (1743—1826), американский просветитель, автор проекта Декларации независимости США 496
Дзимму-тэнно (при жизни **Иваро**) (правил в 660—585 гг. до н. э.), основатель наследственной династии царей (тэнно) в государстве Ямато (Древняя Япония) 95
Дзингу (190—270), царица Древней Японии (Ямато), лично возглавлявшая морской поход в Корею 96
Диадохи, соратники (последователи) Александра Македонского, разделившие империю Александра после его смерти 139
Дидро Дени (1713—1784), французский просветитель, основатель и редактор «Энциклопедии» 484, 485, 505
Дизраэли Бенджамин (1804—1881), лорд Биконсфилд, премьер-министр Англии, лидер и теоретик консерваторов (тори) 547—550, 651

Диоген Лаэртский (III в.), древнегреческий писатель, историк, философ 121
Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), древнегреческий историк 311
Диоклетиан (243—316), римский император, известный гонениями на христиан 178
Дионис (Вакх), бог виноградарства и виноделия у древних греков 118, 358
Домициан Тит Флавий, последний римский император из династии Флавиев (в 81—96 гг.) 175
Дрейк Фрэнсис (1545—1596), английский мореплаватель, вице-адмирал, возглавлял пиратские экспедиции против испанцев; победитель «Непобедимой армады» 256, 260, 348, 379—381
Дрейфус Альфред (1859—1935), французский офицер, против которого было сфабриковано дело по обвинению в шпионаже, носившее антисемитский характер 543, 544—547
Дюма Александр (отец) (1802—1870), французский писатель, прославившийся романами на исторические темы 313
Дюрер Альбрехт (1471—1528), немецкий живописец и график, основоположник искусства немецкого Возрождения; создавал образы человека эпохи Реформации 189, 318

Е

Евсевий Кесарийский (IV в.), епископ при Константине Великом, крестивший его перед смертью 181
Елена Прекрасная, жена царя Спарты Менелая; согласно преданиям, похищение Елены Парисом стало поводом к Троянской войне 114, 115, 116, 117
Елена Флавий (III—IV вв.), мать Константина I Великого, по инициативе которой произошло Воздвижение Креста Господня 178, 181
Елизавета I Тюдор (1533—1603), английская королева с 1558 г.; покровительница «королевских пиратов», сделавшая Англию владычицей морей 256—261, 348, 381

Ж

Жанна д'Арк (Орлеанская Дева) (1412—1431), французская героиня, возглавившая освободительное движение против англичан в период Столетней войны 233—238

З

Зевс, в древнегреческой мифологии верховный бог-громовержец 104, 105, 114
Зенон (V в. до н. э.), древнегреческий философ, основатель диалектики как искусства спора 125
Золя Эмиль (1840—1902), французский писатель, участник борьбы за восстановление справедливости в «деле Дрейфуса» 543, 546

И

Иаков (Израиль), по Библии, младший из двух сыновей-близнецов Исаака, внук Авраама, легендарного родоначальника евреев. Откупил у своего брата Исава право первородства за чечевичную похлёбку 65

Изабелла (1451—1504), королева Кастилии, жена Фердинанда, короля Арагона, вместе с ним объединившая Испанию 308, 310, 360, 361
Иисус Христос, в христианском вероучении Сын Божий, во искупление грехов человеческих принявший смерть на кресте, а затем воскресший и вознёсшийся на небо 200, 202, 420, 421, 476
Индра, в ведической мифологии царь богов, устроитель мира 88
Иннокентий III (1160—1216), Папа римский, инициатор 4-го крестового похода (1202—1204 гг.), приведшего к падению и разрушению Константинополя 214, 220, 301, 308
Иннокентий VIII (XV в.), Папа римский, прославившийся борьбой с ведьмами 336
Иоанн II Добрый (1319—1364), французский король с 1350 г., участник Столетней войны, пленённый при Пуатье 231
Иоанн I Безземельный (1167—1216), английский король, потерявший большую часть английских владений во Франции и подписавший «Великую хартию вольностей» 214, 226
Иосиф Флавий (I в.), древнееврейский военачальник, перешедший на сторону римлян; историк, автор «Истории Иудейской войны» 70
Исида (Изида), в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса, мать Гора, богиня плодородия; изображалась в виде женщины с головой коровы 59
Исократ (IV в. до н. э.), афинский оратор, поддерживавший Филиппа II 133
Иуда Искариот, в Новом завете один из апостолов, предавший Иисуса Христа за тридцать сребреников 310
Ифигения, дочь Агамемнона, принесённая им в жертву Артемиде 114, 116
Ификрат (IV в до н. э.), афинский стратег 183
Иштар, богиня плодородия в Вавилоне 52

К

Калигула Гай Цезарь Август Германик (12—41), римский император, прославившийся своей жестокостью и безумными выходками; убит собственным телохранителем 108, 172—173, 175, 176
Кальви́н Жан (1509—1564), глава Реформации в Швейцарии 267—268
Камбиз, царь Древнего Ирана (530—522 гг. до н. э.) 81, 82
Кант Иммануил (1724—1804), родоначальник немецкой классической философии эпохи Просвещения 486
Каракалла (186—217), римский император с 211 г. из династии Северов 85
Карл Мартелл (около 688—741), правитель франков, разбивший арабов в битве при Пуатье и остановивший их продвижение в Западную Европу 423
Карл I Великий (742—814), франкский король, создатель империи Каролингов, покровитель общества учёных (Академии) 202—205, 283, 336, 350
Карл Смелый (1433—1477), герцог Бургундии, поднявший мятеж против Людовика XI 239
Карл IV (1316—1378), германский король, император Священной Римской империи (с 1347 г,), издал Золотую буллу 213
Карл V Габсбург (1500—1558), император Священной Римской империи, король Испании времён конкисты 213, 246, 249, 250—253, 394, 399
Карл IX Валуа (1550—1574), французский король, при котором произошла кровавая расправа с гугенотами (Варфоломеевская ночь) 270, 271, 272

Л

Карл I Стюарт (1600—1649), английский король, низложенный и казнённый в ходе Английской революции 458, 460, 463, 478

Карл II Стюарт (1630—1685), сын Карла I, призванный на трон в Англии после смерти Кромвеля 463—464

Карл XII (1682—1718), король Швеции, потерпевший сокрушительное поражение от Петра I под Полтавой 359, 471—474

Катон Цензор Старший (II в. до н. э.), римский политик, в течение семи лет завершавший все свои выступления в сенате фразой: «Впрочем, я думаю, что Карфаген нужно разрушить» 154, 161, 170

Киаксар, мидийский царь, участвовавший в разгроме и разделе ассирийской державы (614 и 612 гг. до н. э.) 78

Киплинг Джозеф Редьярд (1865—1936), английский поэт и писатель, романтик колониализма, лауреат Нобелевской премии (1907 г.) 572

Кир II Великий, иранский царь (558—530 гг. до н. э.), основатель огромной империи Ахеменидов; прекратил «вавилонское пленение» евреев 53, 68, 69, 78, 80

Клавдий (Тиберий Клавдий Нерон Германик) (10 г. до н. э. — 54 г. н. э.), римский император (с 41 г.) из династии Юлиев-Клавдиев 173—174, 175

Клемансо Жорж (1841—1929), французский политический деятель, возглавлял правительство в конце Первой мировой войны («отец победы») 541—544, 564

Клеопатра VII (69—30 гг. до н. э.), последняя царица Египта из рода Птолемеев, возлюбленная Юлия Цезаря и жена Марка Антония 143, 167, 168

Климент V (умер в 1314 г.), Папа римский, перенёсший по требованию короля Филиппа IV папский престол из Рима в Авиньон 229, 291

Клисфен (VI в. до н. э.), законодатель и реформатор в Афинах, закрепивший победу демоса над родовой аристократией 112

Клитемнестра, в греческой мифологии жена Агамемнона, убившая мужа после его возвращения с Троянской войны 116

Клодий Публий Пульхр (93—52 гг. до н. э.), римский трибун, провёл законы о бесплатной раздаче хлеба плебсу 166

Колумб Христофор (1451—1506), мореплаватель, открывший Америку 86, 189, 360, 362—366, 373, 451, 487, 568

Коммод (161—193), последний римский император из династии Антонинов 178

Комнины, династия византийских императоров в 1081—1185 гг., основанная Алексеем I 384—385

Константин I Великий (около 285—337), римский император с 306 г. Ввёл христианство в империи, перенёс столицу в Константинополь 154, 178—181, 306, 382

Коперник Николай (1473—1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира 310

Кортес Эрнан (1485—1547), испанский конкистадор, завоеватель Мексики, прославившийся жестокостью и алчностью 313, 367—370

Красс Марк Лициний (около 115—53 гг. до н. э.), римский полководец, входивший вместе с Цезарем и Помпеем в первый триумвират 85, 164, 165, 166, 186

Крёз (595—546 гг. до н. э.), последний царь Лидии (с 560 г. до н. э.), богатство которого вошло в поговорку 121

Кришна, в индуизме бог, считавшийся воплощением Вишну 90

Кромвель Оливер (1599—1658), создатель парламентской армии в Англии, разбивший армию Карла I; лорд-протектор республики 461, 462—463, 478

Ксенофонт (около 430—354 гг. до н. э.), древнегреческий писатель, историк 128

Ксеркс I, царь Ирана в 485—465 гг. до н. э., возглавивший поход против Греции и потерпевший поражение 83, 103—131

Кузанский Николай *См.* **Николай Кузанский**
Кук Джеймс (1728—1779), английский мореплаватель, руководитель трёх кругосветных экспедиций 568

Л

Ланселот, рыцарь из окружения короля Артура, влюблённый в королеву Гвиньевру 201
Лаокоо́н, в греческой мифологии жрец Аполлона в Трое, предостерегавший троянцев от ввоза в город Троянского коня 115
Лев I (V в.), Папа римский, по преданию, лишь крестом и увещеваниями удержавший Аттилу от разграбления Рима 188
Лев III (VIII—IX вв.), Папа римский, при поддержке Карла I Великого ставший главой Католической Церкви и в свою очередь короновавший Карла императорской короной 203
Ленин В. И. *См.* Ульянов (Ленин)
Леонардо да Винчи (1452—1519), великий итальянский художник, учёный, один из самых разносторонних людей эпохи Возрождения 189, 248, 261
Леонид I (V в. до н. э.), спартанский царь, павший вместе со своими 300 воинами в битве с персами при Фермопилах 131
Ликург (VII в. до н. э.), легендарный спартанский законодатель; законы Ликурга предписывали строгость, простоту жизни 127—129
Линкольн Авраам (1809—1865), президент США в период гражданской войны между Севером и Югом; борец против рабства 528—531
Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945), премьер-министр Великобритании в период Первой мировой войны 471, 564
Лойола Игнатий (1461—1556), основатель монашеского ордена иезуитов («Общество Иисуса») 301
Локк Джон (1632—1704), философ-материалист, деятель английского Просвещения 458, 481—482, 484
Лю Бан, китайский император, основатель династии Ранней, или Западной, Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.) 93
Людовик IX Святой (1226—1270), французский король, укрепивший свою власть путём создания королевского суда и королевского парламента 222, 226, 227, 284
Людовик XI (1423—1483), французский король из династии Валуа, укреплял королевскую власть, всячески покровительствовал ремёслам и торговле 239—240, 327, 328
Людовик XIV (1643—1715), «король-Солнце», укрепивший абсолютизм во Франции; вёл успешные завоевательные войны Ему приписываются слова: «Государство — это я» 279—284
Людовик XVI Бурбон (1754—1793), последний французский король, свергнутый народным восстанием в ходе Великой французской революции и казнённый 458, 485, 495—501
Лю Сю, китайский император, основатель Восточной, или Поздней, Ханьской династии (25—220 гг.) 94
Лютер Мартин (1483—1546), монах-августинец, глава Реформации в Германии 8, 266—269
Лю Юй, китайский император, основавший династию Сун (420 г.) 95

Магеллан Фернан (около 1480—1521), португальский мореплаватель, корабли которого совершили первое кругосветное путешествие 366, 381

Маккавей Иуда, вождь народного восстания в Иудее (II в. до н. э.) против тирании Селевкидов 69

Максенций, главный соперник Константина I в борьбе за императорскую власть в Риме 179

Максимиан Геруклий (IV в.), римский император и соправитель Диоклетиана 178

Мандела Нельсон (родился в 1918 г.), организатор национально-освободительной антиколониальной борьбы в Южной Африке 629

Мао Цзэдун (1893—1976), коммунистический деятель, теоретик китайского варианта марксизма (маоизма), насаждавший в Китае террор; культ личности Мао сравним лишь с культом личности Сталина в СССР 617—622

Марат Жан Поль (1743—1793), один из вождей якобинцев в период Великой французской революции, убитый жирондисткой Шарлоттой Корде 498, 499

Мардоний, персидский полководец (V в. до н. э.) 131, 183

Мардук, верховное божество в Вавилоне 52

Марий Гай (II—I вв. до н. э.), римский полководец, противник Суллы 155, 162—163, 193

Мария-Антуанетта (1755—1793), последняя французская королева, жена Людовика XVI, казнена в эпоху террора 496—499

Мария Стюарт (1542—1587), шотландская королева, претендовавшая на английский престол; казнена Елизаветой I 257, 258

Марк Аврелий, римский император (161—180 гг.) из династии Антонинов 176, 178

Марк Антоний *См.* **Антоний Марк**

Марко Поло (1254—1324), венецианский купец и путешественник, совершивший путешествие в Китай и Центральную Азию 324, 363, 365, 437

Маркс Карл (1818—1883), немецкий учёный-экономист, создатель учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата 458, 487

Марс, бог войны у древних римлян 147, 154

Марти Хосе (1853—1895), национальный герой Кубы, организатор и участник освободительной борьбы против испанского господства; писатель; основал Кубинскую революционную партию; геройски погиб в бою с испанскими колонизаторами 550—553, 651

Ме́дичи, флорентийский род в средневековой Италии 246—249

Мелькарт, в древнефиникийской мифологии бог — покровитель города Тир, покровитель мореплавания; столпы Мелькарта — древнее название Гибралтарского пролива 62

Менелай, царь Спарты, муж Елены Прекрасной, из-за которой началась Троянская война 114, 115, 116

Менуа (810—786 гг. до н. э.), царь Урарту, один из основателей этого государства (IX в. до н. э.), построил каналы, которые до сих пор снабжают водой город Ван 74, 76

Мехмед II Завоеватель (1432—1481), султан турок-османов, взявший штурмом Константинополь (1453 г.), учредитель Порты 392, 394, 397

Меценат Гай Цильний (около 64—8 гг. до н. э.), потомок царского рода этрусков, покровитель поэтов в Древнем Риме 143

Микеланджело Буонарроти (1475—1564), великий итальянский скульптор, живописец, поэт эпохи Возрождения 248, 262

Мильтиад, афинский полководец, победитель персов при Марафоне (490 г. до н. э.) 104, 130, 183

Минос, легендарный царь Крита, строитель Лабиринта, где обитал Минотавр — полубык-получеловек 108, 357
Мирабо Оноре Габриэль Рикетти (1749—1791), граф, один из деятелей Великой французской революции 496, 497, 502—506
Митра, бог света в Древнем Иране 178
Митридат I (Аршак VI) (умер в 136 г. до н. э.), парфянский царь 83, 84
Митридат VI Евпатор (132—63 гг. до н. э.), царь Понта 142, 162, 167
Модэ, вождь (шаньюй) хуннов, захвативших территорию от Китая до Туркестана (II—I вв. до н. э.) 407—408
Моисей, библейский пророк, призванный Богом вывести израильтян из египетского рабства. На горе Синай Бог дал Моисею скрижали с десятью заповедями 420, 421
Монтень Мишель де (1533—1592), французский философ-гуманист, автор книги «Опыты» 264, 312, 476
Монтескьё Шарль Луи (1689—1755), французский просветитель, разработавший идею разделения властей в государстве 484
Монтесума (1466—1520), вождь ацтеков, пленённый Кортесом и призывавший покориться испанцам, за что и был убит индейцами 360—361
Мор Томас (1478—1535), английский гуманист, основоположник утопического социализма 263
Мохаммед Реза Пехлеви (1919—1980), последний шах Ирана, свергнутый в январе 1979 г. исламской революцией 645—648
Муваталли, царь хеттов, разгромивший войска Рамсеса II в Сирии (1312 г. до н. э.) 60
Мурсили I, царь хеттов, разрушивший Вавилон в 1595 г. до н. э. 60, 61
Муссолини Бенито (1883—1945), основоположник итальянского и европейского фашизма, диктатор Италии в 1922—1943 гг. 574—575, 596, 597
Мухаммед (Мохаммед, Магомет, Магомед) (570—632), основатель ислама, пророк Аллаха, у шиитов наместник Аллаха 358—359, 420—422, 423, 424
Мэлори Томас (1417—1471), английский писатель, автор романа «Смерть Артура» 201
Мюрат Иоахим (1771—1815), сподвижник и зять Наполеона I Бонапарта, маршал Франции, участник всех наполеоновских войн 514—516, 536

Н

Навуходоносор II, вавилонский царь, при котором Вавилония достигла наивысшего расцвета; разрушил храм бога Яхве в Иерусалиме в 586 г. до н. э. 52, 68
Наполеон I Бонапарт (1769—1821), выдающийся полководец, завоеватель Европы, император Франции 138, 213, 292, 507—519, 535, 541
Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808—1873), французский император в 1852—1870 гг.; сдался в плен немцам под Седаном 537, 538, 541, 542
Нарам-Син (Нарам-Суэн) (2236—2200 гг. до н. э.), царь Шумеро-Аккадского царства, при котором оно достигло наивысшего расцвета 48
Насер Гамаль Абдель (1918—1970), президент Египта в 1956—1970 гг. 641—644
Ней Мишель (1769—1815), маршал Наполеона I Бонапарта, отличавшийся необычайной храбростью, один из героев Бородинского сражения 517, 518
Нерон (Луций Домиций Агенобарб) (37—68), римский император (с 54 г.), известный своей жестокостью, развратом и самовлюблённостью 6, 108, 174—175, 176

Никитин Афанасий *См.* **Афанасий Никитин**
Николай Кузанский (Николай Кребс) (1401—1464), философ, теолог, математик, утверждавший, что человек, созданный по образу и подобию Божьему, — творец 332
Ницше Фридрих (1844—1900), немецкий философ, чьё учение использовали в своих целях идеологи нацизма 574
Нкрума Кваме (1909—1972), африканский политический деятель середины XX в., сторонник ненасилия, ученик Ганди 629—630
Нофрет, египетская принцесса эпохи Древнего царства (III тысячелетие до н. э.) 54
Нуньес де Бальбоа Васко (около 1475—1517), испанский конкистадор, впервые (1513 г.) достигший берега Тихого океана 366

О

Одзин, царь Древней Японии (Ямато) (270—310 гг.), создал крупный флот, способствовал развитию ремёсел 96, 97
Один (Водан), воинственный бог древних германцев и скандинавов, хозяин Валхаллы, чертога мёртвых 96, 97, 208
Одиссей, в древнегреческой мифологии царь Итаки, участник осады Трои; славился умом, хитростью и отвагой 104, 114, 115, 117
Октавиан *См.* **Август (Октавиан)**
Омейяды, династия арабских халифов в 661—750 гг. 423—424
Ород II (умер в 37 г. до н. э.), парфянский царь, победитель римлян при Каррах 85
Осирис (Озирис), в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы, судья мёртвых 59
Османы, династия турецких султанов (1299—1922) 396—403
Оттон I (912—973), германский король, основатель Священной Римской империи, просуществовавшей с 962 по 1806 г. 210
Оттон II (955—983), император Священной Римской империи, сын Оттона I, продолжавший политику отца 210
Оттон III (980—1002), император Священной Римской империи, считавший себя преемником Александра Македонского 188, 211

П

Павел I (1754—1801), российский император с 1796 г.; был провозглашён Великим Магистром ордена мальтийских рыцарей 292, 293
Павсаний (умер около 470 г. до н. э.), спартанский полководец, победитель персов при Платеях 104
Палеологи, династия византийских императоров (1261—1453 гг.), на время правления которой приходится расцвет византийской культуры 386
Пенфей, царь Фив, согласно греческой легенде растерзанный вакханками 93
Парис, сын царя Трои Приама, по преданию похитивший с помощью Афродиты Елену Прекрасную 114, 115
Патрокл, один из героев «Илиады», друг Ахилла, убитый Гектором при осаде Трои 115

Пелей, фессалийский герой, свадьба которого с Фетидой имеет отношение к началу Троянской войны 114, 115

Перикл (490—429 гг. до н. э.), афинский стратег, при котором Афины стали демократическим государством и превратились в политический и культурный центр Эллады 121—126

Пётр I Великий (1672—1725), российский царь и первый император Российской империи 471—474, 614

Петрарка Франческо (1304—1374), итальянский поэт эпохи Возрождения 261, 357

Пипи́н Короткий (714—768), первый король франков из династии Каролингов, отец Карла I Великого 202, 303

Пирр (319—273 гг. до н. э.), царь Эпира; в войне с Римом одержал победу ценой огромных потерь (пиррова победа) 141, 142, 153

Писсаро Франсиско (около 1475—1541), испанский конкистадор 370, 371, 372

Писистрат (IV в. до н. э.), афинский тиран (правитель); завоевал расположение демоса, организовав всенародные празднества; покровитель литературы и искусства 112

Пи Шен (XI в.), китайский кузнец, изобретатель наборной системы в книгопечатании 354

Платон (428—348 гг. до н. э.), древнегреческий философ, ученик Сократа 7, 261, 299, 353, 424

Плутарх (45—127 гг. до н. э.), древнегреческий писатель и историк 121, 125, 126, 127, 128, 135, 167

Поликлет из Аргоса (V в. до н. э.), древнегреческий скульптор, установивший каноны идеальных пропорций человеческого тела 107

Помпей Магн Гней (Великий), римский полководец, прославившийся победами на Ближнем Востоке; после взятия Иерусалима превратил Палестину в римскую провинцию (63 г. до н. э.) 142, 155, 156, 157, 164, 165, 166, 167, 186

Приам, в «Илиаде» царь Трои, отец Париса 114, 117

Протей, в древнегреческой мифологии морское божество, способное изменять свой облик 104, 114

Птолемеи (Лагиды), царская династия в эллинистическом Египте (305—30 гг. до н. э.), основанная Птолемеем I, полководцем Александра Македонского 113

Птолемей Клавдий, греческий учёный (около 87—165 гг. до н. э.), один из основателей исторической хронологии 311

Птолемей Лаг, сатрап Александра Македонского; увёз в Египет тело Александра и объявил его богом-покровителем своего рода 138, 139, 140

Р

Ра, в древнеегипетской мифологии бог солнца, отец и царь богов; изображался в облике фараона 59

Рабле Франсуа (1494—1553), французский писатель-гуманист, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» 263, 312

Раймонд де Пюи, первый Великий магистр ордена госпитальеров (1155 г.) 292

Рамсес II (XIV—XIII вв. до н. э.), египетский фараон эпохи Нового царства, отличавшийся личной храбростью 56, 60, 101

Ри́ббентроп Иоахим (1893—1946), министр иностранных дел фашистской Германии в 1938—1945 гг/; казнён по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге 586—587

Ричард I Львиное Сердце (1157—1199), английский король с 1189 г., вождь крестоносцев в 3-м крестовом походе 222—226
Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642), кардинал (с 1622 г.), фактический правитель Франции при Людовике XIII 274—279
Робеспьер Максимильен (1758—1794), деятель Великой французской революции, якобинец, организатор кровавого террора, жертвой которого стал и он сам 496, 502—507
Робин Гуд, герой английских народных баллад, заступник бедняков 331
Родс Сесиль Джон (1853—1902), один из наиболее талантливых проводников английской имперской политики в Южной Африке, именем которого названа Родезия 627, 628
Роланд (Хруодланд) (умер в 778 г.), франкский маркграф, участник похода Карла Великого, герой эпоса «Песнь о Роланде» 189
Ромул, легендарный основатель Рима и первый его царь (VIII в. до н. э.) 148
Роттердамский Эразм *См.* **Эразм Роттердамский**
Рузвельт Франклин Делано (1882—1945), президент США с 1933 г. 594, 595, 598, 600
Руса I, царь Урарту; покончил с собой после полного разгрома его войска ассирийцами (713 г. до н. э.) 76
Руссо Жан-Жак (1712—1778), французский писатель, философ-просветитель, идейный предтеча Великой французской революции 458, 485, 505, 506
Рэли Уолтер (1552—1618), английский мореплаватель, искавший легендарную страну золота Эльдорадо — в Гвиане; фаворит Елизаветы I 257, 378

С

Савонарола Джироламо (1452—1498), настоятель монастыря доминиканцев, обличавший тиранию Медичи, папство и призывавший к аскетизму 249
Сакс Ганс (1494—1576), немецкий поэт, воспевавший бюргерский уклад жизни 328
Салах-ад-Дин (Саладин) (1138—1193), египетский султан с 1171 г., возглавивший борьбу мусульман против крестоносцев 223
Саргон Древний, царь, объединивший Шумер (2300 г. до н. э.) 47, 48
Саргон II, царь Ассирии (722—705), захвативший и разоривший столицу нового Израиля Самарию 68, 76
Сардури II (764—735 гг. до н. э.), царь Урарту 76
Сардури III (VII в. до н. э.), царь Урарту, добровольно признавший себя подданным ассирийского царя 76
Сасаниды, династия иранских шахов (224—651 гг.), основанная Ардаширом I 404—406, 424
Саул (XI в. до н. э.), царь израильтян из колена Вениаминова, основатель Израильско-Иудейского царства 67
Светоний Гай Транквилл (70—140), римский историк и писатель 171, 173
Селевкиды (312—64 гг. до н. э.), царская династия, правившая частью державы Александра Македонского после его смерти 83—84, 139, 140—141, 142
Сенека Луций Анней (около 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), римский философ, воспитатель Нерона 174
Септимий Север, римский император (193—211 гг,), основатель династии Северов 85

Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616), испанский писатель, автор романа «Дон Кихот» 264, 312
Сервий Туллий, римский царь (578—533 гг. до н. э.) из этрусской династии 148
Сет, в древнеегипетской мифологии бог пустыни и чужеземных стран, брат и убийца бога Осириса 59
Сётоку-тайси (VI в.), царь Древней Японии (Ямато), содействовавший распространению буддизма в стране 97—98, 424
Синаххериб, царь Ассирии (705—680), разрушивший Вавилон 52, 71, 73
Смит Адам (1723—1790), шотландский экономист и философ, классик политэкономии 483
Сократ (470—399 гг. до н. э.), древнегреческий философ, основоположник диалектики как метода отыскания истины, воплощение идеала мудрости 125
Соломон, царь Израиля (965—928 гг. до н. э.), сын Давида; славился необычайной мудростью; автор «Песни Песней»; строитель храма бога Яхве 67—68
Солон (640—559 гг. до н. э.), афинский архонт, проводивший реформы в Афинах, причислен к семи греческим мудрецам 112, 118—121, 148
Софокл (496—406 гг. до н. э.), древнегреческий драматург 106, 125, 261
Спартак (I в. до н. э.), вождь крупнейшего восстания рабов в Древнем Риме 170
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953), генеральный секретарь ЦК КПСС, бесконтрольный диктатор, насаждавший в стране культ собственной личности, массовый террор и иллюзию всеобщего процветания 598, 600, 621
Страбон, греческий географ и историк (64—23 гг. до н. э.) 70
Судзин, царь Древней Японии (97—30 гг. до н. э.) 95
Сулейман I Великолепный (1495—1566), султан Османской империи с 1520 г., при котором она достигла высшего могущества 394—395, 397, 398, 399, 402, 403
Сулла Луций Корнелий (138—78 гг. до н. э.), кровавый диктатор Рима 84, 155, 158, 162—163, 164
Сун, династия китайских императоров (X—XIII вв.), в эпоху правления которой были изобретены книгопечатание, порох, компас 432—433
Суппилулиума I, царь хеттов, прославившийся завоеваниями в Междуречье (1400 г. до н. э.) 60
Сципион Африканский Младший Публий Корнелий (около 185—129 гг. до н. э.), римский полководец, в ходе 3-й Пунической войны захвативший и разрушивший Карфаген (146 г. до н. э.) 142, 161
Сципион Африканский Старший Публий Корнелий (около 235—183 гг. до н. э.), римский полководец, участник 2-й Пунической войны; разгромил войска Ганнибала в битве при Заме (202 г. до н. э.) 142, 157, 160, 161

Т

Талейран Шарль Морис (1753—1838), выдающийся французский дипломат и политик 519—523
Тан, императорская династия в Китае (618—907 гг.) 431—432
Тарквинии, в Древнем Риме царский род этрусского происхождения 145, 146, 147, 148, 151
Тацит (58—117), древнеримский историк 194
Текуксистекатль, бог Луны у древних ацтеков 363

Тиберий (Тиберий Клавдий Нерон) (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.), римский император (с 14 г. н. э.) из династии Юлиев-Клавдиев 108, 171—172

Тиглатпаласар III (VIII в. до н. э.), царь Ассирии, прославленный завоеватель, потерпевший неудачу в Урарту 76

Тукульти-Нинурта I (XIII в. до н. э.), царь Ассирии; пытался установить неограниченную власть, но был объявлен сумасшедшим и лишён трона 73

Тимур (Тамерлан) (1336—1405), среднеазиатский полководец, эмир государства со столицей в Самарканде 417—420, 424

Тит Аврелий Антонин Пий, римский император из династии Флавиев (138—161 гг.) 176, 177

Тит (Тит Флавий Веспасиан), римский император в 79—81 гг., сын Веспасиана; во время Иудейской войны разрушил Иерусалимский храм и сровнял город с землёй 70

Токугава, династия сёгунов в феодальной Японии (1603—1867 гг.); основатель Токугава Иэясу 428—430

Тор, один из главных богов скандинавов, бог грома, бури, плодородия 236, 238, 240

Торквемада Томас де (1420—1498), Великий инквизитор Испании, жестоко преследовавший еретиков 308, 310

Траян Марк Ульпий, римский император (98—117 гг.) из династии Антонинов 85, 156, 176—177

Трумэн Гарри (1884—1972), президент США в 1945—1953 гг. 600

Тутанхамон, египетский фараон (XIV в. до н. э.) 58

Тутмос III (XVI—XV вв. до н. э.), египетский фараон; в результате завоевательных войн восстановил господство Египта в Сирии и Палестине 56

Тьер Адольф (1797—1877), французский государственный деятель, глава исполнительной власти во Франции в 1871 г., жестоко подавивший Парижскую коммуну 539—541

У

Уитцилопочтли, бог войны у древних ацтеков, которому приносили человеческие жертвы 363

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870—1924), продолжатель учения К. Маркса, организатор революционной борьбы, приведшей к Октябрьскому перевороту в России 459

Уот Тайлер, вождь крестьянского восстания в Англии (1381 г.) 315

Урбан II, Папа римский в 1088—1099 гг., инициатор 1-го крестового похода 217, 305

Ур-Намму, царь Ура Шумерийского (2112—2094 гг. до н. э.) 47

Уруинимгина (XXIV в. до н. э.), шумерский полководец и политик 46

Ф

Фабий Максим Квинт Кунктатор (Медлитель) (III в. до н. э.), римский полководец времён 2-й Пунической войны с Карфагеном 160—161

Фемистокл (около 525—460 гг. до н. э.), афинский полководец, участник греко-персидских войн, добившийся превращения Афин в морскую державу 125, 131
Фердинанд II Арагонский (1452—1516), первый король объединённой Испании 360, 361
Феодора (VI в.), супруга императора Юстиниана I 387—388
Феодосий I Великий (346—395), римский император 197
Фидий (V в. до н. э.), древнегреческий скульптор 107, 125
Филипп II (около 382—336 гг. до н. э.), царь Македонии, отец Александра Македонского 113, 132—135, 139, 183, 185, 358
Филипп II Август (1165—1223), французский король, участник 3-го крестового похода 214, 224, 226, 351
Филипп IV Красивый (1268—1314), французский король; созвал Генеральные штаты (государственный орган, подобный английскому парламенту) 226—230, 253, 284, 291, 305, 327
Филипп II Габсбург (1527—1598), король Испании, укрепивший абсолютизм 250—253, 256, 257, 258, 260
Флавии, династия римских императоров (69—96 гг.) 171, 175
Флетчер Эндрю (XVIII в.), шотландский философ эпохи Просвещения 483
Франц II (1768—1835), последний император Священной Римской империи, в 1806 г. отказавшийся от короны 213
Франциск Ассизский (1182—1226), итальянский проповедник, провозглашённый святым, основатель ордена францисканцев 189, 301
Франц Фердинанд (1863—1914), эрцгерцог, наследник австрийского императора; убийство Франца-Фердинанда послужило поводом к началу Первой мировой войны 581
Фридрих I Барбаросса (1125—1190), германский король, император Священной Римской империи, участник 3-го крестового похода 212
Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250), германский король, император Священной Римской империи 214—217, 222
Фудзивара, аристократический род в средневековой Японии, находившийся у власти в VII—XI вв. 425
Фукидид (V в. до н. э.), древнегреческий историк 106, 116, 125

X

Хайреддин Барбаросса (XVI в.), морской разбойник, действовавший под покровительством султана Сулеймана I 399
Хаммурапи, царь Вавилона (1792—1750 гг. до н. э.), составитель свода законов («Кодекс Хаммурапи») 50—52, 99
Хань, китайская императорская династия (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) 94
Хафра (Хефрен), египетский фараон (XXVII—XXVI вв. до н. э.) 58
Хидэёси Тоётоми (1536—1598), правитель Японии; продолжал объединение страны, завоевал Корею, боролся против христиан 428, 429
Хирам (X в. до н. э.), царь Тира Финикийского 53
Хомейни Рухолла Мусави, аятолла, лидер исламской революции 1979 г., основатель исламской республики в Иране 646, 647, 648
Хосров I (умер в 579 г.), персидский шах, царь Ирана с 531 г. 390, 391, 404—405
Христофор Колумб — *См.* **Колумб Христофор**

Хрущёв Никита Сергеевич (1894—1971), партийный и государственный деятель СССР 621—622
Хубилай (1215—1294), внук Чингисхана, монгольский Великий хан (с 1260 г.), завершивший завоевание Китая 416—417, 433
Хуго де Пейнс, французский рыцарь, создавший в 1118—1119 гг. орден рыцарей Храма (тамплиеров) 290
Хуфу (Хеопс) (XXVII в. до н. э.), египетский фараон 58

Ц

Цезарь Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.), римский полководец, диктатор, император 37, 138, 143, 154, 155, 158, 163—168, 186, 192, 193, 199, 202
Цзинь, императорская династия в Китае (265—420 гг.) 94—95
Цин, маньчжурская императорская династия в Китае (1644—1911 гг.) 434
Цинциннат Луций Квинкций, римский диктатор в 458 г. до н. э., образец храбрости, выносливости, справедливости 152, 153, 157, 158
Цинь Ши-хуанди (259—210 гг. до н. э.), китайский император, начавший строительство Великой Китайской стены 92—93
Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.), римский политик и писатель, прославившийся своим ораторским искусством 105, 107, 143
Цыси (Цы Си) (1835—1908), китайская императрица. Ей приписываются слова: «Никогда не позволяйте женщине править страной» 457, 612—615

Ч

Чандрагупта (Маурья) (IV—III вв. до н. э.), древнеиндийский правитель, создатель империи Маурьев 88
Чан Кайши (1887—1975), полководец, затем глава партии Гоминьдан в Китае, вытесненный коммунистами на остров Тайвань 615—617
Че Гевара *См.* **Гевара де ла Серна Эрнесто (Че)**
Черчилль Уинстон (1874—1965), премьер-министр Великобритании, писатель, художник 594, 596, 598, 599, 600—604
Чингисхан (Темуджин) (1162—1227), основатель и Великий хан монгольской империи 409, 411—415, 416, 417, 418
Чосер Джефри (1340—1400), английский поэт Средневековья 351, 352
Чохов Андрей (умер в 1629 г.), мастер, отливший в Москве «Царь-пушку» (1586 г.) 476

Ш

Шампольон Жан Франсуа (1790—1832), французский египтолог, разработавший основы дешифровки древнеегипетского иероглифического письма 59
Швейцер Альберт (1875—1965), немецко-французский мыслитель, философ, врач, миссионер; лауреат Нобелевской премии мира 573
Шекспир Уильям (1564—1616), английский поэт и драматург 264, 312, 331, 488

Шива, один из трёх верховных богов в индуизме; воплощает грозное разрушительное начало 88, 90, 440
Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства эпохи Просвещения 487
Шлиман Генрих (1822—1890), немецкий археолог, вёл раскопки на месте Древней Трои 117

Э

Эаннатум (XXIV в. до н. э.), шумерский полководец и политик 46, 47
Эврипид (480—406 гг. до н. э.), древнегреческий драматург 105, 106, 261
Эдуард III (1312—1377), английский король, с которым связано начало Столетней войны с Францией 230, 232, 253
Эйзенхауэр Дуайт Дэйвид (1890—1969), выдающийся военачальник периода Второй мировой войны, впоследствии президент США 604—607
Эйрик, король Дании, Норвегии и Швеции (в 1397—1439 гг.) 230
Эль Греко (настоящее имя **Доменико Теотокопули**, 1541—1614), великий испанский живописец эпохи Возрождения 189
Энгельс Фридрих (1820—1895), друг и соратник К. Маркса, немецкий мыслитель и социально-политический деятель, идеолог марксизма 458
Эней, легендарный герой Троянской войны, один из главных защитников Трои 109, 148, 163
Эпаминонд (IV в. до н. э.), фиванский стратег, учитель Филиппа II 183
Эразм Роттердамский (1469—1536), гуманист эпохи Возрождения, автор сатиры «Похвала глупости» 263
Эратосфен Киренский (около 276—194 гг. до н. э.), древнегреческий учёный, математик, географ 363
Эрик Рыжий (X в.), норвежский ярл, открывший Гренландию 206
Эрманарих (вторая половина IV в.), конунг вестготов 195
Эсхил (около 525—456 гг. до н. э.), древнегреческий драматург, «отец трагедии» 106
Эсхин (IV в. до н. э.), афинский оратор, поддерживавший Филиппа II 133—134
Эфиальт (V в. до н. э.), вождь афинского демоса при Перикле 121

Ю

Юм Дэвид (1711—1776), английский философ эпохи Просвещения, разрабатывавший проблемы этики 483
Юнона, древнеримская богиня брака и материнства, жена Юпитера 152, 154
Юпитер, царь богов в Древнем Риме, римский аналог древнегреческого Зевса 154, 163
Юряку, царь Древней Японии (Ямато) (457—479 гг.), способствовавший развитию шелководства в стране 97
Юстиниан I (около 482—565), византийский император (с 527 г.), построил храм Святой Софии в Константинополе 198, 307, 382, 386—391

Я

Яков II (1633—1701), английский король, изгнанный с престола после принятия им Декларации о веротерпимости 95—96, 348, 464—465

Ян Цзянь, полководец, объединитель Китая (Поднебесной империи) (589 г.) 430

Ясон, в древнегреческой мифологии предводитель аргонавтов, отправившихся за золотым руном 104

Яхве (Ягве, Иегова, Саваоф), бог в иудаизме 65, 68, 69

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю *(Алексей Монахов)* 5

ПЕРВОБЫТНЫЙ МИР

Введение *(Елена Антонова)* 12
Первобытный мир *(Елена Антонова)* 12

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Введение *(Андрей Чернышов)* 40
Шумер *(Андрей Чернышов)* 44
Вавилон *(Андрей Чернышов)* 48
Древний Египет *(Андрей Чернышов)* 53
Хеттское царство *(Андрей Чернышов)* 59
Финикия *(Андрей Чернышов)* 62
Иудея и Иудейские войны *(Ирина Портнягина)* 65
Ассирия *(Андрей Чернышов)* 71
Урарту *(Андрей Чернышов)* 74
Древний Иран (Персия) *(Андрей Чернышов)* 77
Парфия *(Вадим Трепавлов)* 83
Древняя Индия *(Надежда Корабельник)* 85
Древний Китай *(Вячеслав Кузнецов)* 91
Древняя Япония *(Вячеслав Кузнецов)* 95
Военное дело Древнего Востока *(Михаил Горелик)* 98

АНТИЧНОСТЬ

Введение *(Ирина Портнягина, Андрей Чернышов)* 104
Древняя Греция *(Аркадий Молчанов)* 108
Троянская война *(Ирина Портнягина)* 114
Солон. Законодательство в Древней Греции *(Ирина Портнягина)* 118
Перикл. Афинская демократия *(Екатерина Доценко)* 121
Спарта *(Ирина Портнягина)* 126
Греко-персидские войны *(Аркадий Молчанов)* 130
Филипп II и Александр Македонский *(Ирина Алёшина)* 132
Эллинистические государства *(Ирина Алёшина)* 139
Этрурия и этруски *(Ирина Портнягина)* 143
Древний Рим *(Ирина Портнягина, Александр Авдеев)* 147
Карфаген и Пунические войны *(Ирина Портнягина)* 158

Марий и Сулла *(Ирина Алёшина)* . . . 162
Гай Юлий Цезарь *(Ирина Алёшина)* . . . 163
Рабство в античности *(Александр Авдеев)* . . . 169
Римские императорские династии *(Ирина Портнягина)* . . . 171
Константин Великий. Принятие христианства *(Леонид Наумов)* . . . 178
Военное дело Древней Европы *(Михаил Горелик)* . . . 182

СРЕДНИЕ ВЕКА

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Европейское Средневековье *(Андрей Чернышов)* . . . 188
Варвары *(Вадим Трепавлов, Василий Балакин)* . . . 191
Галлы *(Александр Снегуров)* . . . 199
Король Артур и рыцари Круглого Стола *(Дмитрий Харитонович)* . . . 199
Карл I Великий *(Дмитрий Харитонович)* . . . 202
Викинги *(Ирина Алёшина)* . . . 205
Священная Римская империя *(Вадим Прозоров)* . . . 209
Фридрих II Гогенштауфен *(Леонид Григорьев)* . . . 214
Крестовые походы *(Вадим Прозоров)* . . . 217
Ричард I Львиное Сердце *(Дмитрий Харитонович)* . . . 222
Филипп IV Красивый *(Дмитрий Харитонович)* . . . 226
Столетняя война *(Вадим Прозоров, Вадим Эрлихман)* . . . 230
Жанна д'Арк *(Леонид Григорьев)* . . . 234
Людовик XI *(Александр Снегуров)* . . . 239
Итальянские городские республики *(Людмила Юшкевич)* . . . 240
Медичи *(Вадим Прозоров, Вадим Эрлихман)* . . . 246
Карл V и Филипп II Габсбурги *(Евгений Ларин)* . . . 250
Династические войны. Война Алой и Белой розы *(Екатерина Доценко)* . . . 253
Елизавета I Тюдор *(Екатерина Доценко)* . . . 256
Гуманисты *(Аркадий Кузнецов)* . . . 261
Реформация *(Андрей Чернышов)* . . . 265
Религиозные войны *(Аркадий Кузнецов)* . . . 268
Генрих IV *(Андрей Чернышов, Ирина Алёшина)* . . . 270
Кардинал Ришелье *(Ирина Алёшина)* . . . 274
Людовик XIV *(Александр Снегуров)* . . . 279
Средневековое королевство *(Андрей Чернышов)* . . . 281
Замок *(Екатерина Доценко)* . . . 284
Рыцари *(Михаил Горелик)* . . . 287
Рыцарские ордена *(Ирина Алёшина)* . . . 290
Геральдика *(Аркадий Кузнецов)* . . . 294
Монашество *(Андрей Чернышов)* . . . 297
Папство *(Андрей Чернышов)* . . . 302
Епископ *(Екатерина Доценко)* . . . 306
Инквизиция *(Евгений Ларин)* . . . 308
Дворянин *(Андрей Чернышов)* . . . 311
Средневековый крестьянин *(Андрей Чернышов)* . . . 314
Коммуна *(Андрей Чернышов)* . . . 318
Средневековый купец. Торговые компании средневековой Европы *(Леонид Григорьев)* . . . 322
Бюргер *(Леонид Григорьев)* . . . 326
Трубадуры, жонглёры и шуты *(Андрей Чернышов)* . . . 328
Нищие, бродяги и разбойники *(Андрей Чернышов)* . . . 330
Цех *(Леонид Григорьев)* . . . 332
Ведьмы и ведовские процессы *(Леонид Григорьев)* . . . 336
Военное дело Средневековья *(Михаил Горелик)* . . . 339
Пираты *(Екатерина Доценко)* . . . 345
Средневековые школы и университеты *(Леонид Григорьев)* . . . 350

Письменность и книгопечатание *(Елена Антонова, Дмитрий Володихин)* 352
Нумизматика *(Аркадий Молчанов)* 356

ОТКРЫТИЕ НОВОГО СВЕТА
Фердинанд и Изабелла *(Евгений Ларин)* 360
Христофор Колумб *(Евгений Ларин)* 362
Конкистадоры *(Евгений Ларин)* 366
Индейцы Америки *(Евгений Ларин)* 372
Фрэнсис Дрейк *(Ирина Алёшина)* 379

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР
Византийская империя *(Леонид Наумов)* 382
Юстиниан I *(Леонид Наумов)* 386

ТУРЕЦКАЯ ДЕРЖАВА
Турецкие завоевания. Борьба Европы с турецким нашествием *(Людмила Юшкевич)* 392
Османская империя *(Вячеслав Кузнецов)* 396

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК
Сасанидский Иран *(Вячеслав Кузнецов)* 404
Кочевники Центральной Азии *(Вадим Трепавлов)* 407
Средневековая Монголия *(Вадим Трепавлов)* 410
Тамерлан *(Вадим Трепавлов)* 417
Арабы и арабские завоевания *(Аркадий Кузнецов)* 420
Средневековая Япония *(Вячеслав Кузнецов)* 424
Средневековый Китай *(Вячеслав Кузнецов)* 430
Юго-Восточная Азия *(Виктор Погадаев)* 434
Средневековая Индия *(Надежда Корабельник)* 440
Средневековый Тибет *(Вадим Трепавлов)* 446

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЕВРОПА И США В НОВОЕ ВРЕМЯ
Европа и США в Новое время *(Сергей Голубев)* 450
Англия в период Нового времени *(Татьяна Лабутина)* 460
Карл XII Шведский *(Екатерина Доценко)* 471
Огнестрельное оружее XIV — начала XIX века *(Игорь Комаров)* 474
Просвещение *(Александр Ревякин)* 480
Александр Гумбольдт *(Евгений Ларин)* 487
Война за независимость США *(Николай Иванов)* 488
Джордж Вашингтон *(Дмитрий Портнягин)* 491
Великая французская революция *(Алексей Монахов)* 494
Мирабо и Робеспьер *(Алексей Монахов)* 503
Наполеон и его империя *(Ирина Алёшина)* 507
Маршалы Наполеона *(Ирина Алёшина)* 512
Шарль Морис Талейран *(Ирина Алёшина)* 519
Симон Боливар *(Евгений Ларин)* 523
Рабство и работорговля *(Евгений Ларин)* 525
Авраам Линкольн *(Дмитрий Портнягин)* 528
Джузеппе Гарибальди *(Аркадий Кузнецов)* 531
Карбонарии *(Аркадий Кузнецов)* 535
Парижская коммуна *(Александр Ревякин)* 537
Жорж Клемансо *(Александр Ревякин)* 541
Дело Дрейфуса *(Леонид Григорьев)* 544
Бенджамин Дизраэли *(Дмитрий Портнягин)* 547
Хосе Марти *(Евгений Ларин)* 550

Буры (или африканеры) *(Андрей Пегушев)* 553
Бисмарк и объединение Германии *(Сергей Сухоруков)* 557
Первая мировая война *(Александр Ревякин)* 559
Колониализм и распад колониальной системы *(Андрей Пегушев)* 566

ЕВРОПА И США В XX СТОЛЕТИИ
Бенито Муссолини *(Сергей Чарнецкий)* 574
Адольф Гитлер *(Олег Вишлёв)* 577
Политические лидеры «третьего рейха» *(Олег Вишлёв)* 584
Вторая мировая война *(Андрей Пегушев)* 591
Уинстон Черчилль *(Татьяна Лабутина)* 600
Дуайт Эйзенхауэр *(Дмитрий Портнягин)* 604
Шарль де Голль *(Александр Снегуров)* 607

СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ
«Опиумные» войны *(Вячеслав Кузнецов)* 610
Императрица Цыси (Цы Си) *(Сергей Голубев)* 612
Чан Кайши *(Сергей Голубев)* 615
Мао Цзэдун *(Сергей Голубев)* 617
Ататюрк *(Сергей Голубев)* 623
Тропическая и Южная Африка в XX веке *(Андрей Пегушев)* 626
Махатма (Мохандас Карамчанд) Ганди *(Александр Элиович, Людмила Петрановская)* 632
Гамаль Абдель Насер *(Сергей Голубев)* 641
Мохаммед Реза Пехлеви *(Сергей Голубев)* 645

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В XX ВЕКЕ
Куба: тираны и тираноборцы *(Евгений Ларин)* 649
Че Гевара *(Дмитрий Портнягин)* 654
Сальвадор Альенде *(Николай Муравин)* 658

Указатель имён 662

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ
Т. 1. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
Издание 4-е, исправленное и переработанное

Исполнительная дирекция
М. Аксёнова
М. Кисличенко
И. Кошелев
О. Моисеева
С. Суставова
Г. Храмов
А. Чулков

Главный редактор
М. Аксёнова

Главный художник
Е. Дукельская

Ответственный редактор 4-го издания тома, заместитель главного редактора по общим вопросам
Д. Володихин

Научные редакторы 4-го издания тома
О. Елисеева
В. Прозоров

академик РАЕН
В. Шеремет

Главный редактор 1—3-го изданий тома
С. Исмаилова

Научные редакторы 1—3-го изданий тома
И. Алёшина
А. Майсурян
Т. Сергеева

Научные консультанты
Т. Гвоздева
Г. Елисеев
Л. Зеленина
Н. Рогожин

Редактирование и корректура
С. Суставова — начальник отдела
Ю. Евдокимова — старший редактор
О. Еремеева — старший редактор
Н. Мистрюкова — редактор
В. Радакова — редактор
Е. Чехлова — редактор
Е. Фёдорова — корректор

Подбор иллюстраций

А. Пущина
М. Радина

Изготовление оригинал-макета

С. Тамарин
А. Володарский

Набор и считка

М. Кудрявцева — начальник отдела
Т. Балашова
О. Демидова
Ф. Тахирова
Е. Терёхина
О. Шевченко

Художники

В. Андрианов
А. Афанасьев
Н. Бугославская
М. Брызгалов
М. Горелик
Е. Дукельская
С. Емельяненко
А. Ибрагимов
Т. Карманенко
А. Краснов
А. Крысов
Н. Кузнецов
В. Пигначёв
Е. Плотников
А. Пущина
И. Сакуров
М. Сухоруков
А. Сушкова
А. Юдина

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Нас радует, что в адрес издательского объединения «Аванта+» приходит множество читательских писем. Нам хотелось бы сделать сотрудничество с Вами ещё более плодотворным. Нам важно знать Ваше мнение, поскольку мы создаём эту книгу для Вас. Пожалуйста, пишите нам о том, что Вам понравилось и особенно заинтересовало в статьях, показалось удачным в подходе к изложению материала или в оформлении книги. Мы будем благодарны также за любые критические замечания. Давайте подумаем вместе, как сделать «Энциклопедию для детей» необходимой и любимой книгой в каждом доме.

«Аванта+» осуществляет доставку почтой «Энциклопедии для детей» по России. Мы будем рады оказать Вам услугу, выполнив заказ на приобретение книг. Вы можете заказать все вышедшие в свет тома. Запросы об условиях доставки книг почтой направляйте по адресу: 123022, Москва, а/я 73, «Центр доставки „Аванта+“». Наш неизменный принцип — надёжность и постоянство, и это уже оценили многие читатели.

Фирменные магазины «Аванта+» — это:

— широкий ассортимент обучающей и развивающей литературы;
— розничная продажа «Энциклопедии для детей»;
— подписка на «Энциклопедию для детей» и продажа по абонементам вышедших томов.

Напоминаем, что подписка на многотомную «Энциклопедию для детей» даст Вам возможность получать вновь выходящие и ранее выпущенные тома серии по льготным ценам. Подписка на все тома «Энциклопедии для детей» продолжается. **Адреса магазинов «Аванта+»:**
Москва, ул. 1905 года, д. 8; Ореховый бульвар, д. 15, «Галерея Водолей», 2-й этаж
(ст. м. «Домодедовская»).

Телефоны:
в Москве: (095) 259-2305, 259-5412 (для справок);
(095) 259-7627, 259-6052 (оптовая продажа);

в Санкт-Петербурге: (812) 567-2746, 567-3671 (оптовая продажа, подписной отдел).

В серии «Энциклопедия для детей» вышли в свет тома:
«Всемирная история»,
«Биология», «География», «Геология»,
«История России» (части 1, 2 и 3),
«Религии мира» (части 1 и 2),
«Искусство» (части 1 и 2), «Астрономия»,
«Русская литература» (части 1 и 2),
«Языкознание. Русский язык», «Математика»,
«Россия: физическая и экономическая география».

Планируется выпуск томов:
«Страны. Народы. Цивилизации».
«Техника»,
«Всемирная литература» (части 1 и 2),
«Искусство» (часть 3),
«Физика»,
«Химия»,
«Спорт»,
«Человек»,
«Общество».

«Аванта+» несёт ответственность за научный и художественный уровень томов серии «Энциклопедия для детей». Чтобы отличить «Энциклопедию для детей» издательского объединения «Аванта+» от энциклопедических серий других издательств, обращайте внимание на товарный знак на титульных листах томов:

Энциклопедия для детей. Том 1. Всемирная история.
Книга издаётся в суперобложке.

Изд. лиц. № 066781 от 21.07.99. Подписано в печать 05.09.99. Формат 84×108/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 72,24.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 2698.

ЗАО «Дом Книги „Аванта+“». 109472, Москва, Ташкентская ул., д. 24, корп. 1, стр. 1.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Государственного комитета Российской Федерации по печати. 113054, Москва, Валовая, 28.

Рекомендовано Управлением общего среднего образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации. (Письмо №308/14-10 от 05.03.98.)

Рекомендовано Международным центром обучающих систем (МЦОС) и международной кафедрой-сетью ЮНЕСКО/МЦОС в качестве учебного пособия. (Письмо № 95 от 08.04.99.)

Аванта+

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Аванта+

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Первобытный мир
Древний Восток и античность
Средние века. Новое время

Все тома, вышедшие в серии «Энциклопедия для детей», рекомендованы Управлением общего среднего образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации.

Энциклопедия для детей • Всемирная история

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ЭНЦ